

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО

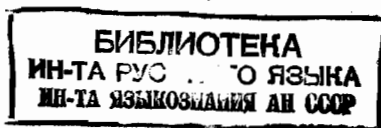
А АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК ЗА 2005 ГОД

Основан в 1957 году
академиком М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

МОСКВА
НАУКА
2007

УДК 930
ББК 63.2
А87

92719

Ответственный редактор

академик Российской академии образования
С.О. ШМИДТ

Редакционная коллегия:

Ю.В. АНДРЮШАЙТИТЕ, Н.А. ДОЛДОБАНОВА (ответственный секретарь),
М.П. ИРОШНИКОВ, С.М. КАШТАНОВ, В.П. КОЗЛОВ,
А.В. МЕЛЬНИКОВ, Р.Г. ПИХОЯ, Н.Н. ПОКРОВСКИЙ, В.А. ЧЕРНЫХ,
С.В. ЧИРКОВ, Е.Н. ШВЕЙКОВСКАЯ

Рецензенты:

доктор исторических наук Т.В. БАТАЕВА,
доктор исторических наук М.А. РОБИНСОН

Археографический ежегодник / [отв. ред. С.О. Шмидт] ; Археогр. комис.
РАН. – М. : Наука, 1957 – .

2005 год. – 2007. – 596 с. – ISBN 978-5-02-035033-5 (в пер.).

Ежегодник содержит статьи, сообщения, документальные публикации по археографии, архивоведению, источниковедению, историографии отечественной истории с XVI–XVII вв. до наших дней. Особое внимание уделено времени Великой Отечественной войны (Тихомировские чтения “К 60-летию Победы”, материалы о жизни и творчестве историков-фронтовиков, о собирании и публикации документов военных лет и др.). Помещены статьи и публикации к 250-летию МГУ, о деятельности Архива РАН и отдела рукописей РНБ, о технотронных архивах, о видных историках XX столетия. К 40-летию со дня кончины М.Н. Тихомирова печатается его неизвестная статья, материалы о жизни и творчестве ученого. Многообразный информационный материал представлен в разделе “Хроника”.

Для научных работников, сотрудников архивов, музеев, библиотек, преподавателей и студентов вузов, краеведов.

Темплан 2006-II-317

ISBN 978-5-02-035033-5

- © Археографическая комиссия РАН, 2007
- © Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Археографический ежегодник” (разработка, оформление), 1957 (год основания), 2007
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2007

I. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ
К 60-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
ТИХОМИРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2005 ГОДА

С.О. Шмидт

**ТЕМЫ “ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ”
И “ИСТОРИКИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ”
НА СТРАНИЦАХ АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ ЕЖЕГОДНИКОВ**

В организуемых Археографической комиссией ежегодных (с 1968 г.) Тихомировских чтений в мае–июне (приуроченных ко времени рождения академика М.Н. Тихомирова) и пленарных заседаниях в декабре с докладами и сообщениями выступают, как правило, не только ее члены и сотрудники. Это научные конференции по актуальным вопросам теории и методики археографии, источниковедения и смежных с ними научных дисциплин, приуроченные к годовщинам памятных исторических событий, видных историков и архивных деятелей. И понятно, что в 2005 г. Тихомировские чтения посвящены 60-летию Победы в Великой Отечественной войне.

“История Великой Отечественной войны” и “Историки в Великой Отечественной войне” – взаимосвязанные темы, такие, которые можно охарактеризовать как сквозные в содержании книг наших ежегодников. Это прослеживается по составленному ответственным секретарем редколлегии АЕ Н.А. Долдобановой “Библиографическому указателю продолжающихся изданий Археографической комиссии РАН и ее отделений” (М., 2000). Такая направленность наметилась еще при жизни М.Н. Тихомирова: в АЕ за 1960 год (М., 1962) напечатали статью доцента МГИАИ Д.М. Эпштейн об археографической деятельности государственных архивов во время войны; в АЕ за 1962 год (М., 1963), посвященном 70-летию М.Н. Тихомирова и подготовленном под редакцией его заместителя по Комиссии В.И. Шункова, опубликован обзор директора Архива Академии наук Б.В. Левшина “Источники по истории Академии наук СССР периода Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)”. С 1970-х годов тематика истории Великой Отечественной войны становится в работе Археографической комиссии и в ее изданиях все более постоянной.

Утверждается и представление о специфике публикуемого в наших изданиях материала, соответственно направленности деятельности Комиссии как научно-проблемного совета Академии наук. Главные темы: выявление, изучение и публикация материалов о военном времени; хранилища (архивы, музеи, библиотеки), научные учреждения, вузы в годы войны; историки в годы войны; об историках-фронтовиках и их архивах.

Именно такой тематики были разнообразные доклады и сообщения на Тихомировских чтениях к 40-летию Победы в 1985 г., открывшихся вступительным словом академика А.М. Самсонова¹, и к 50-летию Победы в 1995 г., где преимущественное внимание уделялось плодотворному опыту работы ученых и общественности Вологодской области по сохранению памяти о героях и жертвах войны². Декабрьское пленарное заседание 2001 г., организованное вместе с Мосгорархивом, было посвящено 60-летию битвы под Москвой³. Материалы его стали основой сборника статей⁴.

Для Археографических ежегодников подготовлены были к печати материалы о деятельности Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР⁵, о собирании документации военных лет Государственным Историческим музеем⁶, Центральным Музеем революции СССР⁷, об архивах в годы войны (Архиве АН СССР⁸, ЦГАОР⁹, Института Маркса-Энгельса-Ленина¹⁰, наркоматов¹¹), о работе по инициативе и под руководством профессора МГИАИ П.П. Смирнова составителей сборника документов по охране памятников¹².

Публиковались по материалам архивов Москвы и других городов директивы о пропагандистской подготовке к войне¹³, документы и обзоры документов военных лет: дневниковые записи¹⁴, об источниках по истории подпо-

¹ АЕ за 1985 год. М., 1986. С. 166–193 (*Самсонов А.М.* Вступительное слово; *Гуркин В.В.* Военные архивы – база для исследований по Великой Отечественной войне; *Архангородская Н.С., Курносов А.А.* “История воинских частей” в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР; *Волкова Н.Б.* Материалы Великой Отечественной войны в фонде К.М. Симонова в ЦГАЛИ СССР; *Морозов Б.Н.* Хроника заседания).

² АЕ за 1995 год. М., 1997. С. 179–190 (*Лохина Т.В.* Хроника заседания; *Судаков В.В.* Историко-ведческие проблемы увековечения памяти защитников Отечества и опыт привлечения к поисковой работе учащихся и педагогов).

³ АЕ за 2001 год. М., 2002. С. 302–316 (*Шмидт С.О.* Вступительное слово; *Киселев А.С., Горинев М.М.* Издания объединения “Мосгорархив” по истории Великой Отечественной войны; *Черных В.А.* Хроника заседания).

⁴ 60 лет Московской битвы: Материалы совместной конференции Археографической комиссии РАН и Главного архивного управления г. Москвы. М., 2003.

⁵ *Курносов А.А.* Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР: (Организация и методика собирания) // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 118–132; *Он же.* Встреча сотрудников Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР (Выступление академика И.И. Минца. Хроника заседания) // АЕ за 1984 год. М., 1986. С. 316–319.

⁶ *Жакс А.Б.* Опыт собирания материалов по истории Великой Отечественной войны Государственным Историческим музеем в 1941–1944 гг. // АЕ за 1975 год. М., 1976. С. 149–162; *Ерохин Б.В.* Архив борт-механика А.Н. Андреева (Из фонда ОПИ ГИМ “Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг.”) // АЕ за 1985 год. С. 274–276.

⁷ *Луцало И.Г.* По следам войны: (Собирание материалов Музеем Революции СССР) // АЕ за 1975 год. С. 159–162.

⁸ *Левшин Б.В.* Деятельность Архива АН СССР в годы Великой Отечественной войны // АЕ за 1975 год. С. 142–148.

⁹ *Зелов Н.С.* ЦГАОР СССР в годы Великой Отечественной войны // АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 213–218.

¹⁰ *Зелов Н.С., Корнеев В.Е.* Уполномоченный ИМЭЛ в Уфе: (Обзор документов о работе А.Ф. Платоновой в годы Великой Отечественной войны) // АЕ за 1985 год. С. 264–267.

¹¹ *Богданова О.Э.* Архивы наркоматов и центральных учреждений в годы Великой Отечественной войны // АЕ за 1982 год. М., 1983. С. 154–163.

¹² *Козлов В.Ф.* Работа П.П. Смирнова в 1942 г. по подготовке сборника документов “Охрана памятников старины и искусства в СССР” // АЕ за 1985 год. С. 257–263.

¹³ Две директивы 1941 г. о пропагандистской подготовке СССР к войне / Подгот. В.А. Небезин // АЕ за 1995 год. С. 191–207.

¹⁴ В первые месяцы Великой Отечественной войны: (Из дневниковых записей генерала армии И.Р. Апанасенко) / Подгот. А.А. Кац // АЕ за 1995 год. С. 208–212; Первая зима блокады: (Дневник ленинградца П.В. Клушанцева) / Подгот. Д.Г. Шеваров // Там же. С. 213–262.

ля на оккупированной территории¹⁵, об уничтожении еврейского населения в Литве в 1941 г.¹⁶, о делопроизводственной документации учреждений¹⁷, о фонодокументах¹⁸, методике выявления и учета документов личного происхождения¹⁹, о личных фондах фронтовиков²⁰, об установлении по останкам имен убитых воинов и методике работы занятых этим поисковых отрядов²¹.

Напечатаны обзоры личных фондов писателей, с именами которых связаны особо памятные впечатления о войне: П.А. Лидова²² – автора очерка “Таня” о Зое Космодемьянской, и столь много сделавшего для восстановления правды о военных подвигах С.С. Смирнова²³. Немалый резонанс имела статья сотрудника Археографической комиссии А.А. Курносова одновременно и итогового, и постановочного характера “Собирание документов личного происхождения участников Великой Отечественной войны: тенденции и проблемы”, открывавшая “Археографический ежегодник за 1990 год”. В АЕ за 2001 год была опубликована и хранящаяся в фонде писателя К.М. Симонова записка А.А. Курносова 1978 г., составленная в связи с инициативой писателя-фронтовика создать особый Архив участников войны²⁴. Статья А.А. Курносова о сборнике мемуаров и документов “Москва военная” (М., 1995) напечатана в АЕ за 1997 год.

А.А. Курносов был авторитетнейшим специалистом по мемуаристике военных лет и о периоде Второй мировой войны; работы такой проблематики опубликованы им в различных изданиях. Три статьи “Развитие мемуарной литературы о Великой Отечественной войне” в 1941–1945 гг., в 1948–1955 гг. и в 1955–1975 гг. (АЕ за 1975, 1978, 1979 гг.) оказались серьезным подспорьем при изучении не только военных мемуаров, но и для совершенствования методики исследования мемуарной литературы в целом как специфического исторического источника, а также текстологии нарративных памятников новейшего времени²⁵.

Археографическая комиссия совместно с редколлегией серии “Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах” организовала научную конференцию для обсуждения книг этой серии. Пространная

¹⁵ Шумейко М.Ф. Источники изучения партийно-патриотического подполья Белоруссии в годы Великой Отечественной войны: (По материалам ПА ИИП ЦК КП Белоруссии) // АЕ за 1984 год. С. 210–219.

¹⁶ Андрушайтите Ю.В. Уникальный сборник документов и материалов о Холокосте в 1941 г. в Литве: [рец. на кн.: “Garažas: Aukos. Budėliai. Stebėtojai” / Sud. S. Vaintraubas. Vilnius, 2002] // АЕ за 2004 год. М., 2005. С. 428–439.

¹⁷ Архипова Т.Г. Документы Управления промысловой кооперации при Совнарком РСФСР в годы Великой Отечественной войны // АЕ за 1985 год. С. 251–257; Томан Б.А. Москва в постановлениях Государственного Комитета Обороны // АЕ за 1997 год. М., 1997. С. 318–325.

¹⁸ Лаурентьев М.Ю., Петров Г.Д. Фонодокументы Центрального Государственного архива звукозаписей СССР о Великой Отечественной войне // АЕ за 1985 год. С. 277–283.

¹⁹ Альтман И.А. О методике выявления и учета документов личного происхождения периода Великой Отечественной войны: (из опыта работы во Владимирской области) // АЕ за 1985 год. С. 143–147.

²⁰ Понсов Ю.А. Обзор личного архива участника Великой Отечественной войны Ю.А. Силенчука // АЕ за 1990 год. М., 1992. С. 245–247. См. также примеч. 6.

²¹ Садовников С.И. К проблеме установления имен и судеб павших защитников Отечества // АЕ за 2000 год. М., 2001. С. 155–162.

²² Зайцев А.Д. Материалы фонда П.А. Лидова в ЦГАЛИ СССР // АЕ за 1985 год. С. 268–273.

²³ Земскова И.Е. Обзор личного фонда писателя С.С. Смирнова в ЦГАЛИ СССР // АЕ за 1987 год. М., 1988. С. 250–259.

²⁴ Записка А.А. Курносова К.М. Симонову об Архиве участников Великой Отечественной войны / Подгот. О.В. Турбина; послесл. С.О. Шмидта // АЕ за 2001 год. С. 445–450.

²⁵ О А.А. Курносове см.: Шмидт С.О. К 70-летию автора Записки // АЕ за 2001 год; Каишанов С.М. Алексей Антонович Курносов (1931–2004) // АЕ за 2004 год. С. 549–551.

информации о вызвавшей интерес и специалистов, и широкой общественности конференции помещена в АЕ за 1975 год²⁶. Опубликованы были и воспоминания историка А.Д. Педосова о выступлении маршала Г.К. Жукова по вопросам освещения истории войны в Академии общественных наук в 1966 г.²⁷

Неизменное внимание уделялось всем аспектам тематики “Историки в годы войны” и “Жизнь и творчество историков-фронтовиков”. Напечатаны статьи о совещании историков в ЦК ВКП(б) в 1944 г.²⁸, о развитии исторического краеведения на Урале в военные годы²⁹, фрагменты из готовившегося к печати сборника “Их призвание – история” (фронтовые письма выпускников истфака МГУ, погибших в Великой Отечественной войне)³⁰, обзор переписки ленинградских историков А.Д. и В.С. Люблинских 1941–1942 гг.³¹, материалы о дневниковых записях военных лет старейших краеведов М.И. Смирнова³² и П.Н. Миллера³³, о дневнике и воспоминаниях о первом годе войны профессора МГИАИ П.П. Смирнова³⁴, о мемуарах сотрудников Института истории СССР³⁵; опубликованы воспоминания выпускника МГИАИ, видного историка-слависта В.А. Дьякова³⁶.

Постоянно публикуются материалы об историках-фронтовиках, о личных фондах их и историков, погибших от бедствий войны. На заседании, посвященном 75-летию со дня рождения скончавшегося в 1967 г. председателя Археографической комиссии члена-корреспондента Академии наук Виктора Ивановича Шункова, было и выступление вдовы ученого Т.М. Шунковой “В.И. Шунков – участник Великой Отечественной войны” (АЕ за 1975 год), а через десять лет, в год 40-летия Победы, так обозначили тему заседания памяти В.И. Шункова: “В.И. Шунков на фронтах Великой Отечественной войны и военно-историческая тематика в его деятельности”. Статьи, написанные на основе выступлений, опубликованы³⁷.

Не раз писали об академике А.М. Самсонове: и как об историке-фронтовике, и особенно как об историке Великой Отечественной войны, много сделав-

²⁶ Андрюшайтите Ю.В., Растопчина Л.Н. Деятельность Археографической комиссии в 1975 г. // АЕ за 1975 год. С. 346–350.

²⁷ Воспоминания А.Д. Педосова о выступлении маршала Г.К. Жукова в Академии общественных наук (1966) / Подгот. И.И. Комарова // АЕ за 1995 год. С. 282–289.

²⁸ Бранденбергер Д.Л., Дубровский А.М. Итоговый документ совещания историков в ЦК ВКП(б) в 1944 г.: (История создания текста) // АЕ за 1998 год. М., 1999. С. 148–163.

²⁹ Филлимонов С.Б. Материалы к истории исторического краеведения на Урале в годы Великой Отечественной войны // АЕ за 1975 год. С. 317–322.

³⁰ Из сборника “Их призвание – история” / Подгот. Е.Ю. Буртина // АЕ за 1991 год. М., 1994. С. 305–318. Сборник вышел под названием “Голоса из мира, которого уже нет” (М., 1995). Переиздан в 2004 г.

³¹ Вольфшун Л.Б. А.Д. Люблинская в Вавилово: (По материалам переписки А.Д. и В.С. Люблинских. 1941–1942) // АЕ за 1999 год. М., 2000. С. 151–159.

³² Смирнов Я.Е. Московский дневник М.И. Смирнова периода Великой Отечественной войны // АЕ за 1997 год. С. 326–334.

³³ Изложение доклада С.А. Уварова о дневнике П.Н. Миллера см.: АЕ за 2000 год. С. 316. Текст доклада напечатан в кн.: 60 лет Московской битве...

³⁴ Козлов В.Ф. Материалы заседания Ученого совета в МГИАИ, посвященного памяти профессора П.П. Смирнова // АЕ за 1980 год. М., 1981. С. 244–247. См. также: АЕ за 2001 год. С. 315–316.

³⁵ Шаццлло К.Ф. О мемуарах сотрудников Института истории СССР АН СССР о Великой Отечественной войне // АЕ за 1985 год. С. 140–142.

³⁶ Мемуары В.А. Дьякова / Подгот. Л.Е. Горизонтов // АЕ за 1995 год. С. 263–281.

³⁷ АЕ за 1985 год. С. 194–208 (Шмидт С.О. Вступительное слово; Журавлев С.В. Материалы ЦАМО о деятельности В.И. Шункова в годы Великой Отечественной войны; Будаев Д.И. В.И. Шунков – лектор на фронте (впечатления слушателя); Ивницкий Н.А., Литвак Б.Г. В.И. Шунков и публикация документов по истории Великой Отечественной войны в журнале “Исторический архив”).

шем для обеспечения источниковой базой изучающих такую проблематику³⁸. В статье памяти Б.А. Томана особое внимание обращено на выявление им источников по истории войны и выработку методики их исследования³⁹. В АЕ за 2002 год выделен раздел “Памяти Бориса Григорьевича Литвака (с. 222–265). В его основе выступления на конференции памяти многолетнего заместителя председателя Археографической комиссии и материалы, поступившие после заседания, в том числе и из Канады, где последние годы он жил. В АЕ за 1991 г., в год 70-летия со дня рождения К.Н. Тарновского напечатаны и статьи об историке-фронтовике (А.А. Курносова, С.О. Шмидта), и информационная статья М.П. Мироненко о выступлениях (П.В. Волобуева, В.В. Шелохаева, В.Н. Шевченко, Г.З. Иоффе, М.С. Симоновой, Б.Г. Литвака, К.Ф. Шацилло, Я.Е. Водарского, Е.Г. Плимака, Д.А. Авдусина, Я.Н. Шапова, В.А. Емеца, А.А. Курносова, Ю.И. Кораблева, С.О. Шмидта) на расширенном заседании Археографической комиссии, посвященном его памяти⁴⁰. В АЕ за 1998 год – составленный А.А. Кацем обзор его личного фонда в Мосгорархиве.

В АЕ за 1973 год помещен подготовленный В.Д. Алпатовой обзор фондов историков, погибших во время Ленинградской блокады, Н.Г. Богдановой, А.И. Васильева, Н.Ф. Лаврова, И.В. Мешалина, П.А. Садикова, М.И. Стеблин-Каменской, Н.С. Чаева, А.П. Чулошникова, Н.Ф. Тимофеева с приложением списков их печатных трудов⁴¹. Напечатаны статья А.И. Агафонова об историке из Ростова-на-Дону “Документы об историке и археологе Герое Советского Союза Г.А. Иноземцеве”⁴², обзор материалов о преподавательской деятельности в МГИАИ потерявшего ногу на войне выпускника истфака МГУ А.Ц. Мерзона⁴³. К 80-летию со дня рождения выдающегося ученого многообразных исследовательских интересов академика И.Д. Ковальченко опубликован обзор его личного архива⁴⁴. О казенном фашистами даровитом выпускнике истфака МГУ, любимом ученике С.В. Бахрушина И.В. Савкове статью в ежегодник, посвященный юбилею Москвы, подготовила его дочь⁴⁵.

В книгах “Археографического ежегодника” помещались перечни печатных трудов историков – участников войны – А.Д. Горского (АЕ за 1991 год), В.В. Дорошенко (Там же), А.И. Копанева (АЕ за 1986 год), Б.Г. Литвака (АЕ за 1989 год), А.М. Разгона (АЕ за 1990 год). Особо отмечались страницы военной биографии в статьях и некрологах, посвященных историкам-фронтовикам В.Н. Автократову, М.Т. Белявскому, Н.Н. Воронину, Ф.С. Горовому, А.Д. Горскому, И.А. Гуржию, Н.Е. Носову, А.А. Преображенскому, А.П. Пронштейну, А.М. Разгону, В.И. Рутенбургу, К.Н. Тарновскому,

³⁸ Курносов А.А. Академик А.М. Самсонов – археограф и источниковед истории Второй мировой войны: (К 75-летию со дня рождения) // АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 189–191; Курносов А.А., Стрижков Ю.К. Пять лет трудов историка: (К 80-летию академика А.М. Самсонова) // АЕ за 1988 год. М., 1989. С. 134–137; Шмидт С.О. Александр Михайлович Самсонов (1908–1992) // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 353–354; Нежевин В.А. О последней книге академика А.М. Самсонова // АЕ за 1995 год. С. 290–294.

³⁹ Томан И.Б. Историк и источники: Памяти Б.А. Томана (1933–2001) // АЕ за 2002 год. М., 2004. С. 193–205.

⁴⁰ АЕ за 1991 год. С. 330–333.

⁴¹ Алпатова В.Д. Обзор фондов ученых-историков, погибших во время блокады Ленинграда: (По материалам Архива ЛОИИ СССР АН СССР) // АЕ за 1973 год. С. 242–254.

⁴² АЕ за 1980 год. М., 1981. С. 256–259.

⁴³ Журавлев С.В. Материалы о преподавании А.Ц. Мерзоном источниковедения отечественной истории в МГИАИ // АЕ за 1982 год. М., 1983. С. 232–240.

⁴⁴ Круглова Т.А. Личный архив академика И.Д. Ковальченко: (К 80-летию со дня рождения ученого) // АЕ за 2003 год. М., 2004. С. 278–294.

⁴⁵ Харьковская (Савкова) Н.И. Его звали Игорь Савков // АЕ за 1997 год. С. 202–214.

Н.В. Устюгову и другим историкам. Само собой разумеется, что о работе в военные годы, о жизни тех лет немало сведений и в статьях о других современниках войны, и в статьях по истории архивов, исследовательских учреждений, вузов, периодических изданий.

В Археографической комиссии всегда придавали большое значение разработке пособий и рекомендаций по выявлению, собиранию, описанию памятников и новейшего времени, сохранению и организации семейного и личного архивов, составлению воспоминаний. Этой тематике были посвящены конференции в Москве и других городах, научные заседания, издания. Такая работа часто была совместной с Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры, с МГИАИ, другими вузами, с центральными и местными архивами, с ЦК ВЛКСМ. Подготовка заседаний и изданий Археографической комиссии, относящихся к истории Великой Отечественной войны, в наибольшей мере связана с деятельностью А.А. Курносова. Обо всем этом, как правило, была информация и на страницах “Археографического ежегодника”, и в широкой прессе. В изданиях Археографической комиссии и ее Отделений старались информировать и о подобной работе на местах.

Таким образом, позволительно полагать, что в книгах “Археографического ежегодника” опубликованы материалы, расширяющие представления об источниковой базе историографии истории Великой Отечественной войны и особенно об истории отечественной исторической науки. Можно думать, что доклады и сообщения на данных Тихомировских чтениях и другие многообразные материалы об изучении истории Великой Отечественной и об историках-участниках войны в ежегоднике за 2005 год еще более обогатят эту источниковую базу. Редколлегия “Археографического ежегодника” намерена и впредь уделять неослабевающее внимание этой особо значимой исторической проблематике.

М.М. Горин

**НОВЫЕ ИЗДАНИЯ
ГЛАВНОГО АРХИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

20 декабря 2001 г. в Главном архивном управлении города Москвы (в то время – Объединение “Мосгорархив”) состоялась конференция, посвященная 60-летию Московской битвы 1941–1942 гг. Она была организована Археографической комиссией РАН и Главархивом Москвы.

В материалах конференции¹ опубликован наш совместный с А.С. Киселевым доклад «Издания объединения “Мосгорархив” по истории Великой Отечественной войны», в котором охарактеризованы книги по истории Великой Отечественной войны, подготовленные Центром научного использования и публикации архивного фонда (ЦНИИПАФ) объединения “Мосгорархив” с 1992 по 2001 г.²

В настоящем выступлении мне хотелось бы напомнить читателю основные принципы, которыми руководствовался и руководствуется Главархив Москвы в своей издательской практике³, дать краткий обзор его новых публикаций по военной тематике.

Итак, первый и основной принцип – принцип целостности (системности). Он включает в себя, во-первых, максимальную широту проблематики. Так, при раскрытии темы “Москва военная” составители стремились показать основные этапы битвы за Москву; эвакуацию гражданского населения и материальных ценностей; работу московской промышленности; создание добровольческих формирований; строительство оборонительных сооружений на подступах к столице; снабжение москвичей продуктами питания и топливом; работу систем образования и здравоохранения; культурную жизнь осажденного города; борьбу с преступностью и др.

Во-вторых, составители придерживались принципа целостности при отборе документов. В издания вошли как ранее “совершенно секретные” документы, так и воспоминания и документы, публикация которых была бы возможна и в советское время. Данный подход объясняется тем, что преимущественная ориентация издателей в 1990-е годы на ранее закрытые документы, существенно расширяя наши представления о Великой Отечественной войне, в то же время создавала искаженную ее картину. Ведь “спецхрановские” материалы содержат преимущественно “негативную” информацию: о просче-

¹ См.: К 60-летию битвы под Москвой: (Совместное заседание Мосгорархива и Археографической комиссии РАН) // АЕ за 2001 год. М., 2002. С. 302–316; 60 лет Московской битве: Материалы совместной конференции Археографической комиссии РАН и Главного архивного управления г. Москвы. М., 2003.

² АЕ за 2001 год. С. 304–311; 60 лет Московской битве. С. 6–13.

³ Прежде всего в его масштабных публикациях: Москва военная. 1941–1945: Мемуары и архивные документы / Сост. К.И. Буков, М.М. Горин, А.Н. Пономарев. М., 1995; Москва послевоенная. 1945–1947: Архивные документы и материалы / Сост. М.М. Горин, А.Н. Пономарев, Е.В. Таранов. М., 2000; Москва прифронтовая. 1941–1942: Архивные документы и материалы / Сост. М.М. Горин, В.Н. Пархачев, А.Н. Пономарев. М., 2001.

тах командования, должностных и уголовных преступлениях, случаях измены Родине и др. Так что в результате знакомства с такого рода публикациями становилось непонятным: почему же победил Советский Союз, а не Германия, если все у нас было так плохо.

В-третьих, следование принципу целостности проявилось в стремлении представить материалы как можно большего числа московских и федеральных архивов; школьных музеев, музеев боевых частей и соединений.

Второй важнейший принцип публикаций Главархива Москвы – принцип научной новизны: до 90% документов и воспоминаний опубликовано впервые.

Третий важнейший принцип – принцип историзма, требующий изучения явлений прошлого во взаимосвязи друг с другом и с окружающей обстановкой, в динамике (выявление генезиса, основных этапов и перспективы). Включая в сборники целые пласты документальных материалов, составители стремились выявить и раскрыть взаимосвязь изменений, происходивших на фронте и в тылу; показать, как постепенно происходил перелом в ходе битвы за Москву: от растерянности, неуверенности, неорганизованности к мужеству, стойкости, сплоченности – от поражений к победе.

Четвертый принцип – это принцип антропоцентризма. То есть в изданиях главные акценты делались на: 1) раскрытии “человеческих” аспектов традиционных тем (истории промышленности, транспорта, эвакуации и др.); 2) освещении городской повседневности, воссоздании реальной картины жизни простых москвичей (особое внимание уделено московским женщинам и детям); 3) воссоздании малоизвестных страниц биографии “знаковых” персонажей (Г.К. Жукова, А.С. Щербакова, В.П. Пронина, Г.М. Попова, З.А. Космодемьянской, В.В. Талалихина и др.).

Пятый важнейший принцип при раскрытии военной темы – стремление придать книгам подлинно научно-популярный характер: сделать их интересными и доступными одновременно исследователям-профессионалам и самому широкому кругу читателей, ветеранам и школьникам. Решению этой задачи способствовало включение в издания обширного иллюстративного материала: фотографий военных лет, изображений плакатов, картин, рисунков фронтовых художников, писем с фронта и на фронт, служебных удостоверений, фотокопий важнейших документов и др.

Теперь кратко о наших новых книгах, посвященных военной Москве.

Целая издательская программа была осуществлена Главархивом Москвы к 60-летию Великой Победы. Это, прежде всего, книга-альбом “Репортаж из блокадного Ленинграда: Фотографии военного корреспондента Сергея Струнникова” (Автор-составитель Л.И. Смирнова)⁴. Ее основу составил альбом фотографий московского фотокорреспондента Сергея Струнникова, снятых в осажденном Ленинграде. Альбом хранится в фондах Центрального архива общественно-политической истории Москвы Главархива Москвы. В издание также вошел интересный текстовый материал (с параллельным переводом на английский язык): биографический очерк о С. Струнникове, выдержки из его дневников. В книге воспроизведен ряд работ фотохудожника, выходящих за рамки темы блокадного Ленинграда: “канонические” снимки, запечатлевшие мученический подвиг Зои Космодемьянской, прифронтовой Москвы, Сталинграда и др.

⁴ Репортаж из блокадного Ленинграда: Фотографии военного корреспондента Сергея Струнникова / Автор-сост. Л.И. Смирнова. Пер. на англ. яз. В.В. Максимовой. М., 2005. Текст издан параллельно на русском и английском языках.

Биографическую серию Главархива Москвы, посвященную выдающимся военачальникам⁵, продолжают книги о московских страницах биографии генерала армии И.В. Тюленева⁶ и маршала Советского Союза Г.К. Жукова⁷.

Сборник документов и материалов о генерале армии И.В. Тюленеве – первая в историографии книга о жизни и боевой деятельности выдающегося полководца, прошедшего через три войны XX в. В каждой из этих войн он был удостоен высших боевых отличий: полный Георгиевский кавалер, кавалер трех орденов Красного Знамени, Герой Советского Союза. Это единственное в своем роде сочетание наград. В годы Великой Отечественной войны, по отзыву Маршала Советского Союза И.Х. Баграмяна, дивизии резервной армии, подготовленные И.В. Тюленевым, “сыграли решающую роль в разгроме фашистских орд на подступах к столице”⁸.

“Как и у большинства выдающихся русских людей, – пишет один из составителей сборника документов и материалов А.В. Тимофеев, – Москва проходит красной нитью в судьбе Ивана Владимировича Тюленева. Почти год перед Великой Отечественной войной он командует Московским военным округом. В столице прошла большая часть его жизни. Похоронен генерал армии на Новодевичьем кладбище. На доме в Большом Ржевском переулке установлена мемориальная доска. В Теплом Стане есть улица его имени. Роднит И.В. Тюленева со столицей и такой исторический знак: и на гербе Москвы, и на крестах героя-драгуна мы видим один образ – святого великомученика Георгия Победоносца, копьем поражающего змия... Книгой в книге стали воспоминания дочери генерала армии Натальи Ивановны Тюленевой, родившейся в Москве. Перед нами предстают страницы московской жизни ушедшего века, семейного быта генералов и маршалов, образы замечательных москвичей, друзей отца – хирурга П.В. Мандрыки, генерала В.Г. Воронкова и других”⁹.

Думается, привлечет внимание читателя сборник исторических очерков, воспоминаний, документов о московских страницах биографии Г.К. Жукова. В книге систематизированы сведения о столичных адресах прославленного полководца; тщательно отобраны архивные документы и исторические очерки о важнейших вехах его жизненного пути, связанных с Москвой; публикуются уникальные фотографии из семейного архива. В издании также приведены оценки уникального полководческого дара, высоких человеческих качеств Г.К. Жукова, данные немецкими, английскими, американскими военачальниками, серьезными зарубежными и российскими исследователями.

Вот, в частности, как отзывается о Г.К. Жукове современный американский писатель и военный историк Альберт Аксель, выпустивший в лондонском издательстве книгу “Маршал Жуков: Человек, который победил Гитлера”¹⁰ (книга вышла также и в США, а недавно – в России¹¹): «Жуков, одержав-

⁵ Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца: Сб. документов и материалов / Сост. Р.В. Кузнецова, А.А. Киличенков, Л.А. Неретина. М., 2000; Главный маршал авиации Голованов: Москва в жизни и судьбе полководца: Сб. документов и материалов / Сост. О.А. Голованова, А.В. Тимофеев. М., 2001.

⁶ Генерал армии Тюленев: Москва в жизни и судьбе полководца: Сборник документов и материалов / Сост. Н.И. Тюленева, В.К. Саблин, А.В. Тимофеев. М., 2005.

⁷ Маршал Жуков: Москва в жизни и судьбе полководца: (исторические очерки, воспоминания, документы) / Сост. М.Г. Жукова, В.И. Звонов, А.Н. Пономарев. М., 2005.

⁸ Генерал армии Тюленев... С. 4.

⁹ Там же. С. 10.

¹⁰ Aksell A. Marshal Zhukov: The man who beat Hitler. L., 2003.

¹¹ Аксель А. Маршал Жуков: Человек, победивший Гитлера / Пер. с англ. Н. Тартаковской. М., 2006.

ший блестящую победу, стал персонифицировать для многих думающих и честных людей на Западе величие своей страны. Не Иосиф Сталин, но Георгий Жуков! И Эйзенхауэр, и Монтгомери, и Алан Брук – все они почитали Жукова за его честность, открытость, интеллигентность, за стержень, который он имел внутри. Они могли часами беседовать с ним. Обсуждали коммунизм, спорили о капитализме, и это были не просто чисто философские беседы, речь шла о том, а как людям живется при той или иной системе, работает она на общее благо или нет. Эйзенхауэр признавался, что в этих идеологических спорах Жуков, случалось, настолько обезоруживал его своими доводами, что он был неспособен что-либо возразить ему. Жуковские “Воспоминания и размышления” оцениваются многими историками как лучшие военные мемуары из всех написанных когда-либо. Жуковым нельзя не восхищаться. Недаром же западные военные историки ставят его в один ряд с Александром Великим и Наполеоном, считая, что Жуков изменил курс истории»¹².

С необычной стороны предстает маршал со страниц воспоминаний его дочери Марии Георгиевны Жуковой “Жизнь наша друг без друга невысказана”¹³. В обыденном восприятии советских людей Г.К. Жуков, как правило, ассоциировался с суровым, волевым, решительным воином; проницательным, обладающим даром стратегического предвидения полководцем. В постсоветский период в “разоблачительных” публикациях эта суровость трансформировалась в жестокость, полководческий дар отрицался, а в личном плане Жукова пытались представить примитивным солдафоном.

О Жукове-военачальнике мы уже сказали. Миф же об интеллектуально-моральной “ущербности” полководца полностью развеивает проникновенный очерк М.Г. Жуковой о по-настоящему большой любви ее отца и матери, Галины Александровны Семеновой. В нем приведены письма этих удивительных людей, которые в буквальном смысле дня не могли прожить друг без друга. Сколько чистоты, нежности, заботы в этой переписке!

Георгий и Галина только вместе могли жить на этой земле. В декабре 1967 г. у Галины Александровны обнаружили неизлечимую болезнь – рак. Прооперировали, дали срок жизни для нее – максимум пять лет. Для Георгия Константиновича это был страшный удар – через 12 дней после ужасного известия он перенес инсульт, за которым последовал паралич¹⁴. В ноябре 1973 г. угадала Галина. Георгий справил сороковины. Вскоре и ему стало совсем плохо: он был отправлен в больницу, из которой уже не вышел до самой смерти – 18 июня 1974 г.¹⁵

В очерке Марии Георгиевны воссоздается сердечная теплая атмосфера этой дружной семьи, дома, который стал своим и для дочерей Георгия Константиновича от первого брака Эллы и Эры; дома, в котором царил культ классической русской литературы и музыки, русской народной песни.

Главархив Москвы намерен и дальше продолжать серию о московских страницах биографии полководцев Великой Отечественной. Планируется подготовка книг о Маршалах Советского Союза К.К. Рокоссовском и А.М. Василевском.

Тема военной Москвы составила существенную часть работ о выдающихся московских руководителях сороковых годов XX в.: монографии А.Н. Поно-

¹² Беседа корреспондента газеты О. Дмитриевой с А. Акселем // Российская газета. 2003. 1 окт.

¹³ Маршал Жуков: Москва в жизни и судьбе полководца. С. 491–515.

¹⁴ Там же. С. 508.

¹⁵ Там же. С. 515–516.

марева об А.С. Щербакове¹⁶ и книги Е.В. Таранова о Г.М. Попове¹⁷; а также документального сборника о жизни выдающегося физика И.В. Курчатова¹⁸.

К 60-летию победы в Великой Отечественной войне Главархивом Москвы совместно с Центральным административным округом Москвы была осуществлена целая программа юбилейных мероприятий. В нее вошли три научно-практические конференции: “Будни военной Москвы”, “Все для фронта, все для победы”, “Подвиг Москвы”, сопровождавшиеся выставками архивных документов и демонстрацией документальных видеороликов¹⁹. В рамках программы при активном участии сотрудников Главархива Москвы известными кинематографистами Татианой Донской и Владимиром Швыряевым был также снят историко-документальный фильм “Станция счастливая”, созданный “на стыке” документального и игрового кино.

Летом 2006 г. увидела свет книга “Разгром немецких войск под Москвой”, подготовленная в 1943 г. группой по изучению боевого опыта Великой Отечественной войны, работавшей в стенах Военной академии Генерального штаба Красной Армии под руководством маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова²⁰. Этот труд представляет собой подробное оперативное исследование Московской битвы с ноября 1941 г. по январь 1942 г., отличающееся глубиной анализа хода боевых действий, богатством фактического материала, большим количеством таблиц и схем. Новое издание этого труда (ранее вышедшее крайне ограниченным тиражом “для служебного пользования”) дополнено очерком “Оборона Тулы”, созданным в процессе подготовки книги в 1943 г. сотрудниками Академии Генерального штаба.

До и в рамках юбилейной программы Главархивом Москвы изданы две работы ветеранов-фронтовиков. Книга полковника в отставке П.М. Дунаева “Звезда и крест комбата”²¹ – о героях Великой Отечественной войны, неизвестных или знаменитых ранее, но полузабытых в наши дни. Судьбы многих героев этой книги драматичны. Реальные события иногда закручены в узел более сложный, чем сюжет романа. Такова, например, судьба комбата Владимира Сапрыкина, которому звание Героя Советского Союза было присвоено посмертно в 1944 г. Но умер герой спустя много лет в канадском городе Торонто. Ряд героев этой книги – участники битвы за Москву. Очерки П.М. Дунаева строго документальны. В основе каждого исследования – многолетний труд в архивах, поездки по нашей стране и за рубежом.

Книга генерал-полковника Б.П. Уткина “Заветы победителей защитникам Отечества” представляет попытку оценки итогов и уроков войны с точки зрения фронтовика²². Автор – уроженец села Петровское Раменского района Московской области, в 1941 г. окончил среднюю школу с золотым аттестатом. Воевал под Москвой, Сталинградом, Курском. Вышел в отставку в 1989 г. Борис Павлович высказывает собственный взгляд на многие дискуссионные проблемы военной истории, излагает оригинальную концепцию “человеческого измерения” Победы. Издание обращено, прежде всего, к молодежи.

¹⁶ Пономарев А.Н. Александр Щербаков: Страницы биографии. М., 2004.

¹⁷ “Партийный губернатор Москвы” Георгий Попов / Автор-сост. Е.В. Таранов. М., 2004.

¹⁸ Курчатова в жизни: письма, документы, воспоминания (из личного архива) / Автор-сост. Р.В. Кузнецова. М., 2002.

¹⁹ Великая Победа Великого Народа: Материалы научно-практической конференции. М., 2005.

²⁰ Разгром немецких войск под Москвой: Московская операция Западного фронта (16 ноября 1941 г. – 31 января 1942 г.) / Под ред. маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова. М., 2006.

²¹ Дунаев П.М. Звезда и крест комбата: Рассказы о неизвестных героях. М., 2003.

²² Уткин Б.П. Заветы победителей защитникам Отечества: историко-публицистические очерки. М., 2005.

На подрастающее поколение рассчитана и книга для школьников “Подвиг Москвы”, написанная М.М. Гориновым на основе фундаментальных документальных публикаций Главархива Москвы²³. В ней освещаются важнейшие стороны жизни Москвы военной.

В настоящее время в Главархиве Москвы идет интенсивная работа над фундаментальной документальной публикацией “Партизаны Подмосковья. 1941–1942”, приуроченной к 65-летию Московской битвы. Книга будет состоять из трех частей: оккупационный режим в Подмосковье, роль Москвы в организации партизанского движения на оккупированной территории Московской области, партизанская борьба в Подмосковье. В приложении планируется дать биографические сведения о героях-партизанах.

Ряд интересных материалов опубликован в 2006 г. в 4-м выпуске “Московского архива”²⁴, а также увидит свет в 2007 г. в учебном пособии по истории Центрального административного округа Москвы.

Следует отметить, что издательская деятельность Главархива Москвы получила новый импульс после письма начальника Главархива Москвы В.А. Манькина мэру Москвы Ю.М. Лужкову от 1 ноября 2004 г. с предложением “активизировать патриотическое, нравственное воспитание молодежи”. В письме намечалась целая программа публикаций, выставок, телепередач, олимпиад, конференций и др., нацеленная на реализацию актуальных воспитательных задач. Предложение было поддержано мэром, первым заместителем мэра Москвы в Правительстве Москвы В.И. Ресиным. Первыми плодами его реализации явились многие из охарактеризованных выше издательско-выставочных проектов.

---

²³ *Горицов М.М.* Подвиг Москвы. 1941–1945. М., 2003.

²⁴ Московский архив: Историко-краеведческий альманах. М., 2006. Вып. 4.

И.В. Поздеева

“...ЗАВЕЩАНО ДРУЗЬЯМ”

(К двадцатилетию выставки “Книга сражается. 1941–1945 гг.”)

Памяти участников и организаторов выставки: Ю.М. Вальтера, А.А. Курносова, В.В. Кускова, М.С. Лесмана, Ю.В. Маретина, Д.И. Ортенберга, А.М. Самсонова и многих других, ушедших от нас за эти долгие 20 лет.

В 1985 г., когда отмечалось 40-летие Победы в Великой Отечественной войне и завершения Второй мировой, война была для советских людей трагическим, великим и еще близким событием XX в. Все общество, организации, каждая семья и каждый человек, пережившие эти суровые годы, стремились внести в празднование юбилея что-то действительно важное, общее и свое личное. Еще были живы сотни тысяч участников великих сражений, еще была жива боль утрат миллионов родных и близких. Для Всесоюзного общества книголюбов (ВОК) совершенно естественным было встретить 40-летие Победы по-своему. Совет по работе с владельцами личных библиотек предложил идею организации выставки книг времени Великой Отечественной войны из собраний книголюбов. У ВОК уже был удачный опыт организации в прекрасном актовом зале старого здания Московского университета выставки 1983 г. “Русская рукописная и старопечатная книга в личных собраниях”¹. Однако, когда в 1984 г. ВОК начинало эту работу, никто из ее организаторов не представлял ни размаха, ни глубины, ни значения издательской деятельности страны в годы войны, ни то, чем была и оставалась для миллионов книга огненных лет. Ведь в 1985 г. “публикации июня 1941 – мая 1945 года – по существу были белым пятном в книговедении...”². Мы начинали буквально с нуля, поскольку не представляли, кто из членов общества книголюбов хранит книги войны, насколько сохранились они в личных библиотеках. Государственные библиотеки никогда не выделяли их как историческую коллекцию и до сих пор не относятся к сохранившимся, порой очень редким экземплярам изданий военного времени как к драгоценным памятникам нашей истории и культуры. Я, к сожалению, знаю всего две-три библиотеки (кроме, конечно, библиотек военных музеев), где издания войны собираются в отделах редких книг или в общих фондах как отдельная коллекция.

Для участников и организаторов экспозиции, для владельцев, представивших в наше распоряжение более 3000 экспонатов, книга войны стала открытием, позволила и нам, детям военных лет, почувствовать и пережить очень

---

¹ Русская рукописная и старопечатная книга в личных собраниях Москвы и Подмосковья: Каталог выставки / Сост. И.В. Поздеева, А.Н. Троицкий. М., 1983.

² Мишина Н.И. Строки наступали // Правда. 1985. 18.03. Цитировано академиком А.М. Самсоновым в его предисловии к Каталогу выставки. См.: Поздеева И.В. Книга сражается: Каталог выставки книг, плакатов, графики времени Великой Отечественной войны из личных собраний коллекционеров Москвы, Подмосковья и Ленинграда. М., 1987. С. 6.

многое, о чем мы даже не подозревали. Для участников Великой войны широко представленная литература тех лет также стала открытием, но главное, как писал в книге отзывов выставки генерал-майор в отставке, главный редактор газеты “Красная звезда” в годы войны Д.И. Ортенберг³, это была “великая память о трудных героических днях”, а сама выставка, по его выражению, “пропахшая пороховым дымом”, волновала сердца всех без исключения участников сражений. Участник войны, заслуженный работник культуры подполковник Шагун (к сожалению, не указавший своего имени в записи) очень точно выразил в книге отзывов то, что стало самым важным для организаторов выставки: “Нельзя, по-видимому, до конца понять, почему мы победили в этой войне, не увидев того, о чем рассказывает эта выставка, не задумавшись над ее экспонатами...”⁴. Четверо хорошо известных литераторов, И.Г. Падерин, М.Л. Матусовский, Е.З. Воробьев и В.Ф. Боков сформулировали в книге отзывов общую оценку значения военной книги и самой выставки для времени середины 80-х годов: “Это неприкосновенный запас душевной силы нашего народа и гордости за его подвиги”⁵.

Все это было понято и осмыслено значительно позже, когда выставка после многих месяцев работы большого коллектива людей была открыта 4 апреля 1985 г. в одном из лучших в Москве залов – зале Дворца культуры московского завода им. Лихачева (ЗИЛ). Но чтобы представить и яркость впечатления от книг Великой Отечественной, характер и особенности экспозиции, сложности, с которыми столкнулись ее создатели, надо вспомнить, что все это происходило в середине 1980-х годов: 10 марта 1985 г. умер К.У. Черненко, и 12-го генеральным секретарем ЦК КПСС был избран М.С. Горбачев. Страна была на пороге новой эпохи, но пока жизнь продолжалась полностью по советским законам. Достаточно просмотреть в Ежегоднике БСЭ статью “Важнейшие события в жизни СССР за 1985 г.”, чтобы увидеть, что почти ежедневно в строй вводились новые энергетические мощности и новые заводы, прежде всего в союзных республиках; страна заботливо отмечала юбилеи культурных событий, готовилась к 40-летию Победы в Великой Отечественной войне. 10 января в эксплуатацию был принят второй блок Южно-Украинской атомной станции, 13 января сдан в эксплуатацию комплекс Туркменского завода азотных удобрений, 1 февраля на рижском заводе начался серийный выпуск дизель-поездов, 22 февраля закончился монтаж газопровода “Уренгой – Центр 2”, 4 марта в Колонном зале состоялся торжественный вечер в честь 150-летия первой публикации “Калевалы”, а 5 февраля – украинский журнал “Висвіт” был награжден орденом Дружбы народов. В январе–марте были приняты решения о дополнительных льготах участникам Отечественной войны, 12 апреля учреждена юбилейная медаль в честь 40-летия Победы; запускались очередные метеорологические и исследовательские спутники, страна постоянно “рапортовала” о новых победах.

Но при этом все, что только возможно, было дефицитом: от колбасы до холодильников, от приличных конфет до телевизоров. 1985-й стал годом новых надежд, почти всеобщей веры, когда десятки миллионов слушали Горбачева; люди специально покупали радиоприемники, чтобы самозабвенно слушать, обсуждать и снова надеяться. 1985 г. – год начала пресловутой борьбы с алкоголизмом, обсуждения новой программы промышленного и социально-

³ Поздеева И.В. Указ. соч. С. 8.

⁴ Там же. С. 9.

⁵ Там же. С. 8.

го развития. Однако даже XXVII съезд КПСС еще был впереди, и морально-политический климат в стране бесконечных запретов, политических процессов, диссидентского движения менялся не сразу, но менялся. Совершенно очевидно, что мартовские события также определили возможность подготовить выставку “Книга сражается” именно такой, какой ее видели организаторы.

Сегодня, даже при самой активной так называемой спонсорской поддержке, создать такую экспозицию было бы просто невозможно, прежде всего потому, что главной причиной ее создания стала бескорыстная активность тех, кто эти книги 40 лет после войны хранил как священную реликвию. Активность искренняя, вытекавшая из желания или, скорее, внутренней необходимости для этих людей показать всем книги, действительно “пропахшие порохом дымом” и хранящие память о четырех “немыслимых” годах великого подвига советских народов. Из 109 участников выставки более половины были теми, кто внес свой личный вклад в дело Победы с оружием в руках. Остальные вынесли неимоверные трудности работы в тылу. Для большинства из них участие в выставке стало той самой “радостью со слезами на глазах”, которая всю жизнь сопровождает воспоминания о войне каждого ее пережившего.

Может быть, самой важной причиной успеха выставки и того, что люди 1980-х смогли увидеть книгу войны в ее подлинном значении и облике, является участие в подготовке экспозиции тех, кто эту книгу создавал: военных журналистов, писателей, художников, издателей. Знакомство с этими людьми стало для организаторов событием, далеко выходящим за рамки собственно подготовки выставки. И все-таки первым, кого я вспоминаю сегодня как духовного отца экспозиции, является уже упомянутый Давид Иосифович Ортенберг, в годы войны – главный редактор “Красной звезды” – центральной военной газеты сражающейся страны. Ортенберг был профессиональным и опытным газетчиком, корреспондентом “Правды” на Украине, редактором армейских газет на Халхин-Голе и в Финляндии. Военная и послевоенная литература многим обязана этому человеку, другу, а то и наставнику самых известных военных писателей и поэтов. Книги К.М. Симонова, А.А. Суркова, В.С. Гроссмана, Е.А. Долматовского, П.А. Павленко, В.П. Ставского с дарственными надписями Давиду Иосифовичу занимали самые почетные места в витринах выставки. В 1985 г. еще не было издано большинство книг Ортенберга, посвященных воспоминаниям о писателях на войне⁶, поэтому громадное значение имели и в 1985 г., и в последующие годы рассказы Давида Иосифовича, позволявшие буквально увидеть тех, кто создавал и в окопах, и в тесных холодных кабинетах редакции “Красной звезды” сражающуюся книгу. Этот невысокий, очень изящный, быстрый человек первоначально казался сдержанным и даже сухим, но несколько лет знакомства и книги Ортенберга, вышедшие в конце 80-х и 90-х годов прошлого века, раскрыли в нем удивительную наблюдательность, строгий логический ум и одновременно эмоциональность (в определенных случаях даже сентиментальность). В своих воспоминаниях о войне и военных писателях, прежде всего корреспондентах “Красной звезды”, которыми были Константин Симонов, Алексей Сурков, Илья Эренбург и многие другие, Ортенбергу удалось своей строгой, внешне почти информационной прозой поразительно точно передать напряжение,

⁶ Ортенберг Д.И. Время не властно: Писатели на фронте. М., 1975; *Он же*. Июнь–декабрь сорок первого: Рассказ-хроника. 2-е изд. М., 1986; *Он же*. Сорок третий: Рассказ-хроника. М., 1991; *Он же*. Фронтные дни и ночи. М., 1997 и др.

самоотдачу, реальные военные подвиги авторов военной литературы. Именно Ортенбергу удалось показать, как и кем создавалась та поистине великая литература, которая была представлена на стендах выставки. И вышеприведенные слова полковника Шагуна, адресованные им экспозиции, несомненно, полностью относятся и к книгам главного редактора “Красной звезды”. Именно глазами Ортенберга удалось увидеть таких писателей и поэтов, как И. Эренбург, А. Сурков, В. Гроссман, А. Бек и К. Симонов, которых ко времени 40-летия Победы уже с нами не было.

Руководителем выставочного комитета по совету председателя Археографической комиссии АН СССР С.О. Шмидта был приглашен академик Александр Михайлович Самсонов, предоставивший в распоряжение комитета более 30 изданий и реликвий военного времени, с которых фактически и началось еще в годы Великой Отечественной войны (столь важное для ее истории!) собирание им документов этой беспримерной эпопеи, а затем – работа, начатая совместно с К.М. Симоновым и продолженная после его смерти, позволившая после войны подготовить и опубликовать десятки фундаментальных трудов и серийное десяти томное издание “Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах” (М.: Наука, 1964–1975)⁷. Этот чрезвычайно занятой и строгий человек всегда находил время помочь организаторам выставки. Главное же в том, что А.М. Самсонов помог решить самый сложный вопрос о принципах построения выставки, т.е. создать план ее экспозиции; Александр Михайлович помог отстоять те витрины, которые не вписывались или прямо противоречили нормированным и усеченным представлениям о войне в 80-е годы прошлого века. Именно историк Самсонов поддержал главную идею, которую пытались провести в экспозиции организаторы; идею, сегодня кажущуюся элементарной, но в ту пору отнюдь такой не бывшую: представление о каждом экспонате выставки не только как об отдельном историческом памятнике, но и важнейшем историческом источнике. Ведь шел только 1985 г., и даже первый закон “Об охране памятников”, включавший в это понятие и книгу, – был еще впереди. Именно эта идея – ключ к построению каталога выставки “Книга сражается”: строго хронологическое размещение всех экспонатов в зависимости от дня подписания их в печать на фоне основных военных событий этих месяцев и даже дней.

Единственным профессиональным специалистом по истории войны в оргкомитете был рекомендованный Археографической комиссией ее сотрудник А.А. Курносов. Его эрудиция, готовность помочь в любом деле, глубокий и активный интерес, коммуникабельность и обаяние сделали Алексея Антоновича незаменимым и в общении с ветеранами, и в решении всех вопросов работы – от создания экспозиционного плана до забивания очередного гвоздя.

Именно А.А. Курносову во многом принадлежит заслуга и в успехе выставки, и в том, что она была открыта в намеченные сроки. Организация сбора книг, подготовка и создание выставки потребовали длительной работы, значительных средств, постоянного внимания. Все это взяло на себя Общество книголюбов, председателем которого и членом оргкомитета был С.Г. Шувалов, во многом и обеспечивший реальные возможности всей широкой выставочной деятельности. Совершенно незаменимым человеком от замысла до завершения выставки была ее директор Н.Н. Алешина (ныне директор мемориального музея-квартиры И.Д. Сытина), спокойно и незаметно решавшая

⁷ См.: *Андрюшайтите Ю.В., Растопчна Л.Н.* Деятельность Археографической комиссии в 1975 г. // АЕ за 1975 год. М., 1976. С. 346–350.

ежеминутно возникавшие проблемы. Все трудоемкие задачи по оформлению зала, охраны экспозиции взял на себя ДК ЗИЛ, от парткома которого выставку курировал А.И. Аркатов. Чтобы попасть в помещение выставки, нужно было пройти почти все здание, и мы видели, какая широкая работа велась здесь начиная с маленьких детей до пожилых пар, собиравшихся на вечерние занятия танцами. Вечерами ДК гудел, и мы, ежевечерне несколько часов работая там, чувствовали себя вполне в своей среде.

В 1985 г. мы уже знали много, но далеко не все о войне, важные книги и тем более документы находились еще в спецхранилищах, которые открыли позже. (Это спасло нашу Всесоюзную выставку 1987 г., посвященную 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. В витринах мы выставили впервые в открытой экспозиции, да и еще в Музее Революции, книги всех так называемых врагов народа – крупных теоретиков и деятелей революции. Их книги “открыли” для общества буквально за несколько дней до выставки.) Но правда о преступлениях режима уже в 1985 г. была широко известна: правда о миллионах ненужных жертв, приказах “взять любой ценой” высоту или населенный пункт “к празднику”, военно-полевых судах, переселении, граничившем с уничтожением целых народов, и многом другом. Мы все разделяли настроения общества, вылившиеся в интеллектуальное и общественное движение 60-х и “диссидентское движение” периода “застоя”, все чувствовали, что неизбежно приближается время перемен. Но в войне победили народы Страны Советов, которые сражались и гибли под лозунгом “За Родину! За Сталина!”. И именно партия большевиков, отдавшая Молоху сталинской стратегии уничтожения и его параноидальной идее об ужесточении классовой борьбы, лучших своих людей, выросла в годы войны за счет миллионов патриотов, взявших на себя трагическую роль организаторов и впереди идущих. Все это и поставило перед нами самый сложный вопрос экспозиции: как показать и насколько показывать социально-политическую, пропагандистскую большевистскую книгу, труды основателей марксизма, В.И. Ленина, самого И.В. Сталина?

Решение было однозначным и, как мы считали тогда, а я считаю и сегодня, единственно правильным. Экспозиция была посвящена книгам Великой Отечественной войны, мы хотели, чтобы люди 1985 г. воочию увидели, почувствовали, поняли или пережили вновь, чувства, мысли, непереносимое горе утрат, отступлений и цену побед. Мы не должны были, да и не могли, что-либо менять и даже комментировать. “С высоты” 80-х годов невозможно было пересмотреть историю, хотя сегодня пересматривается всё, и вместе с неизбежной “грязной водой” событий выплескивают из истории Войны и ее массовый, немислимый героизм народа и на фронте, и в перестройке промышленности, и в любом тылу. И во главе всех этих процессов так или иначе была партия. И то, что именно ее методы привели к гибели тысяч опытных военачальников, а победы достигались ценой миллионов жизней (и сегодня еще не учтенных!), не меняет этих фактов: немислимого героизма народов в условиях неимоверной тяжести обстоятельств. И руководство этими процессами, их использование, направление и ограничение, несомненно, принадлежали ВКП(б). И сам лозунг “Коммунисты – вперед” далеко не всегда был просто лозунгом, но руководством к непосредственному действию. Печать войны не декларативно, а вполне конкретно отображала реальность этих лет, естественно, минимально информируя о поражениях, умалчивая о катастрофических потерях, умело и ярко подчеркивая победы.

Именем Сталина творились и величайшие подвиги войны и величайшие ее преступления. Мы знали судьбы десятков тысяч людей, повторивших судьбу А.И. Солженицына. Но мы знали, что не меньше людей верили в справедливость “отца народов” и писали ему из его, сталинских, лагерей. Для сотен тысяч из них разрешение пойти на фронт и воевать даже в страшных штрафбатах было бы величайшим счастьем. (Я знала это не понаслышке. Мой отец В.Н. Поздеев, сидевший с 1937 г., как и почти все “по разнарядке”, опытный врач, прошедший Гражданскую войну с В.К. Блюхером, четыре раза писал заявления об отправке на фронт, попадал за это в карцер и прекратил бесполезное занятие, только когда его предупредили, что далее стола начальника лагеря его заявления не идут, так как никто не хочет отпускать уже сверхопытного лагерного врача). Мы не спешили обвинять людей 40-х годов в слепоте и политическом невежестве. За те сорок лет, что отделяли экспозицию от времени Великой Отечественной войны, прошла не только жизнь полутора поколений, но и три исторических эпохи, и мы снова стояли на пороге иного времени.

В 1985 г. мы менее всего ассоциировали антифашистские издания времени Отечественной войны с окружающей нас советской современностью. Понимая громадное, а часто и решающее значение книг, разоблачающих истинное лицо фашизма, а значит – раскрывающих общемировые задачи Отечественной войны, мы скорее вспоминали предвоенную пропаганду о классовом единстве рабочих и крестьян разных стран и воспитанную годами веру, что народы не будут сражаться против Страны Советов. Поэтому так важна была “наука ненависти”, поэтому только за шесть первых месяцев войны в разных городах страны было напечатано 179 названий книг (и значительно больше изданий), разоблачающих фашизм.

К сожалению, сегодня тема национал-шовинизма, фашизма, национально-экстремизма снова стала остро актуальна для России и для всего мира. Невольно вспоминается цитата из Эренбурга, звучащая современно и в начале XXI в., открывавшая на выставке подборку военных книг о фашизме как смертельном враге человеческой цивилизации: “Я знаю, как опасен для юных душ трушный яд фашизма. Суеверия распространяются быстрее, нежели познания и легче вырастить гангстера, чем ... благородного человека... Мы должны изобличить все пережитки фашизма... мы не можем допустить, чтобы фашизм остался как яд на дне сердца, – этого не потерпит совесть”⁸. Советская печать в 1941–1942 гг. аккумулировала всю мировую гуманистическую литературу, разоблачавшую фашизм. Очень многие из этих изданий были бы важны и сегодня. Все это и обусловило неизбежное и совершенно правильное даже с точки зрения сегодняшнего дня решение – открывать выставку по праву должны плакаты первых дней войны и книги, отпечатанные в это время, а затем – витрины изданий, важнейших с точки зрения господствующей идеологии, под лозунгом которой страна вела борьбу и одержала победу.

Был еще один вопрос, который особенно нас волновал, причем он определял отношение к содержанию любой из витрин выставки, – это вопрос репрезентативности: можно ли на полутора тысячах изданий достаточно адекватно показать содержание, роль и характер книги 1941–1945 гг.? И сама выставка, и затем ее каталог, и главное, реакция тысяч людей, выставку видевших, доказали, что эта задача экспозицией была решена. Ведь те книги,

⁸ Эренбург И.Г. Очищение. Март 1944 // Эренбург И.Г. Война: (Апрель 1943 – март 1944). М., 1944. С. 19–20.

которые экспонировались, не были взяты из фондов государственных библиотек, получавших все или большинство вышедших в эти годы изданий. Книги, попавшие в витрины выставки “Книга сражается”, действительно вели свою войну, пройдя с их читателями страшные дни отступления и не менее трудные дни побед, их покупали в тылу, отказывая себе в столь необходимом куске хлеба, эти книги прошли двойной отбор временем, так как сорок лет хранились в личных и семейных библиотеках, по крупнице собирались библиофилами, как правило, прошедшими войну и понимавшими редкость и ценность военной книги. Несомненно, если бы мы могли выбирать издания военных лет по Книжным летописям, в витринах выставки появились бы сотни полторы иных изданий, что-то было бы заменено. Но 90% отобранных для экспонирования книг и сегодня, имея мы неограниченные возможности получить то или иное издание, были бы экспонированы снова, ибо отбор, сделанный самой историей, едва ли можно заменить любым другим.

Кроме печати военных лет на выставке были и незабываемые документы, вышедшие непосредственно из огня битвы.

А.М. Самсонов представил на выставку уникальные документы, с которых будущий академик и начал еще в годы войны писать свою летопись военных лет. Эти памятники были совершенно особыми и для всей выставки, чуть ли не половина экспонатов которой были если не уникальными, то редчайшими. Речь идет о боевых бюллетенях части гвардии подполковника Черного 3-го мехкорпуса Сталинградского фронта. Эти стенные газеты были выпущены в самые напряженные дни боев под Сталинградом старшим политруком части А. Балаловым. Бюллетень от 1 декабря 1942 г. посвящен одному из самых важных и актуальных вопросов для танковой части во время напряженнейших боев, – проблеме быстрого ремонта машин, которые даже не отводили для этого из расположения подразделения. 22 декабря датирован бюллетень о боях части в районе хуторов Завивского, Чикова и Водянского и о танкистах, павших в боях на подступах к Сталинграду. Третий бюллетень – новогодняя стенная газета от 1 января 1943 г., подписанная уже гвардии капитаном Балаловым, посвящена итогам боев 1942 г. и предстоящим боевым задачам. В ней приведено новогоднее приветствие подполковника Черного и статья героя Советского Союза гвардии лейтенанта Д. Шолохова. Посетители выставки легко могли представить, с какой жадностью читали эти строки только что вышедшие из боя танкисты, обеспечившие своей стойкостью победу под Сталинградом. Все эти бюллетени – подлинники, тексты их напечатаны на машинке, заголовки статей выполнены цветным карандашом, размеры газет 40/50 × 29/31 см.

В витринах, посвященных битве за Сталинград, благодаря А.М. Самсонову были представлены и листовки, в том числе выпущенные политуправлением фронта в самый разгар боев. Одна из них – двухстраничная листовка, отпечатанная во фронтовой типографии 11 февраля 1943 г., рассказывала о бое при взятии станицы Зимовники, в котором отличились именно механизированные части корпуса. Не менее интересна и показательна небольшая тетрадка, прошедшая с Александром Михайловичем всю войну до Победы. Она озаглавлена “Боевой путь Восьмой гвардейской: первый батальон”. Автор-составитель этого рукописного текста А. Головкин. Судя по предисловию, рукопись составлена из материалов, записанных со слов участников боев за Сталинград, сражавшихся в составе первого батальона восьмой бригады третьего мехкорпуса с 18 ноября 1942 г. до марта 1943 г., когда понесший большие потери батальон был отведен на переформирование. Вторая часть тет-

ради, очевидно подготовленная уже не в боевой обстановке, включает в себя рассказы о бойцах батальона, павших в боях под Сталинградом. Тетрадь любовно оформлена многочисленными рамками и заставками, выполненными цветными карандашами. Этот документальный памятник воочию показывал, насколько была абсолютной вера в Победу и насколько в самых тяжелых боях понималось историческое значение этой Победы, что бойцы находили силы на то, чтобы написать о вкладе своей части в историю войны непосредственно за ее кровавыми событиями.

Однако, кроме хронологического принципа, выставку невозможно было создать без витрин, посвященных темам, важным буквально для каждого дня войны.

У всех нас, непрофессионалов и профессиональных историков, вызывала гордость и удивление тема “Сражается история”. Чтобы раскрыть ее, витрины не хватило – пришлось отдать “истории” две витрины. В первой были книги о великих русских полководцах, библиография книг военно-исторической тематики; во второй – книги военных лет, посвященные событиям русской и мировой истории. Поразительно, насколько была востребована в первые годы войны историко-патриотическая тематика. Книжные летописи позволили приблизительно подсчитать, что до конца 1941 г. – в самые страшные, трагические дни – только о четырех полководцах прошлого, именами которых были названы высшие военные ордена – Александре Невском, Дмитрие Донском, Александре Суворове и Михаиле Кутузове, и о войнах народа под их руководством не менее чем в 22 городах страны от Москвы до Магадана на многих языках вышло около восьми с половиной миллионов экземпляров книг. В эти годы вышли многие сотни фундаментальных научных и популярных книг и брошюр о героическом прошлом народов Советского Союза, освободительных и партизанских войнах мировой истории, авторами которых были известные историки предвоенных лет и десятки их менее известных коллег: С.В. Бахрушин, Б.Д. Греков, Н.С. Державин, С.Я. Лурье, И.И. Минц, А.Н. Молок, М.В. Нечкина, А.М. Панкратова, В.И. Пичета, Е.В. Тарле.

Н.С. Тихонов писал в своей блокадной книге “Ленинградский год: май 1942–1943 гг.”, что в осажденном, насквозь простреливаемом голодном городе-фронте, куда с передовых позиций можно было приехать на трамвае, “в огромном спросе книги, книжные магазины полны покупателей. Все приезжающие с передовых позиций жадно устремляются за книгой. Ищут книги по военной истории и теории, ищут биографии Суворова, Кутузова, Багратиона, спрашивают книги о прошлой войне”⁹. В дни бесконечного отступления, почти полного отсутствия самолетов и танков только литература о прошлых победоносных войнах и могла вселять надежду.

Самыми читаемыми книгами войны, судя по воспоминаниям участников выставки, были книги академика Е.В. Тарле: “Наполеон” (2-е изд., ноябрь 1942 г.), “Отечественная война 1812 и разгром империи Наполеона” (М., 1941, август), “Две отечественные войны” (4.VII.1942), “Нахимов” (11.VIII.1942). На выставке были представлены 10 книг (!) Тарле, изданных в годы войны. К своему стыду, только готовя выставку, я узнала, что именно в 1944 г. Московский университет издал не устаревшую и через 60 лет монографию моего учителя А.В. Арциховского “Древнерусские миниатюры, как исторический источник”, а книгу Н.Н. Воронина “Памятники Владимиро-Суздальского зодчества XI–XIII вв.”, выпущенную в январе 1945 г. издательством АН СССР,

⁹ Тихонов Н.С. Ленинградский год: Май 1942–1943. Л., 1943. С. 22. См.: Поздеева И.В. Книга сражается... № 650.

редактировал другой мой учитель, Б.А. Рыбаков. Насколько была востребована книга по истории, показывает тот факт, что в 1943 г. Всесоюзная книжная палата выпустила специальный указатель художественно-исторической литературы, к которому я время от времени обращаюсь и сегодня. В этой книжечке названы романы, повести, драматические произведения почти тысячи авторов начала XIX в. – 1942 г. о войнах с IV в. до 1920 г., а также издания воспоминаний, военных песен, фольклора. В указатель вошли и многие издания, прочно в СССР забытые, например книги графа Е.А. Салиса или князя А.А. Шаховского.

Книги по истории действительно сражались. Уже в первые месяцы войны вышли: книжка Л. Бычкова “Партизанское движение в Отечественной войне 1812 г.”, “Дневник партизанских действий 1812 г.” Дениса Давыдова, две книги о Брусиловском прорыве (Ю. Вебера и Ш. Левина), “Взятие Берлина русскими войсками в 1760 г.” (И. Слизкова), “Боевые традиции парижских рабочих” А.Н. Молока и многие другие. Для меня, не просто историка, а археографа и историка книги, это было замечательным открытием, во-первых, потому, что столь важной и нужной оказалась русская история – от похода князя Игоря, воспетого в “Слове о полку Игореве”, также вышедшем в годы войны; во-вторых, для меня, историка Древнего мира и Средневековой Руси, которой и в 1950-х и в 1960-х годах с государственной трибуны внушали, что история имеет актуальность только начиная с восстания декабристов, на всю жизнь стало непререкаемым правилом, что нет и не может быть истории не актуальной. Может быть только неумелое или формальное раскрытие, “безжизненное” изложение живой истории. И если в самые тяжелые, “немыслимые” дни надежду и силу выстоять давала сама тысячелетняя русская история, гуманистическая история мировой цивилизации; то и в любое время история – это замечательный опыт поисков и находок, опыт жизни и борьбы поколений, лишь бы эта история имела не только государственное, но и “человеческое” лицо. Мы много говорили, готовя выставку, о долге истории и историка, об очень далеких от военных событий XX в. темах, которыми большинство из нас занимались, но которые, несомненно, сливались в одну нераздельную великую историю человеческой цивилизации, если смотреть на нее глазами людей времени Второй мировой войны, когда речь шла о спасении самой этой цивилизации. (Созвучна этим проблемам оказалась позднее, в 1988 г. вышедшая книга А.М. Самсонова “Знать и помнить: Диалог историка с читателем”.)

В тяжелейшем 1942 г., судя по Ежегоднику книги, было издано более 120 книг о дореволюционной истории России, около 40 – об истории после революции, около 50 изданий были посвящены истории союзных республик и около 20 – истории зарубежных стран.

Выставка показала нам, историкам, и реальное отношение к истории власти. Когда в 1943 г. произошел радикальный поворот в ходе войны и победа стала, пусть еще далекой, реальностью, тема истории перестала интересовать фактически все издательство. Складывалось впечатление, что история стала просто “опасной”, так как мысли общества легко переходили от истории побед прошлого к сегодняшней жизни народа.

Естественно, большинство из нас, организаторов выставки, смогли понять роль книги в Великой Отечественной войне только через саму книгу, которая вернула нам и незабываемые образы воевавшего русского солдата, и яркие представления о многих авторах книг военных лет. Вклад ряда публицистов, прозаиков и поэтов в военную литературу был столь велик, что тема

тико-хронологическое построение выставки несколько раз разрывалось персональными витринами, посвященными творчеству И.Г. Эренбурга, А.Н. Толстого, К.М. Симонова, А.Т. Твардовского.

Было бы трудно отрицать, что самым популярным публицистом Великой Отечественной войны был Илья Григорьевич Эренбург. Его статьи и очерки, собранные в трех книгах с кратким названием “Война”, потрясают читателя даже сегодня. Самую краткую историю войны можно было бы передать заглавиями основных газетных публикаций Эренбурга. Ему же принадлежат и самые краткие формулировки характера великих целей освободительной войны, которые становились и оставались ее главными лозунгами. Ему принадлежат одни из самых точных определений фашизма, именно он знакомил миллионы советских людей с положением в оккупированных странах Европы. Но важнейшим и для успеха выставки, и для понимания роли книги и вообще литературы в годы войны послужили очерки Эренбурга “Долг искусства” и “Роль писателя”, опубликованные в газетах в июле 1943 г., а затем вошедшие в книгу “Война”¹⁰. Краткие и точные формулировки Эренбурга о роли писателя в годы Великой Отечественной войны могли бы стать эпиграфом ко всем витринам, посвященным сражающейся литературе. “Писатели твердо завоевали право говорить с народом. Теперь трудно себе представить центральную или армейскую печать без писателей... Это значит, что писатель может сказать то, что не могут сказать другие. Это значит, что писатель умеет говорить так, как не умеют говорить другие... За два года народ безмерно вырос. Мысли и чувства созрели, углубились. Строже, целомудреннее должен отнестись к своей работе писатель. Читатель теперь знает, как выглядит война, он хочет знать, как выглядит душа человека. Описания подвигов или злодеяний не удовлетворяют читателя, он ищет того, что скрыто за делами, — ключа к познанию своей эпохи”. Очевидно, что без понимания этого невозможно понять ни громадную роль поэта и писателя на войне, ни то, почему во время войны была создана великая литература, которая жива и сегодня.

Знакомство с литературой военных лет, особенно поэзией, заставило сделать совершенно неожиданный для 1980-х годов вывод или, скорее, сделать определенные наблюдения “для размышления”. Все опять началось со статьи Эренбурга, сумевшего и посмеявшегося показать, насколько была принижена роль писателя в довоенное время, когда ему вменялась роль “регистратора” или “комментатора” событий, когда считалось, что “писатель может писать всегда и про все” и должен опасаться громких слов: “призвание, вдохновение, творчество”, вне которых “немыслимо понятие литературы”¹¹.

Как это, на первый взгляд, ни парадоксально, но именно военное время дало возможность советским литераторам ощутить ту свободу и ту востребованность, которые диктовала нависшая над страной и каждым человеком смертельная опасность. Люди были уверены, что право умереть за свободу дает и право быть свободными:

В нас есть суровая свобода...
Бессмертье своего народа
Своею смертью покупать –

писал военный поэт.

¹⁰ Эренбург И.Г. Война: (Апрель 1943 – март 1944 г.). С. 245–267.

¹¹ Эренбург И.Г. Роль писателя // Эренбург И.Г. Война: (Апрель 1943 – март 1944 г.). С. 256.

С тех далеких дней меня поражают и волнуют стихи Ольги Берггольц, передающие невероятную и в довоенные дни, и в послевоенные годы внутреннюю свободу писателя и гражданина в сражающемся блокадном Ленинграде:

В грязи, во мраке, в голоде, в печали,
Где смерть, как тень, тащилась по пятам,
Таковыми мы счастливыми бывали,
Такой свободой бурною дышали,
Что внуки позавидовали б нам.

(Февральский дневник. 1942 г.)

Участник выставки, прошедший всю войну, профессор МГУ, известный специалист в области древнерусской литературы, В.В. Кусков рассказал, как он и его товарищи мечтали на фронте о прекрасной жизни после войны, как верили в завоеванную свободу: свободу от подозрений, от реального опасения доноса, гибельности не только неосторожного слова, но и крамольной мысли.

Но я клянусь – мы никогда
Правдивей и теплее встречи
Не знали в прошлые года –

писала Ольга Федоровна Берггольц (“Новогодний тост” 31 декабря 1941 г.). Именно в этом и прежде всего в этом чувстве завоеванной в смертельной борьбе свободы, а не только в знакомстве с Европой и европейской жизнью – истоки духовной истории послевоенного времени и причины максимального уничтожения любого “инакомыслия” со стороны власти.

Витрина, посвященная Илье Григорьевичу Эренбургу, называлась так же, как и один из самых его известных очерков, написанных в дни обороны Москвы: “Есть такое слово – выстоять”. Всего на выставке было представлено более 20 книг Эренбурга или книг, в числе авторов которых он был. Любая витрина в той или иной форме содержала или могла содержать материалы, опубликованные Эренбургом в дни войны. Несомненно, самое большое значение имела его газетная публицистика. Сам Эренбург писал: “В мирное время газета – осведомитель. В дни войны – воздух. Люди раскрывают газету, прежде чем раскрыть письмо от близкого друга. Газеты теперь – письмо, адресованное лично тебе. От того, что стоит в газете, зависит и твоя судьба”¹². Именно такими письмами к каждому гражданину сражающейся страны были газетные публикации И. Эренбурга. Говорят, что в партизанских отрядах, где самым большим дефицитом были патроны и бумага для самокруток, скуривали абсолютно все газеты, которые изредка доставляли с “большой земли”. Все, кроме статей Эренбурга! Ни одному автору этих лет не приходило столько писем со всех фронтов войны. Д. Ортенберг писал, что ежедневно в крошечную комнатку, откуда постоянно раздавался треск знаменитой пишущей машинки Эренбурга, приносили большой мешок писем, на которые адресат так или иначе старался отвечать и прежде всего отвечать своими очерками. Послевоенная судьба И.Г. Эренбурга была чрезвычайно сложной. Много лет его старались не замечать, не печатали, резко критиковали. Когда в первых числах апреля 1985 г. руководство Всесоюзного общества книголюбов и автозавода им. И.А. Лихачева принимало выставку “Книга сражается”, именно витрина, посвященная Илье Григорьевичу, вызвала опасения и даже возмущение. Мне было предложено снять эти кни-

¹² Эренбург И.Г. Роль писателя // Эренбург И.Г. Война. (Апрель 1943 – март 1944 г.). С. 259.

ги из экспозиции, а в самом крайнем случае рассредоточить некоторые из них по разным витринам. Я предложила членам комиссии другую альтернативу: или витрина остается в таком виде, как она была подготовлена, или я полностью отказываюсь от дальнейшего участия в работе выставки. Благодаря тому что со мной согласился руководитель центрального правления ВОК С.Г. Шувалов, а также поддержал акад. А.М. Самсонов, витрина была сохранена. Мы смогли также показать подлинные публикации Ильи Эренбурга начала 1942 г. в полной подшивке “Красной звезды”, которую сохранил и представил на выставку Д.И. Ортенберг. Даже только по их названиям можно четко вспомнить военную историю этих дней: “Весна в январе”, “Великая битва”, “Весеннее равноденствие”.

Персональная витрина была посвящена и творчеству А.Н. Толстого. На выставке было представлено 18 книг и сборников, автором которых был этот уже знаменитый к началу войны советский писатель. Его очерк “Что мы защищаем” был отпечатан Госполитиздатом самостоятельной книжечкой 28 июня 1941 г. 30 июля 1941 г. в газете “Правда” опубликован очерк Толстого “Почему Гитлер должен потерпеть поражение”, и Госполитиздат также перепечатал его отдельной книжечкой 8 августа. В Казани в последний день 1941 г. был подписан в печать сборник статей Толстого, опубликованных им в военной печати, причем последняя публикация относилась к 19 декабря! Большой сборник писателя под общим названием “Что мы защищаем” был издан в Ташкенте 8 апреля 1942 г. Осенью 1942 г. “Советский писатель” издал отдельной книжечкой знаменитые очерки Толстого “Рассказы Ивана Сударева”, которые первоначально были опубликованы во многих газетах фронта и тыла. Судя по ежегодникам книги военных лет, произведения А.Н. Толстого во время войны печатались много чаще, чем другая литературная проза. Витрину Толстого открывало первое издание книги “Хмурое утро”: рукопись была закончена автором в день начала войны – 22 июня 1941 г., набрана и сматрицирована в Москве. В Ленинград матрицы издания доставили всего за несколько дней до того, как полностью замкнулось кольцо блокады. Именно здесь под непрерывным обстрелом была издана эта знаменитая книга.

Как правило, все посетители выставки надолго задерживались у витрины “Ради жизни на земле”, посвященной творчеству А.Т. Твардовского. Однако стихи Твардовского, опубликованные в сотнях тыловых и армейских газет, многочисленных сборниках и военных сериях, сопровождали, по крайней мере, половину всех витрин выставки. В персональной же витрине поэта были представлены все издания, отражающие создание поэтической, суровой и мудрой “книги про бойца”, которая имела в дни войны невероятный, ни с чем не сравнимый успех. На выставку издания А.Т. Твардовского представили жена поэта и его дочери, которым все организаторы выставки были глубоко признательны. В том числе семья Александра Трифоновича передала нам книги с дарственными надписями Твардовскому батальонного комиссара Лихтермана от 14 апреля 1942 г., Андрея Малышко и С.Я. Маршака.

Совершенно очевидно, что отдельная витрина должна была быть посвящена автору самого знаменитого стихотворения Великой Отечественной войны “Жди меня” К.М. Симонову, с именем которого на выставке были связаны 32 экспоната. Большинство переживших войну людей знали его пронзительные стихи, иные знали наизусть. Симонов, казалось, был всегда: в детстве мы читали “Сын артиллериста”, в юности увлекались его любовной лирикой, глотали его романы, знали о его широкой общественной деятельности,

авторитете. К сожалению, из подлинников военного времени, связанных лично с Симоновым, на выставке были только его автографы на книгах да несколько известных фотографий. За другими “открытиями”, да и под властью стереотипов времени, мы не сумели заново открыть и для себя, и для других этого удивительного поэта и гражданина.

Стереотипное для этого времени отталкивание от всего официального и тем более официозного не позволило увидеть еще одного большого и истинного поэта Великой Отечественной войны – Алексея Суркова, который сам сказал в послевоенные годы, что “убил в себе поэта, став чиновником”. Это открытие пришло позже, вместе с потрясением от блокадных стихов Ольги Берггольц. И если уж говорить о личных открытиях, то одним из важнейших стало непреходящее увлечение военной поэзией и убеждение, что именно она может открыть каждому новому поколению истину о неизмеримом горе, непередаваемых ужасах войны, героизме, мужестве, самопожертвовании и военной дружбе.

Среди самых ярких авторов военного времени оказался и еще один замечательный советский писатель – Василий Семенович Гроссман. Д.И. Ортенберг, добившийся, чтобы Гроссман стал корреспондентом “Красной звезды”, писал о военных произведениях писателя, что «с наибольшей силой его талант проявился в военные годы. Очерки и повести писателя в “Красной звезде” были своего рода сенсацией и нередко перепечатывались другими... газетами»¹³. Восемь военных книг и очерков Гроссмана были представлены в витринах, посвященных основным сражениям Великой Отечественной войны. Может быть, самый яркий материал о Великой битве на Волге принадлежал именно этому совсем не военному автору, которого не хотели зачислять в штат “Красной звезды” как не знающего армию, на что Ортенберг ответил, что Гроссман зато знает человеческую душу. Очерк писателя “Направление главного удара” был опубликован в “Красной звезде” и немедленно отдельными книжечками напечатан в блокадном Ленинграде (09.12.1942 г.), Куйбышеве (ныне – Самара) (10.12.1942 г.) и многих других городах.

Так вышло, что именно выставка “Книга сражается” знаменовала “возвращение” писателя. Дело в том, что журнал ЦК КПСС “Коммунист” в 1985 г. в разделе “Критика и библиография” напечатал сообщение о выставке “Книга сражается”¹⁴. Когда я пришла читать верстку, руководитель отдела, в те поры им был Ю.Н. Афанасьев, отвечая на мой немой вопрос, сказал, что он снял “лишние” упоминания Эренбурга, зато оставил имя Гроссмана! И действительно, книга “Народ бессмертен” была названа в “Коммунисте” в начале статьи среди самых выдающихся произведений военного времени. Это сразу же заметила радиостанция “Свобода”, которая, даже не упомянув саму выставку, сообщила, что в партийной печати СССР впервые за многие годы названо в положительном контексте имя Василия Гроссмана.

На видном месте в перегруженной материалом витрине, посвященной великой битве на Волге, лежала и книга Гроссмана “Сталинград: сентябрь 1942 – январь 1943” (подписана в печать 15.V.1943 г.) и в качестве эпиграфа к витрине был представлен небольшой фрагмент из первого очерка книги: “Невиданный по ожесточенности бой длился, не переставая, несколько суток. Он шел уже не за отдельные дома и цеха, он шел за каждую отдельную ступеньку лестницы, за угол в тесном коридоре, за отдельный станок... Ни один

¹³ Ортенберг Д.И. Фронтовые дни... С. 28.

¹⁴ Поздеева И.В., Самсонов А.М. Книга грозных лет // Коммунист. 1985. № 17. С. 122–126.

человек не отступал в этом бою. И если немцы занимали какое-либо пространство, то это значило, что там уже не было живых”. В рецензии на книгу 1943 г. говорилось, что Гроссман писал свои очерки о Сталинграде “в огне и грохоте боя” и что они создавались человеком, который сам был участником исторических событий. В другой части выставки, в витрине, посвященной самым знаменитым книгам войны и о войне, экспонировались два издания книги В. Гроссмана “Народ бессмертен” (М., 16.12.1942 г.) и издание “Правды” в серии “Из фронтовой жизни” (18.IV.1945 г., 200 тыс. экз.). Значение этого “кровью сердца” написанного произведения невозможно переоценить. В той же витрине лежал и номер журнала “Знамя” за 1944 г., открытый на информации об антифашистском конгрессе американских писателей в Голливуде, в котором была и оценка творчества В. Гроссмана: «В сегодняшней России литература – это война. Воля к борьбе, способность тела и души к сопротивлению, уверенность в победе, вот что составляет содержание романа Гроссмана. “Народ бессмертен” позволяет понять движущие силы русского патриотизма. С большой непосредственностью говорит автор о нежном, почти лирическом чувстве любви к Родине у советских людей»¹⁵. И этот писатель после войны оказался в запрещенных. Его новые романы не печатались, старые заслуги постарались забыть, хотя послевоенная проза писателя была не менее точной, прямой и блистательной.

На всех этапах подготовки и проведения выставки для нас постоянно существовала еще одна проблема: мы верили, что экспозиция адекватно отражает книгу войны, но насколько военная книга отражает саму войну? В 1985 г. мы много знали о событиях войны, о которых молчала, да и не могла говорить печать тех лет. Общество и история уже видели войну значительно полнее и беспощаднее. Естественно, ни в периодических изданиях, ни в книгах военных лет ничего не говорилось о тех миллионах людей, которые оказались в так называемых “котлах”, тех, кто шел против бронированного чудовища немецкой армии с винтовками Первой мировой войны, к которым к тому же не было патронов. Однако задача выставки была дать не исторический комментарий к событиям, и тем более не подлинную историю войны (которой, очевидно, нет и сегодня), а показать подлинную печать этих лет.

Многие вопросы, которые не нашли отражения в военной книге, больно задевали нас, эту выставку готовивших. Одним из таких вопросов был вопрос о сотнях тысяч, даже миллионах пленных солдат Красной армии, которых, согласно приказу Сталина, как бы и не было. Для меня к тому же этот вопрос был еще и личным. В 1941 г. ребенком, оказавшись в Иосифо-Волоцком монастыре, я видела на другой стороне озера, на фоне нетронутого белого снега Волоколамское шоссе, по которому много часов подряд катилась от Москвы бесконечная серая лента наших пленных. В летнем обмундировании, раненые, изможденные и голодные, они тащились, занимая всю ширину шоссе, по обочинам которого шагали немцы с автоматами. Женщины из ближайших деревень с ужасом смотрели на эти бесконечные ряды “своих”, выискивая и не находя знакомые лица. Мы, дети, не понимая, что происходит, подбегали почти к самому шоссе. Изредка в колонну бросали хлеб или маленькие узелки с едой. Тогда раздавались выстрелы в воздух. Но вот хлеб упал в двух шагах от колонны на обочину; кто-то сделал два шага к нему и уже наклонился, когда раздалась очередь из автомата, и человек упал, закрыв собой вождельный кусок. К погибшему бросилась какая-то женщина, переверну-

¹⁵ *Аплетин М.* Конгресс писателей в Голливуде // *Знамя.* 1944. № 3. С. 172.

ла тело лицом к себе... Я не забуду этого выражения: сначала ужаса, а потом облегчения, и снова ужаса – очевидно, ей показалось, что убили кого-то из ее близких, а потом она поняла: убит другой человек.

Детское сознание тогда только запечатлело эти и сотни иных картин войны, затем в течение почти всей жизни они возвращались ко мне и осмысливались по-новому. Поэтому с таким упорством я искала в книгах 41-го и 42-го годов сведений о тех миллионах людей, которые прошли, может быть, самую страшную дорогу – дорогу фашистского плена, и погибли тоже, может быть, самой страшной смертью – смертью безвестности и забвения. А те, кто выжили, по большей части оказались после войны в иных, уже советских сталинских лагерях. Так или иначе, но ни об этом, ни о многих поражениях и трагедиях военного времени в тех изданиях, которыми были заполнены наши витрины не говорилось. Поэтому на выставке особенно дорогой для меня стала поэма Е.А. Долматовского “Пропал без вести”, которая рассказывает об этом скорбном пути, ничего не упрощая:

...Я полз, окровавленный, вшивый, в нарывах,
Как хлебом питаюсь лишь злобой к врагу...

Сорок лет, которые прошли со времени Победы, несомненно, изменили отношение и общества, и каждого из нас к происходившему в 1941–1945 гг. Но в 1985 г. еще никто не отрицал величайшего героизма и на фронте, и в тылу. Никто не отрицал, что беспомощность командования в первые месяцы сменилась несомненным преимуществом нашей стратегии и тактики. Главное, чему научила нас книга, – это то, что победа была достигнута только всеобщим, невероятным, немислимым усилием, тем героизмом всех и каждого, который, как это ни парадоксально, стал явлением обычным, ежедневным, ежеминутным. Может быть, лучше всего об этом написал Василий Гроссман – человек, который никогда не фальшивил, ни в своих военных, ни в своих мирных произведениях: “Героизм стал бытом, героизм стал стилем, героизм сделался будничной каждодневной привычкой, героизм всюду и во всем...”. Только в 1985 г. я соотнесла эти слова с фактом своего детства, когда в конце 1941 г. к моей матери – детскому врачу М.М. Смородинцевой старая женщина привела “больного сына”. Нам с братом велели выйти на улицу, а мать в комнате, куда нас пятерых выселили немцы, заняв остальной дом, вынимала пулю из загноившейся раны, имея только скальпели и йод да полотно, засунутое в рот молоденького бойца, бежавшего из плена и так исхудавшего, что казавшегося мальчишкой. Мне в те детские годы (когда после освобождения я о нем узнала) поступок матери казался естественным, ведь она давала Клятву Гиппократу. А то, что на карту были поставлены жизни всех нас, что отец уже пять лет сидел в лагерях, а арестованный дед так и сгинул после ареста в 1937 г. – в данный момент не имело значения.

Показывая на специальном стенде и документальные, и художественные материалы о Зое Космодемьянской (в том числе и фотографии казни, найденные в сумке убитого офицера), мы не могли добавить материал о предателе, выдавшем Зою, ибо этот факт был обнародован много позже окончания войны. Но разве от этого подвиг Зои Космодемьянской стал меньше? В материалах военных лет, естественно, не сообщалось о фактах возмущения советских крестьян, которые поняли, что одной из задач партизан-комсомольцев было сжигать их собственные дома в жесточайшие холода первой военной зимы, но и это решение командования едва ли изменяет наше отношение к подвигу Зои и тех, кто принял смерть, выполняя приказ. В связи с 60-лети-

ем Победы пресса постоянно сообщала новые факты о бессмысленных жертвах, преступлениях военных трибуналов и многом другом, что, с точки зрения авторов, должно было заставить пересмотреть отношение к Великой Отечественной войне. Да, все это было. И тем не менее гораздо больше было другого и приведшего к победе советских народов. Выставка помогла нам видеть истинный смысл, причины Победы, открывавшиеся в каждой книге, в каждой публикации и в каждой витрине. И сегодня эти издания остаются бессмертными, так же как в нашей памяти должны оставаться бессмертными жертвы, которые привели к победе и спасению мировой цивилизации. Каждый, кто прикоснется сегодня к духовному богатству военной литературы, кто объективно, непредвзято прочитает Эренбурга и Гроссмана, Симонова и Суркова, Шолохова и Бека, Василевскую и Берггольц, не сможет думать и писать иначе. Поразительно точно сказал Алексей Сурков о том, что вложил каждый советский человек в дело победы: “Это самое наше сердце, самая наша душа. Лучше и чище этого не будет”. (Дарственная надпись А. Суркова на его книге “Декабрь под Москвой”, адресованная О.Г. Верейскому.)

Было несколько тем, важность которых мы понимали, но в 1985 г. представить не могли. И прежде всего речь идет о печати Германии и на оккупированных ею территориях. В 1985 г. мы уже знали, что события на захваченных немцами территориях совсем не были простыми и однозначными, были десятки тысяч людей, перешедших по тем или иным причинам на сторону оккупантов, ушедших с ними при отступлении. Позднее, в 1989 г., познакомившись со многими из них в США, я поняла, насколько сложными были социальные процессы особенно в республиках, перед самой войной вошедших в состав Союза. Из частных коллекций в 1985 г. на выставку почти не было предложено изданий “с той стороны”, кроме газет и плакатов 1941–1942 гг. из прибалтийских республик. Они глубоко потрясли нас, несмотря на всю нашу историческую подготовку, знание сталинских репрессий 1940–1941 гг. в этих местах, откровенностью фашистского движения и фашистских настроений, в них выраженных. Мы понимали, что многое определялось местом и временем изданий, но тогда так и не смогли поверить в реальность этого. К сожалению, полностью поверить в реальность и силу фашизма в этом регионе пришлось только в последние годы.

С особенной любовью мы готовили витрину, посвященную детским изданиям времени Великой Отечественной войны. Для большинства из нас, устроителей, книги этого периода были не только ярким воспоминанием детства, – они были нашими воспитателями и спутниками в первые послевоенные годы, драгоценные хотя бы потому, что их всегда не хватало, и потому, что потом они сопровождали нас фактически всю жизнь. Для тех, кто родился в послевоенные годы, эта витрина была удивительным открытием, так как показывала, как в самые тяжелые годы, когда не хватало бумаги, чтобы напечатать приказы в действующей армии, и А.Н. Толстой просил в московской типографии бракованные обрезки для одного из штабов¹⁶, страна ни на минуту не забывала о том, что будущее после Победы будет принадлежать детям.

Эта витрина открывалась шестым изданием букваря А.В. Янковской, напечатанным Учпедгизом в марте 1942 г., когда повсеместно шли тяжелейшие бои. Поражает и полуторамиллионный тираж букваря, в военное время соот-

¹⁶ На выставке экспонировалось письмо А.Н. Толстого главному редактору издательства “Советский писатель” П.И. Чагину, в котором Толстой как депутат Верховного Совета СССР просит продать для одного из штабов сражающейся армии 25–30 кг бумаги “срыва”. См.: Каталог. № 556.

ветствовавший тиражу самых многотиражных и актуальных военных публикаций. Поразительна и судьба этой небольшой книжечки. Ее представил А.П. Трифонов, которому и была посвящена надпись его отца П.П. Трифонова на букваре, сделанная на переднем крае 26 января 1943 г. Каким образом эта книга попала к бойцу, сказать уже невозможно, так как в апреле того же года П.П. Трифонов погиб на фронте. А. Трифонову в это время было всего три года. Я приведу здесь запись на букваре полностью, поскольку она передает всю глубочайшую нежность и заботу о детях, ради которых сражались и погибали миллионы советских людей: “Любимому сыночку от папочки! Милый сыночек, посылаю тебе книжечку-букварь. В ней много картиночек, рассматривай картиночки – запоминай и буквы; запомнишь буквы – научишься читать книги. Книжки расскажут тебе много-много интересных сказок, стихов и песенок. Любящий тебя папочка”. Совершенно очевидно, что такой поразительный экспонат выставки мог сказать о целях войны и причинах нашей победы очень много и уму, и сердцу людей, чьи отцы и деды разделили и путь, и судьбу П. Трифонова. Аналогична судьба и маленькой книжечки “Басен” И.А. Крылова, второе издание которой вышло в 1941 г. Уходя на фронт, А.М. Бурак написал на этой книжечке своей маленькой дочери: “Доченька, учись пока по книгам и слушай маму и бабушку. 4.XII.1941 г. Папа”. Алексей Бурак также не вернулся с фронта.

В этой витрине были собраны детские книги буквально всех типов и жанров: русская и западноевропейская детская классика, произведения о Великой Отечественной войне, рассказы о героях, многочисленные сказки и даже фантастика. На многих из этих книг были дарственные надписи военного времени, которые снова и снова напоминали, что именно судьба детей мира решалась в этой войне. Особенно запомнился сборник русских народных сказок, песен, загадок и скороговорок, достаточно большого объема (216 с.), который был прекрасно иллюстрирован Ю. Васнецовым и К. Кузнецовым. Третье издание этой книги (в серии “Библиотека детского сада”, тираж 50 тыс. экз.) было подписано к печати в те же самые тяжелейшие дни, 1 марта 1942 г. Экспонированный экземпляр издания был подарен в январе 1943 г. ученым-исследователем В.Е. Глушневым его сыну, будущему активному участнику выставки, С.В. Глушневу, с наказом любить книгу.

Особенно потрясали в витрине детской литературы издания блокадного Ленинграда, на защиту которого наравне со взрослыми встали дети. С этой же витриной были неразрывно связаны два поразительных экспоната, до слез трогавших людей середины 1980-х годов. Это грамота за номером 187 “За самоотверженную работу по подготовке жилых домов города-фронта к зиме”, выданная райсоветом Фрунзенского района Ленинграда “тов. Юре Маретину”. Грамота датирована 16 октября 1942 г. и к ней приложена вырезка из ленинградской газеты “Смена” с фотографией Юры Маретина, которому в это время было 11 лет, и рассказом о его участии в восстановлении разрушенных домов. Юра – один из активных членов “плотничной бригады”, которая ремонтировала дома после первой блокадной зимы, был награжден медалью “За оборону Ленинграда”. Судьба Ю.В. Маретина отличалась от той, которую описал Ю. Воронов:

Нам в 43-м выдали медали
И только в 45-м – паспорта,

лишь тем, что паспорт Маретин получил в 1947 г.

Мы все были благодарны выставке еще и за то, что она свела нас с Юрием Васильевичем Маретиным, одним из самых активных членов оргкомитета. Кроме того, что на его плечи почти полностью легла организация сбора книг в Ленинграде, он предоставил на выставку самое большое количество изданий Великой Отечественной войны. Из его двадцатитысячной библиотеки, в которой, по его подсчетам, было около тысячи изданий 1941–1945 гг., в витринах выставки было представлено 112 книг, газет и журналов. Ю.В. Маретин подкупал и очаровывал своей интеллигентностью, скромностью и колоссальной эрудицией. С 70-х годов XX в. он вел широкую общественную деятельность, был одним из самых активных и уважаемых членов ленинградских секций библиофильских и других книжных общественных организаций города. Маретин закончил восточный факультет Ленинградского университета по кафедре истории Китая, защитил кандидатскую диссертацию по этнографии Индонезии. В 1980 г. он перешел из Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР в Государственную публичную библиотеку, где до конца жизни возглавлял отдел стран Азии и Африки. Им опубликовано свыше 150 научных работ, многие из которых переведены за рубежом России. Голодное блокадное детство привело к тому, что уже в старших классах школы у Маретина открылось тяжелое сердечное заболевание, от которого Юрий Васильевич и скончался 4 августа 1990 г., не дожив чуть более полугода до своего шестидесятилетия.

Один из самых трагичных документов витрины “Дети войны” был выполнен еще одним блокадником – В.В. Инчиком, судьба которого похожа на судьбу Маретина. Речь идет о рукописной книжечке, которая представляет собой копию рисунка Н. Радлова “История одной операции” (из журнала “Крокодил”, 1942 г. № 19). В это время В. Инчику, потерявшему в блокадные годы отца и бабушку, было всего 13 лет. Вышеприведенные стихи Воронова полностью ему соответствуют: в 45-м ему действительно выдали паспорт, а в 1943 – медаль. Книжечка, выполненная цветными карандашами, размером 14 × 12 см, состоит из семи листов, пять из которых – рисунки. На “титальном листе” надпись: “Копировал В. Инчик, Ленинград, 1942 г.”. Книжечка нарисована Инчиком, когда с тяжелой дистрофией его положили в госпиталь, что и спасло мальчика от смерти. Поэтому так потрясает короткая запись на книжечке: “Работа сделана 28 августа 1942 г. Цена 300 г хлеба за 1 экземпляр”.

В большой библиотеке кандидата технических наук, педагога, писателя, драматурга В.В. Инчика к 1985 г. было собрано около 800 книг и 200 плакатов 1941–1945 гг. На выставку он представил почти сто экспонатов. Именно благодаря его собранию на выставке были показаны десятки и самых знаменитых, и малоизвестных плакатов Великой Отечественной войны, что многократно увеличило эмоциональное воздействие экспозиции.

К тому же поколению людей, которые в детстве вынесли тяготы войны, принадлежали и другие члены оргкомитета, и участники выставки. Уже упомянутый С.В. Глушнев представил более 60 изданий, посвященных в основном научным исследованиям, из библиотеки своего отца – ученого и страстного библиофила В.Е. Глушнева. Скрупулезный исследователь, В. Глушнев всегда отмечал на своих книгах место и время их приобретения, что позволило сопоставить эти данные со временем подписания в печать и показать, как быстро военная даже научная книга расходилась по стране. К тому же поколению относились и члены оргкомитета: А.А. Курносов, автор этих строк, а также страстный библиофил В.Г. Кисунько; чуть старше был ныне один из самых известных исследователей книги Е.Л. Немировский, моложе – С.В. Во-

ронкова, представившая книги из библиотеки своего отца В.В. Васильева и других участников Великой Отечественной войны.

Кстати, одной из самых дорогих для меня книг, экспонированных в витрине “Детская книга Великой Отечественной войны”, был представленный на выставку из библиотеки безвременно ушедшей из жизни Д.И. Тверской роман В.А. Каверина “Два капитана”. Первую часть этой книги я прочитала перед самой войной, и какой же радостью было получить полное издание летом 1945 г.! Роман в двух частях был издан Детгизом перед самой Победой в апреле 1945 г. На второй сторонке обложки экспонируемого экземпляра была наклейка, в которой говорилось, что книга представляет собой первую премию в конкурсе по изучению Москвы, которую получила московская школьница Левова (?!). Замечательно, что подписан этот документ был председателем Центрального штаба похода по изучению Москвы А.А. Игнатьевым, знаменитая книга которого “50 лет в строю” (кн. 3) была опубликована Гослитиздатом 26 июня 1942 г. и также была представлена на выставке в витрине “Сражается история”. (Сегодня было бы интересно напомнить, что детские походы по изучению Москвы систематически даже в военные годы проводил исторический кабинет московского Дома пионеров.) Роман Каверина для всех нас – представителей поколения детей войны – с этих пор стал одной из любимейших книг советской литературы.

Большинство из нас выставка крепко сдружила, став делом настолько же общественным, насколько и личным. Особенно дороги для меня были возникшие в 1984–1985 гг. дружеские отношения с ленинградцами, которые поддерживались до смерти Ю.В. Маретина и стали одной из причин успехов и второй выставки военной книги 1990 г., подготовленной с участием многих из тех людей, кто начинал эту работу в 1985 г. В том числе с незабвенным, мягким, отзывчивым и поразительно обязательным В.Я. Бялым, владельцем редчайших военных изданий Л.М. Соскиным, В.А. Петрицким – не только библиофилом, знатком книги, но и руководителем библиофилов в ленинградском Доме ученых.

Невозможно, рассказывая о выставке “Книга сражается”, не вспомнить еще двух ленинградцев, очень разных, внесших в нашу работу принципиально важный вклад: доктора исторических наук, военного журналиста С.С. Хесина, не только участника выставки, но автора и редактора представленных им книг, в том числе одной из первых книг о партизанской войне и первой – о партизанах Ленинградской области. 5 августа 1941 г. С.С. Хесин получил материалы и приказ в три дня познакомиться с людьми и написать о действиях партизан под Ленинградом, а 19 августа 24-страничная книжечка вышла в свет, – всего через 11 дней после издания первого литературного произведения о партизанах и вообще одного из первых о Великой Отечественной войне – книги И.Ф. Кратта “Партизаны”¹⁷. Когда я рассказывала в 2005 г. об этой непостижимой актуальности, а значит, и об оперативности военной книги, слышалось ироническое замечание коллеги: “Ну, он делал это по приказу!” Сегодня стереотип отталкивания от всего официального, серьезно помешавший нам в 1985 г., стал чуть ли не признаком времени, “хорошего тона” и совершенно бездумно применяется даже к военному прошлому.

С.С. Хесин представил на выставку также комплекты красноармейской газеты “Балтиец” (1942 и 1943 гг.) и Бюллетень пресс-бюро Политуправления ВМФ, публиковавший материалы для газет всех подразделений сражающихся флотов и военно-морских училищ. Бюллетень содержал материалы, рекомен-

¹⁷ Кратт И.Ф. Партизаны. М., 1941. 112 с. Подписана к печати 8 августа 1941 г.

думые Главным политуправлением для периодической печати, а значит, самые актуальные, с точки зрения политуправления, для войны и победы. Это был единственный экспонат такого характера, и работа с ним дала очень много для понимания сущности и задач военной книги. В разгар тяжелейшей войны Бюллетень ставил своей задачей давать максимально широкий еженедельный обзор не только военной и политической, но и культурной жизни страны. Среди его постоянных рубрик были обязательные и подробные обзоры новостей кино, литературы, изобразительного искусства, шахмат. Наиболее подробными и многочисленными являются обзоры и рецензии на большинство вновь выходящих книг Эренбурга, Гроссмана, Бека и десятков других авторов. Большинство из них в 1942–1943 гг. написаны точным и острым пером С. Семенова. Самое серьезное внимание уделял Бюллетень вопросам отечественной истории и истории культуры. На выставке был экспонирован бюллетень № 399 за 1944 г. со статьей на замечательную тему “Пропаганда книги – важнейшая задача комсомола”. Совершенно очевидно, что руководители и Бюллетеня (редакторы Д. Жук, В. Коршунов и С. Хесин), и Политуправление ВМФ понимали, что чем шире в военных газетах будет информация о насыщенной и разнообразной культурной жизни страны, тем прочнее будет уверенность в неизбежной победе. К сожалению, С.С. Хесин умер, не дожив даже до выхода каталога выставки, который, как он знал, сделан во многом под влиянием его пресс-бюллетеня.

Еще одна потеря, которую пережили организаторы выставки, – уход из жизни известного ленинградского коллекционера, библиофила, собирателя в самом широком смысле этого слова, пианиста М.С. Лесмана. Именно выставке я обязана счастливой возможностью познакомиться с книжными коллекциями Лесмана, оценить по достоинству их ценность и общее значение, выбрать для выставки несколько совершенно уникальных экспонатов. Невозможно рассказать о каждой из 21 представленной в витринах книге М.С. Лесмана. Рассказа о них хватило бы на целую книгу – поразительную историю книги на войне. На книгах из собрания Лесмана, изданных в годы войны, автографы Б. Пастернака, С. Маршака, О. Берггольц, М. Лозинского. Два уникальных исторических документа – памятники войны из этого собрания, которые и через 40, и через 60 лет после победы воспринимаешь как чудо, но чудо обыкновенное. Прежде всего это пять номеров рукописного журнала “Пламя”, который в апреле–августе 1942 г. выпускали бойцы шестого отделения комсомольского противопожарного взвода, охранявшего Смольный. 175 страниц журнала – это самые разнообразные материалы, перекликающиеся с широкой тематикой вышеназванного бюллетеня, которые доказывают, что интеллектуальная и культурная жизнь ленинградской молодежи в дни блокады была истинной и насыщенной, а не декларативной. В журнале мы видим постоянные рубрики о городе-фронте и всей воюющей стране, о самом противопожарном взводе и его бойцах, литературную критику, прозу, поэзию и даже фантастику! Журнал оформлен вполне профессионально и фантастически талантливо – многочисленными акварельными рисунками, карикатурами, фотографиями, заставками и концовками. На титуле указаны политический и художественный редакторы журнала, художники-оформители. Тексты журнала вполне соответствуют его стихотворному кредо:

...Друзья, давайте вместе с нами
В костер подбросим больше дров;
И пусть пылает наше “Пламя”
Огнем горячих, ярких слов...

(А. Куришинский)

И это в Ленинграде, в тяжелейшее время первой половины 1942 г.! Как мне хотелось тогда и хочется теперь узнать судьбы этих молодых людей! Но та громадная работа, которая была проделана оргкомитетом, чтобы обеспечить успех выставки, была работой общественной, сверх наших профессиональных обязанностей, что почти всегда обеспечивало глубокую увлеченность, но, как правило, не предоставляло возможности профессионального ее продолжения, хотя я жалею об этом все прошедшие 20 лет.

Второй поразительный документ из библиотеки Лесмана возник благодаря главному редактору Гослитиздата П.И. Чагину, блестящему знатоку литературы, собирателю-библиофилу, которому посвящены 25 автографов крупнейшей советских поэтов на книге Гослитиздата “Русская советская поэзия: Антология (1917–1942 гг.)”. Книга была составлена В. Казиным и В. Перцовым и подписана в печать 18 января 1943 г. Среди автографов записи П. Антокольского, А. Ахматовой, А. Барто, О. Берггольц, В. Инбер, С. Маршака, Н. Тихонова, С. Щипачева и других. С. Маршак написал 7 апреля 1943 г.: “Приехав с фронта и зайдя в Гослитиздат, я Чагину Петру оставить подпись рад”, а Б. Пастернак написал в августе того же года: “Дорогому соседу по лямке в бурлацкое наше время”.

В квартире Лесмана были собраны поразительные книжные памятники – целые коллекции начиная с рукописных и старопечатных кириллических книг XVII в. Было совершенно очевидно, что необходимо подготовить и издать каталог этого собрания. Оказалось, что коллекционер этот вопрос поднимал, но каждый раз его хлопоты и даже решения ВОК ни к чему не приводили. Чтобы добиться решения о финансировании издания книги, мне от лица Совета по работе с владельцами личных библиотек пришлось подготовить заявку, план книги и написать в адрес Центрального правления пять (!) заявлений, прежде чем последнее – шестое стало основанием для положительного решения ВОК. В Ленинграде по просьбе и с согласия М.С. Лесмана удалось договориться с ведущими специалистами, которые выполнили работу по описанию различных коллекций этого ценнейшего книжного собрания. К глубокому сожалению, книга вышла уже после смерти замечательного человека, показавшего, что действительно может сделать истинная любовь к книге¹⁸.

В Москве участником выставки стал известнейший коллекционер и знаток книги Ю.М. Вальтер, с первых дней знакомства до последних дней жизни бывший для нас с мужем добрым и близким человеком. Среди представленных Юрием Михайловичем экспонатов редчайшие театральные программы военного времени, в том числе программа симфонического концерта в Колонном зале Дома Союзов 30 марта 1942 г., когда впервые в Москве была исполнена Седьмая симфония Д. Шостаковича. В программе было опубликовано знаменитое Предисловие к симфонии ее автора, написавшего, что “когда грохочут наши пушки, поднимают свой могучий голос наши музы”. Ю.М. Вальтер позволил показать на выставке и экземпляр томика “Избранных стихов” А. Ахматовой, изданных в апреле 1942 г. в Ташкенте. 26 сентября того же года Ахматова сделала на нем надпись: “Дорогому Василию Ивановичу Качалову в знак глубокого уважения и искреннего восхищения”. Сегодня многое, что еще 20 лет назад считалось естественным для истории Отечественной войны, кажется совершенно нереальным применительно к настоящему страны и армии. Например, в июле 1941 г. политотделом 114 стрелко-

¹⁸ Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана / Сост. М.С. Лесман. М., 1989. 426 с., ил. Издатель – ВОК.

вой дивизии Северного фронта к столетию со дня гибели М.Ю. Лермонтова были выпущены в технике трафарета и раздавались в частях портреты великого русского поэта с актуальнейшими в это время его словами: “Москва, Москва, люблю тебя как сын...”. Почти год до своего краткого приезда в Москву с фронта Вальтер носил с собой этот плакатик, намотав его на палочку.

В условиях нехватки всех необходимых материалов, голода, отсутствия не только продовольствия, но и бумаги, ухода на фронт опытных сотрудников издательств и типографий, в условиях срочной, сиюминутной необходимости большинства изданий, тем не менее мы можем говорить о замечательном оформлении военных книг. Достаточно напомнить блокадные издания Ленинграда, например, книгу “Герои воздушных боев” (художник А. Яр-Кравченко), изданную в тяжелейшие дни 1942 г. и запечатлевшую подвиги летчиков Ленинградского фронта. Блестяще оформлена и книга “Великая Отечественная война”, изданная Гослитиздатом в Москве и подписанная в печать 21.05.1942 г. Она была подготовлена Главным политуправлением Красной армии как итог литературно-художественного творчества первых месяцев войны. Эта книга замечательно иллюстрирована, но, к сожалению, художник издания не назван. В оформлении военной книги принимали участие многие крупные художники довоенного времени, например, Н. Кузьмин, Л. Бруни, Н. Радлов, О. Верейский, Кукрыниксы, П. Григорьянц, Д. Шмаринов и др.

Однако художник на войне далеко не всегда был только художником газеты или книги. Благодаря С.А. Пророковой посетители выставки смогли проследить с первых дней войны до взятия Берлина путь военного художника, затем народного художника СССР, лауреата Ленинской премии Б.И. Пророкова (1911–1972). Особенно признательна семье Бориса Ивановича я, так как мне было разрешено просмотреть весь архив Бориса Пророкова и выбрать все, что только можно было показать в условиях очень большой, но все-таки ограниченной выставки. Через месяц после начала войны Б.И. Пророков участвовал в героической обороне советской морской базы на полуострове Ханко (Гангут). Под непрерывным обстрелом и бомбежкой, работая в подвалах базы, Пророков вместе с поэтом М.А. Дудиным выпускал ежедневную газету базы “Боевая вахта” (затем “Красный Гангут”). На выставке был представлен уникальный и, очевидно, единственный полный комплект этой газеты, в которой ежедневно до последнего номера от 1 декабря 1941 г. публиковались рисунки, портреты героев и карикатуры Пророкова, тексты к которым писал Михаил Дудин. При трагической эвакуации базы в декабре 1941-го Пророков с риском для жизни спас комплект газеты и несколько книжечек, подготовленных и напечатанных в те же месяцы. На стенде выставки, посвященном художнику, была представлена листовка, текст которой написали Пророков и Дудин, а художником был Пророков. Она была отпечатана и разбросана с самолета на территории Финляндии как ответ гарнизона Ханко на предложение командующего финскими войсками барона Маннергейма о “почетной” капитуляции защитников базы. Листовка была напечатана 10 октября в виде довольно большого листа (23 × 39 см) и повторяла композицию знаменитой картины “Ответ запорожских казаков султану”.

Кроме того, были представлены также подготовленные Дудиным и Пророковым книжечки: “Герой Ханко” (октябрь 1941 г.), “Поэты Ханко” (25 ноября 1941 г.), “Храни традиции Гангута” и “Гангутцы” (ноябрь 1941 г.). Самой тяжелой для Ленинграда зимой 1942 г. Пророков был в Ленинграде, где им созданы широко известные автолитографии. Эскизы к ним и блокадные за-

рисовки Пророкова едва ли можно забыть. В экспозиции были представлены эскизы “За водой”, “Блокада”, “У солдатской могилы” и др. В 1942–1943 гг. художник участвовал в боях за Кавказ, карандашные наброски Пророкова, рисунки тушью и гуашью, плакаты этого времени также были на стендах выставки. Глазами Пророкова мы увидели сражения 1944 г. эстонского корпуса: особенно интересны рисунки из серии “Десант на озере Эзей” и “Взятие Выборга” (20–22.06.1944). Знамениты и широко известны были рисунки Пророкова, выполненные в мае 1945 г. в Берлине, Праге и Дрездене. Среди самых потрясающих экспонатов выставки подлинник карикатуры на Гитлера, выполненный художником, когда он одним из первых оказался в помещении рейхсканцелярии. Карикатура нарисована на личном бланке Гитлера (бумага с вытесненным изображением имперского орла и такой же филигранью) за его столом. Внизу рукой Пророкова сделана надпись: “Май 1945, Берлин, имперская канцелярия”.

Особенностью выставки “Книга сражается”, а возможно, и залогом ее успеха было общее стремление оргкомитета увидеть за каждой книгой ее автора и читателя. Сквозной идеей выставки поэтому была тема “Человек и книга”, как и была названа следующая выставка 1990 г., повествующая об изданиях Второй мировой войны.

В состав экспозиции 1985 г. вошли витрины, рассказывающие о военных судьбах книг и их владельцев в военные годы. Едва ли можно ошибиться, утверждая, что каждой второй книгой, прошедшей с солдатами дорогами войны, неизменно были книги А.С. Пушкина. Поэтому тему книжных судеб открывал том чрезвычайно популярного перед войной однотомного издания сочинений Пушкина (5-е изд. 1933 г.). Эту книгу подарили будущему художнику-графику, ученому и писателю В.В. Лазурскому, когда в 1933 г. он после службы в армии возвращался с Дальнего Востока. Этот солидный однотомник прошел с командиром взвода Лазурским начиная с боев у деревни Перхушково под Москвой до города Белый. Была она с командиром взвода и в селе Ярополец под Волоколамском, где в доме родителей Наталии Гончаровой бывал А.С. Пушкин. Здесь у сожженного и взорванного здания и довелось Лазурскому читать солдатам по этой книге стихи Пушкина. В 1944 г., когда наши армии неудержимо двигались вперед и Лазурскому пришлось догонять Вторую гвардейскую, том Пушкина от него “отстал”. Узнав об этой тяжелой для Лазурского утрате, соседка его семьи по коммунальной квартире в Москве подарила ему точно такой же том, и уже этот экземпляр издания участвовал с Лазурским в битвах за Кёнигсберг и Преславль. Именно эта книга, бесконечно любимая и хранимая, зачитанная и затертая, открывала тему выставки, рассказывающую о военных судьбах довоенной книги.

Для очень многих из моего поколения и для всех членов оргкомитета особенно близка была еще одна книжечка, представленная в этой витрине. Она вышла перед самой войной в мае 1941 г. и многих из нас сопровождает всю жизнь. Речь идет о знаменитых английских балладах и песнях в переводе С.Я. Маршака, редактором которых был А. Твардовский. На книге автограф Маршака, датированный 18 сентября 1941 г. В нем говорится: “Дорогому Александру Твардовскому, поэту, воину и редактору этой книги – с дружеским приветом”. Твардовский, который, как уже отмечалось, с первых и до последних дней войны был военным корреспондентом, очень любил эти стихи и повсюду возил их с собой. (Книга была предоставлена на выставку М.И. Твардовской.)

Невозможно не рассказать еще о двух изданиях невероятной военной судьбы. Одно из них – это русские пословицы, собранные Ипполитом Богдановичем и изданные в Петербурге в 1785 г. Императорской Академией наук. Книгу нашел среди развалин Кёнигсберга в потухшем костре мусора участник Великой Отечественной войны и активнейший участник выставки А.Ф. Чистяков. До конца войны томик вместе с шестьюдесятью изданиями Великой Отечественной войны путешествовал в заплочном мешке Чистякова, который был библиотекарем своего подразделения.

Благодаря тому же М.С. Лесману на выставке можно было видеть еще одну поистине священную реликвию. Она аналогична по своей судьбе всемирно известному дневнику Тани Савичевой. Это первая часть Пролога, изданная в Санкт-Петербурге в 1895 г. Книга принадлежала крупнейшему физиологу, академику А.А. Ухтомскому, который умер от голода в блокадном Ленинграде зимой 1942/43 г. На полях этой книги, построенной по календарному принципу, Ухтомский записывал даты смерти своих близких. В последней записи под 21 декабря 1942 г. он написал о кончине Марии Николаевны Мякутиной и Татьяны Шванвич. Очевидно, что эти записи ученый делал не для себя, он не мог не понимать, что умирает. Они делались для нас, для тех, кто будет жить после войны, поэтому люди надолго задерживались у витрины, пытаясь представить жизнь и смерть, обыденность и мужество, навсегда запечатленные в книге, увидеть своими глазами страшную зиму блокадного города.

За два месяца до времени, когда были сделаны эти записи, 2 октября 1942 г. в блокадном Ленинграде вышла книга Д.С. Лихачева и М.А. Тихановой “Оборона древнерусских городов”. На выставке были представлены два экземпляра этой книги, оба с автографами Дмитрия Сергеевича: “Писал голодный, холодный, теряя родных и друзей” и “Книга эта написана в феврале–марте 1942 г., но работа над ней помогла мне сохраниться”.

Очень важной и удачной особенностью выставки было художественное решение и оформление всех с нею связанных материалов – билетов на открытие, посещение, сопровождавших экспозицию обсуждений и вечеров. Всем запомнились приглашения, оформленные как солдатские письма треугольные конвертики с текстами знаменитых военных песен и стихов, выполненные художником В.Н. Сухомлиновым. Им же были разработаны, а ВОКом выполнены специальные значки, которые получили все участники и организаторы экспозиции, и экслибрисы, затем вложенные в каждую из представленных на выставке книг, после завершения экспозиции был выпущен даже диафильм “Книга сражается”.

Работа по организации выставки 1985 г. и знакомство с печатью военного времени показали величайший творческий подъем во всех направлениях литературного труда, науки, культуры и искусства. И, пожалуй, нет иного столь всеобъемлющего источника, это показывающего, кроме книги военных лет. Оказалось, что мы совершенно неправильно, упрощенно воспринимали лозунг “Все для фронта, все для победы!” Максимально напряженно работали люди самых, казалось, далеких от войны профессий. И каждая новая “невоенная” книга была важным вкладом в то, что страна, ее наука и культура с каждым днем своей военной жизни доказывала победу над стремлением их уничтожить.

Нас, людей пишущих, приученных в советское время к тому, что наши книги и исследования считаются не столь актуальными, чтобы их публиковать, а сегодня – к аргументу, что эти книги не дадут прибыли, поражали пуб-

ликации военных лет. Например, книга С.С. Данилова “История драматического театра” была закончена в 1943 г., сдана в набор 10 января, а подписана в печать 24 марта 1944 г. В книге, которую выпустило Молотовское (ныне Пермское) книжное издательство, было 612 страниц. В ней опубликован курс лекций, прочитанных автором в Ленинградском театральном институте, а во время эвакуации – в Молотовских пединституте и театральной студии. Почти одновременно (через четыре дня) в Ленинграде был подписан в печать не менее фундаментальный и не менее далекий от военной тематики аннотированный указатель общих библиографий книг гражданской печати 1708–1937 гг., подготовленный М.В. Сокуровой и выпущенный Государственной публичной библиотекой им. М.Е. Салтыкова-Щедрина¹⁹. 17 апреля 1944 г. Томское издательство отпечатало фундаментальное исследование профессора Томского университета В.Д. Кузнецова – третий том его “Физики твердого тела” (742 с., 2000 экз.). О том, что книга вышла в тяжелейшие и кровавые дни войны, посетителям выставки говорило вложенное в книгу воинское письмо от 10 апреля владельцу книги В.Е. Глушневу о гибели на войне его брата Петра Ефимовича. В тот же самый день, 10 апреля 1944 г., подписан в печать пятитысячным тиражом киносценарий С.М. Эйзенштейна “Иван Грозный”. Для издания использована плохая, желтая бумага, но иллюстрации были выполнены коричневой краской, а заставки старопечатного стиля – красной, что придавало изданию изящный, целостный и даже праздничный вид (художник А. Суриков; иллюстрации – кадры из фильма “Иван Грозный”).

Книги войны, собранные в витринах экспозиции, вполне ощутимо и конкретно показали то самое единение всех сил общества, которое только и могло обеспечить победу. Причем определение “всех” означало в эти годы и всех – т.е. каждого, и всех – т.е. сколько есть сил, до конца.

В 1985 г. мы уже знали факты и о работе “на полный износ” людей в тылу, и о страшных фактах наживы одних и спекулирующих других на смертельной нужде, но все это, даже если бы и могло быть показано, едва ли изменило бы общую реальность этих грозных лет и отражение ее в книге Великой Отечественной войны.

Выставка “Книга сражается”, как представляется и сегодня, была первой, а может быть, и единственной выставкой такого размаха и полноты. Она очень многому научила нас всех, но ярко показала и наши ошибки, и те задачи, которые мы не смогли решить в 1985 г.

Прежде всего, Отечественная война была частью войны Мировой, более того, именно она обеспечила окончательную общую победу. Советская книга 1941–1945 гг. была важнейшей частью гуманистической, антифашистской книги и Европы, и Америки. В 1990 г. в честь 45-летнего юбилея Победы была подготовлена и открыта в Государственной библиотеке иностранной литературы выставка “Вторая Мировая война. Человек и книга. 1939–1945”²⁰, в витринах которой были показаны, благодаря уникальной коллекции участника французского Сопротивления Жоржа Романа, подаренной им Библиотеке иностранной литературы, европейские издания 1939–1945 гг. И снова работа с этими фондами позволила нам через книгу максимально ярко показать, на-

¹⁹ Сокурова М.В. Общие библиографии книг гражданской печати 1708–1937: Аннотированный указатель / Под ред. и со вступит. ст. А.Д. Эйхенгольца. Л., 1944. 192 с., портр., факс., 1 л. табл. Подписана к печати 28 марта 1944 г. 1000 экз.

²⁰ См.: Выставка “Вторая мировая война. Человек и книга. 1939–1945”. Посвящается 45-летию Победы: (Предварительный обзор) / [Сост. А.А. Курносов, И.В. Поздеева]. М., 1990.

сколько сильно и разветвлено было сопротивление фашизму, насколько мы были не одни в эти тяжелейшие годы. Сотни не известных нам подпольных изданий книг, журналов, газет, альбомы и карикатуры, сообщения о борьбе антифашистов на всех европейских языках, переводы наших книг военного времени, война (в том числе и даже прежде всего в России) глазами зарубежных журналистов, фотографов, художников были собраны в коллекции Ж. Романа.

Выставка 1990 г. позволила исправить и другие недостатки экспозиции 1985 г. Стало возможным показать войну идеологий, в том числе складывание и сущность национал-фашизма, книги Германии, Италии, Испании, Франции 30-х годов XX в., книги по истории фашистского движения. Одновременно истинное понимание, чем же была война для советских людей и какими страшными были эти годы, в экспозицию внесли витрины, раскрывающие через книгу, документ, газету сложную и противоречивую предвоенную обстановку в Стране Советов: бесконечные процессы “врагов народа”, ужесточение законодательства, безудержный рост государственного диктата во всех областях духовной жизни страны на фоне несомненно колоссальных экономических и социальных достижений. Благодаря директору ВГБИЛ Е.Ю. Генниевой оргкомитет смог выбрать из громадных фондов все необходимые книги, экспонированные впервые без каких-либо запретов, что и позволило экспозиции отразить подготовку и ход Мировой войны через книгу этих лет²¹. Только готовя экспозицию 1990 г., ее создатели поняли действительный уровень единства и неразрывности международной книги, отражающей кардинальные события мировой истории. Мы мечтали о том, что через пять лет, к 50-летию Победы можно будет создать международную выставку книг Второй мировой войны. Мы не сомневались, да я и сегодня убеждена, что такая экспозиция была бы открытием для каждой из воевавших стран. К сожалению, ситуация в стране изменилась столь кардинально, что такая идея фактически никого больше не интересовала, кардинально изменились возможности и роль главных инициаторов этой колоссальной работы – названных выше общественных организаций.

В дни широкого празднования 60-летия Великой народной победы, к сожалению, военная книга не была востребована и вспоминалась менее всего. Оказалось, что этот поразительный, но вполне логично возникший феномен интересует только историков книги и книговедов. Юбилейный год вызвал к жизни, может быть, всего около двух десятков статей о военной книге. Самостоятельную же книгу этой тематики я, к сожалению, знаю только одну – “Войне вопреки...” В.И. Васильева, посвященную издательской деятельности АН СССР в годы Великой Отечественной войны²². Однако именно сегодня, так же как и завтра, знание книги военных лет особенно актуально, а ее забвение происходит по двум причинам – простого незнания ее истинного содержания и, может быть, именно из-за острой актуальности ряда проблем, прежде всего раскрытия сущности “трупного яда” фашизма, этой книгой широко освещенных. Однако, я не сомневаюсь, опираясь на опыт двух выставок изданий Великой Отечественной и Второй мировой войны, что наше сегодняшнее знание о событиях этих лет, колоссальные возможности современного мирового сообщества позволили бы создать совершенно уникальную все-

²¹ См.: *Черных В.А.* Тихомировские чтения [2005] // ОА. 2005. № 5. С. 124.

²² *Васильев В.И.* Войне вопреки...: Академическая книга в истории Великой Отечественной войны. М., 2005. См. рец. на эту книгу: *Поздеева И.В.* // НиНИ. 2006. № 2. С. 198–200.

стороннюю экспозицию изданий сражающихся стран, адекватную этому незабываемому времени. И такая экспозиция могла бы открыть человеку XXI в. гораздо больше, чем смогли показать и увидеть ее организаторы и посетители века XX, открыть с неизвестной стороны не только трагедию народов прошлого, но человека и общество настоящего.

Выставка 1985 г. имела и еще один, вполне созвучный ее характеру результат. Ее организаторы и участники очень надеялись, что грандиозно задуманный и в это время только создающийся музей Отечественной войны станет музеем военной книги. Мы мечтали о широкой экспозиции, в которой история фронтов и частей будет включать и их издания, где будет показана героическая деятельность науки, искусства, всех тех муз творчества, без которых невозможна была бы победа цивилизации. Организаторы и участники выставки верили, что именно книга и только книга может раскрыть душу народов-победителей. Инициатор выставки – Совет по работе с владельцами личных библиотек ВОК, просил ее участников передать свои книги музею Великой Отечественной войны на Поклонной горе. Откликнулись почти все владельцы, и музею было передано сразу более шестисот изданий, составлявших основу выставки 1985 г. Через пять лет многие из них были представлены в витринах выставки, посвященной книгам Второй мировой войны. Замечательно, что это предложение было сформулировано Ю.М. Вальтером уже на торжественном открытии выставки 1985. Из его же уст прозвучала и надежда, что именно в мемориале Победы будет создана постоянная широкая экспозиция “Книга сражается” как памятник немыслимой и невиданной аккумуляции духовных и творческих сил, несмотря ни на что или вопреки всему! В этом с Вальтером были солидарны все участники, организаторы и посетители выставки. Главный редактор издательства “Художественная литература” А. Пузиков писал в книге отзывов 17 апреля 1985 г.: “Поразительно! Вот что может сделать любовь к книге! Такой замечательной выставки не видел, хотя побывал во многих музеях, посвященных событиям Великой Отечественной войны... Она достойна всесоюзного показа”.

Война диктовала свои жестокие законы, решая не только судьбы мира, радикально в результате его изменив, но и каждого человека, затронув даже самые глубокие струны человеческих душ. Может быть, поэтому только сегодня, сквозь призму прошедших лет мы можем и должны по достоинству объективно оценить эти издания как исторические документы и более того – как исторические символы, понимая и прямые искажения, и умолчания, и трагическую точность отражения в книге событий Великой Отечественной войны.

**АРХИВ КОМНАТЫ БОЕВОЙ И ТРУДОВОЙ СЛАВЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

В 2005 г. страна отмечала два крупных юбилея: 250-летие Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и 60-летие Победы в Великой Отечественной войне. Кроме того, в 2004 г. исполнилось 70 лет со дня восстановления исторического факультета МГУ, а в мае 2005 г. – 20 лет создания на нем Комнаты боевой и трудовой славы¹. Этот музей в аудитории 552 1-го корпуса гуманитарных факультетов обладает достаточно большим архивом, в котором собраны документы, характеризующие, преимущественно, вклад историков МГУ в дело Великой Победы.

Как нет в России семьи, судьбу которой не затронула бы Великая Отечественная война, так не было в 1941 г. вуза, студенты и преподаватели которого не встали бы на защиту своей родины. Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова – не исключение. Довоенный истфак занимал особое место в системе Московского университета. Поскольку факультет с начала своего восстановления был идеологическим, то в его структуре действовали самые большие комсомольская и партийная организации. Студенты-историки были очень активным коллективом: и в учебе, и в организации разного рода патриотических мероприятий, в веселых театрализованных постановках и т.д. Так, по инициативе Юрия Овчинникова² и Елизаветы Шамшиковой³ была создана пулеметная школа. Начальником ее штаба стал студент механико-математического факультета Е.В. Морозов, а после его ухода на советско-финскую войну – студент истфака Михаил Юрьев⁴. Всего в довоенном МГУ действова-

¹ “Комната боевой и трудовой славы” – полное название этого факультетского музея. Однако на практике за ней закрепилось краткое название “Комната боевой славы”. Поэтому далее употребляется сокращение КБС.

² Овчинников Георгий Георгиевич (1915, г. Елань, Воронежской губ. – 1944, Румыния). Студент истфака в 1934–1939 гг. Член ВЛКСМ. Специализировался по кафедре истории древнего мира. Во время войны был инспектором политотдела 7-й гвардейской стрелковой бригады. Служил вместе со студентом 1935 года поступления (далее: г/п) Б.Г. Тартаковским. Погиб от случайного выстрела. Здесь и далее в сносках приводятся краткие биографические данные лишь по тем персоналиям, по которым собирались сведения активистами КБС. О преподавателях истфака, известных ученых, можно найти сведения во многих изданиях (см., например, Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. М., 2004), поэтому в предлагаемой статье их биографические данные не приводятся.

³ Шамшикова Елизавета Александровна (1917–1941). Студентка истфака в 1936–1941 гг. Перед созданием пулеметной школы через газету “Московский университет” обратилась к девушкам университета, где доказывала, что они, как и мужчины, должны участвовать в военно-патриотическом воспитании. В этой школе была инструктором и лично руководила подготовкой около 200 пулеметчиц. Героически погибла в годы войны. См. о ней: Голоса из мира, которого уже нет: Выпускники исторического факультета МГУ 1941 г. в письмах и воспоминаниях. М., 2004. С. 21–38.

⁴ Юрьев Михаил Филиппович (24 апр. 1918, мест. Теленешты, Оргеевского у., Бессарабской губ. – 7 сент. 1990). Студент истфака 1936–1941 гг. Член КПСС с 1941 г. Участник советско-финской войны. С началом Великой Отечественной войны вступил в 8-ю Краснопресненскую дивизию Московского ополчения. С 1950 г. – преподаватель, с 1954 г. – доцент, с 1969 г. – профессор истфака (с 1956 г. – Института стран Азии и Африки). В 1957–1961 гг. – декан, в 1963–1974 гг. – проректор, с 1972 г. – заведующий кафедрой истории Китая. С 1967 г. – научный сотрудник Института Дальнего Востока АН СССР по совместительству.

ло порядка двух десятков так называемых школ военспециальностей, основными активистами которых были студенты исторического факультета. Так Юрий Клокман⁵ параллельно с основной учебой получил 16 военных специальностей! С началом в 1937 г. выпуска газеты “Московский университет” (до этого выходила газета “За пролетарские кадры”) все лидирующие посты в авторском коллективе оказались заняты истфаковцами. Студенческие постановки (особенно под руководством Ирины Адлер), или как их в то время называли “монтажи”, были известны далеко за пределами университета. Недаром истфак дал стране таких поэтов, как Николай Майоров⁶ и Александр Немировский⁷. Оба они стали одними из активнейших деятелей Литературной группы Московского университета, объединявшей также студентов других вузов. Активистом группы был и студент истфака 1936 г/п Николай Банников, после войны ставший видным литератором и переводчиком. Входили в объединение и студенты МИФЛИ Павел Коган, Михаил Кульчицкий и др.

Столь активный в социальном плане коллектив не мог не откликнуться на призыв родины. Недаром комсомольское собрание 22 июня 1941 г. объявило молодежь университета полностью мобилизованной на задание партии и правительства до конца войны. Примечательно, что открыл его комсорг ЦК ВЛКСМ, секретарь комсомольского комитета МГУ, студент третьего курса истфака Дмитрий Якименко, а проводила собрание Аракся Захарьян⁸. Питомцы Московского университета, в том числе и историки, участвовали в строительстве оборонительных рубежей, работали на трудовом фронте, сражались на всех фронтах Великой Отечественной войны. Г. Овчинников, Е. Шамшикова, Н. Майоров и десятки других погибли на этой войне. Д. Якименко был отозван прямо с комсомольского собрания 22 июня и, видимо, мобилизован на секретное задание. О дальнейшей его судьбе ничего не известно, многочисленные обращения в архивы не дали результатов.

В 1965 г. в здании истфака на ул. Герцена, д. 5 была открыта мемориальная доска с именами погибших студентов и преподавателей МГУ и МИФЛИ (в 1942 г. МИФЛИ вошел в состав МГУ). Списки эти были составлены выпускниками истфака 1930–1940-х годов при участии профессоров А.В. Арциховского и С.В. Киселева. В настоящее время на доске памяти имена 223 погибших истфаковцев. Работа по уточнению списков велась долгое время партийными и комсомольскими организациями факультета, в частности специально созданной группой “Поиск”, куда входили студенты.

Собранный за это время материал (воспоминания друзей, родных о погибших истфаковцах, фронтовые письма и т.д.) составили основу открытой в

⁵ Клокман Юрий Робертович. Студент истфака с 1937 г. Во время Великой Отечественной войны служил в 82-й гвардейской дивизии. Был тяжело ранен. После войны – к.и.н., работал в Институте истории АН СССР. Умер в середине 1960-х годов.

⁶ Майоров Николай Петрович (20 мая 1919, д. Дубровка Симбирской губ. – погиб 8 февраля 1942, д. Баранцево Смоленской обл.). Студент истфака с 1937 г. Активно публиковался в газете “Московский университет”. Одновременно с учебой в МГУ занимался в семинаре П. Антокольского в Литературном институте им. М. Горького. С началом войны участвовал в строительстве оборонительных рубежей. Ушел добровольцем на фронт, был политруком пулеметной роты.

⁷ Немировский Александр (Самуил) Иосифович (1919 г., г. Тирасполь). Студент истфака с 1937 г. С началом войны участвовал в строительстве оборонительных рубежей, затем вступил в ряды Красной Армии. Был тяжело ранен. После войны – д.и.н., профессор, специалист по истории древнего мира, автор многих научных, научно-популярных работ и нескольких поэтических сборников. С 1957 г. работал в Воронежском государственном университете, с 1965 г. – заведующий кафедрой древнего мира и средних веков, с 1968 г. – кафедрой истории древнего мира.

⁸ Захарьян Аракся Бегляровна (1913–2003). До войны – аспирантка исторического ф-та. После войны – к.и.н., доцент кафедры истории СССР советского периода истфака МГУ.

1985 г. КБС. Этот музей был создан при непосредственном участии декана, академика Ю.С. Кукушкина, зам. декана по хозяйственной части, генерал-майора в отставке, ветерана войны В.Г. Левченко, секретарей парткома КПСС А.А. Никишенкова и ВЛКСМ М.А. Чепелкина. Большую помощь оказывали председатели Совета ветеранов войны профессор А.В. Муравьев, а с 1987 г. Совета ветеранов войны и труда доцент Ю.А. Мошков. В сборе материалов принимали участие студенты истфака: В. Сарычев (1978–1979), М. Кривов (1979–1980), Печенкин (ответственный за группу “Поиск” в 1980–1982), Н. Кузнецова (ответственная за военно-патриотическую работу в комитете ВЛКСМ факультета в 1982–1985), С. Козлов (ответственный за группу “Поиск” в 1982–1985). В 1985–1990 группой “Поиск” руководила Е.С. Сенявская, ныне д.и.н., много сделавшая для пополнения документального фонда. В 1990–2000 гг. эстафета была подхвачена студентами В. Богдановым, Т. Киторага, Е. Ягодкиной и др. Назовем имена тех, кто на протяжении многих лет помогал не только в собирании, но и в переписывании, перепечатывании присланных документов. Это студенты довоенного истфака Л.Н. РаSTOPчина⁹, Т.В. Равдина¹⁰, сотрудница послевоенного факультета А.И. Серых¹¹. Основным же вдохновителем и организатором деятельности Комнаты боевой и трудовой славы стала доцент С.И. Антонова¹², к моменту открытия музея вышедшая на пенсию, но на общественных началах до последнего дня своей жизни продолжавшая работу по сбору и представлению материалов.

Таким образом, работа по комплектованию документов велась еще до 1985 г., но только в этом году под факультетский музей была выделена аудитория 552. Первые несколько лет аудитория была учебной, и внутри музея проходили обычные семинарские занятия. В КБС была организована постоянная экспозиция на шести стендах. На первом – “В огне гражданской” – представлены материалы об истфаковцах – участниках Гражданской войны. Помещены портреты с краткими характеристиками боевого пути академиком М.Н. Тихомирова (отрывок из книги Е.В. Чистяковой¹³) и А.М. Панкратовой, проф. И.И. Козодоева, Н.В. Савинченко, М.И. Стишова, доц. П.М. Горлова.

На стенде “Герои Отечественной” – материалы о трех Героях Советского Союза – выпускниках истфака, генерал-лейтенанте Феодосии Порфирьевиче Котляре, летчице Полине Владимировне Гельман, танкисте Моисее Фраимовиче Марьяновском. На стенде “В тылу врага” помещены материалы о партизанах (Татьяне Бауэр, Иване Кора, Татьяне Афанасьевне Логуновой,

⁹ РаSTOPчина Любовь Николаевна (24 июня 1917, Кострома – 9 нояб. 2006, Москва). Студентка истфака в 1936–1941 гг. В начале войны работала в эвакуационном госпитале в Подмосковье, с октября 1941 г. – в Уфе. С 1943 г. – сотрудник ВОКС, с 1944 г. – Института истории АН СССР. В 1973–1983 гг. – м.н.с. Археографической комиссии АН СССР. Автор ряда статей и публикаций. Основные данные опублик.: ВИ. 2005. № 5. С. 55; Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С. 423.

¹⁰ Равдина Тамара Владимировна (1919, г. Двинск (Даугавпилс) в Латвии – 1991, Москва). Студентка истфака 1937 г/п. Во время войны была медсестрой в госпитале, затем – в действующей армии. Окончила МГУ в 1946 г. С 1949 г. работала в Институте археологии АН СССР.

¹¹ Серых Анна Ивановна (р. 4 дек. 1924). Перед войной училась на втором курсе МИФЛИ. Ветеран Великой Отечественной войны. Сотрудник факультета с 1945 по 1986 г., лаборант кафедры истории КПСС.

¹² Антонова Серафима Ивановна (11 авг. 1909, с. Давыдово Бронницкого у., Московской губ. – 29 янв. 2007, Москва). Студентка истфака 1937 г/п. Ветеран Великой Отечественной войны. После войны работала на истфаке, к.и.н., специалист в области отечественной истории начала XX в., источниковедения.

¹³ Чистякова Е.В. Михаил Николаевич Тихомиров. 1893–1965. М., 1987. С. 17.

Игоре Савкове¹⁴) и участниках движения сопротивления (Павле Петровиче Лялякине, Германе Германовиче Баумане).

Самый большой стенд – “Исторический факультет в первые дни войны”. Здесь приведены материалы из статьи газеты “Московский университет” о знаменитом митинге, состоявшемся вечером 22 июня 1941 г., о строительстве оборонительных рубежей, организации ополчения и истребительного батальона. На двух стендах под названием “От Балтики до Черного” представлены данные о трудовом фронте, работе студенток истфака в госпиталях и на фронте в качестве медсестер, о бойцах Красной Армии. Последний стенд “Так оживают страницы истории” рассказывает о походах комсомольцев истфака по местам боевой славы и встречах с ветеранами. На стендах отражено сотрудничество истфаковцев с местными поисковыми группами, в частности с учениками школы № 13 д. Шекино, много занимавшихся увековечением памяти Е. Шамшиковой. Часть архивных материалов расположена в горизонтальных витринах. Это копии фронтовых писем Т. Полонской, Т. Равдиной, Н. Майорова – студентов 1937 г/п, Н. Филимонова – студента 1938 г/п и др. На одной из стен комнаты помещен и фотопортрет Н. Майорова. С осени 1991 г. в коридорах исторического факультета постоянно организуются периодические выставки, где экспонируются материалы КБС. Выставки эти посвящены выдающимся событиям Великой Отечественной войны, истории факультета, истфаковцам – ветеранам войны и труда. Материалы, тексты и иллюстрации, наклеиваются на листы ватмана и выставляются в витринах. Это своего рода продолжение традиций факультетских стенгазет.

Изначально в задачи КБС входил сбор сведений о погибших истфаковцах, затем ее компетенция расширилась, стали собираться материалы и о ветеранах войны – питомцах исторического факультета в целом.

Дважды (перед 35- и 40-летием Победы) с целью активизировать приток материала истфаковцам разных лет рассылались соответствующие письма с просьбой ответить на вопросы анкеты: 1. Имя. 2. Год рождения. 3. Национальность. 4. Членство в КПСС. 5. Время учебы на истфаке МГУ или МИФЛИ. 6. Чем занимался во время Великой Отечественной войны. 7. Имеет ли ранения и контузии. 8. Наличие правительственных наград. 9. Послевоенная работа. 10. Что может сообщить о друзьях-студентах, погибших в Великой Отечественной войне.

Просьба совета ветеранов и группы “Поиск” заставила многих бывших выпускников истфака заново осмыслить их жизненный опыт и, в частности, тяжелое военное время. Иногда респонденты писали воспоминания в произвольной форме. Многие ветераны по скромности о себе сообщали очень мало и больше писали о своих друзьях. Большинство истфаковцев, правда, не ответило на первое обращение, было получено всего лишь 20 писем. Однако вторая попытка, связанная с предстоящим 50-летним юбилеем факультета и приближавшимся 40-летием Победы, оказалась более плодотворной, и “косяк” материалов КБС сложился именно в тот период. Видимо, это объясняется переходом основного контингента ветеранов войны 55–60-летнего возрастного рубежа и достижения ими “возраста мемуаров”.

Многие документы сопровождались соответствующими письмами, где выпускники истфака разных лет высказывали свое отношение к предпринимаемому сбору. В этом плане показательна выдержка из письма В.Е. Майера:

¹⁴ Об И. Савкове см.: *Харькова (Савкова) Н.И.* Его звали Игорь Савков // АЕ за 1997 год. М., 1997. С. 202–214.

“Добрый день, Серафима Ивановна! Твое письмо с анкетой совета ветеранов истфака я получил или накануне 1 мая или в первых числах мая. Во всяком случае, не позже 6 мая я ответил. Я очень спешил, поэтому очевидно, все вышло иначе, чем ты ожидала. Ребята, о которых я писал, заслуживают, чтобы о них писали красиво. Но над тем, чтобы о них писать, я до твоего письма не особенно задумывался, хотя сразу же после войны я много об этом думал, но потом постепенно это стремление ослабло. 30-я годовщина вновь всколыхнула все”¹⁵. Тон этого письма красноречиво говорит об отношении тех, кто остался жив после войны и жил “за себя и за того парня”, к памяти павших товарищей. Воспоминания о погибших друзьях ветеранами были пронесены через всю жизнь. Поэтому для многих истфаковцев присланные анкеты Совета ветеранов стали возможностью поделиться своей гордостью, болью и печалью с коллегами и, что самое главное, с подрастающим поколением – молодыми истфаковцами. Особенно активно сбор материала шел по курсам 1936–1937 годов поступления. Объясняется это тем, что указанные курсы были наиболее массовыми по числу ветеранов войны и количеству погибших, а также тем, что их адреса были более доступны активистам КБС.

В качестве ответа на вопросы разосланных анкет было прислано порядка 100 писем, со 150 документами разного характера (воспоминания, письма, приказы, извещения и т.д.). Общий объем присланных материалов – 641 л. Это самый большой фонд архива КБС¹⁶. Все материалы по хронологии их поступления были подшиты в четыре папки, к ним была составлена опись.

С конца же 1980-х годов активисты КБС остановились на другом принципе формирования фондов и дел. Его можно охарактеризовать как “Персонально-тематический”. Так, когда в архив приносили документы, характеризующие деятельность одного человека, то на него заводилась отдельная папка, а ее материалы и составляют фонд. То же самое можно сказать и о сборе материалов, посвященных каким-либо событиям (комсомольскому собранию 22 июня, 16 октября 1941 г.¹⁷ и т.д.) или явлениям университетской жизни (пулеметной школе, школе медсестер, трудовому фронту и т.д.) – т.е. определенным темам истории факультета. В настоящее время в КБС хранятся 161 персональный фонд и 20 тематических. Нумерацию фонды пока не имеют.

Не все имеющиеся фонды равнозначны. Иногда в КБС поступали очень краткие сообщения фронтовиков о себе. Например, вот как охарактеризовал свой боевой путь профессор Е.Д. Черменский: «В конце 1942 г. я был командирован в штаб Южного фронта, где был назначен на должность командира 5-й роты 780 стрелкового полка 214 стрелковой дивизии. В это время заканчивалось окружение войсками Южного и Сталинградского фронтов немецких армий под Сталинградом. Наше наступление началось 10 января 1943 г. После одночасовой артиллерийской подготовки, под конец которой сыграли наши славные “Катюши”, мы, пехотинцы, под прикрытием танков и бронетранспортеров, бросились вперед и захватили передовые укрепления противника. Уже стало светло, взойшло солнце и наши солдаты без маскировочных халатов стали удобной мишенью для немецких снайперов. Пришлось передвигаться ползком, по-пластунски. Я получил пулевое ранение с переломом плечевой кости и сдал командование ротному старшине. На другой день я

¹⁵ Архив КБС. Ф. Ответы на вопросы анкет. Папка № 1. Л. 149. Письмо написано перьевой ручкой синеватыми чернилами, датировано 1975 г. и послано было позже материалов, содержащих ответы на анкету ветеранов. Материалы датированы не 6, а 8 мая 1975 г.

¹⁶ Архив КБС. Ф. Ответы на вопросы анкет. Папки № 1–4.

¹⁷ 16 октября был днем начала эвакуации университета.

был эвакуирован в прифронтовой госпиталь, а оттуда в Ташкент. Сражение под Сталинградом продолжалось еще три недели и закончилось 2 февраля капитуляцией немецких войск». Подобные единичные материалы были объединены в фонд «Персоналии. Краткие характеристики».

Часто респонденты вместе с воспоминаниями присылали личные документы времен войны или их копии, а также документы, характеризующие деятельность ветеранов войны в довоенное или послевоенное время. М.Т. Белявский сдал часть своей коллекции юбилейных значков, а также материалы по истории Москвы, в частности биографии ветеранов войны, Героев Советского Союза. Родственники М.Т. Белявского передали его военные записи, а также материалы, которые характеризуют его как педагога: конспекты его лекций, планы занятий и т.д.¹⁸ Е.П. Типикина, ветеран войны, студентка исторического факультета 1939 г/п, передала дневники и фронтовые письма своего супруга и сокурсника Г.В. Раевского, также прошедшего фронт. Дочь и внук П.П. Лялякина, студента истфака 1935 г/п, отдали в КБС черновики его воспоминаний, к сожалению, не доведенных до конца, фотографии и т.д. Фонд П.П. Лялякина содержит много материалов по истории узников фашистских концлагерей. Сам П.П. Лялякин возглавлял секцию узников фашистских концлагерей в Совете ветеранов СССР, а затем и РФ.

Долгое время в КБС хранился архив и библиотека А.Н. Киршевой (студентки истфака 1939 г/п), помещенный затем в Музей истории МГУ. От жены А.К. Леонтьева, Г.А. Леонтьевой, и родственников М.Н. Кислова (и Леонтьев, и Кислов были многолетними сотрудниками послевоенного факультета) поступило в КБС значительное количество их рисунков (в том числе и фронтовых). Передавали в КБС документы (или копии) о награждении, военные билеты и другие делопроизводственные документы. Г.Е. Санчук сдал немецкие листовки, подобранные им на полях Сталинграда. Из документов, относящихся к мирному времени, но характеризующих ветерана войны, следует особо выделить стихи Г.А. Цявловского (студента истфака 1939 г/п, племянника известного пушкиниста), погибшего на фронте. Они относятся к школьным годам Г.А. Цявловского и прекрасно отражают становление личности будущего солдата, честно выполнившего свой долг.

К сожалению, в документальном комплексе архива КБС (во всяком случае, в части личных документов) значительно хуже представлено поколение фронтовиков, пришедших на факультет после войны. Как правило, имеются лишь материалы, касающиеся деятельности тех студентов 1940–1950-х годов, которые стали затем преподавателями исторического факультета. Среди них: академики И.Д. Ковальченко и Д.В. Сарабьянов, профессора А.Д. Горский, Л.Р. Кызласов, М.Е. Найденев, доценты Ю.А. Мошков, Б.И. Краснобаев и др. Материал о них был собран, как правило, в связи с их юбилеями. Копии полученных документов были экспонированы на листах ватмана в коридорах истфака в специально оборудованных выставочных витринах. Несколько восполнили пробел комплекса документов, характеризующих послевоенное поколение студентов и преподавателей исторического факультета, прошедших фронт, предпринятые в 1990–2000-е годы студентами опросы выпускников конца 1940–1950-х годов¹⁹.

В целом в стенах КБС сформирована и формируется сейчас большая коллекция документов, характеризующих вклад истфаковцев в дело Победы.

¹⁸ Статью Е.О. Ягодкиной о документах Белявских см.: наст. изд. С. 205–221.

¹⁹ Опросы проводили А. Белогорьев, В. Богданов, Е. Ягодкина.

Но в настоящее время Музей перерос значение военно-патриотического и стал центром сбора материалов по истории факультета в целом. Здесь имеются источники о деятельности таких преподавателей, как академики М.В. Нечкина, А.М. Панкратова, Б.А. Рыбаков, С.Д. Сказкин, член-корреспондент А.В. Арциховский, профессора И.С. Галкин, В.С. Сергеев и многие другие. Это, в первую очередь, воспоминания о них учеников и документы из домашних архивов. Усилиями В.А. Емеца, С.В. Воронковой, И.М. Пушкаревой и других учеников А.Л. Сидорова был собран большой материал об этом крупном советском ученом. Значительная часть собранного – копии документов, хранящихся в архиве РАН. Однако особое значение имеют источники личного происхождения. Они могли вполне послужить основой для сборника материалов в честь А.Л. Сидорова.

В 1999–2000 гг. академик Б.А. Рыбаков передал копии некоторых своих фотографий, документов в музей. Своего рода завещанием можно считать оставленную им записку: “В новом тысячелетии историкам совершенно необходимо широко использовать комплексный научный метод, основанный на синтезе самых разнообразных наук от лингвистики до познания природы, астрономии, антропологии и всех достижений мира Науки, уже вполне осознавшего необходимость многогранного Синтеза” (подчеркнуто Б.А. Рыбаковым. – В.Б.)²⁰. Вскоре фонд Б.А. Рыбакова также был пополнен воспоминаниями о нем, копиями статей и т.д.

Остановимся более подробно на видовых особенностях и типологии имеющих в КБС документов. Преимущественно это копии писем, архивных материалов, предоставленные родственниками ветеранов войны или непосредственно ветеранами. Подлинные текстовые документы переписывались или перепечатывались на машинке, фотографии переснимались непосредственно теми, кто их предоставлял, или же активистами КБС. Однако есть и подлинные документы. Всю документальную коллекцию КБС можно разделить на источники личного происхождения и делопроизводственные материалы. При этом первые составляют большую часть архива.

Из типов источников в архиве КБС преобладают воспоминания, а точнее “малые жанры мемуарной литературы”: разного рода автобиографические записки, краткие воспоминания об отдельных событиях Великой Отечественной войны или персоналиях исторического факультета. Все они, как правило, посвящены какому-либо одному событию. Например, М.Г. Рабинович, студент истфака 1936–1941 гг., передал в КБС свои воспоминания о 16 октября 1941 г. В этот день он, аспирант факультета, был назначен и.о. декана московской группы истфака, часть которого была эвакуирована в Ашхабад, где деканом был С.Д. Сказкин. Сыновья Б.Г. Тартаковского передали в КБС копию справки, подписанной “и.о. декана М.Г. Рабиновичем”, которая в 1941 г. была выдана взамен диплома их матери, Л.В. Михайловой, студентке истфака 1936 г/п. Вышеназванная мемуарная записка М.Г. Рабиновича была опубликована в числе других его рукописей в книге, подготовленной его коллегами²¹.

Несколько мемуарных записок под общим названием “Фронтальная предпрактика” были предоставлены С.З. Капустиным через В.И. Злобина (оба студенты истфака 1938 г/п). Они освещают комсомольские собрания 22 и 23 июня 1941 г., мобилизацию населения (в ней участвовал сам мемуарист,

²⁰ Документ воспроизведен в статье: *Богданов В.П.* Академик Борис Александрович Рыбаков // Преподавание истории и обществознания в школе. М., 2002. № 4. С. 63.

²¹ *Рабинович М.Г.* Записки советского интеллектуала. М., 2005. С. 173–178.

разносы повестки из военкомата), строительство оборонительных рубежей, формирование ополчения, боевой путь мемуариста и его встреча в Монголии с профессором Г.С. Кара-Мурзой, вскоре погибшим.

В КБС хранятся четыре дневника военных лет. Военные дневники – большая редкость, поскольку вести их солдатам запрещалось, а офицерам – “не рекомендовалось”²², тем уникальнее представляется собрание КБС. Одним из первых был получен дневник М.Т. Белявского. Другой – разрозненные записи летчицы Г.М. Комковой²³, относящиеся к концу 1941–1942 г. Они касаются преимущественно этапа обучения “ночных ведьм”. Самый полный дневник (с 22 июня 1941 г. по 8 августа 1945 г.) был предоставлен многолетней сотрудницей деканата истфака Н.Б. Атамановой. Его автор всю войну проработала во фронтовом госпитале. Разрозненные дневниковые записи она отдавала своему отцу, бывшему зам. главврача госпиталя, а он пересылал их домой. После войны Н.Б. перепечатала дневник и через сотрудницу истфака, Н.С. Хомутову, передала в КБС. Четвертый – уже упомянутый дневник Г.В. Раевского, относящийся ко времени обучения на факультете и первым месяцам войны.

Что касается эпистолярного жанра, то он представлен преимущественно разрозненными письмами. Но это общая судьба большинства эпистолярных комплексов, особенно военного периода. Причем, как правило, сохраняются письма фронтовиков родным и близким, и очень редко письма фронтовиков друг другу или письма на фронт. В 2004 г. С.О. Шмидтом были переданы перепечатанные письма А.И. Неусыхина на фронт своему ученику В.В. Дорошенко с 31 декабря 1942 по 9 июля 1945 г. Подлинники хранятся в Архиве РАН. Имеются перепечатанные копии писем, присланных на фронт Б.Г. Тартаковскому разными людьми, в частности М.Я. Гефтером. Подлинники их хранятся у детей Б.Г. Примечательна история поступления в архив фронтовых писем В.В. Шихаева, погибшего на фронте. Они были получены от его сестры в конце 1980-х годов. Сестра отдала их со словами, что отец Шихаевых также погиб в Великой Отечественной войне, мать давно умерла, а больше родственников нет. Она хотела, чтобы именно на истфаке сохранилась память о “Володеньке”. Наиболее полная подборка писем представлена письмами Г.В. Раевского и Ю. Каминского.

Отдельно следует сказать о памятниках студенческого творчества 1930–1950-х годов. Так, в архиве имеются “Баллада о не сдавшем латынь”, сочиненная курсом 1937 г/п, песни участников строительства оборонительных рубежей, трудового фронта. И.А. Желениной, студенткой истфака 1954–1959 гг. (на курсе также было несколько ветеранов войны, значительно старше своих сокурсников), были предоставлены песни, наиболее популярные на истфаке в годы ее учебы. Причем сама И.А. напела их, поэтому в КБС хранится не только запись слов, но и фонозапись этих песен. В архиве имеются также стихи студентов Г.А. Цявловского, Б. Ляндоберга и Ирины Оныщук – студентов 1938 г/п. Цявловский и Ляндоберг погибли. Материалы Ляндоберга были предоставлены его подругой Ириной Оныщук. Вообще роль подруг в со-

²² Пушкарёв Л.Н. Источники по изучению менталитета участников войны (на примере Великой Отечественной) // Военно-историческая антропология: Ежегодник. 2002. М., 2002. С. 329.

²³ Комкова (по мужу Коржикова) Галина Марковна. Студентка 1938 г/п. Во время войны – воентехник 46-го гвардейского Таманского женского авиаполка, затем – инструктор политотдела 4-й воздушной армии. После войны закончила Воронежский гос. университет, в 1953 г. защитила диссертацию к.и.н., преподавала в Центральной комсомольской школе, в Московском авиационном институте.

хранении памяти очень велика. Так, наследие Николая Майорова стало всеобщим достоянием лишь благодаря его подруге Ирине Пташниковой.

Среди других источников личного происхождения – фотографии и рисунки истфаковцев. Упомянутая ранее коллекция рисунков А.К. Леонтьева содержит более 100 портретов знаменитых историков и шаржей на коллег по факультету. Обращает на себя внимание портрет профессора К.В. Базилевича. Студенты 1930–1940-х годов помнят его импозантным, моложавым человеком. Портрет же нарисованный А.К. Леонтьевым – портрет старика. Он был сделан автором на заседании сектора феодализма ИИ АН СССР, последнем, на котором присутствовал историк. По свидетельству С.С. Дмитриева, на этом заседании работа К.В. Базилевича была подвергнута резкой критике, и вечером того же дня историк скончался²⁴. Интересны рисунки М.Н. Кислова. Они относятся к военному периоду и представляют собой зарисовки из фронтовой жизни.

Большая часть “изобразительных источников” – фотографии. Как правило, они присылались вместе с письменными материалами. Это курсовые фотографии разных наборов истфака, а также личные. Здесь следует упомянуть огромную работу по пересъемке полученных документов, особенно фотографий, проведенную В.В. Суховым, ветераном Великой Отечественной войны, и С.А. Орловым, сотрудниками археологической лаборатории. Благодаря им в середине 1990-х годов был организован стенд, посвященный ветеранам войны, работавшим на историческом факультете. Он представлял собой фотографии с подписями, в которых указывались фамилия, имя, отчество. В 2004 г. он был обновлен. Кроме фамилии, имени и отчества под фотографиями указано воинское звание, в котором ветеран закончил войну, а также ученое звание и должность, в которой он работал на факультете. В 1980–1990-е годы было сделано много фотографий с мероприятий, проводимых в стенах факультета: празднования 23 февраля, 9 мая, а также встречи ветеранов со студентами, вахты памяти и т.д.

В последнее время активно пополняется фоно- и видеотека КБС (пока ее фонды достаточно скромны). Она представляет собой, в основном, опросы студентов истфака 1940–1950-х годов, съемки встреч ветеранов и разных юбилейных мероприятий.

Делопроизводственные документы представлены главным образом приказами о награждении. Однако есть и копии документов, касающихся сбора ополчения, работы на трудовом фронте и т.д. Это машинописные копии и ксерокопии подлинных документов, хранящихся преимущественно в архиве МГУ, ЦМАМ, ЦАОДМ, или ответы сотрудников архивов на обращения исторического факультета. Благодаря работе в архивах были уточнены биографии многих ветеранов. Хранящиеся копии документов активно используются в экспозиции музея и при создании периодических выставок. Из прочих делопроизводственных документов назовем стенограмму траурного заседания отделения Востока истфака МГУ, посвященного памяти профессора Г.С. Кара-Мурзы 5 октября 1945 г. Она предоставлена в архив КБС учениками Г.С. Кара-Мурзы, М.Ф. Юрьевым и Ф.А. Тодер.

Промежуточное положение между собственно источниками личного происхождения и документами делопроизводства занимают подготовительные материалы к книгам “Московский университет в Великой Отечественной войне” (2-е изд. М., 1985) и “Ученики об учителях: Воспоминания об ученых

²⁴ Дмитриев С.С. Дневники // ОИ. 1999. № 3. С. 155, 157.

Московского университета” (М., 1990). Они содержат биографии ветеранов войны, работавших в университете, в частности на истфаке, а также рецензии на эти биографии, с добавлениями и замечаниями. После выхода первого издания “Московского университета...” были собраны замечания и дополнения ветеранов войны. Они также вошли в фонд «Подготовительные материалы к изданию “Московский университет в Великой Отечественной войне”». Подготовительные материалы ко второй книге интересны в первую очередь тем, что они гораздо полнее, чем вошедшие в упомянутый сборник статьи. Так в книгу вошли статьи о четырех историках: М.Н. Тихомирове (автор П.П. Елифанов), В.И. Пичете (автор Б.М. Руколь), В.С. Сергееве (автор А.И. Немировский) и В.С. Соколове (автор А.Ч. Козаржевский). В фонде же имеются биографии Н.Е. Застенкера, Е.А. Косминского и других историков.

В КБС имеется также несколько экземпляров газеты “Московский университет”. В том числе номер с опубликованным уставом и составом Научного студенческого общества, образованного весной 1941 г. Кроме того, за 20 лет функционирования факультетского музея собрана коллекция более 30 изданий ветеранов войны и сотрудников факультета, подаренных авторами. Среди них книги И.Д. Ковальченко “Методы исторического исследования” (М., 1987), Н.М. Дружинина “Русская деревня на переломе. 1861–1880 гг.” (М., 1978) и др. При этом часть книг экспонируется в отдельной витрине: это хороший способ представить в экспозиции музея истфаковцев-ветеранов, пришедших на факультет после войны.

Таким образом, собранный в КБС комплекс материалов отличает большое типологическое разнообразие. Причем документы разносторонне освещают личность каждого истфаковца. Приведем один пример. Хорошо известен творческий путь М.С. Зоркого, бывшего до войны заведующим кафедрой Новой истории. Его биография во многом типична для преподавателя 1930-х годов. Она представлена в энциклопедическом словаре исторического факультета²⁵.

В КБС имеется несколько интересных источников, разносторонне характеризующих М.С. Зоркого. Один из них – записка, написанная профессором во время заседания кафедры:

Пусть бьют часы, – но мы, мы пашем,
Пусть ночь, – но мы мечами машем,
Здесь юный Звавич обнажал
Хвостобийственный кинжал,
Здесь Чатынян – ни бе, ни ме,
А Бах – строчила буриме.
Друзья! Играет кровь кафе́дры,
Дискуссии открылись недры,
И будем здесь, друзья, плести
Часочков этак до шести²⁶.

Перед нами веселый человек, наделенный определенным литературным талантом, даже на посту заведующего кафедрой любивший пошутить. И делал это очень талантливо. Наверное, эта веселая записка несколько подняла настроение уставших заседающих.

²⁵ Романова Е.В. Зоркий Марк Соломонович // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. М., 2004. С. 146–147.

²⁶ Архив КБС. Ф. Зоркий М.С. Подлинник написан черными чернилами рукой М.С. Зоркого.

А вот выдержка из устных воспоминаний Я.С. Драбкина:

“[...] с профессором кафедры новой истории Зорким Марком Соломоновичем, [...] нас вызвали на второй день войны в Главное политическое управление, в первый день нас отправили в ЦДКА (Центральный дом Красной армии. – В.Б.), где мы заполняли длиннющие анкеты. И с этими анкетами я вместе с Зорким попал к полковнику Беляеву, в Главное политическое управление в отделе кадров, и, странно даже, что мы были вдвоем [...]. Он просматривал наши анкеты карандашом красным и синим. У меня анкета была простая. Синим карандашом были перечеркнуты остатки моих минувших лет: был дядя, еще до моего рождения, в форме, но не такой уж крупный (был офицером царской армии. – В.Б.). А у него (у М.С. Зоркого. – В.Б.) было все исчеркнуто красным (т.е. у него было много репрессированных родственников. – В.Б.), потому что он был одним из создателей комсомола. Его не взяли, меня взяли. И он пошел в ополчение и погиб. Мог бы, вероятно, жить и работать, на той работе, куда я попал. Конечно, по своим знаниям и способностям (профессора Исторического факультета), он был бы на три головы выше меня”²⁷.

Из этого сообщения мы видим, что фронтовой путь М.С. Зоркого сложился совсем не так, как мог бы. Формализм военных чиновников лишил одно из войсковых политуправлений талантливого работника, обрек родных и близких М.С. Зоркого на потерю любимого человека, а историческую науку – на потерю талантливого ученого.

Приведем выдержки нескольких фронтовых писем М.С. Зоркого, адресованных родным:

«18.8.41.

Мы еще не на главной линии боя, ее мы видим и слышим издали. Собираемся идти вперед, и только вперед. Я рад, что я не в числе продумывающих “оборонную тематику” в столовой Дома Ученых. Я здоров и бодр. Крепко жму руки друзьям. Крепко жму твою руку, дорогой друг».

“3.9.41.

Сейчас сижу в избе, смотрю на синий зубчатый лес, на поле с убранным льном и слушаю, как дрожат стекла от орудийного грохота. Это наши продолжают теснить немцев, настойчиво, шаг за шагом.

Сообщи мой адрес друзьям. Привет всем! Пусть пишут почаще. С дружеским и партийным приветом – твой М.”

[Б.д.]

“С отправкой писем отсюда очень плохо. Их можно посылать редко и не регулярно. Поэтому не беспокойтесь, мои милые, мои дорогие, если долго не будет от меня писем. Как сложится моя личная судьба – никто не может сказать наперед. Может быть и плохо. В одном Вы можете быть совершенно уверены – свой долг перед своей страной, перед своей родиной и партией, свой долг перед Вами, мои дорогие, я выполню. Крепко, крепко целую всех Вас, мои дорогие. Помните обо мне”²⁸.

Из этих писем мы узнаем, как меняется настроение ополченца. Сначала оно достаточно бодрое и нет даже тени сомнения в скором исходе войны.

²⁷ Архив КБС. Ф. Опросы выпускников исторического факультета. Д. Беседа с Я.С. Драбкиным и И.П. Рахмановой. В беседе с автором данной статьи 1 июля 2006 г. Я.С. вспомнил, что Зоркий спросил Беляева: “Очень сложная анкета?” Тот ответил: “Да, сложная”.

²⁸ Архив КБС. Ф. Зоркий М.С. Ксерокопии подлинников.

В последнем письме автор предчувствует роковой конец. Но во всех письмах мы видим желание подбодрить своих родных и близких, которым сейчас тяжело от неопределенности и неясности за судьбу родного человека.

Четыре приведенных материала позволяют заключить следующее. М.С. Зоркий сумел сделать хорошую карьеру. Но путь этот был нелегким и связан с потерей многих родных и близких, попавших под жернова сталинских репрессий (о чем свидетельствует сообщение Я.С. Дабкина). При этом профессор был довольно жизнерадостным человеком (его шуточное стихотворение). Но главное – Зоркий был глубоко порядочным человеком, настоящим патриотом, искренне верившим в дело коммунистической партии и победу СССР в войне. Хотя большинство преподавателей было отозвано из ополчения, он остался на фронте и погиб, выполняя свой гражданский и партийный долг.

Примеров того, как материалы КБС разносторонне характеризуют личность того или иного истфаковца, можно привести много.

Интересно, что если раньше активисты КБС обращались к родственникам и близким истфаковцев-фронтовиков за получением необходимых материалов, то теперь последние чаще обращаются в КБС для уточнения судеб родственников и друзей. В музее имеются письма на имя А.В. Муравьева, И.Д. Ковальченко и др. с просьбой предоставить тот или материал об истфаковцах разных лет. В конце июля 2000 г. автор статьи находился в экспедиции в с. Шурма Уржумского р-на Кировской обл., история которого тесно связана с судьбами семьи Васнецовых. Внук художника Виктора Михайловича Васнецова, Юрий Владимирович, был студентом исторического факультета в 1934–1939 гг. (погиб в Великой Отечественной войне). Копия материала о нем осенью того же года была передана местным краеведам.

Практическим выходом многолетней работы КБС стали публикации некоторых документальных комплексов, хранящихся в музее. Так, Е.С. Сенявская в двух монографиях и нескольких периодических изданиях опубликовала письма Ю. Каминского (внука знаменитого революционера Феликса Кона), погибшего в Великой Отечественной войне. Одна из публикаций называлась по строке из письма конца войны – “Здесь более земляники, чем огня...”. В 1995 г. в Москве вышел сборник воспоминаний и писем студентов исторического факультета 1936–1941 гг. “Голоса из мира, которого уже нет” (переиздан в 2004 г.). Первоначальное его название – “Их призванием была история”. В первом и более широко во втором издании сборника использованы материалы КБС. Подготовительные материалы к книге также хранятся в архиве музея.

В 2004 г. в рамках проекта РГНФ № 04-01-00066а активистами музея был составлен сборник документов «“Мы шли навстречу ветру и судьбе...”: воспоминания, стихи, письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны». В нем собраны материалы ветеранов войны и о них, не только тех ветеранов, кто ушел на фронт со студенческой скамьи, но и тех, кто пришел в alma mater с полей сражений – это поколение И.Д. Ковальченко, Л.Р. Кызласова, К.Н. Тарновского и других ярких исследователей. В настоящее время готовится его публикация. При участии активистов КБС в 2005 г. вышли воспоминания Б.Г. Тартаковского, студента исторического факультета 1935 г/п, подготовленные его детьми²⁹. Большая помощь активистами КБС была

²⁹ Тартаковский Б.Г. Все это было...: Воспоминания об исчезающем поколении. М., 2005; *Он же*. Из дневников военных лет. М., 2005.

оказана Л.В. Максаковой при публикации фронтовых писем ее друзей³⁰. Кроме того, материалы КБС использованы при подготовке издания книги “Московский университет в Великой Отечественной войне” (М., 1985), написании статей и разделов в юбилейных изданиях истфака МГУ³¹. Музей демонстрирует хранящиеся документы на постоянных выставках, устраиваемых в коридорах факультета, на пятом этаже 1-го корпуса гуманитарных факультетов МГУ, в специально оборудованных для этого витринах. Листы с экспозицией музея можно также расценивать как часть имеющегося документального комплекса. На основе документов КБС постоянно устраиваются студенческие постановки, приуроченные к годовщинам Победы, юбилеям исторического факультета и университета. Таким образом, “золотая нить времен”, тянущаяся от поколения ветеранов, не прерывается.

---

³⁰ Письма студентов исторического факультета МГУ. 1941–1945 гг. // ВИ. 2005. № 5. С. 49–79.

³¹ Энциклопедический словарь Московского университета: Исторический факультет. М., 2004; Исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. М., 2004.

ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЯ

Тихомировские чтения 2005 г., проведенные Археографической комиссией совместно с Историко-архивным институтом РГГУ, открыл заведующий кафедрой региональной истории и краеведения ИАИ В.Ф. Козлов. Участники почтили минутой молчания память членов Археографической комиссии, скончавшихся со времени проведения Тихомировских чтений 2004 г. – Л.И. Бучиной, В.М. Загребина, Е.И. Каменцевой, В.В. Крылова, А.А. Курносова, Е.В. Чистяковой¹.

Вступительное слово произнес почетный председатель Археографической комиссии С.О. Шмидт. Статья, написанная им на основе этого выступления, печатается в настоящем томе². Публикуются также расширенные варианты докладов М.М. Горинова, И.В. Поздеевой, В.П. Богданова³.

На чтениях выступил также В.А. Невежин (ИРИ РАН), рассказавший о выдающемся вкладе академика А.М. Самсонова в собрание, изучение и публикацию документов Великой Отечественной войны, его упорной борьбе за правдивое и всестороннее освещение героической и трагической истории войны.

Т.В. Бабанин (ЦМ ВОВ) рассказал о деятельности добровольных поисковых отрядов, ежегодно выезжающих на поля сражений для захоронения останков советских воинов, сбора вещественных памятников, опроса местных жителей – участников и свидетелей боев. Он поставил важный вопрос о необходимости интеграции методов полевых исследований с методами исторического краеведения и музееведения.

Профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета Т.В. Батаева напомнила присутствующим об огромной работе по собиранию личных документов участников войны, осуществлявшейся краеведческими, народными и школьными музеями в послевоенные годы. Эту работу в определенной степени координировал сектор истории Великой Отечественной войны Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Собранные коллекции регистрировались в единой картотеке, которую тщательно вел выпускник МГИАИ Б.А. Томан. В настоящее время местонахождение этой ценнейшей картотеки, как и судьба многих учтенных в ней коллекций, неизвестна. Необходимо позаботиться о том, чтобы плоды этих трудов не исчезли и были доступны историкам войны.

Выступавшие в прениях участники чтений говорили о необходимости исследования многих недостаточно изученных событий Великой Отечественной войны, в частности – подвига и гибели Зои Космодемьянской.

В. Ч.

¹ Скончавшимся членам Археографической комиссии посвящены статьи и некрологи в “Археографическом ежегоднике”: *Каишанов С.М.* Алексей Антонович Курносов (1931–2004) // АЕ за 2004 год. М., 2005. С. 549–551; *Турилов А.А.* Вячеслав Михайлович Загребин (1942–2004) // Там же. С. 552–555; *Пашков А.М.* Елена Ивановна Каменцева как человек и ученый (наст. изд. С. 330–335); *Шмидт С.О.* Вячеслав Викторович Крылов (1940–2005) (Там же. С. 571–576); *Батаева Т.В.* Памяти Елены Викторовны Чистяковой (Там же. С. 577–581).

² См. наст. изд. С. 3–8.

³ См. наст. изд. С. 9–54.

М.Ф. Шумейко

**ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В БЕЛОРУССИИ
(1947–2004)**

Публикация в республике документов периода Великой Отечественной войны началась задолго до 9 мая 1945 г. Вначале она не носила строго научного характера и по своим целям призвана была поднимать боевой дух сражавшихся на фронтах бойцов и действовавших во вражеском тылу партизан и подпольщиков, обличать преступления оккупантов на временно захваченных территориях Белоруссии.

Одним из первых учреждений, занявшихся проведением такой работы, стала Комиссия по истории Отечественной войны при ЦК КП(б) Белоруссии, созданная в июне 1942 г. во главе с секретарем ЦК по пропаганде Т.С. Горбуновым¹. В постановлении ЦК КП(б)Б от 8 мая 1943 г. «Об издании сборника документов “Зверства немецких оккупантов в Белоруссии”» отделу пропаганды и агитации поручались его подготовка и публикация². Вскоре издательство газеты “Савецкая Беларусь”, располагавшееся, как и Комиссия, в Москве, выпустило два сборника (по два печатных листа каждый) под общим названием “Ничего не забудем, ничего не простим: Документы о зверствах немецких оккупантов в Белоруссии”. В том же году Комиссия издала документальную брошюру “Письма из немецкого рабства” (16 с.); в 1944 г. – сборник документов “25 лет Белорусской ССР” (приветствия и поздравления, присланные в адрес руководства республики по случаю ее юбилея, отмечавшегося 1 января 1944 г.).

По данным Комиссии, на 1 июня 1945 г. ею были подготовлены и сданы в печать и другие работы, в том числе: сборник статей и документов “Белорусский народ в боях за Родину” (12 печ. л.), сборники статей, рассказов, стихов, заметок – “Народные мстители” (12 печ. л.), “Партизаны Минщины” (4 печ. л.)³.

Другим учреждением, пытавшимся в условиях военного времени вести публикационную деятельность, являлся Партийный архив при ЦК КП(б)Б, единственный архив республики, не пострадавший в годы войны. Размещавшийся в Могилеве, он 25 июня 1941 г. был эвакуирован в Москву, а оттуда – в Уфу⁴. Сюда, как и в Комиссию по истории Отечественной войны, поступали документы и материалы, в том числе и от партизан Белоруссии, которые утратили оперативное значение, но приобрели ценность как исторические ис-

---

¹ Подробнее об этом см.: *Шумейко М.Ф.* Деятельность Комиссии по истории Отечественной войны при ЦК КП(б) Белоруссии. 1942–1946 // СА. 1985. № 2. С. 36–41.

² Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). Ф. 4. Оп. 3. Д. 1250. Л. 3.

³ Там же. Ф. 750. Оп. 1. Д. 4. Л. 69–70.

⁴ Подробнее об этом см.: “Неизвестная дорога” партийного архива: (Из воспоминаний заведующего Партархивом ЦК КП(б)Б Ф.О. Попова об эвакуации Партархива в г. Уфу в начале Великой Отечественной войны) // Беларускі археаграфічны штогоднік (Белорусский археографический ежегодник). Мінск, 2001. Вып. 2. С. 293–301.

точники. После ликвидации в 1946 г. Комиссии ее материалы как делопроизводственного, так и коллекционного характера тоже были переданы в Партийный архив, составив после обработки 358 дел фонда № 750⁵.

В октябре 1944 г. архив эвакуировался в Могилев и продолжил работу по собиранию и упорядочению документов военного времени. Параллельно он приступил и к подготовке сборника документов на основе того, что уже было на хранении⁶. При этом составители учитывали опыт подобных изданий – “Листовки Сталинградской областной партийной организации” (Сталинград, 1943), “Листовки партизанской войны в Ленинградской области. 1941–1944 гг.” (Л., 1945).

11 апреля 1945 г. заведующий Партийным архивом Ф.О. Попов направляет на заключение первого секретаря ЦК КП(б)Б, председателя СНК республики, в недавнем прошлом начальника Центрального штаба партизанского движения П.К. Пономаренко машинопись на 340 л. первого тома сборника под рабочим названием “Всенародная партизанская борьба белорусского народа против немецко-фашистских захватчиков в Великой Отечественной войне (Листовки ЦК КП(б)Б и ЛКСМБ)”. “Если ЦК КП(б)Б найдет нужным опубликование материалов Великой Отечественной войны, – писал Попов в сопроводительном письме, – то мы будем подбирать материалы и готовить последующие тома сборников... Предполагаем подготовить второй том – листовки обкомов и райкомов КП(б)Б и ЛКСМБ и третий том – материалы о боевой деятельности партизан Белоруссии”⁷.

Отметив неполноту корпуса включенных в сборник документов (в частности, отсутствие листовок 1941 г.) и другие его недостатки, Ф.О. Попов просит поручить кому-нибудь написать предисловие, так как сам он, оторванный от оперативной работы, затрудняется “дать подробный анализ руководства ЦК КП(б)Б партизанским движением”, и в заключение выражает надежду, “что издание настоящего сборника явится неоценимым вкладом в историю белорусского народа”⁸.

Через месяц П.К. Пономаренко, поздравив коллектив составителей с “успешной работой”, высказывает ряд существенных критических замечаний, которые, на наш взгляд, свидетельствуют о его недюжинных способностях не

⁵ См.: Документы по истории Великой Отечественной войны в государственных архивах Республики Беларусь (1941–1945): Справочник. Дрезден; Минск; Грац, 2003. С. 299.

⁶ Вскоре после эвакуации Партийного архива, 8 декабря 1944 г., его заведующий Ф.О. Попов обратился в ЦК КП(б)Б с докладной запиской, в которой, ссылаясь на положение ЦК ВКП(б) “О партийных архивах”, просил высший партийный орган республики “принять решение, обязывающее все партийные органы и бывших руководителей подпольных парторганизаций, партизанских отрядов и бригад немедленно сдать дела и материалы в партархив ЦК КП(б)Б гор. Могилева” (Освобожденная Беларусь: Документы и материалы. В двух книгах. Минск, 2004. Кн. 1: Сентябрь 1943 – декабрь 1944. С. 242). Однако понадобились три специальные постановления ЦК КП(б)Б – “О порядке хранения документов и материалов подпольных партийных организаций КП(б)Б, комсомольских и антифашистских организаций, а также партизанских бригад и отрядов” от 11 сентября 1945 г., “О собирании, разработке и издании документов и материалов о работе партийных организаций КП(б)Б и партизанском движении в Белоруссии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.” от 30 июля 1946 г. и “О передаче на хранение в партархив ЦК КП(б)Б документов и материалов партийных, комсомольских и антифашистских организаций, партизанских бригад и отрядов, действовавших на временно оккупированной немцами территории Белоруссии” от 23 сентября 1947 г. – чтобы сконцентрировать в Партийном архиве делопроизводственные документы партийных и комсомольских комитетов, а также соответствующие материалы от бывших руководителей партизанских формирований. (См.: Архіўная справа на Беларусі ў документах і матэрыялах (1921–1995 гг.). Минск, 1996. С. 19–32).

⁷ НАРБ. Ф. 511. Оп. 5. Д. 31. Л. 16.

⁸ Там же. Л. 17.

только как политического деятеля своего времени, но и как историка-археографа. Обратив внимание Попова на невозможность публикации в сборнике четырех секретных директив ЦК КП(б)Б 1941 г. о развертывании партизанского движения (“Широко описывая партизанскую борьбу и историю развития движения, мы не намерены выбалтывать все наши приемы и методы, которыми мы пользовались. Незачем помогать вооружать нашим ценнейшим опытом тех, кого вооружать нежелательно”), он писал: “Мне казалось бы, что сборник, тем более первый, посвященный борьбе белорусского народа против немецких захватчиков, не должен носить односторонний характер, т.е. показывать только всенародное партизанское движение. По-моему, абсолютно необходимо включить в сборник документы борьбы белорусского народа на фронтах Великой Отечественной войны и, в частности, включить такой изумительный документ, как письмо воинов-белорусов белорусскому народу, приказы Верховного Главнокомандующего по поводу побед на белорусской земле, взятия городов и особенно города Минска”⁹.

Если это увеличит объем, Пономаренко готов пожертвовать своими статьями – “Белорусский народ в борьбе с немецкими оккупантами” и “Белоруссия борется”, выделив их в отдельный сборник. “От этого, – считает он, – характер сборника будет выдержанней”. Далее рекомендует Попову еще раз пересмотреть имеющиеся в Партархиве “руководящие материалы ЦК КП(б)Б, постановления, письма в тыл за время Отечественной войны” и наиболее важные из них поместить в сборнике, а также советует обратиться в Музей истории Великой Отечественной войны за дополнительными документами.

Сравнительный анализ первого варианта сборника с окончательным изданием свидетельствует о том, что в целом замечания и рекомендации П.К. Пономаренко были приняты во внимание составителем. Исключение, как это ни покажется странным, составили секретные директивы, оставленные в сборнике вопреки указанию “официального рецензента”.

11 сентября 1945 г. ЦК КП(б)Б принимает постановление «Об издании первого тома документов и материалов “Борьба белорусского народа против немецко-фашистских захватчиков в Великой Отечественной войне”»¹⁰. Оно обязывает Госиздат в первом полугодии 1946 г. выпустить на белорусском языке сборник тиражом 15 тыс. экземпляров. Редактирование его поручается секретарям ЦК КП(б)Б В.Н. Малину и Т.С. Горбунову. 2 апреля 1946 г. Ф.О. Попов высылает В.Н. Малину написанное все-таки им предисловие к сборнику и просит, если оно удовлетворит секретаря ЦК, переслать его редактору политической литературы Госиздата¹¹.

А дальнейшая история выглядит полудетективной. Сборник, как изданный в 1947 г., значится в делопроизводственных документах архива; включен он и в список выпущенных книг редакции политической литературы Госиздата БССР за тот же год. Однако он не фигурирует в библиографических указателях по истории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны¹². Не упоминается сборник и в многочисленной научной литературе, в энциклопедических изданиях. Между тем автор данной статьи работал с изданными экземплярами сборника (один хранится в отделе редких книг и рукописей

⁹ Там же. Л. 34–35.

¹⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 61. Д. 197. Л. 36.

¹¹ Там же. Ф. 511. Оп. 5. Д. 31. Л. 67.

¹² Беларуская ССР ў Вялікай Айчыннай вайне Савецкага Саюза (1941–1945 гг.): Бібліяграфічны паказальнік літаратуры (1941–1971 гг.). Мінск, 1980.

Центральной научной библиотеки им. Я. Коласа Национальной Академии наук Беларуси¹³, второй – в фонде Института истории партии при ЦК КПБ НАРБ¹⁴).

В чем тут дело? Возможный вариант ответа на этот вопрос кроется в отчете о работе восстановленного в 1946 г. Института истории партии при ЦК КП(б)Б за 1947 г.: «Сборник “Всенародная партизанская борьба белорусского народа в Великой Отечественной войне”, ч. I и II был подготовлен к печати работниками партархива по указаниям бывших секретарей ЦК КП(б)Б тт. Малина и Горбунова и под их редакцией еще до создания ИИП. Первая часть сборника уже была сдана в печать. Но оказалось, что обе части сборника имеют *серьезные недостатки* (курсив мой. – М.Ш.) как со стороны подбора документов, так и со стороны обработки их. Поэтому ИИП занялся пересоставлением обеих частей сборника»¹⁵. Можно лишь предположить, что, учитывая положение редакторов сборника (секретари ЦК КП(б)Б, хотя в 1947 г. уже и бывшие), приняли решение пустить его тираж под нож, не предавая это широкой огласке¹⁶.

Несколько слов о структуре, составе сборника, археографическом оформлении и научно-справочном аппарате. Открывают его находящиеся вне разделов тексты выступлений И.В. Сталина 3 июля 1941 г. и В.М. Молотова – 22 июня 1941 г. В первом разделе, в соответствии с указанием П.К. Пономаренко, публикуются приказы Верховного Главнокомандующего об освобождении Минска и областных центров Белоруссии, во втором – директивы ЦК КП(б)Б о мобилизации населения на борьбу с оккупантами (включая и те четыре, на которые обращал внимание глава республики), в третьем – обращения и воззвания ЦК КП(б)Б, СНК и Президиума Верховного Совета БССР к партизанам и белорусскому народу, в четвертом – листовки ЦК КП(б)Б к партизанам и белорусскому народу. В отдельные разделы выделены письма Сталину от ЦК, СНК, Президиума Верховного Совета БССР и представителей белорусского народа, благодарность Сталина белорусскому народу, указ Президиума Верховного Совета СССР об учреждении медали “Партизану Великой Отечественной войны”, статьи М.И. Калинина и П.К. Пономаренко и др. Как реализацию предложений Пономаренко следует рассматривать нахождение в сборнике обращения воинов-белорусов и ответ на него партизан и населения. И завершают сборник вести с фронта (сводки Совинформбюро).

Обращает на себя внимание довольно невысокий уровень археографической подготовки издания, если о таковой вообще можно говорить. Легенды к документам (взятым из партархива и из газет) отсутствуют. Единственным элементом научно-справочного аппарата является двустороннее предисловие, в котором определяется цель сборника (“документы и материалы Великой Отечественной войны имеют исключительное значение в деле политического воспитания народа в духе советского патриотизма, безграничной преданности к Социалистической родине, большевистской партии Ленина–Сталина и Советскому правительству”), корпус публикуемых документов (“отдельные постановления (директивы), воззвания, обращения и листовки

¹³ Шифр книги: ОБ-XX НР 2095. За сообщение этих сведений приношу благодарность научному сотруднику НАРБ, к.и.н. В.В. Скалабану.

¹⁴ НАРБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 451.

¹⁵ Там же. Ф. 4. Оп. 47. Д. 168. Л. 54–55.

¹⁶ В просмотренных автором статьи материалах Главлита Белоруссии за эти годы нет сведений о данном сборнике.

ЦК КП(б)Б о партизанском движении...”) и анонсируется его продолжение.

Однако, в отличие от первого тома, второй не дошел до печатного станка, сохранившись лишь в форме машинописного макета с весьма любопытными и взаимоисключающими отзывами редакторов¹⁷. Этот макет, в котором, помимо листовок подпольных партийных и комсомольских обкомов и райкомов, сгруппированных по географическому принципу, приводился и текст секретного приказа Наркома обороны СССР “О задачах партизанского движения” от 5 сентября 1942 г., заведующий архивом высылает 18 июня 1946 г. Т.С. Горбунову. Получив его, тот пишет 20 июня соредактору: “Тов. Малин! Я уже ознакомился с содержанием второго тома листовок. На мой взгляд, составлен он толково. Приказ НКО Союза ССР тов. Сталина № 00189 очень хорошо было [бы] поместить. Но на это, видно, нужна санкция. Может быть, сдадим второй том в набор? Приказ № 00189 наберем в спеццехе (ввиду того, что на нем гриф “строго секретно”). Затем выправленные гранки-верстку пошлем в ЦК ВКП(б) тов. Жданову с просьбой санкционировать издание с приказом № 00189. Или приказ пока не сдавать в печать? Прошу ознакомиться с содержанием и сделать замечания”¹⁸.

Оценка В.Н. Малиным сборника была совершенно иной. “Второй том документов и материалов, – пишет он, – составлен неудачно”. Главный недостаток, по его мнению, в том, что в сборнике преобладали листовки за 1943–1944 гг., что могло вызвать у читателя неправильное представление о развитии и росте партизанского движения. “Многие листовки, – замечает он, – посвящены теме об изменниках и предателях [...] Создается впечатление, что изменников и предателей было большое количество. Но это неверно”¹⁹.

Разумеется, после такого заключения речь не могла идти об издании тома. В результате переработки всех томов сборника, которую предпринял уже ИИП при ЦК КП(б)Б (правда, с участием и первого составителя, Ф.О. Попова), в 1949 г. появляется новое название издания – “Листовки партизанской борьбы в Белоруссии в период Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.”²⁰. Примерно под таким названием – “Зборнік лістовак усенароднай партызанскай барацьбы ў Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны. 1941–1944” – он увидит свет (Мінск, 1952).

В сравнении со своим первым составом 1947 г. сборник 1952 г. – более представительный как по объему, так и по уровню подготовки (хотя и он не без недостатков). Завершенная ко времени его издания работа по собиранию и систематизации в Партийном архиве партизанских документов обусловила наличие легенд к публикуемым листовкам. Учитывая специфический характер этих исторических источников, составители сборника занялись даже не свойственной им работой, а именно, предприняли попытку установления достоверности сообщаемых в листовках сведений. С этой целью они в 1950 г. направили во многие областные и районные исполкомы депутатов трудящихся письма с просьбой подтвердить, действительно ли имели место те или иные факты, содержащиеся в листовках.

¹⁷ НАРБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 1149. Л. 1–681.

¹⁸ Там же (лист не нумерован). Впервые текст постановляющей части приказа НКО СССР № 00189 был опубликован в “Военно-историческом журнале” (1975. № 8), в разделе “Документы и материалы”, без указания фамилии подготовителя публикации.

¹⁹ Там же (лист не нумерован).

²⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 47. Д. 206. Л. 14.

Показательно в этом отношении письмо от 9 марта 1950 г. на имя председателя Витебского облисполкома И.М. Кардовича, в недавнем прошлом одного из руководителей подполья и партизанского движения в Могилевской области. Сообщив адресату о подготовленном сборнике, составители далее указывают: “В отдельных листовках сборника приведены факты, требующие проверки. В частности, по Вашей области нам необходимо установить следующие данные: 1) В 1942 г. в д. Николаево (район не указан) немецкий офицер расстрелял Мазурова Василия, Лебедева Григория, Баранова Дмитрия, Захаренко Семена, Баранова Степана и Василевского Ивана за то, что они отказались выехать на каторгу в Германию [...]”²¹. Далее следовало изложение поданных фактов по 11 позициям и в завершение – просьба сообщить об их достоверности. К сожалению, отсутствие ответного письма, равно как и именного указателя в сборнике, не позволяет судить о результатах проверки.

Кстати, последняя в некоторых случаях играла роль своеобразной “предварительной цензуры”²². В подтверждение приведем фрагмент письма секретарю парткома Московского автозавода им. Сталина, в котором сообщалось: “В сборнике мы помещаем письмо комсомольцев и молодежи Московского автозавода им. Сталина к партизанам и партизанкам Белоруссии, изданное листовкой в июне 1943 г. Среди лучших комсомольцев-стахановцев автозавода в письме названы Колачева, Кракова, Черняева, Сакевич, Гафина, выполнявшие нормы на 250–300%. Просим сообщить на этих лиц политическую характеристику”²³.

Что касается отбора и систематизации документов, включенных в сборник 1952 г., то они были проведены более тщательно в сравнении со сборником 1947 г. Помимо Партийного архива, листовки для сборника выявлялись в республиканском Музее истории Великой Отечественной войны и Гомельском краеведческом музее. С учетом авторско-корреспондентского принципа 300 с лишним документов сборника были сгруппированы в пять разделов (1. Листовки ЦК КП(б)Б, СНК и Президиума Верховного Совета БССР; 2. Листовки подпольных обкомов и райкомов КП(б)Б; 3. Листовки подпольных обкомов и райкомов ЛКСМБ, общественных организаций; 4. Листовки партизан; 5. Листовки, обращенные к войскам противника)²⁴.

²¹ Там же. Ф. 4683. Оп. 1. Д. 52. Л. 12.

²² Заметим, что белорусский Институт истории партии настолько бдительно охранял “идеологическое целомудрие”, что даже не останавливался перед отправлением в спецхран собственной документальной продукции, как это было, например, с подготовленным Партархивом ЦК КП(б)Б и изданным в 1947 г. Госиздатом Республики сборником “Крах немецкой оккупации в Белоруссии в 1918 г.”. В письме директора Института Ф.А. Новиковой начальнику Главлита Белоруссии Л. Садовскому от 22 ноября 1951 г. читаем: “В связи с тем, что в сборник попали некоторые документы за подписью врагов народа [имелись в виду бывшие деятели Белорусской народной республики. – *М.Ш.*], Институт истории партии просит Вас дать указание об изъятии этой книги” (НАРБ. Ф. 4683. Оп. 1. Д. 53. Л. 43). Приказом Главлита № 189 от 11 декабря 1952 г. сборник был отправлен в спецхран.

А когда тот же начальник Главлита обратился в Институт с просьбой дать заключение о возможности нахождения в библиотеках общественного пользования издания конца 1920 – начала 1930 г. Общества историков-марксистов Белоруссии “Марксистский сборник”, незамедлительно последовал довольно едкий ответ Новиковой: “Приходится удивляться, как можно просить заключение о возможности использования [...] книг, содержащих материалы врагов народа!” (Там же. Л. 34–35).

²³ НАРБ. Ф. 4683. Оп. 1. Д. 53. Л. 16.

²⁴ Данная систематизация представляется не совсем удачной, поскольку вызывает неизбежную повторяемость информации. С учетом этого обстоятельства мы разделяем мнение белорусского историка, писавшего о нем: “Замыслу сборника более полно отвечал бы, как нам кажется, тематический принцип либо деление на разделы с учетом основных этапов истории Великой Отечественной войны”. См.: *Копыцкий З.Ю.* Сборники документов по истории Белоруссии, изданные в БССР (1921–1971 гг.) // АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 22.

Очевиден пропагандистский характер издания. На это, в частности, указывает апологетическое, в духе культа личности Сталина, предисловие общесоветского характера. Его содержание не могло не испытать на себе влияния духа “холодной войны”, в условиях разгара которой готовился сборник: в нем главными виновниками развязывания Второй мировой войны объявлялись исключительно “американско-английские империалисты”.

Наличие стереотипной, повторяющейся информации о ходе боевых действий на фронтах, а также нередко преувеличенные и потому требующие комментирования данные о боевых операциях белорусских партизан, взятые из сводок Совинформбюро, местной подпольной печати, снижают источниковедческое значение публикации. Кроме того, многие листовки содержат информацию в зашифрованном виде, что затрудняет ее использование и требует проведения дополнительных изысканий.

Невысокий источниковедческий и археографический уровень издания характеризует почти полное отсутствие в нем текстуальных примечаний и примечаний по содержанию (исключение составляют обильные ссылки на работу И.В. Сталина “О Великой Отечественной войне Советского Союза”).

Если говорить о передаче текстов публикуемых документов, то и здесь возникает довольно много вопросов к составителям. Ряд документов содержит неточности фактического характера, оставленные публикаторами без комментариев (док. 129 и др.). Опубликованный текст ряда листовок по причинам политического и идеологического свойства имеет существенные расхождения с оригиналом. Так, в одном случае сделаны купюры (без обозначения их отточиями) о заключенном летом 1941 г. советско-английском военнополитическом соглашении, в другом (док. 290), наоборот, составители “дополнили” текст листовки собственными характеристиками польского эмигрантского правительства и др. Отдельные легенды к документам неполные и не соответствуют действительности. Тексты всех листовок публиковались исключительно на белорусском языке; при этом подразумевавшийся и очевидный перевод многих из них с языка оригинала (русского, немецкого, венгерского и др.) не оговаривался.

И тем не менее, издание данного сборника следует рассматривать как первый опыт публикации в республике документов по истории партизанского движения и подполья в годы Великой Отечественной войны. Он открывал серию документальных публикаций, готовившихся уже в изменившихся общественно-политических условиях, обусловленных смертью Сталина и наступлением так называемой “хрущевской оттепели”.

К сожалению, как увидим далее, эта тематическая серия имела несколько односторонний характер, ограничиваясь преимущественно документами и материалами о партизанской борьбе и подполье. Она, вопреки справедливому замечанию П.К. Пономаренко, о котором шла речь выше, не включала документы и материалы о действиях белорусов на фронтах Великой Отечественной войны, их трудовом героизме в советском тылу, возрождении промышленности и сельского хозяйства республики после изгнания оккупантов с территории Белоруссии²⁵. Причина этого явления, на наш взгляд, заключается в том, что сложившийся среди союзных республик образ республи-

²⁵ Это особенно бросается в глаза при сравнении с документальными публикациями на Украине, которые начали появляться с конца 1940-х годов. См., например: Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза: Сб. док. и мат. Одесса, 1947, 1949. Т. 1–3; Житомирщина в період тимчасової окупації німецько-фашистськими загарбниками 1941–1944: Зб. док. Житомир, 1948; 1951; Запорожская область в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Сб. док. Запорожье, 1959, и др.

партизанки применительно к Белоруссии (он соответствовал действительности!), требовал “документальной подпитки”. Не следует также сбрасывать со счетов и “человеческий фактор”: большинство представителей партийного и советского руководства республики всех уровней послевоенного периода являлись бывшими партизанами и подпольщиками, и это не могло не влиять на определение “археографической политики” в части публикации документов 1941–1945 гг.²⁶

Существенную роль в деле публикации документов по истории партизанского движения в Белоруссии сыграло принятое 13 мая 1958 г. ЦК КПБ постановление “О подготовке и издании трудов по истории партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны”²⁷. Оно обязывало (в очередной раз!) Институт истории партии при ЦК КПБ и Институт истории АН БССР «подготовить и издать в 1960 г. *сборники* [Sic! – М.Ш.] документов на тему “Партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны”». Постановление определяло круг основных источников, подлежавших опубликованию (постановления партийных органов, информационные и докладные записки, боевые рапорты партизан и т.п.), а также учреждения, которые должны были содействовать подготовке издания (Музей истории Великой Отечественной войны, Архивное управление и др.). Именно в это время начинает складываться реальная кооперация историков и архивистов республики в сфере публикации источников по военной истории.

Для подготовки сборника была создана рабочая группа из представителей историко-партийного и академического институтов. Утвержденное руководством обоих институтов Положение об основах построения сборников “Партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944 гг.). Документы и материалы в трех томах” базировалось на постановлении ЦК КПБ, но в то же время конкретизировало состав источников и методику их публикации, определяло структуру сборника.

Публикуемые документы должны были осветить проведение эвакуации населения из Белоруссии, строительство оборонительных сооружений, создание и деятельность истребительных подразделений, помощь Красной Армии, сбор средств в фонд обороны страны, братскую помощь советского народа белорусскому народу, срыв партизанами и населением республики хозяйственных, экономических, политических и других мероприятий врага, боевое содружество белорусских и других партизан и др.²⁸

Положение предусматривало издание только подлинных документов и, как правило, без сокращений текста. Публикация в извлечениях допускалась лишь в случае больших объемов документов. В каждом томе должно быть предисловие, включающее общеисторическую и археографическую части. Сборник готовился в соответствии с Правилами издания исторических документов (М., 1955).

Сотрудники рабочей группы весьма оптимистично смотрели на возможность издания сборника в течение пяти лет, по тому ежегодно (с 1961

²⁶ Правда, в некоторых постановлениях высшего партийного органа республики указывалось, что видное место в сборниках о партизанском движении должно быть отведено документам о боевых подвигах белорусов на фронтах Великой Отечественной войны (См.: подписанное первым секретарем ЦК КПБ К.Т. Мазуровым (в годы войны он был секретарем ЦК ЛКСМБ) постановление “О подготовке и издании трудов по истории партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны” от 13 мая 1958 г. // НАРБ. Ф. 511. Оп. 8. Д. 417. Л. 17.

²⁷ Там же.

²⁸ Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси (далее ЦНА НАНБ). Ф. 3. Оп. 1. Д. 324. Л. 35–38.

до 1964 г.). Но потребовалось значительно больше времени на подготовку сборника, получившего окончательное название “Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны”. Первый его том (с 22 июня 1941 г. до ноября 1942 г.) увидел свет в 1967 г., второй (в двух книгах, документы до конца 1943 г.) – в 1973, 1978 гг. и завершающий том (документы до освобождения Белоруссии летом 1944 г.) – в 1982 г.²⁹

Свыше 1,5 тыс. документов, в большинстве своем впервые вводимых в научный оборот, – таков итог данной фундаментальной публикации, до сих пор остающейся, несмотря на все ее недостатки³⁰, важнейшим и доступнейшим источником для изучения истории партизанского движения и подполья в Белоруссии в 1941–1944 гг.

Основную часть трехтомника составили партизанские документы: приказы, сводки, обзоры и другие оперативные материалы Центрального и Белорусского штабов партизанского движения, докладные записки, рапорты, донесения, отчеты, акты, приказы командования партизанских формирований, выписки из историй, дневников и журналов боевых действий партизанских бригад и отрядов. Здесь публиковались также документы и материалы территориальных подпольных организаций и групп, действовавших в городах и других населенных пунктах Белоруссии. Были представлены и документы противника, которые, вопреки замыслам их создателей, свидетельствовали о широком размахе партизанского движения и подполья, носивших поистине всенародный характер, о результативности боевой и политической деятельности белорусских партизан и подпольщиков.

В общем предисловии к первому тому сборника подчеркивалось, что трехтомник не претендует на полное освещение всех вопросов темы, включенные документы “далеко не исчерпывают всего богатства архивных фондов, содержащих документальные материалы по истории подполья и партизанского движения в Белоруссии в 1941–1944 гг. Они представляют лишь незначительную, но очень важную их часть, отвечающую общим направлениям и задачам данного издания. В них содержится богатейший конкретно-исторический материал, который ярко и убедительно свидетельствует о мужественной, самоотверженной борьбе с врагом верных сынов и дочерей народа – партизан и подпольщиков, мирного населения, не входившего в партизанские отряды или в подпольные организации, о том большом вкладе, который внесли советские патриоты Белоруссии в победу над гитлеровскими оккупантами. Всем своим содержанием это документальное издание разоблачает буржуазных фальсификаторов,

---

²⁹ Такие продолжительные сроки подготовки сборника обусловлены, на наш взгляд, причинами не только организационного характера. Действовавшие в то время условия работы с документами партийных архивов в СССР, в том числе и ПА ИИП при ЦК КПБ (а именно они составляли основу сборника) исключали возможность доступа к ним беспартийных. На такого рода абсурдную ситуацию указывал один из членов рабочей группы, представлявший академический Институт истории (ЦНА НАНБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 382. Л. 239). Отметим также и отсутствие на первом этапе работы взаимодействия между учреждениями – составителями (каждый упрекал друг друга в бездействии), вследствие чего предлагалось даже готовить сборники по институтам (Там же. Д. 343. Л. 23). Ставила под сомнение целесообразность включения в сборник такого вида источников, как “Истории партизанских бригад и отрядов”, составлявшиеся уже после прекращения действий партизанских формирований, поскольку их “писали неквалифицированные люди” (Там же. Д. 382. Л. 239).

³⁰ В их числе отметим игнорирование составителями такого важного элемента научно-справочного аппарата, как перечень публикуемых документов. К стати, нет его и в других документальных изданиях, готовившихся ИИП при ЦК КПБ. О них см. далее.

извращающих историю советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны”³¹.

В трехтомник не вошли материалы, характеризовавшие оккупационный режим в Белоруссии, поскольку в 1963 г. был издан специальный сборник “Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944” (2-е, доп. изд.: Минск, 1965)³². Его выход в свет был приурочен к 3-й Международной конференции по истории движения Сопротивления в странах Европы в годы Второй мировой войны, проходившей в 1963 г. в Карловых Варах (участвовала в конференции и делегация историков из Белоруссии).

По словам одного из редакторов сборника, он получил широкий резонанс как в СССР, так и за рубежом: “В нем представлены подлинные документы и материалы военных лет... разоблачающие чудовищные злодеяния немецко-фашистских захватчиков на временно оккупированной белорусской земле в 1941–1944 гг. Актуальность сборника, его непреходящая научная ценность бесспорны, особенно если учесть, что всем своим содержанием он наносит разящие удары как по тем реакционным силам на Западе, которые пытаются возродить неофашизм, так и по буржуазным фальсификаторам истории, стремящимся обелить и оправдать гитлеровских военных преступников”³³.

Последнее замечание имело особый смысл, учитывая принятое в 1965 г. ФРГ решение о прекращении преследований нацистских преступников в связи с “истечением срока давности”³⁴. Правительство БССР 15 января 1965 г. выступило с резким осуждением такого решения западногерманского правительства: “Можно ли оправдать и забыть то, что в Бухенвальде, Дахау, Майданеке, Маутхаузене, Заксенхаузене, Освенциме, Ораниенбурге, Треблинке, Тростенце и других лагерях смерти гитлеровские палачи уничтожили миллионы ни в чем не повинных людей, в том числе стариков и детей, можно ли забыть тысячи разрушенных городов и сожженных сел и другие злодеяния гитлеровских преступников?”³⁵ Для того, чтобы напомнить мировой общественности о злодеяниях нацистов в Белоруссии, было решено переиздать сборник “Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944”, дополнив его новыми документальными свидетельствами, в большом количестве хранящимися в белорусских, российских, латвийских и других архивах³⁶. Эта тема нашла продолжение и в позднейших документальных изданиях, готовившихся в республике.

Завершив серийное документальное издание, научные сотрудники Института истории партии (Л.В. Аржаева, П.П. Липило, Г.Н. Шевела) уже без уча-

³¹ Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): Документы и материалы. В трех томах. Минск, 1967. Т. 1: Зарождение и развитие партизанского движения в первый период войны (июнь 1941 – ноябрь 1942). С. 26–27. Заметим, что работа над документальным сборником шла параллельно с подготовкой аналитического исследования, вылившегося в трехтомную монографию со схожим названием – “Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны” (Минск, 1983–1985. Т. 1–3).

³² В сборнике широко использовалась опубликованная в 1947 г. стенограмма судебного процесса по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР, состоявшегося в Минске 15–29 января 1946 г.

³³ НАРБ. Ф. 4683. Оп. 1. Д. 957а. Л. 121.

³⁴ Решение основывалось на действовавшем в ФРГ уголовном кодексе 1871 г., согласно которому предусматривался максимальный срок давности преступления в 20 лет.

³⁵ Знешняя палітка Беларусі: Зборнік дакументаў і матэрыялаў (верасень 1945 г. – 1975 г.). Мінск, 2002. Т. 5. С. 177.

³⁶ О большом внимании к данному сборнику свидетельствуют 12 рецензий на него в белорусских, украинских и общесоюзных газетах и журналах, включая “Коммунист Белоруссии”, “Коммунист”, “Советские архивы”, “Украинский исторический журнал” и др.

ствия коллег из академического Института истории и архивных учреждений приступили к подготовке документальных сборников, содержание которых в определенной степени лежало в русле их научных интересов³⁷. С другой стороны, их можно рассматривать и в качестве реализации “документальных заготовок”, не вошедших в трехтомный сборник. Речь идет о книгах “В непокоренном Минске: Документы и материалы о подпольной борьбе советских патриотов в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944)” (Минск, 1987) и “Комсомол Белоруссии в Великой Отечественной войне: Документы и материалы” (Минск, 1988).

Работа над сборником о подполье в столице Белоруссии велась параллельно с продолжающимся изучением истории самого подполья, в ходе которого не только выяснялись ранее неизвестные детали и подробности, но и пересматривались принципиальные вопросы, связанные с руководством подпольем в первый период его деятельности³⁸. Это не могло не отразиться на подготавливаемом сборнике, из верстки которого, как нам известно, были изъяты некоторые документы (в частности, протоколы заседаний так называемого допарткома за ноябрь 1941 – январь 1942 гг.), объявленные членами созданной в ЦК КПБ специальной комиссии поддельными³⁹. Вероятно,

³⁷ Л.В. Аржева являлась автором разделов о Минском антифашистском подполье в трехтомной монографии “Всенародная борьба в Белоруссии...”, а также статьи о Минском подполье в коллективном сборнике статей “Подвиги их бессмертны” (Минск, 1978); П.П. Липило – одним из авторов официальной исторической справки ИИП при ЦК КПБ “О партийном подполье в Минске в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944 г.)” (Минск, 1961); Г.Н. Шевела – составителем справочника “Подпольные комсомольские органы Белоруссии периода Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944 г.)” (Минск, 1976), а также ответственным составителем и трехтомного документального сборника “Всенародное партизанское движение...”

³⁸ Итогом работы созданной в 1987 г. ЦК КПБ Комиссии стало принятое незадолго до 45-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне постановление высшего партийного органа республики, согласившееся с основными выводами Комиссии о том, что секретарем Минского подпольного горкома КП(б)Б с ноября 1941 г. (с момента организации) и до октября 1942 г. (до ареста) являлся Ковалев Иван Кириллович, работавший до войны секретарем Заславского райкома партии Минской области по кадрам. В постановлении также говорилось: “Считать не соответствующими действительности ранее инкриминируемые И.К. Ковалеву предательство членов Минского подпольного горкома партии, сотрудничество с гитлеровскими оккупантами”. По иной версии, являвшейся до этого официальной, функции городского подпольного комитета партии с ноября 1941 г. до весны 1942 г. исполнял так называемый “допартком” (т.е. дополнительный партийный комитет), возглавляемый работавшим до войны главным инженером Белорусской республиканской конторы Главнефтебюта в Белостоке И.П. Казинцом, повешенным фашистами 7 мая 1942 г. (в 1965 г. он был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза). Подробнее об этом см.: И.К. Кавалёў – сакратар Мінскага падпольнага ГК КП(б)Б // Звязда. 1990. 9 мая; Симуров А. Доброе имя подпольщика // Правда. 1990. 26 июля; Дамарад К. Паўстагоддзя з кляймо зрадніка // Звязда. 1991. 10 апр., и др.

³⁹ По поводу этих протоколов один из главных научных консультантов Комиссии, сотрудник ИИП при ЦК КПБ, бывший в свое время участником партизанского движения в Белоруссии, писал: «И тем не менее в послевоенные годы в партийные органы подбрасываются 5 “протоколов” не существовавшего вообще “допарткома – городского партийного комитета”, который будто бы функционировал в конце 1941 – начале 1942 г. Вряд ли стоит сомневаться в том, что тот, кто изготовил эти “протоколы”, ставил неблагоприятную цель – подменить подпольный горком КП(б)Б, которым руководил И.К. Ковалев, так называемым “допарткомом – городским партийным комитетом”» (Дамарад К. Указ. соч.). Его оппонент, автор ряда документально-художественных произведений о минском подполье, немало сделавший для установления его истории, в рецензии на сборник документов “В непокоренном Минске”, наоборот, отмечал: “Вместе с тем полного удовлетворения от сборника нет. В него не включен ряд документов, свидетельствующих об организационной и боевой деятельности первого состава горкома [...] тогда как в партархиве есть и протоколы заседаний комитета, и утвержденная структура организации, и распределение обязанностей” (Новиков И. Героям – должное // Правда. 1988. 13 июня). Со своей стороны заметим, что выдвинутые версию о подложности протоколов не привели в ее подтверждение существенных доказательств, ограничившись формальной критикой протоколов заседаний.

Комиссия настояла на изменении характера примечания, объяснявшего события, последовавшие после осеннего (1942 г.) провала Минского подполья. В нем вообще отсутствует фамилия И.К. Ковалева, который вместе с другими членами подпольного горкома партии был арестован органами СД в октябре 1942 г.⁴⁰ В то же время И.П. Казинец по-прежнему фигурирует как секретарь, правда, не доппарткома, а руководящего партийного центра, выполнявшего функции Минского подпольного горкома партии; в публикуемом предпоследним (док. 173) Указе Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза минским подпольщикам от 8 мая 1965 г. он значится как секретарь Минского подпольного горкома партии⁴¹.

В отличие от документального сборника о Минском подполье подготовленного аналогичного “комсомольско-молодежного” издания (1987) не сопровождалась такими драматическими перипетиями, тем более что составитель “подстраховался” авторитетом второго секретаря ЦК КПБ Г.Г. Бартошевича, который числится председателем его редакционной комиссии.

Археографически добротные подготовленные 215 документов сборника (из них 30 последних выходят за хронологические рамки издания) дополняются отсутствующими в предыдущем издании именным и географическим указателями, а также предисловием (возможно, излишне пространным), списком сокращенных слов, примечаниями текстуальными и по содержанию. Как и в сборнике о подполье, в нем нет перечня публикуемых документов; отсутствуют и “Содержание” (в предыдущем сборнике оно есть).

После издания этого сборника наступает перерыв в публикации документов в Беларуси вообще и по истории Великой Отечественной войны в частности. Он был обусловлен известными событиями 1991 г. и последовавшими вслед за ними реорганизациями сети архивных учреждений и органов управления архивным делом в республике. В структуре реорганизованного Госкомитета по архивам и делопроизводству Республики Беларусь не нашлось места научно-издательскому отделу, ранее игравшему роль координационного и научно-методического центра в области археографии. Его функции были переданы отделу археографии вновь созданного отраслевого республиканского НИИ документоведения и архивного дела (вначале он носил достаточно экзотическое название – Белорусский научно-исследовательский центр документоведения и *ретроинформации*)⁴².

Понадобилось несколько лет, чтобы наладить в республике работу по изданию документов. Ею стали заниматься преимущественно архивные учреждения, пополнившиеся квалифицированными кадрами археографов,

⁴⁰ См.: В непокоренном Минске. С. 233, примеч. 184. Для сравнения: в первом томе документального сборника “Всенародное партизанское движение в Белоруссии”, в примечании к документу, где упоминается фамилия Ковалева, читаем: “Ковалев И.К. в начале октября 1942 г. был арестован гитлеровскими органами СД, подвергался пыткам в фашистских застенках. В январе 1943 г. вступил в сотрудничество с оккупантами и был вывезен в Германию” (С. 665).

⁴¹ В непокоренном Минске. С. 7, 209. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в отличие от включенных в этот Указ И.К. Кабушкина, Н.А. Кедышко, Е.В. Клумова, В.С. Омелянюка, чьи наградные листы публикуются в сборнике, наградной лист на И.П. Казинца отсутствует.

⁴² Именно Центром была подготовлена книга “Нямецка-фашысцкі генацыд на Беларусі (1941–1944)” (Мінск, 1995), являвшаяся уточненным и дополненным изданием сборника «Нацистская политика геноцида и “выжженной земли” в Белоруссии» (Минск, 1984). В ней, наряду со сведениями о нацистских лагерях на территории Белоруссии, карательных экспедициях против партизан, уничтоженных фашистами населенных пунктах, публиковались и фотодокументы, а также письменные свидетельства о зверствах оккупантов в Белоруссии.

в том числе из Института истории НАН Беларуси, ликвидированного Института истории партии и других научных учреждений и учебных заведений республики.

С учетом состава хранимых фондов ведущее место в публикации документов по истории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны занял Национальный архив Республики Беларусь, образовавшийся из документальных комплексов бывших Центрального архива Октябрьской революции и Центрального партийного архива Компартии Белоруссии⁴³.

Вполне понятно, что вслед за изменением организации работы по изданию документов и материалов, корректируется и тематика публикаций. В рамках темы “Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны” актуализируются такие ее составляющие, как “Ограбление и насильственный вывоз населения Белоруссии на принудительные работы”, “Холокост в Белоруссии”. Археографы обращают также внимание на внешнеполитическую деятельность республики на заключительном этапе войны, первые шаги по возрождению промышленности и сельского хозяйства Белоруссии после ее освобождения от оккупантов и др.

Своего рода археографическим событием в республике стала подготовка многотомного серийного документального издания об угоне населения на принудительные работы в Германию и их последующей репатриации⁴⁴. Дополненная коллективной монографией под таким же названием⁴⁵ (ее авторы – основные составители документального сборника), работа была удостоена Государственной премии Республики Беларусь в области гуманитарных и социальных наук за 2002 год⁴⁶.

Идея подготовки документального сборника о белорусских “остарбайтерах” возникла вскоре после подписания 30 марта 1993 г. между правительствами Республики Беларусь, Российской Федерации, Украины с одной стороны и правительством Федеративной Республики Германии – с другой договоренностей в отношении граждан бывшего СССР – жертв нацистских преследований. В соответствии с ними в Белоруссии, России и Украине учреждались национальные фонды “Взаимопонимание и примирение”, целью которых являлось распределение выделенных правительством ФРГ 1 млрд немецких марок для компенсации гражданам бывшего СССР, пострадавшим от нацистских преследований.

Наряду с этим Белорусский республиканский фонд “Взаимопонимание и примирение” выступил спонсором документального издания, к подготовке которого были привлечены ответственные работники Госкомархива республики, а также сотрудники Национального архива и Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны, в фондах которых находились основные источники по истории угона населения Белоруссии в фашистскую Германию.

⁴³ Подробнее об этом см.: Фонды бывших архивов Коммунистической партии Белоруссии: Краткий справочник в 2 ч. Минск, 1997. Ч. 1. С. 5–6.

⁴⁴ Белорусские остарбайтеры: угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944): документы и материалы. В 2 кн. Минск, 1996. Кн. 1: (1941–1942); Минск, 1997. Кн. 2: (1943–1944); Белорусские остарбайтеры: репатриация (1944–1951): документы и материалы. Минск, 1998. Кн. 3. В 2 ч. Ч. 1–2.

⁴⁵ Белорусские остарбайтеры: историко-аналитическое исследование / Г.Д. Княтько, В.И. Адамушко, Н.А. Бондаренко, В.Д. Селеменев; Под ред. Г.Д. Княтько. Минск, 2001.

⁴⁶ Государственная премия – белорусским архивистам // Архивы и делопроизводство. Минск, 2003. № 3. С. 4–5.

В общей сложности в трех книгах сборника (последняя по техническим причинам издана в двух частях с общей нумерацией страниц и документов) опубликовано 584 письменных и 137 фотодокументов за 1941–1951 гг. (последние 11 документов третьей книги выходят за хронологические рамки издания и связаны с историей создания и деятельности в 1993–1998 гг. фонда “Взаимопонимание и примирение”).

Рассматривая данное издание как продолжение сборника “Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944” (Минск, 1963), мы в то же время отмечали, что «тогда [в 1963 г.], во время работы над сборником о нацистских преступлениях, в силу бытовавших политических и идеологических догм, невозможно было опубликовать документы, которые, по мнению определенных учреждений и органов, не носили явно обличающего немецко-фашистских оккупантов характера. К их числу могли быть отнесены, например, ныне включенные в сборник документы и материалы органов местного “самоуправления”, занимавшихся вербовкой рабочей силы для поездки в Германию, медицинские освидетельствования лиц как насильственно отправляемых на работу в рейх, так и вызвавших добровольное согласие на поездку и т.п.»⁴⁷.

Издание данного сборника представляет собой явление не только научно-го, но и нравственного порядка. Благодаря ему достоянием широкой общественности стала трагедия сотен тысяч граждан Белоруссии, подавляющее большинство которых все же не по своей воле оказалось в фашистском рабстве, пережив все его кошмары. Затем те из них, кому посчастливилось вернуться оттуда, вынуждены были скрывать факт пребывания в фашистской неволе даже от родных и близких, не говоря уже о сослуживцах. Кстати говоря, факты негативного отношения (и не только со стороны местных официальных органов) к людям, находившимся в Германии, довольно часто встречаются в документах сборника. Так, выступая 25 августа 1945 г. в Совнарком Белоруссии на совещании по вопросу репатриации советских граждан, зам. председателя Совнаркома И.М. Ильюшин отмечал необходимость “ликвидировать огульное, общее недоверие к тем, которые были в Германии. У нас одно время было такое недоверие к тем, которые были под гнетом немецких оккупантов здесь. То же самое и теперь с теми, которые были угнаны”⁴⁸.

Продолжением данного сборника стало аналогичное издание (на рус. и нем. языках) о принудительном труде белорусского населения в Австрии⁴⁹. Оно увидело свет благодаря финансовой поддержке как республиканского фонда “Взаимопонимание и примирение”, так и Австрийского министерства науки, образования и культуры. Участие в подготовке сборника принимал наряду с Национальным архивом Республики Беларусь и Институт Людвиг Бальцмана по исследованию последней войны (Грац, Австрия). В сборник вошло 52 документа за 1942–1948 гг.; среди них – официальные распоряжения оккупационной администрации об уgone белорусских рабочих в “Остмарк”, трудовые карточки людей и др. В конце книги в качестве приложения помещены фотодокументы из хранящегося в Белорусском кинофотофоноархиве фотоальбома “Вербовка на Востоке” (вполне понятно, что они представляют

⁴⁷ Шумейко М. Рабы XX века: [рец. на сб. док. “Белорусские остарбайтеры”] // Архивы и делопроизводство. 1999. № 3. С. 64.

⁴⁸ Белорусские остарбайтеры: репатриация. Кн. 3, ч. 1. С. 294.

⁴⁹ Принудительный труд белорусского населения в Австрии: Документы и материалы. Грац; Минск, 2003.

собой разительный контраст с аналогичными документами, не носящими заказного характера), а также статистические сведения, карты, графики.

При финансовой же поддержке фонда “Взаимопонимание и примирение” были изданы подготовленные Национальным архивом совместно с Музеем истории Великой Отечественной войны сборники “Озаричи – лагерь смерти: Документы и материалы” (Минск, 1997), «“Нацистское золото” из Беларуси: Документы и материалы» (Минск, 1998), “Лагерь смерти Тростенец: Документы и материалы” (Минск, 2003). В сборнике об Озаричском лагере обращают на себя внимание публикуемые здесь, наряду с письменными источниками, и более 80 фотодокументов из музея. Они были сделаны военными фотокорреспондентами во время освобождения узников лагеря 18–19 марта 1944 г. Составители сопроводили их не только заголовками с указанием в ряде случаев авторов (т.е. фотокорреспондентов), но и легендами, обозначив шифры, под которыми фотодокументы хранятся в музее. Правда, они почему-то не включили их в общий перечень публикуемых документов, вероятно, по-прежнему рассматривая фотодокументы в качестве “иллюстративного” материала.

Другой сборник, повествующий об одном из крупнейших в Европе (наряду с Освенцимом, Майданеком и Трешлиной) лагере смерти, устроенном нацистами в Белоруссии, включает 117 документов, из них – 107 впервые публикуемых, выявленных в НАРБ (87), Центральном архиве КГБ РБ (11), Госархиве Минской обл. (4), Белорусском музее истории Великой Отечественной войны (5). Его цель, как отмечено в предисловии, – “публикация документов о местах массового уничтожения людей в окрестностях дер. Малый Тростенец под Минском в 1942–1944 годах”⁵⁰.

Сборник о “нацистском золоте” носит заказной (в хорошем смысле слова) характер. Его издание обусловлено прошедшей в 1997 г. в Лондоне международной конференцией, рассмотревшей вопросы ограбления нацистами в годы Второй мировой войны населения оккупированных стран. Цель сборника – документально подтвердить факты ограбления жителей Белоруссии. Он состоит из документов Национального архива, Центрального архива КГБ РБ, а также государственных архивов Брестской, Витебской, Гродненской, Минской, Могилевской областей и зональных архивов в г. Барановичи и Бобруйске. В основном разделе сборника факсимильным способом опубликовано 46 документов с параллельным воспроизведением наборным способом переводов текстов на русский и английский языки. В приложении помещены сведения из актов Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний оккупантов и их пособников об изъятии у населения Белоруссии золотых и серебряных вещей (списки пострадавших по областям также приводились на русском и английском языках). На этих же языках составлен и научно-справочный аппарат: предисловие, примечания, именной и географический указатели, перечень публикуемых документов и список сокращенных слов.

Начиная с 1995 г. издается ряд сборников документов о геноциде еврейского населения нацистами в 1941–1944 гг. в Белоруссии. Среди них: “Трагедия евреев Беларуси (1941–1944 гг.): Сборник документов и материалов” (Минск, 1995; 2-е, испр. и доп. изд. Минск, 1997); “Свободно от евреев! История минского гетто в документах” (Минск, 1999); “Холокост в Беларуси. 1941–1944: Документы и материалы” (Минск, 2002). С некоторой долей ус-

⁵⁰ Лагерь смерти Тростенец: документы и материалы. Минск, 2003. С. 12.

ловности к документальной же продукции может быть отнесена и авторская работа брестских исследователей Е.С. Розенבלата и И.Э. Елинской “Пинские евреи (1939–1944 гг.)” (Брест, 1997), изобилующая публикуемыми в аналитическом тексте документами (в том числе и факсимильным способом).

Примером белорусско-российского археографического сотрудничества могут служить сборники “Освобожденная Беларусь: Документы и материалы в двух книгах. Кн. 1: Сентябрь 1943 – декабрь 1944” (Минск, 2004), «Документы по истории Беларуси в “Особой папке” И.В. Сталина» (Минск, 2004), “Приказано приступить: Эвакуация заключенных из Беларуси в 1941 году: Сборник документов” (Минск, 2005). Помимо белорусских архивных учреждений (НАРБ, Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов, Белорусский НИИ документоведения и архивного дела) в их подготовке принимали участие и сотрудники Государственного архива Российской Федерации. Основу издания составили документы особого сектора ЦК КП(б)Б (НАРБ. 68 док.) и “Особой папки” И.В. Сталина (ГАРФ. 9 док.).

Составители сопроводили издание обширным научно-справочным аппаратом: предисловием, списком сокращенных слов, примечаниями, биографическими сведениями, именным и географическим указателями, перечнем документов и “Содержанием”. В приложении дана хроника освобождения населенных пунктов. Биографические сведения представляют собой не только справки-биографии на 130 человек (из почти 300, упоминаемых в документах), но и содержат их фотографии. Причем речь идет не только об известных деятелях (И.В. Сталин, П.К. Пономаренко, Л.П. Берия и др.), но и (что особенно важно!) о людях, не удостоившихся статей в энциклопедиях (например, зав. Партийным архивом ЦК КП(б)Б Ф.О. Попов и др.). Правда, взяв на себя такой большой труд по составлению биографических сведений, составители в ряде случаев оказались в сложной ситуации, пользуясь давно изданными энциклопедическими справочниками (трудно предположить, что родившиеся в 1902–1905 гг. люди сегодня еще живы, как это следует из некоторых биографических справок).

Отдельную группу публикаций, тематически примыкающих к рассматриваемому вопросу, составляют справочные издания – о подпольных партийных и комсомольских органах Белоруссии в 1941–1944 гг., партизанских отрядах, полках и бригадах, оккупационной периодической печати, лагерях советских военнопленных в Белоруссии в 1941–1944 гг. и др. Представляя собой продукцию камеральной археографии, эти публикации крайне важны как для проведения исторических изысканий, так и для подготовки строго документальных изданий.

В заключение отметим, что начатая 60 лет тому назад работа по публикации документов и материалов по истории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны далека от завершения. Еще не одно поколение белорусских археографов будет обращаться к этой теме, находя в ней как новые объекты публикации, так и по-новому интерпретируя известные источники и подтверждая таким образом предвидение выдающегося российского археографа С.Н. Валка, высказанное им еще в конце 1940-х годов, о том, “что дело издания документов по истории Великой Отечественной войны, начало которому положено было, как видим, уже в дни самой войны, будет продолжено в самом широком объеме и займет одно из самых важных мест в планах работы наших научных учреждений”⁵¹.

⁵¹ Валк С.Н. Советская археография. М.; Л., 1948. С. 289.

В.Е. Туманов

ШКОЛЬНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ И ПОПОЛНЕНИЕ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Военно-историческое наследие – один из традиционных учебно-воспитательных компонентов отечественной педагогики. История России настолько насыщена чередой войн и военных конфликтов, от возникновения Киевской Руси до современности, что военная история, в некотором смысле, стала тем историческим стержнем, на который “нанизываются листки истории”, связанные с изучением и описанием других исторических проблем, фактов и событий: история экономики, история культуры, история дипломатии, история техники, история образования и т.д. Соответственно, изучение отечественной истории практически невозможно вне контекста военной истории.

Историческая наука несет в себе воспитательный потенциал. Это очень точно в свое время сформулировал С.О. Шмидт: “Исторические знания обладают особенным свойством: они воспитывают не только разум, но и душу”¹.

Именно поэтому все учебные пособия по истории страны составляются с учетом воспитательного потенциала исторического знания. Особенно важно это свойство исторических знаний применительно к детям и подросткам, поскольку именно в этом возрасте формируются те черты характера, которые определяют образ жизни человека в дальнейшем: его мировоззрение, социальную активность, отношение к своим правам и обязанностям в обществе.

Вместе с тем знания, которые дети получают из школьного курса истории, довольно общи, не носят личностного характера, воспринимаются, подчас, как мифология. Поэтому многие педагоги, используя различные приемы и методики, стремятся сделать этот курс более конкретным, наглядным, связать его с историей родного края, пробудить у учащихся интерес к более углубленному самостоятельному изучению различных фактов и событий. “История Отечества интересна для каждого человека, еще более интересно изучать ее по прошлому своего села, своей семьи. История сразу становится ближе и дороже”².

Активно развивавшиеся в отечественной педагогике в последнее столетие методики соединения теоретических знаний с их практическим использованием и экспериментальной проверкой на местном уровне, известные в педагогической среде как “краеведческий принцип преподавания основ наук”, получили официальное признание и закреплены в Законе Российской Федерации “Об образовании” в качестве регионального компонента основного и дополнительного образования³. Закон, таким образом, делает обязательным

---

¹ Шмидт С.О. Историзм мышления // Наука убеждать. М., 1969. С. 348.

² Касаева В.А. Краеведческий подход в патриотическом воспитании школьников // Областные педагогические чтения по краеведению: Сб. выступлений. Тамбов, 1999. С. 41.

³ Закон Российской Федерации “Об образовании”. М., 1992. Ст. 7.

получение учащимися знаний о том, как те или иные общеисторические и природные процессы и явления нашли свое отражение в социальной и естественной истории своего региона, района, города, поселка или села.

К сожалению, в процессе реформирования системы и содержания образования в Российской Федерации в 1990-х – начале 2000-х годов особое внимание уделялось принципам и методам обучения, задачи же воспитания детей и юношей как бы выводились из функций учреждений образования и передавались в семью. В результате этого нарушился баланс одного из методологических принципов отечественной педагогики – “единства функций школьного обучения и воспитания”⁴. Даже краеведение – научная дисциплина и форма общественно-полезной деятельности, обладающее огромным потенциалом патриотического воспитания и формирования гражданского сознания, стало использоваться лишь в качестве иллюстративного метода при изучении учебных дисциплин.

Ухудшение статистических показателей последних лет по росту детской преступности, наркомании, уклонению подростков от службы в армии нельзя объяснить только экономическими причинами – это и неизбежный результат утраты воспитательных функций учреждениями образования детей. Не случайно поэтому так остро и спешно на правительственном и законодательном уровне ставятся сегодня вопросы создания системы воспитания подрастающего поколения.

В сложившейся ситуации военно-историческое наследие может быть использовано в качестве одного из наиболее действенных средств обучения и воспитания учащихся. Под этим понятием, в данном случае, подразумевается система фактов, событий и явлений, связанных с военной историей страны и доступных для изучения и понимания учащимися. Военно-историческое наследие изучается учащимися на нескольких уровнях: во-первых, в рамках курса отечественной истории в учреждениях основного образования как федеральный (т.е. общий для всех учащихся страны) компонент; во-вторых, как региональный компонент (т.е. специфический для данного региона) в пределах программы общего образования; в-третьих, в системе дополнительного образования учащихся в соответствии с их творческими интересами.

Если федеральный компонент курса военной истории России как составная часть истории Отечества стандартен в масштабах всей системы общего образования и дифференцируется только в зависимости от возраста учащихся и состояния их здоровья (программы для разных классов, программы для спецшкол), то региональный компонент реализуется педагогами в зависимости от имеющихся у них возможностей: дополнительная литература по военной истории края, экскурсии в музеи, демонстрация специальных фильмов и т.п. Нередко для осуществления регионального компонента педагоги используют краеведческие средства обучения.

Самый элементарный прием – домашнее краеведческое задание по определенной теме. Например, при изучении истории Великой Отечественной войны учащимся предлагается написать рефераты о военной истории семьи или о событиях, имевших место в крае в годы войны. Чтобы подготовить такой реферат, учащиеся расспрашивают родителей о родственниках, участвовавших в войне, знакомятся с материалами семейного архива, с семейными реликвиями, записывают рассказы участников и очевидцев событий этого пе-

⁴ Ривес С.М. Учение К.Д. Ушинского о методах нравственного воспитания // Памяти К.Д. Ушинского: Учен. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1946. Т. XXXIII. С. 70.

риода, читают специальную литературу, снимают копии документов, фотографий, делают зарисовки и т.п. Таким образом, изученные события и факты военной истории становятся как бы реальней, зримей, дети получают не только новые знания о войне, но и понимание ее страшных реалий. Часто ребенок испытывает чувство гордости за то, что его дед или прадед проявил стойкость и мужество в боях, награжден орденами и медалями, и ему хочется стать таким же храбрым и отважным. Он получает представление о том, что для участников войны такие понятия, как долг, Родина, честь, были и остались святыми символами, которыми они руководствуются в своей жизни. Так подобные мини-исследования способствуют не только расширению и углублению знаний ребенка о военной истории страны, но и оказывают на него определенное воспитательное воздействие.

В системе дополнительного образования учащихся (кружки, клубы, научные общества, школьные музеи и т.п.) изучение военно-исторического наследия часто становится одним из основных направлений краеведческой деятельности. Педагоги, организующие процесс изучения во внеурочное время, преследуют три цели: расширение военно-исторических знаний и представлений учащихся, их гражданское, патриотическое, нравственное воспитание и формирование источниковой базы по военной истории края.

Изучая военно-историческое наследие своего края, учащиеся чаще всего обращаются к событиям Великой Отечественной войны. Это объясняется не только тем, что Вторая мировая война стала одним из важнейших событий всемирной истории XX в., и не только тем, что война коснулась практически каждой семьи в нашей стране, но во многом и тем, что еще живы участники войны и те, кто хорошо помнит как и чем жили люди в этот трагический период отечественной истории. Для детей рассказ участника или очевидца события, особенно героико-романтического, убедительней, чем изложение этого события в книге, устами педагога или музейного экскурсовода. Даже военные реликвии, которые демонстрирует участник войны во время своего рассказа, воспринимаются детьми иначе, чем такие же предметы в музейной экспозиции.

Нередко юные краеведы записывают воспоминания ветеранов, получают в дар для своего школьного музея различные артефакты военного времени: личные вещи, награды, фотографии, письма и т.п., чем вносят определенный вклад и в изучение истории Великой Отечественной войны, и сохранение военно-исторического наследия.

Широко известно, что изучение истории Великой Отечественной войны началось еще в декабре 1941 г. с созданием специальной Комиссии по истории Великой Отечественной войны при Президиуме АН СССР. Однако мало кто знает, что в этом деле в те годы принимали участие и школьники-краеведы. Для них даже разрабатывались специальные “методички”, в которых разъяснялось, что и как “должно быть максимально зафиксировано для истории”⁵.

С тех пор изучение истории Великой Отечественной войны краеведческими средствами стало одним из важнейших методологических принципов отечественной педагогики.

Проводимые с 1946 г. органами образования и комсомола всероссийские, а с 1956 г. – всесоюзные краеведческие экспедиции и другие массовые краеведческие мероприятия с учащимися обязательно включали темы, связанные с историей Великой Отечественной войны, а некоторые специально посвяща-

⁵ Карцев В.Г. Работа пионерских и туристских лагерей по истории. М., 1944. С. 14.

лись ей: Всероссийский поход школьников по местам Великой Отечественной войны (1951 г.), Всесоюзный поход комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы Коммунистической партии и советского народа, посвященный 20-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне (1965 г.), Всесоюзная поисковая экспедиция комсомольцев и молодежи, пионеров и школьников “Летопись Великой Отечественной” (1981 г.) и др.⁶

Необходимо признать, что проведение таких массовых краеведческих мероприятий, в которых участвовало одновременно несколько сот тысяч учащихся, нередко страдало определенным формализмом, погоней за высоким процентом участников, навязыванием учреждениям образования тематики краеведческих изысканий и т.п. Вместе с тем в процессе участия в этих исследованиях учащиеся получали много знаний, не предусмотренных ни учебными программами, ни идеологическими установками организаторов этих походов и экспедиций. Например, школьники учились понимать, что “война совсем не фейерверк, а просто трудная работа”, что война – это не только героические подвиги и победы, но и горечь поражений, окружений, отступлений и похоронок; узнавали трагические истории о военнопленных, о репрессиях, о случаях дезертирства и предательства. Все это способствовало формированию более объективных представлений о различных сторонах истории Великой Отечественной войны.

Важное значение этих массовых акций заключалось и в том, что в ходе их проведения разрабатывались различные краеведческие методики, помогающие педагогам и учащимся более квалифицированно подходить к изучению событий, сбору и обеспечению сохранности различных источников. В разработке методических рекомендаций для школьного краеведения принимали участие не только методисты органов образования, но и ученые, в первую очередь историки, источниковеды, археографы, специалисты архивного и музейного дела.

Большой вклад в развитие школьного краеведения и разработку методик по сбору, сохранению и использованию краеведческих материалов в 1960–2000-х годах внес академик РАО, председатель Союза краеведов России С.О. Шмидт: он возглавлял Научно-методический совет по школьному краеведению Министерства просвещения РСФСР, был членом и организатором других коллегиальных объединений, определявших принципы организации, содержания и методики школьного краеведения в Министерстве просвещения СССР, ЦК ВЛКСМ, ЦС ВООПИК, Советском фонде культуры, Союзе краеведов России. Под его руководством и при непосредственном участии в 1970–2000-х годах написаны десятки статей, методических пособий, дипломных работ и диссертаций по различным проблемам краеведения, в том числе школьного (И.А. Альтман, А.А. Амосов, С.В. Житомирская, В.Ф. Козлов, А.А. Курносов, Б.Г. Литвак, С.Б. Филимонов, В.А. Черных, С.В. Чирков и др.).

Одним из основных направлений деятельности юных краеведов является собирание и сохранение материалов по истории Великой Отечественной войны. Следует особо подчеркнуть, что учащиеся собирали и собирают документальные и вещевые источники, находящиеся преимущественно в собственности местных жителей либо оставшиеся без владельцев (в заброшенных стро-

⁶ *Туманов В.Е.* К вопросу об истории становления и современном состоянии школьного краеведения и школьных музеев. 1918–1987 гг. // Сб. научных трудов Центрального музея революции СССР: Музейное дело в СССР: Музейное строительство в СССР. М., 1989. С. 173–203.

ениях, в поле). До этих материалов вряд ли когда-нибудь “дошли руки” специалистов музейного и архивного дела: они бы просто погибли будучи выброшенными нерадивыми наследниками, о чем имеется немало свидетельств. Спасенные же школьниками-краеведами эти материалы долго сохранялись и еще хранятся в школьных музеях; много их передано в государственные архивы и музеи. Достаточно напомнить, что во Владимирском областном госархиве хранится более 3 тыс. писем с фронта и на фронт, собранных преимущественно школьниками-краеведами в начале 1980-х годов⁷.

Школьные музеи – основные хранилища краеведческих материалов, выявленных учащимися. По данным последней паспортизации на 1 января 1998 г., в Российской Федерации было зарегистрировано 4780 школьных музеев, из них 1390 посвященных истории Великой Отечественной войны⁸. Кроме того, большинство школьных исторических и краеведческих музеев имеют разделы по истории Великой Отечественной войны. В связи с этим представляются несостоятельными предложения некоторых “специалистов” школьного музейного дела перепрофилировать музеи военной истории в музеи других профилей, так как де в “школьных музеях военно-исторического профиля ... исчерпана тематика и утрачены активные формы поисковой работы”⁹. Примеры говорят о другом. Интерес к истории Великой Отечественной войны не ослабевает. Он поддерживается не только и не столько государственной политикой, сколько искренним интересом детей узнать, что происходило в их крае в годы Великой Отечественной войны, как жили, воевали, трудились их предки и земляки в те годы.

В туристско-краеведческом движении учащихся Российской Федерации “Отечество”, осуществляемом под руководством Министерства образования и науки РФ и Союза краеведов России, сегодня принимают активное участие более миллиона учащихся школ и воспитанников учреждений дополнительного образования¹⁰. Движение “Отечество”, помимо специальной программы “Великая Отечественная война”, имеет и другие целевые программы, связанные с историей Великой Отечественной войны: “Военная история России”, “Дети и война”, “Летопись родного края”, “Земляки”, “Исчезнувшие памятники России”, “Исторический некрополь России”, “Поиск”, “Школьные музеи”. Фактически же военно-историческая тематика может быть включена в реализацию всех программ этого движения¹¹.

В рамках движения “Отечество” ежегодно проводятся всероссийские краеведческие конференции и олимпиады, на которые их участники представляют тексты исследовательского характера: рефераты, доклады и сообщения. Некоторые из них публикуются в специальных сборниках. Статистиче-

⁷ См.: *Альтман И.А.* О методике выявления и учета документов личного происхождения периода Великой Отечественной войны (на примере Владимирской области) // АЕ за 1985 год. М., 1986. С. 143.

⁸ *Персин А.И.* Школьные музеи России // *Детский туризм в России: Очерки истории: 1918–1998 гг.* / Автор-сост. Ю.С. Константинов. М., 1998. С. 117.

⁹ *Зимина Т.А.* Профессионально-педагогические функции школьных музеев в региональной системе дополнительного образования детей (на примере Смоленской области): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2000. С. 21.

¹⁰ *Константинов Ю.С.* Туристско-краеведческая деятельность в системе дополнительного образования детей // Туристско-краеведческая деятельность – важнейшее средство патриотического воспитания и оздоровления детей и учащейся молодежи: Материалы научно-практической конференции, посвященной 85-летию детско-юношеского туризма России 8–9 декабря 2003 г. М., 2003. С. 2.

¹¹ Туристско-краеведческое движение обучающихся в Российской Федерации “Отечество”: Программа // *Туманов В.Е.* Школьный музей: Методическое пособие. 2-е изд. М., 2003. С. 132–146.

ский анализ исследовательских краеведческих работ показывает, что большинство из них, если не полностью, то частично, связаны с изучением событий периода Великой Отечественной войны. Эти творческие работы дают представление и о широте тематики, и о приоритетах краеведческих интересов учащихся.

Занимаясь в краеведческих объединениях, учащиеся систематически, на протяжении нескольких лет, участвуют в изучении военно-исторического наследия, поскольку эта деятельность доставляет им творческое удовлетворение. Они получают достаточно широкие представления о формах бытования военно-исторического наследия, способах и методах его выявления, сохранения и использования. Для многих из них участие в систематической краеведческой деятельности становится определяющим для выбора будущей профессии. В частности, многие выпускники школ – представители краеведческих объединений учащихся на вопросы членов жюри конференции о выборе профессии отвечали, что хотят стать педагогами, военными, историками, в том числе археологами, музейными работниками и т.п., т.е. собираются связать свою жизнь в определенной степени и с изучением военно-исторического наследия.

Анализ содержания творческих работ учащихся позволяет выделить те ценностные духовные и фактологические ориентиры, которые привлекают учащихся в изучении такого наследия. Например, можно выделить достаточно большую группу работ, в которых объектом изучения стало участие близких родственников в Великой Отечественной войне. Дети не только пытаются рассказать об участии в войне своих предков, но и показать особые черты их характера: мужество, отвагу, героизм, преданность долгу и т.п. – именно эти черты и свойства характера чаще всего выделяют юные краеведы. С достоинством и гордостью рассказывает ученик средней школы № 74 г. Челябинска Саша Чухарев о том, как его прадед, летчик-истребитель П.В. Еремеев совершил первый ночной таран в истории Великой Отечественной войны в ночь с 21 на 22 июля 1941 г., как долго друзья героя и краеведы средней школы № 1 г. Аши Челябинской области собирали по крупицам сведения, подтверждающие этот факт, и как, наконец, после Указа Президента Российской Федерации от 21 сентября 1995 г. семья получила Золотую Звезду и Грамоту о присвоении П.В. Еремееву звания Героя Российской Федерации (посмертно)¹².

С любовью рассказывает о своем знаменитом деде, контр-адмирале В.А. Дыгало учащийся 11-го класса средней школы № 96 г. Москвы Виктор Дыгало. При подготовке биографического очерка автор использовал не только официальные источники (энциклопедические справочники, многочисленные публикации), но и, главным образом, воспоминания Виктора Ананьевича. Вероятно, не все детали биографии, о которых поведал дед своему внуку, он стал бы рассказывать кому-либо еще. В 1939 г. 13-летним подростком В.А. Дыгало поступил в Одесское художественное училище. Любил рисовать морские эскизы – это хоть как-то позволяло быть ближе к своей мечте стать моряком. В 1940 г. в Одессе открылась военно-морская специальная школа, юноша без колебаний (и в тайне от родителей) поступил в нее, надел “бескозырку с бантиком” и стал “матросом наркомпроса”. В 1942 г., когда сложилось тяжелое положение под Моздоком, В.А. Дыгало добровольно вошел в состав морской курсантской бригады.

¹² Чухарев А. Первый ночной таран в истории Великой Отечественной войны // VIII Всероссийская конференция участников туристско-краеведческого движения “Отечество”, посвященная 55-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне: Сб. тезисов и аннотаций. М., 2000. С. 152–153.

В одном из боев снаряд попал в окоп. Отделение курсантов погибло, а Дыгало очнулся в госпитале с тяжелым ранением ног. На третий день до него, лежащего на полу в коридоре, дошла очередь хирургического осмотра. “Срочно ампутировать”, – вынес приговор хирург. Со слезами на глазах Дыгало стал просить доктора спасти его ноги, ведь без них он не мог бы стать моряком. Лишь когда врач понял, что бойцу всего 16 лет, он согласился оперировать. Операций было несколько, а первая длилась 5 часов. Затем была служба на гвардейском крейсере “Красный Кавказ”, участие в Параде Победы 24 июня 1945 г. в Москве, учеба в основанном еще Петром I Военно-морском училище в Ленинграде, назначение командиром подводной лодки и проводка ее из Балтики в Тихий океан, первые стрельбы баллистическими ракетами в 1958 г. и из подводного положения в присутствии Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева в октябре 1959 г. Кавалер многих орденов и медалей, художник, писатель, журналист, кандидат военно-морских наук, член-корреспондент АВН контр-адмирал В.А. Дыгало и сегодня активно служит Отечеству, публикуя статьи и монографии по истории российского флота¹³.

С такой же гордостью пишет ученица средней школы № 28 г. Кирова Татьяна Гаврилова о своем дедушке, выпускнике “Школы юнгов” Е.С. Жуйкове, который, в свои 17 лет будучи штурманским радистом линкора “Севастополь”, в октябре 1944 г. в условиях сильного шторма поднялся на 30-метровую мачту и исправил соединительный кабель, восстановив работу радиопеленгатора, что позволило вывести корабль с минного поля. Юный моряк спас не только корабль, но и 1800 человек, находившихся на его борту, и был награжден медалью “За боевые заслуги”. Кроме того, за сравнительно небольшой период участия в войне Е.С. Жуйков был награжден орденом Отечественной войны I степени и медалями Ушакова, “За оборону Советского Заполярья”, “За победу над Германией”¹⁴.

Награды участников Великой Отечественной войны, в том числе и благодарности Верховного Главнокомандующего, многими юными краеведами выделяются в качестве объектов военно-исторического наследия. Историю семейных реликвий – двух орденов Красного Знамени, ордена Красной Звезды, двух медалей “За боевые заслуги” – участника Первой мировой войны 1914–1918 гг., Гражданской войны 1918–1920 гг. и Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С.И. Кулагина изучил его правнук, московский школьник Дмитрий Котов¹⁵. Юный исследователь не только детально выяснил, за какие подвиги и когда был награжден его прадед, но и, используя методы фалеристики, установил, как изменялся внешний вид, нумерация и порядок награждения орденом Красного Знамени с момента его учреждения в 1918 г. до внесения последних изменений в статут ордена в 1943 г., а также изменения в составе сплава и нумерации медали “За боевые заслуги”.

Боевым наградам как семейным реликвиям и объектам военно-исторического наследия посвящены исследования Е. Антоновой (г. Москва), Ю. Потаповой (г. Сыктывкар), Р. Рожко (г. Калининград), Е. Седрисовой (Республика Коми), О. Роо (Кемеровская область), Н. Смирновой (г. Рыбинск Ярославской области) и др.

¹³ Дыгало В. Жизнь, отданная флоту // Туристско-краеведческое движение “Отечество”: Сб. работ учащихся – участников Всероссийского конкурса исследовательских краеведческих работ. М., 2005. С. 57–59.

¹⁴ Гаврилова Т. “Шли мальчишки не за славой...” // VIII Всероссийская конференция... С. 30–31.

¹⁵ Котов Д. Ордена моего прадеда // Там же. С. 67–68.

Иногда боевые награды становятся одним из основных критериев для определения тематики поисково-собирательской краеведческой работы. Например, одним из направлений краеведческих исследований военно-исторического музея им. Г.Г. Постернака средней школы № 9 г. Калининграда стало изучение жизни и деятельности земляков – кавалеров ордена Славы, в том числе собран интересный материал о кавалере ордена Славы трех степеней разведчике и кинооператоре-документалисте А.В. Любимове¹⁶. А юные краеведы средней школы № 21 им. А.А. Леонова г. Калининграда изучают судьбы кавалеров ордена Александра Невского¹⁷.

Естественно, более всего юных краеведов привлекает тематика, связанная со сбором и изучением материалов о земляках и защитниках края – Героях Советского Союза. Участники группы “Поиск” средней школы № 1 станицы Калининской Краснодарского края собирают материалы о Герое Советского Союза летчике-истребителе В.И. Фадееве. Совместно с другими краеведами станицы они собрали средства, на которые в 1975 г. во дворе школы был установлен бюст героя, а в 1998 г. добились присвоения школе имени В.И. Фадеева. Более 10 лет в школе функционирует военно-исторический музей боевого пути 9-й Гвардейской ордена Ленина, ордена Богдана Хмельницкого Мариупольско-Берлинской истребительной авиационной дивизии им. А.И. Покрышкина, в рядах которой воевал В.И. Фадеев¹⁸.

Музей средней школы № 19 г. Тамбова собирает материалы о Героях Советского Союза – уроженцах тамбовской земли, воевавших в рядах 2-й Гвардейской армии. Среди них бронейщик И. Каплунов, уничтоживший в одном бою под Сталинградом 9 немецких танков, командир роты П.Г. Карелин и рядовой И.И. Лавров, закрывшие собой амбразуры вражеских дзотов, и другие прославленные земляки¹⁹.

С 1969 г. юные краеведы средней школы № 51 г. Прокопьевска Кемеровской области по крупицам собирают и хранят в своем музее сведения об отважном танкисте Герое Советского Союза В.Ф. Мартехове – человеке удивительной судьбы. Он родился в 1917 г. в штате Огайо (США) в семье русских переселенцев; в 1925 г. вместе с родителями и тремя братьями переехал в Советскую Россию, работал шахтером в Прокопьевске и пал смертью храбрых под Белгородом 12 июля 1943 г., уничтожив в последнем бою 3 танка противника. Его еще при жизни однополчане прозвали “героем героев”²⁰.

В музее Горхунской средней школы Тункинского района Республики Бурятия собраны материалы об известном земляке, прославленном снайпере Герое Советского Союза Ж. Тулаеве. Удивительные подробности о народном герое узнали юные краеведы, в частности, что наиболее “результативным” у отважного снайпера был оптический прицел, подаренный ему венгром Адольфом Строка, жившим в годы Великой Отечественной войны в г. Куссе Челябинской области. А. Строка в 1919 г. был бойцом интернационального полка Венгерской Красной Армии, участником июльского (1927 г.) рабочего восстания в г. Вене (откуда и вывез прицел в качестве трофея), а в 1937–1939 гг. сражался в составе интернациональной бригады в Испании²¹.

¹⁶ Минкин А. С автоматом и кинокамерой // VIII Всероссийская конференция... С. 95.

¹⁷ Доля Б. Наследники Александра Невского // Там же. С. 43–44.

¹⁸ Дорофеева Н. Их подвиг бессмертен // Там же. С. 44–46.

¹⁹ Клепинин А. Навечно в строю // Там же. С. 61.

²⁰ Кремер М. Подвиг танкиста В.Ф. Мартехова из Прокопьевска // Там же. С. 71–72.

²¹ Таряшинова В. Сказ о славном Мэргэне Тулаеве // Там же. С. 145–146. Мэргэн – меткий стрелок, снайпер (бурят.).

Большой интерес как объекты наследия и как источники для изучения военной истории вызывают у учащихся письма времен Великой Отечественной войны. Проблема выявления и использования писем – источников по истории Великой Отечественной войны не нова. Еще в 1981 г. массовая молодежная акция “Летопись Великой Отечественной” одной из задач ставила выявление, сбор и передачу в архивы, в государственные и общественные музеи переписки участников войны со своими семьями.

Во многих семьях и сегодня еще сохраняются как семейные реликвии письма периода Великой Отечественной войны. Естественно, что среди них преобладают письма с фронта, поскольку письма, отправленные на фронт солдатам и командирам труднее было сохранить, да и возвращались они в семью преимущественно в тех случаях, если военнотрудовой оставался живым.

Письма периода Великой Отечественной войны с полным основанием могут быть отнесены к одному из видов военно-исторического наследия. Произведения этого эпистолярного жанра одновременно и репрезентативны, поскольку широко использовались в годы войны, и раритетны, так как сохранились в ограниченном количестве. Эти письма стали одним из символов Великой Отечественной войны и из-за своей распространенности, и из-за необычной треугольной формы, наконец, из-за того, что несли надежду в семьи фронтовиков: если приходило письмо-треугольник, родные понимали, что их отец, муж, брат жив, а если “казенный” конверт, то это, как правило, значило, что пришло известие о смерти либо пропаже без вести. Фронтовые письма являются важным источником по военной истории. Несмотря на то что они писались с оглядкой на цензурные ограничения, в них можно найти довольно много интересной информации и о фронтовом быте, и о чувствах и переживаниях бойцов, и о фронтовой мифологии, и описание различных боевых событий, и многое другое.

В письмах, хранящихся в семье ученицы школы-интерната № 1 г. Владимира Ольги Кравцовой, один из родственников неоднократно описывал тяжелые бытовые условия защитников Ленинграда, сетовал на плохую обеспеченность бойцов обувью и т.п., однако почти в каждом письме говорил о неприемлемой ненависти к врагу, о готовности пожертвовать собой ради Победы: “Мне еще раз выпала доля мстить врагу за кровь братьев и я буду мстить до последнего”, “за Родину, за правое дело не страшно умирать”²². Похожие, но в то же время по-своему уникальные, письма хранятся в семье ученицы гимназии № 8 г. Рыбинска Ярославской области Наташи Смирновой, в музеях средней школы с. Вторые Ключики Ординского района и средней школы № 26 г. Березники Пермской области, средней школы № 12 г. Астрахани, школы-гимназии № 2 г. Челябинска и других.

Одним из самых распространенных объектов собирания и источников изучения истории Великой Отечественной войны учащимися являются воспоминания участников и очевидцев событий. Как известно, воспоминания участников боевых действий начала собирать специальная Комиссия по истории Великой Отечественной войны Института истории АН СССР уже в ходе войны²³. После войны эту работу осуществляли архивы, музеи, военкоматы,

²² Кравцова О. Фронтовые письма – реликвия нашей семьи // VIII Всероссийская конференция... С. 70–71.

²³ Курносов А.А. Мемуары участников партизанского движения в период Великой Отечественной войны как исторический источник // ТМГИАИ. М., 1961. Т. 16: История СССР, специальные исторические дисциплины. С. 30–31.

советы ветеранов войны и другие учреждения и организации. Однако наибольшее значительное количество воспоминаний собрано школьниками-краеведами для своих школьных музеев. Важно, что эта работа продолжается учащимися и сегодня, поскольку живых участников и свидетелей войны остается все меньше и меньше. Кроме того, традиция записи воспоминаний переносится и на участников других боевых действий: в Афганистане, в Приднестровье, в Чеченской Республике.

Не оспаривая научно обоснованное мнение большинства специалистов о субъективизме исторических источников мемуарного характера, заметим, что воспоминания содержат черты объектов военно-исторического наследия. Дело не только в том, что воспоминания написаны рукой участника или очевидца событий или подписаны им, что определяет их подлинность, но, главным образом, в том, что в этих документах военные события и факты воссоздаются и излагаются под тем углом зрения, как понимали и понимают их участники и очевидцы. Не столько полнота и достоверность сведений, отраженных в воспоминаниях, сколько психология их автора, его мировосприятие, его политические и морально-нравственные оценки событий могут быть интересны с точки зрения изучения военно-исторического наследия.

Еще один важный момент в использовании воспоминаний как источников по военной истории – их количество по отношению к одному событию. Сравнительный анализ воспоминаний нескольких участников или очевидцев одного и того же события позволяет более полно и достоверно осуществить его научную реконструкцию.

Так, например, воспоминания участников подпольной организации и жителей г. Великие Луки, их сравнительный анализ, сопоставление с другими документами сыграли важную роль в официальном признании в 1996 г. деятельности Великолукского подполья²⁴. Воспоминания однополчан Героя Советского Союза В.Б. Берсоева позволили юным краеведам средней школы № 52 г. Улан-Удэ восстановить многие детали боевой биографии земляка²⁵.

Многолетний сбор воспоминаний помог поисковой группе “Обелиск” Курминской средней школы Новодеревенского района Рязанской области подробно выяснить обстоятельства взрыва 4 декабря 1941 г. близ станции Шереметьево Московско-Рязанской железной дороги эшелона с ранеными красноармейцами и эвакуированными ленинградцами и участия жителей местных деревень в спасении оставшихся в живых и захоронении погибших²⁶.

Сбор и анализ воспоминаний позволили активу школьного музея Центра детского и юношеского туризма “Строгино” г. Москвы определить точное место дислокации 20-й батареи 251-го зенитно-артиллерийского полка, защищавшего небо столицы от налетов фашистской авиации. Краеведы установили имена бойцов батареи, узнали много подробностей об их гражданских судьбах²⁷, а школьники-краеведы объединения “Москвитяне” в Строгино собрали много источников мемуарного характера, исследуя тему участия женщин в обороне столицы²⁸.

²⁴ Авотин Д. Создание и деятельность Великолукского подполья в 1941–1942 годах // VIII Всероссийская конференция... С. 7–8.

²⁵ Караханян А. Навечно в памяти народной // Там же. С. 52–53.

²⁶ Киркина И. По местам бывших боев // Там же. С. 57–58.

²⁷ Кишинская Т. Где стояла батарея // Там же. С. 59–61.

²⁸ Чернова С. Отваги им было не занимать // VII Всероссийская конференция участников туристско-краеведческого движения “Отечество”: Сб. тезисов и аннотаций. М., 1999. С. 158.

Иногда в процессе записи воспоминаний юные краеведы неожиданно для себя находят очевидцев одних и тех же событий, знакомят их между собой. Например, юные исследователи студии “История культуры” Московского городского дворца детского и юношеского творчества, записывая воспоминания москвичей о тяжелых днях обороны города, нашли двух москвичек – Р.С. Кулагину и В.С. Мягкову, которые случайно оказались свидетелями подрыва авиационной бомбой здания Москворецкого райисполкома²⁹. Эти же краеведы провели большую работу по поиску очевидцев бомбардировок Московского Кремля и, сравнив их воспоминания с существующими публикациями по этой теме, выявили много неизвестных ранее подробностей³⁰.

В некоторых случаях воспоминания становятся для краеведов чуть ли не единственными источниками по изучаемой теме. Особенно это касается фактов временного пребывания в их крае беженцев, эвакуированных семей, пациентов госпиталей и т.п. В Омском областном центре детско-юношеского туризма собрали много воспоминаний горожан о пребывании в г. Омске ленинградских детей³¹ и пациентов эвакогоспиталей в 1941–1945 гг.³²

Краеведы Арамашевской средней школы Алапаевского района Свердловской области на основе воспоминаний местных жителей нашли москвичку М.З. Хохонину, которая жила в годы эвакуации в их селе, преподавала в местной школе, где училась и ее дочь Н.В. Хохонина, “заразившаяся” Уралом и ставшая профессиональным геологом³³.

Современные юные краеведы используют хранящиеся в школьных музеях воспоминания на уроках истории, для подготовки рефератов по краеведению, а некоторые даже отваживаются на научное осмысление их как исторических источников³⁴.

Сегодня, вероятно, трудно найти школьный музей, поисково-собираательское объединение, которые не привлекали бы воспоминания участников и очевидцев событий. Воспоминания широко используются и теми исследователями военно-исторического наследия, которые объединены в патриотическом движении “Вахта Памяти”. Их благородная цель заключается в передаче земле незахороненных останков бойцов, павших в годы Великой Отечественной войны. Тысячи погибших в боях не были своевременно захоронены, их останки покоятся в лесах, болотах, в руслах рек и т.п., многие из них считаются пропавшими без вести. Воспоминания участников войны помогают определить места ожесточенных боев, какие подразделения сражались на данном участке, а воспоминания местных жителей – найти те места, где встречаются останки погибших.

В процессе этой работы поисковики (так они себя называют) находят довольно большое количество объектов военно-исторического наследия: медальоны, личные документы и вещи, награды, фрагменты оружия и боеприпасов и т.п. Изучение этих находок нередко позволяет с большой долей уверенности определить имя погибшего, установить причину его гибели.

²⁹ Тугарева В. Воспоминания москвичей о военном времени // V Всероссийская конференция участников движения “Отечество”: Сб. докладов. М., 1997. Вып. 2. С. 22–26.

³⁰ Сенаторова К. Легенда о бомбардировках Московского Кремля в период Великой Отечественной войны // Там же. С. 20–22.

³¹ Кошелева А. Дети Ленинграда на Омской земле (1941–1945 гг.) // VIII Всероссийская конференция... С. 158.

³² Жданова Е. Эвакогоспитали Омска в 1941–1945 гг. // Там же. С. 158.

³³ Кошиарова В. Роль эвакуированных в жизни уральского села // Там же. С. 62–63.

³⁴ Гусейнов С. Воспоминания ветеранов войны и труда как исторический источник // Там же. С. 157.

После захоронения останков с надлежащими почестями поисковики проводят большую работу по розыску родственников павших бойцов, чтобы сообщить им о месте гибели и захоронения останков их мужа, брата, отца, деда.

Многие разработки, инициированные поисковиками в области изучения военно-исторического наследия, уникальны: методики определения мест боев и нахождения незахороненных останков воинов, обследования и организация разминирования территорий полевой работы, фиксации обнаруженных останков людей, вещей, документов и т.п., определения по различным признакам и источникам (медальоны, письма, награды, инициалы на личных вещах и др.) имен погибших, поиска их родственников и т.п.

Активное участие в объединениях “Вахты Памяти” принимают и школьники. Обычно они не помогают непосредственно в извлечении останков погибших и их перезахоронении, а ведут научно-изыскательскую работу: запись воспоминаний, переписку, учет и хранение собранных материалов в музее и т.п. Много лет участвуют в этом виде изучения и увековечения объектов военно-исторического наследия учащиеся средней школы № 5 г. Вязьмы Смоленской области (в составе поискового отряда “Долг”), патриотический клуб “Родина” Смоленского техникума электронных приборов, поисковый отряд “Патриот” Астраханского технического колледжа, поисковый отряд “Память” средней школы № 17 г. Верхняя Сатка Свердловской области и др.

Большое научное и познавательное значение имеют краеведческие исследования, посвященные истории вооружения. Учащиеся не только получают определенные знания об “оружии Победы”, но и вносят посильный вклад в его изучение как военно-исторического наследия. Воспитанники исследовательской студии “История” Московского городского Дворца детско-юношеского творчества занимаются изучением истории создания автомата Калашникова; учащиеся профлицея № 7 г. Калининграда изучают историю создания и участия в боевых действиях торпедного катера “Д-3”, учащиеся Снегиревской средней школы Истринского района Московской области – различные типы танков, использовавшихся в Великой Отечественной войне.

Среди объектов военно-исторического наследия юные краеведы выделяют битвы Великой Отечественной войны. При этом битвы изучаются не только теми, кто живет в районе полей сражений, но юными краеведами из других регионов страны. Эти изыскания имеют важное значение для выяснения и уточнения различных фактов и событий, позволяющих более точно и детально реконструировать историю сражения, увидеть отдельные эпизоды глазами как их участников, так и современных юных исследователей.

Особое внимание уделяется Московской битве. Длительным был поиск учащихся Румянцевской средней школы Истринского района Московской области, посвященный изучению трагической истории обороны деревни Ефимоново в конце ноября 1941 г., когда 36 красноармейцев химвзвода 365-го стрелкового полка 18-й дивизии народного ополчения более суток прикрывали отход советских войск на восточный берег р. Истры, сражаясь с 40 немецкими танками и уничтожив 20 из них. На запросы краеведов ЦАМО РФ прислал ответ, из которого следовало, что списочный состав химвзвода неизвестен, кроме имени его командира – старшего лейтенанта Николая Кульчицкого, и что весь взвод пал смертью храбрых 26 ноября 1941 г. в бою у деревни Ефимоново Истринского района Московской области.

Однако юные исследователи на этом не успокоились. Они подключили к поиску своих соседей – учащихся Бужаровской средней школы, ПТУ № 60 и средней школы № 3 г. Истры и начали переписку с ветеранами 18-й дивизии

народного ополчения, которая формировалась во Фрунзенском районе г. Москвы, с красноярскими школьниками, где формировался 365-й стрелковый полк. Постепенно удалось установить имена всех 36 бойцов взвода и найти одного из них – П.Ф. Криволицкого из с. Артамоново Сухобудзинского района Красноярского края, подробно рассказавшего об этом сражении, в котором красноармейцы, бросаясь под танки со связками гранат, преградили открывшийся было путь на Москву 10-й танковой дивизии генерала Вейдлинга. Попутно выяснилось и то, что в Артамоновской школе есть музей, который исследует историю участия земляков в Великой Отечественной войне, в том числе и в Московской битве³⁵.

Учащиеся Ивановской средней школы Истринского района Московской области детально изучили биографию и обстоятельства гибели в бою за деревни Городище и Деньково 18 ноября 1941 г. командира батальона тяжелых танков КВ 23-й танковой бригады Героя Советского Союза капитана А.П. Басова, памятник которому установлен в центре г. Истры³⁶. Краеведы гимназии № 4 г. Истры собирают материалы о соратнице по подвигу Зои Космодемьянской – Вере Волошиной, казненной фашистами 29 ноября 1941 г. в совхозе “Головково” близ деревни Крюково³⁷. Восстановлением истории военных событий в дни Московской битвы, сбором краеведческих материалов для своих школьных музеев занимаются учащиеся Костровской, Курсаковской, Снегиревской средних школ Истринского района, средних школ пос. Московский, с. Покровское Наро-Фоминского района Московской области и др. Историю участия Воронежского добровольческого полка в Московской битве, весь личный состав которого был награжден медалью “За оборону Москвы”, изучают краеведы гимназии № 3 г. Воронежа³⁸.

Юные краеведы Нижнеомской средней школы № 2 Омской области собрали материалы о своем земляке М.Ф. Стадникове, начавшем боевой путь с Парада на Красной площади 7 ноября 1941 г., прошедшего с боями, в которых был ранен и контужен, от Москвы до Эльбы и награжденного орденом Отечественной войны I и II степени, а в мирное время – и орденом Октябрьской Революции³⁹. О земляках-героях, защищавших Москву, собирают материалы краеведы школы-гимназии № 4 г. Абинска Краснодарского края, средней школы № 51 г. Прокопьевска Кемеровской области, средней школы № 74 г. Челябинска и многие др.

Вообще тематика изучения военно-исторического наследия чрезвычайно широка: история воинских подразделений, история боевых действий на территории края, партизанское движение, земляки – участники войны, вклад тружеников тыла в Победу, эвакуационные госпитали и установление имен и мест захоронения умерших в них от ран, узники фашистских лагерей, литература, музыка, театр в годы войны, участие в создании “Книг Памяти” и многое другое. Без преувеличения можно сказать, что участие школьников-краеведов в изучении истории Великой Отечественной войны способствует сохранению не только материальных объектов военно-исторического наследия, но и ду-

³⁵ Долина А. Бессмертный подвиг бойцов химзавода 365-го стрелкового полка // VIII Всероссийская конференция... С. 42–43.

³⁶ Басова А. Истринский край в годы войны // VII Всероссийская конференция... С. 143.

³⁷ Шестакова Е. Вера Волошина // VIII Всероссийская конференция... С. 155–156.

³⁸ Землянухин Р. Воронежский добровольческий полк // VI Всероссийская конференция участников туристско-краеведческого движения “Отечество”: Сб. тезисов и докладов. М., 1998. Вып. 2. С. 126.

³⁹ Ричер А. Нижнеомцы в годы Великой Отечественной войны // Там же. С. 136.

ховных – памяти об участниках войны, о воинских традициях, проявлении примеров героизма и отваги красноармейцами, партизанами, подпольщиками, тружениками тыла – всем многонациональным народом.

Одной из наиболее распространенных форм сохранения и изучения военно-исторического наследия в учреждениях общего и дополнительного образования являются школьные музеи. Значение их деятельности довольно подробно освещено в специальной и популярной литературе. Помимо школьных музеев военно-исторического профиля, материалы, характеризующие многообразие военно-исторического наследия края, хранятся и в музеях других профилей: литературных, исторических, краеведческих, мемориальных, монографических.

В проведенном в 1999–2000 гг. Министерством образования Российской Федерации Всероссийском смотре военно-исторических музеев образовательных учреждений, посвященном 55-летию Победы в Великой Отечественной войне, приняли участие 1700 школьных музеев из 54 субъектов Российской Федерации, 178 из них стали лауреатами смотра и еще 64 музея награждены поощрительными дипломами Министерства образования РФ⁴⁰. Логика подсказывает, что в смотре приняли участие далеко не все школьные музеи, имеющие в своих фондах и экспозициях материалы военно-исторического наследия.

В “Каталоге школьных музеев Тамбовской области”⁴¹ из 41 зарегистрированного школьного музея 16 музеев военно-исторического профиля. Однако анализ аннотаций по составу фондов и структуре музейных экспозиций показывает, что еще в 22 музеях историко-краеведческого профиля (истории школы, истории села, истории детского движения и т.п.) хранятся, изучаются и пропагандируются подлинные музейные предметы военно-исторического характера. И лишь четыре школьных музея тематически не связаны с военно-историческим наследием.

В аннотированный каталог школьных музеев Хабаровского края⁴² включено 63 паспортизированных музея. Практически в каждом из них хранятся материалы о Великой Отечественной войне: о войнах-земляках и событийной истории этого времени. В фондах и экспозициях музеев представлены не только подлинные документы того времени, но и большое количество воспоминаний, анкет, фотографий, собранных в последние годы.

Таким образом, военно-историческое наследие сегодня остается одним из самых популярных объектов изучения в школьном краеведении. Юные краеведы, занимающиеся его выявлением, сохранением и изучением, получают более широкие и детальные знания по военной истории Отечества. В своих творческих работах, в выступлениях на конференциях они с неподдельным восхищением рассказывают о тех фактах военной истории, которые самостоятельно изучили, о мужестве, стойкости, героизме своих родственников и земляков. В ответах на традиционный вопрос членов жюри конкурсов об отношении к службе в армии абсолютное большинство мальчишек считают ее необходимой и обязательной, а многие, особенно те, в семьях которых армейская служба является традицией, готовы посвятить себя профессиональной военной службе. Многие мальчишки и

⁴⁰ О подведении итогов Всероссийского смотра военно-исторических музеев образовательных учреждений, посвященного 55-летию Победы в Великой Отечественной войне: Приказ Министерства образования Российской Федерации от 05.06. 2000 № 1692.

⁴¹ Каталог школьных музеев Тамбовской области. Тамбов, 2000.

⁴² Школьные музеи Хабаровского края. Хабаровск, 2003.

девчонки в своих выступлениях выражают желание походить на героев своих краеведческих изысканий.

Специалисты отмечают возрастание успеваемости и дисциплины у тех детей, которые занимаются изучением историко-культурного, в том числе и военно-исторического, наследия в детских творческих объединениях, а также роль этой деятельности для выбора выпускниками будущей профессии⁴³. Таким образом, выявляется большое воспитательное значение военно-исторического наследия.

Собирая краеведческие материалы, в том числе и по истории Великой Отечественной войны, юные краеведы вносят свою лепту в формирование источниковой базы по истории края, региона, страны в целом. Помимо большого количества подлинных документов и других реликвий, в школьных музеях и краеведческих объединениях формируется база различных сведений (в форме воспоминаний, записи рассказов, анкет, персональных списков, фотографий, фоно-, видеозаписей и т.п.), которые содержат много фактологических данных, могущих быть использованными в исследованиях различного рода, в первую очередь местного и регионального масштаба. Необходимо только создать условия доступности этих сведений для специалистов. Равно как и важно, чтобы специалисты обратили внимание на эти, зачастую невостребованные, базы данных. Немного, к сожалению, в наше время и случаев использования творческого потенциала юных краеведов организациями, в функции которых входят собирание и хранение историко-культурного наследия. Тем важнее изучать и популяризировать опыт работы тех официальных учреждений, которые привлекают школьников-краеведов к реализации своих функций. Например, Государственный архив Мурманской области уже несколько лет организует учащихся для сбора воспоминаний мурманчан, в том числе и о событиях Великой Отечественной войны. Кроме того, этот архив принимает на хранение наиболее интересные творческие работы юных краеведов: тексты исследовательских работ, докладов и рефератов, представленных на областных краеведческих конференциях школьников⁴⁴.

В настоящее время развитию школьного краеведения мешает отсутствие современных методических пособий по выявлению, сбору, обеспечению сохранности и рациональному использованию документальных и иных памятников истории и культуры. Изданные ранее методические разработки стали библиографической редкостью, нарушилась существовавшая прежде связь государственных архивов и музеев с местными детскими краеведческими объединениями. Хотелось бы, чтобы специалисты архивного и музейного дела начали восстанавливать утраченные связи со школьным краеведением, оказывать консультационную помощь педагогам-краеведам, издавать методические рекомендации, брать на учет наиболее ценные памятники истории и культуры, хранящиеся в фондах школьных музеев.

---

⁴³ Казьмина Е.Г. Туристско-краеведческое объединение клубного типа как средство профессиональной ориентации учащихся: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2000.

⁴⁴ Матвеева А.А. История пишется по документам // Планета МГПУ: Газета Мурманского гос. пед. ун-та. 2005. Апрель. № 8–9 (31–32).

В.А. Муравьев

БЕЗЫМЯННЫЕ ГЕРОИ ВОЙНЫ
(О книгах С.И. Садовникова)*

Обе эти книги изданы крохотным тиражом по 500 экземпляров каждая. Обе – на хорошей офсетной бумаге, но в скромных мягких обложках. Обе напечатаны на личные средства автора. Одна из них – первая – посвящена светлой памяти деда автора, Николая Ивановича Садовникова, прошедшего фронтовыми дорогами Великой Отечественной... Об этом обязательно надо сказать прежде, чем обратиться к их содержанию, их истинной ценности.

Исторические науки и дисциплины, источниковедение, археография заняты изначально благородным делом – поиском, восстановлением, введением в культуру современности деяний людей прошлого, определением нашего отношения к ним. Мы можем забыть или постесняться включить эту простую формулу в современные постмодернистские суждения об объекте и смысле изучения истории, но это не значит, что этот смысл изучения прошлого исчезает. Но какие же слова надо найти, чтобы определить то, что делает автор этих книг? Он восстанавливает не деяния людей, известных истории, незабытых тем самым потомками, но имена людей, либо, казалось, бесследно исчезнувших, забытых всеми, кроме уходящих из жизни последних близких родственников, либо имена, оторванные от их когда-то живых носителей, воинов, превращенные в абстракцию штабных документов (имя в списке да помета “пропал без вести”). Он связывает эти имена с незахороненными останками воинов, оставленных более полувека назад на поле боя, и вместе со своими товарищами предаёт эти останки земле, а имена делает известными (ради этого и написаны книги). И люди, вычеркнутые даже из прошлого, это прошлое – свою современность – обретают.

“Археографический ежегодник” уже обращался на своих страницах к этой проблеме, и первым, выступившим по ней, был автор книг Сергей Иванович Садовников¹.

В 2000 г. С.И. Садовников защитил в одном из ученых советов РГГУ необычную для историков кандидатскую диссертацию “Источники и методы поиска, установления имен и судеб воинов, оставшихся на полях сражений Великой Отечественной войны”, научным руководителем которой являлся профессор, академик РАО С.О. Шмидт.

Этой диссертации предшествовали годы активной общественной работы автора в студенческом отряде “Поиск” Историко-архивного института РГГУ, ставшем затем Историко-архивным поисковым центром “Судьба”. Ко времени выхода первой книги за его плечами было уже более 50 экспедиций, пре-

---

* Садовников С.И. Поиск, ставший судьбой / Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2003. 258 с.: ил.; Он же. Чтоб не распалась связь времен...: опознаны по боевым наградам. М., 2005. 297 с.: ил. Ссылки на страницы первой книги даются в тексте статьи.

¹ Садовников С.И. К проблеме установления имен и судеб павших защитников Отечества // АЕ за 2000 год. М., 2001. С. 155–162.

имущественно в Калужскую область, в район плацдарма Красная Горка, экспедиции в Смоленскую область, на Кольский полуостров – хребет Муста-Тунтури, в Республику Калмыкия и др. Ценным оказался многолетний опыт исследовательской работы автора в Центральном архиве Министерства обороны РФ и опыт добровольной обширной переписки с региональными военными комиссариатами разных уровней, а также с редакционными коллегиями Книг Памяти на территории бывшего СССР².

Ко времени выхода первой из книг проблемы, затронутые в ней, более чем назрели. Участники начавшегося исподволь еще в 1950-е годы самодеятельного движения, в становлении которого сыграл значительную роль писатель С.С. Смирнов, разыскивали на территории, захваченной войной, свои “Брестские крепости”, как умели восстанавливали имена погибших, хоронили найденные останки воинов. Государственная машина до определенного времени не замечала проблемы розыска и захоронения павших, более того, тема была *pop grata*, а самый факт существования тысяч и тысяч непогребенных солдат официально не признавался. Рост самодеятельного движения, юбилей Победы (с 1965 г.), нужда самой государственности в военно-патриотическом воспитании меняли ситуацию: государственность уже не могла препятствовать, но и не содействовала поисковому движению. В условиях значительных ограничений и регламентации общественного мнения движение представляло собою нечто существенно большее, чем “тематическое” занятие молодежи. Постоянно било тревогу общественное мнение – дела войны не завершены, пока не захоронен ее последний солдат. С рубежа 1970–1980-х годов поисковое движение вступило в новую, организованную стадию: в России, на Украине, в Белоруссии, Казахстане и Узбекистане возникали клубы, поисковые объединения, а также отряды и группы, не сложившиеся в объединения. Наибольшего размаха движение достигло на рубеже 1980–1990-х годов и оставалось стабильно активным в 1990-е – 2000-е годы. Но движению не хватало многого, прежде всего средств, базы, квалификации, опыта – отечественного и зарубежного (там подобная деятельность с послевоенного времени поддерживалась государством и обществом). Работы велись многими отрядами на свой страх и риск, по собственному разумению; особенные трудности возникали там, где результаты полевых работ нужно было “сомкнуть” с поисками соответствующих документов в архивах.

Историко-архивный поисковый центр “Судьба”, с которым связал свою судьбу автор книг, сыграл значительную роль в разработке методов и базы поискового движения. В 1993 г. на Всероссийской конференции поисковых отрядов и объединений, проходившей в Калуге, центру было поручено создание и ведение компьютерной базы данных, куда должна была поступать и обрабатываться информация об именах павших защитников Отечества, установленных по солдатским “смертным” медальонам, документам, номерам боевых наград, личным вещам, номерам двигателей боевых машин. По состоянию на июль 2002 г. в базе содержались сведения о 5150 опознанных советских воинах. В 1997 г. центром было разработано специальное “Руководство по поисковым и эксгумационным работам”³, разосланное всем поисковым

² Садовников С.И. Книга Памяти 1941–1945 гг. как уникальный комплексный источник // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Докл. и тезисы XIV науч. конф. Москва, 18–19 апр. 2002 г. С. 425–428; *Он же*. Некоторые аспекты работы с Книгами Памяти 1941–1945 гг. // След “Пантеры” – журнал псковского областного поискового объединения. 2004. № 4. С. 24–30; *Он же*. “Надежней склепа и могилы” // История. 2005. № 9. С. 12–16.

³ Мартынов В.Е., Меженко А.В., Садовников С.И., Толочко В.В. Руководство по поисковым и эксгумационным работам. М., 1997.

объединениям и военным комиссариатам страны. В практику учебной деятельности Историко-архивного института на равных, без малейших послаблений вошли дипломные работы, подготовленные на основе полевой и архивной поисковой деятельности и выполненные в 1990–1995 гг. – С.Т. Ксенофонтовым, В.Е. Мартыновым, М.Ю. Мягковым, А.В. Меженько, С.И. Садовниковым, Ю.В. Филипченко – под руководством профессоров Т.В. Кузнецовой, О.М. Медушевской, С.О. Шмидта. Один из таких дипломников – автор рецензируемых книг – принял простое решение: не прерывая поисковой деятельности, за годы аспирантской подготовки обобщить отечественный и зарубежный опыт организации и ведения поисковых работ, выделить и исследовать их главные проблемы, сформировать методологические и методические основания этой деятельности и сделать исследование достоянием поисковой общественности и науки.

Этим определилась проблематика и структура первой книги. Автор рассмотрел историю поискового движения в стране во второй половине XX в. и состояние правовой базы поискового движения. Им были подняты и систематизированы в интересах поискового движения законодательные акты и нормативные документы, направленные на увековечение памяти погибших военнослужащих, регламентирующие организационные, финансовые, юридические, исследовательские (полевые) и иные аспекты этой проблемы, выявлены слабые места законодательно-нормативной базы. В частности, автор отметил, что наиболее слабым местом является отсутствие государственной службы, занятой этой проблемой или ее поддержкой (С. 42). Автор с глубоким знанием проблемы сопоставил положение в этом деле с тем, как сложились соответствующие подходы в Германии, Италии, Австрии, Нидерландах, Японии; рассмотрены и межгосударственные соглашения России по этим проблемам с зарубежными странами – участницами Второй мировой войны.

Автор определяет поисковую работу как вид комплексной научно-практической деятельности. Предназначая книгу исследователям-поисковикам, он рассматривает источники информации: знакомит с архивами, хранящими соответствующие документы, с видами документов и картотек, в которых велся учет безвозвратных потерь, картотеками награжденных, формами военно-оперативной документации, военной и справочной литературой, описаниями полевой поисковой разведки, воспоминаниями участников и очевидцев событий. Особенную ценность этому описанию и анализу придает личный опыт автора. Он неоднократно обращается к тем случаям, когда информация письменных источников или существенно расходится с результатами полевых работ, или является уникальной (С. 51, 55–56, 60–65). Это, по сути дела, тоже уникальные источниковедческие наблюдения: исследователь исторического источника, идущий к реконструкции исторического события от “одностороннего” фронта письменных источников, редко имеет случай реконструировать его с двух сторон – письменной и “вещной”, материальной.

Столь же тщательно написан раздел, посвященный методам полевых поисковых работ. Обращает на себя внимание стремление автора к точности дефиниций (например, что такое плановые воинские захоронения, боевые захоронения, санитарные захоронения, незахороненные останки, мемориальные захоронения, временные захоронения, перезахоронения). Он рассматривает, как складывается алгоритм поисковых работ, обращает внимание на последовательность, точность и необходимость фиксации всех операций, знакомит исследователя-поисковика с эволюцией порядка учета потерь и захо-

ронения павших в годы войны (без этого невозможен грамотный переход от полевой к архивной работе).

Центральная глава первой книги – это история многолетней работы центра “Судьба” на плацдарме Красная Горка в Юхновском районе Калужской области, где с марта 1942 по март 1943 г. шли почти непрерывные бои, где части 43-й армии пытались пробить “коридор” для выхода из окружения частей 33-й армии, где на площади ок. 10 кв. км потери советских войск составили более 5 тыс. погибших и пропавших без вести бойцов и командиров. Автор не только на практике вскрывает технологию поисковых работ – как изучаются журналы боевых действий, оперативные донесения, как вырабатывается тактика поиска, как ведутся сами работы и дневники этих работ, но рассматривает и массу других проблем, среди которых и браконьерская деятельность “черных копателей”, мародеров, и проблемы халатности местных властей и органов военного управления Министерства обороны и др., проблемы неудовлетворительной постановки информации о находках и судьбах людей.

Еще одна глава книги – о том, что делается после полевых работ, как производится идентификация найденных останков воинов и установление их биографических данных в архивах на основании обнаруженных в полевых исследованиях документов, удостоверяющих личность, других документов, сохранившихся вместе с останками, наград, личных писем и вещей; о том, как разыскиваются родственники, как обнаруженный и исследованный материал становится основанием для занесения павшего воина в Книгу Памяти. Эта глава бесценна для поисковика и представляет своим материалом и наблюдениями большой интерес для ученого, исследующего исторические источники – историка, археолога, археографа.

Одна из наиболее значимых работ центра “Судьба” – установление в 1996 г. обстоятельств и места гибели командующего 24-й армией Резервного фронта, участника Ельнинской операции 1941 г. генерал-майора К.И. Ракутина, считавшегося пропавшим без вести, а позднее “погибшим в 1941 году на фронте Великой Отечественной войны” без указания места и времени. Обнаруженные центром останки генерала, спешно захороненного у обочины дороги, чтобы его тело не попало в руки противника, были идентифицированы по результатам как “вещной”, так и медико-криминалистической экспертизы и с воинскими почестями захоронены на воинском мемориальном кладбище “Снегири” (С. 183–191)⁴.

Автор привел потрясающие цифры, характеризующие деятельность поисковых отрядов страны. Они насчитывают в своих рядах от 5 до 7 тыс. человек. За 1990-е годы этими отрядами были обнаружены и захоронены (либо перезахоронены) свыше 100 тыс. павших воинов; свыше 5 тыс. останков обрели имена, биографии, у многих обнаружили родственники.

Другая работа С.И. Садовникова “Чтоб не распалась связь времен...” – это своеобразная Книга Памяти, в основе которой – данные практической деятельности поисковых объединений страны и исследовательской работы автора по уточнению, дополнению и интерпретации этих данных. Это книга о тех воинах, чьи останки были идентифицированы по номерам боевых наград, найденных вместе с ними: ордену Ленина (3), ордену Красного Знамени (19),

⁴ См. об этом: *Меженько А.В., Садовников С.И., Мартынов В.Е., Соколов Д.К.* Хроника воскрешения подвига // Военно-исторический журнал. 1999. № 3. С. 86–92; *Мартынов В.Е., Меженько А.В., Садовников С.И., Соколов Д.К.* Судьба командарма К.И. Ракутина // Книга Памяти. Н. Новгород. 2000. Т. 15. С. 305–310.

ордену Красной Звезды (50), ордену Отечественной войны (7), ордену Славы (6), медалям “За отвагу” (155) и “За боевые заслуги” (84). Среди них и те, кто носил награды со времени боев 1939 г. на р. Халхин-Гол, и те, кому довелось носить их считанные дни в 1941–1945 гг.

Книга построена по единому формуляру. Заглавие каждой мемориальной статьи – фамилия, имя, отчество, даты жизни, награда и ее номер (одно из главных свидетельств при опознании останков). В каждой статье книги – синтез полевой и архивной работы. Приведены даты жизни, даты награждения и вручения награды, основания – археографические легенды приказов, наградных листов и фрагменты наградных листов (за что именно награжден), судьба – когда признан погибшим или, чаще, без вести пропавшим с указанием соответствующих оснований в военно-оперативной документации, когда и кем найден, где захоронен, где и как увековечен (обычно – Книга Памяти), кто из родственников обнаружен поисковыми объединениями (около 80% опознанных). 308 воинов в этой книге. 324 награды. Годы кропотливого труда в архивах.

Помнится, около 40 лет тому назад большое впечатление произвели изыскания В.Н. Гапонова⁵ (в основном, по фронтовым, армейским, дивизионным газетам, а также документам ЦАМО) о тех, кто совершил на войне исключительные подвиги: лег, подобно Александру Матросову, на амбразуру, направил горящий самолет, подобно Николаю Гастелло, на вражеские порядки, совершил, подобно Виктору Талалихину, воздушный таран. В.Н. Гапонов добился исключения слова “подобно”: подвиги, оказалось, были не единичны и целый ряд их совершен задолго до того, как в печати, публицистике, искусстве эти имена утвердились в качестве эталонных. Книга С.И. Садовникова, созданная на основе результатов поисковой деятельности и при содействии десятков людей – благодарное перечисление их имен заняло у автора целую страницу – это книга о массовом подвиге воюющего народа, о мужестве и преданности долгу людей, которые вновь обрели имена.

В историко-профессиональном отношении С.И. Садовников и его товарищи, не написавшие книг, рядом с пользующейся всеобщим признанием и уважением полевой археографией открыли новый, самостоятельный раздел.

Дай Бог историкам, архивистам, поисковикам завершить то, к чему так призывало общественное мнение – достойно захоронить последнего солдата. Это, оказывается, выпало на их долю.

---

⁵ Гапонов В.Н. Герои-гастелловцы // ИСССР. 1960. № 3. С. 78–88; и др.

И.П. Голямина

О ПИСЬМАХ С ВОЙНЫ УЧЕНИКОВ ОДНОЙ МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ

Если б мир, пылающий пожарами, за-
литый морями крови, вдруг узнал, что бы
сделали для жизни молодые, погибающие на
полях сражений, он бы содрогнулся, увидав,
что убил грядущее свое.

Юрий Дивильковский

Этот очерк – о моих одноклассниках, которым накануне Великой Отечественной войны исполнилось 16–18 лет. Несмотря на юный возраст, они достойно и самоотверженно участвовали в этой войне, и очень многие из них так с нее и не вернулись.

У меня остались пачки их писем из армии, перечитывая которые понимаешь, какое прекрасное поколение было выбито из жизни. И мой долг познакомиться хотя бы коротко людей сегодняшнего, совсем другого поколения с тем, что писали ушедшие друзья.

Мы учились в очень хорошей московской школе № 110 имени Ф. Нансена, расположенной в Мерзляковском переулке у Никитских ворот. Директором школы был известный педагог и замечательный человек Иван Кузьмич Новиков. Подобранные им учителя давали нам надежные знания и вместе с ним воспитывали в нас гуманизм, высокие гражданские чувства, обязательность по отношению к любому порученному делу. Все это в полной мере большинство сумело оценить позже, но и во время учебы в школе царил дух интересов к науке и искусству, благородного веселого товарищества, дружеской взаимопомощи. Документальный фильм известного режиссера Марины Голдовской “Дети Ивана Кузьмича”, выпущенный в 1990-е годы, дает представление об этой школе, ее атмосфере и учениках предвоенных и военных лет.

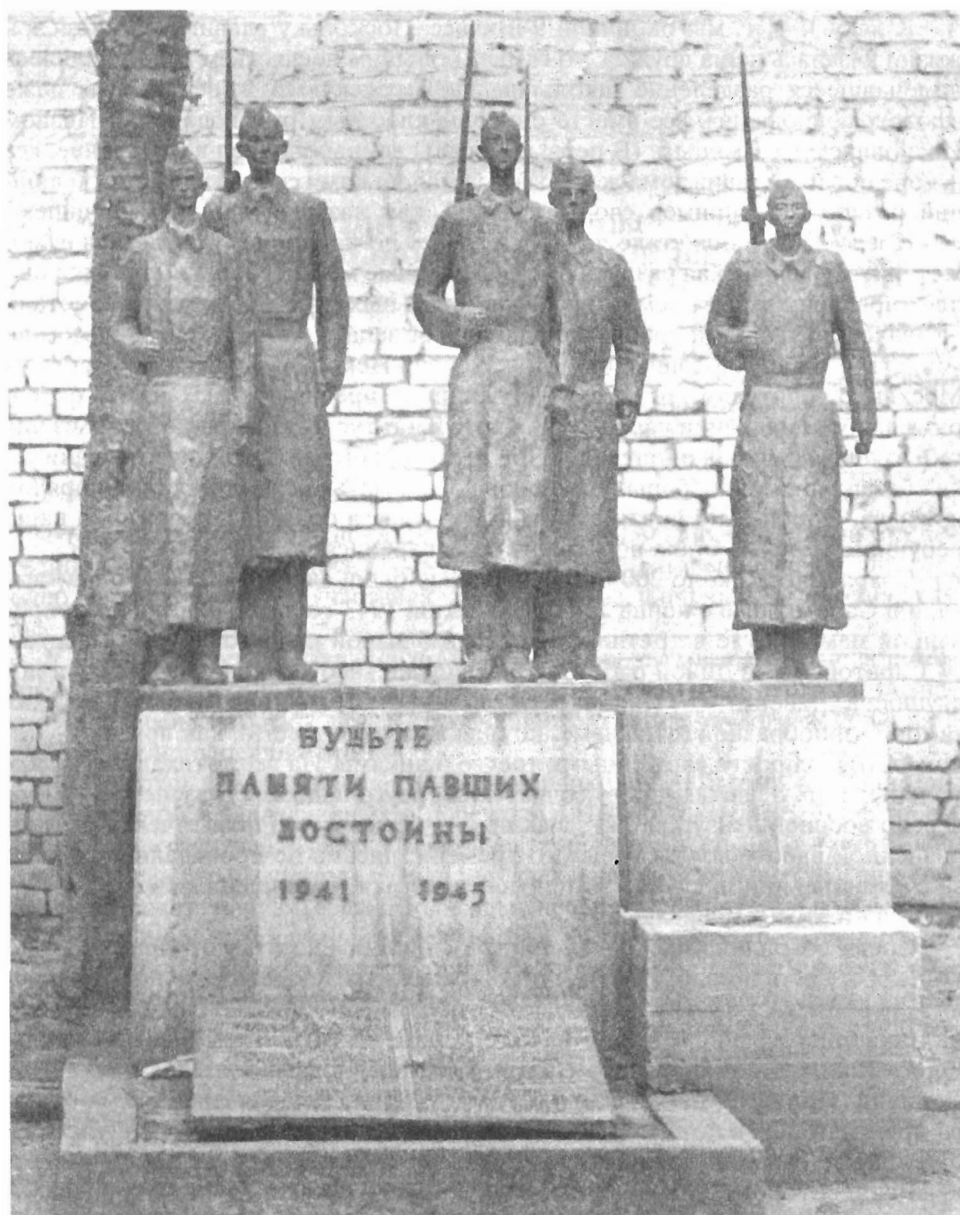
В нашем классе для нас фетишем была наша дружба. Мы “вытягивали” отстающих в учебе, могли часами торчать целой группой под дверью учительской, выпрашивая разрешение для бедолаги-ученика “пересдать” предмет, по которому у него была неудовлетворительная оценка. В классе не замечалось никакого социального неравенства, хотя среди родителей учеников были и достаточно крупные государственные деятели, и простые служащие, и рабочие. В отношениях коллектива не было разницы, например, между дочерью заместителя наркома обороны и сыном нашей любимой школьной “нянечки” тети Лизы, Елизаветы Ивановны Купцовой. Все мы жили недалеко друг от друга, но если кого-то вдруг подвозили с дачи на казенном автомобиле, то высаживали за квартал от школы. А при крушении домашнего благополучия из-за ареста родителей (такое обрушивалось на многих учеников в конце 1930-х годов) наш товарищ не ощущал никакого отчуждения и, наоборот, чувствовал дружескую поддержку. И это притом, что большинство из нас были идейными комсомольцами.

К лету 1941 г. мы окончили 9-й класс. Поскольку главным в школьной жизни казалась наша дружба, то самым большим несчастьем представлялось намечавшееся разделение школы на две: мужскую и женскую. Мы даже сфотографировались все вместе с нашим классным руководителем Иваном Ивановичем Кузьминым. (В первые месяцы войны он ушел в ополчение, где вскоре погиб, оставив дома жену с двумя маленькими сыновьями. Так он последний раз показал пример своим “орлам”, как называл наших мальчишек.)

После 22-го июня стало ясно, что грядет по-настоящему серьезная и, может быть, трагическая разлука. В самые первые месяцы войны мальчики были отправлены копать землю на оборонительных рубежах, девочки работали на эвакуационных пунктах, куда прибывали эшелоны с запада, ближе к осени помогали убирать урожай картошки под Можайском. Некоторые ученики уехали из Москвы с родителями по месту эвакуации их предприятий. Ближе к октябрю – ноябрю мальчики начали приобретать статус мужчин, некоторых из них уже взяли в армию, в ополчение. При этом те, кого не брали, чувствовали себя обездоленными, обращались сами в военкоматы, но там был свой порядок призыва. Постепенно почти все ребята из класса оказались в армии, и наша нерушимая дружба стала поддерживаться перепиской.

Сохранилось около 200 писем, которые были адресованы мне и в Москву, и в Саратов, где с конца 1941 г. до весны 1943-го я оказалась с эвакуированной мамой и где встретила со своей близкой подругой Диной Левитас. (В Саратове мы с Диной работали в госпитале, заочно кончили школу и поступили в университет.) Письма ребят написаны часто карандашом, на кусках самой разнообразной бумаги, мелко (для экономии места), как правило – без конвертов, а просто сложенными треугольниками. На всех этих, даже самых маленьких (6–8 сантиметров) солдатских треугольниках стоит печать “Проверено военной цензурой”. И здесь нельзя не сказать о практически безукоризненной работе почты военного времени: письма не пропадали, доходили за считанные дни; в случае “выбытия” адресата – возвращались с сухой пометкой об этом к написавшему.

Среди сохранившихся писем по три с лишним десятка от Юры Дивильковского, Габора Рааб, Игоря Купцова, с каждым из которых поддерживалась переписка с начала войны до их гибели; одно письмо от Гриши Родина, погибшего раньше всех в начале войны. Есть по несколько писем от Олега Шлыкова, Александра (Шурика) Кандаурова и большая пачка – от Даниэля (Нольки) Митлянского. Судьба Шурика неизвестна, письма от него прекратились в конце 1942 г. Олег был много раз ранен и вернулся без одной ноги. Митлянского военная судьба сохранила: он стал потом известным скульптором, заслуженным художником России, членом-корреспондентом Российской академии художников и, выполняя важнейший свой долг, создал памятник погибшим соученикам – “Реквием 1941-го”. На постаменте представлены бронзовые фигуры одноклассников автора – Юры Дивильковского, Игоря Купцова, Габора Рааб, Гриши Родина, а также погибшего в самом начале войны их сверстника, брата жены скульптора, Игоря Богусhevского. Все они, в отличие от традиционных для памятников изображений мужественных богатырей, представлены такими, какими и были – худощавыми, еще не окрепшими мальчишками в нескладно сидящих шинелях, с большими винтовками старого образца. Ниже постамента расположена бронзовая доска с именами всех погибших на фронтах учеников школы, в разное время в ней учившихся. Памятник этот был установлен в 1971 г. у здания школы у Никитских ворот. Отливка его и установка

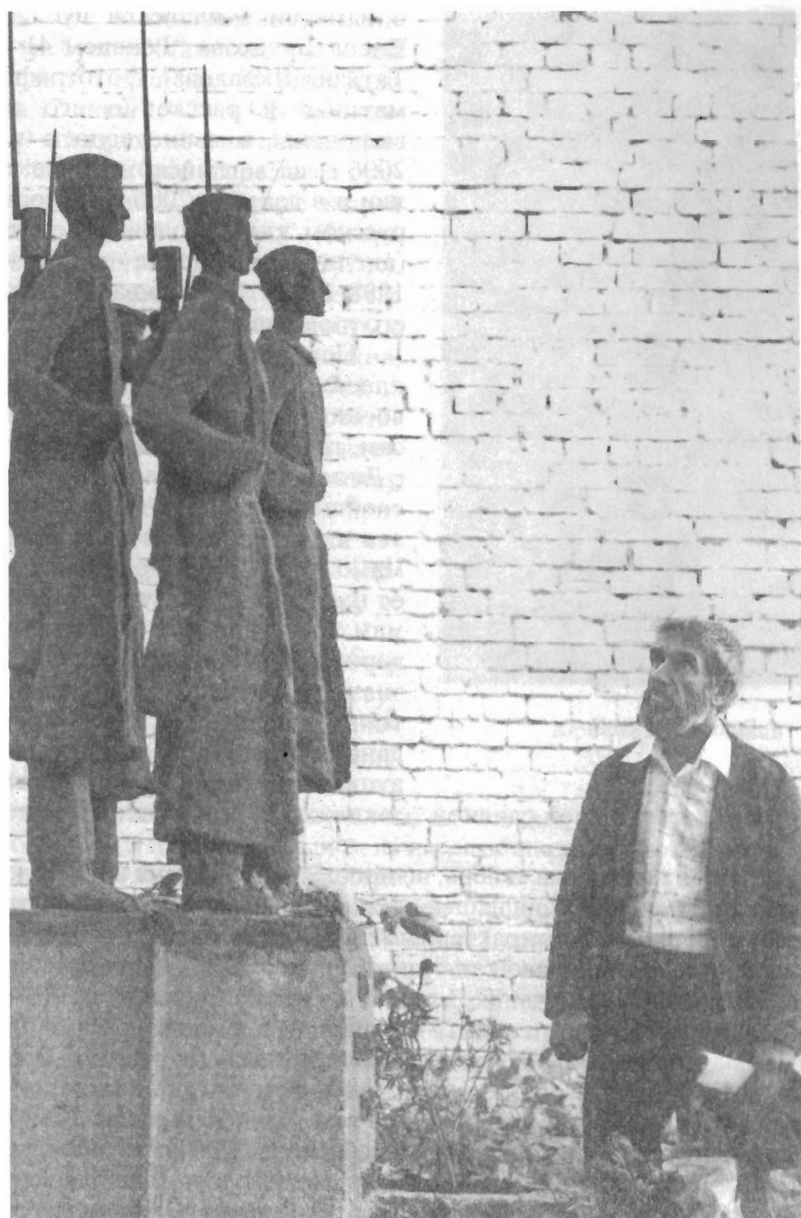

Памятник "Реквием 41-го"

производились за счет средств, собранных учениками 110-й школы. Первостепенную роль в "пробивании" разрешения на установку в Москве такого памятника сыграла наша замечательная учительница математики – Вера Акимовна Гусева¹, которая свой талант учителя и свои заботы всю жизнь

¹ О ней см.: *Ребкало В.М.* Обзор документов личного фонда учительницы В.А. Гусевой // 40 лет научному студенческому кружку источниковедения истории СССР: Сб. науч. ст. М., 1990. С. 11–17; *Шmidt С.О.* О книге, ее герое, ее авторах // "Ты, солнце святое, гори!": Книга о московском учителе словесности Иване Ивановиче Зеленцове. [2-е изд.]. М., 2002. С. 15.

Памятник "Реквием 41-го" и его автор Даниэль Митлянский

целиком отдавала своим ученикам. Каждый год 9 мая и 22 июня около памятника собираются бывшие ученики, окончившие школу до войны, теперь часто – с детьми и внуками. С каждым годом приходит все меньше и меньше представителей уходящего поколения. Но этот памятник имеет символическое значение не только для людей, так или иначе связанных со школой. В памятные дни о нем упоминают в телепередачах. В некоторые маршруты городских экскурсий он включается как один из связанных с Великой Отечественной войной объектов. Прочувственные статьи

Григорий Родин

о памятнике написали публицисты Елена Брускова “Реквием 41-го”² и Татьяна Яковлева³, фотография памятника и рассказ о его героях включены в вышедшую в начале 2006 г. на английском языке в Англии и в декабре 2006 г. в Москве на русском книгу Родрика Брейтвейта (английского посла в Москве в 1988–1992 гг.) “Москва 1941. Город и его люди на войне”⁴.

Переписываясь с ребятами из класса, разбросанными по разным военным частям, училищам и курсам, госпиталям и медсанбатам, мы с Диной служили для них связными, сообщая сведения о друзьях, передавая их меняющиеся адреса. Но помимо этого, само получение вестей от нас, как можно судить по их письмам, было для них радостью и поддержкой. Переписка очень много значила для нас, девочек, – достаточно сказать, что в случае неожиданных переездов, укрытия от воздушных тревог и других перемеще-

ний в пространстве, нашей главной “поклажей” были мешочки с письмами от ребят.

Перечитывая эти письма теперь, по прошествии времени и после всех перемен в жизни страны и жизни нашей, можно увидеть в них общие черты, которые мне представляются характерными для юного поколения времен войны. Не знаю, имею ли я право так судить о поколении – ведь это результат размышлений по письмам учеников одной московской школы, притом обладающих разным уровнем интеллекта и знаний, разными интересами (отмечу, что письма в то время и в том статусе ребят могли быть только абсолютно честными). И все же эти общие для поколения черты просматриваются не только в полученных мною письмах, но и в опубликованных воспоминаниях воевавших очень молодых в то время людей. Вот и в 2004 г. автобиографическое интервью скульптора Митлянского, выросшего в этой школе и прошедшего войну, озаглавлено его утверждением: “Главным в жизни моего поколения была война”⁵.

На войне и проявились основные черты поколения. Среди них в первую очередь надо отметить чувство долга, чувство ответственности за свою страну и своих близких.

² Брускова Е. Реквием 41-го // Аврора. 1985. № 1. С. 10–19; Она же. Долгое эхо. М., 1986. С. 84–102.

³ Яковлева Т. Памятник на школьном дворе // Куранты: Историко-краеведческий альманах. М., 1987. Вып. 2.

⁴ Breiðvæite R. Moscow 1941: A city and its people at war. L., 2006; Брейтвейт Р. Москва 1941: Город и его люди на войне. М., 2006. К сожалению, в книге искажена фамилия Юры Дивильковского, а под его именем помещена фотография другого человека.

⁵ Даниэль Митлянский: “Главным в жизни моего поколения была война” // Культура. 2004. 2–8 дек.

“Мы все выполняем свой долг. Этого требует обстановка, иначе мы не победим” (из письма Шурика Кандаурова 12 июля 1942 г.). “Ребята сдают за 10-ый класс, но я им не завидую. Я счастливее их, мне вперед всех пришлось участвовать в защите нашей родины и родной Москвы” (Игорь Купцов из госпиталя в начале 1942 г.). “Мне очень хочется туда, где сейчас находятся наши ребята, и воевать с ними за общее дело” (Олег Шлыков, 27 апреля 1942 г.). В конце 1941 г. Олег писал: “Еще недавно нас считали детьми, а сейчас мы с отцами идем воевать”. В августе 1942-го между воспоминаниями о всех друзьях и приветами им он сообщает: “Сегодня меня приняли в кандидаты партии... Завтра добровольно иду в разведку к немцам в тыл”.

Гриша Родин, сбежавший с пути в эвакуацию в октябре 1941-го и вступивший в Москве в народное ополчение, пишет: “Я надел шинель и очень ее люблю”. Гриша погиб первым из нашего класса в начале 1942 г. недалеко от Москвы. Он был, пожалуй, самым эрудированным и любознательным из нас, с обширными познаниями в филологии, истории, литературе, биологии.

Юра Дивильковский, также в октябре 1941-го эвакуированный из Москвы (“жалею, что согласился ехать – мучает совесть” – письмо 17 октября 1941 г.), не без трудностей сумел вернуться. В Москве встретил оставшихся друзей: “Габор, Володя Гренков и я скоро, видимо, будем там, где нам полагается быть – в армии, иными словами”. Позже армейская судьба носила его по разным военным учебным заведениям в Средней Азии. “Все еще болтаюсь по глубоким тылам, хотя место мое там, где были и есть другие”, – пишет он в мае 1943-го. В другом письме – “Надеюсь, через месяц-полтора буду на фронте – давно пора, в конце концов”. Зачисленный в декабре 1943-го в маршевую роту, он попадает в Киев: “Насмотрелись на результаты двухмесячного немецкого хозяйничанья. Хорошая зарядка для фронта”, “Довольно скоро переведаюсь с немцами” (этот мотив личной мести тем, кто “нарушил нашу дружную мирную жизнь”, звучит и в письмах других ребят. Кандауров: “Олег – герой, мстит за раны Игоря”, Купцов: “уже нет двоих, а за них нужно отомстить, приложу все усилия это сделать”).

Длинным был путь до непосредственного участия в войне и у Ноли Митлянского. В конце 1941 г. он с эвакуированным Московским Государственным художественным институтом (где закончил 1-й курс) оказался в Самарканде. И уже 12 декабря 41 г. пишет: “Какой я идиот, что поперся за этим чертовым заведением. Сидел бы в Москве или рыл бы (на строительстве укреплений. – И.Г.), как наши мальчики... Настроение жуткое, что занимаюсь лепкой, страшно жалко, что не рою, по крайней мере”.

Юрий Дивильковский

Габор Рааб

Будучи переведен в 1942 году курсантом в Художественную студию имени Грекова при Главном политуправлении РККА, эвакуированную в г. Алма-Ата, надеется: “скоро буду на фронте, поедем собирать материал” (письмо 27 марта 1942 г.), “но и тут волокита, бесцельность, неизвестность. Войну я прозевал” (27 июня 1942 г.). По-настоящему Ноля попал в армию в 1943 году; стал курсантом военного училища. После выпуска лейтенантом несет службу в тылу недалеко от передовой и считает, что все равно не до конца выполнил свой долг: в письме от 8 сентября 1944 года пишет: “Когда страна заканчивает великую войну ни разу не быть на фронте – тоже причина страданий”. В ответ на просьбу послать его дальше на запад его командир говорит о донкихотстве, о том, что “здесь тяжелее, чем на фронте” (позже Ноля все-таки попал “западнее” – он был с нашими армейскими подразделениями и в Венгрии, и в Югославии).

Юра Дивильковский был сыном советского дипломата и в первой половине 1930-х годов жил с родителями во Франции. А представители поколения его дедушек и бабушек и по линии отца, и по линии матери были профессиональными революционерами – большевиками; они тесно сотрудничали с В.И. Лениным и были близкими знакомыми его семьи. Юра же был знатоком литературы, поэтом. Сам стиль его писем был литературный, часто с иронией по отношению к самому себе. Но при приближении к фронту стиль изменился, стал проще, мужественнее. Он сам отмечает: “Извини за стиль, но обстановка настраивает”. А незадолго до гибели в марте 1944 г. письма стали бодрыми, оптимистичными: “Я в части действующей, боевой”, “Шлю тебе свой гвардейский фронтовой привет. Будет на то время – двинем немца не хуже, чем на других фронтах... Я верю, скоро конец войне”.

Наши ребята к концу войны стали более мужественными, взрослыми, вполне соответствующими военной службе. И только глубоко художественная натура Ноля Митлянского никак не вписывалась в армейскую среду. Письмо 3 июня 1943 г.: “Нет, положительно не всем можно быть в армии. Меня все учат жизни, но вряд ли научат – я вроде крота, положенного на солнце”. В другом письме: “Мечтал, месяц – другой службы выбьют из меня растяпство и неуклюжесть, но получается наоборот”. Тем не менее, он очень старается, получает не только взыскания, но и благодарности: “Но все-таки я учусь не плохо и главное – совесть спокойная”. Жаргон армейский он все же усваивает: “военный из меня, как из гвоздя панихида”.

Ощущение скорого конца войны встречается в письмах ребят чуть ли не с конца 1941 г. Еще в 1942 г. Юра писал: “Через год, когда кончится война, мы снова будем вместе”. В том же 1942-м Габор Рааб писал: “война не надолго, нас

скоро возьмут в армию, трудностей не боимся”.

Но его путь к выполнению долга, как он его понимал, был не прост. Его длительное время не брали в армию. На заявления с просьбой о зачислении в авиадесантное или другое военное училище он получал в военкомате отказы. Из письма в июле 1942 г.: “Виню всему факт моей, точнее – не моей, биографии”. (Габор был сыном жившего в СССР венгерского коммуниста, которого, как случилось в конце 1930-х годов, репрессировали.)

После начала войны Габор валил лес на строительстве оборонительных рубежей, работал на заводе, занимался по направлению военкомата в авто-бронешколе, по окончании которой надеялся: “до конца месяца оружие свое освоим и поедем помогать Игорю”. В середине 1942-го при активной поддержке друзей принят (как пишет Юра, “со скрипом”) в комсомол. И между всеми этими делами он умудрился экстерном закончить десятый класс, получить аттестат, подать документы в университет и серьезно готовился к поступлению на физический факультет.

“Получу студенческий билет и с ним пойду в армию”, куда его, наконец, взяли в сентябре. В первом письме “с армии”: “каждый день ждем отправки (направление, собственно, одно) с нетерпением. Ведь наши там давно, а желание помочь товарищам здесь у всех”. Но – “чертовски не везет мне: дома был – не брали в армию, теперь не берут воевать. Говорят – учи людей”. Занимается обучением пополнения и очень тяжело воспринимает свое положение в тылу, когда все друзья воюют. “Стыдно становится смотреть людям в глаза” (11 октября 1942 г.). Вместе с некоторыми другими вокруг него: “строчим рапорты с просьбой отправить на фронт”. И только в начале 1945 г., наконец, попадает на запад. “В дальние края эти я добрался со своим агрегатом”. “Буду скоро, где Игорь”. (Игорь Купцов был на Берлинском направлении и погиб под самым Берлином в апреле 1945 г.). “Все передуманное и перечувствованное там, дома, кажется отсюда рассматриваемым в перевернутый бинокль – особенно отчетливым, но и отдаленным особенно”. В последнем, перед самой гибелью под Бреславлем, письме от 12 марта 1945 г.: “Живем хорошо, публика самая веселая – любая проблема разрешается самым оригинальным способом. Хорошо быть среди таких людей в любом случае, сколько-нибудь отличном от жизни дома. Чувствуешь себя сильным”.

По своему духу высказывание Габора в последнем письме об окружающих его в армии людях совпадает с тем, что писали и другие. Наши мальчики, получавшие образование в хорошей школе, обладающие достаточно

Игорь Купцов

Олег Шлыков

широким кругозором и ясным собственным мировоззрением, несколько даже рафинированные, легко находили общий язык с людьми самого разного типа, достаточно простыми, и иногда не очень грамотными, с кем сталкивала их военная судьба. По-видимому, такая общность была одной из примет той войны. Вот выписки из некоторых писем. Юра Дивильковский в 1942 г. с дороги и из училища в Ленинабаде: “ребята едут хорошие, ведем длинные разговоры”, “ребята неплохие, есть и шпана, но мало”; “Коллектив здесь хороший, живем дружно”. И из фронтовой части в 1943 г.: “ребята у нас хорошие, дружные, боевые, я с ними сошелся быстро”. Габор в 1942 г.: “ребята со мной неплохие, моего склада”; из армии (пока в тылу): “народ у нас крепкий – замечательно было бы ехать с ними воевать”. Митлянский, находясь в офицерской среде,

замечает в письме начала 1945 г. “Когда говорят о грубости в армии – это не верно, офицеры в большинстве культурные, с них требуют крепенько – порядок”. (Но Ноле-то как раз вписаться в товарищескую военную среду не удастся. “Помещаемся мы в немецком блиндаже с товарищем моим еще по училищу, имеем с ним общего – как бегемот с койотом, но живем дружно”. “Хочу хороших дел и хороших людей – но найти не могу”.) В ответ на пылкое утверждение в письме Олега Шлыкова, что лучше наших ребят никого нет, Гриша Родин рассудительно отвечает: “Приходится встречать людей, лучше, чем наши, но к ним так не тянет”.

Дружба с одноклассниками, игравшая большую роль в нашей школьной жизни до войны и поддерживаемая перепиской в военные годы, проходит лейтмотивом во всех письмах.

Обладатель наиболее нежной души, Олег Шлыков, из госпиталя пишет: “Главное – наша дружба. Всех помню, люблю всех – и ребят и девушек, как родных”. Ноля в письме от 19 октября 1942 г. “А все-таки хороший был у нас класс”. И за этим следуют вопросы о Грише, Габоре, Дине, Нелли Блюх и других ребятах. Кандауров в июле 1942-го из десантного училища: “Письма от вас и от ребят – большая радость. Провести бы вместе время”. Игорь Купцов после многих ранений: “очень скучаю по вам, по всем ребятам, по Москве” (это “вас” всегда относится ко мне с Диной вместе); в 1944 г.: “сизжу в блиндаже, вспоминаю Москву, старых друзей”. Радость от встречи с друзьями описывается в письмах Габора и Юры в 1942 г. И всегда у всех неослабевающая тревога за судьбу друзей; отслеживаются все события их военной жизни, все их передвижения: кто на фронте, кто в училище, в госпитале, санбате, от кого давно нет известий. Все время идет обмен адресами, просят со-

общить адреса не только воюющих ребят, но и разбросанных по стране девочек из класса – Вириinei (Виры) Каминской, Таты Розановой, Нелли Блюх, Зои Товбиной. И в каждом без исключения письме просьба передавать приветы всем друзьям, с которыми мы так или иначе связаны, часто – с перечислением имен. В последнем письме Юры – “Горячий привет Дине, Вире, Габору, Олегу”. В последнем письме Габора просьба передать приветы друзьям, а также матерям погибших Юры Дивильковского и Гриши Родина (мы часто их навещали).

Вообще внимание к родителям друзей присутствует во всех письмах. В то время ни в малейшей степени не ощущалось противопоставления поколений. Олег вспоминает, что уходил в военкомат вместе с моим папой, и постоянно о нем спрашивает. Во всех письмах и открытках никогда не забывают передать привет моей маме, Габор даже выражает ей сочувствие: “Екатерине Петровне сейчас наверно очень тяжело”. Уходя в тыл к немцам, Олег просит передать “мой боевой привет твоей маме”. И еще общее во всех без исключения письмах – настойчивая просьба чаще писать (и желательно – прислать новую фотографию). “Прошу, Ира, пиши чаще, пиши, не дожидайся пока придут письма отсюда – ведь этими письмами живут здесь ваши друзья” (Габор Рааб, декабрь 1941 г.). “Письма от вас с Диной и от ребят – радость” (Шурик Кандауров, июль 1942 г.), “Письма – лучшее, что здесь есть” (Ноля Митлянской, январь 1945 г.), “Пиши почаще, повторяю тысячный раз” (Игорь Купцов, октябрь 1942 г.), “Заехал домой, застал твое письмо – и сразу праздник... Надеюсь, что ты будешь чаще писать” (Габор Рааб, февраль 1943 г.), “День 29 ноября (общая традиционная встреча в школе), видимо, встречу уже на фронте; меня не забудьте, а я о вас все время вспоминаю. Пусть мне пишут” (Юра Дивильковский, ноябрь 1943 г.).

Переписка и ощущение нерушимой дружбы неразрывно связаны у ребят с воспоминаниями о мирной прошлой жизни и надеждой на ее возвращение. “Как радостно будем съезжаться в Москву и соберемся у вас в квартире” (Олег, 1942 г.). “Мы еще все увидимся, найграемся, натанцуемся после победного мира” (Ноля, 1942 г.). “Вспоминаем, как у тебя дома слушали хорошую музыку” (Габор, 1945 г.) (я параллельно училась на фортепиано в Гнесинском техникуме и часто играла ребятам). “Защитим Москву и встретимся” (Игорь, декабрь 1941 г.). “Провести бы вместе время” (Кандауров, июль 1942 г.) (Не могу не заметить, что вожделенное место будущей встречи, “квартира” – это наша комната в коммуналке дома в Трубниковском переулке.) Дружба поддерживала ребят и в их настоящей, очень трудной жизни. Игорь после госпиталя в 1942 г. встречается с небольшой (всего пять человек) группой находя-

Александр Кандауров

щихся в Москве одноклассников: “Этот маленький круг друзей вместился в меня как новый прилив сил и стремление сделать что-то хорошее”. Ребята ностальгически вспоминают все события так жестоко прерванной юности, не забывают поздравить с днем рождения (мой – 30-го апреля). Еще находясь в 1942 г. в Москве, Юра не без юмора пишет: “30-е апреля отметили с Габором продолжительным сидением на Тверском бульваре под Луной и аэробатами”. А Габор всерьез добавляет: “Если переживем все это, то дружба наша только выиграет, это будет настоящая, проверенная в боях дружба”.

При этом дружба всегда была действенной, с желанием помочь не только в жизненно важном, но и в простых житейских коллизиях. Олег вспоминает, как они с Шуриком помогали нам с мамой в октябре 1941-го грузиться в теплушку при отъезде в эвакуацию. Габор в своей военной форме занимал мне третью полку в переполненном вагоне, когда я в конце войны ехала по вызову навещать папу, служившего на Северном флоте. Характерно предложение в письме Габора в 1942 г.: “Что с вашей квартирой? У вас видимо кто-то живет. Если надо сделать что-нибудь – можешь использовать нас с Вовкой. Результаты гарантируем – имеем опыт с Таткой Розановой” (речь идет о сохранении квартиры, пока жители на фронте и в эвакуации). И вот стихи Юры Дивильковского:

“Походная песня о дружбе”

Облака над городом вставали,
Золотые облака весны,
Мы глядели в солнечные дали,
Мы дружили и видали сны.
И когда гроза темнела в небе,
Зарождалась в прифронтовых днях,
Забывали мы о сне и хлебе,
Но ни на минуту о друзьях.
Мы без слов их в битвы провожали,
А потом ушли за ними вслед...

Дружеские отношения с девушками имели рыцарский и несколько романтический характер, с оттенками заботливости и даже покровительства (“как это было, как совпало – война, беда, мечта и юность”, сказал замечательный поэт Давид Самойлов). Вот что писал Габор в начале ноября 1941 г.: “Игорь и Гриша уже в военных частях, заняли рубежи. Завидую им, честное слово. И хорошо, что вы (девочки) пока далеко – за вас мы постоим”. В том же ноябре: “Ты не представляешь, как мы волновались – ведь ты уехала 15 октября, прошел месяц, а мы (Игорь, Володя и я) не знаем, где ты, что ты”. Игорь после очередной побывки дома по выходе из госпиталя 13 августа 1943 г.: “Очень угнетает то, что ты больная ходила провожать меня и возвращалась под сильным дождем. Я просто проклинаю себя, что допустил”. Во время Сталинградских событий в письме Габора: “Саратов теперь город, за который есть основания беспокоиться”. В начале эвакуации, когда мы с Диной было твердо решили, что не хотим учиться во время войны и искали более полезной другой деятельности, в письмах ребят появился наставительный тон. “Не хочется давать советов, только ты бы училась, Ира. Неужели не думаешь, что будет после конца войны” (Юра, 30 апреля 1942 г.). И в другом Юрином письме: “Учиться – это твоя обязанность, этому придают огромное значение – особенно сейчас”. И письма Габора в январе 1942-го: “Откуда это категоричное заявление, что все кончено и с учебой, и с музыкой? Ты обяза-

на учиться”. “Если хоть немного ценишь мой совет, не иди на завод, лучше работай в госпитале – это работа не менее важная, тебе надо учиться”. Летом 1942-го: “Неужели все кончено с музыкой? Напрасно, Ира, лучше этого ты ничего не найдешь”. И когда уже мы с Диной начали заниматься на физическом факультете университета, Габор, который к этому сам серьезно готовился (“когда-нибудь в одном здании учиться будем”), настойчиво советует, как нужно заниматься (письмо от ноября 1942 г.): “Так занимался бы Гриша, так должны заниматься все мы”. “Не увлекайся тем только, что будут давать, все время помни общее, главное. Возьмись за Гегеля, Энгельса, Маха, Гельмгольца, Эйнштейна – не улыбайся, ведь мне удалось познакомиться кое с чем”.

На самом деле Габор, пока учился в военной школе и в тоске ожидал сначала призыва в армию, а потом – отправления на фронт, все время серьезно занимался. По окончании изматывающей работы на заводе он пишет в январе 1942 г.: “Мы теперь серьезней относимся к учебе”, летом 1942-го – “занимаюсь много – высшая математика, физика, взялся за философию”, в конце года – “читать удастся много, за этот год перечитал столько, сколько не читал пять лет, усвоил, по крайней мере”. “Удастся ли учиться после войны – для меня это вопрос самый большой” (10 ноября 1942 г.). Свои знания Габор с пользой применяет на службе: “Обучаю важному интересному делу новое пополнение. Пригодились бывшие занятия радиотехникой, электроникой, и математика пригодилась” (20 февраля 1943 г.). Необходимость серьезного отношения к образованию, обучению, понимает и Шурик Кандауров, закончивший артиллерийское училище и позже ставший курсантом авиадесантного. Он пишет: “Могу похвастаться, в учебе не отстаю” (23 февраля 1942 г.). “Здесь созданы все условия для обучения. Требования большие... Если в школе я не готовил уроки, как положено, то здесь приходится тщательно изучать... Вопрос учебы – это жизнь... Только здесь начинаешь направлять себя на путь истинный... Школа, Иван Кузьмич – много дали” (18 сентября 1942 г.). Такое понимание важности знаний, серьезного отношения к науке в той или иной степени характерно для всех ребят.

У Юры Дивильковского интересы (достаточно высокого уровня) лежали в гуманитарной области. В первую очередь это литература, поэзия. Остались его очень искренние, полные романтики юношеские стихи. Он продолжал писать стихи и в военное время. В сохранившейся у меня толстой тетради (Юра передал ее мне в первые дни войны), наряду с его стихами, эссе, многочисленными набросками, имеется начало исследования “Пути развития современной поэзии”. Содержание его писем, помимо постоянных мыслей о своем долге и заботы о друзьях, составляют серьезные размышления, впечатления о новой окружающей обстановке, литературные реминисценции с цитатами из своих и чужих стихов. Часто стиль писем ироничен по отношению к себе и к окружению. Вот фрагмент письма из Ленинабада (5 сентября 1942 г.): «Главная улица, ишаки, арыки, паранджи, глиняные дома, отдельные мужские и женские очереди за квасом, дикое солнце. И на фоне всего знакомая тебе фигура бессменного редактора “Трех дней” (классная газета. – И.Г.) и верного паладина некоей прекрасной дамы... Лихо надетая пилотка и затянутый до невозможности ремень делают ее неотразимой для почтово-телеграфных работниц и чайханщиков».

Впечатления о новой окружающей природе и обстановке и описания их как словесные, так и графические очень часто встречаются в письмах Ноли Митлянского, причем на них виден живой интерес, и острый глаз художника. В письмах его прослеживается и неизменный интерес к событиям на фронте,

обычно с эмоциональной окраской (из письма от 23 августа 1943 г. “радость услышать – наши войска заняли...” Имеются и размышления, связанные с новой военной обстановкой, часто не соответствующие прежним, “интеллектуальным”, представлениям. “В порядке стажировки был несколько часов комроты – интересно, но трудно. И что казалось бессмысленным, оказывается абсолютно необходимым – беспрекословное исполнение всех приказов” (26 ноября 1942 г.). “До чего же замечательная штука техника – я непрерывно перед ней преклоняюсь – от винтовки до штук посерьезнее – все просто и надежно” (19 сентября 1942 г.).

Встречаются серьезные размышления более общего характера: «История не знает, чтобы к концу войны армия была еще сильна, резервы более боеспособны, комсостав стал культурнее, собраннее “кадровее”. Улучшено снабжение всех видов».

Интерес к литературе был по существу у всех ребят, он был отчасти обусловлен прекрасным преподаванием предмета в школе и постоянным обменом мнениями по поводу всего прочитанного. Такой обмен сохранился и в военной переписке с Митлянским, который умудрялся читать и в училище, и в офицерской повседневности. Он восхищается “Тихим Доном” Шолохова, рассуждает о Цвейге, о Симонове, о Родене и Микеланджело. Интересовались в классе и другими видами серьезного искусства. К изобразительному нас так или иначе приближал наш скульптор Митлянский, который открывал нам глаза в музеях и на выставках на произведения живописи и скульптуры. От своей мирной профессии он не полностью отрывался и на войне, его часто вызывают в вышестоящий штаб, привлекая к созданию экспонатов для обучения пополнения и даже создания скульптурных портретов: “Вызывают в штаб бригады... Хочется лепить, как никогда” (7 сентября 1944 г.). “Наконец я в армии делаю полезное, и то, что другие не могут. Начал лепить портрет...” (31 марта 1945 г.). Безусловно, любили многие наши ребята музыку (настоящую, серьезную). В военное время ухитрялись попадать на концерты. Игорь из госпиталя в мае 1942 г.: “Навещали ребята, собираются на концерт слушать 7-ю симфонию Шостаковича”. Особую роль играла музыка для Габора, о ней он часто говорит в письмах: “Понял, что не могу прожить без музыки” (17 ноября 1941 г.). Когда удалось на день попасть домой – “что доставило здесь наибольшую радость – возможность послушать музыку хорошую”. «Был на “Евгении Онегине” в театре Станиславского» (ноябрь 1941 г.), “слушали Баха в консерватории” (14 января 1942 г.), “иду в Колонный зал слушать новую симфонию” (6 апреля 1942 г.). Он сокрушался, когда я в письме из эвакуации заявила, что с музыкой кончено. (В конце концов я ее не бросила, после возвращения восстановилась и с отличием закончила Гнесинский институт, хотя основным профессиональным занятием в жизни стала физика. В своем последнем письме, вернувшись из-за “убытия адресата”, я описывала ему что и как играла на студенческом концерте в малом зале консерватории.)

Я попыталась показать, какими предстают со страниц своих писем мои друзья, – по выражению их сверстника, поэта Александра Межирова, “Полумужчины, полудети, на фронт ушедшие из школ”. Они собирались жить после войны, ждали радостных встреч, строили планы на будущее. И все же, они обращались к нам, девочкам, у которых было гораздо больше шансов остаться в этом будущем, с ощущением зыбкости этих планов. Олег Шлыков, отправляясь на фронт, писал: “Желаю вам всем долгой жизни, доброго здоровья и всего хорошего. Желаю хорошо учиться и работать. Желаю помнить о нашей дружбе”. Такие мысли посещали и Нолю Митлянского, которому выпал

счастливым шансом остаться целым к концу войны: в письме от 22 октября 44 г. он писал: “Если меня прихлопнут – счастья тебе в победившей Москве”. А Юра Дивильковский, тонко чувствующий своей поэтической душой, провидел обреченность свою и большинства из них. Он оставил нам “Завещание”.

ПРИЛОЖЕНИЕ

[ЗАВЕЩАНИЕ]

Находясь в здравом уме и твердой памяти, составляю этот документ, имеющий силу завещания. Единственное, чем я безраздельно и бесспорно владею, – это мое “я”, моя человеческая сущность. Его я завещаю моим друзьям, ибо я хочу, чтобы оно продолжало жить независимо от моей судьбы. Я сын своего века, “герой своего времени”. Но по своему мировосприятию и основной жизненной задаче – я поэт. Это значит, что, изображая жизнь и, тем самым, становясь выше жизни, я осмысливаю ее. Осмысливаю также и свое положение в системе мира, значение своей личности.

Мы принадлежим к дезориентированному поколению. Нашими предшественниками были люди начала века и люди великой Революции. Первые оставили нам в наследство свое мировосприятие, стремление придавать превалирующее значение личной жизни, перенос интересов в область интеллекта, гуманизм – без своего прекраснодушия и мягкотелости. Вторые привили нам высокие идеалы, веру в будущее. Но не свою энергию и железную волю. В этом “но” – наше несчастье. Прекрасные качества дедов и родителей, лишнные своего костяка, создали поколение, живущее будущим, но не умеющее создать его, поколение, которому суждено стать “титанами слова и пигмеями дела”.

Однако в этом качестве нашего поколения была наша сила. Оно могло стать создателем огромных интеллектуальных и художественных ценностей. В своей среде мы уже видели мыслителей, поэтов, которые должны были положить начало культуре будущего, культуре коммунизма.

Но жизнь внесла свои коррективы. Грянула война. И мы поняли, что было нашей исторической задачей. Мы пошли в бой, зная, что погибнем, утверждая тем самым ту красоту, то будущее, которое не успели создать. В этом для нас оказался наилучший выход. Многие из нас были дезориентированы политически. Повторялось то положение, которое создалось в эпоху НЭПа, когда многие и многие усумнились в правильности курса Партии. Но в те годы люди умели, когда это было нужно, заставить себя верить, мы же можем принять лишь то, что нам понятно. А понять умеют немногие. Остальные находят выход в позиции благожелательного скептицизма. К счастью, у них нет Вольтера. Но, несмотря на это, их взгляды были чреваты неприятными последствиями. Неприятными, прежде всего, для них, ибо они не отказывались от идеалов. Война показала выход из этого тупика. Всякий может умереть, а смерть за свою мечту прекрасна.

Но не всех ждет смерть. Останутся в живых те, кому посчастливится в этой лотерее войны, останетесь вы, наши девушки, наши подруги. Прекрасна ваша задача! Между поколением прошлого и поколением настоящего, которое вырастет в результате войны из наших младших братьев и сестер, вы будете немногими представителями людей будущего. Вам предстоит гигантская работа, которую не успели сделать мы все. Выполните ее!

И вспоминайте изредка обо мне, который был человеком грядущего. А человек грядущего, прежде всего, гуманист, он выше всего ставит Человека. В Человеке заключена высшая красота и радость жизни. Уважайте в каждом человеческое, ищите его и создавайте. Настоящий гражданин грядущего – кто свободен от предрассудков и условностей, кто не боится себя и не боится, что кто-нибудь поймет его, кто выше всего в жизни ставит чудесное чувство любви и радость свободного творчества.

Я умер за то, чтобы таким было человечество.

2 марта 1942 г.

Ю. Дивильковский

Н.П. Копанева

**“ВПЕЧАТЛЕНИЯ НА МОЕМ МАЛОМ РАДИУСЕ”:
ДНЕВНИКИ Г.А. КНЯЗЕВА 1941–1945 гг.***

Георгий Алексеевич Князев (1887–1969) – историк, архивист и археограф – возглавлял Архив АН СССР в Ленинграде с 1929 по 1963 г. После перевода Архива в Москву и создания в Ленинграде его отделения, Князев отказался от директорства и оставался в Архиве старшим научным сотрудником – консультантом до 1969 г.

Начиная с гимназических лет, с 1895 г., он до конца жизни вел подневные записи. Дневники Г.А. Князева представляют собой уникальный источник. Часть дневников за период с 1914 по 1922 г. была опубликована А.В. Смолиным в 1990-е годы¹. Отдельные фрагменты дневниковых записей военных лет были использованы Д.А. Граниным и А.М. Адамовичем при написании “Блокадной книги”.

Рукопись дневников Г.А. Князева хранится в СПб ФА РАН. Машинопись записок за период с 1915 по 1922 г. была передана их автором американскому ученому Фрэнку Голдеру и ныне хранится в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета². В нашей статье рассматриваются дневники Князева за 1941–1945 гг.

Дневники военных лет имеются в СПб ФА РАН в рукописном и машинописном виде³. Г.А. Князев вел записи практически ежедневно на листах бумаги, складывая их в обычные папки. Всего им было сформировано 10 папок. Большая часть записей сделана карандашом и лишь после эвакуации из блокадного Ленинграда – чернилами. Машинопись с авторской правкой составляет 6 папок. Хронологически дневники охватывают период с 22 июня 1941 г. по 28 августа 1945 г. До 12 августа 1942 г. Г.А. Князев с женой оставались в Ленинграде, 12 августа в 6 утра самолетом были переправлены в Москву, 26 августа поездом уехали в Боровое, в Казахстан, где размещался академический пансионат и куда были эвакуированы многие ученые. В Ленинград они возвратились из Москвы 2 июня 1944 г.

Принцип отбора информации для дневниковых записей постоянно волновал их автора. Еще в 1922 г. в предисловии к передаваемым в США запискам он писал: “Сюда вносилось только то, что попадало в мой кругозор... Поэтому

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 04–01–00368а). Дневники военных лет Г.А. Князева готовятся к публикации СПб ФА РАН. К 60-летию Победы в Великой Отечественной войне СПб ФА РАН опубликовал отрывки из дневниковых записей Князева периода блокады Ленинграда: Академический Архив в годы блокады Ленинграда. 1941–1942: Из дневников Г.А. Князева. СПб., 2005.

¹ Князев Г.А. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1914–1922 / Подгот. текста, предисл. и примеч. А.В. Смолина // Русское прошлое. 1991. № 2. С. 97–199; *Он же*. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции (1918) / Подгот. текста и коммент. А.В. Смолина // Там же. 1993. № 4. С. 35–149.

² См. об этом предисловие А.В. Смолина к публикации записок: Русское прошлое. 1991. № 2. С. 97.

³ СПб ФА РАН. Ф. 929 (Г.А. Князев). Оп. 2. Д. 95–110. Далее ссылки на дела и листы рукописи даются в тексте статьи.

му сведения о многом здесь очень не полны... Задача моя не в том, чтобы дать историю или воспоминания (мемуары) о всем пережитом, это сделают другие лучше меня. Оставляя совершенно не переделанными свои первоначальные заметки, я тем самым, думаю, сохраню непосредственность их и все особенности переживаемого момента”⁴. Этот принцип фиксации увиденного и непосредственности восприятия сохранялся и при ведении подневных записей в годы Великой Отечественной войны вплоть до эвакуации в Казахстан. Эвакуировавшись в Боровое, переживая разлуку со своим Архивом и Ленинградом, Г.А. Князев оценивает свои дальнейшие записи как отрывочные, случайные и неинтересные (Д. 104, запись 12 сентября 1942 г.). Также критически автор оценивает и московские записи: “Плохо велись мои записки в Москве, не было стержня” (Д. 109. Л. 29). Для нас же они, так же, как и все дневниковые записи Г.А. Князева, несомненно, представляют огромный интерес.

Дневник Г.А. Князева – произведение не литературно-бытового жанра, а исторический документ. Однако дневниковый жанр повседневных датированных записей, фиксация “только что” произошедшего, “только что” прочувствованного приводит к предельной искренности, откровенности описаний, где если и существует какая-то заданность, то это только точность фиксации и стремление не уйти к частностям быта. Именно особенность дневника как жанра с его ежедневными, а не ретроспективными записями, придает ему подлинность и достоверность исторического документа. Однако, чтобы дневник приобрел такое значение, важна личность его автора. В данном случае события даны в освещении историка, человека с аналитическим складом ума, с потребностью философского осмысления происходящего. Фактографическое изложение перемежается анализом происходящего. И в то же время для читателя не менее важно, что какие бы события ни описывались, они преломляются через призму чувств и настроений конкретного живого человека.

Рукопись дневников военных лет названа автором “Дни великих испытаний. Война с Германией. Впечатления на моем малом радиусе”. И сохранение баланса между описанием важнейших мировых событий (“большой радиус”) и происходящим рядом (“малый радиус”) постоянно волнуют Г.А. Князева. К написанию дневников он подходит, по его собственным словам, “как честный бытописатель-летописец”. Для описания событий “большого радиуса” он использовал, но с большой осторожностью, радио и газеты: “...чаще всего остаются отзвуками мировых событий лишь газеты, но документ этот – крайне своеобразный, и историю по ним не напишешь”. Понимая политическое значение газет, Князев как профессиональный историк не мог не осознавать, что газета “умело, как нужно, освещает, точнее, информирует о событиях и молчит о том, о чем не нужно говорить, потому что это дезорганизует волю масс. Правда, взамен этого масса питается слухами, иногда самыми фантастическими, нелепыми. Слухи эти сильнее и могучее, чем газеты” (Д. 105. Л. 14). Автор дневников не только пересказывает газетную информацию, но часто вкладывает в папку целые страницы из газет (чаще всего это “Ленинградская правда” и, конечно, есть ее номер от 22 июня 1941 г.) или вклеивает газетные вырезки. Так под 19 июля 1941 г. Князев вклеил в дневник вырезку из газеты от этого числа с обращением Московского общества испытателей природы (президент академик Н.Д. Зелинский, вице-президент академик В.И. Вернадский) “К ученым естествоиспытателям Великобритании” (Д. 95. Л. 8, запись

⁴ Князев Г.А. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915–1922. С. 100.

19 июля 1941 г.), там же вклеена фотография “После бомбардировки в Лондоне” (Д. 95. Л. 50) и т.д. Давая информацию из газет, он даже завел свою “рубрику” – «Документы “прогресса”», вклеивая в дневник фотографии со свидетельствами фашистского варварства. 12 августа 1941 г. – это иллюстрация из “Огонька” с подписью: “Памятник английскому поэту Мильтону, разрушенный бомбой гитлеровских бандитов” (Д. 95. Л. 154).

Профессиональный историк-архивист рассказывает в авторе дневника и тогда, когда он наклеивает на лист билет на получение обеда в академической столовой, отмечая при этом, что за каждое кушанье вырезали талон из продовольственной карточки. Сама же еда в столовой по качеству не была эквивалентна хлебу, поэтому “этот билет превратился в билет смерти от истощения” (Д. 96. Л. 231). Карточка на хлеб за декабрь 1941 г. с подписью: “Выдавалось по 125 граммов на день” – также наклеена на листе дневника (Д. 96. Л. 232). Вложены в дневник и несколько писем (например, письмо с фронта А.М. Черникова, сотрудника Архива АН СССР), копии писем, отправленных самим Князевым или его супругой, Марией Федоровной⁵.

Источником ежедневных записей для него были, в первую очередь, собственные наблюдения. События личной жизни, переживания Г.А. Князев записывает с большой осторожностью, считая, что это вряд ли может заинтересовать “будущего читателя”. Для истории важно, по его мнению, “не моя только, оторванная, личная жизнь, а связанная, спаянная с событиями величайшей значимости”. Но в то же время автор подчеркивает, что честно заносит в свои записки все, что видит: “И эти детали нашего быта имеют право на свою регистрацию историка-бытописателя” (Д. 105. Л. 11).

Дневники являются важным источником по истории жизни и быта ленинградцев в годы блокады. Описывая начавшиеся обстрелы города, Г.А. Князев дает даже схематичный рисунок Университетской набережной с указанием, куда падали бомбы (Д. 96. Л. 64 об.). День ото дня фиксируя изменения на улицах города, сокращение видов транспорта на Васильевском острове, на Невском проспекте, Князев в один из дней записывает: “Смерть от голода и истощения смотрит нам в глаза. На моем пути остался один вид транспорта: салазки и на них дрова или гроб...”.

Вот лишь единичные примеры записей. О сокращении пайка хлеба, отсутствии других продуктов автор записей информирует скупыми строками: “1942. 1. 11. Воскресенье. Окончилась очень тяжелая неделя для ленинградцев. За всю неделю не было выдано продуктов за январь, кроме хлеба и довыдачи за декабрь не получившим продуктов за вторую и третью декабрьскую декаду”. О быте горожан: «1942. 1. 13 и 14. Вторник и среда. Ленинград переживает катастрофические дни. Подвоза нет, и выдач не производится. На углу набережной и 6-й Линии на дверях магазина надпись: “Свету нету. Товару нету. Магазин не торгует”»; “Стоят жестокие двадцати пяти градусные морозы, парализовавшие всю жизнь города. Водопроводы в квартирах замерзли. Воды в некоторых домах совсем нет, и люди ходят за водой в другие дома или у нас по линиям на Неву. Отсутствие воды ведет к опаснейшей зараженности жилищ и невозможности придерживаться самых элементарных условий гигиены, в городе возникает много больших пожаров от буржеек, и пожарные бессильны справиться с ними, так как нет воды. Вчера и сегодня жестокие морозы добивают слабнувших ленинградцев” (Д. 105. Л. 31). Как ди-

⁵ Ермолина Мария Федоровна (1890–1989) – окончила историко-филологический факультет Казанского университета, с 1916 г. жена Г.А. Князева.

ректор академического учреждения Князев вместе с профоргом борется за увеличение пайка для кандидатов наук, которые имели его меньше, чем другие работники, например, уборщица: «...в отношении же кандидатов наук совершенно отказано (в увеличении пайка. – Н.К.). – Что же им остается? Умирать? – спросила она. Ей в Обкоме Союза Высшей школы и научных учреждений ответили: – Возможно, что и умирать. – Итак, “кандидаты наук” превратились в действительных кандидатов... на смерть от голода и истощения».

В дневнике находят место талантливо созданные, образные портреты горожан, дополняющие трагическую картину жизни города: “Холодный, морозный, но безветренный день. Ехал домой в сумерки. За Невой вспыхивали изредка багровые вспышки, и где-то далеко и глухо через несколько секунд слышался гул орудийного выстрела. Сумерки и дымка от мороза над Невой скрыли тяжелые и легкие раны на зданиях по набережным. Иней сделал седыми моих древних друзей – сфинксов, иней разукрасил деревья в Румянцевском саду, у дворца князя Меншикова. Невольно остановился и любовался красотой родного многострадального города. Стоял и смотрел на дивную панораму сказочно прекрасного Ленинграда. Пустынно было на набережной, только по главной магистрали через Николаевский мост двигались транзитные пешеходы – мужчины с поднятыми воротниками в штатском, или в шапках ушанках военные, женщины в платочках, в полупальто и в коротких юбках, из-под которых чуть не до самых ступней спускались шаровары. Это теперь модно” (Д. 105. Л. 8). То, что раньше казалось невыносимым, становилось обыденностью: “А.И. Андреев говорит, что у них в районе Обводного канала против дома, в котором он живет, вот уже несколько дней лежит умерший человек, которого некому убрать. Через мост им. лейт[енанта] Шмидта как по главной магистрали, соединявшей остров с центральными частями города, каждый день движется ручной транспорт: дрова, поклажа; теперь по набережной прибавилась носка воды, и, как всегда, через мост везут покойников, теперь чаще без гробов, в виде обернутых тряпками мумий. Все это становится нашим бытом! Да, да, бытовым явлением, привычным, обыкновенным” (Д. 105. Л. 82).

Дневники Г.А. Князева являются ценным источником по изучению деятельности Академии наук в Ленинграде в блокадные дни. Князев свидетельствует, что даже в самые тяжелые дни Академия не прекращала работу: «1942. 1. 6. Вторник. В научном заседании Комиссии по истории Академии Наук я сделал доклад: “К истории замещения академических кафедр” за все время существования Академии (1725–1941). Заседание происходило под председательством академика И.Ю. Крачковского. Присутствовали: А.И. Андреев, Л.Б. Модзалевский, П.М. Стулов, М.В. Крутикова и другие» (Д. 105. Л. 17). 25 декабря 1941 г. в Доме ученых состоялось “заседание, посвященное памяти Витуса Беринга, погибшего 200 лет тому назад на острове, носящем теперь его имя”. С докладом выступил А.И. Андреев, другой “докладчик Чаев заболел от истощения” (Д. 97. Л. 204).

От бомбежки страдали памятники архитектуры, музеи. Знаменитая мозаика М.В. Ломоносова “Полтавская баталия”, “находящаяся в Главном здании Академии наук в Ленинграде, по инициативе Отдела охраны памятников законсервирована. Она закрыта марлей и рубероидом. После чего заложена кирпичной стеной” (Д. 97. Л. 96). На 166 день войны “силой взрывной волны вышиблены почти все стекла в Главном здании Академии наук, в старинном здании Кунсткамеры, в многострадальном Зоологическом музее и впервые за три месяца бомбежки четыре стекла у нас в Архиве” (Л. 148).

Уникальны дневники Г.А. Князева для истории Архива Академии наук. Большинство фактов, касающихся работы Архива, судеб его сотрудников, не зафиксированы в других источниках. Даже один-два примера подтверждают справедливость сделанного заключения: «1942.1.8. Четверг. В читальном зале Архива Лосева сколачивает два гроба для С.А. Шахматовой и ее сына. Думал ли я, что ученый секретарь “по совместительству” сделается гробовщиком!» (Д. 105. Л. 22); “Прошел сегодня по хранилищам Архива. Темно, как в склепе, и холодно, мороз 5–7 градусов. Смотрел на ряды полок с архивами академиков, их рукописями, корреспонденцией. Сколько забот и любви было вложено в работу над систематизацией и описанием их! Зашел в свой давно оставленный служебный кабинет – музей, с портретами, с реликвиями прошлой деятельности Академии. Окна забиты фанерой... На столе лежат гранки с главами по истории Академии; ящики с карточками... На всем пыль и все холодное, как лед. В читальном зале опилки и сколачиваемый гроб из двух ящиков... Это Архив Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик в январе 1942 года” (Д. 105. Л. 25–26).

“Сiju я теперь в одном из запасных помещений Архива в западной башне выступа старого Таможенного здания, теперь Зоологического института. Работалось хорошо, но было холодно, особенно с ног. Лосевой сегодня не было – выходная. Травинкой не было: она хлопчет о восстановлении утраченных карточки и паспорта. Орбели не было: слаба; Модзалевского не было... А те, кто были, грелись у плиты в 12-й проходной комнате или стояли в очереди в столовой: пожелтевший Стулов, беспокойная Крутикова, не человек, а тень Цветникова и двое дежурных – исхудавшая, как щепка, Беркович и Костыгова, которой сегодня особенно нездоровится. Таков личный состав Архива в январе 1942 года” (Д. 105. Л. 25–26). Уже в августе 1944 г. Г.А. Князев возобновляет комплектование Архива: “Приходил А.И. Дмитриев, академик архитектурной Академии. Он хочет передать в архив свои заметки, которые вел всю свою жизнь. Оказывается, не я один веду таковые... А.И. Дмитриев принес дагерротип жены Бутлеровой, когда она была его невестой (40-е годы 19 в.)” (Д. 109. Л. 43).

Интересны дневники Г.А. Князева с точки зрения освещения судебных учений, сотрудников Архива, ленинградцев, соседей и знакомых Г.А. Князева в годы блокады: “В нашем доме сегодня четыре покойника. Умерли: вдова академика Ф.И. Успенского, бывший дворник Курда, академический работник Зайцев и пришедший в квартиру № 6 (против нас по нашей лестнице) гость. Погибают замечательная женщина С.А. Шахматова и ее 16-ти летний сын Алеша. Вчера они совсем ослабели. Сегодня им очень плохо, но чем мы можем помочь им? Те крохи, которые им были посланы на днях, имели более моральное, чем реальное значение”.

А.И. Андреев «всю осень и зиму неослабно трудился над своими очередными темами, в особенности по истории Беринговской экспедиции. В декабре в заседании, посвященном памяти 200-летия смерти Беринга, прочел доклад о нем. Написанную статью на ту же тему сдал в “Морской сборник”. Осенью его квартира (комната) была дважды разгромлена взрывной волной; комнату пришлось менять, и в новой также были выбиты стекла. Окна и тут пришлось заделать фанерой. Все эти испытания не сломали силы его духа и трудоспособности. Сегодня он дежурный по Архиву. Не понравился мне его вид: желто-зеленый цвет лица, усталые глаза. – Ну, как Вы живете? – спросил я его (в Архиве он теперь с моего разрешения бывает раз в неделю). – Дух бодр, но вот плоть немощна, начинает сдавать. Ко мне в третий этаж он не

поднялся, поберег, видно, свои силы, и я ничего более об его жизни и научной работе не узнал» (Д. 105. Л. 42). Как бы оправдываясь в том, что пишет не всегда о значительных исторических фактах, Г.А. Князев замечает: «Я пишу о тех людях, которые меня окружают, близкие мне по работе в Академии наук и некоторые мои сослуживцы и подчиненные, задача моя – просто и четко отразить, как небольшой наш коллектив переживает эти страшные дни» (Д. 105. Л. 43).

14 марта 1943 г., находясь уже вдали от родного Архива, Г.А. Князев в своем дневнике отметил важную для него дату – тридцатилетие служебной и научной деятельности: «30 лет, отданных одной специальности – архивному делу. Неблагодарному делу. И вот судьба оторвала меня от него...» (Д. 108. Л. 33). О своей архивной работе Г.А. Князев писал в январе 1942 г.: «Я создал за свою жизнь два архива. Один в 1917–1926 гг. – Исторический отдел Морского Архива и другой в 1929–1941 гг. – Архив Академии наук. От первого ничего не осталось. В 1927–1928 гг. его постепенно, под влиянием идей и «школы Покровского» как «не актуальный», свертывали, не решаясь уничтожить, покуда я там был. И в 1929, после моего перевода в Академию наук, поторопились окончательно его уничтожить. Он был быстро разрушен, и все мои достижения погибли. И я нашел в себе силы со всей энергией и накопленными знаниями устраивать Архив Академии. Всю свою душу без остатка я отдал этому детищу. Все свои силы, все свои помыслы, все свое время... И случилось так, что и этот замечательный архив сейчас находится в состоянии склада, в полуразрушенном состоянии, и в читальном зале при морозной температуре недавно стучал молоток и визжала пила, когда сотрудники мастерили самодельный гроб. Если обстоятельства войны изменятся и могут быть произведены восстановительные работы, много для этого потребуются сил и энергии» (Д. 105. Л. 68). Тогда же, в страшном январе 1942 г., он пишет развернутую программу развития Архива.

Помимо событийного ряда и источниковедческих фактов дневники ценны, как уже было отмечено, записями размышлений их автора, позволяющими проследить осмысление происходящего русским интеллигентом: «Не мог заснуть. Для чего, зачем? Зачем они умирают, для чего мы страдаем? Чтобы торжествовали немцы или англичане, американцы или японцы, итальянцы или французы? Но это значило бы только то, что пожирание одних другими будет продолжаться бесконечно! И страдания людей тоже... я не принимаю никакую войну, кроме войны против войны» (Д. 105. Л. 1).

Дневники военных лет заканчиваются Г.А. Князевым в августе 1945 г.: «Страница истории перевернута. И где мне поставить точку по военному периоду? Написано немало, но после того, как я покинул Ленинград в августе 1942, мои записки крайне отрывочны. Может быть, кому-нибудь и пригодятся. Буду вести их и дальше. Не могу не вести их, потому что они дают мне осмысление происходящего, ставят вопросы, регистрируют факты, мысли и впечатления...» (Д. 110. Л. 96).

**АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ КОПАНЕВ:
ПИСЬМА 1940–1945 гг.**

В 2005 г. исполнилось 90 лет со дня рождения русского историка и археографа Александра Ильича Копанева (1915–1990). Со временем становится все более очевидным тот вклад, который ученый внес практически во все исторические дисциплины¹. Знавшие Александра Ильича отмечают не только его исследовательский талант и трудолюбие, но и отзывчивость, доброту, деликатность и скромность. Наверное, поэтому важнейшие факты его биографии до сих пор мало известны широкому кругу историков. Судьба А.И. Копанева была столь же трудной, а порой и трагической, как и судьба его Родины.

Александр Ильич родился в большой крестьянской семье в деревне Малые Копани Слободского уезда Вятской губ. и всю свою жизнь сохранял большой интерес к истории крестьянства России. В 1938 г. он окончил с отличием исторический факультет Ленинградского государственного университета и был принят в аспирантуру. Учась в аспирантуре в 1940 г., начал преподавать историю СССР в Ленинградском военно-политическом училище им. Ф. Энгельса (см. письмо 1), водил экскурсии в музеях Петродворца, помогая деньгами родителям и младшим братьям.

В 1941 г. Александр Ильич завершил и успешно защитил кандидатскую диссертацию “История землевладения Белозерского края XV–XVI вв.”. В семейном архиве Копаневых сохранилось объявление Ученого совета ЛГУ о защите диссертации 28 июня в 75-й аудитории исторического факультета (Менделеевская линия, 5)². Однако это важное в жизни каждого ученого событие было омрачено огромной общей бедой: шел шестой день Великой Отечественной войны.

4 июля 1941 г. Александр Ильич вступил в ряды Ленинградского народного ополчения. Как и многие другие универсанты, он был зачислен в Отдельный пулеметно-артиллерийский батальон (ОПАБ) № 277. Несколько дней ополченцы жили в здании истфака ЛГУ, затем – в Академии Художеств³. 18 июля Александр Ильич сообщил родителям (см. письмо 6), что его батальон уходит из Ленинграда. ОПАБ № 277 был отправлен сначала в район Дудергофских высот, затем, через 2–3 дня⁴ – в дер. Разбегаево (между Красным Селом и Стрельной). По состоянию здоровья Александр Ильич служил при штабе батальона. Как следует из его писем, сначала он был “писарем роты”, затем – “писарем финансовой части батальона”.

В начале сентября немецкие войска повели наступление со стороны Ропши. 10 сентября они начали артиллерийский обстрел оборонительного участ-

---

¹ См.: Список печатных трудов А.И. Копанева / Сост. Н.Ю. Бубнов // Александр Ильич Копанев: Сб. статей и воспоминаний. СПб., 1992. С. 196–213.

² Тезисы к дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук см.: Там же. С. 196. Монография на ее основе опубликована уже после войны (М.; Л., 1951. 254 с.).

³ См.: *Троицкая Л.* Удивительная женщина с веселыми глазами // Санкт-Петербургский университет. 1997. № 2, 29 янв. С. 9–10 (Воспоминания И.М. Дунаевской).

⁴ См.: *Ходьков А.* Воспоминания о 2-й роте // Память: Письма о войне и блокаде. Л., 1987. С. 75.

ка ОПАБ № 277. Спустя два–три дня с начала наступления, левый фланг батальона – первая рота и штабные подразделения – был смят, а деревня Разбегаево захвачена оккупантами⁵. В ходе этого боя Александр Ильич, связной штаба, был взят в плен⁶. Воспоминания о пленении были столь тягостны, что он лишь однажды рассказал о них своим сыновьям, и только после того, как военнопленные были приравнены в правах к ветеранам Великой Отечественной войны.

Судя по всему, Александр Ильич попал в гатчинский “Дулаг 154” – огромный лагерь для военнопленных и гражданского населения, имевший несколько филиалов в городе. Осенью 1944 г., после освобождения Латвии, родители Александра Ильича получили письмо от Евдокии Бывших, работавшей в лагере в 1942–1943 гг.: “Ваш сын обратился ко мне с

А.И. Копанев

просьбой, что если я в будущем сумею найти возможность написать вам о нем, то чтобы не отклонила его просьбы. Эту возможность я в настоящее время имею и пишу вам о нем, что он находился 1942–43 г. в гор. Гатчине в лагере у немцев пленным”⁷. Второе ее письмо без даты: “С того момента, как я сама стала работать в лагере, Саша (так его звали там) ухаживал за больными пленными, давал им лекарства и пищу [...] Некоторых пленных, кто интересовался, я снабжала книгами. Через это я и узнала Вашего сына”⁸.

В конце 1943 г. лагерь, где находился Александр Ильич, был эвакуирован из Гатчины в район латвийского г. Тукумс, затем, по мере отступления немецких войск, в Германию. 1 мая 1945 г. узники были освобождены советскими войсками⁹. Александр Ильич был направлен в распределительный батальон для дальнейшего прохождения службы. 28 октября 1945 г. он демобилизовался из армии и с 26 ноября стал работать в ЛОИИ АН СССР.

Публикуемые письма находятся в семейном архиве Копаневых. Все письма (кроме № 15, к брату Григорию) адресованы родителям А.И. – Екатерине Елисеевне и Илье Алексеевичу Копаневым, проживавшим в г. Слободском Кировской обл., на ул. Урицкого, д. 57. Текст писем передан в основном полностью, иногда опущены сведения личного характера, обозначенные [...], со-

⁵ Там же. С. 77–78.

⁶ Подробнее см.: *Копанев Г.И.* Из большой крестьянской семьи: Воспоминания младшего брата // Александр Ильич Копанев: Сб. статей и воспоминаний. С. 73.

⁷ Письмо датировано 9 октября 1944. Из семейного архива Копаневых.

⁸ Там же.

⁹ О пребывании А.И. Копанева в плену см.: *Копанев Г.И.* Указ. соч. С. 74–75; *Дмитриев Л.А.* Запах ржаного хлеба // Александр Ильич Копанев. Сб. статей... С. 93–94.

хранены особенности оригинала. Разночтения с текстом писем, опубликованных в воспоминаниях Г.И. Копанева, объясняются его неточной передачей текста. Информация о дате и месте написания писем, отсутствующая в них, но восстановленная по косвенным данным их содержания, а также по другим источникам, приводится в квадратных скобках.

А.Н. Копанева

1

4 декабря 1940
[Ленинград]¹

Дорогие Мама и Тятя!

Получил я Ваше письмо, писано мамой. Мама, ты горюешь о сыновьях. Да, ушли уже 3-ое, а 2-ое, я и Павел², уходим потом. Уходим в армию в самый решительный момент. Самый опасный в военном отношении. Тяжело, конечно, тебе. Но ты не печалься. Родила и выкормила сыновей, а там уже судьба их такова. Служить своею кровью. Так было, так есть, так и будет еще долго. Так тосковали матери до тебя, так горюешь и ты. Все вы одинаковы. Ты, мама, не поддавайся этому чувству (т.е. грусти). Ты особо и не жалей их. Ведь не век жить с матушкой. Все равно жизнь откинёт. А армия – дело хорошее. Строгость – подтягивает людей, а неустанный труд их только укрепляет. Армия старается сделать из каждого бойца – здорового, сильного, дисциплинированного человека – а все это полезно. Расхлябанность вредна.

Я теперь преподаю на курсах младших политруков³. Я вижу этих военных. Дисциплина у них строгая. Они даже передо мной должны вытягиваться “смирно”, и [проходить] гусиным шагом. Но все они здоровы, бодры, веселы. И я, например, совсем не боюсь армии. Я буду рядовым – и пусть подтянут, укрепят, а то уже очень раскис за науками.

Гриша⁴, еще юнец, но там все такие. Так что, мама, не печалься. Не обижайся так же и тому, что, мол, никто не замечает, что от тебя трое служат. Да и все семеро⁵ будут служить – и тоже никто тебе благодарности не скажет. Они обязаны служить. Общество вообще очень плохо благодарит личности. И ты, мама, не плачь при виде каждого красноармейца. Что тут особенного: сейчас шинель – самая удобная и надежная одежда. В Армии в мирное время хорошо. Вот война – другое дело. И ты молись богу, если еще веришь ему, чтоб все остались живыми тогда.

Теперь о себе. Я учусь. Пишу диссертацию. Профессора уверены, что напишу. Я сам сомневаюсь. Уж очень трудно писать эти ученые книги. Сижу целыми днями и ничего не получается. Ходят слухи, что аспирантуру закроют. Ну и пусть экономят. Поедем на работу. Хотя у меня плохая специальность – историк (теперь не их время), но все же на хлеб-то себе заработаю. До сих пор работал на военных курсах политруков, но вот они кончаются. Значит буду жить на стипендию. (Сейчас у меня полторы тысячи денег. Мне надо костюм. Я его заказал за 470 руб., плохой, но, ладно. Должен купить пальто зимнее. И ботинки. Так что эти деньги уйдут). Павлу я не выслал [денег], и мне даже стыдно за себя, обещал и не выслал. Здоровье у меня хорошее. Правда, зажирел, и сердце иногда бьется с переборами, но это ничего не значит. Приеду ли домой? Если куплю зимнее пальто, то приеду. Охота мне вас всех повидать, поговорить. И тогда я вам привезу все, что вы захотите.

Можно ли здесь что-нибудь купить? Можно. Здесь открыты такие магазины “люксы” (по-немецки – роскошь). Там все есть. Но дорого. Костюмы – полторы тысячи. Пальто – от тысячи и до 10 тысяч. Мануфактуры много, но очень дорогие. Вы напишите, что еще вам купить, кроме шалей и платков? Здесь, я видел, продают хорошие стеженные одеяла в 120 рублей (оч[ень] большие). Так, может быть, купить перед отъездом?

Павла посылать не надо. Один расход. Сейчас я и без Павла куплю все, что надо – были бы деньги. Сахару – привезу. Уже теперь буду закупать (ведь дают по 500 гр.). Вчера отправил посылку Грише с гостинцами. Ване посылать очень далеко и дорого (37 рублей до Владивостока). Когда получите письмо от Володи, то сообщайте.

Тятя, ты старайся как-нибудь маму-то успокаивать. Чтoб она хоть раньше времени-то не горевала.

Желаю вам здоровья. Ваш сын Александр.

22 июня 1941⁶
[Ленинград]

Мама и Тятя!

Я очень волнуюсь. Началось страшное, решительное, суровое. Не было времени более опасного для нас, страны, России. Идет сильнейший враг. Личная судьба может быть самой различной. Все мы в очень серьезном положении.

Мама и Тятя, будьте, старайтесь быть спокойными. Что будет, кто знает. Гриша, Ваня, я – а, вероятно, и Володя⁷ попадем в самое дело. Но Вы успокойтесь. Мама, не плачь. Храни себя, свои нервы. Если мы и падем, то за отчизну.

А сейчас о делах. Вчера я вернулся из дома отдыха. Там хорошо отдохнул. 28/VI 1941 года в 5 часов веч[ера] назначена защита диссертации. Отзывы ученых положительные. Так что, вероятно, защищу ее удачно. Правда, время не до науки. Если ее защищу, то 28/VI пришлю вам об этом телеграмму. Чувствую себя здоровым. Настроение бодрое. Мама, крепись. Тятя, Вася, Надя⁸, старайтесь поддерживать у мамы бодрое настроение. А то она будет вперед волноваться за своих сыновей.

Будьте спокойны.

Ваш сын Александр.

3

29 июня 1941
[Ленинград]

Дорогие Тятя и Мама!

Вчера, 28, я защитил диссертацию. Получил ученую степень кандидата исторических наук. Защита прошла очень хорошо. Оба оппонента (2 доктора исторических наук⁹ – крупные ученые, которые читали мою работу) похвалили ее изрядно. Называли меня и “ученым”, и “умным”, и “талантливым”. В общем, все прошло хорошо. Ученый совет факультета решил напечатать мою работу. Итак, Ваш сын ученый, и если бы не война у него бы вышла ученейшая книга по истории нашей страны. (Часть работы выйдет отдельной статьей). Честь большая, а толку мало. Впереди кто знает, что. Я, как допризывник, буду взят, вероятно, в июле. Сначала будут учить, затем – на фронт. Гриша в самой каше, а где Ваня и Володя? Нет ли у Вас известий?

Я здесь почти в полной безопасности. Сегодня 29/VI, и за эти дни войны ни 1 бомба не упала на Ленинград. Были попытки, но они были отбиты. Если налет и будет, то смогу укрыться, под нашим домом хороший подвал, туда мы и прячемся во время воздушной тревоги. Там можно погибнуть лишь случайно. Может быть, уцелеем. Меня беспокоит судьба Гриши, но и то, вероятно, все благополучно. Его часть стояла очень недалеко от Минска и в бой вступила, наверно, лишь вчера, и то она отступает. Так что вперед беспокоиться не следует.

Я буду Вам писать письма часто. Ваня и Гриша – по условиям дела не могут Вам писать. Старайтесь быть спокойнее.

Ваш сын Александр.

Шлю вам тезисы моей диссертации¹⁰. Это, пожалуй, единственное, что вы увидите напечатанным, вышедшее из-под моего пера.

4

12 июля 1941
[Ленинград]

Здравствуйте дорогие Родители.

Вот уже 6 дней, как я нахожусь в рядах добровольческой армии. Как человек без военного образования, я попал в рядовые, но так как мое сердце не совсем здорово, то меня, возможно, освободят от строевых занятий. Теперь я писарь своей роты. Конечно, стать кандидатом наук и стать писарем роты вещи несовместимые, но так уже получилось. Сейчас я сижу в канцелярии роты и пишу Вам письмо, а рота ушла на занятия в поле.

Стоим мы пока еще в Ленинграде. Случайно встретил одну нашу аспирантку и передал ей 300 р. деньгами и 400 р. облигации для отправки Вам. Дал Ваш адрес. Деньги и облигации вы скоро получите. Говорят, что добровольцам будут платить зарплату (т.е. 400 р.), как и раньше, поэтому деньги у меня будут, и я буду их отправлять к Вам. Если все будет благополучно, и я вернусь, и если мне потребуются деньги, вы мне их вышлите.

Пишите о всех происшествиях по моему старому адресу. Знакомые передадут мне письмо. Как ваше здоровье? Что слышно от Гриши, Вани, Володи? Павел пусть живет все лето дома и глупостей пусть не делает.

Остаюсь Ваш сын Александр.

В Ленинграде все спокойно. Воздушные тревоги бывают 2–3 раза в день, но бомб на город не сбрасывают. Правда, слышна стрельба из зенитных орудий. Наша авиация блестяще отбивает германские самолеты. Состояние духа мое совершенно спокойное. Пишите подробнее, все, про хлеб, ребят, огород и т.д. Желаю Вам здоровья.

Александр.

5

16 июля 1941
[Ленинград]

Дорогие мама и тятя. И Все домашние!

Дела мои идут очень хорошо. До сих пор мы еще стоим в Ленинграде, а немец приближается к нам. Следовательно, скоро я окажусь на фронте. Но меня это не очень пугает. Миллионы людей на фронте, почему я должен стоять в стороне?

В настоящее время я “повысился” по должности. Я был “писарем” роты, а теперь я “писарь финансовой части батальона”, т.е. буду находиться всегда около штаба батальона.

Нам, как добровольцам, обещают платить какие-то деньги – кажется нашу зарплату – т.е. я буду получать рублей 400. Я постараюсь посылать их к Вам. Вы старайтесь купить на них хлеба. Какие вести к Вам пришли от моих братков служивых? Что с Гришей, Ваней? Володей? (Я уверен, что Володя записался добровольцем в армию). Надеюсь, Павел остался дома и теперь отдыхает. Пишите о себе, о своем здоровье, обо всем. Будьте спокойны за меня. Я надеюсь на победу. В противном случае все равно смерть.

Желаю Вам счастья и здоровья.

Ваш сын Александр.

6

18 июля 1941

Мама и Тятя!

Сегодня 18/VII 1941 г. Уходим из Ленинграда. Но еще не на фронт. Говорят, что километров 30 от Л[енингра]да. Сейчас уже строятся. Я спешу.

Целую Вас всех, желаю здоровья.

Ваш сын Александр.

7

[июль] 1941

Дорогие Мама и Тятя.

Я теперь нахожусь в действующей армии, но нахожусь еще далеко от фронта. Стоим под Ленинградом. Если фронт не придвинется к нам, то мы придвинемся к фронту. В общем, скоро я попаду в дело. Теперь пока полное спокойствие. Стоит тихое лето, кругом нас поля. Самые мирные, спокойные, русские. Зреют хлеба. Тихие, спокойные вечера. И трудно представить, что здесь может быть скоро разгорится бой...

Лишь иногда появляются немецкие самолеты. Летают, кружат, но бомб пока не бросают. Пока чувствую себя хорошо, бодро, спокойно. Желаю и Вам этого же. После окончания войны увидимся.

Из личных дел сообщаю о своем имуществе. 1) Все книги я сдал на хранение в кладовую нашего общежития. 2) Пальто, костюм и пальто зимнее находится на хранении у моего приятеля Майсана Садыги. Он имеет Ваш адрес и напишет вам. 3) Деньги и облигации, вероятно, Вы уже получили или получите скоро. Если у меня будут здесь деньги, то я буду оставлять их все Вам.

Вот все мои личные дела. Если что-либо произойдет со мной, то вы распорядитесь моими вещами так, как вы пожелаете. В случае какого-либо происшествия со мной я сказал в университете, чтоб в Ваш адрес прислали 1 экземпляр моей печатной диссертации.

Каковы Ваши дела? Пишите ко мне. Меня беспокоят Гриша, Ваня, Володя. Павел пусть учится. И не думает ни о чем. Если занятия начнутся с 1/VIII, пусть он приступает к занятиям. Его больная нога освободит его от участия в том деле, в котором мы находимся.

Всем вам желаю счастья. Здоровья. Пишите по адресу Ленингр[адская] область, ст. Дудергоф, п/я 49 (шлите без марок).

8

[22] июля 1941

[Ленинградская обл., ст. Дудергоф]

Дорогие мама и тятя.

Вновь пишу вам письмо, хотя от Вас никакого ответа не получил. Адрес-то мой очень уж переменчивый. Сегодня здесь, а завтра там. Война! А хочется весточку получить из дому. Как-то Вы живете? Что с вами? Месяц войны, а вы, наверное, измучились там о своих сыновьях больше, чем за последние 10 лет. Как Ваше здоровье? Как живете – все знать хочется. И что с братьями?

Теперь особенно чувствуешь и видишь, что Вы, наши родители, самые дорогие, близкие люди. И я очень теперь жалею, что иногда вас обижал, надоедал вам, правда, все это не от злой души, а скорей нечаянно. Много бы я отдал за день, проведенный дома. Я еще не был в бою, я еще не пережил всего, что может быть предстоит, но уже теперь у меня создалось такое спокойное уравновешенное нервное состояние и даже некоторое безразличие к своей судьбе.

Немец зашел далеко. Борьба предстоит упорная, длительная. Потребуется крови. Но я спокоен. И Вы старайтесь успокоиться.

Теперь здесь дело идет к вечеру. Я прекратил обычную работу, пишу Вам. Очень бы хотел послать письмо к Ване, Грише. Где они? Вчера по старому адресу послал я Володе письмо. Там ли он, напишите мне. Спешите с ответом, а то мой адрес изменится. Мне предстоит получить с университета деньги. Когда я их получу, я пришлю их к Вам. Мне они ни к чему. А Вам они пригодятся. Скажем, Вы купите хлеба. Вообще, на это дело имеет смысл тратить деньги. Хлеб вам пригодится.

Желаю вам счастья. Привет ребятам.

С приветом Ваш сын Александр.

9

[июль] 1941

[Ленинградская обл., ст. Дудергоф]

Дорогие Родители!

Пишу открытку наспех. Из того места, о котором я писал Вам в прошлом письме, нас переводят. Будем находиться около Петергофа. Там я жил. Люблю Петергоф, поэтому рад этому перемещению. Остаюсь в полном здравии и спокойствии.

Ваш сын Александр.

Пишите по старому адресу, об изменениях напишу.

10

2 августа 1941
[Ленинградская обл., ст. Стрельна,
п/о Разбегаево]

Дорогие Мама и Тятя!

Я вам сообщал, что нас перевели в новое место. Теперь мы находимся также около Ленинграда. Мои служебные дела идут по-прежнему хорошо. Мое настроение бодрое. Я совершенно здоров. Следовательно, будьте за меня совершенно спокойны.

Боевых действий здесь, разумеется, нет, фронт еще далеко. Вчера сбиты 2 немецких самолета рядом с нами. Обгоревшая нога летчика валяется тут же.

Итак, все мои дела хороши. Меня очень беспокоят Гриша, Ваня, Володя. Как только вы получите от меня мой новый адрес, вы мне ответьте, я пока адрес наш не знаю. На старый адрес посылать не следует.

Желаю вам здоровья и благополучия. Привет всем домашним.

Письмо будет опущено в Ленинграде, т[ак] к[ак] один приятель мой едет в Ленинград.

Ваш сын Александр.

11

27 августа 1941
Ленинградская обл., ст. Стрельна, п/о Разбегаево

Дорогая мама, дорогой отец!

Не посылал письмо, потому что ждал справки, которую вам должны выслать. Скоро ее получу и Вам вышлю особым письмом¹¹.

Теперь мое положение старое: я нахожусь там же, где и был. Немец видать далеко отбит от нас. Когда он дойдет – неизвестно. Написал в бухгалтерию Университета письмо, в котором просил, чтоб все причитающиеся деньги были высланы Вам. Когда получите, то напишите.

Желаю Вам здоровья.

Ваш сын Александр.

12

27 августа 1941
[Ленинградская обл., ст. Стрельна, п/о Разбегаево]

Дорогая мама, дорогой отец!

Пишу Вам очень часто и помногу. Сегодня отправил Вам открытку.

[...] Очень огорчило меня то, что тятю могут мобилизовать как артиллериста. Ну, бог с тобой тятя, какой ты артиллерист? Все было давно. Обязательно указывай на глаза. Куда ты пойдешь, слепой-то. Да кроме того и так 4 сына в армии. И маму на кого оставить?

Опишите в следующем письме.

У нас все по-старому. Немца еще нет. Иногда прилетают его самолеты, но много не бомбят. Пока все хорошо. Немец взял Новгород – это плохо для Ленинграда. Но вот на Кингисепском (Ямбургском) направлении его бьют. А наша часть стоит как раз против немца, который [рвется] с Кингисеппа. Ну! Будущее покажет. Желаю вам счастья. Шлю справку о том, что я боец.

С приветом Ваш сын Александр.

13

6 сентября 1941
[Ленинградская обл., ст. Стрельна, п/о Разбегаево]

Дорогие Родители!

Мама и Тятя. Шлю вам поклон. И еще кланяюсь всем ребятам и желаю им всего хорошего. Во первых строках сообщаю, что все у меня хорошо и благополучно. Я жив. Но несколько нездоров. Что-то было вроде дизентерии, а теперь уже проходит. Чувствую себя лучше. У нас стоит гнилая погода. Осень, дождь. Это и хорошо и плохо. Плохо то, что может и бывает холодно спать. А хорошо то, что в такую погоду самолеты немцев не летают. А то очень неприятно, когда в яркие дни раз по 20 в день над головой ходят самолеты, груженные бомбами. Недавно топили баню. Белье сам стираю. Писал вторично в Университет, чтоб вам выслали деньги. Выслали ли?

Пока все.

С приветом. Ваш сын Александр.

От Гриши не получаю письма. Хотя и писал. Что вам известно? Где Володя? Ваня?

14

7 сентября 1941
[Ленинградская обл., ст. Стрельна, п/о Разбегаево]

Дорогие мама и тятя.

Сегодня отправил вам письмо, но после этого пришла почта, и я получил от вас второе письмо. Я очень ему рад. У Вас все благополучно и спокойно. Этому я радуюсь. Точно также известия хорошие от Гриши и Вани успокаивают меня.

У нас положение прежнее. Стоим там же, где я и сообщал вам. Пока все спокойно. Мне до конца войны пойдет стипендия – все 400 рублей. Я написал в Университет, чтоб Вам их пересылали по почте. Когда вам придут они, то вы мне напишите. Справку выслал. Всем привет и лучшие пожелания. Будьте здоровы. Храните свое здоровье.

Ваш сын Александр.

От Гриши письмо получил от 2/VIII 1941 г.

15

[сентябрь] 1941¹²
[Ленинградская обл., ст. Стрельна, п/о Разбегаево]

Гриша!

Немец рядом. Завтра, вероятно, бой. Что будет? Не знаю. Но я спокоен. Если враг пройдет к Ленинграду, то, вероятно, мне гибель, и это произойдет уже завтра. Будь здоров, старайся сохранить жизнь. Успокой маму, тятю, если со мной что произойдет. Жму тебе руку. Обнимаю тебя. Будь здоров.

Твой брат Александр.

16

14 мая 1945¹³

Мама!

Я боюсь писать это письмо. Я боюсь тайны, которую скрывают 4 года неизвестности – 4 года величайшей человеческой трагедии. Фронты, голод и кровь разметали миллионы людей. Но что случилось с моею семьей – с моими дорогими, любимыми родными – это для меня тайна.

Все мои братья, а также и тятя – солдаты. Что с ними?

Но наше солдатское горе – твое материнское. Сколько тебе пришлось перестрадать и перенести. Я знаю твое сердце!

Не плачь же обо мне, мама, я жив. Из плена я освобожден 1/V 45 г. Плен – нет позорнее и тягостней участи, чем пленный. 3 года мучений я перенес. И когда я добежал до первого русского танка и до русской пехоты и увидел русские родные лица – радости моей не было предела.

Нахожусь теперь в одном распределительном армейском батальоне. 14 дней отдыхал. Завтра военные занятия. Опять солдатская жизнь!

Напиши мне обо Всем и о Всех. Адрес: Полевая почта 17999 К. (17999-К) Еще раз привет Всем.

Твой сын Александр.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ До войны А.И. жил в общежитии истфака ЛГУ, на Мытнинской набережной, д. 5.

² Павел Ильич – брат А.И. Копанева.

³ Ленинградское военно-политическое училище им. Ф. Энгельса. В 1926–1957 гг. размещалось в здании Меншиковского дворца (Университетская наб., 15).

⁴ Григорий Ильич – брат А.И. Копанева.

⁵ Илья Алексеевич, Александр Ильич, Владимир Ильич, Иван Ильич, Павел Ильич, Григорий Ильич, Василий Ильич Копаневы.

⁶ Частично опубликовано: *Копанев Г.И.* Указ. соч. С. 72.

⁷ Владимир Ильич – брат А.И. Копанева, пропал без вести во время войны.

⁸ Надежда Ильинична – сестра А.И. Копанева.

⁹ Официальными оппонентами были С.Н. Валк и Б.А. Романов.

¹⁰ История землевладения Белозерского края XV–XVI вв.: Тез. к дис. ... канд. ист. наук / Отв. ред. И.И. Смирнов. Л., 1941. 2 с. Без тит. л. и обложки. Один экземпляр тезисов хранится в фонде А.И. Копанева, в Научном архиве СПб ИИ РАН (Ф. 314).

¹¹ См. письмо 12.

¹² Частично опубли.: *Копанев Г.И.* Указ. соч. С. 73.

¹³ Опубли.: Там же. С. 75.

С.С. Батурина

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ф.П. ШЕВЧЕНКО В КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ПРИ АН УССР

В этом году исполняется 60 лет со дня окончания Великой Отечественной войны – события, повернувшего ход мировой истории. Несомненно, тема войны была и остается одной из самых актуальных тем для исследователей. Актуальным является и вопрос источниковой базы для изучения данной проблематики, подбор и классификация источников. Эта работа началась задолго до окончания войны. Еще в начале 1942 г. постановлением Президиума АН СССР была создана Комиссия по истории Великой Отечественной войны¹. Через два года, в феврале 1944 г. аналогичная научная структура возникла и на Украине². Состав ее колебался от 16 до 60 исследователей. При этом, несмотря на военное время и тяжелую послевоенную действительность, была создана довольно мощная научно-организаторская структура, охватывающая все области и регионы тогдашней Украины, деятельность которой была направлена на всестороннее изучение недавних событий войны, сбор необходимых документальных материалов.

Долгое время работу Комиссии на Украине координировал Федор Павлович Шевченко (1914–1995) – человек с выдающимися организаторскими и научными способностями. По окончании Московского историко-архивного института и аспирантуры в 1940 г. он направляется руководить Черновицким областным архивом, в войну – эвакуация вместе с архивом в Краснодарский край, затем в Узбекистан. Вскоре по возвращении, в конце августа 1945 г. Ф.П. Шевченко стал заместителем Председателя вышеуказанной Комиссии, куда он был переведен с поста начальника научно-издательского отдела Архивного управления НКВД УССР³. Причина назначения молодого исследователя (ему лишь 31 год) на столь ответственный пост заключалась в отсутствии в составе Комиссии профессиональных архивистов, что, как отмечено в директиве начальника управления архивами НКВД УССР, дестабилизировало ее работу⁴.

Деятельность Комиссии осуществлялась пятью ее отделами, каждый из которых занимался определенной тематикой: военно-партизанский отдел, отдел оккупационного режима, экономики военного времени, а также отдел хроники и библиографии. Общим заданием всех отделов было руководство работой областных филиалов Комиссии в объемах своей компетенции, координация работ с другими учреждениями или отдельными исследователями⁵.

Работа Комиссии проводилась в три этапа. Первоочередной задачей было составление разнообразных материалов методического характера. Эта работа, судя

¹ Руденко Н. Про створення комісії з історії Вітчизняної війни АН УРСР // Сторінки воєнної історії: Збірник наукових праць. Київ, 1997. Вып. 1. С. 182.

² Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАОО Украины). Ф. 1. Оп. 1. Д. 715. Л. 35.

³ Научный архив Президиума Национальной академии наук Украины. Оп. 631. Д. 61. Л. 109.

⁴ Центральный государственный архив высших органов власти Украины. Ф. 14. Оп. 2. Д. 66. Л. 24.

⁵ Там же. Ф. 4620. Оп. 4. Д. 8. Л. 9–11. Далее ссылки на этот фонд даются в тексте статьи.

по инструкциям и директивным установкам, была возложена на Ф.П. Шевченко. Сохранились и тексты составленных им методических инструкций. Это, в частности, инструкция военным частям по “составлению истории” (Д. 19. Л. 18–20), схема опроса командира (начальника штаба) батальона, роты относительно сбора исторических данных о боевом пути воинского формирования, схема-памятка о сборе материалов об оккупационном режиме на украинских землях, опросники руководителей эвакуированных предприятий (Л. 12) и др. Ф.П. Шевченко также вел переписку с участниками боевых действий, обращаясь к ним с просьбой о составлении мемуаров.

Следующим этапом работы Комиссии являлся непосредственный сбор материалов и систематизация полученных данных. Для этого снаряжались специальные экспедиции, где Ф.П. Шевченко и сотрудники Комиссии неоднократно сталкивались с трудностями организационного, научно-методического характера, а также с определенными идеологическими ограничениями. Во-первых, большинство людей было занято элементарной борьбой за выживание в условиях послевоенного времени, к тому же рейтинг недоверия и страха к официальным представителям новой послеоккупационной власти был довольно высок, что далеко не способствовало получению правдивых сведений. Во-вторых, существовали определенные директивы высшего руководства Архивного управления НКВД, строго регламентирующие содержание и идеологическую направленность материала. Так, в одной из таких директив указывалось на недопустимость упоминания представителями населения, побывавшего на оккупированной территории, данных, свидетельствующих о сколько-нибудь “светлых” аспектах жизни во время оккупации. Подобные требования выдвигались и к письмам оstarбайтеров, являющихся важным источником для изучения социальной истории периода Второй мировой войны (Д. 35. Л. 3).

В результате деятельности Комиссии уже на 1946 год в ее фондах было сконцентрировано 4741 ед. хр. документов и материалов о партизанской борьбе, 200 хронологических справок, 536 стенограмм опроса участников войны, 64 ед. хр. – о состоянии экономики Украины военного периода, 1230 немецких листовок, 905 плакатов, более пяти тыс. немецких журналов, около двух тысяч пропагандистских газет, а также значительное количество документов регионального значения, собранных областными филиалами Комиссии, которые сохранялись в местных архивных учреждениях (Д. 25. Л. 13–14). Большинство из названных материалов – уникальны. За время работы Комиссии (1943–1950) был собран огромный фактический материал, послуживший основой для будущих исследований по военной истории.

После накопления документального материала в рамках Комиссии развернулась издательская деятельность. За период 1946–1950 гг., в соответствии с постановлением ЦК КП(б)У, был опубликован ряд документальных сборников⁶. Результатом непосредственной археографической работы Ф.П. Шевченко стали три документальных сборника, в том числе о партизанском движении на украинской территории (1946 г.). В 1947 г. вышел сборник “Письма с фашистской каторги”⁷. Из многих писем, поступивших в Комиссию, были отобраны те, которые отвечали требованиям, указанным выше, а также материалы, не затронутые немецкой цензурой. При составлении сборника пришлось исключить большинство несущественных, с точки зрения составителя, материалов. Однако и изданные письма дают достаточное представление об условиях жизни украинских оstar-

⁶ ЦГАОО Украины. Ф. 166. Оп. 2. Д. 624. Л. 2.

⁷ Листи з фашистської каторги: Збірник листів. Київ, 1947.

байтеров, знакомят с политикой немецких властей на оккупированных территориях, поскольку содержат указы и распоряжения немецкого командования относительно реализации восточной политики, а также немецкие агитационные материалы – листовки, газетные статьи и др.

Обобщающий документальный сборник об участии Украины во Второй мировой войне, составителем которого являлся Ф.П. Шевченко, – “Немецко-фашистский оккупационный режим на Украине 1941–1944 гг.”⁸ – включает материалы центральных партийных и правительственных органов СССР, а также воспоминания очевидцев, документы подпольных организаций, материалы, характеризующие деятельность центрального и местных структур немецкого оккупационного правления. В сборник также вошли материалы, ранее публиковавшиеся в отдельных изданиях.

Специфика археографической работы Комиссии и в частности самого Ф.П. Шевченко, что отразилось на составе сборников, заключалась в почти полном отсутствии официальных советских документов гражданского и военного содержания. Очевидно, это было связано с существованием грифа секретности на большинстве из них.

По решению ЦК КП(б)У с 1947 г. Комиссия являлась ведущим учреждением по координации диссертаций на тему Отечественной войны. 27 человек из разных городов Украины избрали ее для своих диссертационных исследований⁹. Ф.П. Шевченко в качестве кандидата исторических наук и специалиста в данной области часто выступал их рецензентом. Следует при этом отметить профессионализм и компетентность историка. Он не только исправлял фактологические неточности, но и давал советы концептуального содержания¹⁰.

Археографическая деятельность в составе Комиссии по истории Великой Отечественной войны нашла выражение в дальнейших исследованиях Ф.П. Шевченко и после перехода на работу в Институт истории АН УССР. В статьях, посвященных этой теме, он затрагивает неисследованные вопросы антифашистского движения в рядах оккупационных войск на Украине¹¹, политику немецкого командования на захваченных территориях¹² и др. Все его статьи базируются на глубоким знанием как собранных комиссией материалов, так и архивных документов.

Ф.П. Шевченко – историк-медиевист, впоследствии, в 1960–1970-е годы, ставший основателем советской школы украинской медиевистики, в период войны и в послевоенный период был вынужден заниматься не “своей” тематикой. Причиной этого, вне всякого сомнения, послужила острая необходимость в специалистах для создания фундаментальной системы источников по изучению минувшей войны, когда надо было фиксировать события и явления, образно говоря, “по горячим следам”. На этом поприще историк, несмотря на трудности, проявил весь свой опыт, исследовательскую и организационную энергию. В результате чего нынешнее поколение историков имеет в своем распоряжении достаточный объем материала для объективного и незаангажированного освещения событий военного периода¹³.

⁸ Німецько-фашистський окупаційний режим на Україні 1941–1944: Збірник документів і матеріалів. Київ, 1951.

⁹ ЦГАОО України. Ф. 166. Оп. 2. Д. 624. Л. 2.

¹⁰ Істину встановлює суд історії: Збірник на пошану Ф.П. Шевченка. Київ, 2004. Т. 1. С. 349–368.

¹¹ Шевченко Ф.П. Антифашистські виступи в німецькій окупаційній армії на Україні // Український історичний журнал. 1964. № 5. С. 78–84.

¹² Шевченко Ф.П. Политика немецко-фашистских оккупантов на захваченной территории СССР в 1941–1944 гг. // Немецко-фашистський окупаційний режим (1941–1944). М., 1965. С. 15–64.

¹³ См. о нем также: Батурина С.С. Памяти Федора Павловича Шевченко // АЕ за 2004 год. М. 2005. С. 539–541.

Т.Ю. Красовицкая

ИСТОРИК СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ – ГВАРДИИ КАПИТАН ЛЮДМИЛА ЗАК

Скорее всего мне не справиться с задачей, которую сама и обозначила в названии воспоминаний. Великая Отечественная война, как мы понимаем ее по мере отдаления от нас, была особой. Это единственное историческое событие, которое остается и в памяти, и в сердце спустя и более полувека... По-настоящему начинаешь понимать и то, о чем пишешь, только тогда, когда заставишь себя погрузиться в эпоху и состояние людей, ее переживших. Каким вообще выходит человек из страшной полосы жизненных испытаний? Как война отразилась в профессии тех, кто так или иначе был на фронте, видел то, что происходило в окопах, с кем смерть стояла рядом и ежедневно? Что вынесли из испытаний войной наши учителя? Как она отразилась на их профессиональном опыте?

Людмила Марковна Зак в 1936 г. поступила на исторический факультет Московского института истории, философии и литературы. На IV и V курсах была удостоена персональной стипендии им. Н.Г. Чернышевского, в июне 1941 г. с отличием окончила МИФЛИ. Она часто с теплотой вспоминала само здание в Сокольниках, рядом с которым я жила в годы учебы. Какая-то невидимая нить образовалась между нами, обвивая что-то из ее молодости, из чувств той поры, самой ауры тех мест и лет и ...ее студентку, которая ходит по тем же дорожкам в Сокольниках, дышит тем же воздухом. Будущий гвардии капитан была большим романтиком и лириком. Многие, кому выпала бы честь писать о ней воспоминания, назвали бы свое. Удивительное качество было у нее: поселять в свою душу людей и самой селиться в душах других. Общенье с нею не терпело формальности.

В августе 1941 г. Людмила Марковна добровольно вступила в ряды Красной Армии, став политбойцом 139-й дивизии народного ополчения г. Москвы. Участвовала в боях под Ельней и на дальних подступах к Москве, на Западном фронте. Одновременно она была и медсестрой, и политруком санитарной роты. Очень трудно представить себе после того, что опубликовано в последние годы о войне, эту не просто красивую, а очень красивую москвичку из, как сказали бы сегодня, “элитной” московской семьи, ушедшую добровольно в августе 1941 г. под Ельню... И отчим Людмилы Марковны, и ее мать были из музыкально-артистической среды. Для Людмилы же Марковны участие в войне не считалось чем-то особенным. Никогда в ее отношении к этому периоду своей жизни не звучало: “Мы рисковали для вас жизнью, а вы...”.

В декабре 1941 г. Политуправление Московского военного округа прикомандировало Людмилу Марковну к Комиссии по истории обороны Москвы (Комиссии по истории Великой Отечественной войны). Она была сотрудником военного отдела. До марта 1943 г. по горячим следам собирала материалы воинских частей, принимавших участие в битве под Москвой 1941–1942 гг.

С марта 1943 г. Людмила Марковна снова в действующей армии как политработник на Белорусском фронте. Участвовала в боях по освобождению

Брянска, Белоруссии, Польши. После тяжелой болезни и длительного пребывания в госпитале была демобилизована в звании капитана в отставке.

Людмила Марковна награждена двумя орденами Красной Звезды, а также десятью медалями за участие в Великой Отечественной войне, в том числе “За оборону Москвы”, “За освобождение Варшавы”, “За взятие Берлина”. До конца жизни она дружила с теми, с кем участвовала в боевых действиях. В октябре 1946 г. Людмила Марковна поступила в аспирантуру на кафедру истории СССР исторического факультета Московского государственного университета. Под руководством Эсфири Борисовны Генкиной в 1949 г. защитила кандидатскую диссертацию¹. Кстати, список ее научных трудов завершает статья, посвященная памяти своего Учителя². Людмила Марковна была уже очень больна, плохо видела. Помню, как она читала мне эту рукопись о Генкиной. Она понимала, что это – ее последняя статья. Ей посчастливилось дожить до ее публикации.

После защиты диссертации ее направили на Украину в г. Черновцы. Там, в Государственном университете Людмила Марковна до 1951 г. работала старшим преподавателем на кафедре истории СССР. С 1951 г. она заведует экспозиционным отделом Государственного музея Революции в Москве. С октября 1952 г. Людмила Марковна начинает преподавательскую деятельность в Московском государственном историко-архивном институте.

С 1969 г. по 1988 г. Л.М. Зак работала старшим научным сотрудником НИИ культуры Министерства культуры СССР и одновременно была профессором Московского государственного педагогического института им. Ленина. Она продолжала читать лекционные курсы по истории СССР, истории культуры, историографии, руководить дипломниками и аспирантами.

Людмила Марковна занесена в Книгу почета НИИ культуры, но я точно знаю, что только Историко-архивный институт был самым любимым местом ее работы. С марта 1959 г. она – доцент кафедры истории СССР МГИАИ: читает лекции по истории советского общества, по историографии истории СССР, разрабатывает учебные спецкурсы по истории и историографии советской культуры, руководит дипломниками и аспирантами. Под ее научным руководством за 17 лет работы в этом институте защищено свыше 100 дипломных работ, т.е. ежегодно не менее пяти студентов. Уже по своему опыту знаю: работа с каждым требует огромного внимания. Некоторые из дипломников Людмилы Марковны награждены почетными грамотами и медалями на Всесоюзных конкурсах студенческих работ. Целый ряд дипломных работ перерос в кандидатские, а затем и в докторские диссертации и монографии. Я видела эти дипломные работы, она их хранила в своей московской квартире. Близкие пытались уговорить ее освободиться от них. Но у нее рука не поднималась. По-моему, она даже при переезде с Садовой-Черногрязской в Беляево так и не сделала этого, а “пристроила” эти работы к дочке Жене на ее дачу.

Учениками Л.М. Зак были академик АН Киргизской ССР В. Шерстобитов, долгие годы – заместитель директора Института истории СССР АН СССР, Ю. Миронова, И. Каплан, Р. Пиковская, Л. Гафт, З. Смородина, Г. Тумаркина (Попова). Всего ею подготовлено свыше 20 кандидатов и докторов наук, ныне успешно работающих над актуальными вопросами истории отече-

¹ Зак Л.М. Разгром интервенции Антанты на юге России (1918–1919 гг.) / МГУ. 1949. Рукопись.

² Зак Л.М. Подвижник исторической науки: К столетию Э.Б. Генкиной (1901–1978) // ОИ. 2001. № 1. С. 112–116.

Л.М. Зак,
25 ноября 1944 г.

ственной культуры. Она неоднократно выступала на всесоюзных и международных конференциях с проблемными и дискуссионными докладами.

В МГИАИ как-то все сошлось: и первоклассный профессорско-преподавательский состав, и возможность расти самой и растить студентов на базе источников, непосредственных архивных документов, сполна использовать то, чем отличался и выделялся институт при подготовке историков, что отличает его и до сих пор от других вузов. Способствовало тому и время. Хрущевский либерализм, когда приоткрылись и архивы, и души людей, стал проходить испуг от сталинщины. Особенно эти обстоятельства и условия старались использовать педагоги-фронтовики.

Мне кажется, что участие в войне сформировало и особые черты характера Людмилы Марковны. Из моего опыта общения с нею осталось ощущение, что романтик и лирик каким-то образом оставалась гвардии капитаном: человеком, который тебя всегда стремится подвинуть на что-то, но в трудный момент – прикрыть, если сам не справляешься. Студенты ее называли “мама Зак”, и я так ее вскоре стала называть. Студенческие прозвища есть у многих педагогов. С ним, конечно, к преподавателю не принято обращаться. Однако оно весьма скоро стало и просто моим обращением к ней. И сначала с удивлением, а затем привыкнув, она даже удивленно посматривала, когда в официальной обстановке приходилось обращаться к ней по имени и отчеству: дескать, ну что же ты стесняешься? Кажется, ей доставляло удовольствие это обращение даже в официальной обстановке. Она им гордилась. Это обращение было очень точным, органичным для нее, и было ею заслужено. И какой-то отзвук войны в нем все-таки есть. Это от нее услышала я далеко не сразу понятый смысл слов: “Мать слышит, как под ее ребенком трава растет”. Вероятно, так чутко вслушиваться во все, что тебя окружает, учит война: потерять жизнь можно в любую секунду. По сути, матери отпустившей от себя ребенка в жизнь, полную разных неожиданностей, прямых угроз (а рано или поздно необходимо это делать), приходится вслушиваться в нее. Этой интуицией должен обладать и историк. Она очень помогает ему, когда он идет по следу источников. Но это чувство нужно суметь привить своему ученику. Очень непростая задача...

В самом обращении отражалось и материнское отношение Людмилы Марковны к студентам, как к детям фронтовиков. Имя мы в подавляющем большинстве случаев и были. В годы, когда я училась у нее, поступившие в Историко-архивный институт в 1964 г., 17–18 летние, пожалуй, были первыми студентами, чьи родители вернулись живыми с этой страшной войны. В

нас ей, как мне представляется, хотелось рассмотреть надежды фронтовиков, устроившихся по-разному в мирной жизни, через нас помочь и им. Она умела узнать у каждого: кто в семье воевал, и это не было ни женским любопытством, ни, тем более, официальным опросом учащихся. Как-то так получалось, что мы сами делились с нею семейными рассказами о войне. Может быть, именно поэтому она уже в процессе обучения так много внимания уделяла нашей работе с историческими источниками, поиску исторической правды, той, к которой можно было еще хотя бы прикоснуться в годы уже стремительно свертывающейся хрущевской оттепели. В конце 60-х годов, при смене руководства институтом, о чем подробнее напишу ниже, Сигурд Оттович Шмидт только ей доверил руководство своим любимым детищем – научным кружком, и какое-то время Людмила Марковна была его руководителем.

Мне кажется, что и отношение к студентам, и видение в них детей фронтовиков умножали ее смелость в научной деятельности. Мало кто осмелился в те годы взять темой докторской диссертации “Строительство социалистической культуры в 1933–1937 гг.”. В 1967 г. после серьезной дискуссии в Институте истории СССР АН СССР Людмила Марковна защитила докторскую диссертацию. После М.П. Кима и И.С. Смирнова – это была третья докторская диссертация по проблемам истории советской культуры. Поле для исследования было огромно и тематически, и хронологически. И, тем не менее, она избрала для изучения эти страшные годы... Все понимали, мимо каких сюжетов пройти никак нельзя. В диссертации Людмила Марковна приводила страшные данные, извлеченные из архивов. Например, о том, как в результате соревнования в отдельных областях репрессировано почти 100% учительства. Таких примеров в тексте диссертации – огромное количество: о Маяковском, о Мейерхольде, о Кольцове.

Людмила Марковна впервые использовала закрытые документы из партийных архивов об организации репрессий интеллигенции в годы сталинского террора. Я присутствовала на этой защите. Зал был полон. В конце защиты кто-то, не помню, сказал: эта диссертация никогда не будет опубликована. И напророчил. Из-за фактического материала ее докторская диссертация, к сожалению, не опубликована до сих пор. Но нужно видеть эту, самую востребованную в зале диссертаций РГБ, зачитанную до дыр рукопись. Многие исследователи и ныне беззастенчиво используют факты, приводимые в ней, не ссылаясь на автора и даже не подозревая о той, кто впервые их ввел в научный оборот. Уже в годы перестройки многие делали себе карьеру, становились широко известными, публикуя лишь один-единственный факт, давным-давно извлеченный Людмилой Марковной из архива и изложенный в ее диссертации.

Ее это никогда не задевало, не раздражало. Она не осуждала никого за этот, по сути, плагиат. Никакой ревности она не испытывала к тем, кто начинал заниматься этой проблематикой. Известный историк науки В.Д. Есаков до сих пор бережно сохраняет ее выписки из архива, касающиеся интересных ситуаций с учеными в 1930-е годы, отданные ему для работы над монографией. Невозможностью публикации собственной работы продиктован ее переход к изучению историографии проблем советской культуры. Среди работающих над ними она выделяла особо тех, кто шел в архивы и вводил в научный оборот новые документы. В известных условиях она демонстрировала и высокий профессионализм, и научную эрудицию, подсказывала многим интересные и важные аспекты проблемы и повороты тех или иных тем.

Многие исследователи становились известными из ее историографических работ. Особенно это относится к местным историкам, которых в центре, в Москве, часто не замечали. Л.М. Зак скрупулезно и бережно собирала их работы и объективно оценивала, отдавая должное и оригинальному подходу, и труду, который был вложен историком в поиск и анализ новых источников. Я часто бывала свидетелем, как она радовалась, что в какой-то республике или области появлялся ученый, начинающий специализироваться на проблемах культуры. Многие из этих ученых становились ее друзьями, обсуждали с нею содержание будущих исследований. “Важно поддержать человека, дать из Москвы понять, что не только проблемы Октябрьской революции или формирования рабочего класса являются центральными в изучении истории советского общества. Когда-нибудь станет важнее именно история культуры”, – надеялась она. Ею опубликовано свыше 100 научных работ. Ее монографии по историографии советской культуры до сих пор используются в учебных процессах различных российских университетов. Без преувеличения можно сказать, что ею заложены основы историографии истории советской культуры.

Я – ученица Людмилы Марковны Зак, и отношение ее ко мне как к собственному и весьма трудному ребенку является драгоценной частью и моей жизни, и уже собственного, во многом у нее перенятого, преподавательского опыта.

Я обязана ей выбором исследовательской проблемы еще с III курса, с курсовой работы, когда она мне сказала, что это тема, которой я буду заниматься всю свою жизнь, хотя всего-то нужно было проанализировать только что изданные сборники по истории культурного строительства в Чувашии и в Казахстане. Ничего, в моем тогдашнем понимании, интересного. Почему я должна была бы заниматься этим всю жизнь, было непонятно.

И это непонимание сказалось и на отношении моем к докладу, да и на наших отношениях с Людмилой Марковной. Поскольку я появилась в семинаре к концу осеннего семестра, нужно было объяснить, почему. Но ей нельзя было кратко сообщить, мол, так и так, была в декретном отпуске. Это был долгий первый разговор с Людмилой Марковной. Без таких разговоров не обходилось распределение тем. Вскоре я рассказывала ей уже и о том, как вообще попала в 1964 г. в МГИАИ, что, приехав с Северного Кавказа, даже не подозревала о его существовании и вообще в Москву ехать поступать в институт не собиралась. Почему-то я собиралась поступать в Харьковский авиационный институт. Но что-то меня в поезде перед выходом в Харькове остановило, я стала сомневаться в своих “математических” знаниях. Доплатив за билет, доехала до Москвы, но уже внимательнее прочитав список московских вузов. Зайдя в МГУ, узнала от кого-то, что там конкурс на истфак 6 человек на место и испугалась. Список всех российских вузов замыкал МГИАИ. По наивности я решила, раз он в списке последний, то потому, наверное, что туда никто не идет. О том, что в МГИАИ был конкурс не 6, а 24 человека на место, я узнала, уже прочитав свою фамилию в списке поступивших. Вместе посмеялись.

С первых дней, совершенно ни в чем не ориентируясь, слышала обрывки уже “бывалых” студентов о преподавателях. Но вплоть до конца первого семестра III курса я Людмилы Марковны не знала. Рано позвали замуж, вскоре родилась дочка, и лекций Л.М. Зак (а она читала общий курс истории СССР, начиная с 1917 г. и включая войну), я практически не слышала.

Она спросила: “Знаешь ли ты Веру Красовицкую?” Я ответила, что это тетка моего мужа. Людмила Марковна сказала, что ее мама дружила с Верой, что она помнит, как она прекрасно пела и спросила: «А ты знаешь, что Вера пе-

ла в кинофильме “Весна” за Любовь Орлову?» (Известная песня “Все стало вокруг голубым и зеленым...”) Я об этом знала. Мама Зак как-то очень быстро перевела разговор на то, а сама-то ты откуда? Почему я ей стала рассказывать, что в моих документах неверно указана национальность – аджарка, не помню. Как и о том, что отцу после возвращения с фронта мама, работавшая “в органах”, сумела изменить из-за высылки карачаевцев в годы войны запись в графе “национальность”. Естественно, и в моем паспорте я оказалась записанной аджаркой. Но мама Зак умела так расположить к себе, что скрыть эту, никакого отношения не имеющую к учебному процессу неточность, было невозможно. Впрочем, как-то уже “отложилось”, что не все в документах, даже собственных – правда. Что это – исторический факт. Позже она меня научит понимать, что это – проблема. Я рассказала о том, что карачаевцев высылали, так и так. Вначале отец при отступлении спасал маму во время бомбежки, когда она эвакуировалась из Луганска, а после войны мама спасала отца от депортации... Вот она, война и ее отзвуки в учениках. Она сказала: “Надо же, если бы не бомбежка, и не ссылка, может быть, и тебя бы не было?!”. Я сказала: “Наверное, или я была бы какой-нибудь другой”.

Вот это понимание того, что каждый, в том числе и ты сама, при ином складывании условий и обстоятельств, есть другой, на тебя не похожий, было важным. Но я никак не могла “пристроить” это ее понимание к тому, что мне предстояло сделать в курсовой работе. Никак не могла я “пристроить” ее видение меня в этой теме и из моих ей рассказов о том, что в семье моего мужа обладала отличным голосом не только Вера, которую она сама встречала на каких-то фронтовых концертах, а и ее сестра Анна. Аин голос в Берлине услышал мой свекор, пришел на голос... Так встретились брат с сестрой в первые майские дни 1945 г.

Я это рассказывала как какую-то семейную историю. Но историк советской культуры видела во мне некую игру судьбы с избежавшим депортации прокурором-карачаевцем и русской девушкой, в итоге – и со мной, вышедшей в Москве замуж за еврея. Скорее всего, ей виделся во мне какой-то “замес” разных судеб, культур, традиций, их отзвук во мне. Она видела, я пока еще нет... Я, конечно, помню лишь какие-то факты, которые рассказывала, но что-то было в интонации нашего разговора, что сформировало в ней некоторое упорство: настоять на той теме, которую она мне предложила. У меня-то, напротив, рождалась надежда, что она предложит мне другую тему, а не анализ этих злосчастных сборников...

Когда я появилась на занятиях, наиболее интересные темы докладов были разобраны. Это были прекрасные темы. Нашей группе завидовали студенты других групп. В чем же было их отличие? Вряд ли мы его понимали, опыта-то еще никакого не было. Но теперь я понимаю, что Людмила Марковна формулировала темы так, чтобы они, заключая в себе некую проблемную ситуацию, были персонифицированы. В центре доклада должен был стоять человек, будь то Н.И. Вавилов, коль цель доклада была о науке, В.Э. Мейерхольд, Ю. Любимов, О. Ефремов – о театре, М. Кольцов – об Испании. Это был интересный педагогический прием: человек всегда интересен, это не сухие процессы, тенденции, закономерности, которые, конечно, важны для исторической науки, но увидеть в этих процессах и закономерностях нужно было человека. Это заставляло и студента помимо официальных документов искать “человеческие” источники.

Причем, как это было принято в институте, доклады делались уже с привлечением архивного материала. Помню, Марина Смирнова по договоренности Людмилы Марковны с Ю. Любимовым была допущена к работе с архивами Таганки, кто-то ходил в архив “Современника” и т.д. Зоя Сторчевая делала доклад о помощи советских культурных деятелей Испании в 1930-е годы.

Людмила Марковна лично знала и дружила со многими известными деятелями советской культуры. У нее были хорошие отношения со всей редакцией “Нового мира”, с самим А.Т. Твардовским (она снимала дачу с ним по соседству на Красной Пахре), с Ю. Трифоновым, с Ю. Любимовым, с О. Ефремовым и его коллегами по “Современнику”. Она лично не знала Мейерхоolda, но в 1930-е годы видела его спектакли, знала тех, кто был знаком с М. Кольцовым. Конечно, интеллигентская Москва была в курсе событий тех лет... Умение дружить и дорожить дружбой работников театров, архивов, библиотек создавало ее студентам особые условия для работы в библиотеках и архивах. Своим искренним интересом к человеку она его влюбляла в себя... Людмиле Марковне студенты “названивали” допоздна, чтобы рассказать о том, что нашли в архиве. Она внимательно выслушивала рассказы обо всех находках, направляла и уточняла ход поисков. Лишь однажды она повторила мне известную репризу Марии Мироновой: “Я стою босиком в коридоре, а что случилось?!”. В столице была полночь...

Каждая новая публикация о тех деятелях культуры, о ком старались говорить еще с оглядкой, публиковать что-то крайне осторожно, вызывала у нее огромный интерес, она добавляла что-то от себя, что еще не могло быть опубликовано. Это придавало студентам энтузиазм, стремление сравнивать, что введено в научный оборот, а что еще лежит в архивах неопубликованное, думать над тем, почему это еще не издано. Выходу каждой хорошей художественной книги она радовалась, тут же рассказывала о ней студентам. Книга извлекалась из ее объемистой сумки, выдавшей виды, зачитывались наиболее интересные места... О том, что “сын за отца не отвечает” она нам прочитала в 1967–1968 годы, задолго до официальной публикации. Помню переписанный ее четким почерком текст поэмы. Помню из ее уст и стихи Твардовского, написанные на Пражские события 1968 г.:

Что делать мне с тобой, моя присяга?
Где взять слова, чтоб рассказать о том,
Как в сорок пятом нас встречала Прага
И как встречала в шестьдесят восьмом...

Выход каждого романа Ю. Трифонова, публикация “Мастера и Маргариты” М. Булгакова, бои Твардовского в “Новом мире”, позднее публикация “Детей Арбата” А. Рыбакова были частью ее душевной работы, свидетельством победы над косностью, “с-о-б-ы-т-и-е-м”. Каждый спектакль Таганки был “с-о-б-ы-т-и-е-м”. От нее я услышала и о стихах И. Бродского, и всю историю суда над ним. При этом она не была диссидентом, но это была ирония над фасадной риторикой советского режима. Она искренне считала, что эти публикации, эти спектакли не могут повредить сути строя, они лишь очистят его ото лжи и от грязи. Кроме того, она считала, что знакомство с такой литературой, с такими постановками прививает студентам хороший вкус. Помню, как она в каком-то разговоре о литературе сказала мне с некоторой подковыркой: “Ты, наверное, знаешь только Александра Блока?”. “Нет, – даже чуть обидевшись, ответила я, – знаю еще Жана-Ришара Блока, писал об Испании”. “Ну, а что ты знаешь о Марке Блоке?”. Так я студенткой получила из ее рук знаменитую “Апологию истории”...

Не всегда, конечно, она рассказывала то, что происходило в интеллигентских кругах всем студентам, но с теми, кто уже собирался с нею работать дальше, у нее устанавливались абсолютно доверительные отношения. Их целью было – искать правду в источнике, искать сами источники...

На этом фоне я и была уверена, что мне досталась тема абсолютно неинтересная. Никакой известной, трагической, выдающейся личности в ней не было. Не было этой “высокой ноты”, вернее, я ее не ощущала. Но Людмила Марковна постоянно твердила мне, что тема крайне важна и перспективна. Она считала что работы, которые исследовали проблемы культуры в национальных республиках, крайне важны, что никто этой проблемой в Москве не занимается. Не изучается ее важность для страны в целом. Я же не понимала, почему всю-то жизнь я должна ею заниматься?!

Ей предстояла трудная задача: влюбить меня в тему моего доклада. О том, что “высокий градус” взаимоотношения с темой обязателен, я поняла, послушав доклад Анатолия Красавина о Николае Ивановиче Вавилове. Помню, вышел Толя, очень взволнованный, и начал с того, что: “Полгода стоит у меня на столе портрет этого человека. Я подолгу вглядываюсь в его лицо. Что требует от меня этот человек? Чем я ему обязан? Почему это мучает меня?”. Я понимала, что тема должна “зацепить”, без этого ничего не получится... Хороший доклад сделал Толя. Подводя итоги, мама Зак рассказала о страшной кончине знаменитого ученого...

К чему сводились ее наставления? Она откровенно говорила о том, что историю поддельвают, переписывают, а о многих важных ее аспектах вообще не пишут. Россия – многонациональная страна и каждый народ в ее истории важен. Займись чувашами, увещевала меня она, это твоя тема, ты должна почувствовать ее, чуваша сделали прекрасный сборник. Пойми, для того, чтобы иметь ясность, полную картину, необходимо знать источники. Таково правило. Это прекрасно, что в республиках, наконец, начали издавать документы о развитии своих культур. Важно понять, какую позицию занимают составители сборников и почему они ее занимают. Историки всегда знают больше того, о чем пишут, особенно, то, о чем знать нежелательно. К сожалению, они вынуждены прибегать к различным ухищрениям, чтобы все-таки дать знать о том, о чем знать не позволялось. Научись читать между строк. Этому ты научишься, начав сравнивать, как публикуются источники. Подлинник – это главное, это та цель, к которой ты должна двигаться.

Но самое главное правило: делать выписки на одной стороне листа и с полями!!! На полях обязательна краткая запись – о чем этот документ!!! На юбилее в честь ее 75-летия я предложила в шутку тост за обучение писать на одной стороне листа с полями. Людмила Марковна чуть-чуть обиделась, сказав: “Неужели я только этому тебя научила”. Я ей ответила: “Не обижайтесь, вы даже не представляете, как это оказалось важно!”.

Я все внимательно слушала, какие-то зацепки стали появляться. Толя Красавин никогда, вероятно, и не узнает, что толкнуло меня: его фраза о портрете, стоящем перед ним. Но передо мной лежали только два сборника, в них были обязательные документы партии, документы о ликбезе, школе, подготовке учителей... Как мне в них увидеть что-то не абстрактное, а человеческое? Чем же они отличаются? Чем же они отличаются, черт их побери?

Людмила Марковна, требуя искать свой подход, рассказывала мне о Сакене Сейфуллине, казахском писателе. В библиотеке я нашла его работы, меня они, скажу честно, не увлекли. С чувашами дело обстояло еще труднее. Ее рассказы о том, что некоего Яковлева знал лично Ленин, тоже как-то не укладывались ни во что... Тогда она мне посоветовала пойти в архив.

И вот по следам сносок в этих сборниках я впервые отправилась в ЦГАОР. И когда мне принесли подлинники, я увидела, что в казахском сборнике, на что я вначале не обратила внимания, например, опущены подписи

под документами. Сакен Сейфуллин оказался не только писателем, но и наркомом просвещения Киргизской АССР. Но декрет о ликвидации неграмотности в Киргизской АССР подписан наркомом Ахмедом Байтурсуновым, подпись в оригинале документа есть, а в публикации она отсутствует... Почему? Внимательнее стала смотреть чувашский сборник. Там подписи сохранены... Кто такой Даниил Эльмень, в именном указателе чувашского сборника сказано... А кто такой Байтурсунов? Где о нем прочитать? Это сегодня я могу взять книгу Д. Аманжоловой, где целый абзац о нем. Но знала бы она, какие волнения мы с Людмилой Марковной пережили в 1970-е годы, уже перед защитой моей кандидатской диссертации, потому что в автореферате этого самого Байтурсунова я упомянула среди первых национальных наркомов просвещения.

Забегая вперед, скажу, что из-за этого Байтурсунова у меня едва не сорвалась защита кандидатской диссертации. Пришлось переиздавать автореферат. Один казахский историк прислал Людмиле Марковне телеграмму, что с этой фамилией в автореферате меня ВАК не пропустит.

Но для подготовки доклада я пустилась в отыскание данных о Байтурсунове. В ЦГАОРе мне даже выдали дела с личными анкетами работников Наркомнаца. Дали мне их, вопреки существовавшим правилам, видимо, для того, чтобы "отвязаться". Пришла студентка, почти ребенок, все равно ничего не найдет, а если найдет, то не поймет!.. Я ничего и не поняла, лишь *тщательно, на одной стороне листа, с полями*, списала, что был в какой-то "Алаш-орде", писал стихи. Но дальше я дошла до зала диссертаций, и там каким-то чудом мне, студентке, выдали диссертацию сталинских годов, где говорилось о буржуазных националистах, вредителей и т.д. и т.п... Но и в чувашском сборнике об Эльмене говорилось примерно то же, о том же буржуазном национализме. Но в его анкете в Наркомнаце я увидела, что сам он пишет о том, что он хлебопашец... Какой же он буржуазный националист?!

Хорошо, одно отличие уже нашла. Но что это за отличие? Одни указали фамилию, другие нет, ерунда какая-то... Дальше: почему чувашский сборник выстроен хронологически? Читаешь его и видишь, что ни в 1917, ни в 1920 г. до собственно культурных проблем дело не доходило, да и позже полно документов о борьбе с трахомой... В казахском сборнике документы разнесены по темам: школа, ликбез и ... создается впечатление, что уже с октября 1917 г. там всюду развивается культурное строительство. А где гражданская война? Это – второе отличие.

Повторяю, тема мне не нравилась, доклад был кратким и, собственно говоря, я и рассказала преимущественно о своих хождениях по архиву и читальному залу. Но заключение Людмилы Марковны оказалось неожиданным: "Хотя поведение нахальное, но взгляд зоркий. Если захочешь писать у меня дипломную работу, приходи".

Думаю, что у Людмилы Марковны были основания очень пожалеть о своем пригласении. На IV курсе будущие ее дипломники занимались у нее в спецсеминаре. Теперь она предложила мне тему о ГИТИС. Эта тема мне очень понравилась: театр, интересные личности, в общем, много яркого, искусство, Луначарский... Я ринулась читать литературу о театре. Но ... параллельно началась и полугодовая практика в архиве, обязательная в те годы.

Согласно теме, которой предстояло стать и темой дипломной работы, меня распределили на практику в ЦГА РСФСР, где о ГИТИС в фонде Наркомпроса должны были быть документы. С большим воодушевлением отправилась я на практику. ГИТИС я как тему полюбила...

Но в первый же день вместе с руководителем практики в архиве неожиданно появилась и Людмила Марковна. Чтобы это могло означать? Я, было, подумала, что, наверное, она хочет подробнее ввести нас в курс дела, наставить, чтобы за полгода мы эффективнее выявили документы. В том, что касалось меня, то по истории ГИТИС. Но события стали разворачиваться совсем другие.

Оказывается, в ЦГА РСФСР из ЦГАОР накануне передали несколько неописанных мешков дел, принадлежащих фонду Наркомпроса, совершенно не обработанных. Поскольку они касались так называемых запретных дат, т.е. первых лет Советской власти, то уничтожить их было нельзя. А по причине, как тогда считалось, их незначительности, у работников архивов руки до их описания не доходили.

Тогда, как и многие, я воспринимала эти документы так, что это какая-то почти макулатура, работникам архивов не интересная, а студентов можно заставить эту ерунду разгрести... Мне предназначались три мешка этой “макулатуры”. Смотрела я на них с глубоким отвращением, поскольку здесь же, в этом архиве лежал фонд Наркомпроса, и там-то все, что мне нужно по ГИТИС. Но Людмила Марковна, помня мое отношение к теме курсового доклада, стала мне аккуратно говорить о том, что тему моей дипломной работы хорошо бы сконцентрировать на содержимом этих трех мешков.

– Как, а ГИТИС?!!! Опять чуваши!

– И не только чуваши.

– А кто еще?..

– Там их много, деточка...

– А ГИТИС? Хочь ГИТИС!...

Пересказывать эту историю сегодня и смешно, и грешно. Из архива мы ушли вместе, дорога по Бережковской набережной до Киевского вокзала была залита моими слезами, окрестности рыданиями (я не преувеличиваю, честное слово!), доехали до ее дома на Садово-Черногрязской. Там, на знаменитом угловом диване продолжались уговоры. Я рыдала в голос, Людмила Марковна, отвлекаясь от уговоров, садилась за свой письменный стол, что-то писала. Когда мои всхлипы ее доставали особенно сильно, отправляла на кухню, в ванну: пойдь, умойся... Я возвращалась, она говорила: в этих трех мешках – все твое будущее, пойми же, наконец! Пойми же, что ГИТИС – это, конечно, тема интересная для дипломной работы, ну, может быть, затем, получится и статья. А в этих мешках, на самом деле, дна нет... Это на всю жизнь. Только путем давления она меня принудила взять эти мешки.

Что же было в этих мешках? В них были документы отдела просвещения национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР, вся история формирования первых управленческих структур в Наркомнаце, драматическая история ухода первых национальных деятелей из Наркомнаца, от Сталина в Наркомпрос к Луначарскому. Чтобы понять их, предстояло их документ за документом разобрать по сюжетам, хронологии, сформировать из них 76 дел, оформить в описи, ввести в структуру фонда Наркомпроса РСФСР. Началась серьезная работа, но предстояло на ее основе сформулировать и тему диплома. Ей предшествовала работа в русле спецсеминара – источниковый анализ содержимого этих мешков. Я пришла к маме Зак и сказала, что раз уж ей так нравится их содержимое, то я его опишу в одной главе, а тема диплома будет охватывать 1917–1967 гг. Мама Зак посмотрела на меня и сказала: сначала разберись с 1918 годом. А потом поговорим... Это сегодня, куда ни взгляни, у кого ни спроси, тот и специалист по национальному вопросу...

Вначале Людмила Марковна проверяла каждую выписку из архива, каждый документ. Обсуждался его вид, содержание, строились предположения, чтобы оно означало, как вести поиск, чтобы узнать, что за люди его писали, кто они? Это приучало студента к внимательному, уважительному отношению к документу, побуждало к дальнейшему поиску, открывались совсем неведомые грани. Помню, в очередных выписках оказалась резолюция какого-то национального (опять чувашского) съезда деятелей культуры. Я сочла, что раз тема моя сводится к исследованию государственной структуры, то съезды в ней не важны. Нет, отвечала Людмила Марковна, ты смотришь на процесс, как на изначально нечто уже работающее, готовое, а ведь годы-то какие: все разрушено, все создается заново. Наверное, этот съезд как-то реагировал на создание властных структур. Ищи дальше. И в самом деле, из этих пресловутых мешков появлялись пожелтевшие листы, которые свидетельствовали о конфликтах, интригах, возмущениях, недостатках. Как-то она сказала: “Какое это интересное для историка время – революция и 20-е годы, есть, о чем писать. Что бы ты писала о 1967 году? Одни фанфары и юбилеи?! А здесь, посмотри, сколько всего разного, а какая борьба?..” Так возникало чувство и отношение к теме, как к живому организму, растущему, болящему, обрастающему пониманием своих целей и задач.

Она говорила:

– Понимаешь, каждый сейчас начинает писать о каком-то одном народе, кто-то о казахах, кто-то о чувашах, кто-то о татарах. В целом о них кто-то напишет, опираясь на партийные директивы, общие, за общими оценками и установками нет “мяса истории”. И только у тебя в нелюбимых тобою мешках хранятся конкретные ответы и доказательства того, как это было на самом деле.

– А почему же тогда, если эти документы так важны, их никто не описал, не ввел хотя бы в структуру архивного фонда?

– А вот ответ на этот вопрос ты и будешь искать... Россия – страна многонациональная, и не понимать это опасно и неправильно. Ты посмотри, о чем говорят документы: вот революция, вот новый строй, новые порядки. О чем волнуются авторы документов? Как поймут эти новации разные народы? А вот это и я еще не знаю. Эти ответы ты получишь не скоро. В этой теме, говорю тебе, дна нет. Но твоя задача – показать, что уже в 1918 г. были те, кто это понимал, а наши ли они ключ к своим вопросам? Ищи, изучай документы и думай!!!

Особая история сложилась с защитой дипломной работы. В 1968–1969 гг. произошла смена руководства МГИАИ. У института была репутация вольнодумного и много себе позволяющего. И понятно: институт рядом с Кремлем, только что произошли события в Чехословакии: институт бурлил, разговоры были вольные. В институте учились дети репрессированных, их в МГУ не брали. И в нашей группе было персональное дело об оценке введения советских войск в Чехословакию. И был разбор этого “дела”, дошедший до московских партийных верхов. Ушел наш интеллигентный и либеральный ректор Л.А. Никифоров, точнее, его сняли.

Для “наведения порядка” ректором был назначен С.И. Мурашов, от которого Министерству высшего образования таким способом удалось избавиться. В министерстве он занимал какую-то руководящую должность. Он пришел в Историко-архивный институт, ощущая себя не только его ректором, но вчера еще большим министерским начальником. Он взялся за дело круто, из института стали уходить любимые преподаватели, те же, кто вскоре, как и Людмила Марковна, покинут его, должны были в этих непростых условиях “довести” нас. А на ком легче всего доказать “неправильность” постановки работы в институте? Конечно, на дипломниках и содержании их дипломных работ.

Людмила Марковна, понимая, что может случиться на моей защите, поскольку Мурашов был ярым сталинист, “устроила” защиту. Моими оппонентами были профессор И. Додонов с кафедры истории СССР и доцент Т. Смирнова с кафедры истории госучреждений. С их стороны неприятностей ожидать не приходилось. Работа оппонентам нравилась, они считали, что в ней есть серьезный задел для диссертации. Но председателем ГЭК был Мурашов. Накануне он устроил разнос на защите Тане Булгаковой (дочке писательницы Галины Серебряковой, бывшей замужем за репрессированными и Серебряковым, и за Сокольниковым). Таня писала дипломную работу у Е.А. Луцкого, что-то о декрете о земле... И все присутствующие знали, что больше Е.А. Луцкого о декрете о земле никто не знает, никто не писал. Все понимали, что дело не в качестве работы...

Понятное дело: начались “разборки”... Дипломники Мурашова никак не волновали. Завтра они покинут институт, он о них и не вспомнит. Но нам еще предстояло до этого “продержаться” на процедуре защиты. Луцкий при защите Булгаковой просидел, низко опустив голову. Все все понимали...

О моей защите Людмила Марковна серьезно беспокоилась. Просчитывались какие-то варианты вопросов Мурашова, варианты ответов... Защита других дипломниц опасений у Людмилы Марковны поначалу не вызывала. Зоя Сторчевая защищалась по теме о Совете по защите детей, Лена Генке – об агитпароходах, лишь у меня – нацмены и Сталин!!! И Сталина я сильно критиковала... Понятно, что меня ожидало от Мурашова. Но при защите уже Зоей Сторчевой, казалось бы, такой “невинной” темы как Совет защиты детей, Мурашов начал искать “компромат”. И... нашел. Причиной явилось все то же требуемое Людмиллой Марковной введение в работы новых источников. Зоя нашла в архивах документ, рассказывающий о том, что Ленин написал резолюцию на записке Е. Драпкиной о необходимости помочь ребенку, некоему Алеше Клейменову.

Самого ленинского документа не было, сведение о ленинском поручении известно было из какого-то другого документа. Но это был новый факт... и как новый представлял, конечно, интерес. Тем более, что защиты-то наши проходили в атмосфере подготовки 100-летнего Ленинского юбилея. Сейчас мало уже кто об этом помнит, но в те годы архивисты, по крайней мере, центральных архивов, внимательно всматривались в подчеркивания на документах, сделанные синим карандашом. Эти подчеркивания могли быть сделаны рукой Ленина!.. Зоя нашла не какие-то подчеркивания, а документ, свидетельствующий о внимании Ленина к детям, что в этом криминального?

Но “криминал” по Мурашову заключался в том, что поручение Ленин давал Е. Драпкиной, а эта самая Драпкина написала знаменитый “Зимний перевал” о болезни Ленина, и в нем впервые рассказала то, что у Ленина был инсульт! И его, больного, кормили с ложечки!!! Кажется, “Новый мир” опубликовал эту повесть. И Мурашов решил использовать эту ситуацию, но как?.. С одной стороны, это хорошо, что дипломница так старательно вывляла документы. С другой стороны, в “Зимнем перевале” Драпкина позволила себе некие отступления от канонического образа вождя. Что придумает Мурашов? Кто-то сегодня скажет: какая мелочь, буря в стакане воды, но историки тех времен хорошо знают, чем такая “мелочь” могла закончиться... Мурашов сидел на экамене, обложенный полным собранием сочинений. И горе было и дипломнику, и научному руководителю, если в ленинской цитате, изложенной в дипломной работе, не дай бог, обнаруживалась пропущенная запятая. Не дай бог, не выделены часто употребляемые Лениным подчеркивания... Его реакция напоминала политические обвинения... Ему не было дела до того, что студенты на самом деле выходили на защиту, как правило, вводя огромные массивы новых документов. Иногда и целые ар-

живные фонды, что подчас не делают и соискатели ученых степеней. Огромный труд преподавателей, вырастивавших учеников на любви к источнику, новому, архивному оказывался ничем перед пропущенной запятой. Но Ленинской!!!

В общем, все очень волновались. Извлекать из текста дипломной работы данные об этом мальчике и о Дабкиной, и о Ленине уже было поздно, да и, собственно, почему это нужно было делать-то?! Зоя доложила свою работу. Мурашов уже держал дипломную работу, раскрытую именно на тех страницах, где Клейменов, Дабкина и Ленин и ... задал Зое вопрос: «А Вы читали “Зимний перевал” Дабкиной?». Чтобы представить себе и драматизм, и театральность ситуации, надо знать Зою Сторчевую, которая патологически не умела говорить неправду.

Мама Зак понимала, что Мурашов попытается замучить Зою вопросами о том, как трактует Дабкина болезнь Ленина в “Зимнем перевале”. И вопросы не будут сводиться к тому, правду ли написала Дабкина, а к тому, кто дал ей, Дабкиной, право так написать о вожде? Зоя может не справиться. Честной Зое нужно было моментально среагировать на, казалось бы, невинный вопрос, в сущности, не имеющий отношения к ее теме. “Зимний перевал”, конечно же, мы читали. И Зоя, конечно же, читала. И, конечно, с подачи Людмилы Марковны... Все, затаив дыхание, смотрели на Зою. Понимали, от ее ответа зависело дальнейшее поведение Мурашова... Зоя, бледная, наконец, почти выкрикнула ... “Нет! Не читала!”. По знаменитой 6-й аудитории громко пронесся вздох облегчения мамы Зак. Вскоре Зоя успешно защитит диссертацию по этой же теме, но уже в стенах Университета дружбы народов. Сколько талантливых и преподавателей, и студентов ушло из МГИАИ из-за атмосферы, созданной в нем Мурашовым! И я защищалась не в родном институте, а в МГПИ им. Ленина исключительно потому, что маму Зак как моего научного руководителя он бы не потерял.

Но вернемся в 6-ю аудиторию. По сравнению с защитой Зои, у меня страхов было больше, но все оказалось для меня проще. С приближением моей защиты Людмила Марковна ненадолго вышла из аудитории. Видимо, она решила, что требуются особые “организационные” меры. Когда моя защита была объявлена, в это время кто-то позвонил Мурашову по телефону. В актовй зал вошла секретарь и позвала его к телефону, мотивируя, что важно и очень требуют... Мурашов нехотя отправился наверх в свой кабинет. Видимо, этот кто-то долго морочил ему голову, потому что когда он возвратился в актовй зал, процедура защиты завершилась: я уже благодарила и кланялась и институту, и кафедре, и научному руководителю... Мурашову не оставалось возможности “задавать” мне вопросы... Позже я спрашивала Людмилу Марковну: кто же звонил? Она говорила: не важно, не твое дело... Теперь я знаю, что это был Е.Н. Городецкий, далеко не последняя фигура в Институте истории СССР. Вот за это Людмила Марковна была для нас “мамой Зак”, для Мурашова – гвардии капитаном.

Какое же тонкое дело – растить ученика... Нас не должны были касаться “разборки” взрослых, мы должны были уйти из института с ощущением благородства профессии ученого, хотя уже и подозревали, что борьба в “храме науки” ведется и силовыми средствами. Но силы эти нам еще предстояло обрести.

Спустя некоторое время мне предложили очную аспирантуру в МГИАИ с единственным, открыто высказанным условием: сменить только научного руководителя. От аспирантуры я отказалась. Скажу в завершение, что более заботливого научного руководителя я не знала, равно как и самого строгого и взыскательного оппонента на защите мною докторской диссертации.

Д.А. Ястржембский

**Л.А. ЯСТРЖЕМБСКИЙ
КАК УЧАСТНИК ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
И ИСТОРИК МОСКВЫ**

(По материалам личного архива)

“Дорога в Ленинград была трудной и длинной. Поезд уходил не с Ленинградского вокзала, а с Ярославского, и шел только до Вологды. Весь путь от Москвы до Ленинграда длился 6 дней, а не 6 часов, как в наши дни. От Вологды на случайном поезде из трех вагонов мы добрались до Волховстроя, а там удалось попасть на военный катер. Здесь для нас все было ново и необычно: и приведенные в боевую готовность пулеметы, и пушка, и команда в металлических касках, и спускавшиеся с мачт маскировочные сети, и сигнальные удары в колокол во время тревоги. По Ладожскому озеру плыли несколько часов. Катер шел какими-то зигзагами, обходя торчащие из воды мачты затонувших кораблей, часто останавливался. Несколько раз объявлялась воздушная тревога. Где-то над облаками летели немецкие самолеты на Ленинград”.

К этим, еще не публикованным, воспоминаниям Л.А. Ястржембского (1921–2000) находим комментарии в сохранившихся документах предвоенных и военных лет. Как значится в красноармейской книжке, в марте 1940 г. Ястржембский поступает в авиационное училище (2-я Московская военная школа авиамехаников; сокращенно 2 МВАШ авиамехаников спецслужб), с чего и начинается его служба в армии (присягу принял 18 августа 1940). По окончании училища приказом по Военно-воздушной инженерной академии им. проф. Н.Е. Жуковского от 30 мая 1941 г. девятнадцатилетний сержант технической службы назначается механиком-инструктором в лабораторию кафедры авиационной технологии и ремонта. В этих, очевидно, звании и должности его застаёт война, и вместе с отцом, профессором академии¹, он участвует в эвакуации учебного заведения в Свердловск. Назначение на фронт, а именно на Ленинградский, было получено в августе 1942 г.

“Попутная машина доставила нас с Ладоги в Ленинград.

И вот мы идем по пустынным улицам города, о котором я мечтал еще в школьные годы. Но сейчас Ленинград – это не город памятников и дворцов, а боевая крепость. Громадные доты возвышаются на его главных площадях, в нижних этажах многих угловых зданий амбразуры с пулеметами, множество указателей бомбоубежищ. На стенах домов надписи, напоминающие, что эта сторона улицы обстреливается. Вдоль гранитных набережных Невы под маскировочными сетями застыли корабли Балтийского флота. Непрерывные патрули на улицах, да равномерный стук метронома. Почти у самого города, можно даже проехать на трамвае, проходит линия фронта”.

---

¹ Ястржембский Андрей Станиславович (1890–1968), доктор технических наук (1954), заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1958); преподавал в Военно-воздушной инженерной академии им. проф. Н.Е. Жуковского (с 1923); с 1934 г. – профессор.

Л.А. Ястржембский,
1943 г.

Предписано было, прибыв в осажденный город, явиться в штаб 13-й воздушной армии – на Дворцовую площадь, в историческое здание Главного штаба и министерств, увенчанное шестеркой бронзовых коней с колесницей Славы.

“Из штаба меня направили на аэродром, находившийся на окраине Ленинграда, в Новой деревне. Здесь, у Черной речки, февральским утром 1837 года упал на снег смертельно раненый Пушкин. Место дуэли находилось почти напротив проходной аэродрома, и мы часто во время налетов или артобстрелов отсиживались в рощице у памятника поэту. Наш инженер полка всегда говорил, что если уж погибать, то там, где погиб Пушкин. А бомбили и обстреливали аэродром часто. Но особенно запомнился мне один артиллерийский обстрел, накануне Октябрьского праздника. Еще с утра, с интервалом 15 минут на летном поле начали разрываться снаряды. Пока срочно рассредоточивали по всему аэродрому самолеты, разрывы стали все чаще и чаще. Бежать в рощу было уже опасно, и мы спрятались в одном из ангаров. Чтобы немного отвлечься от гнетущего состояния, которое наступает во время обстрела, мы стали вспоминать всякие истории. И вот, когда снаряды стали ложиться почти у самого ангара, на середине стола оказался мышонок. Зверек обалдело посмотрел на нас своими черными бусинками и не убежал. Я положил этот серый комочек на ладонь, где, прижавшись, он просидел до конца обстрела. Когда наступила тишина, мышонок осторожно приподнял свою мордочку, осмотрелся, а затем спрыгнул с ладони на стол и пропал также внезапно, как и появился. Во время обстрела погибло несколько человек и среди них общий любимец полка 16-летний Юра Калинин. На другой день на маленьком кладбище, недалеко от аэродрома, под автоматный и pistolетный салют в братскую могилу медленно опустили пять гробов”.

Эта служба в должности электромеханика на Авиационной ремонтной базе № 1 13-й воздушной армии Ленинградского фронта (с начала сентября 1942 до начала февраля 1943) отразилась в Красноармейской книжке, кроме констатации факта службы, припиской другими чернилами к званию *сержант* букв “ст.” – *старший*². В том же документе последняя запись (9 апреля 1943) отмечает, что Ястржембский был вновь “прикомандирован в ВВА им. Жуковского”, но уже не для работы в штате академии, а “для прохождения подготовительного курса”.

² Известно, однако, что из Ленинграда Лев Андреевич вернулся уже старшиной (по свидетельству А.О. Скальского, о котором см. ниже).

Из сохранившихся писем тех годов как, вероятно, наиболее любопытные нужно отметить здесь послания известного историка-архивиста Владимира Владимировича Шереметевского (1863–1943)³. Послания – это не высокопарное название его писем. Они действительно большей частью представляют собой стихотворные послания “Лёвочке Ястржембскому” или его родителям, главным образом матери, Валентине Ивановне. Дело в том, что за Николая Александровича Холодкова, одного из воспитанников, фактически приемного сына Шереметевского, вышла замуж родная тетушка Льва Андреевича Анна Станиславовна Ястржембская. Через это родство историк очень сблизился с большим семейством Ястржембских: в шуточных графоманских посланиях, которыми он тешил себя на старости лет (сохранилось более 25; первое датировано 1936 годом), отразились и частые встречи на семейных праздниках, и совместный летний отдых (в Крыму и на даче), и, затем, попытки морально поддерживать родных и себя в тяжелых условиях войны и эвакуации.

В стихотворении, написанном 19 августа 1942 г. – очевидно, когда стало известно об отправке Льва Андреевича на фронт, – Шереметевский выражает искреннюю тревогу:

На бой мы провожаем Льва.
Своё он имя оправдает,
Но говорит так голова,
А сердце слабое страдает.
Кто я? Чужой, никчёмный дед,
Я только с бока здесь припёка,
Но знал его я с малых лет
И оценил его высоко.
В свирепый наш Железный век
Он редкость, чудное явление:
Он нежный сердцем человек,
Он добр, для всех он утешенье.
Чем утешать, чего желать
При этой горестной разлуке?
Возможно ли утешить мать,
Ей обезболить сердца муки? – и т.д.

И в следующем году, 11 июля (день рождения Льва Андреевича):

Я Фэба уж не слышу зова,
Но всё же я душевно рад,
Что к нам, покинув Ленинград,
Вернулся несравненный Лёва.

Это было одно из последних стихотворных обращений Шереметевского – он скончался 8 декабря 1943 г., на 81-м году жизни.

За время военной службы (1940–1949 гг.) Ястржембскому довелось участвовать в двух знаменательных парадах на Красной площади: во-первых, по окончании училища, в первомайском 1941-го, т.е. в последнем предвоенном параде, и, во-вторых, что еще важнее, в Параде Победы 24 июня 1945 г.

После подготовительного курса в Военно-воздушной академии обучение было продолжено в Военном институте иностранных языков, от которого Лев Андреевич и был откомандирован на победный парад – в составе частей Московского гарнизона. Незадолго до парада, 19 июня, ему была вручена медаль “За победу над Германией”. Кроме нее грудь младшего лейтенанта Яст-

³ См. о нем: *Ястржембский Д.А.* Московский архивариус. Владимир Владимирович Шереметевский. 1863–1943 // Краеведы Москвы. М., 1997. Вып. 3. С. 211–226.

ржембского украшала на параде и медаль “За оборону Ленинграда”. В написанной им позднее автобиографической справке (очевидно, для составителей биографического словаря участников Парада Победы) москвоведом отмечена и такая деталь: “На Красной площади мы располагались между Лобным местом и оградой Покровского собора (Василия Блаженного)”. Вместе со Львом Андреевичем торжественным маршем шли в тот день его двоюродный брат Георгий Георгиевич Бауман (сводный полк Наркомата обороны) и Александр Осипович Скальский, друг и сослуживец Ястржембского, его однокурсник в Институте иностранных языков и, еще раньше, в училище⁴.

К сожалению, языки не слишком давались Льву Андреевичу, военный институт пришлось оставить, а к техническим наукам не лежала душа. Выбор нового поприща проявился в том, что параллельно со своей работой на военной кафедре Московского энергетического института (службу-то никто не отменял⁵) техник-лаборант начинает заочно учиться на историка. Диплом “с отличием” об окончании Московского областного педагогического института был получен в 1954 г., но это была уже далеко не первая веха на пути, принесшем Ястржембскому известность в качестве знатока Москвы и ее истории.

В феврале 1949 г. (приказом от 31 января) он увольняется в запас, а в конце апреля зачисляется на только что учрежденную при Моссовете должность старшего инспектора по охране памятников культуры. Именно это стало коренным поворотом в деятельности Льва Андреевича и своего рода новой точкой отсчета в его жизни. В мае 1953 г. его назначают исполняющим обязанности директора Музея истории и реконструкции г. Москвы. Утвержденный в этой должности в феврале следующего года, он продолжает возглавлять музей по март 1976 (данные приводятся по Военному билету офицера запаса и Трудовой книжке).

Личный архив Л.А. Ястржембского, хранящийся у его наследников, еще полнее, чем ранний период его жизни, отражает его творческую биографию как историка-москвоведа. Вот как, например, этими материалами иллюстрируются воспоминания о совместной работе с Ястржембским его соратника и соавтора Виктора Васильевича Сорокина, который посвятил их общим трудам несколько абзацев в своей автобиографии⁶:

«В Академии наук СССР под председательством академика историка Б.Д. Грекова с участием его помощницы из Исторического музея М.Ю. Барановской была организована комиссия по составлению [картотеки] для издания “Московского некрополя”. [...] В ней были: С.К. Богоявленский, М.А. Цявловский, А.А. Сиверс, медик Г.З. Рябов и другие. Секретарем был избран я. [...] Стали составлять персональную картотеку замечательных людей, погребенных на московских кладбищах, с аннотациями. Я занимался составлением некрологов об ученых и как библиограф выявлял другие интересные персоналии, имевшие отношение к истории Москвы. Так был составлен текст к “Московскому некрополю” до 1955 г.»⁷.

⁴ Обо всех троих (как об участниках Парада Победы) см.: Военно-исторический архив. М., 2000. Вып. 9. С. 204, 254, 259.

⁵ 2 октября 1947 Ястржембскому присваивают звание лейтенанта, в котором он впоследствии и остается, уволившись вскоре в запас.

⁶ Сорокин В.В. Для того, чтобы спасти // Краеведы Москвы. М., 1991. Вып. 1. С. 270–287.

⁷ Там же. С. 279. После кончины Б.Д. Грекова (1953) работы по составлению этого исторического справочника были свернуты, до издания дело не дошло. “Собрав в 40–50-х гг. огромный материал и подготовив в основном рукопись, коллектив авторов, к сожалению, не завершил работу, а рукопись осталась лишь в архиве.” – (Иванова Л.В. История изучения московского некрополя // Московский некрополь (история, археология, искусство, охрана): Материалы научно-практической конференции. М., 1991. С. 43).

Неоконченным трудам комиссии соответствует у Ястржембского пухлая стопка пожелтевших листков, форматом приблизительно в половину всем известного листа А4, с отпечатанными на машинке более или менее краткими биографиями (помимо трех, написанных карандашом, рукой Сорокина, и еще одной – рукою Барановской). Место захоронения указывается в первую очередь (за редким исключением).

Услышав по телефону такое описание посвященных московскому некрополю материалов, Виктор Васильевич немедленно признал в них экземпляр картотеки или какой-то ее части для готовившегося, вышеупомянутого в его мемуарах, издания. По его свидетельству, Ястржембский также принял участие в работе по составлению “Московского некрополя”, что подтверждается и сохранившимися у него карточками-некрологами, и затесавшимся среди них листком с замечаниями Льва Андреевича, весьма типичными для его наблюдательности и для менталитета эпохи в целом:

“1. Брат[ская] м[оги]ла 28 панфилов[цев]. Не все 28 погибли. Двое живы в наше время.

2. Зачем включается в *Некрополь* вел. князь Романов С.А., убитый Каляевым?

3. Маяковский в 195...⁸ перенесен на Новодев[ичье] кл[адби]ще.

4. Котельников⁹ – очень мало о нем дано.

5. Необходимо указывать существует ли в настоящее время могила.

.....
8. В тексте у Новицкого Ф.Ф.¹⁰ указано, что он преподавал в Военно-воздушной академии им. Фрунзе; такой академии нет и не было. Есть Военно-воздушная акад[емия] им. Жуковского или Военная акад[емия] им. Фрунзе” – и т.д.

Экземпляр картотеки, оставшийся у Льва Андреевича, включает в себя около 634 персоналий, но является, по-видимому, далеко не полным. В нем представлены разделы от “А” до “Э” – раздел под литерой “Я” отсутствует. Кроме того, на буквы “Д”, “Е”, “Ж”, “У”, “Ц”, “Щ”, “Ю” имеется лишь по одной или по две биографических справки. Даже из фамилий, упомянутых Ястржембским в его процитированных выше замечаниях, половина в этом экземпляре картотеки не нашлась. Существует еще, правда, небольшая стопка вторых страничек, большей частью с описанием надгробий – иногда с указанием чьих. Дело в том, что обозначение места погребения вообще – монастыря или кладбища – по возможности дополнялось на карточках описанием надгробий. Относительно местоположения надгробий на кладбище или в монастыре дополнительных уточнений (номер участка и т.д.) не делалось.

Персоналиями описываемого экземпляра фиксируются московские и отчасти подмосковные захоронения, произведенные с XIV в. до 1940-х годов (последние – 1947 г.). Чрезвычайно важны данные о погребениях, и особенно описания надгробий, на уничтоженных в советское время кладбищах (Доро-

⁸ В 1952 г.; до того урна с прахом поэта находилась в колумбарии при крематории Нового Донского кладбища.

⁹ Очевидно, имеется в виду Котельников Г.Е. (1872–1944), изобретатель, создатель ранцевого парашюта, важность изобретений которого Ястржембский особенно понимал как тот, чья молодость была связана с военной авиацией (в его экземпляре картотеки персоналии о Котельникове не обнаружилось).

¹⁰ Новицкий Ф.Ф. (1870–1944) – военный деятель, историк, генерал-лейтенант авиации; преподавал в разное время в обеих академиях; в экземпляре картотеки Ястржембского персоналия о нем отсутствует.

гомиловском, Еврейском, Лазаревском, Семеновском, а также Алексеевского, Андроникова, Данилова, Новоспасского, Покровского и Симонова монастырей) и во взорванных Вознесенском и Чудовом монастырях¹¹. Таким образом, несмотря на некоторые неточности и недоделки, даже этот неполный экземпляр “Московского некрополя”, будучи правильно систематизированным и изданным, оказался бы весьма полезным синопсисом для любого историка-москвоведов, не говоря уже о более полных экземплярах рукописи или об идеальном воплощении задуманного, но неосуществленного издания.

«Почти одновременно с возникновением комиссии “Московский некрополь”, – цитируем далее Сорокина, – в отделе культуры при Мосгорисполкоме (судя по записи в Трудовой книжке Ястржембского, речь идет об Управлении культурно-просветительных предприятий Моссовета. – Д.Я.) возникла секция по выявлению и взятию на охрану исторических памятников Москвы, к которым относились и замечательные здания, и надгробия выдающихся лиц. Здесь стал работать инспектором Л.А. Ястржембский, который пригласил помогать в выявлении таких памятников меня, М.Ю. Барановскую, Б.С. Земенкова. Если для комиссии “Московский некрополь” требовались печатные материалы и библиография, то для постановки на охрану необходимо было обследовать все кладбища, выявить памятники, сделать их обмеры и составить на них паспорта. Мне пришлось на такую работу потратить свой отпуск за два лета, но я зато хорошо обследовал и изучил обширные московские кладбища»¹².

Черновики подобных паспортов (которые, впрочем, отражают более позднюю деятельность обоих москвоведов) мы находим и в бумагах Ястржембского: конверт с форменными паспортными бланками Министерства культуры под общим заголовком “Памятники истории и культуры СССР (недвижимые)”. Они заполнены в 1973–1974 гг. для Государственной инспекции по охране памятников истории и культуры рукой Льва Андреевича, но в графе составитель везде значится: Сорокин В.В. – ст. библиограф научной библиотеки МГУ. Среди них: 69 паспортов на захоронения в Кремлевской стене и 12 – на могилы художников, декабристов, революционеров и прочих деятелей на Ваганьковском и Пятницком кладбищах (например, композитора А.Н. Верстовского на Ваганьковском, надгробие которого в 1930-х годах исчезло и могила оказалась забытой; в 1950 г. Сорокин и Ястржембский по фотографиям А.Т. Лебедева определили место захоронения и в 1951 г. установили новый памятник); все это сопровождается списком ста исторических могил, “на которые составлены паспорта”.

К теме некрополя относится и довольно значительный по объему, посвященный надгробиям фотографический архив Ястржембского (главным образом, Новодевичье кладбище, а также Ваганьковское, Введенское, Пятницкое и Донской монастырь). Именно как уже известному в этой области исследователю, автору монографии о захоронениях декабристов¹³, Льву Андреевичу были переданы вдовой Б.С. Земенкова, Г.Л. Владычиной, воспоминания В.Г. Лидина (который в 1946 г. отдал их Земенкову с припиской, что это “единственный экземпляр”) о перенесении праха Н.В. Гоголя, А.С. Хомякова

¹¹ Надо полагать, использовались сведения (равно как и опыт составления) дореволюционного “Московского некрополя” (Т. 1–3. СПб., 1907–1908), составленного В.И. Сайтовым и Б.Л. Модзалевским.

¹² Сорокин В.В. Указ. соч. С. 279.

¹³ Ястржембский Л.А. Московский некрополь декабристов // Декабристы в Москве: Сборник статей. М., 1963. С. 265–278. (Тр. Музея истории и реконструкции г. Москвы; Вып. VIII).

и Н.М. Языкова с уничтожавшегося кладбища Данилова монастыря на Новодевичье (по прошествии времени Ястржембский опубликовал эти записки в “Российском архиве”¹⁴).

Вообще, и Земенкова, и Барановскую, и Сорокина Лев Андреевич неизменно называл своими первыми учителями в деле изучения московской старины и исследования ее памятников. Следы дружбы и сотрудничества с этими замечательными московедами в его личном архиве остались и письма (правда, немногочисленные, ввиду жизни в одном городе, частого личного общения и наличия телефона¹⁵), и деловые записки (например, Земенкова), передаваемые, вероятно, во время заседаний ученого совета Музея, и, более всего, исторические материалы, выписки, вырезки и пр. – что могло пригодиться в работе и чем исследователи постоянно помогали друг другу, – и конечно, плоды трудов: печатные работы, книги с авторскими дарственными надписями (чего стоит одно земенковское, ставшее уже крылатым, “поправляйте и продолжайте”, которому на форзаце книги “Памятные места Москвы” предшествовало: “С неизменной любовью Льву Андреевичу Ястржембскому...”)

Но вернемся еще раз к повествованию Сорокина: “Охрана памятников попала в надежные руки Л.А. Ястржембского. Целый ряд исчезнувших по вине Мосгорисполкома памятников был восстановлен. Скоро Ястржембский был назначен директором Музея истории [и реконструкции г.] Москвы, и здесь он поднял работу на высоту. Систематически собирались заседания ученого совета музея, на которых бывали П.В. Сытин, Б.С. Земенков, Н.Л. Рубинштейн, А.Ф. Родин, И.С. Романовский и много молодых начинающих москвоведов, работавших и в Историческом музее, и в экскурсионном бюро.

В заседаниях обсуждались выходившие книги и статьи по истории Москвы.

В 1957 г. мы вместе с Л.А. Ястржембским к проходившему летом фестивалю выпустили книжку “Памятники литературной Москвы”¹⁶ с гравюрами, резанными на плексигласе художником А.И. Мищенко. По поводу ее выхода в Музее истории Москвы было устроено заседание с докладом об этой книге И.Л. Андроникова, давшего ей хорошую оценку”¹⁷.

Доклад и все заседание Библиографической секции ученого совета музея были законспектированы О.В. Мамет-Сваричовской¹⁸, которая, отпечатав конспект на машинке, подарила его Льву Андреевичу, увековечив таким образом выступления И.Л. Андроникова, Т.И. Шеповалова, М.Ю. Барановской,

¹⁴ Перенесение праха Н.В. Гоголя: [В.Г. Лидин “Перенесение праха Гоголя”] / Публ. и предисл. Л.А. Ястржембского // Российский архив: (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). М., 1991. Вып. 1. С. 243–246. Оригинал по-прежнему хранится в личном архиве Льва Андреевича. См. об этом также: *Ястржембский Д.А.* О личном архиве историка-московеда Л.А. Ястржембского (1921–2000) // *Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Доклады и тезисы XIV научной конференции*, Москва, 18–19 апреля 2002 г. М., 2002. С. 540–543.

¹⁵ Дело в том, что письма от знакомых историков и писателей Лев Андреевич не собирал в каком-то одном месте, а большей частью закладывал в книги: свои, если это были отзывы на его работы, или своих корреспондентов (например, письма Н.С. Ашукина). Тщательная систематизация этих писем еще не проведена, и возможно даже какие-то из них еще не обнаружены.

¹⁶ *Памятники литературной Москвы в гравюрах А.И. Мищенко* / Текст Л.А. Ястржембского и В.В. Сорокина; предисл. Б.С. Земенкова. М., 1957.

¹⁷ *Сорокин В.В.* Указ. соч. С. 280.

¹⁸ Известна также как Сваричовская-Мамет (см.: *Козлов В.Ф.* Фонд и коллекции О.В. Сваричовской-Мамет // *Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины: Сб. ст. М.*, 1980. С. 66–69; *Историки и краеведы Москвы: Некрополь: Библиографический справочник* / Сост. Л.В. Иванова. М., 1996. С. 133–134.

П.В. Сытина, а также авторов и художника¹⁹. Последний в своем выступлении жаловался тогда, что “издательство сильно исказило вид гравюр”, и предлагал сравнить оригиналы с печатью в книге. В личном архиве Л.А. Ястржембского сохранились оригиналы гравюр А.И. Мищенко, однако выполненных уже не для этой, а для следующей книги Льва Андреевича, “Революционные памятные места Москвы”²⁰, написанной им совместно с М.М. Шегалом – его бессменным, после работы с В.В. Сорокиным, соавтором и заместителем в Музее. Кстати, в этой книге было учтено дельное замечание П.В. Сытина, сделанное на вышеупомянутом заседании относительно “Памятников литературной Москвы”, а именно об отсутствии именного указателя и оглавления. В “Революционных памятных местах” есть уже и оглавление, и именной указатель, и даже топографический.

С Петром Васильевичем Сытиным, членом ученого совета Музея и председателем библиографической секции совета, Льва Андреевича связывали и научные интересы, и теплые дружеские отношения, и, можно предположить, ощущение преемственности – как с первым директором Музея московского городского хозяйства, превратившегося со временем в Музей истории и реконструкции г. Москвы. Такие же отношения поддерживались и с дочерью Сытина, Натальей Петровной²¹, которая очень помогала отцу (когда в последние годы жизни у него сильно ухудшилось зрение) в подготовке третьего тома его основного труда – этот том “Истории планировки и застройки Москвы” Ястржембский получил уже с ее автографом.

И вот недавно, при разборе личного архива Льва Андреевича, было сделано любопытное открытие: нашлись материалы, иллюстрирующие, во-первых, его общение с Натальей Петровной, а во-вторых, уникальные и важные сами по себе. Речь опять пойдет о событии, породившем столько легенд – о вскрытии 31 мая 1931 г. могилы Гоголя.

Во время этой эксгумации среди присутствующих находился и П.В. Сытин, взявший увидеть историческое событие дочку, на тот момент пятнадцатилетнюю барышню. Мероприятие – вообще-то действительно сюрреалистическое, по сути, и страшноватое – впечатлило девушку настолько, что она в деталях и на всю жизнь запомнила, как выглядели могилы и останки, в каком порядке производились раскопки, кто собрался из известных историков и писателей, как был каждый из них одет и что делал. Между тем, В.Г. Лидин, также приглашенный на перезахоронение и оставивший свои мемуары (о которых говорилось выше), неоднократно, видимо, делился своими наблюдениями и устно. В частности, рассказ писателя о перенесении останков слышал студент Литинститута Ю.В. Алёхин (впоследствии научный сотрудник Литературного музея), который спустя много лет передал его корреспонденту “Московского комсомольца”, и тот на основе услышанного написал статью²². Эффект “третьих уст” и “испорченного телефона” проявился в том, что опубликованная история уже мало походила на подлинные воспоминания Лидина, которые были изданы, кстати сказать, годом раньше, но тогда, очевидно, еще не успели попасться на глаза ни Алёхину, ни журналисту.

¹⁹ См. об этом также: *Ястржембский Д.А.* О личном архиве... С. 541–542.

²⁰ *Ястржембский Л.А., Шегал М.М.* Революционные памятные места Москвы / Гравюры А.И. Мищенко. М., 1960.

²¹ Скончалась 7 апреля 2005 г. в возрасте 89 лет. Похоронена вместе с отцом на Новом Донском кладбище (Участок 4. Аллея 1. Запись о захоронении от 22.04.2005).

²² *Кузнецов И.* Гоголь приходил за своим ребром (Немыслимая история перезахоронения) // Моск. комсомолец. 1992. 1 авг.

Теперь уже не выяснить, сама ли Наталья Петровна натолкнулась на эту статейку, или, что вероятнее, ей предложил прочитать очередную небывальщину Ястржембский (обычно следивший, что пишет московская пресса на краеведческие темы) – так или иначе, у него оказались довольно обширные и подробные комментарии Сытиной к вышеуказанной газетной статье, и комментарии эти являются теперь вторым, помимо лидинского, свидетельством очевидца относительно легендарного перенесения праха Гоголя.

Заканчивая, хочется поблагодарить Виктора Васильевича Сорокина: и за устные разъяснения по ряду вопросов, и за изданные его воспоминания, в том числе о Льве Андреевиче, послужившие своего рода стержнем для небольшой экскурсии по личному архиву его ученика, соавтора и товарища²³. Отдельная благодарность – Александру Осиповичу Скальскому, за уточнения, касающиеся их совместной с Ястржембским военной службы и учебы²⁴.

Список главных научных и научно-популярных трудов Льва Андреевича (сам он, в своей автобиографии, насчитывал таковых двенадцать) приводится в справочнике “Московеды”²⁵, но этот краткий перечень далек от полноты: в нем не указаны еще некоторые популярные брошюры и путеводители, публикации в альманахах (“Куранты”, “Российский архив”) и, особенно многочисленными, в периодических изданиях (например, в московских рубриках “Вечерней Москвы” и “Московской правды”, которые Ястржембский вел в 1960-х годах в качестве директора Музея истории и реконструкции г. Москвы²⁶).

---

²³ В.В. Сорокин скончался 9 июня 2006 г. в возрасте 95 лет и похоронен на Ваганьковском кладбище.

²⁴ Жизненному пути Л.А. Ястржембского посвящен также очерк: *Подляшук П.И.* Нашел себя // Товарищ Москва: Литературные портреты современников. М., 1973. С. 155–168.

²⁵ *Московеды: Справочник о краеведах, обществах и научных учреждениях* / Сост. Т.Н. Никольская. М., 1996. С. 152–153.

²⁶ Полный список его печатных работ составить пока не удалось, однако при первом удобном случае это будет предпринято, тем более что в библиотеке и архиве Льва Андреевича все эти работы имеются, включая подборку публикаций в периодике.

Н.А. Ивницкий

**СТУДЕНТЫ-ФРОНТОВИКИ
ПЕРВЫХ ПОСЛЕВОЕННЫХ НАБОРОВ МГИАИ
(1945–1946 гг.)**

Первые фронтовики среди студентов историко-архивного института появились еще в 1942 г. В наборе 1944 г. были А.А. Барковский, И.Н. Владимирцев, П.П. Ковалев, Г.М. Мандельцвейг, Ю. Нечкин, Ю.А. Николаев. Еще не отгремели залпы праздничного салюта в честь Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., а бывшие фронтовики, не успев снять армейское обмундирование, уже шли учиться в высшие учебные заведения. Одним из них был и я.

В мае 1945 г. я послал в Москву, в Историко-архивный институт, документы с просьбой допустить меня к сдаче вступительных экзаменов. Прошло немало времени, прежде чем я получил ответ. В начале августа пришел вызов о том, что я зачислен студентом Историко-архивного института ГАУ НКВД СССР без экзаменов как участник Великой Отечественной войны, имеющий аттестат отличника. Дело в том, что согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 3 сентября 1935 г., лица, окончившие среднюю школу с отличием, первые два года имели право поступления в вуз без экзаменов. Но в связи с войной ее участникам срок действия этого постановления продлевался.

Немного предыстории.

В 1940 г. я окончил Вейделевскую среднюю школу того же района Воронежской области. Наш район граничил с Курской областью РСФСР и Ворошиловградской (Луганской) областью УССР. Население здесь было преимущественно украинское. С 1933 г. наша семья жила в зерносовхозе “Викторополь” (бывший Старый Хутор – имение графини С.В. Паниной). Кстати, здесь с 1935 по 1940 г. был в ссылке (после отбытия пятилетнего заключения) известный ученый-аграрник Н.П. Макаров, со старшим сыном которого – Андреем я в то время дружил.

После окончания школы я попытался поступить в Институт философии, литературы и истории (ИФЛИ), так как очень любил литературу и историю и пытался даже писать. Однако поскольку количество заявлений от отличников намного превысило число мест, предназначенных для них, мне было отказано в приеме. (Думаю, что при этом имело значение то обстоятельство, что я окончил сельскую школу, а также нуждался в общежитии.) Не желая терять год, я согласился, чтобы мои документы были переданы в Кредитно-экономический институт Госбанка СССР, который находился недалеко от ИФЛИ, на Церковной горке (ныне ул. Кибальчича). Большого желания учиться там у меня не было, и через два месяца, после принятия печально известных постановлений о введении платы за обучение и о фактической отмене стипендий в учебных заведениях (кроме школ ФЗО и ремесленных училищ), оставил учебу.

Возвратившись домой, поступил на работу секретарем Викторопольского поселкового совета. В феврале 1941 г. был избран депутатом, а с июня

1941 г. – председателем поселкового совета. Осенью 1941 г. в связи с непосредственной угрозой оккупации района немецко-фашистскими войсками, по решению Воронежского обкома ВЛКСМ, был оставлен секретарем подпольной комсомольской организации. После освобождения района от немецких оккупантов, в январе 1943 г. назначен директором зерносовхоза “Викторополь”. В конце мая 1943 г. призван в армию, попал сначала в 101-й запасной полк (в 3-ю пулеметную роту), затем – на Брянский фронт (1-я бригада разгражденных Резерва Главного командования, 5-й батальон), но уже сапером. В январе 1944 г. в связи с резко ухудшившимся зрением был демобилизован по болезни и возвратился в свой совхоз. Здесь работал управляющим и агрономом отделения, заведующим курсов подготовки кадров массовых квалификаций (трактористы, комбайнеры, шофера). В январе 1945 г. был избран председателем рабочего комитета профсоюза работников сельского хозяйства. В августе 1945 г. одновременно с вызовом из Историко-архивного института я получил и направление ЦК профсоюза в Высшую школу профдвижения. Предпочел институт.

Начал собираться, но для поездки нужно было получить в Управлении НКВД СССР по Воронежской области пропуск в Москву, так как в то время это был еще закрытый город. За пропуском пришлось ехать почти 300 км. Может быть, в связи с этим не нужно было проходить мандатную комиссию, которую возглавлял начальник ГАУ НКВД СССР генерал И.И. Никитинский.

В конце августа приехал в Москву, пришел в Историко-архивный институт (ул. 25-го Октября, 15). Здесь, в главном здании, на втором этаже, где потом располагались кафедры отечественной и всеобщей истории, находилось мужское студенческое общежитие. В соседней, смежной комнате, отделенной от нашей внутренней дверью, жил профессор А.И. Гуковский с молодой женой и грудным ребенком, что доставляло нам немало неудобств. На этом же этаже, в противоположном конце коридора жил заведующий кафедрой вспомогательных исторических дисциплин профессор А.И. Андреев, а во дворе, в левой стороне “Теремка” – заместитель директора по учебной и научной работе доцент А.В. Чернов с семьей.

Несколько дней я жил один, так как учебный год в 1945 г. начался не с 1-го сентября, а немного позже. Затем стали прибывать другие студенты: Г. Андреев, И. Киселев, В. Козлов, И. Фишман, В. Нестеров, Б. Амелин, М. Чугунов. Уже шли занятия, когда приехал из Иркутской области А. Московский. Вступительные экзамены (или экзамен) он сдавал, когда уже начались занятия. Помнится наше первое знакомство. Вошел он в комнату общежития и отрекомендовался: “Капитан Московский!” На его офицерском кителе красовались два ордена Красной Звезды и орден Отечественной войны. Он был кумиром девушек. На вечерах танцевал чаще всего со старшекурсницей Линой Авдеевой. Несмотря на то, что он был весь изранен, хорошо у него получалась “Цыганочка” с выходом.

Приехавший из Кирова И. Фишман сказал просто: “Иосиф”. Он играл на пианино, любил шахматы, несмотря на свою раненую ногу, играл в волейбол. С ним и с Алексеем Московским у нас завязалась крепкая дружба – “интернациональная коммуна”, в которую, по словам Московского, вошли: чалдон (он), еврей (Иосиф) и хохол (я). Эту дружбу мы пронесли через всю жизнь. (К великому сожалению, три года назад Иосиф ушел из жизни.) Коротко о них, самых близких друзьях.

А.С. Московский родился в 1924 г. в д. Московская Братского района Иркутской области. Когда началась война, ему исполнилось только 17 лет, но

для того чтобы попасть на фронт он прибавил себе один год. Воевал на разных фронтах, в том числе и на Брянском, причем в тех же местах, где в 1943 г. был и я. Природный охотник-сибиряк он и на фронте был разведчиком, ходил за “языками”. К 20-ти годам получил звание капитана и был награжден тремя орденами. После тяжелого ранения лечился в госпитале, признан инвалидом второй группы и демобилизован из армии.

И.И. Фишман тоже родился в 1924 г. в Белоруссии, в г. Бобруйске, жил и учился в г. Кирове (бывш. Вятка). В первые дни войны обратился в военкомат с просьбой отправить его на фронт, но был послан на учебу в Ленинградское Краснознаменное артиллерийское училище, которое закончил с отличием. Воевал на 2-м Украинском фронте в составе 7-го механизированного корпуса 37-й армии. На Украине в ноябре 1943 г. был тяжело ранен в левую ногу, после лечения в госпитале признан инвалидом второй группы и комиссован.

Из других ребят нашей комнаты назову М.И. Чугунова из Томска. Инвалид войны (после тяжелого ранения ампутировали ногу), он был немного старше нас (кажется, 1919 г. рожд.), серьезный и скромный студент. Учиться ему было труднее, чем нам, так как давно окончил школу, но он упорно преодолевал все трудности и занимался хорошо.

В общежитии дневал, а иногда и ночевал Давид Шабаев из Нальчика, очень общительный, веселый и остроумный. Писал хорошие стихи – словом, талантливый человек. Жил в Москве, у сестры, но целыми днями пропадал в институте. Как и Фишман, он был тяжело ранен в ногу.

Из москвичей – участников и инвалидов Великой Отечественной войны – назову Юрия Ахапкина, бывшего танкиста, лишившегося на фронте правой руки, но очень хорошо владевшего левой – писал, рисовал. Он был первым старостой нашего курса.

Часто бывал у нас в общежитии Аркадий Ураносов, москвич. Увлекался древней историей России, особенно сфрагистикой. Учился отлично, был рекомендован в аспирантуру. Защитил кандидатскую диссертацию по вспомогательным историческим дисциплинам. И, конечно, не могу не назвать Никиту Воронова, жившего в доме рядом с институтом – на углу ул. 25-го Октября и Исторического проезда. Инвалид войны, он в 1945 г. экстерном окончил среднюю школу с золотой медалью и в том же году поступил в институт. Учился отлично. На первом курсе был редактором, художником и автором острой сатирической стенгазеты “Стрела”, а затем – “Бесенок”. Меньше мне приходилось общаться на первых двух курсах с участниками войны Сашей Преображенским, Сергеем Носовым (инвалид) и Сергеем Волковым. С нашим курсом сдавал экзамены и Леонид Гольденберг, лаборант кафедры истории и практики архивного дела.

В 1948 г., на четвертом курсе пришел к нам Виктор Ковальчук. Он учился в институте еще до войны и в первые же ее дни вместе с другими студентами ушел на фронт. Провоевал всю войну и в последний день, 9 мая 1945 г., под Прагой был ранен. Ранение было настолько тяжелое, что и после трехлетнего лечения в госпиталях его всю жизнь мучили страшные боли. Но он мужественно держался и, несмотря на большой перерыв в учебе, отлично учился. Потом работал научным сотрудником Института истории АН СССР.

На нашем курсе учились и девушки, участницы Великой Отечественной войны: Галина Елкина, Людмила Лаврова, Людмила Латан, Ия Махрова, Людмила Петрова, Прасковья Онухова, Валентина Соловьева.

Несмотря на большие трудности первых послевоенных лет участники войны хорошо учились и активно участвовали в общественной жизни института.

1945–1947 гг. были особенно тяжелые в материальном отношении: стипендия на первом и втором курсах была небольшая (140–160 руб. в месяц), карточная система еще не отменена, питались мы в студенческой столовой, в основном овощными супами, картофельными котлетами и кашами. Выручали нас соевые сырки, за которые не нужно было тратить талоны продовольственных карточек. Правда, в 1946 г. нам удалось прикрепиться к столовой МВД СССР № 48 в Б. Комсомольском переулке. Здесь обеды были лучше, особенно нам нравились картофельные котлеты с грибной подливкой. Иногда мы получали талоны на овощи и картофель с подсобного хозяйства МВД, которые назывались “УДП” (усиленное дополнительное питание), а студенты расшифровывали это сокращение – “умереть днем позже”. Карточки на сахар (450 г. в месяц) отоваривались в магазине “Стрела” на ул. Дзержинского, а хлебные (400 г. на день) – в булочной напротив института.

Ордера на промтовары (одежду, белье, обувь) получали редко, главным образом, для мужчин. Девушкам давали ордера на платье, ткань, иногда на обувь, но это в том случае, когда ордера поступали не из МВД, а из Министерства высшего образования СССР. Поскольку мы донашивали армейскую или трофейную одежду и обувь, то выкупленную по ордерам одежду (телогрейки) и белье мы продавали, а на вырученные деньги покупали продукты на рынке или в коммерческих магазинах.

Все время хотелось есть, поэтому хлеб, полученный по карточкам, съедался с утра, а обеды без хлеба. Был такой случай. Как-то раз вместо 450 г. сахара выдали 1,8 кг сухого постного печенья (“Волжское”), так мы его съели за день!

Начиная со второго курса, мы стали подрабатывать (“халтурить”), проводить научно-техническую обработку архивов предприятий, учреждений и организаций Москвы и ближайшего Подмосковья. Иногда удавалось зарабатывать значительные суммы, превышавшие размер студенческой стипендии.

Жили мы дружно и интересно. В нашей комнате были ребята разных национальностей – чуваш (В. Нестеров), еврей (И. Фишман, Б. Наумов), украинец (Н. Ивницкий), русские (Б. Амелин, В. Козлов, А. Московский, М. Чугунов, В. Дубровский и В. Шварев). Девушки нашего курса, проживавшие в общежитии на ул. 25-го Октября, размещались в помещении нынешнего читального зала Историко-архивного института. Жило их там 13 или 14 человек. Хочется отметить такую черту того времени – в наших взаимоотношениях не наблюдалось различий ни по национальному признаку, ни по материальному положению. Несмотря на трудное материальное положение, мы ухитрились посещать театры, правда, на галерке (Большой, МХАТ, Оперетты, Музыкальный), не говоря уже о кино (“Метрополь”, “Востоккино” и др.).

Учились мы охотно и хорошо. Любимым преподавателем был профессор В.К. Никольский (история древнего мира), на лекции которого приходили студенты даже старших курсов. Лекции он читал артистично, изображая фараонов, жрецов в лицах. Но человек он был чрезвычайно рассеянный. Как-то он вместо своего пальто надел женское (заведующей кафедрой иностранных языков А.И. Крещановской). Его догнали только у аптеки № 1 и вернули в институт переодеться.

Очень увлеченно читал лекции по истории СССР профессор П.П. Смирнов, удостоенный Сталинской премии в 1943 г. за исследование (докторскую диссертацию) “Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.”. (Опубл.: М., 1947–1948. Т. 1, 2). Премию он внес в фонд обороны страны.

Принимая экзамены, за каждую поставленную им отличную оценку благодарил студента.

Любили у нас на курсе доцентов (в то время) Л.В. Черепнина, А.А. Новосельского, Н.В. Устюгова (тоже фронтовик). Помню, как мы “болели”, когда в Институте истории АН СССР (на Волхонке) защищали докторские диссертации Алексей Андреевич и Лев Владимирович. И как радовались, когда после защиты диссертации академик Б.Д. Греков расцеловал Л.В. Черепнина.

Лекции по истории советского общества читал доцент Е.А. Луцкий, сын известного революционера, которого в годы гражданской войны на Дальнем Востоке интервенты вместе с Сибирцевым и С. Лазо сожгли в топке паровоза. Экзамены Евгений Алексеевич принимал строго, но справедливо.

Что касается архивоведческих дисциплин и истории государственных учреждений, то наиболее интересными нам казались лекции профессора И.Л. Маяковского (иностранные архивы) и профессора В.В. Максаква, одного из основателей Историко-архивного института и руководителей архивного строительства в СССР. И конечно, блестящими были лекции по истории госучреждений XIX–XX вв. тогда еще молодого преподавателя Н.П. Ерошкина.

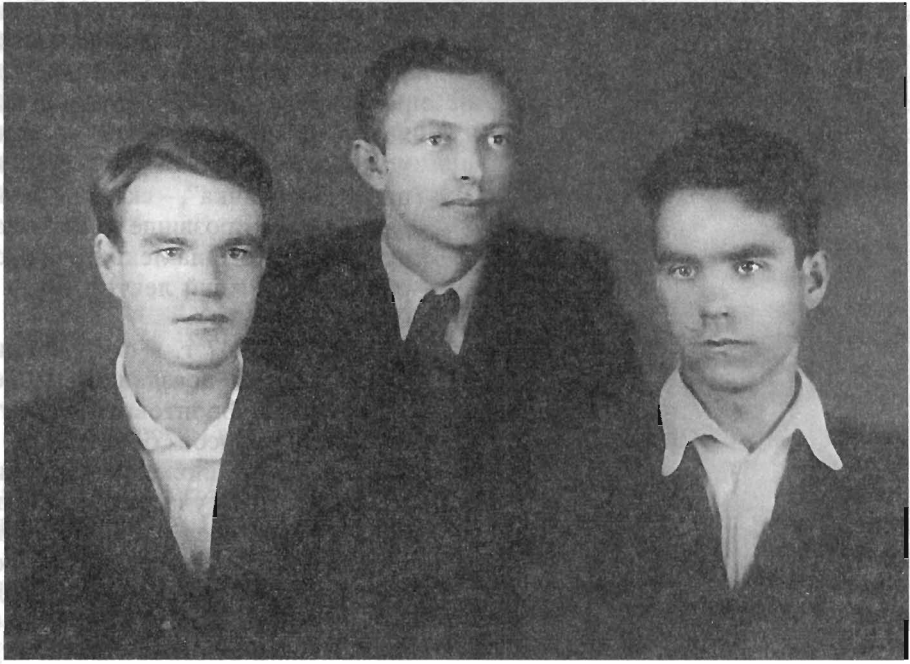
Наряду с этим, неинтересными и безликими были лекции и семинарские занятия по основам марксизма-ленинизма. Пожалуй, одна только интересная фигура была на этой кафедре – и.о. заведующего К.А. Попов из числа старейших участников революционного движения в России, худой как скелет, за что он среди студентов получил прозвище: “Призрак коммунизма”. Жил он рядом с институтом, в гостинице “Метрополь” (шутили, говоря, что номер он там “захватил” еще с 1917 г.).

Директором института с 1944 до начала 1948 г. был майор НКВД (МВД) СССР Д.С. Бабурин, человек прогрессивных взглядов, ученый (готовил лекции по истории советских госучреждений). В ГАУ НКВД его не любили за смелость и прямоту взглядов и в конце 1947 – начале 1948 г. в связи с передачей института из системы МВД СССР в ведение Министерства высшего образования СССР он был освобожден от обязанностей директора. Новым директором в 1948 г. (до начала 1950 г.) стал Н.А. Елистратов.

Осенью 1946 г. институт пополнился большой группой фронтовиков. Во втором послевоенном наборе одну треть студентов составляла мужская часть (не менее 50 человек), в том числе примерно 25 фронтовиков, среди них: В. Автократов, И. Булыгин, Л. Виноградов, В. Кудыкин (без одной руки, на второй три скрюченных пальца), В. Кутьев (на протезах обеих ног), тяжело раненый Б. Литвак, Н. Малеванов, М. Пережогин (без глаза), К. Седов, Ю. Тихонов, И. Угаров, В. Цикулин (без руки) и многие другие. В числе участников Отечественной войны и на этом курсе были и девушки (Л. Дмитриева, Е. Кожевникова, А. Леликова, Н. Ремизова, З. Троицкая, С. Хаскина, Л. Штурман и др.).

Студенты-фронтовики активно участвовали в общественной жизни института. Не случайно, как уже отмечалось, старостой нашего курса был Юрий Ахапкин; редактором очень популярных среди студентов стенгазет “Стрела” (закрыта из-за остроты материала) и “Бесенок” – Никита Воронов. На третьем курсе последний стал секретарем комитета ВЛКСМ института. Меня на первом курсе избрали секретарем бюро комсомола курса, а на втором – председателем профкома института.

Из ребят-фронтовиков набора 1946 г. назову Михаила Пережогина, который уже на первом курсе входил в состав партбюро института, а на третьем стал председателем общеинститутского профкома, затем, в 1951 г. – секретарем

Студенты МГИАИ. Слева направо:
И.А. Булыгин, Б.Г. Литвак, Н.А. Ивницкий

рем партбюро, Борис Литвак в 1947–1948 гг. являлся секретарем партийного бюро института¹; Юрий Тихонов – членом комитета ВЛКСМ, а Иван Угаров – членом профкома.

Для фронтовиков характерна была принципиальность, непримиримость к недостаткам и несправедливости. Так, когда узнали, что студент нашего курса, воспитанник детского дома Владимир Дубровский не получил общежития и потому ночевал на столах в аудиториях, то возмутились. Мне поручили выступить на отчетно-выборном профсоюзном собрании с критикой хозяйственной части и дирекции. Вместе с тем заявили, что, независимо от решения администрации, мы берем Дубровского в свою комнату общежития (жил с нами до окончания института). Впоследствии он работал в архивных органах Тувы (г. Кызыл) и защитил кандидатскую диссертацию. А я за то выступление “поплатился”: избрали в профком института, затем председателем, где и работал до четвертого курса (1948 г.).

Еще один пример.

На втором курсе лекции по истории организации архивного дела в России нам читал преподаватель кафедры, бывший аспирант. Лекции были неинтересные, читались нудно и скучно. Студенты были недовольны и плохо посещали. Они поручили мне как председателю профкома потребовать от кафедры заменить его другим лектором. Заведующий кафедрой проф. В.В. Максиков и секретарь партбюро (1945–1947 гг.) В.М. Шараторова согласились с на-

¹ См. воспоминания о нем: Памяти Бориса Григорьевича Литвака (1919–2002) // АЕ за 2002 год. М., 2004. С. 222–265.

М.А. Пережогин,
1950 г.

раборову, а затем вместе с нею директора института Д.С. Бабурина. И действительно, 9 мая 1947 г. в столовой института для участников войны, проживавших в общежитии, прошел такой обед. Никаких “эксцессов” не произошло. Все были довольны, а вечером состоялся праздничный концерт с участием московских артистов и студента третьего курса Ефима Нейда (художественный свист).

Тогда же, в 1946/47 учебном году по инициативе и при активном участии фронтовиков нашего и других курсов был создан студенческий литературно-художественный журнал “Молодость” (М., 1947. № 1. Коленкорский переплет, название красной тушью. Машинопись. 26 с.). Редколлегия: В. Автократов, В. Козлов, Н. Ивницкий, Т. Долгорукова (художник), Д. Шабаев (отв. ред.), В. Нестеров (техн. ред.), В. Черных. Как видим, представлены студенты наборов 1944–1946 гг. Оглавление содержит, кроме текста “От редакции”, стихи семи авторов 1942–1946 гг. (В. Автократова, Д. Шабаева, Е. Виленского и др.), прозу Н. Ивницкого (1943 г.), переводы из Гейне В.Черных (1945 г.) (см. Прил.). Сначала журнал хотели назвать “Юность”, но так как наша юность прошла на войне, отказались от этого названия. Первый номер этого “самиздатовского” журнала был напечатан мною на профкомовской пишущей машинке. Много лет спустя чудом сохранившийся в макулатуре архива института журнал попал в руки ученого секретаря Археографической комиссии РАН В.А. Черных, который любезно передал мне ксерокопию моего рассказа. Позже все же вышел журнал “Юность” (сохранился также у В.А. Черных).

ми. Вскоре на кафедре в 43-й аудитории (3-й этаж) появилась воспитанница института (небольшого роста, худенькая с острым носиком) Н.В. Бржостовская и стала тоненьким голоском читать лекции. “Как птичка”, – сказал я ребятам. Так это прозвище за ней и закрепилось. Читала лекции она хорошо. А прежний лектор уехал в Смоленск.

Весной 1947 г. в связи с приближающимся праздником Победы студенты-фронтовики первого и нашего курсов обратились в профком с предложением организовать 9 мая для участников войны праздничный обед с “фронтовыми стограммами”. Это было так неожиданно, что сначала я растерялся, особенно если учесть, что на предыдущем курсе за пьяную драку были исключены три студента. Но ребята меня заверили, что ничего подобного у нас не будет. Пришлось убеждать в этом сначала секретаря партбюро В.М. Ша-

Тема любви была очень актуальна для нас и в жизни. Это и неудивительно – большинству из нас перед войной было 17–18 лет и многие не успели испытать чувств даже первой любви: “он любви не узнал, он любил только мать”. Повзрослев на войне, мы, вероятно, более серьезно относились к любви, чем наши младшие однокурсники. Особенно нравился неизвестно как попавший к нам роман “Восемнадцать лет”, где есть такие слова:

Вам восемнадцать лет,
У вас своя дорога,
Вы можете смеяться и шутить,
А мне возврата нет –
Я пережил так много,
И больно, больно мне
В последний раз любить.

А ведь многим в то время едва минуло 20 лет!

В студенческие годы женились на девушках с нашего и соседних курсов. Например, В. Автократов, Б. Литвак, Ю. Тихонов из ребят набора 1946 г. С нашего курса: А. Преображенский, А. Ураносов, И. Фишман, Ю. Ахапкин и я. Через несколько лет у нас с Тamarой родилась красивая, очень талантливая дочь Таня. Она хорошо рисовала, лепила, сочиняла прекрасные стихи, писала прозу. Ее блистательный роман о войне в Афганистане «В тени “черного тюльпана”», законченный незадолго до ее безвременной смерти (1992), был издан в Москве в 1995 г. тиражом в 30 тыс. экз.

Как уже отмечалось, все студенты-фронтовики хорошо учились. В отчете дирекции о работе института в 1944/45 г. написано, что все 22 студента-инвалида Отечественной войны – на экзаменах получили хорошие и отличные оценки, а б из них только отличные². На нашем курсе отлично учились Н. Воронов, С. Волков, А. Московский, А. Преображенский, А. Ураносов. И. Фишман, Н. Ивницкий и др. Все персональные стипендии получали участники Великой Отечественной войны: им. Сталина – Б. Литвак (2-й курс), Н. Ивницкий (3-й курс), им. Богоявленского – И. Булыгин (2-й курс) и А. Преображенский (3-й курс).

Активно участвовали в работе научного студенческого общества фронтовики с нашего курса С. Волков, Н. Воронов, А. Преображенский, А. Ураносов, В. Нестеров и др.; из ребят набора 1946 г. В. Автократов, Б. Литвак, Ю. Тихонов и др. В 1949 г. меня вместе с М. Пережогиним выдвинули на Третью научную конференцию студентов вузов г. Москвы с докладами о крестьянском движении в 1917 г. (Ивницкий) и о ленинском декрете 1918 г. по архивному делу (Пережогин). Оба доклада были удостоены Похвальных грамот Министерства высшего образования СССР.

После окончания учебы в МГИАИ его выпускники – участники Великой Отечественной войны работали на ответственных должностях в архивных и научных учреждениях страны. Например, с нашего курса: Ю. Ахапкин стал заместителем заведующего Центральным партийным архивом ИМЛ при ЦК КПСС, М. Чугунов – заведующим архивом Томского обкома КПСС, С. Волков – заместителем ученого секретаря Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик, А. Ураносов – ученым секретарем Института научной информации

² Московский ордена “Знак почета” государственный историко-архивный институт. 1930–1980: Сб. док. и материалов. Пермь, 1981. С. 15 и др.

АН СССР, А. Преображенский – заведующим сектора истории СССР периода феодализма Института истории АН СССР, Н. Воронов – сотрудником НИИ архитектуры, А. Московский – заведующим отделом истории советского периода Института истории, филологии и философии СО АН СССР, В. Ковальчук – научным сотрудником ИИ АН СССР, И. Фишман – директором Брянского госархива, Н. Ивницкий – заместителем главного редактора журнала “Исторический архив”, Д. Шабаев – начальником Архивного отдела Кабардино-Балкарской АССР.

Из восьми докторов исторических наук нашего курса пятеро были участниками войны (Н. Воронов, Л. Гольденберг, Н. Ивницкий, А. Московский, А. Преображенский). Кандидатами исторических наук стали В. Нестеров, П. Онухова (Преображенская), А. Ураносов, И. Фишман. Из набора 1946 г. среди докторов исторических наук были бывшие фронтовики В.Н. Автократов, И.А. Булыгин, Б.Г. Литвак, Ю.А. Тихонов; несколько человек стали кандидатами исторических наук.

Словом, ветераны войны и в мирной жизни, как и на фронте, были и остаются на передних рубежах. Здоровья и долгих лет жизни тем, кто дожил до 60-летия Великой Победы, и вечная память тем, кто ушел от нас.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ МАШИНОПИСНОГО ИЗДАНИЯ “МОЛОДОСТЬ”. ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ СТУДЕНТОВ МГИАН (М., 1947. № 1).

В. АВТОКРАТОВ

Посидим с тобою у костра немножко,
Вспомним дни, что вместе коротали.
Торная нас вывела дорожка...
Знали мы, что будем живы иль не знали?
Может быть, глядя на огонечки
Вспомним мы, как боя ждали.
В те горячие и страшные денечки
Мы, пожалуй, ничего не знали.
И теперь, весь в мыслях о пройденном,
Ворошу я палкой головешки.
Помнишь, в Моабите опаленном
Пулемет мы ставили на сошки?
Ты тогда пришелся очень кстати,
В том аду, у Черной переправы.
Помнишь, друг, бои у Сименштадта,
Лед на Висле, около Варшавы?
Смолкла в ночи песня строевая,
На плацу оркестр “Зарю” играет.
Я приду, Москва моя родная,
К тем, кто ждет и другом меня знает !

Май 1945 г.

ДАВИД ШАБАЕВ

Медсестра (песня)

В облаках порохового дыма
Я увидел синие глаза.
Все кружилось, солнце плыло мимо,
Бинтовала рану мне сестра.
Может быть, минуту был в сознании,
Но довольно много и того,
Чтобы здесь, где смерть и жизнь на грани,
Я запомнил девичье лицо.
Два крыла – изогнутые брови,
Черный бархат – занавески глаз.
Я, очнувшись, мог с улыбкой вспомнить
Те черты, что видел только раз.
И теперь, прикованный к постели,
Сжатый гипсом в белые тиски,
Вспоминаю о глазах, что грели
Душу мне в растоптанной степи.
Не найти чудесной незнакомки –
Я б хотел ее благодарить.
Может голос-колокольчик звонкий
Для другого с нежностью звенит.
Пусть звенит, пусть к жизни возвращает
Сотни тех, кто защищал страну,
Пусть она с улыбкой всех встречает,
А вернется, знаю, к одному.

1943 г.

Е. ВИЛЕНСКИЙ

Лирика

Друзья! Я с детства в Лирику влюблен.
Она стройна, чуть-чуть сентиментальна.
Я Вам признаюсь конфиденциально,
Что я влюблен. Влюблен в нее! Влюблен!
Люблю ее восторженные грезы,
Порой живой, порой усталый взор.
В минуту страсти – пламенные слезы
И торопливый сердца разговор.
Мне нравится задумчивое пенье,
Ее душа – небесной чистоты.
Я в ней ищу и радость, и забвенье,
Ей поверяя нежные мечты.
Любое мимолетное желанье,
Исполненным кладу к ее ногам.
Всегда спеша к любимой на свиданье,
Как мореплаватель к прекрасным берегам.

Ю.Н. Амиантов

В.Н. СТЕПАНОВ – АРХИВИСТ И АРХЕОГРАФ

В конце 1940-х – начале 1950-х годов в Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее ЦПА), как и в другие архивы Советского Союза, пришло пополнение из числа участников Великой Отечественной войны, выпускников МГИАИ и других вузов, на длительное время определившее профессиональное и нравственное лицо архива. В это пополнение входили Р.А. Лавров, около 20 лет проработавший заместителем заведующего ЦПА, Ю.А. Ахапкин, ставший признанным экспертом по документальному наследию В.И. Ленина и возглавивший после смерти С.Н. Валка издание известной документальной серии “Декреты Советской власти”, Л.К. Виноградов, заведовавший секцией (отделом) учета и комплектования ЦПА, А.И. Петров – зав. секцией кинофотофонодокументов, А.А. Анিকেев – также зам. заведующего архивом, И.В. Гребенников, И.В. Кутейников, осуществлявшие научно-методическое руководство местными партийными архивами, В.А. Павлов – прекрасный фотограф, заведующий фотолабораторией, сотрудницы архива – участницы войны Л.В. Ахапкина, М.А. Гладышева, Е.И. Грибова и др.

Среди них был и Владлен Николаевич Степанов (1924–2004), демобилизовавшийся в 1946 г. в звании старшего лейтенанта, окончивший МГИАИ в 1952 г. Он 40 лет проработал в ЦПА младшим, затем старшим научным сотрудником, возглавлял секции справочной работы (1959–1976) и документов В.И. Ленина (1976–2001).

После XX съезда КПСС (1956) в секции справочной работы ЦПА была выделена группа молодых способных сотрудников – В.Т. Логинов (ныне д-р ист. наук, профессор), В.Н. Степанов и З.Н. Тихонова для оказания помощи работникам Прокуратуры СССР, Комитета партийного контроля при ЦК КПСС (далее КПК), занимавшимся реабилитацией членов партии, репрессированных в годы сталинского террора. Из документов Прокуратуры и КПК, в беседах с коммунистами, вернувшимися из лагерей, и членами их семей молодые архивисты во многом впервые открыли для себя технологию сталинской репрессивной машины и трагические судьбы втянутых в нее людей. В ходе работы, потребовавшей выявления и анализа сотен документов, раскрывавших партийную и государственную деятельность, идеологические, нравственные позиции подležавших реабилитации лиц, у членов этой группы заметно повысилось качество знаний по советской гражданской истории и истории КПСС, сформировалась новая общественно-нравственная позиция.

Кроме выполнения поручений названных учреждений, Логинов, Степанов, Тихонова под руководством Лаврова выступили в ЦПА послевоенного периода застрельщиками научно-публикаторской работы. Для журнала “Исторический архив” (1955–1962) ими коллективно было подготовлено восемь большого объема подборок по дооктябрьскому периоду КПСС. Наиболее ценной и сложной в методическом отношении является публикация “Адресные книги ЦК РСДРП 1910–1917 гг.” (ИА.1959. № 1, 3). Впервые

в послевоенной истории ЦПА эта группа выпустила сборник “От Февраля к Октябрю. Из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции” (М., 1957) (З.Н. Тихонова позднее в статьях дала архивоведческий и источниковедческий анализ этого интересного мемуарного источника). При подготовке книги составители опросили тех авторов анкет (заполнявшихся в 1927 г. к 10-летию Октябрьской революции), которые в 1956 г. были еще живы и могли посетить архив. В беседах участвовали: А.Н. Банквичер, М.К. Ветошкин, П.И. Воеводин, М.Д. Горячев, Д.И. Гразкин, М.И. Губельман (брат Ем. Ярославского), М.Н. Коковихин, А.П. Кучкин, Ф.А. Орешин и др. Беседы обогатили издание новой информацией.

После закрытия “Исторического архива” В.Н. Степанов продолжал публиковаться главным образом в журнале “Вопросы истории КПСС”, а также в “Вопросах истории”, “Известиях ЦК КПСС”, “Кентавре” и других изданиях. Им лично и в соавторстве напечатано более 50 статей, сообщений, документальных подборок по истории РСДРП 1900–1917 гг., биографических справок на революционных деятелей (данные из личного дела Степанова). Журнальные публикации, монография «Ленин и Русская организация “Искры”. 1900–1903» (М., 1968), обобщившая итоги изучения этой проблемы в 1960-х годах, главы в официальной биографии Н.К. Крупской¹ – результат его длительных кропотливых исследований (диссертация к.и.н. – 1966 г.), посвященных организационной деятельности редакции газеты “Искра” периода участия в ней Ленина (1900–1903) по объединению и восстановлению социал-демократических комитетов и групп в России.

В этих работах получили развитие способности Степанова к раскрытию сложных, трудночитаемых рукописей, приобретенный на фронте опыт шифровки и дешифровки документов, разработанные им оригинальные приемы фиксации в картотеках информации (из документов ЦПА и ЦГАОР СССР), как минимум по трем позициям: адреса для конспиративных связей редакции “Искры” с Россией, биографические сведения об участниках событий, факты деятельности нелегальных социал-демократических организаций².

В.Н. Степанов,
19 ноября 1942 г.

¹ Надежда Константиновна Крупская: Биография / Г.Д. Обичкин (руководитель), С.У. Манбекова, В.Н. Степанов и др. М., 1978.

² См. его подборки: У истоков партии: Материалы о социал-демократических организациях в России накануне II съезда РСДРП // ВИ КПСС. 1963. № 3, 9, 10, 12; 1964. № 1–3, 5, 6 (см. список работ в вышеназванном личном деле Степанова).

Во второй половине 1960-х годов ИМЛ при ЦК КПСС и ЦГАОР СССР инициировали трехтомное издание переписки редакции газеты “Искра” с нелегальной социал-демократией России, непосредственным продолжением которого позднее стала многотомная документальная серия, которая должна была включать переписку большевистского руководства с партийными организациями до 1907 г.³ К сожалению, публикация прервалась, пятый том серии с документами октября–декабря 1905 г. в свет не вышел (его верстка хранится в РГАСПИ). В.Н. Степанов и З.Н. Тихонова в течение четверти века выступали как ответственные составители и руководители этих изданий, получивших высокую оценку отечественной и зарубежной научной общественности. Степанов входил в редколлегию каждого тома.

В разработке методики подготовки этой документальной серии, а также, видимо, в написании введения активное участие принимал известный историк К.Н. Тарновский. Вместе со Степановым они выпустили по “Искре” две книги (одна из них в соавторстве с немецким историком К. Вигелем) и несколько статей. На почве совместной работы у них сложились тесные творческие и дружеские личные отношения. Здесь кстати будет назвать еще одного человека, заинтересованно относившегося к начинаниям Степанова, старейшину историков КПСС, д.и.н. М.С. Волина.

Отметим те аспекты археографической работы, в которых особенно виден личный вклад Степанова: расшифровка текстов (значительная часть нелегальной переписки велась с применением шифров), вскоре ставшая его своеобразным хобби (он мог часами подыскивать ключи к шифрам, чертить и заполнять буквами таблицы, похожие на игру в “морской бой”), позволила опубликовать десятки ранее скрытых источников; выявленные Степановым и уточненные им адреса и адресаты конспиративной переписки были включены в тексты томов, но вскоре приобрели более самостоятельное значение в его новой книге⁴, собранные им сведения по персоналиям существенно дополняли именной комментарий.

В многолетней публикаторской работе проявлялись такие личные качества В.Н. Степанова, как добросовестность до педантизма, трудолюбие, аккуратность и точность оформления материала, чему помогал и его прекрасный почерк, любовь к самой технике ведения картотек (компьютеров тогда еще не было), карточки он заполнял и расставлял сам. Кстати, как вспоминает преподававший в МГИАИ С.О. Шмидт, еще будучи студентом, Владлен очень изящно оформлял стенгазету “Историк-архивист”, редактором которой был Сигурд Оттович.

В Центральном партийном архиве В.Н. Степанов занимал прочное положение. Был надежен в профессиональном и идеологическом отношении, четко и грамотно готовил письма архива в высшие инстанции. Солидный, импо-

³ Переписка В.И. Ленина и редакции газеты “Искра” с социал-демократическими организациями в России. 1900–1903: Сб. док.: в 3 т. / Ред. кол.: М.С. Волин, А.Ф. Костин, Р.А. Лавров, Н.Р. Прокопенко, В.Н. Степанов; подгот. К.Г. Ляшенко (ЦГАОР СССР), В.Н. Степанов, З.Н. Тихонова. М., 1969–1970. Т. 1–3; Переписка В.И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903–1905 гг.: Сб. док.: в 3 т. / Ред. кол.: М.С. Волин и др. Подгот.: К.Г. Ляшенко, В.Н. Степанов, З.Н. Тихонова, со второго тома Е.Д. Орехова (Ин-т истории СССР АН СССР) и др. М., 1974–1977. Т. 1–3; Переписка... 1905–1907 гг.: Сб. док.: в 5 т. / Ред. кол.: Д.И. Антонюк, М.С. Волин, Н.А. Зотов и др.; подгот.: К.Г. Ляшенко, Е.Д. Орехова, В.Н. Степанов, З.Н. Тихонова, Н.А. Хомякова и др. (в отдельных томах). М., 1979–1991. Т. 1–4. См. об этой серии в статьях К.Н. Тарновского, З.Н. Тихоновой и К.Г. Ляшенко, Е.Д. Ореховой, Н.А. Хомяковой (АЕ за 1980 год. М., 1981. С. 3–33).

⁴ Степанов В.Н. Адресовано в Москву. М., 1987. Книга включает конспиративные адреса, использованные Лениным для связи с московской организацией РСДРП в годы эмиграции 1901–1917.

зантный, немногословный на совещаниях, В.Н. пользовался авторитетом у руководства и умел наладить отношения с вышестоящим начальством, даже с таким, к кому большинство сотрудников относилось негативно. Тем самым достигалась поддержка его творческих начинаний. Организуя свою работу заведующего секцией, он всегда думал и о личном творчестве. Подготовку черновиков наиболее трудоемких дел (планирование, отчетность, контроль исполнения, табель, материалы к совещаниям и др.) обязательно “сбрасывал” кому-нибудь из сотрудниц. Очень не любил общественных поручений, сторонился публичных акций – и все это ради освобождения времени, сил для архивных изысканий, которыми занимался всегда с увлечением и самоотдачей.

В соблюдении дисциплины Степанов был строг. Не переносил неаккуратности в работе и даже в одежде, не любил, когда отпрашивались или опаздывали, не очень был склонен понимать бытовые проблемы сотрудников. Однажды молодая сотрудница объяснила свое опоздание очередью в парикмахерской. В.Н. был озадачен, шокирован и едва выдал: “Вы же знаете, что у нас так не принято!”. В других подобных случаях он мог быть неоправданно резок и несправедлив. Но ему прощали, уважая его фронтовое офицерское прошлое, его трудолюбивый фанатизм и увлеченность работой. Будучи человеком внутренне замкнутым, он редко выступал на публике, даже с научными докладами, хотя его знания конкретной истории партии были известны. “Вот уйду в 60 лет на пенсию и сяду писать воспоминания о втором съезде РСДРП”, – иронизировал В.Н. Но иногда интересующейся молодежи (конечно, уже “допущенной” к доверительному общению) вдруг начинал рассказывать о жизни российских социал-демократов, их привязанностях, привычках, любовных отношениях и похождениях. Для него исторические персонажи оставались живыми людьми. В узком кругу, в застолье В.Н. еще более преображался. Выяснялось, что он неплохо поет под гитару фронтовые песни, хотя рассказывать о войне не хотел. И еще любил художественную литературу, много, постоянно читал и собрал интересную домашнюю библиотеку.

Последней научной работой В.Н. Степанова было участие в подготовке сборника документов В.И. Ленина⁵.

---

⁵ В.И. Ленин: Неизвестные документы. 1891–1922 / Сост.: Ю.Н. Амиантов, Ю.А. Ахапкин, В.Н. Степанов, З.Н. Тихонова. Ред.: Ю.Н. Амиантов, Ю.А. Ахапкин, В.Т. Логинов. М., 1999.

А.С. Покровский

СУДЬБА ИСТОРИКА

(Памяти Ю.У. Томашевича. 1925–1993)

В послевоенные годы видеть повсюду инвалидов войны было обыденно. Они были разные – и внешне, и по характеру. Объединяло их общее качество – не любили говорить о войне, о своем участии в ней. Я жил в Москве, у вокзала, где гостиница “Киевская” стала временно госпиталем. На привокзальной площади нередко можно было встретить их – молодых, мускулистых, красных от постоянного напряжения и избытка крови в сохранившемся теле, кативших свои низенькие тележки на шарикоподшипниках. Некоторые торговали махоркой, маня покупателей немудреным стихом: “Махорка, махорка, сажал ее Егорка, а продает Иван – пять рублей стакан”. Потом они как-то незаметно исчезли; наверное, чтобы не слишком портить впечатления от малолюдного и маломашинного (в те годы) “правительственного” Можайского шоссе. Сочетание искалеченных бывших воинов и добротнo одетых безликих “топтунов”, стоявших на каждом углу, было, очевидно, несовместно.

Фамилию “Томашевич” я услышал в стенах Историко-архивного института, еще не видя ее владельца. Девушки произносили ее с придыханием. Но однажды чуть не столкнулся с ним в узком коридоре второго этажа. Молодой человек шел стремительно, стуча каблуком и резко выбрасывая вперед и в сторону правую ногу. Казалось, он ничего не видел перед собой, сосредоточившись на чем-то своем. Он был худощав, нервен, по-мужски красив, даже изящен. Подумалось: “... и он пришел о т т у д а”.

Снова увидел я его только в конце 1956 г., когда, придя из армии, поступил в Институт истории АН СССР. Юрий Ульянович Томашевич, закончив МГИАИ в 1952 г. с красным дипломом (во время учебы получал стипендию им. члена-корр. АН СССР С.К. Богоявленского), был рекомендован в аспирантуру, где занимался под руководством историка-источниковеда Е.А. Луцкого. 22 апреля 1953 г. он подал заявление о приеме на работу в Сектор публикации документальных материалов по истории народов СССР (Института истории), которым руководил замечательный историк А.А. Новосельский, и был принят. В 1956 г. Томашевич вступил в члены КПСС, тогда же перешел во вновь созданный Сектор публикации источников по истории Советского общества. Мне повезло: проработал с ним вместе в одном подразделении Института и общался “по жизни” свыше 30 лет.

Ю.У. Томашевич родился в Витебске 25 октября 1925 г. в семье белоруса, крестьянина-бедняка по происхождению. В 1932 г. его отец, закончив Ленинградский автодорожный институт, переехал с семьей в Москву, где стал работать на строительстве метрополитена, был главным инженером службы надзора Дорожно-мостового управления Мосгорисполкома, техником-гидрологом конторы коллекторов и глубокого дренажа. Мать работала старшим дис-

петчером по подземным коммуникациям. Юра закончил в 1942 г. школу № 587 Фрунзенского района. В декабре того же года 17-летний юноша был призван в армию, а уже с января 1943 г. зачислен в 506-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон. Был красноармейцем-радиотелеграфистом, потом сержантом, командиром отделения полевых кабельных линий взвода связи. Летом 1943 г. его приняли в ВЛКСМ. Участвовал в боях под Курском, Севском, Гомелем, на Днепре, под Варшавой, Берлином.

Ю.У. Томашевич

В 1944 г. Ю.У. был награжден медалями “За отвагу”, “За боевые заслуги”; в 1945 г. – “За освобождение Варшавы”, “За взятие Берлина”, “За победу над Германией”; орденами “Отечественной войны I степени”, “Славы” III степени. 30 апреля 1945 г. во время боев за Берлин был тяжело ранен (ампутирована голень). 24 октября 1945 г. демобилизован. В 1946 – начале 1947 г. лечился в госпиталях.

Время поступления Ю.У. в Сектор публикации источников по истории Советского общества, казалось, было благоприятно для него – и в творческом отношении, и с точки зрения научной карьеры. Это был период настоящего публикаторского бума: в связи с 40-летием Октябрьской революции в Москве, областных городах готовились к изданию документы по истории Февральской и Октябрьской революций и гражданской войны. В феврале 1956 г. прошел XX съезд КПСС. Двери в прошлое открывались, хотя не настуж. Тем не менее, мы, молодые историки, недавние выпускники МГИАИ, знавшие прошлое Советского государства в основном по жестким и обезличенным формулам “Краткого курса”, были полны исследовательского энтузиазма. Нам казалось, что общество вступило на светлый путь познания исторической “правды и только правды”. Многие из нас не только добровольно подчинялись идеологической дисциплине, искренне верили в возможность переустройства общества на разумных, справедливых, коллективистских началах, но и пытались “подтянуть” неудобную правду реальной жизни к этой вере.

У Томашевича вера в идеологию, с одной стороны, и трезвые оценки реальной жизни (в настоящем и прошлом) – с другой, казалось, не пересекались и до поры до времени не конфликтовали, находясь как бы в обособленных, параллельных мирах. Фронтвик, он лучше всех нас, “штатских” историков, знал, что в любом историческом периоде жизнь – трагедия (и индивида, и народа), но в то же время отталкивал попытки сделать из этого общего рассуждения какие-нибудь новые идеологические выводы.

Однако такое раздвоение личности не могло продолжаться до бесконечности.

Практически перед ним стоял выбор общего направления занятий отечественной, советской историей. Его социальное происхождение, безупречная репутация фронтовика, недюжинные способности, живой, аналитический ум, широкая образованность открывали перед ним блестящую возможность – легко перескочив соответствующие чины и звания (разумеется, с неизбежными уступками и компромиссами), стать видным, солидным историком, ценным номенклатурным кадром пропагандистской индустрии в освещении новейшей истории. Но для этого он был слишком правдив и искренен, не терпел фальши, дипломатии, криводушия, ложного пафоса. Порой сам высмеивал “ученых”, пытавшихся с важным видом решать большие “проблемы” (его любимое словечко), которые уже давно были определены и жестко очерчены. Малейшая ересь зорко прослеживалась цензурой (и самоцензурой) и пресекалась, что напоминало крылатое выражение конвоиров ГУЛАГа – “шаг влево, шаг вправо – стреляю”.

Был и другой, более скромный, путь – исследовательский, археографически-источниковедческий – сравнительно честного показа исторических источников в их полноте, целостности и взаимосвязи, но без активных попыток делать из них глобальные выводы. Так уж получалось, что археография и источниковедение истории Советского общества невольно (а порой и сознательно) становились закамуфлированной оппозицией официальной историографии, своеобразным “кукишем в кармане”. Но что-то жалкое и смешное было в одностороннем увлечении источниками ради них самих, без какого бы то ни было “выхода” в историю. Недаром Е.Н. Городецкий остроумно называл это “источниковедческим кретинизмом”.

Видимо, первой печатной работой Томашевича была заметка “Страницы прошлого” (“Комсомольская правда”, 16 янв. 1954 г.), посвященная трехтомнику “Воссоединение Украины с Россией” (М., 1953). 29 августа 1954 г. в газете “Московский комсомолец” появилось сообщение Ю. Томашевича и В. Полетаева (также сотрудника Сектора) “Новые документы о Щорсе”¹, как бы предварявшее выход в свет более полной публикации по теме (см. список печатных трудов Ю.У. Томашевича в наст. изд., с. 168–170).

Как ни странно, Н.А. Щорс почти не фигурирует в советской историографии вплоть до конца 1930-х годов, когда известные кадры героев гражданской войны умерли либо погибли от репрессий. Упомянутая публикация внесла заметный вклад в разработку истории гражданской войны на Украине, в частности, помогла снизить уровень ее безымянности.

В дальнейшем Томашевич в основной своей работе в сфере археографии и источниковедения много внимания уделял теории и практике выявления и издания в центре и на местах документов, посвященных подготовке и проведению Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне, опубликованных во второй половине 1950-х – начале 1960-х годов. В эти же годы Ю.У. участвует в составлении сборников документов, рецензирует и редактирует материалы по истории рабочего контроля и национализации промышленности, коллективизации сельского хозяйства, национально-

¹ В литературе существуют заметные расхождения, касающиеся биографии Щорса, особенно обстоятельств его гибели. См.: *Зинькович Н.* Откуда вылетела пуля // Россия. 1992. 5–11 февр. С. 9.

государственного строительства, пишет отзывы о студенческих работах (см.: Список трудов ...).

При обсуждении сборников документов в Секторе публикации источников по истории Советского общества выступления Ю.У. неизменно производили на меня сильное впечатление своей глубиной, нетривиальностью, неожиданной смелостью. Находясь иногда в непосредственной близости от него, я физически ощущал, как непросто было ему порой высказать то, что могло не найти отклика у некоторых слушателей. Его длинные, красивые пальцы музыканта перед выступлением начинали нервно барабанить по чему-нибудь твердому, а здоровая нога – заметно дрожать. Но присутствовавшие всегда слушали его внимательно и уважительно.

Широкий диапазон тем археографии и источниковедения начальной истории Советского общества, охваченных Ю.У., стал, очевидно, одной из веских причин приглашения его на должность ученого секретаря журнала “Исторический архив”, где он работал с конца 1950-х годов до середины 1962 г. Журнал возглавлял Д.А. Чугаев (он же – зав. Сектором публикации источников по истории Советского общества), но фактическим лидером, определявшим содержание и “направление” журнала (насколько это было возможно в то время), был Б.Г. Литвак². При нем сложился коллектив высокопрофессиональных редакторов – историков-архивистов, в основном – бывших фронтовиков, закончивших МГИАИ в первые послевоенные годы. Немногословный, мрачноватый с виду Владимир Автократов, “феодал” по своей исторической специализации, вел дореволюционный раздел журнала; Валентин Кутьев, добрейшей души человек, гигант, ходивший на двух протезах (для меня он олицетворял могучую, искалеченную, но не сломленную Россию со всеми ее сильными сторонами и великими слабостями), занимался документами советского периода; и конечно – Юра Томашевич.

Из “штатских” и более молодых не могу не упомянуть способных Лирю Лисицыну, Володю Есакова, Мишу Макарова – все из МГИАИ. По рекомендации Ю.У. я был тоже включен в состав практических редакторов журнала, вел раздел “Коротко о разном”. Время было интересное, многообещающее, люди вокруг замечательные. По словам Н.М. Пирумовой (занималась М.А. Бакуниным), в нас – питомцах МГИАИ – было что-то “разночинское”, в отличие от выпускников МГУ. Хотелось работать. Журнал был центром, привлекавшим “на огонек” людей, знавших советскую историю не только по книгам и газетам. Им было о чем рассказать. Казалось, так будет продолжаться еще много лет.

Но “не долго музыка играла”. Журнал закрывался дважды волевыми решениями Секретариата ЦК КПСС (в 1961 и 1962 г.), несмотря на то, что часть тиража шла на экспорт и окупалась валютой. И причины, и повод к закрытию были несостоятельны, даже смехотворны: осмелились опубликовать неизвестную часть переписки К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко, внесшую новые ноты в традиционное освещение творческого сотрудничества основателей МХАТа³.

² О нем см.: Памяти Бориса Григорьевича Литвака (1919–2002) // АЕ за 2002 год. М., 2004. С. 222–265.

³ Подробнее см.: Есаков В.Д. О закрытии журнала “Исторический архив” в 1962 г. // ОА. 1992. № 4. С. 32–42; Орехова Е.Д. Судьба журнала “Исторический архив” в 1955–1962 гг. [Публ. Е.Д. Ореховой с предисл. В.Д. Есакова] // ИА. 1992. № 1. С. 194–211.

Томашевич ушел из журнала, не дожидаясь его окончательного закрытия. 15 мая 1962 г. приказом по институту он был переведен в Сектор по подготовке пятитомной истории Советского общества, которая должна была стать второй серией грандиозной (в 12 томах) “Истории СССР с древнейших времен до наших дней”, под общей редакцией академика, секретаря ЦК КПСС Б.Н. Пономарева. Ю.У., продолжая оставаться младшим научным сотрудником без степени, стал членом редакции VIII тома под названием “Борьба советского народа за построение фундамента социализма в СССР. 1921–1932”, куда вошли доктора исторических наук Ю.А. Поляков, А.О. Чубарьян (будущие академики), Ю.С. Борисов, Э.Б. Генкина.

7 июля 1966 г. в выписке из протокола заседания Сектора по написанию многотомной истории Советского общества отмечалось, что Томашевич Ю.У. “проделал большую научно-вспомогательную работу, редакционную и авторскую”, и потому было предложено оставить его на новый срок в должности младшего научного сотрудника⁴. Конечно, основной работой Ю.У. в VIII томе “Истории СССР” была именно так называемая “научно-вспомогательная”, что на языке неостепененных м.н.с. называлось “работой белого негра” (помощь маститым ученым в сборе материалов, вычитке текстов, проверке цитат и т.п.). Авторским вкладом Ю.У. был небольшой параграф (“Укрепление Коммунистической партии. Рост активности общественных организаций” (см. т. VIII. С. 599–614; совм. с Л.М. Дробижевой).

17 ноября 1966 г. заведующий Сектором источниковедения и публикации источников по истории Советского общества Д.А. Чугаев подал заявление в дирекцию Института с просьбой вернуть м.н.с. Томашевича в возглавляемый им сектор, поскольку тот является специалистом в области источниковедения. 24 ноября Ю.У. был переведен.

Перед ним неотступно вставал вопрос повышения своего научного статуса – прежде всего из-за материального положения, которое у всех м.н.с. (как и теперь) было плачевным: зарплата колебалась в пределах 105–135 руб. в месяц. Пенсия инвалида Отечественной войны 2-й группы – 33 руб. в месяц – была нищенским подспорьем.

Ю.У. был дважды женат. Первый брак – неудачный; разлад с женой Эсфирью Васильевной Колосовой, сотрудницей Главного архивного управления СССР, был долгим и мучительным для Ю.У. Подрастала дочь Татьяна (р. 1957 г.), с которой Юра практически не общался. В 1960 г. Томашевич познакомился со своей будущей второй женой Верой Владимировной Дехтяренко – милой, доброй, обаятельной, общительной, ставшей надежной, беззаветно любящей спутницей Юры “на всю оставшуюся жизнь”. То же историк по образованию, В.В. также работала в ГАУ СССР. Она ушла от своего первого мужа с годовалым ребенком, который стал сыном Томашевича. Со временем в семье поселились престарелые родители Веры, милые, интеллигентные люди, которые также нуждались во внимании, заботе и уходе. Наблюдая мужество, терпение Веры, ее безграничный оптимизм (в течение почти 40 лет), невольно думаешь: на таких женщинах держалась и держится вся Россия.

Единственным способом для Ю. У. улучшить материальное положение семьи было – стать кандидатом исторических наук, старшим научным сотрудником и т.д., т.е. пройти далеко не всегда безвредный для души путь

⁴ См.: Научный архив ИРИ РАН. Личное дело Томашевича Ю.У. (далее в тексте: ЛД.). Л. 122.

многих гуманитариев – работников Академии наук. Однако Ю.У. Томашевич, как историк советского общества, имел несчастье заинтересоваться, увлечься и довольно основательно погрузиться в изучение неблагоприятной, “недиссертательной” темы – история крестьянского движения в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. Движение, как известно, было массовым и мощным. Но руководили им, определяли его цели и средства – не большевики! Ю.У. в своих опубликованных работах осторожно приближался к этим “неудобным” выводам, но не спешил окончательно оформить их в диссертацию. В устных же выступлениях по собранным материалам к теме он откровенно излагал свою точку зрения, получая взамен “дружеский” совет маститых ученых: “Обрежай углы”.

После возвращения в Сектор источниковедения и публикации источников по истории Советского общества Ю.У. участвовал в переиздании сборника “1917 год в деревне: (Воспоминания крестьян)” (1967), а также сборника документов “Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945” (1968). За участие в последнем 6 августа 1968 г. был награжден Почетной грамотой КГБ при Совете Министров СССР. Совместно с В. Тельпуховским написал рецензию на книгу Р.А. Раджабова “ЦКК–РКИ Азербайджана в борьбе за построение социализма (1920–1934)” (Баку, 1968).

Основная исследовательская работа Томашевича, по планам Сектора, оставалась прежней – “Источники по истории крестьянского восстания 1917 г.”, но новых публикаций по данной теме в эти годы не появлялось. Судя по характеристике, данной новым (после Чугаева) завсектором (на этот раз – источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин) Н.И. Павленко 5 ноября 1969 г. для прохождения Ю.У. по конкурсу на следующий срок, предполагалось, что он представит для обсуждения в Секторе в 1970 г. рукопись монографии с приблизительным названием “Обзор источников по истории крестьянского движения в 1917 г. (по фонду Главмилиции МВД Временного правительства)”. Но Ю.У., видимо, не предполагал возвращаться к данной теме вообще. 15 января 1970 г. он был исключен из Сектора и 2 февраля направлен на работу в редакцию журнала “История СССР” (ЛД. Л. 132)⁵. Очевидно, это был лучший для него выход из тупиковой ситуации в творческом и материальном плане: как член редакции он мог рассчитывать получить должность старшего научного сотрудника.

Но случилось непредвиденное. 12 февраля 1970 г. врачи обнаружили у Ю.У. туберкулез легких. Весь 1970 и часть 1971 г. он провел на бюллетене. В Институт вернулся снова младшим научным сотрудником. В отчете для прохождения очередного конкурса (декабрь 1973 г.) на эту должность Ю.У. писал: “В 1970–1973 гг. имел задание написать монографию “Источники по истории крестьянского движения в 1917 г.”. Из-за сложившихся обстоятельств (тяжелой болезни, проболел весь 1970 и несколько месяцев в 1971 г.), а также почти полной неразработанности темы (курсив мой. – А.П.) выполнить этого задания не смог. Решением дирекции тема была снята с моего плана” (ЛД. Л. 108). Выделенные в тексте слова были лукавством со стороны Ю.У. Вопросы крестьянского движения в 1917 г. начали

⁵ По рассказу жены Ю.У., Томашевичу также предлагали работать в Политиздате и в редакции журнала “Вопросы истории КПСС”, но он отказался, к недоумению и неодобрению коллег.

разрабатываться самим Томашевичем еще на студенческой скамье и в аспирантуре МГИАИ, затем в конце 1950-х годов отразились в ряде публикаций (Ю.У. выявлял документы почти ко всем томам 10-томной серии “Великая Октябрьская социалистическая революция”), в статьях и рецензиях.

Истинная причина отказа от написания диссертации и монографии по теме была значительно глубже. Дело в том, что начиная со второй половины 1960-х годов идеологические вожжи, несколько ослабленные в период хрущевской “оттепели”, снова были натянуты до предела, порой до абсурда. Появилась угроза реабилитации культа личности Сталина. Показательна судьба опубликованной в нашей стране, т.е. прошедшей все инстанции, книги А.М. Некрича “1941, 22 июня” (М., 1965) и самого автора. Имена ряда виднейших деятелей Октября разрешалось употреблять лишь в негативном смысле. Такой важный исторический источник, как протоколы первого Совета Народных Комиссаров оставался неизданным в советские времена в значительной степени из-за “одиозных” фамилий, фигурировавших в них. Потрясающим по своей нелепости было снятие, по настоянию члена редколлегии тома, зам. директора Института истории СССР В.П. Шерстобитова, в X т. “Декретов Советской власти” (М., 1980), опубликованного еще в 1945 г. постановления Совета Труда и Оборона от 20 августа 1920 г., направленного Южному и Кавказскому фронтам в момент острейшей борьбы с Врангелем, с указанием “обезлошадить покидаемую нами временно территорию (не обижая рабочих)”⁶. Обидно за ничем не оправданную (даже с точки зрения цензуры) купюру в “Декретах”, солидной публикации, стремившейся к максимальной полноте показа законодательно-распорядительной деятельности Советской власти.

Ю.У. Томашевич был прекрасно осведомлен о порядках, царивших в архивах (особенно партийных), касающихся выдачи и использования новых, не изданных ранее документов. Так, в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС существовала униженная для читателей практика использования специальных общих тетрадей для выписок из документов, которые подвергались спецпросмотру, и при случае – безжалостной вивисекции. Спецсотрудник читального зала ЦПА ходил между рядами и предупреждал тех, кто осмеливался делать выписки помимо указанных тетрадей. Так было, и большинство историков с этим мирилось!

Но помимо гласной и негласной цензуры существовала еще и “самоцензура”, переходящая в нескрываемый страх – “как бы чего не вышло”. Кажется, это было в 1962 г., когда в редакцию “Исторического архива” пришел сотрудник Центрального государственного архива Советской армии О. Шабловский и принес для публикации последнее письмо М.В. Фрунзе – жене, лечившейся от туберкулеза в Крыму. Знаменитый военачальник, председатель Революционного военного совета СССР, нарком по военным и морским делам, писал в октябре 1925 г., что его настоятельно уговаривают, не откладывая, лечиться на операцию, хотя он чувствует себя хорошо. Письмо не было передано жене Фрунзе; оно пролежало на секретном хранении многие годы. Известно, что Фрунзе умер во время операции, и это послужило мотивом для написания Б. Пильняком “Повести непогашенной луны”, запрещенной сразу после

⁶ Ленинский сборник XXXV. М., 1945. С. 144.

ее публикации в “Новом мире”. К сожалению, “Исторический архив” не смог издать это письмо Фрунзе (оно было опубликовано лишь в годы перестройки), так как Шабловский попросил редакцию не давать ему ходу.

В 1970–1980 гг. Томашевич, оставаясь м.н.с., много занимался составительской, редакторской и рецензионной работой. В последние годы, перед уходом на пенсию в 1989 г., значительное время уделял (совместно с З.К. Звездиным) разработке новой методики сокращенной передачи текста такого сложного и объемного комплекса документальных материалов, как протоколы Президиума Высшего совета народного хозяйства (первый том протоколов за 1917–1918 гг. вышел в 1991 г.).

Много сил Ю.У. отдавал общественной работе: был членом парткома Института, секретарем и зам. секретаря парторганизации Сектора, проформом Сектора, членом ревизионной комиссии месткома, Совета ветеранов Великой Отечественной войны. В качестве примера его чуткости и активной благожелательности к людям отмечу, как однажды, узнав, что один из сотрудников в его секторе болен туберкулезом легких, сам, по своей инициативе, не уведомляя коллегу, оформил нужную бумагу (за подписями “треугольника” – директора Института, парторга и председателя профкома), адресованную в медсанчасть ЦК (или МК?) КПСС на Старой площади. В результате нуждавшийся больной сотрудник, беспартийный, попал в элитный санаторий в районе Переделькино, на порядок отличавшийся от здравниц для простых смертных. Сам Томашевич не ездил туда ни разу.

Ю.У. прекрасно играл в шахматы (имел первый разряд) и неизменно выступал, вместе с Володей Кучкиным, на первой или второй доске на внутри-академических турнирах в конце 1950-х – начале 1960-х годов. Его участие в трехминутных “блицах” в конце рабочего дня с В.А. Кучкиным вызывало живой интерес среди сотрудников – любителей шахмат. Он был членом Шахматного клуба СССР. Благодаря ему я проходил туда, когда доигрывались партии М. Ботвинника и В. Смыслова в их многолетней борьбе за звание чемпиона мира.

Ю.У. любил читать, читал много – художественную, историческую, шахматную литературу. Часто заходил в книжные магазины и, стоя, опираясь на палочку, подолгу просматривал новинки. Его домашней библиотекехудожественной литературы и книгам по шахматам можно было только позавидовать. Все, что он советовал прочесть, было по-настоящему интересно и значимо. Особенно внимательно и критически он относился к произведениям о войне, высоко ценил книги Василя Быкова и Григория Бакланова.

О своих действительно заслуженных боевых наградах он, как и все пережившие войну на передовой, постоянно видевшие смерть и страдания, никогда не говорил. Я видел лишь однажды, за весь почти 30-летний период общения с ним, когда он пришел в Институт, на очередной День Победы, с наградами. Он был смущен, как будто стеснялся чего-то. Настоящий герой, он отказывался считать себя таковым, искренне полагая, что герои – те, кому “не повезло”, и они остались лежать на полях сражений. При нем нельзя было фальшивить, говорить “громкие слова”. Его замечания, порой грубоватые, были, как правило, “по делу” и вскоре забывались, даже легко ранимыми женщинами: они понимали, что его резкость – от равнодушия ко всему окружающему.

Он был широк и щедр. Когда женился наш сотрудник Олег Пузырев (инвалид с детства), всегда особенно восхищавшийся “Очарованной душой” Романа Роллана, Ю.У. подарил ему на свадьбу полное собрание сочинений писателя. В редкие периоды “подработки”, получая мизерные гонорары за статьи и рецензии в журналах, он не забывал “подкормить” коллег по историко-архивному ремеслу в каком-нибудь недорогом ресторане.

Томашевич был уникальной личностью, вмещавшей в себя все многообразие черт человеческой натуры. Осторожность и скептицизм сочетались в нем с импульсивностью, сдержанность – с горячностью и вспыльчивостью (доходившей, правда, крайне редко до угрозы поработать своей палкой). Порой, с годами, его охватывал гамлетовский пессимизм, когда цель человеческого существования сводилась, по его выражению, к поеданию нескольких тысяч котлет. Если на меня вдруг находила какая-нибудь “сверхценная идея”, касающаяся некоторых злободневных вопросов истории, он замечал с неизменной иронической улыбкой: “Не все так просто, Саш”. Да, не все так просто в биографии отдельного человека, в истории народа. Эта мысль могла бы послужить девизом ко всей нашей увлекательной и неблагодарной профессии.

Он ушел на пенсию в 1989 г., в разгар перемен, происходивших в стране. К ним он относился сдержанно, без эйфории. Здоровье Ю.У. заметно ухудшилось, появились проблемы с сердцем. Все труднее было ходить на протезе, его заменили костыли. Несколько раз Ю.У. ложился в старенькую больницу в Сокольниках – госпиталь для участников ВОВ. Там он большей частью лежал, обложенный газетами, внимательно изучая текущие новости. Часто отрывался от них, чтобы вдохнуть кислород из баллона. Иногда его вывозили на коляске в парк.

Умер Юрий Ульянович 15 мая 1993 г. от сердечно-легочной недостаточности.

Осталась память о нем светлая и благодарная за многолетнее дружеское общение.

СПИСОК РАБОТ Ю.У. ТОМАШЕВИЧА*

1954

Страницы прошлого // КП. 16 янв. Заметка о кн.: Воссоединение Украины с Россией. М., 1953. Т. 1–3.

Новые документы о Щорсе // Моск. комсомолец, 29 авг. Совм. с В.Е. Полетаевым.

1955

Обсуждение проекта правил издания документов // ИА. № 1. С. 249–251. Совм. с Л.Н. Пушкаревым.

Рец.: Серия документальных сборников о революции 1905 г. // ИА. № 1. С. 251. Без подп.

Сост.: Новые документы о Щорсе // Материалы по истории СССР: Сб. М. Т. 1: Документы по истории Советского общества. С. 125–174. Совм. с В.Е. Полетаевым, Н.И. Выходцевым, Т.Ф. Каряевой.

1956

[Публ.:] Из истории строительства первых зерновых совхозов в СССР (1928–1929 гг.) // ИА. № 1. С. 74–98. Совм. с Д.М. Езерской, В.Е. Полетаевым.

Чл. редкол., один из сост.: Материалы по истории СССР. М. [Т.] 3: Рабочий контроль и национализация промышленности в Ивановской губернии. 327 с.

* Сост. А.С. Покровский.

1957

Сост.: Коллективизация сельского хозяйства: Важнейшие постановления коммунистической партии и советского правительства 1927–1935. М. 537 с. Совм. с В.Е. Полетаевым, Л.Ф. Кузьминой.

Публ.: О деятельности комиссаров Петроградского военно-революционного комитета в дни Октябрьской революции // ИА. № 5. С. 95–118. Совм. с И.А. Булыгиным.

Некоторые вопросы отбора и археографической обработки текстов документов по истории Великой Октябрьской социалистической революции // ИА. № 3. С. 219–224. Совм. с В.Е. Полетаевым.

Шире использовать архивные документы при изучении истории Октябрьской революции // ВИ. № 6. С. 192–196. Совм. с В.Е. Полетаевым.

[Выявление док.]: Революционное движение в России после свержения самодержавия. М. 857 с. [Великая Октябрьская социалистическая революция: Документы и материалы].

[Выявление док.], сост. подразделов: “Начало восстания” и “Переход в решительное наступление и победа восстания” // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М. 1042 с. [Великая Октябрьская социалистическая революция: Документы и материалы].

1958

[Выявление док.]: Революционное движение в России в апреле 1917 г.: Апрельский кризис М. 934 с. [Великая Октябрьская социалистическая революция: Документы и материалы].

1959

О некоторых вопросах источниковедения истории крестьянского движения в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции // Проблемы источниковедения. М. Т. 7. С. 13–25.

Чл. редкол.; отв. сост. (совм. с А.В. Черновым); сост. раздела: “Крестьянское движение” // Революционное движение в России в июле

1917 г.: Июльский кризис. М. 626 с. [Великая Октябрьская социалистическая революция: Документы и материалы].

[Выявление док.]: Революционное движение в России в мае–июне 1917 г.: Июньская демонстрация. М. 662 с. [Великая Октябрьская социалистическая революция: Документы и материалы].

[Выявление док.]: Революционное движение в России в августе 1917 г.: Разгром корниловского мятежа М. 696 с. [Великая Октябрьская социалистическая революция: Документы и материалы].

Рец.: Работы по истории Советской Башкирии: Рец. на кн.: Советская Башкирия: Исторические очерки. Уфа, 1957; Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии (февраль 1917 – июнь 1918): Сб. док. и мат. Уфа, 1957 // ВАН. № 3. С. 143–145.

[Обзор]: Сборники научных работ студентов // ИСССР. № 4. С. 156–161. Совм. с С.М. Троицким.

1961

Сост. раздела “Крестьянское движение” // Революционное движение в России в сентябре 1917 г.: Общациональный кризис. М. [Великая Октябрьская социалистическая революция: Документы и материалы].

Рец.: Великая Октябрьская социалистическая революция: Хроника событий: В 4 т. М., 1959. Т. 2: 7 мая – 25 июля 1917 г. 686 с. // ВИ. № 3. С. 145–148. Совм. с И.Н. Владимирцевым.

1967

Укрепление Коммунистической партии. Рост активности общественных организаций // История СССР с древнейших времен до наших дней (в 12 т.): М. Т. VIII: Борьба советского народа за построение фундамента социализма в СССР. 1921–1932 гг. С. 599–614. Совм. с Л.М. Дробижевой.

[Участие в подгот.]: 1917 год в деревне (воспоминания крестьян) / Сост. И.В. Игрицкий; ред. Я.А. Яковлев. М. 288 с. Переиздание книги, вышедшей в 1928 г.

1968

[*Участие в подгот.*]: Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Сб. док. М. 707 с.; ил. (Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах).

1969

Рец.: Раджабов Р.А. ЦКК – РКИ Азербайджана в борьбе за построение социализма (1920–1934). Баку, 1968. 188 с. // ИСССР. № 4. С. 168. Совм. с В.Б. Тельпуховским.

1974

Участие в подгот.: Из истории гражданской войны и интервенции. 1917–

1922 гг.: Сб. статей. М. 480 с. Совм. с Е.Г. Гимпельсоном и др.

1977

Чл. редкол.: Источниковедение истории Великого Октября: Сб. статей. М. 288 с.

1982

Чл. редкол.: Источниковедение истории Советского общества. М. Вып. IV. 272 с.

1991

Чл. редкол., сост.: Протоколы Президиума Высшего совета народного хозяйства. Декабрь 1917 г. – 1918 г.: Сб. док. М. 349 с. Совм. с З.К. Звездиным и др.

К 80-ЛЕТИЮ В.П. ДАНИЛОВА

ОТ РЕДАКТОРА

Виктор Петрович Данилов родился 4 марта 1925 г., скончался 16 апреля 2004 г. Буквально в канун кончины его удостоили высшей академической награды историку России – золотой медали имени С.М. Соловьева, присуждаемой РАН. Несмотря на почтенные годы он был творчески неутомим и полон новых замыслов, по-прежнему поражал неослабевающей работоспособностью и дисциплиной в организации своего труда, обнадеживающе заинтересованным отношением к творчеству других ученых, особенно более молодых, умением сплотить в общей работе людей разного возраста, разной степени подготовки, а подчас и разных воззрений. Его личный пример самоотдачи делу оказывался и заразительным, и научно перспективным. Мы публикуем рекомендацию о присуждении В.П. Данилову медали С.М. Соловьева, написанную академиком РАН Г.Н. Севостьяновым в марте 2004 г.

Внезапная кончина выдающегося ученого и организатора науки вызвала немало откликов и на Родине¹, и за рубежом². В.П. Данилов был едва ли не самым авторитетным за рубежом из наших историков, специализирующихся на изучении советской эпохи. Он руководил осуществлением проектов выявления и издания архивных документов совместно с учеными других стран и зачастую был инициатором этих археографических предприятий, участвовал в работе многих международных форумов, преподавал в зарубежных университетах, его труды публиковались на разных языках. И потому статью памяти российского историка предложено было для настоящего издания написать выступившему с проникновенным словом у его гроба иностранному ученому, хорошо осведомленному об организации совместных начинаний ученых-гуманитариев России и других стран. Алексис Берелович (Berelowitch) тогда был директором Франко-российского центра общественных наук в Москве (в ИНИОН). Братья его также известны активным участием во франко-российских научных мероприятиях: старший – Андре – видный специалист по истории допетровской Руси, Владимир – известный историк России XVIII–XIX вв., культуролог, переводчик сочинений и классиков русской литературы XVIII в. и писателей XX в. Все они в своей преподавательской деятельности связаны с Высшей школой социальных наук и университетами Парижа.

Статья эта показывает, что в среде зарубежной научной общественности признается наиболее значимым в содеянном В.П. Даниловым. Так же как и в

¹ *Охотин Н.* Памяти Виктора Петровича Данилова (4 марта 1925 – 16 апреля 2004) // *Население и общество: Бюллетень.* 2004. 19 апр. – 2 мая; Памяти Виктора Петровича Данилова (4 марта 1925 г. – 16 апреля 2004 г.) // *ОИ.* 2004. № 6. С. 210–211 (Подп.: “Друзья, коллеги, ученики”); Виктор Петрович Данилов // *ВА.* 2004. № 3/4. С. 440–442 (Подп.: “Друзья и коллеги”); *Вылцан М.А., Емец В.А., Сленев И.Н.* Творческий путь Виктора Петровича Данилова // *ВИ.* 2005. № 9. С. 150–162; *Крестьяноведение: Теория. История. Современность.* М., 2006. Вып. 5.

² *Heimson L.H., Linn V.* Victor Petrovich Danilov // *Kritika: Explorations in Russia and European history.* 2004. Vol. 5, № 3; *Хеймсон Л., Линн В.* Виктор Петрович Данилов (1925–2004) // *Нестор.* 2000. СПб.; Кишинев, 2004. № 4. С. 359–363.

В.П. Данилов

перепечатанной в переводе на русский язык в альманахе “Нестор” статье американских ученых, основное внимание в ней уделено изучению В.П. Даниловым истории крестьянства, а также общественной позиции историка. Несомненно, что эта тематика заслуживает и дальнейшего углубленного изучения и в плане ознакомления с жизнью и творчеством одного из крупнейших отечественных историков XX столетия, и в плане истории общественной жизни современной ему России.

Однако специального изучения заслуживает и свершенное В.П. Даниловым для развития источниковедения и историографии, и особенно археологии. Член Археологической комиссии с 1968 г., В.П. Данилов напечатал в АЕ за 1968 год статью “Динамика населения СССР за 1917–1929 гг. (Опыт археологического и источниковедческого отбора дан-

ных для реконструкции демографического процесса)”, в 1977 г. – статью “Источниковедческие и археологические проблемы истории русской общины после Октябрьской революции” в выпуске IV Северного археологического сборника.

В.П. Данилов и С.И. Якубовская первыми из историков тогда еще сравнительно молодого возраста, специализировавшихся на изучении проблематики советской истории, постарались уже в 1950-е годы использовать и пропагандировать методику “классического” источниковедения, опирающуюся на опыт исследования памятников письменности более раннего времени при подходе к источникам новейшего периода отечественной истории. И это во многом определялось и тем, что они в какой-то мере сами приобщались в студенческие годы к такой творческой деятельности: С.И. Якубовская на историческом факультете МГУ в семинаре по истории западного Средневековья Е.А. Косминского, В.П. Данилов – у высоко ценимого им учителя на историческом факультете Оренбургского пединститута П.В. Магвиевского. Становится все более очевиден вклад Данилова и Якубовской и в развитие историографической мысли. И это – не только смелая новаторская статья 1965 г. “О фигуре умолчания в исторической науке”, подготовленная для “Нового мира” А.Т. Твардовского, запрещенная тогда к изданию и впервые напечатанная с предисловием и комментариями А.А. Курносова в АЕ за 1992 год (М., 1994). В.П. Данилов немало сделал для изменения самого стиля историографической работы и как заведующий отделом советского общества начавшего выходить с 1957 г. журнала “История СССР”. Он написал и большую статью “Изучение истории советского крестьянства” для сборника статей 1962 г. “Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС”.

При оценке подготовленных по инициативе В.П. Данилова и под его редакцией документальных сборников, естественно, основное внимание уделяют введению в научный обиход новых исторических источников, принципам их отбора, их интерпретации. Но в плане собственно археографии следует специально исследовать и методику выявления и подготовки к изданию этих архивных материалов, и организации столь результативной коллективной работы сотрудников многих архивохранилищ, научно-исследовательских учреждений, вузов. Желательно было бы для “Археографического ежегодника” подготовить статью именно об этом, ибо труды В.П. Данилова – веха и в развитии археографии и смежных с ней научных дисциплин.

**РЕКОМЕНДАЦИЯ
ПРИСУЖДЕНИЯ МЕДАЛИ ИМЕНИ С.М. СОЛОВЬЕВА
ДОКТОРУ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОРУ В.П. ДАНИЛОВУ –
ГЛАВНОМУ НАУЧНОМУ СОТРУДНИКУ ИРИ РАН**

Уже первые работы Данилова, начиная с кандидатской диссертации, опубликованной в 1957 г., статей по истории и историографии советской деревни обратили на себя внимание новизной и основательностью исследования. В начале 60-х годов он был признан ведущим специалистом по истории советской деревни 20-х–30-х годов. Под его руководством небольшая группа молодых историков подготовила к изданию исследование по истории коллективизации. Первый том в 1964 г. был уже набран в типографии (“Коллективизация сельского хозяйства в СССР. 1927–1932”. 798 с.) и должен был выйти в свет. Однако критическая концепция и объективное освещение событий привели к тому, что Отдел науки ЦК запретил издание, набор был ссыпан.

С этого времени исследования Данилова были сосредоточены на истории советской деревни времени нэпа. Вышедшие в свет две крупные монографии “Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство” (М., 1977 г.) и “Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения” (М., 1979 г.), а также сопровождавшая их серия статей и документальных изданий получили очень высокую оценку в советской и в зарубежной историографии. Первая из названных монографий в 1988 г. была переведена на английский язык в Англии и США. В Токио на японском языке издан сборник статей по истории общины в России, отдельные статьи в переводах были изданы в США, Германии, Франции, Италии, Китае и ряде других стран.

К истории коллективизации Данилов смог вернуться лишь во времена перестройки, когда была им опубликована серия очень острых и ярких статей, показывающих глубокое различие в методах и средствах кооперативного развития крестьянских хозяйств и сталинской коллективизации. Открытие основных архивов с ранее недоступными документами создало совершенно новую ситуацию в изучении истории советского общества, в особенности истории крестьянства – основной массы населения. На передний план выдвинулись задачи выявления и введения в исследовательскую работу целостной системы документов, то есть *нового знания*, которое является основой науки. В январе 1992 г. на Ученом совете ИРИ РАН Даниловым были предложены три проекта обстоятельных документальных изданий: “Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.”; “Советская деревня 20-х–30-х годов глазами

ВЧК, ОГПУ, НКВД”; “Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 гг.”. Названные проекты были одобрены и вскоре нашли активную поддержку со стороны ученых, а вслед за ними и научных учреждений Франции, США, Канады и Англии. Международное сотрудничество ученых стало важной особенностью осуществления названных проектов. Под руководством Данилова эти проекты успешно осуществлялись группой историков и архивистов Москвы и ряда других городов.

По проекту “*Крестьянская революция в России*” вышли в свет сборники документов «Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг.: (“Антоновщина”)» (1994 г.), “Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921 гг.” (1997 г.), “Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.” (2002 г.), “Крестьянское движение в Тамбовской губернии. 1917–1918 гг.” (2003 г.). Завершается работа над сборником “Крестьянское и казацкое движение на Кубани. 1918–1922 гг.”. Общими усилиями историков и архивистов России и Украины готовится сборник документов “Нестор Махно и крестьянское движение на Украине. 1917–1921 гг.”.

В высшей степени важной и сложной является работа по *проекту, связанному с документами ВЧК, ОГПУ, НКВД, относящимися к деревне с 1918 по 1939 г.* Это документы, раскрывающие сложность отношений между крестьянством и властью в условиях революции и гражданской войны, а тем более во время коллективизации, сопровождавшейся раскулачиванием и массовыми репрессиями. Изданные 3 тома документов за период 1918–1931 гг. “Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД” (1998, 2000, 2003 гг.) конкретно показывают механизм и масштабы сталинского насилия над крестьянством.

Третий проект посвящен коллективизации крестьянских хозяйств и раскулачиванию – подлинной трагедии деревни, последствия которой мы не исчерпали и поныне. Этот проект пятитомного издания осуществляется с сентября 1994 г. по документам основных архивных учреждений России – РГАСПИ, ГАРФ, РГАЭ, ЦА ФСБ и РГВА во главе с Росархивом. Результаты 10-летней работы созданного Даниловым коллектива историков и архивистов неизменно получают самую высокую оценку, о чем свидетельствует устойчивый интерес научной общественности к вышедшим в свет 4 томам (5-й том издается в 2-х книгах, 1-я из которых с документами 1937 г. выйдет в свет со дня на день). Для организации пятитомной “Трагедии советской деревни...” Данилову пришлось приложить максимум работоспособности – разработать концепцию каждого тома, сформировать рабочие группы по томам и четко организовать их работу. Это действительно научный подвиг. В результате наука получает ценнейшую документальную публикацию, которая последовательно осветила на основе огромного документального массива все важнейшие события, этапы, мотивы, результаты раскулачивания и коллективизации советской деревни за более чем десять лет. Эта документальная публикация – одно из самых крупных открытий российских историков и архивистов последнего десятилетия, оцененных не только в среде историков, но и широкой научной общественностью в нашей стране и за рубежом.

Вклад Данилова в современное исследование отечественной истории не ограничивается реализацией больших проектов, о которых шла речь. Важное научное значение имеют ряд других исследовательских и документальных изданий, из которых нельзя не назвать пятитомник “Как ломали нэп” (М., 2000), в котором Данилов был ответственным редактором и ответственным составителем, автором вводной статьи к изданию и ряда других важных текстов в каждом из томов.

Опубликованные Даниловым исследовательские труды и документальные серии свидетельствуют о нем как о талантливом ученом с мировым именем. Я считаю, что В.П. Данилов более чем достоин присуждения золотой медали имени С.М. Соловьева.

Академик РАН
Г.Н. Севостьянов

11.03.04.

А. Берелович

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ВЕЛИКОЙ ШКОЛЫ РОССИЙСКИХ АГРАРИЕВ

Внезапная смерть 16 апреля 2004 г. Виктора Петровича Данилова оставляет огромную пустоту, которую ничто не сможет заполнить, поскольку трудно переоценить то место, которое он занимал, и ту роль, которую он играл в исследованиях по истории крестьянства России XX в.

В.П. Данилов родился 4 марта 1925 г. в г. Орске Оренбургской области в многодетной и сплоченной семье, в 1943 г. закончил здесь же среднюю школу и после непродолжительной подготовки был отправлен на фронт, где прослужил в артиллерии до самого конца войны. Именно этот жизненный опыт заставил его отказаться от поприща математика, к которому он себя готовил, и переориентироваться на историю, потому что он наивно, как признался позже, хотел “понять, что произошло”. Получив высшее образование в Оренбурге, он прибывает в Москву, где готовит свою кандидатскую диссертацию в Институте истории Академии наук. Останется там и после защиты диссертации и будет работать, несмотря на все препятствия, которые ему будут чинить, и преследования, которым он подвергнется со стороны руководства.

Уже в своей диссертации он изучает предпосылки коллективизации¹. Будучи еще совсем молодым, он играет ведущую роль в группе по изучению аграрной истории в институте. И этой теме будет верен всю свою жизнь. В.П. создает группу по изучению коллективизации. Совместно с коллегами и друзьями, в первых рядах которых К.Н. Тарновский, он будет вести борьбу против примитивных концепций в духе “Краткого курса”, продвигая концепцию многоукладности российского общества до революции.

В.П. называл сам себя шестидесятником, и он был глубоко убежденным приверженцем демократического социализма, и как ученый, и как гражданин. Эта политическая воля, которая помимо прочего выражалась в его борьбе за демократическую линию в рядах Коммунистической партии, секретарем партбюро которой он был в Институте истории, сочеталась с научной волей сражаться против лжи официальной истории. На протяжении всей своей жизни он останется верен этому идеалу, и те, кто в 1960-х годах сражался с его “ревизионизмом”, в 1990-х начнут обличать его “замшелый” марксизм. Среди них, преследуя своей злобой Данилова даже после его смерти, особенно отличилось нынешнее руководство Института российской истории. К счастью, благодаря помощи его друга Теодора Шанина, он смог найти в последние

¹ Данилов В.П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства. М., 1957.

годы своей жизни благоприятные условия для работы в Московской школе социальных и экономических наук.

Здесь не место восстанавливать всю картину баталий того времени². Достаточно будет упомянуть два решающих момента. Сразу же после защиты кандидатской диссертации он приступит к изучению одного из наиболее болезненных периодов советской истории: коллективизации. В 1964 г. книга, уже набранная в издательстве, была рассыпана по приказу отдела науки ЦК КПСС и уже больше никогда не издавалась³.

Вторым моментом был продолжительный кризис, начавшийся в 1965 г. и закончившийся в 1968 г., когда партбюро Института истории было распущено за свой ревизионизм, а в действительности, за попытку ввести демократические формы работы, а Институт истории разделен на два института. Тогда В.П. Данилов был на долгое время маргинализован.

Несмотря на полученные удары, В.П. Данилов будет продолжать свою работу по изучению истории деревни. Результаты этой работы отражены главным образом в двух монографиях, посвященных советской деревне накануне коллективизации. Несмотря на несколько навязанных автору формулировок, обе книги позволяют внимательному читателю понять, что ничто в деревне не требовало проведения коллективизации в той жестокой форме, которую избрал Сталин⁴. Данилов участвует в качестве соавтора в многочисленных коллективных сборниках документов, относящихся к коллективизации. Несмотря на выборочный и тенденциозный характер многих из этих публикаций, которые подчинялись идеологическим диктатам того времени, В.П. Данилов приобретает за эти годы глубочайшее знание архивов, причем не только в Москве, но и в провинции⁵.

Не имея возможности свободно работать над темами, которые его больше всего интересовали, В.П. Данилов обращается к другим темам, также его занимавшим, например, традиционному крестьянскому быту и крестьянской культуре, изучает частушку, подолгу работает в местных архивах.

Перестройка с ее либерализацией, открытием архивов позволила В.П. Данилову наконец работать так, как он хотел, и в первую очередь над темами коллективизации и глобального рассмотрения судеб крестьянства.

С этого момента его работа будет развиваться по трем основным направлениям:

– Гражданская деятельность, заключающаяся в написании большого количества статей в центральной прессе с попыткой ответить на вопросы, которые задавало тогда себе общество; с целью восстановления фактов, с целью воскрешения забытых историй имен (например, А.В. Чаянова).

– Политическая экспертная деятельность, в ходе которой он защищал или публично, или в составе различных комиссий право крестьян самим выбирать те формы землепользования, которые они хотели бы практиковать. Поспешное принятие новой властью линии одновременно ультралиберальной в экономике и политически авторитарной было для него поражением, вторым после окончания политики оттепели.

² На эту тему можно прочесть: *Markwick, Roger D. Rewriting History in Soviet Russia: The politics of Revisionist Historiography, 1956–1974. Palgrave, 2001.*

³ “Коллективизация сельского хозяйства в СССР. 1927–1932”. Чистые листы сохранились в архиве автора.

⁴ *Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977; Он же. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979.*

⁵ Перечень этих публикаций находится в библиографии работ В.П. Данилова, составленной его ученицей, д-ром ист. наук В. Кондрашиной, и любезно ею мне предоставленной.

– Наконец – и это для нас сегодня главное – он начинает несколько крупных российских и международных проектов, которые он смог запустить благодаря своей репутации и влиянию в мировом сообществе историков. Простой перечень архивных публикаций, которые он успешно завершает совместно с другими историками и архивистами на протяжении последних нескольких лет, поражает воображение.

Это проект “Крестьянская революция в России, 1902–1922”. Он выдвигает концепцию, которая, как только он ее сформулировал, становится очевидностью: была лишь одна революция начиная с 1902 г. и только в 1922 г. крестьяне получают (на очень короткое время!) то, что хотели.

Совместно с Т. Шаниным и многими другими исследователями и архивистами он издает за несколько лет: «Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг.: (“Антоновщина”): Документы и материалы» (Тамбов, 1994); “Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921 годах: Документы и материалы” (М., 1997); “Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Сборник документов и материалов” (М., 2002); “Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918): Документы и материалы” (М., 2003). Уже после его смерти вышел в этой серии “Нестор Махно и крестьянское движение на Украине в 1918–1921 гг.: Документы и материалы” (М., 2006).

Обнаружив в РГАЭ (в то время ГАНХ) среди недавно рассекреченных документов сводки о положении деревни в 1930-х годах, он запускает крупный проект “Деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД” совместно с архивистами ГАНХ, РГВА, ЦА ФСБ, французскими исследователями и научными организациями. В изданных четырех книгах (трех томах) читатель находит новый вид документа: сводки, которые ЧК, а затем ГПУ и НКВД направляли в верховное руководство страны. Документы охватывают период 1918–1934 гг., сейчас готовится к изданию последний том, охватывающий период 1935–1939 гг. В это же время совместно с северо-американскими учеными он запускает другой крупный проект: “Трагедия советской деревни 1927–1939”. Последнее завершающее издание (т. 5, кн. 2) вышло в 2006 г., после его смерти. Добавим к этому отдельные серии и тома, менее известные, но не менее важные, такие как “Кооперативно-колхозное строительство в СССР” или “Спецпереселенцы в Западной Сибири”, подготовленные совместно с С.А. Красильниковым⁶. Нельзя не упомянуть еще пять томов издания “Как ломали НЭП: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б)”⁷.

В работе над этими изданиями Виктор Петрович Данилов создал научные команды, разработал издательские принципы, составил предисловия и комментарии. Только исключительная работоспособность, непреодолимое желание познакомить читателей с найденными документами позволили осуществить этот подвиг. В.П. Данилов любил архивы и документы, умел заставить их говорить и радовался каждый раз, когда находил важный документ, проливающий свет на историю, которую он знал как никто другой. Он умел разделять это воодушевление с другими и именно эта способность позволила ему создать научные коллективы и заставить их работать с энтузиазмом. Грандиозная работа, которая была проделана, дает уже новое видение истории

⁶ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. Новосибирск, 1992; Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г. Новосибирск, 1993; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. Новосибирск, 1994; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1938–1945 гг. Новосибирск, 1994.

⁷ Как ломали НЭП: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929. В 5 т. М., 2000. Т. 1–5.

крестьянства, будь то сила крестьянских восстаний, которая привела большевиков к провозглашению нэпа, размах голода в первой половине 1920-х годов, политические устремления крестьян в 1920-х годах, подробности репрессий в ходе коллективизации или “Великого террора”. По всем этим вопросам в настоящее время в распоряжении историков имеются исключительной ценности документы. Теперь самое время вводить эти документы в исследовательский оборот, к чему, в принципе, некоторые уже приступили⁸.

Продельвая такую грандиозную работу, В.П. Данилов прекрасно осознавал, что он жертвует написанием своих собственных работ. Он надеялся, что, закончив обе издательские программы, сможет приступить к написанию книг по истории коллективизации, о крестьянской культуре, частушках, вновь обратиться к своей концепции крестьянской революции. У него не хватило времени, и никто не сможет сделать это, как сделал бы это он.

Параллельно с публикаторской работой В.П. Данилов на протяжении многих лет проводит в Интерцентре Московской школы социальных и экономических наук теоретический семинар, посвященный историкам и социологам, изучавшим аграрную проблематику. В рамках Интерцентра он являлся также редактором ежегодника “Крестьяноведение: Теория. История. Современность”, многие выпуски которого были изданы.

На протяжении периода со времен перестройки до своей смерти Виктор Петрович был окружен уважением со стороны российских и зарубежных историков (англичан, американцев, французов, японцев, австралийцев, корейцев, шведов). Его постоянно приглашали на международные конференции. Ему предлагали проводить семинары и читать циклы лекций. Только его родной институт продолжал игнорировать его работу, и он страдал от этого. Это признание не могло компенсировать украденные у него годы.

Он был последним выходцем из великой школы российских аграриев, уходящей своими корнями в деятельность земств. Сейчас мы начинаем осознавать, насколько велика пустота, образовавшаяся после его кончины.

---

⁸ См.: *Тархова Н.С.* Армия и крестьянство: Красная Армия и коллективизация советской деревни. 1928–1933. СПб., 2006.

ИЗ АРХИВА К.Н. ТАРНОВСКОГО

Константин Николаевич Тарновский (1921–1997) – один из самых выдающихся историков нашего поколения. Его по праву признают за молодую энергию талантливости и благородную направленность общественного темперамента и “шестидесятником” (хотя к ним относят преимущественно родившихся уже в 1930-е годы). Его научные достижения тем более достойны уважения, что К.Н. смог приступить к серьезным занятиям историей только пройдя весь путь войны в действующей армии. И сразу выделился даже среди студентов своего курса, давшего затем науке немало видных историков. Новаторские по замыслу и выводам исследования К.Н. изначально отличались источниковедческой основательностью и высокой историографической культурой, и К.Н. еще молодым утвердился в ряду ведущих специалистов и по истории России эпохи империализма, и по проблематике источниковедения и историографии. А так как это сочеталось с незаурядным педагогическим даром и лектора, и руководителя семинарских занятий, то К.Н. стал и почитаемым и особо любимым вузовским преподавателем. К.Н. присущи были и организаторский талант, и склонность к редакторской работе, тяга к публичной общественной деятельности.

Доброжелательное, заинтересованное отношение к людям, душевная открытость, умение слушать при отсутствии манеры менторской подачи своих суждений, широкая эрудиция (и не только в сфере гуманитарных наук, но и музыкальная) делали общение с К.Н. притягательным и для тех, кто не был с ним близко знаком. А когда К.Н. был рано сражен инфарктом и подвижность его стала ограниченной, гостеприимный дом Мары Платоновны и К.Н. – особенно в теплые месяцы дача (которую они снимали на станции “42-й километр” по Казанской железной дороге) – были средоточием общения ученых разных поколений. Обаятельный образ мудрого и любознательного собеседника запечатлелся в памяти и моих учеников, приезжавших ко мне на вблизи расположенную дачу и видевших его гостем и докладчиком на заседаниях нашего научного студенческого кружка источниковедения в Историко-архивном институте. Он откликнулся и душевной рецензией благословения на дальнейшую творческую деятельность, характеризуя сборник трудов кружковцев, подготовленный в 1980 г. к 30-летию кружка. Осознавая, что “для большинства авторов это первая научная публикация”, заключил рецензию такими словами: “Третий сборник работ кружковцев, как и первые два, вызывает живой интерес историков. Он привлекает не только полученными результатами: работы молодых исследователей нацеливают на дальнейшую разработку и изучение исторических источников по отечественной истории и прежде всего архивных документов”¹.

Но яркая даровитость, независимость суждений и твердость в убеждениях, уважительное внимание, оказываемое К.Н. видными по положению учеными, в то же время возрастающие симпатии научной молодежи у некоторых

¹ Тарновский К.Н. Рец. на кн.: Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины: Сб. ст. М., 1980 // СА. 1981. № 4. С. 86.

К.Н. Тарновский

вызывали настороженность и даже зависть, а у партийных бюрократов, определявших политико-идеологическую направленность работы историков, и недовольство. И это стало препятствием реализации себя К.Н. с должной трибуной в научной работе, и особенно в педагогической: “школа Тарновского” формировалась преимущественно из тянувшихся к нему остепененных уже ученых.

Мог наблюдать, каким творчески результативным становилось для студентов общение с К.Н., когда его снова допустили к преподаванию, но теперь уже не на кафедре МГУ, а в Историко-архивном институте (это – одна из первых акций нового ректора МГИАИ Н.П. Красавченко). Там особое значение имело и то, что в основе всех построений ученого была прежде всего архивная документация. А когда в конце 1970-х годов

рекомендовал К.Н. руководителям учебной программы телевидения для проведения цикла передач по отечественной истории XIX – начала XX в. (являющегося продолжением цикла по отечественной истории предшествующего времени, который я вел уже несколько лет), то К.Н. сразу завоевал признание и у методистов, и у учащихся, и нашу беседу троих – К.Н., Г.Х. Шахназарова (юриста и политолога, чл.-корр. РАН с 1987 г.) и меня – с учительницей истории И.В. Боганцевой стали передавать как знаковую в День учителя.

Список печатных трудов К.Н. и литература о К.Н. опубликованы в 118-м томе “Исторических записок”, вслед за статьей “Творческий путь К.Н. Тарновского” (авторы В.А. Емец, В.В. Шелохаев). Основная литература об ученом указана в статье о нем Н.А. Ивановой в книге “Историки России. Биографии” (М., 2001). Однако среди неотмеченного там – опубликованное в томах “Археографического ежегодника”. К.Н. не только принимал участие в организуемых Археографической комиссией заседаниях (что отражено в хроникальных сообщениях) и выступал со статьями в ее Ежегоднике (книги за 1980, 1983, 1987 гг.), но в АЕ за 1987 год опубликован некролог, написанный Б.Б. Дубенцовым, в АЕ за 1991 год к 70-летию со дня рождения историка помещены статьи о нем (А.А. Курносова, С.О. Шмидта) и хроника заседания памяти К.Н. Тарновского.

Архив К.Н. передали в Центральный архив документальных коллекций Москвы (ЦАДКМ), ныне получивший название “Центральный архив-музей личных коллекций”. Это – фонд № 157, краткое описание которого в составленном А.А. Кацем справочнике “Центральные архивы Москвы. Путеводитель по фондам личного происхождения” (М., 1998. С. 143–144). На страницах 314–324 АЕ за 1998 год А.А. Кац опубликовал и статью “Материалы личного фонда К.Н. Тарновского в ЦАДКМ”.

Но часть документов остается у вдовы К.Н. и дочери их Татьяны, которые разрешили напечатать отобранное ими. Публикуемые письма свидетельствуют об отношении к К.Н. виднейших ученых и старшего, и младшего поколений.

Письмо академика Николая Михайловича Дружинина (1886–1986) – поздравительное к 50-летию. Академик благодарит за статью “Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии (дискуссии начала 1960-х годов)”, помещенную в сборнике статей “Проблемы социально-экономической истории России: К 85-летию со дня рождения академика Николая Михайловича Дружинина”, вышедшем в Москве в издательстве “Наука” к 12 января 1971 г. В это время Отделом науки ЦК КПСС было уже инициировано решение о неутверждении К.Н. в ученой степени доктора исторических наук – и это после того, как голосование членов Ученого совета ИИ АН СССР было единогласным и получено было 17 положительных отзывов и от отдельных специалистов, и от кафедр вузов! И авторитетнейший в кругу историков их самый старший коллега счел важным продемонстрировать свою особо высокую оценку и автореферата диссертации. Это было тем более существенно, так как все знали, что именно Н.М. Дружинин отличается строгой сдержанностью в своих оценках. Два другие письма – соболезнования, адресованные Маре Платоновне ленинградскими друзьями К.Н. – Рафаилом Шоломовичем Ганелиным (чл.-корр. РАН с 1991 г.) и Александром Александровичем Фурсенко (чл.-корр. РАН с 1987 г., академик – с 1990 г.). Ученые Петербурга оказали большую поддержку К.Н. в период его преследования, организовали защиту докторской диссертации (правда, по иной уже тематике). К.Н. очень любил бывать в Ленинграде, работать в архивах, общаться с друзьями. В Петербурге к 80-летию со дня рождения историка провели Всероссийскую научную конференцию в академическом Институте истории (в помещении которого К.Н. защищал диссертацию и не раз выступал с докладами). Материалы ее стали основой сборника статей “Константин Николаевич Тарновский. Историк и его время: Историография. Воспоминания. Исследования” (СПб., 2002).

С.О. Шмидт

Н.М. Дружинин – К.Н. Тарновскому

Москва
7/Х 1971

Дорогой Константин Николаевич

От всей души поздравляю Вас с днем рожденья и желаю Вам здоровья, бодрости и новых успехов в науке! Разделяю те дружеские чувства, которые питает к Вам наш товарищеский коллектив. Мысленно крепко жму Вашу руку и присоединяю свой голос к тем приветствиям, которые Вы услышите сегодня, в 50-й год своей жизни.

Летом я написал Вам письмо, в котором благодарил Вас за прекрасную статью в сборнике, но узнал, что Вы больны, находитесь вне дома и нуждаетесь в полном спокойствии. Письмо осталось неотправленным. Пользуюсь случаем, чтобы повторить Вам слова благодарности за помещение в сборнике Вашего историографического анализа того движения мысли, которое привело к созданию цельной концепции формирования и развития империализма в России. Вкратце этот процесс очерчен в Вашем автореферате, который я прочел с большим интересом и вниманием. По своему содержанию автореферат смыкается с той рукописью о предпосылках Октябрьской революции, которую несколько лет на-

зад Вы мне прислали и которая хранится в моей библиотеке. Уже тогда я сумел оценить ясность Ваших мыслей и убедительность Ваших выводов.

Уверен, что Вы еще много дадите нашей исторической науке. Ведь 50 лет – это период кульминации научной деятельности ученого!

Всего, всего Вам лучшего

Ваш Н. Дружинин

Р.Ш. Ганелин – семье К.Н. Тарновского

Дорогие!

Только что, вернувшись в Ленинград из Усть-Нарвы, узнал о горе не только вашем, но и общем. Звоню вам, но безуспешно. Не могу опомниться. Он был, пожалуй, самым духовно близким мне человеком. Каждая наша с ним встреча будет в моей памяти до конца жизни. Такого сочетания талантливости и благородства нет ни у кого.

Говорят, что осенью будет посвященное Косте заседание. Я обязательно приеду.

Ума не приложу, как это мне из ЛОИИ не сообщили, я бы добрался как-нибудь.

Обнимаю вас всех!

Ваш Р. Ганелин

27 июля [19]87

А.А. Фурсенко – М.П. Тарновской

1/VIII – [19]87

Дорогая Мара Платоновна!

Пишу Вам с опозданием, т.к. только что вернулся из отпуска и узнал о кончине Кости.

Все мы – ленинградцы относились к нему с глубоким уважением и дружеской симпатией. Костя был замечательный ученый, славный и добрый человек. Испытания, выпавшие на его долю, были чрезмерными. Они подорвали его здоровье, но не сломили духа. Его стойкость всем нам пример.

Я лично благодарен Косте и за поддержку, которую он оказал мне более 20 лет назад при утверждении моей докторской диссертации – книги о нефтяных трестах.

К сожалению, мы его смогли поддержать лишь много лет спустя, когда он защищался в Ленинграде, хотя все у него учились, изучали его труды.

Глубоко скорбим по поводу Костиной безвременной кончины, всегда будем помнить его и выражаем Вам свое искренне сочувствие.

Ваш А. Фурсенко

ИЗ ПИСЕМ ИСТОРИКОВ А.И. ЮХТУ

В последнее время в обществе возрос интерес к роли личности в историческом процессе и не только государственного деятеля, но и человека науки, культуры. Наиболее полно раскрыть образ ученого, увидеть окружающий мир его глазами, прикоснуться к тайне зарождения новых замыслов и идей, понять истоки творческого самопознания – задача крайне сложная. Ее решение требует комплексного подхода, основанного на тщательном изучении трудов и широкого круга архивных источников. Обращение к эпистолярному наследию позволяет выявить новые сведения о деятельности ученых, пролить свет на малоизвестные факты их личной жизни, глубже проникнуть в атмосферу эпохи, в которой они творили. В этом отношении письма к А.И. Юхту¹, отложившиеся в его личном фонде в АРАН (Ф. 2068), представляют собой ценность как для специалистов, так и для всех, интересующихся отечественной историей науки и культуры.

Александр Исаевич Юхт (1917–1995) родился в Киеве. После окончания школы-семилетки в Ленинграде работал токарем на заводе им. Воскова в Сестрорецке. В 1935–1937 гг. учился на рабфаке при Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта, в 1937–1941 гг. на историческом факультете Ленинградского государственного университета.

В июле 1941 г. А.И. Юхт добровольно вступил в ряды ополченцев по защите Ленинграда. В составе войск Ленинградского и 3-го Прибалтийского фронтов А.И. Юхт прошел всю войну, был командиром орудия. За участие в Великой Отечественной войне он был награжден Орденом славы III степени (1945), двумя медалями “За отвагу” (1944), медалями “За оборону Ленинграда” (1943), “За победу над Германией” (1945) и др.

Научно-исследовательскую деятельность А.И. Юхт начал в Астрахани, где после демобилизации из армии работал старшим преподавателем кафедры истории СССР в Астраханском государственном педагогическом институте им. С.М. Кирова (1946–1951 гг.). С 1951 по 1957 г. А.И. Юхт совмещал преподавание истории в Астраханском сельскохозяйственном техникуме с лекторской работой в Вечернем университете марксизма-ленинизма при Астраханском горкоме КПСС. В 1957 г. А.И. Юхт переехал в Москву. В 1957–1958 гг. преподавал на подготовительных курсах при МГИАИ, с 1958 г. стал старшим научным сотрудником ЦГАДА. В 1959 г. защитил кандидатскую диссертацию – “Армянская колония в Астрахани в первой половине XVIII в.”

С 1960 по 1968 г. А.И. Юхт работал в должности старшего научного редактора, затем заведующего редакцией Истории СССР издательства Академии наук СССР. В 1968 г. он был зачислен на должность старшего научного сотрудника сектора истории СССР периода феодализма Института истории СССР АН СССР и назначен ответственным секретарем “Исторических записок”. В ноябре 1975 г. А.И. Юхт был утвержден заместителем главного редак-

¹ О научном пути и творческом наследии А.И. Юхта, ученого-историка, прошедшего дорогами Великой Отечественной войны, см.: *Преображенский А.А.* Творческий путь Александра Исаевича Юхта (1917–1995): К 80-летию со дня рождения // Преображенский А.А. Историк об историках России XX столетия. М., 2000. С. 274–291.

А.И. Юхт в читальном зале ЦГАДА. 1956 г.

тора этого издания. При его непосредственном участии в свет вышли 38 томов “Исторических записок” (т. 81–118).

А.И. Юхту принадлежит серия глубоких по содержанию статей и очерков по истории русской промышленности и торговых связей России с Северным Кавказом и Закавказьем, Ираном, Средней Азией и Индией в XVII–XVIII вв. На протяжении многих лет А.И. Юхт плодотворно трудился над изучением многогранной деятельности выдающегося русского ученого и крупного государственного деятеля первой половины XVIII в. В.Н. Татищева (1686–1750). Ему удалось обнаружить ряд неизвестных ранее сочинений, записок и писем В.Н. Татищева, большая часть которых была подготовлена им к печати и издана².

В 1980 г. А.И. Юхт защитил докторскую диссертацию по теме “Государственная и общественно-политическая деятельность В.Н. Татищева в 20-х – начале 30-х гг. XVIII в. (К характеристике социально-экономической политики абсолютизма)”. На ее основе в 1985 г. была издана монография³. А.И. Юхт – крупный археограф. При его участии было опубликовано большое количество источников и материалов по истории России. Он являлся одним из составителей сборников, характеризующих русско-шведские экономические отношения в XVII в.⁴, а также принимал участие в выпуске фототипического издания Русской Правды⁵.

² См., например: Василий Никитич Татищев: Записки. Письма. 1717–1750 гг. / Отв. ред. тома, авт. вступ. ст. и примеч. д-р ист. наук А.И. Юхт. М., 1990. (Научное наследство; Т. 14.)

³ Юхт А.И. Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в. М., 1985.

⁴ См.: Русско-шведские экономические отношения в XVII веке: Сб. документов М.; Л., 1960; Экономические связи между Россией и Швецией в XVII веке: Документы из советских архивов. Москва; Стокгольм, 1978.

⁵ См.: Правда Русская. М., 1963. Т. 3.

Документы А.И. Юхта были переданы в АРАН его дочерью А.А. Мироновой 10 октября 1995 г. В результате научного описания фонда было сформировано 88 дел за 1933–1994 гг., которые объединены в одну опись. Для данной публикации были отобраны письма видных деятелей отечественной исторической науки – С.Н. Валка, А.А. Зимина, А.И. Клибанова, Е.Н. Кушевой, М.В. Нечкиной – сослуживцев А.И. Юхта по Институту истории АН СССР и его Ленинградскому отделению (из тридцати писем С.Н. Валка в публикацию включено двадцать одно письмо, из трех писем М.В. Нечкиной – два). Хронологические рамки публикации охватывают период с 1970 по 1984 г.

Руководящее положение А.И. Юхта в редколлегии “Исторических записок” наложило отпечаток на письма, в которых немалое внимание уделяется вопросу о публикации трудов корреспондентов и их коллег в этом издании. Письма интересны сведениями о работах историков, совместных начинаниях ученых Москвы и Ленинграда, об академических изданиях и их подготовке. Они обогащают представления о тематике занятий и образе мысли историков, самооценке ими содеянного, их отношении к исторической литературе и современной, и прежних лет. Особо существенно отражение в письмах уважительного отношения историков к деятельности А.И. Юхта как исследователя и редактора, знатока материалов о жизни и творчестве В.Н. Татищева. Следует отметить письма С.Н. Валка (преимущественно “татищевской” тематики), представляющие несомненный интерес для истории отечественной историографии и археографии. Перед читателем раскрываются этапы работы, замыслы, пути их реализации по подготовке к изданию научного наследия В.Н. Татищева. Об этой работе с С.Н. Валком А.И. Юхт говорил на заседании памяти ученого 17 февраля 1976 г., опираясь, в частности, и на публикуемые теперь письма⁶.

Все письма – подлинники, автографы. В легенде к каждому документу указываются только номера дел и листов, так как при подготовке публикации были использованы документы одного архива, одного фонда и одной описи. Восстановленные части сокращенно написанных слов в тексте заключены в квадратные скобки, подчеркивания выделены курсивом, вписанное над строкой, вставки на полях и т.п. вносятся в текст и это не оговаривается. Имеющиеся в письмах подчеркивания фрагментов текста и иные пометы, принадлежащие А.И. Юхту, специально не отмечаются. Письма расположены по хронологии первого письма к адресату. В письмах С.Н. Валка (№ 7, 10, 11, 12, 16, 17, 19, 22) и А.А. Зимина (№ 1) даты установлены автором публикации на основании анализа содержания писем, сопоставления с другой корреспонденцией и приводятся в квадратных скобках.

Е.В. Косырева

---

⁶ См.: *Распочина Л.Н.* Совместное заседание Археографической комиссии АН СССР и Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, посвященное памяти С.Н. Валка // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 282.

Письма С.Н. Валка¹

1

Получено 1 ноября 1970 г.*

Дорогой Александр Исаевич,

Очень рад, что Вы вернулись с юга отдохнувши и так энергично принялись за татищевские дела.

У нас материалы в фонде Куника² уже просмотрены Л.Н. Семеново³ весьма внимательно и карточки будут на днях Вам высланы. И теперь уже можно предложить Вашему вниманию некоторые впечатления, существенные для дальнейшей работы.

В фонде Куника оказался в разрозненном нашими архивистами виде полный подготовленный к печати том материалов, который Куник готовил к двухсотлетнему юбилею Татищева⁴ (1886). Он состоит из документов на ок[оло] 1000 страницах, имеет подробное оглавление с перечислением полностью заголовков и даже указанием страниц.

Открывается этот том письмами Татищева Брюсу⁵ (1717) и при хронологическом расположении материала завершается астраханской главой. Но при всей массе собранного в томе материала, по задуманному содержанию нашего предприятия, пригодной оказалась бы разве только одна записка Татищева о монетном деле. Остальная масса документов – это большей частью текущая деловая переписка по частным вопросам, более же обширные донесения, их несколько, касаются тоже административно-экономических и т[ому] п[одобных] вопросов, в составе изложения которых, конечно, есть и некоторые суждения Татищева об общих вопросах. Вот и возникает сомнение, о котором мне хочется узнать Ваше мнение или теперь или после еще некоторого более близкого ознакомления Вашего с материалами, не будет ли слишком сомнительной возможность найти достаточное для составления тома соответствующее количество действительно подходящих документов?

Второе – вопросы более практические. Судя по тому, как я понял, Вы уже кое-что отдали в переписку. В этой связи возникают два вопроса.

Один вопрос – вопрос материальный, об оплате переписки. Н.Е. Носов⁶ сказал мне, что ЛОИИ обладает ограниченными денежными средствами. И на все расходы по татищевской переписке можно рассчитывать не более ста рублей. Но если возможен расчет безналичный, то сумма его не ограничена. Н.Е. Носов предлагает микрофильмирование, с последующей перепиской уже у нас.

Второй вопрос – организационный. Не было бы ли целесообразнее прежде переписывания собрать карточный каталог документов, которые могли бы быть включены в том с той целью, что потом по карточкам можно было бы с большим основанием решить основной вопрос о том, что из установленного просмотром целесообразно было бы включить в том.

Как Вы смотрите на все эти ведь сложные вопросы.

Самый сердечный привет Вам.

Ваш С. Валк

К наступающим праздникам – искреннейшие пожелания всяческого благополучия!

Д. 64. Л. 2–3.

2

Получено 9 ноября 1970 г.

Дорогой Александр Исаевич,

Пересылаю Вам шифры всех дел и документов, копии которых вошли в сборник Куника, о котором Вам писал. К сожалению, навряд ли они все точны в настоящее время и сохранили свою прежнюю нумерацию.

Надеюсь прислать Вам и оглавление, по которому можно весьма судить о навевающем пессимизм составе сборника. К сожалению, это оглавление, как и все куниковские материалы, в архиве, а они перепиской не желают заниматься.

Сердечный привет Вам и самые лучшие пожелания к наступающим праздникам.

Ваш С. Валк

Д. 64. Л. 4.

* Здесь и далее даты получения писем написаны А.И. Юхтом.

Получено 14 января 1971 г.

Дорогой Александр Исаевич,

Очень рад Вашему письму и тому, что несмотря на Вашу занятость “Историческими записками”⁷, Вы все же не оставили своим вниманием и татищевский материал. Конечно, Вы правы, что год срок малый. Но ведь то, что предполагается и что возможно, не затягивая на долгие времена, сделать, это даже, конечно, случайный, но все же хотя бы не очень большой, но новый и существенный для биографии и деятельности материал. Будет ли он велик, что было бы, конечно, большой удачей и наиболее желанным, это, конечно, наперед не предугадаешь. Во всяком случае, можно будет сказать, что если всякое даяние благо, то и здесь нам скажут спасибо. Поэтому надеюсь, что всякая Ваша находка будет важна для будущего исследователя. Конечно, при обилии материала можно будет подумать в будущем и об еще одном томе.

Новый год только наступает теперь, он еще по сути дела делает свои первые шаги. Пожелаю Вам и Вашей всей работе самых лучших успехов, да и вообще всяческого благополучия.

Искренне Ваш С. Валк

Д. 64. Л. 5–5 об.

16 февраля 1971 г.

Дорогой Александр Исаевич,

Все жду ответа на мое татищевское письмо. Все, что Вы найдете нового, конечно, будет в том включено. Но дело осложняется и давно известными документами, подлинники (или единственные копии которых) находятся в Москве. К счастью, эти документы по объему в большинстве подавляющем небольшого объема (основные у нас: микрофильм “Лексикона”⁸, а также “Разговор о пользе наук и училищ”⁹). Поэтому подготовка к печати других заняла бы сравнительно не так уж много времени. Но если бы это все же существенно помешало другим Вашим планам и занятиям, то, конечно, пришлось бы нам удовольствоваться микрофильмами, которыми надо было бы также экстренно нам заняться.

С оглавлением теперь неожиданно дело застряло. Архив академический закрыли на два месяца. Решили произвести там общую дезинфекцию. Для нас это чрезвычайное отягощение работ.

Как Вы поживаете? Как Ваши нелегкие дела в “Историч[еских] записках”? Если же вышли номера их в новом виде¹⁰, то до Ленинграда они еще не дошли. Пришлось ли Вам видеть наши “Вспом[огательные] историч[еские] дисциплины”¹¹? На всякий случай посылаю Вам их экземпляр.

Самый сердечный привет.

Искренне ваш С. Валк

Д. 64. Л. 6–6 об.

Получено 24 февраля 1971 г.

Дорогой Александр Исаевич,

Очень рад был получить Ваше обстоятельное письмо от 16 января. Не сразу ответил, так как хотел выяснить положение с документами уже изданными.

1) О Ваших поисках. Думаю, что они очень важны и плодотворны. Вспоминаю те документы, которые Вы мне показывали, будучи в Ленинграде; они имели общий характер. Так и теперь Вы отмечаете отчет Татищева о поездке в Швецию. Придется потом поду-

мать о включении таких документов, как частные, хоть и очень, может быть, важные в совокупности документы: об Ирбитской ярмарке¹², о создании компании по эксплуатации медных заводов и т.п., которые к тому же требуют, как Вы совершенно правильно и убедительно пишете, значительных комментариев¹³. Вообще, потом можно будет еще окончательно решить этот вопрос, как с ними быть – включить их в этот том, или же думать об особом новом сборнике.

2) Очень настоятельным оказался теперь вопрос об уже известных в печати документах. Значительная их часть издана была по рукописям, находящимся в ЦГАДА. Конечно, их нельзя перепечатывать по изданиям, а обязательно – по рукописям. Вот эту часть работы не согласились бы Вы взять на себя? Мы бы здесь переписали на машинке тексты по имеющимся изданиям, а подготовка их к печати в той мере, в которой Вы согласились бы взять на себя (основное: сверка с рукописями) оказалась бы в Ваших руках. Доля Вашей работы увеличилась бы, но она была бы для [издания] ощутительнее ведь. Если Вы согласитесь, большое Вам спасибо. Конечно, в издании все это с тщательностью [будет] отмечено. Буду Вам бесконечно признателен, если Вы отнесетесь к этому предложению положительно.

Ваш искренне С. Валк

Оглавление Куниковского сборника пришлю. Беда с тем, что архив академический не переписывает на машинке. Придется снять микрофильм или же взять рукопись к нам в ЛОИИ для переписки.

Д. 64. Л. 7–8.

6

23 февраля 1971 г.

Дорогой Александр Исаевич,

Очень признателен за Ваше письмо от 15.И.

1. Относительно подготовки к печати уже издачных ранее документов. Список их будет Вам выслан буквально на днях. А потом, полагаю, мы Вам вышлем и копии (машинписные), которые послужат Вам для непосредственной работы с подлинниками.

2. Относительно новых документов, которые будут обнаружены Вами и сочтены Вами соответствующими для их включения в том. Думаю, что как Вы правильно полагаете, их надо “обязательно посмотреть”, чтобы затем решить вопрос об их включении. Не было бы ли целесообразно, чтобы предполагаемые Вами документы кратко, как это делается в виде заголовка, отметить на карточках в самой общей форме и тогда можно будет, смотря по содержанию, судить об их будущей судьбе.

Существенен другой поднятый Вами вопрос – о комментировании документов, которое имело бы своей задачей, как Вы пишете, “их судьбу”. Думаю, что это было бы весьма важно; но сделать такую работу, чрезвычайно трудоемкую и углубляющую собственно историческую историю каждого документа, было необходимо в сборнике, преследующем тематические задачи, с соответствующим систематическим подбором документов, (напр[имер] документов, связанных с устройством заводов и т.п.). Может быть, дело издания татищевских документов в будущем наладится (как это делают, напр[имер], в Свердловске) для истории. А теперь нам это по самому размеру и характеру издания ведь невозможно.

Большое спасибо за письмо.

Всего лучшего.

Искренне Ваш С. Валк

Д. 64. Л. 10–10 об.

[Конец марта – начало апреля 1971 г.]

Дорогой Александр Исаевич,

Сотрудник нашего ЛОИИ, В.А. Шишкин¹⁴, будучи не знаком с Вами, просил навести у Вас справку о написанной им новой статье “Становление советской концессионной политики 1918–1920 гг. (по протоколам СНК)” (41 стран[ица]). В.А. Шишкин защитил совсем недавно докторскую диссертацию “Советское государство и страны Запада в 1917–1923 гг.” (Л., 1969)¹⁵, одна его статья была напечатана у нас во “Вспом[огательных] истор[ических] дисц[иплинах]” т. I¹⁶, а вторая пойдет в ближайшем готовящемся томе¹⁷. Предлагаемая статья мне кажется очень хорошо написанной и интересной. Но как Вы смотрите – можно ли рассчитывать по теме на помещение ее в “Ист[орические] зап[иски]”¹⁸. Конечно, вопрос предварительный, так как до прочтения статьи никто ничего и сказать не может. Пока вопрос ведь только предварительный. Не откажите поэтому сообщить только о том, возможно ли В.А. Шишкину предложить Вам для “Ист[орических] зап[исок]” такую работу.

Самый сердечный привет.

Искренне Ваш С. Валк

Д. 64. Л. 16.

12 апреля 1971 г.

Дорогой Александр Исаевич,

Большое спасибо за Ваше последнее письмо от 2/IV-71 г.

Посланный Вам перечень материалов не является ни в малейшей степени тем, что предлагается включить в сборник. Это только то, что предполагал включить в свой сборник Куник. К сожалению, нет такого списка документов, которые извлечены были из Кабинета Петра Великого. А, по-видимому, там должны быть небезыңтересные документы. Я занялся просмотром всех намеченных куниковских копий. Просмотрел относящиеся к Швеции бумаги. Но ни одного сводного документа, подобного тем, о которых и Вы пишете (обстоятельного донесения или журнала), пока не нашел.

Конечно, вполне с Вами согласен, что главное было бы напечатать новые и новые документы в приложениях. Но печатать, конечно, хотелось не случайные документы по частным вопросам, а существенное для характеристики взглядов. Конечно, эти документы нелегко отыскать, но все-таки надо приложить старания для их отыскания. Надеюсь, что среди куниковских копий удастся что-нибудь еще найти. По мере находок буду Вам сообщать и что просмотрено и какие-нибудь еще, быть может, полезные для дальнейших розысков.

Новые тома “Исторических записок” очень выгодно отличаются уже по своему удачному внешнему виду. И формат, и переплет сразу располагают к себе. А содержание их тоже более продуманно и интересно. После И.У. Будовница¹⁹ “Исторические записки” несомненно переживали некоторый кризис. Теперь Вы очень серьезно взялись за подготовку их и, надо думать, что, как это было и при И.У. Будовнице, “Историч[еские] записки” привлекают к себе большое и пристальное внимание и займут свое особое место среди текущих изданий. От всей души желаю Вам дальнейших успехов после столь привлекательного удачного их нового дебюта.

Самый сердечный привет.

Искренне Ваш С. Валк

Шишкин все справляется, как обстоит дело с отправленной в “И[сторические] з[аписки]” его статьей. Не черкнете ли коротко об этом озабоченному автору или мне.

С. В.

Д. 64. Л. 17–17 об.

10 июня 1971 г.

Дорогой Александр Исаевич,

Ваше письмо чрезвычайно меня ободрило. Давно хотел Вам написать, но боялся, что письмо могло бы быть лишь досадным и надоедливым напоминанием о чем-то мало осуществимом при наличии массы текущих забот в связи с Вашей нелегкой работой над "Историческими записками".

С татищевскими делами обстоит все и все скромнее. Основное, что хотелось бы иметь – новые материалы, хотя и разрозненные, в виде "приложения" в особом, не требующем единства, разделе. Ваше последнее письмо было несколько скептическим. А вот, все же еще обнаружится кое-что. Куниковские материалы еще не просмотрены целиком. Но Шведский раздел их, как и по Вашим впечатлениям, состоит из документов, которые можно издавать только в едином сочетании; ни один из них нельзя напечатать в оторванном от других виде. Иначе примечание к такому документу заняло бы место, несообразное с самим документом и его содержанием. Но все же, авось, еще найдется что-либо. В "Записках Русского географ[ического] общества" (1863, кн[ига] 3, стр[аницы] 114–124) был напечатан отрывок из отчета Татищева о поездке в Швецию²⁰ (Кабинет П[эстра] В[еликого] II, № 74, л[исты] 29–30). Вот, если оказался бы целиком, то было бы замечательно.

Помните, Вы обнаружили еще в прошлом году некоторые автобиографические документы. Может быть их стоило бы напечатать?

Пока кончу на этом, а дня через три–четыре напишу Вам подробнее, чтобы узнать и Ваше мнение о всем составе сборника. Ведь время не терпит, по плану надо в этом году том сдать.

Еще раз, в высшей степени был тронут Вашим письмом.

Искреннейше Ваш С. Валк

Д. 64. Л. 18–18 об.

[Середина июня 1971 г.]

Дорогой Александр Исаевич,

Ваше письмо поставило целый ряд существенных вопросов – это и причина задержки моего письма. Надо было переговорить и с нашей администрацией, так как по плану срок сдачи татищевской работы намечен на 1971 год.

Вы предложили два возможных варианта работы, причем 1½–2 года. Первый – составить том из одних наиболее важных документов, отражающих основные этапы жизни и административной деятельности Татищева. Судя по опыту Куника – Попова²¹ (а Попов ведь был начальником тогдашнего Москов[ского] архива Министерства юстиции), которые составили сборник в точности по таким же хронологически последовательным периодам, которые намечаете Вы, такая попытка обречена на неудачу. При объеме даже большом, на каждый раздел приходится несколько документов, дающих лишь отрывочные сведения о том, что происходило. Это – хрестоматия, которая не удовлетворит даже желающего бегло ознакомиться с документами, касающимися всей жизни Татищева.

Второй из намеченных Вами путей это – записки и официальные бумаги Татищева общего характера. Об этом у нас был разговор в Ленинграде. Но теперь, после ознакомления с материалами, Вы пишете, и с этим, по-видимому, приходится согласиться, что такого рода материал нелегко обнаружить и требуется сплошной просмотр фондов при том, как Вы пишете "нет гарантии, что поиски будут вполне успешны". К этому и некоторый приводящий административный момент. На эти сложные и не вполне обнадеживающие поиски необходимо, и в этом нет ни малейшего преувеличения, по Вашим расчетам 1½–2 года. У нас план окончания татищевской работы 1971 г. Таким образом, приходится признать, что при этих данных и сложности, и неуверенности в итогах, и в продолжительности работ приходится перестроить предполагаемый состав татищевского тома.

Полагаю, и переговорил об этом с администрацией, ограничиться одним томом. Но состав его определить из двух частей. В первой части поместить немногие важнейшие не переиздававшиеся давно произведения (“Разговор о пользе наук”, “Записку о событиях 1730 г.”²², “Лексикон” и м[ожет] б[ыть] еще); пользуясь тем, что недавно вышел том, изданный А.И. Андреевым²³, не включать там напечатанное²⁴. Вторую же часть тома печатать именно как дополнение, без каких-либо особых обязательств единства, ответно тем архивным материалам, которые Вы к тому времени сумеете обнаружить и считать соответствующими для помещения в томе. Это, надеюсь, удовлетворило бы потребностями, дав в руки читателю постоянно спрашиваемые и историками, и философами, и литераторами произведения (в особенности, “Разговор” и “Записка 1730 г.”) и вместе с тем доставив ему и некоторый существенный новый материал.

Вместе с тем, думаю, что итогом такого громадного систематического просмотра фонда, несомненно, должна была бы у Вас получиться и давно ожидаемая монография; уже прошло 110 лет со времени работы книги^{1*} Попова²⁵, а до сих пор никто ведь не заменил его новой работой. А пора ведь! Вам теперь, как говорят, и книги в руки.

Всего лучшего.

Ваш искреннейше С. Валк

Д. 64. Л. 19–20.

11

[Конец июня 1971 г.]

Дорогой Александр Исаевич,

Не писал Вам сразу, теперь как оказывается, с закрытием архива вообще придется несколько подождать, хотя к ноябрю–декабрю все должно было бы быть закончено. Но главное, и тогда и теперь, это, конечно, состав тома. Вы сами тогда считали, что думать теперь о возможности составления тома на основе уверенного положительного итога невозможно. В разговоре с Н.Е. Носовым предложил, как это и Вы считали, теперь издать том татищевских документов уже известных, но давно забытых. Это будут в основе “Лексикон” и “Разговор о пользе наук”, “Краткие экономические до деревни относящиеся записки” (напечат[аны] во “Временнике О[бщест]ва [истории] и др[евностей] Росс[ийских]”, т[ом] XII)²⁶, “Духовная”²⁷, напечатанные у Попова в приложениях: “О ревизиях поголовных и о беглых мужчинах”²⁸, “Правильное и согласное мнение шляхетства”, напечатанное в сб[орнике] “Утро” 1859 г. (Погодинский сборник²⁹). Из новых публикаций все же поместил бы вторично: написанное Татищевым, в Болдине представление о купечестве и ремеслах (“Истор[ический] арх[ив]”, т[ом] VII)³⁰. Вот это были бы произведения, которые предполагал бы включить.

Будьте добры, Александр Исаевич, взгляните на приложения к Попову, на “труды по географии”, изданные Татищевым, и на то немногое, что напечатано в “Историческом архиве”, т[ома] V, VI, VII³¹.

А в отношении того, что перечислено и что войдет к Вам, конечно, просьба принять участие в подготовке. Не согласитесь ли так, что мы Вам присылаем машинописный текст старого издания и Вы готовы к печати этот документ, который так и будет значиться как подготовленный Вами. К сожалению, у нас все задержка с перепиской.

Но для подготовки в Москве были бы те документы, которые находятся, конечно, в ЦГАДА – это почти исключительно (это преувеличенно?) в портфел[ях] Миллера³² (с этих документов были сняты хранящиеся в Эрмитажном собрании копии, которые до сих [пор] не переписаны, но, по настояниям, будто пойдут, наконец, в переписку). А затем, помеченные под № 3, “Экономические записки” в Рук[описном] отд[еле] библиотеки им. Ленина, “Духовная” Татищева подготовлена по Воронцовской копии (копии ЛОИИ) и по копии Библиотеки Академии, как наиболее надежные. Но в Москве есть тоже некоторые копии. Навряд ли стоит их привлекать к изданию, но некоторые отдельные места (относящиеся к установлению даты написания и собеседников Татищева при “Разговоре”),

^{1*} Так в тексте.

м[ожет] б[ыть], стоило бы посмотреть. “Духовная” у нас переписана, и если бы Вы согласились посмотреть московские рукописи (только повторяю два определенных места), то мы бы Вам вскоре и переслали с указанием, конечно, хранилищ и необходимых мест.

Масса вопросов, о которых, конечно, стоило бы поговорить. Может быть, Вы посетите Ленинград?

Очень буду ждать Вашего ответа. К сожалению, вся наша работа медленно движется по ряду обстоятельств.

Искренне Ваш С. Валк

С Н.Е. Носовым был разговор, что изданный том явится первым, а второй будет затем издан. Думаю, что первый том явился бы научно-литературными произведениями Татищева, а второй был заполнен *административными бумагами и перепиской* (вот сюда и вошли бы недавно изданные материалы). В предисловии к первому тому будет оговорено, что изданные *недавно* А.И. Андреевым “Труды по географии” являются основательно и целостно подобранным сборником и как недавно вышедшие не перепечатаются.

Еще раз всего, всего лучшего.

Сердечный привет С. Валк

Д. 64. Л. 21–22.

12

[Июль – август 1971 г.]

Дорогой Александр Исаевич,

Простите, что несколько задержал ответ на Ваше письмо. Тем более что оно такое обстоятельное и обнадеживающее. Очень примечательно то, что Вы нашли в рукописи “О податях”³³. Это уже второй случай, что в собрании Барсова³⁴ оказываются недостающие части хранящихся в ЦГАДА Татищевских рукописей. То же было с рукописью, напечатанною в “Истории Российской”, т[ом] 6, стр[аницы] 281–308³⁵. Рукопись этой “Выписки из истории с начала царствования царя Федора Ивановича” описана на стр[анице] 10 под двумя номерами: 2 и 3. Суть дела изложена на стр[аницах] 16–17, а она парадоксальна. В свое время (время Карамзина³⁶) часть этой рукописи (см[отри] воспроизведение ее на стр[аницах] 10–11) была (как такие случаи были и другие) отправлена Карамзину и благополучно вернувшись в архив, находится и по сей день в архиве. Вторая же часть этой рукописи, которая не посылалась Карамзину и оставалась в архиве (ее воспроизведение см.] на стр[аницах] 14–15) в настоящее время находится в том же собрании Барсова, в котором находится вырванный из контекста отрывок о податях. Несомненно, в обоих случаях одно и то же. Кто-то (об этом я писал на стр[анице] 17) крал рукописи в ЦГАДА и (тут приходится поставить многоточие), эти рукописи неизвестными путями потом оказывались (уже второй случай!) в собрании Барсова.

Что касается “Духовной”, то во избежание недоразумений из-за каких-либо мелочей, решил точно считать все имеющиеся копии духовных, что и сделано. Из двух рукописей “Духовных” Ленинской библиотеки одна у нас считана по фотокопии, у нас имеющейся, а для другой мы просили уже выслать микрофильм. Вот просьба. Список “Духовной” из Исторического музея нами тоже заказан, так не затрудняли бы Вас, разве если Вам придется по каким-либо делам побывать в Музее, то, может быть, к слову Вы спросили бы, выслан ли нам микрофильм. Самое огорчительное, конечно, это вопрос о рукописи “Экономических замечаний”. Их сообщил во “Временнике” какой-то С. Серебряков³⁷. Никаких данных о том, кто он такой, у меня, к сожалению, нет. Но видно он человек не случайный для “Временника” и исторической науки, так как во “Временнике” были помещены еще две его вещи: в кн[иге] III³⁸ он поместил 2 письма, связанные с именем ростовского митрополита Ионы³⁹, а [в] кн[иге] IV⁴⁰ “Временника” – два документа, связанные с заемной кабалой.

Теперь готовим работу Татищева о мамонтовых костях⁴¹. Весьма занимательные здесь всякие рассуждения о мамонтах до потопа и после потопа. Эта рукопись с замечаниями Прокоповича⁴² еще не была опубликована.

Самый сердечный привет!

Искреннейше Ваш С. Валк

Д. 64. Л. 23–24.

29 сентября 1971 г.

Дорогой Александр Исаевич,

Вчера получил рукописи подготовленных Вами к печати текстов. Никак не предполагал, что Вам придется проделать такой поистине громаднейший труд. Но теперь еще и другая просьба. Во “Временнике Общ[ества] истории и древностей российских”, кн[ига] 12, были напечатаны “Экономические записки для управляющего деревней”, без указания источника, откуда они заимствованы. Полагаю, что рукопись их должна находиться, всего вероятнее, в Ленинской библиотеке, в рукописном ее отделении. Она у нас пере[печатана] на машинке. Если бы Вы нашли время узнать, действительно ли она в Лен[инской] библиотеке или, что менее вероятно, в ЦГАДА и опять проделать ту утомительнейшую работу, которая так замечательно тщательно Вами проделана, то, конечно, издание было бы Вам обязано многим и многим.

Включаем и трактат Татищева о мамонтовой кости. Что самое замечательное, это то, что оказались четыре собственноручных рисунка к статье (а Татищев ведь был первым в мировой литературе, который открыл существование мамонтов, ранее определяемых как слоны). Это в издании будет связано и со статьей специалиста по мамонтам, сотрудника академического зоологического музея В.Е. Гарутта⁴³, известного и за рубежом специалиста по мамонтам.

О планах написал Вам совсем перед получением посылки, за которую, повторяю еще раз, самая душевная Вам благодарность.

Сердечно Ваш С. Валк

Д. 64. Л. 25–25 об.

2 октября 1971 г.

Дорогой Александр Исаевич,

Рукопись, с которой снималась посланная Вам копия, казалось, заслуживала бы большего уважения, чем текст Попова. И, в одном отношении, она оказалась, действительно, лучшей, ибо полнее. Но в другом отношении эта рукопись оказалась хуже, и вот почему. Когда Екатерина II занялась историей, ей из московского архива (не говоря уже о том, что было в Петербурге) доставлялись всякие материалы и первее всего миллеровские. С московских рукописей здесь снимались копии, попадавшие в тогдашнюю библиотеку Эрмитажа. Теперь Эрмитажное собрание [в] полном своем рукописном составе находится в нашей Публичной библиотеке (впрочем, кое-что и ценное, как, напр[имер], нечто Щербатова⁴⁴, остается по сей день в теперешнем Эрмитаже). Копии, посланные Вам, были копиями не Попова, а именно копиями Эрмитажного собрания.

Копии, которые оказались на машинописных стр[аницах] 19–22 и которых текста нет у Попова, имеются именно в Эрмитажном собрании. Из двух отрывков на этих страницах для второго (“о беглых крестьянах ко изъяснению...”) у нас оказалась фотография – (подлинник находится в ЦГАДА – ф[онд] 135, оп[ись] 5, рубр[ика] I, № 5, лл. 19–19 об[орот]), поэтому можно и не затруднять Вас, но для первой о податях нет ни фото, ни указаний на шифр дела. Не окажется ли эта часть там же, где и “о беглых крестьянах”.

Что же касается принятых Вами обозначений, то у нас некоторые упрощения, как то – нигде мы не приводим имени Татищева при формулировке варианта, так как только татищевские варианты и приводятся (напр[имер], “зач.”, а не “зачеркнуто Татищевым”; так же: “исправлено из...”, “вм[есто] зач[еркнутого]”, “на поле”. Вот, кажется, и все.

Теперь дело за экономическими записками, о которых Вам только что писал. Это довольно, сравнительно, большая рукопись. Самое теперь существенное – узнать, где ее подлинник. А потом уже решите, трудно или нет Вам по времени будет самому ее сверить, или же придется заказать микрофильм, по которому уже сверим здесь сами.

Во всяком случае – величайшее Вам спасибо за Ваше участие.

По-видимому, “Ист[орические] зап[иски]” отнимают у Вас массу времени! Когда же Вы успеваете и урвать время для Вашей собственной работы?

Самый сердечный привет.

Ваш С. Валк

Д. 64. Л. 26–27.

15

14 октября 1971 г.

Дорогой Александр Исаевич,

дня четыре тому назад послал Вам письмо, но оказалось, что оно могло застрять здесь еще по пути к почтовому ящику. Поэтому пишу для уверенности, повторяя вкратце посланное.

1. Отрывки, которые вы не обнаружили в ЦГАДА, были списаны, как и все рукописи, не с текста Попова, а, как, кажется, и ранее писал Вам, с Эрмитажной екатерининских времен копии. Для отрывка о беглых крестьянах у нас оказалась фотокопия (снята с рукописи ЦГАДА, ф[онд] 135, отд[ел] 5, рубр[ика] I, д. 5, лл. 19–19 об[орот]). Но для куска о податях, если его не оказывается в ЦГАДА, придется взять за основу екатерининскую копию, как она, по Вашим крайне убедительным наблюдениям, ни плоха.

2. Посылаемая Вам рукопись экономических заметок – никаких, по-видимому, не имеется в литературе указаний на местонахождение ее рукописного источника, по которому она была напечатана во “Временнике Общ[ест]ва истории и древностей” (т. 12). Надо полагать, что ее нет в ЦГАДА, который был обследован тщательно А.И. Андреевым. Нет ее и в Истор[ическом] музее. Надежда на Ленинскую библиотеку, что она там окажется. Если бы она там действительно оказалась, о чем самая первая просьба узнать, то тогда просьба вторая – Вам решать, как Вы сочтете и по времени и по другим Вашим обстоятельствам, или самому ее сверить с подлинником (или копией) или, если для Вас это затруднительно, передать наш прилагаемый заказ для микрофильмирования.

Конечно, работа по сверке – не малая и потому всецело пойму всякое Ваше решение.

Как Ваша исследовательская татищевская работа? В связи с предстоящим 300-соплетием она ведь будет так важна!

Самый сердечный привет.

Искреннейше Ваш С. Валк

Все же надеюсь, что мое письмо дошло!

Д. 64. Л. 29–29 об.

16

[Не ранее 14 октября 1971 г.]

Дорогой Александр Исаевич,

Весьма обрадован тем, что Вы принялись за работу над Татищевым вплотную. Ведь Ваша статья о Татищеве в Швеции⁴⁵ является, надо думать, началом большой общей работы, написание которой давно назрело. Работе Попова о Татищеве ведь уже более ста лет. До трехсотлетия со дня рождения Попова^{2*} остается еще пятнадцать лет. За эти годы, я уверен, Вам удастся написать новую, взамен Попова, общую обстоятельную монографию (да для этого и, думаю, даже при Вашей занятости так долго не придется ждать). Желаю Вам всяческого успеха и буду рад вдвойне и тому, что Вы ее написали, и тому, что будет так почтен Татищев. Еще раз всяческого, всяческого успеха Вам в этой работе.

^{2*} Так в тексте.

А теперь деловая просьба. Не затруднит [Вас] сверка с московской рукописью работы Татищева о ревизии поголовной⁴⁶, которую решаюсь послать Вам? Правда, можно бы подождать и выписать микрофильм. Это мы сделаем обязательно из-за корректур, так как в таких случаях издательство обычно торопит и можно ограничиться микрофильмом. В Москве эта рукопись в ЦГАДА, ф[онд] 199, оп[ись] 1, № 46/15. И вторая о беглых, № 46/14.

Потом к Вам будут еще просьбы. Конечно, все, чем Вы будете заняты таким образом, будет, как следует, отмечено в издании.

Самый сердечный привет.

Искренне Ваш С. Валк

Посылаем на днях рукопись в адрес “Исторических записок”, м[ожет] б[ыть], это надежнее.

Просьба: 1) отметить всю правку Татищева;

2) сообщить данные о самих рукописях (формат листов – в лист, в четверть, количество листов и всякие пометы).

Д. 64. Л. 30–30 об.

17

[Конец 1971 г.]

Дорогой Александр Исаевич,

Простите, что не сразу Вам ответил и не поблагодарил за Вашу готовность сверять документы.

На днях был у меня разговор с Н.Е. Носовым относительно татищевских материалов и подготовки сборника в связи с приближающимся вскоре 300-летним юбилеем Татищева. Н.Е. Носов благоприятно отнесся к этому и предложил внести уже в план следующего года предложение о подготовке такого сборника. Конечно, основная масса материалов находится в московских, уральских и астраханских архивах, прежде всего, конечно, именно московских. Здесь, в Ленинграде, имеются лишь куниковские копии, которые могли бы послужить, вероятно, лишь основой для дальнейших розысков. Как Вы смотрите на возможность подготовки такого, вероятно не менее двухтомного сборника? Вероятно, и срок надо было бы на 2–3 года для его подготовки. Вероятно, пришлось бы привлечь и уральских архивистов? Подумайте, пожалуйста, обо всем этом и черкните, каково Ваше отношение к такому замыслу.

По-видимому, Вы заинтересовались уже Татищевым, и за Вашей шведской о нем статьей последуют и другие. Думается поэтому, что обе эти работы, исследование и издание документов, дополняли бы одна другую.

Как поживаете? Каковы “Исторические записки”? Начало новому их внешнему виду и также содержание первых томов вышло очень ободряющее.

По-видимому, помимо уже посланного мне придется попросить Вас еще об одной услуге в связи с татищевскими экономическими записками.

Самый сердечный привет Вам.

Искренне Ваш С. Валк

Д. 64. Л. 31–31 об.

18

Получено 4 февраля 1972 г.

Дорогой Александр Исаевич,

Большое спасибо за присланный Вами мне том “Исторических записок”. Прежде всего, конечно, прочел Вашу статью⁴⁷, и очень был рад тому, что Вы так вплотную занялись Татищевым. Надеюсь, что эта статья, столь удачная и по материалу и по выполнению явится началом труда, который заменит, наконец, единственную до сих работу о Татищеве Н. Попова. Это было бы замечательным ознаменованием трехсотлетней годовщины со дня рождения Татищева.

Том Записок произвел впечатление здесь вообще уже тем, что впервые за существование издания там было отведено место ленинградским авторам⁴⁸. В томе оказались статьи, которые годы ждали своего опубликования.

Наш том Татищева почти закончен. Пришло Вам подробный перечень состава, когда выяснится он окончательно. Возможно, быть может, что при обсуждении будут какие-либо голоса за расширение тома.

На днях произошел трагикомический эпизод. Явился в Институт человек, который уже пять лет тому назад занялся статьей Татищева о мамонте, не сумел ее напечатать и теперь вдруг узнал, что она издается нами. Весьма взволнованный, он, после ознакомления с нашим изданием, попросил только о том, чтобы упомянуть где-либо о том, что он работал над Татищевым (его статья о Татищеве помещена в первом томе "Людей русской науки"⁴⁹).

Всего лучшего, особенно дальнейших успехов в Татищевской работе.

Сердечно Ваш С. Валк

Д. 64. Л. 32–32 об.

19

[Конец 1972 г.]

Дорогой Александр Исаевич,

Давно не имел от Вас никаких вестей и тем радостнее была для меня Ваша поздравительная телеграмма. Теперь же увидел в очередном только что вышедшем томе наряду с моей статьей⁵⁰ и Вашу совместную с Вашей супругой написанную статью⁵¹. Такая встреча доставила мне большое удовольствие. А в самом деле – не придется ли Вам по делам хотя бы "Историч[еских] записок" побывать в Ленинграде? Очень был [бы рад] Вас здесь по-видать, поговорить, да и просто поболтать.

Со слов Игоря Павловича⁵² Вы уже знаете, что Татищев временно отложен. Но то, что он готов вполне, весьма обнадеживает, что дело все же не погибнет.

Буду очень рад, если напишете, что пожелаете продолжать и Ваши работы над Татищевым. Ведь начало их было столь удачно, что появилась надежда получить в итоге Ваших работ настоящую книгу о Татищеве. Всяческого успеха Вам в этом желаю.

Сердечный привет Вам и Вашей супруге.

Ваш душевно С. Валк

Д. 64. Л. 33–33 об.

20

24 февраля 1973 г.

Дорогой Александр Исаевич,

Не собрался ответить тотчас после получения Вашего милого кисловодского письма, а потом и не знал, в Кисловодске Вы или уже в Москве. Вот так и затянулось дело. Да и в том задержки, что жизнь здесь в Ленинграде течет ведь по провинциальному медленнее, даже неизмеримо медленнее, чем в столичной Москве. Яркий пример – тот же общий наш интерес к Татищеву. Вам трудно уделить достаточное время этой работе из-за обилия массы лежащих на Вас других необходимо неизбежных работ. А у нас готовый Татищев ждет не дожидается включения в какие-либо планы издания.

В связи с приближающимся 300-летием со дня рождения Татищева, конечно, Ваша работа должна оказаться ее значительнейшим событием. Искреннейше пожелаю Вам продолжения и успешнейшего завершения так удачно начатого труда, который обещает стать такою же основной работой, какой в течение уже более ста лет была, теперь безнадежно устаревшая, работа Нила Попова.

О своей работе много писать не приходится. Она из году в год движется по установленной дорожке. Конечно, Вы знакомы хорошо со "Вспомогательными историческими

дисциплинами". В этом году выходит уже пятый их том. А шестой том лежит в издательстве, ожидая своего выхода в следующем году. Надо пожалеть, что очень ограничен круг ученых, по-ученому занимающихся этими предметами.

А "Исторические записки" в новом виде стали гораздо интереснее и тоже уже в недалеком будущем ведь отпразднуют столетнюю^{3*} ступень своего полезнейшего и по-настоящему научного выхода в свет.

Очень рад буду всяким Вашим сообщениям. Не появитесь ли Вы в Ленинграде? Был бы очень рад свиданию с Вами.

Всего лучшего!

Искренне Ваш С. Валк

Д. 64. Л. 34–35 об.

21

Январь 1975 г.

Дорогой Александр Исаевич,

Очень тронуло меня Ваше столь дружеское письмо. Всегда был рад тому, что познакомился с Вами и что сразу же установились у нас такие взаимно дружеские отношения. Конечно, покойник Татищев сыграл здесь тоже свою роль. Как подвигается у Вас работа над ним? Желая Вам всяческого успеха и успеха в завершении ее.

К наступающему новому году самые сердечные пожелания, всего всего доброго.

Искреннейше преданный С. Валк

Д. 64. Л. 36.

Письма М.В. Нечкиной⁵³

1

4 мая 1972 г., "Узкое"

Дорогой Александр Исаевич!

Посылаю выправленный текст⁵⁴. Учла, кажется, все; что могла, сократила, старалась побольше, хотя страшно жаль. "За мной" остается лишь цитация книги Ешевского⁵⁵, которая в моей картотеке в городе (я сейчас работаю в "Узком"). Я буду там уже утром 10-го и сразу ее выпишу и пришлю. Я хотела было расклеить примечания по страницам, но пока воздержалась, поскольку мы об этом не договаривались.

М[ожет] б[ыть], машинистке будет проще печатать их с отдельных листов, чем разбирать подклейки?

Жму руку.

М. Нечкина

Д. 73. Л. 2–3.

2

30 декабря 1972 г., "Узкое"

Дорогой Александр Исаевич! Шлю Вам сердечное новогоднее поздравление. Прошу передать мой новогодний привет Ирине Александровне. Благодарю Вас за статью обо мне⁵⁶, для меня такую неожиданную (я ничего не знала, кроме общего намерения редакции, переданного мне С[игурдом] От[товичем] Шмидтом⁵⁷, – отметить мой давно прошедший юбилей). Я была очень тронута статьей, звонила Вам домой, передала благодарность Ирине Александровне (Вас не было дома). Но Вы меня страшно перехвалили. Прямо не

^{3*} Так в тексте.

знаю, как мне быть. Сейчас источниковедческие публикации и публикации самих источников, особенно многотомные (все герценовские у нас многотомные) – всегда дело коллектива. Особенность есть и у факсимильных публикаций (специфика техники, роль тех, кто воспроизводит). Тут у нас труд многих. *Боюсь, что некоторые бесспорные заслуги других приписаны мне и очень от этого страдаю. Чрезвычайно много сделала Е.Л. Рудницкая*⁵⁸. Н.Я. Эйдельман⁵⁹, И. Желвакова⁶⁰, Ю. Емельянов⁶¹ и другие. Вы упоминаете ряд имен, это очень верно. Одним словом, я в страшном смущении. Поговорим подробнее, когда вернусь. Вы меня очень взволновали. Шлю вам и Ирине Александровне наилучшие пожелания к Новому году.

М. Нечкина

Д. 73. Л. 4 об.–5.

Письма А.А. Зимина⁶²

1

[Декабрь 1978 г.]

Дорогой Александр Исаевич!

От всей души поздравляю Вас и Ирину Александровну⁶³ с наступающим 1979 г. Желаю доброго здоровья и успехов в “Татищевоведении”. Я – увы – вынужден в тьме и одиночестве влачить свои дни в Крыму “на зимовке”. Устроился прилично, но погода не балует (холодовато, сыровато, ветровато). Надеюсь на лучшее. Занимаюсь Русской Правдой (в который раз!). По “заказу” В.Т. Пашуто⁶⁴ пишу на эту тему книгу⁶⁵.

Как Ваши дела? Написали бы пару строк.

Ваш А. Зимин

P.S. Что слышно со статьей для “Ист[орических] зап[исок]”?⁶⁶

Д. 66. Л. 1.

2

4 января 1979 г.

Дорогой Александр Исаевич!

На днях узнал, что в декабре Вы перешагнули большой жизненный рубеж. Желаю Вам одного – доброго здоровья – в остальном я за Вас уверен.

Мы с Вами, дорогой Александр Исаевич, идем по тяжелому пути вместе вот уже сколько лет. И за все эти годы я не перестаю радоваться за Вас. Вы сумели сохранить гуманное отношение к людям, увлеченность трудом и душевное равновесие в сложных переплетах. Мне сейчас нет нужды говорить о том, что Вам “Исторические записки” обязаны многим и главное – что они сохранили значение лучшего периодического издания по истории. А это так было нелегко на “крутых поворотах истории”.

Но, как Вы знаете, я с напряженным вниманием слежу за Вашими работами о В.Н. Татищеве, открывающими впервые (по существу) в науке деятельность этого незаурядного человека в различных сферах. А без этого нам Татищева-историка не понять.

Тема, о которой Вы пишете в своем письме (1730 год), особенно заманчива. Остается пожелать, чтобы она скорее была завершена.

А я все – вот уже 40 лет (с I курса МГУ и С.В. Бахр[ушина]⁶⁷) грызу “Русскую Правду”. Хочу все-таки подвести некоторые итоги своим наблюдениям в этой области. Если все будет в относительном порядке, в начале марта собираюсь в Москву.

Поклон Ирочке.

Не забывайте.

Всегда Ваш А. Зимин

Д. 66. Л. 2–2 об.

11 февраля 1979 г.

Дорогой Александр Исаевич!

От всей души поздравляю Вас с превосходной статьей⁶⁸ (и спасибо за дружескую память). Вы – истинный труженик с настоящим чувством долга и сознанием ответственности за сказанное слово. Я просто поражаюсь и радуюсь Вашему серьезному отношению к жизни и работе. Да, мир полон проходимцами, пенкоснимателями – но нам-то что за дело до них?! Мы свой долг постараемся выполнить.

Удивительно проникновение Ваше в тему, знание таких тонкостей финансов, нумизматики, архивов и обстоятельств времени и места, которыми можно только восторгаться в немом преклонении. В Вашей области нет Вам равного. А это, конечно, накладывает страшную ответственность – “ты сам свой Высший суд”⁶⁹ – ты сам можешь только сказать себе, где ты прав и где нет – только ты один. И я чувствую, что Вы от себя требуете многого.

Когда приеду, мы поговорим о многом, касающемся Вашей работы. Тема (“Государственная деятельность В.Н. Татищева в 1720–1730-е гг.”⁷⁰) имеет большое разностороннее значение. Без отчетливой ясности о личности, взглядах, жизни В.Н., его вклад в историческую науку не понять. Я же страдаю над “Правдой Русской”. Вы идете по первопутку, я по подмосковному лесу, изгаженному бессовестными хулиганами-туристами... У меня нелегкая работа – подметать мусор. Но и она необходима.

Поклон Ирочке.

Ваш А. Зимин

P.S. Собираюсь в Москву 3/III – 79 г.

Д. 66. Л. 3–3 об.

Письмо А.И. Клибанова⁷¹

9 мая 1979 г.

Дорогой Александр Исаевич!

Пишу Вам в день 9-го мая и от души поздравляю с праздником Победы, в которую и Вы внесли свою толику.

Я уже шестой день отдыхаю на Рижском взморье, в Доме творчества художников. М[ожет] б[ыть], к концу срока путевки (24 дня) приду в себя, хотя бы в какой-то степени. Очень надеюсь на это, ибо чувство физической неполноценности очень обременяет.

Должен признаться, что меня мучает совесть из-за неосуществленного желания встретиться с Вами на “татищевской почве”. Чувствую себя перед Вами виноватым и, когда вернусь в Москву, обязательно исправлюсь. Получилось же все так потому, что я переоценил свои силы, оказавшись не в ладу с моим темпераментом. Едва вернулся из больницы – и все закружилось! Два аспиранта и два соискателя, и доклад для предстоящей итало-советской встречи историков, и публикация письма А. Блока с комментариями⁷², и статья об идейных исканиях Блока⁷³ (в будущем году столетие его рождения), и, как-никак, сердце, надорванное инфарктом.

Вас же хотел повидать и потолковать с Вами о Татищеве вовсе не потому, что я знаю о нем что-то, чего Вы не знаете. Просто хотелось стимулировать Вас к завершению работы и вступлению на диссертационный путь. А люди, подобно Вам, очень скромные, нуждаются в стимулах, приходящих извне.

Так что, пожалуйста, дорогой Александр Исаевич, не обижайтесь на меня. А о моем дружеском и глубокоуважительном к Вам отношении мне, надеюсь, писать не нужно.

Еще раз с праздником!

Всего Вам хорошего.

А.И. Клибанов

Д. 69. Л. 1–2.

8–9 марта 1984 г.

Дорогой Александр Исаевич!

Получила я Вашу открытку, которая меня и тронула, и сразу же вызвала чувство отпора допущенным в ней преувеличениям.

Начала размышлять, занялась трезвой самооценкой. Поделюсь с Вами своими размышлениями.

“Ученый”. Да, я – ученая женщина. Какой же мне можно дать эпитет? М[ожет] быть – “хороший ученый”. В понятие это я вкладываю такие качества – исследовательские способности, честность, чувство ответственности за свои слова, и устные, и печатные, преданность своей науке (это основные). “Хороший ученый” – высокая оценка, ее мне не все дадут.

Список моих печатных трудов⁷⁵ поражает пестротой, резкой сменой тематики, это в значительной степени объясняется обстоятельствами моего научного пути, нелегкого, но вместе с тем и счастливого. Смена тематики повела к тому, что ни в одной из областей исследования я не стала глубоким специалистом. Меня называют специалистом по истории народов Северного Кавказа, сложной и по этнической пестроте, и по своеобразию развития разных народов, и по международной обстановке; для меня – и по тенденциям послевоенной историографии⁷⁶. Но глубоким специалистом и в этой тематике я не стала. У Вас другое дело. Благодаря работе в изд[атель]стве и в “Исторических записках” у Вас исключительно широкий диапазон знаний и наблюдений, но есть стержень – XVIII-й век, в изучении которого Вы – глубокий специалист.

Полученная в Саратовском ун[иверсите]те школа⁷⁷ меня выручала при вынужденной смене тематики, но для глубокой специализации не хватало дыхания, способностей, целеустремленности, да и просто работоспособности. Достаточно было и т[ак] наз[ываемых] “объективных причин”, но не в них основная причина. Могла бы быть более весомой монография по истории народов С[еверного] Кавказа. Она была задумана в хронологических рамках XVI–XVII вв. Но из-за срока (вечная неуспеваемость) и из-за ограничения листажа книга, изданная в 1963 г., выполнена не для всего XVII-го века⁷⁸. А написать как бы вторую часть не удалось.

Есть одна сторона моих исследований, которая в какой-то степени их объединяет – источниковедение. Уже в саратовский период я прошла источниковедческую школу у моих учителей – П.Г. Любомирова⁷⁹, С.Н. Чернова⁸⁰, В.И. Веретенникова⁸¹, палеографа А.А. Гераклитова⁸² (называю ближайших учителей). Моя первая печатная работа 1926 г., в основном – источниковедческое исследование⁸³. С переездом в М[оскву], в 1926 г., саратовская школа была расширена и углублена научным общением с широким кругом ученых – москвичей и ленинградцев, с выдающимися историками. Подготовка публикаций сопровождалась всегда источниковедческим анализом. Иной раз наблюдения по узкому вопросу оказывались полезными для специалистов. Это я пишу себе в утешение.

Вы правы – я представительница русской интеллигенции. Но не “славная” в высоком значении этого слова.

Ю.Г. Алексеев⁸⁴ в письме спрашивает, какие у меня замыслы на 1984 год. О широких нечего и думать. Надо подготовить текст статьи для ж[урнала] “История СССР”⁸⁵, хотя бы начать доработку (самую упрощенную) сб[орни]ка документов⁸⁶. В.Д. Назаров настойчиво просит написать статью-воспоминания для сб[орни]ка Льва Владимировича⁸⁷.

Читали ли Вы в XV т. “Вспомогат[ельных] ист[орических] дисциплин” статью Н.Е. Носова⁸⁸ о Б.Д. Грекове⁸⁹ как источниковеде? Очень интересная.

Еще раз благодарю Вас за открытку и желаю Вам всего, всего хорошего.

Е. Кушева

Д. 70. Л. 1–2 об.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Валк Сигизмунд Натанович (1887–1975) – историк, археограф, доктор исторических наук (с 1936 г.), профессор (с 1946 г.), сотрудник ЛОИИ (с 1932 г.), организатор и ответственный редактор продолжающегося издания “Вспомогательные исторические дисциплины”. Начиная со второй половины 1950-х годов особое внимание уделял подготовке к печати семитомного издания “Истории Российской” В.Н. Татищева, которое в 1979 г. было дополнено томом его “Избранных произведений”, составленным еще при жизни С.Н. Валка, и которого он был ответственным редактором.
- ² Куник Арист Аристович (Эрнест-Эдуард) (1814–1899) – историк, филолог, этнограф, нумизмат, академик Петербургской академии наук (1850). Фонд А.А. Куника хранится в СПб ФА РАН – Ф. 95.
- ³ Семенова Лидия Николаевна (1937–1993) – младший научный сотрудник (1965–1980), старший научный сотрудник (1980–1985), зав. сектором истории СССР периода феодализма (с 1985 г.) ЛОИИ.
- ⁴ В заседании историко-филологического отделения Санкт-Петербургской академии наук 31 мая 1883 г., в преддверии 200-летия со дня рождения В.Н. Татищева (19 апреля 1886 г.), было принято решение издать “по возможности полное” собрание сочинений Татищева, “или, по крайней мере, наиболее важные из них” с поручением “надзора” за изданием академиком Н.В. Калачову и А.А. Кунику. Работу над подготовкой издания трудов Татищева и материалов для его биографии в заседании отделения 23 августа 1883 г. А.А. Куник предложил отражать в протоколах отделения (см.: Летопись Российской академии наук. СПб., 2003. Т. 3. 1861–1900. С. 314–342; Записки имп. Академии наук. СПб., 1873. Т. 47, кн. 1. С. 64–66, 70, 71, 75, 76). А.А. Куником был разработан план издания, составлен список сочинений, записок и писем В.Н. Татищева (см.: Куник А.А. Перечень сочинений В.Н. Татищева и материалов для его биографии, собранных академиком А.А. Куником // Записки имп. Академии наук. СПб., 1873. Т. 47, кн. 1. С. 78–87; *Он же*. Об издании сочинений В.Н. Татищева и материалы для его биографии. СПб., 1883), изготовлены копии документов, но издание осуществлено не было.
- ⁵ Брюс Яков Вилимович (1670–1735) – генерал-фельдмаршал, государственный деятель, сподвижник Петра I.
- ⁶ Носов Николай Евгеньевич (1924–1985) – историк, доктор исторических наук, зам. директора ЛОИИ (1961–1981).
- ⁷ “Исторические записки” – неперIODический сборник, в 1937–1990 гг. издавался Институтом истории АН СССР, издание возобновлено в 1995 г.
- ⁸ См.: *Татищев В.Н.* Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. Сочиненный господином тайным советником Васильем Никитичем Татищевым. [Июль 1745 г.]. СПб., 1793. Ч. 1–3; *Он же*. Лексикон, сочиненный для приписывания иноязычных слов обретающихся в России народов, для которого выбраны только такие слова, которые в простом народе употребляемы. [1730–1740-е гг.] / Публ. А.П. Аверьяновой // Уч. зап. ЛГУ. Сер. филолог. наук. Л., 1957. Вып. 23, № 197. С. 27–28, 40–83; Рукописный лексикон первой половины XVIII века. [30–40-е гг.] / Подгот. к печ. А.П. Аверьянова. Л., 1964.
- ⁹ *Татищев В.Н.* Разговор о пользе наук и училищ / С предисл. и указаниями Н.А. Попова. М., 1887.
- ¹⁰ С 85 тома, вышедшего в 1970 году, “Исторические записки” издавались в новом формате и внешнем оформлении.
- ¹¹ “Вспомогательные исторические дисциплины” – продолжающееся издание, печатный орган Санкт-Петербургского отделения АК, издающееся с 1968 г.
- ¹² Ирбит – слобода в Верхотурском уезде на р. Тура в Сибири, место проведения ежегодных ярмарок в XVII – середине XVIII в.
- ¹³ Упомянутым документам посвящена специальная статья: *Юхт А.И.* Проекты В.Н. Татищева 1721–1726 гг. о развитии промышленности и торговли на Урале и в Сибири // *История и историки: Историографический ежегодник*, 1971. М., 1973. С. 293–330.
- ¹⁴ Шишкин Валерий Александрович (1931–2006) – историк, чл.-корр. АН СССР (с 1987 г.), директор СПб ИИ РАН (1991–2000).
- ¹⁵ См.: *Шишкин В.А.* Советское государство и страны Запада в 1917–1923 гг.: Очерки становления экономических отношений. Л., 1969.
- ¹⁶ См.: *Шишкин В.А.* Документы по истории внешней экономической политики Советского государства (1918–1920 гг.) // ВИД. Л., 1968. Т. 1. С. 192–210.
- ¹⁷ См.: *Шишкин В.А.* Декрет о национализации внешней торговли 22 апреля 1918 г. // ВИД. Л., 1973. Т. 5. С. 30–49.
- ¹⁸ Статья была опубликована, см.: *Шишкин В.А.* Протоколы СНК РСФСР 1918–1920 гг. как источник по истории советской концессионной политики // ИЗ. М., 1971. Т. 88. С. 336–361.
- ¹⁹ Будовниц Исаак Уриелевич (1897–1963) – кандидат исторических наук (с 1945 г.), старший редактор Издательства АН СССР (с 1937 г.), ответственный секретарь редколлегии “Исторических записок” (до 1958 г.).
- ²⁰ См.: *Татищев В.Н.* Выписано из дневной записки Берг-коллегии советника Татищева, что он, быв при канале Арбогском, видел и слышал [1725 г.] / Публ. П.П. Пекарского // *Записки имп. Русского географического общества*. СПб., 1863. Кн. 3. С. 114–124.

- ²¹ Попов Нил Александрович (1833–1891) – историк, славяновед, архивист, чл.-корр. АН (с 1883 г.), управляющий МАМЮ (с 1886 г.).
- ²² Речь идет, очевидно, о рукописи В.Н. Татищева “Произвольное и согласное рассуждение и мнение соврагшегося шлхетства русского о правлении государственном”, впервые опубликованной М.Н. Погодиным в литературном сборнике “Утро” (СПб., 1859. С. 369–379).
- ²³ Андреев Александр Игнатьевич (1887–1959) – историк, археолог, источниковед, доктор исторических наук (с 1940 г.), в 1942–1949 гг. – старший научный сотрудник ИИ СССР АН СССР, заведующий кафедрой (с 1943 г.) вспомогательных исторических дисциплин, профессор (с 1945 г.) МГИАИ, с 1949 г. в ЛОИИ.
- ²⁴ См.: *Татищев В.Н. Избранные труды по географии России / Под ред., со вступ. ст. и коммент. А.И. Андреева. М., 1950.*
- ²⁵ См.: *Попов Н.А. В.Н. Татищев и его время: Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой половины прошедшего столетия. М., 1861.*
- ²⁶ См.: *Татищев В.Н. Краткие экономические до деревни следующие записки / Сообщ. С. Серебряков // Временник МОИДР. М., 1852. Кн. 12. С. 12–32, 3-я пагин.; “Временник императорского Московского общества истории и древностей российских” – научно-историческое издание, выходявшее в 1849–1857 гг. в Москве. Редактор – секретарь общества И.Д. Беляев.*
- ²⁷ См.: *Татищев В.Н. Духовная тайного советника и астраханского губернатора Василия Никитича Татищева, сочиненная в 1733 году сыну его Евграфу Васильевичу / Издана С.В. Друконцовым. СПб., 1773.*
- ²⁸ См.: *Татищев В.Н. Рассуждение о беглых муштинах, женщинах и о пожилых за побег. [1740-е гг.] / Публ. Н.А. Попова // Попов Н.А. Указ. соч. С. 778–798.*
- ²⁹ См. примеч. 22.
- ³⁰ См.: *Татищев В.Н. Например, представление о купечестве и ремеслах. 12 мая 1748 г. / Публ. П.К. Алефиренко // ИА. 1951. Т. 7. С. 410–426.*
- ³¹ См.: *Демидова Н.Ф. Инструкция В.Н. Татищева о порядке преподавания в школах при уральских казенных заводах // ИА. М.; Л., 1950. Т. 5. С. 166–178; Андреев А.И. Переписка В.Н. Татищева за 1746–1750 гг. // Там же. М.; Л., 1951. Т. 6. С. 245–314; Павленко Н.И. “Наказ шихтмейстеру” В.Н. Татищева // Там же. С. 199–244; См. также примеч. 30.*
- ³² Миллер Федор Иванович (Герард-Фридрих) (1705–1783) – историк, археолог, член Петербургской Академии наук (с 1731 г.), управляющий МАКИД (с 1766 г.).
- ³³ См.: *О податях // Татищев В.Н. Собр. соч.: В 8 т. (5 кн.). М., 1996. Кн. 5, т. 7: История Российская; Т. 8. Избранные произведения: Репринт с изд. 1968, 1979 гг. С. 389–391.*
- ³⁴ Барсов Еллидифор Васильевич (1836–1917) – историк, собиратель и исследователь произведений народного творчества и древней письменности.
- ³⁵ См.: *Татищев В.Н. Выписка из истории с начала царства царя Феодора Иоанновича // Татищев В.Н. Собр. соч.: В 8 т. (5 кн.). М., 1996. Т. 5, 6: История Российская: Репринт с изд. 1965–1966 гг. С. 281–308.*
- ³⁶ Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) – историк, писатель, почетный член Академии наук (с 1818 г.).
- ³⁷ Серебренников Семен Алексеевич (?–1886) – ярославский купец, коллекционер, краевед, соревнователь МОИДР, член-сотрудник Археологического общества. В публикациях его во “Временнике” МОИДР встречается подпись и Серебряков, и Серебриков, и Серебренников. Обстоятельства судьбы рукописи “Кратких экономических... замечаний”, принадлежавшей С.А. Серебренникову и подаренной им в 1850 г. И.С. Аксакову, впоследствии достаточно подробно изложены С.Н. Валком во вступительной археографической статье к изданию трудов В.Н. Татищева, где, в частности, отмечено, что «знакомые с С. Серебряковым по общему интересу к старине И.С. Аксаков и М.Н. Погодин согласно называют его Серебренниковым. В письмах к своему отцу И.С. Аксаков не раз упоминает о местном “изыскателе старины” Серебренникове, который по наследству занимался виной торговлей, “однако любил старину, как ученый, отделяя ее от живого своего быта”» (См.: *Валк С.Н. О составе издания // Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 33–35; см. также о нем: Грарский Б. Серебренников Семен Алексеевич // РБС. СПб., 1904. Т.: Сабанеев – Смыслов. С. 371–372).*
- ³⁸ См.: Два письма преосвященного Ионы митрополита Ростовского и Ярославского и казначея его иеромонаха Вассана, писанные в 1673 году в Ярославль к священнику Димитриевской церкви Иоанникию / Сообщ. Семен Серебриков // Временник МОИДР. М., 1849. Кн. 3. С. 1–3, 3-я пагин.
- ³⁹ Иона (Сысоевич) (ок. 1607–1690) – митрополит Ростовский и Ярославский (с 1652 г.).
- ⁴⁰ Два любопытные юридические акта / Сообщ. Семен Серебриков // Временник МОИДР. М., 1849. Кн. 4. С. 15–17, 3-я пагин. Кроме отмеченных в письме С.Н. Валка, С.А. Серебренникову во Временнике МОИДР принадлежат и публикации историко-географических материалов XVIII в. См.: *Топографическое описание Вологодского наместничества вообще / Достав. С.А. Серебренников // Временник МОИДР. М., 1857. Кн. 25. С. 22–50, 2-я пагин.; Магистратское описание города Архангельского, 1779 года / Достав. С.А. Серебренников // Там же. С. 51–68, 2-я пагин.; Географическое описание города Архангельского с уездом // Там же. С. 69–76, 2-я пагин.; Описание города Ваги, составленное в воеводской канцелярии в 1779 году / Достав. С.А. Серебренников // Там же. С. 77–90, 2-я пагин.*

- ⁴¹ См.: *Татищев В.Н.* Сказание о звере мамонте, о котором обыватели сибирские сказуют, якобы живет под землею, с их о том доказательствы и других о том различные мнения. 17 дек. [1730 г.] / Публ. А.Н. Иванова // Природная обстановка и фауны прошлого. Киев, 1974. Вып. 8. С. 11–28.
- ⁴² Прокопович Феофан (Элезар) (1681–1736) – русский церковный и политический деятель, писатель, историк.
- ⁴³ Гарутт Вадим Евгеньевич (1917–?) – зоолог, старший научный сотрудник Зоологического института АН СССР.
- ⁴⁴ Щербатов Михаил Михайлович (1733–1790) – князь, общественный и государственный деятель, историк, публицист, почетный член Академии наук (с 1776 г.).
- ⁴⁵ См.: *Юхт А.И.* Поездка Татищева в Швецию (1724–1726 гг.) // ИЗ. М., 1971. Т. 88. С. 296–336.
- ⁴⁶ См.: *Татищев В.Н.* Разсуждение о ревизии поголовной и касающемся до оной. 1747 г. / Публ. Н.А. Попова // Попов Н.А. Указ.соч. С. 716–758.
- ⁴⁷ См. примеч. 45.
- ⁴⁸ В томе 88 “Исторических записок” опубликованы, кроме указанной выше статьи В.А. Шишкина, работы ленинградских ученых: *Соболев Г.В.* Петроградский гарнизон в 1917 г.: (численность, состав, вооружение, расположение); *Китанина Т.М.* Из истории монополизации металлургической промышленности России: (синдикат “Жезь”); *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянский вопрос в конце XIX в.
- ⁴⁹ Имеется в виду: Иванов Анатолий Николаевич (1910–1991) – геолог, историк науки, кандидат геолого-минералогических наук (с 1939 г.), доцент (с 1940 г.), профессор (с 1971 г.) Ярославского педагогического ин-та им. К.Д. Ушинского. См.: *Иванов А.Н.* Василий Никитич Татищев, 1686–1750 // Люди русской науки: Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники [В 4 кн.]. М., 1962. [Кн. 2]: Геология, География. С. 306–316. Кроме указанной работы, А.Н. Иванову принадлежит несколько статей и публикаций о В.Н. Татищеве как деятеле в областях естествознания, преимущественно геологии и палеонтологии (перечень этих работ см.: Библиография произведений В.Н. Татищева и литературы о нем / Сост.: В.С. Астраханский, М.В. Соловьева, Р.В. Шереметьев. М., 1995. № 371, 425, 443, 502, 549, 567, 577, 642, 661, 715). С.Н. Валк в археографическом предисловии отметил “единственную работу, в которой статья Татищева о мамонте получила свое разностороннее освещение” – исследование А.Н. Иванова “Вопросы палеонтологии в трудах В.Н. Татищева”, опубликованное в книге “Очерки по истории геолого-географических знаний” (Ярославль, 1968. С. 23–58) и еще две его статьи о Татищеве на близкую тему (См.: *Валк С.Н.* О составе издания // Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 7–8). Статья В.Н. Татищева была опубликована А.Н. Ивановым до выхода в свет издания, готовящегося под редакцией С.Н. Валка (см. прим. 41).
- ⁵⁰ См.: *Валк С.Н.* Археографическая “легенда” // АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 5–16.
- ⁵¹ См.: *Миронова И.А., Юхт А.И.* О деятельности М.В. Нечкиной в области археографии и источниковедения // АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 248–262; *Миронова Ирена Александровна* (1920–2001) – историк, кандидат исторических наук, в МГИАИ (с 1947 г.), аспирант, преподаватель, жена А.И. Юхта.
- ⁵² Шаскольский Игорь Павлович (1918–1995) – историк, доктор исторических наук (с 1956 г.), сотрудник ЛОИИ (с 1956 г.).
- ⁵³ Нечкина Милица Васильевна (1901–1985) – историк, академик АН СССР (1958), профессор МГУ и других высших учебных заведений, сотрудник ИИ СССР АН СССР (с 1936 г.).
- ⁵⁴ Имеется в виду статья: *Нечкина М.В.* Магистерская диссертация В.О. Ключевского // ИЗ. М., 1972. Т. 90. С. 244–302.
- ⁵⁵ Ешевский Степан Васильевич (1829–1865) – историк, профессор всеобщей и отечественной истории в Казанском и Московском университетах. В письме речь идет о цитате из публичных лекций С.В. Ешевского “Русская колонизация Северо-Восточного края”, прочитанных в Казанском университете в 1857 г., где отмечено значение житийной литературы для изучения процессов колонизации (См.: *Ешевский С.В.* Сочинения по русской истории. М., 1900. С. 317).
- ⁵⁶ См. примеч. 51.
- ⁵⁷ Шмидт Сигурд Оттович – историк, академик РАО (1992), ответственный редактор “Археографического ежегодника” (с 1968 г.).
- ⁵⁸ Рудницкая Евгения Львовна – историк, доктор исторических наук (с 1970 г.), сотрудник ИРИ РАН.
- ⁵⁹ Эйдельман Натан Яковлевич (1930–1989) – историк, писатель, кандидат исторических наук (с 1964 г.).
- ⁶⁰ Желвакова Ирена Александровна – историк, кандидат исторических наук (с 1972 г.), директор Музея А.И. Герцена.
- ⁶¹ Емельянов Юрий Николаевич – историк, доктор исторических наук (с 1998 г.), сотрудник ИРИ РАН.
- ⁶² Зимин Александр Александрович (1920–1980) – историк, доктор исторических наук (с 1959 г.), профессор (1970 г.). Сотрудник Института истории СССР АН СССР (с 1947 г.), преподаватель МГИАИ.
- ⁶³ И.А. Миронова.
- ⁶⁴ Пашуто Владимир Терентьевич (1918–1983) – историк, чл.-корр. АН СССР (с 1976 г.).

- ⁶⁵ Работу над книгой А.А. Зимин начал в Москве в конце лета – начале осени 1978 г., писал ее в Форосе (Крым), где с октября 1978 г. до начала марта 1979 г. находился на лечении, и завершил исследование в Москве. Выход в свет книги после смерти А.А. Зимина задержался из-за публикации других неизданных трудов автора. См. об этом: *Зимина В.Г., Орешников А.С., Хорошкевич А.Л.* После­сло­вие // Зимин А.А. Правда русская. М., 1999. С. 388–389.
- ⁶⁶ См.: *Зимин А.А.* Княжеская знать и формирование состава Боярской думы во второй половине XV – первой половине XVI в. // *ИЗ. М.*, 1979. Т. 103. С. 195–241.
- ⁶⁷ Бахрушин Сергей Владимирович (1882–1950) – историк, чл.-корр. АН СССР (1939), университетский учитель А.А. Зимина.
- ⁶⁸ См.: *Юхт А.И.* В.Н. Татищев в Москве (к истории денежного обращения в России в 20–30-х годах XVIII в.) // *ИЗ. М.*, 1978. Т. 101. С. 271–342.
- ⁶⁹ Из стихотворения А.С. Пушкина “Поэту” (“Пока не требует поэта...”).
- ⁷⁰ Речь идет, очевидно, о диссертации А.И. Юхта на соискание ученой степени доктора исторических наук “Государственная и общественно-политическая деятельность В.Н. Татищева в 20-х – начале 30-х гг. XVIII в. (К характеристике социально-экономической политики абсолютизма)”, защита которой состоялась в 1980 г.
- ⁷¹ Клибанов Александр Ильич (1910–1994) – историк, доктор исторических наук (с 1962 г.), старший научный сотрудник ИИ СССР АН СССР (с 1948 г.).
- ⁷² См.: Письмо Блока к Р.С. Ельциной о Н.А. Клюеве / Публ. Н.В. Ельциной и А.И. Клибанова // *Лит. наследство. М.*, 1981. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. В 4 кн. Кн. 2. С. 229–231.
- ⁷³ См.: *Клибанов А.И.* К характеристике идейных исканий А. Блока // *Вопросы научного атеизма. М.*, 1982. Вып. 30. С. 216–244.
- ⁷⁴ Кушева Екатерина Николаевна (1899–1990) – историк, доктор исторических наук (с 1964 г.), сотрудник ИИ СССР АН СССР (1936–1970).
- ⁷⁵ См.: Список научных трудов Е.Н. Кушевой / Сост. И.Е. Тамм // *АЕ* за 1979 год. М., 1981. С. 303–307.
- ⁷⁶ См.: *Бажанова Л.К., Демидова Н.Ф.* К 90-летию со дня рождения Екатерины Николаевны Кушевой // *АЕ* за 1989 год. М., 1990. С. 151–152; *Бажанова Л.К.* Заседание памяти Е.Н. Кушевой // *АЕ* за 1990 год. М., 1992. С. 311; *Анчабадзе Ю.Д.* Е.Н. Кушева и русское кавказоведение XX столетия // *Русско-чеченские отношения: Вторая половина XVI–XVII вв.: Сб. док. / Выявление, сост., введ., коммент. Е.Н. Кушевой. М.*, 1997. С. 396–416.
- ⁷⁷ В 1922 г. Е.Н. Кушева окончила факультет общественных наук Саратовского университета.
- ⁷⁸ См.: *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. М., 1963.
- ⁷⁹ Любомиров Павел Григорьевич (1885–1935) – историк, профессор (с 1920 г.).
- ⁸⁰ Чернов Сергей Николаевич (1887–1942) – историк, доктор исторических наук, профессор (с 1937 г.).
- ⁸¹ Веретенников Василий Иванович (1880–1942) – историк, доктор исторических наук (с 1916 г.), профессор (с 1917 г.).
- ⁸² Гераклитов Александр Александрович (1867–1933) – историк, палеограф, профессор.
- ⁸³ См.: *Кушева Е.Н.* Из истории публицистики Смутного времени XVII-го века // *Уч. зап. Саратовского гос. ун-та. Саратов*, 1926. Т. 5, вып. 2. С. 21–97.
- ⁸⁴ Алексеев Юрий Георгиевич – историк, доктор исторических наук (с 1986 г.), сотрудник ЛОИИ АН СССР (1960–1992), в 1970–1973 гг. и с 1983 г. по совместительству в ЛГПИ. С 1992 г. на постоянной работе в СПбГУ.
- ⁸⁵ Очевидно, имеется в виду статья: *Кушева Е.Н.* О подготовке научных кадров в Институте истории АН СССР в годы Великой Отечественной войны // *ИСССР. 1986. № 3. С. 118–128.*
- ⁸⁶ Об этапах работы Е.Н. Кушевой с 1960-х годов по выявлению и подготовке к публикации документальных материалов по истории русско-чеченских отношений XVI–XVII вв. и судьбе так и не увидевшего при ее жизни сборника документов, см.: *Волкова Н.Г.* От редактора // *Русско-чеченские отношения: Вторая половина XVI–XVII вв.: Сб. док. С. 4–6.*
- ⁸⁷ Черепнин Лев Владимирович (1905–1977) – историк, академик АН СССР (с 1972 г.); Назаров Владислав Дмитриевич – историк, ученик Л.В. Черепнина. Книга “Феодализм в России: Сб. ст. и воспоминаний, посвященный памяти акад. Л.В. Черепнина” (М., 1987), ответственным секретарем редакции которой был В.Д. Назаров, вышла без участия Е.Н. Кушевой.
- ⁸⁸ См.: *Носов Н.Е.* Академик Борис Дмитриевич Греков – исследователь-источниковед // *ВИД. Л.*, 1983. Т. 15. С. 3–31.
- ⁸⁹ Греков Борис Дмитриевич (1882–1953) – историк, академик АН СССР (1935).

Е.О. Ягодкина

**ДОКУМЕНТЫ ИРИНЫ МИХАЙЛОВНЫ
И МИХАИЛА ТИМОФЕЕВИЧА БЕЛЯВСКИХ
В АРХИВЕ КОМНАТЫ БОЕВОЙ И ТРУДОВОЙ СЛАВЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

Михаил Тимофеевич Белявский (1913–1989) – исследователь истории России XVIII в. и Московского университета. Профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор исторических наук, М.Т. Белявский был также членом Бюро Археографической комиссии АН СССР, руководителем научно-методического совета Министерства высшего образования СССР, одним из основателей и членом президиума Центрального Совета ВООПИК. Он родился в с. Горки ныне Ярцевского района Смоленской области в семье сельского священника. В 1937 г. окончил географический факультет Московского городского педагогического института. С 1930 г. работал учителем, к 1941 г. стал завучем школы. Война изменила его специальность: пройдя путь от рядового до комбата и вернувшись после демобилизации в Москву, в 1948 г. М.Т. поступил в аспирантуру истфака МГУ, с которым связана вся его последующая жизнь.

Ирина Михайловна Белявская (1913–1975) – историк-славист, исследователь истории Польши XIX в. В 1934 г. И.М. стала студенткой первого выпуска истфака МГУ, в 1939 г. – первой аспиранткой кафедры истории южных и западных славян. С 1944 г. – преподаватель, а с 1972 г. – профессор родного факультета. Родилась И.М. в местечке Хойники Речицкого уезда Минской губернии (Гомельской области). По-видимому, в 1933 г. И.М. приезжает в Москву и учителем в одной школе с М.Т. Белявским, за которого в 1935 г. выходит замуж. К лету 1941 г. у них уже было две дочери.

В литературе¹ очень мало сказано о военном периоде жизни М.Т. Белявского и И.М. Белявской. Поэтому здесь будут приведены те далеко не полные и нуждающиеся в проверке и уточнении сведения, которые можно восстановить по материалам Комнаты боевой и трудовой славы исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (далее – КБС).

¹ М.Т. Белявский (некролог) // ВИ. 1989. № 7; *Омельченко О.А.* Не должно быть забыто: Михаил Тимофеевич Белявский. 1913–1989 // Краеведы Москвы. М., 1989; *Шмидт С.О.* Историк-просветитель // К 45-летию окончания Великой Отечественной войны: Сб. ст. М., 1990; *Он же.* Михаил Тимофеевич Белявский (1913–1989) // АЕ за 1989 год. М., 1990; *Моряков В.И., Иванов А.Г.* История России в трудах профессора М.Т. Белявского // Марийский археографический вестник. 2000. № 10; *Тришкан Е.И.* Михаил Тимофеевич Белявский // Энциклопедический словарь Московского университета: Исторический факультет. М., 2004; *Руколь Б.М.* Памяти И.М. Белявской // Вестник Московского университета. Серия “История”. 1975. № 5; *Воронков И.А.* Ирина Михайловна Белявская // Советское славноведение. 1975. № 6; *А.Г. (Александр Гейштор)* Irina Michajłowna Bielawska (9.V. 1913 – 16.V. 1975) // Kwartalnik Historyczny. 1975. № 2; *Рацеева М.Н.* Ирина Михайловна Белявская // Энциклопедический словарь Московского университета...; Профессор МГУ М.И. Белявская. М., 2005.

Сведения о жизни Белявских в первый месяц войны противоречивы². Летом 1941 г. семья Белявских, по-видимому, проводила у родственников, откуда М.Т. Белявский 23–26 июня добровольцем пошел на фронт, а И.М. с дочерьми уехала в Москву. Родственники И.М. жили немного западней р. Березины, родственники М.Т. тоже жили в Приднепровье. Таким образом, находясь в том районе, М.Т. мог без документального подтверждения и официальной принадлежности к какой-либо части участвовать в боевых действиях, получить ранение и вернуться в Москву. 18 июля его мобилизовывают. После госпиталя (в котором, вероятно, он находился еще в первой половине июля) он попадает в Рязанское пехотное училище, где 25 августа принимает присягу. И.М. Белявская после первых бомбардировок Москвы и связанного с ними психического расстройства детей с группой из МГУ выехала в Горьковскую область, где до середины сентября жила в деревне недалеко от Арзамаса. Там она ходила на сельхозработы и пыталась устроиться работать в школу, мечтала “пройти курсы медсестер, овладеть военными знаниями, иначе, кажется мне, сойду с ума”. 25 сентября И.М. приезжает в Медногорск (Медный, как она его называла. – *Е.Я.*), куда мать М.Т. в июле вывезла детский сад из Смоленска. В Медногорске И.М. целый месяц пытается найти работу учительницы.

В связи с наступлением немцев на Москву, М.Т., не доучившись одного месяца до лейтенанта, 24–25 октября сержантом едет в Павлово-на-Оке, где он в составе бригады особого назначения готовится для партизанской работы.

И.М. 24 октября стала работать в младшей школе, а 25 ноября 1941 г. – перешла на преподавание истории в Ракитянке, находящейся за 12 км от Медногорска, в которой проработала до возвращения в Москву. “Сначала я чувствовала себя несколько дико на преподавательской работе – казалась эта работа ненужной – теперь я думаю несколько иначе – воспитание новых советских граждан, беззаветно любящих свою страну, свой народ, тоже боевая задача”, – писала она мужу 12 февраля 1942 г. Мысли о курсах медсестер и фронте не покидают И.М. во время всего пребывания в Медногорске: “Я не нахожу себе места, мне хочется вырваться отсюда к фронту. Мне хочется, чтобы двинулась вся Россия, вся Советская Россия единым последним усилием двинулась на врага и опрокинула его...”³. Но она с увлечением работает в школе и включается в общественную жизнь города. Летом–осенью 1942 г. И.М. ездила вместе со своими учениками на полевые работы в совхоз, где их школа получила II премию. И.М. организовала “Сталинградский вечер” в феврале или марте 1943 г., тогда же осуществила постановку спектакля “Русские люди”, который играли в городе и окрестностях. Она проводила лекции в госпитале по различным вопросам: “Решено меня пока использовать как лектора. Работаю теперь в парткабинете над темой “любовь, дружба и семья”. Если бы ты и Виктор прислали свои мысли и мысли вашего окружения (пусть даже отрица[ельные]) по этим вопросам...”, – просила она мужа и его друга в письме от 12 июля 1943 г.

² В аттестационном листе на присвоение звания майора М.Т. Белявскому в строке “с какого времени в действующей армии” написано “запас 23.06.41”, на присвоение звания капитана – “с 26.6.41”, там же – первое ранение 2 июля в сражении на р. Березине. В статье-интервью с М.Т. Белявским о его боевом пути (Память должна жить // Московский университет, 1984. 1 сент. С. 3.) приведены данные, что он выехал на Березину с Белорусского вокзала в день, когда впервые исполнялась песня “Вставай, страна огромная!” В “Подборке” (см. о ней подробнее ниже) М.Т. переправил число дневниковой записи И.М. о мобилизации с 18.07. на 27.06. Однако в дневнике он пишет о 18 июле как о дне первой разлуки с женой (Архив КБС. Ф. Белявский М.Т. Д. Пятая дневниковая тетрадь М.Т. Белявского. Л. 1).

³ Архив КБС. Ф. Белявский М.Т. Д. Первая дневниковая тетрадь М.Т. Белявского. Л. 34. “Из письма Иры 18.08. 1942 г.”.

“Триумфальное шествие по Медногорску” и энтузиазм И.М. Белявской были оценены как местной прессой, так и ее учениками: “Зимний, злой, студенный день февральский... Ветер и буран, сквозь который Где-то смутно виден Чей-то знакомый родной силуэт. И не жакет, и не берет – Шапка-ушанка, размашистый шаг, Искры привета в глазах...”. И т.п. и т.д. Так поют ребята в песне, которую они сложили о твоей жене. Ну не сумасшедшие!”, – рассказывает И.М. мужу в письме от 16 июня 1943 г. (Так в тексте. – Е.Я.).

Сохранились сведения о бытовой стороне жизни И.М., ее дочерей и свекрови. “О нас не беспокойся, у нас все в порядке и не стоит тебе думать о посылке для нас денег, – пишет она мужу 12 февраля 1942 г. – Зарабатываемого мной вполне и даже с избытком хватает на жизнь. Я работаю в средней школе – преподаю историю, часов у меня 28 в неделю, так что комментарии излишни”. Однако из дневника И.М. выясняется, что она даже своих дочерей была вынуждена отдать жить в детский сад свекрови: “Бедные мои маленькие доченьки – материальные условия заставили нас жить раздельно – и я не воспитываю их, не укладываю спать, не ласкаю их. Все от мала до велика переживают тяготы войны”⁴. “Мы живем в почти нормальных условиях... все мы живем в маленькой комнатусечке... Здесь бы мы тебя угостили картошкой (сами садили), хлебом...”, – пишет она мужу 20 августа 1942 г., приглашая его в Медногорск. Только в июле 1943 г. они получили квартиру.

4 декабря 1941 г. бригаду особого назначения, в которой М.Т. был комвзвода, бросают в наступление в Химках. И только после месяца боев под Москвой ее используют по назначению: “В новогоднюю ночь мы по льду озера в 35 градусов мороза шли через стены елок, покрывающих холмы самой высокой части Восточноевропейской равнины. Рейд в много десятков километров по елям. [...] Если получаете мои письма, пользуйтесь картой и думайте. Точнее ничего писать не могу”, – сообщает он родным 5 января 1942 г. о переходе линии фронта в районе озера Селигер.

15 января М.Т. участвовал в крупном бою: “Своим поведением в бою, правда не совсем удачным для нас, я пока доволен. Ни в момент боя, ни когда я раненый бежал 4 км с донесением по глубокому снегу под пулями немцев страха абсолютно не было. Правда в рукопашной схватке я не участвовал, а ведь это самый ответственный момент боя”. После ранения он две недели добирался до госпиталя. “Я и сейчас здоров, но пуля еще не вынута и рана еще не зажила... После боя пришлось проделать многокилометровый марш в тыл до эвакуационного пункта, где я сижу и сейчас 3-й день”, – пишет он семье 22 января 1942 г. Потом он на самолете был вывезен на “большую землю”, и только в конце января добрался до госпиталя в Кинешме, где лечился полтора месяца.

После госпиталя М.Т. вернулся на Калининский (вскоре ставший Первым Прибалтийским) фронт, провел две недели в запасном полку по охране аэродрома, а 3 апреля был направлен в Калинин на фронтовые курсы младших лейтенантов. 13 июня 1942 г. получил “не младшего, а просто лейтенанта”⁵ и как имеющий хорошие преподавательские и инструкторско-методические навыки был оставлен там же в должности заместителя командира взвода. 10 марта 1943 г. получил старшего лейтенанта и с 11 апреля стал командиром взвода. 28 января 1944 г. М.Т. становится командиром 1-й стрелковой роты

⁴ Там же. Д. Дневник И.М. Белявской. Л. 3.

⁵ Архив КБС. Ф. Ответы на вопросы анкет. Д. Подборка документов М.Т. Белявского. Л. 2. Краткое описание боевого пути.

Курсов младших лейтенантов Первого Прибалтийского фронта, 6 августа 1944 г. ему присваивают звание капитана. С 31 января 1945 г. он – начальник учебной части Первого стрелкового батальона курсов, в мае–июне 1945 г. ему присвоено звание майора.

До августа 1944 г. школа располагалась в Калинин: “Переезжаем... Наконец. Ну, мог ли я подумать, что в этом городе мне суждено прожить два с лишним года, и это в дни войны после того, как меня судьба бросала с места на место в первые месяцы войны, а здесь приехал на несколько дней и застрял. Не жаль покидать его. Несмотря на то, что пробыл так долго, так все и считал его временной, хотя и затянувшейся остановкой”, – пишет М.Т. в своем дневнике 14 июня 1944 г. В августе школа переезжает в Витебск, в октябре – в Двинск. С февраля по апрель 1945 г. известий о переездах М.Т. в архиве КБС не имеется. В апреле М.Т. находится в Восточной Пруссии, под Кёнигсбергом.

Кажется, что жизнь М.Т. в школе младших лейтенантов становится спокойной, деятельность – исключительно преподавательской. Прямым текстом ни в одном документе за 1943–1944 г. М.Т. не рассказывает о своей деятельности. Однако из интервью 1984 г. мы узнаем, что он участвовал в боях за Старицу, Великие Луки, воевал в Прибалтике и Белоруссии, а в битве под Кёнигсбергом его батальон чуть полностью не погиб. В письме С.И. Антоновой 1987 г. он пишет об участии его роты в крупных боях в 1944 г. Поэтому его боевой путь нуждается в дополнительном изучении на основании других источников.

В декабре 1943 г. И.М. возвращается в Москву, в аспирантуру исторического факультета МГУ. В конце апреля 1945 г. И.М. зачислена на работу на исторический факультет МГУ, становится не только преподавателем кафедры истории южных и западных славян, но и заместителем декана по учебной работе, “и работать приходится чертовски”, – пишет она мужу 19 мая 1945 г.

М.Т. Белявский занимается “увекочиванием памяти деятелей прошлого и современников, сохранением памятников истории и культуры”⁶, поэтому он живо интересовался созданием и организацией КБС⁷, и, по словам ее основательницы, доцента истфака С.И. Антоновой, одним из первых принес туда свои материалы, которые потом не раз пополнял. Первый материал М.Т. Белявского в КБС в 1985 г. – ответ на письмо-анкету, рассылаемую Советом ветеранов истфака с просьбой написать воспоминания о войне. “Писать воспоминания о фронте не могу, не сердитесь за это”, – ответил М.Т. Вместо этого он сделал подборку своих писем и писем и дневниковых записей жены за первый год войны. М.Т. Белявский пишет, что “перечитывал и отбирал, ничего не добавляя, но кое-что опуская”, однако достаточно сравнения даже небольших фрагментов “подборки” с подлинниками, переданными в КБС позже, чтобы понять, что там многое не только опущено, но и перефразировано. Степень и направленность изменений еще требуется выяснить. “Подборка” ценна тем, что в ней содержатся фрагменты писем, впоследствии не переданных в архив КБС, а перед ними М.Т. кратко описал свой боевой путь за первый год войны и привел данные об упоминаемых в письмах лицах. “Подборка” перепечатанных на машинке документов с рукописным письмом-объяснением хранится в фонде “Ответы на вопросы анкет”⁸.

⁶ Тришкан Е.И. Указ. соч. С. 47.

⁷ Подробнее о ней см. статью В.П. Богданова в наст. изд., с. 42–54.

⁸ “Подборка” – единственное, что вошло из материалов М.Т. и И.М. Белявских в подготовленный по материалам КБС сборник «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: воспоминания, стихи, письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны».

Уже в письме 1985 г., сопровождавшем “Подборку”, М.Т. Белявский пишет о документах военного времени: “Перечитал и думаю, как много они говорят о том, чем жили, что думали, во что верили”. Видимо, тогда же М.Т. решил сдать в КБС основной комплекс своих материалов военного времени: дневники, письма, фотографии, рисунки, причем как свои, так и И.М. Белявской, документами которой он распорядился после ее смерти. Приблизительно в то же время он занялся сортировкой и реставрацией документов: (один из рисунков М.Т. передал в КБС в обертке, которая представляет собой обложку от журнала за декабрь 1985 г.).

Материалы, переданные М.Т., носят следы реставрации: практически все дневники и другие документы в большей или меньшей степени проклеены скотчем, ветхие документы с обратной стороны проклеены бумагой. Одна из тетрадей вместо скрепок прошита капроновыми нитками. Многие рукописные материалы, особенно без обложки, М.Т. обернул в более или менее подходящие обложки. Например, четвертую и пятую дневниковые тетради М.Т. Белявский принес в КБС в меньшей по длине и более широкой обложке от открыток с видом Москвы, под напечатанным у корешка словом “Москва” рукой Белявского написано “6 июня 1944 – 20 января 1945”, и подпись. Но так как запись была сделана ручкой по гляцевой обложке, некоторые буквы полностью стерлись.

Особенно тщательно М.Т. обработал первую дневниковую тетрадь: кроме прочего, там многие карандашные записи переписаны чернилами, чтобы сохранить текст. Но, даже не читая карандашные оригиналы, по количеству слов видно, что М.Т. иногда переписывал не дословно. В других тетрадях тоже встречается несколько таких записей, но не все даже плохого качества карандашные записи переписаны.

В первой же тетради больше всего утерянных листов, в других тетрадях это обычно только начальные, последние или центральные листы, которые могли быть утрачены случайно. В этой тетради некоторые листы, по-видимому, были вырваны М.Т. при подготовке к передаче материалов. Четвертую тетрадь он если и просматривал, то очень бегло, так как датировал начало написания числом на 1-й странице – 6 июня, хотя записи в этой тетради велись с апреля 1944 г.

В письме С.И. Антоновой от 4 октября 1987 г., сопровождавшем материалы военного времени, М.Т. Белявский пишет, что “нашел, наконец, тетради с записями 42–43 годов, а 41 года пока так и не нашел”. Если сравнить даты начала и конца написания переданных в КБС дневниковых тетрадей с реконструкцией боевого пути Михаила Тимофеевича, возникает вопрос о существовании других дневников, так как сохранившиеся тетради относятся не к периоду участия автора в активных боевых действиях, а к периоду пребывания в школе младших лейтенантов. Первые записи датируются апрелем 1942 г., временем, когда автора направили туда учиться. Записи за август 1944 г. – январь 1945 г., когда школа переезжала с места на место, становятся менее подробны, нерегулярны. Как уже отмечалось, имеются точные сведения, что М.Т. Белявский участвовал в боевых действиях в операции под Кёнигсбергом (конец января – 9 апреля 1945 г.), и январем 1945 г. кончается его последняя дневниковая тетрадь, хранящаяся в КБС.

О письмах М.Т. Белявский пишет С.И. Антоновой: “Перекопал все письма военного времени и увидел, что за сорок с лишним лет они почти не читаны. Дело в том, что бумага была совсем плохая, а большинство их писал карандашом и все выцвело и не читается. Отобрал порядочно писем, которые

можно прочесть”. Это очень ограниченная и нерепрезентативная выборка. Все переданные письма (кроме двух писем М.Т. дочери Майе) написаны чернилами.

Основной комплекс документов военного времени М.Т. Белявский передал в КБС в 1987 г. Позже он еще несколько раз дополнял фонд, созданный из его материалов. Из-за отсутствия места для хранения часть материалов была отдана ученикам М.Т. Белявского⁹. С другой стороны, фонд был пополнен статьями и книгами о Белявских, их работами.

Сегодня фонд Белявских содержит несколько видов материалов, охватывающих период с июля 1941 по 1989 г.:

1) Делопроизводственные документы 1942–1945 гг.

2) Документы личного происхождения, 1941–1987 гг.: дневники и письма военного времени семьи Белявских, несколько писем послевоенного времени от крупных историков о научной работе и от разных лиц о просветительской работе М.Т. Белявского; материалы научной работы, в том числе план-схема захоронений Героев Советского Союза, составленная М.Т. Белявским и группой студентов на Новодевичьем кладбище, и краткие биографии 42 похороненных (Т–Ц), иногда с фотографиями могил.

3) Фотографии и портреты, 1942–1980-е годы.

4) Печатные издания, 1941–1989 гг. Во-первых, это написанные им книги и статьи. “История СССР периода феодализма”¹⁰ с дарственной надписью М.Т. в КБС и “Свет золотой звезды” – статья М.Т. Белявского о выпускнике Московского университета, Герое Советского Союза Е.В. Клунове (вырезка из газеты “Московский университет”). Во-вторых, издания, принадлежавшие М.Т. Белявскому: книга К.М. Симонова “Шел солдат” (М., 1976) с автографом автора и книжечка малого формата без обложки с “Письмами товарищу” Б.Л. Горбатова, написанными в 1941 г., с примечаниями М.Т. Белявского. В-третьих, машинописные статьи С.О. Шмидта “Историк-просветитель” и Б.М. Руколь “Памяти И.М. Белявской”, а также статья-интервью с М.Т. Белявским о его боевом пути “Память должна жить”.

5) Значки и медали из коллекции М.Т. Белявского. Из своей огромной коллекции он отобрал в КБС значки, посвященные Великой Отечественной и Гражданской войнам, военно-морскому и воздушному флоту России.

Остановимся более подробно на материалах военного времени из фонда Белявских – уникальных источниках по изучению жизни профессоров истфака МГУ им. М.В. Ломоносова М.Т. Белявского и И.М. Белявской в период Великой Отечественной войны. Война – очень важный этап, переломный для всех, кто его пережил: у каждого шло формирование и закалка характера, по-новому осмысливались многие вещи. Поэтому рассматриваемые документы – богатый источник по изучению мыслей, чувств и стремлений не только отдельной семьи, но советской интеллигенции в целом.

В фонде имеются три делопроизводственных документа¹¹, связанных с прохождением М.Т. Белявским службы в рядах Красной Армии и оставшихся у него. Справка из госпиталя – односторонний бланк “формы № 16 УВВ”, заполненный фиолетовыми чернилами, с печатью. Она удостоверяет, что старший сержант М.Т. Белявский с 29 января по 15 марта 1942 г. “находился

⁹ Например, тетрадь М.Т. Белявского с методическими разработками экскурсий по Москве передана В.А. Морякову.

¹⁰ *Белявский М.Т., Горский А.Д.* История СССР периода феодализма: Методические указания. М., 1986.

¹¹ Архив КБС. Ф. Белявский М.Т. Д. Делопроизводственные документы военных лет.

на излечении” в госпитале со “слепым пулевым ранением верхней 1/3 левого предплечья”. Документ в ветхом состоянии, особенно по сгибам (долгое время лист хранился свернутым в 4 раза). С обратной стороны по одному из сгибов он проклеен полоской бумаги, на которой имеется карандашная запись “кабинет боевой славы”. Реставрация документа, по-видимому, проведена Белявским в связи с передачей его в КБС. Аттестационный лист на присвоение звания “капитан” за июль 1944 г. представляет собой бланк «на присвоение воинских званий “капитан”, “майор” и им соответствующих» с анкетными и биографическими данными (год рождения, национальность, партийность, общее и военное образование, награды и ранения), со сведениями о должностях с 13 июня 1942 г. по 12 июля 1944 г. и званиях с 10 марта 1943 г. и характеристикой М.Т. Белявского. Аттестационный лист на присвоение звания “майор” за май 1945 г. – такой же бланк. Сверху – приписка “по шт[ату] майор”, а графа “заключение военного совета” не заполнена. Биографические данные и характеристика дополняют и продолжают сведения предыдущего аттестационного листа. В целом эти официальные документы дают представление о сроках и характере службы в армии и военной карьере М.Т. Белявского.

Наиболее интересные документы – дневники военной поры семьи Белявских. Они включают в себя одну дневниковую тетрадь И.М. Белявской за июль 1941 г. – март 1942 г. и пять тетрадей М.Т. Белявского с апреля 1942 г. по январь 1945 г.

Дневник И.М. Белявской¹² – тетрадь на 9 листах, в которой листы в линейку были прикреплены не к середине тетради, как обычно, а к несуществующей ныне обложке. Она находится в ветхом состоянии. На л. 1 стоит дата – 28 декабря 1941 г. – и заголовок “А писем нет”. Далее – эпитафия: “Это больше чем воспоминания... Это сама жизнь... все пережитое, передуманное и пережитое”. За ним идет текст в форме письма-ответа на письмо мужа, в котором он пишет, что живет воспоминаниями: размышления о том, живет ли она прошлым, настоящим или будущим. На другой стороне листа – дата 22 июня 1941 г., но описание, как семья Белявских узнала о войне – в прошедшем времени. Следующая дата – 18 июля: краткое сообщение о мобилизации и прощании с мужем. Другими чернилами, но без даты, более подробно описаны мысли и чувства при прощании, рассказ о первой бомбардировке Москвы 22 июля и ее последствиях. Видимо, эти записи сделаны 23–24 июля 1941 г. 25 июля – сообщение о предстоящей эвакуации с дочерьми, далее – краткие записи о датах переездов.

Следующие записи кратко сообщают о поиске и смене работы в Медном, о вечере 31 декабря 1941 г. и первых дошедших письмах от мужа. С 3 по 24 января 1942 г. начинаются датируемые, более или менее регулярные записи на л. 3–4: заметки о дочерях и о борьбе с бураном по дороге на работу, о новых знакомых. Постоянная тема – переживания за мужа, все возрастающие из-за отсутствия писем. После такой записи от 24 января – лист воспоминаний о прежней жизни: о школьных годах и первой любви, о работе и учебе в Москве, о встрече с М.Т. Белявским и его уходе, о свадебном путешествии и рождении дочери. В конце л. 5 запись от 2 марта синим карандашом. Продолжение записи – на л. 8: сообщение, что муж в госпитале с легким ранением, а писем снова нет, и что за февраль она не написала в дневник ни строчки, хотя поклялась писать. На л. 6 – стихотворение К. Симонова “Жди меня” и запись от 27 января в форме ответа на письмо мужа – обещание ждать и ликви-

¹² Архив КБС. Ф. Белявский М.Т. Д. Дневник И.М. Белявской.

дировать возникавшие до войны недоразумения в отношениях. Л. 7 – рассказ о борьбе с бураном, но если первое описание кончается радостью победы, то здесь – осуждение людскому преклонению перед стихией. От возмущения по поводу закрытых в буран предприятий И.М. переходит к затруднениям с питанием, описывает помещение и пищу в столовой, от пересудов о закрытых распределениях – к возвеличиванию народа и Сталина. Л. 8, 9 – записи за март 1942 г. (последняя – 23 марта): кроме мыслей о муже – переживания, что она становится обывателем в местной среде, описание, как тяжело быть самой сильной в семье – нужно успокаивать детей и мать, и некому излить свои переживания, заметка об интересном разговоре. Дневниковая тетрадь И.М. Белявской дает представление о ее жизни в первый военный год, об экономических условиях советского тыла и мыслях очень многих жен, оставшихся без связи с мужьями.

Обратимся теперь к дневнику М.Т. Белявского.

Первая тетрадь¹³, за апрель–сентябрь 1942 г., озаглавлена автором. Это толстая тетрадь в линейку с твердой темно-серой обложкой, на которой вытеснено золотом “Блок-книжка для командира”. В ней было 56 л., из которых сохранилось 40. Книжка находилась в потрепанном состоянии уже во время ее написания. Она имела карандашную нумерацию, кончающуюся листом 48. Листы пронумерованы, но не почерком автора. Выпадающие л. 14 и 15 вставлены и пронумерованы не по месту, а на л. 34 ошибка в карандашной нумерации исправлена почерком автора и чернилами, которыми написана первая запись этого листа. Следовательно, нумерация была произведена в период написания дневника между л. 27 и 34, но не самим автором. К тому времени несколько листов уже было вырвано, а некоторые – выпалили из тетради.

Вторая дневниковая тетрадь¹⁴, содержащая записи за сентябрь 1942 г. – август 1943 г., названа “Фронтные заметки и выписки”. Это блокнот в линейку величиной чуть меньше тетради, с перфорацией по верху и одной скрепкой (утраченной). К настоящему времени это – стопка 27 листочков, по авторской нумерации не хватает 8 листов. На листах много следов от вклейки газетных вырезок, но сохранилось только две: статья о молодежном митинге и фотография Д. Шостаковича. Каждая вырезка держится на двух целых непогашенных почтовых марках по 15 коп. с изображением красноармейца.

Третья¹⁵ – дневник за сентябрь 1943 г. – март 1944 г. представляет собой тетрадь в линейку из 36 л. без обложки. В настоящее время нет первого и двух последних листов, а от последнего осталась только верхняя треть. Имеется четыре вклейки газетных вырезок: фотография, названная М.Т. Белявским “Апофеоз Гитлера”, фотография красноармейца с гармошкой на фоне московских зданий со стихотворением В. Лебедева-Кумача “Москва, Москва”, две статьи И. Эренбурга и стихотворения о любви.

Четвертая дневниковая тетрадь¹⁶, за апрель–июль 1944 г. – нелинованный блокнот из 28 л. В настоящее время он без обложки, первого листа, разворота

¹³ Архив КБС. Ф. Белявский М.Т. Д. Первая дневниковая тетрадь М.Т.Белявского: “Строки. Мысли. Слова, чувства...” Апрель – сентябрь 1942 г.

¹⁴ Архив КБС. Ф. Белявский М.Т. Д. Вторая дневниковая тетрадь М.Т. Белявского: “Фронтные заметки и выписки”. Сентябрь 1942 – август 1943 г.

¹⁵ Архив КБС. Ф. Белявский М.Т. Д. Третья дневниковая тетрадь М.Т. Белявского. Сентябрь 1943 – март 1944 г.

¹⁶ Архив КБС. Ф. Белявский М.Т. Д. Четвертая дневниковая тетрадь М.Т. Белявского. Апрель – июль 1944 г.

в середине блокнота и трех последних листов (которые, по-видимому, не были исписаны). Таким образом, сейчас, по новой нумерации, блокнот содержит 22 листа. Вклеек газетных вырезок нет.

Пятая дневниковая тетрадь¹⁷ М.Т. Белявского меньше обычного формата, в твердой картонной обложке. На ней напечатано “Полевая книжка. Военное издательство народного комиссариата обороны 1944”, и стоит подпись М.Т. Белявского. Внутри вклеены листы – бланки полевых записок с расписками о получении, где показаны линии сгибов и отрезков, места написания текста и адреса. В настоящее время “полевая книжка” содержит 39 л., рассыпавшихся на несколько “тетрадок”.

Дневник М.Т. Белявского своеобразен. Это не последовательные записи событий дня, размышлений и т.п. Дневник содержит рубрики, которые можно условно обозначить как “Цитаты”, “Некрологи”, “Сводки с фронта”, “Союзники”, “Памятные даты”, “Культура”, “Личное”, которую он одно время пытался разделить на “Письма и семья” и “О себе и окружении”, но чаще размещал в одном месте. Эти разделы М.Т. вел параллельно, на каждый из них выделял какое-то количество листов. При таком способе записей о многих событиях можно только догадываться. Сам М.Т. удивлялся, оценивая свои тетради: “Перечитал многое из записей. Как странно, что столько общественных и личных событий проскочили. Ну да ведь это не дневник, а случайные записи, то я за месяц ничего не пишу, а то за 2–3 дня исписываю целую уйму... Много хорошего в записях, но много и субъективного, неправильного. Ну да я же и не претендую на роль Нестора летописца”, – записал он в августе 1943 г. И тут же указал, каким образом в нелегкое военное время сохранились эти тетради: “Если победу, то оставлю тетради Ире, пусть будет у нее. Жив буду – у нее целее будут, убьют – пусть делает, что хочет. Это в значительной степени мое зеркало не только внешнее, но и внутреннее и дальше уж ее воля, что с ним сделать. А ведь чего-то будет не хватать без тетрадки и писем” (Вторая тетрадь. Л. 25.).

У каждой рубрики есть характерные черты. М.Т. Белявский начинает вести тетрадь с целью записывать яркие, понравившиеся ему цитаты. И хотя со временем круг записей сильно расширяется, цитаты М.Т. выносит на первое место, это у него традиционно первая рубрика. Он считает их самой интересной составляющей своих тетрадей: “А все-таки приятно перечесть записи. Конечно, в моих личных записях много не разгуляешься и жемчужных зерен отыскать в них трудно, а чужие слова такие хорошие, просто замечательные. Плохо, что я не могу записывать многое,” – продолжает там же М.Т.

Круг цитат очень широк: это фразы из выступлений политических деятелей (Сталин, Молотов, Черчилль и др.) и военачальников (Кутузов, Суворов...), цитаты из произведений классиков (Шота Руставели и М. Горький, Фейхтвангер и Короленко), отрывки из газетных статей, как советских, так и иностранных (часто – статьи И. Эренбурга). Очень много стихотворных цитат, любовной лирики. Тематика разнообразна, но, конечно, преобладает военно-пропагандистская: о патриотизме и вере в победу, о науке ненависти и дисциплине, Сталине и партии, рабстве и свободе. Есть фразы о характере и обычаях немцев и русских. Часто в связи с битвой за какой-то город М.Т. собирал высказывания о нем поэтов и писателей: например, в конце 1942 г. – о Сталинграде.

¹⁷ Архив КБС. Ф. Белявский М.Т. Д. Пятая дневниковая тетрадь М.Т. Белявского. Июль 1944 г. – январь 1945 г. (Далее ссылки на тетради даны в тексте).

М.Т. Белявский всегда указывает автора фразы, реже источник, откуда он ее выписал (обычно только при отсутствии известия об авторе). Изредка приводит дату – но не записи, а выпуска газеты или произведения речи, поэтому часто даты идут не по порядку. Так, в первой дневниковой тетради, которую открывает рубрика “Цитаты”, на л. 4 стоит дата 9/V, на л. 5 – 2/VI, а на л. 8 – 26/IV и первомайские лозунги. В следующих тетрадях, где форма рубрик уже была выработана, М.Т. Белявский оставлял первые листы под самые важные, значимые события: третью тетрадь он начинает гимном Советского Союза, четвертую – известием об открытии второго фронта. По рубрике “Цитаты” можно определить круг чтения М.Т. в то время, лучше понять интересы, мысли и чувства автора.

“Памятные даты” – чаще всего Новый год и 22 июня: даты, когда М.Т. анализировал ряд событий, вспоминал прошлое и делал прогнозы на будущее как в личной судьбе, так и в масштабах страны.

Рубрика “Некрологи” – это странички, на которых М.Т. Белявский писал о смертях значимых, по его мнению, для страны, для мира людей, иногда – о гибели людей, оставивших след в его судьбе.

“Культура” – записи о посещении концертов и театральных постановок, впечатления от просмотренных фильмов и анализ некоторых прочитанных книг. В них М.Т. раскрывается как тонкий критик актерской игры и заядлый театрал. В суждениях о созданных писателями характерах и сюжетных линиях он не идет за общепринятыми оценками: «“Фронт” Корнейчука. Хвалят его в газетах. Ставят Малый, Вахтанговцы, добрый десяток других театров, инсценируют для кино. А не нравится мне эта вещь. Дешево. Ходульна. Нужная и важная тема, а положения стандартны, вместо характеров штампы, язык не типичен. Серо и не талантливо» (Первая тетрадь. Л. 34.). Яркие герои вызывают восхищение, они для него пример для подражания – например, напротив имен главных героев “Молодой гвардии” А.А. Фадеева он записал: “Эти имена помнить и хранить в сердце, как знамя в бою, как символ настоящей нашей сталинской молодежи, символ героизма, веры, стойкости. Символ Человека” (Третья тетрадь. Л. 10.).

Несколько раз М.Т. обвиняет советскую культуру: «Наше кино с его “Моряками”, “Истребителями”, “Четвертым перископом”, “Если завтра война”, фильмами о маневрах и литература с “На востоке”, “Первым ударом” и десятками мелочи во многом виноваты перед страной, т[ак] к[ак] вместо мобилизации демобилизовывали своим “шапказакидательством”, вместо того, чтобы показывать врага “сильным и коварным”» (Первая тетрадь. Л. 19 об.). Несколько листов этой рубрики – перечисление созданных в стране за год и получивших правительственные премии литературных, музыкальных и художественных произведений.

К сожалению, как “Некрологи”, так и записи о событиях культурной жизни датированы довольно редко. Единственная рубрика, которая им датировалась практически всегда – это “Сводки”. Здесь записи велись регулярно, в напряженные моменты – немецкое или советское наступление – практически каждый день. Автор описывает события на фронте и свои переживания, оценки событий и прогнозы на будущее развитие военных действий. Весной 1942 г. – это торжество победы в зимней кампании и надежды на то, что лето также принесет удачу русским, а не немцам. В период летнего наступления немцев в 1942 г. лейтмотивом были мысли “Когда же удар? Когда мы повторим Москву? Отступить дальше нельзя!”. Они очень созвучны с приказом № 227 “Ни шагу назад”, который М.Т. Белявский воспринял как безусловно

положительный. Зима 1942–1943 гг. – переживания, а потом радость за Сталинград. Весна–лето 1943 г. – напряженное ожидание, неуверенность в том, что лето принесет удачу, воспоминания о летних кампаниях немцев прошлых лет и жгучая надежда, подкрепленная битвой на Курской дуге и перешедшая в ликование от Донбасской операции. С 1943 г. помимо такого рода описаний появляются листы с перечислением в несколько колонок городов и местечек – последовательно, по месяцам, – взятых нашими войсками.

В рубрике “Союзники” М.Т. Белявский описывал речи политических лидеров Англии и США, их обещания открыть второй фронт и обстоятельности, препятствующие этому, его возмущали вечные отговорки союзников. После начала активных действий союзников в Европе, а потом – открытия второго фронта, информацию о боевых действиях он помещал между сводками с наших фронтов, а в рубрике оставлял данные о дипломатических переговорах.

Рубрика “Личное” претерпела больше всего изменений. В первой тетради ее можно озаглавить как “Письма”, но к концу второй добавляются сведения о поездке к семье и новым друзьям, о событиях, связанных с работой. Содержатся впечатления, а иногда и отрывки из особо запавших в душу писем, которые созвучны с его мыслями. Встречаются письма от друзей и знакомых, чаще всего с печальными новостями: “Совершенно неожиданно получил письмо от Юрки Тюрина. Увидев письмо с незнакомым почерком страшно обрадовался, а прочел и сейчас окончательно выбит из колеи и хожу, как ненормальный. 28/VI убит лейтенант Венедикт Чириков. Венька убит! Лелька, Андрей, Венька... [...] Пусто становится вокруг. Круг друзей сжимается. Очень тяжело. ... Вспоминается вечер накануне ухода в армию, поездка в Орехово-Зуево, встречи и работа с Венькой – простым, хорошим и веселым человеком. И снова, и снова думаешь и не можешь поверить в его смерть, в то что еще один из близких ушел навсегда” (Первая тетрадь. Л. 29). Так же сильно М.Т. переживает и известия о ранениях или гибели своих учеников, как по московской школе, так и по школе младших лейтенантов.

На смену старым приходят новые друзья. Появляются записи о Викторе Карлеоне: “Единственный человек в батальоне, с которым можно поговорить по душам, чувствовать себя человеком” (Вторая тетрадь. Л. 13). Постепенно эта симпатия крепнет и перерастает в настоящую дружбу: “Война развеяла старых друзей, да и когда у меня их было много, а что взамен – один, правда большой и настоящий. И трудно даже представить себе, что я в армии и без него, а ведь это когда-нибудь случится”, – записал М.Т. 30 января 1944 г. (Третья тетрадь. Л. 22).

В основном в рубрике “Личное” М.Т. рассказывает о письмах жены и связанных с ними переживаниях. В 1942 г. он очень тревожится, что И.М. может оставить детей на его мать, бросить работу и сорваться на фронт: “Чувствуется, что ей окончательно неважно. Что человек готов на что угодно, лишь бы вырваться из этого проклятого Медного. Отсюда сумасбродные и нелепые планы. Как остановить, удержать, когда я сам чувствую, как должно быть обидно и нестерпимо сидеть в этой дыре, оторванной от живого дела...” (Первая тетрадь. Л. 29.). М.Т. пытается повлиять на жену, заставить ее остаться, но при этом не ранить ее чувства: “Ответ мой большой и резкий. Отправил, а теперь мучаюсь, ведь вдруг оно обидит Иру. Это совсем не нужно мне. Нервы взвинчены, разлука долга и тяжела. И поэтому даже мелочи кажутся такими страшными”, – пишет он 11 ноября 1942 г. (Вторая тетрадь Л. 7 об.).

“У меня такое чувство, что какой из 2-х путей я не выберу, я все равно ее потеряю. Так где же больше шансов ее сохранить, там или на фронте? Мне

кажется, что во втором случае я не сохранию ее ни физически, ни морально. Как же ее удержать. Очень тяжело. Если я ее потеряю, то это будет самая большая катастрофа в моей жизни. Где узел, как нащупать правильный путь? – мучается М.Т. над очередным “тяжелым” письмом. – Первый раз за все время не выдержал и дал прочесть Ирино письмо другому. Долго толковал с Карлеоном. Вывод его абсолютно такой же. Только еще более решительный: ни в коем случае. Это не романтика и не подвиг, а грязная и тяжелая работа, убивающая не только физически, но и морально” (Там же. Л. 10).

Конец ноября 1942 г. был для М.Т. тяжелым не только из-за писем, но и из-за трудностей при освоении новой работы: “Не могу. Нет, не выйдет из меня настоящего военного человека. Истории последних дней снова решительно выбили меня из колеи. Черт его знает, что делать, стать другим я не могу, не умею, да и, пожалуй, не очень хочу” (Там же. Л. 9 об.). Пройдет меньше года, и в конце сентября 1943 г. он признает, что вынужден был – и смог измениться: “Очень интересную мысль высказал вчера ночью Виктор. Что я постепенно стал кадровым командиром, мало отличаюсь от него и совсем непохож на того, кем был в прошлом году. И это очень и очень верно: незаметно для себя я действительно стал другим и изменился не столько внешне, сколько психологически. То, чего не смогли сделать ни школа в Рязани, ни фронт, ни учеба на курсах, сделало время и положение командира, т.е. я сам почувствовал необходимость. Достаточно вспомнить ненависть к строевой и то, что я ей легко занимаюсь... Тогда я был сугубо штатским человеком, одетым временно в военную форму: сейчас я уже вполне могу считаться командиром военного времени” (Третья тетрадь. Л. 12 об.).

В ноябрьские дни 1942 г. произошло и радостное событие – принятие кандидатом в члены партии: “22/XI 42. Пусть этот день будет началом новой эры в моей жизни. Сбылось то, о чем я мечтал, к чему стремился, чем жил. Жаль, что я не на фронте, там было бы легче отплатить [...] Высокое доверие, высокая честь. Нужно ее оправдать” (Вторая тетрадь. Л. 16 об.).

Мысли о фронте не раз возвращаются к М.Т. в школе младших лейтенантов, так и оставшейся для него чуждой. “До чего мне надоело здесь и сказать просто невозможно. Чувствую, что выработался, выдохся окончательно. Подвернется что-нибудь новое и окунешься в это с головой, а дальше все день за днем одно и то же. И хотя бы курсанты новые, а то ведь все те же. И никаких данных, что что-нибудь изменится. Больше того, то я хоть на топографии отдыхал, а теперь придется зарядить, как проклятому...”, – пишет он в июне 1943 г. (Вторая тетрадь. Л. 9 об.) Он подает очередные рапорты об отправке его на фронт и об отпуске, поездке к семье: “2 отказа. На первый – отказ, и на второй отказ. Клетка, западня. С одной стороны говорят: раз бежишь на фронт – шкурник, в другой раз сидишь здесь, а не на фронте – трус, маскируешься” (Там же. Л. 20 об.).

О неудачах на работе он пишет лишь намеками, описывает не ситуацию, а свое к ней отношение и последствия для себя: “Плохо, совсем плохо. Вот теперь по настоящему видно, что пора на фронт... Здесь я кроме дерганья и замечаний ничего не получу. И все же я выбьюсь из сил, а взвод переломлю. Передовым он, конечно, не станет, но порядок я в нем наведу. Самое плохое, что подошел срок перехода в члены партии, а с какими глазами я туда сейчас пойду. Теперь, видимо, придется оставить до фронта и это самое тяжелое из всей истории”, – записывает он в начале ноября 1943 г. (Третья тетрадь. Л. 20).

Особенно часто мысли о фронте возникают у М.Т. в напряженные дни очередного выпуска. “Я начинаю все больше думать о том, что если я сейчас

не уеду с курсов, то я никогда не уеду из тупика. А ведь это для меня смерть: не только потому, что я не живу в ней, а существую, но и 1 очередь потому, что это личная смерть. Ира не будет колесить со мной или сидеть в какой-нибудь дыре, да и кто может даже ставить такой вопрос. Ведь это значит зачеркнуть ее жизнь, ее путь, ее труды, надежды, цель. Тупик. Значит, нужно уезжать, но как? Так просто меня не отпустят. Объявлять войну, или нет. Нужно начинать: там если убьют, то на то и война, а жив останешься – будешь по-настоящему жить, а здесь и жив будешь, и все равно будешь не рад этой жизни... Вот только пройдет выпуск и ближайшие дни принесут решение этого вопроса”, – очередной раз решает М.Т. в ноябре 1944 г. (Пятая тетрадь. Л. 4).

Август 1943 г. – поездка М.Т. Белявского в Медногорск к семье. Все нарастающие переживания в дневнике начались с начала июля, с известия, что И.М. отправила его начальству письмо с просьбой об отпуске. Реальная возможность поездки появилась в начале августа: “Ответ на рапорт, и какой ответ, это уже много шансов за отпуск. Ведь отказа нет, а требуемое будет хорошим, я в этом уверен. Ну как тут не размечтаться во всю. Голова идет кругом и дух захватывает. А вдруг...” И следом – переживания от полученного из Медногорска письма: “Что за проклятье. Хуже ничего придумать нельзя. Ира на месяц уехала в какой-то район. Только этого и не хватает, чтобы я приехал и не увидел ее. Это будет для нас такой удар, о котором и говорить страшно” (Вторая тетрадь. Л. 25.). Мучительнее всего М.Т. всегда переносил неизвестность, ожидание: «Стал совсем “психом”. Спать не могу. Вчера провел ночь без сна. Если бы знать решение в ту или другую сторону... Ответ будет 12–13, а до этого что?» (Там же. Л. 26 об.). Последняя запись во второй тетради – И.М. Белявской от 28 августа 1943 г. “...Уехал... поезд медленно отошел, а затем все быстрее и быстрее удалялся... между нами легло опять огромное пространство и время [...] Что с ним сделали эти 2 г[ода]? Какая усталость и опустошенность? И опять туда же... Знаю, что выстоит, но все это огромной ценой мозга, нервов...” (Там же. Л. 27 об.). В этот период М.Т. оставил жене первую и вторую тетради дневника.

После поездки до конца 1943 г. – ожидание переезда И.М. в Москву, ее возвращения в аспирантуру: “Как я рад, что получен вызов. Это даст жизнь Ире. Но это ж заставляет очень и очень думать о детях” (Третья тетрадь. Л. 20 об.). Как только она приехала, у М.Т. все более настойчивые мысли о встрече: “Замечательное, прямо вдохновенное письмо от Иры. Я так рад, что и в Москве начинается становление. А ждать все труднее и хотя последние дни были прямо чертовскими по нагрузке и отсутствию свободного времени, тем не менее, когда опомнишься, ожидание наполняет всего. После упорных напоминаний о вызове меня начинает пугать, а вдруг она не решится ехать без пропуска. Это будет для меня катастрофой. Но не может, не должно этого быть” (Там же. Л. 21 об.).

В связи с напряжением, все усиливающимся от ожидания, М.Т. рассказывает немного и о своих делах в школе: “Сегодня пришла открытка. И снова ведь открытка, как я их не люблю. Ира приезжает в промежуток 5–10 [...] Это меня совершенно выбило из колеи. Я ничего не могу делать, за что ни возьмусь. Ни читать, ни писать, ни думать. Значит, минимум неделя. Максимум – 2 и мы увидимся. Но что судьба окончательно смеется над нами, что ли. Летом я приехал и метался, тревожась, что ее так и не найдут. А теперь, после того, как всю осень и зиму просидел на одном месте, уходим на выход, как раз в те дни, когда должна приехать Ира [...] Будь это до такого неожиданно-

го повышения, а оно мне, признаться, не дает покоя, я бы легко ушел с выхода, а теперь это будет не так легко сделать [...] Вопрос самолюбия – справиться с ротой, но это придет не само и не легко [...] Плохо, что командиры все новички и сесть с ними я могу классически. Этого я не должен допустить”, – пишет он 30 января 1944 г.

10 февраля 1944 г. И.М. приехала в Калинин и прожила там 10 дней. Несколько строк в тетради записаны ее рукой. Дальше – снова записи М.Т., но совсем с другим настроением: “Вот уехала Ира... но почему-то совсем другое чувство у меня сейчас, чем когда уезжал из Медногорска... мне все кажется, что она где-то совсем рядом и со дня на день я ее снова увижу, и только по недоразумению дело обходится письмами. Летом я действительно не успел снова к ней привыкнуть, а сейчас, несмотря на занятость и то, что видел ее урывками, кажется, что о всем переговорил, все запомнил, понял, все ясно и светло, и Ира здесь рядом. Хорошо, что Ира так просто и хорошо вошла в нашу тройку” (Третья тетрадь. Л. 30 об.).

С 30 марта и до конца дневника меняется характер личных записей. М.Т. начинает писать стихи, из которых мы узнаем о том, что 25–28 марта он приезжал в Москву в командировку, а 18–19 июня, после известия о скором переезде школы, сорвался на день, съездил домой без командировки. Кроме стихов о любви и встречах с женой, таких как “Побег“, “Трубка“, М.Т. в этот период пишет стихи о боевых действиях и победах, например “Севастополь” и “Началось!”. Он удивляется своему новому увлечению. 8 апреля записывает: «Мне самому нравится только “Цветок” и отдельные строчки из “Разлуки”, но все это, конечно, страшно слабо и может быть признано только как попытка выражения... чувств. Попытка явно неумелая, но искренняя [...] Странно, откуда взялась эта новая, неведомо откуда явившаяся страсть к стихам. Ведь я прекрасно знаю, что хороших стихов мне никогда не написать, а плохие я всегда переносить не мог. Так откуда же это взялось и почему? Говорят, влюбленные пишут стихи, но я когда-то, когда все данные для этого были налицо, стихов не писал, а сейчас они лезут сами в голову на каждом шагу» (Четвертая тетрадь. Л. 13.). И как подтверждение – вложенный в тетрадь листок: кусочек карты Калининской области, на обороте которой М.Т. Белявский записал одно из своих стихотворений.

Было еще несколько встреч с женой в Москве и в Калининe, и после каждой из них менялось настроение автора дневника, они вызывали не только радость, но и грусть: «Хочется верить в близкую окончательную встречу и начало новой жизни. И рядом с этим кажется, что всегда была эта проклятая война и всегда она будет, и нет ей ни конца, ни краю. Не знаю, как кому, а мне сейчас даже трудно себе представить довоенное время и тем более будущее, а в ушах звучат памятные слова, с которых начались этих три года: “Наше дело правое” и “К вам обращаюсь я, друзья мои”. Они стали нашим символом веры, нашим законом, и с ним[и] мы прошли сквозь все невзгоды, и с ними пройдем до конца», – 18 июля 1944 г. (Пятая тетрадь. Л. 1).

Очень интересна дневниковая запись от 22 мая 1944 г. (Четвертая тетрадь. Л. 20): спор о развитии событий на войне, который вели трое друзей – с подписью каждого из них. Они составили 8 вопросов, по которым у них возникли разногласия: об открытии, сроках и месте второго фронта, о направлении удара советских войск и сроках окончания войны.

В последней дневниковой тетради среди личных записей появляются впечатления о месте проживания: “Сегодня первый раз основательно бродил по Витебску. Что же это такое. Никогда не думал, что большой город можно так

разрушить. Ну, можно разрушить городок, еще легче стереть с лица земли деревню, но так разрушить большой город... это в буквальном смысле слова мертвый город” (Пятая тетрадь. Л. 2 об.). Впечатления о переезде из Полоцка в Двинск М.Т. выразил в стихах:

Я привык к сожженным деревушкам,
К бурьяну, покрывшему поля,
К временным малюсеньким избушкам,
К раненым и стуку костыля.

И скажу по совести – обидно,
По земле латвийской проезжать,
Где трех лет войны не видно,
Где про горе тоже не слышать.

(Там же. Л. 16 об.).

Дневник М.Т. Белявского много рассказывает нам о мыслях и чувствах, надеждах и переживаниях, увлечениях и друзьях автора. Но в нем мало сведений о работе, конкретной деятельности.

В КБС хранятся 24 письма М.Т. Белявского за февраль 1942 – май 1945 г. на 35 листах. 4 письма за 1942 год, 7 – за 1945 г., остальные – за 1943 г. Кроме того, в архиве есть письма военного времени, адресованные М.Т. Белявскому: 7 писем И.М. Белявской за январь 1942 – май 1945 г. и по одному письму от дочерей Лены и Майи¹⁸.

Характерной чертой в переписке супругов Белявских является нумерация писем. Эта практика возникает в первый год войны, когда письма доходили очень редко, и особенно плохая связь между И.М. и М.Т.: они узнают иногда друг о друге только через друзей и родственников, и поэтому мучаются вопросами не только “где находишься?” и “что делаешь?”, но и “почему не пишешь?”¹⁹. Нумерацию они начинали заново с нового года или при смене адреса. Такая система и позже давала им представление о том, сколько писем доходит: например, 9 января 1943 г. М.Т. Белявский пишет жене, что в 1942 г., когда наладилась связь, пропали только два ее письма.

Письма М.Т. Белявского во многом повторяют информацию из дневников, но в них содержится намного больше сведений о его жизни: он пишет о бое и своих впечатлениях, об учениях и походах, о погодных условиях и питании, о товарищах. Однако это отдельные фрагменты, по которым очень сложно составить полное представление о его деятельности. Чаще он говорит, что о себе ему писать нечего и нельзя, или ограничивается общими фразами, передающими только его настроение: “У нас сейчас очень трудно. Больше я тебе ничего написать не могу, временами кажется, что не выдержишь и свернешься, но снова и снова берешь себя в руки и делаешь свое дело,” – рассказывает он жене 11 июля 1943 г. Переписка Белявских также содержит сведения о жизни и работе И.М. Белявской в Медногорске и Москве в годы войны.

Письма И.М. Белявской полны чувств к мужу, веры и гордости за него: “Верю, что возвратившись на боевой пост свой, ты так же смело и беззаветно, как это делал до сих пор – будешь разить проклятого изверга, – пишет она 12 февраля 1942 г. мужу в госпиталь. – Как ни волнуюсь я о тебе – никогда у меня не было мысли, чтобы ты был здесь со мной, когда там на фронте идет

¹⁸ Архив КБС. Ф. Белявский М.Т. Д. Письма военных лет.

¹⁹ Архив КБС. Ф. Белявский М.Т. Дневник И.М. Белявской. Л. 9.; Подборка. Письмо М.Т. Белявского от 3 дек. 1941 г.

М.Т. Белявский.
Рисунок Печурова. 2.XII.1942 г.

М.Т. Белявский.
Рисунок Печурова. 1942 г.

великая борьба. Ни ты, ни я даже мысленно не можем купить своего личного благополучия такой низкой ценой [...] Верю, что и тебя, мой дорогой, я встречу – этой надеждой я живу, в ней я нахожу силы для жизни и работы. Я терпеливо буду ждать тебя, ждать буду каждый день и час...”

Кроме документов, М.Т. Белявский передал в КБС два своих портрета – рисунки военного времени. Один из них – простым карандашом на листе меньше тетрадного в крупную клетку. Михаил Тимофеевич изображен анфас. В правом нижнем углу дата: 2 декабря 1942 г. и подпись художника. На обороте листа нет подписи, только расплывчатые чернильные разводы – видимо, лист использовался как промокашка. Второй рисунок почти в два раза больше и выполнен коричневым карандашом. На обратной стороне тем же карандашом запись М.Т. Белявского: “Жди меня и я вернусь, только очень жди! Всегда, всюду твой Миша. 1/1 нового 1943 года – года нашей грядущей Победы – года встречи и счастья”.

В письме С.И. Антоновой от 4 октября 1987 г. М.Т. Белявский пишет о художнике: “Нарисовал их мальчик, родители которого были расстреляны фашистами вместе почти со всеми жителями деревни. Он во время расправы был в лесу и поэтому уцелел. Мы его подобрали почти замерзшего и бессильного. Так и остался он в моем взводе, а потом и в роте. Ему было тогда 14 лет, а в 44 году он уже был воином-сержантом, а рисовал он просто великолепно. После крупных боев, когда нас осталось мало, а я лежал в госпитале с малярией, его отправили в другой полк и о том, что с ним произошло, не знаю”. Из дневника мы узнаем фамилию этого мальчика – Печуров, и что он по фотографиям делал рисунки членов семьи Михаила Тимофеевича, которые тот

отсылал семье. М.Т. Белявский довольно часто обменивался с семьей фотографиями, одну из которых – 1944 г. – передал в КБС.

В конце этого очерка о документах военного времени и военном периоде жизни М.Т. и И.М. Белявских хочется привести цитаты из их последних писем, хранящихся в КБС; писем, описывающих 9 мая 1945 г. и отражающих чувства и настроения практически всех советских людей: «Чудесная ночь, полная залпов, слез, “ура”, минутного молчания, когда припоминалось все прожитое. Ночь, полная неожиданного и чудесного, прошла, и теперь особенно нестерпимо наше повседневье. Ведь только подумать – конец и все по-прежнему. Ничего не изменилось. Все как и было [...] Я даже не знаю, что делать, чтобы скорее кончилось все это бесконечное ожидание, и наконец наступила долгожданная настоящая жизнь. А какой прекрасный подарок к твоему дню рождения преподнесла Родина. Это, видно, потому, что я так давно ничего не могу тебе подарить»», – писал М.Т. жене после 9 мая 1945 г. 19 мая И.М. ему отвечала: “День Победы (нужно быть исключительно счастливым, чтоб день рожденья совпал с таким днем – ты не находишь?)... Мне отчего-то в этот день было до слез тяжело. Думала о тех, кого нет среди нас и никогда не будет... Я все время думаю об этом и по ночам от этих дум все сжимается внутри безысходным горем... И знаешь, война кончилась, я это знаю разумом, но я этого не ощущаю сердцем. Ведь все, все по-прежнему. Так же дома мы одни и неизвестно, когда, через сколько месяцев увидим тебя”.

С.О. Шмидт

**АРХИВ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
И РАЗВИТИЕ АРХИВОВЕДЕНИЯ:
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ***

Архив Российской академии наук – сокровищница истории не только нашей Академии наук, но и истории отечественной и мировой науки. 275 лет АРАН – важная веха в истории Академии наук. В то же время его биография – и заметная составляющая истории архивной культуры России – организации архивного дела, развития отечественной архивной мысли, археографии. Проблематика эта важна для изучения многообразных тем науковедения и вопросов историографии – прежде всего источниковедения историографии. А образование Архива в XVIII в. для историков России – показательный факт в истории развития государственной мысли, общественного сознания, культуры начальных лет Российской империи. История Архива, документы в нем хранящиеся, представляют интерес не только для истории отечественной науки и архивного дела. Документы АРАН – и в фондах учреждений, и в личных фондах – с наибольшей полнотой выявляют международные научные связи россиян и уровень международного престижа российской науки.

Мы признательны за то, что заседание, отмечающее такой достойный юбилей, организовано при соучастии Археографической комиссии РАН. Совместные заседания с научными учреждениями, вузами, хранилищами памятников истории и культуры, особенно посвященные знаменательным годовщинам, стали уже давней традицией в деятельности Археографической комиссии. Поводом к последним по времени таким заседаниям были 10-летие ГАРФ, 300-летие Петербурга, годовщины со дня смерти выдающихся историков конца XIX – начала XX в. академиком С.Ф. Платонова (в 2003 г.) и М.М. Богословского (в 2004 г.)

Тематика нынешнего заседания особенно близка Археографической комиссии по многим причинам. И потому, что возродивший в 1956 г. ее деятельность и первый ее председатель академик М.Н. Тихомиров был одновременно председателем Научного совета Архива АН СССР, и потому, что его усилиям мы во многом обязаны решению Президиума АН СССР о строительстве для Архива в Москве специального здания, и потому, что по завещанию Тихомирова его личному архиву определено храниться именно в этом Архиве. В 25-м томе “Трудов” Архива было опубликовано описание личного фонда академика Тихомирова; совместно с Архивом подготовлено издание шести томов избранных его сочинений.

Археографическую комиссию и Архив связывают тесные узы: в “Археографическом ежегоднике” не раз помещались материалы о прошлом и насто-

---

* В основе статьи вступительное слово на научной конференции в ИИЕТ РАН 18 декабря 2003 г. “Архив Российской академии наук и развитие научных исследований в Академии наук. К 275-летию Архива РАН”, организованной АРАН, ИИЕТ РАН, АК РАН. См. о ней: *Афиани В.Ю., Краснова Т.Г.* Научное заседание, посвященное 275-летию Архива РАН // АЕ за 2003 год. М., 2004. С. 385–393.

ящем Архива, напечатано несколько статей многолетнего директора Архива, а ныне советника РАН Б.В. Левшина. В АЕ за 2002 год помещена статья, посвященная памяти энергичной заместительницы директора Архива по научной части, работавшей в Архиве более тридцати лет – Наталье Марковне Митряковой¹. Во многих томах АЕ публиковались документы, выявленные в АРАН в Москве и в его филиале в Санкт-Петербурге, исследования, основанные на их изучении, а АЕ за 2003 год начинается статьей директора Архива В.Ю. Афиани, посвященной юбилею Архива².

Юбилей обычно дает основания и для подведения некоторых итогов, и для определения перспектив дальнейшей работы. В своем выступлении сосредоточу внимание преимущественно на том, что предусматривает совместную работу АРАН и Археографической комиссии.

Наше заседание является к тому же и первым научным заседанием, в программе которого доклад нового руководителя АРАН, сразу же энергично взявшегося за работу. И, обращая внимание на возможность включения в планы деятельности Архива моих предложений, исходил и из представлений о потенциальных возможностях, научных интересах и опыте руководителя Архива; а я мог наблюдать его рост как ученого и организатора науки едва ли не дольше, чем кто-либо из присутствующих, заметив его – тогда еще златокудрого – уже студентом первого курса МГИАИ. Виталий Юрьевич Афиани был затем и моим дипломником (написав работу по материалам личного фонда филолога и искусствоведа академика Ф.И. Буслаева), и аспирантом (его диссертация о журнальной археографии начала XIX в.³). Будучи сотрудником Археографической комиссии, он стоял у истоков и составления “Каталога личных архивных фондов отечественных историков”, и деятельности Научного совета по изучению культуры российской провинции XVIII – начала XX в., организовавшего несколько конференций такой тематики⁴. Полагаю, что накопленный опыт в изучении исторических и собственно историографических источников XVIII–XIX вв. помог ему позднее плодотворно включиться в работу по выявлению, исследованию и публикации документов уже новейшего времени, XX столетия, – и по истории культуры, и по государственно-политической истории, когда он приобщался и к практике организаторской работы как заместитель директора РГАНИ.

В АРАН сосредотачиваются преимущественно фонды научных учреждений, административных подразделений Академии наук, частных к ее деятельности общественных объединений и издательских центров и, конечно, личные фонды видных ученых. В подходе к системе описания и использования документов академических учреждений в Архиве ощутимо единообразие и старание следовать методическим рекомендациям ведущих архивных учреждений страны. В отношении личных фондов такое единообразие менее ощутимо, и не всегда реализуются на практике достижения недавних лет в работе других хранилищ документальных памятников.

Попытка обобщения данных о методике и результатах работы в разных архивах и хранилищах нашей страны была предпринята в статье В.А. Чер-

¹ Осипова Н.М. К 70-летию со дня рождения Н.М. Митряковой // АЕ за 2002 год. М., 2004. С. 206.

² Афиани В.Ю. Архиву Российской академии наук – 275 лет // АЕ за 2003 год. М., 2004. С. 3–11.

³ См.: Афиани В.Ю. Публикация исторических документов в отечественных журналах первой трети XIX века: (Опыт историографического изучения): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982.

⁴ См. об этом: Афиани В.Ю. Десять лет программе “Культура российской провинции” // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии: Материалы науч. конф., Пенза, 25–26 июня 2001 года. В 2 кн. М., 2005. Кн. 2. С. 24–34.

ных, С.В. Житомирской, А.С. Мыльникова и Б.В. Левшина “Система информации исследователей о содержании фондов деятелей науки, литературы и искусства”⁵. За более чем тридцать лет накопился дополнительный опыт и оправдали себя и некоторые другие новаторские установки, и потому полезно было бы АРАН вместе с другими хранилищами документов (и прежде всего с теми, где сосредотачивается документация научной и научно-учебной проблематики) инициировать организацию научно-практического семинара для рассмотрения этих вопросов уже на новом уровне архивоведческих и науковедческих знаний. Археографическая комиссия готова приложить усилия в деле координации работы такой направленности.

Целесообразно обобщить (первоначально, видимо, в лапидарной форме) данные о содержании личных фондов в Архиве, а еще лучше и в архивах учреждений РАН, в сводного типа обзорном издании, подобном тому, как это сделано было ГИМ, РГБ, РГАЛИ, используя (даже повторяя) уже напечатанное в “Трудах” Архива и в других изданиях, указав и труды ученых, и документы об их жизни и творчестве, и материалы этой тематики (книги, статьи, тезисы докладов, авторефераты диссертаций). На заседаниях, организованных Археографической комиссией и при ее участии, в АЕ и в других ее изданиях постоянен интерес к такого рода материалам, но, естественно, по проблематике преимущественно гуманитарных наук.

При этом не должно упускать из виду и выявление, так сказать, непрофильных материалов, которые без такой информационной подсказки не станут искать именно в академическом архиве. Так, например, в архиве академика С.Ф. Ольденбурга находится ценный материал о развитии краеведения в первые годы советской власти. В личных фондах многих ученых имеется информация не только об их работе в более молодые годы в провинции, но и о провинциальных учреждениях и общественных объединениях тех лет. В фонде моего отца, академика О.Ю. Шмидта (небольшом по объему) отсутствует документация, связанная с его работой руководителя Главсевморпути и даже первого вице-президента Академии наук (они оставались в архивах учреждений), но сохранились небезлюбопытные материалы о работе Наркомпрода, Наркомпроса, общественных организаций. Вероятно, при определении набора даже кратких данных, которые следовало бы отразить в описании, поможет обращение к рекомендациям, разработанным Археографической комиссией для составителей пространного “Каталога личных архивных фондов отечественных историков”.

Помимо традиционных уже обозрений фондов Архива (прежде всего личных), опубликованных в его “Трудах”, в различных периодических и продолжающихся изданиях, сейчас готовятся издания по материалам Архива (его Санкт-Петербургского филиала) и более широкого плана. Особо отмечу предпринятое под руководством члена-корреспондента РАН И.П. Медведева многотомное описание фондов византистов. О новаторском значении этого издания в контексте развития архивоведения и археографии интересны наблюдения в статье И.Н. Лебедевой⁶. Вероятно, стоит подумать о планировании такого типа изданий и по иной тематике, причем не только Отделений гуманитарных наук. На основании этого и других менее масштабных, но близких по методике подготовки изданий, хорошо бы

⁵ См.: АЕ за 1972 год. М., 1973. С. 82–97.

⁶ *Лебедева И.Н.* Проект “Архивы петербургских византистов” (У пантеона петербургской византистики: некоторые размышления) // АЕ за 2002 год. М. 2004. С. 44–60.

АРАН и Археографической комиссии подготовить такой направленности методические рекомендации.

Для осмысления и анализа представляют интерес и другие издания, так или иначе связанные с Архивом. Уникально, в том числе в археографическом плане, издание томов “Научного наследства”, редколлегию которого возглавляет академик В.С. Мясников, где систематически публикуются материалы из АРАН. Издаются не только научные труды, но и материалы организационной и общественной деятельности ученых, их дневниковые записи, переписка. Многообразна по тематике, да и по разновидностям документальных материалов, публикация написанного В.И. Вернадским. Материалы эти уже используются и специалистами в областях естественных наук, и философами, и историками. Результаты работы готовящих к печати наследие великого нашего соотечественника столь плодотворны, что могут быть поучительными и в плане археографии и архивоведения, и потому желательно было бы поместить статью об этом опыте в “Археографическом ежегоднике” или в журнале “Отечественные архивы”.

Обращение к архивным фондам ученых-негуманитариев и к материалам других фондов, отражающих их деятельность – прежде всего издательскую – позволяет определить их творческую роль и в развитии археографии, в совершенствовании ее методики⁷.

Желательно было бы иметь в виду и продолжение работы по составлению картотек упоминаний тех или иных лиц в документах Архива, и прежде всего из личных фондов, опираясь и на опыт некоторых других известных хранилищ. Это не только обогатило бы нас многообразной информацией, но существенно расширило бы и представления о ценности материалов АРАН. Быть может, попытаться получить на такую работу какой-либо грант и привлечь для ее исполнения опытных пенсионеров-архивистов, которые не отягощенные графиком работы и обязательствами, зафиксированными в планкартах, почувствуют радость обретения возможности хоть в какой-то степени заняться снова привычным и любимым ими делом.

Важная задача АРАН способствовать подготовке собраний трудов академиков в областях и гуманитарных, и иных наук. Текстологический опыт академического типа комментированных изданий классиков художественной литературы начинает осваиваться и при издании собраний ученых трудов. Вероятно, небезынтересно было бы и в обобщающе-сопоставительном аспекте рассмотреть методику подготовки собраний сочинений ученых гуманитариев и негуманитариев.

Труды, ранее неизвестные читателю, материалы лаборатории исследования ученого, варианты (редакции) и т.д., выявляются именно в архивах. Обращение к архивным материалам позволяет установить отступления от авторского текста при издании и внесенные автором изменения в ранее изданный текст. Так, А.В. Мельников выявил при ознакомлении с личным фондом ученого в АРАН серьезную конъюнктурной направленности правку при подготовке первого посмертного издания многотомного исследования академика М.М. Богословского “Петр Великий: Материалы для биографии” в конце 1930-х–1940-е годы, начиная с изменения заголовка, устранения эпитафии и второй части первого же абзаца первого тома. Ныне готовится по-настоящему академическое, соответствующее подлиннику и в то же время отмечаю-

⁷ См.: Суринов В.М. Публикаторская деятельность Н.И. Вавилова // АЕ за 1970 год. М., 1971. С. 219–231.

щее и авторскую правку, издание этого фундаментального труда. Это издание – совместное Археографической комиссии и АРАН (что и обозначено в грифе), осуществляемое издательством “Наука” по издательской программе Правительства Москвы⁸. Подготавливая второе издание книги А.В. Арциховского 1944 г. “Древнерусские миниатюры как исторический источник”, сотрудник Археографической комиссии В.В. Морозов обнаружил в архиве Института археологии РАН ненапечатанные части монографии и смог определить ход работы ученого по этой тематике, начиная с этапа написания первых небольших статей⁹. Сейчас, готовя к печати труды С.К. Богоявленского о московских учреждениях допетровской Руси (книгу “Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков”), молодой исследователь А.В. Топычканов учитывает исправления и дополнения, внесенные автором в изданный текст книги о приказных судьях XVII в.; включаются в издание и ранее ненапечатанные исследования С.К. Богоявленского, и пародийного стиля имитации языка памятников XVII в. в его сочинениях, посвященных современности – большинство этих материалов из личного фонда историка*. Я привел примеры изданий, подготовленных или готовящихся к печати моими учениками и под моей редакцией, но число их нетрудно умножить.

Архивные материалы вносят подчас существенно новое в представление о жизни и творчестве даже самых крупных ученых, таких как академик С.Ф. Платонов. В фонде академика М.Н. Покровского в РГАСПИ (он был академиком не столько от науки, сколько от политики и поэтому, наверное, значительная часть его фонда попала в хранилище вне системы Академии наук) выявлена работа С.Ф. Платонова. Это доклад 1926 г. к 100-летию со дня кончины Н.М. Карамзина, опубликованный в 1993 г. А.Н. Артизовым и Б.В. Левшиным¹⁰. Доклад, убедивший нас в том, что Платонов решался открыто противоборствовать, придерживаясь давних традиций отечественной исторической науки, вульгаризаторскому политиканству Покровского.

Эта публикация имела особое значение и, если можно так выразиться, в моей научной биографии, побудила к написанию большой статьи¹¹, а затем заняться изучением жизни С.Ф. Платонова и его наследия с не меньшим увлечением, чем до того отдавал силы карамзинской тематике. Это отразилось и в планах издательской деятельности Археографической комиссии: началась подготовка шеститомного издания сочинений Платонова (совместно с Российской национальной библиотекой, где находится личный фонд историка) и томов его переписки. Первый том включает 624 письма за 1883–1930 гг., последнее из которых, адресованное вице-президенту Академии наук В.Л. Комарову, написано в день ареста Платонова в январе 1930 г. Публикуются материалы из многих архивов; в томе полного издания двусторонней переписки ученого с московскими историками П.Н. Милюковым, М.М. Богословским, А.И. Яковлевым, подавляющая доля писем из личных фондов Богословского и Яковлева в АРАН¹².

⁸ *Богословский М.М.* Петр Великий: Материалы для биографии. М., 2005. Т. 1: Детство. Юность. Азовские походы 30 мая 1672 – 9 марта 1697.

⁹ *Арциховский А.В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 2004.

¹⁰ Неизданная статья С.Ф. Платонова [“Карамзин – историк”] / Подгот. А.Н. Артизов, Б.В. Левшин // ОА. 1993. № 2. С. 46–55.

¹¹ *Шмидт С.О.* Доклад С.Ф. Платонова о Н.М. Карамзине 1926 г. и противоборство историков // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 39–76.

¹² Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2 т. М., 2003. Т. 1: Письма С.Ф. Платонова 1883–1930 гг.

* Книга вышла из печати в 2006 г. в серии “Наследие москвоведения” издательства “Языки славянской культуры”.

Думается, что настала пора подготовить академическую по типу историю Архива Академии наук, в стиле, близком к изданию по истории Библиотеки Академии наук. Вероятно, к составлению плана, а тем более реализации такой работы целесообразно привлечь и другие учреждения Академии наук и, прежде всего, соорганизаторов конференции, посвященной юбилею Архива, – Институт истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова. В Археографической комиссии сумели бы, вероятно, оказать помощь в освещении роли АРАН в развитии исторической науки, археографии и архивного дела, в Совете по истории мировой культуры – в обобщении данных о роли Архива в развитии книжной культуры. Сотрудники ИНИОН облегчили бы работу по систематизации сведений о публикации материалов Архива и использовании их в научных трудах.

Изучение истории Архива предполагает не только изучение формирования архивного комплекса и организации работы Архива (началом чего в определенной степени является подготовка к празднованию 300-летия со дня рождения академика Г.-Ф. Миллера в 2005 г.), но и определение места Архива в системе учреждений Академии наук и отношения к Архиву в среде академиков и более широкой общественности. Должно выяснить и значение сделанного архивистами Академии наук в развитии методики архивного дела и археографии – так в советские годы методическим и учебным пособием для всех архивистов страны стала книга первого директора Архива АН СССР Г.А. Князева¹³.

При этом, думается, не следует ограничиваться кругом лиц, бывших в то или иное время служащими Архива, но и других академиков и сотрудников Академии наук, причастных к собственно архивной и археографической работе, и прежде всего в учреждениях Академии наук – ОР БАН, в Пушкинском доме, Институте востоковедения, в дореволюционные годы в Археографической комиссии и в др. Вообще интересно было бы обобщить данные о работе ученых, уже избранных членами Академии наук, в сфере археографии и архивного дела, особенное внимание обращая на то, как это отражено в фондах Архива. Напомню о том, что в первые десятилетия XX в. академик А.С. Лаппо-Данилевский с целью совершенствования работы губернских ученых архивных комиссий изучал опыт зарубежных архивистов, выступал с докладами и статьями об архивном деле, не случайно его избрали в 1917 г. председателем Союза российских архивных деятелей. Академик С.Ф. Платонов в советские годы стал не только председателем Археографической комиссии, но и руководителем работы петроградских архивов. Помощником его и автором статей об архивной реформе был А.Е. Пресняков; в Москве к организации архивной работы были причастны М.М. Богословский, М.К. Любавский. Это давняя академическая традиция. В XIX в. развитие археографии – причем и полевой, и камеральной, не только эдиционной – связано с именами академиков П.М. Строева, Я.И. Берендикова, А.Ф. Бычкова, позднее А.А. Шахматова. В советские годы большинство документальных публикаций осуществлялось под научным руководством членов Академии наук, а в молодые годы такая работа была школой становления их исследовательского мастерства.

Обобщение и осмысление в методическом плане работы академических архивистов Москвы и Петербурга, описания и изучения ими материалов из фондов научных и культурно-просветительских объединений и личных фон-

¹³ Князев Г.А. Теория и техника архивного дела: (Опыт систематического руководства). Л., 1935.

дов, сейчас представляются особенно своевременными при возрождающемся интересе к истории изучения прошлого и настоящего своего края во всех регионах России. Этот опыт может быть использован и теперь. Все интенсивнее исследуются фонды краеведческих обществ и музеев, отдельных краеведов. Переиздаются давние труды, выходят из печати книги и статьи по истории краеведения, справочники о видных местных деятелях и уроженцах, сборники краеведческих трудов. Результаты такой деятельности нашли воплощение в новых экспозициях и изданиях местных музеев, в подготовке солидных по объему региональных энциклопедий (опыт этот был темой масштабного международного научно-практического семинара по региональным энциклопедиям в 2003 г.¹⁴, а годом ранее по биографике¹⁵, организованных в Петербурге по почину сотрудников РНБ и Союза краеведов России (председателем которого являюсь со времени его основания в 1990 г.). Наша отечественная методика изучения культурного и природного наследия и особенностей повседневности, сложившаяся в период “золотого десятилетия” нашего краеведения до его разгрома в зловещий год “великого перелома” в 1929–1930 гг., и намечающееся с недавнего времени возвращение к ней, кажется поучительно интересным и зарубежным ученым, о чем свидетельствует собравшаяся во Франции по инициативе парижского университета Сорбонны международная конференция 2000 г. об итогах и перспективах работы российских краеведов за сто лет (в 1890–1990-е гг.)¹⁶. Достижения краеведения первых послереволюционных лет во многом обусловлены тогдашними взаимосвязями с Академией наук, характерными именно для того времени. И в архивах академических учреждений, и в личных фондах АРАН несомненно можно выявить интересные дополнительные материалы о развитии культуры краеведения не только в XVIII в., когда организовывались знаменитые “академические” экспедиции, но и в новое время.

Как известно, в связи с 25-летием деятельности великого князя Константина Константиновича – знаменитого “К.Р.” – на посту президента Академии наук, было задумано издание двухтомного биобиблиографического словаря академиков, включавшее автобиографии (о покойных уже – небольшие биографические очерки, написанные их коллегами по “академическому корпусу”) и перечни трудов. В период Первой мировой войны книги были сданы в печать и затем изданы небольшим тиражом. Полагаю, что, руководствуясь тем же принципом, целесообразно и достойно нашей Академии наук было бы подготовить продолжение издания за последующие девяносто лет. Может быть, необходимо будет внести некоторые изменения в концепцию издания, из-за большого объема издания не помещать полную библиографию ученых, а названия лишь основных трудов со ссылками на напечатанные перечни трудов: такие библиографии имеются у подавляющего большинства академиков XX столетия; они были подготовлены в связи с их юбилеями, кончиной. Некоторые вышли отдельными

¹⁴ См.: Проблемы создания региональных энциклопедий: Материалы междунар. научно-практ. семинара (СПб., 14–16 окт. 2003 г.). СПб., 2004; *Раздорский А.И.* Международный научно-практический семинар “Проблемы создания региональных энциклопедий” (Санкт-Петербург, 14–16 октября 2003 г.) // АЕ за 2003 год. М., 2004. С. 396–400.

¹⁵ См.: Источниковедческие и методологические проблемы биографических исследований: Сб. материалов научно-практ. семинара. СПб., 2002; *Раздорский А.И.* Научно-практический семинар “Источниковедческие и методологические проблемы биографических исследований” (Санкт-Петербург, 4–5 июня 2002 г.) // АЕ за 2002 год. М., 2004. С. 450–453.

¹⁶ См.: *Les études régionales en Russie (1890–1990): origines, crise, renaissance.* P., 2002. (Cahiers slaves; № 6: Civilisation russe).

книжками в продолжающихся изданиях типа серии “Материалы для биобиблиографии ученых СССР”.

Конечно, такую трудоемкую и требующую обусловленной полноты работу можно осуществить лишь при поддержке руководителей Академии наук, к которым и необходимо обратиться. Это работа всех Отделений Академии, требующая контроля их руководителей. Однако основой должно стать то, что может быть выявлено именно в АРАН, где сосредоточены личные дела академиков. Консультантами-координаторами могли бы стать соорганизаторы нашего совместного заседания ИИЕТ, АК, а также ИНИОН. В отличие от издания начала прошлого века, можно было бы поместить и портреты академиков; и в их поисках без АРАН тоже не обойтись. Зная высокий уровень издательской культуры – и редакторской и полиграфической – издательства “Наука”, убежден в том, что издание и по внешнему своему виду смогло бы стать украшением книжных полок библиотек всего мира.

Полагаю, что Научному совету АРАН следовало бы разработать долгосрочный план совместных изданий с другими учреждениями и совместных научных конференций и заседаний, причем хотя бы одну конференцию широкомасштабную ежегодно. В 2005 г. спланирующей темой станет юбилей академика Г.-Ф. Миллера, который соберет вместе и россиян разных городов, и иностранцев¹⁷. Стоит наметить, не слишком откладывая, темы следующих подобных конференций, закрепляющих представление о роли АРАН в изучении прошлого и настоящего отечественной науки, ее историографии, а задачи историографии – исследовать не только историю развития научной мысли, но и организационную и просветительскую научную деятельность, и жизнь и творчество деятелей науки во всем их многообразии.

---

¹⁷ Хронику международной юбилейной конференции, состоявшейся в Москве с участием АРАН, см. наст. изд. с. 555–556.

М.Ю. Любимова

**ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ
РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ:
ВЕК НЫНЕШНИЙ И ВЕК ГРЯДУЩИЙ**

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки 11 марта 2005 г. отметил свое двухсотлетие¹. Юбилейный год стал для его сотрудников не только временем подведения итогов, но и периодом, когда выстраиваются планы на будущее.

В Отделе рукописей состоит на учете более 450 тыс. единиц хранения рукописных документов с X в. до н.э. до настоящего времени. Свообразие фондов Отдела – в их видовом и языковом разнообразии и в значительном хронологическом диапазоне. О значимости фондов Отдела рукописей для отечественной и мировой науки свидетельствует интенсивность их использования российскими и зарубежными учеными. Только за два последние десятилетия на их основе выпущены сотни монографических исследований, факсимильных изданий, публикаций, статей. Широко использовались собрания рукописной книги древнерусской и греческой традиций, восточные и западные фонды, личные архивы деятелей отечественной культуры, музыкальные рукописи, акты и грамоты, картографические и изобразительные материалы.

Российская национальная библиотека ежегодно приобретает путем покупки и получает в дар от 2 до 5 тыс. ед. хр. Фонды пополняются личными архивами деятелей отечественной культуры XX в., рукописными книгами древнерусской традиции, восточными рукописями, многочисленными документами по отечественной истории XVIII–XX вв. Приобретение документов с 1995 г. обеспечено стабильным бюджетным финансированием. Комплектование обусловлено в основном характером предложений и наличием необходимого количества квалифицированных сотрудников, способных провести экспертизу приобретаемых материалов и составить их полное научное описание.

Отдел рукописей обеспечивает максимальную доступность хранящихся в его фондах рукописных источников информации для пользователей России и мира. Ежегодно здесь работают более 1000 исследователей (количество посещений – от 12 до 15 тыс.), им выдается 55–60 тыс. ед. хр. Отдел открыт для пользователей почти ежедневно, – в этом его основное отличие от других хранилищ рукописных документов мира. Сотрудники ОР обслуживают и удаленных пользователей, ежегодно отвечая более чем на тысячу запросов, и выполняют их заказы на копирование рукописных документов.

---

¹ Подробнее об истории и деятельности Отдела рукописей РНБ см.: Императорская Публичная библиотека за сто лет, 1814–1914. СПб., 1914; История Государственной ордена Трудового Красного знамени библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963; Российская национальная библиотека. 1795–1995. СПб., 1995; Петр Дубровский (1754–1816) и его коллекция / Текст Н.А. Елагинной; предисл. В.Н. Зайцева, В.А. Лопатникова. СПб., 2004; “Жемчужина в короне”: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. 1805–2005 / Редкол. В.Н. Зайцев, И.В. Дацок (отв. ред.). СПб., 2005; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. 1805–2005. Сотрудники Отдела / Сост. Л.А. Шилов, Е.А. Савицкая. СПб., 2005.

Специалисты Отдела осуществляют подробное научное описание своих фондов, в соответствии с требованиями современной науки и с учетом традиций, сложившихся в Библиотеке. Наряду с научным описанием новых поступлений, идет систематическая обработка ранее поступивших и необработанных фондов. С 1986 по 2005 г. специалистами ОР подготовлено значительное число инвентарных описей с достаточно подробными аннотациями, вышли из печати путеводители, каталоги, публикации и исследования, раскрывающие рукописные фонды РНБ².

Научные сотрудники и библиотекари стараются в настоящее время следовать традиции, идущей от “Отчетов Императорской Публичной библиотеки”. Доступность для исследователей информации о новых поступлениях рукописных документов достигается тем, что все приобретенные рукописи на первой же стадии получают подробное научное описание. Все поступившие документы отражаются в каталогах новых поступлений. Последний каталог охватывает период 1994–2005 гг.³

В 2002 г. при финансовой поддержке Института “Открытое общество” был подготовлен и издан путеводитель по архивным собраниям и коллекциям Отдела рукописей⁴, в него вошла информация о 53 собраниях, включающих около 30 000 единиц хранения.

Завершается работа над проектом “Личные фонды Отдела рукописей Российской национальной библиотеки: Путеводитель”⁵. В новом указателе содержится информация о более чем 1200 личных фондах государственных и общественных деятелей России, деятелей науки и культуры, поступивших до 1 января 2005 г. Его публикация сделает максимально доступной для российских и зарубежных пользователей информацию о большей части рукописных документов Отдела.

Продолжается работа над каталогом “Воспоминания и дневники XVIII–XXI вв. в ОР РНБ”. Цель каталога – раскрыть состав и содержание этих видов автобиографической литературы. В 1975 г. вышел в свет аннотированный каталог “История СССР в воспоминаниях и дневниках”⁶, куда вошли описания документов из отдельных фондов. Издание было выпущено ограниченным тиражом, 200 экземпляров, для служебного пользования, по причинам идеологического характера в него не вошли целые комплексы документов. Выявление всего объема мемуарных источников одного из ведущих хранилищ страны, относящихся к новейшей истории России, создает предпосылки для анализа мемуаров как специфического культурного явления.

² Список работ сотрудников Отдела рукописей ГПБ (1980–1989 гг.) / Сост. Н.А. Зубкова // Рукописные фонды Публичной библиотеки: печатные кат., обзоры, ист.-метод. материалы. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1990; Указатель содержания сборников Отдела рукописей РНБ (1973–1994) / Сост. Н.А. Зубкова // Рукописные памятники: публ. и исслед. СПб., 1996. Вып. 1; Список трудов сотрудников Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. 1990–2004 / Сост. Н.А. Зубкова и Е.С. Павлова. СПб., 2005.

³ Новые поступления в Отдел рукописей РНБ (1994–2000): Каталог. СПб., 2004. Ч. 1 / Сост. Л.С. Георгиева; науч. ред. Л.И. Бучина; Ч. 2 / Сост. Л.С. Георгиева; науч. ред. О.В. Васильева, Н.А. Елагина, В.М. Загребин.

⁴ Путеводитель по архивным собраниям Отдела рукописей Российской национальной библиотеки / Сост. Л.И. Бучина, Н.А. Зубкова. СПб., 2000.

⁵ Аннотированный указатель рукописных фондов Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина: Фонды русских деятелей XVIII–XX вв. Л., 1981–1984. Вып. 1–4. Указатель был выпущен малым тиражом и не включал ряд личных фондов, находившихся в то время на особом хранении (по идеологическим причинам).

⁶ История СССР в воспоминаниях и дневниках: (Аннотированный каталог рукописей. Конец XVIII в. – 1917 г.) / Сост. М.Я. Стедкевич; ред. А.С. Мыльников. Л., 1975–1979. Вып. 1–2.

В планах Отдела – создание путеводителя по музыкальным материалам. Он включит информацию о 120 музыкальных фондах и музыкальных рукописях XVIII–XX вв. в составе других личных фондов и собраний. Исследователи-музыковеды ощущают острую потребность в каталогах рукописного наследия А.Ф. Львова, А.С. Даргомыжского, А.Н. Серова, А.Г. Рубинштейна, А.П. Бородин, П.И. Чайковского, Н.А. Римского-Корсакова, А.К. Лядова, С.М. Ляпунова, А.К. Глазунова, В.В. Софроницкого и др.

В 2004 г. РНБ вместе с Государственной библиотекой в Берлине – “Прусское культурное наследие” – выпустили в свет каталог нотных рукописей и печатных изданий из немецких собраний, ныне хранящихся в Отделе рукописей⁷.

Продолжается работа над сводным каталогом всех певческих рукописей, над учетным списком греческих рукописей, каталогами французских рукописей XIII–XV вв. и латинских рукописей IX–XII и XIV вв.⁸, публикацией “Корпус читательских помет Вольтера”⁹, над каталогом “Родовые архивы XVI–XIX вв.”

Вышел в свет третий выпуск и продолжается работа по составлению 4-го выпуска каталога собрания Михаила Петровича Погодина, которое насчитывает более 2000 рукописных книг¹⁰.

В своей научной деятельности специалисты Отдела используют междисциплинарные подходы и методы славянской, греческой, восточной и западноевропейской текстологии, археографии, палеографии, кодикологии и других специальных дисциплин. Успешно продолжают и развивают достижения сложившихся здесь научных школ.

Четверть века назад в Ленинграде на первой Всесоюзной научной конференции “Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности” была принята рекомендация: “Подготовка факсимильных изданий древнейших и наиболее ценных рукописей является делом большой государственной важности”¹¹.

В 1992–2005 гг. сотрудники Сектора западных фондов подготовили, и европейские издательства выпустили в свет девять факсимильных изданий памятников письменности XII–XV вв.: “Сомюрская Джостра”, “Кёльнский молитвенник”, “Книга сокровищ” Брунетто Латини, “Книга о простейших лекарственных средствах”, “Часовник Людовика Орлеанского”, “Петербургский бестиарий”, “Роман о Трое” Бенуа де Сент-Мора, “Реньо и Жаннетон”, “Бревиарий

⁷ Рукописи из немецких собраний в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург): Нотные рукописи и печатные издания XVII–XX вв. (Фонд 956, опись 2) / Авт. В.Г. Карцовник, Н.П. Рязанова. Берлин, 2004.

⁸ Каталог латинских рукописей XIII в. недавно вышел в свет. См: Латинские рукописи XIII в.: Описание рукописей Российской национальной библиотеки): Каталог / Сост. Л.И. Киселева. СПб., 2005 г. Издание осуществлено при поддержке РГНФ, проект 04-01-16217д.

⁹ Первые пять томов “Корпуса читательских помет Вольтера” вышли в свет в издательстве Akademie-Verlag: Corpus des notes marginales de Voltaire. Berlin. 1979. Т. 1: А–В; 1983. Т. 2: С; 1985. Т. 3: D–F; 1988. Т. 4: G–K; 1994. Т. 5: L–M. Подготовку к изданию и выпуск завершающих томов публикации взял на себя Фонд Вольтера (Voltaire Foundation) в Оксфорде. Шестой том публикации вышел из печати в рамках Полного собрания сочинений Вольтера: Corpus des notes marginales de Voltaire. Oxford, 2006 Т. 6: Nadal–Plato. (Les Oeuvres complètes de Voltaire, 141). В настоящее время ведется работа над следующим, седьмым томом “Корпуса”.

¹⁰ См.: Рукописные книги собрания М.П. Погодина: Каталог. Л., 1988. Вып. 1; СПб., 1992. Вып. 2; СПб., 2004. Вып. 3.

¹¹ Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: Материалы Всесоюзной конференции / Под ред. М.В. Кукушкиной и С.О. Шмидта. Л., 1981. С. 261.

любви” Матфре Эрменго де Безье¹² и двух рукописных атласов XVI в. – Порталан Баттисты Аньезе и Всемирный атлас Диего Хомема¹³. Сотрудники Отдела подготовили к ним научно-справочный аппарат – комментарии и научно-исследовательские статьи; при этом широко использовались методики исследования документов, разработанные в Лаборатории кодикологических исследований и научно-технической экспертизы документов (выявление угасших и стертых текстов, моделирование утраченных элементов и пр.).

Вышли в свет два греческих Евангелия VI и X вв. – Пурпурное и Трапезундское¹⁴, в Загребе изданы глаголические рукописи РНБ¹⁵.

В кратчайшие сроки было подготовлено, и издательство “Русская симфония” выпустило факсимильное издание рукописи XVII в. “Книга об иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской”¹⁶. При поддержке Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Санкт-Петербурга осуществлено издание альбома акварельных рисунков известного художника XIX в. Н.А. Степанова, целиком посвященного М.И. Глинке¹⁷.

С 2005 г. РНБ является партнером (вместе с БАН, ГИМ и московским издательством “Актеон”) в осуществлении факсимильного издания Лицевого летописного свода XVI в. Лицевой Хронограф, хранящийся в РНБ, – наименее изученный том Лицевого летописного свода, потребовал создания целостной концепции научного представления памятника при его факсимильном воспроизведении. Е.В. Крушельницкая, Н.Н. Невзорова, Е.А. Пережогина, Н.В. Рамазанова, Е.Э. Шевченко, П.А. Медведев, О.Л. Новикова и др. подготовили научно-справочное сопровождение к этому тому; провели транслитерацию всего текста рукописи с синтаксической обработкой; составили указатели, позволяющие читателю ориентироваться в сложном тексте и изображениях. В предисловии подробно изложена история рукописи, в частности ис-

¹² Das Turnierbuch für René d’Anjou: (Le Pas de Saumur): [Факсимильное издание рукописи РНБ Fr. F. XIV.4 с комментариями]. Graz: ADEVA; Moskau: Verlag Nasledije, 1998. Т. 1–2. (Codices selecti. Vol. 104, 104*); Brunetto Latini. Li Livres dou Tresor: [Факсимильное издание рукописи РНБ Fr. F.v.III.4 с комментариями]. Barcelona: M. Moleiro Editor, S.A., 1999–2000. Т. 1–2; Le Livre des Simples Médecines: [Факсимильное издание рукописи РНБ Fr. F.v.VI.1 с комментариями]. Barcelona: M. Moleiro Editor, S.A., 2000–2001. Т. 1–2; Livre d’heures de Louis d’Orléans: [Факсимильное издание рукописи РНБ Lat. O.v.I.126 с комментариями]. Barcelona: M. Moleiro Editor, S.A., 2001–2002. Т. 1–2; Bestiario de San Petersburg: [Факсимильное издание рукописи РНБ Lat. Q.v.V.1 с комментариями]. [Madrid]: Coedición Biblioteca Nacional de Rusia, A. y N. Ediciones, 2003. Т. 1–2; Liber precum: [Факсимильное издание рукописи РНБ Lat. O.v.I.206 с комментариями]. Graz: ADEVA, 2003. Т. 1–2 (Codices selecti. Vol. 108, 108*); El Códice de la Guerra de Troya: [Факсимильное издание рукописи РНБ Fr. F.v.XIV.3 с комментариями]. [Madrid]: Coedición Biblioteca Nacional de Rusia, A. y N. Ediciones, 2003–2004. Т. 1–2; Les Amours de René d’Anjou: [Факсимильное издание рукописи РНБ Fr. Q.XIV.1 с комментариями]. [Madrid]: Coedición Biblioteca Nacional de Rusia, A. y N. Ediciones, 2002–2005; Breviario d’Amor: [Факсимильное издание рукописи РНБ Prov. F.v.XIV.1 с комментариями]. [Madrid]: Coedición Biblioteca Nacional de Rusia, A. y N. Ediciones, 2003–2007.

¹³ Der Portolan Atlas von Battista Agnese (1546): [Факсимильное издание рукописи РНБ Эрм. ит. 14 с комментариями]. Disentis: Desertina; Graz: ADEVA; Moskau: Verlag-Autor, 1993. Т. 1–2; Atlas Universal de Diogo Homem: [Факсимильное издание рукописи РНБ Ф. 342, № 1505 с комментариями]. Barcelona: M. Moleiro Editor, S.A., 2000–2002. Т. 1–2.

¹⁴ Das Lektionar von St. Petersburg: [Факсимильное издание рукописи РНБ Gr. 21 и 21a с комментариями]. Graz: ADEVA; Moskau: Verlag Nasledije, 1994. Т. 1–2; (Codices selecti. Vol 98, 98*); Пурпурное Евангелие = Codex Petropolitanus: [Факс. изд.]. Афины: Милитос, 2002. 2 т.

¹⁵ Глаголические фрагменты Ивана Берчича в Российской национальной библиотеке = Glagoljski fragmenti Ivana Berčića u Ruskoj nacionalnoj biblioteci: Загреб, 2000. Т. 1: Факсимиле; Т. 2: Вялова С.О. Описание.

¹⁶ Книга об иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской: Факс. изд. рукоп. ОР РНБ ОЛДП. F.I.38. / Предисл., коммент. Е.В. Крушельницкой. СПб., 2004.

¹⁷ М.И. Глинка глазами современника: Альбом рисунков Н.А. Степанова / Предисл., коммент к рис. и указатель Н.В. Рамазановой и Е.А. Пережогиной. СПб., 2005.

тория ее поступления в Библиотеку; сделано подробное кодикологическое и текстологическое описание памятника.

Сотрудники Сектора западных рукописей готовят к факсимильному изданию два особо ценных памятника письменности: Реймский миссал (XIII в.) и “История разрушения Трои” (начало XV в.). В ближайших планах – факсимильное издание музыкальных рукописей нового времени, в частности рукописной тетради Л. Бетховена и фрагментов партитуры из оперы “Руслан и Людмила” М.И. Глинки.

В 2000 г. РНБ (совместно с фирмой “Spaero”) выпустила первую электронную версию факсимильного издания рукописи – CD-ROM древней пергаменной рукописи “Островное Евангелие” (VIII в.)¹⁸. Его создатели (М.Г. Логутова, С.А. Добрусина, Н.А. Елагина и др.) добились синтеза полистного изображения в форматах графических файлов каждого разворота этой рукописной книги, полного научного описания и исторического комментария. Такое сопряжение позволило создать целую систему поисковых средств.

Вместе с Британской библиотекой, университетской библиотекой в Лейпциге и Монастырем св. Екатерины Российская национальная библиотека участвует в крупномасштабном проекте по воссоединению в единое целое разрозненных частей одного из самых значительных памятников мировой письменности IV в. – Синайского кодекса.

С 2001 г. группа сотрудников Отдела, Управления автоматизированных технологий и Федерального центра консервации библиотечных фондов РНБ начала работу над проектом по сохранению и оцифровке польских автографов коллекции Петра Дубровского. Это – около 3000 польских документов XV–XVIII вв., относящихся к категории особо ценных рукописей. Параллельно с проведением комплекса работ по консервации автографов, составлением паспортов сохранности и созданием их цифровых копий, в Отделе приступили к созданию их электронных моделей. В 2005 г. завершена работа по созданию компакт-диска комплекса документов “Письма князей Радзивиллов” (Авт. 234). Реализация этого проекта зафиксировала автографы в их нынешнем состоянии; вместо оригинала пользователю предоставляется цифровая копия; повторное копирование документа производится без обращения к оригиналу. Созданная электронная модель документа, включающая копию рукописи, ее научное описание, изображение филигранный бумаги, государственной или личной печати дает сведения о рукописном документе с исчерпывающей полнотой.

Для раскрытия содержания рукописных документов, пользующихся повышенным спросом, в РНБ в 1996 г. было основано сериальное издание “Рукописные памятники”. Вышло 9 выпусков этого издания: в них опубликованы дневники, письма, творческие рукописи выдающихся деятелей российской культуры, памятники письменности более раннего времени¹⁹. В этой же серии выйдут: рукописное наследие известного юриста и социолога Н.С. Тимашева, новые документы о М.М. Сперанском, наиболее значимые документы из родовых архивов.

¹⁸ Островное Евангелие из собрания Российской национальной библиотеки = The Insular Gospels in the collection of the National Library of Russia: Факс. изд. рукоп. Lat. F.v. I. № 8 из собр. РНБ / Сост. М.Г. Логутова, С.А. Добрусина, Д.О. Цыпкин и др.; ред. Н.А. Елагина. СПб., 2001. – 1 электр. оптический диск (CD-ROM).

¹⁹ В этой серии опубликовано рукописное наследие А.И. Михайловского-Данилевского (вып. 6), Е.И. Зямятина (вып. 3), Н.Ф. Финдейзена (вып. 8), а также уникальные памятники отечественной истории – Список опричников Ивана Грозного (вып. 7) и Книга полоцкого похода 1536 г. (вып. 9).

Стараниями востоковедов Отдела (О.В. Васильева, О.М. Ястребова, Б.И. Зайковский) в 1990–2003 гг. вышли в свет три выпуска продолжающегося издания – “Восточный сборник”²⁰ и альбом “Орнамент древнееврейских рукописей” в серии “Шедевры еврейского искусства”²¹.

К юбилею Отдела рукописей коллектив Отдела подготовил сборник исследований и публикаций широкого круга памятников письменности. Авторы сборника, продолжая сложившиеся за два столетия научные традиции, обратились к древнерусским, греческим, восточным, западноевропейским, южнославянским рукописям XI–XVII вв., архивным документам XVIII–XX вв. В нем представлены новейшие технологии, которые используются в ОР РНБ при подготовке к научному изданию памятников письменности²².

Начиная с 1993 г., Библиотека осуществила три крупных международных проекта в области использования рукописных документов и обеспечения их сохранности. В результате совместного проекта с Еврейской национальной и университетской библиотекой (Иерусалим) было выполнено охранное микрофильмирование значительного числа рукописей из собрания А.С. Фирковича, проведены реставрационные работы, подготовлены новые описи. Осуществление этого, а также совместных проектов с Центром Джуми ал-Маджида (Дубай, Объединенные Арабские Эмираты) и с Центром документов при Министерстве иностранных дел Исламской республики Иран (Тегеран), дает ученым этих стран возможность получить позитивные копии хранящихся в Библиотеке еврейских, арабских и персидских рукописей, не обращаясь к оригиналам.

С 1993 г. ведется фундаментальная работа, направленная на внедрение современных компьютерных технологий в научно-информационную и научную деятельность (разработчики: заведующие секторами Е.В. Крушельницкая и Т.И. Филимонова; программист Л.В. Емельянова). Создана информационно-поисковая система “Депозитарий”, выработана методология использования этой программы для регистрации “учетных” и научных данных о рукописи. Система прошла апробацию на каталогизации славянских кириллических рукописей, куфических коранов на арабском языке, греческих рукописей. Важно подчеркнуть, что в основу структуры базы положен использующийся в Российской национальной библиотеке формат, что обеспечивает конвертируемость данных и коммуникативные возможности электронного каталога. В будущем на основе ИПС “Депозитарий” будет создана универсальная база данных о рукописных фондах Отдела.

В Лаборатории кодикологических исследований и научно-технической экспертизы документов (создана в 1995 г., руководитель Д.О. Цыпкин), наряду с традиционными направлениями (историко-почерковедческой экспертизой, оптико-электронным исследованием палимпсестов, комплексным технологическим анализом материалов письма, исследованием переплетного тиснения) начинается работа над новым научным проектом “Цифровое моделирование документов”. Реализация проекта позволит представить исчерпывающую информацию о памятниках письменности как объектах материальной культуры и передавать ее виртуально.

²⁰ Восточный сборник. Л., 1990. Вып. 4 / Редкол.: О.В. Васильева и др.; СПб., 1993. Вып. 5 / Ред. О.В. Васильева. СПб., 2003. Вып. 6 / Сост. и науч. ред. О.В. Васильева.

²¹ Орнамент древнееврейских рукописей / Сост.: О.В. Васильева, Б.И. Зайковский, А.С. Канцедикас. М.; Тель-Авив, 2003. (Шедевры еврейского искусства; 7).

²² История в рукописях и рукописи в истории: Сб. науч. тр. к 200-летию Отдела рукописей Российской национальной библиотеки / Редкол.: В.Н. Зайцев и др.; сост. Г.П. Енин. СПб., 2006.

Поддержанию научных контактов, взаимному обмену информацией способствуют традиционные в РНБ научные конференции – “Депю манускриптов”, “Плехановские чтения”, “Бражниковские чтения”.

Ежегодно, 11 марта, в день основания, Отдел рукописей проводит научную конференцию “Депю манускриптов” (а именно так первоначально именовалось рукописное отделение Императорской Публичной библиотеки), посвященную изучению рукописных фондов. Сотрудники Отдела информируют научную общественность города о поступивших в фонд новых собраниях, отдельных рукописях, делятся результатами своих научных открытий. Каждую конференцию сопровождает выставка новых поступлений в фонды Отдела или специальная тематическая выставка.

Поддерживая активные деловые и научные контакты с исследователями наследия Г.В. Плеханова в России и за рубежом, отечественными и зарубежными архивами, научными организациями и вузовскими центрами, сектор “Дом Плеханова” в 1988–2005 гг. провел семь конференций “Плехановские чтения”.

Ежегодно, в апреле проходит научно-творческий симпозиум “Бражниковские чтения”. Его название связано с именем основателя современной научной школы исследования древнерусского певческого искусства М.В. Бражникова; он проводится Библиотекой совместно с Санкт-Петербургской государственной консерваторией и Фольклорно-этнографическим центром Министерства культуры РФ. На конференции выступают как ведущие музыковеды-медиевисты, так и начинающие свой путь в науке молодые исследователи из Санкт-Петербурга, Москвы, других городов России, из ближнего и дальнего зарубежья. Основное место в программах конференций занимает древнерусское певческое искусство, но темы докладов охватывают более широкий круг проблем, связанных с изучением духовной музыки разных эпох. Рукописные материалы Отдела не только изучаются участниками “Бражниковских чтений”, но и “озвучиваются” (в качестве музыкальных иллюстраций к докладам исполняются древнерусские песнопения).

В октябре 2005 г. в РНБ была проведена первая научная конференция “Загребинские чтения”, посвященная выдающемуся слависту, палеографу и археографу Вячеславу Михайловичу Загребину (1942–2004), хранителю древнерусских памятников письменности. Конференция вызвала широкий резонанс в кругах научной общественности, что позволяет считать это мероприятие началом периодических (ежегодных) чтений по широкой тематике, связанной с изучением славянской и византийской рукописной книжности и культуры.

К 200-летию юбилею Отдела рукописей была приурочена международная научная конференция “История в рукописях – рукописи в истории”. 14–16 июня 2005 г. отечественные и зарубежные специалисты впервые в стенах РНБ обсуждали весь комплекс проблем, связанных с сохранением, использованием, изучением и публикацией рукописных фондов Библиотеки²³. Материалы работы конференции подготовлены к печати и в ближайшее время выйдут в серии “Рукописные памятники”. Они позволят представить во всей полноте состоянии современных научных исследований, основанных на хранящихся в ОР источниках.

Специалисты Отдела, в свою очередь, принимают участие в многочисленных научных конференциях, симпозиумах, семинарах как в России, так и

²³ См. подробнее: РНБ: Информация. 2005. № 6. С. 19–22.

за рубежом (в Австрии, Англии, Германии, Дании, Иране, Испании, Италии, Канаде, Ливане, Польше, Сербии, Хорватии, Швейцарии).

С первых лет своего открытия Императорская Публичная библиотека выполняла функции музея. Вся библиотека с читальным залом и хранилищами книг и рукописей по вторникам была открыта для обозрения желающих. Высокий профессиональный и научный уровень экспозиций обеспечивало участие в их подготовке видных ученых – сотрудников библиотеки. Выставочная деятельность широко освещалась в периодической печати, журналы помещали их подробные обзоры.

В 2004–2005 гг. сотрудники Отдела рукописей подготовили серию выставок, раскрывающих историю этого подразделения библиотеки в различных ее аспектах: «Петр Дубровский – основатель и первый хранитель “Депо манускриптов”», «Хранители былого...» (о тех, кто собирал и сохранял рукописи Библиотеки в течение двух столетий), «Научная деятельность Отдела рукописей РНБ. 1805–2005», «Сокровища Российской национальной библиотеки в экспозициях мира» (об экспонировании рукописей в России и за ее пределами).

Для знакомства самой широкой аудитории с памятниками письменности Библиотеки в 2005 г. был осуществлен масштабный выставочный проект. Ведущие специалисты Л.И. Киселева, Н.А. Елагина и О.Н. Блескина разработали концепцию выставки «Искусство западноевропейской рукописной книги V–XVI вв.», подготовили каталог²⁴ и организовали выставку совместно с Государственным Эрмитажем. Выставка работала в залах Эрмитажа в 2005 г. в течение трех месяцев, ее посетили тысячи экскурсантов из Санкт-Петербурга, других городов России, из зарубежных стран. На выставке были представлены 45 рукописей из собраний РНБ и 20 из собраний Эрмитажа, с которыми даже специалистам не всегда удастся познакомиться. Состоялись 24 специализированные экскурсии для специалистов – участников международной научной конференции «История в рукописях – рукописи в истории», для сотрудников РНБ и других музеев, библиотек, архивов, для экскурсоводов Эрмитажа. Выставка вызвала большой общественный резонанс, ее освещали средства массовой коммуникации – телевидение, радио, периодические издания. В книге посетителей многочисленные экскурсанты оставили отзывы, в которых содержится высокая оценка экспозиции.

Выставка в Эрмитаже также высветила ряд проблем, которые в будущем придется решать для успешного продолжения этого направления деятельности ОР. На территории России пока нет музея или выставочного зала, снабженного всем необходимым для размещения в нем особо ценных рукописных документов и памятников письменности мирового значения и гарантирующего при этом их безопасность.

Фонды Отдела рукописей играют немаловажную роль в укреплении международного научного и культурного сотрудничества. В 1986–2005 гг. рукописи РНБ были представлены на 32 выставках в крупнейших музеях и библиотеках мира: в Великобритании, Германии, Греции, Израиле, Италии, Люксембурге, Нидерландах, Португалии, США, Франции, Югославии, Скандинавских странах.

Отдел рукописей поддерживает постоянные научные контакты с отечественными и зарубежными библиотеками, архивами и музеями, оказывает

²⁴ Искусство западноевропейской рукописной книги V–XVI вв.: Каталог выставки / Науч. ред. Г.В. Вилинбахов, Л.И. Киселева. СПб., 2005.

научно-методическую помощь в описании и изучении особо ценных рукописных документов. Специалисты ОР разрабатывают научно обоснованные рекомендации в области научного описания и историко-документной экспертизы рукописных документов для библиотек России. На ежегодных конференциях Российской библиотечной ассоциации в Пскове (2003 г.), в Новосибирске (2004 г.), в Санкт-Петербурге (2005 г.), в Екатеринбурге (2006 г.) разработанные в ОР научные рекомендации по описанию рукописных книг древнерусской традиции прошли успешную апробацию.

Одним из показателей науки является уровень публикаторской деятельности ученых. Ежегодно сотрудники ОР публикуют монографии, каталоги, научные статьи в изданиях РНБ, в научных периодических изданиях и тематических сборниках в России и за рубежом. В последние годы их число достигает 70–80. Только в 2004 г. было издано 12 монографий и каталогов, факсимильных изданий с научным аппаратом к ним. Две подготовленные в Отделе научные работы были отмечены премиями Министерства культуры РФ в 1997 г., еще две в 2001 и в 2005 г. – премией митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова), девять изданий были отмечены премиями на конкурсе лучших научных работ РНБ в 2004, 2005 и 2006 гг.²⁵

Одним из показателей развития научной деятельности, хотя и не самым главным, является количество подготовленных в Отделе диссертаций. В 1994–2005 гг. защищены 5 докторских и 10 кандидатских диссертаций, основанных на исследованиях рукописных фондов РНБ, готовятся еще три докторские и три кандидатские диссертации.

Перед коллективом Отдела стоит задача – обеспечить преемственность традиций, не дать умереть тем научным школам, которые составляли славу и гордость Библиотеки. Как при отсутствии вакансий обеспечить эту преемственность, чтобы специалисты редких специальностей с многолетним стажем и профессиональным опытом успели передать свои знания тем, кто придет им на смену? Сегодня ни один из вузов Санкт-Петербурга не готовит специалистов для работы в архивах. В Отдел рукописей приходят специалисты других гуманитарных специальностей и овладевают этой профессией на практике.

Профессиональный рост молодых специалистов в Отделе рукописей, по вполне объективным и известным причинам, осуществляется быстрее, чем в каком-нибудь ином подразделении Библиотеки. К сожалению, штатное расписание и возможности Библиотеки не успевают за профессиональным ростом и научными достижениями специалистов Отдела.

Создание необходимых условий для сохранения рукописных документов, для нормальной работы его персонала напрямую связано с территориальным расширением РНБ. Только продолжение строительства нового здания Библиотеки на Московском проспекте позволит разместить новые поступления рукописных документов в прилегающих к Отделу помещениях на территории исторического здания (Садовая ул., 18).

Получение Отделом рукописей дополнительных площадей в 2005 г. позволило разместить в новом хранилище 50 тыс. единиц хранения, поступивших в 1986–2003 гг., но не решило других проблем. Теперь необходимо решать во-

²⁵ В их числе: *Крушельницкая Е.В.* Автобиография и житие в древнерусской литературе: Жития Филлипа Иранского, Герасима Болдинского, Мартирия Зеленецкого, Сказание Елеазара об Анзерском ските: исслед. и тексты. СПб., 1996 (Новые имена в науке); *Рамазанова Н.В.* Московское царство в церковно-певческом искусстве XVI–XVII вв. СПб., 2004 (издание осуществлено при поддержке РГНФ. Проект: 03-01-00373д); Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского / Предисл., подгот. текста, примеч. О.Л. Новиковой. СПб., 2004. (ПСРЛ; Т. XLIII).

просы о размещении новых поступлений древнерусской рукописной книги и восточных рукописей за 1995–2005 гг., новых поступлений архивных документов с 2003 г., книг подсобной библиотеки, а также о возвращении на свое место фондов Сектора русских архивных фондов, находившихся на временном хранении в Доме Плеханова. Необходимы новые помещения для Лаборатории кодикологических исследований и научно-технической экспертизы документов и помещение для читального зала.

Дальнейшее развитие Отдела как культурно-просветительского комплекса сдерживает и отсутствие специального выставочного зала с соответствующим оборудованием для экспозиции памятников письменности.

Сегодня весь комплекс работ с рукописными документами выполняют 47 библиотекарей и научных сотрудников. По действующим «Нормативам определения численности работников архивов» (М., 1985), разработанным Главным архивным Управлением, Совмином СССР и ВНИИДАД, на 7 тыс. единиц хранения полагается одна штатная единица. В Отделе рукописей – на одного сотрудника приходится в среднем 10 тыс. единиц хранения. Причем в западном секторе – по 19 тыс., на сотрудника Сектора русских фондов – около 25 тыс., на единственного хранителя музыкальных фондов – 30 тыс. единиц хранения.

Стратегической задачей Отдела рукописей, старейшего структурного подразделения РНБ, хранилища национальной памяти и мирового культурного наследия, является его развитие как современного научно-исследовательского и культурно-просветительского комплекса. Для выполнения этой задачи к усилиям хранителей рукописных сокровищ Российской национальной библиотеки должны прибавиться усилия государства и усилия попечителей. Они должны быть направлены на раскрытие содержания тех богатств, которые сосредоточены в архивах, библиотеках, музеях России, в этом – залог их успешного развития, это одно из условий для разрешения того вечного конфликта, о котором сегодня так много говорят: «... всегда существует конфликт пользователя и архивиста, он заложен в самой природе двух профессий»²⁶.

Два столетия хранители «Депозитария манускриптов» – Отдела рукописей неуклонно следовали правилам, установленным в первом библиотечном законе – «Положении об управлении Императорской Публичной библиотекой» (1810) и в «Начертании подробных правил для управления Императорской Публичной библиотекой» (1812). Эти правила, а в них определены «образ и содержание» Библиотеки и основные направления работы – сохранение рукописного наследия при соблюдении неперемемного условия «приема посетителей и доставления им всех нужных сведений», – хранители Отдела рукописей неукоснительно соблюдают и сегодня.

---

²⁶ Козлов В.П. Проблема доступа – это проблема инфраструктуры // Досье на цензуру=Index on censorship. М. 2001. № 14. С. 13. Журнал «Новое литературное обозрение» в 2005 г. посвятил даже специальный номер (№ 74) самым болезненным проблемам в деятельности библиотек.

В.М. Магидов

ТЕХНОТРОННЫЕ ДОКУМЕНТЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И НАУЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

**(Факультету технотронных архивов и документов
Историко-архивного института РГГУ 10 лет)**

Факультет технотронных архивов и документов (ФТАД), открытый в Историко-архивном институте (ИАИ) РГГУ 10 лет назад, пользуется широкой известностью. Факультет находится в состоянии развития и постоянного движения и еще не открыл всех своих возможностей. Однако, что особенно важно, сегодня у него уже есть опыт, авторитет и признание. Мы прекрасно понимаем, что это – еще молодой побег мощного дерева Историко-архивного института и уже со своими выпускниками, принципами и скромными научными достижениями. Глубоко символично, что помещение факультета было размещено в стенах бывшего Заиконоспасского монастыря, расположенного в небольшом дворе за огромными чугунными воротами с изображением Спаса Нерукотворного.

В 1994 г. в постоянно развивающемся свою структуру сравнительно молодом РГГУ возникает идея открыть в Историко-архивном институте – на базе уже действовавшей специализации “Аудиовизуальные, научно-технические и экономические архивы” и созданного год назад одноименного отделения – еще одно подразделение с необычным для того времени названием “факультет технотронных архивов и документов”. Хотя руководство университета единодушно одобрило внесение в название факультета несколько экзотического и мало кому известного слова “технотронный”, никто толком не мог объяснить, что же оно по существу означает. Справедливости ради отметим, что это слово уже использовалось как рабочий термин в практической деятельности, причем преимущественно в политологических и социологических кругах.

Основой будущего факультета стала кафедра научно-технических и кинофотофоноархивов. Именно здесь возникла потребность в развитии уже сложившегося научного направления – архивоведения, источниковедения и археографии научно-технической документации и кинофотофонодокументов. С созданием факультета появились условия для расширения документального поля, что в свою очередь создало прецедент для обращения к электронным документам как ультрасовременным носителям информации технотронного происхождения.

В этот момент, когда все находились в восторженном состоянии по поводу открытия факультета, обнаружилось проблемы сугубо организационно-методического, информационно-справочного и научного плана. Мы столкнулись с серьезными трудностями в обеспечении учебного процесса, что было обусловлено отсутствием современных учебно-методической базы, материально-технического оборудования и необходимостью кардинального обновления методической стороны учебного процесса.

Юбилей – это время подведения итогов. Прежде чем о них говорить, отметим, что в настоящее время сам процесс обучения специалистов по “Исто-

рико-архивоведению” (пока выпуск осуществлялся именно по этой специальности) мы понимаем не как прикладную задачу подготовки историков-архивистов, способных профессионально работать с научно-техническими, кинофотофонодокументами и электронными документами. Наш выпускник – это фундаментально образованный человек. Соответственно полученные им знания позволяют пользоваться достижениями в области историографии и источниковедения как традиционных письменных, так и технотронных документов. Речь идет о работе с ними специалистов и ученых разных поколений, для чего необходимо использовать накопленный опыт деятельности архивов, музеев и библиотек в данной области, применять приемы и методы источниковедческого анализа изобразительных, изобразительно-звуковых и звуковых документов в исторических и других исследованиях с целью их использования в качестве самостоятельного источника или в числе других источников по определенной теме, а также в качестве иллюстрации в издательской деятельности в научных, научно-популярных и учебных целях. Кроме того, наш выпускник способен работать с научно-справочным аппаратом архива или музея, обращая особое внимание на особенности и разнообразие архивных справочников по вопросам технотронного документирования.

Решающую роль в постоянном обновлении учебно-методических комплексов и актуализации учебно-методических материалов по дисциплинам факультета играл профессорско-преподавательский состав, последовательно и планомерно обеспечивавший учебный процесс.

Факультет базировался на научной школе, сформировавшейся в процессе работы одной из базовых кафедр Историко-архивного института – кафедры научно-технических и кинофотофоноархивов. Эта “школа” создавалась большим коллективом профессионалов, лидерами среди которых были профессора А.А. Кузин, Н.Г. Филиппов, К.Б. Гельман-Виноградов, Л.М. Рошаль, доцент П.С. Преображенская и др. Под их руководством проводились исследования, становившиеся основой докторских и кандидатских диссертаций.

В 1980-е и начале 1990-х годов на кафедру пришла группа специалистов, стоявшая у истоков факультета технотронных архивов и документов. Это канд. ист. наук В.М. Магидов, канд. техн. наук Ф.А. Гедрович, канд. ист. наук Н.Г. Башарина, С.С. Илизаров, Л.В. Музылѣва, Л.А. Кобелькова; старший преподаватель Ю.И. Новосельская. Уже в рамках факультета был подготовлен ряд фундаментальных научных исследований по проблематике технотронных архивов. Это были докторские (В.М. Магидов, И.В. Карапетянц, С.С. Илизаров) и кандидатские диссертации (Н.А. Прокопенко, С.В. Туровцева и др.).

Особенность современного развития факультета – разветвленность его научно-образовательных направлений. Они сконцентрированы в рамках специализаций “Аудиовизуальные коммуникации”, “Управление бизнес-архивами” и “Историческая информатика”, которые успешно обеспечиваются профессорско-преподавательским составом структурных подразделений факультета. Это кафедры аудиовизуальных документов и архивов (заведующий кафедрой – д-р ист. наук, профессор В.М. Магидов); научно-технических и экономических документов и архивов (заведующая кафедрой – д-р ист. наук, профессор И.В. Карапетянц; электронных документов, архивов и технологий (заведующая кафедрой – канд. ист. наук, доцент И.М. Гарскова), а также лаборатория научно-технических, кинофотофонодокументов и микрографии (заведующая лабораторией – Е.В. Боброва). В настоящее время деканом факультета является профессор В.М. Магидов.

Разумеется, при возникновении в структуре РГГУ столь неординарного факультета трудно было решить проблему кадров из-за острой нехватки специалистов. Однако почти сразу с образованием факультета был сделан первый и весьма существенный шаг к открытию на базе факультета нескольких оригинальных специализаций, ставших на сегодняшний день его маркой и частью его “образа”.

Интерес к новым специализациям со стороны абитуриентов и основного заинтересованного работодателя – учреждений Федерального архивного агентства и других организаций – превзошел все ожидания. Показателем этого стал достаточно высокий рейтинг специализации и высокий по качеству первый набор студентов, отличавшихся достаточно широким кругозором и явной склонностью к творческой деятельности.

Для реализации текущих и перспективных планов ФТАД необходимо постоянно совершенствовать материально-техническую базу. В этой связи открытие новых специализаций ставит перед факультетом серьезные задачи ее кардинального обновления. И все-таки основное богатство факультета – это его студенты, заинтересованные в получении достойного профессионального образования. Большая их часть практически сразу после окончания факультета находит применение своим знаниям. Весь профессорско-преподавательский состав крайне заинтересован, чтобы работа выпускников имела отношение к полученным знаниям. Хотелось бы также, чтобы наиболее одаренные из них продолжали учиться и дальше и смелее шли работать в научные и учебные учреждения (в том числе в РГГУ) с целью развивать и обогащать наше общее технотронное научное направление.

Кафедра аудиовизуальных документов и архивов является важным системообразующим звеном в системе подготовки специалистов по работе с изобразительным, изобразительно-звуковым и звуковым наследием. В течение последних нескольких лет она последовательно обеспечивает потребности нашего общества в профессионалах, обладающих необходимыми навыками создания, хранения и распространения кино-, фото-, фоно- и видеоинформации.

Время показало уникальность и востребованность такого рода профессионалов в области аудиовизуальных документов и архивов. Они оказались необходимыми практически во всех областях общественной жизни – в системе управления, научно-технического документирования, средств массовой коммуникации, культурных и просветительских учреждениях. Сферой их деятельности уже стали коммерческие структуры и общественные организации, научно-исследовательские учреждения. В подготовке такого рода разноплановых и многоплановых специалистов коллектив кафедры видит перспективу своей деятельности.

Существенной особенностью деятельности кафедры является внедрение (в пределах сформированной образовательной программы) междисциплинарного подхода к изучению аудиовизуальных документов. Он совмещает в себе архивоведение и источниковедение, документоведение и информатику, культурологию и искусствоведение.

Междисциплинарный подход нашел отражение в открытой в 2004 г. специализации “Аудиовизуальные коммуникации”. Базируясь на специальности “Историко-архивоведение” и на опыте развития специализации “Аудиовизуальные, научно-технические и экономические архивы”, она формирует расширенное и углубленное представление об отечественных и зарубежных архивах кино-, фото-, фоно- и видеодокументов. Свидетельством этого является наличие в учебном плане таких дисциплин, как “Сценарная и драматур-

гическая деятельность”, “Продюсерское дело”, “Рекламная и выставочная деятельность”, “Аудиовизуальная периодика” и др.

Профессорско-преподавательский состав включает в себя специалистов различных поколений. Это профессор В.М. Магидов, Л.М. Рошаль, П.П. Олефиренко, доцент Г.Н. Ланской, старший преподаватель А.А. Новикова, преподаватели Л.С. Купершмидт, В.И. Чистякова, М.М. Жукова, А.В. Баталина и М.В. Мокрова.

Кафедра постоянно и целенаправленно ведет научную деятельность, публикуя ежегодно более 20 научных трудов. Одним из важнейших результатов исследовательской деятельности кафедры стала опубликованная и получившая положительный резонанс коллективная монография “Аудиовизуальные архивы на рубеже XX–XXI веков: отечественный и зарубежный опыт”, монография В.М. Магидова “Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания”. Члены кафедры активно участвуют в научных конференциях, семинарах и симпозиумах международного и российского уровня.

Кафедра научно-технических и экономических документов и архивов сочетает в своей научно-педагогической деятельности традиции классического российского историко-архивного образования и современные подходы к разработке теории и методики ведения научно-технических, экономических и бизнес-архивов. Решается важнейшая задача – адаптировать опыт, накопленный отечественным архивоведением в области государственных научно-технических и экономических архивов и зарубежный опыт промышленных фирм, банков, аудиторских организаций, медиакорпораций.

На кафедре работают опытные специалисты по архивоведению, источниковедению научно-технических и экономических документов и архивов и экономической истории. Основные курсы читают: профессор, д-р ист. наук И.В. Карапетянц, д-ра ист. наук И.В. Поткина, С.С. Илизаров, канд. техн. наук, доцент Ф.А. Гедрович, доцент Ю.И. Новосельская. С кафедрой также сотрудничают видные архивисты практики – директор РГАЭ, канд. ист. наук Е.А. Тюрина, начальник отдела РГАНТД, канд. ист. наук А.Г. Черешня. Открыты две специализации: “Бизнес-архивы” по специальности “Историко-архивоведение” и “Управление экономическими архивами” по специальности “Менеджмент организации”. Лицо кафедры определяет чтение таких курсов, как: “Научно-технические архивы”, “Экономические архивы”, “Бизнес-архивы”, “Экология документов”, “История банковского дела в России” и “История научно-технических знаний в России”.

Научные направления, разрабатываемые кафедрой представляют собой яркую палитру научных и дисциплинарных направлений: от научно-технического до бизнес-архивоведения. Кафедра придает особое значение участию студентов в научно-исследовательской работе. Одна из наиболее интересных работ последнего времени, в которой активно участвовали студенты: выявление документов поливидового состава по истории деятельности фирмы Сименс в России в 1853–2000 гг. в федеральных архивах России.

Активное участие студентов в кафедральной научно-исследовательской работе особенно важно для тех из них, кто связывает свою дальнейшую профессиональную судьбу с наукой и преподаванием дисциплин по профилю факультета. Ежегодно кафедра готовит аспирантов, которые пополняют ряды ученых-специалистов по научно-техническим и экономическим документам и архивам. Студенты, специализирующиеся по кафедре, способны решать важнейшую историко-культурную задачу – сохранения культурного наследия России по науке, технике, экономике.

Новая эпоха развития, которую принято называть информационной, ознаменовалась превращением информации в глобальный ресурс общества. В информационном обществе повышается роль таких хранилищ национальной памяти, как архивы, музеи и библиотеки, разрабатываются автоматизированные информационно-поисковые системы и новые архивные технологии, в различных странах успешно функционируют крупные информационные центры и банки данных. Огромную роль играют сетевые коммуникационные технологии: локальные и корпоративные сети, а также глобальная сеть Интернет с ее гигантскими информационными ресурсами: электронными библиотеками, профессиональными электронными журналами, тематическими сайтами. В связи с огромными изменениями во всех сферах жизни, на рынке труда возрастает спрос на специалистов-гуманитариев, умеющих использовать компьютерные методы и технологии в своей профессиональной деятельности. В связи с этим в различных вузах открываются специализации по социальной, правовой, экономической, общегуманитарной информатике.

В этом направлении активно действует кафедра электронных документов, архивов и технологий, готовя будущих специалистов по исторической информатике. На ней работают специалисты, имеющие ученые степени в области исторических и естественных наук и опыт работы в университетах, академических институтах, архивах, музеях, электронных издательствах: доцент И.М. Гарскова, д-р техн. наук, профессор Г.З. Залаев, доценты И.Н. Киселев, Е.В. Злобин, канд. ист. наук С.В. Ашмарина, ст. преподаватель Е.В. Боброва, преподаватель А.С. Озерецкая.

Подготовка будущих специалистов ведется на основе исторического образования, которое сочетается с базовыми курсами по информатике и современным компьютерным технологиям. Междисциплинарный характер исторической информатики определяет то, что дисциплины специализации ориентированы на методы работы с электронными документами и архивами. Студенты получают знания и навыки в применении современных компьютеризованных способов анализа информации исторических источников. К основным научным и образовательным направлениям работы кафедры относятся: автоматизированные информационно-поисковые системы в архивах, музеях и библиотеках; электронные документы и электронные архивы; проектирование и обработка информации баз и банков данных; компьютерные методы анализа информации исторических источников; методы обработки графической информации; современные технологии распределенного хранения и обработки информации в локальных и глобальных сетях; создание и использование электронных ресурсов Интернет; системы мультимедиа в исследовательской и преподавательской работе.

Выпускники кафедры, владеющие широким арсеналом современных компьютерных методов и технологий, работают как в системе высшей школы и академической науки, так и в учреждениях культуры, информационных и документационных центрах, музеях, архивах и библиотеках, издательствах и СМИ, в сферах управления и бизнеса.

Отметим наиболее важные достижения факультета в научной, педагогической и методической деятельности. Одним из основных направлений работы факультета справедливо считается деятельность преподавателей и студентов по документированию посредством видео- и фототехники объектов Москвы к 850-летию города. Большой резонанс в научных кругах вызвало первое в российской вузовской практике издание в 1994 г. на микрофишах документов архива Марка Блока из фондов Центра хранения историко-документальных

коллекций (ныне вошедшего в состав Российского государственного военного архива). Самостоятельное значение имеет деятельность научно-творческой организации “ИНФОРМ-ФТАД” по созданию видеофильмов, видеофонограмм, видеоклипов, фотовыставок, фотогалерей и др. Сотрудники факультета и студенты приступили к реализации научных программ “История РГГУ в технотронных документах” и “Компьютерные технологии в работе с технотронными документами по истории РГГУ”. Цель программ – систематизировать на базе современных компьютерных технологий сведения по истории РГГУ, отложившиеся в различных подразделениях университета, и достаточно представительное документальное наследие Высшей партийной школы. Эта работа в свою очередь потребует создания Центра хранения технотронных документов по истории РГГУ, формирования единой информационно-образовательной среды в университете. Большим подспорьем в ней стало сотрудничество ученых и специалистов различных учреждений Академии наук, Федерального архивного агентства, МГУ им. М.В. Ломоносова, НИИ киноискусства, Института искусствознания. Первым результатом такой работы явилось создание базы данных фото- и видеодокументов, предполагающей поиск информации по ключевым словам, что в свою очередь значительно облегчает доступ к документам. Эти проекты реализуются пока в рамках Историко-архивного института и еще не вышли на общеуниверситетский уровень.

Заслуживает внимание учебный курс “Universitas Humana: Наследие – Реальность”, рассчитанный на студентов первых курсов всех институтов, факультетов, учебных центров и филиалов РГГУ. Он по существу должен сформировать в университетской среде понимание роли, места и значения гуманитарной составляющей высшего образования. Курс формируется в рамках развития программы “История РГГУ в технотронных документах” на источниковой базе предполагаемого Центра хранения технотронных документов. Читать его будут профессора и преподаватели ФТАД Историко-архивного института, Института Массмедиа, общеуниверситетских кафедр, Музейного центра, Научной библиотеки, Института новых образовательных технологий и других подразделений РГГУ.

При участии сотрудников факультета разработан Интернет-проект “1812 год”, вызвавший большой интерес в научном сообществе. На сайте проекта публикуют свои работы известные специалисты; на нем представлены совершенно уникальные вещи. Прежде всего, это подробная интерактивная карта Бородинского поля, созданная на базе скрупулезного изучения и фотографирования местности. Нашла свое место на сайте и Военная галерея Зимнего дворца, а также четыре полных тома юбилейного семитомного издания “Отечественная война и Русское общество” (1812–1912”).

Безусловно, ведущую роль в выполнении программ и проектов играют наши профессора и преподаватели, знакомые с зарубежным научным опытом и постоянно информирующие западноевропейское научное сообщество о разработках Университета. Наши преподаватели читают лекции не только в России, но и за рубежом (Женевский, Варшавский, Лавальский (Канада) и Мичиганский университеты; Национальная школа Хартий и Национальный институт наследия Франции), налажены научные обмены с Францией. Профессора и преподаватели ФТАД неизменно выступают на конференциях, проводимых по всему миру организацией “History & Computing”, участвуют в программе “TEMPUS – TACIS” по созданию общеевропейского университета по управлению высшим образованием.

20 декабря 2004 г. состоялась юбилейная научная конференция “Технотронные архивы в современном обществе: наука, образование, наследие”. На ней выступили профессора, аспиранты и студенты факультета, а также ученые-искусствоведы, информатики и представители архивов. По ее итогам опубликованы “Тезисы” и сборник “Наши выпускники” (последний включает в себя сведения о всех выпускниках факультета 1997–2004 гг.).

Разработанная концепция факультета технотронных архивов и документов является попыткой системного исследования и преподавания архивоведения и источниковедения технотронных документов на стыке гуманитарных, естественно-научных и технических знаний¹. Центральное место в реализации этой концепции занимает проблема эффективного использования новых информационных и других технологий в учебном процессе факультета.

Внедрение новых технологий предполагает четкое представление о всей системе источников и памятников, составляющих в совокупности основу и сущность понятия “технотронные документы”. Впервые термин “технотронный” был официально зафиксирован в 1992 г. в информационно-справочной литературе как относящийся к развитию науки и техники, в особенности ЭВМ и связи². Впоследствии благодаря открытию ФТАД это понятие было спроецировано на значительную часть исторических источников и целую систему архивов, хранящих научно-техническую, аудиовизуальную и электронную документацию³. В настоящее время можно вполне определенно говорить о расширенной трактовке понятия “технотронные документы”, когда оно представляется как не ограниченное какими-либо хронологическими рамками их создания. Исторический подход к его интерпретации позволяет сделать следующие наблюдения. Говоря о “технотронных документах”, мы имеем в виду документы вообще, в той или иной мере связанные с развитием науки и техники независимо от носителя информации, на котором она закреплена. В этом случае в содержание данного понятия может быть включена вся совокупность научно-технической документации (научная, проектная, технологическая, конструкторская, патентная и др.), истоки которой восходят к древнему миру и средневековью. Эти виды документов, как известно, создаются на самых различных носителях информации.

С появлением в конце 1830-х годов фотографии, во второй половине 1870-х годов звукозаписи и в конце XIX в. кинематографа значительно расширилось представление о технотронных документах, для создания и воспроизведения которых необходимы специальные технические средства и аппаратура. Постоянно развивающаяся методика и технология фотографии, звукозаписи, кинематографии, телевидения и других, в том числе современных коммуникативных систем, позволяет рассматривать технотронные материалы как постоянно развивающиеся во времени и пространстве документальные системы, находящие свое проявление в различных формах выражения и отражающие различные стороны человеческой деятельности, развития производства и культуры.

Исходя из сказанного, технотронный документ можно трактовать как документ, созданный на самых различных носителях информации (береста, бу-

¹ *Магидов В.М.* Факультет технотронных архивов и документов: новое в архивном образовании // Гуманитарные науки и новые информационные технологии: Сб. науч. тр. М., 1995. Вып. 3. С. 17–29.

² Современный словарь иностранных слов. М., 1992. С. 162.

³ *Магидов В.М.* О проблемах взаимосвязи архивоведения и источниковедения аудиовизуальных документов // Исторические записки: Теоретические и методологические проблемы исторических исследований. М., 1995. Вып. 1 (119). С. 269.

мага, стекло, пленка, программный носитель и др.) на протяжении всего периода развития цивилизации и способный создать представление о различных аспектах жизни народов мира – в том числе, о развитии науки и техники. Таким образом, технотронные документы – это по существу собирательное понятие, включающее в себя все существующие в природе виды и разновидности научно-технической, аудиовизуальной и электронной документации.

Так, к первой группе относится огромный массив документов – научно-техническая документация (НТД), которая до сих пор не введена в ранг исторических источников и ни в одной известной источниковедческой классификации не предусмотрена. Это можно объяснить тем, что НТД – достаточно широкое понятие, включающее в себя несколько совершенно самостоятельных систем и видов документации: проектная, технологическая, конструкторская, научно-исследовательская и т.д., каждая из которых сама по себе является историческим источником в определенной области науки и техники. Кроме того, выделенные системы можно считать неоднородными по составу документации и ее характеру. Они состоят в большинстве своем из двух-трех и более различных видов документов: это письменная и графическая документация, фотографические изображения и др. Нам представляется, что исследование НТД в источниковедческом плане может вестись в нескольких направлениях, основными из которых являются изучение особенностей этих источников каждого в отдельности; выявление общих черт, характерных для различных систем НТД, с одной стороны, и для НТД и традиционной письменной документации – с другой; конкретные исторические исследования с использованием данных НТД (последнее предполагает разработку по существу специальных методик их описания и публикации).

Другой обширной группой, входящей в состав понятия “технотронные документы”, следует считать кинофотофоноvideодокументы, объемы которых в мире ежегодно возрастают и составляют в наши дни примерно около 80% всего информационного потока, поступающего ежедневно потребителям по различным каналам связи: информационные агентства и редакции газет и журналов, кино-, теле-, радиостудии, общественные организации и др.

В понятие “технотронные документы” должны быть включены получившие в последние десятилетия масштабное распространение машиночитаемые документы. При этом необходимо учитывать, что это понятие отличается достаточно широкой трактовкой, так как оно включает в себя все документы, информация которых выражена кодом, и поиск и выдача ее осуществляется только посредством машины (здесь имеются в виду не только продукция электронно-вычислительной техники, в том числе телевизионной, прежде всего, электронные записи, но и продукты мультимедиаальной технологии).

Следующую группу технотронных документов составляют документы, в той или иной степени связанные с развитием экономики, науки и техники: медицинская, картографическая, геологическая, геодезическая системы документации и др.

Именно в технотронных документах (особенно в их аудиовизуальной части) достаточно четко прослеживается соотношение “официального” и “неофициального” видения истории, трактовки определенных событий, явлений, фактов. Понятие коллективной памяти связывается с закреплением и воспроизведением знаний и ценностей, значимых для общества, посредством документирования производственной, общественной деятельности и личной жизни. Этот способ передачи знаний имеет наиболее объективный, хотя и избирательный, схематический характер: фиксируется и передается только то,

что представляет существенное значение для конкретного общественного строя, в большинстве случаев исходя из государственных интересов. Особенно важно подчеркнуть, что неофициальные материалы (например, съемки и записи любителей) не всегда точны, чаще всего не совпадают с официальными.

Как справедливо отмечалось на международном семинаре ЈАНС “Архивы в компьютерном мире: международный опыт работы с электронными записями” (Москва, 4–5 января 1996 г.), объем информации, создаваемый и хранящийся в электронной форме, с каждым годом все более возрастает. Архивы этого профиля как хранилища коллективной памяти также переживают процесс информатизации. В этой связи проблема подготовки квалифицированных специалистов, знакомых с новыми технологиями и способных работать с технотронными документами в архивах и учреждениях государственных и негосударственных форм собственности представляется чрезвычайно актуальной и злободневной. Следует заметить, что изучение этой, имеющей ярко выраженный междисциплинарный характер, проблемы выходит за пределы одной страны и практически распространяется на технотронные документы и архивы всех стран мира. Здесь, прежде всего, учитывается отечественный и зарубежный опыт по внедрению информационных технологий в практику работы с аудиовизуальными документами⁴.

Анализ этого опыта свидетельствует о том, что новые компьютерные технологии, прежде всего, в своей содержательной части применительно к архивоведению и источниковедению технотронных документов претерпят существенные изменения. Это связано с введением гипертекстовых и мультимедийных технологий в практику обработки и использования технотронных документов. Однако на сегодняшний день еще не решен вопрос качественных характеристик при применении гипертекстовых технологий, поэтому они могут использоваться только в информационных сетях, но пока не для целей хранения.

Что касается мультимедийных технологий, то создаваемая ими виртуальная реальность может еще стать предметом не одного специального источниковедческого и документоведческого исследования. Так, одной из актуальных в этом направлении может стать проблема использования автоматизированных систем проектирования при создании научно-технической документации. Тесная взаимосвязь технотронного документа с учетом его особенностей как исторического источника и объекта архивного хранения с внедрением новых, прежде всего компьютерных технологий нашла отражение при формировании профессиональных образовательных программ по профилю факультета и, в частности, программ специализаций “Аудиовизуальные коммуникации” в рамках специальности “Историко-архивоведение”, “Управление бизнес-архивами” (специальность “Историко-архивоведение”) и “Историческая информатика” (специальность “История”).

Необходимо также заметить, что при выработке концепции нового факультета были использованы положения отечественной и французской исторической и социологической школ о коллективных (социальных) представлениях, глубина и объем которых превосходят глубину и объем индивидуального опыта. Эти положения, восходящие к А.А. Шахматову,

---

⁴ История и компьютер: новые информационные технологии в исторических исследованиях и образовании / Отв. ред. Л. Бородкин и В. Ливерман; Max-Planck-Institut für Geschichte. Göttingen; Москва, 1993. Вд. 15; Кобелькова Л.А. Традиционные технологии в условиях автоматизации архивных работ с аудиовизуальными документами // ОА. 1995. № 4. С. 11–17.

А.С. Лаппо-Данилевскому, Э. Дюркгейму⁵, получили свое дальнейшее развитие в создании концепции коллективной и индивидуальной памяти.

Тесная взаимосвязь изучаемой документации с учетом ее особенностей как исторического источника и объекта архивного хранения с внедрением новых, прежде всего современных информационных технологий нашли отражение при подготовке профессиональной образовательной программы по профилю факультета. Основная ее цель – профессиональная подготовка специалистов на стыке научно-технических, экономических и гуманитарных знаний, способных осуществлять свою деятельность в различных системах управления, отраслях экономики, производства, науки, культуры и образования. Работа по реализации программы осуществляется в следующих основных направлениях: разработка проекта квалификационной характеристики и стандарта на новую специальность, соответствующую профилю факультета; совершенствование учебных планов подготовки специалистов по аудиовизуальным, научно-техническим и экономическим архивам; совершенствование организационной структуры учебного процесса; оптимизация и интенсификация учебного процесса на основе использования современных методов в организации и управлении учебным процессом.

Согласно разработанным учебно-методическим комплексам дисциплин, специалист должен знать: основы гуманитарных наук в объеме, необходимом для решения профессиональных задач в организации и управлении технотронными архивами и документами; основные положения технотронной документалистики, теоретические и практические основы организации и управления технотронными архивами и документами; основы естественнонаучных знаний в области науки и техники, технологии производства технотронной документации и обеспечения ее сохранности; архитектуру и технологию функционирования систем современных технотронных документов; технические и технологические средства научно-технического и кинофотофонодокументирования, организации и управления комплексами технотронных документов в историческом аспекте и на современном этапе; методологию и средства проектирования технотронных архивов и документных комплексов; основы дигитальных (digital) технологий проведения научного, проектного, аудиовизуального и экономического документирования.

Разнообразны сферы использования специалистов по аудиовизуальным, научно-техническим, экономическим и электронным архивам. Они преимущественно готовятся для творческо-производственной, производственно-технологической, научно-исследовательской и проектной деятельности в области управления технотронной документацией на всех стадиях ее создания и использования. Специалист найдет практическое применение в архивах технотронных документов государственных и негосударственных учреждений, организаций и предприятий, системе средств массовой информации, научно-исследовательских и проектных учреждениях, кинематографии, телевидении и финансово-экономических структурах.

Вполне реальную основу имеет подготовка специалистов, обладающих теоретическими и практическими знаниями в работе с кинофотофонодокументами по визуальной антропологии. Рассмотрение данной системы документации ведется с точки зрения культурно-аксиологического (ценностного) подхода к аудиовизуальным документам как историческим источникам, объ-

---

⁵ Durkheim E. Les formes élémentaires de la vie religieuse: le système totémique en Australie. P., 1912; Halbachs M. La mémoire collective. P., 1950.

ектам архивного хранения и культуры. Документальную видеозапись (видеофонограмму) следует ставить в один ряд с другими историческими источниками по крайней мере с 60-х годов XX в. Вместе с тем эти источники с исторической точки зрения пока недооценены, хотя объемы их производства постоянно растут. Не может не беспокоить судьба накопленного видеоматериала: имеет место ведомственный подход (сохранение и уничтожение документов находится во власти учреждений, несмотря на то, что видеодокументы включены в состав Архивного фонда России (АФРФ)): техническая и физическая годность видеоленты непродолжительна (6–7 лет). Кроме того, часто практикуется многократное ее использование в связи с дефицитом и высокой стоимостью. В этой связи приобретает актуальность проблема перевода видеoinформации на другие, более стабильные носители.

Совершенно самостоятельное значение имеет вопрос о содержании видеофонда и его оценке. Вопросы ретроспективной оценки имеющихся на хранении видеодокументов в большинстве случаев решаются эмпирически. Отсутствие должного, в том числе централизованного, учета и обеспечения их сохранности создает предпосылки к возможной утрате ценных документов (размагничивание в ходе подготовки новых передач и др.). До настоящего времени нет точных ответов на вопросы: что представляет собой массив видеопрограмм, отдельных сюжетов как источниковой базы, какова его ценность, основная тематика, каков процент в нем документов по визуальной антропологии. До сих пор не сложилось цельного, общего представления об учреждениях, создающих видеодокументы.

Отечественная историография в области визуальной антропологии не располагает сегодня специальными и серьезными разработками в этом направлении. Практически она находится “in statu nascendi”. Нет основательных обобщающих научных статей и разработок, монографических исследований. Однако было бы несправедливо не вспомнить работы исследователей, в первые указавших на ценность съемок этнографического и антропологического характера. Здесь мы обязаны в первую очередь назвать В.В. Стасова, предвидевшего будущее этнографических и экспедиционных съемок, академика Б.Д. Грекова, который обратил внимание на важность археологических съемок⁶, а также авторов проекта “Киноатлас СССР” (конец 1920-х – первая половина 1930-х годов), инициаторами которого явились Центральное бюро краеведения, Наркомпрос и Союзкино. Кроме того, имеются определенные достижения в отечественном архивоведении по нормативно-методическому обеспечению этого направления. Здесь необходимо, прежде всего, назвать “Основные правила работы государственных архивов с кинофотофонодокументами” (1980) и “Основные правила работы с кинофотофонодокументами и видеофонограммами в ведомственных архивах” (1989) и другие, касающиеся отдельных направлений архивирования видеодокументов.

Важен вопрос о понимании термина “визуальная антропология”. Данное понятие, трактуемое широко и емко, все же выглядит несколько ограниченным и по существу не соответствует тому, что включают исследователи и практики в это понятие. В задачи визуальной антропологии входит не только фиксация изобразительных, но и в равной степени звуковых особенностей тех процессов, которые составляют основу производства антропологических и этнографических фильмов, необходимых для изучения поведения человека

⁶ Стасов В.В. Фотография и гравюра // Русский вестник. 1856. Декабрь. № 6, кн. 1. С. 359–400; Кн. 2. С. 555–576; Греков Б.Д. История кино // Советский исторический фильм. М., 1939. С. 9–13.

аудиовизуальными средствами, а также анализ соотношения, культурного и аудиовизуального восприятия действительности. Вполне определенно можно говорить об аудиовизуальной антропологии как составной части источниковой базы научных и прикладных исследований, а также проецировать это направление на устную историю и другие средства и методы так называемого инициативного документирования (хотя с известной оговоркой, так как любое документирование всегда является инициативным).

Широкое распространение получила так называемая “социальная антропология”, как научное направление, которое предполагает использование аудиовизуальных средств и методов. Очевидно, понятийный аппарат вообще требует специального изучения. С источниковедческой точки зрения чрезвычайно важно также учитывать особенности документирования объектов визуальной антропологии посредством видео- и звукозаписи, учитывая при этом, что видеозапись является новым способом документирования. Она вытесняет традиционный кинематографический способ документирования событий, съемочный видео-процесс имеет свои специфические черты (особенно применительно к хроникальным съемкам, наблюдениям и т.д.).

Весьма важным представляется вопрос об отечественных видеоархивах (видеотеках): их составе, классификации, реальной возможности интеграции и формирования единого видефонда “Визуальная антропология” (государственные учреждения, телерадиокомпании, архивы, негосударственные учреждения, частные коллекции).

Опыт показывает, что архивистам непросто работать с видеоархивами по следующим причинам: видеоархивы множатся, а информация о них в системе Федерального архивного агентства крайне скудна; архивы этого рода весьма разнообразны, их можно классифицировать по различным признакам (например, по профилю, назначению): видеотеки, хранящие документы оперативного характера (текущая видеoinформация самой различной тематики); специализированные видеотеки, хранящие документы по одной или двум темам, например, по визуальной антропологии; видеотеки общего плана, где невозможно выделить какую-либо определенную тематику; распыленность видеотек по учреждениям, организациям различного подчинения.

Среди крупных хранилищ документов по визуальной антропологии следует назвать: государственные учреждения: Гостелерадиофонд, государственные архивы (РГАКФД, РГАФД, Центральный архив аудиовизуальных документов Москвы, ЦГАКФФД Санкт-Петербурга, областные архивы), киностудии (ЦСДФ, Мосфильм, Ленфильм), НИИ и вузы (МГУ им. М.В. Ломоносова – Центр новых информационных технологий, РГГУ – Институт Массмедиа, Центр визуальной антропологии и эгоистории), музеи и рукописные отделы библиотек, Информационно-аналитический центр “Архив науки и техники Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова”; негосударственные учреждения: акционерные объединения (видеоархив акционерного общества “Прогресс” – ТВ ПРОГРЕСС), Центр документации “Народный архив”, зарубежные архивы и центры документации; отдельные студии: видеостудия “Контакт”, КВС “Форафильм”, киновидеостудия “Надежда” (кабельное телевидение), НАТА-Фильм-видео и др.; общественные организации: творческие союзы (Всероссийская фольклорная комиссия Союза композиторов России); частные лица.

Успешно изучаются сегодня фотографические коллекции, представляющие большую источниковедческую ценность (например, коллекции С.М. Прокудина-Горского – Центральная Россия, Украина, Поволжье, Урал,

Крым, Средняя Азия, Кавказ; З.З. Виноградова – Поволжье, Кавказ; Г.Е. Грум-Гржимайло – Казахстан, Средняя Азия; совершенно уникальная коллекция бывшего Центрального музея народоведения, Московского этнографического музея – 1924–1948 гг., составляющая 1,5 тыс. фотографий 1920 – начала 1930-х и 1940-х годов – Северный Кавказ, Черноморское побережье). Их материал распылен. В этом смысле больше повезло тем, кто изучает судьбу народов Кавказа и Севера, так как здесь сохранились архивные кинодокументы 1920–1930-х годов. В целом создается такое впечатление, что достаточно большое количество съемок в данной области производилось в конце 1920-х – 1930-е годы.

Подводя итоги, следует заметить, что подавляющее большинство источников, создаваемых различными способами, в том числе и видеофонограммы, носят событийный характер. Они, в основном, нацелены на накопление источниковой базы политической истории, в чем их определенная узость и ограниченность. Сегодня, как никогда, потребность в аудиовизуальных наблюдениях велика. Цель их – не утратить плоды возрождения ремесел, промыслов, зафиксировать быт и нравы, прежде всего коренных малочисленных народов.

Достаточно острой является проблема централизованного учета материалов видеофонда (в Центральном фондовом каталоге нет сведений о кинофотофонодокументах и видеофонограммах). По-видимому, на постоянное хранение следует отбирать видеозаписи, сделанные на резервном рулоне, он менее всего подвергается износу в процессе подготовки программ, обеспечивать его полным комплектом текстовой сопроводительной документации (паспорт рулона, карточка учета прогонов и др.). Описание видеодокументов должно быть дифференцированным (на уровне коллекции – фонда, подокументным) в зависимости от целей. Необходимо иметь в виду проблему оценки отснятого или записанного материала в соотношении с готовой продукцией. Весьма желательным является сохранение исходных материалов аудиозаписей, не вошедших в готовую продукцию кинофотосъемок и звукозаписей.

В плане использования материалов видеофонда может быть предложена подготовка Российской гуманитарной энциклопедии, публикация документов типографским и другими способами. В этой связи предлагается создать Российский аудиовидеофонд “Визуальная антропология” и разработать единую программу съемок и записей. При этом необходимы совместные усилия управленческих структур, производства и научных учреждений. Возможно, стоит создать корпорацию или объединение, в котором в качестве учредителей могут выступать Министерство культуры и массовых коммуникаций РФ, РАН, НИИ, коммерческие структуры. В случае реализации этих планов на основе снятых и записанных материалов станет возможным не только их сохранение для истории, но и выпуск периодического видеожурнала, который, в свою очередь, будет способствовать популяризации аудиовизуальных документов. Кроме того, это откроет широкие возможности для создания устойчивой базы для подготовки обзорных и тематических фильмов и передач, проведения инициативных съемок и записей. Бесспорно одно: это направление должно развиваться совместно с кино- и телестудиями, специализированными архивами и носить продуманный и целенаправленный характер.

Очевидно, нецелесообразно ставить сейчас вопрос о создании нового видеоархива, продолжая тем самым дробление видеофонда. Нам представляется, что в первую очередь следует подумать о создании вышеуказанного международного (или российского) фонда как методического и координирующе-

го органа, в задачи которого войдут: координация деятельности архивных учреждений и организация видеосъемок и аудиозаписей; методическая помощь действующим архивам; создание банка данных о составе и содержании аудио-видеофонда “Визуальная антропология”; издание архивных и межархивных справочников о составе и содержании одного или нескольких фондов, подготовка библиографии по визуальной антропологии.

В качестве хранилища “бесхозных” видеолент и новых поступлений может выступить один из специализированных архивов (например, РГАКФД или Центральный архив аудиовизуальных документов Москвы), который в случае согласия мог бы на взаимовыгодных условиях сотрудничать с авторами и учредителями Российского аудиовидеофонда “Визуальная антропология”, гарантировать обеспечение сохранности документов и их использование на условиях приоритета для авторов и учредителей.

Вернемся к вопросу о подготовке и планомерном выпуске универсальных специалистов, способных работать не только с традиционными документальными комплексами (создаваемыми, как правило, на бумаге, но и с документами поливидового характера и назначения, носителями информации которых могли бы стать стекло и пленка, винчестер и оптический диск), а также владеющих современными информационными и коммуникационными технологиями в работе с научно-техническими, кинофотофоновидео- и электронными документами в архивах различного профиля и ранга независимо от формы собственности учреждения, организации и предприятия – создателя комплекса документов или отдельного лица.

Современное гуманитарное знание (историческая наука здесь не является исключением), базирующееся на развитой исследовательской традиции, располагает разнообразием исторических источников разнопланового характера, происхождение и познавательные свойства которых имеют само собой разумеющееся самостоятельное научное значение. В ходе источниковедческого анализа, как нам представляется, крайне важно учитывать генетические свойства каждого конкретного источника, присущие ему в момент его возникновения, которые могут ограничиваться или, напротив, усиливаться в зависимости от сугубо индивидуальных форм и особенностей использования. Иными словами, сфера использования исторических источников независимо от их видовой принадлежности накладывает свой отпечаток и на понятийные характеристики вполне определенных типов и видов существующих в природе источников, в одном случае углубляя их содержательный план, в других – наделяя их дополнительными оттенками значений. Названные противоположные тенденции в понимании существа и онтологии любого исторического источника наиболее ярко проявляются соответственно в теоретических изысканиях и научно-исследовательской практике. При этом различия происхождения исторических источников, их характер и назначение неизбежно отражаются на их научном описании (как на стадии архивного хранения, так непосредственно в исторических исследованиях), уровень и степень сложности которого будут неодинаковыми в работе с различными информационными массивами (в данном случае речь идет о любой источниковой базе независимо от ее объема, времени создания и носителя информации).

Функционально-содержательное разнообразие исторических источников находит свое проявление и в учебном процессе. Даже когда студент стремится изучить все известные современной исторической науке источники (общее представление о которых дается в курсах лекций по источни-

коведению, читаемых на исторических факультетах вузов), он в первую очередь интересуется теми из них, на которых в дальнейшей ему можно было бы сосредоточить свои усилия в научно-исследовательской или педагогической деятельности.

В этой связи возникает, казалось бы, очевидный вопрос, ответ на который оказался не так просто найти в нормативно-методической и информационно-справочной литературе – какие конкретно категории источников (типы, виды, разновидности) призвано изучать источниковедение как одна из важнейших исторических дисциплин, являющаяся фактически фундаментом любого исторического исследования? В публикациях подобного рода имеется, по крайней мере, несколько мнений по данному вопросу. Одни исследователи считают, что задачей источниковедения является охват всех без исключения источников, связанных с историей природы, человеческого общества⁷. Другие, напротив, ограничивают возможности источниковедения только традиционными, письменными источниками (при трактовке понятия “исторические источники” включают в их число помимо письменных источников и вещественные предметы)⁸. Существует и еще одна точка зрения, сформулированная в 1960-х годах, согласно которой сфера изучения источниковедения ограничивается источниками, дошедшими до наших дней в виде предметов материальной культуры, памятников письменности, идеологии, нравов, обычаев, языка⁹.

Нам представляется, что следует всячески популяризировать первое положение, позволяющее говорить о том, что для современного источниковедения не может и должно быть никаких ограничений в выборе источников в качестве объекта и предмета научного исследования. Данный подход дает возможность широко трактовать понятие источниковедения и сферу использования его приемов и методов с учетом достижений науки и техники на вполне определенном историческом промежутке времени.

Проблема терминологии в данной области вообще стоит крайне остро, не случайно поэтому она требует специального исследования. Пока же отметим, что трудно соглашаться с таким более известным и широко используемым в источниковедческой литературе понятием, как “вещественное источниковедение”. Так, судя по смыслу и этимологическому значению, понятие “вещественное источниковедение” может включать в себя практически все существующие в природе источники независимо от носителя информации – от археологических памятников до предметов письма (бумаги, чернил и т.п.), фотографических снимков, чертежей и т.д.

Развитие компьютерной и аудиовизуальной техники, распространение новых автоматизированных технологий поставило на повестку дня вопрос о “технотронном источниковедении”, предполагающем изучение самых разнообразных источников, созданных в разное время и на различных носителях информации. В трактовке данного понятия в литературе наблюдается тенденция к моносемичности, т.е. к однозначности толкования. Речь идет практически о типах, видах и разновидностях исторических источников, в той или иной степени связанных с развитием науки, техники, изобразительных и других видов искусства (начиная с наскального рисунка и росписей средневеко-

⁷ БСЭ. М., 1973. Т. 10. С. 581; Источниковедение истории СССР: Учебник / под ред. акад. И.Д. Ковальченко. М., 1973. С. 3; Словарь современной архивной терминологии социалистических стран. М., 1982. Вып. 1. С. 96.

⁸ Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 518.

⁹ Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 6. С. 591.

вых памятников архитектуры)¹⁰. Так, исторически сложилось, что под понимание термина “технотронные документы” подпадает большая часть исторических источников, которые до сих пор или специально не рассматривались в этом качестве, или пока находятся вне активного изучения и использования в исторических исследованиях.

Итак, после такого, казалось, на первый взгляд, чрезвычайно общего теоретического введения крайне заманчиво определить, что именно понимается под технотронным источниковедением, какие типы и виды источников оно в состоянии изучить и в каких пределах.

Среди огромного разнообразия существующих ныне источников особенно четко выделяются несколько групп документов, которые в совокупности принято теперь называть технотронными (о них шла речь выше). Отсюда и само понятие “технотронное источниковедение”, т.е. направление в источниковедении, которое имеет предметом своего изучения весь необозримый объем документации, неразрывно связанной с развитием науки, техники, средств массовой информации в различные периоды отечественной и мировой истории.

Первые технотронные документы появились давно, еще в эпоху древних цивилизаций Египта, Передней Азии, Индии и Китая и претерпели с тех пор существенные видовые, формальные и технологические изменения, идя в ногу с развитием науки и техники в различных областях знания¹¹. Возникновение в новое и новейшее время технических средств и аппаратуры, источников информации на пленочных и других носителях не только изменило наше представление о технотронных документах как носителях ретроспективной документной информации, но и значительно расширило состав и содержание источниковой базы исторических и других исследований. Интересные наблюдения в этом плане имеются относительно кинофотофонодокументов. Идея о выделении данной категории источников в особую группу была выдвинута во второй половине – конце XIX в., практически сразу с появлением первых в мире фото- и киносъемок и звукозаписей. Эти документы оказались способны в аудио-визуальной форме рассказать об облик городов и других населенных пунктов, быте, нравах, обычаях различных народов, памятниках материальной культуры и тем самым расширить круг уже существовавших до них изобразительных источников (произведения живописи, рисунки, гравюры, чертежи, схемы, планы и т.п.)¹². На заре развития фотодокументирования в России в полный голос заявила о себе военная фотография, нашедшая свое проявление в создании большого количества фотографических альбомов периода Крымской (1854–1856), русско-турецкой (1877–1878), русско-японской (1904–1905) войн. Сохранившиеся в архивах и музейных фондах фотографические альбомы военной тематики в одинаковой мере представляют научный и практический интерес для специалистов, работающих в различных областях знания: источниковедения, архивоведения, культурологии, музейного и военно-инженерного дела, истории военного оружия и костюма, визуальной антропологии и исторической географии¹³. Более определенно об историче-

¹⁰ Магидов В.М. Технотронные документы и новые технологии в учебном процессе // Круг идей: Новые архивные технологии. М., 1996. С. 198–207.

¹¹ Отпенхейм А. Древняя Месопотамия: Портрет погибшей цивилизации. М., 1990.

¹² Стасов В.В. Фотография и гравюра // Русский вестник. 1856. Декабрь. № 6, кн. 1. С. 359–400; Кн. 2. С. 555–576.

¹³ Туровцева С.В. Источники по истории русского флота: альбомы военной фотографии второй половины XIX – начала XX века // ОИ. 1996. № 5. С. 95–107.

ской ценности кинодокументов высказался фотограф и один из первых в мире профессиональных кинооператоров Б.А. Матушевский. В 1898 г. в одной из своих брошюр “Новый источник истории. О создании хранилища исторических кинодокументов”, изданной в Париже, он заявил о возможности придания самостоятельного статуса кинодокументам, способным выступать в качестве исторического источника при освещении политических и общественно значимых событий и фактов¹⁴. Кстати, подобной рода мысль высказывалась еще в 1894 г. (за год до появления коммерческого кинематографа) У. Диксоном, одним из сотрудников лаборатории Томаса Эдисона¹⁵.

Научное и сугубо практическое подтверждение эти мысли получили в 1960-е и последующие годы, когда был осуществлен переход к систематическому изучению научно-технической документации, кинофотофонодокументов (особенно первого из этих двух типов источников) в качестве объекта архивного хранения (здесь имеется в виду научно-техническая документация) и исторического источника (кинофотофонодокументы), результатом чего явилось определение места и значения этих документов в Архивном фонде РФ¹⁶. Высказывалась также мысль о возможности использования письменных свидетельств в кадрах документальных съемок, названных киноскриптами, что значительно расширило сферу применения информации, сохранившейся в кинодокументах¹⁷. Кроме того, в некоторых исследованиях отмечалась возможность реализации конкретной информации, заключенной в кинофотофонодокументах, в исторических исследованиях¹⁸.

Вместе с тем целый ряд проблем еще требует внимания со стороны источниковедения и архивоведения: во-первых, оценка реально существующей источниковой базы, состоящей из кинофотофонодокументов и других нетрадиционных источников АФ РФ; во-вторых, попытка совместить позиции специалистов, работающих с данной категорией источников в различных областях знания, научных дисциплин и направлений: истории и филологии, искусствоведения и информатики, истории науки и техники и истории государственных учреждений и общественных организаций, архивоведения и документоведения, источниковедения и журналистики и т.д. Речь идет о том, чтобы выяснить в конечном итоге, в чем состоит “отдельность” технотронного источниковедения по отношению к более близким к нему направлениям научного знания (например, литературного источниковедения) и каковы пределы варьирования в определении соотношения между историческим источниковедением и так называемым специальным. Пока вопрос о границах технотронного источниковедения остается открытым. Это обстоятельство сказывается и на возможности сугубо прагматической интерпретации результатов исследований в области технотронного источниковедения.

¹⁴ Матушевский Б. Новый источник истории: О создании хранилища исторических кинодокументов. Париж, 1898. Пер. с фр. Г.М. Болтянского: РГАЛИ. Ф. 2057. Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 1–10 (переиздание этой работы осуществлено в Польше в 1995 г. См.: *Matuszewski Boleslaw. Nowe zrodlo Historii: Filmoteka Narodowa. Warszawa, 1995*).

¹⁵ *Bonnie G. Roman. Introduction. Film and video collection. Woodrow Wilson International Center for Scholars. Washington, D.C. 1980. P. XV.*

¹⁶ *Магидов В.М. Кинофотофонодокументы как объект источниковедения: (историография вопроса) // СА. 1991. № 4/5.*

¹⁷ *Листов В.С. О критике кинодокументальных источников (по материалам советских киносъемок 1917–1920 гг.) // АЕ за 1969 год. М., 1971. С. 54–69; Он же. История смотрит в объектив. М., 1974.*

¹⁸ *Евграфов Е.М. Кинофотодокументы как исторический источник: Уч. пособие. М., 1973; Магидов В.М. Зримая память истории. М., 1984; и др.*

Технотронное источниковедение в этом случае находится на периферии исторического знания. Редко в каком-либо вузе его преподают, а тем более изучают на уровне традиционного исторического источниковедения. Количество часов в учебных планах (в рамках общих источниковедческих курсов) применительно к нетрадиционным источникам сводится к минимуму, а в большинстве случаев исторические источники, созданные на пленочных носителях или электронным способом, не являются объектом и предметом специального изучения в связи с отсутствием необходимых технических средств обучения и специалистов. Серьезный ущерб дальнейшему развитию технотронного источниковедения наносит отсутствие монографических исследований, систематических публикаций по крупным фундаментальным проблемам, связанным с происхождением, содержательной ценностью, внешними особенностями этих источников. До сих пор остаются неразработанными приемы и методы использования данной категории источников в исторических и других исследованиях. Таким образом, можно говорить о том, что данная область источниковедения пока находится на недостаточно высоком исследовательском уровне, причем это мнение распространяется как на отечественную, так и на зарубежную практику.

Технотронное источниковедение это – самостоятельное направление источниковедения, обладающее устойчивыми понятийными характеристиками (т.е. способное найти применение в той или иной области исторического исследования или сферы деятельности) и имеющее ряд особенностей, которые отличают это направление от других и, прежде всего, от традиционных приемов и методов работы с письменными источниками. К тому же отметим, что это направление источниковедения сегодня реально может существовать в рамках развитых направлений источниковедения и в целом ориентироваться на общепринятые нормы источниковедческого исследования. Вместе с тем помимо этих распространенных и достаточно отработанных на практике приемов и методов технотронные документы обладают некоторыми специфическими характеристиками. Эти характеристики – как в общем, так и в более конкретном плане – рассматривались в источниковедческой и архивоведческой литературе, однако при этом не оценивалась относительная значимость тех или иных особенностей исторических источников, являющихся объектами технотронного источниковедения¹⁹.

Вполне естественно, что на начальном этапе становления и развития данного направления источниковедения встают проблемы, требующие кропотливого исследовательского труда, широкого использования опыта работы с традиционными историческими источниками, внедрения достижений исторической информатики, новейших компьютерных технологий.

Рассмотрим некоторые из них в свете современного исторического знания. Одной из примечательных черт отечественного источниковедения (частично речь идет об истории нового, в основном же новейшего времени) является использование узкого, порой недостаточно представительного круга исторических источников. В этой связи нам представляется существенным указать на необходимость расширения источниковой базы исторических исследований. Анализ исторической, в том числе современной литературы, показывает, что труды специалистов базируются по существу на одном, в лучшем

¹⁹ *Магидов В.М.* Кинофотофонодокументы как исторический источник // ОИ. 1992. № 5; *Он же.* О проблемах взаимосвязи архивоведения и источниковедения аудиовизуальных документов. С. 264–299.

случае двух-трех типах исторических источников. Мы считаем, что при проведении конкретно-исторических исследований должны приниматься во внимание и использоваться все без исключения документальные и другие комплексы независимо от важности или актуальности исследуемой проблематики, носителя информации и видовой принадлежности, имеющие прямое (а в ряде случаев и косвенное) отношение к избранной тематике²⁰.

Можно понять современного историка, который, не владея профессионально приемами и методами работы с аудиовизуальными документами, не решается обратиться к ним. При этом необходимо учесть, что кинофотофонодокументы, например, считаются “неудобными” и даже в известном смысле “коварными” в процессе их использования в качестве исторического источника (это в равной мере касается и содержательной стороны источника, его происхождения и внешних признаков). Дело вовсе не в том, что аудиовизуальные источники не могут предоставить в распоряжение исследователя достаточно полные, а тем более исчерпывающие сведения о конкретном событии и факте (это свойство, кстати, характерно для большей части и других типов исторических источников). Речь идет о том, чтобы предупредить историка, что кинофотофонодокументы по своей природе, генетически достаточно легко подвергаются искажению, фальсификации в передаче зафиксированных в них событий или фактов реальной действительности. Исходя из этого, значение источниковедческого анализа каждого без исключения кинофотофонодокумента, отобранного для исследования, приобретает особо важный смысл, ибо речь идет не только и не столько о композиционно-сюжетной стороне материала, а об отражении в каждом источнике авторской позиции, степени и уровня интерпретации содержащейся в кинофотофонодокументах, лежащей на поверхности открытой и латентной информации. Справедливости ради отметим, что кинофотофонодокументы это – достаточно устойчивая идеологическая и организационно-творческая конструкция, которая, как и материалы периодической печати, достаточно стабильно отражает интересы вполне определенных политических партий и движений, отдельных слоев населения на определенном этапе исторического развития страны. И здесь важно достаточно последовательно проследить и проанализировать сам процесс кинофотофонодокументирования, истоки которого следует рассматривать в историческом аспекте – от замысла, идеи создания аудиовизуального источника до производства конечного продукта в виде фотоочерка или отдельного фотодокумента, кино-, телефильма или периодического издания (киножурнала или выпуска теленовостей), радио-, телепередачи и самостоятельного сюжета и т.д. Как мы видим, источниковедение кинофотофонодокументов не может не учитывать политической, экономической, социально-культурной среды, в рамках которой зарождались, формировались и развивались источники аудиовизуальной направленности.

Новый подход к источниковедению в рамках технотронного источниковедения побуждает задуматься над вопросом о том, что кинофотофонодокументы, как, впрочем, и научно-техническую документацию, невозможно изучать вне зависимости от истории учреждения (государственного или частного) и общественных организаций, в деятельности которых они были созданы. С другой стороны, не представляется плодотворным проведение

²⁰ Магидов В.М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М., 2005. С. 7–33, 102–207.

источниковедческого анализа этих документов без обращения к историко-архивоведческой практике. В качестве отправного этапа на данном пути встает задача формирования и создания источниковой базы научно-технической документации и кинофотофонодокументов и других технотронных документов по отечественной истории. Вряд ли возможно в этой ситуации обойти вниманием первостепенный по важности вопрос о составе и содержании технотронных документов АФ РФ. В этом случае только целый ряд конкретных историко-архивоведческих и источниковедческих разработок определенной направленности позволит не голословно, а по существу ответить, каким массивом этих документов может располагать исследователь исторических событий определенного периода времени (для кинофотофонодокументов – вторая половина XIX – начала XXI в., для научно-технической документации – хронологические рамки будут значительно шире).

Обращаясь к перспективам изучения аудиовизуального наследия с позиций технотронного источниковедения, важно иметь в виду и сугубо документоведческую сторону проблемы. Особое место здесь занимают вопросы становления и развития кинофотофоноvideодокументирования в России в историческом аспекте, которые в отечественной литературе или вообще не изучались, а если это и происходило, то носило преимущественно эпизодический, стихийный характер. Наряду с этим следует заметить, что история отечественного фото-, киноискусства, радиовещания и телевидения рассматривалась и продолжает рассматриваться в искусствоведении как история отдельных произведений искусства в различных областях, затрагивая интересы в основном выдающихся, крупных деятелей культуры.

Такого рода избирательный подход к истории фотографии, кино, радио- и телевидения может быть в определенной мере допустим. Однако необходимо отметить, что он одновременно страдает известной ограниченностью, неполнотой сведений и, что самое главное, не в состоянии создать цельной картины развития этих видов искусства в нашей стране. Сегодня складывается ситуация, когда можно констатировать, что наиболее близкие и необходимые для технотронного источниковедения научные дисциплины разобщены. Отдельно, без продуманной координации усилий научных и творческих коллективов учреждений и организаций РАН, Федерального архивного агентства, вузов, библиотек, музеев и др. ведутся исследования по истории науки и техники, визуальной антропологии, историографии, источниковедения, документоведения, архивоведения, археологии, искусствоведения, аудиовизуальных источников информации. Другими словами, научная программа исследований в области технотронного источниковедения должна носить межотраслевой, междомственный и комплексный характер, сближая, а не разобщая крайне небольшие в количественном отношении коллективы специалистов или отдельных ученых, которые работают в данном направлении.

Л.В. Кошман

**МНОГОТОМНЫЙ ПРОЕКТ
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ
“ОЧЕРКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ”
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ.
КОНЦЕПЦИЯ. ИСТОЧНИКИ**

Культура – это образование
умственное и нравственное.

В.И. Даль

Внимание к историко-культурным, гуманитарным дисциплинам всегда отличало университетскую науку. Широко известны научные университетские школы в истории, лингвистике, филологии, философии, как и имена ученых, связанных с ними – В.О. Ключевского, Ф.И. Буслаева, Н.С. Тихоновова, Ф.Ф. Фортунатова, Е.Н. и С.Н. Трубецких.

В первой половине XIX в. историко-культурная проблематика в системе гуманитарных знаний сводилась в основном к изучению народного быта, отечественного языка, фольклора, народных песен; постепенно намечался интерес к истории литературы и науки, деятельности учреждений, сыгравших определенную роль в развитии культуры¹.

К 1830–1840-м годам относится появление в общественном и научном сознании понятия “культура”. В эпоху Пушкина равнозначным ему было слово “просвещение”, которое всегда рассматривалось учеными и общественными деятелями как фактор, систематизирующий культуру.

Вопросы отечественной культуры, в частности личность и творчество А.С. Пушкина, интересовали В.О. Ключевского, который в феврале 1887 г. выступил на заседании Общества любителей российской словесности с сообщением “Онегин и его предки”². Для современных исследователей представляют интерес мысли Ключевского об исторической обусловленности культурной жизни. “Пушкин, – писал он, – вполне историческое явление... выразительный образ известной эпохи... без него нельзя представить себе эпохи 20–30-х годов, как нельзя без его произведений написать истории первой половины нашего (XIX. – Л.К.) века”. Оценивая общественно-культурную жизнь XVIII в., Ключевский отмечал “большую сложность жизни” этого столетия, видел несомненную связь “социального разделения” общества с разнообразием культурных слоев и типов³. Так постепенно в научном сознании наполнялось новым содержанием само понятие “культура”, осознавалась значимость ее социальной составляющей.

---

¹ См.: Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. М., 1844; *Он же*. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1–2; Забелин И.Е. Домашний быт русского народа. М. 1862–1869. Т. 1–2; Пекарский Т.И. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1–2; и др.

² Впервые опубли.: Русская мысль. 1887. № 2. С. 291–306.

³ Ключевский В.О. Соч. В 8 т. М., 1959. Т. 7. С. 146–147.

В трудные для Московского университета 1920-е годы на факультете общественных наук (1919–1925 гг.), этнологическом факультете (1925–1931 гг.) продолжалось преподавание литературоведения и изобразительного искусства. Среди преподавателей были искусствоведы (Н.И. Романов, А.А. Сидоров), художники (В.В. Кандинский, И.Э. Грабарь), поэт В.Я. Брюсов, А.В. Луначарский. В структуре ФОН находился Музей изящных искусств, открытый еще в 1912 г. по инициативе профессора университета И.В. Цветаева.

На восстановленном в 1934 г. историческом факультете изучение истории культуры как комплексной дисциплины было поставлено в числе важнейших задач. Об этом говорил в ноябре 1940 г., выступая на заседании Ученого совета, декан факультета С.Д. Сказкин⁴. С 1956 г. студентам, специализирующимся по кафедрам отечественной истории, начал читаться курс истории русской культуры⁵.

В 1961 г. в структуре исторического факультета был создан кабинет истории русской культуры (с 1971 – лаборатория)⁶. К этому времени на факультете сложились традиции преподавания этой дисциплины, был круг ученых, работавших в области историко-культурной проблематики.

Лаборатория истории русской культуры была создана по инициативе ректора МГУ И.Г. Петровского и поддержана проф. А.В. Арциховским. С самого начала в ее научной и научно-организационной работе определились два направления: история русской культуры и история Московского университета как самостоятельная проблема в рамках общей историко-культурной проблематики. За время более чем 40-летнего существования лаборатория стала одним из известных научно-организационных центров исследований и публикаций по истории отечественной культуры. Традицией, сохраняемой до настоящего времени, остается широкое участие в работе по изданию “Очерков русской культуры” исследователей не только научно-учебных учреждений Москвы и Петербурга, но и многих других городов России.

В 1969–1990 гг. были изданы 10 томов “Очерков русской культуры”, в которых освещались историко-культурные проблемы эпохи средневековья и раннего нового времени (XIII–XVIII вв.)⁷.

Очерки о средневековой культуре обобщали огромный фактический материал, в значительной степени впервые вводимый в научный оборот, культура рассматривалась в тесной связи с общеисторическим развитием того времени.

В 1960-е годы, когда начиналась работа над “Очерками”, комплексное изучение истории культуры было в известной степени новаторским. В историко-культурных исследованиях преобладало рассмотрение культуры как совокупности отдельных отраслей.

⁴ Летопись Московского Университета. 1755–1979. М., 1979. С. 237.

⁵ Курс начинали читать Б.А. Рыбаков, С.С. Дмитриев, М.И. Хейфец. В последующие годы курс читали А.К. Леонтьев, В.А. Вдовин, В.С. Шульгин, Л.В. Кошман, Л.Н. Вдовина, Е.К. Сысоева, Е.В. Долгих, Л.А. Пинегина, В.А. Дорошенко, М.Р. Зезина, Л.И. Васькина, О.Н. Баркова.

⁶ Руководители лаборатории: проф. А.М. Сахаров (1971–1978), доц. Б.И. Краснобаев (1978–1983), проф. А.Д. Горский (1983–1989), д-р ист. наук Л.В. Кошман (с 1989).

⁷ Очерки русской культуры XIII–XV веков / Гл. ред. А.В. Арциховский. М., 1969–1970. Ч. 1–2; Очерки русской культуры XVI века / Гл. ред. А.В. Арциховский. М., 1976. Ч. 1–2; Очерки русской культуры XVII века / Отв. ред. А.М. Сахаров. М., 1979. Ч. 1–2; Очерки русской культуры XVIII века / Гл. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1985–1990. Ч. 1–4. Работа по написанию “Истории русской культуры” была начата еще до Великой Отечественной войны. В 1951 г. вышли в свет первый и второй тома, посвященные Древней Руси (домонгольский период), подготовленные Институтом археологии АН СССР. Прерванная войной, эта работа не возобновилась в системе Академии наук, но была продолжена на историческом факультете Московского университета.

В основу концепции “Очерков” был положен тезис об органической связи культуры с общественной жизнью, о зависимости уровня и характера ее развития как от социально-экономического и политического состояния общества, так и сохранения культурных традиций.

Анализ различных сторон культуры материального производства, изучение политической системы, права, аспектов религиозной жизни, образования, искусства, как профессионального, так и народного, позволяло увидеть и те перемены, которые происходили в культурной жизни России на протяжении пяти веков, и внутренне усложнявшееся само понятие “культура общества”. “Очерки” стали первым научным обобщением в изучении историко-культурных проблем средневековья и раннего нового времени. Во многом этому способствовало широкое привлечение разных по типу и характеру источников: археологических, графических, лингвистических, письменных, среди которых следует отметить собрание русских летописей, духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, актовый материал, изданный Археографической комиссией Академии наук еще в середине XIX в.

Огромную исследовательскую и научно-организационную работу в качестве авторов и редакторов провели А.М. Сахаров, Б.И. Краснобаев, А.Д. Горский, которые сумели привлечь к участию в “Очерках” ученых, известных своими исследованиями в различных областях культуры. Среди авторов были Н.Н. Воронин, Б.А. Рыбаков, Б.А. Колчин, М.А. Ильин, И.Г. Спасский, В.Л. Янин, М.Г. Рабинович, М.М. Громыко, Г.И. Вздорнов, П.С. Кузнецов, Л.В. Милов, С.С. Дмитриев, О.А. Державина, Ю.В. Келдыш и др. В написании “Очерков” участвовали ученые Московского университета, Академии наук, Государственного Эрмитажа, Третьяковской галереи, Исторического музея, некоторых провинциальных вузов. Все это определило высокий авторитет издания в среде научной общественности, получило положительную оценку в отечественной и зарубежной печати⁸. В 1982 г. “Очерки русской культуры XVII–XVIII вв.” (6 томов) были удостоены Государственной премии СССР.

Длительное время историографическая традиция изучения культуры исходила из отраслевого подхода, в основе которого лежало не только рассмотрение отдельных отраслей культуры, но и аксиологический принцип, подчеркивающий роль идеальной модели, в данном случае в культуре. Для определенного этапа в историко-культурных исследованиях такой подход был оправдан, поскольку шло накопление необходимого фактического материала, который можно рассматривать как источник для осмысления культуры общества. Следует отметить, что он сохраняет свои возможности как один из путей изучения культуры и по сей день. Но наряду с углубленным анализом той или иной области культуры отраслевой подход не может дать представления об этой сфере общественной жизни как внутренне целостной системы, о закономерностях, факторах, влиявших на ее развитие и состояние.

В современной психологии существует понятие “когнитивная комплексность” (*cognitio*, лат. – знание, познание). Ученые определяют ее объ-

⁸ См.: *Краснов И.* // Преподавание истории в школе. 1971. № 3. С. 105–106; *Авдусин Д.А.* // Сов. археология. 1972. № 4. С. 282–285; *Вольнкин Н.М., Мавродин В.В., Фроянов И.Я.* Литературная и духовная культура Руси // ИСССР. 1971. № 3. С. 182–186; *Окладников А.П., Вилков О.Н., Курилов В.Н.* // Там же. 1979. № 1. С. 204–212; *Клибанов А.И., Бакланова-Швейковская Е.Н.* // Там же. 1982. № 2. С. 173–180; ИСССР 1984. № 6; *Волков Л.В.* // ВИ. 1993. № 10. С. 170–176; *Покровский Н.Н.* // ОИ. 1993. № 2. С. 196–199. Рецензии на “Очерки русской культуры” были опубликованы и за рубежом – в Болгарии, ГДР, Польше, США.

ем восприятия человеком окружающего его мира. Многомерность этого видения зависит от многих причин, но прежде всего от образовательного, культурного уровня личности. Поэтому изучение культуры как комплексной дисциплины, важнейшей сферы общественной жизни потенциально способствует сознательному пониманию человеком окружающего его мира. Это чрезвычайно важно для формирования в обществе бережного отношения к историко-культурному наследию, понимания важности его сохранения.

Попытка отойти от отраслевого подхода в освещении истории культуры была предпринята еще при работе над томами “Очерков”, посвященных XVIII столетию. Само время столкновения средневековой культуры с новой, рождаемой этим бурным столетием в российской истории, диктовало расширение сюжетов: появились разделы о культуре материального производства, науке, системе образования, обогатилось понятие художественной культуры; государственные преобразования рассматривались в связи с их влиянием на общественно-культурную жизнь, формирование национального самосознания. Впервые были выделены такие своеобразные культурные пласты, как город, деревня, усадьба; рассматривалась духовная культура крестьянства; поставлена важная проблема взаимоотношения власти и культуры. В очерках о просвещении, образовании, книжном деле прозвучала тема – человек в системе культуры. Круг поставленных проблем и исследовательских задач требовал расширения источниковой базы. Помимо традиционных археологических, этнографических, актовых материалов авторы привлекали законодательные акты, публицистику, дневники и мемуары, источники, появляющиеся в XVIII в. Своеобразным источником, отразившим культурные новации и традиции этого времени, становились художественная литература, изобразительное искусство (гравюра, живопись).

Большой фундаментальный пласт отраслевых исследований, первые опыты осмысления культурных проблем в более широком историко-культурном контексте определили научную целесообразность внесения некоторых коррективов в концепцию изучения историко-культурного процесса XIX в.

В 1998–2005 годах в лаборатории русской культуры при участии ученых Московского и Санкт-Петербургского университетов, научно-учебных учреждений Москвы и ряда городов России были подготовлены и изданы “Очерки русской культуры XIX века” в 6 томах⁹.

В основу анализа культуры XIX в. был положен системно-функциональный подход, при котором культура рассматривается как целостная система в структуре общественной жизни. Такой подход к изучению культуры позволяет рассматривать сферу культурной жизни в движении, как процесс, в котором при всей важности “культурных вершин” не только производство, но и распространение, потребление культурных ценностей приобретают социально важное значение, представляя культурно-творческий аспект общественной жизни. Культура выступает таким образом одним из показателей обще-

⁹ Эти исследовательский и издательский проекты были осуществлены при финансовой поддержке РГНФ. Руководитель проекта Л.В. Кошман. Структура отдельных томов носит проблемно-очерковый характер: т. 1 – Общественно-культурная среда (М., 1998); т. 2 – Власть и культура (М., 2000); т. 3 – Культурный потенциал общества (М., 2001); т. 4 – Общественная мысль (М., 2003); т. 5 – Художественная литература. Русский язык. (М., 2005); т. 6 – Художественная культура (М., 2002).

ственного прогресса¹⁰. В течение последних десятилетий интерес к системно-функциональному методу в изучении культуры является достаточно распространенным среди ученых-гуманитариев. Можно говорить о сложившихся центрах, где такое изучение ведется. Лаборатория истории русской культуры исторического факультета Московского университета является одним из них.

Авторы “Очерков... XIX в.,” применяя системно-функциональный метод, ввели понятие общественно-культурной среды или культурного пространства, основных региональных и социокультурных его составляющих (город, деревня, усадьба).

Общественно-культурная среда представляет собой совокупность факторов, которые определяют наполненность и многообразие духовной и интеллектуальной жизни общества. Его социально-активный потенциал, с одной стороны, включает распространение культурных новаций, а с другой – сознательное сохранение важнейших элементов традиционной народной культуры. Д.С. Лихачев, блестящий знаток и пропагандист отечественной культуры, писал, что “если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни... для его нравственной самодисциплины и социальности”¹¹.

В развитии и внутренней наполненности культурной среды наиболее важная роль принадлежит городу. Культура города, являясь частью официальной культуры, вместе с тем была выражением новаций в сфере образования, просвещения, общественно-культурной жизни. В “Очерках” впервые предпринимается попытка дать картину социокультурного состояния русского города на протяжении всего XIX в., его многофункциональности, особенности развития как центра культурной жизни (Т. 1).

Состояние общественно-культурной среды со всей очевидностью отразило многообразие тенденций культурного развития России в XIX в. В них воплотился стремительный динамизм, особенно проявившийся в эпоху великих реформ, наряду с сохранением патриархальности, присущей культуре русской деревни, отчасти провинциальному, прежде всего уездному городу.

Системообразующим элементом культурной среды является механизм функционирования культуры. Это система образования и культурно-просветительных учреждений, книга, периодика, информационная система (Т. 3). В России в XIX в. существовала сложившаяся структура общего и профессионального образования, различные типы музеев и библиотек; формой приобщения к знаниям широких городских слоев стали народные чтения. В этом выразилась демократизация культуры, характерная черта историко-культурного процесса пореформенного времени. Результатом ее должно было стать

¹⁰ Рецензии на отдельные тома “Очерков... XIX в.” см.: Минаева Н.В. // ВИ. 1999. № 11/12. С. 153–156; Мохначева М.П. // ОИ. 2000. № 6. С. 176–180; Секиринский С.С. // Там же. С. 181–183; Новое литературное обозрение. 2000. № 45; Русский исторический вестник: Междунар. ежегодник. М., 2000; Мохначева М.П. // ОИ. 2002. № 3. С. 172–175; Богатова Т.В. // ВИЕТ. 2002. № 3. С. 575–577; Уткин А.И. // ВИ. 2003. № 5. С. 160–162; Ульянова Г.Н. // Там же. № 9. С. 166–168; Рудницкая Е.Л. // Там же. 2005. № 1. С. 161–164; Свиридова Т.А. // Там же. № 7. С. 168–169; Рудницкая Е.Л. // Там же. 2006. № 11; Киянская О.И. // ОИ. 2006. № 12; Мильдон В.И. // ФВ. 2006. № 12; Китаев В.А. // Вестн. Нижегородского ун-та. Серия История. 2005. Вып. 1(4). В феврале 1999 г. на историческом факультете МГУ в центре теоретических проблем исторической науки состоялся круглый стол, посвященный обсуждению I тома “Очерков...”. В дискуссии участвовали профессор и преподаватели факультета (Н.С. Киняпина, И.Л. Маяк, Е.И. Пивовар, М.Р. Зезина, Л.Н. Вдовина), представители научной общественности других вузов (Н.В. Минаева, МПГУ; И.В. Кондаков, РГГУ). См.: Теоретические проблемы исторических исследований. М., 1999. Вып. 2. С. 55–71.

¹¹ Лихачев Д.С. Заметки о русском // Лихачев Д.С. Избр. работы. Л. 1987. С. 484.

появление среднего культурного слоя в социальной структуре российского общества, прежде всего в городе.

В демократизации культуры, показателем которой был некоторый рост слоя грамотных и образованных людей, в основном среди горожан, увеличение гражданской почтовой корреспонденции, возможность получить по почте столичную газету или журнал в далеком провинциальном городе, выражалась повседневность жизни основной массы городских обывателей и сельских жителей. В этой повседневной жизни культурные новации переплетались, существовали рядом с чертами патриархальности и традиционности. Материал “Очерков... XIX в.” позволяет исследователям обратиться к изучению культуры повседневности в XIX – начале XX в. В последнее время она относится к числу наиболее научно востребованных проблем социальной истории.

Узловым для XIX столетия был вопрос о взаимоотношении власти и культуры (Т. 2). Уже к концу XVIII в. – века Просвещения и расцвета абсолютизма – проявляются сложности в отношениях власти и общества, и в особенности его “служилого сословия” – дворянства. Развитие и востребованность культуры постепенно начинали влиять на приоритетность ценностей в среде дворянского сословия. Понимание первостепенности государственной службы сменялось потребностью внутреннего культурного самосовершенствования.

Для власти целью оставалось тотальное вмешательство государства во все сферы общественной жизни. Однако со временем сама власть становилась неспособной удерживать развитие общественно-культурной жизни в рамках определенного направления государственного универсализма. Для социокультурной истории этого времени представляет интерес не только эволюция абсолютизма, но и культурный облик бюрократии, главного проводника политики власти. Этот сюжет является новым для “Очерков русской культуры”.

Воссоздание картины взаимодействия власти и различных областей культуры, особенно просвещения, здравоохранения, науки, позволяет по-новому взглянуть на социокультурную историю XIX в., значительно расширить круг проблем, составляющих суть культурной жизни.

Институт цензуры, рассматриваемый на страницах этой коллективной монографии, по существу является первым в отечественной историографии XX в. обстоятельным исследованием этого важнейшего инструмента в руках правительства, позволяющего определять и развитие общественной мысли и просвещения, и литературы в нужном для власти направлении. Цензура была одним из реальных факторов, влиявших на состояние общественно-культурной среды.

Одной из новых проблем “Очерков... XIX в.” является сфера правовой культуры. Ее развитие, распространение в различных социальных слоях может служить одним из важных показателей культуры общества. Проведенная по инициативе императора в первой половине XIX в. кодификация законов, появившийся впервые Свод действовавших законов (было несколько изданий: 1832, 1842, 1857, 1876, 1899 гг.; наиболее полное – издание 1857 г.; в 1899 г. – издание включало только дополнения, появившиеся после последнего полного издания), имел важное значение для развития права и правосознания. Во второй половине XIX в. решающую роль в развитии правовой культуры сыграла судебная реформа 1864 г., положившая начало более широкому освоению правовых понятий и норм в обществе. Однако народное правосознание, не связанное с профессиональной правовой культурой,

долгое время сохранялось в демократической среде города и деревни. Представляется, что изучение обычного права, постепенного проникновения правовых законодательных норм в широкие социальные слои является немало важной исследовательской задачей, стоящей перед правоведами, историками культуры. Эти проблемы тесно связаны с повышением общеобразовательного уровня, социальной активности и развитием идей гражданственности.

Важнейшим элементом общественно-культурной жизни является область национального самосознания и общественной мысли как основной его составляющей (Т. 4). Новизна концепции, предложенной в “Очерках”, состоит в неразрывной связи рассмотрения общественной мысли с общественным движением на протяжении всего XIX в., которое оказывало влияние на нравственно-политические представления в обществе, многие области культуры и определяло изменения, происходившие как в национальном сознании, так и в социально-экономической жизни. Одной из составляющих концепции является тезис о том, что развитие русской общественной мысли при наличии национального своеобразия не может быть понято вне европейского контекста.

Отмечая давние историографические традиции в изучении общественной мысли XIX в., авторы справедливо считают необходимым наряду с обобщением и теоретическим осмыслением накопленного материала “преодоление многих стереотипов советской историографии и тех однозначных, порой примитивных оценок, которые накопились в постсоветское время” (Т. 4. С. 5). В данном издании предпринята первая попытка в решении этой непростой задачи.

В “Очерках” рассматривается широкий круг проблем художественной культуры – литературы и языка, живописи и архитектуры, музыки и театра (Т. 5, 6). Общеизвестно, что в новое время, особенно в XIX в., для художественной культуры в целом характерны литературоцентризм, ведущая роль литературы в системе художественного творчества. В этом столетии литература стала выступать как одна из форм общественного сознания, на ее страницах нашли отражение многие нюансы и конфликты общественного бытия. По существу русская классическая литература, как и общественная мысль, ставила важнейшие вопросы жизни российского общества: соотношение европеизма и национальной самобытности, исторические пути и судьбы России, проблема переустройства общества и воспитания человека. В постановке этих проблем выражалась социальность русской классической литературы, а сами литературные произведения впервые в таком широком контексте использовались как источник.

Авторам “Очерков” удалось показать функциональность языка, широкий срез его бытования в различных социальных слоях. Наряду с принципиальными изменениями в структуре, стиле литературного языка, серьезные преобразования в XIX в. происходили и в языке разговорном, в различных его разновидностях. Чрезвычайно интересен анализ территориальных и социально-профессиональных диалектов, которые находили разнообразное отражение в языке художественной литературы.

В XIX в. шла интенсивная и плодотворная научная разработка русского языка, была упорядочена орфография, созданы фундаментальные словари различных типов: толковых, исторических, этимологических, терминологических, иностранных слов. основополагающую роль в области упорядочения русского правописания сыграли труды Я.К. Грота. Его работа “Русское правописание” изданная в 1885 г., выдержала 22 издания (последнее в 1916 г.) и фактически определяла правила русского правописания до реформы 1917–1918 гг.

Историко-культурный, системный подход к изучению изобразительно-го искусства, архитектуры, музыки и театра выразился в попытке разглядеть в художественной жизни России XIX в. некую цельность, в стремлении осознать преемственность национально-художественных проблем, выявить принципы русской художественной культуры как особого феномена духовной жизни общества. В “Очерках” уделялось внимание проблеме взаимосвязи “стиля жизни” и “стиля искусства”, обусловленности творчества социальной действительностью, справедливо подчеркивалась особая чуткость художественной культуры России к социально-нравственным проблемам своего времени.

Предложенная в “Очерках...” концепция основывается на принципе междисциплинарности, который позволил расширить представление о культуре, показать связь культуры с такими, казалось бы, далекими от исторической науки сферами как транспорт, информационная система, коммунальное хозяйство, правовое сознание, наконец, урбанизация и уровень ее развития в России в это время.

Изучение русской культуры XIX в. в контексте ее функционирования в обществе как системы определило привлечение новых источников, которые стали или более многочисленными и разнообразными, как мемуары, или впервые появились в этом столетии, как статистические материалы. Статистика позволила перейти от неизбежной ранее конкретики к обобщенной картине состояния таких сфер культурной жизни, как школьное и книжное дело, периодика, социальный портрет читателя.

Важным смысловым источником для понимания и освещения в “Очерках...” общественно-идейных проблем, общественного сознания является публицистика и художественная литература, произведения русских мыслителей, общественных деятелей, писателей, которые ставили и пытались решать во многом общие для сознания российского общества вопросы.

При работе над “Очерками... XIX в.” лаборатория сохраняет традиции, заложенные еще в 1960-е годы: широкое привлечение специалистов-исследователей в области истории культуры и право на авторскую позицию при изложении проблемы. Как и прежде помимо сотрудников лаборатории, ученых исторического факультета (В.А. Федоров, Н.И. Цимбаев, И.А. Федосов, А.П. Шевырев), юридического (В.А. Томсинов), среди авторов были профессора и научные сотрудники, известные ученые Института мировой литературы им. А.М. Горького (Ю.В. Манн, И.П. Видуэцкая, А.М. Турков), Высшей школы экономики (В.К. Кантор), Государственного Института искусствознания (Г.Ю. Стернин, Г.Г. Поспелов, Т.П. Каждан, Е.А. Борисова, Л.З. Корабельникова, М.П. Рахманова, О.М. Фельдман), Литературного института им. А.М. Горького (А.И. Горшков, Л.И. Скворцов), Института истории естествознания и техники РАН (М.С. Бастракова, Г.Е. Павлова), Санкт-Петербургского университета (Г.В. Жирков), Воронежского университета (М.Д. Карпачев), Рязанского педагогического университета (А.А. Севастьянова, В.Н. Козляков), Ягеллонского университета (В.Г. Шукин).

Известность “Очерков русской культуры” в среде научной общественности Москвы, других российских городов свидетельствует о результативности многолетней работы лаборатории истории русской культуры исторического факультета Московского университета и возможных перспективах ее продолжения.

М.Ю. Зенченко

**КАТАЛОГ ПИСЦОВЫХ КНИГ
РУССКОГО ГОСУДАРСТВА XVI–XVII ВЕКОВ:
ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ**

Использование в исторических исследованиях материалов писцового делопроизводства неразрывно связано с проблемой усовершенствования научно-справочного аппарата. В общем виде эта мысль была сформулирована еще Ю.В. Готье, который в книге 1906 г. отметил, что “состояние неопределенности и незаконченности, в котором находится критическое изучение писцовых и переписных книг, налагает известные обязательства на всякого, кто пользуется их содержанием в качестве исторического материала”¹. Особое место, которое коллекция писцовых и переписных книг занимает в составе фонда Поместного приказа², определило пристальное внимание к нему со стороны исследователей и архивистов. Необходимость использования документов как в практической (в Поместном приказе и Вотчинной коллегии), так и в научной (МАМЮ, ЦГАДА) работе привело к созданию громоздкого и сложного по составу научно-справочного аппарата. Основными его недостатками являются неравноценность описаний и неполный охват документов. Даже лучший из имеющихся справочников – каталог Н.В. Калачова – охватил только древнейшую часть коллекции (так называемую “подлинную архиву”) и часть списков лучшей сохранности³. Следует также отметить, что применявшиеся при создании НСА методики не взаимодополняли, а взаимоисключали друг друга.

Мысль о создании каталога писцовых книг была высказана академиком М.Н. Тихомировым в 1964 г.⁴ По замыслу самого Тихомирова и основного исполнителя, В.Б. Павлова-Сильванского, работа должна была носить исследовательский характер – не только систематизировать и расширять сведения об имеющихся писцовых документах, но и включать обязательную проверку наличия как самих книг в архивохранилищах, так и сведений о них в документах (в случаях, когда писцовые работы известны лишь по упоминаниям)⁵. В результате Археографической комиссией была подготовлена картотека, в которой к 1968 г. были собраны сведения о писцовых работах на территории 14 замосковских уездов⁶.

В марте 1988 г. вопрос о перспективах усовершенствования НСА к описи коллекции был поднят на Ленинградской конференции по проблемам изуче-

¹ *Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII веке: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. 2-е изд. М., 1937. С. 4.

² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1.

³ Опись книгам писцовым, переписным и межевым, хранящимся в МАМЮ // ОдиБ. СПб., 1869. Кн. I; СПб., 1872. Кн. II; СПб., 1888. Кн. V.

⁴ *Павлов-Сильванский В.Б.* Хронологическое обозрение писцовых книг и сотных выписей XV–XVI вв. // АЕ за 1968 год. М., 1969. С. 448–450.

⁵ Там же. С. 449.

⁶ Там же. С. 450.

ния писцовых книг; в частности, обсуждался вопрос о принципиальной возможности доработки описи писцовых книг, подготовленной и опубликованной Н.В. Калачовым.

В РГАДА такая точка зрения поддержки не нашла. К этому времени в архиве уже имелась группа сотрудников, накопившая существенный опыт по научному описанию документов писцового делопроизводства – В.Ю. Беликов⁷, Н.П. Воскобойникова, М.Ю. Зенченко. Разумеется, в первую очередь этот опыт базировался на личных научных интересах сотрудников, но основные принципы описания, выработанные общими усилиями, оказались настолько удачными, что в начале 1990-х годов было принято решение превратить их в рабочую методику.

“Методические рекомендации...”⁸ задумывались с учетом дальнейших перспектив. Но в 1992–1996 гг. работы замедлились в связи с ситуацией, сложившейся в отрасли в целом. В первую очередь это относилось к оформлению результатов продолжавшихся работ по переописанию. К концу 1990-х годов некоторые регионы Российского государства (Русский Север, Новгородская земля) были полностью описаны. У авторов имелось значительное количество рабочих материалов, требующих редактирования и систематизации. В них содержалась информация, остро необходимая исследователям, но остающаяся недоступной из-за элементарного отсутствия оформления.

Таким образом, следующий этап работы был ориентирован на введение в научный оборот имеющихся описаний. Для этого требовалась выработка единых требований к описанию и создание группы редакторов. С учетом уже имеющегося опыта были унифицированы схемы систематизации документов по уездам, состав описательной статьи, методы аннотирования документов (все при активном участии д-ра ист. наук Н.Ф. Демидовой). К настоящему времени группой изданы два выпуска “Каталога писцовых книг Русского государства”⁹, полностью подготовлен к изданию третий выпуск – “Писцовые книги Восточного Замосковья” и продолжается работа над четвертым – “Писцовые книги Верхнего Заволжья”. В данный момент можно говорить и о перспективах работы над пятым и шестым выпусками, куда войдут писцовые книги южного пограничья (V) и Среднего Поволжья (VI).

За годы, истекшие с момента выхода первого издания, уже можно говорить об определенном научном резонансе. Высокое качество и актуальность справочника отметил ряд ведущих ученых, работающих с данным видом источников. Особенно хочется упомянуть отзывы З.В. Дмитриевой, Е.Н. Швейковской, А.И. Комиссаренко, М.С. Черкасовой (Вологда), Ю.П. Васильева (Вологда), Г.В. Демчук (Архангельск). Выпуски “Каталога” обсуждались на специализированных научно-практических конференциях по вопросам изучения массовых источников (Архангельск, 2001, Вологда, 2002 и Санкт-Петербург, 2004 гг.). Появились первые отзывы в печати¹⁰.

Описание ставило три взаимосвязанные задачи: полный учет всех известных на данный момент материалов; собственно описание; систематизация,

⁷ Авторский коллектив, готовивший “Каталог писцовых книг Русского государства”, понес невосполнимую утрату – в марте 2005 г. скончался один из организаторов и неперемный участник всех проектов Виктор Юрьевич Беликов.

⁸ Зенченко М.Ю. Методические рекомендации по описанию раздела “Писцовые книги” фонда-коллекции ЦГАДА “Поместный приказ, Вотчинная коллегия, Вотчинный департамент” // РГАДА. Справочно-информационный фонд. (На правах рукописи.)

⁹ Писцовые книги Русского Севера. М., 2001; Писцовые книги Новгородской земли. М., 2004.

¹⁰ Морозов Б.Н. Рец. на кн.: Писцовые книги Русского Севера. М., 2001 // ОИ. 2002. № 6. С. 183–185.

которая позволила бы каждому обнаруженному тексту занять логически обоснованное место.

Из подобной постановки задачи следует и не совсем привычный вид описи, которая состоит из самостоятельных разделов, являющихся по сути мини-справочниками по каждому отдельному уезду. Такой раздел включает в себя небольшое предисловие, в котором содержится информация об уезде, известных в настоящее время землеустроительных работах на его территории и сохранившихся либо известных по упоминаниям писцовых документах, ставших отражением этих работ. В качестве приложений обычно приводятся справочные материалы по административной структуре уезда. Состав приложений не является постоянным и варьируется в зависимости от необходимости.

По состоянию на 1 января 2005 г. в первой описи коллекции числится 2273 физических ед. хр. (переплетов). Фактически же, самостоятельных документов в коллекции в несколько раз больше; точное их количество просто неизвестно. Это объясняется наличием многочисленных сборников, состав которых до сих пор по-настоящему не изучен. Более или менее изучены только первые 1156 книг коллекции – так называемая “подлинная архива”; за прочими книгами закрепился устойчивый штамп “списки”, что и повлекло за собой почти столетнюю консервацию изучения этих документов. Составители приняли решение описывать каждый обнаруженный текст как самостоятельный документ (книгу)¹¹. Разумеется, отсутствие информации о происхождении сборника затрудняет работу возможных исследователей, но нам представляется, что лучше не приводить информацию вообще, чем приводить устаревшую или недостоверную.

В основе используемой систематизации лежит не рукопись, а конкретная землеустроительная работа, проводившаяся на определенной территории – описание, дозор, перепись, межевание, вокруг которой объединялись все сохранившиеся рукописи вне зависимости от времени и обстоятельств их создания. Географически такая группа совпадает с территорией уезда (или его частью), а исторически – с комплексом писцового делопроизводства. Такую группу документов мы предложили считать *территориальным комплексом*¹². Вопросы внутренней систематизации источников, входящих в состав одного комплекса, практически не разработаны, так как в состав ОДИБ входила, как правило, единственная копия лучшей сохранности; при составлении инвентарной описи (Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1–3) такая проблема не поднималась вообще.

Мы исходили из того, что материалы всякого описания представляют собой некую общность, укладываемую в определенную схему. Наиболее значимой частью всякого описания являются так называемые итоговые документы – подлинники дозорных, писцовых, переписных и межевых книг. К ним восходят многочисленные списки XVII–XVIII вв., являющиеся дословным воспроизведением текста подлинника (“списки слово в слово”) и часто имевшие ту же юридическую силу. Особой разновидностью источников являются платежные и перечневые списки, текст которых восходит к подлиннику, хотя и подвергся значительной переработке. Можно сказать, что это

¹¹ Такой же подход был применен составителями описи: Книги московских приказов в фондах ЦГАДА: Опись. М., 1972.

¹² См.: *Зенченко М.Ю.* Описание коллекции ЦГАДА “Писцовые и переписные книги”: (К постановке проблемы) // Тезисы докладов и сообщений V Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг. Новгород, 1992. С. 62–65.

второй уровень писцовой документации. Существует и третий уровень: незаверенные списки, выписи, сокращенные списки и другие документы, формуляр которых в настоящее время просто не изучен¹³. Установление связей между документами является наиболее трудоемкой частью работы. Частично она даже выходит за рамки научного описания, являясь самостоятельным аспектом источниковедческого анализа.

Последовательное применение подобной схемы систематизации позволяет соотнести любой список или атрибутированный фрагмент с основным источником, с которого он скопирован, или с рабочим материалом, для которого он послужил основой. В результате, вокруг каждой землеустроительной работы концентрируются все относящиеся к ней документы. Это, в свою очередь, позволяет оценить информативность комплекса в целом – сохранился ли подлинник, если нет – то имеется ли равноценная замена; наметить возможные пути реконструкции утраченного текста, определить, какой материал можно привлечь для проверки сведений книги и т.д.

Принципиально новым в описании писцовых материалов стало включение в состав описательной статьи расширенной аннотации, в которую вошли следующие рубрики: *Заголовок*, *Начальный протокол*, *Содержание*, *Делопроизводственные отметки*, *Архивные отметки*, *Сохранность*, указания на публикации.

В рубрике *Заголовок* приводится самоназвание книги. При подготовке к изданию второго тома каталога – “Писцовые книги Новгородской земли” – состав аннотации был дополнен *начальным протоколом* или *пreamбулой*. Под *начальным протоколом* мы подразумеваем введение к основному тексту книги, содержащее краткий пересказ полученного писцового наказа и краткий отчет о проделанной работе¹⁴. К сожалению, начальные протоколы сохранились далеко не ко всем книгам. Содержание начальных протоколов воспроизводится полностью; в случае наличия нескольких списков – по тексту лучшей сохранности с обязательным сопоставлением с другими рукописями. Как показали первые отзывы, такая новация оказалась правильной и своевременной, так как исследователи получают возможность уточнять даты и характер проводившихся работ, не обращаясь к тексту оригинала.

Наибольшие споры вызвало введение в состав описательной статьи аннотированного содержания основного текста книги. Описи XIX–XX вв., составленные на писцовые материалы, имеют одну, ярко выраженную особенность – ни один, даже самый подробный заголовок полностью не раскрывает всего содержания книги. Поэтому перед группой разработчиков стояла задача выделить некие универсальные признаки, позволяющие проаннотировать книгу без чрезмерного усложнения заголовка. Расширение информативности описания в нашем каталоге достигается за счет включения в состав описательной статьи элементов дополнительной информации по схеме – описание городов (острог, посад с делением на сотни и пригородные слободы), административно-территориальное деление уезда (станы, волости, губы, погосты и т.п.) и отдельные категории земель (поместные, вотчинные, монастырские и т.п.).

¹³ См.: *Зенченко М.Ю.* “Вторичные” писцовые источники // Рефераты докладов и сообщений VI Всероссийского научно-практического совещания по изучению и изданию писцовых книг и других историко-географических источников. СПб., 1993. С. 40–43.

¹⁴ Состав начальных протоколов варьируется в зависимости от времени создания источника. В XVI в. это всего лишь расширенный заголовок; в конце XVII в. – самостоятельный документ, иногда на двух–трех листах.

Такой подход вызвал ряд принципиальных возражений, которые, в целом, можно свести к двум точкам зрения. Сторонники одной считают, что предложенная схема аннотирования имеет право на существование, но очевидно недостаточна – в состав аннотации следует также выносить именные списки владельцев и названия населенных пунктов. Такая точка зрения характерна для сотрудников региональных научных центров и региональных вузов исторического профиля. Другая точка зрения сформулирована рядом молодых московских ученых (например, А.В. Антоновым). Ее сторонники считают предложенную форму аннотирования избыточной и не имеющей самостоятельной научной значимости.

Проблема раскрытия содержания книг стояла уже перед подьячими Поместного приказа, которые в 70-е годы XVII в. начали составлять подробные перечни статей, содержащихся в книгах. В Архиве прежних вотчинных дел сотрудники составляли “алфавиты” – именные и географические указатели на каждую отдельно взятую книгу. Это было наиболее логичным решением, прямо вытекавшим из необходимости постоянного наведения справок. Тенденция к составлению указателей на отдельные книги сохранилась и в наши дни; более того, никто и не думает отрицать безусловную полезность данной работы. В то же время, при составлении указателей неизбежно возникает вопрос – к каким книгам их составлять? К подлиннику плохой сохранности или списку XVIII в. лучшей сохранности? Таким образом, любая попытка предпринять составление указателей без предварительной текстологии заведомо обречена на провал. Полноценная же текстология невозможна без выявления всего документального комплекса (подлинников, списков, копий, фрагментов и т.п.).

В настоящее время предложенная нами роспись содержимого книги является максимально возможной формой представления информации, которую в состоянии обеспечить архив в рамках проведения переописания фонда. Наличие росписей позволило сопоставлять содержание книг, выявлять лакуны, атрибутировать отрывочные тексты, т.е. выполнять первичный источниковедческий анализ.

Другое дело, что состав аннотаций непрерывно совершенствуется. На очевидную недостаточность аннотаций к межевым книгам обратил внимание сотрудник отдела НСА РГАДА А.В. Маштафаров, предложивший перейти к подокументному описанию этого сложного источника. В третьем томе каталога – “Писцовые книги Восточного Замосковья” – процент расписанных межевых книг будет значительно выше, чем в первых двух. Но методика описания сборников межевых книг до конца не отработана; даже в самой рабочей группе нет единого мнения по этому вопросу. Вероятно, он будет вынесен для более широкого обсуждения.

Важнейшей проблемой, которая пока не нашла решения, стало выявление корпуса писцовых документов. Основной массив книг хранится в фонде 1209 РГАДА – это уже давно стало общим местом архивистики. Добавим – до тех пор, пока не начато выявление всех книг. Чтобы получить примерное представление о разбросе писцовых документов, позволим себе привести сведения по относительно небольшому Каргопольскому уезду. При этом хочется особо подчеркнуть, что это только книги, известные автору (фактически их может оказаться больше). Например:

1555–1556 г. – Платежная с писцовых книг гор. Каргополя с уездом, посада Турчасова и Турчасовского стана письма и меры Я.И. Сабурова и И.А. Кутузова. Список [XVI в.] (РГАДА. Ф. 137. Каргополь. Кн. 1. Л. 2–103).

1555–1556 г. – Сотная на вотчины Соловецкого монастыря в Турчасовском стане. Подлинник. (Опубл.: Шумаков С.А. Сотницы. Вып. III. С. 18–20).

1561/62 г. – Сотная на гор. Каргополь с уездом, посада Турчасова и Турчасовского стана с писцовых книг письма и меры Н.Г. Яхонтова. Список 1607 г. (РГАДА. Ф. 137. Каргополь. Кн. 1. Л. 104–291, 327–428).

1568/69 г. – Сотная на Водлозерскую вол. с писцовых книг межевания А.И. Плещеева и подьячего Ушака Никитина и письма и меры старосты Миккулы Григорьева Тяполкова. Подлинник. (РГАДА. Ф. 137. Каргополь. Кн. 1. Л. 292–297).

1615 – 1616 гг. – Дозорные книги г. Каргополя с уездом, посада Турчасова и Турчасовского стана письма и дозора Семена Ивановича Языкова и подьячего Семена Осокина. Неполный список. (РГАДА. Госархив. Разряд 18. Кн. 29).

1639/40 г. – Переписная книга жилых и пустых дворов торговых людей и пашенных крестьян Турчасовского, Мехренского и Мошенского станов переписи подьячего Н. Москалева. Подлинник. (РГАДА. Ф. 137. Турчасов. Кн. 1. Л. 1–87).

1648 г. – Переписная книга посадских дворов гор. Каргополя, посада Турчасова, деревень и дворов в черных волостях Каргопольского и Турчасовского у. переписи воеводы Василия Ивановича Жукова. Подлинник без начала и конца. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 168. Л. 1–805).

(Вторая половина XVII в.) – Переписная книга крестьян, взятых в солдаты. Подлинник без начала. (РГАДА. Ф. 137. Невель. Кн. 1. Л. 6–27).

1710 г. – Переписная книга гор. Каргополя. (Архив СПб ИИ РАН. Ф. К-115. Кн. 305).

1712 г. – Переписная книга гор. Каргополя. (РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Кн. 1346).

1712 г. – Переписная книга гор. Каргополя. (РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Кн. 1348).

Не ранее 1712 г. – Переписная книга гор. Каргополя. (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 115: Коллекция рукописных книг. Кн. 305. Л. 1–173).

Существующая разбросанность писцовых материалов по разным фондам и архивам вызывает необходимость создания программы по выявлению и учету писцовых документов в разных хранилищах. Разумеется, такая работа не может быть выполнена только сотрудниками РГАДА. Необходимы совместные усилия большой группы ученых (в первую очередь – региональных) с перспективой создания межархивного указателя сохранившихся писцовых материалов.

Проблемой создания любого справочника являются вопросы редактирования и унификации. Сложность заключалась в том, что пришлось унифицировать не заголовки, а фактически все содержание книги¹⁵. В противном случае мы получили бы как недостатки публикации, так и недостатки описания, но без достоинств того и другого. Задача заключалась в том, чтобы сделать текст максимально удобным для использования (единообразие сокращений, одинаковое расположение информации в заголовках, аннотациях, предисловиях и т.п.), с одной стороны, а также удалить избыточную (повторяющуюся) информацию – с другой.

¹⁵ Подробнее см.: *Зенченко М.Ю.* Проблемы подготовки современной справочной описи к коллекции “Писцовые и переписные книги” (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1) // Тезисы докладов и сообщений IX Всероссийской конференции “Писцовые книги и другие историко-географические источники XVI–XX вв.: проблемы изучения монастырей и монастырской культуры”. Тихвин, 5–7 октября 1999 г.

Необходимость унификации иллюстрирует приведенный ниже пример из описания Сольвычегодского уезда (в первом случае мы имеем дело с формулировками подлинника, а во втором – с отредактированным текстом).

До унификации:

Петровское сельцо, деревни черные 225 об. – 241¹⁶

Утманова вол., деревни черные 242–256 об.

ст. Ратмеровский, деревни черные 256 об. – 339 об.

вол. Онтропьева слобода, а в ней деревни и пожитки черные 340 – 390

Лальская вол., а в ней деревни черные 391–470

Учецкая вол., а в ней деревни черные 472–505 об.

Андреевский ст., деревни черные 505 об.–539

вол. Лузская Пермца 542–592

вол. Вилегодская

Никольский и Покровский приход, а в них деревни черные орпичь отписных владыки и Коряжемского м-ря и Строгоновых вотчинных деревень 594–635 об.

Ильинский приход, а в нем деревни черные орпичь отписных владыки и Коряжемского м-ря и Строгоновых вотчинных деревень 636–667.

После:

деревни черные

с-цо Петровское 225 об. – 241

вол. Утманова 242–256 об.

ст. Ратмеровский 256 об. – 339 об.

вол. Онтропьева сл. 340–390

вол. Лальская 391–470

вол. Учецкая 472–505 об.

ст. Андреевский 505 об. – 539

вол. Лузская Пермца 542–592

вол. Вилегодская

Никольский и Покровский приход, кроме отписных деревень архиепископа, Коряжемского м-ря и строгановских вотчин 594–635 об.

Ильинский приход, кроме отписных деревень архиепископа, Коряжемского м-ря и строгановских вотчин 636–667.

По итогам работы мы имеем возможность выделить ряд наиболее сложных вопросов, возникающих при унификации. Во-первых, совпадение звучания названий (омонимия). Если две волости (стана, монастыря и т.п.) носят одинаковые или похожие названия, всегда сохраняется опасность поместить информацию о них в один раздел. Наиболее яркие примеры этого – две Раменские волости в Вологодском у. или Ракульская волость, которых обнаружилось четыре в одном регионе – в Вологодском, Двинском, Кольском и Устюжском уездах. Таким образом, очевидно, что омонимия микротопонимов не позволяет идентифицировать элементы территориальной структуры, ориентируясь только по тексту самого источника. Составители были вынуждены постоянно обращаться к специальной литературе, которой, к сожалению, недостаточно, а по некоторым вопросам ее нет вообще. С другой стороны, сопоставление литературы и источников позволяет дополнить, а в некоторых случаях и скорректировать имеющиеся данные.

¹⁶ В данном примере, как и в самом справочнике, буква л. при обозначении листов опущена.

Во-вторых, это несовпадение звучания одних и тех же названий. Каждому приходилось сталкиваться с тем, что Воздвиженская волость так же может именоваться Здвиженской, Оларевская – Ларевской, Егорьевская – Георгиевской и т.п. Количество разночтений может доходить до 5-6 (например: Сянжема, Семенжа, Сяменжево, Сямжево – волость Тотемского у.). Здесь мы сталкиваемся с опасностью другого рода – превратить одну волость в несколько.

По сути дела, при решении технических проблем унификации и систематизации описаний мы вынуждены были также решать вопросы исторического районирования. Причина этого – в отсутствии в современной науке четкого представления о структуре административно-территориального деления разных уездов и ее изменениях на протяжении XVI–XVII вв. На отсутствие четких границ между понятиями “волость” и “стан” уже обращали внимание исследователи¹⁷, но изучение происходило на уровне границ применения терминов. До сих пор наши знания по историческому районированию базируются на работе Ю.В. Готье¹⁸ – неполной и частично устаревшей, и Я.В. Водарского¹⁹ – отразившей ситуацию только на конец XVII в. По ряду уездов таких работ не имеется вовсе.

Поскольку содержание аннотации строится в соответствии с административной структурой уезда, то недостаточность подобных знаний может привести как к искажению этой структуры, так и к неверной интерпретации самого текста источника. Например, в Оскольском у. по дозору 1615 г. значится 5 станов, а по писцовой книге 1626 г. – только 4. Первое, что приходит в голову описателю – сомнение в сохранности основного текста. На самом же деле к 1626 г. два стана – Ублицкий и Окологородний просто слились в один (Окологородний), что удалось установить только путем сличения списка помещиков²⁰. Материалы “Каталога” позволяют изучать изменения административно-территориального деления на массовых источниках, относящихся к различным регионам, не обращаясь к подлиннику.

На протяжении XVII в. внутренняя структура уездов еще была неустойчива – на месте погоста появлялся приход (могло быть и наоборот), по одним книгам шел станок, а по другим – он превращался в самостоятельную волость и т.п. Каждая писцовая работа на территории даже одного уезда была индивидуальной. Ее особенности определялись как текстом наказа, полученного писцами перед началом работы, так и индивидуальным пониманием этого текста непосредственными исполнителями. Писцы могли следовать территориальной схеме уезда и описывать станы, волости, губы, засеки; могли и проигнорировать территориальное деление и начать работу по описанию категорий земель – вотчины, поместья, чернососшные и т.д.²¹ В результате, каждый

¹⁷ Кобрин В.Б. Становление поместной системы // ИЗ. М., 1980. Т. 105. С. 150–195; Аверьянов К.А. Волости и станы средневековой России // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма: Чтения памяти В.Б. Кобриня: Тезисы докладов и сообщений. Москва, 26–29 января 1992 года. М., 1992. С. 23–26.

¹⁸ Готье Ю.В. Указ. соч.

¹⁹ Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века. М., 1977. См. также: Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в.: Очерки по исторической географии XVII в.: Карты. М., 1974.

²⁰ См.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 342 и 343.

²¹ Интересные соображения об отображении в писцовых книгах маршрутов писцов привел А.А. Фролов (Фролов А.А. Методы работы писцов в Деревской пятине Новгородской земли в конце XV в. и проблемы реконструкции писцовых черновых записей // Тезисы докладов XIV Всероссийской конференции “Писцовые книги и другие историко-географические источники XVI–XX вв.”, посвященные 70-летию Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2004. С. 78–80).

писец описывал уезд так, как считал правильным, основываясь на внутренней структуре уезда – так, как он ее понимал.

Дополнительную проблему представляют мелкие податные округа и селения (или группы селений), которые не имеют определенного административного статуса, но тем не менее выделялись при описании, и, надо полагать, воспринимались окружающими как самостоятельные единицы.

Весьма характерный пример – описание Кеврольского стана, где описывались не волости или погосты, а группы деревень –

по р. Пукшенге
на Шатогорах
на Немьюшке
на Ваймуше
на Айнове горе
на Кевроле.²²

Слабо изучены реликтовые элементы административно-территориального деления уезда. Под ними мы понимаем различные сошки, полусошки, трети, четверти, шестины, концы, жиры, кромины, а то и просто “верх” или “низ”. В некоторых случаях наличие таких реликтовых элементов позволяет исследовать административно-территориальное деление в период, предшествующий составлению писцовых книг. Так, например, уже сейчас с достаточной степенью уверенности можно предполагать, что изначально Вологодский уезд делился только на трети; более сложное деление возникает только к концу XVI – началу XVII в. С учетом неполноты наших знаний по историческому районированию России XV–XVI вв. подобная возможность заслуживает самого пристального внимания.

Кроме того, в составе книг коллекции были обнаружены и новые типы источников, которые не входят в классическую схему: писцовая – дозорная – переписная, с неизученными ранее формулярами и обстоятельствами создания. Так, например, при описании книг Рязанского у. были обнаружены обширные перечни с заголовками: “Выписаны крестьянские и бобыльские дворы”. В перечнях данного типа фиксировались только дворохозяева без другой поясняющей информации; источниками их составления служили книги “валового письма” 1620-х годов. Подобная лаконичность не характерна для традиционных перечневых росписей. Из писцового наказа, найденного в одной из недавно описанных книг, удалось установить, что составление подобных перечней предписывалось процедурой переписи 1646/47 г. Аналогичные перечни выявлены в процессе описания писцовых книг Костромского у., что позволяет предполагать наличие общей процедуры для всех переписчиков середины XVII в. После введения в научный оборот наказов переписчикам 1676–1678 гг. появилась возможность проследить изменения в процедуре второй переписи. Один из таких наказов был выявлен в ходе описания книг Суздальского у. Он предписывал подачу землевладельцами росписей земель и крестьян – сказок – по определенному формуляру. Обнаружение в составе книг коллекции сборника подлинных сказок доказывает реализацию этих норм на практике.

В качестве еще одного примера можно привести так называемые “Книги убыли посадского населения” – переписные книги 1690-х годов, сочетавшие в формуляре сравнение результатов переписей 1678 и валового письма

²² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 185. Л. 1–35 об.

1682–1686 гг., сыск беглых посадских людей и крестьян с переписью имевшихся. По сути дела, находка этих источников опровергает сложившееся в литературе мнение о прекращении писцовых работ после указа 1686 г. Можно предположить, что эти книги были переходной формой к ландратским переписям XVIII в.

Существенным вкладом в историю проведения писцовых работ являются исследования сохранившегося комплекса описаний дворцовых земель (в основном, по материалам Новгородского у.). Специфичность этого источника определяется обстоятельствами его создания. Это сведенная из разных книг перечневая роспись крестьянам – “зарубежным выходцам”, поселившимся в дворцовых селах. Эти книги по формуляру сближаются с традиционной перечневой росписью, но адаптированы под делопроизводственные нормы XVIII в. Они характеризуются полным разрывом со структурой писцовых и переписных книг, при сохранении элементов традиционных формуляров. Кроме того, в реестровую запись вносилась информация из недошедших до нас источников – в первую очередь, это, видимо, “порядные памяти”, выдававшиеся самим крестьянам при поселении на дворцовых землях: по наказу из какого приказа проводилась дача, откуда “вышел” крестьянин, условия порядка, льгота²³. Фактически, мы имеем еще один тип памятника.

Материалы “Каталога” позволяют скорректировать наши знания не только по дипломатике XVI–XVII вв., но и по истории архивного дела в России – о деятельности подьячих Поместного приказа и канцеляристов Вотчинной коллегии, проблемы комплектации архивов Вотчинной коллегии и МАМЮ. В ходе работ по описанию стало очевидным, что даже наши представления о формировании “подлинной архивы” нуждаются в корректировке. Принято считать, что состав “подлинной архивы” окончательно сложился в 1670-е годы. Но в процессе описания в ней обнаружен ряд книг, созданных в середине XVIII в., происхождение которых требует специального изучения²⁴. В то же время, ряд книг, безусловно относящихся к “подлинной архиве”, находился в самых разнообразных местах. В качестве примера можно привести судьбу книги 227 (список 1670-х годов). По материалам делопроизводственных помет можно утверждать, что еще в 1747 г. она находилась в Тотемской воеводской канцелярии, а в МАМЮ попала, видимо, не раньше 1864 г.

Как следует из вышеизложенного, “Каталог”, который задумывался как обычный архивный справочник, позволил поставить целый ряд новых вопросов, на которые историческая наука пока не имеет ответов. Казалось бы, историография изучения писцовых документов достаточно основательна и жаловаться на нее не приходится. Но в ходе работы над подготовкой “Каталога писцовых книг” выяснилось, что наличие огромного количества печатных работ вовсе не гарантирует ответов на все встающие вопросы. И дело не в том, что работ мало или они некачественны по содержанию, – просто одновременная обработка такого количества писцовых документов поставила вопросы, которые ранее не возникали. В историографии в основном изучались *данные* писцовых книг. Это обстоятельство создало некую видимость полноценного изучения всего круга источников, хотя на самом деле полученные результаты имеют отношение только к истории регионов. Со времени издания пособия А.Ц. Мерзона²⁵ теоретическое изучение писцовых книг как самосто-

²³ Подробнее см.: *Зенченко М.Ю.* Описания дворцовых земель // Писцовые книги Новгородской земли. М., 2004. С. 485–497.

²⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 705, 706, 735, 739, 743, 747, 748 и др.

²⁵ *Мерзон А.Ц.* Писцовые и переписные книги XV–XVII веков. М., 1956.

ятельного источника пошло на убыль, а в последние годы и вовсе прекратилось. В настоящее время можно констатировать значительный отрыв практики использования писцовых книг от теории изучения писцовых работ. До определенного этапа потребности практики были полностью удовлетворены уровнем существовавших теоретических работ. Для современного этапа развития исторической науки характерен повышенный интерес к изучению динамических процессов. Такой подход подразумевает определенную корректировку методов использования источников вообще и писцовых документов в частности.

Таким образом, “Каталог писцовых книг Русского государства” кроме своей основной функции – количественного накопления и систематизации информации – является попыткой создания промежуточной методики, одинаково пригодной как для вертикального охвата документов по региону в целом, так и в качестве источниковой базы для решения теоретических проблем.

А.Н. Бачинин

ЕЩЕ О РАННЕМ БЫТОВАНИИ ТЕРМИНА “ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ” В РОССИИ

В интересной заметке о раннем бытовании термина “источниковедение” в России А.В. Топычканов отметил первое его употребление в качестве кальки с немецкого “Quellenkunde” профессором Дерптского университета А.Г. Брикнером в статьях 1876 г., посвященных вопросам университетского исторического образования. Смысловое содержание этого термина у Брикнера означало “обзор главных групп материалов для разработки истории”¹, т.е. соответствовало принятому в немецкоязычной литературе обозначению информации об исторических источниках справочного или дидактического характера.

Между тем термин “источниковедение” в русскоязычной научной литературе фиксируется лет за 30 до А.Г. Брикнера, причем в принципиально ином смысле. В 1841 г. еще безвестный А.А. Куник в очерке о современных исторических трудах в Германии показал, как немецкие историки “усердно трудятся над отысканием, изданием, обработкою источников и возвышением всех, относящихся до них замечаний в степень истинной науки *источниковедения* (Quellenkunde)”². Не подлежит сомнению, что он имел в виду процесс систематизации знания об исторических источниках в самых разнообразных его проявлениях. Об этом свидетельствует им же выдвинутая идея создания “Энциклопедии науки истории” с изложением “всей области исторического знания со всеми его правилами, формою и необходимостью его исследования, и художественным его изложением и, наконец, с способом постигать это знание” – “методологии исторического учения и искусства”³. Основным препятствием упомянутому “возвышению” А.А. Куник находил все еще продолжающееся смешение “ученого приготовления к истории с самою историею”, когда “историческое исследование и историческое искусство” принимаются одно за другое⁴.

Хотя в дальнейшем у А.А. Куника не выявлено употребление термина “источниковедение”, последний существовал в его трудах имплицитно, сообщая им источниковедческий дискурс.

Когда говорится о бытовании представлений об источниковедении как об обзоре источников, необходимо уточнить, о каком собственно виде обзора должна идти речь. Можно полагать, что А.А. Куник имел в виду обзор в первую очередь аналитического характера. В русской исторической литературе, отмечал А.А. Куник, нет “указателя для обзора всех существующих источни-

---

¹ Топычканов А.В. К истории раннего бытования слова “источниковедение” в России // АЕ за 2003 год. М., 2004. С. 149.

² Куник А.А. Литература истории в Германии за последние два года // Москвитянин. 1841. № 4. С. 410. Далее при упоминании об издательской деятельности Пертца и Деннигеса находим выражение “наука об источниках” (Там же. С. 434.) Статья напечатана в переводе с немецкого языка.

³ Там же. С. 407.

⁴ Там же. С. 406–407.

ков, как отечественных, так и иноземных, из которого всякий начинающий или опытный уже историк почерпал бы необходимые известия о происхождении каждого источника и равно о его годе, о жизни и образе мыслей его автора и проч.” Сознывая настоятельную потребность в таком обзоре, А.А. Куник приступил к его составлению “мало помалу” в форме “исторических отрывков (*Analectes historiques*), или выборе материалов для познания источников русской истории”⁵.

В структуру источниковедения А.А. Куник включал также и историческую критику на правах отдельной самостоятельной науки. Под последней он разумел “критические изыскания об источниках”, “обстоятельные монографии о важнейших источниках по отдельке”. Примером первого такого исследования, вызванного “диким скептицизмом”, А.А. Куник назвал “Нестора” М.П. Погодина. По мнению А.А. Куника, только аналитическая работа с отдельно взятыми источниками обуславливает научный статус истории; такая работа является “самою настоятельною потребностью, потому что без этого русская история никогда не достигнет истинного значения науки”⁶.

---

⁵ Куник А.А. Отчет по Первому и Третьему отделениям Имп. Академии наук... // ЖМНП. 1850. № 4. Отд. 3. С. 24.

⁶ Куник А.А. Разбор рукописи соч. г. Ундольского под заглавием “Исследования о церковнославянских хронографах. Т. 1: О Временнике Георгия Амартола в отношении к Несторовой летописи” // 25-е присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. СПб., 1856. С. 75.

В.Г. Бухерт

ПАВЛОВСКИЕ КУРСЫ (1899–1907 гг.)

В 1899 г. в городе Павловске, во дворце великого князя Константина Константиновича начали работать первые в России общеобразовательные курсы для преподавателей народных школ¹, созданные по инициативе В.А. Латышева². Активно занимавшийся вопросом переподготовки учителей Н.Ф. Бунаков³, считавший задачей своей общественной деятельности “расширение на педагогических курсах общеобразовательного элемента за счет учительской техники”, которой педагоги овладели “в достаточной мере”, полагал, что выполнить эту задачу “во всяком другом городе по многим причинам было труднее, нежели в Павловске”⁴. Главная причина – интерес великого князя Константина Константиновича к деятельности в области народного образования.

11 марта 1894 г. состоялась примечательная беседа между ним и министром народного просвещения И.Д. Деляновым, о которой сообщается в дневнике Константина Константиновича: “Министр народного просвещения написал мне, что ему надо со мной переговорить и просил назначить ему день и час для приема. Я сам поехал к нему третьего дня⁵ в 12^м часу утра. Граф Делянов запер двери, мы уселись, и он начал мне говорить, что стареет, слабеет и подумывает о том, кто бы мог его заменить, и никто не представляется ему подходящее меня. Я бы мог начать с ознакомления с делами министерства или быть назначенным товарищем министра, а со временем стать и министром. Он говорил все это в самых лестных для меня выражениях. Я не был слишком удивлен и озадачен таким предложением: в обществе давно уже называют меня будущим министром просвещения. Но эта деятельность меня не привлекает, я был бы более склонен занять должность обер-прокурора Св. Синода, да и то не сейчас, а лет через пять, если уже не буду командовать полком. Все это я высказал графу, не отказал ему окончательно и просил дать мне недельный срок, чтобы подумать”⁶. Посоветовавшись с близкими ему людьми, великий князь уже на следующий день отправил министру свой “решительный отказ”⁷.

20 марта 1895 г. император Николай II поручил Константину Константиновичу возглавить С.-Петербургский комитет грамотности. “Я глубоко обра-

¹ К[овшов И.Д.]. В.А. Латышев (Некролог) // ЖМНП. 1912. № 3. С. 96; Василий Алексеевич Латышев. [СПб.], 1912. С. 14.

² Латышев Василий Алексеевич (1850–1912) – математик, профессор Петербургского учительского института имп. Александра II (с 1904 г.), директор народных училищ С.-Петербургской губернии (1892–1902), помощник попечителя С.-Петербургского учебного округа (1902–1909), директор Петербургской окружной гимназии (с 1905 г.), редактор-издатель журнала “Русский начальный учитель” (с 1880 г.).

³ Бунаков Николай Федорович (1837–1904) – педагог.

⁴ Бунаков Н.Ф. Как я стал и как перестал быть “учителем учителей”. СПб., 1905. С. 134.

⁵ Дневниковая запись сделана 13 марта.

⁶ ГАРФ. Ф. 660 (Константин Константинович). Оп. I. Д. 41. Л. 36.

⁷ Там же. Л. 39.

дован этим назначением; вот дело, коему я готов отдаться всей душой”⁸, – писал великий князь. Константин Константинович выдвинул проект преобразования комитетов грамотности в “Российское общество ревнителей просвещения народа” и получил вначале “одобрение и сочувствие”⁹ императора. Но затем этот проект усилиями обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева был фактически отвергнут. “Это великое для меня разочарование, – писал Константин Константинович, – точно мне перед носом захлопнули дверь”¹⁰. Тем большие основания были у него поддержать инициативу В.А. Латышева, убедившегося в необходимости “пополнять знания учащихся в сельских школах”¹¹ и обратившегося в 1897 г. к нему за покровительством и материальной поддержкой. Великий князь согласился помочь, выдвинув условие: проектируемые Латышевым курсы должны состояться в Павловском дворце.

В декабре 1897 г. Н.Ф. Бунаков получил предложение выступить на Павловских курсах, намеченных на сентябрь 1898 г.¹², однако в июле 1898 г. Латышев известил его, что курсы не состоятся, ибо “вышли какие-то нелады” с министром народного просвещения Н.П. Боголеповым, который “несочувственно отнесся” к идее устроить курсы “общеобразовательного характера”. Латышев тем не менее выражал надежду, что с помощью великого князя “дело уладится”¹³. Открытие курсов состоялось через год, 16 августа 1899 г. в присутствии Константина Константиновича, управляющего Министерством народного просвещения Н.А. Зверева, председателя Ученого комитета А.И. Георгиевского и попечителя Петербургского учебного округа Н.Я. Сонина¹⁴. В этот день великий князь записал в дневнике: “О таком съезде преподающих, под моим покровительством, шла речь еще в прошлом году, но Ученый комитет при М[инистерст]ве просвещения в своем узком тупоумии тогда встретил какие-то препятствия, которые почему-то теперь не помешали разрешению курсов, хотя ничто в программе занятий не изменилось”¹⁵. В дальнейшем критика в адрес курсов со стороны Ученого комитета сводилась главным образом к тому, что высокий уровень преподавания не во всем соответствовал уровню аудитории, усваивавшей содержание лекций не в полной мере. Этот тезис, впрочем, решительно опровергался В.А. Латышевым¹⁶.

К чтению лекций в 1899 г. были привлечены: по русскому языку – Н.М. Каринский¹⁷, истории искусств – М.А. Полиевктов¹⁸, педагогике – Н.Ф. Бунаков. Цикл лекций С.В. Рождественского¹⁹ был посвящен русской истории с древнейших времен до конца XVII в. Преподавание Закона Божье-

⁸ Там же. Д. 42. Л. 42 об.–43.

⁹ Там же. Л. 59 об.

¹⁰ Там же. Л. 63.

¹¹ *Латышев В.А.* О возникновении и организации общеобразовательных курсов во дворце великого князя Константина Константиновича в гор. Павловске // *Русский начальный учитель.* 1902. № 4. С. 117.

¹² *Бунаков Н.Ф.* Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. СПб., 1909. С. 276.

¹³ *Бунаков Н.Ф.* Моя жизнь... С. 283–284.

¹⁴ *Курсы для учащихся в г. Павловске // Русский начальный учитель.* 1899. № 8/9. С. 369–371.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 46. Л. 97 об.

¹⁶ *Латышев В.А.* О Павловских курсах в 1905 г. // *Русский начальный учитель.* 1905. № 10. С. 409–410.

¹⁷ Каринский Николай Михайлович (1873–1935) – языковед, славист, профессор Петербургского университета (с 1903 г.), член-корреспондент АН (с 1921 г.).

¹⁸ Полиевктов Михаил Александрович (1872–1942) – историк, приват-доцент Петербургского университета (1903–1915), профессор женского Педагогического института (1905–1918), Тбилисского университета (с 1920 г.).

¹⁹ Рождественский Сергей Васильевич (1868–1934) – историк, приват-доцент (1897–1913), профессор (с 1913 г.) Петербургского университета, член-корреспондент АН (с 1920 г.).

го вел популярный проповедник Г.С. Петров²⁰. 14 сентября курсы завершили свою работу²¹. Павловские курсы 1899 г., по признанию Бунакова, значительно способствовали росту его авторитета. Он покинул Павловск, получив признание как “друг учительства”²² и очень этим гордился. Однако впоследствии Бунаков был сочтен политически неблагонадежным, арестован и 6 ноября 1902 г. сослан сроком на три года в г. Острогожск Воронежской губернии²³.

Дебют С.Ф. Платонова на курсах состоялся в 1900 г., когда им были прочтены 8 лекций о Московском княжестве в XV и начале XVI в. и Смутном времени²⁴. Их дополнением стал цикл лекций, прочитанных И.А. Шляпкиным²⁵: “Быт Московской Руси XVI века”²⁶. На открытии Павловских курсов 1901 г. (8 августа) выступил великий князь Константин Константинович, записавший в дневнике: “После меня говорил, и очень хорошо, новый товарищ министра нар[одного] просвещения Мещанинов. Времена меняются: четыре года назад то же министерство считало курсы вредною и опасною затеей, а теперь усердно им покровительствует”²⁷. 11 августа Константин Константинович присутствовал на выступлении Г.С. Петрова: «Днем слушали беседу о[тца] Григория Петрова. Он необыкновенный человек по уму, образованию и глубокой вере, один из выдающихся в России в наши дни. Много у него завистников и ненавистников, многие рады были бы свернуть ему шею. Пятое издание его замечательной книги “Евангелие, как основа жизни” духовная цензура запретила (!!). Говорил он о различии идеалов гуманистов и евангельского учения, сопоставляя значение понятий “свободы, равенства и братства” у первых с их смыслом в последнем. Говорил о необходимости евангельского духа в школе, заключив свою беседу обращением к сельским учителям и учительницам: “Будьте подобны городу, стоящему наверху горы”»²⁸.

Лекции, прочитанные Платоновым в 1901 г., были посвящены времени Петра I²⁹. 22 августа Константин Константинович записал в дневнике: “Прослушал прекрасную лекцию профессора Платонова о Петре Великом. Он придает ему необыкновенное освещение: в его изображении Петр представляется гораздо жизненнее, проще, естественней и даже, можно сказать, хуже в своих слабостях и недостатках, от чего его величие выступает еще выпуклее и сильнее”³⁰.

На курсах 1901 г. с лекциями о средневековом рыцарском быте выступал товарищ Платонова по Петербургскому университету К.А. Иванов³¹. В дневнике Константина Константиновича сохранилась запись о посещении им курсов и в следующем году (3 сентября 1902 г.): “Ходил слушать лекции Спицы-

²⁰ Петров Григорий Спиридонович (1868–1925) – священник, публицист, преподаватель Михайловского артиллерийского училища (1893–1903), член Государственной Думы (с 1907 г.).

²¹ Закрытие Общеобразовательных курсов для учащихся в г. Павловске // Русский начальный учитель. 1899. № 10. С. 412–413.

²² Бунаков Н.Ф. Моя жизнь... С. 312.

²³ Там же. С. 360–361.

²⁴ Русский начальный учитель. 1900. № 8/9. С. 1–4.

²⁵ Шляпкин Илья Александрович (1858–1918) – историк литературы, профессор Петербургского университета (с 1900 г.), член-корреспондент АН (с 1907 г.).

²⁶ Русский начальный учитель. 1900. № 8/9. С. 13–14.

²⁷ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 48. Л. 114.

²⁸ Там же. Л. 115 об.

²⁹ Русский начальный учитель. 1901. № 8/9. С. 1–4.

³⁰ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 48. Л. 120.

³¹ Иванов Константин Алексеевич (1858–1919) – историк, педагог, директор Нарвской (1904–1906), Имп. Человеколюбивого общества (1906–1907), Петербургской 12-й (1907–1913), Николаевской Царскосельской (1913–1919) гимназий.

на³² по археологии, проф[ессора] Павлова³³ по физиологии, а вечером слушали двухчасовую беседу о[тца] Григория Петрова. Отец Григорий имеет редкую способность разгонять мрак души, будить дремлющие чувства добра, побуждать стремиться вперед, к добру, к свету, придавать бодрости и заставлять верить в свои силы”³⁴. Лекции Платонова в этом году были посвящены времени Екатерины II³⁵. 8 сентября 1902 г. курсы были закрыты, об этом содержится упоминание в дневнике Константина Константиновича: “Приехал по этому случаю товарищ министра и временно управляющий М[инистерст]вом нар[одного] просвещения С.М. Лукьянов, съехались профессора, преподававшие на курсах, и о[тец] Григорий Петров. После молебна он произнес прекрасное напутственное слово. Один из учителей, а за ним одна из учительниц от имени всех их выразила благодарность о[тцу] Григорию, профессорам, руководителю В.А. Латышеву и мне; я сказал несколько слов на прощанье, говорил также, и очень тепло, Лукьянов”³⁶.

Тема лекций Платонова, прочитанных в следующем, 1903 г., имела название: “Удельный порядок и образование государства в Северо-Восточной России (XII–XV вв.)”³⁷. Курсы 1903 г. совпали с важным событием в жизни Платонова: ему предстояло вступить в новую должность. Константин Константинович записал 12 сентября 1903 г.: “Начались лекции в моем вновь открытом женск[ом] Педагогич[еском] институте, и я был на первой, у директора, Серг[ея] Фед[оровича] Платонова, о значении истории”³⁸. 7 января 1904 г. он же писал: “Мой новый директор – С.Ф. Платонов все еще воюет с моими милыми дамами, кот[орые] не хотят понять, что с обращением Курсов в Институт хозяйство должно вестись по-новому, более тщательно и под контролем директора. По совету Павла Егоровича³⁹, я накануне нового года написал Платонову письмо (сочиненное Палиголиком⁴⁰ же), что надо составить инструкцию конференциям педагогической и хозяйственного комитета. Дамы этим огорчились и даже, кажется, плакали”⁴¹. Лекции читались в утренние часы, а дневное и вечернее время было отведено обсуждению услышанного. Все лекции на этих и последующих курсах читались бесплатно. Внимание, проявленное к курсам великим князем Константином Константиновичем, проявлялось также и в том, что он и его гости, проживавшие в Павловске, “очень нередко запросто посещали чтения”⁴², впечатления от которых сохранил дневник великого князя.

Хотя курсы предназначались для преподавателей школ С.-Петербургского учебного округа, объединявшего семь губерний (Архангельскую, Вологодскую, Выборгскую, Новгородскую, Олонецкую, Псковскую, С.-Петер-

³² Спицын Александр Андреевич (1858–1931) – археолог, приват-доцент Петербургского университета (1909–1918), профессор Ленинградского государственного университета (1918–1928), член-корреспондент АН (с 1927 г.).

³³ Павлов Иван Петрович (1849–1936) – физиолог, профессор Военно-медицинской академии (1896–1924), академик АН (с 1907 г.), лауреат Нобелевской премии (1904 г.).

³⁴ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 50. Л. 95.

³⁵ См.: Русский начальный учитель. 1902. № 10. С. 305–306.

³⁶ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 50. Л. 103 об.

³⁷ См.: Русский начальный учитель. 1903. № 10. С. 415–416.

³⁸ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 51. Л. 137 об.

³⁹ Кеппен Павел Егорович (1846–1911) – генерал от артиллерии, адъютант великого князя Константина Николаевича (1879–1892), управляющий двором великой княгини Александры Иосифовны (с 1892 г.).

⁴⁰ Прозвище Кеппена в семье великого князя Константина Николаевича.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 52. Л. 66–66 об.

⁴² Латышев В.А. О возникновении и организации... С. 119.

бургскую), по особым ходатайствам могли допускаться желающие приехать и из других губерний. Постепенно увеличивалась аудитория курсов (со 180 человек в 1899 г. до 278 в 1903 г.⁴³), расширялась их программа, охватывая новые области гуманитарных и естественно-научных знаний. К чтению лекций привлекались известные ученые С.-Петербурга, а также Москвы. Лекции по философии читал Э.Л. Радлов⁴⁴, истории литературы – Н.К. Кульман⁴⁵ С.А. Адрианов⁴⁶, художественному чтению – Ю.Э. Озаровский⁴⁷, истории русского искусства – Н.В. Покровский⁴⁸, археологии – А.А. Спицын, правоведению – И.Я. Гурлянд⁴⁹, психологии и истории педагогики – А.П. Нечаев⁵⁰, медицине – П.Г. Мезерницкий⁵¹, географии – Д.А. Коропчевский⁵², зоологии – А.П. Павлов⁵³, ботанике – К.А. Тимирязев⁵⁴ и В.А. Палладин⁵⁵, геологии – В.М. Шимкевич⁵⁶, природоведению – И.И. Полянский⁵⁷, физике – В.В. Скобельцын⁵⁸ и А.С. Попов⁵⁹, химии – А.А. Яковкин⁶⁰ и С.Е. Савич⁶¹, астроно-

- ⁴³ Общеобразовательные курсы для учащихся в г. Павловске в 1903 г. // Русский начальный учитель. 1903. № 10. С. 412–413. Первоначально предполагалось, что количество учителей и учительниц на курсах не превысит 250 человек (См.: Обращение директора народных училищ к г. г. учащим в виду открытия курсов в г. Павловске // Русский начальный учитель. 1899. № 6/7. С. 257–260).
- ⁴⁴ Радлов Эрнст Леопольдович (1854–1928) – философ, профессор Петербургского университета (1907–1923), директор Российской публичной библиотеки (1918–1924), член-корреспондент АН (с 1920 г.).
- ⁴⁵ Кульман Николай Карлович (1871–1940) – филолог, профессор женского Педагогического института (1912–1916).
- ⁴⁶ Адрианов Сергей Александрович (1871–1942) – историк русской литературы, профессор женского Педагогического института (1905–1918), приват-доцент Петербургского университета (1905–1915), профессор Ленинградского государственного педагогического института (1922–1941).
- ⁴⁷ Озаровский Юрий (Георгий) Эрастович (1865–1924) – артист и режиссер Александринского театра (1892–1915).
- ⁴⁸ Покровский Николай Васильевич (1848–1917) – историк, профессор (в 1892–1896 гг. инспектор) Петербургской духовной академии (с 1878 г.), директор Археологического института в С.-Петербурге (с 1898 г.).
- ⁴⁹ Гурлянд Илья Яковлевич (1868–?) – юрист, историк, приват-доцент (1894–1901), профессор (1901–1904) Демидовского юридического лицея.
- ⁵⁰ Нечаев Александр Петрович (1870–1948) – психолог, приват-доцент Петербургского университета (1897–1902 и с 1906 г.).
- ⁵¹ Мезерницкий Полиен Григорьевич (1878–1943) – физиотерапевт, профессор Военно-медицинской академии (с 1913 г.), директор Института физиотерапии и ортопедии Наркомздрава РСФСР (с 1927 г.).
- ⁵² Коропчевский Дмитрий Андреевич (1842–1903) – писатель, антрополог, приват-доцент Петербургского университета (с 1900 г.), председатель Антропологического общества при Петербургском университете (с 1899 г.).
- ⁵³ Павлов Алексей Петрович (1854–1929) – геолог, профессор Московского университета (с 1886 г.), академик АН (с 1916 г.).
- ⁵⁴ Тимирязев Климент Аркадьевич (1843–1920) – физиолог, профессор Московского университета (1878–1911), член-корреспондент АН (с 1890 г.).
- ⁵⁵ Палладин Владимир Иванович (1859–1922) – ботаник и биохимик, профессор Харьковского (1889–1697), Варшавского (1897–1901) и Петербургского (1901–1914) университетов, директор Никитского ботанического сада (с 1920 г.), академик АН (с 1914 г.).
- ⁵⁶ Шимкевич Владимир Михайлович (1858–1923) – зоолог, профессор (с 1889 г.), ректор (1921–1922) Петербургского университета, академик АН (с 1920 г.).
- ⁵⁷ Полянский Иван Иванович (1872–1930) – педагог-натуралист, преподаватель Высших женских естественно-научных курсов М.А. Лохвицкой-Скалон (1904–1918), профессор Ленинградского государственного педагогического института им. А.Н. Герцена (1925–1929).
- ⁵⁸ Скобельцын Владимир Владимирович (1863–1947) – физик, профессор Петербургского политехнического института.
- ⁵⁹ Попов Александр Степанович (1859–1905/06) – физик и электротехник, профессор (с 1901 г.), директор (с 1905 г.) Петербургского электротехнического института.
- ⁶⁰ Яковкин Александр Александрович (1860–1936) – химик, профессор Петербургского технологического института (с 1896 г.), член-корреспондент АН (с 1925 г.).
- ⁶¹ Савич Сергей Евгеньевич (1864–?) – математик, приват-доцент Петербургского университета (1892–1894).

мии – А.А. Иванов⁶² и С.И. Глазенап⁶³, механике – Б.Л. Розинг⁶⁴. Постоянным участником курсов стал И.П. Павлов, читавший лекции по физиологии, в связи с чем уместно вспомнить хотя бы о мнении, которое сложилось о великом князе Константине Константиновиче, что он “был первым, кто признал гений биолога Павлова”⁶⁵.

По частоте участия в курсах можно определить, кто из преподавателей оказал им наибольшую поддержку. С.Ф. Платонов принял участие в семи курсах, Г.С. Петров – в шести, Н.М. Каринский, Н.К. Кульман, И.П. Павлов, В.И. Палладин – в пяти⁶⁶. Тексты лекций некоторых из выступавших на курсах публиковались в журнале “Русский начальный учитель”. Были опубликованы лекции Н.Ф. Бунакова⁶⁷, Н.К. Кульмана⁶⁸, А.П. Нечаева⁶⁹, Ю.Э. Озаровского⁷⁰, М.И. Полиевктова⁷¹, Б.Л. Розинга⁷², А.А. Яковкина⁷³.

В 1904 г., в связи с началом русско-японской войны и по указанию великого князя Константина Константиновича курсы не устраивались⁷⁴. Между прочим из объяснения, которое давал В.А. Латышев этому обстоятельству, видно, как инициатор курсов оценивал отношение властей в целом к его начинанию. Курсы не устраивались, писал Латышев, “так как неудачный и несчастный для нас ход событий вызвал предположение о возможности волнений и обвинений учащихся, которые собирались бы на курсы, в возбуждении таких волнений”; в 1905 г., когда волнения уже произошли, “обвинить учащихся в почине” уже было нельзя⁷⁵. Схожим образом, но все же сколько по иному,

⁶² Иванов Александр Александрович (1867–1939) – астроном, профессор Петербургского университета (1908–1929), директор Пулковской обсерватории (1919–1930), член-корреспондент АН (с 1925 г.).

⁶³ Глазенап Сергей Павлович (1848–1937), – астроном, профессор Петербургского университета (1885–1924), почетный член АН (с 1929 г.).

⁶⁴ Розинг Борис Львович (1869–1933) – физик, преподаватель Петербургского технологического института (1894–1918, 1924–1931).

⁶⁵ Александр Михайлович, великий князь. Воспоминания. М., 1999. С. 137.

⁶⁶ Кроме того, на курсах читались лекции по педагогике Н.С. Карцовым (в 1900 г.), теории пения – Ф.М. Голубевым (в 1902 г.), санитарии – врачами А.В. Поповым (в 1899 г.), Н.А. Золотавиным (в 1900 г.), В.Н. Долгановым (в 1901 г.) и А.А. Двукраевым (в 1902 г.).

⁶⁷ Чтения Н.Ф. Бунакова на курсах в г. Павловске // Русский учитель. 1900. № 1. С. 6–10; № 3. С. 83–90; № 5. С. 179–187; № 8/9. С. 314–330; № 11. С. 441–446; № 12. С. 479–481.

⁶⁸ Кульман Н.К. Развитие истории литературы как науки, ее содержание, методы и задачи // Русский начальный учитель. 1901. № 1. С. 11–26; *Он же*. Судьбы русской народной поэзии и изучение ее // Там же. 1901. № 2. С. 65–73; № 6/7. С. 219–236; *Он же*. Чтения на курсах в г. Павловске // Там же. 1902. № 11. С. 343–354; 1903. № 2. С. 39–55; № 10. С. 381–392; *Он же*. Николай Васильевич Гоголь // Там же. 1908. № 2. С. 32–58; № 4. С. 107–123; № 7/9. С. 231–270; 1909. № 6/7. С. 226–237; 1911. № 3. С. 109–132; № 12. С. 526–546.

⁶⁹ Нечаев А.П. Из лекций по педагогической психологии // Русский начальный учитель. 1902. № 1. С. 20–26; № 2. С. 50–57; № 4. С. 126–134; № 6/7. С. 183–187; № 8/9. С. 273–283.

⁷⁰ Озаровский Ю.Э. Лекции по предмету художественного чтения на Павловских курсах // Русский начальный учитель. 1904. № 4. С. 149–159; № 6/7. С. 243–255; № 10. С. 342–354; 1905. № 2. С. 44–50; № 3. С. 87–99; № 5. С. 183–192; № 8/9. С. 331–344; № 11. С. 448–463.

⁷¹ См.: Полиевктов М.А. Древнерусская архитектура и новая русская живопись // Русский начальный учитель. 1900. № 4. С. 147–161; № 6/7. С. 221–239; *Он же*. Итальянское искусство в эпоху Возрождения // Там же. 1900. № 12; С. 481–507; *Он же*. Рафаэль и Микеланжело // Там же. 1901. № 8/9. С. 306–327; № 10. С. 359–375; *Он же*. Характеристика древнехристианского искусства // Там же. 1901. № 11. С. 403–413; № 12. С. 449–454; *Он же*. Архитектура и скульптура у древних греков // Там же. 1902. № 3. С. 100–106; № 5. С. 147–158.

⁷² Розинг Б.Л. Важнейшие моменты в истории науки о движении // Русский начальный учитель. 1906. № 6/7. С. 209–224; № 8/9. С. 298–317.

⁷³ Яковкин А.А. Беседы по химии // Русский начальный учитель. 1903. № 1. С. 1–16; № 2. С. 17–32; № 3. С. 33–48; № 5. С. 49–64; № 8/9, 11, 12.

⁷⁴ См.: От редакции // Русский начальный учитель. 1904. № 6/7 С. 271.

⁷⁵ Латышев В.А. О Павловских курсах в 1905 г. // Русский начальный учитель. 1905. № 10. С. 409.

объяснял ситуацию великий князь: “В прошлом году курсы не состоялись, а в нынешнем мы долго колебались открывать ли их, из опасения чтобы неблагонамеренные люди не попытались внести смуты в среду слушателей курсов и от дела просвещения не привлекли их к политике. И вот, мы все же решились открыть курсы в надежде, что они пройдут мирно и благополучно”⁷⁶.

Курсы открылись 17 августа 1905 г. беседой Г.С. Петрова “О значении религии в деле просвещения”, на которой присутствовали министр народного просвещения В.Г. Глазов, С.М. Лукьянов, попечитель Петербургского учебного округа П.П. Извольский, С.Ф. Платонов и др.⁷⁷ Лекции 1905 г. Платонов посвятил теме “Московское государство перед Смуту”⁷⁸. На его выступлении, состоявшемся 19 августа, великий князь присутствовал с детьми: “Слушал с Иоанничком⁷⁹, Гаврилушкой⁸⁰ и Татьяной⁸¹ лекцию С.Ф. Платонова о Смутном времени. Как легко, гладко, образно и понятно он читает”⁸². 30 августа Константин Константинович был на лекции Э.Л. Радлова о Сократе⁸³. В день окончания курсов, 11 сентября у великого князя состоялась с Платоновым беседа о положении в женском Педагогическом институте: “Вечером для слушателей и слушательниц учительских курсов было собрание с литературно-музыкальным исполнением. Участвовали сами учителя и учительницы. С.Ф. Платонов тоже был. Он рассказал мне, что к нему от имени товарищей приходили проф[ессор] Гримм⁸⁴ и еще двое и очень скромно заявили о желательности никак не автономии ж[енского] Педагогического института, а о праве профессоров избирать по предметным группам из своей среды деканов, желательно им также, чтобы эти деканы во главе с директором составляли сенат; предложение Платонова, чтобы в этот сенат входила и начальница, они не отвергли. Итак, дело обходится у нас пока мирно”⁸⁵.

Темой выступления Платонова на курсах 1906 г. было время императоров Александра I и Николая I⁸⁶. 31 августа 1906 г. великий князь записал: “Слушали лекцию С.Ф. Платонова об Александре I, которого он оценивает почти исключительно с отрицательной стороны. Были неловкости и с внешней стороны: так, упоминая Елизавету Алексеевну⁸⁷, он называет ее просто женою Александра; не лучше ли было бы назвать императрицей. Будь это кто другой, я бы возмутился; но в устах Сергея Федоровича такие промахи меня огорчили”⁸⁸. В 1907 г. С.Ф. Платонов читал на курсах цикл лекций под названием “Очерк русской историографии”⁸⁹. На одной из них (12 сентября) присутствовал Константин Константинович⁹⁰. В курсах этого года впервые

⁷⁶ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 55. Л. 3 об.

⁷⁷ Там же. Л. 3 об.

⁷⁸ См.: Русский начальный учитель. 1905. № 8/9. С. 1–4.

⁷⁹ Иоанн Константинович (1886–1918) – князь, флигель-адъютант, штабс-ротмистр лейб-гвардии Конного полка.

⁸⁰ Гавриил Константинович (1887–1955) – князь, флигель-адъютант, полковник лейб-гвардии Гусарского полка (с 1916 г.).

⁸¹ Татьяна Константиновна (1890–1979) – княжна.

⁸² ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 55. Л. 4.

⁸³ Там же. Л. 9 об.–10.

⁸⁴ Гримм Эрвин Давидович (1870–1940) – историк, ректор Петроградского университета (1911–1918), профессор Софийского университета (1920–1923).

⁸⁵ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 55. Л. 15 об.

⁸⁶ Русский начальный учитель. 1906. № 7/8. С. 241.

⁸⁷ Екатерина Алексеевна (Луиза-Мария-Августа) (1779–1826) – принцесса Баденская, жена императора Александра I (с 1793 г.).

⁸⁸ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 57. Л. 85 об.

⁸⁹ Русский начальный учитель. 1907. № 4. С. 164.

⁹⁰ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 59. Л. 35 об.

не смог участвовать Г.С. Петров, который за свою публицистическую деятельность в феврале 1907 г. был сослан в Черемнецкий Иоанно-Богословский монастырь (Лугский у. С.-Петербургской губ.)⁹¹, а в 1908 г. лишен сана, ему пришлось искать замену в лице К.М. Аггеева⁹².

27 марта 1908 г. в Мраморном дворце под председательством Константина Константиновича состоялось заседание профессоров, на котором была выработана программа предстоящих курсов⁹³. С.Ф. Платонов намеревался прочесть лекции по историографии Киевской Руси, Н.К. Кульман – о Л.Н. Толстом, Э.Л. Радлов – о философе В.С. Соловьеве, предполагалось участие Н.М. Каринского, А.Х. Гольмстена⁹⁴ (он должен был выступить на курсах 1907 г., но не смог по болезни), а также В.Г. Яроцкого⁹⁵, И.П. Павлова, А.А. Яковкина, А.А. Иванова, В.М. Шимкевича и др. Курсы 1908 г. не состоялись, и о причине этого в журнале “Русский начальный учитель” ничего не сообщалось. Предполагалось, что курсы все же удастся организовать в будущем году, однако в февральском номере “Русского начального учителя” за 1909 г. было помещено следующее объявление: “Так как нельзя быть уверенным в безопасности осенью 1909 г. Петербурга и его окрестностей относительно холеры, то курсов в настоящем году в г. Павловске не будет”⁹⁶.

Едва ли не главной причиной прекращения Павловских курсов была утрата к ним прежнего интереса со стороны великого князя Константина Константиновича. Участием в курсах Г.С. Петрова великий князь особенно дорожил, а его ссылка, конфликт с церковными властями не могли не отразиться косвенным образом на репутации курсов и усиливали уже имевшиеся у великого князя опасения, что курсы в его дворце могут быть использованы для выражения политических настроений. К тому же у великого князя появился интерес к культурно-просветительской деятельности иного рода, что и выразилось в устройстве в Павловском дворце пяти литературно-музыкальных вечеров, в которых участвовал и С.Ф. Платонов. Первый вечер состоялся 18 октября 1908 г. Он открылся выступлением П.Г. Васенко⁹⁷, посвященном “Слову о полку Игореве”, перед детьми великого князя. “Всем очень понравилась теплая, искренняя получасовая лекция Васенки”⁹⁸, – писал Константин Константинович и отмечал, что среди гостей был и “недавно приехавший из Твери наш милый спутник в поездке по Волге старичок Ив[ан] Ал[екса]ндр[ович] Иванов⁹⁹. Далее великий князь писал: “В 9 все были в сборе, и мы пошли к гостям и заполнили с ними Греческую залу, освещенную одними свечами. Чтения начал Кульман с послания Владимира Мономаха. Петров¹⁰⁰

⁹¹ Руманов А.В. Священник Г.С. Петров, член Государственной Думы. М., 1907. С. 17.

⁹² Аггеев Константин Маркович (1868–1921) – священник, богослов, профессор Историко-филологических и юридических курсов Н.П. Раева (1906–1915).

⁹³ О чтениях для народных учителей и учительниц в Павловском дворце // Русский начальный учитель. 1908. № 4. С. 123–124.

⁹⁴ Гольмстен Адольф Христианович (1848–1920) – юрист, профессор (в 1899–1903 гг. ректор) Петербургского университета (с 1889 г.).

⁹⁵ Яроцкий Василий Гаврилович (1855–1917) – экономист, профессор Александровского лицея (с 1863 г.).

⁹⁶ Русский начальный учитель. 1909. № 2. С. 73.

⁹⁷ Васенко Платон Григорьевич (1874–?) – историк, преподаватель женского Педагогического института (1910–1918), профессор Историко-филологического института (1915–1917).

⁹⁸ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 60. Л. 79.

⁹⁹ Там же. Л. 79. Иванов Иван Александрович (1850–1927) – историк, краевед, управляющий Тверской казенной палатой (1896–1917), председатель Тверской ученой архивной комиссии (1899–1918).

¹⁰⁰ Петров Василий Иванович (?–?) – артист Александринского театра (1909–1911).

прочел несколько отрывков из “Слова о полку Игореве” в подлиннике, а жена его – плач Ярославны в переложении Козлова¹⁰¹. Потом Озаровский заставил общество смеяться до упаду превосходной передачей слова Даниила Заточника. В перерыве пили чай у буфета в кабинете Павла. Вторая половина вечера была посвящена истории музыки и музыкальным исполнениям. Проф[ессор] Сакетти¹⁰² сказал несколько слов о музыке у древних. Певец Кедров¹⁰³ пропел древний гимн Аполлону. Сакетти продолжал о старинной нашей церковной музыке и о народной песне. Привалов¹⁰⁴ – знаток того и другого, говорил о старинных музыкальных инструментах на Руси. Он привез много образчиков их из своего богатого собрания и их тут показывал. Хоры любителей исполнили ряд песен, а 6 челов[ек] мужичков-жалейщиков играли на жалейках и на гусях. Вечер вышел совсем необыкновенный, очень занимательный и не продолжительный: гости уехали с поездом 12 ч. 30 м. ... Забыл упомянуть, что А.П. Сабурова очень задушевно прочла былинку А. Толстого об Алеше Поповиче”¹⁰⁵.

Второй вечер состоялся 29 ноября 1908 г.: «Гостей пригласили несколько больше, чем на первый вечер. Все остались довольны. С.Ф. Платонов прочел историческую лекцию “О господине Великом Новгороде”. Полиевктов говорил о зодчестве того времени и показывал туманные картины старинных наших храмов»¹⁰⁶.

Третий вечер 20 декабря был посвящен “эпохе татарского ига”. Его программу составили выступления: П.Г. Васенко “Сказание новгородцев о земном рае”, Н.К. Кульмана «Русская народная песня “Татарский полон” о Щелкане Дудентьевиче», В.И. Петрова “Сказание о граде Китеже”, Л.А. Сакетти “Начало духовного пения на Руси”¹⁰⁷. Дополнением к лекции Сакетти было выступление монахов-старообрядцев поморского согласия, исполнивших несколько молитв. «Приглашенных было меньше, – писал Константин Константинович, – всего собралось человек 45, и мы не поднимались в Греческую залу, а были внизу, в моем кабинете, где места оказалось вполне достаточно. Сюрпризом не только для гостей, но и для жены и детей, я тоже выступил на вечере, прочтя “Симеона царя болгарского” Полонского¹⁰⁸. Эту вещь я когда-то говорил у измайловцев, но перезабыл, а за поездку в Тифлис освежил в памяти и хорошенько, вдумчиво разучил. Моя декламация, кажется, произвела впечатление, самая вещь очень понравилась»¹⁰⁹.

О четвертом вечере 10 января 1909 г. в дневнике Константина Константиновича сохранилась лишь фрагментарная запись: “С.Ф. Платонов читал об Алексее Михайловиче по его письмам, Сакетти – о музыке”¹¹⁰.

Зато последний, пятый вечер 24 января описан довольно обстоятельно: «В Павловске прекрасно удался очередной литературно-музыкальный вечер. Гостей к нам съехалось человек 80. Сперва в темной Греческой зале Вас[илий]

¹⁰¹ Козлов Иван Иванович (1779–1840) – поэт, переводчик.

¹⁰² Сакетти Ливерий Антонович (1852–1916) – историк и теоретик музыки, музыкальный критик, профессор Петербургской консерватории (с 1886 г.).

¹⁰³ Кедров Николай Николаевич (1871–1940) – певец, профессор Петербургской консерватории (с 1915 г.).

¹⁰⁴ Привалов Николай Иванович (1868–1926) – композитор и дирижер.

¹⁰⁵ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 60. Л. 79 об. – 80.

¹⁰⁶ Там же. Л. 100.

¹⁰⁷ Там же. Л. 117 об.

¹⁰⁸ Полонский Яков Петрович (1819–1898) – поэт, член-корреспондент АН (с 1886 г.).

¹⁰⁹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 60. Л. 116 об.

¹¹⁰ Там же. Л. 131.

Тим[офеевич] Георгиевский¹¹¹ читал о развитии иконописи в древней Руси, показывая изображения икон при помощи волшебного фонаря. Озаровский очень развеселил общество сказкой о ерше (XVII века). Кульман прекрасно прочел об отбитии донскими казаками турок от Азова. Во 2^м отделении Барсков¹¹² очень хорошо прочел о школе в XVII веке на Руси. За ним Петров читал лермонтовскую “Песнь о купце Калашникове” в сопровождении хора и гусельников. Собинов¹¹³ всех очаровал, спев романс Чайковского на мои слова “Растворил я окно”. За ним выступил я и с одушевлением, сразу овладев вниманием общества, произнес “У гроба Грозного”. Отступив на шаг назад и понизив голос, я прочел: “О, если б он предстал – теперь – в загробной схиме”, а далее при словах: “Пред вами – царь” – ступил шаг вперед и очень усилил голос. Я чувствовал, да и другие потом говорили, что впечатление было произведено сильное. Пели еще Клифус и Кедров, Собинов тоже пел охотно. А между прочим время уже вышло. Гости оставались до 2-го часа. Для них заказал экстренный поезд»¹¹⁴.

Павловские курсы 1899–1907 гг. – событие в истории русской педагогики, являющееся также частью истории замечательного памятника культуры – Павловского дворца.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КУРСЫ ДЛЯ НАРОДНЫХ УЧИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЬНИЦ В Г. ПАВЛОВСКЕ

I	16 августа – 14 сентября 1899 г.
II	8 августа – 8 сентября 1900 г.
III	8 августа – 8 сентября 1901 г.
IV	8 августа – 8 сентября 1902 г.
V	12 августа – 13 сентября 1903 г.
VI	17 августа – 11 сентября 1905 г.
VII	16 августа – 13 сентября 1906 г.
VIII	17 августа – 13 сентября 1907 г.

Преподаватели

Аггеев К.М. (VIII)	Петров Г.С. (I–VI)
Адрианов С.А. (VII)	Платонов С.Ф. (II–VIII)
Бунаков Н.Ф. (I)	Покровский Н.В. (V, VI)
Глазенап С.П. (VIII)	Полиевктов М.А. (I, IV, VII)
Гурлянд И.Я. (V, VI)	Полянский И.И. (VI)
Иванов А.А. (VIII)	Попов А.С. (VI)
Иванов К.А. (III)	Радлов Э.Л. (VI–VIII)
Каринский Н.М. (I, II, V, VII, VIII)	Рождественский С.В. (I)
Коропчевский Д.А. (II)	Розинг Б.Л. (VII)
Кульман Н.К. (II–V, VIII)	Савич С.Е. (IV)
Мезерницкий П.Г. (VIII)	Скобельцын В.В. (III, VII)
Нечаев А.П. (III, IV)	Спицын А.А. (IV)
Озаровский Ю.Э. (V–VII)	Тимирязев К.А. (III)
Павлов А.П. (III, V)	Шимкевич В.М. (VI–VIII)
Павлов И.П. (IV–VIII)	Шляпкин И.А. (II)
Палладин В.И. (IV–VIII)	Яковкин А.А. (III–V, VIII)

¹¹¹ Георгиевский Василий Тимофеевич (1861–1923) – исследователь древнерусской живописи, правитель дел Владимирской ученой архивной комиссии (1898–1900), управляющий хозяйственной частью Комитета попечительства о русской иконописи, сотрудник Оружейной палаты (с 1918 г.).

¹¹² Барсков Яков Лазаревич (1863–1937) – историк, архивист, археограф, делопроизводитель Государственного архива МИД (1906–1917).

¹¹³ Собинов Леонид Витальевич (1872–1934) – певец, народный артист Республики (с 1923 г.).

¹¹⁴ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 60. Л. 139–139 об.

М.Г. Николаев

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ 15 МАРТА 1948 г. О СТРОИТЕЛЬСТВЕ НОВОГО ЗДАНИЯ МГУ

Памяти моего школьного учителя
Георгия Львовича Никанорова (1926–2006),
выпускника исторического факультета
МГУ (1953 г.)

Строительство комплекса новых зданий Московского государственного университета на Ленинских (Воробьевых) горах и перемещение туда факультетов естественных наук, безусловно, является этапной вехой в его истории. Благодарственных слов по этому поводу за прошедшие десятилетия было высказано предостаточно¹. Очевидно также, что Постановление, удовлетворяя прежде всего материально-технические потребности МГУ, оказало благотворное влияние, многократно усиленное средствами пропаганды, и на умонастроения преподавателей и студентов университета, ощутивших признание и поддержку государством дела образования и науки². В условиях, когда российское научное сообщество на рубеже конца 1940-х – начала 1950-х годов переживало тяжелые испытания, подобные меры, конечно же, лишь в малой степени могли компенсировать все отрицательные последствия погромных идеологических кампаний и “чисток”, бюрократических методов управления наукой в самых крайних формах их проявления.

Однако, несмотря на свою очевидную значимость, история принятия совминовского решения до сих пор остается малоизученной. В исторической литературе этого сюжета касаются крайне поверхностно. Продолжает сохраняться представление о том, что в основе подготовки Постановления лежали исключительно соображения делового характера. Не реконструирован весь ход событий, остается не выясненной роль тех или иных персоналий в процессе инициирования и принятия решения, позиции ведомств, политических группировок в верхних эшелонах власти.

Авторы известного двухтомника по истории университета (1955 г.) квалифицировали принятие совминовского решения как “одно из замечательных подтверждений неустанной отеческой заботы коммунистической партии и Советского правительства о развитии высшего образования и науки”³. Л.В. Кошман и А.М. Сахаров, в русле традиционных представлений о некоей имевшей место последовательно проводящейся политике, полагали, что решение поставленного еще в конце 1930-х годов вопроса о реконструкции зда-

---

¹ Критические оценки, отмечавшие, например, “дороговизну и демонстративную роскошь” главного здания МГУ – редкое исключение. См.: *Плужников В.И.* Безвестные строители МГУ на Ленинских горах // *Архив наследия-2003*. М., 2005. С. 369, 372–373.

² О впечатлениях, произведенных переселением на Ленинские горы, см. в частности: *Биккенин Н.* Как это было на самом деле: сцены общественной и частной жизни. М., 2003. С. 142–143.

³ *История Московского университета: В 2 т.* М., 1955. Т. 2. С. 424.

ния МГУ было отложено из-за начавшейся войны и реализовано, как только, в ходе послевоенного восстановления, появилась “реальная возможность”. При этом из предшествовавших принятию решения документов упоминается письмо виднейших ученых МГУ, с которым они в декабре 1945 г. обратились в правительство, обосновывая необходимость строительства новых университетских корпусов, получения нового оборудования и пополнения библиотечных фондов⁴. “Летопись Московского университета” (1979 г.) в качестве инициаторов принятия Постановления называет ректора А.Н. Несмеянова и партком МГУ⁵. Составители новейшего издания “Летописи” предпочли обойтись без упоминания персоналий, ограничась констатацией факта и пространной цитатой из текста Постановления⁶.

К 250-летию Московского университета журнал “Исторический архив” опубликовал подборку документов о строительстве новых зданий МГУ. Авторы публикации посчитали, что толчком к подготовке решения стал визит к Сталину академика А.Н. Несмеянова 4 июня 1947 г.⁷ А.Н. Несмеянов в своих мемуарах об этом визите не упоминает и утверждает, что до своего назначения на должность ректора помышлял только о строительстве нового здания возглавляемого им химфака⁸.

Между тем, поводов для пробуждения исследовательского интереса к рассматриваемому нами сюжету стало появляться все больше. Еще с начала 1990-х годов стали выходить в свет воспоминания, в которых некоторые из главных участников событий поделились любопытными подробностями предыстории принятия Постановления. Эта мемуарная литература остается не проанализированной, опубликованные тексты не сопоставленными как между собой, так и с отложившимися в архивах документами. Главным образом с теми из них, которые хранятся в РГАСПИ, в фондах Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) (далее Агитпроп), куда входил отдел науки ЦК, курировавший проблемы высшей школы.

Не претендуя на полноту реконструкции, требующей кропотливых изысканий в архиве МГУ (доступ в который исследователям предельно затруднен), ГАРФ (фонд Министерства высшего образования), ЦМАМ и др., хотелось бы остановиться на некоторых важных вехах истории принятия Постановления и привлечь внимание к ряду нерешенных проблем.

На первом этапе, после эвакуации университета в Москву и до декабря 1945 г., основные усилия его руководства, которое с 3 декабря 1943 г. возглавил И.С. Галкин⁹, были направлены на решение текущих неотложных задач, прежде всего возвращение помещений, занятых военными организациями, а также ремонт корпусов, пострадавших от бомбежки. Еще 29 мая 1944 г. было принято Постановление СНК СССР № 635 “О мероприятиях по укреплению Московского университета имени М.В. Ломоносова”, согласно которо-

⁴ Кошман Л.В., Сахаров А.М. Московский университет в советское время. М., 1967. С. 96. См. также: Галкин И.С. Записки ректора Московского университета. М., 2004. С. 139–140.

⁵ Летопись Московского университета. 1755–1979. М., 1979. С. 282.

⁶ Летопись Московского университета: В 3 т. М., 2004. Т. 1. 1755–1952. С. 521.

⁷ “Принять предложения товарища Сталина”: Постановления Совета Министров СССР о строительстве новых зданий МГУ на Ленинских горах. 1947–1954 гг. / Подгот. А.И. Кокурин, Ю.Н. Моруков // ИА. 2004. № 1. С. 29. Эту точку зрения авторы изложили и в более ранней статье, отметив, что факт назначения А.Н. Несмеянова на должность ректора МГУ, очевидно, ускорил процесс подготовки решения. См.: Кокурин А., Моруков Ю. “Высотка” на Воробьевых горах: История строительства прекрасного университета // Государственная служба. М., 2003. № 3. С. 131–132.

⁸ Несмеянов А.Н. На качелях XX века. М., 1999. С. 107, 120.

⁹ Галкин И.С. Указ. соч. С. 5.

му, как вспоминает И.С. Галкин, началось строительство аэродинамической лаборатории и жилого дома для профессоров и преподавателей, ускорилось восстановление разрушенных помещений¹⁰. Постановление СНК СССР № 3119 “О мерах помощи Московскому ордену Ленина Государственному университету им. М.В. Ломоносова” от 18 декабря 1945 г. также призвано было удовлетворить текущие неотложные нужды университета. Оно обязывало многочисленные наркоматы и ведомства выделить для МГУ столы, стулья, шкафы, тюфяки, подушки, учебники, грузовики и автобусы, обеспечить закупки иностранной литературы, научного и учебного оборудования, безкупонную продажу костюмов и обуви, хлопчатобумажных тканей, пальто и проч.¹¹. И только в том же декабре 1945 г. в письме ректората и парткома МГУ, адресованном в правительство и подписанном видными учеными Московского университета, поднимаются более масштабные вопросы: “Для коренного улучшения условий работы Московского университета назрела острая необходимость разработки перспективного плана развития университета, для чего совершенно неотложным делом является строительство новых учебных корпусов университета и закрепления за ним для этой цели постоянных земельных участков...” (здесь и далее курсив мой. – М.Н.)¹².

И.С. Галкин утверждает, что письмо вызвало положительную реакцию И.В. Сталина, и руководству МГУ через Минвуз было дано указание готовить конкретные предложения. В университете была создана комиссия, которая и занялась выбором места будущей застройки. В процессе обсуждения возникло несколько вариантов: территория, прилегающая к комплексу старых зданий МГУ на Моховой ул., дворцовый ансамбль в Царицыно и район за Калужской заставой. Остановились, в конце концов, на последнем варианте¹³.

Думается, что роль письма в истории принятия Постановления и мера сочувствия вождя к нему И.С. Галкиным значительно преувеличены. Повысить степень “благожелательности” И.В. Сталина к просьбе ученых необходимо было мемуаристу, очевидно, лишь для того, чтобы представить дело так, что вопрос о новом строительстве был фактически предreshen в годы его управления университетом, а само Постановление, как следует полагать, в силу рутинной бюрократической процедуры, вышло “уже тогда, когда ректором МГУ был академик Несмеянов”¹⁴.

Помимо письма видных ученых в истории с принятием Постановления И.С. Галкин выделяет еще одно обстоятельство, которое повлияло на ход борьбы за реализацию требований университета. В середине марта 1946 г., как вспоминает ректор МГУ, он был включен в состав правительственной делегации для участия в праздновании 25-летия Грузинской ССР. На обратном пути в разговорах с главой делегации, председателем Президиума Верховного Совета

¹⁰ Там же. С. 120. Согласно справке о деятельности и состоянии МГУ, составленной И.С. Галкиным 12 апреля 1947 г., СНК СССР дважды выносил постановление (в 1944 и 1945 гг.), обязывающее Моссовет выстроить жилой дом. Однако строительные работы так и не начались (РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК ВКП(б)). Оп. 117. Д. 171. Л. 63).

¹¹ Москва послевоенная. 1945–1947: Архивные документы и материалы. М., 2000. С. 570–571.

¹² Галкин И.С. Указ. соч. С. 139–140.

¹³ Там же. С. 140–141.

¹⁴ Там же. С. 141. Воспоминания написаны в начале 1980-х годов. В журнальной публикации мемуаров отмечается, что решение о строительстве новых зданий на Ленгорах от 15 марта 1948 г. было принято “в соответствии с нашими предложениями”. См.: Галкин И.С. Тропами моей жизни // НиНИ. 1998. № 5. С. 117–118. В книжном издании эти строки отсутствуют и сделана вставка об утверждении нового места строительства на Ленинских горах. Никаких археографических комментариев по поводу работы с авторским текстом публикаторы не приводят.

СССР Н.М. Шверником подробно обсуждались университетские проблемы. “Вольно или невольно, – сообщает мемуарист, – но наши долгие беседы в неофициальной обстановке вовлекли Шверника в атмосферу жизни Московского университета. В дальнейшем *не без его советов и влияния все больше и больше стала утверждаться мысль о необходимости строительства нового здания университета*, о радикальном изменении и обновлении научно-технической базы лабораторий, институтов университета”¹⁵. Какова действительная роль Н.М. Шверника в формировании у Сталина позиции в поддержку прошения университетской профессуры – этот вопрос остается открытым. Но в том, что сочувствие одного из высших государственных сановников придавало руководству МГУ больше уверенности – несомненно.

Несмотря на преувеличение И.С. Галкиным своей роли в деле *реализации* выдвинутых инициатив, необходимо признать, что первые шаги в деле постановки и последующего решения вопроса о строительстве новых факультетских зданий были сделаны им. В результате инициатив руководства МГУ Моссовет (депутатом которого состоял ректор) вынес постановление № 714 от 7 февраля 1947 г. “О закреплении земельного участка под строительство учебных зданий Московского ордена Ленина Государственного Университета им. М.В. Ломоносова”. В нем было записано:

“1. Закрепить под новое капитальное строительство... территорию площадью около 15 га, ограниченную проектируемым Калужским шоссе, кварталом Институты Академии наук, Свалочным шоссе и Окружной ж.д. (согласно представленному плану). *Окончательные границы участка установить после представления Университетом генерального плана застройки участка в соответствии с утвержденными ассигнованиями на строительство.*

2. Земельные участки на закрепленной территории отводить под застройку *по мере отпуска средств на строительство*”¹⁶.

Постановление носило условный характер и при отсутствии финансирования не слишком далеко продвигало решение вопроса. Площадь закрепляемой территории в 15 га оказалась несоизмеримо меньше той, которая была предусмотрена правительственными документами от 15 марта 1948 г. (100 га)¹⁷.

Одновременно с рассмотрением вопроса о нуждах МГУ московскими властями работа над предложениями, касающимися университетских проблем, продолжилась и в аппарате Агитпропа ЦК. 24 декабря 1946 г. секретарям ЦК ВКП(б) А.А. Жданову, А.А. Кузнецову, Н.С. Патоличеву и Г.М. Попову направляется проект Постановления Совета Министров СССР “О капитальном строительстве Московского ордена Ленина университета имени М.В. Ломоносова и об укреплении его материальной базы”. В сопроводительной записке, подписанной начальником Агитпропа Г.Ф. Александровым, министром высшего образования СССР С.В. Кафтановым, сотрудниками Управления кадров ЦК ВКП(б) и отдела науки ЦК Ф. Бараненковым и С. Суворовым, говорится о том, что документ выносится на рассмотрение “по поручению Секретариата ЦК ВКП(б)”¹⁸. Когда и в связи с чем было дано это поручение, пока не установлено.

Очевидно, что на сегодняшний день это самый ранний документ, в котором авторы, обладая по сравнению с руководством университета большими

¹⁵ Галкин И.С. Тропами моей жизни. С. 112.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 771. Л. 90.

¹⁷ ИА. 2004. № 1. С. 36.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 449. Л. 256.

рычагами политического влияния, посчитали возможным со всей остротой обозначить проблему и предложить крупномасштабные решения. Впервые указано и место будущего строительства – Ленинские горы. В сопроводительной записке к проекту читаем: “Задачу развития Московского университета следовало бы решить *кардинальным образом*, разрешив университету начать уже в 1947–1950 гг. капитальное строительство и отведя для него земельный участок в районе Ленинских гор, где Московский университет имел бы *перспективу для развития на ближайшие 100–200 лет*”.

Вместе с тем в проекте присутствовали и старые требования вернуть университету принадлежавшие ему в довоенные времена здания физиологического и анатомического корпусов, института психологии, выполнить ранее принятые СНК СССР решения о сооружении жилых домов для профессоров и преподавателей и др.

Однако никаких решений по подготовленному документу принято не было.

В процессе дальнейшей работы над Постановлением масштаб постановки вопроса был изменен: анализируя проблемы МГУ, обратились к проблемам университетского образования в целом. После преобразования Комитета по делам высшей школы в Министерство высшего образования, состоявшегося 10 апреля 1946 г., университеты (включая МГУ) из-под двойного подчинения республиканским наркомпросам (в большей степени, в том числе и по бюджетной линии) и Комитету перешли исключительно в ведение Минвуза. Его руководитель С.В. Кафтанов и выдвинулся на первые позиции в группе, готовящей новый вариант Постановления¹⁹.

Одним из ключевых событий в истории принятия решения о строительстве новых зданий МГУ следует признать заседание Оргбюро ЦК ВКП(б) 21 мая 1947 г. На нем состоялось обсуждение вопроса “О положении университетского образования и мерах по его улучшению”. Докладчиком выступил, что показательно, уже не руководитель Агитпропа Г.Ф. Александров, а глава Минвуза С.В. Кафтанов. Основным документом, представленным к заседанию, стал проект решения ЦК ВКП(б) и Совета министров СССР “О мероприятиях по укреплению университетов и улучшению университетского образования”. Сопроводительная записка к нему датирована 27 февраля 1947 г. Под текстом проекта стоят подписи С.В. Кафтanova, президента АН СССР С.И. Вавилова, сотрудников аппарата ЦК С. Балезина, Г. Косяченко, С. Суворова, ректора ЛГУ А.А. Вознесенского и ректора МГУ И.С. Галкина. В замечаниях к проекту говорится о том, что он представлен от имени некой комиссии, созданной, очевидно, по решению ЦК ВКП(б)²⁰.

В констатирующей части проекта перечислялись имеющиеся достижения и недостатки университетского образования, обращалось внимание на устарелость учебных планов и программ, перегруженность преподавателей, дефицит времени, отпущенного студентам для самостоятельной работы, неудовлетворительное состояние материальной базы. В документе предлагался большой список необходимых мероприятий. Пункт № 29, в частности, гласил: “В целях улучшения материальной базы университетов и условий работы студентов, профессоров и сотрудников университетов, поручить Министерству высшего образования СССР и Госплану совместно с заинтересованными

¹⁹ Еще в своем выступлении на Бюро Московского горкома ВКП(б) 7 сентября 1946 г. он упоминает о недавно отправленных на имя И.В. Сталина предложениях о “серьезной помощи университету”. Но в них, судя по тексту, фигурировали знакомые нам “традиционные требования” о возвращении помещений и пополнении лабораторного оборудования (ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 124. Л. 40).

²⁰ Там же. Л. 51.

областными организациями разработать в течение 1947 года генеральный план строительства новых университетских зданий и реконструкции существующих зданий и внести его в начале 1948 года на рассмотрение Совета Министров Союза ССР²¹. Проект содержал не непосредственное решение, а лишь предоставлял право на разработку предложений. Идея нового строительства сформулирована довольно робко.

Но даже такая “робкая” постановка вопроса с предложением многоступенчатого решения не всех устроила. В комиссии обнаружились разногласия, отразившиеся в ряде замечаний к проекту. Замечания Г. Косяченко – редактора журнала “Плановое хозяйство”, в недалеком будущем 1-го заместителя Председателя Госплана СССР²², касались нескольких пунктов, в том числе и п. 29. Автор настаивал на том, чтобы “вопросы строительства и реконструкции зданий университетов” и ряд других рассматривались в рамках годовых планов, т.е. в обычном рутинном порядке²³. В ответ на это ректоры Ленинградского и Московского университетов выступили с “решительными возражениями”. Считая перечисленные в проекте меры лишь “неотложно необходимыми”, непринятие которых “крайне отрицательно отразится в ближайшие же годы на развитии советской науки и в особенности физики, химии, геологии и смежных наук, имеющих решающее значение для развития техники и промышленности”, авторы сделали следующую запись: “По нашему мнению, представляемый проект следовало бы дополнить пунктами, предусматривающими значительно более серьезные мероприятия по укреплению материальной базы университетов. В частности мы считаем совершенно необходимым... *построить в ближайшие годы для Московского, Ленинградского и Киевского университетов новые здания, отвечающие современным требованиям развития науки и подготовки университетских кадров*”²⁴.

В подготовительных материалах к заседанию Оргбюро ЦК ВКП(б) от 21 мая 1947 г. сохранился еще один документ – “Справка о деятельности и состоянии Московского ордена Ленина Государственного Университета им. М.В. Ломоносова”, составленная ректором МГУ И.С. Галкиным 12 апреля 1947 г.²⁵ В ней снова “в качестве неотложной помощи” содержатся требования вернуть ранее отнятые здания. “Однако, – говорится в документе, – передача этих зданий Университету может лишь частично удовлетворить нужды последнего. Для обеспечения нормального развития Университета и научной работы необходимо строительство новых современных учебно-научных корпусов: физического, химического, механического, аэродинамического, астрономической лаборатории, так как зачастую современное научное оборудование по своим габаритам не вмещается в старые корпуса XIX и XVIII вв.”²⁶

²¹ Там же. Л. 46.

²² Краткую биографию см. в кн.: Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М., 2002. С. 583.

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 771. Л. 49.

²⁴ Там же. Л. 51–52.

²⁵ Частично опубликована по экземпляру, отложившемуся в ЦАОПИМ в кн.: Москва послевоенная. С. 588–592. Среди документов имеется и докладная записка ректора ЛГУ А.А. Вознесенского от 10 мая 1948 г., адресованная А.А. Жданову. В ней, в частности, написано: “В связи с этим крайне необходимо приступить к строительству новых университетских корпусов, в первую очередь для физического и химического факультетов и научно-исследовательских институтов, состоящих при них” (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 771. Л. 103–107).

²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 171. Л. 60.

Итак, мы видим, что руководство МГУ сохраняло свои старые требования о возвращении ранее принадлежащих университету зданий, очевидно, полагая, что вернуть утраченное легче, чем добиться средств на новое строительство.

Однако на основе подготовленных к заседанию Оргбюро ЦК ВКП(б) документов и вынесенного решения судить о том, как оно проходило, невозможно²⁷. К счастью, мы имеем важные свидетельства, оставленные секретарем парткома МГУ Е.М. Сергеевым.

Доклад (регламент предусматривал 20 минут) делал министр высшего образования С.В. Кафтанов. Основное внимание он уделил вопросу об укреплении материальной базы университетов. А.А. Жданов раздраженно перебил: “Что вы все нам говорите: надо дать и еще надо дать. А под что давать? Вы не говорите о главных проблемах университетов. Скажите, что главное в университете: наука или образование?”. Докладчик растерялся и прямо ответил: “Наука”. Жданов вспылал, поставил под сомнение компетентность министра и посадил его на место, напомнив, что университеты до революции готовили учителей для средней школы и призвал делать это и впредь. Выступившие Г.М. Попов и М.Ф. Шкирятов поддержали А.А. Жданова²⁸. Затем слово попросил ректор ЛГУ А.А. Вознесенский, единственный, кто не побоялся вступить в полемику и присоединиться к мнению С.В. Кафтанаова. Высказаться успели не все. А.А. Жданов свернул дискуссию и вынес вердикт²⁹.

Текст решения Секретариата ЦК ВКП(б) дает основание с доверием отнестись к сообщению мемуариста. В нем записано: “1. Считать неправильной установку комиссии т. Кафтанаова на снижение роли университетов в деле подготовки преподавательских кадров для средней школы и превращение их в самодовлеющие центры научной работы. Научная работа университетов и работа по подготовке кадров для научной работы должны развиваться не в ущерб основной задаче университетов – задаче подготовки преподавателей для старших классов средней школы.

2. Признавая современное состояние университетского образования неудовлетворительным и требующим как улучшения учебной работы, так и помощи университетам по укреплению их материальной технической базы, в первую очередь в Московском и Ленинградском университетах, поручить комиссии в составе тт. Попова (председатель), Александрова, Кафтанаова, Вавилова, Калашникова А.Г., Вознесенского А., Галкина, Косяченко, Яковлева, Шаталина, Суворова, Балезина и Лазутина в месячный срок разработать проект постановления ЦК ВКП(б) о мерах по улучшению университетского об-

²⁷ Согласно Протоколу № 307 заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) от 21 мая 1947 г., на нем присутствовали: члены Оргбюро ЦК ВКП(б) тт. Александров, Андрианов, Булганин, Жданов, Кузнецов А., Кузнецов В., Маленков, Мехлис, Попов, Родионов, Сулов, Шаталин, члены ЦК Борков, Лозовский, Никитин, Пегов, Поспелов, Пронин, кандидаты в члены ЦК Кафтанов, Круглов, Председатель и члены Центральной Ревизионной Комиссии ВКП(б) Владимирский, Мишакова, Панюшкин, зам. пред. Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Шкирятов, заместители начальников Управлений ЦК Андреев Е., Григорьян, Еголин, Ларионов, Миронов, Ревский, Федосеев, Управляющий делами ЦК Крупин, помощники Секретарей ЦК Ведерников, Кузнецов, Терешкин, начальник Главполитуправления Вооруженных Сил Шикин, Секретарь ЦК ВЛКСМ Иванов, редактор газеты “Известия” Ильичев (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 307. Л. 1).

²⁸ *Сергеев Е.М.* Московский университет – взгляд сквозь годы. М., 1992. С. 169. Позицию А.А. Жданова, как пишет мемуарист, разделял и И.С. Галкин. Ректор защищал эту точку зрения при обсуждении в узком университетском кругу вопроса о профиле выпускников МГУ. Сергеев и большинство других преподавателей его не поддержали.

²⁹ *Сергеев Е.М.* Указ. соч. С. 170.

разования”³⁰. В личном фонде А.А. Жданова сохранился текст постановления, написанный и выправленный его рукой³¹.

Слишком независимое поведение ректора ЛГУ А.А. Вознесенского, очевидно, не прошло для него без последствий. В университетских кругах, по воспоминаниям М.Б. Рабиновича, остряки за глаза называли его “персона брата”³². Будучи старшим братом Н.А. Вознесенского, влиятельного члена Политбюро, Первого зампреда Совмина, председателя Госплана, он, в отличие от многих других приглашенных на заседание Оргбюро ЦК, мог себе позволить проявить строптивость. На основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 24 января 1948 г. А.А. Вознесенский назначается министром просвещения РСФСР³³. Трудно отказаться от предположения, что это “повышение” – своеобразная месть влиятельного тогда А.А. Жданова своему оппоненту. Последний неожиданно оказался во главе ведомства, с интересами которого его позиция по вопросу о характере университетского образования входила в явное противоречие.

Е.М. Сергеев сообщает о том, что они с И.С. Галкиным выходили из здания ЦК в “приподнятом настроении”, уверенные, что созданная комиссия позволит решить проблемы университета. Что питало их оптимизм, сказать трудно. Самый важный аргумент в пользу необходимости нового строительства (развитие науки³⁴) был отвергнут, один из активнейших сторонников, защищающих интересы университета, был дискредитирован, председательство в Комиссии было у него забрано и передано Г.М. Попову, который солидаризировался с позицией “главного идеолога”, второго человека в партийной иерархии.

По воспоминаниям Е.М. Сергеева, Комиссия после своего единственного заседания до конца года так и не возобновила работы. Следы ее деятельности обнаруживаются лишь в очередном варианте проекта Постановления ЦК ВКП(б) “О мерах по улучшению университетского образования”, направленном Г.М. Попову Г.Ф. Александровым 18 сентября 1947 г., в период, когда московский лидер и секретарь ЦК находился в отпуске. Приложения к проекту, которые должен был подготовить С.В. Кафтанов, о чем упоминается в документе, отсутствуют.

В проекте содержатся указания в русле ждановских установок, а в п. № 15 написано: «Принять и направить предложения Министерства высшего образования “Об укреплении учебно-материальной базы университетов” и “Об

³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 307. Л. 2.

³¹ Там же. Ф. 77. Оп. 3. Д. 29. Л. 28–28 об.

³² Рабинович М.Б. Воспоминания долгой жизни. СПб., 1996. С. 80–81.

³³ Под проектом решения Политбюро – подписи И.В. Сталина, Л.П. Берии, А.И. Микояна, рядом запись: “т. Вознесенский знает” (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1509. Л. 1). Есть основания полагать, что новый пост А.А. Вознесенский получил без родственного участия. Существует легенда о том, что Н.А. Вознесенский, якобы, резко отрицательно отнесся к этому назначению. Его многолетний сотрудник, позже биограф, утверждает (без ссылки на источники), что младший из братьев на проекте решения написал: “Категорически против”. А перед этим разговаривал с одним из руководящих работников, доказывая порочность такого решения. См.: Колотов В.В. Николай Алексеевич Вознесенский. М., 1974. С. 333–335.

³⁴ Наряду с этим аргументом С.В. Кафтанов еще ранее использовал и другой, порожденный новыми идеологическими веяниями. Обсуждая проблемы МГУ, он говорил: “Тут дело идет не только об университете лично, но, если хотите, о чести нашей страны. Во всех столицах мира существуют университеты, которые значительно лучше оборудованы, чем наш. Возьмите Англию, Францию, возьмите в прошлом Германию. И только у нас в Москве такой столичный университет находится в таком положении. Я об этом прямо так и пишу товарищу Сталину – надо наш университет сделать настоящим столичным университетом, соответствующим нашей стране” (ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 124. Л. 40).

освобождении зданий, принадлежащих университетам” в Совет Министров СССР...”³⁵. Документ в целом, и эти предложения в частности, создают впечатление, что автором руководило желание отнюдь не решить вопрос, а скорее уклониться от его решения (за день до подписания документа состоялось решение о снятии Г.Ф. Александрова со своего поста).

Тем временем Е.М. Сергеев, видя, что Комиссия бездействует, предложил И.С. Галкину обратиться за помощью к И.В. Сталину. Ректор не согласился, мотивируя отказ тем, что апеллировать к партийным инстанциям – не в его компетенции. Тогда Сергеев решил обратиться к вождю от своего имени. В составленном им письме указывается на то обстоятельство, что правительственные решения 1944–1945 гг. об МГУ не разрешили “коренной вопрос... – расширение его аудиторного и лабораторного фондов”, организованная же Оргбюро ЦК Комиссия продолжает бездействовать. В заключении автор выражает уверенность в том, что решение важнейших жизненных вопросов университета в ближайшее время возможно только лишь при наличии личного вмешательства вождя³⁶. Адресованное И.В. Сталину письмо от 3 декабря 1947 г. вместе с сопроводительной запиской А.Н. Поскребышева 10 декабря 1947 г. было направлено А.А. Жданову. 13 декабря с резолюцией последнего оно легло на стол вновь назначенного сотрудника отдела науки ЦК Ю.А. Жданова, который и пригласил Е.М. Сергеева на Старую площадь для разъяснения³⁷. Секретарь парткома МГУ шел на встречу, уверенный, что приглашен к Жданову-старшему. Пикантность ситуации заключалась в том, что накануне Е.М. Сергеев, знавший Ю.А. Жданова как молодого аспиранта химфака МГУ, предлагал ему возглавить редакцию газеты “Московский университет”. Закончился же разговор контрпредложением – поработать в отделе науки ЦК. В ходе беседы был затронут вопрос о необходимости замены ректора МГУ и прозвучала новая кандидатура³⁸.

Нельзя не отдать должное Е.М. Сергееву, который не побоялся риска восстановить против себя влиятельных Г.М. Попова и А.А. Жданова, фактически указывая на бездеятельность первого и отсутствие контроля исполнения со стороны второго. Письмо, целью которого было подтолкнуть процесс принятия решения по вопросу о новых помещениях МГУ, поступило “наверх” в момент, когда, казалось бы, интерес к нему был почти окончательно потерян. Однако в дело неожиданно вмешались куда более влиятельные силы.

К этому времени произошли события, которые отразили перелом в умонастроениях высшего руководства по вопросу об МГУ. Они оказались тесно

³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 543. Л. 154–158.

³⁶ Сергеев Е.М. Указ. соч. С. 171–172. Специально оговорено невыполнение правительственных решений о строительстве жилого дома для профессуры. Как и большинство опытных ходатаев, Сергеев, очевидно, формируя пакет требований наряду с “программой-максимум”, закладывал и более “проходную” с его точки зрения “программу-минимум”. Копию письма, сохранившуюся в семейном архиве, дочь Е.М. Сергеева Наталья Евгеньевна передала в ГИМ (ОПИ ГИМ. Инв. № 111307/1).

³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 543. Л. 181–183. Справка об исполнении поручения по делу Е.М. Сергеева была составлена Ю.А. Ждановым 12 февраля 1948 г. В ней сообщалось: “Отдел науки Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) разрабатывает специальный проект “Об улучшении университетского образования и помощи Московскому и Ленинградскому университетам”, который в ближайшее время будет внесен на рассмотрение ЦК ВКП(б). Тов. Сергеев об этом поставлен в известность” (Там же. Л. 184).

³⁸ Сергеев Е.М. Указ. соч. С. 174–175. Несмотря на попытку занять самостоятельную позицию в условиях нарастающего кризиса в руководстве университетом, Сергеев свой пост не сохранил. На очередной партконференции 15 февраля 1948 г. секретарем парткома МГУ был избран, очевидно, пользующийся поддержкой А.Н. Несмеянова представитель химфака М.А. Прокофьев (Летопись Московского университета. 1979. С. 281).

связанными с карьерным взлетом Юрия Жданова, которому покровительствовал его отец, достигший пика своего политического влияния. А.А. Жданов был приглашен И.В. Сталиным в Москву из Ленинграда в конце войны³⁹ и выдвинулся на лидирующие позиции после того, как Г.М. Маленков попал в “опалу” и только благодаря заступничеству Л.П. Берии был возвращен в столицу. По утверждению Д.Т. Шепилова, придя к руководству всей идеологической работой, А.А. Жданов столкнулся со спянной группировкой выдвинутых Г.Ф. Александрова, которые продолжали претендовать на главенствующую роль в сфере идеологии. Только после раскрытия скандальной истории с “великосветским домом терпимости”, в котором находили уладу Г.Ф. Александров и его окружение, А.А. Жданову удалось от них освободиться. 17 сентября 1947 г. решением Политбюро ЦК Г.Ф. Александрова и его заместителя П.Н. Федосеева сменяют М.А. Суслов и Д.Т. Шепилов⁴⁰. В назначении главы управления – Сулова А.А. Жданов, очевидно, не играл ведущей роли. Назначение же Шепилова – дело его выбора. Между тем первый заместитель был вынужден фактически вести дело за своего шефа, нагруженного обязанностями секретаря ЦК⁴¹.

Уход Г.Ф. Александрова, очевидно, ослабил и без того весьма шаткие позиции И.С. Галкина. Судя по информации бывшего секретаря парткома МГУ В. Ноздрева, ректор, являясь ставленником главы Агитпропа, продолжал пользоваться его покровительством в сложных конфликтных ситуациях⁴². Еще с весны 1946 г. обострились отношения между учеными-физиками из МГУ и их коллегами из АН СССР, привлеченными к преподавательской и научно-исследовательской работе в университете. Первые, занимавшиеся традиционными направлениями, считали себя несправедливо обойденными в признании их научных заслуг академическим начальством и верховной властью по сравнению с коллегами, работавшими над ядерным проектом, проблемами реактивного движения и проч.⁴³ В результате “подковерной” борьбы среди университетской профессуры на очередной партийной конференции МГУ И.С. Галкин был забаллотирован при выборе членов парткома⁴⁴.

Конфликт разбирался на Пленуме Бюро Московского горкома ВКП(б) 7 сентября 1946 г. с участием президента АН СССР С.И. Вавилова и министра высшего образования С.В. Кафтanova. В справке, адресованной Секретарем МК и МГК ВКП(б) Г.М. Поповым на имя А.А. Жданова (подготовленной не ранее 7 сентября 1946 г.) при анализе поведения руководства МГУ и его действий в период конфликта отмечались “нерешительность” и “нетребовательность” ректора, его низкий авторитет в кругу коллег-ученых. В документе

³⁹ По решению Политбюро от 4 января 1945 г. А.А. Жданов был возвращен на работу в Москву, а по решению Политбюро от 2 августа 1946 г. на него вместо А.А. Кузнецова были возложены обязанности председательствующего на заседаниях Оргбюро ЦК и руководителя работы Секретариата (Жуков Ю.Н. Тайны Кремля: Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000. С. 329, 389).

⁴⁰ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М., 2002. С. 51–52. Ранее приведенный проект постановления ЦК ВКП(б), подготовленный Александровым для Попова и датированный 18 сентября, очевидно, отражал процесс “сдачи дел”.

⁴¹ Шепилов Д.Т. Воспоминания // ВИ. 1998. № 5. С. 3–12. В соответствующем протоколе заседания Политбюро № 59 от 17 сентября 1947 г. А.А. Жданов заверяет согласие Сталина, которому решение передано по “ВЧ” в Сочи (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1504. Л. 67). В этой связи непонятно, что дало Ю.Н. Жукову возможность трактовать смещение Александрова и Федосеева как ослабление позиций А.А. Жданова. См.: Жуков Ю.Н. Указ. соч. С. 414.

⁴² Москва послевоенная. С. 577. В своих воспоминаниях Галкин, не упоминая о контактах с Александровым, тем не менее пишет о нем сочувственно (Галкин И.С. Записки ректора... С. 100).

⁴³ Подробнее см.: Москва послевоенная. С. 574.

⁴⁴ Там же. С. 576.

предлагалось “освободить т. Галкина от поста ректора Университета, заменив его другим, более авторитетным работником”⁴⁵.

Таким образом, низкая репутация И.С. Галкина в глазах А.А. Жданова и Г.М. Попова, имеющих прямой выход на И.В. Сталина, представляла собой весьма неблагоприятный фактор для того, чтобы рассчитывать на успех предпринимаемых им усилий. В такой ситуации инициативам ректора явно не хватало пробивной силы.

Между тем обновление кадров в Агитпропе продолжилось. 8 декабря 1947 г. в партийных верхах был решен вопрос о назначении Ю.А. Жданова зав. сектором естественных наук отдела науки Агитпропа ЦК⁴⁶. Этому назначению предшествовали весьма важные обстоятельства, описанные Ю.А. Ждановым в своих недавно опубликованных мемуарах.

Осенью 1947 г., находясь вместе с отцом на отдыхе в Сочи, он был дважды – 18 октября и 10 ноября – приглашен Сталиным для беседы. Видимо, уже тогда вождь решил вопрос о выдвижении Жданова-младшего на работу в аппарат ЦК⁴⁷. В ходе последней беседы Сталин коснулся судьбы отечественных университетов. Вот как передает мемуарист основное содержание его слов: “Наши университеты после революции прошли три периода. В первый период они играли ту же роль, что и в царское время. Они были основной кузницей кадров. Наряду с ними лишь в очень слабой мере развивались рабфаки. Затем, с развитием хозяйства и торговли потребовалось большое количество практиков, дельцов. Университетам был нанесен удар. Возникло много тех-

⁴⁵ Там же. С. 579. В то же время в ходе разбирательства вновь прозвучали заявления о нуждах университета в помещениях и оборудовании (выступления С.И. Вавилова, С.В. Кафтанова). Так последний заявил: “...Недавно я внес предложение на имя товарища Сталина о серьезной помощи университету: во-первых, о возвращении помещений и, во-вторых, о пополнении лабораторным оборудованием” (ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 124. Л. 40). Характерно и выступление В.К. Павлюкова, обратившего внимание на то обстоятельство, что ресурсы городского хозяйства недостаточны, чтобы провести масштабные строительные работы: “Если говорить о помощи университету, я помню в одной комиссии я был, в комиссии ЦК, Александров был председателем. Тогда частичная помощь была оказана, но все же помощь не такая, которая требуется университету. Университету нужна помощь сейчас, большая, огромная помощь. Поддержать в этом надо нам (так в тексте. – М.Н.), потому что, тов. Кафтанов, вы хорошо знаете, если взяться строить на 5 миллионов, то мы организации не найдем. В Моссовете, к сожалению, очень бедные строительные организации и, кроме того, у него своих нужд столько! – дома заваливаются, крыши в этом году процентов на 30 отремонтированы, стропила прогнили, потолки тоже валятся. Так что сказать, что университет московский, Моссовет должен привлекаться и моссоветовские организации должны взяться за него – это все правильно, но силенок нет... Мы решения не будем принимать. Нам поручено разобраться и сказать свое мнение. Мы записку в ЦК направим и скажем, что, кроме главного, что выявлено из недостатков на физическом факультете, – еще большим, – еще большим вопросом являются материальные, бытовые дела – общежития, лаборатории, учебные здания” (ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 124. Л. 34–35). Как бы то ни было, никаких революционных предложений в окончательном тексте справки сформулировано не было. В ней говорилось: “Необходимо принять постановление Совета Министров СССР об оказании помощи Московскому Университету в ремонте студенческих общежитий и учебных зданий, возвращении Университету ряда зданий, ранее принадлежавших ему и ныне занятых другими учебными заведениями, обеспечении лабораторий оборудованием, приборами, инвентарем и т.д.” (Москва послевоенная. С. 579).

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 330.

⁴⁷ В 1947 г. Ю.А. Жданов опубликовал в журнале “Октябрь” (№ 7) статью “Влияние человека на природные процессы”. Статья стала известна И.В. Сталину, который, как сообщил Л.М. Каганович, рекомендовал познакомиться с ней членам Политбюро (Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. М., 2004. С. 163–164). Тогда же, на отдыхе в Сочи произошла и первая встреча Ю.А. Жданова с Д.Т. Шепиловым, своим будущим начальником. “На меня он произвел очень благоприятное впечатление своей воспитанностью, эрудицией, музыкальностью, легким, веселым нравом. С молодежной кампанией мы ездили на Рицу – волшебной красоты горное озеро.... Я пел что-то из Чайковского, Рахманинова, старинные русские романсы, Юрий Андреевич аккомпанировал, импровизируя, – без нот...” (Шепилов Д.Т. Воспоминания // ВИ. 1998. № 6. С. 4).

никумов и отраслевых институтов. Хозяйственники обеспечивали себя кадрами, но они не были заинтересованы в подготовке теоретиков. Институты съели университеты.

Сейчас у нас слишком много университетов. Следует не насаждать новые, а улучшать существующие. Нельзя ставить вопрос так: университеты готовят либо преподавателей, либо научных работников. Нельзя преподавать, не ведя и не зная научной работы”⁴⁸. Постановка вопроса, заметим, прямо противоположная тому, как его в мае 1947 г. ставил А.А. Жданов!

Были высказаны соображения и в отношении МГУ: “Несильное там руководство. Быть может, стоит разделить Московский университет на два университета: в одном сосредоточить естественные науки... а в другом – общественные... Старое здание отремонтировать и отдать общественным наукам, а для естественных выстроить новое, где-нибудь на Воробьевых горах. Приспособить для этого одно из строящихся в Москве больших зданий. Сделать его не в 16, а в 10, в 8 этажей, оборудовать по всем требованиям современной науки”⁴⁹.

После перехода в декабре в отдел науки ЦК Ю.А. Жданов, по его словам, прежде всего ставит вопрос о смене руководства МГУ. Кандидатуру нового ректора – академика А.Н. Несмеянова, декана химического факультета, он предварительно согласовывает с президентом АН СССР С.И. Вавиловым. Уже 22 декабря вопрос слушается на Секретариате ЦК, а 26 декабря положительно решается в Политбюро, 31 декабря 1947 г. выходит соответствующий приказ Минвуза⁵⁰.

Помимо объективных обстоятельств (признанный научный авторитет, административный талант, педагогический опыт и др.), на выбор кандидатуры нового ректора не могло не повлиять и то, что Ю.А. Жданов являлся не только выпускником химического факультета МГУ, но и аспирантом А.Н. Несмеянова, у которого на возглавляемой им кафедре он после окончания войны работал ассистентом⁵¹.

В изложении дальнейших событий воспоминания Ю.А. Жданова и А.Н. Несмеянова близки. Однако каждый из них, описывая совместную работу, инициативу приписывает себе. Согласно А.Н. Несмеянову, он, ранее помышлявший только о строительстве нового здания химфака, сразу вскоре после назначения завел разговор о новом строительстве в масштабах всего университета. Ю.А. Жданов, по его просьбе, выяснял, что возможно предпринять “в верхах”, и вскоре посоветовал просить одно из строящихся в Москве высотных зданий для нужд МГУ. Напомним, что постановлением Совета Министров СССР “О строительстве в г. Москве многоэтажных зданий”, принятым 13 января 1947 г., предписывалось в течение 1947–1952 гг. построить восемь “высоток”. Одну из них предполагалось возвести “на Ленинских горах в центре излучины Москва-реки”,

⁴⁸ Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое... С. 182.

⁴⁹ Там же. С. 183.

⁵⁰ Протокол № 61 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 26 дек. 1947 г. п. 19. О ректоре Московского государственного университета (Секретариат – от 22 дек. 1947 г., протокол 334, п. 129-гс) (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1068. Л. 7); Летопись Московского университета: В 3 т. Т. 1. С. 514. Согласно воспоминаниям А.Н. Несмеянова, ему предложение занять пост ректора было сделано С.В. Кафтановым. “Когда я стал отказываться, – вспоминал А.Н. Несмеянов, – он дал мне понять, что этого делать не следует, да и мое сопротивление не было безусловным...” (Несмеянов А.Н. Указ. соч. С. 119. Мемуары писались в конце 1973–1974 гг. См.: С. 172, 129).

⁵¹ Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое... С. 181–182. На должность декана химфака А.Н. Несмеянов был назначен 18 октября 1944 г. (Летопись Московского университета: В 3 т. Т. 1. С. 483).

разместив в ней “гостиницу и жилье”⁵². А.Н. Несмеянов и Ю.А. Жданов составили краткое письмо на имя И.В. Сталина⁵³. Его текст обнаружить пока не удалось. “Положительное решение последовало очень быстро, – вспоминает А.Н. Несмеянов, – и уже на одном из первых заседаний Ученого совета МГУ я с большим удовлетворением сообщил об этом решении правительства”⁵⁴.

Насколько конкретно была сформулирована просьба и сколь определенной была наложенная резолюция или устное поручение, сказать сложно. Очевидно, площадка на Ленинских горах еще не была окончательно зарезервирована. Вряд ли московские власти решились бы на какое-либо “своеволие”, если бы “высочайшие указания” были точны. По воспоминаниям Ю.А. Жданова, примерно через месяц авторов записки пригласили в МГК ВКП(б) и Моссовет, которым было поручено ее рассмотреть. Пугая гостей сложностью лифтового хозяйства, московские руководители настаивали на строительстве здания в четыре этажа вместо запрашиваемых десяти, возили в район поселка Внуково, где и предлагали выделить земельный участок⁵⁵.

Е.М. Сергеев упоминает еще об одном варианте строительства. Секретарь Краснопресненского райкома ВКП(б) Москвы очень не хотел, чтобы университет (читай крупная партийная организация) уходил из сферы его влияния. По его предложению, он, А.Н. Несмеянов и проректор Г.Д. Вовченко выезжали осматривать площадку в районе нынешнего “советского торгового центра”⁵⁶. Однако участок на Ленинских горах казался наиболее удобным, с этим был согласен и президент АН СССР С.И. Вавилов⁵⁷.

Не без помощи А.А. Жданова, превратившегося в союзника университета (а точнее в союзника собственного сына), сопротивление московских чиновников было преодолено. А.Н. Несмеянов сохранил воспоминание об инциденте, происшедшем в Исполкоме Моссовета, когда его “зампред” – В.Ф. Мосолов, стоя возле карты, пытался предложить участок в 8–10 км. за Калужской заставой (т.е., тот, который Исполком Моссовета уже ранее предварительно закрепил за МГУ), а А.А. Жданов кричал на него, указывая пальцем в центр Ленинских гор⁵⁸.

Ждановский жест, очевидно, был воспринят с топографической точностью. Г.М. Попов вспоминал: “Вопрос о месте строительства МГУ был решен принципиально – Ленинские горы. Но где на Ленинских горах, в каком месте, – определили не сразу. Первоначально, по предложению А.А. Жданова, МГУ решили строить на обрыве, где сейчас смотровая площадка (рядом с церковью). Это решение было принято в мое отсутствие, так как в это время

⁵² ИА. 2004. № 1. С. 32.

⁵³ Несмеянов А.Н. Указ. соч. С. 129; Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое... С. 184.

⁵⁴ Несмеянов А.Н. Указ. соч. С. 120. В воспоминаниях Е.М. Сергеева сообщается, что этот процесс сопровождался консультациями со Сталиным. Вот как он передает суть выступления А.Н. Несмеянова на одном из совещаний руководства МГУ: “Я был у товарища Сталина. Он согласен, что по существу надо строить новый университет. С оборудованием и общежитиями. Вы знаете, что недавно было постановление о строительстве высотных зданий в Москве. Одновременно с ними строить и новые здания университета правительство считает невозможным. Это слишком дорого стоит. Поэтому предлагается на наше усмотрение или выбрать любое высотное здание из числа спроектированных и рядом с ним построить дополнительные корпуса... или подождать, когда будут построены высотные здания...”. Все высказались за то, чтобы “захватить” высотное здание (Сергеев Е.М. Указ. соч. С. 177).

⁵⁵ Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое... С. 184.

⁵⁶ Сергеев Е.М. Указ. соч. С. 177–178.

⁵⁷ Там же. С. 178.

⁵⁸ Несмеянов А.Н. Указ. соч. С. 124.

я был на юге, в Сочи. Вернувшись в Москву, я тщательно его рассмотрел. Место было недостаточно подходящим, так как на Ленинских горах оползни, и, кроме того, дальнейшее развитие университета “запиралось” обрывом, идущим к Москве-реке.

Будучи у Сталина, я поставил вопрос о переносе здания МГУ метров на 700 от обрыва. Сталин согласился с моими доводами...” Позже Попов предложил группе архитекторов, партийных и советских работников (около 100 чел.) поехать в район будущего строительства. По его просьбе руководители московской ПВО подняли три аэростата, чтобы собравшимся можно было представить, как будут смотреться центральная и две боковые башни. На месте центральной башни московский лидер, якобы, нашел конскую подкову, обрадовавшись этой счастливой примете⁵⁹.

Согласно воспоминаниям Ю.А. Жданова, по прошествии нескольких недель после поездки во Внуково его с А.Н. Несмеяновым вызвали, как он предполагал, “прямо на заседание Политбюро”, где Сталин поднял вопрос о строительстве нового здания МГУ и где были оговорены основные параметры Постановления. Все, что излагал вождь, было принято. Позволил себе возразить лишь В.М. Молотов, полагая, что студентам, для которых в общежитии предусматривались отдельные номера, будет скучно, поэтому их нужно разместить хотя бы по двое⁶⁰. Других возражений не было. 15 марта 1948 г. вышло Постановление Совета Министров СССР № 803 “О строительстве нового здания для Московского государственного университета”, состоящее из восьми пунктов и приложения в виде задания на его проектирование⁶¹. Дальнейшие правительственные решения его дополняли.

Решающая роль, которую сыграл в принятии Постановления И.В. Сталин, сомнений не вызывает. Сам он от лавров не отказывался, и оставил “для истории” надлежащее свидетельство, будучи уверенным, что оно сохранится. И не ошибся. Как писал в мемуарах А.Н. Несмеянов, на ближайшем после выхода постановления заседании Комитета по Сталинским премиям в области науки и техники он посчитал себя обязанным высказать слова признательности вождю. «Когда заседание окончилось и Сталин еще стоял за председательским столом, я подошел к нему и крепко поблагодарил за МГУ. Его ответ был еще короче, – сообщает мемуарист, – и я его помню дословно: “Исполняю свой долг”, – сказал он»⁶².

Однако изложение событий, связанных с историей принятия Постановления, на этом не заканчивается. Несмотря на то, что письмо Ю.А. Жданова и А.Н. Несмеянова на самом высшем уровне встретило благоприятный отклик, что предрешило выход правительственного документа от 15 марта 1948 г., работа по подготовке постановления ЦК по линии Агитпропа продолжилась.

⁵⁹ Попов Г.М. Воспоминания // “Партийный губернатор Москвы” Георгий Попов. М., 2004. С. 230. В Постановлении Совета Министров СССР “О проектировании и размещении нового здания Московского университета” от 3 июля 1948 г. внесена уточняющая топографическая запись (См.: ИА. 2004. № 1. С. 43). Биограф Г.М. Попова Е.В. Таранов существенно преувеличивает его роль в истории принятия решения о строительстве нового здания МГУ. Среди противников решения называет Н.А. Булганина (Таранов Е.В. Страницы биографии московского лидера Г.М. Попова // “Партийный губернатор Москвы” Георгий Попов. С. 62–64).

⁶⁰ Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое... С. 184–185. Автор ошибается в определении статуса совещания, на которое он был приглашен. Заседаний Политбюро, включающих в повестку дня вопрос о строительстве новых зданий МГУ, не было. Предложение Молотова в тексте совминовского постановления отражения не нашло (См.: ИА. 2004. № 1. С. 35).

⁶¹ ИА. 2004. № 1. С. 34–42.

⁶² Несмеянов А.Н. Указ. соч. С. 114.

С одной стороны, авторы обращения к И.В. Сталину, очевидно, не могли знать каким образом будет оформлено решение об МГУ, с другой – никто не давал указаний свернуть работу, которая велась Комиссией, действующей по поручению Оргбюро ЦК.

Новый документ в виде очередного проекта Совмина СССР получил название “Об улучшении университетского образования и мерах помощи Московскому и Ленинградскому университетам”. Он был составлен 19 февраля 1948 г., подписан С.В. Кафтановым, А.А. Вознесенским, А.Н. Несмеяновым, Ю.А. Ждановым и направлен секретарям ЦК ВКП(б) А.А. Жданову, А.А. Кузнецову и М.А. Суслову⁶³.

В архиве сохранился и второй, уточненный вариант этого проекта, посланный А.Н. Несмеяновым Ю.А. Жданову 2 апреля 1948 г. (т.е. после выхода Постановления от 15 марта). 8 апреля Ю.А. Жданов направляет уточненный вариант А.А. Жданову. Под проектом подписались те же лица. Перед заглавием надпись – “Товарищу Сталину”⁶⁴. Сравнительный анализ двух вариантов требует специального исследования (не будет лишним соотнести их и с проектом С.В. Кафтанова от 27 февраля 1947 г.). Остановимся лишь на некоторых важных характеристиках. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что содержание сопроводительной записки к первому варианту проекта, заключающей краткий очерк положения университетов после 1917 г. и состояния дел в науке почти текстуально совпадает с теми соображениями, которые вложил в уста И.В. Сталина Ю.А. Жданов, излагая в своих воспоминаниях историю встречи с вождем в Сочи 10 ноября 1947 г.

Возможны две версии. Или Ю.А. Жданов задним числом приписывает И.В. Сталину плоды позднейшего коллективного труда (что более вероятно), или действительно авторы пересказали в тексте “сталинские установки”. Но даже если исходить из того, что Ю.А. Жданов заимствовал соображения своего собеседника, то и в этом случае остается нерешенным вопрос о том, каковы были источники информации вождя, сыгравшие решающую роль в формировании у него собственной точки зрения, и кто персонально к этому причастен. Ю.А. Жданов и по сегодняшний день убежден, что “инициатива в постановке вопроса о строительстве университета... несомненно, принадлежит Сталину”⁶⁵.

Судя по ряду обстоятельств (в частности, по примерам из жизни Московского университета, обращению к опыту развития естественных наук, соображениям, которые явно основаны на богатом опыте преподавания и др.), ведущая роль в написании обоих вариантов текста принадлежала А.Н. Несмеянову. Авторы искусно маневрируют, находя компромисс с установкой А.А. Жданова на повышение внимания университетов делу подготовки педагогических кадров для средних школ⁶⁶. Во втором варианте, предназначенном для И.В. Сталина, сняты ссылки на опыт зарубежных, прежде всего американских университетов⁶⁷.

⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 616. Л. 82–106. В пункте, говорящем о расширении учебной площади университетов, уже имеется оговорка: “Для Московского Университета вопрос решится радикальным образом после возведения естественно-научных факультетов на Ленинских горах” (Там же. Л. 91).

⁶⁴ Там же. Л. 125–134.

⁶⁵ Письмо Ю.А. Жданова автору от 3 марта 2005 г. Архив автора.

⁶⁶ Одну из уступок ждановской установке можно обнаружить во втором варианте проекта по сравнению с первым (Ср.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 616. Л. 133 и 90).

⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 616. Л. 85, 87.

В сопроводительной записке после констатации существования периода в истории высшей школы, когда серьезно ущемлялись интересы университетов, вплоть до предложений об их закрытии, содержатся весьма жесткие оценки последствий этой политики, отразившейся на состоянии отечественной науки. Эти оценки непривычно резко контрастируют с формулами, порожденными кампанией борьбы с «низкопоклонством перед Западом»: «Наука в значительной мере приобрела узко прикладной характер, внимание ученых концентрировалось преимущественно на усовершенствовании готового, а не на творчестве нового. Научная мысль была направлена на доработку, рационализацию, улучшение старых достижений, а не на создание принципиально новых теорий, оригинальных изобретений. На этой основе возникла известная лень теоретической мысли, иждивенческие настроения, когда «творчество нового» сводилось к разработке, расшифровке и воспроизведению процессов, машин или препаратов, осуществленных или изготовленных за рубежом. В итоге основные теоретические достижения в области ведущей науки – физики – связаны не с именами наших ученых, а с именами Бора, Гейзенберга, Шредингера, Дирака, де Бройля. В равной мере принципиально новые практические достижения физики (искусственное получение элементов, электронный микроскоп, телевидение, боевые радиолокационные установки, циклотрон, наконец, атомная энергия), а также химии и медицины (например, сульфамидные препараты, пенициллин и другие антибиотики) впервые возникли не в нашей стране»⁶⁸.

Здесь же декларируются весьма важные установки, ориентирующие на принципиально иной подход к обучению и закрепляющие приоритетную роль научной работы в деле постановки университетского образования: «Университет должен предоставлять студентам широкое образование, знакомить их с новейшими достижениями науки. Однако университет обязан дать нечто большее, нежели обзор современных знаний. Эти знания постоянно меняются. Более важным является научить студента, как добывается знание, как оно применяется на любом поприще, научить, как ставятся те или иные проблемы, привить навыки самостоятельного творческого труда. Студент должен овладеть критическим подходом к вопросам, уметь исследовать и оценивать экспериментальные и теоретические аргументы. Отсюда очевидно, что уровень учебной работы в университете определяется уровнем научной работы в нем».

Предложения авторов проекта затрагивали широкий круг вопросов, касаясь отнюдь не только помещений и оборудования⁶⁹. Они настаивали на том, что реформирование университетского образования должно было начаться с Московского и Ленинградского университетов: «Именно с них должна быть начата реформа университетского дела, которая требует значительных материальных затрат и поэтому немыслима одновременно во всех университетах страны. Одновременно они должны послужить опытным полем для проверки эффективности намеченных мероприятий, с тем, чтобы в будущем распространить оправдавшие себя мероприятия на другие университеты»⁷⁰.

⁶⁸ Там же. Л. 84.

⁶⁹ Несмотря на то, что авторы знали о предстоящем решении проблем МГУ, они продолжали настаивать на достройке и новом строительстве в общей сложности трех жилых домов, а также предоставлении университету до окончания строительства ряда ранее принадлежавших ему зданий. Возвращения ранее принадлежащих зданий, а также зданий Сената, Синода и здания Военно-политического училища им. Энгельса они требовали и для ЛГУ (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 616. Л. 91, 98).

⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 616. Л. 133.

В вопросах распределения ресурсов в системе вузов авторы занимают весьма жесткую позицию: “Снабжение Московского и Ленинградского университетов должно производиться в первую очередь и, при необходимости, за счет других высших учебных заведений, чтобы не было уравнилельного распределения средств”⁷¹.

Проект направлен на превращение двух университетов в “привилегированные учебные заведения”, предоставляющие высококачественное образование, готовящие “высококвалифицированных, широко образованных специалистов по основным отраслям знаний для научной, педагогической, административной и иных форм государственной деятельности”.

Для этой цели предполагалось ввести более строгие правила отбора абитуриентов, в том числе – вступительные экзамены для выпускников-медалистов, ужесточить отношение к неуспевающим студентам (отчисление при повторном получении неудовлетворительной оценки на экзамене, отчисление после второго курса посредственных студентов с правом перейти на соответствующий курс другого вуза и др.). Одновременно должна быть повышена стипендия для студентов и аспирантов, предоставлены различные премии и льготы, для студентов МГУ и ЛГУ предлагалось ввести форменную одежду, для окончивших эти учебные заведения установить звание “ассистент” по соответствующей научной специальности. Обучение задумывалось разгрузить, оставляя возможность для самостоятельной работы студентов (свободное расписание, начиная с третьего курса).

Льготы и привилегии для профессорско-преподавательского состава также сочетались с мерами, призванными повысить требовательность к работе персонала, демократизировать систему университетского самоуправления (раз в пять лет конкурсы на замещение всех штатных должностей от зав. кафедрой до ассистента, тайное голосование при выборе деканов, также переизбирающихся через каждые 5 лет).

Пункт третий первого варианта проекта предлагал выделить из состава Московского университета группу естественно-научных факультетов и создать на их основе Университет естественных наук. Фактическое выделение произвести после постройки новых корпусов на Ленинских горах. Это, согласно воспоминаниям Ю.А. Жданова, соответствовало размышлениям Сталина, который высказал даже мысль о создании Университета химии⁷². Против этого пункта с “решительными возражениями” выступил один из подписавших – А.А. Вознесенский⁷³. Однако все эти разработки так и остались на бумаге.

Вместе со вторым вариантом проекта, направляемым для архивного хранения, подшита записка Ю. Жданова в Техсекретариат Оргбюро ЦК ВКП(б) от 10 декабря 1948 г., где говорится о том, что этот документ и другие материалы использованы для нового проекта постановления, который Агитпропом ЦК вносится на рассмотрение секретариата ЦК ВКП(б)⁷⁴.

Таким образом, вопрос о реформе университетского образования был снят с повестки дня и свелся к удовлетворению нужд МГУ в новых помеще-

⁷¹ Там же. Л. 134.

⁷² Ср.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 616. Л. 93; Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое... С. 182–183.

⁷³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 616. Л. 106.

⁷⁴ Там же. Л. 154. На карточке контроля за исполнением решения Оргбюро ЦК ВКП(б) от 21 мая 1947 г. (п. 2 “О положении университетского образования и мерах по его улучшению”) указана дата “снятия с контроля” – 18 декабря 1948 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 771. Л. 114).

ниях и оборудовании. Фактически университет был разделен на две части. Сегодня мы знаем, что перемещение части гуманитарных факультетов на университетскую территорию в районе Ленинских гор в значительной мере сняло это противоречие.

История принятия Постановления будет не полной, если проигнорировать последовавшее вскоре изменение партаппаратной конъюнктуры, создавшее непреодолимые препятствия быстрому продвижению Ю.А. Жданова по ступеням служебной карьеры. Менее чем через месяц, 10 апреля 1948 г., очевидно, вдохновленный первым успехом и продолжающий наращивать свою активность он выступил на семинаре лекторов обкомов и горкомов ВКП(б) в Политехническом музее, где позволил себе высказать критические замечания в адрес идей Т.Д. Лысенко⁷⁵.

На следующий день, как вспоминает Д.Т. Шепилов, в его кабинете раздался телефонный звонок Г.М. Маленкова, давнего соперника А.А. Жданова в борьбе за роль руководителя партийного аппарата. Он потребовал прислать ему неправленную стенограмму выступления Ю.А. Жданова. Материалы были искусно препарированы и доложены вождю. 31 мая 1948 г. на заседании Комитета по Сталинским премиям в области науки и техники И.В. Сталин в присутствии членов Политбюро неожиданно обрушивается на автора несанкционированного антилысенковского выступления. Речь закончилась предложением наказать не самого Ю.А., а так называемых “отцов” – А.А. Жданова и Д.Т. Шепилова⁷⁶. По воспоминаниям Г.М. Попова, 1 июля 1948 г. в Кремле, в кабинете И.В. Сталина, состоялось заседание Секретариата ЦК ВКП(б), в ходе которого вождь сказал, что считает целесообразным вернуть в состав Секретариата члена Политбюро Г.М. Маленкова в качестве второго секретаря⁷⁷. Этого удара А.А. Жданов не пережил. 10 июля ему был предоставлен повторный отпуск по болезни⁷⁸. Врачи рекомендовали ему лечение в одном из санаториев на Валдае, где он 31 августа и умер.

Г.М. Маленков не скрывает своей неприязни к Д.Т. Шепилову, который, как выдвигенец А.А. Жданова, становится одним из первых кандидатов на освобождение от должности. Повод находится после 13 июля 1949 г.⁷⁹

Ю. Жданов же об этом периоде вспоминает: “Практически я и наш сектор попали в изоляцию”. 10 июля 1948 г. он пишет покаянное письмо, публикуемое 4 августа в “Правде”. Женившись в апреле 1949 г. на Светлане Аллилуевой, Ю.А. Жданов приобрел известный иммунитет, предохраняющий от гонений. Однако сразу же после смерти Сталина, когда Г.М. Маленков стал одним из лидеров страны, он с должности зав. Отделом общественных наук ЦК был переведен на должность зав. Отделом науки Ростовского обкома ВКП(б)⁸⁰.

⁷⁵ Жданов Ю.А. Указ. соч. С. 252.

⁷⁶ Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое... С. 256; Несмеянов А.Н. Указ. соч. С. 111 (с ошибкой в датировке); Шепилов Д.Т. Указ. соч. № 6. С. 5–10. См. также дневник В.А. Малышева: “Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти” // Источник. 1997. № 5. С. 135).

⁷⁷ Попов Г.М. Указ. соч. С. 258.

⁷⁸ Жуков Ю.Н. Указ. соч. С. 470.

⁷⁹ Шепилов Д.Т. Указ. соч. № 6. С. 19–20. Еще раньше, в июле 1948 г., Управление агитации и пропаганды, сохраняя за собой весь круг обязанностей, было переименовано в отдел, что по номенклатурным понятиям означало понижение статуса.

⁸⁰ Жданов Ю.А. Указ. соч. С. 73, 307–308.

Трудно строить альтернативные сценарии событий, но вполне очевидно, что в период “опалы”, начавшийся после апреля–мая 1948 г. и особенно после прихода к руководству секретариатом ЦК Г.М. Маленкова, мера политического влияния Ю.А. Жданова заметно убавилась, активная позиция сменилась на выжидательную. Его возможности способствовать прохождению масштабных государственных проектов в условиях отсутствия политической поддержки со стороны отца, резко ограничились. Даже если считать деловые соображения решающими в деле принятия Постановления (не секрет, что порой они приносились в жертву борьбе политических и ведомственных интересов), дата его выхода, конкретное содержание (включая комплексность, масштабность подходов к решению вопросов, сроки и место строительства и проч.) вполне могли быть иными. О том что альтернативные варианты развития событий были возможны, что это отнюдь не умозрительные конструкции, свидетельствует как наличие различных проектов постановлений, так и реально проявившаяся позиция московских властей.

Б.Н. Казанцев

ОПАЛЬНАЯ ХРЕСТОМАТИЯ ЛАТИНИСТА С.И. СОБОЛЕВСКОГО

В 1930-е годы в связи с расширением сети высших учебных заведений и техникумов в СССР и увеличением численности обучающихся в них студентов заметно возросла потребность в учебниках и учебных пособиях. В 1933–1940 гг. в подготовке новых учебников для студентов гуманитарного профиля важную роль играли ученые и преподаватели академических институтов и Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

В создании книг для учащихся активно участвовал известный русский и советский филолог-античник, профессор Московского университета (с 1892 г.) и Московской духовной академии, член-корреспондент Академии наук СССР (с 1928 г.) Сергей Иванович Соболевский (1864–1963). Он был автором и редактором ряда научных трудов, учебников и пособий по древнегреческому и латинскому языкам, переводчиком античной классической литературы¹. Научно-педагогическая деятельность С.И. Соболевского в советские предвоенные годы протекала в обстановке репрессий. В этих условиях от преподавателей университетов и вузов партийно-государственные органы власти жестко требовали, чтобы создаваемые книги основывались на идеях марксизма-ленинизма и установках Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) о высшей школе. Отступление от этих требований использовалось представителями власти для предъявления к некоторым авторам надуманных политических обвинений. Не избежал их и С.И. Соболевский. Поводом послужила его хрестоматия латинских текстов для вузов².

В предисловии к ней Соболевский поделился с читателем своими мыслями о назначении пособия и основных принципах его составления: Он писал: “1. Хрестоматию, как и грамматику, я предназначаю преимущественно для высших учебных заведений. 2. Материал хрестоматии расположен в систематическом порядке применительно к моей грамматике и состоит из фраз, ведущих учащегося к чтению связного текста авторов. Хрестоматия мыслится мною как дополнение к грамматике...”³

Именно из-за приведенных в хрестоматии некоторых фраз и изречений и разгорелся “сыр-бор”. Об этом свидетельствуют четыре неопубликованных документа Секретариата ЦК ВКП(б) (в РГАСПИ). Все они относятся к разряду так называемых беспротокольных постановлений секретариата. Первый из этих документов представляет препроводительное письмо Всесоюзного Комитета по делам высшей школы (ВКВШ) при СНК СССР в Учебно-педагогическое издательство (Учпедгиз) Наркомпроса от 14 декабря 1937 г. В нем написано, что возвращая в Учпедгиз рукопись “Хрестоматии по

---

¹ См.: БСЭ. 3-е изд. М., 1976. Т. 24. С. 8; Краткая литературная энциклопедия. М., 1971. Т. 6. С. 994.

² Хрестоматия для переводов с латинского языка на русский / Сост. С.И. Соболевский. Утв. ВКВШ в качестве учеб. пособия для ин-тов и фак-тов иностр. языков. М., 1938. Ч. 1.

³ Там же. С. 3.

латинскому языку” Соболевского, ВКВШ “считает возможным допустить к изданию в 1938 г. только первую часть. Этимология”. Что же касается второй ее части (“Синтаксис”), то ее “необходимо включить в тематический план изданий 1939 г.”. Письмо подписал зам. председателя ВКВШ И. Тищенко⁴.

Другие три документа по “делу” хрестоматии Соболевского относятся к 1939 г. Два из них являются письмами ВКВШ на имя секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Жданова. В первом, от 5 августа, пояснялось, почему Учпедгиз согласился опубликовать учебное пособие. Такое согласие было дано после ознакомления издательства с положительной рецензией на “латинскую хрестоматию академика* С.И. Соболевского” коммуниста профессора Л.Д. Тарасова. Разрешение на издание книги было подписано заместителем председателя ВКВШ А. Сухановым. ЦК партии уведомлялся также о том, что “Хрестоматия” имела разрешение регионального цензурного органа – Леноблгорлита за № 3869. Действительно, на обложке вышедшего в 1938 г. пособия для студентов значится: “Леноблгорлит № 3869”.

Однако после сдачи книги в набор 28 июля 1938 г. ВКВШ сам занялся анализом смыслового содержания имевшихся в ней фраз и изречений древних авторов. В итоге этих “изысканий” был сделан следующий вывод: “Целый ряд фраз, подобранных академиком Соболевским из римских классиков, представляют собой враждебные марксизму-ленинизму положения, реакционные по существу с точки зрения научного социализма и советской современности” (Л. 173). На этом основании Комитет просил ЦК и лично Жданова изъять книгу из обращения. Письмо подписал председатель ВКВШ С.В. Кафтанов.

В приложении к письму от 5 августа приведены цитаты и изречения древних классиков, которые якобы неоспоримо свидетельствовали о “вреде” хрестоматии. Среди переведенных в ней с латинского на русский язык цитат были и такие: “Всякий, кто вредит не по своей воле, вовсе не есть вредитель”; “многих вредителей судьба сохраняет”; “Приносить пользу трудно, вредить легко”, “Мир желает, чтобы его обманывали”; “Никто не живет без преступления” (Л. 174).

Сам автор, как бы возражая своим будущим оппонентам, так писал о подобранных им цитатах для хрестоматии: “Фразы взяты без изменения или с несущественными изменениями из древних авторов и отчасти из новых латинистов, писавших хорошим латинским языком ... с обозначением автора и его сочинения”. И дальше: «Я старался выбирать такие фразы, которые имеют законченный смысл, понятный учащимся, и содержат в себе какую-нибудь “мысль” (а не простой набор слов), например, изречения, пословицы, исторические и культурно-исторические сведения: изучая грамматику, учащиеся попутно получают много сведений, касающихся мировоззрения древних, их быта и отчасти истории»⁵. Завершая свои пояснения, Соболевский указал, что “большая часть фраз” взята им “из Цицерона”⁶.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК ВКП(б)). Оп. 119 (Секретариат ЦК партии). Д. 1102. Л. 172. Заверенная машинописная копия. Далее сноски на листы дела даны в тексте.

* Такая грубая ошибка относительно академического звания (чл.-корр.) С.И. Соболевского содержится и в остальных двух документах. Авторы рассматриваемых архивных материалов перепутали статусы членства в АН братьев Соболевских. Академиком был не Сергей Иванович, а его брат Алексей Иванович Соболевский (1856–1929), крупный ученый, знаток древнерусской письменности и палеографии, известный консервативными общественно-политическими убеждениями еще в царское время (БСЭ. 1976. Т. 24. С. 8).

⁵ Хрестоматия... С. 3.

⁶ Там же.

Небезынтересно отметить, что в предисловии к изданной в 1938 г. “Грамматике латинского языка” Соболевский также подчеркивал: “В основание грамматики я положил язык прозаиков классического периода, преимущественно Цицерона и Цезаря”⁷.

Итак, отдельные изречения из произведений Цицерона, Цезаря и некоторых других писателей и общественно-политических деятелей работладельческого Рима так напугали ретивых чиновников ВКВШ, что они объявили их воззрения и взгляды враждебными марксистско-ленинской идеологии!

В последнем письме Комитета А.А. Жданову от 11 августа сообщалось, что разрешение на выход первой части “латинской хрестоматии академика Соболевского” было дано бывшим заместителем председателя ВКВШ И. Тищенко, арестованным органами НКВД в 1938 г., а не А. Сухановым, как указано в письме Комитета от 7 августа 1939 г. (на бланке ВКВШ стоит другая дата – 5 августа 1939 г. – Б.К.). Подлинник этого письма А.А. Жданову подписал новый заместитель С.В. Кафтанова А. Суханов (Л. 171).

Организационное бюро ЦК ВКП(б) рассмотрело присланную “Записку т. Кафтанова о хрестоматии академика Соболевского” и, как видно из протокола секретариата ОБ ЦК с грифом “Совершенно секретно” от 14 августа 1939 г., вынесло свое решение: “Разрешить Комитету по делам высшей школы при СНК СССР изъять из обращения хрестоматию академика Соболевского” (Л. 170). Постановление принималось распространенным тогда методом опроса – “голосования вкруговую”. Результаты голосования такие: “т. Жданов – за” (подпись его имеется на письме Кафтанова), “За Маленков” (оригинал подписи сделан синим карандашом). Других подписей нет.

Выписки из решения секретариата ОБ ЦК в тот же день были разосланы Маленкову, Кафтанову и Садчикову (Там же). Это решение, по-видимому, на заседание Политбюро ЦК ВКП(б) не выносилось. Во всяком случае, в перечне повесток дня его заседаний за август 1939 г. и позднее “Хрестоматия” Соболевского не фигурирует⁸.

Одним из возможных направлений дальнейших поисков материалов, которые могли бы ответить на вопрос, почему предписание вышеназванного влиятельного партийного органа не было выполнено, может стать обследование неопубликованных документов из дел ВКВШ и Учпедгиза РСФСР за 1938–1939 гг., хранящихся в ГАРФ и других архивах Москвы. Среди них могли отложиться отпуска и копии переписки с верхним эшелоном власти по “делу” попавшей было в опалу хрестоматии.

Книга Соболевского, подписанная к печати 16 октября 1938 г. (тираж 15 тыс. экз.), благополучно вышла в свет, а ее автор избежал репрессий.

Интересные впечатления о “Хрестоматии” Соболевского находим в воспоминаниях бывшего учащегося, а позднее преподавателя Московской духовной академии С.А. Волкова: “Соболевский своей задачей поставил выбрать такие фразы и отрывки, которые представляют собой законченные мысли, причем мысли глубокие, изречения философского характера, а вместе с ни-

⁷ Соболевский С.И. Грамматика латинского языка / Утв. ВКВШ в качестве учебника для ин-тов и фак-тов иностр. языков [1-е изд.]. М., 1938. С. 3.

⁸ См.: Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний, 1919–1952: Каталог. В 3 т. М., 2001. Т. 2. 1930–1939. С. 1071–1037.

ми – пословицы, моральные сентенции, меткие и остроумные замечания. Благодаря этому, его хрестоматия стала своего рода философским сборником, коллекцией интереснейших афоризмов древности, которую так же занимательно читать, как Ларошфуко и Лабрюйера. Не знаю, как обстоит дело на Западе, но ни одной подобной хрестоматии в русской учебной литературе я не знаю...”⁹.

По “Хрестоматии” С.И. Соболевского учились многие советские студенты, специализировавшиеся по латинскому языку. На вооружении латинистов осталась и “Грамматика” Соболевского. Она не потеряла своей востребованности и в наступившем XXI столетии. Об этом можно судить по рекламной информации о ее переиздании в 1998 г. В ней, в частности, написано: “Соболевский С.И. Грамматика латинского языка: Теоретическая часть. Морфология и синтаксис. СПб., 1998. 430 с. (Б-ка русской педагогики). Учебнику грамматики латинского языка свойственны компактность и стройность расположения изучаемого материала и основательность в изложении...”¹⁰.

---

⁹ Волков С.А. Возле монастырских стен: Мемуары. Дневники. Письма. М., 2000. С. 113. См. также с. 538. Благодарю А.В. Мельникова за сообщение об этой книге, а также о наличии дел в фонде С.И. Соболевского с рецензиями на его “Хрестоматию” (АРАН. Ф. 695. Оп. 2. Ед. хр. 93, 100, 101, 105; Оп. 1. Ед. хр. 229).

¹⁰ Книжное обозрение. 1998. 6 окт. № 40. С. 11. Грамматика переиздана и в 1999 г.

А.М. Дубровский

**С.В. БАХРУШИН – ПРЕПОДАВАТЕЛЬ
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

В мае 1904 г. Сергей Владимирович Бахрушин окончил историко-филологический факультет Московского императорского университета и 22 ноября того же года был оставлен при кафедре русской истории “для приготовления к магистерскому экзамену”. Нужно было сдать экзамены по ряду предметов, овладев при этом обширным кругом научной литературы. Затем молодой ученый получал звание приват-доцента и начинал преподавать в университете. Не имея права читать общий курс, он вел семинарские занятия, которые в начале XX в. все шире входили в систему обучения в университете. Кроме того приват-доцент мог читать специальные курсы.

Срок научной подготовки после окончания университета для Бахрушина протянулся до 1909 г. В течение нескольких лет – каждый день, с 10 часов утра и до 6 вечера, не отрываясь на обед, он работал в читальном зале Румянцевской библиотеки. Возвратившись вечером домой, он до поздней ночи систематизировал свои записи, размышляя над ними. “Все, с чем я пришел в качестве преподавателя в аудиторию Московского университета, я почерпнул из сокровищницы библиотеки Румянцевского музея в те долгие мирные часы, которые я проводил в каком-то блаженном отдыхе и спокойствии в стенах старого читального зала”, – вспоминал он впоследствии¹. В феврале 1909 г. закончилась растянувшаяся на несколько месяцев (с марта 1908 г.!) полоса магистерских экзаменов. Испытания прошли блестяще. Затем Бахрушин прочел две пробные лекции. Они были признаны удачными, и 4 июня 1909 г. попечитель московского учебного округа утвердил Бахрушина приват-доцентом историко-филологического факультета Московского университета. С 1909/10 учебного года началась его преподавательская деятельность в университете. Как приват-доцент он пока имел лишь право вести семинарские занятия, но не читать курс лекций.

Одновременно Бахрушин начал активную общественную работу, так как в 1908 г. он был избран в Московскую городскую думу. Основным полем его деятельности было школьное образование и призрение сирот. Бахрушину приходилось делить свое время между этой деятельностью, научными исследованиями и преподаванием. Его рабочий день был заполнен до отказа. Вера Дмитриевна Бахрушина, будущая супруга историка, вспоминала, что в детстве, бывая в доме Бахрушиных, неоднократно видела Сергея Владимировича, стремительно проходившего через комнату, где она играла с его сестрами. Он, не обращая внимания на младших, торопился к своим занятиям. В семье его прозывали “профессор”, что, вероятно, льстило самолюбию молодого человека.

Для ведения семинарских занятий – семинариев, как говорили тогда, – студентам нужны были сборники источников. Поэтому как раз в то время,

---

¹ АРАН. Ф. 624 (С.В. Бахрушин). Оп. 2. Д. 70. Л. 122, 87.

когда Бахрушин начал свою работу на историко-филологическом факультете университета, преподаватели этого факультета публиковали серию таких сборников под названием “Памятники русской истории”. Предполагалось издать шесть выпусков: “Памятники Удельного периода”, “Памятники истории Новгорода и Пскова”, “Памятники по истории крестьян XVI–XIX вв.”, “Памятники по истории Смутного времени”, “Памятники по истории Земских соборов”, “Памятники по истории эпохи императора Александра I”. В редакционную коллегию, которая занималась этим изданием, входили профессора В.О. Ключевский и М.К. Любавский, а также приват-доценты С.В. Бахрушин, Ю.В. Готье, А.А. Кизеветтер и А.И. Яковлев.

Еще в период подготовки к экзаменам и пробной лекции Бахрушин изучил такой комплекс источников, как духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. Вдохновил его на эту работу Алексей Иванович Яковлев, с которым Бахрушин сблизился в период работы в Румянцевской библиотеке. На основе этих грамот была написана первая статья молодого историка “Княжеское хозяйство XV – первой половины XVI в.”, и на эту же тему он прочел одну из своих пробных лекций. Естественно, что на долю Бахрушина пришлось подготовка выпуска “Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных” (М., 1909). Кроме того, он опубликовал сборник “Памятники истории Великого Новгорода” (М., 1909). Как видно, интересы молодого историка в начале его преподавательской деятельности были сосредоточены на так называемом “удельном периоде” отечественной истории. Работа с этим материалом на семинарских занятиях формировала у Бахрушина определенные воззрения на такого рода деятельность, вырабатывала принципы руководства семинарами, понимание задач преподавателя и студентов в такой форме учебы.

“Настоящий сборник имеет целью дать лицам, приступающим к занятиям по Удельному периоду русской истории, наиболее важный материал для изучения государственного быта названной эпохи”, – писал Бахрушин в предисловии к книге “Духовные и договорные грамоты...”² Примечательно, что в этом сборнике Бахрушин (видимо, в соответствии с планами редакции) дал читателю представление о публикуемых источниках как памятниках, отражавших не историю хозяйства, чему он посвятил свою первую научную статью, а в традиционном ключе – как об источниках по истории политических отношений (“государственного быта”). Между тем уже в конце предисловия он сообщил о разных точках зрения на “удельный порядок”. В частности, он упомянул “вопрос о феодальных отношениях, поднятый недавно Н.П. Павловым-Сильванским”³.

В ту пору воззрения Павлова-Сильванского не пользовались авторитетом в среде московской профессуры. Бахрушин же еще в студенческие годы проникся доверием к воззрениям петербургского историка, так как они совпадали с его собственными наблюдениями над историей боярства, которому была посвящена его выпускная работа “Социально-политические стремления московского боярства в XVI веке”. Возможно, из осторожности он в этой работе не включил в список использованной литературы работы Павлова-Сильванского. Не упомянул его имени и в тексте своей первой статьи, опубликованной в сборнике, посвященном юбилею Ключевского. Тот скептически отозвался о построениях Павлова-Сильванского в “Курсе русской истории”, че-

² Предисловие // Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных. М., 1909. С. V.

³ Там же.

го Бахрушин не мог не знать. Говорить в таком сборнике о воззрениях петербургского исследователя было бы не деликатно по отношению к юбиляру. Между тем, по воспоминаниям Бахрушина, в результате магистерской подготовки “самым существенным, что мною было приобретено, было окончатель[ное] и на этот раз вполне обоснованное научное признание *полного единства рус[ского] историч[еского] процесса с западным*”⁴. Только в сборнике княжеских грамот Бахрушин, наконец, заявил о работах Павлова-Сильванского, перечислив четыре из них. Нужно сказать, что в приводимом в предисловии списке рекомендованной студентам литературы бросается в глаза то немалое внимание, которое составитель уделил творческому наследию Павлова-Сильванского. Правда, он не включил в список его книгу “Феодализм в древней Руси”, возможно, потому, что она носила популярный характер, а указал лишь статьи Павлова-Сильванского, опубликованные в 1897–1902 гг. Так Бахрушин первым ввел в преподавание в Московском университете “теорию Павлова-Сильванского о русском феодализме”, о чем не без гордости вспоминал впоследствии, когда время подтвердило правоту многих идей этого историка⁵. “В курсе, посвященном периоду феодальной раздробленности, С[ергей] [Владимирович] очень много места уделил разбору концепции Н.П. Павлова-Сильванского”, – вспоминал Л.В. Черепнин, учившийся у Бахрушина в начале 1920-х годов⁶.

Еще одно научное имя было введено Бахрушиным в преподавание на историко-филологическом факультете Московского университета. Это имя А.А. Шахматова. «О Шахматове мне случайно сказал М.К. Любавский после обсуждения моего доклада по “Нач[альной] летописи” в его семинарии, – вспоминал Бахрушин, – с глазу на глаз во время перерыва в темном коридоре, ведшем в помещение, временно занятое под профессорскую, он успел мне шепнуть: “А вот, батенька, в Петербурге акад[емик] Шахматов высказывает мнение, что Новгород[одская] летопись древнее Исторовой”. Я тотчас же купил Новгородские летописи и самостоятельно произвел для себя сравнение обеих летописных редакций – работа, положившая начало моему методу критики источников... Могу сказать утвердительно, что Шахматова первый ввел в круг преподавания на историческом отделении ист[орико]-филолог[ического] факультета в 1909 г., когда по прочтении вступит[ельных] лекций я объявил семинарий по “Начальной русск[ой] летописи”»⁷.

В 1913–1914 г. вместо обычных для него семинариев по “удельному периоду” и Начальной летописи Бахрушин начал вести семинарские занятия по истории “Смуты” – гражданской войны начала XVII в. Это было результатом его архивных занятий. Еще весной 1910 г. С.Б. Веселовский писал петербургскому историку М.А. Дьяконову: “С.В. Бахрушин начал подбирать в архиве юстиции акты, в которых есть указания на результаты и последствия Смуты”⁸. Каким мотивом руководствовался начинающий исследователь, сказать весьма затруднительно. Возможно, искал “интересный документ”, который

⁴ АРАН. Ф. 624. Оп. 2. Д. 70. Л. 49.

⁵ Там же. Л. 41.

⁶ Черепнин Л.В. Отечественные историки XVIII–XX вв.: Сборник статей, выступлений, воспоминаний. М., 1984. С. 287.

⁷ АРАН. Ф. 624. Оп. 2. Д. 70. Л. 40–41. “Бесспорной заслугой С[ергея] В[ладимировича] является то, что он первым в Московском университете по-настоящему ввел в исторические курсы результаты замечательных исследований А.А. Шахматова и принял его метод”, – писал Л.В. Черепнин (Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 288).

⁸ Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. М., 2001. С. 113–114.

можно было бы “положить в основу диссертации”⁹. Здесь проявилась черта, важная для биографии историка и в то же время типичная для преподавателя университета – исследовательская работа питала преподавание Бахрушина.

Судя по письму Яковлеву от 5 августа 1913 г., в указанном году Бахрушин работал над новыми темами семинарских занятий. «Хотелось бы посоветоваться с Вами о практических занятиях, – писал он Яковлеву. – Пока у меня намечаются только некоторые темы:

- 1) Следственное дело об убийстве царевича Дмитрия.
- 2) Управление в Моск[овском] государстве при Владиславе...
- 3) Боярские правительства 1611–1612 г. ...
- 4) Царские записи.

Хотелось бы один вопрос поставить по “Временнику” Тимофеева, но специальных тем по критике литературы повестей я, может быть, не поставлю, так как сам не чувствую себя вполне разобравшимся в этом деле, а исключительно вести по Платонову я не хочу и вообще не люблю с чужих слов говорить.

Как видите, пока у меня план занятий еще очень смутный; рассчитываю в течение августа подготовиться. Из тем по историографии я намечаю один вопрос, который, по-моему, полезен и интересен: изучение истории Смутного времени в начале XVIII в., т.е. разбор известий Штралленберга, Фоккеродта, Татищева в связи с событиями начала XVIII века»¹⁰.

Однако не “удельный период”, не летописание и не “Смута” стали главным предметом увлечения для Бахрушина. Таким предметом стала история Сибири. В 1910-х годах Бахрушин начал заниматься материалами Сибирского приказа. Его внимание распределялось по двум направлениям – история русского населения в Сибири и история коренных жителей этого края. Особо интенсивная научно-исследовательская работа Бахрушина в этой области совпала с социальными потрясениями в стране, с Октябрьской революцией.

Революция внесла решительные изменения во внутреннюю жизнь университета. Были отменены прежние ученые степени и звания. Теперь звание профессора мог получить тот, кто вел самостоятельный лекционный курс и был избран на должность по конкурсу. В ноябре 1918 г. Бахрушин был утвержден штатным профессором, т.е. прошел этот конкурс. Теперь он должен был читать самостоятельные лекционные курсы. Они выросли из его семинарских занятий и архивных изысканий. Это были “Русская история XIII–XV вв.” и “История Сибири”. Был также продолжен семинар по истории Смутного времени¹¹. Видимо, историю “удельного периода” Бахрушин в своих записях начала 1930-х годов называл “курсом древней русской истории”, который впервые был ему поручен в 1918 г. “К этому времени вполне определился мой интерес к экономич[еской] истории и окончательно оформился взгляд на экономику как на решающий момент в историч[еском] процессе, и уже в 1918 г. ... я в своих лекциях проводил эту точку зрения довольно последовательно, хотя еще не вполне освободился от унаследованного от Ключевского исторического дуализма”, – писал он, вспоминая о преподавании в университете¹².

⁹ Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1997. (Научное наследие). С. 86.

¹⁰ АРАН. Ф. 665. Оп. 3. Д. 29. Л. 6–6 об.

¹¹ Архив МГУ. Ф. 16 (ФОН). Оп. 1. Д. 8. Л. 4. Сведения Временного Президиума факультета общественных наук, июнь 1919 г.

¹² АРАН. Ф. 624. Оп. 2. Д. 70. Л. 49–50.

По устному свидетельству К.А. Бейдемана, слушавшей курс Бахрушина по отечественной истории XIII–XV вв., события революции опустошили аудитории университета. В рассказе лектора мелькали трудно запоминавшиеся из-за их многочисленности имена русских князей. Вряд ли в бурные революционные дни, в пору гражданской войны и голодного существования кто-либо серьезно интересовался делами многочисленных правителей Руси и отношениями между ними. Ситуация в аудитории Бахрушина была типична. И в предшествующее время численность слушателей в аудитории зачастую определялась тем, что обычно называют “актуальностью” тематики. Так, М.Н. Тихомиров вспоминал, что он был единственным слушателем спецкурса М.К. Любавского по исторической географии России.

Тихомиров учился в университете в 1913–1917 гг. У него Бахрушин вел семинар по истории Великого Новгорода. Работа в этом семинаре послужила Тихомирову научной школой (так он оценивал ее спустя много лет), а Бахрушин стал “определяющим учителем”. Под руководством Бахрушина Тихомиров написал выпускную работу о псковском восстании 1650 г., из которой позже получилась небольшая книга. Эта первая опубликованная работа Тихомирова издана была в Москве в 1919 г., видимо, по рекомендации Бахрушина (ее автор в это время находился далеко от столицы). Признавая научное значение сделанного учеником, Бахрушин постарался продвинуть его труд в печать.

«В понимании С.В. Бахрушина, как затем и М.Н. Тихомирова, “научная школа” в высшем учебном заведении – это не только участие в семинаре под руководством высококвалифицированного преподавателя, но и подготовка самостоятельного научного труда по малоизученной тематике с привлечением архивных материалов. Оба были убеждены в том, что склонный и способный к научным занятиям студент уже в вузе может и должен работать именно как исследователь», – писал ученик Тихомирова С.О. Шмидт¹³.

В начале 1920-х годов аудитории стали наполняться слушателями. Началась пролетаризация студенчества, поэтому образовательный и общекультурный уровень учащихся резко понизился. Все же и среди новых студентов были люди, подготовленные для восприятия лекционных курсов на университетском уровне. Из их числа складывался кружок занимавшихся под руководством Бахрушина. В частности, в это время у него появился любимый ученик – Константин Васильевич Базилевич.

“С[ергей] В[ладимирович] менял темы своих занятий ежегодно, но состав участников у него также представлял собой крепкое основное ядро, остававшееся единым в течение нескольких лет, хотя каждый раз и с каким-то новым пополнением”, – вспоминал Л.В. Черепнин, слушавший лекции Бахрушина с 1922 г.¹⁴ Черепнин вспоминал, что в его время Бахрушин читал лекции по курсам “Киевская Русь”, “Удельный период русской истории”, “Московское государство XVI–XVII вв.” и вел семинарии “Социально-экономические отношения и политический уклад периода феодальной раздробленности (XIV–XV вв.)”, “Начальная летопись”, “Повести и сказания о так называемом Смутном времени”.

¹³ Шмидт С.О. С.В. Бахрушин и М.Н. Тихомиров (по архивным материалам) // Проблемы социально-экономической истории феодальной России: К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР С.В. Бахрушина. М., 1984. С. 64.

¹⁴ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 287.

Курс по истории Сибири был новым для Бахрушина. Он вырос из тех занятий в архивах, которыми Бахрушин занимался уже около десятка лет. В практике российской высшей школы до Бахрушина курс лекций по истории Сибири читал только Н.Н. Фирсов в Казанском университете и Московском археологическом институте. В 1915 г. он выпустил небольшую книжку в 86 страниц – “Чтения по истории Сибири” (Вып. I). Кроме того, в Московском университете приват-доцент П.М. Головачев читал специальные курсы по исторической географии и экономической географии Сибири. Правда, курсы Головачева не были опубликованы. В самой же Сибири никто не читал курс по истории края. Лишь в феврале 1917 г. на юридическом факультете Томского университета было разрешено чтение двух специальных курсов – по экономике Сибири П.И. Лященко и о местном суде и местном праве Г.Г. Тейльберга¹⁵.

Быть может, появление книги Фирсова в определенной степени натолкнуло Бахрушина на подготовку курса лекций по истории Сибири в Московском университете. Казанский историк наметил широкую программу изучения Сибири, однако он не занимался серьезно исследованием архивных материалов, поэтому его работа не пошла дальше сюжетов первоначального освоения сибирского края. Бахрушин же, многие годы исследуя фонд Сибирского приказа, мог гораздо глубже и подробнее осветить разные стороны жизни Северной Азии. Достаточно указать на то обстоятельство, что в 1919 г. издательство Сабашниковых заключило с Бахрушиным устное соглашение о подготовке к изданию книги по истории колонизации Сибири¹⁶. То есть к указанному году рукопись по крайней мере в какой-то степени была готова. В 1922 г. Бахрушин опубликовал “Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в.”¹⁷ А в 1923 г. была уже полностью приготовлена к печати рукопись одного из основных его трудов – “Очерки истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.” (М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1928). Это был первый (вводный по содержанию) выпуск из серии работ по истории Сибири, задуманной историком. Второй же по порядку и по степени готовности (в 1923 г.) назывался “Сибирские инородцы в XVI–XVII вв.”. Таким образом, чтение курса лекций по истории Сибири непосредственно предшествовало опубликованию исследовательских трудов, помогало автору систематизировать накопленный материал, проверить в аудитории свои выводы и наблюдения.

Как установила Н.Г. Башарина, в 1919 г. Бахрушин уже читал этот курс и осенью 1920 г. продолжал чтение¹⁸. Курс Бахрушина состоял из трех частей: история Сибири от монгольского завоевания до появления русского населения, народы Сибири в XVI–XVII вв., колонизация Сибири русскими в XVI–XX вв.¹⁹

Первый раздел был основан на литературе и опубликованных источниках. Более творческий характер носили остальные два раздела, где Бахрушин использовал архивные источники, впервые вводимые именно им в научный оборот. Таким образом, слушатели курса могли проникнуть в лабораторию историка, хотя бы со стороны почувствовать вкус архивной работы.

¹⁵ См.: Шейнфельд М.Б. Историография Сибири. Конец XIX – начало XX в. Красноярск, 1973. С. 186, 222; Башарина Н.Г. С.В. Бахрушин как историк Сибири: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. С. 73–74. Машинопись.

¹⁶ Башарина Н.Г. Указ. соч. С. 87.

¹⁷ Бахрушин С.В. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в. // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Пг., 1922. Вып. 2. С. 18–83.

¹⁸ Башарина Н.Г. Указ. соч. С. 72–73.

¹⁹ АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Д. 88. Л. 8–8а. Программа курса по истории Сибири.

Народы Сибири Бахрушин рассматривал по отдельным регионам: народы Западной Сибири, народы Восточной Сибири, кочевые народы Южной Сибири. Насколько можно понять, в этой части курса он проводил важнейшую концептуальную мысль об эволюции этих народов от родовых отношений к феодальным.

Третий раздел курса он разработал к 1920-м годам особенно успешно и на его основе опубликовал ряд работ. В лекциях были освещены следующие части – “Сибирь – источник пушнины”, “Сибирь – горнопромышленный район (XVIII – первая половина XIX в.)”, “Сибирь – рынок сельскохозяйственных продуктов”. Чтобы дать представление о разносторонности подхода Бахрушина к изучению истории края, обратимся к темам, составлявшим первую часть:

“А. Русское продвижение за Урал до конца XVII в.

Б. Русская колонизация Сибири в XVI–XVII вв.

1. Роль торгового капитала в захвате и колонизации Сибири. Торги и промыслы.
  2. Военная оккупация Сибири; состав и организация военных сил.
  3. Сибирский город в XVI–XVII вв.
  4. Хлебоснабжение Сибири. Земледельческая колонизация.
  5. Обслуживание путей сообщения (ямская гоньба).
  6. Приемы колонизации (вольная колонизация; прибор, ссылка). Итоги колонизации.
  7. Этнографический состав и культурное состояние колонистов.
- В. Организация управления.
1. Центральное управление Сибири.
  2. Местное управление. Уездное и разрядное. Воеводское управление.
  3. Организация ясака и политика в отношении туземцев.
  4. Восстания туземцев.
  5. Таможенное управление.
  6. Роль сибирской мягкой рухляди”.

Содержание этой части лекций должно было стать основой для очередных выпусков исследовательских трудов Бахрушина – “Русская колонизация в XVI–XVII вв.” и “Управление и финансы Сибири в XVI–XVII вв.”. В этом особенно убеждает план одного из них, который автор представил в предисловии к своим “Очеркам”:

“а) Русские торги и промыслы в Сибири.

б) Военная оккупация.

в) Пашня.

г) Церковная колонизация.

д) Средства сообщения.

е) Общие итоги”²⁰.

Как видно при сопоставлении плана выпуска монографических исследований с планом лекционного курса, почти каждому пункту выпуска (за исключением церковной колонизации) соответствует пункт плана лекционного курса. Каждая часть лекции была частью исследовательской работы историка. Как глубоко верно писал о работе Бахрушина-лектора исследователь его творчества М.Б. Шейнфельд, “лекции вбирали в себя методы научной критики источников, исследовательский подход к истории и разработку конкретно-

²⁰ Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1928. С. V.

го материала. В свою очередь, лекционный курс, над которым историк работал много и плодотворно, углублял его исследовательское мастерство, совершенствовал систему познавательных образных средств”²¹.

«Те, кто слышал С[ергея] В[ладимировича], никогда не забудут его своеобразную манеру чтения лекций, – вспоминал Черепнин. – Я не помню, чтобы он когда-либо выступал перед аудиторией сидя. Он всегда стоял и держал в поле зрения своих слушателей, как бы одновременно обращаясь и ко всем вместе и к каждому в отдельности. Его живая, образная речь захватывала нас, подчиняла, заставляла ловить каждое слово.

С[ергей] В[ладимирович] всегда являлся к нам с целой кипой “разнокалиберных” листочков: обычно тетрадного формата, иногда более крупных, исписанных его своеобразным мелким почерком. Но я не помню, чтобы он когда-либо читал по готовому тексту. По-моему, он не пользовался и конспектами. Но зато он очень часто вынимал какой-либо нужный ему листочек, с тем чтобы прочесть цитату из того или иного первоисточника. Не всегда необходимая выписка сразу попадала под руку. Происходила небольшая пауза, а затем громко и отчетливо звучал какой-либо красочный отрывок из летописного свода, княжеского духовного завещания или монастырской тарханной грамоты. Надо сказать, что С[ергей] В[ладимирович] с большим мастерством умел воспроизводить древнерусские тексты.

Характерной чертой лекционных курсов С[ергея] В[ладимировича] являлась насыщенность первоисточниками, которые он тут же перед слушателями подвергал критическому анализу. Это способствовало пробуждению у аудитории исследовательских навыков, приучало воспринимать не только готовые выводы, но и размышлять о том, как эти выводы добываются»²².

Семинарские занятия Бахрушина, как вспоминал Черепнин, считались трудными и поэтому не были многолюдными, что неудивительно при невысоком уровне подготовки основной массы слушателей. Зато те, кто был вполне готов к восприятию настоящей науки, в семинарии Бахрушина складывались в дружный коллектив. Вместе с Черепниным занимались Н.В. Устюгов, С.В. Киселев, Н.И. Привалова, И.С. Макаров, Д.М. Банин и др. Здесь происходило уже более глубокое проникновение в суть научной работы. “Приветствуя всякое проявление самостоятельности”, Бахрушин как глава семинара, по словам Черепнина, «подвергал результаты наших работ всестороннему обсуждению как полноценные научные высказывания. Он критиковал, и критиковал строго, но не как ментор, безапелляционно указывающий своим ученикам их ошибки и требующий их признания, а как равный с равными, как один из участников беседы, убежденный в правильности своей точки зрения, доказывающий, но насильственно не навязывающий ее другим. Наши семинарии по характеру прений напоминали скорее собрания научного кружка... Работа в семинариях велась на очень высоком уровне. С первого же года мы использовали в своих докладах все основные печатные издания актов XIV–XVI вв. – “А[кты] а[рхеографической] э[кспедиции]”, “А[кты] и[сторические]”, “Д[ополнения к] А[ктам] и[сторическим]”, “А[кты] ю[ридические]” и т.д. И это получалось как-то само собой, исподволь. Если бы С[ергей] В[ладимирович] дал нам сразу в начале занятий список всех тех источников, которые мы здесь изучили к концу года, все, вероятно, пришли бы в ужас. И здесь

²¹ Шейнфельд М.Б. С.В. Бахрушин и историография Сибири советского периода: Учебное пособие. Красноярск, 1980. С. 26.

²² Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 287.

также проявился его талант педагога. Он умел постепенно пробуждать в нас интерес к тому или иному вопросу и вовремя подсказывал новые источники, так что постепенное разрастание их круга казалось совершенно естественным. Ценно, что С[ергей] В[ладимирович] всегда стремился вовлечь своих учеников в круг более широких интересов, выходящих за пределы университетских стен. Он приглашал нас на доклады в существовавшем тогда Историческом обществе, Историческом музее, где он в то время работал, РАНИОН. Он ввел нас еще в университетские годы в научную семью московских историков»²³.

Итак, как писал сам Бахрушин в одной из автобиографий, с 1910 по 1925 г. в Московском университете “я читал общий курс по русской истории и специальные курсы (по истории колонизации Сибири и др.) и вел практические занятия (по источниковедению, русскому феодализму, по истории Смуты и др.)”²⁴.

Судя по трудовому списку, с апреля 1925 г. по апрель 1927 г. Бахрушин не работал в Московском университете²⁵. Наступил перерыв в его преподавании. Главными местами его работы в это время были Государственный Исторический музей и Институт истории РАНИОН, школа.

В 1927 г. его преподавание в университете возобновилось. В этом году умер Н.А. Рожков, читавший курс русской истории. Вместо него для ведения этого курса, просеминария и семинариев был принят на работу Бахрушин. Теперь, после преобразований, бывший исторический факультет, на котором должен был преподавать Бахрушин, назывался этнологическим. Он состоял из двух отделений – исторического и археологического. Бахрушин вел занятия на обоих отделениях.

Преподавание заставляло историка задумываться над теоретическими вопросами его науки, без чего невозможно было чтение курса лекций по отечественной истории. “Продолжение курса, начатого Н.А. Рожковым, которого я имел честь сменить после его смерти, вызвала необходимость в углубленном пересмотре моих общих историч[еских] взглядов”, – вспоминал Бахрушин об этом времени своего преподавания в университете²⁶. Таким образом, преподавание стимулировало известную идейную эволюцию Бахрушина как историка. Все большее значение в историческом процессе он придавал экономическому развитию общества. Все это отражалось на содержании его лекционного курса.

Как всегда, Бахрушин особенно ценил в студентах интерес к науке, стремление к исследовательской работе. В перерывах между часами лекций он выходил в коридор, садился за столик, отдыхая, а между тем его окружали студенты, и он рассказывал им о новостях исторической науки, о тех спорах, которые шли вокруг книги Д.М. Петрушевского “Очерки из экономической истории средневековой Европы” (М.; Л., 1928). Дома у него собирались его ученики, уже окончившие университет; по словам одного из них – Черепнина, “официальные семинарии превратились в неофициальный кружок. Для нас это была вторая школа, считая первой семинарии в университете”²⁷.

Как рассказывала автору настоящей работы студентка 1926–1930-х годов В.Ф. Захарина, С.В. Бахрушин обычно погружал студентов в источники.

²³ Там же. С. 288.

²⁴ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 82. Д. 379. Л. 54.

²⁵ АРАН. Ф. 624. Оп. 2. Д. 6. Л. 3.

²⁶ Там же. Д. 70. Л. 48 об.

²⁷ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 290.

Сперва необходимо было по источникам составить свое собственное мнение об изучаемых явлениях, а потом уже знакомиться с литературой. Кто после такого погружения смог выплыть на поверхность, тот шел к профессору с вопросами. Тогда получался уже профессиональный разговор. Такая система обучения нацеливала на подготовку исследователей, учила самостоятельно разбираться в научных вопросах. В то же время к студентам профессор относился как ко взрослым самостоятельным людям. В общении со студентами Бахрушин вел себя очень просто. “Забываешь, что перед тобой большой ученый”, – говорила В.Ф. Захарина.

1930/31 учебный год Бахрушин встретил, находясь под следствием по “Академическому делу”. С 1 ноября он был отчислен из университета по статье 47 Кодекса законов о труде вместе с Н.М. Дружининым, Ю.В. Готье, И.И. Полосиным²⁸. После следствия (без суда) последовала ссылка на пять лет в Семипалатинск, где Бахрушин пробыл до сентября 1933 г. и был досрочно освобожден. 1 сентября 1934 г. он снова был принят на работу в Московский университет в качестве профессора восстановленного исторического факультета. Вместе с ним на кафедре истории СССР под руководством А.М. Панкратовой, затем В.И. Лебедева работали как историки “старой школы” (К.В. Базилевич, Н.М. Дружинин, М.Н. Тихомиров), так и те, кого в 1920-е годы называли “красными профессорами” (Н.Н. Ванаг, А.А. Гайсинович, С.М. Дубровский, М.В. Нечкина). Со временем репрессии вырывали из рядов преподавателей именно “красных профессоров”. Между тем состав кафедры, еще не разделенной по специализации на исторических периодах, должен был расти по мере продвижения студентов от младших курсов к старшим и появления в учебном расписании таких курсов, которые не читались в самые первые годы жизни возрожденного истфака.

Вспоминая преподавателей исторического факультета в 1930-е годы, А.А. Зимин писал: «Тут были и трясущиеся от страха старички, “перековавшиеся” после события 1930 г. Здесь были и “выдвиженцы” из среды класса-гегемона, читавшие (и то, наверное, по слогам) только то, что можно было назвать катехизисом. Показались и беспринципные демагоги, все понимавшие, знавшие, но говорившие сладкие слова и желавшие только одного – сладкой жизни». Владимир Иванович Лебедев “был заведующим кафедрой (член партии). За него старики очень держались, так как пакостей он как будто особых не делал”²⁹. Становление преподавания на факультете затянулось из-за неустойчивого состава преподавателей, а еще более в силу того, что 1930-е годы были временем постепенного оформления новых воззрений на историю, временем создания новой (после М.Н. Покровского) концепции отечественной истории.

Исторический факультет располагался на улице Герцена, на втором этаже старинного особняка, неподалеку от старого здания университета. Наскоро приспособленное для нужд факультета помещение еще сохраняло следы обстановки барского дома. Кабинет декана – прежде графская столовая – был обит хорошими дубовыми шпалерами, у задней стены находился камин, посередине – большой дубовый стол. Неподалеку располагался актовый зал,

²⁸ АРАН. Ф. 624. Оп. 2. Д. 6. Л. 5. Распоряжение об увольнении было составлено 26 ноября 1930 г. (Там же).

²⁹ Зимин А.А. Недодуманные мысли: (Этюды и воспоминания). М., 1979. Л. 445, 448 (Домашний архив Зиминных).

комната, позже оборудованная под кабинет истории СССР, аудитория. Различного рода кабинеты располагались этажом выше.

Уровень подготовки у студентов был очень разный, в целом – невысокий. Кроме того, поступившим на истфак нужно было переключаться с привычного в школьном преподавании социологического материала на конкретно-исторический. По признанию студентки тех лет Э.С. Виленской, сдавать экзамены было трудно. Нелегко было и преподавателям. Господствовавшие ранее в советской исторической науке воззрения М.Н. Покровского уже устарели, а в чем же теперь заключалось марксистское понимание истории – никто толком не знал. Не было подробных и ясных директив, спущенных “сверху”. Программы по предметам нужно было разрабатывать заново на свой страх и риск. Учитывая новое содержание преподавания, во второй половине 1930-х годов Бахрушин вместе со своими сотрудниками разработал школьный учебник истории и учебник для высших учебных заведений. И опять, как и ранее, чтение курса, работа над учебниками заставляли Бахрушина еще и еще продумывать подходы к толкованию исторического материала, разрабатывать и уточнять концепцию отечественной истории.

Возвратившиеся из ссылки историки не были допущены к чтению общих курсов по отечественной истории. Они устроились главным образом в МГУ, Институте истории, философии, литературы (ИФЛИ), Институте истории Академии наук. Как вспоминала Э.С. Виленская, Ю.В. Готье, читавший лекции в ИФЛИ о Киевской Руси, преподносил студентам фактологическую сторону своего курса, добавляя в конце при этом: “А с марксизмом вы уж сами связывайте”. Когда арестовали заведующего кафедрой истории СССР в ИФЛИ С.А. Пионтковского, (“красного профессора”!) Готье, встретив на лестнице института Виленскую, с какой-то растерянностью говорил ей: “А вы знаете, что они со мной хотят сделать? Назначить заведующим кафедрой. А ведь я в марксизме ни бум-бум”. В 1930-х годах в идеологии партии появились новые, отсутствовавшие ранее понятия – “родина”, “патриотизм”, “великий русский народ”... Поэтому на лекциях в том же ИФЛИ о Смутном времени, Готье уже смелее и с долей иронии, мог сказать: “Как говорит марксизм сегодняшнего дня” (устные воспоминания Ю.П. Шарапова).

Бахрушин придерживался несколько иной линии поведения. Он не позволял себе острых высказываний о марксизме в присутствии студентов, даже начал читать произведения “основоположников”, оснащая цитатами из их произведений свои работы, возможно, и тексты лекций. В своих лекциях в ИФЛИ он не уходил от обобщений, отражал современную научную литературу. Главным же для него были факты, взятые из источников. Как и всех историков “старой школы”, ученого вдохновляли возрождение исторической науки, повышение ее статуса в глазах власти, востребованность его как профессионала. Он заботился о передаче исследовательских традиций молодежи. “В вас – моя жизнь”, – говорил он студентам, по свидетельству Виленской.

В МГУ курс отечественной истории с древнейших времен до конца XVIII в. читала М.В. Нечкина. С осени 1936 г., общий курс с древнейших времен до начала XIX в. читал К.В. Базилевич. На следующий год в чтение лекций включился В.И. Лебедев. С течением времени курс истории СССР, как тогда называлась отечественная история, все более детально разделялся между преподавателями. Так, в 1940 г. часть общего курса – лекции по Киевской Руси начал читать Б.Д. Греков.

“Наиболее сильными у нас были преподаватели, ведущие семинары”, – вспоминал А.А. Зимин³⁰. С 1935/36 учебного года Бахрушин руководил семинарскими занятиями по Киевской Руси. А.А. Зимину запомнилось, что на этих занятиях Бахрушин “всячески популяризировал... труды Шахматова”. Юные первокурсники с почтением и некоторым удивлением взирали на профессора, которому в то время было под шестьдесят. “Громадный, с могучей седой головой, постриженной бобриком, с небольшой клинышком бородкой и усиками и вместе с тем с маленькими сверлящими глазами и тоненьким голосом. Нас, студентов, он удивлял уже тем, что в любую стужу ходил в какой-то невообразимой крылатке (без рукавов, с застежками в виде львиных голов, она была куплена еще до революции, в одно из зарубежных путешествий за границу. – А.Д.), старой ушанке с опущенным ухом и обмотанный замызганным шарфиком. Но куда как более поразительным было, что он с нами, юнцами, обращался как со взрослыми людьми, чуть ли не как со своими коллегами. Педагогом Сергей Владимирович был отменным”, – писал Зимин³¹.

В 1937 г. вместе с Н.М. Дружининым и К.В. Базилевичем Бахрушин выступил в печати со статьей, которая отражала его принципы как руководителя семинарских занятий. Статья называлась “Какими должны быть исторические практикумы. Постановка практических занятий по истории СССР на исторических факультетах университетов”³². Позиция Бахрушина и его коллег была определенной: практические занятия не должны повторять общего курса, в них нужно учить студентов работе с источниками и научной литературой, т.е. занятия должны носить исследовательский характер. Эти принципы на своих семинарах Бахрушин проводил в течение всей своей преподавательской жизни.

С 1937 г. на истфаке МГУ началась специализация студентов. Преподаватели объявляли спецсеминары и спецкурсы. В связи с этим истфак пополнился новыми преподавателями. Кроме Грекова сюда пришел преподавать Готье. Все это означало повышение уровня подготовки студентов. С 1937 г. Бахрушин читал спецкурс “Русское государство и начало превращения его в многонациональное в XVI в.”. Соответствующую часть он писал, подготавливая учебник для истфаков университетов. Его все более привлекала тема экономического развития России в XVI в., в частности, развитие торговли, рыночных связей.

Он вернулся к чтению спецкурса по истории Сибири. В нем Бахрушин переработал некоторые части. Теперь они выглядели так: “Военно-феодальный захват Сибири до конца XVII в.”, “Феодальные методы эксплуатации зауральских колоний”. Существенными дополнениями были темы о каторге и ссылке, революционном движении. Курс доводился до Октябрьской революции³³. Вместо акцентирования мирных сил колонизации Сибири (купечество, охотники-промысловики), как это было в трудах Бахрушина, написанных в 1920-х годах, он теперь подчеркивал захватнические методы в освоении сибирского края, что соответствовало общему и обязательному для историков обличительному характеру освещения присоединения национальных окраин к России.

³⁰ Там же. Л. 446.

³¹ Зимин А.А. Храм науки: (Размышления о прожитом). М., 1979. Л. 39, 40. Домашний архив.

³² Базилевич К.В., Бахрушин С.В., Дружинин Н.М. Какими должны быть исторические практикумы: Постановка практических занятий по истории СССР на исторических факультетах университетов // Высшая школа. 1937. № 2. С. 85–89.

³³ См.: Шейнфельд М.Б. С.В. Бахрушин и историография Сибири... С. 52–53.

В 1936/37 учебном году вместе с Базилевичем и Лебедевым Бахрушин организовал проведение первой научной студенческой конференции на тему «Крестьянская война XVII в.»³⁴.

На историческом факультете Бахрушин курировал аспирантуру, будучи заместителем заведующего кафедрой. В 1937 г. в аспирантуре было восемь человек. Руководили подготовкой аспирантов Бахрушин, Базилевич, Тихомиров. В 1930-е годы Бахрушин возродил работу своего кружка, но уже с новым составом. Жизнь некоторых его учеников – в том числе участников этого кружка – трагически оборвалась в годы войны. Другие с годами выросли в известных историков. Так, в 1939 г. защитил диссертацию ученик Бахрушина М.Г. Сафаргалиев, которого Бахрушин любя называл Сафаром. Работа Сафаргалиева была посвящена истории Ногайской Орды в XVI в. и по сути дела продолжала исследования Бахрушина в области изучения азиатских народов, включенных в состав России. В Саранском университете до сих пор проводятся Сафаргалиевские чтения, посвященные памяти видного исследователя. Известно письмо С.В. Бахрушина М.Н. Тихомирову 1942 г., в котором ученый с печалью писал об ассистенте кафедры истфака МГУ Р.В. Жданове, изучавшем Древнюю Русь, и об И.В. Савкове³⁵, написавшем дипломную работу о взаимоотношениях Москвы и Крымского ханства в середине XVI в., а до того опубликовавшем статью о раскопках дневерусских курганов в подмосковных тогда Черемушках: «Расстраивают меня очень известия о нашей университетской молодежи: Жданов серьезно болен, Савков пропал без вести, а это мои любимые ученики последних лет»³⁶.

Одним из учеников Бахрушина в это время был и А.А. Зимин, которого Бахрушин очень высоко ценил еще со студенческих времен. В характеристике Зимина его научный руководитель писал: «Уже на I курсе проявились его выдающиеся дарования, большие познания в области литературы и источников, умение ставить широкие научные проблемы и разрабатывать детальные научные вопросы... Присутствовавший случайно на моей беседе с тов. Зиминим опытный университетский педагог профессор [В.Е.] Сыроечковский был крайне изумлен, узнав, что это студент I курса, так как из характера его консультации вынес убеждение, что это аспирант и притом один из сильных. Я горжусь тем, что мне довелось положить основание его ученой работе и могу смело сказать, что считаю его в числе наиболее выдающихся среди моих учеников, которых за тридцать лет моей преподавательской деятельности в Московском университете у меня было немало»³⁷. Впоследствии Зимин вполне оправдал надежды своего учителя. Под его руководством он написал свою первую диссертацию, а позже создал серию трудов по истории России – панораму исторического развития страны в XV–XVI вв.

В 1944 г. исторический факультет отмечал свое второе рождение – 10-летие восстановления факультета. 16 мая состоялось торжественное заседание. От кафедры истории СССР выступил Бахрушин. «Наша наука имеет громадную будущность, – говорил он, – и эта будущность принадлежит нашей стране, принадлежит студенчеству нашего факультета, которому предстоит не только строить историческую науку в нашей стране, но и пронести эту науку в западноевропейскую науку, пробить брешь в западноевропейской науке, за-

³⁴ Историческая наука в Московском университете. 1934–1984. М., 1984. С. 97.

³⁵ См. о нем: *Харькова (Савкова) Н.И.* Его звали Игорь Савков // АЕ за 1997 год. М., 1997. С. 202–214.

³⁶ Цит. по: *Шмидт С.О.* Указ. соч. С. 74.

³⁷ Домашний архив Зиминных.

ставить ее считаться с нашей наукой... Одно из величайших наслаждений для нас, старых преподавателей, это сознание, что наше дело не умрет с нами, что мы передаем его в верные руки, в те руки, которые сейчас борются на фронте за наше отечество и которые по заключении мира будут бороться за нашу науку на мирном фронте”³⁸.

Выступавшая на этом же собрании студентка первого курса Рождественская в своей речи выразила благодарность Бахрушину за курс лекций по русской истории: “Его лекции давали не только новые знания и ценные сведения, которых мы не могли найти в учебниках. Они расширили наш общий культурный кругозор и кроме того они были так проникнуты любовью к родине, к русской седой старине, что нам хотелось еще больше знать и знать именно русскую историю”³⁹.

Как и прежде, в 1940-е годы Бахрушин проявлял очень благосклонное отношение к молодежи, стремившейся в науку, всегда рад был ее поддержать. О некоторых характерных эпизодах рассказал в связи со 100-летием Бахрушина С.О. Шмидт: “Защита дипломной работы вызывала некоторое волнение и у моего научного руководителя М.Н. Тихомирова и, естественно, у меня. Дело в том, что в годы войны не было практики публичной защиты дипломных работ на историческом факультете МГУ. Такую практику попытались ввести в 1944 г., ограничившись защитой дипломных работ тех выпускников, которых предполагалось рекомендовать в аспирантуру. Защита проходила на заседании кафедры истории СССР, и первой назначили защиту нашей группе из четырех человек, специализировавшихся по отечественной истории периода феодализма у М.Н. Тихомирова (Е.В. Чистякова, В.А. Александров, А.Н. Мальцев и я). Первой должна была обсуждаться моя работа об А.Ф. Адашеве. С.В. Бахрушин, которого М.Н. Тихомиров просил ознакомиться с работой, не только написал краткий – одновременно деловой и благожелательный – отзыв, но и выступил устно, отметив при этом как положительный факт подготовку под руководством М.Н. Тихомирова сразу нескольких работ по малоизученной тематике. Что же касается кандидатской диссертации, то здесь я сам настоял перед М.Н. Тихомировым, чтобы именно С.В. Бахрушина просили выступить ее официальным оппонентом весной 1949 г. В этой работе я осмелился опровергнуть некоторые положения исследований С.В. Бахрушина, и мне хотелось, чтобы именно он, будучи наиболее видным тогда специалистом по истории России времен Ивана Грозного и членом Ученого совета истфака МГУ, сказал, даже не соглашаясь со мною, достоин ли я ученой степени. С.В. Бахрушин познакомился с диссертацией, признал ее отвечающей соответствующим требованиям и согласился быть оппонентом. Однако почти накануне защиты он внезапно заболел, и врачи уложили его в постель. И тогда С.В. Бахрушин сам обратился с просьбой к профессору К.В. Базилевичу выступить вместо него оппонентом, чтобы не сорвать защиту”⁴⁰.

После окончания войны кафедра истории СССР была самой большой на факультете. Поэтому она была разделена на секции феодализма, капитализма, социализма. Учебные вопросы решались по секциям, здесь же проходила защита дипломных работ. Научные доклады выносились на общие заседания. Бахрушин по-прежнему руководил аспирантами и в соответствии со своей специализацией читал часть курса по отечественной истории. “Без высокой

³⁸ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 4. Д. 9. К. 1. Л. 68, 69.

³⁹ Там же. Л. 69.

⁴⁰ Шмидт С.О. Указ. соч. С.64 (примеч.).

фигуры Сергея Владимировича, одетого в неизменную черную крылатку, как бы символизирующую высокую академическую науку, без всего его строгого, благородного облика просто невозможно представить исторический факультет МГУ предвоенных, военных и первых послевоенных лет”, – писали бывшие студенты истфака, вспоминая своего преподавателя⁴¹. Обращаясь на занятиях к своим ученикам, вероятно грешившим общими рассуждениями, прикрывавшими недостаточную осведомленность в фактах, Бахрушин восклицал: “История это вам не рассуждение по поводу, это наука!” Такая повторявшаяся фраза запомнилась студенту послевоенных лет Д.А. Авдусину.

В это время резко выросло количество студентов в аудиториях исторического факультета. Учиться на престижный факультет пришли и школьники, только что завершившие учебу, и фронтовики, отдавшие фронту ряд лет. На лекциях у Бахрушина было около двухсот студентов. Держать внимание учащейся молодежи было под силу не каждому. На первых порах при шуме и разговорах “Сергей Владимирович горестно умолкал и обращал в сторону нарушителей обиженное лицо”, – вспоминал слушавший его лекции в 1946/47 учебном году В.Б. Кобрин. Со временем в аудитории установилась тишина. “Лекции были строгими, но их не назовешь сухими: Сергей Владимирович заставлял нас следить за ходом своей мысли”, – писал Кобрин. Как когда-то во время занятий по истории освоения Сибири Бахрушин приносил в аудиторию свежие впечатления от архивного материала, апробировал при чтении лекций свои наблюдения и выводы, так и теперь он излагал идеи и материал будущей книги о русском рынке в XVI. “Бахрушин был сам столь увлечен темой, что смог увлечь и нас. Было наслаждением следить за тем, как из отдельных штрихов, казалось бы, разрозненных фактов возникала постепенно общая картина. А к выводу Сергей Владимирович вел нас так умело, что мы приходили к нему вроде бы сами, до того, как он был произнесен с кафедры. И радовались, услышав подтверждение своей догадки”⁴².

Другой слушатель тех же лекций, В.Я. Лаверычев так вспоминал об особенностях лекционного курса, который читал Бахрушин: “Во-первых, блестящее знание конкретного исторического материала, на редкость последовательное и логичное построение лекций. Во-вторых, отсутствие малейшей склонности к каким-либо внешним эффектам и упрощенной занимательности. И вместе с тем лекции были необыкновенно увлекательны. Слушатели, казалось, погружались в атмосферу той эпохи, о которой говорилось в лекции: перед ними зримо разворачивались давние события, представляли исторические персонажи. Сергей Владимирович настойчиво и умело стремился ввести слушателей в лабораторию исследования, пытался их сделать как бы соавторами своих основательно аргументированных выводов. Он сознательно избегал гипотетических построений. В третьих, Сергею Владимировичу как лектору было свойственно уважительное отношение к слушателям и собеседникам. В его манере общения не ощущалось каких-либо попыток подавить огромным превосходством опыта и знаний, которыми он обладал. Сергей Владимирович старался убеждать и оказывать влияние не авторитетом ученых званий и степеней, а авторитетом знаний и научной аргументацией”⁴³.

⁴¹ Предисловие // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. С. 6.

⁴² Кобрин В.Б. С.В. Бахрушин глазами школьника и первокурсника // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. С. 90.

⁴³ Лаверычев В.Я. С.В. Бахрушин – лектор Московского государственного университета // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. С. 88.

Судя по устным воспоминаниям слушателей лекционных курсов Бахрушина, у него было две манеры чтения лекций. Одна предназначалась для общего курса по отечественной истории, когда он работал с большой аудиторией первокурсников, едва вступавших в область науки. Здесь разворачивалось яркое повествование, увлекавшее слушателей зримыми образами. Они как бы видели людей русского средневековья, шли по улицам древней Москвы. Именно здесь слышались выразительные древнерусские речения, взятые из источников (использовались все те же традиционные листочки с цитатами). Вообще за кафедрой Бахрушин был очень артистичен.

Другая манера применялась при чтении спецкурсов, предназначенных для гораздо более подготовленных людей, с более зрелым интересом к истории. Здесь изложение материала было строже, академичнее. Быть может тут будет уместна параллель с творчеством Ключевского, у которого исследователи также наблюдают применение двух стилей изложения – так сказать образного и делового: в одной стилистической манере написан “Курс русской истории”, в другой – спецкурсы.

Первая – образная – манера составляла характерную особенность московской школы чтения лекций, в отличие от более академичной – петербургской. Она была ярко представлена в лекционной работе Ключевского, чье мастерство когда-то, в студенческие годы, увлекло Бахрушина на стезю изучения отечественной истории.

К сожалению, восстановить содержание учебного курса, читанного Бахрушиным, не представляется возможным. Он не писал ни более или менее полных текстов лекций, ни планов, никогда не читал по готовому тексту. Держа в руках листочки с выписками из источников, в своем изложении он шел от одного источника к другому – своеобразным “сдобным” (по выражению П.Г. Рынзюнского) голосом читал древнерусские тексты, передавая характеры и интонации людей далекого прошлого, и тут же производил критический анализ прочитанного источника.

Как всегда, он вводил слушателей в курс новейшей литературы, вспоминал написанное коллегами и учителями. “В изложении С.В. Бахрушина наука представлялась живой, а ушедшие историки близкими. Он спорил со старыми учеными, как с современниками”, – писал Кобрин⁴⁴.

Опираясь на устные воспоминания тех, кто слушал лекции Бахрушина в 1940-х годах, в последнее десятилетие работы историка в МГУ, можно сделать вывод о том, что в его курсе сквозила одна генеральная идея: важнейшие сдвиги в истории России происходили благодаря сплочению разных слоев и групп населения. Особенно ясно эта мысль заметна в его известной статье «“Избранная Рада” Ивана Грозного». Видимо, это был один из важнейших заветов, главный жизненный вывод, который уже постаревший историк хотел передать молодежи.

“Основным в его научном подвиге было то, что он сумел передать факел исторической науки, который он получил от своих учителей, историкам нового общества”, – так определил ученик Бахрушина А.А. Зимин итог работы Сергея Владимировича, и с этими словами нельзя не согласиться.

⁴⁴ Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 90, 91.

А.М. Пашков

ЕЛЕНА ИВАНОВНА КАМЕНЦЕВА КАК ЧЕЛОВЕК И УЧЕНЫЙ

С Еленой Ивановной Каменцевой (1920–2004) я познакомился в самом начале 1980-х годов, когда в Петрозаводском университете решался вопрос о моем направлении в аспирантуру Московского государственного историко-архивного института и о том, что Елена Ивановна будет моим научным руководителем. В то время она была уже известным ученым, профессором, заведовала (1976–1986) кафедрой вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ. Успешно защитив под ее руководством кандидатскую диссертацию, я вернулся в Петрозаводск, и затем с середины 1980-х годов в течении 20 лет, бывая в Москве, останавливался у Елены Ивановны. Вечерами мы подолгу и душевно с ней беседовали, и Елена Ивановна часто вспоминала о своей жизни, людях которые ее окружали и о тех событиях, участницей и свидетельницей которых она была.

По живости своего характера Елена Ивановна могла рассердиться и даже вспылить, если ей что-то не нравилось, но быстро отходила, была бесконечно добра и не держала зла. Она была далека от каких-то интриг, “подводных течений”, но могла высказать в лицо любому человеку все, что накопило у нее на душе. У нее было много друзей среди сверстников, коллег и учеников, которые были к ней искренне привязаны.

Елена Ивановна гордилась тем, что ее дедом по матери был Иван Ильич Барышев (1854–1911), приказчик известного книгоиздателя купца К.Н. Солдатенкова и забытый сейчас прозаик и драматург, автор большого количества юмористических рассказов из жизни “третьего сословия”, опубликованных под псевдонимом “Мясницкий”¹. В одной из комнат квартиры Елены Ивановны на стене висел большой, старинный, написанный маслом портрет И.И. Барышева, и в чертах лица Елены Ивановны легко просматривалось ее сходство с дедом.

Если я не ошибаюсь, у И.И. Барышева было пятеро детей. После его смерти они занимали большую квартиру на Софийской набережной, напротив Кремля. В годы первой мировой войны, революции и гражданской войны большинство потомков И.И. Барышева умерло или погибло. Елена Ивановна вспоминала, что один из ее дядьев прислуживал патриарху Тихону и был арестован, а другой водил дружбу с поэтом Сергеем Есениным, который бывал у них на Софийской набережной. Одна из дочерей И.И. Барышева, Александра Ивановна (1896–1969), вышла замуж за инженера Ивана Ефимовича Каменцева (1880–1922), который в 1920 г. был отправлен в Поволжье на восстановление разрухи, заболел там тифом и умер. Вдова с дочерью вернулись в Москву. Елена Ивановна вспоминала, что ее мать умудрялась держать на Софийской набережной козу, молоко которой было важным подспорьем для выживания семьи.

---

¹ См.: *Гитович И.Е.* Мясницкий Иван Ильич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 194–196.

В это время квартиру “уплотнили”, и у Елены Ивановны с матерью осталась только одна комната. Соседи были самыми разными людьми. Один из них, мелкий торговец в годы нэпа, был позднее арестован и пропал. С некоторыми соседями по этой коммунальной квартире Елена Ивановна впоследствии многие десятилетия поддерживала дружеские отношения.

В школе с Еленой Ивановной учились дети тогдашней высшей партийной и советской номенклатуры из находившегося неподалеку знаменитого “Дома на набережной”. Елена Ивановна вспоминает, что школьники из “Дома на набережной” держались обособленно, вели себя в отношении остальных детей надменно, щеголяли дорогой заграничной одеждой, не представляя, конечно, что ждет их впереди...

Жизнь на Софийской набережной, напротив Кремля, давала в 1930-е годы множество разных впечатлений. Недалеко от дома Елены Ивановны находилось английское посольство, и иногда можно было видеть, как туда на приемы съезжались представители других посольств и советские дипломаты. А однажды к набережной причалил катер, с которого на набережную сошел И.В. Сталин, вокруг сразу собралась толпа людей и, как вспоминала Елена Ивановна, кроме этой толпы ей увидеть ничего не удалось.

В один из последних приездов в Москву автор этих строк предложил Елене Ивановне посмотреть по телевизору сериал “Московская сага”, в котором воссоздана довоенная московская жизнь, и получил раздраженный ответ: “Я и без всяких сериалов знаю как тогда жили люди в Москве. Все жили очень плохо и все боялись!”

После окончания в 1938 г. школы Елене Ивановне нужно было решать, что делать дальше. Отчим-фотограф (к тому времени мама вышла замуж снова) предлагал Елене Ивановне освоить профессию фотографа, но она, может быть, впервые проявила характер и решила учиться дальше. Для получения высшего образования она выбрала образованный в 1930 г. Историко-архивный институт. 1930-е годы были периодом становления историко-архивного института. В нем преподавали многие известные ученые. Одним из наиболее успешно развивавшихся направлений в то время было изучение и преподавание вспомогательных исторических дисциплин. С 1938–1939 учебного года их преподавание в МГИАИ вел Николай Владимирович Устюгов (1896–1963). Уже в 1939–1940 гг. он опубликовал на стеклографе краткие пособия по нескольким читаемым им курсам². В августе 1939 г. была создана кафедра вспомогательных исторических дисциплин. Ее первым заведующим стал Александр Николаевич Сперанский. Новая кафедра нуждалась в кадрах, поэтому там началась подготовка аспирантов. Под влиянием курсов Н.В. Устюгова Елена Ивановна решила заняться изучением вспомогательных исторических дисциплин. В феврале 1942 г. она поступила в аспирантуру по кафедре ВИД.

Война внесла коррективы в размеренную жизнь института. Осенью 1941 г. Н.В. Устюгов ушел в московское ополчение, попал в окружение, а после выхода из него был зачислен в регулярную армию и вернулся в МГИАИ только в 1945 г. В годы войны между Еленой Ивановной и Н.В. Устюговым продолжалась переписка, и до конца своей жизни Елена Ивановна бережно хранила его письма с фронта.

² Устюгов Н.В. Учебное пособие по вспомогательным историческим дисциплинам. М., 1939. Ч. 1: Хронология; М., 1939. Ч. 2: Метрология; М., 1939. Ч. 3: Сфрагистика; М., 1940. Ч. 4: Геральдика; М., 1940. Ч. 5: Нумизматика.

В начале марта 1942 г. на кафедру ВИД был принят на должность заведующего кабинетом Лев Владимирович Черепнин (1905–1977), известный советский ученый. Он окончил аспирантуру РАНИОН, в 1930 г. его арестовали по так называемому “академическому делу”, приговорили к ссылке на Север, и три года (1931–1933) он провел на лесозаготовках в Холмогорском районе. Хотя после 1933 г. Л.В. Черепнин не подвергался больше репрессиям, но, по свидетельствам знавших его людей, он до конца жизни “производил впечатление напуганного человека”. В августе 1942 г. группа сотрудников и преподавателей МГИАИ, в которую входили Елена Ивановна и Лев Владимирович, были отправлены на заготовку леса в окрестности Дмитрова. Об этом эпизоде своей биографии Елена Ивановна позднее вспоминала: «Не помню уже как и почему, но когда нас разбили на пары для пилки дров и рубки леса, я оказалась в паре с Львом Владимировичем. Нам выдали пилы и топоры. После короткого инструктажа (ведь мало кому из нас приходилось держать в руках пилу) начали работу...

У каждого человека своя система общения с людьми, и за этой системой не всегда улавливается подлинная сущность человека. Пытаюсь вспомнить, о чем мы говорили в лесах под Орудьевым? Нет, научных разговоров не было. “Елена Ивановна! Будьте добры, подайте топор”. – “Пожалуйста...” – “Спасибо!” Вероятно, отродясь более вежливых лесорубов не существовало на свете. Тогда сложились добрые отношения на долгие годы. Через восемь лет, уже после войны, по просьбе Н.В. Устюгова Лев Владимирович выступит у меня на защите кандидатской диссертации в качестве официального оппонента, а через много лет, уже больным, огруженным человеком, он поедет в Ленинград выступать оппонентом на моей докторской диссертации»³.

Л.В. Черепнин заменил ушедшего на фронт Н.В. Устюгова в чтении курсов по вспомогательным историческим дисциплинам, дополнил его пособия новыми материалами и издал сначала переработанные и дополненные пособия Н.В. Устюгова⁴, а затем и собственные пособия по метрологии и хронологии⁵. Уже после войны Л.В. Черепнин издал курс палеографии, в котором наряду со своими материалами использовал рукописи умершего в блокаду ленинградского историка Н.С. Чаева⁶. В период кампании по “борьбе с космополитизмом” в конце 1940-х годов это пособие Н.С. Чаева и Л.В. Черепнина подверглось несправедливой критике⁷. В результате Л.В. Черепнин серьезно переработал и расширил это пособие, создав фактически новый учебник, который и был издан с грифом МГИАИ в 1956 г.⁸

В июле 1942 г. из блокадного Ленинграда был эвакуирован выдающийся дореволюционный геральдист Владислав Крескентьевич Лукомский (1882–1946) и после нескольких месяцев лечения в санатории, но не позднее декабря 1942 г., он уже приступил к занятиям в МГИАИ. И хотя В.К. Лукомский был уже тяжело болен, в годы пребывания в стенах МГИАИ он успел

³ Каменцева Е.И. Л.В. Черепнин в Историко-архивном институте // Феодализм в России: Сборник статей и воспоминаний, посвященный памяти академика Л.В. Черепнина. М., 1987. С. 14–15.

⁴ Устюгов Н.В. Учебное пособие по вспомогательным историческим дисциплинам. В 2 частях / Сост. Н.В. Устюгов, перераб. и доп. по поруч. кафедры вспомогат. истор. дисц. Л.В. Черепнин. М., 1943. Ч. 1: Хронология; Ч. 2: Метрология и денежный счет.

⁵ Черепнин Л.В. Русская метрология: Учебное пособие / Под ред. А.И. Андреева. М., 1944; Он же. Русская хронология: Учебное пособие / Под ред. и с предисл. А.И. Андреева. М., 1944.

⁶ Чаев Н.С., Черепнин Л.В. Русская палеография: Учебное пособие / Под ред. А.И. Андреева. М., 1946.

⁷ Простоловская Л.Н., Станиславский А.Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990. С. 36–37.

⁸ Черепнин Л.В. Русская палеография: Учебное пособие для вузов. М., 1956.

подготовить несколько работ по геральдике⁹. В 1980-е – начале 1990-х годов Елена Ивановна много делала для того, чтобы восстановить память о В.К. Лукомском, ориентировала своих аспирантов на поиски документов о нем в архивах и подготовку посвященных ему публикаций, сама написала несколько работ о В.К. Лукомском. Так, уже в начале 1980-х годов она располагала копией автобиографической “Хроники моей жизни” В.К. Лукомского, с которой она тогда же ознакомила И.В. Борисова и автора этих строк. Итогом всех усилий стала написанная Еленой Ивановной (в соавторстве) брошюра о В.К. Лукомском, содержащая исчерпывающий биобиблиографический указатель¹⁰.

Кроме упомянутых специалистов в годы войны и в первые послевоенные годы на кафедре ВИД работали Александр Игнатьевич Андреев (1887–1959), Иван Филиппович Колесников (1872–1952), Иван Александрович Голубцов (1887–1966) и многие другие известные историки и архивисты. В эти же годы на кафедре учились в аспирантуре известный украинский историк академик Ф.П. Шевченко, с которым Елена Ивановна впоследствии долгие годы поддерживала дружеские отношения, и ведущий специалист по истории России XVI–XVII вв., Н.Ф. Демидова, которая со студенчества была лучшей подругой Елены Ивановны. С марта 1943 г. Елена Ивановна, не прерывая учебы в аспирантуре, стала лаборантом кафедры ВИД, а с конца 1944 г. начала свою многолетнюю преподавательскую деятельность.

Именно в 1940-е годы под влиянием выдающихся ученых, в основном, дореволюционной школы, таких как Н.В. Устюгов, В.К. Лукомский, А.И. Андреев, И.Ф. Колесников, Л.В. Черепнин, Елена Ивановна сформировалась как педагог и ученый. В 1949 г. она успешно защитила кандидатскую диссертацию, посвященную новгородским актам XVII в. В начале 1960-х годов под влиянием “хрущевской оттепели” историческая наука стала освобождаться от догматизма, и в этих условиях вырос интерес к вспомогательным историческим дисциплинам. Елена Ивановна со своим учителем Н.В. Устюговым впервые в СССР издает в ведущем научном издательстве “Высшая школа” массовым тиражом два учебных пособия – по сфрагистике и геральдике и по метрологии¹¹. Пособие по сфрагистике и геральдике содержало обширный список литературы, созданный на основе картотеки, подготовленной в 1940-х годах Л.В. Черепниным и В.К. Лукомским. Выход этих пособий сразу сделал Елену Ивановну признанным и авторитетным исследователем, известным как у нас в стране, так и за рубежом¹². В середине 1970-х годов оба пособия были переизданы “Высшей школой”¹³. Показательно, что, хотя Н.В. Устюгов умер в 1963 г. и переработку пособий для их переиздания Елена Ивановна делала уже самостоятельно, она, верная памяти своего учителя, переиздала их вновь в соавторстве с Н.В. Устюговым.

⁹ Лукомский В.К. К вопросу о происхождении Смоленского герба // ТМГИАИ. М., 1946. Т. 2 / Под ред. А.И. Андреева; *Он же*. Герб как исторический источник: (доклад, прочитанный в секторе вспомогательных исторических дисциплин 22 ноября 1945 г.) // КСИИМК. М.; Л., 1947. Вып. 17; *Он же*. Эмблематический гербовник / Рис. А.А. Толоконникова // Геральдика: Материалы и исследования: Сборник научных трудов. Л., 1987. Последняя работа была создана В.К. Лукомским в 1944 г. в количестве 10 экземпляров как учебное пособие для студентов МГИАИ.

¹⁰ Каменцева Е.И., Наумов О.Н. В.К. Лукомский: Жизнь и деятельность: Биобиблиографический указатель. М., 1994.

¹¹ Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская сфрагистика и геральдика. М., 1963; *Они же*. Русская метрология. М., 1965.

¹² См.: Пашков А.М. Труды Е.И. Каменцевой в англоязычной историографии // Гербовед. 1995. № 7.

¹³ Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская сфрагистика и геральдика: Учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., доп. М., 1974; *Они же*. Русская метрология: Учебное пособие. 2-е изд. М., 1975.

В 1967 г. Елена Ивановна публикует в издательстве “Высшая школа” свое учебное пособие по хронологии¹⁴. Оно было написано на таком хорошем уровне, что было переиздано 35 лет спустя¹⁵. Кроме того, Елена Ивановна издала целый ряд учебных пособий по вспомогательным историческим дисциплинам для студентов МГИАИ¹⁶.

Можно без преувеличения сказать, что в 1960-е – 1980-е годы тысячи студентов, аспирантов, сотни преподавателей высшей школы и ученых-историков и не поддающееся исчислению количество любителей изучали геральдику, сфрагистику, метрологию и хронологию по этим пособиям. Все эти издания неизменно хорошо были встречены читателями и быстро расходились. Елена Ивановна особенно гордилась тем, что в конце 1970-х или начале 1980-х годов в Ленинградском НИИ метрологии, чтобы снабдить все отделы ее учебным пособием по исторической метрологии, его копировали на ксероксе.

В 1966 г. Елена Ивановна успешно защитила докторскую диссертацию “Русская историческая метрология конца XVII – первой половины XIX в. (Исследование по истории мер)”¹⁷, формально закрепившую за ней уже фактически достигнутый ею статус одного из крупнейших в СССР специалистов в области вспомогательных исторических дисциплин. В 1969 г. Елена Ивановна получила звание профессора и в 1976 г. стала заведующей кафедрой вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ.

Конец 1960-х – начало 1980-х годов было временем расцвета научной и педагогической деятельности Елены Ивановны. У нее появилось много учеников, студентов-дипломников и аспирантов. Одним из первых ее учеников был Б.П. Зайцев, работавший потом в Харьковском университете. С неизменной теплотой она всегда высказывалась о заведующем отдела нумизматики Музея-заповедника “Московский Кремль” С.В. Звереве (“мой ученик Сергея Зверев”) и нумизмате и историке из Вологды А.В. Быкове. Она очень жалела, что ее студент С.Г. Андриеш-Табак из Молдавии, написавший хорошую дипломную работу по молдавской геральдике, не смог продолжить учебу в аспирантуре МГИАИ, потому что независимая Молдова предпочитала готовить свои кадры в Румынии, а не в Москве. Известным специалистом по геральдике стал И.В. Борисов. Продолжателем своего дела на кафедре Елена Ивановна считала Е.В. Пчелова. Именно с ним Елена Ивановна связывала надежды на переиздание своих пособий по метрологии и сфрагистике и геральдике.

Из всех учеников Елены Ивановны нужно выделить ее последнюю аспирантку сотрудницу Центрального музея древнерусской культуры и искусств им. А. Рублева Елену Яковлевну Зотову, успешно защитившую весной 2003 г. кандидатскую диссертацию на тему “Медное художественное литье XVIII – начала XX в. старообрядческих мастерских Москвы: источниковедческое исследование”. Е.Я. Зотова в последние годы жизни Елены Ивановны вместе с ее родственниками взяла на себя заботу о ней, часто приезжала к Елене Ивановне и помогала ей решать разные бытовые проблемы. Надо отметить, что до последних дней жизни Елена Ивановна была окружена вниманием кафед-

¹⁴ Каменцева Е.И. Хронология: Учебное пособие для студентов гос. университетов. М., 1967.

¹⁵ Каменцева Е.И. Хронология. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2003. 160 с.

¹⁶ Программы курсов, учебники и учебные пособия, изданные кафедрой вспомогательных исторических дисциплин // Вспомогательные исторические дисциплины: высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации. М., 1994.

¹⁷ Каменцева Е.И. Русская историческая метрология конца XVII – первой половины XIX в.: (исследование по истории мер): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1966.

ры, ей звонили, ее навещали и по настоянию заведующей кафедрой М.Ф. Румянцевой Елена Ивановна до конца своих дней оставалась профессором-консультантом.

В конце 1980-х – 1990-е годы в нашей стране происходило быстрое возрождение вспомогательных исторических дисциплин. В новых условиях Елена Ивановна, как признанный авторитет в этой области, была символом преемственности разных поколений ученых, человеком, чей авторитет помогал проведению конференций, изданию сборников, принятию новых гербов и т.д. В 1988 г. по инициативе Елены Ивановны и под ее руководством возник семинар по вспомогательным историческим дисциплинам, который с 1992 г. продолжился в виде семинара по геральдике. Позднее его работой руководили ученики Елены Ивановны О.Н. Наумов и Е.В. Пчелов. К настоящему времени этот семинар стал центром объединения геральдистов не только Москвы, но и многих городов России. На основе прочитанных там докладов вышел научный сборник¹⁸.

Признанием этих заслуг можно считать номер журнала “Гербовед”, посвященный 75-летию юбилею Елены Ивановны¹⁹, и организованную кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин при участии АК РАН, ГИМ, ГИКМЗ “Московский Кремль” и РГАДА в феврале 2001 г. конференцию “Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы”²⁰.

Елену Ивановну будут чтить и помнить множество людей в разных городах России и стран СНГ, и лучшим памятником ей будет создание при кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин из книг ее личного собрания мемориальной библиотеки литературы по вспомогательным историческим дисциплинам ее имени.

---

¹⁸ Труды Историко-архивного института. М., 2000. Т. 34: Сборник статей геральдического семинара ИАИ РГГУ. Вып. 1.

¹⁹ Гербовед. 1995. № 1 (7). С. 3–36 (статьи И.С. Сметанникова, О.Н. Наумова, Н.Ф. Демидовой, Л.Н. Простоволосовой, А.М. Пашкова, Р.А. Симонова, И.В. Борисова и др. материалы).

²⁰ Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы: Тезисы докладов и сообщений. М., 2001.

Е.Н. Швейковская

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ГОРСКАЯ: СЛУЖЕНИЕ ИСТОРИИ И ЛЮДЯМ

Писать о ярком, талантливом человеке всегда трудно, а если это – неординарный ученый и красивая женщина, под темперамент и обаяние которой невольно поддаешься, то намного сложнее. Представление о вкладе ученого и его месте в развитии науки неизбежно страдает субъективизмом, независимо от того, отделен ли он от пишущего многими десятилетиями или несколькими годами. Воссоздавать облик коллеги и близкого современника – необходимый долг памяти и нелегкая попытка соотнесения сделанного им с его временем.

Творческий путь Натальи Александровны Горской (1930–2004) был связан с Институтом истории (Институтом истории СССР) АН СССР (с 1992 г. Институтом российской истории РАН), а проблемно с историей России XVI–XVII вв. И хронологический период, и аграрная тематика, которым Н.А. была привержена, не были явно приоритетными в исторической науке второй половины XX столетия.

Становление будущего ученого совершалось на истфаке МГУ, где она слушала лекции таких крупных историков, как С.В. Бахрушин, М.Н. Тихомиров, М.О. Косвен, занималась в семинарах Н.Л. Рубинштейна, А.И. Неусыхина. Специализироваться же она пошла к Б.Д. Грекову и была его последней ученицей. В его семинаре 1950/51 г. Н.А. работала над темой о договоре найма рабочей силы в XVII в., к которой собирала материал в ЦГАДА¹. Семинары этого и следующего, 1951/52 г. были последними занятиями ученого на истфаке, где Н.А. занималась вдвоем с Я.Н. Щаповым. К Б.Д. Грекову же, после успешной защиты диплома, она в 1952 г. поступила в аспирантуру Института истории АН СССР.

Гнетущую обстановку в Институте и вокруг фигуры Б.Д. Грекова в 1950–1953 гг. рельефно показала сама Н.А. в книге, посвященной своему Учителю². И как раз в конце 1940 – начале 1950-х годов Б.Д. Греков основал новое масштабное направление в отечественной истории – исследование аграрной составляющей материального производства. Н.А. пишет: “Этот проект был выношен совместно С.И. Вавиловым и Б.Д. Грековым и должен был, хотя бы частично, послужить воплощению в жизнь погибшей мечты Николая Ивановича Вавилова”. В 1949 г. в Институте истории была образована Комиссия по истории земледелия, возглавляемая Б.Д. Грековым, а на местах – подобные комиссии или группы. Ставилась задача изучения земледелия на территории СССР с привлечением не только историков, но и ученых смежных специальностей: археологов, этнографов, агротехников, ботаников. Начальный период этой большой работы состоял в создании истории русского земледелия, что воплотилось в вышедших под редакцией Б.Д. Грекова

---

¹ См. прил., с. 359.

² Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков. М., 1999. С. 176–179.

двух томах специального издания “Материалы по истории земледелия СССР” (М.; Л., 1952, 1956)³. Именно в русле этого большого проекта Б.Д. Грекова находилась предложенная им аспирантке совершенно новая для того времени тема диссертации о зерновом земледелии в центральных областях Русского государства во второй половине XVI – начале XVII в., а также ориентированность на занятие мало перспективными, как тогда казалось, источниками.

Н.А. Горская сосредоточилась на хозяйственной отчетности монастырей, среди которой первостепенное место заняли учетные книги – хлебные приходо-расходные, ужинно-умолотные и посевные и др. конца XVI – начала XVII в.; вкуче они охватывали территорию от Белоозера на севере до Козельска и Коломны на юге. Знакомый хоть сколько-нибудь со сведениями этих источников мог счесть их довольно однообразными и мало информативными и даже скучными, ведь в них записывались высев и сбор зерна. Однако Н.А. сумела максимально “выжать” из книг данные для получения конкретно выпуклых характеристик и весомых выводов: о региональном и порайонном распределении зерновых культур, их ассортименте и соотношении в посевах, об урожайности зерновых культур как показателе уровня производительности земледелия. Она не обошла своим вниманием вопроса о земледельческих орудиях, употреблявшихся в разных районах центральной части тогдашней России, а также о способах обработки пахотных угодий и агрикультурных мероприятиях. Успешно защищенная в 1955 г. кандидатская диссертация: “Зерновое земледелие центральных областей Русского государства во второй половине XVI – начале XVII в. (по материалам хозяйственной отчетности монастырей центральной части Русского государства)”, к сожалению целиком не была опубликована, ибо не относилась к приоритетным темам. С течением времени стало ясно, что ее появление обозначило возникновение нового типа исторических работ, именно – по аграрной культуре российского социума. Главные положения своего исследования Н.А. Горская обнародовала в нескольких статьях и в обширном, существенно дополненном новыми изысканиями, разделе “Земледелие и скотоводство” в труде “Очерки русской культуры XVI в.”⁴

Остановлюсь на оценке и некоторых приемах использования сведений упомянутых выше книг конца XVI – начала XVII в. Кирилло-Белозерского, Спасо-Прилуцкого, Иосифо-Волоколамского и других монастырей в работе Н.А. Горской. Фиксация в них высева и сбора зерна в четвертях позволяет, по ее мнению, “определить, какие зерновые культуры возделывались на тех или иных широтах в пределах рассматриваемой территории, а также каково было соотношение различных зерновых культур в высевах, т.е. какую хозяйственную роль играли разные культуры в каждом из изучаемых районов. Большой интерес представляет и вопрос о том, как в разных районах распределялась между зерновыми культурами подвергавшаяся обработке пахотная земля”. Так как в источниках крайне редко указана площадь под теми или иными хлебами, Н.А. прибегает к “косвенным и в значительной мере условным

³ Там же. С. 187–188.

⁴ Горская Н.А. Земледельческие орудия в центральной части Русского государства второй половины XVI – начала XVII века // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1959. Сб. III; Она же. Урожайность зерновых культур в центральной части Русского государства в конце XVI – начале XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1961 г. Рига, 1963; Она же. Зерновые культуры и их территориальное распределение в центре Русского государства к концу XVI – началу XVII в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1969. Сб. VII; Очерки русской культуры XVI века. М., 1977. Ч. 1. С. 43–98.

подсчетам, главную роль в которых играют показатели типичных для разных местностей норм высева зерновых культур на единицу площади”⁵. Умело заданные источниковому материалу вопросы, максимально критическое использование данных тех или других книг в зависимости от того, какие из разновидностей сохранились, сопоставление сведений книг разных типов для получения систематических материалов, а в случаях их отсутствия привлечение отдельных фактов по какому-либо изучаемому вопросу из источников совершенно другого вида и все это при внутренне присутствующей оценке полноты сведений – таковы методы работы Н.А. Горской с впервые досконально изученным массивом хозяйственных книг учетного характера. Отсюда основательность и убедительность ее суждений и выводов. Например, в отношении территориально-географического распределения и соотношения зерновых культур. Она установила, что на рубеже XVI–XVII вв. “посевам ржи и овса вместе взятым принадлежало подавляющее большинство площади высева – от 80 до 88%. Доля других культур соответственно невелика, однако налицо постоянное обязательное присутствие в посеве наряду с рожью и овсом ряда культур: на севере – ячменя, пшеницы, гороха, южнее – еще и гречи”. Выявленное соотношение культур уполномочило ученого на следующий важный вывод: “Таким образом, по мере продвижения с севера на юг в посеве возрастала доля более ценных культур, в чем находило выражение *стихийно складывающееся районирование хлебных культур* (курсив мой. – Е.Ш.) на территории центра Русского государства, являвшееся результатом многовекового опыта русского земледельца”⁶.

Соглашусь с В.Д. Назаровым, написавшим в свое время: “Вот эта совокупность полноты аккумулированной документации и тщательности в ее анализе и имели своим результатом пласт новых фактических данных по ключевым аспектам истории зернового хозяйства. Их интерпретация позднее переосмысливалась самой Натальей Александровной (в первую очередь), но все же массив сведений и очевидные выводы на его основе сохранили актуальность до сих пор”⁷.

После окончания аспирантуры Н.А. Горской, верной ученице Б.Д. Грекова, не нашлось места работы в соответствующем профилю ее занятий секторе Института истории. Со времени основания в 1957 г. журнала “История СССР” в течение 13 лет она была сотрудницей и заведующей отделом истории с древнейших времен до начала XVIII в. Занимаясь журнальной работой, которая не сводится только к редактированию статей, а требует наряду с профессионализмом таких человеческих качеств как выдержка, такт, умение быть контактной с людьми и просто физических сил, особенно в авральные ситуации, Н.А. продолжала свои исследовательские занятия монастырскими крестьянами. Они увенчались выходом книги “Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в.” в 1977 г. и защитой докторской диссертации в 1978 г.

Монография посвящена постижению “внутреннего механизма функционирования феодальной системы в монастырской деревне в XVII в.”, и оно ведется по нескольким взаимосвязанным проблемам: землевладение и землепользование крестьян и роль общины в поземельных отношениях; принципы обложения владельческими повинностями; внеадельное землепользование; рентные платежи крестьян в пользу землевладельца и государства. Следует

⁵ Горская Н.А. Зерновые культуры и их территориальное распределение... С. 7.

⁶ Там же. С. 22; Очерки русской культуры XVI века. 1977. Ч. 1. С. 45.

⁷ Назаров В.Д. Наталья Александровна Горская: постскриптум к юбилею // ОИ. 2001. № 3. С. 137.

подчеркнуть, что на то время историографическая разработка поставленных во главу исследования вопросов была фрагментарной и имела неравнозначные итоги. Самым результативным было изучение рентных отношений, о крестьянской аренде имелись определенные суждения. Работы о функциях сельской общины и ее роли в землевладении и землепользовании только появились, в применении же к монастырской деревне названные вопросы почти не ставились⁸. Сама Н.А. по поводу историографического обзора проблем монастырской деревни XVII в. высказалась следующим образом: “Нас интересовали главные итоги, к которым пришла советская историография на сегодняшний день. Выявление этих итогов позволило определить основные направления настоящей работы и выделить те проблемы, решение которых возможно на базе имеющихся в нашем распоряжении источников”⁹.

Источниковой же базой стал значительный массив разнообразной хозяйственной документации монастырских архивов, из которой извлекались сведения о положении самих крестьян. “Такая задача затруднена тем обстоятельством, что крестьяне интересовали монастырскую администрацию только под одним углом зрения – как источник доходов. В связи с этим особую ценность приобретают все документы, исходившие от самого крестьянства: челобитные и жалобы монастырских крестьян, поручные записи, тяжebные, следственные дела о монастырских крестьянах (в составе которых сохранились крестьянские сказки) и т.п.” Уже перечисленные автором разновидности документов, а ими они не исчерпываются, говорят не только о необходимости разного аналитического подхода к ним, но и о важности получения репрезентативного материала.

Н.А. Горская отдавала себе полный отчет в специфике использованных источников. “При общей скудости дошедших до нас сведений о крестьянах XVII в. обращение к монастырским архивам оправдано лишь при сплошном просмотре всех документов, хранящихся в них. Именно на таком принципе обследования архивов монастырей Центра Русского государства – Новодевичьего, Покровского-Суздальского, рязанского Солотчинского, московского Знаменского, Иосифо-Волоколамского, а также в значительной степени Донского и частично приписных к нему” и построено ее произведение. Подчеркну, что земельные владения обследованных обитателей находились в 29 различных уездах Центральной России.

Автор приводит исчерпывающую номенклатуру материалов монастырских архивов XVII в. Они “содержат земельные акты и богатую хозяйственную документацию: книги и ведомости о поступлении и расходе денежного и натуральных доходов; ужинные и умолотные житничные книги (книги “прихода хлебу”); росписи оброчных денег; росписи оброчных пустошей и записи о сдаче их в оброчное содержание; наказы монастырских властей о сборе государственных и владельческих оброков; льготные грамоты монастырским крестьянам; текущую переписку монастырской администрации по хозяйственным вопросам со своим аппаратом (посельскими старцами, наместниками, строителями, приказчиками, слугами) на местах, в селах и вотчинах; челобитья посельских старцев, наместников приписных монастырей монастырским властям и челобитья монастырских властей царю; официальные писцовые и

⁸ Монографии В.А. Александрова “Сельская община в России (XVII – начало XIX в.)” (М., 1976) появилась из печати в самом начале 1976 г., а Е.Н. Баклановой “Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII – начало XVIII в.” (М., 1976) – примерно на полгода раньше книги Н.А. Горской, и ей не удалось в должной мере учесть результаты этих книг.

⁹ Горская Н.А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. М., 1977. С. 11.

переписные материалы; наказные памяти (своеобразные инструкции) слугам и приказчикам. Особую ценность представляют материалы внутривотчинных переписей монастырской деревни, содержащие подворную тягловую раскладку; окладные книги распределения тягловой земли и счетные росписи монастырской земли”¹⁰. Известную сложность вызывало и хронологически неравномерное распределение сохранившейся документации практически всех монастырей.

Порайонное рассмотрение сущностного вопроса землепользования о величине надела крестьянского двора привело Н.А. к доказательному выводу: “Итак, тяглый надел монастырских крестьян, в условиях фиксированной ренты, представлял собой тот минимум, который обеспечивал простое воспроизводство крестьянского хозяйства и ренту монастырю-вотчиннику... Реализация возрастающих хозяйственных возможностей крестьянских дворов в промежутках между очередными фиксациями ренты (применительно к монастырским вотчинам – между новыми окладами) осуществлялась монастырем путем выделения крестьянам сверх тягла земли из оброка”¹¹.

Ударной в книге стала как раз проблема пользования внеадельными землями из оброка. Внимание к вопросу об аренде в историографии конца 1950–1960 гг. было связано с поиском ростков капиталистических отношений в экономике XVII в., а конкретнее – с прослеживанием фактов мобилизации земли в руках зажиточного крестьянского меньшинства. Наиболее последовательно эту точку зрения выразил А.Н. Сахаров, который считал аренду оброчных земель в XVII в. показателем противоречивого взаимодействия “крепостнической” и “антикрепостнической” тенденций и средством мобилизации земель в руках появляющегося в результате расслоения зажиточного крестьянства.

Совершенно иную трактовку аренды предложила Н.А. Горская. Она употребляла не термин аренда, а “оброчные” земли, как наиболее адекватный существу обозначаемого им явления. Основательно, с привлечением массового материала из монастырских приходных книг и специальных приходных книг “оброчным” деньгам исследовательница решает круг значимых вопросов – от территориального распространения и контингентов крестьян, берущих землю на оброк, до соотношения крестьянской надельной и оброчной земли и перехода оброчных земель в тягло¹². Н.А. выявила действовавшую массовую практику пользования оброчными землями в дополнение к надельным, что утвердило ее во мнении об органичности внеадельной формы землепользования. Землевладельцам она давала возможность использовать постоянно меняющиеся трудовые ресурсы крестьянского хозяйства, а крестьянам расширять воспроизводство своего хозяйства. Вывод Н.А. Горской о сути оброчного использования земель абсолютно противоположен точке зрения на аренду как фактор возникновения капиталистических отношений в аграрном производстве XVII в. Она как раз подчеркивает: “Оброчные земли, отчетливо фиксируемые известными нам источниками, начиная с последней трети XVI в., – естественный и необходимый спутник развитого феодального надельного землепользования в стране с еще далеко не исчерпанными для культурного освоения территориями, обеспечивающий в течение десятилетий расширенное производство крестьянского хозяйства в земледельческой

¹⁰ Там же. С. 11–12.

¹¹ Там же. С. 83.

¹² Там же. С. 86.

монастырской деревне в рамках феодальных производственных отношений”¹³.

Основательность вывода Н.А. о преобладании именно потребительской аренды в XVII в. пошатнула воззрения о раннем генезисе капитализма в России, причем имевшие тогда достаточно прочные позиции. Она же побудила и дополнительные поиски в данном направлении (В.М. Воробьев и А.Я. Дегтярев, Е.И. Колычева, З.А. Тимошенкова, А.Л. Шапиро, Е.Н. Бакланова (Швейковская) и др.).

Ценными стали также результаты изучения роли общины в регулировании крестьянского землевладения и пользования. Н.А. Горская установила два взаимосвязанных направления в деятельности мира, которые сводились к общим переделам земли и тяголом и частичным земельно-тяглым поравнениям. Причем, первые происходили при введении вотчинником новых окладов, учитывающих возросшие хозяйственные возможности крестьян; такие переделы не были частыми, их проводили раз в 10–15 лет. Другая же мера – частичные поравнения – была повседневной функцией, регулирующей соответствие размеров земли доле тягла. “Принцип уравнительности в применении к монастырской деревне XVII в. следует понимать как уравнивание соотношения между трудовыми ресурсами двора и его тяглом, т.е. в конечном счете как залог обеспечения общей тяглоспособности”¹⁴ – таков был важный вывод исследовательницы.

Естественно, что большое место в монографии Н.А. Горской заняла характеристика рентных взиманий как владельческих, так и государственных. Соотношение форм и размеров владельческой ренты было выяснено для отдельных монастырей по исчерпывающему кругу вопросов. И в данном случае она уделяет пристальное внимание полноте сведений использованных источников. Автор отмечает, что данные о ренте имеются в разнотипных источниках, которые требуют “индивидуальных источниковедческих характеристик”, и они развернуто даются при изложении конкретного материала. Вместе с тем Н.А. перечисляет наиболее важные источники, указывая вопросы, на которые они дают ответы. Самые обстоятельные – вотчинные окладные книги, фиксировавшие владельческие платежи и повинности; “книги переписи монастырей и монастырских вотчин и описи монастырского имущества”, проведенной Монастырским приказом в 1701–1705 гг., и подготовительные сведения к ним, составленные в монастырях и содержащие данные о формах и размерах ренты; монастырские приходо-расходные книги, тетради и отдельные записи о сборе денежной и натуральной ренты; книги мирских старост приема денег с календарными записями поступления денежных сборов; наказные памяти монастырских властей приказчикам и переписка с ними о размерах денежных и натуральных поборов и о самых их сборах; также ряд сведений разрозненных источников. Н.А. резюмирует: “Пестрота используемых источников, данные которых дополняют друг друга и требуют взаимной проверки, делает целесообразным построить дальнейшее изложение по вотчинному принципу, обращаясь сначала к архивам тех монастырей, которые содержат материал по более ранним десятилетиям XVII в., а затем последовательно прослеживая хранящиеся в этих архивах источники до конца XVII – начала XVIII в.”¹⁵ Принцип верификации данных разных источников в соответствии с хронологией сформулирован вполне ясно.

¹³ Там же. С. 205–206.

¹⁴ Там же. С. 232.

¹⁵ Там же. С. 235–237, 238.

Историк досконально выяснила, что при ведущем положении отработочной формы и относительной стабильности денежной в монастырских вотчинах действовал принцип фиксированности ренты, который стал нарушаться в последние 20 лет XVII в. А соотнесение размеров государственных и владельческих повинностей и платежей монастырских крестьян показало важную особенность – превалирование и рост первых над вторыми.

Монографии Н.А. Горской о монастырских крестьянах присуща глубокая основательность проработки большого массива архивного материала, которая покоится на твердых источниковедческих принципах, органично вплетенных в ткань исследования. Лаборатория ученого на виду, и потому полученные выводы максимально доказательны, и они прочно вошли в арсенал отечественных историков. Вместе с тем, вызревавшая во второй половине 1960 – первой половине 1970-х годов книга несет на себе печать развития историографии этого времени, проблем, считавшихся тогда кардинальными, и одна из них – выяснение сущности и форм феодально-крепостнических отношений.

Начатое Н.А. Горской фундаментальное изучение темы: монастырь-вотчинник – крестьяне как целостной системы способствовало дальнейшему развитию этого направления в социально-экономической истории России. В этой связи остановлюсь на одном из последних исследований, а именно, книге М.С. Черкасовой о вотчине крупнейшего российского монастыря – Троице-Сергиева¹⁶. Кстати, взялся за изучение этой церковной корпорации еще в годы студенчества на истфаке МГУ предложил А.Д. Горский, заведовавший тогда кафедрой отечественной истории периода феодализма, определив тем самым ее научную стезю. Исследовательница уделила пристальное внимание вопросу о владельческой ренте и государственных платежах в Троицком монастыре. В составе первой она установила существование комбинированных (барщинно-оброчных и только денежно-оброчных) форм сеньориальной ренты при вариациях конкретных сочетаний рентных форм и величин платежей. Выясняя значение государственно-централизованных взиманий в их соотношении с владельческими поборами, М.С. Черкасова установила по данным всех уцелевших описаний наличие резкого дисбаланса сеньориальной и государственной рент в обители, причем с масштабным перевесом в пользу первой, вотчинной¹⁷. В данном факте сказалось принципиальное отличие Троицкой вотчины от других крупных монастырей. В литературе же на основе работ Н.А. Горской, а также Ю.А. Тихонова утвердилось положение об опережающем росте государственной эксплуатации над сеньориальной. Вывод М.С. Черкасовой существенно отличается от этого уже апробированного в историографии. Разделенные временем штудии обеих исследовательниц о монастырских вотчинах, дополняя друг друга, выявили не только их ранжированность, но и дали целокупное представление о монастырском землевладении с ведущей ролью Троицкой обители, возвышавшейся над другими крупными монастырями и бывшей латифундистом-хозяином всероссийского масштаба и одновременно государем для многочисленного его населения.

Значительное место в творчестве Н.А. Горской занял логически связанный с ее штудиями о монастырском землевладении и крестьянском общинном землепользовании проект 1990-х годов об изучении земельной собственности в доимперской России. Ей принадлежала его идея и создание авторского коллектива. Организаторская, как и авторская, работа Н.А. воплотились в

¹⁶ Черкасова М.С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII веков. М., 2004.

¹⁷ Там же. Гл. 5 и с. 236–237.

коллективной монографии: “Собственность в России: средневековье и раннее новое время” (М., 2001)¹⁸. В ней Н.А. принадлежат введение и заключение, главы: “Формы земельной собственности. Складывание и соотношение” и “Общинная собственность в русской деревне XIV–XVIII вв.” Обращение к фундаментальной проблеме собственности после более чем двадцатилетнего перерыва¹⁹, по мнению исследовательницы, было вызвано спецификой природы самой собственности при феодализме и особенностью российской действительности с живучей ролью общины. До некоторой степени непосредственная реальность 1990-х годов стала дополнительным стимулом для “достижения глубинных, в том числе исторических причин, обуславливающих существование определенных российских реалий собственности, особенно в аграрной сфере, которые еще долго будут влиять на будущее России”²⁰.

Во введении Н.А. Горская отмечает, что главное внимание в книге уделено собственности на землю – основное условие и средство производства в доиндустриальную эпоху. Она отметила, что авторы монографии – не во всем единомышленники, а каждый имеет свою, выношенную десятилетиями, систему взглядов на проблему и свои историографические предпочтения, и потому в ней присутствуют различия в понимании, например, “разделенной” собственности, сущности государственной собственности на землю в Киевское время и в период удельной раздробленности, характера ее эволюции и по другим вопросам. В целом книга “не предлагает каких-либо жестких схем, видя свою цель в ознакомлении читателей с как можно более широким спектром взглядов на историю собственности в России”²¹.

В главе о формах земельной собственности Н.А. Горская рассматривает появление и модификацию разных ее форм в их взаимном соотношении. “Главенствующее место при этом” было уделено “государственной и частновотчинной (с выделением особой роли поместно-условной) формам собственности”. Специального внимания потребовала также собственность духовных корпораций (монастырская и церковная). Автор подчеркивает: “Исследование всех этих форм собственности возможно лишь в неразрывной связи с историей собственности территориальной (соседской) общины, являвшейся и естественной формой организации сельскохозяйственного производства, и универсальной и единственно возможной формой социального бытия крестьянства в условиях слабости и незащитности индивидуального крестьянского хозяйства на российских просторах”²².

Подытоживая рассмотрение соотношения государственной и частновотчинной собственности во времени, Н.А. Горская заключает, что “историческая и логическая линии развития шли как будто от форм государственной собственности (и соответственно государственной зависимости непосредственного производителя) к частновотчинным и в то же время именно с представительностью сектора государственного напрямую коррелировалась сила феодальных государств как в период раннефеодальной государственности,

¹⁸ Монографию предварял сборник статей: Представления о собственности в российском обществе XV–XVIII вв.: Проблемы собственности в общественном сознании и правовой мысли феодальной эпохи М., 1998.

¹⁹ Широко обсуждались проблемы: феодальной собственности – в 1978 г. в журналах ВИ и ИСССР, на XVII сессии Симпозиума по аграрной истории в Ростове-на-Дону, а государственной собственности периода развитого феодализма в России – в 1988 г. на Чтениях, посвященных памяти акад. Л.В. Черепнина.

²⁰ Собственность в России: средневековье и раннее новое время. М., 2001. С. 6.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 41.

так и на этапе феодальной раздробленности, централизации и начальных этапах существования абсолютистского государства”. Она разделяет вывод, высказанный Л.В. Миловым, о том, что “частнособственническое землевладение господствующего класса никогда не было в России ведущей формой земельной собственности”²³.

Характеризуя вопрос об общинной собственности в деревне XIV–XVIII вв., Н.А. Горская отмечает существовавшие среди ученых в 1960–1970-е годы серьезные расхождения в понимании сути общинной собственности и общинного владения; при этом значительная часть ученых считала, что обеих основополагающих составляющих – общинной собственности как таковой и альменды в частности, связанных с земельными правами крестьян, практически уже не было в XVI в.²⁴ Н.А. задает уже ставшим традиционным вопросом “о причинах всеобщности, жизнестойкости самого института общины в России, поскольку, как представляется, эти же причины обусловили и специфику отношения к собственности внутри общины”. Она обозревает эволюцию разных общинных форм, их поземельных прав, специально останавливаясь на праве наделения и распоряжения землей, основных функциях общин и приходит к важному выводу об условности всех форм земельного внутриобщинного владения и обращения и имевшихся в общинах хозяйственных механизмов, которые гасили частнособственнические стремления крестьян и препятствовали их пауперизации²⁵.

Историографические штудии – еще одна из существенных страниц в творчестве Н.А. Горской. Изучению проблем исторической демографии феодальной России она посвятила специальную монографию²⁶. Обращение к этой теме она объясняла следующим образом. “Занимаясь с 50-х годов социально-экономической историей феодальной России XVI–XVII столетий, я неоднократно испытывала острую неудовлетворенность от недостаточной сопряженности исследуемых процессов и явлений с конкретными человеческими сообществами, от невыясненности параметров этих сообществ, их изменчивости и их влияния на социально-экономические процессы”. Развернувшись с конца 1950-х годов и особенно в 1970–1980-х годах историко-демографические исследования, и в частности работы Д.К. Шелестова, стали стимулом для осмысления имевшихся результатов в изучении истории народонаселения феодальной эпохи. Существенным побуждением стали исследования по истории народонаселения, осуществившиеся в течение последних 35 лет в рамках Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории, начавшееся внедрение историко-демографической проблематики в отечественные общеисторические работы, например в “Историю крестьянства СССР с древнейших времен...” и в региональные истории крестьянства, сопровождавшиеся первыми, правда, еще робкими попытками найти взаимосвязи общих социально-экономических и демографических процессов»²⁷.

Н.А. Горская с присущей ей ясностью определяет задачу и характер своей работы именно как историографический, а “никак не демографический – автора в первую очередь интересует вклад историков в исследование проблем народонаселения, входящих в компетенцию исторической демографии.

²³ Там же. С. 54.

²⁴ Там же. С. 54–55, 166.

²⁵ Там же. С. 169–174.

²⁶ Горская Н.А. Историческая демография России эпохи феодализма: (Итоги и проблемы изучения). М., 1994.

²⁷ Там же. С. 9.

Основная цель настоящей работы – подведение итогов, к которым пришла историческая демография, имеющая дело с материалом о народонаселении феодальной эпохи нашей Родины, и конкретизация проблем, подлежащих исследованию (с учетом существующих источниковых возможностей и современных методов обработки источников). Попутно автор пытается поставить и собственно историографические задачи, связанные с историей изучения отечественной исторической демографии”²⁸.

Разбирая имевшиеся в литературе (1960–1980-х годов) по истории народонаселения мнения о месте исторической демографии и ее соотношении с историей, о ее предмете и задачах, исследовательница пристально рассматривает соображения Д.К. Шелестова. Он целенаправленно выступал в 1980-е годы по данному предмету и широко подходил к определению места названной дисциплины, ее предмета, задач, времени возникновения и этапов развития²⁹. Говоря о дискуссионности вопроса об определении самой исторической демографии и ее предметной области, Н.А. отмечает как положительный момент отнесение Шелестовым данной отрасли к разделу демографической науки и одновременно к научной дисциплине в рамках истории.

Однако данное им определение предмета исторической демографии как раздела демографической науки, которая “изучает те же процессы и явления, что и демографическая наука в целом, но в их исторической ретроспективе, и полностью подчинена тем задачам, которые решает последняя в изучении их современной проблематики”, исследовательница восприняла весьма критически. Приведу высказывание Н.А.: “Подчеркивание при определении задач исторической демографии полного их подчинения тем задачам, которые решает демография при изучении современной проблематики, объективно обедняет возможности исторической демографии по получению научно-познавательных знаний, выявляющих закономерности прошедших эпох, актуальность которых (закономерностей) в настоящее время не очевидна”. Заостренность внимания на этом вроде бы формальном моменте была важна ей потому, что “мы не раз бывали свидетелями того, что та или иная дефиниция становилась препятствием для развития каких-то направлений в исторической да и любой другой науке, особенно, когда это касается древности”³⁰.

Предложенная Шелестовым жесткая формулировка о подчинении всех исследований по демографической истории задачам в области изучения народонаселения советской эпохи и его категоричное утверждение об абсолютной ориентации историко-демографических исследований на тех вопросах, “которые изучает советская демографическая наука” вызвало негативное отношение Н.А. Горской. Она писала, что значение исторической демографии не сводится лишь к роли исторического фундамента для “советской демографической науки”, а как раз научно-познавательные функции исторической демографии “допускают возможность постановки таких вопросов, выявления и изучения такого рода процессов и явлений в прошлом, которые пока никак не отвечают практическим задачам демографической науки сегодняшнего дня, однако позволяют выявить закономерности тех эпох”³¹.

Из приведенного Н.А. Горской широкого спектра мнений о предмете исторической демографии можно понять, что, пожалуй, ей импонировала точ-

²⁸ Там же.

²⁹ См.: Шелестов Д.К. Демография: история и современность. М., 1983; *Он же*. Историческая демография. М., 1987.

³⁰ Горская Н.А. Историческая демография России в эпоху феодализма. С. 5.

³¹ Там же. С. 6.

ка зрения А.Г. Вишневого. Она пишет: “новые подходы к определению задач демографической науки, наиболее ярко сформулированные в книге А.Г. Вишневого “Воспроизводство населения и общество” [М., 1982] и вытекающие из включения в определение воспроизводства [населения] демографических отношений [и “их культурного обрамления”], “на которые смещается центр тяжести всего демографического понимания воспроизводственного процесса”, должны непосредственно влиять и на понимание задач исторической демографии, расширяя их по мере углубления представлений о содержании самой демографической науки”³².

Сосредоточившись на рассмотрении истории народонаселения “одной социально-экономической формации – феодальной”, когда действовал традиционный тип воспроизводства населения, свойственный аграрным обществам, Н.А. Горская анализировала демографические исследования по широкому кругу проблем. Это – “1) историческая динамика численности населения, изменения его состава (социальной, профессиональной структуры) расселения, в том числе плотности; миграции (поскольку они влияют на процессы воспроизводства и динамику численности); 2) исторические процессы воспроизводства населения (“естественное движение” как социально детерминируемый процесс), включающие в себя воспроизводство демографических отношений (в том числе проблемы семьи как ячейки воспроизводства и ее репродуктивными и социальными функциями с системой брачно-семейных представлений, само демографическое развитие семей – их совокупностей, проблемы домохозяйственных групп). Пертурбационные факторы (эпидемии, голод, войны) в их влиянии на воспроизводство населения; 3) исторические законы демографического развития в эпоху феодализма и история демографической политики”³³.

Вместе с тем, специальное внимание Н.А. Горская уделила источникам, которые использовали ученые для получения историко-демографических сведений, методике их извлечения и обработки с учетом того обстоятельства, что эпоха феодализма относится к достаточному периоду исторической демографии. Автор отметила фиксируемое демографами осознание недостаточности подхода к источникам только как к поставщикам “статистических” данных для получения количественных характеристик, а также слабую освоенность исторической демографией сведений летописей, актового материала и появляющегося с конца XV в. писцового, а также комплексов источников XVI–XVII вв. и даже XVIII в. Разбирая суждения исследователей по какому-либо конкретному вопросу, автор говорит, например, о сложности глобальных подсчетов для исторической демографии раннего периода и необходимости совершенствования методик при обработке источниковых данных. Н.А. установила, что отечественные исследования по демографии периода IX–XV вв. из-за специфики источников тяготеют к макропроцессам, чем отличаются от западноевропейских работ соответствующего профиля, среди которых благодаря характеру источников преобладают микрорегиональные штудии. Она убеждена, что “именно локальные народонаселенческие исследования, в первую очередь наполняют историю конкретикой, густо населяют ее действующими лицами, и именно они особенно трудны для отечественной историографии в силу состояния источников до конца XV в.”³⁴

³² Там же. С. 6–7.

³³ Там же. С. 11–12, 15.

³⁴ Там же. С. 80.

Представляя исследования с имеющимися в них источниковедческими суждениями по историко-демографическим вопросам XVI–XVII вв., Н.А. говорит об увеличении круга источников, из которых можно извлечь данные о населении. Среди них, конечно же, материалы писцового делопроизводства: писцовые, приправочные, дозорные книги, сотные выписи, переписные книги, отказные и описные книги, из которых черпаются данные о крестьянских и городских дворах и их обитателях. Анализа требуют сведения писцовых источников о численности населения, а они наиболее трудны для научной обработки. Автор справедливо подмечает: “Только в 1644–1646 гг. вопрос о численности населения становится основным вопросом переписи. Поэтому, строго говоря, лишь переписные книги, относящиеся к середине XVII – началу XVIII в., можно впрямую называть демографическим источником, хотя и далеко не совершенным (включено только тяглое население, отсутствуют неподатные и обедневшие слои, как правило, нет сведений о женском населении)”. Она добавляет, что в источниках писцово-переписного назначения можно найти “сведения о типах ремесленных и торговых занятий, о судьбах семей отдельных крестьян и посадских людей, о передвижениях и миграциях населения (в том числе о бегстве посадских людей и крестьян) и т.п.”³⁵

Изучение историко-демографических исследований по XVIII в. убедило Н.А. Горскую в сосредоточенном внимании ученых на выяснении динамики численности и состава населения, влияния миграций на воспроизводство населения. Происходившее при этом использование ревизских сказок и данных церковного учета привело к всесторонней характеристике структуры семьи и частичной – демографического поведения (особенно учеными Эстонии). Н.А. считает, что “расширение использования ревизских сказок и данных церковного учета позволит ставить вопросы, связанные с изменением возрастной структуры народонаселения как в селе, так и в городе: взаимодействие форм домохозяйств с данными о детской смертности и возрасте вступления в брак, зависимостью между интергенетическим интервалом (частота родов) и детской смертностью”³⁶.

Разбор соответствующей литературы привел Н.А. Горскую к выводу о присутствии в историографии внимания к “демографическим процессам в среде эксплуатируемого населения” как раз “в силу специфики массовых источников по исторической демографии, фиксировавших преимущественно податное население”, а также к констатации совершенно недостаточного изучения “количественного состава, демографического поведения различных социальных групп в среде господствующего класса”³⁷.

Необходимо подчеркнуть, что в монографии Н.А. Горской источниковедческие суждения пронизывают пассажи по конкретно характеризваемым вопросам, будь то разные аспекты движения населения, миграций, расселения, населенности поселений и дворов, воспроизводства населения и т.п.

Нельзя не поддержать ее призыв, обращенный к авторам историко-демографических трудов, но имеющий общее значение для исторических работ: “как можно больше внимания уделять источниковедческому анализу используемых материалов. Подчеркнутая открытость лаборатории исследователя – свидетельство высокой источниковедческой культуры, обеспечивающей надежность выводов для их дальнейшего использования (или отвержения), что

³⁵ Там же. С. 134–135.

³⁶ Там же. С. 189.

³⁷ Там же. С. 203.

особенно важно при оперировании цифрами и употреблении новейших методов исследования”³⁸.

Следуя заданной цели подведения итогов состоявшихся исследований в области исторической демографии и постановки задач для последующего изучения, Н.А. на протяжении всей книги четко формулирует проблемы и сюжеты, как не имеющие историографической разработки совсем или изученные в малой степени, так и те, которые остро нуждаются в характеристике. Ее книга содержит, практически, готовую программу для проведения историко-демографических исследований России за длительный период IX–XVIII вв.

Другое историографическое, вернее биографо-историографическое исследование, важное, и прежде всего для самой Н.А. Горской – это книга о Б.Д. Грекове, ее Учителе³⁹. Замысел о ней возник в начале 1980-х годов в связи с подготовкой сборника⁴⁰, приуроченного к годовщине столетия со дня рождения ученого, которая широко отмечалась в 1982 г.

Выделяя разносторонность и масштаб личности Б.Д. Грекова – ученого, организатора науки и общественного деятеля, Н.А. подчеркивает, что освещения заслуживают и его “место в развитии исторической науки и вклад в разработку истории крестьянства, истории Древней Руси, славянства вообще, в развитие археографии, историографии, в преподавание и популяризацию исторических знаний”. Разумеется, очень важно понять формирование личности неординарного ученого. Н.А. задается рядом непростых вопросов: «Каковы те условия и закономерности, которые способствуют складыванию ее “священной сущности”? Что сопутствовало ее становлению, как оно происходило? Каков заряд и багаж тех моральных, нравственных, культурных человеческих качеств (все то, что в наше время пытаются объять понятием “ментальность”), та школа ценностей, которая была вынесена ученым из предшествующей эпохи, сохранена и положена им в основу своей собственной научной школы?»⁴¹

Жизнь и творчество Б.Д. Грекова пришлись на переломные десятилетия XX в. в истории страны, почти постоянно ставившие человека перед непростым выбором, как поступить в сложившейся ситуации, насколько возможно проявлять твердость позиции или идти на трудный для себя компромисс. В этих условиях действия и поступки людей (особенно находившихся на общественном виду) подвергаются современниками и потомками как положительным, так и негативным оценкам. Несмотря на существование этого противоречивого восприятия, Н.А. Горская полагает, что “наша причудливая и жесткая история оставляет нам не так уж много фигур, на общие оценки которых не в силах повлиять даже неблагодарная память потомков, особенно ценно попытаться представить себе, что же питает истоки таких судеб”⁴².

Учась в Варшавском университете (1901–1905), Б.Д. Греков связал свою судьбу с видным историком-медиевистом Д.М. Петрушевским (1863–1942, академиком АН СССР с 1929 г.). Он на всю жизнь остался для Грекова “не-

³⁸ Там же. С. 204.

³⁹ *Горская Н.А.* Борис Дмитриевич Греков. М., 1999. Книга вышла тиражом 300 экз. и сразу стала библиографической редкостью, поэтому говорю о ней подробно, намеренно прибегая к обширному цитированию.

⁴⁰ Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения академика Б.Д. Грекова. М., 1982.

⁴¹ *Горская Н.А.* Борис Дмитриевич Греков. С. 8.

⁴² Там же.

пререкаемым авторитетом, человеком, чья профессиональная и дружеская поддержка, оптимизм и душевная стойкость вдохновляли и служили примером”. Н.А. цитирует письмо Грекова к своему учителю в связи с его юбилеем в Московском университете в 1925 г., в котором объяснена общая любовь учеников к нему. Она ««связывает нас всех в одно крепкое целое, несмотря на то, что мы, ученики, часто друг друга никогда и не видели. Знакомые и незнакомые, ближние и дальние, оставшиеся по сюжетам своих исторических работ с Вами в непосредственной связи и уклонившиеся в другую сторону в своих исследовательских вкусах – все мы одна ученая семья и от Вас ведем свое родословие», испытывая радость и гордость “в сознании принадлежности к школе, Вами созданной”». На основе писем Б.Д. Грекова Д.М. Петрушевскому Н.А. Горская заключает, что “роль учителя в судьбе ученого, влияние его на формирование грековских жизненных позиций и установок, в науке и в жизни вообще, сложно переоценить. В процессе становления личности Бориса Дмитриевичу посчастливилось получить трудную эстафету российской интеллигентности, первой заповедью которой всегда было честное служение Делу и людям”⁴³.

Значительным этапом в биографии Б.Д. Грекова была работа в Археологической комиссии (в 1922 г. передана в Академию наук), куда он поступил в сентябре 1921 г., которую в 1918–1929 гг. возглавлял С.Ф. Платонов. Именно на ее заседании в мае 1925 г. Б.Д. Греков сделал свой первый доклад о сельском хозяйстве на Руси в XVI в. и о возникновении крепостного права. Как раз на протяжении 1920-х годов у него укрепляется интерес к истории крестьянства. Изучение хозяйства крупной монастырской вотчины – Новгородского Софийского дома в XVI–XVII вв., различных категорий феодально-зависимого населения способствовали, по мнению Н.А. Горской, “выработке нового для историографии представления о характере русского феодализма и становлении отношений крепостничества на Руси”, которые он сформулировал в общих чертах в первой половине 1930-х годов⁴⁴.

В 1926 г. Археологическая и Постоянная историческая комиссии (председателем ее с 1922 г. был также С.Ф. Платонов) были объединены в одну Постоянную историко-археологическую (ПИАК, с 1928 г. – Археологическая комиссия АН СССР) с сохранением сотрудников и их должностей, и в ней Б.Д. Грекову как заместителю ученого секретаря А.И. Андреева пришлось заниматься многими делами. “К середине 20-х гг. проявлялась роль Археологической комиссии не только как центра по изданию документов, но инструмента для подготовки кадров в области археологии, широко привлекавшего в сферу своего влияния студентов и молодых историков. Постановка на заседаниях комиссии в 1925–1926 гг. научных докладов (числом 15. – *Е.Ш.*) по разнообразной исследовательской тематике способствовала привлечению к ней историков старой школы”. Комиссия оказалась вовлеченной в противостояние “марксистской” и “буржуазной” науки, которое выразилось в конфликте между М.Н. Покровским и С.Ф. Платоновым⁴⁵.

⁴³ Там же. С. 22, 50.

⁴⁴ Там же. С. 57, 62–63.

⁴⁵ Там же. С. 67. Также см.: Шмидт С.О. Доклад С.Ф. Платонова о Карамзине 1926 г. и противоборство историков // АЕ за 1992 год. М., 1994; Брачев В.С. “Дело” академика С.Ф. Платонова // ВИ. 1989. № 5; Он же. Укрощение строптивой или как АН СССР учили послушанию // Вестник АН СССР. 1990. № 4; Он же. Сергей Федорович Платонов // ОИ. 1993. № 1; Он же. Русский историк Сергей Федорович Платонов. СПб., 1995; Академическое дело 1929–1931 гг.: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993. Вып. 1; Панях В.М. О книге В.С. Брачева “Русский историк Сергей Федорович Платонов” // ОИ. 1998. № 3; и др. публикации.

В обстановке проверок, кадровой перетряски и последовавшего затем разгрома сотрудники комиссии продолжали работать и даже планировали задачи будущих публикаций и исследований. Н.А. Горская обнаружила в архиве СПб ИИ РАН докладную записку Б.Д. Грекова и С.Н. Чернова об изучении истории народностей Восточной Европы III–XIII вв. н.э., которую она датирует как раз 1929 годом.

Трудно не согласиться с Н.А. Горской, подробно остановившейся на составленном тогда проекте, в оценке его существа и значения, “поскольку программа научных изысканий, изложенная в записке Б.Д. Грекова и С.Н. Чернова и трансформированная временем, до сих пор находится в процессе исполнения...” Изложение документа и выдержки из него заслуживают того, чтобы быть воспроизведенными.

«Конкретным предложениям в записке предшествует обоснование важности изучения истории народностей Восточной Европы III–XIII вв. нашей эры, затрудненного недостаточностью источников. “Особенно же трудным оказывается проследить сложение и развитие в это раннее время племенных и сверхплеменных культур Восточной Европы и наметить причины и пути распада ее больших “национальных культур”, столь прочно и многообразно связанных с древнейшими судьбами русского племени. Изучение этих сюжетов в настоящее время, – пишут авторы, – является необходимой предпосылкой для выяснения до-феодалного строя народностей Восточной Европы, вовлеченных в состав русского государства и процесса феодализации русского государства, – вопросов, стоящих на очереди перед исторической наукой и без предварительных разысканий в указанном направлении едва ли разрешимых... Последующее образование и быстрое территориальное расширение русского государства несомненно идет в значительной степени именно по тем путям, которые частью только обозначились, частью же прочно сложились в это время (в III–XIII вв. – *Н.Г.*). Вообще же его судьбы, вплоть до разгрома и включения в свою мировую систему татарами, определяются сложнейшими хозяйственными и политическими отношениями турецкого востока, арабского и византийского юга, итальянского, венгерского, польского, немецкого и скандинавского запада. Прочная заинтересованность соседей и мировых торговых соперников в Восточной Европе, ее хозяйстве и политических отношениях позволяет возлагать особенно большие надежды на разнообразные иностранные, т.е. вне-восточноевропейские, источники по ее истории эпохи от великого переселения народов до образования Монгольской империи”.

Далее авторы записки обрисовывают возможные группы этих источников:

“1. Рассказы и отдельные сведения вне-восточноевропейских писателей, напр. арабских, персидских, армянских, грузинских, еврейских, византийских болгарских, сербских, венгерских, польских, ордынских, скандинавских, итальянских, чешских, германских, французских и др. о Восточной Европе.

2. Документы вне-восточноевропейских стран, целиком или частично относящиеся до Восточной Европы указанного времени как восточноевропейского, так и вне-восточноевропейского происхождения.

3. Документы, находящиеся в Восточной Европе, вне-европейского происхождения, относящиеся к указанному времени.

4. Песни, предания и другие произведения т.н. коллективного творчества вне-восточноевропейских народов, целиком или частью относящиеся к Восточной Европе указанного времени, как записанные, так и бытующие в устной передаче.

5. Памятники материальной культуры вне-восточноевропейского происхождения, найденные на территории Восточной Европы, поскольку можно предположить их прибытие на ее территорию в указанное время.

6. Памятники материальной культуры восточноевропейского происхождения, найденные вне территории Восточной Европы, поскольку можно предположить их выбытие с ее территории в указанное время.

7. Географические названия Восточной Европы вне-восточноевропейского происхождения или указывающие на связи с восточноевропейским миром, поскольку их появление может быть отнесено к этому времени или к воспоминанию о фактах этого времени.

8. Географические названия вне-восточноевропейских территорий восточноевропейского происхождения или указывающие на связи с Восточной Европой, поскольку их появление может быть отнесено к этому времени или к воспоминаниям о фактах этого времени”.

Следующая часть записки содержит перечень научных изданий текстов, списков и карт, которые необходимо подготовить:

“1. новое критическое издание текстов вне-восточноевропейских писателей о Восточной Европе на языке подлинников, с переводом на русский язык, надлежащим реальным историческим комментарием (в том числе историко-географическим и историко-бытовым) и со вводными статьями об авторе и использованных рукописях.

2. такое же издание в надлежащем контексте отрывков и сочинений вне-восточноевропейских авторов, писавших не о Восточной Европе, но давших о ней некоторые сведения.

3. такое же издание упомянутых в группах 2 и 3 документов.

4. такое же издание произведений коллективного творчества, упомянутых в группе 4.

5. составление надлежаще комментированных описаний, списков и карт распространения памятников материальной культуры, упомянутых в п. 5 и 6.

6. составление надлежаще комментированных списков и карт распространения географических названий, упомянутых в п. 7 и 8”.

Осуществление грандиозного замысла, созревшего к тому времени в недрах Академии наук, переданного от Платонова Грекову и Чернову и получившего в их записке вполне реальные очертания, было задержано на 40 лет. Наглядный пример того, как легко затормозить и отбросить назад развитие науки, разрушить ее живую ткань»⁴⁶.

Н.А. Горская обстоятельно и подробно прослеживает этапы формирования концепции Б.Д. Грекова на протяжении 1930-х годов о переходе восточных славян от первобытно-общинного строя к феодальным отношениям, минуя рабовладельческую стадию. Она складывалась в трудных обстоятельствах политизации науки, неминуемо трансформируясь, ибо проходила через горнило острых дискуссий партийно-политического характера 1933–1934, 1939 и 1940–1941 годов.

Историки жили и работали при нарастании партийного диктата, его грубого вторжения в мыслительный процесс, подчинения последнего установкам “вульгаризированного понимания марксизма”, а также в общей обстановке разоблачений, страха и арестов. Стоит остановиться на показе в книге Горской тех условий, в которых протекали дискуссии, особенно, 1939 г. и 1940–1941 гг.

⁴⁶ Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков. С. 74–76.

Об одной она пишет: «Победа к середине 30-х гг. стройной и профессионально аргументированной концепции Грекова о переходе восточных славян от первобытно-общинного строя к феодальным отношениям, минуя стадию рабовладельческой формации, победа, которую традиционно отмечает отечественная историография, была полна для ее автора внутреннего драматизма. Сразу после выхода в свет в 1938 г. “Краткого курса истории ВКП (б)” эта концепция вступала в прямое противоречие с утверждаемой в IV главе “Краткого курса” идеей “пятичленки”».

Особый интерес И.В. Сталина (автора главы IV) к рабовладельческому способу производства был обусловлен не только теоретическими, но, как теперь ясно, и сугубо практическими соображениями. Сразу же нашлись люди, воспользовавшиеся этим обстоятельством: дискуссия о характере общественного строя Киевской Руси возобновилась в 1939 г. Непосредственным поводом к ней послужила статья А.В. Шестакова в “Учительской газете” (от 21 мая 1939 г.), в которой отстаивалась мысль о рабовладельческой природе Древнерусского государства. В качестве ответа на эту статью в Институте истории 4 и 11 июня 1939 г. состоялась дискуссия, на которой вновь с полемическим докладом “Была ли Киевская Русь обществом рабовладельческим?” *вынужден был выступить* (курсив мой. – Е.Ш.) Б.Д. Греков. В докладе на основе привлечения трудов основоположников марксизма-ленинизма, европейского, византийского и русского материалов опровергалось мнение о возможности господства на Руси в средневековье рабовладельческих отношений, вновь рассматривалась организация феодальной вотчины, утверждалось, что рабский труд, имевший место в Древней Руси, проявлял тенденцию к сокращению». И хотя участники дискуссии – И.И. Смирнов, М.И. Артамонов, С.В. Юшков, М.Н. Тихомиров, С.В. Бахрушин твердо поддержали Грекова, однако “был четко сформулирован взгляд на Киевскую Русь как на рабовладельческое государство”⁴⁷.

Другая дискуссия была проведена зимой 1940/41 г. в Институте государства и права АН СССР, директором которого был тогда А.Я. Вышинский. В такой неординарной обстановке на двух заседаниях ученого совета обсуждались доказательства не только существования, но и “торжества рабовладельческой формации в Древнерусском государстве”. Главным докладчиком на первом из заседаний был Б.И. Сыромятников, который выступил, прежде всего, против работ Б.Д. Грекова, а также М.Н. Тихомирова, Б.А. Рыбакова. На последовавшем всего лишь через две недели втором заседании ответный доклад сделал Б.Д. Греков, обосновав свою позицию данными письменных и археологических источников, мнениями Б.А. Рыбакова, П.Н. Третьякова, А.В. Арциховского и других ученых. Б.Д. Греков стремился выявить как научную несостоятельность, так и политическую тенденциозность построений Б.И. Сыромятникова. После войны дискуссия возобновилась, а от Института государства и права АН СССР ее продолжал С.А. Покровский, «пытавшийся отстаиванием “пятичленки” реабилитироваться в глазах И.В. Сталина»⁴⁸.

Под прессом существовавших в стране и науке обстоятельств смена взглядов и творческого настроения ученого была неотвратима. О поэтапности таких изменений, стоивших внутреннего борения, силу которого испытал и знал только он сам, и свидетельствует Н.А. Горская. “Если первая дискуссия

⁴⁷ Там же. С. 120–121.

⁴⁸ Там же. С. 122.

1933–1934 гг.⁴⁹ изначально воспринималась Грековым с большим энтузиазмом, вызывала подъем сил, чувство удовлетворения от поисков и нахождения новых научных аргументов, а кончилась тем, что пришлось пойти на компромисс – искажение дат заседания с его докладом в протоколах и отчетах сектора феодальной формации ГАИМК и при публикации материалов дискуссии⁵⁰, то уже второй этап дискуссии⁵¹ превращался в тягостный бой, участники которого делились по принципу человеческой порядочности”. Стоит подчеркнуть непосредственное продолжение сказанного. “Яркий пример того, какие пагубные последствия для судеб науки и отдельных ее творцов имела и имеет политизация чисто научных споров и какие темные силы такая политизация развязывает в условиях тоталитарных режимов”⁵².

Эта мысль Н.А. Горской прямо перекликается с ее же выше приведенными высказываниями. Во-первых, по поводу проекта Б.Д. Грекова и С.Н. Чернова от 1929 г. об изучении истории народностей Восточной Европы III–XIII вв. н.э., выполнение которого, начавшись только спустя 40 лет, вынуждало наверстывать многолетние упущения в развитии науки. Во-вторых, из ее книги по исторической демографии о том, как принятие жесткой дефиниции (возможно согласованной с соответствующей инстанцией. – *Е.Ш.*) замедляло или даже препятствовало прогрессу в науке, чему было немало свидетельств⁵³. Присутствие подобных высказываний в двух книгах 1990-х годов красноречиво и говорит о равнодушии автора и к судьбам истории как гуманитарной отрасли науки, и области непосредственных занятий.

При подконтрольности своих действий ученого и директора Института истории Академии наук СССР, института, должного выполнять идеологические задачи, Б.Д. Греков был вынужден, используя опыт администратора от науки, менять подходы к решению некоторых вопросов с учетом “общественной” пользы. «Угрозу своей выношенной концепции (что было равно угрозе жизни и благополучию близких), появившуюся с выходом в свет сталинского “Краткого курса истории ВКП(б)”, Греков переживал очень остро. Если до 1938 г. все, что он лично предпринимал в науке, диктовалось внутренней логикой поисков на интересовавших его направлениях ее развития (решение вопроса о хозяйственном и общественном строе Киевской Руси, история Новгорода, история вотчинного хозяйства, история крестьянства во всех многообразных ее проявлениях, марксистско-ленинское учение о социально-экономических формациях, о ренте и т.п.), то в 1939 г. выходят в свет работы (кроме упомянутых статей о Покровском⁵⁴), хотя внешне и лежащие в рамках его исследовательских интересов, но носящие явно заказной характер» – так резюмирует Н.А. Горская и состояние в исторической науке, и положение личности ученого в ней в 1930-е годы⁵⁵.

Послевоенный период в творчестве Б.Д. Грекова был ознаменован выходом давно задуманной книги “Крестьяне на Руси с древнейших времен до середины XVII в.” (первое издание: М.; Л., 1946 г.; второе – М., 1952. Кн. 1, 2),

⁴⁹ Ее участники при имевшихся разногласиях сходились в главном – признании феодальных отношений в Киевской Руси, это ключевое положение своей концепции отстаивал Б.Д. Греков. Там же. С. 94.

⁵⁰ См.: Там же. С. 90–93.

⁵¹ То есть в 1939 г.

⁵² Там же. С. 123.

⁵³ См. выше, с. 345.

⁵⁴ Там же. С. 118–119.

⁵⁵ Там же. С. 123–124.

работа над которой заняла у него более трети века. Этот труд, полагает Н.А. Горская, “демонстрирует целеустремленную последовательность и всесторонность исследовательского подхода: начав с изучения эпохи расцвета феодализма, с развитых его форм (Новгородский дом св. Софии), он поднимается вверх – к эпохе позднего феодализма (XVIII в.) и опускается к истокам явления, к проблеме генезиса феодализма и ранним этапам его существования”⁵⁶.

О монографии, которой в историографии было уделено много внимания, писать не просто. Исследовательница ставит существенный вопрос, какие качества придали этому труду классический характер. Она считает: во-первых, его историографичность, потому что “в нем подведены конкретные итоги всего предшествующего изучения истории крестьян, при этом продемонстрировано одновременно и критическое отношение к предшественникам, и глубокое уважение, внимание к каждой значительной мысли, высказанной до него. Он использовал действительно все существенное, что накопила историография. При этом обстоятельные историографические экскурсы отнюдь не носят самодовлеющего характера, они подчинены логике авторской аргументации. Такое отношение к опыту предшественников делает эту работу образцом академической полемики”. Во-вторых, широчайший географический охват наблюдений историка. Развитие социальных отношений в формирующемся феодальном обществе было исследовано впервые одновременно в Северо-Западной и Северо-Восточной, Южной и Юго-Западной Руси. В-третьих, значительный хронологический период – с момента возникновения феодального государства и класса крестьян до середины XVII в., что и позволило “вскрыть динамику развития крестьянства, закрепощения крестьян как единого и непрерывного исторического процесса, продолжавшегося столетиями”. Эту основополагающую для судеб России тему Греков рассматривал “через призму оценки роли государства как выразителя интересов господствующего класса в непрерывном процессе закрепощения” и решал ее с сущностной стороны становления “различных категорий крестьянства на фоне роста крупного феодального землевладения и внутреннего рынка и с точки зрения правового оформления крепостничества в общегосударственном масштабе...”⁵⁷

Н.А. Горская отмечает, что Б.Д. Греков вполне осознавал масштаб поставленной им задачи по созданию истории крестьян феодальной эпохи и надеялся на появление в будущем новых исследований. Она пишет: “Все последующее, развитие историографии свидетельствует о том, что историк достиг желаемой цели: его труд послужил и еще долго будет служить стимулом и основой для дальнейшего развертывания работы отечественных историков-аграрников”. Превосходное знание самой Н.А. аграрной истории позволило ей сформулировать проблемы, “изучение которых начиналось или только намечалось в трудах Грекова, а получило развитие в последующее время”. К ним она относит: “генезис феодализма на Руси и в окружающих ее регионах, развитие производительных сил в земледелии XIV–XVI вв.; борьбу за землю внутри класса феодалов; развитие внутреннего рынка в XV–XVI вв.; закрепощение крестьян в XIV–XVII вв.; крестьянскую общину на различных этапах феодализма; дифференциацию крестьянства; особенности положения крестьянства разной владельческой принадлежности в XVII–XVIII вв.; углубление и расширение крепостничества после Уложения 1649 г., борьбу крестьянства против эксплуатации в повседневных ее проявлениях и в периоды выс-

⁵⁶ Там же. С. 146.

⁵⁷ Там же. С. 146–148.

шего ее подъема – в виде крестьянских восстаний”. Собственно исчерпывающе представлена основная проблематика социально-экономических штудий, развернувшихся в отечественной историографии 1960–1980-х годов. В ее рамках на 1970–1990-е годы, по мнению Н.А., пришелся “расцвет как раз региональных аграрных исследований (и монографических, и обобщающих), осветивших историю многих участков Русской земли, прежде всего таких, как Северо-Запад и Русский Север, осваивавшаяся с XVI в. Сибирь, а также запад и юг Русского государства. Предпосылкой для многих из них послужили труды Б.Д. Грекова и его организаторская деятельность”. Как раз на недостаток и трудность локальных исследований сетовал ученый. Н.А. Горская обращает внимание и на то, что “переосмысление ряда проблем аграрной истории в позднейшей историографии также началось с тех рубежей, на которые вышла мысль Б.Д. Грекова” и называет эти проблемы⁵⁸.

Исследовательница довольно подробно рассматривает организационную и публикаторскую деятельность ученого в области археографии⁵⁹. Она отмечает, что занятия в семинаре А.С. Лаппо-Данилевского по теме “Дипломатика частных актов Московского государства” привили Б.Д. Грекову устойчивый интерес к археографии. Он реализовался уже до 1917 г. в публикации бобыльских порядных, описании актовых книг, хранящихся в АК, археографических экспедициях в Тихвинский и Соловецкий монастыри.

Во второй половине 1930-х годов, возглавив небольшое по численности ЛОИИ, Б.Д. Грекову пришлось заняться по преимуществу археографической работой. Именно ее, по впечатлению Н.А., историк считал наиболее ценной, приносившей максимальную пользу науке. Тогда ученый проектировал издание летописей, актов, законодательных памятников, писцовых книг, иностранных известий о России и привлекал для этого самые квалифицированные научные силы. «Особое место в археографической деятельности Грекова занимает издание законодательных памятников, открытое “Русской Правдой”. Группа преданных этому делу сотрудников работала много лет при непосредственном его участии, первый том издания (тексты) – вышел в 1940 г., второй том (комментарии) – в 1947, третий – фотомеханическое воспроизведение списков – увидел свет уже без него, в 1963 г. В группу энтузиастов, которых удалось собрать Грекову для осуществления этого уникального издания, входили М.Н. Тихомиров, Н.Ф. Лавров, В.П. Любимов, Г.Л. Гейерманс, Г.Е. Кочин. Для составления историографических комментариев к академическому изданию “Русской Правды” (а также и исторических и историко-правовых – для учебных ее изданий) Греков в середине 30-х гг. привлек вернувшихся из ссылки Б.А. Романова, Б.В. Александрова и В.Г. Геймана». Ученый не только возглавлял авторский коллектив, но и непосредственно участвовал в работе. В тот же период Б.Д. Греков не оставлял серьезных намерений по подготовке публикаций Судебников, новгородских и псковских грамот, летописей, которые увидели свет после окончания войны – “Судебники XV–XVI вв.” (М.; Л., 1952), “Грамоты Великого Новгорода и Пскова” (М.; Л., 1949) и др. Ученого занимали принципы и методика публикации историче-

⁵⁸ Там же. С. 148–150.

⁵⁹ О слиянии АК и ПИК в одну ПИАК, затем АК АН СССР см. выше, с.349. Последняя была реорганизована в Историко-археографический институт, существовавший с 1931 по 1936 г., когда в марте того же года он и Институт книги, документа и письма АН СССР, Институт истории Ленинградского отделения Комакадемии были слиты в Институт истории АН СССР с базированием в Москве и отделением (ЛОИИ) в Ленинграде, которое возглавил Б.Д. Греков (Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков. С. 102, 104).

ских источников. Он, находясь с 1920-х годов последовательно на должностях ученого секретаря Археографической комиссии, ученого секретаря и руководителя феодального отдела Историко-археографического института, директора ЛОИИ, директора Института истории СССР АН СССР, стремился обеспечить, насколько позволяли обстоятельства, преемственность задач и целей, в том числе поддерживать археографическую работу на должном уровне⁶⁰.

В Институте истории в 1948 г., в самый разгар кампании по борьбе с космополитизмом, был воссоздан (председатель Б.Д. Греков и ученый секретарь А.И. Андреев) Археографический совет, который планировал издание таких разных источников, как Судебники, Письма и бумаги Петра Великого, Акты социально-экономической истории.

Мероприятия той поры, направленные на проработку мировоззрения историков и их трудов, не миновали Института истории и ЛОИИ. Б.Д. Греков, “ценивший людей по порядочности и уму, интернационалист по воспитанию в самом лучшем звучании этого определения”, глубоко переживал, как и многие его коллеги, “политику и практику, стимулирующие низкие стороны человеческих отношений”. Показательно в этой мысли Н.А. Горской выдвигение на первый план этической категории – человеческой порядочности, а затем уже ума, что соответствующим образом характеризует ее саму. Она полагает, что позиция Грекова как руководителя Института смягчила на первом этапе для его сотрудников кампанию по “космополитизму”. Создавшаяся атмосфера не содействовала творчеству, и 1949 год отмечен был отсутствием вышедших из печати серьезных работ ученого.

На последние, 1950–1953 годы жизни Б.Д. Грекова пришлось масштабное политизированное наступление на историческую науку и на возглавляемый им институт. Ученого и директора после XIX съезда партии (октябрь 1952 г.) обвиняли в отходе от актуальных проблем, в подборе кадров, недостаточно марксистски подготовленных, в засоренности института “политически сомнительными” сотрудниками. Последовавшее отстранение от дел было закономерным. Но и в эти трудные годы, к тому же будучи больным, Греков думал о публикации важнейших памятников славянской истории и соглашался с М.Н. Тихомировым в необходимости издания Правосудия Митрополитичья и Мерила Праведного. “В определенном смысле рубеж между 40-ми и 50-ми годами стал для историка годами еще одного последнего внутреннего перелома. Уходили остававшиеся иллюзии, надо было экономить силы (последние годы Борис Дмитриевич, так любивший преподавание, общение с молодежью, лекторскую работу, – от регулярного чтения лекций отказывается вообще), попытаться в своей научной работе сконцентрироваться на главном, что необходимо было завершить”⁶¹ – резюмирует Н.А. Горская и этот сложный этап жизни ученого.

Она достаточно подробно характеризует один из проектов Б.Д. Грекова конца 1940 – начала 1950-х годов по сравнительному изучению правовых памятников южных и западных славян – Винодольского и Полицкого статутах, польской “Книги права”. Ученый стремился найти общие закономерности развития раннеславянских обществ. Его работы сравнительно-исторического характера, как и подобные же А.И. Неусыхина, открывали путь дальнейшим типологическим исследованиям. Н.А. Горская показывает также щедрый педагогический дар Б.Д. Грекова, который проявлялся в отношении к ученику

⁶⁰ Там же. С. 105, 106–107, 115, 135, 186.

⁶¹ Там же. С. 161–164.

как к коллеге, “умении в разговоре поднимать собеседника до своего уровня”, “мысля на глазах ученика и заставляя делать это его, а главное, убеждая тем самым, что ученику это может удаваться так же хорошо, как ему”⁶².

Завершая разговор о книге Н.А. Горской, посвященной Б.Д. Грекову, думаю, правомерно привести ее послесловие, которое красноречиво говорит о самой исследовательнице. «По традиции считается, что в каждой книге, претендующей на научность, должно быть заключение. Об этом, в частности, говорили мне и мои коллеги по Институту российской истории Российской Академии наук, изучающие русское средневековье – первые читатели и критики моей рукописи, которым я благодарна за добрые советы.

Однако, как мне представляется, написать заключение такой книге – это подвести итог чужой жизни. Этого мне не позволяет сделать мое положение: не дело учеников судить своих учителей, какой бы вердикт при этом не выносился.

Позволю себе поэтому лишь поделиться с читателем одним впечатлением. Жизненный путь историка Бориса Дмитриевича Грекова – еще одно свидетельство того, что судьба истинного интеллигента в России – это как бы одновременное существование в гуще эпохи и вне ее. С одной стороны, его творчество должно быть востребовано временем, и такая удача выпала на долю ученого, а с другой, чем дальше наука история отстоит от политики, тем с большим основанием она может претендовать на объективность, тем более историк внутренне свободен в своем творчестве и тем это, в конечном счете, полезнее для общества. Наверное, большая удача ученого – умение сохранить, насколько это было возможно, внутреннюю целостность и независимость своего душевного мира, и самая большая трагедия – неизбежность в чем-то поступаться ими, оставаясь до конца дней активным гражданином своего Отечества, постоянно думающим об удовлетворении “исторических запросов русского общества”, которое и сейчас, как и многие десятилетия назад “ищет себя”⁶³.

В книге о своем Учителе Н.А. Горская, как мне кажется, внутренне наиболее свободна, ее высказывания об историках и их судьбах во времени, пришедшемся на жесткий исторический перелом начала XX в. в Отечестве, о проблемах, собственно касающихся исследований развития России на длительном этапе с древности и по XVII столетие, пропущены через собственный опыт жизни и творчества в пространстве “история”. И на долю Н.А. выпало переживание другого, как бы “обратного”, исторического слома, в чем-то судьбы Б.Д. Грекова и его последней ученицы сопряглись.

Ответственную задачу поставила перед собой Н.А. Горская, решив историографически подытожить изучение русской феодальной деревни в течение XX в. и сознавая сложность первой такой попытки по отношению к исторической мысли ушедшего столетия. Она написала текст книги “Русская феодальная деревня в историографии XX века”, однако не успела ее издать⁶⁴.

Акцент исследования и соответственно названия сделан именно на “феодальной” деревне, ибо, считает ученый, отечественная историческая наука большую часть XX в. провела под знаком формационного понимания истори-

⁶² Там же. С. 182–186, 189.

⁶³ Там же. С. 196. Автор цитирует: Письмо Б.Д. Грекова С.Д. Шереметеву от 25 января 1914 г. РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5119. Л. 78–80 об.

⁶⁴ Выражаю искреннюю благодарность А.А. Горскому, предоставившему мне возможность воспользоваться отдельными разделами рукописи монографии Н.А. Горской. Книга вышла из печати в 2006 г., уже после написания статьи.

ческого процесса. Применяемые же понятия “доиндустриальное”, “индустриальное” и “постиндустриальное” общества недостаточны для познания сущности социально-экономического развития аграрной сферы IX–XIX вв. Автор решила широко, комплексно подойти к историографическому изучению всех основных проблем истории деревни, начиная с IX и до начала XIX в. Это – демографические характеристики деревни (численность населения, миграции, расселение, семья и т.д.); аграрные технологии, зависящие от природных особенностей отдельных регионов; становление феодального землевладения и складывание разных категорий сельского населения; процесс закрепощения в русской деревне; роль крестьянской общины и формы землевладения в деревне; специфика имущественной и социальной дифференциации деревни и ряд других конкретных вопросов, причем с особым вниманием к методикам изучения аграрной истории. Рассматриваются также основные направления в изучении истории русской феодальной деревни зарубежной историографией XX в.

Подводя итоги исследования Н.А. Горская заключает “Легко убедиться, что основные успехи в изучении историко-демографических и социально-экономических проблем в XX в. пришлось на 50–80-е и частично 90-е годы. Таким образом, несмотря на большие человеческие потери, которые понесла отечественная историческая наука в первой половине столетия, благодаря усилиям продолжавших работать вплоть до 50–60-х годов серьезных исследователей, научные интересы, основы мировоззрения и основные творческие установки которых сформировались еще в первые десятилетия XX в., а также их ученикам, активная творческая деятельность которых приходится на 50–80-е годы, круг освещаемых проблем, широта охвата источников, выработка новых методов извлечения из них информации, новых теоретических подходов к этой информации свидетельствуют о плодотворности активного использования системного подхода, формационного учения для исследования базисных явлений в обществе. В то же время дальнейшая интеграция различных социально-философских теорий в историческом познании должна будет расширить горизонты и этой области исторического знания”⁶⁵.

Много сил и профессиональных знаний отдала Н.А. Горская коллективным обобщающим трудам, прежде всего “Истории крестьянства СССР” и особенно второму тому, посвященному характеристике крестьянства в периоды раннего и развитого феодализма. В нем она – автор введения и заключения, параграфов в соответствующих главах о состоянии агротехники и агрикультуры в крестьянском хозяйстве; об общине и имущественной дифференциации, развитии форм крестьянского землевладения и землепользования; частновладельческих и монастырских крестьянах. На плечи Н.А. легла трудная работа ответственного редактора, конечно же, не титульного. Ею были прочитаны все тексты, высказаны замечания и пожелания, необходимые для придания тому единого труда большого коллектива.

Особое место в творчестве Н.А. Горской занимала ее многолетняя, плодотворная деятельность в Симпозиуме по изучению проблем аграрной истории Восточной Европы, в котором она участвовала с 1961 г., т.е. на протяжении более, чем 40 лет. Ее преданность этой научной институции, существующей почти полвека, как докладчика и автора важных, живо обсуждавшихся проблем, сначала как сопредседателя, затем председателя одной из секций, члена Оргкомитета, а с 1968 г. его ответственного секретаря, с 1990 г. замес-

⁶⁵ Горская Н.А. Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006. С. 351–352.

тителя председателя Оргкомитета достойна самого высокого уважения. Своим заинтересованным отношением к работам коллег, как состоявшихся в науке и особенно вступавших на ее тернистый путь, Н.А. способствовала созданию и поддержанию творческой атмосферы Симпозиума, а также возвращению не одного поколения историков-аграрников в нашей необъятной стране. Труды Симпозиума – Тезисы докладов и сообщений и тома Материалов (“Ежегодники”) прошли через ее руки и огромный опыт редактора. Считаю, что многолетняя работа Н.А. Горской в Симпозиуме заслуживает отдельной, самостоятельной характеристики.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**ПИСЬМО АКАДЕМИКА Б.Д. ГРЕКОВА НАЧАЛЬНИКУ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
ДРЕВНИХ АКТОВ В.З. ДЖИНЧАРАДЗЕ
О ДОПУСКЕ Н.А. КОЖИНОЙ¹ К ЗАНЯТИЯМ В АРХИВЕ**

В.З. Джинчарадзе²

15 марта 1951 г.

Заведующему Архивом древних актов

Очень прошу допустить студентку Московского гос[ударственного] университета Наталью Александровну Кожину, работающую в моем семинаре над темой “Договор найма рабочей силы в XVII веке”, к занятиям в Вашем Архиве.

Ей необходимо ознакомиться с псковскими кабальными книгами.

Б. Греков

РГАДА. Архив читального зала. Д. 2129. Л. 11. Автограф

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кожина (Горская) Наталья Александровна (1930–2004) – историк, студентка истфака МГУ.

² Джинчарадзе Владимир Захарович – начальник ЦГАДА (1945–1952).

А.Л. Лифшиц

К 85-ЛЕТИЮ О.А. КНЯЗЕВСКОЙ

(Заметки ученика)

С трудом верится, что Ольге Александровне Князевской исполнилось 85 лет¹.

Когда около 20 лет назад мы, студенты-второкурсники, пришли на первое занятие объявленного спецсеминара, посвященного истории славянской письменности, нас поразила необыкновенная для преподавателей филологического факультета заразительная бодрость Ольги Александровны, готовность моментально реагировать на все происходящее – шумно, а главное, с азартом объяснять, со вкусом и удовольствием смеяться – вообще: с любовью и удивительной энергией организовывать вокруг себя людей и пространство.

Само собой разумеющимся казалось, что семинарские занятия постепенно из университетской аудитории перекочевали в квартиру Князевской, стали сопровождаться перерывами на чай и знаменитый “князевский” кофе (и то и другое, а также научные издания, порой единственные экземпляры в стране, – предлог для проведения домашних семинаров – привозили Ольге Александровне благодарные иностранные коллеги). Научный дискурс усваивался легко, уникальные знания передавались изустно, без нажима. Так почти незаметно, как будто без труда происходило приобщение студентов к великой научной традиции.

Напротив, труд необходим был для того, чтобы понять, как совмещаются в одном человеке гостеприимная хозяйка, пекущая фантастической пышности пироги, и ученый, имя которой не без придыхания произносили те университетские профессора, чьи имена с придыханием произносили мы сами. Удавалось это не всем. Кто-то не сумел пережить отсутствие чопорного блеска и веселую простоту общения и ушел к другим научным руководителям. Кто-то ошибочно принимал отсутствие нарочитой дистанции за отсутствие требовательности. Тем, кто оставался, доставались подзатыльники, доскональные и совсем не льстящие самолюбию разборы курсовых и дипломных работ, но и знаменитые пироги.

Тут же при студентах, аспирантах, происходила работа, которая принесла Ольге Александровне признание научного сообщества у нас в стране и за рубежом. Блокноты с записями, линованные листы с фрагментами текста, фотокопии, разложенные на круглом столе – весь процесс исследования или подготовки древнего текста к публикации, или комментирования был на виду. Студент приглашался в читальный зал архива, правдами и неправдами проводился в закрытый Отдел рукописей Исторического музея, там, сидя рядом с

---

¹ К юбилеям сотрудника Археографической комиссии РАН, лауреата Государственной премии РСФСР Ольги Александровны Князевской были опубликованы заметки: *Гиппиус А.А., Турилов А.А.* К юбилею Ольги Александровны Князевской // АЕ за 1990 год. М., 1992. С. 173; *Кобяк Н.А., Лифшиц А.Л.* Юбилей О.А. Князевской // АЕ за 2000 год. М., 2001. С. 480–481; *Лифшиц А.Л., Турилов А.А.* // Хризограф. М., 2005. Сб. 2. С. 494–495. Список печатных работ юбиляра, составленный Н.А. Охотиной, см.: АЕ за 1990 год. С. 274–277.

О.А. Князевской, он впитывал те навыки работы, которые невозможно передать на словах, то чрезвычайно бережное и вместе с тем свойское, почти любовное отношение к рукописному памятнику, без которого невозможно настоящее исследование.

Год за годом кропотливый труд, лишенный рутины, неподдельное воодушевление при встрече с чужой научной удачей, уважительное внимание к ученикам – это Ольга Александровна Князевская, неизменная, требовательная и великодушная.

С трудом верится, что Ольге Александровне Князевской исполнилось 85 лет, ведь, слава Богу, именинница сохраняет все ту же научную бодрость, быстроту реакции на свежие научные новости, их трезвую оценку, которой можно позавидовать, любящих и благодарных учеников и коллег вокруг.

* * *

Как Приложение к статье публикуем письмо академика Д.С. Лихачева, обращенное ко мне как председателю Археографической комиссии, с оценкой научных заслуг О.А. Князевской. Это – автограф, датируемый ноябрем 1997 г. – в тексте нет даты, но на конверте штампели – “24.11.97” петербургский, и менее разборчивый “2(?).11.97” московский. Тогда, в связи с очередной угрозой сокращений в РАН, возникла мысль о переводе О.А. Князевской в научные консультанты. Сейчас уже не помню, кто был инициатором составления письма такого содержания – сам ли Дмитрий Сергеевич, или в Археографической комиссии попросили его об этом. Более вероятно первое предположение.

С.О. Шмидт

Глубокоуважаемый Сигурд Оттович!

До меня дошли сведения о том, что Археографической комиссией к. ф. н. Ольга Александровна Князевская выдвинута на должность научного консультанта. Я хочу всячески поддержать это выдвижение, так как Ольга Александровна в настоящее время принадлежит к числу самых выдающихся специалистов по славяно-русской письменности, к сожалению, однако, не позаботившаяся об оформлении своих многочисленных и в высшей степени значимых научных работ в единую работу, которую могла бы в настоящее время защитить в качестве докторской диссертации.

Ольга Александровна Князевская постоянно приглашается в зарубежные и отечественные научные организации для консультаций и отчасти по этой причине осталась кандидатом наук, хотя по существу давно является доктором, всемирно известным, с мнением которой в первую очередь считаются как в Европе, так и в США.

С уважением Дм. Лихачев

К 40-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ М.Н. ТИХОМИРОВА

СТАТЬЯ М.Н. ТИХОМИРОВА 1934 г. “ДОКУМЕНТЫ О ПСКОВО-НОВГОРОДСКОМ ВОССТАНИИ 1650 ГОДА”

Публикуемый текст – сочинение Михаила Николаевича Тихомирова, ранее неизвестное ни биографам его, ни специалистам по истории народных восстаний в России XVII в. Это – машинопись с авторской правкой чернилами вводной статьи к подготовленному им к печати сборнику документов. Машинопись сборника выявлена в “Издательском фонде” Научного архива Санкт-Петербургского института истории РАН¹. В машинописи 804 листа общепринятого формата. Вводная статья на 24 страницах. Заголовок всей рукописи “*Мих. Ник. Тихомиров. Восстание 1650 года в Новгороде и Пскове. (Сборник матерьялов)*” – автограф М.Н. Тихомирова.

В изданной в 1969 г. книге избранных трудов академика М.Н. Тихомирова “Классовая борьба в России XVII в.”, подготовленной к печати под руководством В.А. Александрова, напечатано сохранившееся в личном фонде М.Н. Тихомирова в АРАН (Ф. 693) письмо о подготовке им сборника документов такой именно тематики и сроках завершения работы (до 1 января 1935 г.)². Недатированный документ озаглавлен в издании “Письмом в издательство”. Более вероятно, что это письмо, адресованное руководителям Историко-археографического института Академии наук. Машинописи подготовленного издания в личном фонде М.Н. Тихомирова (описание которого вышло отдельной книгой) нет. Имеется там, однако, подборка копий документов РГАДА о Псковском восстании. Вряд ли М.Н. Тихомиров уничтожил имевшийся у него экземпляр после публикации – уже в 1950-е годы – части этих документов, как он поступал иногда с машинописью авторских работ после их издания. Тем более что – как указывается в описании его фонда – опубликованы они были лишь “частично”³.

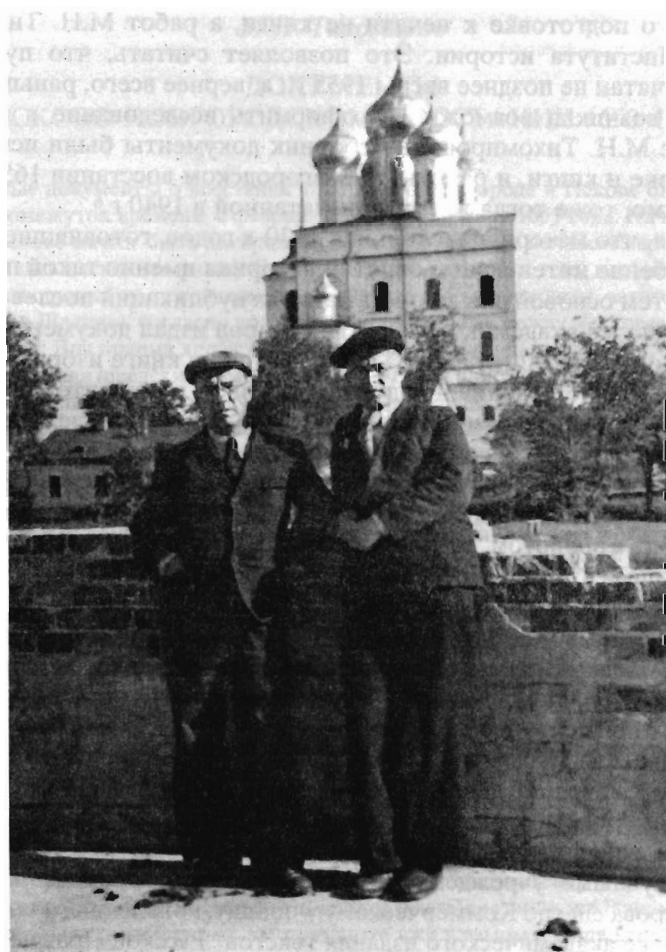
Можно предположить, что М.Н. Тихомиров не просил о возвращении ему машинописи из Историко-археографического института вследствие сложившихся тогда неблагоприятных обстоятельств: директор Института член-корреспондент АН С.Г. Томсинский, автор трудов по истории классовой борьбы в России XVII в., был репрессирован; позднее был арестован и любимый младший брат ученого историк Борис Николаевич Тихомиров, также перво-

---

¹ НА СПб ИИ РАН. Ф. 276. Оп. 2. Д. 6.

² Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 397, 434.

³ Рукописное наследие академика М.Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР: Научное описание / Сост. И.П. Старовойтова. М., 1974. (Труды Архива; Вып. 25). С. 27, № 176.

М.Н. Тихомиров и А.Н. Мальцев в Пскове.
1948 г.

начально занимавшийся изучением истории России в XVI–XVII веках⁴. М.Н. Тихомиров, несомненно, не мог забыть о своем аресте в связи с фальсифицированным “делом” историков⁵. И предпочел не напоминать о связях с С.Г. Томсинским, который не мог не быть причастным к подготовке этого издания и составлению к нему “Вводной статьи от Историко-археографического института”, о чем упоминается в напечатанном письме М.Н. Тихомирова о готовящемся им сборнике документов.

Выявленный архивный экземпляр статьи имеет уточнения и дополнения, внесенные в текст автором, и указание на выход его книги “Псковское восстание 1650 года: Из истории классовой борьбы в русском городе XVII века”. Книга была подписана к печати в издательстве Академии наук 7 сентября 1935 г., сдана в набор 26 мая 1935 г. В первоначальном тексте в примечании

⁴ *Артизов А.Н.* Борис Николаевич Тихомиров (1898–1939): Материалы о жизни и деятельности // АЕ за 1989 год. М., 1990. С. 110–123.

⁵ См. об этом: *Панях В.М.* М.Н. Тихомиров в “Академическом деле” 1930 г. // АЕ за 1993 год. М., 1995. С. 36–39.

указывалось о подготовке к печати не книги, а работ М.Н. Тихомирова в сборниках Института истории. Это позволяет считать, что публикуемый текст перепечатан не позднее весны 1935 г., а, вернее всего, раньше того времени, когда возникла возможность оформить исследование в виде книги. Включенные М.Н. Тихомировым в сборник документы были использованы при подготовке и книги, и работы о Новгородском восстании 1650 г., законченной, видимо, тоже тогда же, но напечатанной в 1940 г.⁶

Очевидно, что материалы сборника 1930-х годов, готовившиеся к печати в период особенно интенсивных занятий историка именно такой проблематикой, стали затем основой для документальных публикаций послевоенных лет, когда ставший уже академиком М.Н. Тихомиров издал документы о событиях 1650-х годов – в 1958⁷ и 1964 гг.⁸ и публикации в книге избранных его трудов в 1969 г.⁹ На наблюдения и над этим массивом документов опирался ученый и при работе над лекционным курсом о приказном делопроизводстве XVII в. в 1966 г., предназначавшемся стать учебным пособием¹⁰.

Машинописный сборник датируется серединой 1930-х годов. Но в том же фонде имеется отзыв о сборнике документов такой же тематики – автограф чернилами на листе с оборотом, подписанный “А.Е.” В левом верхнем углу листа карандашом надпись: “Замеч. Преснякова”. Нет уверенности в том, что это почерк Александра Евгеньевича Преснякова. Пресняков в последние месяцы жизни тяжело болел, и отзыв мог быть написан и под его диктовку. Замечания о передаче текста, заголовках, отсутствии единообразия в принципах публикации однотипных документов, в определенной мере оказались учтенными в машинописи. Это позволяет полагать, что первоначальный вариант издания был подготовлен еще при жизни А.Е. Преснякова, скончавшегося 30 сентября 1929 г. А если это так, то меняются представления об основной тематике исследовательской работы М.Н. Тихомирова во второй половине 1920-х годов. Это также свидетельствует об установившихся уже тогда взаимосвязях московского ученого с ленинградскими научными учреждениями. (Не через Б.Д. Грекова ли – учителя М.Н. Тихомирова еще по Коммерческому училищу, привлечшего его в 1930-е годы к подготовке академического издания текстов “Русской Правды”?) Самостоятельная задача – сопоставительное рассмотрение состава сборника 1934/35 гг. и документации о восстаниях, напечатанной в 1950-е–1960-е годы.

Тема восстаний в России 1650 г., увлекшая в студенческие годы, оставалась для ученого притягательной на протяжении десятилетий. И для выступления перед слушателями партшколы во Владивостоке в октябре 1956 г. академик М.Н. Тихомиров избрал темой “Вопросы изучения классовой борьбы и народных восстаний в XVII в.”¹¹

С.О. Шмидт

⁶ Тихомиров М.Е. Классовая борьба в XVII в. С. 432.

⁷ Документы Земского собора 1650 г. / Подгот. текста, вступ. ст. М.Н. Тихомирова, при участии А.И. Рогова // ИА. 1958. № 4. С. 141–156; № 5. С. 129–145; № 6. С. 139–154. Об этой публикации см.: Валк С.Н. Археографическая деятельность академика М.Н. Тихомирова // АЕ за 1962 год. М., 1963. С. 18. Публикация эта была оценена и как проявление положительной тенденции редколлегии журнала «к переходу от публикаций отдельных “подборок” хрестоматийного порядка к публикации законченных документальных комплексов» (См.: Пенчковская С.М. О работе журнала “Исторический архив” // ВИ. 1959. № 10. С. 184, 185).

⁸ Новгород. К 1100-летию города: Сб. ст. / Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1964.

⁹ Тихомиров М.Н. Классовая борьба в XVII в. С. 433.

¹⁰ Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 348–383 (“Приказное делопроизводство в XVII веке”). С. 398 (Комментарий). См. также: Муравьев А.В. Спецкурс М.Н. Тихомирова “Приказное делопроизводство в XVII в.” // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 324.

¹¹ Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России XVII в. С. 428–430, 434.

ДОКУМЕНТЫ О ПСКОВО-НОВГОРОДСКОМ ВОССТАНИИ 1650 ГОДА

Издаваемые документы о восстании 1650 года в Новгороде и Пскове охватывают значительный промежуток времени, с февраля 1650 года по март 1651 года. Начало открытого восстания в Пскове может быть датировано концом февраля – началом марта, но волнения в Пскове начались несколько ранее. Они были тесно связаны с теми хлебными закупками, которые производились на псковском рынке Федором Емельяновым, заготавливавшим хлеб для отдачи его в Швецию, согласно договору, заключенному между московским и шведским правительствами. Для приема хлеба из Москвы был отправлен шведский агент Логин Нумменс. Уже 12 февраля шведский комиссар Яган де-Родес прислал в Посольский приказ письмо с просьбой обеспечить Нумменсу безопасный проезд до Пскова. Перевод этого письма, сделанный в Посольском приказе, является наиболее ранним документом, издаваемым в материалах. В деле сохранилось и подлинное письмо де-Родеса.

24 февраля псковский воевода Никифор Сергеевич Собакин получил царскую грамоту о приезде Нумменса. Грамота в делах не сохранилась, но содержание ее известно из отписки Собакина. Из другой отписки Собакина выясняется, что уже 27 февраля в Пскове между воеводой и посадскими людьми произошло бурное столкновение, причем посадские люди говорили многие “невежливые” слова.

Приезд Нумменса 28 февраля дал повод к открытому возмущению, и таким образом этот день можно считать первым днем псковского восстания. Количество документов, относящихся к первым дням восстания, довольно многочисленно. Большинство из них издано в книге Якубова “Россия и Швеция в первой половине XVIII века”. К их числу принадлежат отписки воеводы Собакина, архиепископа Макария и пр. Однако Якубов почему-то оставил в стороне два важнейших документа, которые существенно меняют наши представления о начале псковского восстания. Этими документами, печатаемыми в издаваемых материалах, являются распросные речи стрельцов, проважавших Нумменса, и показания псковского дворянина Афанасия Лаврентьевича Нащокина, впоследствии известного под фамилией “Ордын-Нащокина”. Распросные речи являются показаниями очевидцев, присутствовавших при задержании Нумменса, и опровергают легенду о стихийном буйстве псковичей, поддерживаемую воеводскими отписками. Показания же Нащокина четко рисуют нам классовые противоречия, выступившие уже в самом начале восстания.

Известие о псковском восстании вызвало большое беспокойство в московских правительственных кругах. Уже 17 марта была назначена во Псков сыская комиссия в составе князя Федора Федоровича Волконского и дьяка Герасима Дохтурова. Грамоты в Псков о сыске Волконского и Дохтурова издаются в матерьялах. Кроме них в Приказных Делах Старых Лет сохранились два черновика наказа Волконскому и Дохтурову о сыске во Пскове. Наказ носит на себе черты кропотливой приказной работы и имеет значение не столько для истории восстания, сколько для изучения приказного делопроизводства. Наказ и грамоты о сыске в Пскове помечены 17 марта, но уже 15 марта произошло новое событие большой^{1*} важности – началось восстание в Новгороде. О начале новгородского восстания сохранилось большое количество и притом самых разнообразных документов. Среди этих документов, распросных речей и даже частных писем, очень важное значение имеют^{2*} отписки новгородского воеводы князя Федора Андреевича Хилкова, митрополита Никона и дьяка Василия Сафонова. Новгородское восстание как бы отодвинуло псковские дела на второй план. Для подавления восстания немедленно был выделен экспедиционный отряд во главе с боярином князем Иваном Никитичем Хованским и его товарищами, князем Никифором Федоровичем Мещерским и дьяком Анисимом Трофимовым. Поход Хованского и внутренняя борьба в самом Новгороде ярко отразились в сохранившихся документах. Восстание в Новгороде немедленно сказало^{3*} в Пскове на судьбе^{4*} Вол-

^{1*} Исправлено из: огромной.

^{2*} Далее зачеркнуто: распросные речи и

^{3*} Исправлено из: отразилось.

^{4*} Далее зачеркнуто: сыска.

конского и Дохтурова, которые были арестованы земскими людьми и посажены в палату. Вместе с тем был арестован Никифор Сергеевич Собакин, передавший дела новому псковскому воеводе Василию Петровичу Львову^{5*}. Конец марта был ознаменован в Новгороде составлением челобитных от всего города. Так как воеводы в Пскове и в Новгороде почти были лишены возможности непосредственно сноситься с Москвой, главная информация о положении в восставших городах идет через руки Хованского, который ставил себе в это время непосредственную задачу овладения Новгородом. Поэтому в делах о восстаниях 1650 года наибольшее количество документов за период с конца марта до половины мая приходится на Новгород, о событиях же во Пскове за этот период мы имеем мало известий. Хованский вошел в Новгород 13 апреля и в течение первой половины мая производил там сыск о восстании. В связи с этим решительно меняется и самый характер документов, среди которых начинают преобладать допросы, выписки из сыского дела, отписки Хованского, нового новгородского воеводы кн. Юрья Петровича Буйносова-Ростовского и митрополита Никона. Из этих приказных документов наиболее интересны некоторые протоколы допросов и выписки об арестованных и наказанных новгородцах.

Псковский поход Хованского, выступившего из Новгорода в половине мая, представлен большим количеством документов, главным образом отписками и распросными речами. Однако, в документах намечается некоторый пропуск, вследствие которого июнь–июль 1650 года отражены в издаваемых матерьялах относительно неполно. Этот пропуск, по-видимому, можно объяснить гибелью значительной части документов, относящихся к этому времени. На такое объяснение наталкивает то обстоятельство, что некоторые документы за июнь–июль 1650 года обгорели и потеряли кое-где начало и конец. По-видимому, погибла и часть делопроизводства, связанного с первым заседанием земского собора 1650 года, происходившим 4 июля^{6*}. Гибель или утеря части документов за июнь–июль 1650 года является тем более ощутимой, что в этот период с наибольшей силой развертывается деятельность революционного псковского правительства во главе с земским старостой Гаврилой Демидовым. Поэтому о внутренней жизни Пскова в этот период можно сделать только отрывочные наблюдения. Гораздо полнее в делах о восстаниях сохранились документы о поездке в Псков епископа Рафаила и выборных от земского собора. Как известно, миссия Рафаила и выборных увенчалась успехом, 21–23 августа искиовичи выразили царю покорность и целовали крест. Конец августа и начало сентября может считаться официальной датой окончания псковского восстания. Однако на самом деле волнения в городе и в пригородах не утихли^{7*}, так как большинство городского населения было недовольно компромиссом с царским правительством. Документы этого периода имеют громадное значение для понимания всей социальной структуры псково-новгородского восстания. Крестьянское движение в уездах не затихало в течение всей зимы 1650–51 гг. О тревожном положении в пригородах и в уездах читаем в воеводских отписках за февраль и март 1651 года. Этими документами кончалось, по-видимому, приказное делопроизводство о восстаниях.

Основная масса документов о псково-новгородском восстании 1650 года сосредоточена в ГАФКЭ (Госуд. Архив Феодално-Крепостной эпохи) в Москве. В ГАФКЭ документы о восстаниях 1650 г. перешли из б. Архива Мин. Ин. Дел, куда были переданы архивные матерьялы Посольского приказа. Все основное делопроизводство, связанное с восстанием 1650 года, производилось в Посольском приказе, как это ясно видно из помет на грамотах и отписках. Посольский приказ фактически руководил подавлением восстания, а позднее сыском в Новгороде и Пскове. Особая роль Посольского приказа^{8*}, по-видимому, объясняется^{9*} характером^{10*} восстаний^{11*} 1650 года^{11*}. В самом начале псковского восстания пострадал шведский агент Нумменс, подвергнутый допросу и обыску со стороны псковичей^{12*}. Дело Нумменса, являвшееся только отдельным эпизодом в истории восста-

^{5*} *Далее зачеркнуто*: Характерно, что сменились только воеводы, а дьяк Иван Дмитриев остался на прежнем месте.

^{6*} *Далее зачеркнуто*: хотя сохранились черновики этих грамот.

^{7*} *Исправлено из*: утихали.

^{8*} *Далее зачеркнуто*: в руководстве подавлением восстания в 1650 году.

^{9*} *Далее зачеркнуто*: особым.

^{10*} *Далее зачеркнуто*: этих.

^{11*}–^{11*} *Вписано над строкой*.

^{12*} *Написано вместо зачеркнутого*: восставших.

ния 1650 года, тем не менее повело к значительному дипломатическому конфликту, для разрешения которого 5 апреля в Стокгольм был послан из Москвы подьячий Василий Старый^{13*}. Дальнейшее развитие восстания вызывало опасения возможности новых дипломатических и даже военных осложнений, как с Швецией, так с Польшей и другими государствами. Напомним здесь, что новгородцы также задержали другого иностранного дипломатического представителя – датского посланника Иверта Краббе.

В Посольском приказе все дела о восстаниях 1650 года шли через руки думного дьяка Михаила Юрьевича Волошенинова и его помощника дьяка Алмаза Иванова. Волошенинов занял место Назария Чистого, убитого во время московского восстания 1648 года. Шведский резидент Поммеринг уже в письме от 30 декабря 1648 года называет его государственным канцлером. Волошенинов, как видно из донесений Поммеринга, вел^{14*} с ним переговоры по делу Нумменса^{15*}. Но у нас есть и другое более прямое свидетельство о том^{16*}, что именно Волошенинову было поручено руководство подавлением восстания 1650 года. К помете^{17*} 26 мая о том, как отписать в Новгород о наказаниях новгородцам, приложено письмо, в котором неизвестное лицо (возможно Иван Чеховьев) пишет к Мих[аилу] Волошенинову: «Михайло государь Юрьевич, послал я к тебе новгородцкую перечневую выписку, помечену, да новгородцкого митрополита Никона отписку помяну же с подьячим с Федькою Микифоровым. И тебе по той выписи и по отписке, государь, указ послать... И я, государь, о том опасася, чтобы к бояром отписати. И государь к бояром отписати приказать не изволил: “то де дело Михайлово”» (Швед. Дела, № 3, л. 676). Действительно, наиболее важные документы имеют припись Михаила Волошенинова, хотя точного разграничения функций между ним и Алмазом Ивановым провести невозможно. Замечательно, что в период восстания 1650 года Новгородская четь находилась также в заведывании дьяков^{18*} Мих[аила] Волошенинова, Ал[маза] Иванова и Ив[ана] Гавренева.

Однако можно думать, что главное руководство подавлением восстания в Новгороде и Пскове находилось в руках не у Волошенинова, а у самого боярина Бориса Ивановича Морозова. Роль Морозова оттеняется рядом документов, имеющих к нему непосредственное отношение. Таково, например, письмо новгородского воеводы Хилкова, адресованное “к государю моему Борису Ивановичу”^{19*}. Новгородские и псковские дела не раз докладывались боярской думе и царю Алексею, вследствие чего на многих из них встречаются пометы: “государю чтена и бояром”, или просто “государю чтена”. Некоторые царские грамоты помечены не Москвою, а царским станом (“на нашем стану”), так как летом 1650 года Алексей Михайлович ездил по подмосковным селам, а также в Калязин и в Кашин. Поездка в Калязин, может быть, была связана с ожидавшимися волнениями в самой Москве. Калязин был хорошо защищенной крепостью и таким образом был более надежным местом, чем беспокойная столица.

Дошедшие до нас документы^{20*} Посольского приказа^{20*} о восстании 1650 года разбиты на несколько отдельных дел и разбросаны в разных фондах. Но можно с некоторым вероятием думать, что первоначально они составляли, если не один, то два или три столбца, продолжающих один другой. На существование такого столбца указывают пометы на некоторых челобитных о занесении их “в столп”. Возможно, что уже с самого начала существовали разные столбцы для новгородских и псковских дел, которые впоследствии вошли в разные фонды. При описании архива в XVIII веке эти столбцы были расшиты^{21*} и составили отдельные дела, причем некоторые из них были отнесены в фонд Приказных Дел Старых Лет, другие в фонд Шведских Дел, третьи позже попали в фонд Приказных Дел Новой Разборки. При этом никакой системы выдержано не было. Так, под рубрику Шведских Дел (№ 3) отнесены были документы о новгородском восстании, тогда как дела

^{13*} *Примеч. М.Н. Тихомирова:* Дело о посылке Вас. Старого в Швецию напечатано в выдержках у Якубова – Россия и Швеция в перв. половине XVII века, стр. 290–302.

^{14*} *Исправлено из:* ведег.

^{15*} *Примеч. М.Н. Тихомирова:* Якубов. Россия и Швеция в первой половине XVII века, стр. 431, 470 и др.

^{16*} *Исправлено из:* на то.

^{17*} *На левом поле карандашом, чьим-то почерком под знаком вопроса:* [п]амяти.

^{18*} *Написано над строкой.*

^{19*} *Далее зачеркнуто:* письмо неизвестного лица к нему же о царских распоряжениях и т.д.

^{20*}–^{20*} *Написано над строкой.*

^{21*} *Подчеркнуто карандашом, а на полях стоит “?”.*

о псковском восстании (например, № 24) оказались в Приказных Делах Старых Лет. Между тем дело о псковском восстании было тесно связано с задержанием во Пскове шведского агента Нумменса, тогда как новгородское восстание не имело никакой непосредственной связи с дипломатическими отношениями между Швецией и Московским государством. В шведские дела (№ 2) попала также часть отписки епископа Рафаила, посланного во Псков от земского собора. Эта отписка сохранилась в одном деле вместе с подлинным письмом шведского комиссара Ягана де Родеса. Такая путаница в распределении документов показывает, что дела о восстании 1650 года ко времени составления архивной описи находились уже в беспорядке, причем некоторая часть документов была утеряна.

В настоящее время дела о восстании 1650 года сосредоточены в 4-х фондах ГАФКЭ. Сюда прежде всего относятся Приказные Дела Старых Лет, Шведские Дела, Приказные Дела Новой Разборки. Непосредственным дополнением к этим 3-м фондам являются разрядные столбцы Новгородского стола. Они занимают особое место среди документов о восстании 1650 года, являясь остатками делопроизводства, связанного с экспедицией Хованского, сносившегося по военным делам с Разрядом.

Для настоящего издания использованы были следующие архивные матерьялы ГАФКЭ:

1. Дело № 24 (Приказные Дела Старых Лет 1650 года, № 24. “Сыскное дело о бытнем бунте во Пскове, марта с 9 числа 7158 (1650) по 27 июля с.г.; на 671 л. л.”). Это громадное дело начинается распросными речами провожатых Нумменса от 4 марта и кончается росписью дворян и детей боярских, которые захватили под Псковом пленных (“языков”). Однако самый ранний документ, имеющийся в деле № 24, относится не к 9 марта, как это помечено на заголовке дела, а к 27 февраля (отписка Собакина о хлебе на л.л. 15–17). Документы дела № 24 почти исключительно касаются восстания в Пскове и только косвенно затрагивают новгородские события в марте–апреле 1650 года. Значительная часть документов дела № 24 была напечатана в книге К. Якубова – Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897 год, стр. 303–389. Однако при выборе документов для издания К. Якубов, по-видимому, руководился не столько интересом к самому восстанию в Пскове, сколько теми дипломатическими отношениями между Швецией и Московским государством, которые создались после задержания Нумменса. Поэтому в издание не попали такие ценнейшие документы, как распросные речи Аф. Лавр. Ордын-Нащокина, челобитная псковичей на Федора Емельянова и пр. К тому же приемы издания документов у К. Якубова отличаются рядом дефектов. Так, некоторые документы приведены только в отрывках (напр., распросные речи Фанемина на стр. 301, царская грамота с ответом на псковскую челобитную на стр. 370–376 и пр.). Кроме того К. Якубов не указывал листы дела № 24, на которых написаны издаваемые документы, не дав даже краткого описания дела № 24. Сокращения в тексте документов, сделанные при издании, также не всегда были удачны. Например, были опущены даты распросных речей Фанемина и Молвянинова (стр. 303 и 306–307), что затрудняет для исследователя пользование этими документами.

2. Дело № 3 (Шведские Дела, 1650 г. (Реестр. II) “Сыскное Дело о бывшем во Пскове и в Новгороде бунте и о задержании государевой денежной казны 20 000, которая по договору с немцом Нумменсом послана была к шведской королеве Христине”, на 848 листах).

На деле помечено, что оно содержит документы с 15 марта (1650 года) по 6 мая 1651 года, Дело № 3 начинается отпиской новгородского митрополита Никона, воеводы Хилкова и дьяка Сафонова о начале волнений^{22*} в Новгороде, а кончается выписками из сыскного дела о^{23*} восстании.

Это громадное дело заключает в себе не только отписки, памяти, грамоты и другие текущие документы, но также и сыскное дело о новгородском восстании, производившееся первоначально командующим карательным отрядом князем Иваном Никитичем Хованским, а позже новым новгородским воеводою кн. Юрьем Петровичем Буйносовым-Ростовским. Основная масса документов в деле № 3 охватывает^{24*} небольшой сравнительно промежуток времени, за март–май 1650 года, заключая в себе документы, относящиеся главным образом к новгородскому восстанию и только частично касающиеся Пскова.

^{22*} Исправлено из: восстания.

^{23*} Далее зачеркнуто: новгородском.

^{24*} Исправлено из: относятся.

3. Дело № 63. (Дело № 63. Приказные Дела Старых Лет, 1650 год)^{25*}. (“Дело о посылке стрельцов во Псков, где зделался мятеж межъ людьми (весьма огнем повреждено)”, на 187 листах). На папке^{26*} есть помета “июль 24 числа 7158–1650 года”. Эта помета, как и название, не соответствуют содержанию дела № 63. Так в нем имеется отписка князя Василия Петровича^{27*} Львова, назначенного воеводой в Псков на место прежнего воеводы Никифора Сергеевича Собакина. Между тем эта отписка, в которой упоминается о приезде в Псков еп[ископа] Рафаила, не могла быть отписана раньше принесения Псковом крестного целования, т.е. ранее второй половины августа. Вместе с тем в деле № 63 имеются документы, помеченные июнем 1650 года (распросные речи Ивановых [6 июня, на л. 46–52]). Таким образом дело № 63 дает картину случайного подбора документов. В основном же документы дела № 63 охватывают период времени за июнь–июль 1650 года. Многие документы в этом деле пострадали от огня и сохранились в дефектном виде.

4. Дело № 64. (Приказные дела старых лет, 1650 г.) заключает в себе матерьял, относящийся к земскому собору и делегации, посланной от него в Псков, во главе с епископом Рафаилом. Дело № 64 носит название: “Сыское дело о бывшем во Пскове бунте”, на 288 л. Вверху помета: “июля с 26 чи[сла] 7158/1650 г. по 14 ч[ислу] сентября 7159 г.” Это дело таким образом является непосредственным продолжением № 24 и 63. На первых листах дела № 64 помещена черновая запись о земском соборе 1650 года.

5. Дело № 85 (Приказные дела старых лет, 1650 год) имеет название: “Сыское дело о бывшей во Пскове смуте” (без начала и без конца), на 201 листе. Согласно помете оно включает в себя документы “сентября с 21 по 2-ое ч[ислу] ноября – 7159/1650 года”. По содержанию дело № 85 однородно с делами, перечисленными выше, заключая в себе отписки, царские грамоты, распросные речи и пр. В этом же деле помещен сыск о речах в Пскове стольника Ивана Олферьева, одного из делегатов земского собора 1650 года, и запись о заключительном заседании земского собора.

6. Дело № 98 (Приказные дела старых лет, 1660 год, “Сыское дело о бывшем бунте во Пскове”, на 230 листах) включает в себя документы “ноября с 4-го ч[исла] по 16 число мая 7169 года”. По своему содержанию дело № 98 является непосредственным продолжением предыдущих и вместе с делом № 3 (Шведские дела, 1650 год) заключает в себе наиболее поздние документы, относящиеся к восстанию 1650 года, охватывая период его ликвидации.

Все 6 перечисленных дел являются как бы основной канвой, по которой можно восстановить ход восстания 1650 года в Новгороде и Пскове, от его начала до его ликвидации. Поэтому наибольшее количество издаваемых документов взято из этих дел. Но для истории восстания важное значение имеют и другие дела, хранящиеся в ГАФКЭ. К их числу принадлежат:

7. Дело № 71 (Приказные дела Старых Лет, 1650 год, № 71), на 18 листах. Точное его название: “Дело о признании псковских возмутителей в своем преступлении и о прощении от государя в оном своего прощения 7159/1650 сентября 21”. Название дела совершенно не соответствует его содержанию. Дело начинается отпиской еп[ископа] Рафаила от 21 сентября 1650 года, присланной им из села Спаса в Заулках Клинского уезда. В отписке Рафаил сообщает о том, что Андроньевский архимандрит Селивестр и стольник Олферьев принесли к нему от псковских челобитчиков, ехавших с ними к Москве, повинные челобитные от псковичей и 12 заручных сказок. Повинные челобитные и сказки, действительно приложены к отписке и, по-видимому, составляли вместе с нею один столбец. Эти сказки представляют собой не что иное, как допросы разных лиц в Псковской земской избе по поводу слухов о близком нападении шведов и бегстве царя в Литву. Таким образом дело № 71 заключает в себе остатки делопроизводства земской избы.

8. Дело № 86 (Приказные дела Ст[арых] Лет, 1650 год, на 250 листах) является собранием отписок, полученных из городов от воевод. Оно называется: “Челобитные разных служилых и других людей Новгородской четверти, просящих о пожаловании за службу и проч.” Сентября с 25 числа 7159–1660 по 30-е число августа того ж года (1650). Среди других материалов в этом деле имеются отписки из Сумерского погоста воеводы Ивана Кайсарова, которые показывают, что Сумерская волость и солдаты действительно были втянуты в сферу восстания.

Кроме перечисленных матерьялов в Приказных делах Старых Лет и Новой разборки имеются еще другие дела, заключающие в себе документы по истории псково-новгородского восстания 1650 года, которые в той или иной мере были использованы для издания:

^{25*} Далее зачеркнуто: Дело № 63 является непосредственным продолжением № 24 и носит название:

^{26*} Вписано вместо зачеркнутого: На верхе за ним.

^{27*} Вписано сверху.

9. Дело № 116 (Приказные дела Старых Лет, 7169–1650, год на 36 листах). Оно называется: “Дело о сыске воров, которые у псковского гостя Федора Емельянова государеву денежную и хлебную казну разграбили. 7158–1660 года”. Дело № 116 сохранило нам черновики наказа Волконскому и Дохтурову о сыске во Пскове. Другой черновик того же наказа сохранился в деле № 24, на л.л. 54–91.

10. Дело № 1512 (Приказные Дела Новой Разборки, 7158–1650 год, на 9 листах) включает в себе черновик речи, читанной на земском собрании 26 июля 1650 года. Это черновая запись или вернее один из первоначальных вариантов речи, испещренный пометками и поправками. Существенных дополнений к записи о земском собрании, имеющейся в деле № 64 этот отрывок не дает.

11. Дело № 1135^{28*} (Приказные Дела Новой Разборки 1650–7158 год^{28*}) Здесь (с л. 1) имеется копия большой псковской челобитной. Происхождение этой копии не вполне ясно. Можно предполагать, что она была сделана специально для царя, вследствие чего сохранилась среди бумаг Тайного Приказа.

12. Дело № 2 (Шведские Дела, Реестр II, № 2, 1650 год) начинается подлинным письмом Ягана де-Родеса от 12 февраля 1650 года, в котором он просит Посольский приказ дать Нумменсу провожатых до Пскова. В остальной части дело № 2 включает документы (в отрывках) о посылке епископа Рафаила и выборных во Псков.

13. Дело № 30 (Шведские дела, № 30, 7158 апреля 5 – по апреля 1651). Кроме других матерьялов включает в себе переписку с Швецией по поводу задержания Нумменса и событий во Пскове.

14. Дело № 36 (Приказные Дела Старых Лет, 7168–1650 год, на 11 листах). Среди других документов в нем помещен отрывок “дела о присылке дворянина в Нижней Новгород в вотчину князя Семена Урусова о взятии людей, которые к нему приехали из Новгорода и из Пскова”. Это отрывок большого сыского дела, матерьялы по которому имеются в документах дела № 3 и упоминаются в издаваемом сборнике.

15. Дело № 111 (Приказные Дела Старых Лет, 7159–1650 год, на 7 листах) представляет собой выписку о службе Волконского и Дохтурова во время псковского восстания. Документы этого дела относительно мало важны для истории псковского восстания 1650 года. Наиболее ценным является указание на переписные книги епископа Рафаила и выборных людей, которые, по-видимому, не сохранились. В виду важности этого места приводим его целиком: “А в переписных книгах Рафаила епископа Коломенского и властей и выборных людей написано, что по их приезде окольных князь Федор Федорович Волконской да с ним дьяк Гарасим Дохтуров и подьячие, которые с ними были присланы, сидели за приставы на Запсковье на Омелянове дворе Иванова и с того двора из за приставов освобождены при них епископе и властях и выборных людех”.

Особый характер представляют документы о восстании 1650 года, сохранившиеся в столбцах Новгородского стола. Эти документы представляют собой ту переписку, которую Хованский вел с Разрядом во время своих действий под Новгородом и Псковом. В столбцах имеется большое количество челобитных дворян и детей боярских о пожаловании за службу, отписки Хованского и воевод, памяти и пр. К сожалению, эти матерьялы носят очень односторонний характер и только в отдельных своих частях дают интересные сведения о событиях 1650 года. Для издаваемого сборника столбцы Новгородского стола были использованы в относительно малом размере. Наибольшее количество документов имеется в следующих столбцах Новгородского стола за 1650 год: № 77, 102, 105. Среди документов Московского стола непосредственное отношение к восстанию имеет столбец № 238, II, где на л.л. 806–807 имеется челобитная Рафаила с просьбой очистить для него в Москве подворье, где бы он мог стоять. На обороте документа помета “лета 7159-го сентября в 21 день... велеть те хоромы очистить тотчас безо всякого мотчанья. А Коломенский епископ к Москве будет ныне сентября в 21 день”.^{29*} Кроме того для понимания настроений в самой Москве важны документы, имеющиеся в столбце № 272 Приказного стола^{29*}.

^{28*} Номера дел и годы вписаны от руки.

^{29*–29*} Вписано от руки и далее зачеркнуто: Обилие матерьялов по истории восстания 1650 года является очень благоприятным обстоятельством для исследователя, но в то же время оно ставит издателя документов в несколько затруднительное положение, так как полное издание документов потребовало бы не менее 3–4 томов. Между тем отрывочное издание документов также не может удовлетворить исследователей, которые всякий раз были бы принуждены вновь обращаться к подлинникам, хранящимся в архиве.

Характер издаваемых документов очень разнообразен, среди них мы встречаем царские грамоты, воеводские отписки, различные памяти, челобитные, изветы и пр. Для истории восстания 1650 года эти документы далеко не равноценны. Между тем обилие документов ставило^{30*} перед необходимостью сделать выбор наиболее важных исторических матерьялов. Для того, чтобы осветить принципы этого отбора необходимо остановиться на типах документов по истории восстания 1650 года. Эти документы можно разделить на 2 группы: 1) документы правительственного характера, 2) документы, написанные составшими. В свою очередь документы первой группы можно подразделить на: 1) документы, исходившие из московских приказов, 2) документы, поступавшие в Москву. Первые, как правило, сохранились в черновиках, вторые в подлинниках.

1. К числу документов, исходивших из московских приказов, принадлежат, прежде всего, царские грамоты или указы. При издании документов сохранено название "грамота", употребляемое в самих документах и вошедшее в научный обиход. Царские грамоты дошли исключительно в черновиках, вернее в чернёных отпусках, так как подлинная грамота шла на места, а отпуск оставался в приказе. Отпуск носит на себе обычно следы различных поправок, перечеркиваний и вставок. Иногда документ так испещрен помарками, что почти неудобочитаем. Кроме того поправки порою^{31*} несколько искажают язык документа, в особенности же часто встречаются пропуски соединительных союзов – *и*, *а* и пр.

Таким образом в черновиках царских грамот мы имеем дело с двумя (а иногда и тремя) параллельными текстами, первоначальным и более поздним, в который внесены те или другие исправления. Этот позднейший второй или третий текст отпуска и является идентичным с текстом подлинной царской грамоты, посланной на место. Но первоначальный текст имеет также крупное значение, отражая ту редакционную работу, которая производилась над документом и зависела от колебаний и различных тенденций, наблюдавшихся в московской правительственной среде. Поэтому текст царских грамот, дошедший до нас в черновиках, издается полностью со всеми поправками и вычеркнутыми местами. Эти вычеркнутые места^{32*} приводятся в примечаниях под текстом^{32*}. Большинство царских грамот издается полностью. Только^{33*} некоторые из них даны в сокращении, которое мотивируется следующими соображениями. Как известно, начало царских грамот обычно вкратце повторяет содержание воеводской отписки, на которую она отвечает, после чего следует резолютивная часть, начинающаяся словами – "И как к вам ся наша грамота придет". Так как некоторые из этих отписок, сокращенное изложение которых приводится в царских грамотах, издаются в этом же сборнике, то такое повторение уже изданного документа во многих случаях представлялось излишним, так как не привнесло ничего существенно нового. Это позволило выпустить начало некоторых царских грамот, сохранив их текст полностью там, где начальный текст повторял содержание не сохранившихся документов или имел особое значение для характеристики отношений московского правительства к излагаемому в царской грамоте документу (например, царские грамоты с ответом на псковские и новгородские челобитные). Следует также оговориться, что сокращенный текст грамот в некоторых случаях приводится в издании не со слов – "И как к вам ся наша грамота придет", а в более полном виде. Датировка царских грамот никаких трудностей не представляет, так как^{34*} они имеют точную дату составления.

2. Помимо царских грамот в матерьялах о восстании имеются памяти, посылаемые из одного приказа в другой, и служебные записки. Памяти также сохранились в черновиках, отпусках, но по содержанию имеют мало важное значение (денежные выдачи, отпуск подвод, счет отпискам и пр.). Этот многочисленный тип документов почти не вошел в настоящее издание, за исключением тех случаев, когда они давали какое-нибудь серьезное датирующее указание (например, память о подводах Андроньевскому архимандриту Селивестру, указывающая на попытку послать духовенство во Псков для переговоров уже в июне). Памяти имеют точные даты^{35*}.

30* *Далее зачеркнуто*: издателей.

31* *Написано вместо зачеркнутого*: иногда.

32*–32* *Написано вместо зачеркнутого*: ставятся в скобках, что легко позволяет сравнить зачеркнутый или вновь написанный.

33* *Написано вместо зачеркнутого*: впрочем.

34* *Далее зачеркнуто*: все.

35* *Далее зачеркнуто*: Служебные записки представляют собой те же памяти, посылаемые в виде личных писем.

3. К числу документов, поступавших в московские приказы, прежде всего относятся отписки. В отличие от царских грамот и памятей, отписки дошли до нас в подлинниках. На обороте отписок имеется адрес: “государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси”. В виду того, что этот адрес повторяется буквально на всех отписках, в настоящем издании он особо не отмечается^{36*}. Из большого количества отписок для издания отобраны только те из них, которые с особой яркостью рисуют положение и деятельность царских властей в восставших областях, а также дают характеристику самого восстания и приемов его подавления. Большинство отписок издается полностью. Очень сложным делом являлась датировка отписок. Отписки имеют на обороте пометы о времени их поступления в приказ, а также о том, кем они привезены. Однако между временем поступления отписки в приказ и временем ее составления мог лежать значительный промежуток времени. Например, отписка Никона, рассказывающая о событиях 16–19 марта, поступила в Посольский приказ только 13 апреля. Между тем для документов о восстаниях имеет большое значение не только датировка по месяцам, но и по дням. Поэтому за исходный момент при датировке отписок принималось их содержание. Наиболее легко дата отписки устанавливалась в тех случаях, когда о ней упоминается в тексте^{37*} самой отписки. В некоторых случаях, если этому не противоречили иные данные, за дату отписки принималось последнее число в ней указанное. Дата отписок обычно оговаривалась в примечании^{38*} к документу.

При издании отписок указывается помета на обороте. Число этой пометы также может иметь датирующее значение. По этим пометам составлялись царские грамоты и памяти, отправляемые на места. Поэтому содержание помет приводится полностью или, по крайней мере, если помета очень длинна и малоразборчива, в сокращении^{39*}.

4. Чрезвычайно важным материалом по истории восстания 1650 года являются распросные речи. Большинство из них дошло в чистовых и очень разборчивых списках. Распросные речи составлялись немедленно по прибытии в Москву, в полк к Хованскому, в Новгород или другие города того или иного лица, подвергнувшегося допросу. Таким образом, они представляют собой показания непосредственных очевидцев событий. Поэтому на них основаны очень часто отписки воевод и царские грамоты. Ввиду их особой важности, распросные речи издаются целиком. Исключение сделано для распросных речей новгородских челобитчиков, где они повторяют сведения, уже известные из других документов. Распросные речи обычно точно датированы. Только ^{40*} в виде исключения^{40*} они носят дату “того же дня”. В этом случае датировка распросных речей устанавливается просто, с помощью отписки, в которой говорится о присылке лица, дававшего распросные речи.

5. Особый характер носят челобитные о пожаловании за службу и изветы. Эта часть документов очень многочисленна и в некоторых случаях дает интересный материал. Но в то же время челобитные и изветы являются наиболее недостоверным материалом, где события изображаются очень часто в искаженном виде. Вместе с тем для челобитных характерны преувеличенные рассказы о службе и страданиях челобитчиков, для которых особенно важно было подчеркнуть свое “раденье” государю, “забыв страх живота своего”. Такой же характер искажений и преувеличений носят изветы, из которых только немногие напечатаны полностью. Датировка челобитных чисто условная, так как даты на них не ставилось, и в той или иной мере приурочена к помете на их обороте. Даты изветов установить легче, так как о времени их подачи обычно упоминается в сопроводительных воеводских отписках.

6. Записи о земском собрании являются еще одним своеобразным документом, встречающимся в делах о восстании. Имеются записи о заседаниях собора 26 июля и 8 октября. Было еще заседание земского собора 4 июля, но записи о нем не сохранилось. Записи дошли до нас в черновиках. Таких черновики о заседании 26 июля имеются^{41*} два. Записей о соборном постановлении и ответе не сохранилось.

^{36*} Далее зачеркнуто: Исключением из общего правила является лишь отписка митрополита Никона, посланная им “в Верх” не только царю, но и всему царскому семейству.

^{37*} Слово: “тексте” вписано над строкой. На левом поле против фразы написано карандашом: Что же здесь устанавливать? Просто списать.

^{38*} На левом поле написано: легенде.

^{39*} Далее зачеркнуто: Разбор помет, написанных обычно плохими и неразборчивыми почерками, представлял немалые трудности.

^{40*-40*} Вписано вместо зачеркнутого: иногда.

^{41*} Написано вместо зачеркнутого: сохранилось.

II. Документы, исходившие из среды восставших, сохранились в гораздо меньшем количестве, чем правительственные.

1. К их числу прежде всего принадлежат челобитные, полностью издаваемые в наших матерьялах вместе со всеми рукоприкладствами, ^{42*} за исключением челобитных, напечатанных у Якубова^{42*}. В известной мере к ним же можно отнести повинные челобитные, хотя они содержат в себе освещение событий восстания, сделанное уже после подчинения царскому правительству. Датировка челобитных представляла большие затруднения, так как время их составления не указано и может быть установлено только косвенно (№№ 14, 41, 42, 69, 94, 170)^{43*}.

2. Памятей^{44*} караульщикам о пропуске из города, сохранилось только две. Одна из них выдана во Пскове, другая – в Новгороде. Обе печатаются полностью (№№ 22, 43)^{45*}.

3. Частные письма. Сохранились два такие письма: Ив. Жеглова и Дружины Бородина к псковичам (№№ 52, 196, см. также № 11)^{46*}. Все эти документы напечатаны в сборнике матерьялов полностью.

4. Расспросные речи, снятые с разных лиц в псковской земской избе во время восстания ^{47*}имеющиеся в деле № 71^{47*}.

Как видно из приведенного обзора матерьялов, выбор документов для издания их в сборнике шел по линии отбора документов, главным образом, дающих понятие о внутренней, социальной истории восстания. Поэтому в напечатанные матерьялы полностью вошли документы самих восставших (челобитные, памяти, письма, расспросные речи в земской избе), большинство расспросных речей и воеводских отписок с важными сведениями о ходе восстания и о мерах к его подавлению, а также часть царских грамот. В меньшей мере взяты были такие документы, как царские грамоты по частным случаям, памяти, челобитные о пожаловании за службу и изветы. Так как эти документы все-таки имеют в некоторых случаях важное значение для истории восстания, на них сделаны отдельные ссылки.

^{48*}Документы издаются в хронологическом порядке. Исключение сделано для дела № 71, заключающего в себе делопроизводство псковской земской избы. В виду того, что это дело имеет исключительный интерес для истории восстания и имеет исключительный интерес, оно издается в приложении целиком^{48*}.

При издании документов последовательно проводились следующие сокращения: слова “холопи твои” везде пишутся сокращенно х.т., в каком бы падеже они не стояли. Других сокращений слов не делалось. Пропуски в тексте обозначаются тремя точками ... В скобках поставлены места текста, восстановленные по догадке. Пропуски в текстах документов, сделанные самими издателями документов везде оговариваются, при чем даются краткие сведения о содержании выпускаемого места.

Документы о восстании 1650 года были уже известны С.М. Соловьеву, который излагает их содержание при описании событий 1650 года (С.М. Соловьев. История России. Том X). В 1897 году вышла книга К. Якубова – Россия и Швеция в первой половине XVII в. В ней были изданы некоторые документы из упомянутого ранее дела № 24. (О приемах этого издания говорилось выше). Кроме того Якубов издал часть дела № 4 (Шведские дела, 1650 г.) о посылке в Швецию в гонцах подьячего Василия Старова с извещением о псковском восстании на стр. 291–302. Очень важным матерьялом по истории восстания 1650 года являются донесения шведского резидента в Москве Карла Поммеринга, напечатанные также в упомянутой книге Якубова.

Документы, напечатанные Якубовым, до самого последнего времени были главным печатным источником по истории восстания 1650 года. Среди других печатных матерьялов следует указать царские грамоты во Псков, посланные с Рафаилом, о выдаче “заводчиков” восстания. Грамоты напечатаны в Дополнениях к Актам Историческим, том III, № 74. Несколько документов о восстаниях 1650 года напечатаны также в Сборнике Московского Архива Министерства Юстиции, том VI (М. 1914), на стр. 94–102 и 334–335. Матерьялы

⁴²–⁴²* Вписано над строкой.

⁴³* Номера дел в публикации вписаны.

⁴⁴* Исправлено из: из памяти.

⁴⁵* Номера дел вписаны.

⁴⁶* Номера дел вписаны.

⁴⁷–⁴⁷* Вписано вместо зачеркнутых номеров дел, после чего зачеркнуто вписанное: выделены в особый отдел.

⁴⁸–⁴⁸* Вписано от руки.

о восстании, напечатанные в Сборнике Моск[овского] Ар[хива] Мин[инистерства]. юстиции, взяты из Приказного и Новгородского стола Разряда, хранящегося в ГАФКЭ. Небольшое количество документов о псковском восстании напечатано также в Чтениях Общества Истории и древностей Российских (1869 год, книга IV). Изданные здесь документы испорчены издателем, подновившим их текст. Большого значения для истории восстания они не имеют.

Что касается до литературы о восстании, то она также невелика. Помимо “Истории России” Соловьева, можно еще указать упомянутую книгу Якубова и работы М.Н. Тихомирова – Псковский мятеж 1650 года. М., 1919 года^{49*}, являющуюся в настоящее время библиографической редкостью,^{50*} а также новую книгу того же автора “Псковское восстание 1650 года”. М., 1935 г., стр. 203^{50*}.

“ЧЕСТНЫЙ СПУТНИК И СЕРДЕЧНЫЙ ДРУГ”

(М.Н. Тихомиров в Самаре)

Материал этот был предложен для публикации в АЕ в 2004 г. покойным Вячеславом Викторовичем Крыловым, много сделавшим уже к тому времени для более углубленного знания о самарском периоде жизни М.Н. Тихомирова¹. Но скончавшийся 28 февраля 2005 г.² В.В. Крылов не успел подготовить предисловие и комментарии к публикации архивных документов, выявленных в личном фонде академика Михаила Николаевича Тихомирова в АРАН (Ф. 693). Предполагалось, что В.В. Крылов сумеет подготовить и переиздание книги 1994 г. “М.Н. Тихомиров. Самара в моей жизни (1919–1923 гг.)” с существенными добавлениями. Публикуем этот материал в память и М.Н. Тихомирова и В.В. Крылова.

Материал этот еще более расширяет наши представления о жизни и творчестве (причем и научном, и поэтическом) М.Н. Тихомирова в конце 1910-х – начале 1920-х годов, о его впечатлениях и о Москве, и о Дмитрове, и о Самаре, и возможной источниковой базе изучения такой тематики. И убеждает в том, что предположение Тихомирова-поэта о сохранении его имени в памяти народа осуществилось.

С.О. Шмидт

^{49*} К этому месту было сделано подстрочное примеч. и зачеркнуто: В настоящее время готовятся к печати редакцией “Исторических Сборников” Академии Наук СССР работы М.Н. Тихомирова о восстаниях 1650 г. во Пскове и Новгороде.

^{50*-50*} *Дописано автором от руки.*

¹ Крылов В.В., Маркина В.Г. Данные об археографической деятельности М.Н. Тихомирова (в Государственном архиве Куйбышевской области) // АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 214–215; Крылов В.В. М.Н. Тихомиров и его роль в сохранении архива и семейных реликвий Аксаковых // Аксаковские чтения: Материалы конференции 1983 года. Абрамцево, 1988. С. 100–103; В Языково с надеждой: Отчет М.Н. Тихомирова Обществу археологии, истории и этнографии при Самарском университете о вывозе архива Аксаковых / Подгот. к печати В.В. Крылов, предисл. С.О. Шмидта // ИА. 1994. № 1. С. 204–214. То же в кн.: Тихомиров М.Н. Самара в моей жизни (1919–1923). Самара, 1994. С. 70–83.

² См. некрологи В.В. Крылову: Библиография. 2005. № 2; ОА. 2005. № 2. С. 141; ВА. 2005. № 2, С. 314–315; наст. изд., с. 571–576.

ЭПИСТОЛЯРНОЕ И ПОЭТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ М.Н. ТИХОМИРОВА

1

М.Н. Тихомиров – Е.П. Ануровой¹

12 ноября 1921 г.

Екатерина Павловна.

Давно собирался ответить вам на ваше письмо, но только сейчас улучил свободную минутку.

Очень благодарен вам за присылку карты; она была мне нужна прямо до резезу. Правда, сейчас текущие дела сильно мешают мне работать по задуманной мной программе. Но очень скоро я пришлю вам небольшой набросок под названием “Князь Юрий Иванович Дмитровский”². Это любопытный момент из жизни начала XVI века. Жалею только, что мало времени. Между прочим, вы не пишете мне, как развился музей после 1917 года. Для меня особенно интересно было бы знать, какие удалось сделать приобретения архивного материала, особенно грамот. У вас и ранее должен был быть любопытный архив, подаренный Поливановым³, на него я советую вам обратить свое внимание. Сам я сейчас усердно работаю над русскими грамотами. В своем письме я не писал вам никаких подробностей о моей жизни, но дело в том, что я боялся, что мое письмо попадет в руки лиц со мной совсем незнакомых, а потому и подписался так официально. Теперь же в кратких словах могу сказать, что в Самаре мне повезло работать под руководством жившего здесь академика В.Н. Перетца⁴. Под его руководством я прошел хорошую школу палеографии и в частности описания рукописей. Сейчас я работаю в университете, веду практические занятия по палеографии и самост[оятельный] курс по русским грамотам XV–XVII вв. Живу относительно недурно, но только страшно скучаю по Москве и думаю, что весной исполнятся все сроки моего пребывания в Самаре. Пора уже выбираться в родимые места, под наше серенькое, северное небо. Кроме университета работаю еще в местном О[бщест]ве арх[еологии], ист[ории] и этнографии. Здесь я заведу библиотекой О[бщест]ва. Вообще говоря, в Самаре я пережил ряд самых неожиданных превращений: был и красноармейцем, стал и преподавателем гос[ударственного] университета. Места здесь в Самаре любопытные, но душа по-прежнему стремится на север, где так хорошо было, бывало, с холма посмотреть на старый город или трепетать в ужасе, ожидая, когда моя спутница погибнет безвременной смертью под березками, по дороге из Костина в Труневки.

Кланяюсь всем моим дмитровским знакомым. Буду очень рад, если напишите мне поподробнее о ваших делах. Так бывает приятно получить какие-либо известия* от старых знакомых. Пишите.

Мих. Тихомиров.

12 ноября 1921 г.

Ф. 693. Оп. 4. Д. 26. Л. 1–2. Машинопись. Заверенная копия. Подлинник: Музей-заповедник “Дмитровский кремль”.

2

М.Н. Тихомиров – Н.А. и А.М. Земским⁵

20 декабря 1922 г.

Дорогие мои.

Это письмо должна доставить вам наша общая с Андрюшей знакомая Марья Михайловна Кобылина⁶, которая была помощницей А.С. Башкирова⁷ по семинарию архео[логии] и искусств. Я думаю, что ты, Андрюша, ее помнишь. Она переезжает в Москву, где избрана ассистенткой Башкирова во 2-ой Госуд[арственный] у[ниверситет]⁸. Я очень просил бы вас, если только это возможно, помочь ей в ее московских мытарствах, в поисках за работой и квартирой. Она первый раз в Москве, а вы сами знаете, как трудно новичку

* Вписано вместо зачеркнутого: сведения.

в Москве, хотя бы и с помощью такой пройды, как Башкиров. Об этом просит и наша общая знакомая Софья Мих[айловна] Ольшевская, которая вам шлет тоже поклон.

Случайно, окольным путем, через письмо Щербиновского, я узнал, что Надежда больна или поправляется, одним словом, в санатории.

Конечно, ругнулся по вашему общему адресу, п[отому] ч[то] старая история. Не жалееете вы себя и не цените своих способностей, растрачивая их на сердитых учительниц и ласковых Кубариков.

На Рождество поеду, вероятно, к Сергею в Оренбург. Он давно уже меня зовет в гости. Хочется повидать его и немножко отдохнуть от зимней работы, т[ак] к[ак] 2 последние месяца я работал как шаль и закончил половину описания иргизских рукописей, листов на 10 печатных, впрочем без всякой надежды на возможность в близком будущем что-либо напечатать.

Живу в матерьяльном отношении хорошо, в душевном средне, п[отому] ч[то] болезнь, которую следовало бы назвать *fibris stultitiae samariensis* – т.е. страдание от *самарской глуposti* возобновляется регулярно каждую зиму.

Как-то живете вы? Мне не пришлось к вам забежать напоследок, и вы на меня, пожалуй, могли обидеться, но я спешил, т[ак] к[ак] опоздал на одно важное деловое свидание.

Мне очень хотелось бы, чтобы вы чиркнули хоть строчку. Скоро должна появиться в свет моя маленькая статейка (в Универс[итетских] известиях), посвященная знакомым вам местам – Zubovke, Bogdanovke и Alexseevke⁹. Как только выйдет, пришлю вам отгиск.

Весною думаю опять прикатить в Москву, а потом двинуться к братьям¹⁰ в Калужскую губернию. Пишите.

20/XII-22 г.

М. Тихомиров

Ф. 693. Оп. 4. Д. 16. Л. 1–2об. Автограф.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ТОВАРИЩУ

Горы, доли, часты реки,
Золотистый, золотой,
Разделяют нас навеки,
Навсегда меня с тобой.

Вместе были мы недолго,
Золотистый, золотой,
Ждет меня родная Волга,
А тебя казак степной.

Раскаленными песками,
Золотистый, золотой,
Вместе с нашими войсками
Веет алый флаг родной.

Наша кровь на нем алеет,
Золотистый, золотой,
И пока он в небе веет
Неразлучны мы с тобой.

Так, прощай же, мой хороший,
Золотой мой, золотой,
Ты уйдешь с солдатской ношей
1*Защищать народ^{1*} родной.

1919 г.

Ф. 693. Оп. 1. Д. 201. Л. 33. Машинопись с правкой чернилами.

* Исправлено из: самарских дураков.

1*-1* Вписано вместо зачеркнутого: Умирать за край.

ДОШЕЛ ДО ГОРОДА ВЕЛИКОГО

Дошел до города великого,
С высот зеленого холма
Я вижу храмы белоликого
И золотые терема.

Вся даль сиянием расколота,
Церквей возносятся шатры,
И в блеске огненного золота
Горят далеких глав костры.

О, град великий, в дымке утренней
Ты здесь лежишь передо мной,
И жизнью тайной, жизнью внутренней
Дрожишь и бьешься, как хмельной.

Лежишь под тяжкими запястьями
Своих старинных белых стен,
Как зверь с бесчисленными пастями,
Дракон легенды, взятый в плен.

Мои бессчетны ожидания,
Пусть нынче робок я и слаб.
Кто может мне сказать заранее –
Творец я буду или раб?

Мое ли имя, надпись гордую,
Поставит у моих ворот
На дамять вечную и твердую
Любимый мой родной народ.

А может быть порою темною,
При входе в бедный древний храм
Я буду петь с толпой бездомною –
“Подайте Христа ради нам”.

Но все равно, пути изведаны
И путь остался мне один –
К тебе великий, заповеданный,
О город, древний властелин.

1920 год.

Ф. 693. Оп. 1. Д. 201. Л. 34–34 об. Машинопись с правой карандашом.

САМАРСКАЯ ВЕСНА

За Волгой снова обнажилась
Холмов далеких череда
И солнце льет живую милость,
Снегам блистанье передав.

Лучами чистого алмаза
Стекают струйки с темных крыш
И прорубь легким льдом замазав,
Мороз балуется малыш.

Весна, весна. Струями плачет
На скорбь зимы веселый март,
И далеко в степи маячит
На горизонте круглый Марс.

Теперь все будет по-иному:
Долой мороз, долой снега.
Клубится пар по чернозему
У речки в черных берегах.

Весенний день безумно долог^{3*},
И в эту новую весну
Идет, как прежде, археолог
Искать чудесную страну.

Самара, 1922 год.

Ф. 693. Оп. 1. Д. 201. Л. 36–36 об. Машинопись с правкой чернилами и карандашом.

ДОКУМЕНТЫ О РАБОТЕ В САМАРЕ

УДОСТОВЕРЕНИЯ

1

18 ноября 1920 г.

Самарский уездный отдел народного образования настоящим удостоверяет, что М.Н. Тихомиров работал во внешкольном подотделе с 5 февраля 1919 г. по 20 октября 1920 г. в качестве заведующего библиотечной секцией. За время работы, помимо выполнения постоянных обязанностей инструктора, проделал ряд руководящих работ по своей специальности – составление инструкций, отчетов и пр.

Летом 1920 года заведовал курсами по внешкольному образованию при Самарском уездном отделе народного образования, причем читал курсы “Культурная работа библиотеки” и “Организация библиотек” и выполнял практические занятия по анализу книг и иллюстративному каталогу.

Оставил службу для научной работы в Обществе археологии и истории при Самарском университете.

Заведующий отделом народного образования

Управляющий делами Синицина.

Ф. 693. Оп. 2. Д. 4. Л. 4–4 об.

2

26 июня 1923 г.

Предъявитель сего М.Н. Тихомиров состоит сотрудником губернского архивного бюро и им произведены следующие научные работы: 1) разобран и описан семейный архив С.Т. Аксакова; 2) произведено описание старопечатных книг и рукописей бывших Иргизских монастырей и 3) по указанию М.Н. Тихомирова и под его непосредственным наблюдением разобран и приведен в полный порядок архив бывшего губернского жандармского управления.

Заведующий губернским архивным бюро

Секретарь губархива.

Самарское губернское бюро истпарта подтверждает действительное участие Тихомирова в разборке жандармского архива.

Ответственный работник истпарта Вельская

Подпись тов. Вельской удостоверяю

Управдел Смирнов.

26 июня 1923 г.

Ф. 695. Оп. 2. Д. 4. Л. 9–9 об.

^{2*} Далее вписано от руки: И в эту новую весну / Пойдет, как прежде, археолог / Искать заветную страну. Москва. 1922 г.

9 июля 1923 г.

Выдано это удостоверение в том, что действительный член Общества М.Н. Тихомиров состоит на службе Общества: 1) с 1 ноября 1920 по 1 июня 1923 года в должности заведующего библиотекой; 2) с 1 февраля 1921 года по 1 июля 1923 года в должности преподавателя славяно-русской палеографии и русской культуры на Высших археологических курсах; 3) с 1 января по 1 июля 1923 года в должности председателя библиографической комиссии. За время с ноября 1920 по июль 1923 года М.Н. Тихомиров по поручению Общества выполнил следующие работы: 1) произвел описание Архива семьи Аксаковых; 2) описание рукописей Иргизских монастырей и старопечатных книг Общества; 3) руководил работами по библиографии по народному образованию; 4) сделал ряд поездок для ознакомления с памятниками старины и народной письменности в уездах.

Кроме того, М.Н. Тихомиров принимал активное участие в конференциях Общества и сделал следующие научные доклады: 1) Архив семьи Аксаковых; 2) Рукописи Иргизских монастырей; 3) К истории колонизации Самарского края (напечатан)¹¹.

Тов. председателя Общества профессор В.В. Гольмстен¹².

За ученого секретаря В.П. Мизинова.

9 июля 1923 г.

Ф. 693. Оп. 2. Д. 4. Л. 10. Подлинник. Машинопись.

4

№ 585

8 июня 1924 г.

Самарский государственный университет удостоверяет, что М.Н. Тихомиров состоял на службе в Университете в должности преподавателя на социально-историческом и затем подготовительного факультета с января 1921 по 1 сентября 1923 г. За это время по поручению факультета он выполнил следующие работы: в весеннем триместре 1921 г. и вел практические занятия по русской скорописи 15–18 века, в академическом 1921–22 и 1922–23 гг. вел практические занятия по славяно-русской палеографии (для словесного) и занятия по чтению и объяснению русских актов 15–17 в. (для исторического отделения); кроме того, за все время пребывания в Университете оставался заведующим кабинетом рукописей и старопечатных книг.

Оставил службу ввиду ликвидации Университета и отъезда в Москву.

Член правления

Секретарь О. Бережнова.

Ф. 693. Оп. 2. Д. 4. Л. 12. Подлинник. Машинопись.

**АДРЕС САМАРСКИХ УЧЕНЫХ
ПО СЛУЧАЮ ОТЪЕЗДА М.Н. ТИХОМИРОВА В МОСКВУ**

9 июля 1923 г.

Дорогому Михаилу Николаевичу Тихомирову.

По околицам путь жизни разукрашен
Ложью, выгодой, цепями сладких пут.
Но есть путь, который многим страшен
И которым так немногие идут.

Вы пройдете странною походкой,
Неуклюжей и немножечко смешной,
Но уверенной, решительной и четкой,
Неподкупленную выгодой земной.

Расстаемся мы... Покинута обитель
И сомкнется уже тесный круг.
Не забудем никогда мы Вас, учитель,
Честный спутник и сердечный друг.

9. VII. 23. Самара.

Вместе шедшие: В. Гольмстен, Е. Тарасов, К. Александрова, В. Маликова, А. Марущенко, Н. Зубцова^{3*}.

Ф. 693. Оп. 2. Д. 304. Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Анурова Екатерина Павловна – сотрудник Музея Дмитровского края, основанного при участии М.Н. Тихомирова.
- ² Статья впервые опубликована в кн.: *Тихомиров М.Н.* Российское государство XV–XVII вв. М., 1973. С. 155–169.
- ³ Поливанов Матвей Николаевич (1874–1942) – земский деятель, в 1918–1919 гг. участвовал в работе Дмитровского музея.
- ⁴ Перетц Владимир Николаевич (1870–1935) – филолог, академик (с 1914 г.) АН.
- ⁵ Земская (урожд. Булгакова) Надежда Афанасьевна (1893–1971), ее муж Земский Андрей Михайлович (1892–1946) – педагоги-филологи, друзья М.Н. Тихомирова. См.: *Шмидт С.О.* Переписка М.Н. Тихомирова с Н.А. и А.М. Земскими // АЕ за 1993 год. М., 1995. С. 45–52.
- ⁶ Кобылина Мария Михайловна – впоследствии известный археолог, специалист по археологии Фанагории, доктор исторических наук.
- ⁷ Башкиров Алексей Степанович (1885–1963) – археолог.
- ⁸ Вторым Московским государственным университетом в первые послереволюционные годы называли бывшие Московские Высшие женские курсы, впоследствии Государственный педагогический институт им. В.И. Ленина.
- ⁹ См.: *Тихомиров М.Н.* К истории колонизации Самарского края // Изв. Самарского гос. ун-та. 1923. Вып. 5, отд. 2. С. 1–12; Отд. отг. Самара, 1923. 12 с.
- ¹⁰ Тихомиров Владимир Николаевич (?–1923) – старший брат М.Н. Тихомирова, по его словам “человек не только добрый, но и выдающийся по своим качествам”, с семьей жил с 1919 г. в Мосальске Калужской губернии, где вступил в ряды РКП(б) и стал одним из активных организаторов партийного строительства, руководил местной совпартшколой (с 1921 г.); Тихомиров Борис Николаевич (1898–1939) – историк и партийный деятель, младший брат М.Н. Тихомирова, член РКП(б) с 1924 г., в то время жил в семье В.Н. Тихомирова, в 1921–1924 гг. работал преподавателем в Мосальской совпартшколе, которую возглавил после кончины брата; впоследствии репрессирован. См.: *Артизов А.Н.* Борис Николаевич Тихомиров (1898–1939): Материалы о жизни и деятельности // АЕ за 1989 года. М., 1990. С. 111–112.
- ¹¹ См. примеч. 9.
- ¹² Гольмстен Вера Владимировна (1880–?) – археолог, ученый секретарь Общества археологии, истории и этнографии при Самарском университете.

А.М. Дубровский

М.Н. ТИХОМИРОВ И Е.В. ЧИСТЯКОВА: ПИСЬМА УЧИТЕЛЮ

“Когда рассуждают о научной школе Тихомирова, как правило, называют и имя профессора Е.В. Чистяковой”¹, – писал С.О. Шмидт о своей соученице по академической группе в Московском университете и аспирантуре у Михаила Николаевича. В самом деле, Елена Викторовна Чистякова унаследовала от своего учителя большую исследовательскую программу, которая проявилась в единстве методологии исследования, идейной позиции и темати-

^{3*} Еще 5 подписей не удалось разобрать.

¹ *Шмидт С.О.* Любимая ученица Тихомирова // Россия XVII века и мир: Юбилейный сборник: К 80-летию доктора исторических наук, профессора Елены Викторовны Чистяковой. М., 2001. С. 5.

ке. Ее творчество развивалось по линиям разработки истории русского города в XVII в. (главным образом его социально-экономического развития), городских восстаний, народных движений в России, русской историографии². Мало кто из историков, современников Е.В. Чистяковой, сделал так много для изучения “бунташного”, переломного в российской истории времени, на исследование которого ее направил М.Н. Тихомиров.

Иные линии в творчестве Елены Викторовны появились позже, независимо от наследия научного руководителя, уже в силу тех или иных жизненных и внутринаучных обстоятельств: работа в Университете дружбы народов, широкий интерес к историографическим исследованиям. И все же в истории науки имя Е.В. Чистяковой связано в первую очередь с ее “городоведческими” исследованиями.

Письма Е.В. Чистяковой к М.Н. Тихомирову сохранились в фонде академика в Архиве РАН, всего 32 письма за 1948–1965 гг.³ Наиболее подробно освещен в этих письмах период работы Е.В. Чистяковой в Воронежском университете в 1948–1952 гг. В это время она отправляла в Москву своему научному руководителю более или менее подробные послания, которые в настоящее время интересны тем, что помогают уяснить некоторые стороны взаимоотношений этих двух ярких личностей в отечественной науке, а также – жизни и деятельности Е.В. Чистяковой, вместе с тем и условия работы историков в провинции в послевоенное время. После возвращения Елены Викторовны в Москву возобновились ее встречи с М.Н. Тихомировым, поэтому сократилась переписка. Они посылали друг другу открытки и телеграммы в периоды отъездов из столицы, в то время, когда уже престарелого и страдавшего болезнями Тихомирова порой укладывали в больницу. Эти послания по своему содержанию не идут в сравнение с письмами воронежского периода в деятельности Е.В. Чистяковой. Поэтому настоящая работа посвящена более ценной части писем Елены Викторовны.

В 1948 г., 25 февраля, Е.В. Чистякова успешно защитила кандидатскую диссертацию “Из истории классовой борьбы в русском городе XVII в. Реформа А.Л. Ордина-Нащокина в Пскове (1665 г.)” и, как она вспоминала, “сразу же после защиты я с трехлетним сыном отправилась на работу в Воронежский университет... Там я проработала до января 1952 г.”⁴. Наверное, кроме перспективы работы в провинции, у Елены Викторовны был еще какой-то выбор места службы (от 8 до 8, как говорила она). Но она остановилась именно на воронежском варианте, видимо, потому, что в местном университете была работа и для нее, и для мужа Владимира Ароновича Дунаевского. Когда профессор МГУ В.И. Пичета спросил ее, куда она решила ехать, и Елена Викторовна назвала Воронеж, он замахал руками, не желая слышать названия этого города: Воронеж был местом его ссылки по “Академическому делу” 1930 г. Уже осенью 1947 г. Владимир Аронович стал преподавать в Воронежском университете. Елена Викторовна прибыла туда позже – в конце зимы 1948 г.

Когда она приехала в Воронеж, он был еще полон развалин и медленно изживал в своем облике эти последствия войны. Университет испытывал де-

² См.: Список научных трудов Е.В. Чистяковой // Чистякова Елена Викторовна: 80 лет со дня рождения. М., 2001. С. 9–21.

³ АРАН. Ф. 693 (М.Н. Тихомиров). Оп. 4. Д. 659. Л. 1–43. Далее сноски на листы этого дела даются в тексте статьи.

⁴ Чистякова Е.В. Автобиография // Россия XVII века и мир. С. 26.

фицит в кадрах квалифицированных преподавателей, поэтому появление дипломированных специалистов, Елены Викторовны и ее супруга, был важным событием для исторического факультета.

20 апреля 1948 г. она писала М.Н. Тихомирову: «Теперь, когда уже прошло 2 месяца со времени отъезда, я могу написать Вам о своих впечатлениях. Читаю в Воронежском университете на 3 и 4-м курсах источниковедение и палеографию. Масса времени уходит на подготовку, через день лекции. Но все это, конечно, приносит колоссальную пользу. Я рада, что пришлось начать с источниковедения, легче будет готовить общий курс, который мне предстоит читать на будущий год. Жизнь здесь идет более спокойно, чем в Москве, но сильно недостает литературы и документов – нет ни “Собрания государственных грамот и договоров”, ни летописей, ни даже “Полного собрания законов”. Во всем городе я не смогла найти Вашей статьи “О начале книгопечатания” и некоторых других. Придется совершать постоянные рейды в Москву. Несмотря на все трудности, я очень рада, что решилась уехать и сразу начать работу “на полную мощность”. Это лучше, чем сидеть где-нибудь в учреждении от 8 до 8. Вообще ужасно плохо, что совершенно не с кем здесь посоветоваться. Так страшно иногда недостает Ваших “прочисток” и добрых советов. Мне ведь они особенно шли всегда на пользу» (Л. 1–2).

Вскоре после приезда в Воронеж Елена Викторовна провела обследование местного архива для выяснения перспектив научной и учебной работы. “Архив здесь не сохранился почти, есть кое-что по эпохе Петра, а по XVII веку нет”, – писала она Тихомирову в том же письме. Все же она превратила архив в одну из своих учебных аудиторий и вела там занятия по палеографии и источниковедению. Ее также интересовал вопрос об опубликовании своих работ. Была готова диссертация, можно было бы издать в Воронеже какую-нибудь ее часть в виде статьи. Может быть, об этом была речь во время прощальных встреч с Тихомировым. “Не знаю, что выбрать для печати из диссертации – дают всего 30 страниц в юбилейном сборнике Воронежского университета. Придется что-нибудь сократить. Не хотелось бы комкать псковскую главу, а опубликовать бы надо и очевидно быстрее, чем другие” (Л. 2).

Уже весной 1948 г. у Елены Викторовны начал складываться определенный порядок в исследовательской работе, которого она придерживалась пока жила в Воронеже. Этот порядок включал и поездки в Москву с целью работы в архиве и библиотеке. В ЦГАДА она собирала материал, а в Воронеже обрабатывала его. Однако на первых порах для научной работы времени все-таки не было. “Этот месяц – после отъезда из Москвы – пришлось очень много работать на заочном секторе, – писала Елена Викторовна 12 июля 1948 г. – Первый раз читала курс истории СССР. Для тщательной подготовки совершенно не было времени (по 6–8 часов в день лекций). Поэтому пришлось успокоиться на том, что этот курс будет репетицией для будущего учебного года, когда придется читать в стационаре. Ничто так не заставляет работать над собой, как преподавательская деятельность. Единственное огорчение – это отсутствие живых научных споров и обсуждений, а также крайняя бедность литературы” (Л. 3).

Летом 1948 г. Е.В. Чистякова отдыхала в Прибалтике. «К сожалению, недостаток времени не позволил поработать в рижском архиве, – сетовала она в письме к Тихомирову от 7 сентября 1948 г. – Я думаю, что нашла бы там много интересного по вопросу “об условиях русско-шведской торговли XVII в.” – помните, это III глава диссертации. Но это в будущем, а сейчас предстоит читать общий курс истории СССР до XIX в. В этом мне очень по-

могает прошлогодний курс источниковедения. Большие трудности вызывают практические занятия по истории СССР. Здесь во всем городе нет ни одного экземпляра из Полного собрания русских летописей. Повесть временных лет – только в коротеньких отрывках, рассеянных по хрестоматии. С “Русской Правдой” немного лучше, но учебных изданий, кроме подаренного Вами мне, тоже нет. Все это очень затрудняет меня с раздачей тем для курсовых работ, так как и поздняя документация представлена не лучше» (Л. 7 об.).

В недатированном письме к учителю (1948–1949 гг.) Елена Викторовна писала, что страшно скучает по занятиям в архиве – “здесь за повседневной суетой некогда заняться своей темой”. «В ученые записки ВГУ я дала часть псковской главы – “Торговля и торговые дома Пскова в середине XVII в.”» (не была опубликована. – А.Д.). Еще ранее она приготовила для “Исторических записок” статью “Псковский торг в середине XVII в.”⁵ “Меня очень интересует, Михаил Николаевич, переправили ли Вы мой opus И.У. Будовни-цу”⁶ (Л. 38 об.), – интересовалась она.

«Моя работа идет пока благополучно, – писала Елена Викторовна в недатированном письме. – Была проверка из обкома. Читаю по-прежнему общий курс (до XIX в.), источниковедение и палеографию, есть несколько дипломников. Все бы хорошо, но уж очень тоскливо мне без Вас и “тихомировцев”. Где они все – никто ничего не пишет. Не с кем здесь поговорить и душу отвести. Хотела с Вами посоветоваться о выборе большой темы. Последнее время склоняюсь к “Восстанию Ст. Разина”, но не уверена, что не будет других монографий на эту тему по образцу И.И. Смирнова» (Л. 37). Автор письма имела в виду (недавно по тому времени) вышедшую из печати книгу ленинградского историка И.И. Смирнова “Восстание Болотникова” (М.; Л., 1950). История социальной борьбы высоко ценилась в советской науке, возможно, Елена Викторовна думала о будущей докторской диссертации. Восстание Разина могло бы стать достойной темой такого исследования. Вероятно, замысел в какой-то части начал реализовываться, о чем говорит то, что уже в 1953 г. Елена Викторовна опубликовала статью о сподвижнике Разина Василии Усе⁷. В одном из недатированных писем она писала: “Когда приезжаешь из Москвы, всегда охватывает досада из-за груды невыполненных дел. Так и не поговорила с Вами серьезно о своих перспективах. Стала склоняться к теме о Разине” (Л. 43).

«Сейчас готовлю небольшую брошюру в издании местного музея “Воронеж в середине XVII”. Трудно работать без таможенных книг. Для заочников задумала написать небольшое пособие по курсу “Источники по истории русского города XVI–XVII вв.” Не знаю, что получится, уж очень здесь недостает литературы» (Л. 38 об.), – писала она в том же письме. Тему по истории Воронежа автор, вероятно, предполагала раскрыть по образу и подобию своей диссертационной главы о ремесле и торговле в Пскове. Но, в отличие от псковского, воронежский материал содержал интересные сведения о восстании в городе в 1648 г. – эпизоде той огромной волны выступлений, которая прокатилась по стране в указанный год. Тема истории восстания привлекла внимание Елены Викторовны, рассказ о нем должен был занять достойное место в подготавливаемой работе. В какой-то момент, когда застопорилась работа над истори-

⁵ См.: Чистякова Е.В. Псковский торг в середине XVII в. // Изв. М., 1950. Т. 34. С. 198–235.

⁶ И.У. Будовниц работал редактором “Исторических записок”.

⁷ См.: Чистякова Е.В. Крестьянское движение в Подмоскowie и поход Василия Уса (1666 г.) // ВИ. 1953. № 8. С. 128–133.

ей восстания 1648 г. в Воронеже, Елена Викторовна писала М.Н. Тихомирову: “Скоро надеюсь ее (работу. – А.Д.) завершить. Больше 1648-м годом заниматься не буду. Надо думать о чем-то большем и серьезном” (Л. 40). Видимо, снова творческие замыслы тянулись к восстанию Разина.

Начало работы в университете у Е.В. Чистяковой совпало с большой политической кампанией борьбы с “космополитами”. Из Москвы до Воронежа доносились только неясные слухи и официальная информация. В 1948 г. в ходе этой кампании под огонь критики и репрессий попал ряд историков, в том числе Н.Л. Рубинштейн, лекции которого Елена Викторовна слушала в Московском университете. Во время обсуждения книги Н.Л. Рубинштейна “Русская историография” в Ивановском пединституте за автора вступилась преподаватель Нина Разумовская, недавняя выпускница МГУ. «Тогда ее так “проработали” всем собранием... что придя домой она... повесилась»⁸, – записал в своем дневнике преподаватель МГУ С.С. Дмитриев. Известие о трагедии в Иваново спустя несколько месяцев дошло до Воронежа. “Смерть Нины Разумовской совершенно выбила меня из колеи – до сих пор не могу прийти в норму. Главное, что ничего подробно не знаю, – писала Е.В. Чистякова Тихомирову 11 апреля 1949 г. – Сюда доносятся отдаленные и искаженные слухи о неприятностях у Н.Л. Рубинштейна, Минца и др. Когда и чем это кончится?” (Л. 8).

В стране сгустилась политико-идеологическая обстановка. В Воронеже органы внутренних дел раскрыли молодежную подпольную организацию, о чем Елена Викторовна, конечно, и не подозревала. «У нас здесь более-менее тихо, – писала она в том же письме. – Работать приходится страшно много. Но за повседневщиной совсем не успеваю делать что-либо для себя. Начала писать рецензию на “Города Смоленщины”, вып. I Смоленск с древнейших времен до XX века Д.П. Маковского и В.С. Орлова, но так и не могу никак закончить. Хотела послать рецензию в журнал “История в средней школе”. Надеюсь выбраться в мае в Москву – тогда снова засяду в ЦГАДА и продолжу изыскания о воронежском восстании 1648 года» (8 об.).

В разгар работы над историей этого восстания, во время одной из поездок в Москву, у Елены Викторовны произошел разговор с С.О. Шмидтом. Он “заронил червь сомнения, который совершенно заглодал мою душу. Дальше сидеть здесь бессмысленно” (Л. 10), – писала она Тихомирову 20 марта 1950 г. Однако и перебраться в Москву было непросто. С этого времени мысль о переезде в столицу время от времени возникала в ее сознании. “Настроение у меня скверное”, – признавалась она (Л. 10 об.).

В марте–апреле 1950 г. Е.В. Чистякова оформляла текст работы о восстании в Воронеже, а в апреле того же года, как она сообщила Тихомирову, выступила на конференции в университете с докладом об этом событии. «Тезисы напечатали. Я решила послать Вам, несмотря на их незначительность, т.к. все-таки это мое первое печатное слово. Как хотелось бы, чтобы Вы меня по-прежнему поругали, но, к сожалению, сейчас это возможно только в письменной форме. Я с удовольствием вспоминаю комнатку “наверху” в музее, где обычно меня учили работать и заниматься. А я-то еще и слезу пускала. В отношении переезда обратно я никак не могу решить окончательно. Главное, это работа для Володи (В.А. Дунаевского. – А.Д.). Не хотелось бы после всех ранений и страданий подвергать его мытарствам» (Л. 11–11 об.). Владимир

⁸ Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева / Публ. подгот. Р.Г. Эймонтова // ОИ. 1999. № 3. С. 149. См. также статью о Н.И. Разумовской в наст. изд. С. 473–487.

Аронович, фронтовик с 1941 г., был ранен на войне, и Елена Викторовна, заботясь о нем, хотела бы провести возвращение в Москву и устройство на жительство и на работу в столице с наименьшими хлопотами и нагрузками для него. “Сейчас очень сильно болен Володя, дают себя чувствовать ранения, а в такое время мне здесь особенно одиноко” (Л. 40), – писала она в недатированном письме.

Она выезжала из Воронежа в Москву, встречалась с Тихомировым и своими соучениками, высказывала им свою душевную боль, за что получила от Тихомирова ироническое прозвище “воронежской вдовицы” – в стиле деловой письменности XVII в. Ее же тревожило главное – “уж очень отравляет существование полная невозможность заниматься минимально научной работой. На долгие годы при сидении здесь я обречена на бездействие. В этом весь ужас. Мучает одиночество и отрешенность от общего дела – хочется быть частицей какой-то большой и нужной работы, а здесь сидишь кустарем-одиночкой...” (Л. 12 об., 15)⁹.

В 1950 г. Е.В. Чистякова договорилась о публикации в воронежском издательстве небольшой книги “Воронеж в середине XVII в. и восстание 1648 г.” К октябрю 1950 г. была написана черновая рукопись (75 с.), поэтому в письме к учителю Елена Викторовна называла будущий труд “книжонкой”. “Материал в основном собран, вчерне написаны главы о разрядах населения и их занятиях (ремесло, торговля), самом восстании (по тезисам, которые я Вам выслала) и историография по Воронежу XVII в. Первый раздел особенно нуждается в правке. Я хорошо знаю, как Вы загружены, но решаюсь еще раз злоупотребить Вашим вниманием и прошу разрешения прислать 1 главу (25–30 страниц на машинке) на просмотр. Я не обижусь, если Вы откажете, но я не могу решиться на издание самостоятельной книги пока не получу именно Вашу визу. Трудность заключается в том, что издательству нужна популярность изложения и романтика, а у меня, видимо, получится научная статья. В Ваших работах о Пскове, о книгопечатании и др. сочетается яркость и простота с научностью, а у меня это никак не выходит, и это очень мучает” (Л. 13). Осенью 1951 г. работа над книгой завершалась. В сентябре Е.В. Чистякова писала Тихомирову, что “сейчас занята окончательной редакцией своей работы о Воронеже в середине XVII в. и восстании 1648 г. Не знаю, что делать со своим суконым языком, который в популярной брошюре совершенно недопустим” (Л. 19). И впоследствии Елена Викторовна работала над стилем изложения, добившись желанного результата – простой и образной речи в сочетании с научностью. Этого же она требовала от своих учеников. Вместе с тем, критически относясь к себе, она порой с сожалением высказывалась, что она – не художник слова: “Но я же не Нечкина”.

Так же критично по отношению к себе она писала Тихомирову: “Лекционные курсы идут своим чередом. Прихожу к выводу, что до переезда в Москву все равно читать лекции как следует не научусь” (Л. 19–19 об.). Между тем студенческая аудитория, которая состояла в значительной части из вернувшихся с войны фронтовиков, ее буквально обожала. Пленяла внешность молодого преподавателя. “Она была красива какой-то зрелой красотой”, – отзывалась о Елене Викторовне ее воронежская студентка, впоследствии преподаватель в Брянске Т.Н. Масленникова. После лекции она получала огромный букет цветов, “как Тарасова после спектакля в Художественном театре”, по словам самой Елены Викторовны, сказанным автору этих строк

⁹ Письма от 14. IX.1950 г. и 27. X.1950 г.

много лет спустя. За время работы в Воронеже ей пришлось вести занятия не только по предмету своей специализации – истории феодальной России, – но и по истории советского периода, по историографии. Нередко, особенно во время сессии заочников, для подготовки к занятиям времени не было. Когда неожиданно начинающему преподавателю был поручен курс историографии, Елена Викторовна, взяв “Русскую историографию” Н.Л. Рубинштейна, подчеркнула нужные фрагменты в тексте и, положив книгу на кафедру, прочла этот курс. “Здесь ведь приходится заниматься не только феодализмом, но и читать доклады о конституции, к выборам и т.д.”, – писала Е.В. Чистякова в недатированном письме (Л. 43). Конечно, в таких условиях, да еще при отсутствии нужной литературы и источников готовить лекции, отвечавшие высоким требованиям Тихомирова, было невозможно.

Летом 1951 г. М.Н. Тихомиров пригласил Елену Викторовну и С.О. Шмидта в поездку по Северной Двине к Архангельску. И хотя дело осложнила болезнь сына, Елена Викторовна с опозданием, но присоединилась к путешественникам в Котласе и совершила намеченную экскурсию. Все вместе они не только осматривали памятники древнерусской архитектуры, но и побывали в архангельском архиве, изучая фонды местного хранилища¹⁰.

Между тем в том же 1951 г. дело о переезде сдвинулось с мертвой точки. Нашлась замена Елене Викторовне, что было условием, поставленным воронежскими властями. Однако требовалось согласие разных инстанций в Москве, в том числе соответствующего министерства. “Все это очень мучительно, я жажду только одного – при любых условиях отсюда выбраться, но пока держу на чемоданах все семейство и ни с места” (Л. 24 об.), – писала Е.В. Чистякова М.Н. Тихомирову в декабре 1951 г. Наконец, в 1952 г. она смогла выехать в Москву.

В письмах Елены Викторовны не нашли отражения сведения о коллегах по университету, о друзьях, приобретенных в Воронеже, об учениках, с которыми она работала. Между тем все это было. Связи с Воронежем Елена Викторовна и Владимир Аронович сохраняли в течение многих лет. Здесь вышла в свет ее книга “Городские восстания в России в первой половине XVII века (30–40-е гг.)” (Воронеж, 1975), написанная по теме докторской диссертации. Сюда она приезжала на научные конференции. Писала в Воронеж и получала оттуда письма, принимала у себя дома воронежцев. “С бывшими воронежскими студентами связи поддерживаются до сих пор, хотя с тех лет прошло уже полвека”¹¹, – писала Елена Викторовна в автобиографии.

Много лет спустя после событий, отраженных в письмах Е.В. Чистяковой, во время конференции в Воронеже Елена Викторовна показывала автору этих строк возвышенное место неподалеку от ее прежнего жилья, куда она выходила и, тоскуя, смотрела в сторону Москвы. Когда она выезжала из Воронежа, то все же не смогла удержаться от слез – слишком многое для нее было связано с этим городом.

¹⁰ См.: Чистякова Е.В. Белые ночи над Северной Двиной // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сборник к 50-летию служения Сигурда Отговича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 471–474.

¹¹ Чистякова Е.В. Автобиография // Россия XVII века и мир. С. 26.

АКАДЕМИК М.Н. ТИХОМИРОВ И ДИСКУССИЯ О ВРЕМЕНИ ОСНОВАНИЯ КАМЕНЦА-ПОДОЛЬСКОГО

Конец 50-х – начало 60-х годов XX в. в СССР отмечены печатью хрущевской оттепели, благоприятно повлиявшей на развитие исторической науки. 29 мая 1962 г. ЦК Компартии Украины под натиском времени, многочисленных предложений научной общественности принял постановление “Об издании истории городов и сел Украинской ССР”, ставшее катализатором историко-краеведческого движения в Украине, создания 26-томной летописи населенных пунктов Украины*. Для научных сил Каменца-Подольского – некогда губернского, затем областного центра, постановление стало своеобразным сигналом. Город-памятник имел богатую историю, многолетний опыт историко-краеведческих исследований, которыми занимались Подольский епархиальный историко-статистический комитет (ПЕИСК) (1865–1903), Подольское церковное историко-археологическое общество (1903–1920), Каменец-Подольский государственный украинский университет (1918–1920), Институт народного образования, научно-исследовательская кафедра, научное общество Всеукраинской академии наук, окружной комитет краеведения, кружки. Были изданы 12 томов Трудов ПЕИСК, монографии И.И. Ролле (псевд. J. Antoni), П.Н. Батюшкова, Н.В. Молчановского, Е.И. Сецинского¹. После репрессий конца 1920-х – начала 1930-х годов и почти четвертьвекового молчания истории, краеведы искали повод для возрождения краеведения. Такие возможности предоставлял 900-летний юбилей города.

Год основания Каменца-Подольского подсказала грамота. Она гласила: “Вот от великого князя Федора Дмитриевича косогацким армянам (те), которые пожелают сюда придти (и) придут мне на помощь, и я дам волю на три года, а коли будете мне подчинятся, поселится кто де пожелает”². В 1641 г. эта грамота была вписана в Коронную метрику с датой 1062 г. Эта дата стала отправной точкой в праздновании юбилея города.

Бюро горкома партии, исполком городского Совета создали комиссию по подготовке празднования во главе с секретарем горкома партии Ф.П. Возняком. В начале октября 1962 г. подготовительная работа активизировалась. На расширенном заседании комиссии были рассмотрены и конкретизированы мероприятия, распределены обязанности, руководителям и секретарям парторганизаций предприятий, учреждений поставлены конкретные задачи³.

Особую роль организаторы юбилея отводили научной конференции, которая должна была четко обосновать дату основания города. Тем более что в разгар подготовки юбилея неожиданно возникла дискуссия, начало которой положил львовский историк Ярослав Романович Дашкевич. В статье о грамоте Федора Дмитриевича он высказал сомнение в правдоподобности указан-

* От ред.: см.: Митюков А.Г. Архивные материалы в издании: “История городов и сел Украинской ССР” // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 3–7.

¹ Antoni J. Zameczki Podolski na kresach multanskich. Warszawa, 1872; Батюшков П.Н. Подолия: Историческое описание. СПб., 1891; Молчановский Н.В. Очерк известий о Подольской земле до 1434 года. К., 1885; Сецинский Е.И. Город Каменец-Подольский: Историческое описание. К., 1895.

² Цит. по: Винокур И.С., Петров Н.Б. Про час заснування Кам’янець-Подільського: дискусійний аспект // Краєзнавство. 1999. № 1/4. С. 11.

³ В міськкомі КП України // Прапор Жовтня. Кам’янець-Подільський. 1962. 9 от.

ной грамоты, а таким образом – в целесообразности празднования 900-летия. Он утверждал, что грамота сфальсифицирована львовскими армянами, которые в конфликте с польской общиной Львова таким образом якобы доказывали легитимность и давность своего присутствия в Украине, приводил соответствующие аргументы⁴. Мнения историков Каменца-Подольского тоже разделились: одни видели древнерусские истоки возникновения города, другие придерживались зафиксированной летописью версии о его литовском происхождении в 70-е годы XIV в.

Сейчас трудно установить, кто подал мысль обратиться к авторитетному ученому – знатоку летописей, истории древнерусских городов академику АН СССР Михаилу Николаевичу Тихомирову. Может быть, ректор Каменец-Подольского государственного пединститута историк И.С. Зеленюк, а может, заведующий кафедрой истории СССР доцент Л.А. Коваленко или директор краеведческого музея археолог Г.Н. Хотюн. Прошло более 40 лет, не осталось в живых организаторов пребывания академика в городе, не были опубликованы материалы научной конференции, какой-то свет проливают лишь газетные публикации. Ясно одно – приглашение поддержало партийно-советское руководство города, заинтересованное в научном обосновании юбилейной даты.

Конференция готовилась тщательно. Об этом свидетельствует сообщение в городской газете под заглавием “Подготовка к научной конференции”⁵. Главным на ней должен был стать доклад академика М.Н. Тихомирова, который откликнулся на приглашение. По воспоминаниям И.С. Винокура, в 1962 г. возглавлявшего музей Черновицкого госуниверситета, ныне доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой Киевского славистического университета, Михаил Николаевич поездом Москва–Черновцы сперва приехал к ним. Был тепло принят руководством университета, состоялась беседа. Ректор К.М. Луцкий предоставил свою “Волгу”, и примерно через час Тихомиров был в Каменце-Подольском. И.С. Винокур помнит встречу в горьком партия. Все ждали, что скажет известнейший ученый.

– Нет сомнения, что ваш город имеет древнерусские корни, – ответил М.Н. Тихомиров на прямой вопрос кого-то из местных руководителей. – Но детальнее об этом поговорим на конференции.

В Каменце-Подольском М.Н. Тихомиров был сравнительно долго – более недели. Время использовал весьма интенсивно. Состоялась экскурсия по Старому городу. Он изучал его топографию, интересовался названиями улиц, площадей, особенно – старыми названиями, предшествующими возможным переименованиям. Обратил внимание на проулок Пятницкий, примыкавший к рыночной площади. Несколько часов осматривал Каменецкую крепость.

В один из дней побывал в Бакоте – столице древнерусского Понизья. Его сопровождали Г.Н. Хотюн, доцент пединститута Р.П. Ростикус и И.С. Винокур. «Во время осмотра скального монастыря, – вспоминает И.С. Винокур, – мы обратили внимание Михаила Николаевича на надпись на южной стене, попросили определить время написания. Он внимательно вчитывался, разобрал буквально по слогам сначала первую надпись “Благослови Христос Григория Игумена давшего силу святому Михаилу”, а затем – вторую: “Григорий воздвиг место се”». Знания и опыт палеографа дали ему возможность заме-

⁴ Дашкевич Я.Р. Грамота Федора Дмитриевича 1062 р. (нарис з української дипломатики) // Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР. 1962. № 4. С. 9–14.

⁵ Ювілею назустріч: Підготовка до наукової конференції // Прапор Жовтня. 1962. 13 окт.

тить отличие в орфографии и высказать мнение, что вторая надпись сделана примерно лет на 100 позже первой, относящейся к концу XI – началу XII в.⁶

Осмотрел М.Н. Тихомиров и исторический музей-заповедник. Директор музея Г.Н. Хотюн и научный сотрудник Н.К. Козлова познакомили гостя с копией грамоты Кориатовича, фиксирующей дату предоставления городу магдебургского права. Чувствовалось, что Михаил Николаевич знал все летописные записи о Каменце, но все-таки внимательно слушал, иногда уточнял детали, касающиеся экспозиционных материалов. На память о встрече подарил музею томик “Ученых записок” МГУ за 1946 год, в котором опубликован его фундаментальный труд “Древнерусские города”⁷. Книга до сих пор хранится в музейной библиотеке.

В один из дней состоялась встреча с архивными работниками. В то время областной исторический архив еще находился в Каменце-Подольском. Вспоминает Иван Владимирович Гарнага, тогда заместитель директора архива: “Академик М.Н. Тихомиров был в Каменце-Подольском много дней. В один из них приехал в архив. Состоялась беседа с работниками архива. Его интересовали фонды судебных материалов. Из центрального корпуса мы пошли в Тринитарский костел, где хранились судебные дела XVI–XVII вв. Он спрашивал, нет ли дополнений в виде древних грамот, актов, договоров, завещаний к судебным искам. Полистал одно из древних дел. С академиком было очень просто общаться. Он не давил ни знаниями, ни авторитетом. Несмотря на то, что у меня была своя точка зрения на дату основания города, М.Н. Тихомиров не вступил в дискуссию, лишь поинтересовался аргументацией, спросил, нет ли в фондах какого-либо обращения армянской общины к польскому королю. Нашли копию письма по вопросу землепользования, относящегося к концу XVIII века и написанного русским...”⁸

Научная конференция, как свидетельствует единственный экземпляр программы, хранящейся в фондах музея-заповедника, организованная ректором, партбюро и профкомом, состоялась 18 октября 1962 г. в актовом зале пединститута. Местная газета “Прапор Жовтня” 23 октября поместила репортаж о конференции⁹. В своем выступлении М.Н. Тихомиров критиковал Я.Р. Дашкевича, отрицающего факт существования Каменец-Подольского девять веков назад. Одному из авторов статьи, тогда студенту первого курса историко-филологического факультета Каменец-Подольского государственного пединститута, выпало счастье слушать доклад. Помнится, он не раз прерывался аплодисментами патристически настроенных каменчан, особенно после слов: “Я считаю, что мы с вами находимся в чудесном древнерусском городе, который берет начало со времен могучей Киевской Руси...” Интересными были выступления В.П. Ланевского, Г.Н. Хотюна, Р.П. Ростикуса, В.И. Тищенко, Н.К. Козловой, Л.А. Коваленко, И.В. Гарнаги. 25 октября была опубликована стенографическая запись доклада М.Н. Тихомирова, сделанная секретарем редакции газеты Ефимом Альпериним¹⁰.

⁶ Этот эпизод профессор И.С. Винокур отразил в монографии “Бакота. Столица давньоруського Поділля” (Кам’янець-Подільський, 1994), написанной совместно с известным украинским археологом П.А. Горишным. В ней на С. 201 отмечено: “Академик М.Н. Тихомиров, который посетил в 1962 г. Бакотский монастырь и ознакомился на месте с древнерусской надписью, считал, что по палеографии основной текст следует отнести к концу XI – началу XII в. Что касается приписки, то она, по мнению ученого, по палеографии относится к концу XII – началу XIII в. То есть, по М.Н. Тихомирову, скальный печерский монастырь в Бакоте мог возникнуть в конце XI – начале XII в.”

⁷ Воспоминания И.С. Винокура (запись апреля 2006 г.).

⁸ Воспоминания И.В. Гарнаги (запись апреля 2006 г.).

⁹ Хвилююча розмова: Ювілейна наукова конференція в педагогічному інституті // Прапор Жовтня. 1962. 23 окт.

¹⁰ У нас в гостях академік М.М. Тихомиров: Про початок Кам’янця-Подільського // Прапор Жовтня. 1962. 25 окт.

На следующий день, в пятницу, состоялась встреча М.Н. Тихомирова со студентами пединститута, главным образом – историко-филологического факультета. Он ответил на многие вопросы, касающиеся и конкретных научных проблем, и перспектив дальнейших научных исследований. Академик выразил надежду, что и он, и местные историки, особенно – археологи, еще сделают много открытий, связанных с Каменцем-Подольским. По окончании встречи было сделано несколько снимков. Пять из них хранятся в фондах Каменец-Подольского исторического музея-заповедника: М.Н. Тихомиров в кабинете беседует с преподавателями; с трибуны конференции делает доклад; у входа в институт с участниками конференции, отдельно – с преподавателями; прощание у вагона.

Живая связь М.Н. Тихомирова с каменчанами имела своеобразное продолжение. Осенью 1963 г. археологи Г.Н. Хотюн и И.С. Винокур, уже кандидат исторических наук, доцент Каменец-Подольского пединститута, возвращаясь с научной конференцией в Минске, заехали в Москву и были приняты академиком на квартире. Он интересовался, как идет дальнейшее исследование истории Каменца-Подольского, настоятельно рекомендовал заняться раскопками в зоне крепости. “Подолія – край інтересний в археологічному відношенні, там багато можна знайти”, – наставлял он. Раскопки, проведенные экспедицией пединститута под руководством И.С. Винокура на территории замка, а также – Старого города, дали возможность установить наличие двух частей города времени Галицко-Волынского государства – детинца и посада XII–XIII вв., к которым тянулась значительная сельскохозяйственная округа¹¹.

Критика академика М.Н. Тихомирова в адрес Я.Р. Дашкевича стимулировала и его научный поиск. Он опубликовал более 50 научных работ, касающихся истории Каменца-Подольского, оставаясь на своей позиции: город основан в 70-е годы XIV в.¹² Киевские исследователи архитекторы Е. и О. Пламеницкие, выдвинули версию основания города еще во II–III веках нашей эры, т.е. – в дако-римский период¹³. Дискуссия продолжается до сих пор. В нее включилась последующая формация ученых¹⁴. Как-то утих спор вокруг конкретной даты основания. Но неизбежным осталось утверждение М.Н. Тихомирова о древнерусском происхождении Каменца-Подольского, подкрепленное археологическими открытиями историка-археолога И.С. Винокура.

¹¹ Винокур И.С., Петров Н.Б. Указ. соч. С. 16.

¹² Петров М.Б. Кам'янець-Подільський епохи середньовіччя та ранньої нової доби в науковому добробку Я.Р. Дашкевича // Освіта, наука і культура на Поділлі: Збірник наук. праць. Кам'янець-Подільський, 2006. Т. 6. С. 231.

¹³ Пламеницкая О.А. Особенности средневековой застройки центра Каменец-Подольского // Архитектурное наследие. М., 1985. Т. 33. С. 52–61; Пламеницька Є.М., Пламеницька О.А. Фортечний міст Кам'янець-Подільського: хронологічна і типологічна атрибуція // Архітектурна спадщина України. Київ, 1995. Т. 2. С. 21–33; Пламеницька О.А., Пламеницька Є.М. Дако-римський період в історії Кам'янець-Подільського (до постановки проблеми) // II Міжнародна конференція “Проблеми і методики – в історичній археології”. Торонто; Львів, 1992. С. 26–27; Пламеницька О.А., Пламеницька Є.М. Нова концепція формування системи фортифікацій Кам'янець-Подільського в аспекті вивчення віку міста // Фортифікація України: Міжнародна конференція з проблем охорони фортифікаційних споруд в Україні. Кам'янець-Подільський, 1993. С. 22–23.

¹⁴ Диссертационное исследование топографии Каменца-Подольского скрупулезно ведет докторант Н.Б. Петров, не так давно опубликовавший очередную монографию. См.: Петров М.Б. Исторична топографія Кам'янець-Подільського кінця XVII–XVIII ст.: Історіографія. Джерела. Кам'янець-Подільський, 2002.

**КНИГИ С АВТОГРАФАМИ
ИЗ БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИКА М.Н. ТИХОМИРОВА,
ПОДАРЕННОЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМУ
ГОСУДАРСТВЕННОМУ УНИВЕРСИТЕТУ**

Память – это способность к воспроизведению прошлого опыта. Уже четыре десятилетия об академике М.Н. Тихомирове помнят не только в Москве, где он жил и работал, но и в других городах России, в том числе, во Владивостоке. Обращаются не только к его многообразному научному наследию, востребован и его опыт научно-педагогической деятельности человека и ученого. А это – и осознанное стремление к образованию, ответственность, работоспособность и самоотверженность, честность, прозорливость и смелость, бескорыстие ученого.

Все, что было создано М.Н. Тихомировым и приобретено им за долгие годы жизни, он оставил Академии Наук СССР, МГУ и ДВГУ.

Коллекцию книг, большая часть из которых, была подарена М.Н. Тихомирову в разные годы, он завещал Дальневосточному государственному университету в 1960 г. Рукописные и старопечатные книги, составившие “Тихомировское собрание”, иконы, альбомы фотографий, картины М.Н. Тихомиров передал Сибирскому отделению АН СССР в г. Новосибирске¹. В завещании он распорядился: “Все печатные книги более позднего времени XIX–XX веков – я завещаю Дальневосточному Государственному Университету в г. Владивостоке, с просьбой не разрознивать собрание автографов на книгах”².

Личная библиотека академика М.Н. Тихомирова – 982 ед.хр. – поступила в вышеназванный университет в 1965 году³.

История этой библиотеки такова. 29 августа 1956 года Совет Министров СССР принял решение о восстановлении университета в г. Владивостоке. Первым ректором ДВГУ был назначен Г.С. Куцкий. 1 сентября состоялся митинг преподавателей и студентов реорганизуемого в университет педагогического института, представителей власти и общественности⁴.

Возрождению университета содействовали многие вузы, учреждения и организации страны. Ленинградский, Московский, Казанский и Томский университеты, Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина подарили сотни монографий, учебников и другую ценную литературу. Свой вклад в создание фонда библиотеки ДВГУ внесли ученые-коллекционеры, в том числе – М.Н. Тихомиров.

Э.В. Ермакова, профессор ДВГУ, вспоминает: “...в октябре 1956 г. на Дальнем Востоке впервые оказался академик М.Н. Тихомиров. Он принял участие в работе научной конференции во Владивостоке. На конференции в своей речи М.Н. Тихомиров приветствовал восстановление Дальневосточного государственного университета; его неспешная речь, наполненная глубоким содержанием, стала напутствием для преподавателей и студентов университета.

¹ НБ ДВГУ, 1 К-12120. Л.1. Завещание М.Н. Тихомирова.

² Там же.

³ Гарбер С.С. В библиотеках страны // АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 256.

⁴ Дальневосточный государственный университет: История и современность. 1899–1999. Владивосток, 1999. С. 180.

Встреча с преподавателями и студентами, солнечный октябрьский Владивосток, по-видимому, произвели на Михаила Николаевича незабываемое впечатление. Он искренне хотел помочь ДВГУ. Не случайно МГУ отправил книги в Научную библиотеку университета. М.Н. Тихомиров необычно одарил университет (не каждый университет удостоился такого). Он завещал часть своей библиотеки ДВГУ.

Студенты часто берут книги из фонда М.Н. Тихомирова, не всегда осознавая, что они прикасаются к трудам из библиотеки академика с мировым именем. Но хочется верить, что эти книги передают студентам энергетику ученого, его любовь к истории, и студенты примут эстафету и станут настоящими историками⁵.

В настоящее время в фонде М.Н. Тихомирова Научной библиотеки ДВГУ хранится 967 изданий⁶, из них 869 книг от 625 авторов – с дарственными надписями. В числе дарителей – И.Л. Андроников, В.П. Адрианова-Перетц, А.В. Арциховский, М.М. Богословский, В.В. Виноградов, Р.Ю. Виппер, И.Э. Грабарь, Б.Д. Греков, Д.С. Лихачев, М.В. Нечкина, А.П. Окладников, Б.А. Рыбаков, Р.Г. Скрынников, С.О. Шмидт и другие деятели науки и культуры⁷.

Для того чтобы увеличить доступ к качественной информации и заинтересовать читателей, в 2001 г. было проведено сплошное визуальное изучение фонда академика М.Н. Тихомирова и описание уникального “Собрания автографов”. Опубликованное на этой основе научно-учебное издание включает компоновку факсимиле надписей, фото, иллюстрации, список автографов, алфавитный и географический указатели⁸.

Изучение фонда академика М.Н. Тихомирова дает возможность получить достаточно полные сведения о широком круге интересов и знакомств выдающегося историка. Дарственные надписи на книгах свидетельствуют о том, что его мнением дорожили ученые.

Автографы самого академика М.Н. Тихомирова с пометкой “в библиотеку Дальневосточного государственного университета...” имеются на трех книгах (С. 5). Одна из них – М.Н.Тихомиров. Древнерусские города (2-е изд. М., 1956) (С. 171).

Самые редкие из подаренных М.Н. Тихомирову книг были изданы в 1868, 1887 и 1891 гг. (С. 5). В их числе – Сводная Галичско-русская летопись с 1700 до конца авг. 1772 г. / Сост. А.С. Петрушевич. Львов: Изд. Типографии Ставропигийского Института, 1887. Ч. I. 436 с. Она содержит смелую для того времени надпись: “Академику Тихомирову в память о пребывании в Западной Украине [подпись неразборчива] лето 1950 г. Львов” (С. 164).

Наиболее ранние из датированных автографов относятся к 1915, 1920 и 1921 гг. (С. 5). Обращает на себя внимание книга с автографом без указания его даты: Н.П. Попов. Автографы Митрополита Макария собирателя Великих Миней. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1913. 28 с. “Многоуважаемому М.Н. Тихомирову на добрую память [подпись

⁵ Из личного архива В.А. Печенкиной.

⁶ Часть изданий хранится в Научном музее ДВГУ.

⁷ См.: Долобанова Н.А., Шеламанова Н.Б. К биографии академика М.Н. Тихомирова // АЕ за 1965 год. М., 1966; Артемьев А.Р. Книжный фонд академика М.Н. Тихомирова в собрании Научной библиотеки Дальневосточного государственного университета // АЕ за 1991 год. М., 1994.

⁸ Печенкина В.А. Книги с автографами из коллекции М.Н. Тихомирова, подаренной Дальневосточному государственному университету. Владивосток, 2002. С. 4. (Далее ссылки на это издание – в тексте статьи).

Н. Попов]”, которая, возможно, положила начало уникальному “Собранию автографов” (С. 154).

Факсимиле дарственных надписей на книгах, вскрывая культурный слой эпохи, позволяет ознакомиться с содержанием текста и его расположением на странице, увидеть индивидуальный почерк дарителя (С. 7–83). Собраны образцы настоящего почерка людей, современников ученого. Это важно: ведь в эпоху новых информационных технологий все больше утрачивается самобытность языка и графика письма человека.

Заметим, что качество копий во многом зависит от состояния оригиналов. К сожалению, отдельные слова, фразы и особенно подписи неразборчивы. Однако некоторые изъяны не умаляют достоинств (научной ценности) уникального “Собрания автографов” в целом.

Книги М.Н. Тихомирова, как и завещал даритель, составляют отдельный фонд Научной библиотеки и широко используются в учебном процессе. В институтах и филиалах университета была организована серия ярких выставок и прочитан цикл содержательных лекций, посвященных творчеству М.Н. Тихомирова, которые запомнились и получили прекрасные отзывы.

Краткие воспоминания о дарителях по просьбе автора данной статьи написали профессора ДВГУ Д.Л. Бродянский, И.И. Глущенко, Э.В. Ермакова и А.Ф. Прияткина. Воспользуемся случаем и приведем одно из них.

Интересные воспоминания об академике А.П. Окладникове написал его ученик и коллега Д.Л. Бродянский, д.и.н., профессор Института истории и философии ДВГУ: “На раскопе с утра до темноты. Работал быстро, торопил, делал часто прирезки, но тщательную зачистку ценил, не отвлекал тех, кто занят ею. Во время работы... рассуждал вслух, спрашивал мнение окружающих: так ли они видят слои, расположение вещей... Чуток был к собеседнику, умел слушать”⁹.

“Подаренная М.Н. Тихомирову книга о полуострове Песчаном – результат раскопок в районе Владивостока в 1956–1960 гг., первая и лучшая за все истекшие годы монография об археологическом памятнике-поселении I тыс. до н.э.”¹⁰.

Вот те немногие свидетельства соприкосновения преподавателей ДВГУ с известными учеными, авторами неповторимого “Собрания автографов”.

Примером выдающегося историка руководствовались его многочисленные последователи. “Библиотека Тихомирова” – это словосочетание в течение четырех десятилетий звучит как пароль в поиске редких изданий в библиотеке ДВГУ, в работе преподавателей и студентов гуманитарных факультетов.

⁹ Бродянский Д.Л. Очерки истории дальневосточной археологии. Владивосток, 2000. С. 87.

¹⁰ Из личного архива В.А. Печенкиной.

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

А.И. Раздорский

ТАМОЖЕННЫЕ КНИГИ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ XVIII в. В ФОНДАХ РГАДА

(Количественная, хронологическая и географическая характеристика)

Таможенные книги принадлежат к наиболее ценным источникам по социально-экономической истории России XVII–XVIII вв. В них содержатся сведения о географии внутренних и международных торговых связей, ассортименте и объемах поставок товаров, рыночных ценах, социальном и персональном составе торговцев, номенклатуре, правилах взимания и размерах таможенных пошлин. Важно подчеркнуть, что таможенные книги включают данные по истории торговли и купечества не только того города, в таможене которого они были составлены, но и других населенных пунктов, поддерживавших с этим городом торговые связи.

Изучение таможенных книг началось еще в середине XIX в. К настоящему времени в научный оборот введены данные сотен подобных документов по десяткам городов. Свыше пятидесяти источников этого типа (относящихся к XVII в.) изданы¹. Вместе с тем до сих пор нет ответов на вопросы о том, сколько, за какие годы и по каким населенным пунктам таможенные книги сохранились. Специального и полного учета этих памятников в масштабах всей страны или хотя бы ее Европейской части до сих пор не произведено (подобная ситуация наблюдается и с другими массовыми источниками по социально-экономической истории России XVII–XVIII вв., например, с писцовыми и переписными книгами). Исследователи не имеют в своем распоряжении систематизированных, опубликованных данных о составе и местонахождении большинства таможенных книг. Это обстоятельство создает существенные затруднения для изучения рассматриваемых документов и введения содержащейся в них информации в научный оборот.

Попытка собрать и систематизировать сведения о таможенных книгах XVII – начала XVIII в. (в пределах одного отдельно взятого субрегиона) была предпринята в отечественной историографии лишь однажды. В 1897 г.

---

¹ Историографический обзор изучения внутренней торговли России XVII и XVIII вв. по материалам таможенных книг и библиографию публикаций этих источников см.: *Раздорский А.И.* Торговля Курска в XVII веке: (По материалам таможенных и оброчных книг города). СПб., 2001. С. 15–58; *Он же.* Книга таможенного питейного сбора Курска и Курского уезда 1720 г.: Исследование. Текст. Комментарии. СПб., 2007. С. 5–10.

вышла в свет работа археографа Н.Н. Оглоблина, посвященная обозрению документов таможенного делопроизводства, находящихся в составе столбцов и книг Сибирского приказа (РГАДА. Ф. 214)². Н.Н. Оглоблин сделал учет этих источников и составил указатель к ним, в котором получили отражение 880 приходных (по 22 городам, 5 острогам, 2 заставам, 1 зимовью и 1 ярмарке за 1629–1717 гг.) и 234 соболиных (по 10 городам, 1 острогу и 2 зимовьям за 1616–1701 гг.) таможенных книг Сибири.

Таможенные книги Европейской России (преимущественно ее южных городов) XVII в., находящиеся в фонде Разрядного приказа (РГАДА. Ф. 210), получили отражение в десятом томе “Описания документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции”, изданном в 1896 г.³ Таможенные книги городов центра и севера Европейской части страны XVII в., относящиеся к комплексу книг различных московских приказов, учтены в их межфондовой описи, опубликованной в 1972 г.⁴ Однако в обоих указанных изданиях таможенные книги не являлись объектом специального учета. Их описания рассеяны между описаниями многочисленных документов иных типов. Кроме того, в “Описании документов и бумаг” МАМЮ описания отдельных таможенных книг, присутствующих в составе конволютов, даны в свернутом виде, из-за чего далеко не всегда можно четко определить год, за который составлена та или иная книга или даже уверенно развести между собой таможенные книги и книги кружечных дворов.

В АЕ за 1957 год и в монографии 1958 г. Б.Б. Кафенгауз опубликовал источниковедческий обзор таможенных книг XVIII в. из фонда Камер-коллегии ЦГАДА (ныне РГАДА)⁵. Им была дана общая характеристика этих памятников в количественном, хронологическом и географическом аспектах. С.И. Котковым был сделан историко-лингвистический обзор таможенных книг из фонда Камер-коллегии⁶. Однако перечень таможенных книг в указанных работах приведен не был⁷.

² Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М., 1897. Ч. 2: Документы таможенного управления.

³ Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. М., 1896. Кн. 10.

⁴ Книги Московских приказов в фондах ЦГАДА, 1495–1718 гг.: Опись / Отв. сост. В.Н. Шумилов; Под ред. Л.В. Черепнина. М., 1972.

⁵ Кафенгауз Б.Б. Таможенные книги XVIII века // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 127–137; *Он же*. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века: (По материалам внутренних таможен). М., 1958. С. 3–31.

⁶ Котков С.И. Таможенные книги Камер-коллегии – источники по истории русского языка // Русское и славянское языкознание: К 70-летию члена-корреспондента АН СССР Р.И. Аванесова. М., 1972. С. 135–143. В данной статье упоминаются таможенные книги, представляющие собой не приходо-расходные документы отдельных таможен, а фиксирующие сбор таможенных пошлин по губерниям в целом (например, книга Киевской губ. 1721 г. № 32678). В нашей публикации подобные документы не учитываются.

⁷ Б.Б. Кафенгауз отметил, что в коллекции таможенных книг фонда Камер-коллегии насчитывается 145 книг. Однако в их число он включил документы, не относящиеся к собственно таможенным книгам. К ним относятся: записные книги вековым и годовым оброкам Московской Померной таможи 1723 и 1724 гг., архангельские палатные книги иноземского и русского гостиных дворов и книги сбора оброчных денег 1724 и 1730 гг., книга записным оброчным местам на старом и новом гостиных дворах Московской Большой таможи 1738 г., книга отпуска вареного меда Московского кружечного двора 1738 г., записная книга московским и уездным наемным садом 1738 г., записные книги оброчным местам Московской Большой таможи 1743 и 1744 гг., записная книга сбора оброчных денег той же таможи 1743 г. Кроме того, 25 таможенных книг, находящихся вне коллекции, но также хранящихся в фонде Камер-коллегии, исследователем не были учтены.

Важное значение для источниковедения таможенных книг XVIII в. имеет работа И.А. Малышевой⁸. Автором подробным образом рассмотрен делопроизводственный процесс внутренних таможен XVIII в., дан обзор таможенных материалов этого времени, произведена их классификация, изучены состав, структура и формуляр документов. И.А. Малышевой было привлечено к исследованию в общей сложности 76 таможенных книг XVIII в., хранящихся в РГАДА, Архиве СПбИИ и Государственном архиве Архангельской области (в монографии приведен список источников с указанием их архивных шифров, заглавий и количества листов).

В новейшем путеводителе по РГАДА, вышедшем в свет в 1997 г., имеется информация о таможенных книгах XVIII в., в том числе и об источниках этого типа по Европейской части страны, но она минимальна⁹. В издании указано лишь, за какой хронологический интервал и по каким населенным пунктам в архиве хранятся таможенные книги различных типов. При этом далеко не всегда можно определить, в каком именно фонде находится та или иная таможенная книга. Шифры архивного хранения документов в путеводителе не приведены. В тех случаях, когда книг сохранилось несколько, непонятно, сколько их и к каким конкретно годам они относятся. Поэтому более или менее подробные сведения об этих источниках можно почерпнуть исключительно из неопубликованных описей различных архивных фондов, но и там описания отдельных таможенных книг рассредоточены и систематизированы в лучшем случае лишь по хронологии.

Основной корпус таможенных книг Европейской России XVIII в. хранится в различных фондах РГАДА. Это, прежде всего, фонды 829 (Таможни и кружечные дворы) и 273 (Камер-коллегия), а также фонды отдельных местных таможен, к числу которых относятся фонды: 1408 (Вятская таможня и кружечный двор), 1409 (Курская пограничная таможня), 1417 (Севская пограничная таможня), 1418 (Серпуховская таможня и кружечный двор), 1419 (Сольвычегодская таможня и кружечный двор), 1421 (Трубчевская таможня), 1422 (Тульская таможня), 1427 (Ярославская таможня и кружечный двор), 1452 (Московская Большая и подчиненные ей таможни Померная, Мытенная, Конская, Хомутная), 1600 (Псковская Большая таможня). Опись фонда 1419 объединена с описью фонда 695 (Сольвычегодская земская изба, ратуша и городской магистрат), в котором также имеются таможенные книги¹⁰.

В результате фронтального просмотра описей перечисленных фондов нами было выявлено 1240 таможенных книг Европейской России XVIII в.¹¹ по

⁸ Малышева И.А. Памятники деловой письменности XVIII века как объект лингвистического источниковедения. Хабаровск, 1997.

⁹ Российский государственный архив древних актов: Путеводитель: в 4 т. М., 1997. Т. 3, ч. 1. С. 670–688.

¹⁰ В описях фондов 1594 (“Нарвская портовая таможня”) и 1595 (“Петербургская Большая портовая и Мелочная таможни”) таможенные книги не значатся.

¹¹ Подавляющее большинство таможенных книг в указанных фондах относится в хронологическом плане к XVIII в., а в географическом – к Европейской России. К XVII в. принадлежат всего четыре книги: отрывок иркутской таможенной книги 1699/1700 г. (Ф. 829. Оп. 1. Ед. хр. 554-а), приходные книги таможенных сборов по Хлынову за 1696 и 1699 гг. (Ф. 1408. Оп. 1. Ед. хр. 463, 464) и записная книга сбора таможенных пошлин по Ярославлю за ноябрь–декабрь 1692 г. (Ф. 1427. Оп. 1. Ед. хр. 1). К таможенным книгам населенных пунктов, лежащих за пределами Европейской России, относятся 23 разнотипные таможенные книги: по Верхотурью за 1741 г. (Ф. 829. Оп. 1. Ед. хр. 335), Ирбитской ярмарке за 1741 г. (Там же. Ед. хр. 553), 18 книг по Миасской слободе Тобольской провинции за 1738, 1740–1742, 1744 и 1745 гг. (Там же. Ед. хр. 1051, 1051-а, 1054–1056, 1059, 1061, 1062,

Количество таможенных книг по архивным фондам

Номер фонда	Количество книг	Номер фонда	Количество книг
829	529	1593	16
1408	199	1417	16
273	159	1452	15
1419	76	1361	14
1422	57	1362	7
1421	45	1427	6
1418	39	1600	1
695	35	1409	1
1592	25	Итого	1240

155 городским и сельским населенным пунктам¹², 5 ярмаркам, 2 провинциям, 1 волости и 2 речным таможня. Количественное распределение книг по отдельным фондам приведено в таблице 1.

В большинстве случаев таможенные книги одного и того же населенного пункта находятся в составе какого-либо одного фонда. Исключения составляют Болхов, Брянск, Елец, Кашин, Кашира, Кола, Коломна, Лысково, Нижний Новгород, Пошехонье, Путивль, Недрыгайлов и Каменный, Темников (книги имеются в фондах 273 и 829), Архангельск (273 и 1362), Кимры (829 и 1427), Курск (273 и 1409), Москва (273 и 1452), Серпухов (273 и 1418), Сольвычегодск (273, 695 и 1419) и Ярославль (273 и 1427).

Самыми ранними из учтенных памятников являются таможенные книги Каширы 1703–1715 гг. и Каргополя 1706 г., самой поздней – конская таможенная книга Москвы 1771 г. Погодное количественное распределение книг отражено в таблице 2.

Таможенных книг начала XVIII в. почти не сохранилось. По мере приближения к середине столетия их количество постепенно возрастает. К 1730–1740-м годам и к первой половине 1750-х годов относится свыше 4/5 всех сохранившихся источников рассматриваемого типа. После проведения таможенной реформы 1753 г., в результате которой внутренние таможни были упразднены, количество таможенных книг резко сокращается. В большинстве населенных пунктов их составление прекратилось. Тем не менее, совсем эти документы не исчезли и продолжили вестись и во второй половине XVIII в., но сфера их применения ограничилась почти исключительно конской торговлей. Из 35 книг, относящихся к 1755–1771 гг., торговля лошадьми зафиксирована в 28. Вместе с тем следует отметить, что к этому периоду принадлежат и несколько документов, являющихся, судя по их заглавиям, классическими таможенными книгами. Это, например, отпускная книга товаров на явленные деньги по с. Нолинскому 1757 г., книга Лежского караула Хлыновской таможни на записку сборов с пропуска товаров 1759 г., отрывок из приходной книги сбора пошлин за привозное продажное зерно по Москве за 1764 г.

1066–1068, 1070–1073, 1075–1077) и 3 книги по Шадринску за 1744, 1745 и 1747 гг. (Там же. Ед. хр. 1904, 1907, 1908).

¹² Ряд таможенных книг содержит сведения сразу по нескольким населенным пунктам.

Количество таможенных книг по годам

Годы	Кн.	Годы	Кн.	Годы	Кн.	Годы	Кн.
1700	–	1710	7	1720	13	1730	24
1701	–	1711	12	1721	11	1731	14
1702	–	1712	9	1722	12	1732	12
1703	1	1713	2	1723	15	1733	21
1704	–	1714	8	1724	6	1734	22
1705	–	1715	4	1725	18	1735	30
1706	1	1716	6	1726	14	1736	40
1707	1	1717	6	1727	1	1737	51
1708	1	1718	5	1728	18	1738	28
1709	1	1719	8	1729	15	1739	61
1700–1709	5	1710–1719	67	1720–1729	123	1730–1739	303

Таблица 3

Количество таможенных книг по губерниям и провинциям
(названия губерний выделены полужирным шрифтом)

Губерния, провинция	Кн.	Губерния, провинция	Кн.
Архангельская	159	Московская	312
Архангелогородская	31	Владимирская	4
Вологодская	1	Калужская	1
Галицкая	1	Костромская	2
Устюжская	127	Московская	148
Астраханская	14	Переславль-Залесская	3
Белгородская	160	Переславль-Рязанская	2
Белгородская	12	Тульская	97
Орловская	70	Углицкая	41
Севская	78	Юрьев-Польская	2
Воронежская	62	Ярославская	12
Воронежская	11	Нижегородская	24
Елецкая	7	Алатырская	4
Тамбовская	13	Нижегородская	20
Шацкая	31	Новгородская	126
Казанская	379	Белозерская	85
Вятская	318	Новгородская	40
Кунгурская	55	Псковская	1
Пензенская	2	Смоленская	1
Свияжская	4	Санкт-Петербургская	2

Годы	Кн.	Годы	Кн.	Годы	Кн.	Годы	Кн.
1740	41	1750	34	1760	2	1770	–
1741	27	1751	69	1761	1	1771	1
1742	44	1752	38	1762	–	1772	–
1743	56	1753	50	1763	1	1773	–
1744	48	1754	26	1764	1	1774	–
1745	45	1755	15	1765	–	1775	–
1746	38	1756	2	1766	1	1776	–
1747	69	1757	2	1767	1	1777	–
1748	62	1758	2	1768	3	1778	–
1749	54	1759	3	1769	–	1779	–
1740–1749	484	1750–1759	241	1760–1769	10	1770–1779	1

В географическом плане таможенные книги в фондах РГАДА представлены весьма широко и охватывают почти всю территорию Европейской части страны. Они имеются по всем европейским губерниям России, существовавшим в середине XVIII в., за исключением Оренбургской, а также Киевской (в Малороссии до реформы 1753 г. действовала особая система таможенного обложения) и новозавоеванных в ходе войн со Швецией территорий Выборгской, Ревельской и Рижской губерний. Из провинций Европейской части страны нет таможенных книг только по Суздальской провинции Московской губ., Великолуцкой и Тверской провинциям Новгородской губ., Арзамасской провинции Нижегородской губ., Бахмутской провинции Воронежской губ., Казанской и Симбирской провинциям Казанской губ. Количественное распределение источников по отдельным губерниям и провинциям показано в таблице 3.

Из населенных пунктов Европейской России, по которым в РГАДА хранятся таможенные книги, наиболее значительные собрания памятников имеются по Хлынову, Сольвычегодску и Москве. На эти три города приходится в общей сложности почти треть всех учтенных источников. Данное обстоятельство связано прежде всего с тем, что в таможах этих городов существовали чрезвычайно разветвленные системы ведения приходо-расходной таможенной документации и каждый вид сборов фиксировался в отдельной книге. Так, по Хлынову только за 1747 г. имеется 24 разнотипные таможенные книги, по Сольвычегодску за один 1749 г. насчитывается 11 книг. Каждая такая книга составляет самостоятельную единицу хранения. При этом объем некоторых из них очень невелик. Например, хлыновская отпускная книга на покупку товаров 1747 г. насчитывает всего 16 листов, а сольвычегодская конская книга 1749 г. – 8 листов. В некоторых других таможах порядок ведения документов был иной. Например, в курской таможенной книге 1720 г., образующей одну единицу хранения, объединены разделы о продаже и покупке товаров в городе, о товарных партиях, провезенных транзитом, о табачной торговле, о сборе канцелярских пошлин с товаров и о расходах на содержание таможи. В таможах, таких как хлыновская или сольвычегодская, подобные разде-

Количество таможенных книг по отдельным населенным пунктам

Населенный пункт	Кн.
Хлынов	196
Сольвычегодск	113
Москва	79
Тула	57
Трубчевск	45
Серпухов	41
Котельнич	38
Мценск, Орлов	по 33
Каргополь, с. Нолинское	по 29
Бежецк, Турчасов	по 25
Венев	21
Архангельск	20
Новосиль	18
Соликамск	17
Севск, Усть-Мошский погост	по 16
Астрахань, Чернь	по 14
Кайгород, Клин, с. Новое Усолье	по 12
с. Ильинское	11
Алексин, Великий Устюг	по 10
Верхний Чусовской городок, Мошенская таможня, Павловск	по 8
с. Истобенск	7
Деделово, Калязинская Никольская сл., Кашин, Лысково, Шунский погост	по 6
Белозерск, Кижский погост, Макарьевская ярмарка, Оштинский погост, Шацк	по 5
Болхов, с. Борисоглебское, Валуйки, с. Иван-Озеро ^a , Касимов, Кашира, Кевроль, Коренная ярмарка, Нижний Новгород, Пошехонье, Святаволоцкая Лопская таможня, Чебоксары, Ярославль	по 4
Боровск, с. Дедюхино, Ефремов, Карачев, Керенск, Коломна, Кромы, Курск, Олонек, Петрозаводск, Пудож, Путивль, Недрыгайлов и Каменный, с. Рогнедино, с. Сасово ^b , с. Сосновка ^c , Тамбов	по 3
Алатырь, Андомский погост, с. Бадеево, с. Благовещенское, с. Богданово, Брянск, с. Верхомуллинское, Елец, Каменный ^d , с. Кимры, Кола, Лальск ^e , с. Майкор, Недрыгайлов ^f , Новгород, с. Пертома, Погостская таможня, с. Пурдышки, Романов, Санкт-Петербург, Свинская ярмарка, с. Спасское, Старая Русса, Темников, Толвуйский погост, Троицкий острог, Тыренская (Тырновская) сл. ^g , Углич, Филипова (Филиповская) сл., Шальский погост, Яренск	по 2
Балахна, Белгород, Белев, Благовещенская ярмарка, с. Бронницы, с. Бурмакино, Верховажская ярмарка, с. Восьегонское, Воротынский,	по 1

Таблица 4 (окончание)

Населенный пункт	Кн.
<p>с. Всегодичи, Вышенская пристань, Вязьма, Гавриловская сл., Двинская таможня, Добрый, Дубровская таможня^а, Елатьма, с. Инжавино, Кадом, с. Каргошино¹, Кириллов, Клементьевская сл. Троице-Сергиева монастыря, с. Княгинино, с. Коверино¹, Козлов, с. Конобеево^к, Кунчукурская таможня, Курмыш, Ливны, Михайлов, Моршанская таможня, с. Мурашкино, Муром, с. Недельное, Орлов городок¹, Острогожск, с. Павлово, Пенза, Переславль-Залесская провинция, Переславль-Залесский,</p> <p>Переяславль-Рязанская провинция, Петровск, Плес, Повенец, Псков, Рыбенская таможня^м, Рыбная слобода, Рыльск, Саранск, с. Сидоровское, Скопин, Солигалич, с. Старое Сысоево, с. Томниково^п, с. Ункусово^о, с. Усть-Цильма, Устюжская волость, с. Федоровка, с. Хатунь, Холмогоры, Шестаков, Шуя, Юрьевец-Повольский, Ядрия</p>	по 1
<p>^а В том числе одна общая книга с Веневым; ^б В том числе одна общая книга с Шацком и др. селами Шацкого у.; ^с В том числе одна общая книга с Моршанской, Рыбенской и Дубровской таможнями; ^д Две общие книги с Путивлем и Недрыгайловым; ^е В том числе одна общая книга с Сольвычегодском; ^ф Две общие книги с Путивлем и Каменным; ^г Одна общая книга с с. Пурдышки и одна с Шацком и селами Шацкого у.; ^h Общая книга с Моршанской, Сосновской и Рыбенской таможнями; ⁱ Общая книга с Шацком и др. селами Шацкого у.; ^j Общая книга с Шацком и др. селами Шацкого у.; ^k Общая книга с Шацком и др. селами Шацкого у.; ¹ Общая книга с с. Новое Усолье; ^м Общая книга с Моршанской, Сосновской и Дубровской таможнями; ^п Общая книга с Шацком и др. селами Шацкого у.; ^о Общая книга с Шацком и др. селами Шацкого у.</p>	

лы скорее всего были бы разнесены как минимум по пяти отдельным книгам. Данный момент следует обязательно иметь в виду при оценке количественного состава таможенных книг по тому или иному городу. Распределение памятников по отдельным населенным пунктам представлено в таблице 4.

Помимо Хлынова, Сольвычегодска и Москвы, сравнительно крупные документальные комплексы, насчитывающие 10 и более таможенных книг, имеются еще только по 24 населенным пунктам. По 104 населенным пунктам, т.е. по 2/3 учтенных, сохранилось всего по 1–3 таможенные книги.

Ниже приводится реестр таможенных книг Европейской России XVIII в., составленный по данным описей указанных выше фондов. Описания источников сгруппированы в нем по алфавиту названий населенных пунктов, а затем в прямой хронологии лет; синхронные документы расположены в порядке возрастания номеров архивных фондов и единиц хранения. Заглавия таможенных книг приводятся, как правило, в той форме, в какой они даны в архивных описях (иногда в них внесены незначительные текстуальные изменения). Данные об объеме книг указаны не во всех описях, поэтому в реестре они не приведены. Составление данного реестра является первым шагом на пути создания предварительного списка таможенных книг России XVII–XVIII вв., а в перспективе – сводного каталога этих источников. В ходе работы по их подготовке приведенный реестр таможенных книг Европейской России XVIII в. может быть уточнен при просмотре *de visu* уже учтенных документов и пополнен в результате обследования других фондов РГАДА.

**РЕЕСТР ТАМОЖЕННЫХ КНИГ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ XVIII в.
В ФОНДАХ РГАДА**

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Алатырь				
1714–1715	Книга сбора таможенных пошлин	829	1	3
1736	Книга оборотным выписям на явленные товары	829	1	5
Алексин				
1735	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	11
1749	Приходная книга таможенных пошлин с явленных товаров	829	1	14
1749	Приходная книга конского сбора	829	1	15
1750	Приходная книга таможенных пошлин и явочная товаров	829	1	18
1750	Приходная книга конского сбора	829	1	20
1751	Приходная книга конского сбора	829	1	23
1752	Приходная книга таможенных пошлин и явочная товаров	829	1	25
1752	Приходная книга таможенных пошлин и явочная товаров	829	1	27
1752	Приходная книга конского сбора	829	1	28
1754	Приходная книга таможенных пошлин и явочная товаров	829	1	30
Аюдомский погост				
1739	Приходная книга конского сбора	829	1	32
1739	Приходная книга таможенных пошлин с мелких торжков	829	1	33
Архангельск¹				
1710, 1713–1719	Приходо-расходная книга таможенных и других сборов	273	1, ч. 8	32 736
1719, февр.–окт.	Книга записи досмотров товаров, привезенных в город для продажи, и товаров, не распроданных в 1718 г.	1362	1	99
1720	Таможенная книга	273	1, ч. 8	32 744
1720	Таможенная книга ²	273	1, ч. 8	32 774

¹ См. также: Двинская таможня (Архангельск).

² В архивной описи ошибочно значится как вологодская. См.: *Малышева И. А.* Памятники деловой письменности XVIII века как объект лингвистического источниковедения. Хабаровск, 1997. С. 32.

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Архангельск				
1720, июль–сент.	Книга отвеса таможенными целовальниками товаров, приобретаемых в Архангельске иностранцами у русских купцов (отрывок)	1362	1	100
1721	Книги: покупки в казну разных припасов, проезжая разных монастырей, соляная, провиантская, приема денег за повозки, карбасная	273	1, ч. 8	32 737
1721, янв.–1722, сент.	Книга записи досмотров товаров, привезенных в город на продажу и товаров, не распроданных в прошлом году	1362	1	101
1721, июль–сент.	Книга записи торговых сделок, досмотра привезенных в город товаров, начисления торговых пошлин и выдачи платежных выписей (отрывок)	1362	1	102
1723	Грузовая книга	273	1, ч. 8	32 738
1723, авг.–сент.	Книга записи торговых сделок, досмотра привезенных в город товаров, начисления торговых пошлин и выдачи платежных выписей (отрывок)	1362	1	103
1724, июль–1726, окт.	Книга явки и досмотра хлебных припасов, привезенных в Архангельск (отрывки)	1362	1	104
1725	Соляная, проезжая и провиантская книга	273	1, ч. 8	32 739
1725	Явчая книга остальым и привозным товарам	273	1, ч. 8	32 741
1725	Явчая книга остальым и привозным товарам	273	1, ч. 8	32 742
1725	Записная книга товаров, проданных российскими купцами	273	1, ч. 8	32 786
1725	Записная книга покупных российскими купцами русских и заморских товаров	273	1, ч. 8	32 787
1725–1726	Записная книга отпускных товаров	273	1, ч. 8	32 740
1726	Записная книга явки товаров	273	1, ч. 8	32 743
1726	Книга торговых записок проданных от иноземцев российским купцам заморских товаров ³	273	1, ч. 8	32 873
1732, дек.	Записная книга явки, досмотра и оценки товаров (отрывок)	1362	1	109

³ В архивной описи ошибочно значится как с.-петербургская (см.: *Мальшева И.А. Указ. соч.* С. 32).

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Астрахань				
1725, апр.–окт.	Записная книга провоза товаров за море и сбора таможенных пошлин	1361	1	1
1725, авг.–окт.	Записная книга товаров верхового привоза и сбора таможенных пошлин	1361	1	2
1726, январь–декабрь.	Записная книга отпуска товаров в российские города и сбора таможенных пошлин	1361	1	3
1733, январь–декабрь.	Записная книга товаров заморского привоза и сбора таможенных пошлин	1361	1	4
1735, январь–ноябрь.	Записная книга товаров заморского привоза и сбора таможенных пошлин	1361	1	5
1735, январь–декабрь.	Записная книга отпуска товаров и сбора таможенных пошлин	1361	1	6
1740	Записная книга привоза персидских товаров и сбора таможенных пошлин	1361	1	7
1744, апр.–окт.	Записная книга отпуска товаров в Персию и сбора таможенных пошлин	1361	1	8
1744	Записная книга товаров заморского привоза и сбора таможенных пошлин	1361	1	9
1745, январь–декабрь.	Записная книга заморского привоза и сбора таможенных пошлин	1361	1	10
1746, январь–июнь	Записная книга товаров верхового привоза и отпуска товаров в российские города и сбора таможенных пошлин	1361	1	11
1746, июнь–декабрь.	Записная книга товаров верхового привоза и отпуска товаров в российские города и сбора таможенных пошлин	1361	1	12
1750	Записная книга товаров заморского привоза и сбора таможенных пошлин	1361	1	13
1750	Записная книга привоза петербургских товаров	1361	1	14
Бадеево, с. (Боровский у.)				
1742	Приходная книга таможенного сбора	829	1	87
1752	Приходная книга таможенного сбора	829	1	92
Балахна				
1723	Таможенная книга	273	1, ч. 8	32745
Бежецк				
1724	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	104
1728	Книга таможенных выписей на отпускаемые товары	829	1	109

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Бежец				
1728	Книга сбора таможенных и новоположенных пошлин	829	1	110
1728	Книга записная сбора пошлин с продажи и обмена лошадей	829	1	111
1728	Книга записная сбора конских пошлин	829	1	112
1728	Книга записная сбора конских пошлин	829	1	113
1729	Книга сбора таможенных пошлин и новоположенных сборов	829	1	114
1729	Книга сбора конских пошлин	829	1	117
1729	Книга сбора конских пошлин	829	1	118
1729	Книга таможенных выписей на отпускаемые товары	829	1	119
1731	Книга сбора таможенных пошлин и новоположенных сборов	829	1	120
1732	Книга сбора таможенных пошлин	829	1	122
1732	Книга сбора таможенных пошлин	829	1	123
1733	Книга сбора таможенных пошлин	829	1	125
1733	Тетрадь отъязочных росписей товаров	829	1	128
1733	Книга записная накладных товаров	829	1	129
1734	Книга записная таможенных сборов	829	1	130
1735	Книга сбора таможенных пошлин	829	1	132
1735	Книга записная накладных росписей	829	1	135
1736	Книга сбора таможенных пошлин	829	1	136
1736	Книга сбора денег с отпускаемых товаров	829	1	138
1737	Книга сбора таможенных пошлин	829	1	140
1737	Книга таможенных выписей разных таможен	829	1	143
1738	Расходная книга	829	1	144
1745	Книга окладная и приходная таможенных и канцелярских пошлин	829	1	146
Белгород				
1749	Записная книга явленных и отпускных товаров, продажи и мены лошадей, сбора денег с найма подвод	829	1	173
Белев				
1759	Приходная книга накладных денег	829	1	154

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Белозерск				
1736	Книга отпускная на товары, купленные в уезде	829	1	163
1747	Книга таможенных выписей на явленные товары	829	1	166
1751	Книга таможенных выписей на товары	829	1	167
1752	Записная книга оборотных выписей на явленные товары	829	1	168
1752	Книга записная явочным товарам по зачетным и отпускным письмам	829	1	170
Благовещенская ярмарка (Шенкурский у.)				
1725	Таможенная книга	273	1, ч. 8	32 746
Благовещенское, с. (Шацкий у.)				
1743	Книга записная таможенного сбора с найма подвод	829	1	177
1743	Книга записная сбора таможенных пошлин	829	1	178
Богданово, с. (Шацкий у.)				
1710	Книга сбора таможенных и кабацких денег и конских пошлин	829	1	1917
1711	Книги записи сбора конских пошлин	829	1	1920
Болхов				
начало XVIII в.	Записная книга сбора пошлин с явленных товаров	829	1	186
1720	Книга записи денежного сбора (таможенного, кабацкого, с рыбных ловель, домовых бань и др.)	273	1, ч. 8	32 672
1725	Таможенная книга	273	1, ч. 8	32 747
1726	Таможенная книга	273	1, ч. 8	32 838
Борисоглебское, с. (Тамбовская провинция)				
1728	Расходная книга	829	1	194
1729	Приходная книга таможенных и кабацких сборов	829	1	195
1730	Расходная книга	829	1	197
1730	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	198
Боровск				
1742	Записная книга сбора вещей пошлин с явленных товаров	829	1	205

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Боровск				
1746	Книга записная сбора таможенных пошлин	829	1	206
1754	Книга записная сбора таможенных пошлин (неполная)	829	1	207
Бронницы, с. (Коломенский у.)				
1747	Записная книга сбора таможенных пошлин с явочных товаров (отрывок – 2 л.)	829	1	218
Бряск				
1725 ⁴	Таможенная книга	273	1, ч. 8	32 748
1733	Расходная книга	829	1	220
Бурмакино, с. (Ярославский у.)				
1768	Записная книга сбора конских пошлин	1427	1	31
Валуйки				
1711	Приходная книга таможенных пошлин и питейной прибыли	829	1	227
1711	Книга продажи табака и курительных трубок	829	1	229
1712	Приходная книга таможенных пошлин и питейной прибыли	829	1	231
1715	Приходная книга таможенных пошлин с явочных товаров	829	1	234
Великий Устюг				
1720	Записная книга о покупке припасов для варки пива и меда, о продаже питей, табака и карт	273	1, ч. 8	32 749
1722	Явочная книга привозным и увозным товарам	273	1, ч. 8	32 750
1722	Записные книги разным сборам и оборочным деньгам	273	1, ч. 8	32 751
1723	Высочная книга и записные книги на выдачу денег в кружечные дворы	273	1, ч. 8	32 752
1723	Записные книги канцелярского сбора и ярмонская книга	273	1, ч. 8	32 753
1723	Троеденежная книга	273	1, ч. 8	32 754
1725	Записная книга различных таможенных пошлин	273	1, ч. 8	32 755

⁴ Б.Б. Кафенгауз приводит дату 1726 г. См.: *Кафенгауз Б.Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века: (По материалам внутренних таможен)*. М., 1958. С. 315.

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Великий Устюг				
1726	Записная книга торговых записок	273	1, ч. 8	32 756
1726	Табачная, картяная и трубочная книга	273	1, ч. 8	32 757
1731	Записная книга таможенного, кабацкого, канцелярского и других сборов, высыпанных из ящиков	273	1, ч. 8	32 758
Венев				
1731	Отпускная книга отпускным и зачетным выписям	829	1	266-6
1731	Записная книга явочных товаров веневских посадских людей	829	1	305
1732	Приходная книга таможенных пошлин с явочных товаров	829	1	267
1733	Приходная книга конского сбора	829	1	271
1734	Записная книга таможенных пошлин с товаров	829	1	272-а
1735	Книга сбора пошлин с явочных съестных и мелочных товаров	829	1	274
1736	Приходная книга таможенных пошлин с явочных товаров	829	1	275
1736	Приходная книга таможенных пошлин с явочных товаров	829	1	276
1736	Приходная книга таможенных пошлин с отпускных товаров	829	1	277
1738	Приходная книга конского сбора	829	1	278
1740	Записная книга отпускным и зачетным выписям на явочные товары	829	1	282
1740	Приходная книга таможенных пошлин с явочных товаров	829	1	294
1740	Приходная книга конского сбора	829	1	280
1741	Приходная книга таможенных пошлин с явочных товаров	829	1	285
1741	Расходная книга Веневской и Ивановской таможен	829	1	286
1741	Приходная книга конских пошлин	829	1	288
1742	Приходная книга таможенных пошлин с явочных товаров	829	1	291
1744	Приходная книга таможенных пошлин с явочных товаров	829	1	293
1744	Записная книга отпускных и зачетных выписей	829	1	295
1744	Приходная книга конских пошлин	829	1	298

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Венев				
1754	Приходная книга таможенных пошлин с явочных товаров	829	1	296
Верхний Чусовской городок (Соликамский у.)				
1737	Отпускная книга товаров	829	1	1876
1737	Записная книга сбора таможенных пошлин	829	1	1877
1737	Приходная книга накладных таможенных пошлин	829	1	1878
1737	Приходная книга конских пошлин	829	1	1879
1738	Приходная книга конских пошлин	829	1	1880
1739	Приходная книга накладных таможенных пошлин	829	1	1881
1744	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	1883
1745	Приходная книга пошлин с явочных денег	829	1	1884
Верховажская ярмарка				
1723	Таможенная книга	273	1, ч. 8	32 759
Верхомуллинское, с. (Соликамский у.)				
1741	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	341
1741	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	342
Весьегоновское, с. (Устюжно-Железопольский у.)				
1754	Приходная книга таможенных пошлин с товаров, собранных во время Бого-явленской ярмарки	829	1	347
Воротынк				
1713	Записная книга явочных товаров	829	1	365
Всегодичи, с. (Владимирский у.)				
1730	Записная книга сбора таможенных пошлин и питейной прибыли	829	1	350
Вышенская пристань (Шацкий у.)				
1748	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	1931
Вязьма				
1725	Табачная таможенная книга	273	1, ч. 8	32 760

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Гавриловская сл.				
1723	Таможенная книга	273	1, ч. 8	32 781
Двинская таможня (Архангельск)				
1719	Явчая книга остальных и привозных товаров	273	1, ч. 8	32 762
Деделово				
1744	Приходная книга таможенных пошлин с явочных товаров	829	1	446
1747	Приходная книга таможенных пошлин с явочных товаров	829	1	447
1747	Приходная книга конских пошлин	829	1	448
1750	Записная книга отпускных и зачетных выписей	829	1	449
1750	Записная книга явочных денег на покупку товаров	829	1	450
1753	Приходная книга таможенных пошлин с мелочных товаров	829	1	451
Дедюхино, с. (Соликамский у.)				
1710	Записная книга питейных и таможенных денег	829	1	1704
1733	Записная книга сбора таможенных пошлин с продажи варничных дров	829	1	1705
1733	Расходная книга	829	1	1706
Добрый				
1712	Книга сбора таможенных пошлин с явочных товаров	829	1	457
Елатьма				
1753	Приходная книга конских пошлин	829	1	480
Елец				
1730	Приходная книга таможенных сборов	273	1, ч. 8	32 900
1743	Записная книга российским товарам	829	1	484
Ефремов				
1737	Приходная книга таможенных мелочных пошлин	829	1	508
1745	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	530
1746	Приходная книга таможенных пошлин с мелких продаж	829	1	533

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Иван-Озеро, с. (Веневский у.)				
1732	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	270
1740	Приходная книга таможенных пошлин с явочных товаров	829	1	281
1754	Приходная книга таможенных пошлин с явочных товаров	829	1	297
Ильинское, с. (Обвенская Ильинская таможня) (Соликамский у.)				
1707–1709	Приходная книга конских пошлин 1707 г.; приходная книга таможенных пошлин 1709 г.	829	1	1343
1711	Книга записи сбора денег с продажи табака и карт	829	1	1714
1711	Записная книга сбора конских пошлин	829	1	1715
1711	Книга таможенного расхода	829	1	1716
1711	Книга табачного расхода	829	1	1717
1711	Расходная книга	829	1	1718
1737	Отпускная книга товаров	829	1	1344
1737	Книга сбора пошлин с отвальных судов, кормщиков и работников	829	1	1345
1737	Приходная книга таможенных пошлин с товаров	829	1	1346
1739	Отпускная книга товаров	829	1	1347
1744	Отпускная книга товаров	829	1	1348
Ижавино, с. (Шацкий у.)				
1738	Книга сбора конских пошлин	829	1	1927
Истобенск, с. (Орловский у. Вятской провинции)				
1750	Приходная книга конских пошлин	829	1	594
1751	Приходная книга таможенных пошлин с отпускных товаров	829	1	595
1751	Приходная книга конских пошлин	829	1	596
1752	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	597
1752	Приходная книга конских пошлин	829	1	598
1753	Приходная книга конских пошлин	829	1	599
1755	Приходная книга конских пошлин	829	1	600
Кадам				
1712	Книга сбора таможенных пошлин и питейной прибыли	829	1	606

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Кайгород				
1729	Записная книга сбора таможенных пошлин	829	1	612
1746	Приходная книга конских пошлин и десятой доли с найма подвод	829	1	614
1747–1750	Записная книга таможенных и кабацких сборов	829	1	615
1751	Приходная книга конских пошлин и десятой доли с найма подвод	829	1	620
1752	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	621
1752	Приходная книга конских пошлин	829	1	625
1752	Расходная книга	829	1	626
1753	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	627
1753	Расходная книга	829	1	629
1753	Приходная книга конских пошлин	829	1	631
1754	Расходная книга	829	1	632
1754	Приходная книга конских пошлин	829	1	635
Калязинская Никольская сл. (Кашинский у.)				
1734	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	784
1735	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	785
1735	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	786
1737	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	787
1739	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	788
1740	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	789
Карачев				
1753	Приходная книга таможенных пошлин с отпускных товаров	829	1	650
1753	Записная книга отпускных товаров “градских жителей”	829	1	651
1753	Расходная книга	829	1	653
Каргополь				
1706	Записная книга явок товаров каргопольцами	829	1	693-а
1717	Записная книга явочных товаров	829	1	694
1728	Записная книга покупным и отпускным таможенным выписям	829	1	694-а
1730	Записная книга покупным и отпускным таможенным выписям	829	1	695

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Каргополь				
1730	Записная торговая книга	829	1	730
1747	Книга сбора денег с заявочных выписей	829	1	704
1747	Книга сбора денег с оборотных выписей	829	1	705
1747	Приходная книга таможенных пошлин с явочных мелочных товаров	829	1	707
1747	Явочная книга привозным российским и портовым товарам	829	1	708
1747	Приходная книга таможенных пошлин с мелочных товаров Кенорецкой заставы	829	1	709
1747	Записная торговая книга	829	1	710
1747	Записная книга явленным деньгам	829	1	711
1747	Отпускная книга товарам	829	1	712
1748	Приходная книга таможенных пошлин с мелочных товаров Кенорецкой заставы	829	1	715
1748	Приходная книга таможенных пошлин с мелочных товаров Тихманской заставы	829	1	716
1748	Записная книга отпускным товарам	829	1	717
1748	Записная торговая книга	829	1	718
1748	Приходная книга денег с заявочных выписей	829	1	720
1748	Приходная книга таможенных пошлин с мелочных товаров	829	1	726
1748	Записная книга сбора пошлин с явленных денег на покупные товары	829	1	727
1748	Записная явочная книга привозным российским и портовым товарам	829	1	728
1749	Приходная книга таможенных пошлин с мелочных товаров Тихманской заставы	829	1	731
1749	Приходная книга таможенных пошлин с мелочных товаров Кенорецкой заставы	829	1	732
1749	Приходная книга денег с явочных выписей	829	1	733
1749	Приходная книга таможенных пошлин с мелочных товаров	829	1	734
1749	Записная книга явленных денег	829	1	736
1749	Явочная книга привозным российским и портовым товарам	829	1	737

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Каргополь				
1749	Отпускная книга товарам	829	1	738
1752	Записная книга отпускным товарам на явленные деньги	829	1	741
Касимов				
1721	Записная книга явочных товаров	829	1	745
1735	Отпускная книга покупным товарам	829	1	746
1736	Записная книга оборотных выписей на отпускные товары	829	1	747
1736	Отпускная книга товаров крестьян Касимовского уезда	829	1	748
Кашии				
1724	Таможенная книга	273	1, ч. 8	32 763
1731	Приходная книга таможенных пошлин и явочных товаров	829	1	751
1736	Приходная книга таможенных пошлин с явочных товаров и денег	829	1	755
1737	Приходная книга таможенных пошлин с явочных товаров и денег	829	1	756
1740	Приходная книга таможенных пошлин с явочных товаров и денег	829	1	758
1753	Записная книга отъявочным таможенным росписям	829	1	762
Кашира				
1703–1715	Таможенная книга	273	1, ч. 8	32 761
1732	Приходная книга таможенных пошлин (отрывок)	829	1	800
1738	Приходная тетрадь таможенных пошлин (отрывок)	829	1	801
1741	Приходная книга таможенных пошлин (неполная)	829	1	802
Кевроль				
1721	Таможенная книга	273	1, ч. 8	32 764
1722	Таможенная книга	273	1, ч. 8	32 766
1723	Таможенная книга	273	1, ч. 8	32 767
1725	Таможенная книга	273	1, ч. 8	32 768

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Кереиск				
1711	Книга сбора таможенных пошлин и питейной прибыли	829	1	812
1735	Записная книга сбора таможенных пошлин	829	1	813
1743	Записная книга сбора таможенных пошлин	829	1	815
Кижский погост (Олонецкий у.)				
1739	Отпускная книга товаров	829	1	817
1739	Отпускная книга товаров	829	1	818
1739	Явочная книга российским товарам	829	1	819
1739	Приходная книга таможенных пошлин с явленных товаров	829	1	820
1739	Отпускная книга товаров	829	1	821
Кимры, с. (Кашинский у.)				
1731	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	823
1750	Приходная книга пошлинных сборов	1427	1	27
Кириллов (Белозерская провинция)				
1744	Записная явочная книга товарам по зачетным выписям	829	1	838
Клементьевская сл. Троице-Сергиева монастыря (Московский у.)				
1735	Приходная книга таможенных пошлин; книга сбора оброчных денег с лавок бобылей	829	1	840
Кляв				
1738	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	880
1740	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	882
1741	Приходо-расходная книга	829	1	883-a
1743	Приходная книга таможенных пошлин с явочных товаров	829	1	884
1744	Приходная книга таможенных пошлин с явочных товаров	829	1	885
1745	Приходная книга таможенных пошлин с явочных товаров	829	1	886
1746	Приходная книга таможенных пошлин с явочных товаров	829	1	887
1748	Приходная книга таможенных пошлин с явочных товаров	829	1	888

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Клян				
1749	Приходная книга таможенных пошлин с явочных товаров	829	1	889
1750	Приходная книга таможенных пошлин с явочных товаров	829	1	890
1754	Приходная книга таможенных пошлин с явочных товаров	829	1	891
б/д	Приходная книга таможенных пошлин (отрывок)	829	1	881
Княгинино, с. (Нижегородский у.)				
1712	Книга записи явленных товаров (отрывок)	829	1	1213
Козлов				
1716	Записная книга сбора конских пошлин	829	1	895
Кола				
1719	Приходная книга таможенных пошлин и питейной прибыли	829	1	908
1722	Таможенная книга	273	1, ч. 8	32 771
Коломна				
1733	Приходная книга таможенных пошлин с отпускных товаров (неполная)	829	1	903
1738	Записная книга отпускным товарам без пошлин коломенских компанейщиков	273	1, ч. 8	32 769
1738	Записная книга покупным товарам коломенских компанейщиков	273	1, ч. 8	32 770
Коренная ярмарка (Курский у.)				
1742	Книга продажи меда	829	1	1007
1742, июнь	Записная книга конских пошлин	829	1	1008
1742, июнь	Записная книга конских пошлин	829	1	1009
1742, июнь	Записная книга конских пошлин	829	1	1010
Котельнич				
1736	Приходная книга таможенных пошлин; книга продажи вина и сбора питейных денег	829	1	916
1738	Приходная книга таможенных пошлин; книга продажи вина и сбора питейных денег	829	1	917

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Котельнич				
1740	Приходная книга таможенных пошлин; книга продажи вина и сбора питейных денег	829	1	919
1742	Приходная книга таможенных пошлин и питейной прибыли	829	1	920
1743	Приходная книга таможенных пошлин и питейной прибыли	829	1	921
1745	Приходная книга таможенных пошлин и питейной прибыли	829	1	922
1747	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	925
1747	Приходная книга таможенных пошлин Верхомоломского караула; приходная книга конских пошлин	829	1	926
1747	Приходо-расходная книга таможенных пошлин	829	1	929
1748	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	930
1748	Приходная книга таможенных пошлин Верхомоломского караула; приходная книга конских пошлин	829	1	933
1749	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	934
1749	Приходная книга таможенных пошлин Верхомоломского караула	829	1	935
1749	Приходная книга таможенных пошлин Ветлужского караула	829	1	936
1749	Приходная книга конского сбора	829	1	937
1749	Расходная книга	829	1	938
1750	Приходная книга таможенных пошлин Верхомоломского караула	829	1	940
1750	Приходная книга таможенных пошлин Екатерининского караула	829	1	941
1751	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	943
1751	Приходная книга таможенных пошлин Ветлужского караула	829	1	944
1751	Приходная книга таможенных пошлин Екатерининского караула	829	1	945
1751	Приходная книга таможенных пошлин Верхомоломского караула	829	1	946-а
1751	Расходная книга	829	1	947
1752	Приходная книга таможенных пошлин Верхомоломского караула	829	1	949
1752	Приходная книга таможенных пошлин Ветлужского караула	829	1	950

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Котельнич				
1752	Приходная книга таможенных пошлин Екатеринбургского караула	829	1	951
1752	Расходная книга	829	1	953
1752	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	955
1753	Приходная таможенная книга Екатеринбургского караула	829	1	957
1753	Приходная таможенная книга Котельнической таможи и Ветлужского караула	829	1	958-а
1753	Приходная книга конских пошлин с продажи и мены лошадей	829	1	959
1753	Приходная книга конских пошлин в Котельнице во время Алексеевской ярмарки	829	1	960
1753	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	961
1753	Расходная книга	829	1	962
1754	Приходная книга конских пошлин	829	1	965
1754	Расходная книга конских пошлин	829	1	966
1754	Расходная книга таможенных денег	829	1	968
1755	Приходная книга конских пошлин	829	1	970
Кромы				
1733	Приходная книга таможенного и канцелярского сбора	829	1	986
1741	Расходная книга таможи и кружечного двора	829	1	989
1742	Приходная книга таможенных пошлин с отпускных товаров	829	1	990
Кунчукурская таможня (на р. Кунчукурье)				
1721	Весовая книга	273	1, ч. 8	32 765
Курмыш				
1744	Записная книга оборотных выписей на явленные деньги	829	1	1005
Курск				
1720	Книга таможенного и питейного сбора	273	1, ч. 8	32 772
1726–1727	Конская книга; извозчичья книга; оброчные книги	273	1, ч. 8	32 897
1745 (?), март–май, авг.	Приходо-расходная книга таможенных сборов (отрывок)	1409	1	162

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Лальск				
1717	Высыпная тетрадь деньгам	695	1	121
Ливии				
1712	Книга сбора таможенных пошлин и питейной прибыли; записная книга покупки меда	829	1	1023
Лысково, с. (Макарьевский у.)				
1714, март	Книга сбора таможенных пошлин	829	1	1029
1717	Книга померного сбора	829	1	1029-а
1717	Записная книга сбора привальных и отвалных денег с речных судов	829	1	1029-в
1717	Записная книга сбора канцелярских денег с конских кож и всяких товаров	829	1	1029-г
1720	Таможенная книга (отсутствует на месте)	273	1, ч. 8	32 776
1726	Таможенная книга	273	1, ч. 8	32 777
Майкор, с. (Соликамский у.)				
1739	Книга заявочных денег на товарную покупку	829	1	1032
1739	Отпускная книга отпускным товарам	829	1	1033
Макарьевская ярмарка				
1720	Книга гребным стругам с рыбой; книга записная явленным пошлинным деньгам на покупку рыбы ⁵	273	1, ч. 8	32 773
1720	Таможенная книга (отсутствует на месте) ⁶	273	1, ч. 8	32 775
1730	Книга явленным деньгам на покупку разных товаров мелочной таможни	273	1, ч. 8	32 778
1730	Книга явленным деньгам на покупку рыбы	273	1, ч. 8	32 779
1730	Книга явленным рыбным товарам по отпускным выписям	273	1, ч. 8	32 780

⁵ Более полное описание см.: *Кафенгауз Б.Б.* Очерки... С. 116, примеч. 6. (Рабочая копия книги хранится в личном фонде Б.Б. Кафенгауза в АРАН, см.: Ф. 1580. Оп. 1. Ед. хр. 277. За сведения об этом автор признателен А.В. Мельникову.)

⁶ В монографии Б.Б. Кафенгауза подробно исследована таможенная книга 1720 г. по Макарьевской ярмарке. Описание ее см.: *Кафенгауз Б.Б.* Очерки... С. 115–116. Эта книга, без указания места хранения, отмечена и в статье: *Кафенгауз Б.Б.* Таможенные книги XVIII века // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 133. (Рабочую копию с нее см.: АРАН. Ф. 1580. Оп. 1. Ед. хр. 278–286. За сведения об этом автор признателен А.В. Мельникову.)

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Михайлов				
1747	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	1048
Моршанская, Рыбенская, Дубровская, Сосновская таможи (Тамбовский у.)				
1710	Приходные тетради таможенного и кабацкого сборов	829	1	1751
Москва				
1716	Записная книга продажных цен на товары (отрывок – 1 л.)	1452	1	55
1716, нояб.–дек.	Приходные книги Московской Большой, Померной и Мытенной таможен и Мелочной палаты канцелярского, хомутного и других сборов	273	1, ч. 8	32 881
1717, нояб.–дек.	Приходные книги Московской Большой, Померной и Мытенной таможен и Мелочной палаты канцелярского, хомутного и других сборов	273	1, ч. 8	32 882
1719	Приходная книга сбора пошлин за продажный скот	1452	1	62
1719	Приходная книга сбора пошлин за продажный скот (часть)	1452	1	79
1721	Записная книга продажи хмеля	1452	1	15
1723	Книга Померной таможи	273	1, ч. 8	32 783
1723	Приходная книга сбора пошлин с подрядного хлеба житных дворов (отрывок – 1 л.)	1452	1	56
1726	Записная книга явленных товаров по отпускным и зачетным выписям	273	1, ч. 8	32 788
1726	Записная книга привозных и сибирских товаров	273	1, ч. 8	32 789
1726	Записная книга российских привозных товаров московских жителей	273	1, ч. 8	32 790
1728 сент.–дек.	Записная книга Померной таможи для сбора привозного продажного хлеба ⁷	273	1, ч. 8	32 791
1731, 12 сент.–1 дек.	Книга Померной таможи	273	1, ч. 8	32 793
1731, дек.–1732, 1 янв.	Книга Померной таможи	273	1, ч. 8	32 794
1731–1732	Книга Померной таможи	273	1, ч. 8	32 795

⁷ Датировка и название уточнены по: Кафенгауз Б.Б. Очерки... С. 239.

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Москва				
1735	Книга Московской Большой таможи	273	1, ч. 8	32 796
1735, январь– ноябрь.	Книга Померной таможи	273	1, ч. 8	32 797
1735– 1736	Приходная книга сбора пошлин с явленных товаров	1452	1	24
1736	Записная книга разных товаров московской покупки	273	1, ч. 8	32 799
1736, январь–октябрь.	Записная книга торговли скотом	273	1, ч. 8	32 798
1737	Книга Померной таможи	273	1, ч. 8	32 800
1737	Книга Московской Большой таможи	273	1, ч. 8	32 801
1737	Книга Померной таможи	273	1, ч. 8	32 803
1737	Записная книга китайских и сибирских товаров Московской Большой таможи	273	1, ч. 8	32 804
1737	Записная книга привозным иностранным товарам Московской Большой таможи	273	1, ч. 8	32 805
1737	Записная книга китайских и сибирских товаров Московской Большой таможи	273	1, ч. 8	32 806
1737	Отпускная книга товарам московской лавочной покупки Московской Большой таможи	273	1, ч. 8	32 807
1737, январь.	Записная книга продажи привозного табака	1452	1	26
1737, апрель– ноябрь.	Записная книга “на привоз в Москву хлеба стругами” ⁸	273	1, ч. 8	32 808
1737– 1738	Записная книга спускным с Гостиного двора товарам с ярлыками	273	1, ч. 8	32 802
1738	Записная книга Московской Большой таможи сбора оброчных денег на Соляном рыбном дворе и ввозных денег с разных рыбных припасов	273	1, ч. 8	32 809
1738	Записная книга привозным иностранным товарам Московской Большой таможи	273	1, ч. 8	32 810
1738	Записная книга привозным китайским и сибирским товарам	273	1, ч. 8	32 812
1738	Записная книга привозных российских товаров	273	1, ч. 8	32 813

⁸ Название уточнено по: Кафенгауз Б.Б. Очерки... С. 255.

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Москва				
1738	Отъясочная книга Московской Большой таможни	273	1, ч. 8	32 815
1738	Книги Московской Большой таможни: записная высьпным деньгам из ящиков; мелочного расхода; взносов таможенного сбора в Московскую рейтерию	273	1, ч. 8	32 817
1738	Приходная книга Московской Большой таможни сбора пошлинных денег	273	1, ч. 8	32 924
1738, февр.	Записная книга сбора пошлин за привозные товары	1452	1	28
1739	Записная книга российских привозных товаров Московской Большой таможни	273	1, ч. 8	32 818
1739	Записная книга привозных иностранных товаров Московской Большой таможни	273	1, ч. 8	32 819
1739	Приходо-расходная книга Табачной таможни проданным голландским курительным трубкам	273	1, ч. 8	32 820
1739	Записная книга Московской Большой таможни отпускным из Москвы фабричным российским товарам	273	1, ч. 8	32 821
1739	Записная книга разным товарам, явленным без выписей	273	1, ч. 8	32 822
1740	Записная книга Московской Большой таможни явленным деньгам иногородних жителей	273	1, ч. 8	32 823
1740	Записная книга Московской Большой таможни привозным и отпускным иностранным товарам	273	1, ч. 8	32 824
1740	Записная книга Московской Большой таможни привозным китайским и сибирским товарам	273	1, ч. 8	32 825
1740	Записная книга Московской Большой таможни привозным китайским и сибирским товарам	273	1, ч. 8	32 826
1740	Записная книга Московской Большой таможни привозным российским товарам	273	1, ч. 8	32 827
1740	Записная книга Московской Большой таможни привозным астраханским и персидским товарам	273	1, ч. 8	32 828
1740	Записная книга Московской Большой таможни явленным деньгам иногородних жителей	273	1, ч. 8	32 829

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Москва				
1740	Приходная книга сбора пошлин с подрядчиков за провоз казенных и частных товаров из Москвы до Петербурга	1452	1	74
1741	Записная книга Московской Большой таможи привозным иностранным товарам	273	1, ч. 8	32 830
1741	Записная книга Московской Большой таможи привозным иностранным товарам	273	1, ч. 8	32 831
1741	Записная книга Московской Большой таможи привозному табаку	273	1, ч. 8	32 832
1741	Записная книга Московской Большой таможи высыпкам из ящиков и взятия с откупщиков других сборов	273	1, ч. 8	32 833
1741–1742	Записная книга Московской Большой таможи отпущенным с Гостиного двора товарам и данным на них ярлыкам	273	1, ч. 8	32 834
1742	Записная книга Московской Большой таможи оставшимся товарам	273	1, ч. 8	32 835
1742	Записная книга Московской Большой таможи явленным деньгам иногородних жителей	273	1, ч. 8	32 836
1742	Записная книга Московской Большой таможи высыпкам из ящиков и взятия с откупщиков других сборов	273	1, ч. 8	32 839
1742, янв.–окт.	Записная книга Московской Большой таможи привозным китайским и сибирским товарам	273	1, ч. 8	32 837
1743	Отъясочная книга Московской Большой таможи остальным товарам	273	1, ч. 8	32 840
1743	Записная книга Московской Большой таможи привозному табаку	273	1, ч. 8	32 842
1743	Приходная книга Московской хомутной таможи сбора с найма извозчиков	273	1, ч. 8	32 844
1743	Записная книга Московской Большой таможи сбора с камня жернового, с извести и с сала московского бою	273	1, ч. 8	32 846
1743	Записная книга Московской Большой таможи привозным иностранным товарам	273	1, ч. 8	32 847
1743	Записная книга Московской Большой таможи привозным китайским и сибирским товарам	273	1, ч. 8	32 848
1744	Записная книга Московской Большой таможи оставшимся товарам	273	1, ч. 8	32 843

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Москва				
1744	Записная книга Московской Большой таможни привозным российским товарам	273	1, ч. 8	32 849
1744	Записная книга Табачной таможни продажным курительным трубкам	273	1, ч. 8	32 850
1744	Записная книга Московской Большой таможни покупным в Москве и Московском у. садам с яблонями и грушами	273	1, ч. 8	32 851
1747, нояб.	Записная книга сбора пошлин за привозные продажные товары (отрывок)	1452	1	45
1749, янв.	Записная книга сбора пошлин за покупных лошадей	1452	1	71
1750	Записная книга Табачной таможни продажным курительным трубкам	273	1, ч. 8	32 853
1750, янв.–март	Приходная книга пошлинного сбора Московской хомутной таможни	273	1, ч. 8	32 935
1756, янв.	Записная книга Даниловской заставы о провозных в Москву и из Москвы товарах	1452	1	52
1764	Приходная книга сбора пошлин за привозное продажное зерно (отрывок – 3 л.)	1452	1	61
1771	Книга конских пошлин	273	1, ч. 8	32 854
б/д	Записная книга о провозе вина через московские заставы по пропускным выписям частных лиц	1452	1	53
б/д	Приходная книга сбора пошлин за продажный скот	1452	1	69
Мошенская таможня (Каргопольский у.)				
1740	Расходная книга	829	1	1085-а
1746	Приходная книга таможенных пошлин с явленных денег и товаров	829	1	1086
1746	Отпускная книга товарам	829	1	1087
1746	Приходная книга таможенных пошлин с явочных мелочных товаров	829	1	1088
1747	Приходная книга таможенных пошлин с явленных денег и товаров	829	1	1090
1748	Приходная книга таможенных пошлин с явленных денег и товаров	829	1	1092
1748	Приходная книга таможенных пошлин с отпускных товаров	829	1	1093
1748	Приходная книга с таможенных выписей	829	1	1095

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Мурашкино, с. (Нижегородский у.)				
1712	Приходная книга таможенных пошлин и канцелярских сборов; книга продажи вина, пива и сбора питейной прибыли	829	1	1127
Муром				
1720	Книга записи денежного сбора (таможенного, кабацкого, с рыбных ловель, домовых бань и др.)	273	1, ч. 8	32 677
Мценск				
1712	Книга продажи вина, пива, меда и сбора питейной прибыли; приходная книга таможенных пошлин и канцелярского сбора; книга продажи табака; приходные книги конских и крепостных пошлин	829	1	1131
1741	Приходная книга таможенных пошлин с мелочных товаров	829	1	1134
1741	Записная книга сбора таможенных пошлин с явленных денег и товаров	829	1	1136
1742	Приходная книга таможенных пошлин мелочного сбора	829	1	1139
1742	Приходная книга пошлин с покупных плавных судов	829	1	1140
1742	Записная книга сбора таможенных пошлин с явленных денег и покупных товаров	829	1	1141
1742	Явочная книга российских товаров	829	1	1142
1743	Книга сбора пошлин с покупных плавных судов	829	1	1143
1743	Записная книга сбора таможенных пошлин с явленных денег и покупных товаров	829	1	1145
1743	Приходная книга таможенных пошлин с отпускных товаров мценских жителей	829	1	1146
1743	Приходная книга таможенных пошлин с явленных денег и покупных товаров	829	1	1147
1744	Записная книга сбора пошлин с весовых товаров	829	1	1148
1744	Приходная книга таможенных пошлин с явленных денег и покупных товаров	829	1	1149
1744	Приходная книга таможенных пошлин с явленных товаров	829	1	1150
1744	Расходная книга	829	1	1151

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Мценск				
1747	Записная книга отпуска хлеба и товаров мценских жителей	829	1	1152
1747	Отпускная книга товаров мценских жителей	829	1	1153
1747	Приходная книга таможенных пошлин с явленных денег и покупных товаров	829	1	1154
1747	Приходная книга таможенных пошлин с явленных товаров	829	1	1155
1748	Приходная книга таможенных пошлин по отпускным выписям из других городов	829	1	1156
1748	Записная книга таможенных пошлин с отпускных товаров мценских жителей	829	1	1158
1748	Записная книга отпускным товарам на явленные деньги	829	1	1171
1750	Записная книга отпуска товаров мценских жителей	829	1	1160
1750, январь–сентябрь	Записная книга сбора таможенных пошлин с явленных товаров по отпускным и зачетным выписям	829	1	1162
1750, сентябрь–декабрь	Записная книга сбора таможенных пошлин с явленных товаров по отпускным и зачетным выписям	829	1	1161
1751, январь–октябрь	Записная отпускная книга товарам иногородних жителей на явленные деньги	829	1	1163
1751, октябрь–декабрь	Записная отпускная книга товарам иногородних жителей на явленные деньги	829	1	1164
1751	Записная книга таможенных пошлин с явленных денег и покупных товаров	829	1	1165
1751	Записная книга явленных товаров по отпускным и зачетным выписям	829	1	1166
1751	Записная книга отпускных товаров мценских жителей	829	1	1167
1752	Записная книга отпускных товаров иногородних жителей	829	1	1168
1752	Записная книга отпускных товаров мценских жителей	829	1	1169
1752	Записная книга явленных денег и покупных товаров	829	1	1170
Недельное, с. (Оболенский у.)				
1730-е гг.	Приходная книга таможенных пошлин с мелочных товаров	829	1	1349

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Нижний Новгород				
1711	Книга записи явленных товаров	829	1	1206
1722	Записные книги: с найма подвод и судов; отвального и привального сбора; похомутного сбора; о пропуске по выписям до С.-Петербурга по С.-Петербургской дороге купецких людей беспощинно	273	1, ч. 8	32 855
1730	Записная книга конских пошлин	273	1, ч. 8	32 856
1730	Записная книга явленным товарам собственного производства	273	1, ч. 8	32 857
Новгород				
1714	Таможенная книга	273	1, ч. 8	32 858
1718	Книга записи денежного сбора (таможенного, кабацкого, с рыбных ловель, домовых бань и др.)	273	1, ч. 8	32 669
Новое Усолье, с. (Соликамский у.)				
1708	Записные книги сбора таможенных и конских пошлин; расходная книга по Новому Усолюю и Орлову городку	829	1	1707
1733	Расходная книга	829	1	1285
1733	Приходная книга таможенных пошлин с товаров	829	1	1286
1733	Приходная книга накладных таможенных сборов	829	1	1287
1733	Приходная книга конских пошлин	829	1	1289
1734	Приходная книга таможенных пошлин с товаров	829	1	1290
1734	Приходная книга конских пошлин	829	1	1291
1735	Приходная книга накладных таможенных сборов	829	1	1292
1735	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	1294
1737	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	1296
1743	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	1297
1745	Приходная книга конских пошлин	829	1	1299
Новосиль				
1732	Приходная книга таможенного и канцелярского сбора	829	1	1247
1733	Приходная книга таможенного и канцелярского сбора	829	1	1248
1733	Расходная книга	829	1	1249

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Новосиль				
1734	Приходная книга таможенного и канцелярского сбора	829	1	1250
1735	Приходная книга таможенного и канцелярского сбора	829	1	1252
1736	Приходная книга таможенного и канцелярского сбора	829	1	1253
1738	Приходная книга таможенного и канцелярского сбора	829	1	1254
1742	Приходная книга таможенного и канцелярского сбора	829	1	1255
1742	Приходная книга таможенного и канцелярского сбора	829	1	1256
1745, янв.–май	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	1257
1745, июнь–дек.	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	1259
1745	Приходная книга конских пошлин	829	1	1258
1748, янв.–сент.	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	1260
1748, окт.–дек.	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	1261
1749	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	1262
1749	Приходная книга конских пошлин	829	1	1263
1750, июнь–дек.	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	1264
1751, сент.–дек.	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	1265
Нолинское, с.				
1736	Книга сбора таможенных пошлин с товаров	829	1	1302
1737	Книга сбора таможенных пошлин с товаров	829	1	1303
1739	Книга сбора таможенных пошлин с товаров	829	1	1304
1740	Книга сбора таможенных пошлин с товаров	829	1	1305
1742	Книга отпускная товаров на явленные деньги	829	1	1306
1742	Книга сбора таможенных пошлин с явленных денег на покупку товаров	829	1	1308
1743	Приходная книга канцелярского сбора с весчих товаров	829	1	1309

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Нолинское, с.				
1744	Приходная книга таможенных сборов с товаров	829	1	1311
1744	Приходная книга канцелярского сбора с отвалных судов	829	1	1312
1744	Книга отпускная товаров на явленные деньги	829	1	1313
1744	Книга сбора пошлин с явленных денег на покупку товаров	829	1	1314
1745	Приходная книга таможенных пошлин с товаров	829	1	1315
1745	Приходная книга канцелярского сбора с весчих товаров	829	1	1316
1745	Приходная книга канцелярского сбора с отвалных судов	829	1	1317
1745	Книга сбора пошлин с явленных денег на покупку товаров	829	1	1318
1745	Книга отпускная товаров хлыновских купцов	829	1	1319
1745	Книга отпускная товаров на явленные деньги (без текста)	829	1	1320
1746	Приходная книга канцелярского сбора с весчих товаров	829	1	1322
1747	Приходная книга таможенных пошлин с товаров	829	1	1323
1747	Приходная книга канцелярского сбора с отвалных судов	829	1	1324
1747	Книга сбора пошлин с явленных денег на покупку товаров	829	1	1325
1748	Книга приходная пошлин с отвалных судов	829	1	1327
1748	Книга отпускная товаров на явленные деньги	829	1	1328
1751	Приходная книга таможенных и канцелярских сборов	829	1	1330
1751	Приходная книга таможенных пошлин с товаров	829	1	1331
1751	Приходная книга канцелярского сбора с весчих товаров	829	1	1332
1751	Приходная книга пошлин с явленных денег на покупку товаров	829	1	1333
1755	Приходная книга конских пошлин	829	1	1335
1757	Книга отпускная товаров на явленные деньги	829	1	1336

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Олонец				
1739	Отпускная книга покупных товаров на явленные деньги	829	1	1353
1739	Записная торговая книга из явки российских товаров, торгам и оценке	829	1	1354
1740	Записная книга явленных товаров	829	1	1355
Орлов				
1735	Приходные книги таможенного, канцелярского и питейного сборов; приходные книги таможенных пошлин Пестеровского и Пышатского караулов	829	1	1359
1736	Приходные и расходные книги таможенного, канцелярского и питейного сборов	829	1	1362
1737	Приходные и расходные книги таможенного, канцелярского и питейного сборов	829	1	1363
1737	Записная книга о пропуске хлеба и других товаров через Лецкой караул	829	1	1365
1737	Приходные и расходные книги таможенного, канцелярского и питейного сборов	829	1	1371
1740	Приходные и расходные книги таможенного, канцелярского и питейного сборов	829	1	1367
1741	Приходные и расходные книги таможенного, канцелярского и питейного сборов	829	1	1369
1742	Записная книга сбора таможенных пошлин с провозимого хлеба Пышатского караула	829	1	1370
1743	Приходные и расходные книги таможенного, канцелярского и питейного сборов	829	1	1372
1744	Приходные книги таможенного, канцелярского и питейного сборов	829	1	1374
1746	Приходные книги конских пошлин и других канцелярских сборов	829	1	1384-a
1747	Приходная и расходная книги таможенных пошлин с товаров	829	1	1377
1748	Приходная и расходная книги таможенных пошлин с товаров	829	1	1382
1748	Приходные книги конских пошлин и других канцелярских сборов	829	1	1383

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Орлов				
1748	Записная книга сбора таможенных пошлин Пестеровского караула	829	1	1385
1749	Приходная и расходная книги таможенных пошлин с товаров	829	1	1386
1749	Книга сбора конских пошлин и других канцелярских сборов	829	1	1387
1750	Книга сбора конских пошлин и других канцелярских сборов	829	1	1389
1751	Книга сбора конских пошлин и других канцелярских сборов	829	1	1391
1751	Записная книга сбора таможенных пошлин Пышатского караула	829	1	1392
1751	Записная книга сбора таможенных пошлин Пестеровского караула	829	1	1393
1752	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	1395
1752	Записная книга сбора конских пошлин	829	1	1397
1752	Записная книга сбора таможенных пошлин Пышатского караула	829	1	1400
1752	Записная книга сбора конских пошлин	829	1	1401
1752	Расходная книга	829	1	1402
1753	Записная книга сбора таможенных пошлин Пышатского караула	829	1	1403
1753	Записная книга сбора таможенных пошлин Пестеровского караула	829	1	1404
1753	Записная книга сбора пошлин с рыбы и икры	829	1	1406
1753	Записная книга сбора конских пошлин	829	1	1407
1753	Расходная книга	829	1	1408
1754	Записная книга сбора конских пошлин	829	1	1411
1754	Расходная книга	829	1	1412
Острогожск				
1709	Записная книга сбора таможенных пошлин с товаров	829	1	1434
Оптинский погост (Оловецкий у.)				
1739	Отпускная книга товаров	829	1	1436
1739	Книга записи оборотных выписей на явленные деньги	829	1	1437
1739	Явочная книга товаров	829	1	1438
1739	Записная книга сбора конских пошлин	829	1	1439
1739	Отпускная книга товаров	829	1	1440

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Павлово, с. (Нижегородский у.)				
1712	Приходные книги таможенных пошлин с явленных и отпускных товаров и денег; оброчная книга; приходные и расходные книги вина, пива и питейной прибыли	829	1	1450
Павловск (Осеред) (Воронежская губ.)				
1714	Записная книга сбора таможенных пошлин	829	1	1429
1736	Записная книга явленных товаров	829	1	1442
1736	Записная книга отпускных товаров	829	1	1443
1736	Записная книга оборотных выписей на явленные деньги	829	1	1444
1736	Расходная книга	829	1	1445
1751	Записная книга отпускных товаров	829	1	1446
1752	Записная книга отпускных товаров	829	1	1448
1753	Записная книга отпускным выписям и явленным деньгам на покупку товаров	829	1	1449
Пенза				
1720	Книга записи денежного сбора (таможенного, кабацкого, с рыбных ловель, домовых бань и др.)	273	1, ч. 8	32 674
Переславль-Залесская провинция				
1731	Приходная книга конского сбора	273	1, ч. 8	32 906
Переславль-Залесский				
1731	Таможенная книга	273	1, ч. 8	32 859
Переяславль-Рязанская провинция				
1735	Приходная книга конского сбора	273	1, ч. 8	32 910
Пертома, с. (Пошехонский у.)				
1755	Конская книга	273	1, ч. 8	32 860
1755	Конская книга	273	1, ч. 8	32 861
Петровск				
1760	Приходная книга сбора конских пошлин	273	1, ч. 8	32 949

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Петрозаводск				
1739	Явочная книга российским товарам	829	1	1469
1739	Записная книга таможенных пошлин с явочных товаров	829	1	1470
1739	Приходная книга конских пошлин	829	1	1471
Плес				
1737, апр.–окт.	Записная книга пропусков лесов	273	1, ч. 8	32 862
Повенец				
1739	Записная книга конских пошлин	829	1	1479
Погостская таможня (Муромский у.)				
1741	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	1486
1741	Приходная книга таможенных пошлин с товаров, купленных на явленные деньги	829	1	1487
Пошехонье				
1724	Приходная книга таможенных пошлин с явленных денег и товаров	829	1	1485
1734	Конская книга	273	1, ч. 8	32 864
1735	Приходная книга таможенного и кабацкого сбора по Пошехонской воеводской канцелярии	273	1, ч. 8	32 909
1735	Приходная книга таможенного, кабацкого и канцелярского сбора по Пошехонской воеводской канцелярии	273	1, ч. 8	32 914
Псков				
1749	Записная книга товаров, явленных русскими купцами	1600	1	7
Пудож				
1739	Явочная книга российских товаров	829	1	1495
1739	Приходная книга таможенных пошлин с явочных денег	829	1	1496
1739	Приходная книга таможенных пошлин с явочных товаров	829	1	1497

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Пурдышки, с., Тыренская сл. (Шацкий у.)				
1715	Книга сбора таможенных пошлин по с. Пурдышки	829	1	1922
1711	Книги сбора конских пошлин, продажи вина, меда и сбора питейной прибыли в с. Пурдышки; книга сбора таможенных пошлин в Тыренской слободе	829	1	1919
Путивль, Недрыгайлов и Каменный				
1713	Записная книга сбора денег с продажи английского и черкасского табака по Путивлю, Недрыгайлову и Каменному	829	1	1509
1716	Приходные книги таможенных, кабацких, перевозных и табачных денег по Путивлю, Недрыгайлову и Каменному	829	1	1512
1754	Приходная книга таможенного, кабацкого и канцелярского сбора по Путивльской воеводской канцелярии	273	1, ч. 8	32 941
Рогнедино, с. (Брянский у.)				
1722	Приходные книги таможенных пошлин и питейной прибыли	829	1	1599
1724	Приходные книги таможенных пошлин и питейной прибыли	829	1	1600
1733	Расходная книга	829	1	1601
Романов				
1712	Приходные книги таможенных пошлин и питейной прибыли	829	1	1603
1739	Расходная книга	829	1	1605
Рыбная слобода (Ярославский у.)				
1734	Приходная книга сбора пошлин с торговых людей за проданные товары	1427	1	14
Рыльск				
1731	Таможенная книга	273	1, ч. 8	32 874
Санкт-Петербург				
1719	Книга явки остальым и привозным с кораблей заморским товарам "Аглинской земли купца Франса Иванова сына Морлей"	273	1, ч. 8	32 871
1722	Книга явки остальых от 1721 г. на иноземном гостином дворе товаров гамбургцев Петра Конова и Франса Поппа и покупки ими русских товаров	273	1, ч. 8	32 872

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Саранск				
1720	Книга записи денежного сбора (таможенного, кабацкого, с рыбных ловель, домовых бань и др.)	273	1, ч. 8	32 673
Сасово, с. (Шацкий у.)				
1748	Книга сбора отвалных и привальных денег	829	1	1932
1751	Записная книга сбора таможенных пошлин с товаров, купленных на явленные деньги	829	1	1652
Свинская ярмарка				
1721	Конская книга	273	1, ч. 8	32 863
1725, авг.	Приходная книга записи таможенного сбора ⁹	273	1, ч. 8	32 894
Святнаволоцкая Лопская таможня (Олонецкий у.)				
1739	Отпускная книга российских товаров	829	1	1658
1739	Отпускная книга покупных товаров на явленные деньги	829	1	1659
1739	Приходная книга пошлин с явленных денег	829	1	1660
1739	Книга оборотным выписям на явленные деньги	829	1	1661
Севск				
1723	Записная книга таможенных сборов с явленных товаров	1417	1	4
1725	Записная книга таможенных сборов с явленных товаров	1417	1	6
1742	Записная книга отпускных товаров	1417	1	28
1742	Записная книга покупных товаров на явленные деньги	1417	1	29
1742	Приходная книга пошлинных денег с отпускных товаров	1417	1	30
1742	Приходная книга пошлинных денег с мелочных безвыписных товаров	1417	1	31
1742	Приходная книга пошлинных денег с явленного табака	1417	1	32
1743	Записная книга явленных товаров	1417	1	38

⁹ В архивной описи ошибочно значится как путивльская. См.: *Мальшева И.А.* Указ. соч. С. 32.

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Севск				
1743	Записная книга провозных товаров с Украины в Россию	1417	1	39
1743	Записная книга покупных товаров на явленные деньги	1417	1	40
1743	Приходная книга пошлинных денег с мелочных безвыписных товаров	1417	1	41
1743	Приходная книга пошлинных денег с мелочных безвыписных товаров	1417	1	42
1747	Приходная книга пошлинных денег с провозных товаров из России на Украину и для продажи в Севске	1417	1	52
1748	Записная книга привозных товаров для продажи в Севске	1417	1	56
1748	Записная книга провозных товаров из России на Украину	1417	1	57
1748	Записная книга провозных товаров с Украины в Россию	1417	1	58
Серпухов				
1736	Записная книга явленным российским товарам	273	1, ч. 8	32 865
1736	Записная книга проданным российским товарам	273	1, ч. 8	32 866
1736	Записная книга явленных товаров	1418	1	3
1736	Записная книга явленных товаров	1418	1	3-а
1736	Записная книга оборотным выписям на отпускные товары	1418	1	57
1737	Записная книга явленных товаров	1418	1	9
1737	Записная книга мелочных расходов	1418	1	10
1737	Записная книга явленных товаров	1418	1	11
1737	Приходная книга таможенных сборов за явленные товары	1418	1	12
1737	Отпускная книга товаров	1418	1	13
1737	Записная книга явленных товаров	1418	1	14
1737	Отпускная книга товаров	1418	1	15
1737	Записная книга явленных товаров	1418	1	16
1737	Записная книга явленных товаров	1418	1	17
1737	Записная книга явленных товаров	1418	1	20
1737	Приходная книга канцелярских сборов	1418	1	26
1737	Записная книга явленных товаров	1418	1	27

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Серпухов				
1738	Записная книга явленных товаров	1418	1	29
1742	Записная книга конских пошлин	1418	1	33
1742	Записная книга явленных товаров	1418	1	34
1743	Записная книга конских сборов	1418	1	35
1743	Записная книга конских сборов	1418	1	36
1745	Приходная книга таможенных и канцелярских сборов	1418	1	37
1745	Приходная книга таможенных и канцелярских сборов	1418	1	38
1746	Приходная книга канцелярских сборов	1418	1	39
1746	Записная книга таможенных пошлин с явленных товаров	1418	1	40
1748	Приходная книга канцелярских сборов	1418	1	41
1749	Записная книга конских пошлин	1418	1	42
1749	Записная книга таможенных и канцелярских сборов	1418	1	43
1749	Записная книга таможенных пошлин	1418	1	44
1749	Записная книга конских пошлин	1418	1	45
1750	Записная книга таможенных, кабацких и конских пошлин	1418	1	46
1751	Записная книга таможенных и канцелярских сборов	1418	1	47
1751	Записная книга конских пошлин	1418	1	48
1751	Книга на записку пошлин с явленных товаров	1418	1	49
1751	Записная книга таможенных сборов	1418	1	50
1753	Записная книга таможенных сборов	1418	1	51
1753	Записная книга канцелярских сборов	1418	1	52
1753	Записная книга конских пошлин	1418	1	53
1753	Записная книга таможенных пошлин с явленных товаров	1418	1	54
1753	Записная книга таможенных пошлин	1418	1	55
Сидоровское, с. (Костромской у.)				
1721	Таможенная книга	273	1, ч. 8	32 867
Скопин				
1730	Приходная книга таможенных сборов	273	1, ч. 8	32 902

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Солигалич				
1720–1722	Записная книга отпускных таможенных выписей на товары Солигалича и пригорода Судая	829	1	1681
Соликамск				
1710	Книга записная сбора таможенных пошлин	829	1	1683
1729	Записная книга отпускным товарам	829	1	1685
1731	Записная книга сбора накладных таможенных пошлин	829	1	1686
1733	Записная книга явочных товаров и денег	829	1	1687
1733	Записная книга отпускным товарам	829	1	1688
1733	Записная книга сбора конских пошлин	829	1	1689
1734	Записная книга отпускных товаров	829	1	1690
1734	Приходная книга таможенных пошлин с товаров	829	1	1691
1734	Записная книга сбора накладных таможенных пошлин	829	1	1693
1734	Записная книга сбора конских пошлин	829	1	1694
1735	Записная книга отпускным товарам	829	1	1695
1736	Записная книга явочных товаров	829	1	1696
1736	Записная книга сбора таможенных пошлин с проданных товаров	829	1	1697
1736	Записная книга сбора накладных таможенных пошлин	829	1	1698
1736	Записная книга весчих, привальных и других канцелярских сборов	829	1	1699
1736	Записная книга сбора конских пошлин	829	1	1700
1745	Записная книга сбора таможенных пошлин с проданных товаров	829	1	1703
Сольвычегодск¹⁰				
1715	Книга оставшимся от 1714 к 1715 г. у жителей Сольвычегодска и уезда разным товарам, явленным на таможенном и кружечном дворе	695	1	24

¹⁰ В фондах 1419 и 695 по Сольвычегодску сохранились также так называемые счетные выписки, близкие по своему назначению и содержанию к собственно таможенным книгам. К ним относятся: счетные выписки о таможенных, кабацких и канцелярских сборах за 1744, 1745, 1746, 1747, 1748, 1749, 1750, 1751, 1752, 1755 гг. (Ф. 1419. Оп. 1. Ед. хр. (соответственно) 46, 56, 9, 18, 77, 92, 103, 116, 30; Ф. 695. Оп. 1. Ед. хр. 1395); счетные выписки о конских пошлинах за 1730, 1733, 1734, 1735, 1756, 1757, 1758, 1759 гг. (Ф. 695. Оп. 1. Ед. хр. 773, 1020, 1036, 1044, 1424, 1448, 1470, 1492); счетные выписки о конских и других пошлинах за 1737, 1739, 1743, 1744, 1745, 1746, 1747, 1748, 1749, 1750, 1754, 1760, 1761, 1767 гг.; к выпискам за 1737, 1744 и 1746 гг. приложены также книги соответствующих сборов (Там же. Ед. хр. 1063, 1083, 1109, 1128, 1162, 1186, 1203, 1225, 1245, 1258, 1366, 1517, 1537, 1685); счетные выписки о сборе разного рода пошлин (в том числе, по-видимому, и конских) за 1751, 1752, 1763, 1768, 1771, 1772, 1773 гг. (Там же. Ед. хр. 1292, 1321, 1584, 1690, 1782, 1824, 1835).

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Сольвычегодск				
1716	Книга по сбору пошлин с конской площадки	695	1	86
1719	Книга о сборе конных пошлинных денег	695	1	238
1722	Книга разных сборов	273	1, ч. 8	32 868
1722	Записная книга явленных товаров	273	1, ч. 8	32 869
1722	Книга о высыпках пошлин на кружечном дворе и таможене	695	1	417
1723	Таможенная книга Сольвычегодска и Лальска	273	1, ч. 8	32 870
1735	Книга по сбору конских и других пошлин	695	1	796
1736	Книга о конских и десятой доли извозничьих пошлинах	695	1	1054
1737	Книга по сбору конских и других пошлин	695	1	1061
1739	Книга конских и других пошлин (в 2 экз.)	695	1	820
1739	Книга о сборе конских пошлин (копия)	695	1	1082
1739	Записная книга всех явленных товаров	1419	1	165
1743	Книга о конских пошлинах	695	1	1106
1743	Книга о таможенных высыпках	695	1	1110
1743	Книга о пошлинах, взысканных с разных товаров по оценке оных	1419	1	3
1743	Книга о пошлинах (в 4 т.)	1419	1	4
1743	Книга о явках оставшихся товаров для осмотра и об отпуске оных в другие города для продажи	1419	1	38
1743	Книга о привозном табаке, о таможенных и кабацких расходах	1419	1	39
1744	Книга о таможенных высыпках	695	1	1130
1744	Книга на записку товаров, явленных для осмотра и об отпуске оных из явки	1419	1	41
1744	Книга об оценке товаров и взятии пошлин	1419	1	42

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Сольвычегодск				
1744	Книга оборотных и платежных выписей (в 3 т.)	1419	1	43
1744	Книга о явленных деньгах и о взыскании с оных пошлин (в 3 т.)	1419	1	44
1744	Книга о привозном табаке (в 3 т.)	1419	1	45
1744	Книга о месячной высылке денег из казенных ящичков	1419	1	49
1745	Книга о таможенных, кабацких и канцелярских сборах	695	1	825
1745	Книга о конских и других пошлинах	695	1	1160
1745	Книга о пошлинах, взысканных с явочных товаров	1419	1	51
1745	Книга о ящичном мелочном сборе	1419	1	52
1745	Книга о явленных деньгах и взятых с оных пошлин (в 3 т.)	1419	1	53
1745	Книга оборотных и платежных выписей (в 2 т.)	1419	1	54
1745	Книга картяной продажи (в 3 т.)	1419	1	55
1746	Книга о сборе конских пошлин	695	1	1183
1746	Книга о таможенных высыпках	695	1	1188
1746	Книга о явке товаров, об их осмотре и отпуске из явки (в 2 т.)	1419	1	58
1746	Книга о явке денег и о взыскании с оных пошлин (в 3 т.)	1419	1	59
1746	Книга на записку явленных товаров, об оценке оных и о взыскании пошлин	1419	1	60
1746	Книга о ящичном мелочном сборе	1419	1	61
1746	Книга оборотным платежным выписям и о покупке кожи и сала говяжьего сырцу (в 2 т.)	1419	1	62
1747	Книга о сборе конских и других пошлин (в 2 т.)	695	1	1201
1747	Книга о высылке таможенных и кабацких сборов	1419	1	17
1747	Книга на записку явленных товаров для осмотра (в 2 т.)	1419	1	63
1747	Книга об оценке товаров и взыскании с оных пошлин	1419	1	64
1747	Книга оборотных платежных выписей (в 2 т.)	1419	1	65
1747	Книга о явленных деньгах из явки оных и взыскании пошлин (в 3 т.)	1419	1	66

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Сольвычегодск				
1747	Книга о карточной продаже (в 3 т.)	1419	1	67
1747	Книга о ящичной мелочной продаже	1419	1	68
1748	Книга на записку конских пошлин	695	1	1223
1748	Книга о явке товаров для просмотра	1419	1	70
1748	Книга об оценке товаров и о взыскании пошлин	1419	1	71
1748	Книга оборотных платежных выписей (в 2 т.)	1419	1	72
1748	Книга о взыскании пошлин с явленных денег (в 3 т.)	1419	1	73
1748	Книга об отпуске товаров из явки оных	1419	1	74
1748	Книга о картяной продаже (в 3 т.)	1419	1	75
1748	Книга о ящичном мелочном сборе	1419	1	76
1748	Книга о высыпке разного рода таможенных сборов	1419	1	80
1749	Книга о конских пошлинах	695	1	1243
1749	Книга о явке товаров и об осмотре оных	1419	1	81
1749	Книга на записку товаров по явке оных, о сделании оценки и о взыскании пошлин	1419	1	82
1749	Книга предъявленным деньгам для покупки товаров и о взыскании с них пошлин (в 3 т.)	1419	1	83
1749	Книга оборотных платежных выписей	1419	1	84
1749	Книга на записку кож и сала говяжьего сырцу	1419	1	85
1749	Книга о картяной продаже и питейных расходах	1419	1	86
1749	Книга об отпуске товаров из явки	1419	1	87
1749	Книга о проверке таможенных пошлин ежемесячно	1419	1	88
1749	Книга о таможенном мелочном сборе	1419	1	89
1749	Книга о привозном табаке и таможенных расходах	1419	1	90
1750	Книга о явке товаров для осмотра оных	1419	1	96
1750	Книга о возвращении товаров по освидетельствовании оных, о сделании расценки и о взыскании пошлин	1419	1	97
1750	Книга оборотных платежных выписей	1419	1	98

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Сольвычегодск				
1750	Книга о явке денег на покупку товаров и о взятии с оных пошлин (в 3 т.)	1419	1	99
1750	Книга об отпуске товаров из явки	1419	1	100
1750	Книга на записку кож и сала говяжьего сырцу	1419	1	101
1750	Книга о ящичном мелочном сборе	1419	1	102
1750	Книга о высылке разного рода таможенных сборов	1419	1	104
1751	Книга по сбору разных пошлин головы конской площадки	695	1	1290
1751	Книга таможенным высыпкам	695	1	1294
1751	Книга на записку товаров, являвшихся для осмотра	1419	1	24
1751	Книга на записку товаров, выданных по освидетельствовании оных со взятием пошлин	1419	1	25
1751	Книга отпускным товарам из явки	1419	1	26
1751	Книга оборотным и платежным выписям и на записку кожи и говяжьего сала сырцу	1419	1	109
1751	Книга явленным деньгам и взятии с оных пошлин, отпускам товарам на явленные деньги и оборотным платежным выписям на явленные деньги	1419	1	110
1751	Книга ящичного мелочного сбора	1419	1	111
1751	Книга высыпная таможенным и кабацким сборам	1419	1	114
1751	Расходная книга	1419	1	115
1752	Книга на записку конских и других пошлин	695	1	1319
1752	Книга о таможенных и кабацких расходах	1419	1	29
1752	Книга на записку явленных товаров для оценки и взыскании с оных пошлин	1419	1	118
1752	Книга оборотных платежных выписей и о покупке кож и сала говяжьего сырцу	1419	1	119
1752	Книга отпускным товарам из явки	1419	1	120
1752	Явочная книга деньгам и взятии с оных пошлин, отпускам покупным товарам и оборотным платежным выписям (в 3 т.)	1419	1	121
1752	Книга о таможенных высыпках	1419	1	125

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Сольвычегодск				
1753	Книга по сбору конских пошлин	695	1	1346
1753	Книга на записку таможенных и кабацких расходов	1419	1	33
1753	Книга для явки товаров и взятии с оных пошлин	1419	1	127
1753	Явочная книга товарам и их досмотре	1419	1	128
1753	Книга оборотным платежным выписям и покупке кож и говяжьего сала сырцу	1419	1	129
1753	Книга отпускным товарам из явки	1419	1	130
1753	Книга для записки ящичного мелочного сбора	1419	1	131
1753	Книга о таможенных высыпках	1419	1	133
1754	Книга о продажных ценах на хлеб и прочие припасы	695	1	1357
1754	Книга о сборе конских пошлин	695	1	1362
1754	Книга о таможенных и кабацких расходах и о высыпке денег	1419	1	37
1755	Книга о сборе конских пошлин	695	1	1377
1756	Книга о сборе конских пошлин	695	1	1422
1757	Книга о сборе конских пошлин	695	1	1447
1758	Книга о сборе конских пошлин	695	1	1469
1759	Книга о сборе конских пошлин	695	1	1490
1760	Книга о сборе конских пошлин	695	1	1516
1761	Книга сбора конских пошлин	695	1	897
1766	Книга о сборе конских пошлин	695	1	1639
1767	Книга о сборе конских пошлин	695	1	1664
Сосновка, с. (Тамбовский у.)				
1714	Записная книга сбора таможенных пошлин	829	1	1755
1716	Приходные тетради таможенных пошлин и питейной прибыли	829	1	1762
Спаское, с. (Шацкий у.)				
1731	Книга сбора таможенных пошлин	829	1	1926
1751	Приходная книга конских пошлин	829	1	1727
Старая Русса				
1741	Расходная книга	829	1	1734
1744	Книга записи оборотных выписей на явленные деньги	829	1	1737

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Старое Сысоево, с. (Тамбовский у.)				
1714	Записная книга сбора таможенных пошлин	829	1	1754
Тамбов				
1710	Книга записная сбора таможенных пошлин с явленных товаров; книги продажи вина, пива и меда и сбора питейной прибыли	829	1	1750
1714	Записная книга сбора таможенных пошлин с явочных товаров и денег	829	1	1752
1714	Приходная книга таможенных пошлин с явочных товаров	829	1	1753
Темников				
1711	Записная книга сбора таможенных пошлин в Темникове и на Аксельском и Дубровском уездных торжках	829	1	1770
1721	Книга записи денежного сбора (таможенного, кабацкого, с рыбных ловель, домовых бань и др.)	273	1, ч. 8	32 679
Толвуйский погост				
1739	Записная книга сбора таможенных пошлин	829	1	1784
1739	Приходная таможенная книга с мелких торжков	829	1	1785
Троицкий острог				
1718	Записные книги сбора конских пошлин и десятой доли с найма извозчиков	829	1	1794
1723	Записные книги сбора таможенных пошлин и питейной прибыли	829	1	1795
Трубчевск				
1728	Записная книга отпускным товарам	1421	1	1
1728	Приходная книга денег таможенных пошлин	1421	1	2
1728	Приходная книга пошлинных денег с привозного табака	1421	1	4
1728	Приходная книга денег с найма подвод	1421	1	5
1728	Приходная книга денег канцелярских мелочных сборов	1421	1	6
1728	Приходная книга денег конских пошлин	1421	1	7

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Трубчевск				
1728	Записная книга пошлинных денег с принимаемой соли	1421	1	8
1728	Расходная книга денег кабацких и табачных пошлин	1421	1	9
1728	Расходная книга денег таможенных и канцелярских пошлин	1421	1	10
1729	Записная книга отпускным товарам	1421	1	11
1729	Приходная книга денег таможенных пошлин	1421	1	12
1729	Приходная книга пошлинных денег с привозного табака	1421	1	14
1729	Приходная книга денег с найма подвод	1421	1	15
1729	Приходная книга денег канцелярских мелочных сборов	1421	1	16
1729	Приходная книга денег конских пошлин	1421	1	17
1729	Записная книга приема соли	1421	1	19
1729	Расходная книга денег мелочных сборов	1421	1	21
1730	Записная книга на отпуск пеньки	1421	1	22
1730	Приходная книга денег таможенных пошлин	1421	1	23
1730	Приходная книга денег таможенных пошлин	1421	1	24
1730	Приходная книга с найма подвод	1421	1	26
1730	Приходная книга канцелярского мелочного сбора	1421	1	27
1730	Приходная книга конских пошлин	1421	1	28
1730	Приходная книга соли	1421	1	30
1730	Расходная книга таможенных и других сборов	1421	1	31
1740	Записная книга зачетным и отпускным выписям	1421	1	34
1740	Записная книга отпуска пеньки	1421	1	35
1740	Книга явленным деньгам и сбора с них пошлин	1421	1	36
1740	Приходная книга денег с найма подвод	1421	1	37
1740	Приходная книга канцелярского мелочного сбора	1421	1	38
1740	Приходная книга денег с продажи гербовой бумаги	1421	1	39

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Трубчевск				
1741	Книга рапортов о приходе и расходе денег (черновая)	1421	1	41
1741	Книга рапортов о приходе и расходе денег (черновая)	1421	1	42
1741	Приходо-расходная книга	1421	1	102
1743	Отпускная книга товаров	1421	1	45
1743	Записная книга зачетным выписям	1421	1	46
1743	Книга явленным деньгам и сбора с них пошлин	1421	1	47
1743	Книга рапортов о таможенных, кабацких и канцелярских сборах	1421	1	48
1743	Приходная книга денег с найма подвод	1421	1	49
1743	Приходная книга денег канцелярских мелочных сборов	1421	1	50
1743	Приходная книга денег конских пошлин	1421	1	51
1743	Расходная книга денег разных сборов	1421	1	55
1743	Записная книга сбора таможенных пошлин с отпускаемых товаров	1421	1	99
1743	Записная книга мелочного ящичного сбора	1421	1	101
1746	Приходо-расходная книга денег разных сборов (черновая)	1421	1	68
Тула¹¹				
1719, апр.–1720, дек.	Записная книга сбора конских пошлин	1422	1	2
1726	Записная книга сбора пошлин за отпускные товары	1422	1	6
1726	Записная книга сбора пошлин за продажные товары	1422	1	7
1732, янв.–июль	Записная книга сбора пошлин за отпускные товары	1422	1	9
1732, авг.–дек.	Записная книга сбора пошлин за отпускные товары	1422	1	10
1732	Записная книга сбора пошлин с мелочных товаров	1422	1	11
1732	Приходная книга сбора пошлин за наем подвод	1422	1	12

¹¹ В фонде 1422 имеется также счетная выписка пошлинных сборов с мелочных товаров за 1733 г. (Ед. хр. 16).

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Тула				
1732	Записная книга канцелярских расходов	1422	1	13
1733	Записная книга сбора пошлин с продажных товаров	1422	1	15
1734	Записная книга отпускных товаров	1422	1	22
1734, январь.– февр.	Записная книга сбора пошлин с продажных товаров	1422	1	23
1734, авг.–окт.	Записная книга сбора пошлин с продажных товаров	1422	1	24
1734, сентябрь.– ноябрь.	Записная книга сбора пошлин с продажных товаров	1422	1	25
1734	Записная книга сбора пошлин за привозной хлеб для продажи	1422	1	26
1734	Записная книга сбора пошлин за покупные товары	1422	1	27
1734	Записная книга оборотных таможенных выписей	1422	1	28
1734	Записная книга сбора пошлин с мелочных товаров	1422	1	29
1734, декабрь.–1736, январь.	Записная книга сбора пошлин за продажные товары	1422	1	30
1734– 1736	Расходная книга на покупку бумаги, свечей и других мелочных товаров	1422	1	31
1735	Записная книга сбора пошлин с мелочных безвыписных товаров	1422	1	33
1735	Записная книга сбора пошлин с оборотных выписей	1422	1	35
1735– 1736	Записная книга сбора пошлин с оборотных таможенных выписей	1422	1	32
1735– 1736	Записная книга сбора пошлин с оборотных выписей	1422	1	34
1735– 1736	Записная книга канцелярских расходов	1422	1	37
1736	Записная книга сбора пошлин с мелочных товаров	1422	1	38
1737	Записная книга сбора пошлин с продажных товаров	1422	1	39
1737	Записная книга сбора пошлин с мелочных товаров	1422	1	40
1738	Записная книга сбора пошлин с отпускных товаров	1422	1	41

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Тула				
1738	Записная книга сбора пошлин с явленных денег на покупку товаров	1422	1	42
1738	Записная книга сбора пошлин с явленных товаров	1422	1	43
1738	Записная книга сбора конских пошлин	1422	1	44
1739	Записная книга сбора пошлин с продажных товаров	1422	1	45
1739	Записная книга сбора пошлин с мелочных товаров	1422	1	46
1740	Записная книга сбора пошлин с продажных товаров	1422	1	51
1740	Записная книга сбора пошлин с покупных товаров	1422	1	52
1745	Записная книга сбора пошлин с продажных товаров	1422	1	53
1751	Записная книга сбора пошлин за отпускные товары	1422	1	56
1752	Записная книга сбора пошлин за отпускные товары	1422	1	57
1753	Записная книга сбора пошлин с отпускных товаров	1422	1	58
1753	Записная книга сбора пошлин с отпускных товаров	1422	1	59
1753	Записная книга сбора пошлин с явленных денег на покупку товаров	1422	1	60
1753	Записная книга сбора пошлин с мелочных товаров	1422	1	61
1753	Записная книга сбора пошлин с продажных товаров	1422	1	62
1753	Записная книга товаров, явленных для досмотра	1422	1	63
1753	Записная книга товаров, оставшихся непроданными	1422	1	67
1753	Расходная книга на покупку мелочных товаров	1422	1	68
1753	Записная книга сбора пошлин за привезенный для продажи хлеб	1422	1	69
1753	Записная книга сбора пошлин с привозного для продажи угля	1422	1	71
1753–1754	Записная книга сбора пошлин за отпускные товары	1422	1	72
1754	Записная книга сбора пошлин с привозных для продажи товаров	1422	1	73

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Тула				
1754	Записная книга сбора пошлин с мелочных безвыписных товаров	1422	1	74
1754	Записная книга товаров, оставшихся непроданными	1422	1	75
1754	Записная книга сбора пошлин с мелочных товаров	1422	1	76
1754	Записная книга товаров, явленных для досмотра	1422	1	77
1754	Записная книга сбора пошлин за наем подвод	1422	1	78
1754	Записная книга сбора конских пошлин	1422	1	79
б / д	Записная книга сбора пошлин с продажных товаров	1422	1	82
Турчасов				
1730	Записная книга поступления и выдачи таможенных выписей	1592	1	1
1740	Расходная книга	1592	1	2
1746	Книга сбора пошлин за явленные деньги на покупку товаров	1592	1	10
1746	Записная книга сбора донятых денег за выдачу отпускных выписей на простой и гербовой бумаге за купленные товары	1592	1	11
1746	Записная книга сбора пошлин за безвыписные мелочные товары	1592	1	12
1746	Записная книга оборотных выписей	1592	1	13
1746	Записная книга сбора конских пошлин	1592	1	14
1747 (?)	Записная книга сбора пошлин за товары, торги и расценки	1592	1	16
1747	Отпускная книга товаров, купленных на явленные деньги	1592	1	17
1747	Книга сбора пошлин с явленных денег на покупку товаров	1592	1	18
1747	Книга сбора донятых денег за выдачу отпускных выписей на купленный товар	1592	1	19
1747	Записная книга сбора пошлинных денег за безвыписные мелочные товары	1592	1	20
1747	Записная книга сбора конских пошлин	1592	1	21
1748	Записная книга сбора пошлин за товары, торги и расценки	1592	1	24

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Турчасов				
1748	Записная книга сбора пошлин с явленных денег на покупку товаров	1592	1	25
1748	Записная книга привозных для продажи товаров	1592	1	26
1748	Записная книга сбора пошлинных денег за безвыписные мелочные товары	1592	1	28
1748	Книга сбора донятых денег за выдачу отпускных выписей	1592	1	29
1748	Записная книга сбора конских пошлин	1592	1	30
1749	Отпускная книга товаров, купленных на явленные деньги	1592	1	27
1749	Записная книга на товары, торги и расценки	1592	1	33
1749	Записная книга сбора пошлин с явленных денег для покупки товаров	1592	1	34
1749	Записная книга сбора пошлин с явленных безвыписных мелочных товаров	1592	1	35
1749	Записная книга сбора донятых денег за выдачу отпускных выписей	1592	1	36
1749	Записная книга сбора конских пошлин	1592	1	37
Углич				
1721	Таможенная книга	273	1, ч. 8	32 875
1722	Таможенная книга	273	1, ч. 8	32 876
Усть-Мошский погост				
1746	Записная книга сбора конских пошлин	1593	1	11
1746, окт.–нояб.	Записная книга сбора пошлин на явленные деньги для покупки товаров	1593	1	9
1746, окт.–дек.	Записная книга сбора пошлин за явленные мелочные безвыписные товары	1593	1	10
1746, нояб.–дек.	Записная книга сбора пошлин за выдачу отпускных таможенных выписей на покупные товары	1593	1	8
1746, дек.–1747, янв.	Приходная книга донятых денег за выдачу оборотных выписей на проданные товары	1593	1	6
1746, дек.–1747, янв.	Записная книга явочных продажных товаров	1593	1	7
1746–1747	Записная книга оборотных таможенных выписей на покупные и продажные товары	1593	1	14

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Усть-Мошский погост				
1747	Записная книга сбора донятых денег за выдачу отпускных таможенных выписей	1593	1	15
1747	Записная книга сбора пошлин на явленные мелочные безвыписные товары	1593	1	16
1747	Записная книга сбора конских пошлин	1593	1	17
1748	Записная книга сбора донятых денег с явочных таможенных выписей	1593	1	20
1748	Записная книга сбора пошлин на явочные безвыписные мелочные товары	1593	1	21
1748	Записная книга сбора конских пошлин	1593	1	22
1749	Записная книга сбора пошлин за покупные на явленные деньги товары	1593	1	23
1749	Записная книга сбора донятых денег за выдачу таможенных выписей на гербовой бумаге	1593	1	24
1749	Записная книга сбора конских пошлин	1593	1	26
Усть-Цильма, с. (Пустозерский у.)				
б/д	Книга записная сбора таможенных пошлин и питейной прибыли	829	1	1818
Устюжская волость				
1725	Приходная книга записи таможенного и кружечного денежного сбора	273	1, ч. 8	32 895
Федоровка, с. (Шацкий у.)				
1743	Записная книга сбора таможенных пошлин	829	1	1930
Филипова (Филиповская) сл. (Хлыновский у.)				
1751	Книга на записку таможенных сборов	1408	1	143
1755	Книга на записку пошлин с продажи лошадей	1408	1	195
Хатунь, с. (Московский у.)				
1741	Приходная книга таможенных пошлин (неполная)	829	1	1828

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Хлынов¹²				
1718	Книга Лецкого караула о сборе разных таможенных пошлин (3 кн.)	1408	1	1
1718	Таможенная отпускная книга	1408	1	467
1730	Книга о записке на приход канцелярских пошлин	1408	1	210
1735	Книга о записке на приход денег за провоз вина, таможенных, питейных и канцелярских сборов	1408	1	212
1736	Книга на записку таможенных сборов	1408	1	221
1736	Книга о записке на приход таможенных пошлин	1408	1	227
1736	Книга о записке на приход разных сборов	1408	1	228
1736	Книга о записке на приход сборов по торговле	1408	1	229
1736	Книга о записке на приход таможенных пошлин	1408	1	234
1736	Записная книга сбора конских пошлин	1408	1	472
1737	Книга о сборе за разные товары пошлин и проч.	1408	1	236
1737	Книга об отпуске товаров на явленные деньги	1408	1	237
1737	Книга о записке на приход таможенных пошлин с торговли	1408	1	238
1737	Книга таможенных сборов о покупке товаров на заявленные капиталы	1408	1	246
1737	Книга таможенных сборов о записке иногородних товаров	1408	1	247

¹² Помимо собственно таможенных книг в фонде 1408 сохранились также так называемые "Собрания сведений": о сборе таможенных пошлин с товаров за 1736, 1739, 1740, 1742 г. (Ед. хр. 230, 231, 232, 281, 302, 315, 329, 363); о сборе таможенных и канцелярских пошлин за 1743 г. (Ед. хр. 384); о сборе различных пошлин за 1742, 1744 гг. (Ед. хр. 364, 418); о закупке товаров и взносе за них пошлин за 1740, 1743, 1744–1745 гг. (Ед. хр. 314, 382, 383, 439); об отпуске товаров за 1742, 1745 гг. (Ед. хр. 372, 438, 446); о пропуске товаров и хлебных припасов в разные места за 1740 г. (Ед. хр. 320); о пошлинах с привозных товаров за 1736, 1740, 1742, 1743 гг. (Ед. хр. 217, 218, 220, 330, 356, 388); о разных припасах и товарах за 1738, 1739, 1740 гг. (Ед. хр. 276, 290, 297, 324); о пошлинах с товаров, оставшихся нераспроданными в предыдущие годы за 1736, 1740, 1742 гг. (Ед. хр. 219, 316, 348); о закупке хлыновскими купцами разных товаров за 1738, 1743 гг. (Ед. хр. 267, 398, 400); об отпуске хлыновскими купцами разных товаров за 1743, 1744 гг. (Ед. хр. 396, 415, 425); о разных товарах и хлебных припасах хлыновских купцов за 1742 г. (Ед. хр. 360); о покупке товаров и хлебных припасов хлыновскими посадскими людьми за 1740 г. (Ед. хр. 331); о явке хлыновскими купцами капиталов за 1739 г. (Ед. хр. 282); о покупке товаров и хлебных припасов у слободских и орловских купцов за 1741 г. (Ед. хр. 336); о разных товарах и хлебных припасах в Слободском и Орлове за 1742 г. (Ед. хр. 357); об отпуске до Ношульской пристани хлебных припасов и товаров через ямщиков за 1744 г. (Ед. хр. 426).

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Хлынов				
1737	Книга таможенных сборов о записке денег с капиталов, заявленных разными лицами	1408	1	248
1737	Книга о записке сведений от хлыновских купцов о товарах и прочем	1408	1	251
1738	Книга о записке на приход денег, полученных за разные предметы	1408	1	259
1738	Книга о записке на приход разных сборов	1408	1	264
1738	Книга о сборе с продажи лошадей	1408	1	270
1738	Книга о взносе разными лицами пошлин с товаров	1408	1	272
1738	Книга о записке взноса пошлин с товаров	1408	1	273
1739	Книга о записке на приход таможенных и других сборов	1408	1	277
1739	Книга о записке на приход разных сборов	1408	1	279
1739	Книга о записке на приход сборов с товаров	1408	1	283
1739	Книга о явке капиталов разными лицами	1408	1	286
1739	Книга о сборе таможенных пошлин с разных товаров	1408	1	287
1739	Книга о записке сведений о привозе хлебных припасов	1408	1	289
1739	Книга о записке на приход сбора пошлин с товаров	1408	1	292
1739	Книга о записке на приход сбора пошлин с товаров	1408	1	293
1740	Книга о привозимых товарах	1408	1	303
1740	Книга о сборе пошлин с продажных лошадей и других товаров	1408	1	304
1740	Книга об отпуске товаров в разные города	1408	1	308
1740	Книга о записке денег, собранных с хлыновских людей за закупку товаров	1408	1	310
1740	Книга о записке сведений об отпуске до С.-Петербурга и других городов товаров на казенных подводах и проч.	1408	1	317
1740	Книга о сборе пошлин с продажных товаров	1408	1	319

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Хлынов				
1740	Книга о выписке в расход денег за разные материалы и проч.	1408	1	323
1740	Книга о продаже табака	1408	1	325
1740	Книга о сборе пошлин с разных лиц в казну	1408	1	326
1740	Книга об определении на разные должности лиц для сбора пошлин	1408	1	327
1741	Книга о записке на приход денег разных сборов	1408	1	333
1741	Книга о записке на приход денег разных сборов	1408	1	334
1741	Книга о записке на приход денег разных сборов	1408	1	339
1741	Книга о записке на приход денег, собранных с продавцов	1408	1	340
1742	Книга о записке в расход денег за купленную бумагу и проч.	1408	1	343
1742	Книга об отпуске товаров от хлыновских купцов и проч.	1408	1	344
1742	Книга о записке на приход денег сбора пошлин с кож и говядины	1408	1	345
1742	Книга о записке на приход сбора разных пошлин	1408	1	346
1742	Книга о сборе пошлин с продажных товаров	1408	1	347
1742	Книга об отпуске товаров на явочные деньги	1408	1	349
1742	Книга о записке сведений об отпуске товаров от купцов	1408	1	353
1742	Книга о записке на приход сбора пошлин с товаров	1408	1	355
1742	Книга о записке в расход денег за взятую бумагу и проч.	1408	1	358
1742	Книга о сборе пошлин с продажи лошадей	1408	1	365
1742	Книга о записке на приход сбора пошлин с товаров и проч.	1408	1	367
1742	Книга о записке на приход денег с найма подвод	1408	1	368
1742	Книга о сборе денег с продажи товаров	1408	1	370
1742	Книга о записке в приход денег за сбор разных пошлин	1408	1	371

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Хлынов				
1743	Книга о записке на приход пошлин, собранных с извозчиков	1408	1	374
1743	Книга о записке на приход денег сбора канцелярских пошлин с разных товаров	1408	1	376
1743	Книга о сборе разных пошлин	1408	1	381
1743	Книга о записке сведений о товарах, полученных от слободских и орловских купцов	1408	1	385
1743	Книга о разных сборах	1408	1	386
1743	Книга о записке на приход денег сбора пошлин с товаров	1408	1	389
1743	Книга о записке на приход денег сбора пошлин с товаров	1408	1	390
1743	Книга о записке в расход денег за бумагу	1408	1	391
1743	Книга о записке в приход денег сбора пошлин с товаров	1408	1	392
1743	Книга о записке в приход денег сбора пошлин с товаров	1408	1	393
1743	Книга о записке в приход денег сбора пошлин с товаров	1408	1	394
1744	Книга о записке на приход денег сбора пошлин с товаров	1408	1	402
1744	Книга об отпуске товаров хлыновскими купцами	1408	1	405
1744	Книга о записке на приход денег сбора разных пошлин	1408	1	406
1744	Книга о записке на приход денег сбора пошлин с товаров	1408	1	407
1744	Книга о записке в расход денег за бумагу	1408	1	408
1744	Книга о привозе товаров	1408	1	409
1744	Книга о проданных товарах	1408	1	412
1744	Книга о записке сведений об отпуске для продажи товаров в разные города и проч.	1408	1	416
1744	Книга о записке на приход денег сбора конских пошлин	1408	1	417
1744	Книга об отсылке денег разных пошлин в Вятскую ратушу	1408	1	422
1744	Книга о записке на приход разных пошлин	1408	1	427

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Хлынов				
1744	Книга о записке на приход денег, собранных с найма подвод	1408	1	426
1744	Книга об отпуске товаров хлыновскими купцами	1408	1	429
1744	Приходная книга канцелярских сборов с отъезжих караулов	1408	1	468
1745	Книга о пропуске до Ношульской пристани товаров и хлебных припасов от хлыновских купцов	1408	1	431
1745	Книга о поставке товаров из С.-Петербурга через извозчиков	1408	1	432
1745	Книга о сборе таможенных пошлин с проданных товаров	1408	1	434
1745	Книга о сборе пошлин с продажи товаров и хлеба	1408	1	440
1745	Книга о закупке табака	1408	1	443
1745	Книга о записке на приход денег сбора пошлин с найма подвод	1408	1	445
1745	Книга о записке пропускаемых хлебных и прочих припасов до Ношульской пристани и проч.	1408	1	450
1745	Книга о записке на приход денег сбора пошлин с товаров	1408	1	451
1745	Книга об отпуске товаров от хлыновских купцов	1408	1	452
1745	Книга о сборе пошлин с лошадей	1408	1	453
1745	Книга о записке проданных товаров	1408	1	454
1745	Книга о сборе разных пошлин	1408	1	456
1745	Книга о записке пошлин с продажи лошадей	1408	1	457
1745	Книга о привозе табака для продажи	1408	1	458
1745	Книга о сборе разных пошлин	1408	1	459
1745	Книга о сборе разных пошлин	1408	1	460
1745	Книга о сборе разных пошлин	1408	1	461
1746	Приходная книга канцелярских сборов со всяких товаров	1408	1	2
1746	Приходная книга канцелярских сборов с отвалных и привальных судов	1408	1	3
1746	Книга на записку отпускного вина в разные города от хлыновских купцов и винных подрядчиков	1408	1	4

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Хлынов				
1746	Книга прихода канцелярского сбора по одной десятой доле	1408	1	5
1746	Приходная книга на записку конских пошлин	1408	1	6
1747	Приходная книга на записку пошлин с товаров	1408	1	7
1747	Книга на записку прихода мелочных сборов с перевозов	1408	1	10
1747	Книга на записку проданных товаров	1408	1	11
1747	Книга на записку расхода на покупку бумаги, свечей и проч.	1408	1	12
1747	Книга на записку покупных товаров хлыновских купцов	1408	1	13
1747	Книга для записи товаров, пропускаемых через караул к Архангельску	1408	1	14
1747	Книга о поставке товаров из С.-Петербурга	1408	1	19
1747	Явочная книга на записку привозного табака	1408	1	20
1747	Отпускная книга на покупку товаров	1408	1	23
1747	Книга на записку расхода из канцелярского сбора	1408	1	24
1747	Книга на покупку товаров	1408	1	25
1747	Книга на записку канцелярских сборов со скотины	1408	1	26
1747	Книга на записку канцелярских доходов	1408	1	28
1747	Книга на записку пошлин при покупке товаров	1408	1	29
1747	Книга на записку канцелярских сборов с найма подвод десятой доли	1408	1	34
1747	Книга на записку прихода таможенных пошлин с продажных товаров в вотчинах архиерейского дома и Трифонова монастыря	1408	1	36
1747	Книга о сборной денежной казне разных пошлин, представленной в таможеню	1408	1	37
1747	Книга на записку пошлин десятой доли с товаров	1408	1	39
1747	Явочная книга привозным товарам	1408	1	40
1747	Книга на записку пошлин с товаров	1408	1	41
1747	Книга на записку отпускных товаров	1408	1	42

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Хлынов				
1747	Книга на записку таможенных пошлин	1408	1	43
1747	Книга на записку канцелярских сборов с товаров	1408	1	44
1747	Записная книга, данная Насетскому караулу на пропуск товаров до Архангельска	1408	1	47
1748	Книга на явку и отпуск товаров	1408	1	49
1748	Книга на записку расходов из канцелярских сборов	1408	1	52
1748	Книга об отпуске товаров по выписям	1408	1	53
1748	Книга на записку сбора десятой доли с найма подвод	1408	1	56
1748	Книга на записку пошлин с товаров	1408	1	57
1748	Книга на записку пошлин с товаров	1408	1	61
1748	Книга на записку сборов со скотины и с кож	1408	1	64
1748	Книга на записку канцелярских мелких сборов	1408	1	67
1748	Книга на записку пошлин	1408	1	68
1748	Книга на записку пошлин с товаров	1408	1	69
1748	Отпускная книга на записку товаров	1408	1	70
1748	Книга на записку доходов с перевозов	1408	1	71
1749	Книга на записку прихода канцелярских пошлин	1408	1	77
1749	Книга на отпуск товаров по выписям	1408	1	81
1749	Книга на записку прихода с таможенных пошлин	1408	1	85
1749	Книга на пропуск товаров к Ношувской пристани	1408	1	89
1749	Книга на записку проданных товаров	1408	1	90
1749	Книга о сборе пошлин с отвальных и привальных судов	1408	1	93
1749	Книга о взятии пошлин с продажных лошадей	1408	1	94
1749	Книга Кырчанской заставы на записку пошлин с продажных товаров	1408	1	95
1750	Книга о взятии пошлин с провозимых товаров	1408	1	98
1750	Приходная книга для записи разных мелких сборов	1408	1	99

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Хлынов				
1750	Книга о сборе по выписям пошлин с продаваемых товаров	1408	1	102
1750	Книга взятия пошлин с явленных товаров	1408	1	103
1751	Книга о взятии пошлин с товаров	1408	1	104
1751	Явочная книга на записку товаров	1408	1	113
1751	Книга на записку пошлин с продажи рыбы и икры	1408	1	116
1751	Отпускная книга на покупку товаров	1408	1	117
1751	Книга на записку товаров, отпускаемых в другие города	1408	1	118
1751	Книга на записку пошлин с отвалных и привальных судов	1408	1	119
1751	Книга Кырчанской заставы на записку таможенных сборов	1408	1	120
1751	Книга Кыремышской заставы на записку таможенных сборов	1408	1	121
1751	Книга на записку сборов с табаков	1408	1	124
1751	Книга Лежской заставы на записку таможенных сборов	1408	1	125
1751	Книга на записку отпускных товаров	1408	1	126
1751	Книга на записку расхода из таможенных сборов на покупку материалов	1408	1	127
1751	Книга на записку прихода пошлин с товаров	1408	1	129
1751	Книга на записку прихода пошлин с рыбы и икры	1408	1	130
1751	Книга Куменской заставы на записку таможенных сборов с товаров	1408	1	131
1751	Книга Илчанской заставы на записку сбора таможенных пошлин	1408	1	132
1751	Книга на записку пошлин с товаров	1408	1	134
1751	Книга Чепецкого стана на записку таможенных сборов	1408	1	136
1751	Книга на записку товаров	1408	1	137
1751	Книга на записку пошлин со скотины и кож	1408	1	138
1751	Книга Ошманской заставы на записку таможенных сборов	1408	1	139
1751	Книга на записку товаров, явленных к досмотру	1408	1	141

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Хлынов				
1751	Книга о взятии пошлин с явленных товаров	1408	1	144
1752	Книга Куменской заставы на записку таможенных сборов	1408	1	145
1752	Книга на записку расходов на покупку материалов	1408	1	146
1752	Книга на записку расхода из таможенных сборов на покупку материалов	1408	1	152
1752	Книга на записку сбора пошлин с лошадей	1408	1	156
1753	Книга на записку расхода денег из таможенных сборов на покупку материалов	1408	1	170
1753	Книга на записку сборов с продажи лошадей	1408	1	175
1753	Книга на записку пошлин с продажи лошадей	1408	1	179
1753	Расходная книга	1408	1	470
1754	Книга Сунской выти Хлыновского у. о записке конских пошлин	1408	1	180
1754	Книга на записку таможенных сборов	1408	1	181
1755	Книга на записку прихода конских пошлин	1408	1	186
1755	Книга Илчанской заставы на записку конских пошлин	1408	1	189
1755	Книга Нолинской заставы на записку пошлин с продажи лошадей	1408	1	191
1755	Книга Кырмыжской заставы на записку конских пошлин	1408	1	198
1755	Книга Огиланской заставы на записку конских пошлин	1408	1	201
1755	Книга Сунской заставы на записку конских пошлин	1408	1	202
1755	Книга о сборе разных пошлин	1408	1	462
1758	Книга на записку десятой доли с извозчиков	1408	1	207
1759	Книга Лежского караула на записку сборов с пропуска товаров	1408	1	208
1763	Книга на записку пошлин с продажи лошадей	1408	1	209

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Холмогоры				
1726	Таможенная книга	273	1, ч. 8	32 877
Чебоксары				
1735	Приходная книга таможенных денег с явленных товаров	829	1	1837
1742	Книга прихода таможенных пошлин с явочных и отпускных товаров	829	1	1842
1743	Приходная книга таможенных пошлин с явочных товаров	829	1	1844
1743 (?)	Приходная книга таможенных пошлин мелочного сбора	829	1	1847
Черь				
1736	Расходная книга	829	1	1853
1736	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	1854
1737	Приходная книга пошлин с явленных денег; отпускная книга покупным товарам	829	1	1855
1744	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	1859
1744	Приходная книга накладных денег с таможенных пошлин	829	1	1860
1748	Приходная книга накладных денег с таможенных пошлин	829	1	1862
1748	Приходная книга таможенных пошлин	829	1	1863
1750	Приходная книга весовых пошлин с вещей товаров	829	1	1864
1750	Приходная книга таможенных пошлин с отпускных товаров	829	1	1865
1750	Приходная книга таможенных пошлин с явочных товаров	829	1	1866
1751	Приходная книга таможенных пошлин с явочных товаров	829	1	1868
1751	Приходная книга весовых пошлин с вещей товаров	829	1	1869
1751	Приходная книга пошлин с явленных денег и товаров	829	1	1870
1751	Записная книга отпускных товаров	829	1	1871
Шальский погост				
1739	Приходная книга таможенных пошлин с явочных товаров	829	1	1913
1739	Приходная книга мелочного таможенного сбора и конских пошлин	829	1	1914

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Шацк				
1710	Книги сбора таможенных пошлин в Шацке и селах Томникове, Коверине, Конобееве, Каргошине, Сасове, Ункусове и Тырновской слободе; приходная книга конских пошлин Шацкой конской площадки	829	1	1916
1725, дек.–1726, дек.	Книга сбора таможенных пошлин с явочных денег и товаров	829	1	1923
1727	Книга сбора таможенных пошлин с явочных денег и товаров	829	1	1924
1728	Книга сбора таможенных пошлин с явочных денег и товаров	829	1	1925
1739	Книга сбора таможенных пошлин с явочных денег и товаров	829	1	1928
Шестаков				
1755	Книга на записку конских пошлин	1408	1	200
Шуцкий погост (Олонецкий у.)				
1739	Книга явочная российских товаров	829	1	1937
1739	Книга явочная российских товаров	829	1	1938
1739	Книга отпускных товаров	829	1	1939
1739	Записная книга таможенного мелочного сбора	829	1	1941
1739	Записная книга конских пошлин	829	1	1942
1739	Записная книга мелочного таможенного сбора и конских пошлин	829	1	1943
Шуя				
1730	Приходная книга таможенных сборов	273	1, ч. 8	32 903
Юрьево-Повольский				
1723	Таможенная книга	273	1, ч. 8	32 878
Ядрин				
1718	Книга записи денежного сбора (таможенного, кабацкого, с рыбных ловель, домовых бань и др.)	273	1, ч. 8	32 670
Яренск				
1722	Таможенная книга	273	1, ч. 8	32 879
1724	Таможенная книга	273	1, ч. 8	32 880

Год	Населенный пункт/заглавие таможенной книги	Фонд	Опись	Ед. хр.
Ярославль				
1740	Книга записи денежного сбора (таможенного, кабацкого, с рыбных ловель, домовых бань и др.)	273	1, ч. 8	32 683
1715	Записная книга сбора конских пошлин	1427	1	7
1768	Записная книга сбора конских пошлин по Ярославскому у.	1427	1	29
1768	Записная книга сбора конских пошлин по Ярославскому у.	1427	1	30

Е.Р. Курапова

АКАДЕМИК М.В. НЕЧКИНА И ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ МГУ

(Краткий обзор по материалам личного фонда в Архиве РАН)*

Одна из страниц научно-педагогической деятельности известного советского историка, историографа, археографа, педагога и организатора науки Милицы Васильевны Нечкиной связана с Московским государственным университетом, где она в течение 20 лет (1934–1954 гг.) преподавала на историческом факультете. Сохранившиеся в личном фонде ученого в АРАН материалы представляют определенный интерес как для персональной научной биографии историка, так и для истории МГУ.

“Юношеские” дневники начала 1920-х годов выпускницы Казанского университета Милицы Нечкиной, оставленной для подготовки к профессорскому званию, наполнены упоминаниями фамилий выдающихся российских историков, связанных с Московским университетом¹. Активно изучаются их труды, предпринимаются попытки анализа. Условно говоря, именно это время и можно считать началом знакомства М.В. Нечкиной с Московским университетом.

Весной 1923 г. ее отец, В.И. Нечкин – статский советник, декан инженерного факультета Политехнического института, обратился из Казани с письмом к профессору Московского университета Михаилу Нестеровичу Шарко. Они были знакомы по г. Нежину Черниговской губернии, где В.И. Нечкин служил директором Нежинского технического училища им. Я.О. Кушакевича и где родилась его дочь Милица. В письме содержалась просьба помочь дочери: “Посылаю Вам это письмо со своей дочерью, которую Вы, наверное, когда-то видели маленькой девочкой. Теперь она оставлена при Казанском университете для подготовки к профессорскому званию. Специальность ее – русская история. Она очень хотела бы познакомиться с Вами как со старым

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 04-01-00219а.

¹ “Очень много дел...”: Из “деловых дневников” академика М.В. Нечкиной. 1922–1923 гг. / Публ. подгот. Е.Р. Курапова // ОА. 2004. № 6. С. 91–124.

профессором Московского университета, дабы воспользоваться Вашими указаниями, если Вы в них не откажете, при ознакомлении на первых порах с Московским университетом и московским ученым миром”². В июне 1923 г. жена М.Н. Шарко Наталья Осиповна ответила письмом М.В. Нечкиной: “[...] Что касается Вашей просьбы к М[ихайлу] Н[естеровичу], то он ее исполнил и говорил с Д.М. Петрушевским. Последний просил передать Вам, что Вы зачислены в институт по второму разряду [...] м.б., в августе при новом распределении сумм удастся Вас зачислить в штат. Мне кажется, что Вам следует в августе напомнить об этом [М.М.] Богословскому”³. В тексте письма не указано название института, скорее всего, речь идет о НИИ истории при Факультете общественных наук Московского университета, вошедшего затем в состав РАНИОН.

В 1924 г. М.В. Нечкина приезжает из Казани в Москву. Она становится вольнослушателем исторического факультета Института красной профессуры и научным сотрудником 1 разряда Института истории РАНИОН. Начинается и ее преподавательская деятельность в Москве – на Покровском рабфаке. Именно так тогда назывался рабфак 1 МГУ. В течение двух лет молодой преподаватель сначала специализировалась по политической экономии, а затем по политэкономии и истории. Заместителем заведующего рабфака в то время работал Д.А. Эпштейн (1898–1985) – химик по образованию, брат известного партийного и государственного деятеля, в 1929–1934 гг. наркома земледелия СССР Я.А. Яковлева (Эпштейна). Вскоре, в 1925 г., Давид Аркадьевич стал мужем Милицы Васильевны.

Спустя десятилетие, в 1934 г., М.В. Нечкина начинает преподавать на восстановленном Историческом факультете МГУ. В первый учебный год (1934/35) Нечкина читала курс истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в., в план ее курса были включены лекции по историографии отдельных проблем феодальной России. Кроме того, вместе с Н.М. Дружининым М.В. Нечкина вела просеминары по истории СССР, на которых большое внимание уделялось методам работы с различными видами исторических источников⁴. Сохранившаяся дневниковая запись Милицы Васильевны повествует об этих событиях фактографически скупо: “Читала (впервые) курс истории СССР в университете (МГУ) на истфаке и вела семинар (1 курс)”⁵. Интересные мемуарные впечатления об этом времени содержатся в воспоминаниях Е.В. Гутновой и С.В. Житомирской. Известный советский историк-медиевист, доктор исторических наук Е.В. Гутнова, в 1934 г. студентка первого набора восстановленного исторического факультета МГУ, пишет о Нечкиной: “Читала она лекции живо, со вкусом к деталям истории культуры и быта, но несколько по-дамски. Хотя она была в то время верной ученицей Покровского и отдавала некоторую дань распространенному еще социологизированию в истории, все же впервые именно от нее я узнала последовательный ход русской истории до XVIII века, в какой-то мере оживленный характеристиками исторических деятелей и описанием наиболее крупных событий”⁶. Известный советский историк, литературовед и архивист С.В. Житомирская, в 1935 г. студентка исторического факультета МГУ, вспоминает: «Отечествен-

² АРАН.Ф. 1820 (М.В. Нечкина). Оп. 1. Д. 888. Л. 3–4 об.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Историческая наука в Московском университете. 1934–1984. М., 1984. С. 95–96.

⁵ Дневники академика М.В. Нечкиной / Публ. подгот. Е.Р. Курапова, С.В. Копылова // ВИ. 2005. № 6. С. 142.

⁶ Гутнова Е.В. Пережитое. М., 2001. С. 129.

ную историю наш курс слушал у трех профессоров М.В. Нечкиной, Н.М. Дружинина и И.И. Минца. На первом курсе период феодализма читала нам почему-то М.В. Нечкина, никогда специально этим не занимавшаяся. Она тогда была еще доцентом, молодой, розовой и пухленькой дамочкой, похожей на сусального ангелочка с дореволюционной рождественской открытки. Какую-то сладковатую экзальтированность она вносила и в свои лекции, стремясь эмоционально увлечь слушателей. И достигала обратного результата: мы, юные скептики, посмеивались над ней, прозвав “Ковыль шумел”, – потому что в ее рассказах о славянских племенах, а потом об удельных княжествах и татарских набегах время от времени появлялся рефрен: “А ковыль все шумел на необозримых равнинах Руси...”⁷.

В 1935 г. Нечкина становится профессором МГУ. Сохранился отзыв о ее лекциях историка А.В. Шестакова – автора (совм. с др.) объявленного лучшим в 1937 г. по результатам “конкурса в угоду взглядам вождя” учебника по истории СССР для средней школы⁸. В марте 1935 г. А.В. Шестаков писал: «В кафедре 1 МГУ. Мною проработаны лекции профессора Нечкиной от Галицко-Волынской Руси до поместной системы. Всего 80 стр., т.е. 4 п.л. О политических установках автора можно отметить, что в них нет ни одного намёка на связь затрагиваемых в лекциях проблем с “современностью”, с политической критикой соответствующих тем высказываний о феодализме в России хотя бы Троцкого или Плеханова. Даже Рожков не подвергнут необходимой критике с достаточной полнотой. Между тем тема формирования самодержавия могла бы дать благоприятный материал для такого политического экскурса. Критика М.Н. Покровского дана лишь по вопросу о характере Московского восстания 1382 г. и то больше формального, неразвернутого характера. Не знаю, как в других лекциях, а в данных нет упоминаний наших классиков хотя бы для общих положений по вопросу о зарождении феодальных отношений на новой основе и т.п. [...] Хорошо сделана лекция о поместной системе, но слабее о монастырском землевладении; очень скомкано об иосифлянах, не указано политическое значение споров, не названа литература и т.д. Выводы: лекции необходимо политически заострять, больше над ними работать»⁹.

В 1936 г. М.В. Нечкина становится доктором исторических наук. Согласно “Энциклопедическому словарю Московского университета. Исторический факультет” под общей редакцией С.П. Карпова (М., 2004) диссертация была защищена на факультете по теме “А.С. Грибоедов и декабристы”¹⁰. В этой связи нельзя не отметить, что ни в одной из автобиографий Милицы Васильевны в ее личных делах в АРАН, Научном архиве РАО, РГАСПИ подобных сведений не содержится. В личном фонде в АРАН сохранились два отзыва Н.М. Дружинина и А.М. Панкратовой о научных трудах М.В. Нечкиной в связи с присуждением ей ученой степени доктора исторических наук. В марте 1935 г. заведующая кафедрой истории СССР исторического факультета МГУ А.М. Панкратова в заключении своего краткого отзыва отметила: “Все работы М.В. Нечкиной, как научно-исследовательские, так и научно-популярные, стоят на большой научной высоте, основаны на значительном новом материале, отличаются самостоятельностью мысли и вполне марксистски выдержан-

⁷ Житомирская С.В. Просто жизнь. М., 2006. С. 130.

⁸ Артизов А.Н. В угоду взглядам вождя: (Конкурс 1936 г. на учебник по истории СССР) // Кентавр. 1991. № 10/12. С. 125–135.

⁹ Подробнее см.: АРАН. Ф. 638 (А.В. Шестаков). Оп. 1. Д. 453. Л. 1–2.

¹⁰ Федоров В.А. Нечкина Милица Васильевна // Энциклопедический словарь Московского университета: Исторический факультет. М., 2004. С. 326.

ны”. В ноябре 1935 г. Н.М. Дружинин в своем развернутом отзыве писал: «М.В. Нечкина – крупный исследователь по истории СССР 19 в., преимущественно по истории декабристов. Основные труды – большие монографии “Общество соединенных славян” (1927) и “Последний председатель Тульчинской управы” (рукопись, подготовленная к печати и частично опубликованная отдельными главами-статьями в журналах). [...] Обе работы построены на большом неопубликованном материале [...] Исследование “Общество соединенных славян” впервые, после отдельных общих высказываний М.Н. Покровского, пролило ясный свет на эту неизученную наиболее революционную организацию декабристов – на ее возникновение, состав, идеологические позиции и политическую деятельность. Исследование “Последний председатель Тульчинской управы” дает биографию одного из выдающихся декабристов, А.П. Барятинского, на широком фоне социально-политической истории Южного общества. Основное и крупное значение этой работы заключается в систематическом пересмотре прежних марксистских высказываний о программе и тактике Южного общества декабристов: исходя из руководящих положений В.И. Ленина и подвергая анализу большой архивный материал, М.В. Нечкина приходит к новым, более правильным выводам о классовой природе пестелевского течения. В советской монографической литературе о декабристах оба исследования занимают самостоятельное и очень важное место. [...] Другая тема, интересовавшая М.В. Нечкину и вызвавшая целый ряд ее самостоятельных исследовательских статей, – крестьянское движение 1860-х годов и его идеолог Н.Г. Чернышевский». Далее Н.М. Дружинин отмечает “историографические статьи о Г. Эверсе и В.О. Ключевском” и “научно-методическую и научно-популяризационную работу” М.В. Нечкиной¹¹. В комментарии к этому документу следует отметить, что монография “Общество соединенных славян” была удостоена в 1928 г. премии ЦЕКУБУ, а другая упомянутая монография – “Последний председатель Тульчинской управы. (Из истории Южного общества декабристов)”, завершенная Нечкиной в 1935 г.¹², фактом историографии так и не стала. Она никогда не была опубликована целиком и до настоящего времени ее рукопись не обнаружена.

В 1936 г. в издательстве МГУ совместно с С.В. Бахрушиным и К.В. Базилевичем М.В. Нечкина выпускает “Схему программы по истории народов СССР до конца 18 в.”.

Согласно дневниковым записям Милицы Васильевны, ее педагогическая деятельность на факультете продолжается: в 1936–1938 гг. она читает лекции, ведет семинарские занятия, занимается с аспирантами. При этом следует отметить, что сами дошедшие до нас дневниковые записи этого периода можно охарактеризовать практически как фрагментарные: март и ноябрь 1936 г., январь, март, апрель 1937 г., январь–февраль 1938 г. Март 1936 г.: “консультировала аспиранта [С.С.] Дмитриева по славянофилам – довольно долго”, “провела семинар – доклад Шитова – критика [С.Ф.] Платонова – его взглядов на принятие христианства Киевской Русью”, “утром – лекция, сошла хорошо, тема – окончание Смуты, интервенция, ополчение”; апрель 1937 г. – «Масса работы с темой студенческой конференции “Течение революционной мысли. 30–50 гг. 19 в.” (с Герценом в центре). Я с [Н.М.] Дружининым этим руководила, масса ругатни и волнений, прочет и после исправлений вторичный перечет сочинений и тезисов студентов докладчиков, масса консультац

¹¹ АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 278. Л. 1–4.

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 356397. Л. 22.

онной правки и, наконец, сама конференция 19 и 20 апреля, оба вечера насквозь. Дружинина и мое заключительные слова. Постоянные заседания на истфаке насчет исторических карт, их прием (каждый 1-й день 6-дневки)»; январь 1938 г. – “очередные лекции в университете” – “Революционная ситуация 1860-х гг. Чернышевский”, “Война 1812 года”, “Декабристы”, “Развитие капитализма в России”¹³.

В 1939 г. совместно с другими историками, в том числе преподавателями Исторического факультета, М.В. Нечкина приняла участие в сборнике “Против исторической концепции М.Н. Покровского”. В воспоминаниях С.В. Житомирской “Просто жизнь” подчеркивается, что “каждый, кто тогда или потом держал” эти сборники в руках, “хорошо знал, что именно” М.В. Нечкина “взяла на себя задачу разоблачения своего учителя”¹⁴. В связи с этим сюжетом нельзя не сказать несколько слов о переломе в отношении М.В. Нечкиной к личности М.Н. Покровского. Судя по ее дневниковым записям, он наступил в 1932 г. (незадолго до смерти историка) и был связан с реакцией М.Н. Покровского на фельетон в “Правде” Г. Рыклина “История с примечаниями”. Речь шла о “Записках декабриста Н.И. Лорера”, подготовленных к изданию М.В. Нечкиной. Как записала в то время Милица Васильевна, “Покровский – человек, которого я так любила, оказался лжецом и самым подлым лицемером”¹⁵. Кроме того, предшествующие выходу в свет сборника печальные 1937–1938 гг. затронули семью М.В. Нечкиной. Были арестованы, а затем расстреляны старший брат М.В. Борис Нечкин, муж ее сестры Петр Бродовский, братья мужа М.В. – Яков и Илья Яковлевы (Эпштейны), жена Я.А. Яковлева Е.К. Соколовская. Муж М.В. Давид Аркадьевич был исключен из партии. Изложенные обстоятельства, как представляется, следует иметь в виду, ведя разговор об указанном сборнике.

В 1940 г. под редакцией М.В. Нечкиной вышел из печати второй том учебника для исторических факультетов университетов и педагогических институтов “История СССР. Россия в 19 веке”. Ей же принадлежит авторство ряда глав. Как отмечал Л.В. Черепнин, “Перед авторами стояла задача показа в общем историческом процессе места отдельных народов нашей Родины, а их история в те годы была почти не разработана [...] в работе над созданием учебника особенно значительная роль принадлежала редактору, от его творческой инициативы, опыта, знаний, умения в большой мере зависел успех всего начинания”. Учебник был отмечен почетной грамотой Президиума АН СССР и выдержал три издания (1940, 1949, 1954). При этом “для каждого нового издания он перерабатывался в связи с новыми требованиями, предъявляемыми развитием науки. Из этого учебника черпали знания тысячи студентов”¹⁶. В личном фонде сохранились документы о подготовке к изданию и переизданию этого учебника: переписка с Министерством высшего образования СССР, Госполитиздатом; отчет о работе, выступление на заседании Ученого совета Института истории АН СССР и др. (д. 393), отзыв И.И. Минца об учебнике, на последнем листе которого имеются также замечания Н.М. Дружинина (д. 279).

Из предвоенных документов вызывает интерес пропуск МГУ им. М.В. Ломоносова на имя “профессора Истфака Нечкиной Милицы Васильев-

¹³ Подробнее см.: Дневники академика М.В. Нечкиной // ВИ. 2005. № 6. С. 142–146.

¹⁴ Житомирская С.В. Указ. соч. С. 132–133.

¹⁵ Подробнее см.: Дневники академика М.В. Нечкиной // ВИ. 2005. № 6. С. 130–131, 147.

¹⁶ Черепнин Л.В. Академик М.В. Нечкина: (Творческий путь) // Проблемы истории общественного движения и историографии: К 70-летию академика М.В. Нечкиной. М., 1971. С. 11–12.

ны” № 1766. Это стандартное служебное удостоверение невольно останавливает на себе взгляд датами: выдан 2 апреля 1941 г., действителен по 31 декабря 1941 г. (д. 235).

В годы Великой Отечественной войны Милица Васильевна находилась в эвакуации в Ташкенте. Наряду с разработкой ранее начатых тем, связанных с В.О. Ключевским, А.С. Грибоедовым, декабристами, она приступила к изучению истории Узбекистана. Учитывая, что пропаганда исторических знаний была в это время поставлена перед отечественной исторической наукой как одна из главных задач патриотического воспитания, Милица Васильевна, как и ее коллеги-историки, приняла активное участие в агитационно-пропагандистской работе, преподавала в САГУ¹⁷.

Интересный комплекс документов периода Великой Отечественной войны представляют письма бывших студентов исторического факультета МГУ, адресованные М.В. Нечкиной. Одни из них стали фронтовиками, другие трудились в тылу. Назовем некоторых корреспондентов: Л. Акименкова (д. 456), Н. Баласанян (д. 473), К. Журавлев (д. 596), Е. Чистякова (Дружинина) (д. 578), М. Хейфец (д. 868). Часть из них вошли в публикацию к 60-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне «"Русской землей никому никогда не владеть!" (Из писем к М.В. Нечкиной. 1942 год)»¹⁸. Из неопубликованных интересным представляется письмо К. Журавлева, который ушел в народное ополчение и в октябре 1941 г. писал Нечкиной: “Теперь я нахожусь в действующей армии. Живу в поле, как некогда жил древний Святослав. Так же как Святослав, часто сплю под открытым небом на российской земле, под голову подкладываю вещевой мешок (а скоро буду подкладывать седло), питаюсь такой же здоровой пищей, как и Святослав. Извините меня за то, что я сравниваю себя то с нашим доблестным предком славянским – Святославом, то с нашими мужественными предшественниками революционерами Радищевым и Чернышевским. Но я пишу Вам о своих переживаниях. [...] Еще с середины июля я командую огневым взводом батареи. Мне оченьгодились мои старые военные познания и военная натренированность. В требованиях к своим подчиненным я такой же суровый, как и Вы. Вчера мы стреляли, результаты стрельбы хорошие”. Корреспондент передает М.В. привет от “бывших истфаковцев [А.] Осповат[а], Я. Бергер[а], [Я.] Пинус[а]” и просит ее передать “горячий привет” преподавателям исторического факультета “Б.Д. Грекову, Вл.Ив. Лебедеву, Кубицкой, тов. [С.Д.] Сказкину, [Г.А.] Новицкому (мне нравятся его лекции об эпохе Екатерины) и [К.В.] Базилевичу”¹⁹.

В годы войны погиб талантливый начинающий исследователь, студент пятого курса исторического факультета МГУ М.Л. Корчной, отзыв Милицы Васильевны о курсовой работе которого обнаружен в фонде. Отмечая трудности темы М.Л. Корчного – “А.И. Герцен в революции 1848 года” – “смежной для истории России и Западной Европы”, которая “при обилии русского материала требует также знакомства с историей Западной Европы, достаточно полного для того, чтобы построить вывод по избранной теме”, Нечкина далее указывает, что особое внимание автором работы было “уделено тому идейному влиянию, которое оказала на А.И. Герцена революция 1848 г.,

¹⁷ Подробнее см.: *Курапова Е.Р.* “Лекции тоже воюют!”: Историк и война // Известия Международной академии наук высшей школы. 2005. № 2. С. 9–16.

¹⁸ См.: *ИА.* 2005. № 2.

¹⁹ АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 596. Л. 1–2.

явившаяся крупным этапом в истории идейного развития Герцена”. В процессе написания работы исследователем были “полно изучены” “автобиографические материалы А.И. Герцена, а также все прочие работы Герцена, в которых отражено влияние 1848 г.”, тщательной проработке подверглось “наследие классиков марксизма по вопросам революции 1848 г.”. При этом “особой подтемой” работы явилось сопоставление и выяснение различия взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса с взглядами А.И. Герцена и характеристика “различия их философской основы”. В целом преподаватель отмечает, что “тема выполнена с большой тщательностью и эрудицией. Автор показал хорошее знакомство с первоисточником, умение самостоятельно, исследовательски подойти к материалу и построить самостоятельный вывод”. Работа заслужила оценку “отлично”²⁰.

О победе над Германией М.В. Нечкина готовила выступление на митинге МГУ 7 мая 1945 г., автограф фрагмента которого сохранился в фонде (д. 193).

В личном архивном фонде Милицы Васильевны сохранились также две тетради, представляющие особый интерес в контексте данного обзора. В них зафиксированы впечатления преподавателя на семинарских занятиях на кафедре МГУ, которые она вела в 1947/48 учебном году. Записи сделаны карандашом, что затрудняет работу с ними (д. 395).

Первая посвящена спецсеминару на четвертом курсе по теме “Общественное движение в России во второй четверти 19 в.” 10 октября 1947 г., видимо, на одном из первых занятий, обсуждалась книга академика Н.С. Державина “А.И. Герцен. Литературно-художественное наследие” (М.; Л., 1942). Начиная с зимы 1948 г. заслушиваются доклады студентов. Так, 25 февраля 1948 г. студентка Сапожникова выступает с докладом «Тема “народности” в “Телескопе” Надеждина». По ходу выступления молодого историка М.В. Нечкина делает пометки в своем блокноте: «1. Надо бы сначала пояснить эпоху и значение темы “народность”. 2. “Враги” – вроде Лемке. Чьи? Надо мягче. 3. Надо бы указать, кто Надеждин. 4. Несомненно, в хорошем смысле научный доклад». Далее идут критические замечания: «Нет никакого отклика на декабристов. Нет пояснения, что же значит “квасной патриотизм”. Хорошая, конкретная характеристика журналов, но нет дифференциации. Надо ввести и общую характеристику значения литературы и журналов в эпоху Николая I. Огромнейшие цитаты. Надо бы более анализа! Вопрос о влиянии Надеждина на Белинского не разрешен. Не выяснен ни генезис, ни функция мрачного, отрицательного взгляда на жизнь русского народа в прошлом и настоящем. Нет сопоставления Чаадаев[ских] и Надежд[инских] взглядов на народность». Резюме наставника: “в общем живо и продуманно написано”, но “надо разыскать следственное дело, допросы Надеждина, поставить на историческую почву”.

Далее, с недельным интервалом, будут представлены доклады “Кружок Сунгурова”, «”Полярная звезда” как исторический источник», “Огарев в годы революционной ситуации”, “Белинский и вопрос о народе. (Тема народа в творчестве Белинского)”, “Политические взгляды Кавелина. (К вопросу о генезисе русского либерализма)”. Их авторы – студентки исторического факультета Шарова, Костерева, Лисянская, Шаверина, Гудкова. Последний доклад произведет весьма благоприятное впечатление на Милицу Васильевну – “очень хорошо эпоха. Умно, продуманно. Редкий случай. Понимает самую постановку вопроса. Хорошо продумала Ленина”.

²⁰ Там же. Д. 202. Л. 1–2.

На семинарском занятии 24 апреля 1948 г. были заслушаны два доклада: первой выступала Н.И. Буракова – «"Современник" в годы революционной ситуации», затем Л.С. Фридберг – "Михайлов в годы революционной ситуации". Мнение профессора о последнем – "Хорошая структура. Хороший слог. Доклад зрелый и самостоятельный – на первоисточниках".

На доклад студентки Шавериной "Революционный катехизис Сергея Муравьева-Апостола", который был главой дипломной работы, М.В. откликнулась в своих записях следующим образом: «Хорошо, что историография специализирована! Вообще, научного характера. Уж очень дробно – крохотные куски. Преувеличено: "Итогом" всей сознательной жизни С[ергея] М[уравьева]-А[постола] был де катехизис. Доводы против авторства. Вопрос о крепостном праве в катехизисе. Вопрос об ограниченности дворянской революционности. Что за "христианская свобода"? Вопрос об идеологии – расширить и углубить». Вывод – "самостоятельная работа", но «недостаточно чувствуется понимание темы "Декабристы"»²¹.

1947 год в этой теме для самой М.В. Нечкиной был отмечен выходом ее монографии "А.С. Грибоедов и декабристы", за которую в 1948 г. она была удостоена Сталинской премии по разделу "Литературоведение". В данной книге автор хотела восстановить "личные, идейные, общественные связи писателя с самым передовым движением его времени...". Как отмечал позднее Л.В. Черепнин, Милица Васильевна "показала, что эти связи начинаются в общественной среде Московского университета, продолжаются до последних лет жизни писателя и отразились в воспоминаниях декабристов о Грибоедове после его смерти"²².

Семинар второго курса в 1947/48 учебном году посвящен теме "История Москвы в первой половине 19 в.". В этом семинаре у профессора М.В. Нечкиной занималось 17 студентов. Все они выступили с докладами. Но записи Милицы Васильевны оценочного характера имеются не по всем из них. Темы докладов следующие: "Культурная жизнь Москвы накануне 1812 г.", "Москва в период Крымской войны", "Московский пожар 1812 г.", "Стратегическое значение московских событий 1812 г. в Отечественной войне", "Бородинское сражение", "Москва накануне 1812 г.", "Вступление французов в Москву", "Кружок Сунгурова", "Т.Н. Грановский в общественной жизни Москвы", "Москва и декабристы", "Малый театр в общественной жизни Москвы в первой половине 19 в.", "Москва и революция 1848 г.", "Москва 1830–40-х гг.", "Михаил Семенович Щепкин", "Московские споры западников и славянофилов", "Наполеон в Москве", "Московский университет в годы аракеевщины". Приведем некоторые цитаты.

По докладу Г.И. Поляковой "Наполеон в Москве" М.В. запишет: «Нужно было бы более подробно – задачи. Живо. Хороший стиль (пока). Но несколько излишнее описательство и "красивость"». Некоторые фразы студентки вызовут вопросы в записях преподавателя: "Пожар Москвы был первым (?) противодействием завоевателю", "Первые признаки разложения армии до (?) Бородина". М.В. делает вывод: "Нет дифференцированного, продуманного плана: грабеж, голод, разложение, страдания жителей – все в кучу, в пестрой картине [...] Нет критического отношения к тексту источников – легко читает, как пестрые картинки и без анализа, без испытующего взгляда историка". Для себя Нечкина помечает: "Рассказать о необходимости

²¹ Там же. Д. 395. Л. 4–8, 17, 30.

²² Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 15.

постановки какой-то внутренней темы для исследования (одну за другой, в мотивированной очереди), рассуждать об этой теме, приходиться к какому-то выводу”.

Относительно доклада Орджоникидзе “Москва и декабристы” М.В. пишет: “Надо бы начать с Москвы. Ведь ее тема не декабристы вообще. Она не начинается с постановки темы. Вот, наконец, начала! Плохо, монотонно читает. [...] Опять соскользнула на изложение вообще, а не на Москву. Ну, например, зачем столько о Пестеле? Его в Москве нет. [...] Ну к чему, например, документы о казни? Казнь не в Москве! Детский подход”.

Доклад В.В. Трубецкого “Московские споры западников и славянофилов” был в целом расценен как удачный: “Высокий, настоящий стиль работы научного типа. Он ставит вопрос так: спор шел о том, должна ли Россия быть земледельческой страной или фабрично-заводской”, однако “Не очень обширная литература (он говорит – обширная). Формулу Бенкендорфа он неточно привел. Подводит итог, но где же картина западников? Где портрет Герцена? Белинского? Нет проблемы либерализма”²³.

Очевидна тематическая связь этого семинара с 800-летием Москвы (1947 г.). Преподавателем в разработку студентам были даны и те темы, которые в 1954 г., в числе других, составят третий том “Период разложения крепостного строя” шеститомной “Истории Москвы”. М.В. Нечкина будет автором глав “Москва в начале 19 в.”, “Москва в 1812 году”, “Общественное движение в Москве в 1812–1825 гг.”, “Москва и декабристы”, “Общественные течения 1826–1848 гг.”.

В первой половине 1950-х годов Милица Васильевна участвовала в написании обобщающего труда “История Московского университета”. В 1955 г. вышел первый том “1755–1917”, в котором М.В. Нечкиной принадлежит глава “Московский университет в общественно-политической и культурной жизни России 20–50-х годов 19 в.”. Разделы этой главы: “Московский университет и декабристы”, “Студенческие кружки в Московском университете в 20-х и 30-х гг.”, “Роль профессуры университета в формировании передовой общественно-политической и философской мысли”, “Московский университет и театр”, “Столетний юбилей Московского университета”. Здесь также просматриваются некоторые темы, которые изучались в семинарских занятиях со студентами.

М.В. Нечкина преподавала на кафедре истории СССР исторического факультета МГУ в 1934–1954 гг., до ее разделения на несколько кафедр. Заведующими кафедрой были А.М. Панкратова (1934–1936), Н.М. Дружинин (1937), В.И. Лебедев (1938–1941), И.И. Минц (1941–1949), А.Л. Сидоров (1949–1953). С этими учеными она была связана и научной работой в Институте истории АН СССР. Сохранились письма к Нечкиной А.М. Панкратовой (1934–1956 гг., д. 740), Н.М. Дружинина (1948–1981 гг., д. 577), И.И. Минца (1934–1981 гг., д. 696), преподавателей университета И.С. Галкина (1976 г., д. 530), С.С. Дмитриева (1954–1984 г., д. 572), П.А. Зайончковского (1958 г., д. 599), Г.А. Новицкого (1961, 1976 гг., д. 721), А.М. Сахарова (1966–1976 гг., д. 797), Б.Е. Сыроечковского (1951–1961 гг., д. 830), В.А. Федорова (1955–1984 гг., д. 858), И.А. Федосова (1968, д. 861), Д.Ю. Элькиной-Мицкевич (1942 г., д. 908).

Можно отметить, что хронологически и содержательно в этом комплексе выделяются письма С.С. Дмитриева (31 письмо) и Н.М. Дружинина (17 пи-

²³ АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 395. Л. 54, 68.

сем). Сергей Сергеевич обсуждает свои работы (главы из учебника, статьи “К вопросу об образовании и основных этапах развития русской нации”, о Н.Л. Рубинштейне) и работы Милицы Васильевны (статья и монография о В.О. Ключевском, очерк “Декабристы”), тепло поздравляет с юбилеями. Николай Михайлович, например, в 1952 г. касается темы движения декабристов: “Ваша книга – своего рода рубеж советского декабристоведения”, “Основной спорный тезис – о соединении обществ”, “Я считаю, что окончательное решение вопроса о сохранении или устранении из Вашей монографии обвинения меня в компаративизме – дело Вашей научной совести”. (В 1955 г. вышла двухтомная монография М.В. Нечкиной “Движение декабристов”).

Графологическим своеобразием отличается письмо П.А. Зайончковского М.В. Нечкиной 1958 г. Машинописный текст письма заканчивается словами “Искренне уважающий Вас” и автографом “Петр Зайончковский”. На собственно подписи стоят три кляксы. Комментарий Нечкиной: “Неуважительная подпись, полная клякса! 3 кляксы на 2 слова!”. В содержательном плане речь идет об учебнике под редакцией М.В. Нечкиной “История СССР” для исторических факультетов университетов и педагогических институтов.

Своего рода эпистолярным феноменом в фонде можно считать комплекс писем к М.В. Нечкиной ее бывших студентов. Сохранились письма Н.И. Бураковой (1954 г., д. 503), Н. Гудковой (1971 г., д. 554), Е.Е. Деньгина (1981 г., д. 566), Г.М. Коржиковой (1950–1975 гг., д. 645), Л.М. Лисянской (1965, 1975 гг., д. 674), А.К. Лишиной (1966–1981 гг., д. 676), Л.А. Медведской (1958–1969 гг., д. 692), С.Б. Рождественской (1962 г., д. 783), Л.С. Фридберг (1948–1981 гг., д. 865), В.В. Широковой (1974–1979 гг., д. 894) и др. По-разному сложились их судьбы, различными были их исследовательские интересы. Объединяет эти документы личность М.В. Нечкиной, с которой авторы делились своими мнениями, просили совета, не забывали поздравлять с юбилеями. Одно из таких теплых писем с воспоминаниями хотелось бы процитировать. В 1971 г. в связи с 70-летием Милицы Васильевны Н. Гудкова писала: “Прошло уже более 20 лет, как мы покинули стены университета (выпуск 1949 г.), но как вчерашний день помнится все, что Вы говорили нам в аудиториях. [...] Каждую встречу с Вами мы ждали как праздник, на Ваши семинары шли как во МХАТ. Я помню, каким восторгом горели глаза девочек, когда Вы рассказывали о найденных дневниках Огарева. Я даже слышу Ваш голос, когда Вы цитировали слова старухи (Селищевой?) о бунте на Сенатской площади. В полумраке сумерек (никому не хотелось зажигать свет) Вы рассказывали и рассказывали... А мы видели и сафьяновый переплетик дневника и замочек на нем. И словно Николинка Огарев снова и снова переживали все это сами! [...] и пусть не все из нас стали учеными. Но в каждой из нас и сейчас живет восторг перед Вашими открытиями и Вашей влюбленностью в историческую науку. И если мы помним Ваши ни с чьими не сравнимые лекции, помним Ваши слова о том, что вдохновение приходит в труде и даже то, что дурно говорить “страшно нравится”, – это значит, что Ваш труд не пропал даром. Спасибо Вам за него, дорогой Учитель! [...]”²⁴.

В заключение следует отметить, что сохранившиеся в личном фонде М.В. Нечкиной в Архиве РАН документы по рассматриваемой в настоящем обзоре теме, к сожалению, далеко не полностью отражают более чем двадцатилетнюю историю взаимоотношений М.В. Нечкиной и Московского государственного университета, но определенное представление составить позволяют.

²⁴ Там же. Д. 554. Л. 1–2.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ И ГИБЕЛЬ ИСТОРИКА Н.И. РАЗУМОВСКОЙ. 1949 г.

25 марта 1949 г. в ночь после партийного собрания с повесткой дня “О борьбе с буржуазным космополитизмом и задачах парторганизации” повесилась в своей комнате в общежитии преподававшая в Ивановском пединституте выпускница истфака МГУ кандидат исторических наук Нина Исааковна Разумовская. Кампания против так называемых космополитов как составная часть идеологической реакции в последние годы жизни И.В. Сталина отражена в источниках и литературе¹. Духовная атмосфера этого времени в Ивановском государственном педагогическом институте (ИГПИ) охарактеризована К.Е. Балдиным².

В предлагаемых заметках внимание сосредоточено преимущественно на одной жертве сталинской политики конца 1940-х годов. Извлечение Н.И. Разумовской из Леты (“никто не забыт, ничто не забыто”) – не только дань памяти ее погубленной жизни, но и толика в освещении “разнузданного произвола правителя” (формула академика М.В. Нечкиной). Это также и страница истории Ивановского университета.

Самоубийство Н.И. Разумовской стало хрестоматийным примером для пишущих об этих трагических страницах нашей истории. Так, А.Я. Гуревич вспоминал: «Но колесо сталинских репрессий вращалось неудержимо [...] Не все могли это выдержать, сходили с ума, кончали самоубийством. Кампания против “безродных космополитов” сопровождалась человеческими жертвами в прямом смысле слова. В Иванове в пединституте работала молодая выпускница МГУ, доцент Разумовская. Ее подвергли уничтожающей критике, и она повесилась»³.

Глухие слухи о самоубийстве Н.И. передавались в Ивановском государственном университете (ИвГУ) из поколения в поколение. Ветераны и с их слов многие преподаватели Ивановского пединститута – Ивановского университета знали о ее самоубийстве, но долгое время вслух говорить о нем не могли. В 1982 г. профессор ИвГУ Л.Н. Таганов записал в дневник: «Вчера Павел Вячеславович Куприяновский много рассказывал о событиях 1949 года в Ивановском пединституте, об охоте за местными “космополитами”: исключение из партии Левина, самоубийство талантливого лингвиста (историка. – *Авторы*) Разумовской»⁴. Опубликовать короткие воспоминания об этих событиях П.В. Куприяновский смог лишь в 1993 г.⁵, выдержки из дневника Л.Н. Таганова увидели свет в 2003 г. В обстоятельной истории ИвГУ К.Е. Балдина о Разумовской упоминается мимоходом⁶. Это все, что мы в настоящее время знаем о Нине Разумовской. Современные студенты о ней ничего не слышали.

¹ См., в частности: Сталин и космополитизм: Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945–1953. М., 2005; Костырченко Г.В. В плену у красного фараона: Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. М., 1994; Он же. Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М., 2001.

² Балдин К.Е. Ивановский государственный университет: Очерки истории. 1918–2003. Иваново, 2004.

³ Гуревич А.Я. История историка. М., 2004. С. 53.

⁴ Таганов Л.Н. Книга без конца: Из дневников 1970–2000 годов. Иваново, 2003. С. 71.

⁵ Куприяновский П.В. Что припомнилось // Ивановский государственный университет глазами современников. Иваново, 1993. Вып. 1. С. 81–82 и др.

⁶ Балдин К.Е. Указ. соч. С. 248.

Попытка рассказать о ней в контексте событий предпринимается на следующей источниковой базе. Личные дела и другие документы из Архива ИвГУ позволили ближе познакомиться с действовавшими лицами трагедии. Хранящиеся в Государственном архиве Ивановской области (ГАИО) протоколы партийных собраний ИГПИ и постановление Бюро обкома ВКП(б) о самоубийстве Н.И. Разумовской дают представление об атмосфере эпохи и экзекуциях, которым были подвергнуты жертвы, как и об индугенции, выданной виновникам партийными инстанциями (главным образом Ф. П-859 (Партийная организация ИвГУ и Партийное бюро ИвГУ), а также Ф. П-327 (Бюро Ивановского обкома ВКП(б)).

Использованы скупые публикации воспоминаний ветеранов ИвГУ Л.В. Венкстерн (1914–2000), П.В. Куприяновского, И.И. Мордвишина и написанные по нашей просьбе письма-воспоминания (Л.М. Адлера, Н.М. Фильрозе, С.О. Шмидта). Попытки расширения мемуарной и эпистолярной базы оказались безуспешными: “иных уж нет” (в частности в марте 2005 г. умерла ближайшая подруга Н.И. Разумовской по МГУ – проф. Е.В. Чистякова), здравствующие же либо действительно не помнят события более чем полувековой давности, либо – по понятным мотивам – не стремятся напрочь память.

Вдумываясь в то тяжелое время, зная, что и тогда люди вели себя по-разному, мы не склонны к “бросанию камней”: помним, что, как писал поэт, “жалок тот, в ком совесть нечиста” и что, как полагал другой общеизвестный автор, наказание заключено уже в самом преступлении.

1. Н. И. Разумовская до приезда в Иваново

Нина Исааковна Разумовская родилась в 1921 г. в Киеве. Ее родители до 1917 г. были учащимися, впоследствии отец работал профессором философии, мать учительницей. Отец, как сообщает Н.И. в автобиографии, умер в 1939 г.⁷ После переезда в Москву проживала с матерью по адресу: Сретенка, Малый Головин переулок, д. 5, кв. 2. Окончив в 1939 г. среднюю школу, поступила на исторический факультет Московского университета и первые студенческие годы провела в Москве. Ее университетскими друзьями были Елена Викторовна Чистякова, Владимир Аронович Дунаевский, Сигурд Оттович Шмидт, впоследствии ставшие видными учеными-историками. “Она нередко бывала у меня дома, мы были в истинно дружеских отношениях”, – вспоминает Шмидт⁸. В октябре 1941 г. с истфаком эвакуировалась вместе с матерью сначала в Ашхабад, затем в Свердловск, где параллельно с учебой трудилась разнорабочей на заводе “Уралмаш”⁹. Весной 1943 г. она послала находившейся в Москве подруге Леле Чистяковой сочиненную ею песню “Эвакостуденческая” (исполнялась на музыку Т. Хренникова)¹⁰. В пропитанной романтикой молодости песне – и “золоти-

⁷ Архив ИвГУ. Личное дело Н.И. Разумовской, автобиография. В 1947 г., когда эта автобиография была написана, Н.И. могла не знать, что ее отец, профессор Исаак Петрович Разумовский, умер в 45-летнем возрасте “в Таганской тюрьме, где пробыл одиннадцать месяцев под следствием. Осужден не был. Потом был посмертно реабилитирован” (Из воспоминаний дочери И.П. Разумовского от другого брака: *Ремизова Г.* Три пятерки за сочинение: Памяти Наталии Разумовской // “Ты, солнце святое, гори!”: Книга о московском учителе словесности Иване Ивановиче Зеленцеве. М., 2000. С. 133).

⁸ Письмо С.О. Шмидта – И.Я. Биску, 20 ноября 2005 г. (Архив И.Я. Биска).

⁹ Воспоминания эвакуированной вместе с ней студентки предыдущего курса (набора 1938 г.) Н.М. Фильрозе-Сухаревой (Архив И.Я. Биска).

¹⁰ Написанный рукой Н.И. оригинал песни любезно прислан нам Л.В. Дунаевским, сыном Е.В. Чистяковой и В.А. Дунаевского (Архив И.Я. Биска).

стое пьянящее вино, что мы пивали в Ашхабаде”, и “ветры злобные Урала зимой холодной нас трепали заодно”, а надо всем – страстное ожидание возвращения в родную Москву: “...Мы ждем, чтоб нас Москва позвала... но лик судьбы сокрыт в тумане / Ее нам видеть, к сожалению, не дано. / И мы сидим на чемоданах / Давным-давно...”; оно вскоре состоялось.

В 1944–1947 гг. Н.И. была аспиранткой кафедры истории СССР МГУ, специализируясь по отечественной истории начала XX в. Проявляла живой интерес к деятельности на истфаке Научного студенческого общества, одним из руководителей которого был С.О. Шмидт¹¹. Член ВЛКСМ с 1937 г., Н.И. в 1945 г. была принята в партию, два с половиной года работала лектором Краснопресненского райкома ВКП(б) г. Москвы, главным образом агитатором на Трехгорной мануфактуре; карьеризм в ней начисто отсутствовал, хотя она была, как сообщает Шмидт в упомянутом письме, “партийна (чуть ли не со школьных лет”).

Под руководством проф. А.Л. Сидорова в 1947 г. защитила кандидатскую диссертацию “Центральный военно-промышленный комитет” (официальные оппоненты С.К. Бушуев, А.Я. Грунт). “Сидоров ценил Нину, был у нее дома в день защиты, которую отмечали в скромной комнате, где она жила с матерью близ Сретенки. Сидоров включил диссертацию в план изданий МГУ”¹². С рукописью этой подготовленной к опубликованию книги А.Л. Сидоров в 1949 г. ознакомил участника своего спецсеминара и дипломника Л.М. Адлера, который был поражен ее глубиной¹³. Академик РАО С.О. Шмидт характеризует Н.И. так: “самая талантливая студентка и позже аспирантка моего выпуска”¹⁴. А из студентов набора 1939 г. – единственного, где было два потока – выросло немало видных специалистов в области отечественной и всеобщей истории, археологии, этнографии (В.А. Александров, М.С. Восленский, Е.С. Голубцова, И.Б. Греков, М.А. Заборов, А.П. Каждан, В. Карасев, О. Кудрявцев, А.Ф. Медведев, М.И. Орлова, А.И. Першиц, Б.С. Попов, Е.В. Чистякова и др.¹⁵). Аспирантуру окончила статная, рыжеволосая, с редкими зелеными глазами молодая женщина, не пользовавшаяся косметикой и искусственными украшениями, благожелательная, деятельная.

Как выпускнице аспирантуры МГУ, в срок защитившей диссертацию, кандидату исторических наук Н.И. предложили несколько мест для работы. Она выбрала Ивановский педагогический институт и с 1 сентября 1947 г. была зачислена на должность старшего преподавателя кафедры истории СССР¹⁶.

2. Ивановский пединститут в 1947–1949 гг.

В 1947 г. на 16 кафедрах ИГПИ преподавали 4 профессора и 20 доцентов и кандидатов наук, учились в педагогическом и учительском институтах 3752 студента – приблизительно поровну на дневном и заочном отделениях. Библиотечный фонд в 1947 г. составлял 150 тыс. книг.

Материальная база была скромной. Ныне основной 1-й учебный корпус по ул. Ермака, 37 начали строить до войны, но успели только заложить фун-

¹¹ См.: Шмидт С.О. Самый талантливый с нашего курса // Мир Александра Каждана: К 80-летию со дня рождения. СПб., 2003. С. 12, 47.

¹² Цит. из вышеупомянутого письма С.О. Шмидта И.Я. Биску.

¹³ Письмо Л.М. Адлера – И.Я. Биску, 30 мая 2005 г. (Архив И.Я. Биска). Во время Великой Отечественной войны сержант Л.М. Адлер служил добровольцем в том полку Краснопресненской ополченческой дивизии, комиссаром которого был А.Л. Сидоров. Профессор Альметьевского нефтяного института Адлер умер в августе 2005 г.

¹⁴ Шмидт С.О. Судьба историка Н.И. Рубинштейна // АЕ за 1998 год. М., 1999. С. 225.

¹⁵ Шмидт С.О. Самый талантливый с нашего курса... С. 12.

¹⁶ Архив ИвГУ. Приказ по ИГПИ № 273 от 6/IX 1947 г.

дамент, за первые 5 послевоенных лет удалось возвести лишь первый этаж, в котором поселились строители – военнопленные немцы. Учебные занятия велись преимущественно в малоприспособленном помещении по Нижегородской улице. В первые послевоенные годы учебные корпуса едва отапливались. Зимой студенты занимались в пальто, лекции записывали в перчатках. Общежитие по ул. Ермака, 39, в котором на четвертом этаже селили и приезжавших преподавателей, освещалось керосиновыми лампами¹⁷.

3. “Охота за ведьмами”: исполнители (администрация, партбюро)

Директором ИГПИ в 1946–1957 гг. был *Окопишников Геннадий Иванович*. Выпускник Ярославского пединститута, он начинал как статистик на железной дороге, в разные годы был инспектором Ивановского горно, директором Ивановского учительского института иностранных языков, во время войны – политработником штаба армии. Вынужденный ценить квалифицированных сотрудников, он еще больше боялся упреков Обкома партии в “засорении кадров”. Возможно, он действительно “стремился по возможности приглушить разоблачительские кампании, то и дело прокатывавшиеся по институту после очередных партийных постановлений”¹⁸. Но беспричинно изгнанные им с работы придерживались об Окопишникове совсем другого мнения¹⁹.

Среди трех лиц, которых Н.И. Разумовская в предсмертной записке обвинила в своей гибели, первым был назван А.М. Мягков.

Мягков Александр Михайлович (1902–1971), уроженец г. Иванова, получил два высших образования (Социально-экономический факультет Ивановского политехнического института и Правовое отделение факультета общественных наук 1-го Московского университета), с 1931 г. был заведующим кафедрой марксизма-ленинизма и преподавателем диалектического и исторического материализма в ивановских институтах – химико-технологическом, энергетическом и педагогическом. В 1940 г. ВАК присвоила ему звание доцента.

Но жизнь Мягкова изобиловала неприятностями. Хотя его мать происходила из крестьян, отец в 1910–1919 гг. “имел торговлю” и, следовательно, являлся “выходцем из классово чуждой среды”. Отцовская торговля дамкловым мечом висела над Мягковым всю жизнь. За неупоминание о ней при вступлении кандидатом в члены ВКП(б) он получил в 1930 г. строгий выговор. Дважды, в 1935 и 1937 гг., “за связь с троцкистом” исключался из партии. Хотя взыскания впоследствии снимались, до очередной реабилитации приходилось уходить в школу. Мягков всегда ощущал угрозу нового исключения и увольнения. Думается, что из страха он мог проявлять особое усердие в проведении “генеральной линии партии” и даже забегать в этом рвении вперед (служа впоследствии козлом отпущения).

Удивительное впечатление производят метаморфозы судьбы и характеристики А.М. Мягкова в 1949 и в 1950 гг. (!). 15 марта 1949 г. Ученый совет ИГПИ возбуждает вопрос о его направлении “в годичную аспирантуру для выполнения работы по диссертации и ее защиты” (тема: “Советский героизм”), причем “на командирование т. Мягкова получено согласие Ивановско-

¹⁷ Балдин К.Е. Указ. соч. С. 211–224.

¹⁸ Там же. С. 233.

¹⁹ См., например, рукописные воспоминания “То было наше время” ветерана ИвГУ доцента Л.В. Венкстерн, по происхождению русской дворянки, которую он дважды пытался уволить своими приказами (Архив И.Я. Биска).

го обкома ВКП(б)”; 17 марта 1949 г. Мягкову выдана блестящая характеристика. В ней, в частности отмечено: “Кафедра марксизма-ленинизма под руководством т. Мягкова проделала большую работу по реализации в институте решений ЦК ВКП(б) по вопросам идеологии и решений сессии Академии сельскохозяйственных наук им. Ленина” и т.д.

Но в 1950 г. его вновь исключают из партии, 2 июня 1950 г. увольняют из ИГПИ “в связи с отсутствием учебных поручений”. До 10 мая 1954 г. Мягков все же работал в ИГПИ на кафедре литературы, выполняя нагрузку по отделению заочного обучения, а 16 августа 1954 г. Минпрос РСФСР перевел его в Шуйский пединститут на должность доцента кафедры марксизма-ленинизма²⁰. Эти метаморфозы заставляют вспомнить мавра, который сделал свое дело и должен уйти.

4. “Охота за ведьмами”: исполнители (кафедра истории СССР ИГПИ)

Сплоченное ядро кафедры истории СССР, на которую определили Н.И., составляли относительные старожилы – М.И. Зеленский, И.И. Мордвишин, Ю.А. Якобсон. Все они были старше ее по возрасту, обладали преподавательским опытом, хотя имели более слабую общую и профессиональную подготовку, чем остепененная выпускница истфака и аспирантуры столичного университета, уже успевшая подготовить к изданию монографию.

Зеленский Михаил Иннокентьевич (1903–1949) родился в глухом восточносибирском селе, по окончании двух классов начальной школы участвовал как партизан и военнослужащий в становлении Советской власти в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Это решающим образом сказалось на дальнейшей судьбе молодого крестьянского парня.

По окончании гражданской войны его послали на два года учиться на рабфак в г. Владивосток, затем на пять лет в Институт красной профессуры (ИКП) в Москву, после чего он работал в Ивановском филиале ИКП, а с 1934 г. заведовал кафедрой истории СССР в ИГПИ. Правда, в 1937 г. его исключили из ВКП(б) “за связь с врагами народа” и сняли с работы, но через год реабилитировали и восстановили в прежней должности²¹. Он считался профессором, но документов об образовании не имел, вследствие чего, по деликатному выражению И.И. Мордвишина, ему “пришлось оформляться в ученой степени и звании”²². В 1940 г. он защитил в Московском институте истории, философии и литературы, кандидатскую диссертацию “Русское войско XVI–XVII вв.”. Мордвишин, бывший студент и многолетний коллега Зеленского, находил у него следующие положительные качества: “хорошо знал историю нашей Родины и умел этот материал насыщать политической остротой [...] он крепко усвоил глубокую мысль В.И. Ленина – любое экономическое и социально-политическое явление современности корнями уходит в историю” – и умело связывал прошлое с современностью²³. Высокий, худой, в очках и неизменном сером костюме, бывший красный партизан – казалось, герой популярной песни “По долинам и по взгорьям”, – проживал в предоставленной ему благоустроенной квартире построенного в 30-х годах

²⁰ Архив ИвГУ. Личное дело А.М. Мягкова.

²¹ Там же. Личное дело М.И. Зеленского.

²² *Мордвишин И.И.* Некоторые страницы моей жизни // Ивановский государственный университет глазами современников. Вып. 1. С. 33–34.

²³ Архив ИвГУ. Личное дело И.И. Мордвишина.

элитного Дома специалиста в центре Иванова. 45-летний М.И. Зеленский скончался через полгода после самоубийства Н.И.

Мордвишин Иван Иванович (1910–1985?) родился в Омске. Согласно автобиографии, в актерской семье (“отец и мать были актерами драмы”), согласно личному листку по учету кадров он – “сын крестьянина” (оба документа подписаны Мордвишиным в один день). По окончании средней школы работал на Урале учителем и литературным сотрудником газеты, в 1933–1936 гг. – студент истфака ИГПИ, в 1936–1939 гг. – аспирант Московского педагогического института имени К. Либкнехта, где защитил кандидатскую диссертацию (“Бироновщина”), с 1940 г. до выхода на пенсию в 1973 г. (и изредка до 1985 г.) работал доцентом кафедры истории СССР ИГПИ, беспартийный. Любопытная страница биографии Мордвишина: в день московской паники 16 октября 1941 г. он подал директору института заявление “Прошу уволить меня от занимаемой должности, т.к. я принужден сопровождать ребенка моей сестры, эвакуируемого в г. Барнаул”; в Барнауле Мордвишин работал два месяца преподавателем средней школы и был освобожден “в связи с выездом в г. Иваново на место основной работы”. (Пикантность ситуации: “принужден сопровождать” не временно, а с увольнением – тогда падение Москвы казалось вопросом дней, возвращается же с ликвидацией этой угрозы). В Иваново вскоре вновь стал работать в ИГПИ, слыл эрудированным преподавателем истории СССР и историографии с хорошей памятью и ораторскими данными.

В 1948–1949 гг. Мордвишин активно громил “космополитов”. В марте 1948 г. в МГУ состоялось Всесоюзное совещание заведующих кафедрами истории СССР университетов и пединститутков, на котором обсуждение книги Н.Л. Рубинштейна “Русская историография” было превращено в разгромное осуждение ее автора. В этом подготовленном партийными инстанциями спектакле участие Мордвишина охарактеризовано свидетелем так: “Жалко и в то же время зловеще выглядело выступление И.И. Мордвишина из Пединститута г. Иваново, напечатавшего перед тем письмо о книге Н.Л. и получившего слово только седьмым, – он обижался за то, что публично не оценили его инициативу...”²⁴ Несколько ниже в цитируемой статье отмечено, что накануне самоубийства Разумовской «ее “проработкой” верховодил уже упоминавшийся Мордвишин»²⁵.

Когда И.Я. Биск в конце 1970-х годов принял кафедру всеобщей истории ИВГУ и вел методологический семинар преподавателей, на одно из его занятий пришел Мордвишин и похвастал тем, что в свое время его приглашали аж в Москву громить космополитов; в словах Мордвишина не было ни антисемитизма, ни покаяния, а лишь одно тщеславие²⁶. В опубликованных в 1993 г. воспоминаниях (“Некоторые страницы моей жизни”) И.И. Мордвишин об этом предпочел не упоминать.

Якобсон Юрий Артурович (1915–2004) родился в Иваново в семье крестьянки и железнодорожного служащего, эстонца по происхождению. В 1935–1939 гг. учился на истфаке ИГПИ, был оставлен ассистентом на кафедре истории СССР. В 1939–1946 гг. служил в Советской (с 1941 г. – в Действующей) армии, с 1942 г. являлся военным следователем военной прокуратуры, демобилизован в 1946 г. в звании капитана юридической службы.

²⁴ Шмидт С.О. Судьба историка Н.Л. Рубинштейна... С. 220.

²⁵ Там же. С. 225.

²⁶ Биск И.Я. Мой XX век: Записки историка. Иваново, 2003. С. 201.

В 1947–1949 гг. – старший преподаватель кафедры истории СССР ИГПИ без ученой степени и публикаций²⁷. Жесткость военного юриста, привыкшего иметь дело с “самострелами” и дезертирами, пребывание в должности секретаря партбюро истфака, возможно, и опасение иностранного звучания фамилии, могли повлиять на отношение Яковсона к Разумовской и ее оценку этого отношения.

5. “Охота за ведьмами”: преследуемые

Это были прежде всего В.Д. Левин, А.П. Каждан, Я.И. Дразнин. В сочувствии им и в нежелании бороться с космополитами обвинялась Н.И. Разумовская.

Левин Виктор Давыдович, родился в Одессе, в 1915 г. в Москве окончил семилетку, педагогический техникум, факультет языка и литературы Городского педагогического института, восемь лет преподавал русский язык и литературу в одной из московских школ, в 1939 г. окончил аспирантуру ИФЛИ, защитив диссертацию кандидата филологических наук (“Отглагольные прилагательные в русском языке”), был направлен Минпросом РСФСР в Ивановский пединститут.

Здесь в 1939–1949 гг. работал старшим преподавателем, доцентом, заведовал кафедрой русского языка и общего языкознания, а с 1943 г. – также заместитель директора института по учебной и научной работе. Должностной рост и имеющиеся в личном деле Левина характеристики свидетельствуют о высоком качестве его преподавательской и научной деятельности, живом и увлекательном изложении лекций студентам, организованных им научных диалектологических экспедициях, административных успехах, об авторитете и любви, которыми он пользовался у студентов.

Левин почти в одночасье стал врагом для местных властей из-за принципиальной позиции в спорах об отечественном языкознании: он неизменно отрицательно относился к “новому учению” о языке академика Н.Я. Марра и положительно – к вышедшей в 1947 г. книге академика В.В. Виноградова “Русский язык”, что, в частности, нашло выражение уже в январе 1948 г. на лингвистической дискуссии в ИГПИ.

К.Е. Балдин сообщает: «Попытки высказать или отстоять свое мнение заканчивались печально для свободомыслящих. Показателен в этом отношении случай, который произошел сразу после окончания войны. Из печати в это время вышла книга академика В.В. Виноградова “Русский язык”. В столичной “Литературной газете” с официального благословения была вскоре опубликована статья “Нет, это не русский язык” с убийственной критикой Виноградова. Вскоре в стенгазете филологического факультета ИГПИ в защиту академика, пользовавшегося огромным авторитетом в научных кругах, выступили преподаватели и студенты. Реакция идеологических органов не заставила себя ждать: в органе обкома партии – “Рабочем крае” была опубликована статья “Неправильное использование газетной трибуны”. Студентов в ней пощадили, а вот преподавателям изрядно досталось и за инакомыслие, и за “неправильное воспитание молодежи”. Затем “протестантов” резко критиковали на институтском партийном бюро, причем особенно крепко – заведующего кафедрой русского языка В.Д. Левина.

²⁷ Архив ИвГУ. Личное дело Ю.А. Яковсона; Юбилейный сборник, посвященный 85-летию профессора Ю.А. Яковсона. Иваново, 2000.

Не выдержав травли, Виктор Давыдович вынужден был уйти из института. Но и позже его не оставили в покое. Вдогонку ему из Иванова в Москву были посланы порочащие материалы на его новое место работы – в Литературный институт»²⁸.

Согласно его личному желанию, Минпрос РСФСР приказом от 18 сентября 1948 г. освободил его от поста зам. директора. Левин был принят в Московский Литературный институт как на основное место работы, а в штате ИГПИ состоял лишь совместителем, но в первой половине марта 1949 г. подал заявление об уходе. Поэтому приказ директора Окопишниковой от 16 марта 1949 г. об освобождении Левина из ИГПИ за космополитизм был несостоятелен и противозаконен – по существу и по форме. По существу, так как партколлегия МГК ВКП(б) 30 ноября 1949 г. отвергла обвинения Левина в космополитизме, по форме – потому что сам Левин просил об увольнении еще в первой половине марта 1949 г.²⁹

Иными словами: все обвинения в адрес главного мнимого космополита ИГПИ были лживы. А ведь атмосфера мартовского и апрельского партийных собраний в отсутствие Левина (Дразнин и Каждан – беспартийные) были таковы, что он – одиознейшая личность, не то арестованная уже, не то ждущая ареста. Но что и это – мыльный пузырь и “охота на ведьм”, выяснилось уже в 1949 г., несмотря на продолжение общей сталинской антикосмополитической политики.

Каждан Александр Петрович (1922–1997), однокурсник Н.И. по истфаку МГУ, окончив в 1942 г. истфак Башкирского государственного педагогического института и защитив в 1946 г. в Институте истории АН СССР кандидатскую диссертацию по аграрной истории Византии XIII–XV вв., с февраля 1946 г. до августа 1949 г. работал на кафедре всеобщей истории ИГПИ. Кафедру возглавлял медиевист доцент Аркадий Владимирович Кокоткин (он же декан истфака), средние века вела также Л.В. Венкстерн, новую и новейшую – Я.И. Дразнин, Восток – канд. ист. наук Н.М. Фильрозе (Сухарева). Сам Каждан вел древний мир. Кажется, вся кафедра, кроме Фильрозе, была беспартийной. В Архиве ИвГУ личное дело Каждана не сохранилось, тем большее значение для понимания облика этого начинавшего в ту пору, но уже остепененного молодого преподавателя и будущего крупного ученого приобретают краткие воспоминания о нем Л.В. Венкстерн.

«Сначала мы в нем оценили выдержанность, корректность, вежливость. Но скоро он раскрылся нам полнее, интереснее и глубже. Уже на одном из первых заседаний кафедры мы почувствовали его ум, большую эрудицию, склонность к широким научным обобщениям. Он даже позволил себе не согласиться с точкой зрения заведующего кафедрой, что у нас не было принято. Свобода мнений, свобода рассуждений решительно отличала его от нас. [...] От его высказываний веяло каким-то свежим ветром, позволявшим думать и рассуждать, а не только следовать указаниям учебников, одобренных и принятых ЦК партии в качестве учебных пособий для педагогических институтов. [...] Но вдруг поползли страшные слухи. Каждан допустил ужасную политическую ошибку – он сказал, что Ленину, как всякому человеку, свойственно ошибаться и что он допускал ошибки. В те годы такое заявление не могло не произвести впечатления разорвавшейся бомбы. Ну, а потом? А потом бы-

²⁸ Балдин К.Е. Указ. соч. С. 247–248.

²⁹ Архив ИвГУ. Личное дело В.Д. Левина. Л. 42–44 и др.

ло то, что и должно было последовать за такой “крамолой”: состряпали “дело” и талантливого молодого ученого прогнали, уволили»³⁰.

Дразнин Яков Иосифович (1911–1989) родился в Литве в г. Алитус, в семье учителя начальной школы. Окончив гимназию и Каунасское педагогическое училище, 12 лет работал учителем (после установления советской власти – заведующим) начальной школы. Питая давний интерес к истории, Дразнин для получения доступа к источникам и литературе изучил русский, английский, французский, немецкий, латинский языки, опубликовал 6 статей. После начала Великой Отечественной войны вступил в Красную Армию добровольцем, воевал в 11-й литовской стрелковой дивизии, был дважды ранен, награжден орденом солдатской Славы III степени. После тяжелого ранения в 1943 г., 11-месячного лечения в госпиталях и получения инвалидности оказался в Ивановской области³¹.

В 1944–1945 гг. в качестве заочника (экстерна) сдал экзамены за полный курс истфака ИГПИ, получил диплом с отличием³² и был оставлен преподавателем новой истории на кафедре всеобщей истории института. В 1945–1949 гг. успешно читая лекции и ведя семинарские занятия по новой истории³³, Дразнин одновременно сдал в ИГПИ и Московском университете все экзамены кандидатского минимума (3 экзамена по иностранным языкам и 4 проблемы по специальности – на “отлично”, диалектический и исторический материализм – “хорошо”)³⁴, интенсивно работал над кандидатской диссертацией³⁵.

Однако после активизации космополитической кампании он был отстранен от чтения лекционных курсов и вынужден был в июне 1949 г. уехать из Иванова.

6. Н.И. Разумовская в Ивановском пединституте в 1947–1949 гг.

Н.И. работала в ИГПИ с 1 сентября 1947 г. до 25 марта 1949 г. Она получила комнату в студенческом общежитии по ул. Ермака, 39 (ныне 3-й учебный корпус ИвГУ). Эта комната расположена на последнем этаже четырехэтажного здания, в его восточном – левом, если стоять лицом к фасаду, – крыле; комната была узкой пеналобразной, около 7 кв. м., окно выходило на хозяйственный двор. Четвертый этаж был преподавательским. Среди его жильцов историки: А.П. Каждан, Я.И. Дразнин (с кафедры всеобщей истории), выпускницы истфака МГУ Н.М. Фильрозе (Сухарева, находившаяся вместе с Н.И. в ашхабадской и свердловской эвакуации) и Радзивиллова (кафедра марксизма-ленинизма). К занятиям приходилось готовиться в плохо отапливаемом помещении, нередко при керосиновой лампе.

Зав. кафедрой М.И. Зеленский включил в карту учебных поручений Н.И. занятия на истфаке не педагогического, а учительского института, и на литфаке педагогического института. Он требовал проведения спецсеминара по истории советской культуры, от чего она решительно отказывалась, ссылаясь на отсутствие источников, некомпетентность и другие причины. Этот сюжет стал в начале весеннего семестра 1948/49 учебного года предметом ост-

³⁰ Венкстерн Л.В. Каким мне запомнился Александр Петрович Каждан // Ивановский государственный университет глазами современников. Вып. 1. С. 75–76.

³¹ Архив ИвГУ. Личное дело Я.И. Дразнина. Л. 1 и 1 об., автобиография.

³² Там же. Л. 2, диплом.

³³ Там же. Л. б/н, характеристика от 10 сентября 1948 г.

³⁴ Там же. Л. 3, справка истфака МГУ от 4 мая 1947 г.

³⁵ Там же. Л. б/н. “Характеристика” из Института истории АН СССР.

рых споров на кафедре, в которых Зеленский применял в адрес Разумовской недопустимые резкость и грубость, осуждавшиеся даже иными его сторонниками. В условиях того времени ведение такого спецсеминара было связано с необходимостью жесткой критики в адрес выдающихся деятелей советской культуры, подвергавшихся разгрому в известных постановлениях ЦК КПСС по вопросам идеологии, начиная с постановлений о журналах “Звезда” и “Ленинград”, – Ахматовой, Зощенко, Шостаковича, “менделистов-морганистов” и т.д., одновременно хваля таких одиозных лиц, как Лысенко и Суров. В спецсеминаре невозможно было обойти молчанием и вопросы “приоритета”, в том числе в сомнительных случаях (о чем в советском обществе циркулировали шутки типа “Россия родина слонов”). Ведение такого спецсеминара шло вразрез с совестью и было опасно, потому его так настойчиво и стремились навязать Н.И.

Недоброжелательность М.И. Зеленского к Н.И. ощущается и при сравнении характеристик, выданных ей зав. кафедрой 9 июня 1948 г. (машинопись без даты и подписи) и секретарем партбюро ИГПИ Л.И. Кошкиным (без даты и подписи):

"[...] ведет курс лекций и практические занятия по истории СССР на 2 курсе исторического отделения учительского института. Имеет необходимые знания для работы в институте, но не имеет еще опыта и навыков, необходимых для чтения лекций и проведения практических занятий. Как преподаватель за годы работы в институте (стаж работы Н.И. в вузе составлял 9 месяцев. – *Авторы*) обнаружила значительный рост и способности как педагог".

"За короткий промежуток времени проявила себя способной и достаточно подготовленной для самостоятельной педагогической работы по курсу истории СССР. Среди студентов пользуется авторитетом".

По предварительной договоренности с деканами исторического и литературного факультетов, где она трудилась, Н.И. 23 декабря 1948 г. – 9 января 1949 г. и весь февраль 1949 г. находилась в научной командировке в Москве – работала в ЦГИАМ и ЦГАОР СССР над темой “Политическая роль Центрального Военно-промышленного комитета”. Для понимания дальнейшего важно помнить, с какой информацией об обстановке в Москве, особенно в МГУ, была знакома, с каким настроением вернулась Н.И. 1 марта 1949 г. в Иваново и в какой духовной атмосфере прожила свои последние 24 дня.

28 января 1949 г. в “Правде” была опубликована статья “Об одной антипатриотической группе театральных критиков”, в которой давно известное слово “космополитизм” было наполнено одиозным содержанием и прозвучало – с применением самой резкой лексики – как политическое обвинение в отсутствии национальной советской гордости и в антипатриотизме. Статья без подписи, т.е. представленная как редакционная, была директивной, ее перепечатали другие центральные газеты, она открыла поход против “безродных космополитов” в других областях культуры.

В марте 1949 г. погром начался на историческом фронте. Сигнал был дан 11 марта в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), кузнице элитных партийных кадров, и вскоре (через две недели) в Московском университете, где разнузданное оплевывание обвиняемой в космополитизме почтенной профессуры стало достоянием широкой гласности с помощью стеной

газеты истфака “Историк-марксист” и многотиражки “Московский университет”.

“Запевалой и дирижером” антикосмополитической кампании на истфаке компетентный современник, будущий академик Ю.А. Поляков называет А.Л. Сидорова³⁶. Будучи докладчиком на партийном собрании истфака, он на попытку Н.Л. Рубинштейна оправдаться от обвинений ответил с места репликой “Вы стопроцентный космополит!”³⁷. “А король-то голый”, – так озаглавил один из лидеров партбюро истфака, аспирант А.С. Кара-Мурза свою статью в “Историке-марксисте”, направленную против своего научного руководителя³⁸. Вместе со своим коллегой по партбюро и аспирантуре М.Е. Найденовым он опубликовал в многотиражке (№ 15/16 от 14 марта 1949 г.) материал против Н.Л. Рубинштейна³⁹. Этот «номер университетской газетки, – пишет С.О. Шмидт, – мы ей отослали в Иваново для ориентации: за что и в каких выражениях “клеят” историков-”космополитов”»⁴⁰.

После гибели Н.И. в ее документах нашли письма матери, которая, побывав на истфаке МГУ и познакомившись по многометровой стенгазете “Историк-марксист” с недавним антикосмополитическим взрывом, писала об этом дочери и прислала ее “учесть это”. Но “учесть это” значило в духе гнусного времени обвинить в космополитизме и оплевать людей, которых Н.И. глубоко уважала, в частности Н.Л. Рубинштейна, чей фундаментальный труд “Русская историография” (1941) составил эпоху в отечественной исторической науке. Ситуация осложнялась еще и тем, что ее учитель и научный руководитель – А.Л. Сидоров изничтожил другого учителя – Н.Л. Рубинштейна.

Смерть Н.И. невозможно понять на фоне ее пребывания лишь в Ивановском пединституте. В ивановский период жизни она оставалась неразрывно связанной с Москвой, со своей любимой альма матер, здесь творились непонятные и неприемлемые для ее совести дела. Еще раз: ее смерть – результат непонимания, несогласия, внутреннего неприятия – невозможности принять реакционный идеологический курс в целом, когда аспиранты оплевали своих руководителей, один ее учитель изничтожил другого, когда нарушалась дружба народов – одна из основ советского строя и поднимал голову антисемитизм.

В двух своих выступлениях на предсмертном партсобрании Н.И. попыталась “учесть это” в духе компромисса, однако ее выступления не устроили руководителей собрания, действовавших в духе генеральной линии и прямых указаний вышестоящих партийных инстанций, и в ее адрес прозвучали угрозы. Но об этом – ниже.

7. Партсобрание ИГПИ 23–24 марта 1949 г. о борьбе с космополитизмом и смерть Н.И. Разумовской

Видимо, уже к середине марта там начинает фабриковаться группа “безродных космополитов” среди преподавателей вуза. Заседание партийного бюро, состоявшееся 21 марта, осудило уже не работавшего в ИГПИ В.Д. Левина, который “[...] использовал свое служебное положение для засорения института людьми с сомнительным политическим прошлым [...] или подвергшимся

³⁶ Поляков Ю.А. Историческая наука: Люди и проблемы. М., 1999. С. 314–315.

³⁷ Биск И.Я. Мой XX век: Записки историка. С. 200.

³⁸ Поляков Ю.А. Указ. соч. С. 314.

³⁹ Этот обширный материал полностью приведен в труде: Шмидт С.О. Судьба историка Н.Л. Рубинштейна... С. 221.

⁴⁰ Письмо С.О. Шмидта И.Я. Биску 20 ноября 2005 г.

репрессиям со стороны органов ГБ [...]”; записало в адрес Н.И. Разумовской – “[...] отказывавшейся (?) в острый момент борьбы с космополитизмом от ведения спецсеминара по истории советской культуры и занявшей неправильную позицию на партбюро...”; возмутилось Я.И. Дразниным, “[...] допускающим на лекциях грубые антиленинские извращения, что показывает слабую его методологическую подготовку, если не буржуазный объективизм”⁴¹, и А.П. Кажданом. Еще раньше, 9 марта, партийное бюро института отказалось утвердить Нину Исааковну в должности партгруппорга исторического факультета. Репрессивная машина набирала обороты.

Кульминацией этой кампании стало закрытое партийное собрание ИГПИ, состоявшееся 23–24 марта 1949 г. С основным докладом “*О борьбе с буржуазным космополитизмом и задачах парторганизации*” выступил член бюро, заведующий кафедрой марксизма-ленинизма А.М. Мягков. В развернувшихся после доклада прениях на вышеупомянутых преподавателей института обрушился поток обвинений. Выступающие спешили засвидетельствовать свою преданность курсу борьбы с космополитами, предъявляя разоблачаемым все новые и новые обвинения. Какую-то роль играл страх самим оказаться на скамье подсудимых. Экзекуторов не остановило возведение напраслины на израненного и награжденного орденом солдатской Славы инвалида недавней Великой Отечественной войны Дразнина.

Поскольку из обвиняемых на собрании присутствовала только Разумовская, постольку главный удар обрушился на нее. Что же ей вменялось в вину? Обвинения были следующие: отказ разрабатывать и вести семинар по истории культуры СССР, так как в него были внесены темы о борьбе с космополитизмом; отказ подписать коллективную рецензию на “объективистскую” (формулировка партсобрания) книгу Н.Л. Рубинштейна “Русская историография”; то, что она рекомендовала еще одного “подсудимого” Дразнина в очную аспирантуру; “стремление уйти от острых проблем борьбы с космополитизмом и объективизмом”⁴². Наиболее выпукло эти обвинения были сформулированы в выступлении секретаря партбюро истфака Ю.А. Якобсона⁴³.

В сложившихся тяжелейших обстоятельствах Разумовская держалась мужественно. Конечно, она признавала свои ошибки (другой вариант был невозможен). Однако были рубежи, дальше которых она отступить не хотела, да, видимо, и не могла. Так, говоря о книге Рубинштейна она признавала ее “объективистский” характер, но утверждала, что автор идет к марксизму, а самой Разумовской как его ученице трудно против него выступать. То есть от своего учителя она не отказалась. По поводу отказа от ведения семинара по истории советской культуры она ссылалась на свою недостаточную квалификацию и компетентность. Кроме того, в своем выступлении она осмелилась защищать не только себя, заявляя, что обсуждать вопрос о Левине в его отсутствие неверно⁴⁴.

Частичное покаяние Разумовской участников собрания не удовлетворило. Подводя итоги, главный обвинитель Мягков заявил: “Выступление Разумовской вызывает возмущение по поводу добровольного исполнения ею роли левинского адвоката. Ее поведение необходимо осудить, ее выступления насквозь фальшивы и показывают степень ее падения как члена партии ...

⁴¹ ГАИО. Ф. 859. Оп. 1. Д. 50. Л. 37.

⁴² Там же. Д. 49. Л. 13–18.

⁴³ Там же. Л. 14 об.

⁴⁴ Там же. Л. 18 об.

Пора понять Разумовской, что по отношению к ней у партии может лопнуть терпение ... Считаю необходимым поставить вопрос о Разумовской особо, так как она не только не желает бороться с космополитизмом, а наоборот встает на позицию защиты Левина и К^о и оплевывания честных людей". Участники партсобрании проголосовали за то, чтобы партбюро специально обсудило вопрос о Разумовской "... в связи с нежеланием вести борьбу с космополитизмом"⁴⁵. По всей видимости это означало исключение из рядов ВКП(б).

Что касается других обвиняемых, то руководству института рекомендовалось отстранить от работы Дразнина и Каждана, а вопрос об "антисоветской деятельности Каждана" передать в следственные органы⁴⁶.

Как уже отмечалось, в общем и целом ход партийного собрания и принятые на нем решения четко вписывались в кампанию по борьбе с "безродными космополитами". В своей монографии К.Е. Балдин отметил, что "... разговор на собрании приобрел явно антисемитский характер"⁴⁷. То, что эта кампания "... была острием направлена против евреев ..." ⁴⁸ мы обязаны помнить.

Вскоре после описанного события Нина Исааковна Разумовская, не согласная с решениями собрания и не имевшая возможности повлиять на ход событий, покончила жизнь самоубийством.

В предсмертной записке среди главных виновников своей гибели она назвала А.М. Мягкова, заведующего кафедрой истории СССР М.И. Зеленского и секретаря партбюро факультета Ю.А. Якобсона, которые создали для нее безвыходное положение. Первые двое действительно выступали на собрании против Разумовской особенно резко и даже грубо. В какой-то мере это объясняется, видимо, тем, что и Мягков и Зеленский в конце тридцатых годов были исключены из партии, позже их восстановили, но страх что-то сделать не так, отклониться от официальной линии и поплатиться за это остался.

О самоубийстве официально не сообщалось, но среди работников и студентов института, а также среди учителей города оно вызвало большой резонанс. Разбирательством этого дела вынужден был заняться Областной комитет партии. 5 апреля 1949 г. состоялось заседание бюро обкома ВКП(б), которое обсудило вопрос "О самоубийстве преподавателя Педагогического института кандидата исторических наук Разумовской". Бюро постановило, что критика, которой подверглась Разумовская на партсобрании, в целом была правильна. Вместе с тем признавалось, что отдельные коммунисты допускали грубые реплики и выкрики в ее адрес, особенно это касалось выступления Мягкова. Однако главной причиной самоубийства провозглашалась не эта травля, а упадочнические настроения самой погибшей, которая-де "... неоднократно высказывала мысли о потере интереса к жизни"⁴⁹. Партийные лидеры явно пытались перевести проблему из сферы политической (протест против кампании борьбы с космополитизмом) в область психологии, или даже психиатрии.

Кроме того, руководству института было указано на слабую постановку политико-воспитательной работы среди профессорско-преподавательского состава и студентов⁵⁰.

⁴⁵ Там же. Л. 19.

⁴⁶ Там же. Л. 19 об.

⁴⁷ Балдин К.Е. Указ. соч. С. 248.

⁴⁸ Биск И.Я. Указ. соч. С. 199.

⁴⁹ ГАИО. Ф. 327. Оп. 8. Д. 849. Л. 115–116.

⁵⁰ Там же. Л. 116.

8. Партсобрание ИГПИ 13 апреля 1949 г. “О самоубийстве Н.И. Разумовской”

13 апреля под руководством секретаря обкома Егорова было проведено закрытое партийное собрание института. На нем, руководствуясь решением бюро, постановили, что партийная организация института якобы в самоубийстве не виновата, а мартовское собрание в целом критиковало Разумовскую правильно. Лицемерно заявлялось, что партсобрание проявило принципиальность, хотя высказывания некоторых коммунистов (Зеленский, Мягков) были излишне резкими. Некоторые выступавшие пытались обратить внимание на то, что у Зеленского отношения с Разумовской не сложились, и он создавал ей неблагоприятные условия для работы. Однако причину самоубийства было признано необходимым искать в самой Разумовской – в ее пессимистических настроениях и высказываниях, болезненной реакции на критику, моральном надломе, который, как считали выступающие, произошел с ней после поездок в МГУ в начале 1949 г.

Ряд выступающих обвинил Разумовскую в том, что своим поступком она дезорганизует партийную организацию, дезертировав из нее в трудный момент. Некая Таланова опустила до откровенных оскорблений: “...Повесилась, ну и черт с ней...”⁵¹.

Но даже в атмосфере страха и стадного единогласия люди имели возможность выбора. Многие использовали возможность остаться в стороне, промолчать. В материалах собрания мы встречаем упоминания о студентах, которые, зная об обвинениях против Левина, провожали его аплодисментами и слезами⁵². Присутствовавший на собрании преподаватель кафедры психологии Подберезин заявил, что определенную долю ответственности за случившееся с Разумовской несут и ее гонители⁵³. Он же после самоубийства отказался выступать перед учителями города с разъяснениями, понимая, что всей правды он сказать не может⁵⁴. Прозвучало на собрании и предложение включить в итоговое решение пункт “О поведении Зеленского на кафедре в отношении Разумовской”. Оно было отклонено, но 10 из 112 присутствовавших человек за него проголосовали⁵⁵, что тоже требовало мужества. В то же время, некоторые из близко знавших Разумовскую по совместной учебе и работе приняли в травле активное участие.

В принятой резолюции собрание полностью солидаризовалось с решением бюро обкома и поручало партбюро института разработать мероприятия по улучшению партийно-политической и учебно-воспитательной работы среди преподавателей и студентов⁵⁶.

Послесловие (Итоги и последствия)

Судьба Н.И. Разумовской. Гонители Н.И. Разумовской обвиняли ее не в космополитизме, а в нежелании активно с ним бороться. Она действительно не могла и не хотела участвовать в этом шабаше. Она лишила себя жизни, но сохранила честь.

⁵¹ Там же. Ф. 859. Оп. 1. Д. 49. Л. 24.

⁵² Там же. Л. 25.

⁵³ Там же. Л. 24.

⁵⁴ Там же. Л. 25 об.

⁵⁵ Там же. Л. 26.

⁵⁶ Там же.

Тело Нины обнаружил и вынул из петли В.П. Павлов (впоследствии преподаватель кафедры марксизма-ленинизма и секретарь партбюро института). Приказ по ИГПИ от 28 марта 1949 г. гласил: “Кандидата исторических наук Разумовскую Нину Исааковну исключить из списка работников Института как умершую с 25/III-49”.

Приехавшая мать увезла тело в Москву. Похороны на Донском кладбище были за счет проф. А.Л. Сидорова, его жена Галина Владимировна Лебедева присутствовала на кремировании.

Судьба преследовавшихся коллег Н.И. Разумовской. В.Д. Левин продолжал успешную преподавательскую и научную деятельность в Москве. Уже в 1950-х годах были опубликованы три его монографии и учебных пособия, за которыми последовал фундаментальный “Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII–XIX вв. (Лексика)” (М., 1964), а затем и другие труды.

Я.И. Дразнина последующие 40 лет своей жизни работал в Читинском педагогическом институте (ныне Забайкальский государственный педагогический университет), защитил кандидатскую диссертацию по предыстории Парижской Коммуны 1871 г., вырастил поколения студентов и преподавателей-коллег, которые бережно хранят память о своем учителе, о чем свидетельствует и мемориальная доска на здании ЗГПУ, и сборник: “Парижская Коммуна и современный мир: К 90-летию Я.И. Дразнинаса” (Чита, 2001).

А.П. Каждан с 1956 г. стал сотрудником Института истории АН СССР, в 1961 г. защитил докторскую диссертацию. В 1979 г. он эмигрировал и вскоре начал работу в ведущем византиноведческом центре в Думбартон Оксе (США, Вашингтон). Скончался в 1993 г., накануне отъезда в Россию, где намерен был отпраздновать 80-летие. Сейчас в России труды его переиздаются и печатаются. В память одного из авторитетнейших византологов XX в. вышел отмеченный сборник “Мир Александра Каждана” (отв. ред. А.А. Чекалова), начинающийся статьей академика Г.Г. Литаврина и содержащий статьи ученых разных стран.

Другие разбитые судьбы. Во исполнение постановления Бюро обкома ВКП(б) от апреля 1949 г. о “засоренности” преподавательских кадров ИГПИ, партбюро института 22 июня 1949 г. наметило список подлежащих освобождению 20 преподавателей разных кафедр. Мотивировки увольнения были следующие: 10 – в прошлом репрессированы, административно высланы, находились в плену, 6 – “не подходят к преподаванию в институте”, 4 – разные (бывшая баронесса, сын белогвардейского генерала, французский инженер, невозвращенец); половина увольняемых имели русские фамилии. Заполнить вакансии партбюро предлагало путем объявления конкурса и привлечения к преподаванию студентов, с отличием окончивших институт⁵⁷.

Акция тоталитарного режима, так называемая борьба с так называемым космополитизмом, не только привела к гибели человека и изуродованию судеб других лиц, но и способствовала крушению моральных устоев многих преподавателей, студентов, что представляется едва ли не важнейшим следствием антикосмополитических бредней для духовной атмосферы того и последующего времени.

⁵⁷ Там же. Д. 50. Л. 61.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ Н.А. ГОРСКОЙ*

1955

- Зерновое земледелие центральных областей Русского государства во второй половине XVI – начале XVII вв.: (По материалам хозяйственной отчетности монастырей центральной части Русского государства): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 14 с.
- О двух основных стадиях развития феодальной формации // ВИ. № 3. С. 181–184.

1957

- Раздел 1 // Из истории Киевского района города Москвы. М. С. 4–11.

1959

- Земледельческие орудия в центральной части Русского государства второй половины XVI – начала XVII века // История земледелия СССР. М. Сб. 3. С. 141–164.

1961

- Урожайность зерновых культур в центральной части Русского государства в конце XVI – начале XVII в. // Четвертая сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в г. Риге: Тез. докл. и сообщ. Рига. С. 48–50.

1962

- Товарность зернового земледелия в хозяйствах монастырских вотчин центра Русского государства к исходу XVI – началу XVII в. // Тезисы докладов и сообщений пятой сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в гор. Минске (сент. 1962 г.). Минск. С. 42–44.

1963

- Жилые записи: (к истории найма в XVII в.) // ИСССР. № 5. С. 58–78.
- Урожайность зерновых культур в центральной части Русского государства в конце XVI – начале XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961 г. Рига. С. 147–164.

1964

- Опыт сопоставления некоторых сторон агротехнического уровня земледелия Центральной России начала XVII и вто-

рой половины XVIII в. // Тезисы докладов и сообщений седьмой (Кишиневской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (окт. 1964 г.). Кишинев. С. 31–35. Совм. с Л.В. Миловым.

- Товарность зернового земледелия в хозяйствах монастырских вотчин центра Русского государства к исходу XVI – началу XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г. Минск. С. 124–140.

Чл. редкол.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г. Минск. 575 с.

1965

- Обработка зерна и зернопродуктов в центральной части Русского государства во второй половине XVI – начале XVII в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М. Сб. 6. С. 36–63.

Чл. редкол.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963 г. Вильнюс. 723 с.

1966

- Дискуссия о расхождении крестьянства в эпоху позднего феодализма // ИСССР. № 1. С. 70–81. Совм. с П.Г. Рындзюнским.

Опыт сопоставления некоторых сторон агротехнического уровня земледелия Центральной России начала XVII и второй половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 г. Кишинев. С. 173–192. Совм. с Л.В. Миловым.

Системы ведения полевого земледельческого хозяйства в центре Русского государства второй половины XVI века // Тезисы докладов и сообщений девятой (Таллинской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Таллин. С. 27–28.

Чл. редкол.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 г. Кишинев. 787 с.

1968

- Зерновые культуры и их территориальное распределение в центре Русского государства к концу XVI – началу XVII в. // Материалы по истории сельского хо-

* Сост. А.А. Горский.

зяйства и крестьянства СССР. М. Сб. 7. С. 7–22.

Чл. редкол.: Тезисы докладов и сообщений десятой сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М. 139 с.

1969

Крестьянская земельная аренда в XVII в. // Тезисы докладов и сообщений XI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М. С. 67–68.

Чл. редкол.: Тезисы докладов и сообщений XI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Одесса, нояб. 1969 г.). М. 333 с.

1970

IV конференция советских и итальянских историков // ИСССР. № 3. С. 232–233.

Чл. редкол.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М. 494 с.

Чл. редкол.: Тезисы докладов и сообщений XII сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Рига – Сигулда, окт. 1970 г.). М. 363 с.

1971

Чл. редкол.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 год. Таллин. 624 с.

Чл. редкол.: Тезисы докладов и сообщений XIII сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Вильнюс – Каунас, сент. 1971 г.). М. 227 с.

1972

Б.Д. Греков и историческая наука // Вестн. АН СССР. № 8. С. 129–131.

Чл. редкол.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1968 г. Л. 342 с.

Чл. редкол.: Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе: Сб. ст., посвящ. Льву Владимировичу Черепнину. М. 439 с.

Чл. редкол.: Тезисы докладов и сообщений XIV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Минск – Гродно, 25–29 сент. 1972 г.). М. Вып. 1. 218 с.; Вып. 2. 221 с.

1974

Надельное и венадельное землепользование монастырских крестьян в середине XVII в.: (По материалам Солотчинского монастыря) // Тезисы докладов и сообщений XV сессии межреспубликанского

симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 7–13 сент. 1974 г. М. Вып. 1. С. 74–78.

Чл. редкол.: Тезисы докладов и сообщений XV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 7–13 сент. 1974 г. М. Вып. 1. 291 с.

Чл. редкол.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1971 год. Вильнюс, 406 с.

Чл. редкол.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М. Сб. 8. 416 с.

1975

Государственные повинности монастырских крестьян XVII в. // Общество и государство феодальной России: Сб. ст., посвящ. 70-летию академика Льва Владимировича Черепнина. М. С. 317–326.

1976

Изучение сельского хозяйства и крестьянства IX–XVII вв. в новейшей советской историографии: (проблемы, источники, методы исследования) // XXV съезд КПСС и задачи историков-аграрников: XVI сессия симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тез. докл. и сообщ. Кишинев, 29 сент. – 2 окт. 1976 г. М. С. 188–192. Совм. с А.Г. Маньковым, В.М. Паняхом, М.Б. Свердловым и Ю.М. Юргинисом.

Чл. редкол.: XXV съезд КПСС и задачи историков-аграрников: XVI сессия симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тез. докл. и сообщ. Кишинев, 29 сент. – 2 окт. 1976 г. М. 218 с.

Чл. редкол.: Материалы XV сессии симпозиума по аграрной истории СССР. Вологда. Вып. 1. 176 с.; Вып. 2. 168 с.

1977

Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в.: О сущности и формах феодально-крепостнических отношений. М. 365 с.

Рец.: Сахаров А.М. // ИСССР. 1978. № 2. С. 199–204; Сахаров А.Н. // ВИ. 1978. № 5. С. 161–164; Zorn J. // Russian Review. Stanford, 1980. Vol. 39, № 3. P. 339–347.

Монастырские крестьяне Центральной России в XVII веке: (О сущности и формах феодально-крепостнических отношений): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М. 44 с.

Внеадельное землепользование монастырских крестьян в XVII веке // ИСССР. № 1. С. 49–70.

Очерки русской культуры XVI века. М. Ч. 1: Материальная культура. Автор разделов: Земледелие и скотоводство – С. 43–98; Пища – С. 317–324; Промыслы – С. 137–155. Совм. с А.Г. Задерой, А.П. Пронштейном, В.С. Шульгиным.

Советская литература 1970–1975 годов по истории сельского хозяйства и крестьянства IX–XVII веков // ИСССР. № 3. С. 84–108. Совм. с А.Г. Маньковым, В.М. Панеяхом, М.Б. Свердловым, Ю.М. Юргинисом.

Чл. редкол.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1970 г. Рига. 266 с.

1978

Изучение сельского хозяйства и крестьянства IX–XVII вв. в новейшей советской историографии 1970–1975 гг. // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев. С. 201–212. Совм. с А.Г. Маньковым, В.М. Панеяхом, М.Б. Свердловым, Ю.М. Юргинисом.

Чл. редкол.: Восточная Европа в древности и средневековье: Сб. ст. М. 368 с.

Чл. редкол.: Проблемы аграрной истории. В 2 ч. Минск. Ч. 1: (С древнейших времен до XVIII в. включительно). 168 с.

Чл. редкол.: Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев. 263 с.

Чл. редкол.: Место и роль крестьянства в социально-экономическом развитии общества: XVII сессия симпозиума по изучению проблем аграрной истории. М. 212 с.

1979

Земледельческое хозяйство монастырского крестьянина центра Русского государства в XVII в. // ИЗ. М. Т. 104. С. 203–239.

Чл. редкол.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1969 г. Киев. 268 с.

1980

Классовая борьба крестьян Железноборовского монастыря в 80–90-х годах XVII века // Русское централизованное государство: Образование и эволюция. XV–XVIII вв.: Чтения, посвящ. памяти акад. Л.В. Черепнина: Тез. докл. и сообщ. М. С. 101–103.

Научная конференция комиссии историков СССР и ПНР // Сов. славяноведение. № 4. С. 121–123.

Чл. редкол.: Ленинский кооперативный план и современная деревня: Материалы XVII Сессии симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Ростов-на-Дону. 224 с.

Чл. редкол.: Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпоху: Материалы XVII сессии симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Ростов-на-Дону, 1978 г. Ростов-на-Дону. 296 с.

Чл. редкол.: Социально-политический и культурный облик деревни в его историческом развитии: XVIII сессия симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тез. докл. и сообщ. Воронеж, 25–29 сент. 1980 г. М. 274 с.

1981

Тенденции классовой борьбы крестьян в конце XVII в.: (на материалах Железноборовского монастыря) // ВИ. № 9. С. 28–44.

Подгот. к печ.: Черепнин Л.В. Вопросы методологии исторического исследования: Теоретические проблемы истории феодализма. М. 280 с. Совм. с В.Т. Пащуто, А.Н. Сахаровым, П.В. Советовым.

1982

Некоторые итоги и перспективы изучения аграрной истории Северо-Запада России // ИСССР. № 2. С. 66–85. Совм. с Л.В. Миловым.

Каким помнится учитель // Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения академика Б.Д. Грекова. М. С. 86–89.

Памяти академика Б.Д. Грекова // В11. № 4. С. 109–116.

100-летие со дня рождения академика Б.Д. Грекова // Там же. № 11. С. 120–122.

XIII неделя экономической истории в Праге // Там же. № 10. С. 153–157. Совм. с С.М. Каштановым, А.А. Сванидзе и Ю.М. Юргинисом.

Чл. редкол.: XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР (социально-политическое развитие деревни): XIX сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тез. докл. и сообщ. Уфа, 30 сент. – 3 окт. 1982 г. М. 256 с.

Чл. редкол.: Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения академика Б.Д. Грекова. М. 264 с.

1983

К вопросу о крестьянском землевладении в промысловых монастырских селах второй половины XVII в. // Промышленность и торговля в России XVII–XVIII вв. М. С. 219–224.

Чл. редкол.: Социально-политическое и правовое положение крестьянства в до-революционной России. Воронеж. 272 с.

1984

Maanhallinnan kehitys 1400- ja 1500-luvuilla Luoteis-Venäjällä // Suomalais-Neuvostoliittolainen historiantutkijoiden symposium. Joensuu 27.–30.9.1983, Helsinki. (Historiallinen arkisto; Vol. 84). S. 9–27.

Рец.: История крестьянства Сибири: Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982 // ИСССР. № 6. С. 171–175. Совм. с Н.И. Никитиным.

Чл. редкол.: XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР (социально-политическое развитие деревни). Уфа. 496 с.

Чл. редкол.: Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни: XX сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тез. докл. и сообщ. Таллин, 24–28 сент. 1984 г. М. 248 с.

1985

XIII исследовательская “Неделя” международного Института Ф. Датины в Прато // Средние века. М. Вып. 48. С. 364–370. Совм. с С.М. Каштановым, А.А. Сванидзе, Ю.М. Юргинисом.

1986

Чл. редкол.: История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. М. Т. 3: Крестьянство Европы в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений. 590 с.

Чл. редкол.: Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XX в.): Материалы XX сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Таллин. Вып. 1. 288 с.

Чл. редкол.: Итоги и задачи изучения аграрной истории СССР в свете решений XXVII съезда КПСС: XXI сессия все-

союзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тез. докл. и сообщ. Казань, 22–25 окт. 1986 г. М. 240 с.

1987

Отв. ред.: Колычева Е.И. Аграрный строй России XVI века. М. 232 с.

Чл. редкол.: Феодализм в России: Сб. ст. и воспом., посвящ. памяти акад. Л.В. Черепнина. М. 328 с.

1989

Чл. редкол.: Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии: XXII сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тез. докл. и сообщ. Минск, 11–14 окт. 1989 г. М. 252 с.

1990

История крестьянства в СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. В 5 т. М. Т. 2: Крестьянство в периоды раннего и развитого феодализма. 616 с. Авт. след. разделов: Введение. С. 5–14; Ч. 2: Крестьянство в период развитого феодализма. Раздел 1: Регионы равнинного пашенного земледелия. Гл. 3: Крестьянство и крестьянское хозяйство России, Украины, Белоруссии, Прибалтики и Молдавии в период роста поместно-вотчинного землевладения и усиления закрепощения. § 1: Состояние агротехники и агрикультуры в крестьянском хозяйстве. С. 230–243. Совм. с В.Ф. Инкиным, М.Ф. Спиридоновым, В.В. Дорошенко, П.В. Советовым; Гл. 4: Крестьянское хозяйство и формы общественного разделения труда. Рыночные связи при развитии феодализма. § 2: Община и имущественная дифференциация. Развитие форм крестьянского землевладения и землепользования. С. 336–341; Гл. 5: Закрепощение крестьянства в России. § 1: Частновладельческие и монастырские крестьяне России первой половины XVII в. С. 349–368. Совм. с Л.В. Миловым; Заключение. С. 578–594.

Отв. ред.: История крестьянства в СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: В 5 т. М. Т. 2: Крестьянство в период развитого феодализма. 616 с.

1991

Formes et évolution du travail en Russie du XIVe au XVIIe siècle // Forme ed evoluzione del lavoro in Europa: XIII–XVIII secc.: Atti

della "Tredicesima settimana di studio". Prato, 2-7 maggio 1981. Firenze. P. 187-210. Совм. с С.М. Каштановым.

Греков, Борис Дмитриевич // Great Historians of the Modern Age: An International Dictionary. New York; Westport (Connecticut); London. P. 543-545.

Закключение // Город и горожане России в XVII – первой половине XIX в.: Сб. ст. М. С. 208-210.

Отв. ред.: Город и горожане России в XVII – первой половине XIX в.: Сб. ст. М. 212 с.

Чл. редкол.: Аграрный рынок в его историческом развитии: XXIII сессия всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тез. докл. и сообщ. М. 262 с.

1992

Чл. редкол.: Общности и человек в средневековом мире. Москва; Саратов. 176 с.

1994

Историческая демография России эпохи феодализма: (Итоги и проблемы изучения). М. 220 с.

Рец.: Минаев В.В. // ОИ. 1995. № 6. С. 189-193.

Чл. редкол.: Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX в.: Международная конференция – Чтения памяти Л.В. Черепнина. М. Ч. 1. 358 с.; Ч. 2. 376 с.

Чл. редкол.: Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование: XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тез. докл. и сообщ. М. 206 с.

1995

Борис Дмитриевич Греков (1882-1953) // Историки России XVIII-XX веков. М. Вып. 2. (Архивно-информационный бюллетень; № 10. Прил. к журн. "Исторический архив"). С. 88-96.

Les monastères et la communauté paysanne en Russie centrale aux XVIe-XVIIe siècles // Moines et monastères dans les sociétés de rite grec et latin: Coloque international. Paris, 11-13 septembre 1995. Résumés des communications. Paris. P. 9-10.

Чл. редкол.: Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование: XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М. 295 с.

1996

Les monastères et la communauté paysanne dans le centre de la Russie aux XVIe et XVIIe siècles // Moines et monastères dans les sociétés de rite grec et latin: (Hautes études médiévales et modernes). Genève. P. 272-290.

Чл. редкол.: Аграрный рынок в историческом развитии. Екатеринбург. 284 с.

Чл. редкол.: Аграрные технологии в России IX-XX вв.: XXV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тез. докл. и сообщ. М. 188 с.

1997

Борис Дмитриевич Греков // Историческая наука России в XX веке. М. С. 328-352.

Борис Дмитриевич Греков (1882-1953) // Энциклопедический словарь юного историка: Отечественная история. М. С. 246.

Отв. ред.: Писцовые материалы дворянских владений второй половины XVI века. М. 310 с.

1998

Предисловие // Представления о собственности в российском обществе XV-XVIII вв.: Проблемы собственности в общественном сознании и правовой мысли феодальной эпохи. М. С. 3-5.

Общинный собственник в русской деревне XVI-XVIII вв. // Там же. С. 39-50.

Отв. ред.: Проблемы собственности в общественном сознании и правовой мысли феодальной эпохи. 194 с. Совместно с Е.Н. Швейковской.

Чл. редкол.: Особенности российского земледелия и проблемы расселения IX-XX вв.: XXVI сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тез. докл. и сообщ. М. 216 с.

1999

Борис Дмитриевич Греков. М. 272 с.

Предисловие // Представления о собственности в российском обществе XV-XVIII вв.: проблемы собственности в общественном сознании и правовой мысли феодальной эпохи = Perceptions of the Property in Russian Society of 15th-18th Centuries: the Problems of Property in Social Consciousness and Legal Thought in the Age of Feodalism. Lewiston (N.Y.); Queenston; Lampeter. С. 3-5.

Общинный собственник в русской деревне XVI-XVIII вв. // Там же. С. 39-50.

Отв. ред.: Представления о собственности в российском обществе XV-XVIII вв. Lewiston (N.Y.); Queenston; Lampeter. 195 с.

Чл. редкол.: Аграрные технологии в России IX–XX вв.: Материалы XXV сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Арзамас. 324 с.

2000

Борис Дмитриевич Греков (1882–1953) // Портреты историков: Время и судьбы. М.; Иерусалим. Т. 1: Отечественная история. С. 207–221.

Греков Борис Дмитриевич // Историки России: Кто есть кто в изучении отечественной истории: Биобиблиограф. словарь. 2-е изд. испр. и доп. / Авт.-сост. А.А. Чернобаев. Саратов. С. 128. Без подписи.

Параметры определения “зажиточности” для деревни XVII века // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: (Землевладение, землепользование, производство, менталитет): XXVII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тез. докл. и сообщ. Вологда, 12–16 сент. 2000 г. М. С. 25–26.

Чл. редкол.: Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе (Землевладение, землепользование, производство, менталитет): XXVII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тез. докл. и сообщ. Вологда, 12–16 сент. 2000 г. М. 266 с.

Чл. редкол.: Особенности российского земледелия и проблемы расселения: Материалы XXVI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов. 364 с.

2001

Введение // Собственность в России: Средневековые и раннее Новое время. М. С. 3–6.

Формы земельной собственности: складывание и соотношение // Там же. С. 41–56.

Общинная собственность в русской деревне XIV–XVIII вв. // Там же. С. 166–175. Заключение // Там же. С. 269–272.

Отв. ред.: Собственность в России: Средневековые и раннее Новое время. М. 286 с.

Зажиточное крестьянство России до начала XVIII в. в трудах симпозиума по аграрной истории Восточной Европы // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессии симпозиума по аграрной

истории Восточной Европы. Вологда. С. 51–66.

Чл. редкол.: Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда. 432 с.

2002

Собственность в феодальной России // Собственность на землю в России: история и современность. М. С. 9–44.

Чл. редкол.: Землевладение и землепользование в России: XXVIII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тез. докл. и сообщ. М. 196 с.

2003

Чл. редкол.: Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты): Материалы XXVIII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тез. докл. и сообщ. Калуга, 24–28 сент. 2002 г. Калуга. 464 с.

2004

Академик Борис Дмитриевич Греков // Греков Б. Киевская Русь. М. С. 5–25.

Чл. редкол.: Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок: XXIX сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М. 195 с.

2005

Греков Борис Дмитриевич // Историки России XX века: Биобиблиограф. словарь / Авт.-сост. А.А. Чернобаев. Саратов. Т. 1: А-Л. С. 241–242.

2006

Русская феодальная деревня в историографии XX века. М. 365 с.

Статьи о Н.А. Горской

Милов Л.В. Н.А. Горская: двадцать три сессии аграрного симпозиума // Особенности российского земледелия и проблемы расселения: Материалы XXVI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов, 2000. С. 358–361.

Назаров В.Д. Наталья Александровна Горская: постскриптум к юбилею // ОИ. 2001. № 3. С. 134–140.

Памяти Н.А. Горской // ОИ. 2005. № 1. С. 220.

III. ПУБЛИКАЦИИ

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ М.С. КОРЕЛИНА О П.Н. МИЛЮКОВЕ

Михаил Сергеевич Корелин (1855–1899), выпускник Московского университета (1880), связал в дальнейшем с ним свою судьбу – был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию, подготовил диссертацию на соискание степени магистра, при защите которой в 1892 г. получил сразу докторскую степень. После этого он был назначен экстраординарным профессором кафедры всеобщей истории, какую должность занимал до своей скоростижной смерти от болезни сердца¹.

В личном фонде М.С. Корелина в ЦИАМ, сохранились две записные книжки с дневниковыми записями за 1888–1896 гг. – период, когда он был хорошо осведомлен о внутренней жизни университета в целом и в особенности историко-филологического факультета. Записи эти представляют несомненный интерес для исследователей ввиду их достаточно большой откровенности, дают богатый материал для выяснения характера взаимоотношений в профессорской среде.

Особенно часто среди коллег Корелина на страницах его дневника упоминается видный русский историк (а впоследствии политический деятель) Павел Николаевич Милюков (1859–1943), приват-доцент кафедры русской истории Московского университета в 1886–1895 гг.² Судьбы этих двух ученых были тесно переплетены. Они почти одновременно учились в московской 1-й мужской гимназии и на историко-филологическом факультете (Корелин был классом и курсом старше), с интервалом в одну неделю защитили диссертации, вместе работали. При таких условиях естественно, что отношения между ними приобретали характер конкуренции. С особой остротой это обстоятельство проявилось в мае 1892 г., когда защита Корелина увенчалась триумфом, а диссертация Милюкова, тоже надеявшегося на докторство, была

¹ Подробнее о биографии М.С. Корелина см.: *Герье В.И.* Михаил Сергеевич Корелин. 30 авг. 1855 г. – 3 янв. 1899 // Речь и отчет, читанные в торжественном собрании имп. Московского университета 12-го января 1900 года. М., 1900; *Кареев Н.И.* М.С. Корелин как историк гуманизма // Корелин М.С. Ранний итальянский гуманизм и его историография: Критическое исследование. 2-е изд. СПб., 1914. Т. 1; *Сафронов Б.Г.* Вопросы исторической теории в работах М.С. Корелина. М., 1984; *Скворцова Т.Н.* М.С. Корелин: путь к ренессансу // Биография как вид исторического исследования. Тверь, 1993.

² Подробнее о биографии П.Н. Милюкова см.: *Riha T.* A Russian European: Paul Miliukov in Russian Politics. Notre Dame; Lnd., 1969; *Вандалковская М.Г.* П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: история и политика. М., 1992; *Думова Н.Г.* Либерал в России: Трагедия несовместимости: Исторический портрет П.Н. Милюкова. М., 1993; *Stockdale M.K.* Paul Miliukov and the Quest for a Liberal Russia, 1880–1918. Ithaca; Lnd., 1996; *Bohn T.M.* Russische Geschichtswissenschaft von 1880 bis 1905: Pavel N. Miljukov und die Moskauer Schule. Köln; Weimar; Wien, 1998; *Макушин А.В., Трибунский П.А.* Павел Николаевич Милюков (1859–1904): труды и дни. Рязань, 2001.

признана, несмотря на ее выдающиеся достоинства, официальным оппонентом В.О. Ключевским заслуживающей лишь искомой магистерской степени.

Успех Корелина на фоне неудачи Милюкова вызвал раздражение среди молодых московских историков, поскольку энергичный и жизнелюбивый Милюков к тому времени уже пользовался большим авторитетом в их среде, Корелин же держался несколько особняком. С этим связаны отмечаемые Корелиным в дневнике претензии коллег по поводу “легкомыслия” его “ученой и педагогической деятельности”. Сам Корелин, в свою очередь, не упускает в дневнике ни малейшего случая выразить удовлетворение по поводу несчастий, преследовавших Милюкова.

Фрагменты, в которых идет речь непосредственно о Милюкове, как правило, приведены в настоящей публикации с сохранением широкого контекста, чтобы у читателя могло сложиться представление об общем характере дневниковых записей Корелина. Кроме того, в публикацию включен ряд фрагментов, в которых Милюков не упоминается. Это, во-первых, записи о новом университетском Историческом обществе, возникшем в начале 1890-х годов. Милюков принадлежал к узкому кругу сотрудников историко-филологического факультета, стоявших у истоков создания этого общества, и не вошел в него лишь по причине громкого скандала, происшедшего в марте 1894 г. между ним и В.И. Герье. Последствия этого скандала коснулись не только его непосредственных участников, но и крайне пагубным образом отразились на судьбе новорожденного общества, что как раз и можно проследить по дневнику Корелина. Во-вторых, запись декабря 1892 г. о романе Г.А. Мачтета “На заре”, опубликованном в “Русской мысли”, содержащем не только пасквиль на названных в дневнике лиц, но одновременно и своего рода “апологию” Милюкова, выведенного в одном из эпизодов под видом положительного героя – студента Павлова.

Дневники М.С. Корелина в составе других материалов были предложены Центральному музею литературы (позже переименованному в Государственный литературный музей) для приобретения 2 октября 1933 г. дочерью Корелина, Н.М. Никольской. В том же месяце указанные материалы были куплены музеем. В 1941 г. после создания Центрального государственного литературного архива СССР туда в составе документов, собранных ГЛМ, поступил фонд Корелина (акт № 265). Пятого июля 1955 г. (акт № 34) фонд Корелина был передан из ЦГАЛИ архивному управлению Московской области³ и был включен в состав Государственного исторического архива Московской области. Потом, в результате реорганизации архива, последовало перемещение материалов историка в ЦГА г. Москвы, оттуда – в ЦГИА г. Москвы (ныне ЦИАМ).

Публикация подготовлена в соответствии с правилами издания исторических документов. Авторские подчеркивания переданы в тексте публикации курсивом, фразы, вписанные над строкой и на полях, оговариваются в сносках. В квадратных скобках расшифровываются сокращения, добавляются необходимые по смыслу слова, а также восстанавливаются части текста, утраченные из-за дефектов рукописи (склеивание листов). Отточие в квадратных скобках указывает на завершение фрагмента либо на исключенный из публикации текст внутри фрагмента, не имеющий отношения к теме.

А.В. Макушин, П.А. Трибунский

³ ЦИАМ. Ф. 2202 (М.С. Корелин). Оп. 3. Лист без пагинации; РГАЛИ. Служебная картотека фондов.

Выписки из дневника М.С. Корелина. Часть I

л. 25–25 об.

[1892] Май 31. Только теперь опомнился от массы работы, которая выпала на мою долю в конце прошлого и начале нынешнего года, и от блестящих ее результатов. Никогда не работал с такою интенсивностью, как в этом году, и никогда еще не имел такого успеха. 15 апреля кончил диссертацию¹; 22го представил ее в факультет², 29 – дали доктора³ и 10 мая – диспут⁴. Возражения Герье⁵, Стороженко⁶ и Веселовского⁷ носили отеческий характер и произвели, по-видимому, благоприятное впечатление. Хорошие отзывы в газетах⁸; много писем и телеграмм. Связь с Милюковым немного огорчила⁹, но, кажется, в конце концов послужила ad maiorem gloriam¹⁰. С отношением оппонентов к книге едва ли можно согласиться: они переоценили ее в одном отношении и не оценили значения выводов¹¹. Сказалось, как верно заметил Герье, недостаточное знакомство с философией. [...]

л. 34

[Октябрь]. Историки обо мне стосковались: Герасимов¹², Щепкин¹³, Виппер¹⁴ – сожалеют о моем отсутствии¹⁵. С последним длинный разговор, в котором переданы мне причины недовольства мною историков: за легкомыслие якобы моей ученой и педагогической деятельности. Вин[оградов]¹⁶ организовал публичные лекции, из которых я был устранен¹⁷. Вообще же отношения в профессорской, учительских и вообще вполне удовлетворительны. Ученая и писательская деятельность оставляет желать многого. О книге появилось 2 рецензии: похвальное упоминание Милюкова в Атенеуме¹⁸ и плохая рецензия в Рус[ской] М[ысли]¹⁹ (Октябрь) Кудрявцева²⁰. [...]

л. 41

[Декабрь] В начавшемся в Р[усской] М[ысли] (11) романе Мачтета²¹ на заре – есть пасквиль на Янжула²² и Ключевского²³, а отчасти и на меня²⁴. [...]

ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. Д. 1. Ч. 1. Автограф.

Выписки из дневника М.С. Корелина. Часть II

л. 2 об.–3

[1893. Январь]. *Историческое общество*²⁵ начинает зарождаться. 20 [января] у Герье с Ключевским обсуждали устав, причем мы решили пригласить еще 14 человек. Виноградов запротестовал, усмотрев в этом обиду для своего кружка, и Герье согласился ограничить учредительство университетскими²⁶. [...]

л. 3

Отношения. Обед 12го января²⁷ с историками – характерное явление. Масса речей, по большей части плохих, причем Милюков *говорил нескладно* о научном и гуманитарном направлении, за что был оборван Ключевским (ученая кража и “Ваша наука – глупая наука”). Ближе познакомился с Петрушевским²⁸ и Моравским²⁹, которые просто оказываются неразумными ребятами. Отношения между историками обнаружались вполне: вражда касается не только направлений, но и лиц, а это противно. ^{1*}Может быть, напрасно говорил со Стороженко и Милюковым о вознаграждении. Лучше чрез Герье – consilium ad eundi^{1*}.³⁰ [...]

л. 7

[Март] 19го обед Лаврову³¹ по приглашению Гольцева³². Много речей, но почти все пошлые. Подобострастие присутствующих по отношению к Соболевскому³³ и грубая лесть Милюкова Гольцеву. Отношения к историкам, требовавшие починки, улучшаются. С Герье хорошо, как всегда, передал ему некоторые статьи для Словаря³⁴. У Ключевского был (6го); в пятницу (19) он провел вечер у меня; 23го сидели в трактире. Отношения безусловно хорошие, но мало свежих мыслей и занимательных бесед. 26го очень хороший и вполне приятельский обед с Виппером. 2го был Герасимов и много рассказывал о секции³⁵. По-видимому, начинается разлад, и ученики-материалисты не вполне уже довольны В[иноградовым], который понимает смысл культурной истории. [...]

- Вписано над строкой.

1*-1* Приписано на полях.

[Май] 8) Интересный (сравнительно) завтрак в Праге³⁶ по приглашению Гольцева³⁷, где кроме Лаврова и Милюкова, был Мамин³⁸ и Чехов³⁹. [...]

л. 12 об.

[Октябрь]. Старые отношения хороши по-прежнему и даже улучшились. 3го вернулся Герье [...]. 22 визит Шварца⁴⁰ очень теплый и милый; в тот же день задушевный прощальный визит Ключевского⁴¹, который рассказал мне посещение Виноградова и свой разговор с ним по поводу гонора Милюкова. Даже отношения с Виноградовым улучшились, хотя думаю, что вопрос о Милюковском вознаграждении⁴² их снова расстроит. [...]

л. 23 об.–24

[Ноябрь] 24) На факультете поднялся вопрос о вознаграждении Милюкова и по моему настоянию отложен до возвращения Ключевского⁴³. Но нужно быть осторожней, чтобы сохранить занятое положение. [...]

л. 25 об.

[Декабрь]. Сборник в пользу воскресных школ задержан; говорят, за статью Милюкова о воцарении Анны Ивановны⁴⁴, за олигархические симпатии автора. [...]

л. 26 об.

Очень важное явление – студенческая вечеринка (4го), устроенная с целью сближения студентов с профессорами⁴⁵. Из приглашенных профессоров явились только Зелинский⁴⁶, Виноградов, Лопатин⁴⁷, я и Милюков. В речах я и Виноградов доказывали, что сближение возможно только на почве кружков для саморазвития. Студент Попов⁴⁸ приходил (14) и разъяснил организацию. Землячеств⁴⁹ около 30, делегаты от каждого составляют Совет Союза и Союзный Суд⁵⁰. Политика отсутствует. Существуют социал-демократические кружки по национальностям (евреи, грузины, латыши). Вступительная речь ректора (11) шаблонна⁵¹. [...]

л. 27

[1894. Январь]. Был Виппер, которого я устраиваю в Одессу⁵². Вечер у Рота⁵³ (11го) скучно. Стоит отметить визит студента В. Маклакова⁵⁴, который принес свою книгу⁵⁵ и которому я наговорил много лишнего, и очень любезное письмо от Мищенко⁵⁶. Есть и новая вражда: Сторожев⁵⁷, а, может быть, и Милюков, распускают слухи, что я интригами перебил у Сторожева статью для Русской Мысли⁵⁸ и говорил на съезде⁵⁹ против немцев⁶⁰. [...]

л. 29 об.

[Февраль] 9го факультетское заседание с плохим докладом о приват-доцентах⁶¹. Не был выяснен принцип вознаграждения: кажется, штуки Виноградова, который не хотел связывать себе рук для Милюкова. По словам Кареева⁶², Виноградов очень хвалил его книгу, пока был должен, а расслаившись⁶³, велел разбранить ее своему секретарю студенту Гершензону⁶⁴. 2го 35^летний литературный юбилей Стороженко прошел очень хорошо: огромный обед, собравший почти всю интеллигенцию, речи неважные⁶⁵, но видно было, что Стороженко своим сердцем заслужил всеобщую любовь. [...]

л. 30 об.

Герье зашел только по случаю моей болезни; вообще же он ко мне почти никогда не ходит: вероятно, не нравится моя семья. 18го Ягич⁶⁶ просит мою книгу. Очень охладились отношения с Стороженкой, и я думаю, что здесь действует Милюков и, может быть, Иванов⁶⁷. Сторожев, распускавший про меня разные сплетни, написал ругательную рецензию на мою брошюру⁶⁸. [...]

л. 31

[Март] 23. Виноградов, чтобы [создать] 2 обязательных часа для Милюкова, вместе со Шварцем [внесли] предложение о сокращении на историческом отделении чтения древних авторов на 3 и 4 курсах по часу, что и принято факультетом⁶⁹. 28 [марта]. Я решил воспользоваться этими часами для себя.

Ученые Общества. 9го народилось Историческое общество. Учредители (14 человек) выбрали председателем Герье; но Комитет по избранию из 10 человек, решено сначала выбрать из 6, чтобы потом [ввести] туда непавшего случайно в учредители Якушкина⁷⁰ [и не]которых учителей. Были выбраны⁷¹: Ключевский (13 голосов), Виноградов (12), я (10), Милюков (9), Михайловский⁷² (7). 18го разыгрался скандал. Виноградов представил список в члены свой кружок (35 человек), Герье – подписавшихся под адресом (около 80), но [хотел] сначала выбрать немногих, чтобы обеспечить намеченное бюро и комитет⁷³. Возникли споры и, когда Милюков предложил принять Виноградовский список целиком, а из другого взять нескольких, Герье сказал ему: “Вы забываете, где Вы и с кем Вы [говори]те”⁷⁴. Тогда Милюков сложил с себя звание члена комитета и общества⁷⁵. [...]

л. 32 об.–33

л. 34

[Апрель] 17. Герье решил и 27 факультет присудил доктора Випперу⁷⁶. В глубине души я был против этого, но может быть по зависти, но действовал за [из] солидарности и приличия. Факультетское заседание 6^{го}⁷⁷ и совет 2 [апреля] незначительны.

Ученые общества. Часть Виноградовского кружка, собравшись на частном заседании, решила не вступать в историческое общество, пока не вернется туда Миллюков⁷⁸. [...]

л. 37

[Май] 8го баллотировка новых членов в 2^{*} новое Историческое Общество^{2*} произошла при самых печальных auspiciis⁷⁹: пришло, кроме меня, 4 (Ключевский, Герье, Виноградов, Лопатин). [...]

л. 37 об.-38

Отношения с Виппером, кажется, порваны. На обеде после своего диспута⁸⁰ он предложил демонстративный тост за друзей, сидевших налево и прямо (мы с Бремером⁸¹ сидели направо от него). 25го через Кареева познакомился с Мякотиним⁸². Это близкий друг и величайший поклонник Миллюкова и поэтому крайне пристрастен к Ключевскому. В компании с ним, с Кареевым и с Герасимовым прогулка на Воробьевы горы, где пьяный^{3*} Герасимов страстно и враждебно напал на меня за уроки у Перепелкиной⁸³. Это нападение показало мне, что отношение Випперовского кружка не менее ко мне враждебно, как и Виноградовского. С прежними отношения старые; только значительно улучшились с Ключевским. 18го провел у него отличный вечер с долгой беседой об истории; 20го он просидел у меня почти всю ночь, а 30 беседовали об университетских делах с небывалою прежде откровенностью. 11го чудесный вечер в Славянском Базаре с превосходной компанией (Ключевский, Вл. Соловьев⁸⁴, Трубецкой⁸⁵, Лопатин). [...]

л. 42 об.

[Октябрь] 28го предварительное собрание исторического общества у Герье: рефератов не предполагается, работать охотников нет и auspiciis вообще неблагоприятны. [...]

л. 43 об.

[Ноябрь] 30го Ключевский дважды жестоко освистан студентами – за речь в память Александра III⁸⁶, которую он произнес сначала, 4^{*} еще в октябре^{4*}, в аудитории в кратком виде безнаказанно⁸⁷, а затем в Обществе Истории и Древностей⁸⁸, которое выпустило ее отдельной брошюрой⁸⁹, а Московск[ий] Листок⁹⁰ перепечатал и с хвалебным комментарием⁹¹. Кто-то 5^{*} (говорят, Миллюков⁹²)^{5*} скупил несколько экземпляров и, приклеив выдержку из басни Фонвизина “Лисица-кознодей”⁹³, разослал нескольким лицам⁹⁴. Речь грешит панегирическим тоном, хотя автор, замечая след, восхваляет и реформы Алек[сандра] П⁹⁵; а ее произнесение было бестактно; но поведение студентов – несомненное башибузуцтво⁹⁶. [...]

л. 44 об.-45

[Декабрь]. *Университет.* Последствия эпизода с Ключевским разрослись в бурную историю. За свист исключили троих, из которых один, граф Мамуна, совсем не свистал (1го)⁹⁷. Результатом этого была сходка (2го), причем полиция и жандармы проникли в университет, переписывали занимавшихся в лаборатории⁹⁸. Капнист⁹⁹ был освистан, и по его инициативе была приглашена полиция в тот момент, когда студенты уже расходились. Между тем Ключевский через Правление отправил письмо к министру, которого он просил о смягчении приговора университетского суда¹⁰⁰, а полиция, говорят, отправила донос на Капниста. Вообще события произвели угнетающее впечатление на Ключевского, который во всей истории вел себя благородно (оказывается, что его речь напечатана была в Московск[ом] Листке без его ведома, а вышла отдельным изданием по уставу Общества). Сходка не имела бы последствий, если бы полиция не арестовала союзный совет и не выслала 43 студентов¹⁰¹. Такое поведение правдоподобно объясняют желанием охраны раздуть волнение ради самосохранения, так как^{6*} стали ходить слухи об ее уничтожении. Результатом несправедливости было

2*-2* Вписано над строкой.

3* Вписано над строкой.

4*-4* Вписано над строкой.

5*-5* Вписано над строкой.

6* Вписано над строкой.

брожение среди профессоров: студенты ходили к некоторым профессорам, Черинов¹⁰², Эрисман¹⁰³ и еще кто-то ездили к попечителю, который действует крайне нерешительно; стали собираться профессорские кружки для обсуждения средств добиться смягчения участи студентов, Герье был даже на заседании союзного совета (4го или 5го). Затем несколько профессоров порешили подать прошение Великому Князю¹⁰⁴, и для выработки его проекта составила комиссия, в состав которой [вошли] между прочими Герье и Милюков, причем первый вскоре устранил последнего¹⁰⁵. [...]

[1895. Февраль]. Безобразов¹⁰⁶ и Милюков выгнаны со службы и высланы: первый 22^{го}^{7*} в Тулу, второй (26)^{8*} в Рязань. Милюкову толпа студентов (около 300) устроила торжественные проводы¹⁰⁷. Виноградов проектировал письмо Милюкову, но провалился. [...]

[Апрель]. *Общества*. Уварова¹⁰⁸ хотела через Великого князя командировать Милюкова для исследования Рижских архивов перед съездом¹⁰⁹, но получила отказ¹¹⁰. [...]

Отношения. Сближение с Уваровой¹¹¹, у которой был на интимно археологическом обеде (4го) по поводу Милюкова. [...]

[Сентябрь]. 16го появились слухи, что полиция, озлобленная нашей петицией, желает съесть 2 каких-то профессоров. Во всяком случае обьски среди студентов шли очень энергично, Герье и Грота¹¹² звали к жандармам¹¹³, и найдены какие-то компрометирующие Милюкова бумаги¹¹⁴. [...]

[Ноябрь]. *Ученые общества*. 5го заседание в Историческом Обществе, где реферат Успенского¹¹⁵ "о навкрариях"¹¹⁶ довольно дельный более^{9*} по приемам, чем по результатам. Герье, желая реабилитироваться, отказывается принять в члены Гольцева и Муромцева¹¹⁷. [...]

[1896. Февраль]. 23го Кареев был ошвант многочисленной толпой, собравшейся в Историч[еском] Общ[естве] на его реферат против экономического материализма¹¹⁸. Это направление наплодили у нас с одной стороны Чупров¹¹⁹ и земские статистики, с другой Виноградов, Милюков и отчасти Ключевский. [...]

[Май]. Милюкова не пустили в Болгарию, а ссылают на 3 года в Уфу¹²⁰. [...]

[Октябрь]. Начался вопрос о написании университетской истории за последнее 50-летие¹²¹. На совете 12го октября Ключевскому предложено было организовать для этой цели комиссию¹²², и эта честь страшно возмутила Виноградова, который не сумел сдержать себя и заявил, что это дело реакции. Ему удалось втереть очки и Герье; но Ключевский поступил очень благородно: он представил дело так, что он только посредник между советом и профессорами, и пригласил в комиссию всех историков, причем Герье и Виноградов согласились. Таким образом комиссия организовалась¹²³. Между тем на Ключевского идет травля по всей линии Милюковцев.

ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. Д. 1. Ч. 2. Автограф.

КОММЕНТАРИИ

¹ М.С. Корелин печатал диссертацию с октября 1890 г. по апрель 1892 г. в типографии Э. Лиснера и Ю. Романа на счет Московского университета (ЦИАМ. Ф. 418 (Имп. Московский университет). Оп. 476. Д. 17. Л. 30; Д. 19. Л. 15; См. также: *Корелин М.С. Ранний итальянский гуманизм и его историография: Критическое исследование*. 2-е изд. СПб., 1914. Т. 1: Историографический обзор. С. XXX). Первоначально диссертация вышла как два выпуска "Ученых записок" Московского университета (см.: *Корелин М.С. Ранний итальянский гуманизм и его историография: Критическое исследование // Учен. зап. имп. Московского университета. Отдел историко-филологический*. М., 1892. Вып. 14. VIII, 576 с.; Вып. 15. [2], 577–1088, 73 с.). Одновременно с этим типография отпечатала и отдельное издание работы с сохранением верстки и пагинации (М., 1892. Вып. 1–2).

^{7*} Вписано над строкой.

^{8*} Вписано над строкой.

^{9*} Вписано над строкой.

- ² На заседании 22 апреля 1892 г. историко-филологический факультет Московского университета официально рассмотрел прошение М.С. Корелина о принятии его книги в качестве магистерской диссертации и постановил поручить ее рассмотрение В.И. Герье и Н.И. Стороженко (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 19. Л. 15).
- ³ На заседании историко-филологического факультета 29 апреля 1892 г. был зачитан отзыв В.И. Герье и Н.И. Стороженко о книге Корелина. Рецензенты признали соискателя достойным не только степени магистра, но и на основании статьи 27, § II, пункта 5 университетского устава степени доктора всеобщей истории. Это предложение нашло противников в лице Р.Ф. Брандта и П.Г. Виноградова. Брандт возразил, что, по его мнению, эту статью следовало бы применять как можно реже. Брандт не был убежден, что диссертация Корелина имеет такие необыкновенные достоинства, которыми можно было бы оправдать степень доктора. Виноградов нашел несправедливым давать Корелину преимущество перед П.Н. Милюковым, также представившим на факультет капитальную магистерскую диссертацию (22 января 1892 г.). Виноградов считал, что Милюков имел не меньше прав на степень доктора. Брандт, в свою очередь, согласился с этим. В последовавшем голосовании предложение Герье и Стороженко получило 10 голосов “за” и 2 “против” (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 19. Л. 18–18 об.).
- ⁴ Диспут М.С. Корелина прошел в воскресенье, 10 мая 1892 г., в актовом зале Московского университета при большом скоплении публики. Официальными оппонентами были В.И. Герье и Н.И. Стороженко, а неофициальным выступил А.Н. Веселовский. Диспут начался в 13-00 и длился более трех часов. По результатам защиты Корелин был признан достойным степени доктора всеобщей истории (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 61. Д. 232. Л. 1–1 об., 3, 5–5 а; Оп. 476. Д. 19. Л. 21; [Объявление] // Московские ведомости. 1892. 8 мая; Диспут // Там же. 11 мая. Подробнее о диспуте М.С. Корелина см.: Беркут В.Н. [Диспут М.С. Корелина] // Ист. обозрение. СПб., 1892. Т. 5. С. 191–198).
- ⁵ Герье Владимир Иванович (1837–1919) – историк, общественный деятель. Член-корреспондент (1902) Петербургской АН; член Государственного совета (1907). Труды по истории Польши и Германии XVII–XVIII вв.
- ⁶ Стороженко Николай Ильич (1836–1906) – историк литературы. Временный председатель (1884–1894), председатель (1894–1901) Общества любителей российской словесности. Труды по западноевропейской литературе.
- ⁷ Веселовский Алексей Николаевич (1843–1918) – историк литературы. Почетный академик (1906) Петербургской АН; временный председатель (1894–1901), председатель Общества любителей российской словесности (1901–1904). Труды по западноевропейской и русской литературе.
- ⁸ Во всех газетных заметках книга М.С. Корелина получила весьма высокие оценки (см.: Диспут // Московские ведомости. 1892. 11 мая; Московские вести // Русские ведомости. 1892. 11 мая; Диспут М.С. Корелина // Московская иллюстрированная газета. 1892. 11 мая; 12 мая; *Дилетант* [Эфрос Н.Е.]. Диспут М.С. Корелина // Новости дня. 1892. 11 мая; *Он же*. Диссертация М.С. Корелина о гуманизме // Там же. 12 мая).
- ⁹ См. примеч. 3. Подробнее о диспуте П.Н. Милюкова и событиях, предшествовавших ему, см.: Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милюков (1859–1904): труды и дни. Рязань, 2001. С. 66–69.
- ¹⁰ *ad maiorem gloriam* (лат.) – к вящей славе. Перефразированное выражение *ad maiorem dei gloriam* (во имя торжества какого-либо принципа, буквально: к вящей славе божией). Скорее всего, Корелин намекает на торжество культурно-исторической школы, представителем которой он был, над экономическим материализмом, прочно ассоциировавшимся с трудом Милюкова.
- ¹¹ К сожалению, содержание существенных возражений оппонентов М.С. Корелина известно лишь в кратком пересказе В.Н. Беркута. Так, В.И. Герье был не согласен с тем, как Корелин трактовал взгляды Г.В.Ф. Гегеля на Возрождение. Взгляды И. Канта на тот же предмет Корелин передал коротко и неполно. Автор дал, по мнению Герье, слишком широкую характеристику индивидуализма. В полемике с немецким историком Г. Фойгтом (G. Voigt), сводившим гуманизм к реставрации древностей, Корелин впал в противоположную крайность. Н.И. Стороженко выступил против утверждения Корелина, что гуманисты не были проповедниками веротерпимости. А.Н. Веселовский настаивал на другой оценке А. Данте. Для Веселовского Данте был не предшественником гуманистов, а стоял с ними в одном ряду (Беркут В.Н. Указ. соч. С. 195). В газетных публикациях содержание возражений никак не раскрыто (см., например: Московские вести // Русские ведомости. 1892. 11 мая).
- ¹² Герасимов Осип (Иосиф) Петрович (1863–1920) – педагог, литературовед, государственный деятель. Товарищ министра народного просвещения (1905–1908, 1917). Председатель комитета Северного фронта Всероссийского земского союза (1917). Труды по педагогике, истории русской литературы.
- ¹³ Щепкин Евгений Николаевич (1860–1920) – историк. Депутат I Государственной думы (1906). Труды по истории России, Германии и Скандинавии IX–XVIII вв.
- ¹⁴ Виппер Роберт Юрьевич (1859–1954) – историк. Академик АН СССР (1943). Труды по всеобщей истории от античности до современности, философии истории.
- ¹⁵ Речь идет о вынужденном отсутствии М.С. Корелина на заседаниях Исторической секции Учебного отдела Общества распространения технических знаний, являвшейся в то время своеобразной ла-

- бораторией научно-методической мысли в сфере исторического образования. Запись от 28 сентября 1892 г. сообщает о начале конфликта: при обсуждении в секции хрестоматии по всеобщей истории возник спор относительно того, считать ли Возрождение частью Средних веков или Нового времени. Позиция Корелина не получила поддержки, после чего он решил устраниваться от работы над хрестоматией (см.: ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. Д. 1. Ч. 1. Л. 29).
- ¹⁶ Виноградов Павел Гаврилович (1854–1925) – историк, общественный деятель. Член-корреспондент (1892), ординарный академик (1914) Петербургской АН. Труды по социальной истории Англии и Италии в Средние века. Эмигрант.
- ¹⁷ Других данных, помимо записи в дневнике М.С. Корелина, о желании П.Г. Виноградова организовать публичные лекции осенью–зимой 1892 г. не обнаружено. Возможно, Виноградов планировал (по примеру 1891 г.) прочесть вместе с другими либеральными деятелями ряд лекций в пользу пострадавших от неурожая (см.: РГАЛИ. Ф. 1337 (Собрание воспоминаний и дневников). Оп. 1. Д. 90. Л. 6; РГИА. Ф. 733 (Департамент народного просвещения). Оп. 194. Д. 774. Л. 239–239 об., 241–245; Публичная лекция проф. П.Г. Виноградова о “И.В. Киреевском и начале московского славянофильства” // Русские ведомости. 1891. 6 дек.). По каким-то причинам инициатива организации лекций перешла в октябре 1892 г. к Д.И. Тихомирову и, вероятно, к А.Н. Веселовскому. 28 октября 1892 г. Тихомиров направил в канцелярию московского генерал-губернатора письмо с просьбой разрешить лекции В.А. Гольцеву (“Разночинцы и дворянская культура”) и И.И. Иванюкову (“Народничество”) (13 ноября), и П.Д. Боборыкину (20 ноября). Вырученные средства должны были поступать в Московский комитет грамотности для устройства сельских библиотек и столовых для детей в местностях, пострадавших от неурожая и эпидемии. Исполняющий обязанности генерал-губернатора Д.С. Спнягин запретил читать лекции всем указанным ораторам. В ответ 4 ноября Тихомиров изменил свое ходатайство, отложив лекции Гольцева и Иванюкова и указав другое “назначение сбора с лекций”. Тихомиров просил разрешить лекцию Боборыкину, деньги с которой (равно как и с последующих) должны были пойти “для устройства сельских библиотек”. 20 ноября серия лекций в пользу комитета грамотности была разрешена. Все лекции прошли в Историческом музее: П.Д. Боборыкин (“Страх смерти”, 20 ноября), граф Л.А. Камаровский (“Россия и Европа”, 27 ноября), А.И. Чупров (“Знание и народное богатство”, 10 декабря), П.Н. Милюков (“Разложение славянофильства”, 22 января 1893 г.), В.О. Ключевский (“Два воспитания”, 1 февраля), П.Г. Виноградов (“Т.Н. Грановский”, 11 февраля), И.И. Иванов (“Новая культурная сила”, 25 февраля), Н.И. Стороженко (“О поэтах горя и нужды в Англии”, 6 марта), А.Н. Веселовский (“Современное общество в героях и героинях литературы”, 19 марта). Сборы с лекций оказались весьма существенным подспорьем для комитета грамотности. На его заседании 6 апреля 1893 г. Веселовский и Тихомиров как организаторы публичных лекций в пользу комитета были избраны в пожизненные члены (РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 90. Л. 57 об., 66 об.; ЦИАМ. Ф. 16 (Канцелярия московского генерал-губернатора). Оп. 82. Д. 1. Л. 28–36; Ф. 2202. Оп. 3. Д. 1. Ч. 1. Л. 35 об–36; Ч. 2. Л. 4 об.; Московские вести // Русские ведомости. 1892. 16, 24, 29 нояб.; 9 дек.; 1893. 25 янв., 26 февр., 7, 19 марта; Знание и народное богатство // Там же. 1892. 14 дек.; Публичная лекция о Т.Н. Грановском (прочитана 11-го февраля в Историческом музее проф. П.Г. Виноградовым) // Там же. 1893. 14 февр.; Заседание московского комитета грамотности 6-го апреля // Там же. 9 апр.; Отчет о публичных лекциях // Русская мысль. 1893. № 4. С. 167).
- ¹⁸ The Athenaeum: Journal of Literature, Science, the Fine Arts, Music and the Drama – английский общественно-политический и художественный журнал, выходивший в Лондоне в 1828–1921 гг. С 1889 по 1896 г. краткие ежегодные обзоры русской художественной и научной литературы для “The Athenaeum” составлялись П.Н. Милюковым. В дневнике речь идет об обзоре за 1892 год, в котором Милюков высоко оценил труд М.С. Корелина (см.: *Milyoukoff P. Russia // The Athenaeum. 1892. № 3375. July, 2. P. 27*).
- ¹⁹ “Русская мысль” – ежемесячный научный, литературный и политический журнал либерального направления, выходивший в 1880–1918 гг. в Москве.
- ²⁰ Кудрявцев Александр Алексеевич (1863–1893) – историк, педагог. Труды по истории Европы в Средние века.
- Речь идет о рецензии А.А. Кудрявцева на книгу М.С. Корелина (см.: [Кудрявцев А.А.]. Рец. на: Корелин М.С. Ранний итальянский гуманизм и его историография: Критическое исследование. М., 1892. Вып. 1–2 // Русская мысль. 1892. № 10. С. 440–444 отд. паг.). Признав ценность историографического обзора, рецензент указал на то, что общие положения Корелина не доказаны, но всегда прослеживается связь между материалом и выводами. Кудрявцев выступил против изолированного рассмотрения гуманистической литературы от окружавшей гуманистов действительности, от материальных условий.
- Упрек Кудрявцева Корелину в том, что последний не выяснил материальной среды, взрастившей гуманизм, вызвал саркастическое замечание Н.И. Кареева (см.: *Кареев Н.И.* По поводу новой формулировки материальной истории // Ист. обозрение. 1892. Т. 5. С. 278, примеч. 1).
- ²¹ Мачтет Григорий Александрович (1852–1901) – писатель-народник.
- ²² Янжул Иван Иванович (1846–1914) – экономист, статистик, общественный деятель. Член-корреспондент (1893), ординарный академик (1895) Петербургской АН. Фабричный инспектор Московского округа (1882–1887). Труды по налоговой и таможенной политике, фабричному и рабочему законодательству.

- ²³ Ключевский Василий Осипович (1841–1911) – историк, источниковед, историограф, педагог. Член-корреспондент (1889), ординарный (1900) и почетный академик (1908) Петербургской АН. Труды по истории России IX–XIX вв.
- ²⁴ В третьей главе романа Г.А. Мачтета “На заре” пасквиль налицо (см.: *Мачтет Г.А. На заре // Русская мысль. 1892. № 11. С. 198–212* отд. паг.). Глава начинается с диалога между главным героем, студентом-медиком Сергеем Аркановым, и его соседом по квартире, молодым историком, судя по всему магистрантом, Андреем Павловым. Павлов явно “срисован” с Милюкова и по сюжету является положительным героем. Арканов мечет критические стрелы в его университетского “шефа”, которого Павлов явно пытается защищать. В образе этого шефа соединены внешность отличавшегося тучной комплекцией Янжула (“стопудо-ученый”, “гиппопотам учености”) и характер Ключевского. Особенно ярко должна была, по замыслу автора, указывать на Ключевского следующая тирада Арканова, написанная явно со слов Милюкова: «...Он сам добился “доктора” под старость только, – раз! Вынес массу интриг, незаслуженных неудач, треволнений, почему и весь изъехидничался [намек на остроумие Ключевского. – *А.М., П.Т.*], – два! Достигнул своих лавров усталым, разбитым, так что, свободно вздохнув, крепко сел на них, махнув на науку, которую любил раньше, когда еще не был ни усталый, ни разбитый, ни озлобленный, – три!» (Там же. С. 202 отд. паг. Ср. с письмом П.Н. Милюкова С.Ф. Платонову от 29 июля 1890 г. (ОР РНБ. Ф. 585. (С.Ф. Платонов) Оп. 1. Д. 3546. Л. 23 об.)). Арканов пророчит Павлову неудачу в академической карьере. В частности, Арканов утверждает, что в науке, как и везде, заправляют люди, “отлично понимающие, что значат большие и меньшие оклады”. Затем, Арканов говорит, что шеф Павлова будет всячески препятствовать ему в достижении ученой степени: “Он будет содействовать Корневу [очевидно, в этой мимолетно упоминаемой фигуре Корелин и усмотрел пасквиль на себя. – *А.М., П.Т.*], потому что это только вешалка, увешанная хорошими ярлыками. Он будет содействовать Парканову, потому что это гусь, начиненный, вместо яблок, римским правом... Но тебе... тебе? Человеку с твоею головою, с твоим дарованием, с твоим синтезом? Батюшки свет! Да он хоть плюнет, на пол плюнет, чтобы ты поскользнулся!...” (*Мачтет Г.А. Указ. соч. С. 202* отд. паг.).
- ²⁵ Историческое общество – Историческое общество при имп. Московском университете – научное учреждение (1894–1923). Подробно о перипетиях, связанных с возникновением и началом его функционирования см.: *Бухерт В.Г. Основание Исторического общества при Московском университете // АЕ за 2000 год. М., 2001. С. 200–205; Макушин А.В. Участие П.Н. Милюкова в деятельности научных обществ при Московском университете // Российские университеты в XVIII–XX веках: Сб. науч. ст. Воронеж, 1999. Вып. 4. С. 144–148; Макушин А.В., Трибунский П.А. Указ. соч. С. 81–85.*
- ²⁶ Ходатайство 18 профессоров и приват-доцентов об учреждении Исторического общества, датированное 14 апреля 1893 г., было зачитано на заседании историко-филологического факультета 28 апреля. После чего дело пошло официальным порядком и завершилось 27 сентября утверждением устава общества министром народного просвещения И.Д. Деляновым (РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 999. Л. 1–6; ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 62. Д. 470. Л. 2–2 об.; Оп. 476. Д. 20. Л. 16; Ф. 459 (Попечитель Московского учебного округа). Оп. 2. Д. 4524. Л. 2).
- ²⁷ День св. Татьяны, официальной покровительницы имп. Московского университета. Традиционно 12 января проходил торжественный акт в университете, после чего студенты и преподаватели отмечали праздник в разного рода увеселительных заведениях.
- ²⁸ Петрушевский Дмитрий Моисеевич (1863–1942) – историк-медиевист, педагог. Член-корреспондент (1924), академик (1929) АН СССР. Труды по истории Англии в Средние века.
- ²⁹ Моравский Сергей Павлович (1866–1942) – историк-медиевист, педагог, переводчик. Труды по истории Германии в Средние века и Новое время.
- ³⁰ *consilium ad eundi (лат.)* – совещание, обсуждение в той же степени.
- ³¹ Лавров Вукол Михайлович (1852–1912) – журналист, переводчик, общественный деятель. Издатель (1880–1905) и редактор (1885–1907) журнала “Русская мысль”.
- ³² Гольцев Виктор Александрович (1850–1906) – публицист, историк, общественный деятель. Неофициальный (1885–1905), официальный (1905–1906) главный редактор журнала “Русская мысль”. Труды по истории России и Европы XVII–XIX вв., педагогике.
- Упомянутое приглашение В.А. Гольцева, датированное 18 марта 1893 г., на обед в “Эрмитаж” по случаю отъезда В.М. Лаврова см.: ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.
- ³³ Соболевский Василий Михайлович (1846–1913) – публицист, общественный деятель. Издатель-редактор газеты “Русские ведомости” (1881–1913).
- ³⁴ Вероятно, В.И. Герье был посредником между М.С. Корелиным и редакцией “Энциклопедического словаря” Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Перечень статей Корелина 1893-го и последующих годов в словаре см.: *Герье В.И. Михаил Сергеевич Корелин. 30 авг. 1855 г. – 3 янв. 1899 // Речь и отчет, читанные в торжественном собрании имп. Московского университета 12-го января 1900 года. М., 1900. С. 508* и далее.
- ³⁵ Историческая секция Учебного отдела Общества распространения технических знаний – научное учреждение (1890–?). Председателем бюро секции 27 апреля 1892 г. был выбран П.Г. Виноградов (Отчет о занятиях исторической комиссии Учебного отдела при Обществе распространения технических знаний // *Ист. обозрение. 1895. Т. 8. С. 266*).
- ³⁶ “Прага” – московский ресторан.

- ³⁷ В приглашении В.А. Гольцева от 7 мая 1893 г. в качестве гостей фигурировали В.М. Лавров, А.П. Чехов и П.Н. Милоков (см.: ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 39. Л. 1).
- ³⁸ Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович [наст. фам. Мамин] (1852–1912) – писатель.
- ³⁹ Чехов Антон Павлович (1860–1904) – писатель. Почетный академик (1900) Петербургской АН.
- ⁴⁰ Шварц Александр Николаевич (1848–1915) – филолог-эллинист, педагог, государственный деятель. Попечитель Рижского (1900–1902), Варшавского (1902–1905), Московского (1905) учебных округов. Сенатор (с 1905). Член Государственного совета (1907). Министр народного просвещения (1908–1910). Труды по греческой филологии, древнегреческому искусству, археологии.
- ⁴¹ В.О. Ключевский был приглашен для преподавания великому князю Георгию Александровичу. Он находился в Абастумане (Кавказ) с 1 ноября 1893 г. по 1 апреля 1894 г. (см.: РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 926. Л.217, 222; ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 20. Л. 22–22 об., 35).
- ⁴² О “вопросе о милоковском вознаграждении”, т.е. о попытках П.Н. Милокова получить доцентский оклад, подробно см.: *Макушин А.В.* Два эпизода университетской карьеры П.Н. Милокова // *Российские университеты в XVIII–XX веках.* Воронеж, 1998. Вып. 3. С. 162–167; *Макушин А.В., Трибунский П.А.* Указ. соч. С. 54–57.
- ⁴³ В связи с отъездом В.О. Ключевского в Абастуман лекции для студентов 3-го и 4-го семестров были отложены на будущий учебный год. Руководство семинарскими занятиями со студентами исторического отделения было поручено П.Н. Милокову. На заседании историко-филологического факультета 24 ноября 1893 г. был поднят вопрос об оплате практических занятий со студентами. Полагая по 150 рублей в год за 1 час всем преподавателям, члены факультета предложили, что подобная ставка должна быть распространена и на Милокова за проведение семинарских занятий. Вместе с тем они оговорились, что, если Милоков пожелает, то можно будет возбудить ходатайство о повышенном размере оплаты его труда в конце года (см.: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 20. Л. 22–22 об., 38 об.). На следующем заседании, 8 декабря, П.Г. Виноградов прочел письмо Милокова. Последний, ссылаясь на то, что из-за занятий в университете был вынужден отказаться от части уроков в средних учебных заведениях, которые, возможно, ему не удастся возобновить в будущем году, попросил ходатайствовать о повышенном вознаграждении за ведение семинаров. Факультет постановил отложить этот вопрос до конца учебного года (Там же. Л. 40).
- В протоколе заседания 24 ноября выступления Корелина не отмечено. То, что он выступал, подтверждается письмом к нему Ключевского от 9 декабря. Ключевский писал: “Очень благодарен Вам за то, что Вы сказали обо мне на заседании факультета по поводу вопроса о вознаграждении Милокова. Мне показалось не совсем ясным различие между *нормальной* платой за практические упражнения и ненормальной. Во время разговора с попечителем не было речи о размере платы, а выяснилось только, что размер определится состоянием специальных средств университета и, разумеется, усмотрением факультета и что предложение удобнее сделать к концу учебного года, когда можно будет сослаться на *исполненный* труд. Я, конечно, буду за максимальный размер. Таково было и мнение попечителя, который одобрил мое предложение и обещал поддержку”. Ключевский собирался сделать подобное лично или ходатайствовать письменно перед деканом факультета (ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 124. Л. 1 об.–2). Ключевский послал письмо, оглашенное на заседании факультета 23 марта 1894 г. Ключевский просил заплатить Милокову по 400 рублей за годовой час. Факультет решил поддержать предложение Ключевского. В результате Милоков получил повышенное вознаграждение за ведение семинаров (750 рублей в два приема) (Там же. Ф. 418. Оп. 476. Д. 21. Л. 8 об., 20, 33).
- ⁴⁴ Анна Ивановна (Иоанновна) (1693–1740) – императрица (1730–1740).
- Речь идет о статье П.Н. Милокова “Попытка государственной реформы при воцарении императрицы Анны Иоанновны”, опубликованной в сборнике «В пользу воскресных школ / Изд. ред. журн. “Русская мысль”» (М., 1894. С. 211–275). В конце ноября 1893 г. Милоков сообщил С.Ф. Платонову, что сборник выйдет из печати через две недели. Но статья Милокова привлекла внимание цензуры, что и задержало выход сборника на 2 месяца (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3548. Л. 21 об.; РГАЛИ. Ф. 167 (А.В. и В.Г. Дружинины). Оп. 1. Д. 737. Л. 1 об.). Милоков в статье сетовал на то, что “верховники” не смогли найти общего языка с широкими кругами шляхетства и образовать антисамодержавную коалицию. Поэтому приписывание ему молвой “олигархических симпатий” ошибочно.
- ⁴⁵ Вечеринка прошла в кухмистерской Иванова. Она привлекла внимание полиции. В декабре 1894 г. после студенческих беспорядков московский обер-полицеймейстер А.А. Власовский в записке П.А. Капнисту отметил среди посетителей следующих профессоров и приват-доцентов: Ю.С. Гамбаров, В.Д. Шервинский, А.Н. Веселовский, М.С. Корелин, В.И. Вернадский, П.Н. Милоков (ГАРФ. Ф. 63 (Московское охранное отделение). Оп. 14. Д. 357. Т. 2. Л. 114 об.; Ф. 102 (Департамент полиции МВД). 3-е д-во. Оп. 93. Д. 1719. Ч. 1. Л. 274; ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4571. Л. 49 об.–50).
- ⁴⁶ Зелинский Николай Дмитриевич (1861–1953) – химик-органик, один из основоположников органического катализа и нефтехимии. Академик (1929) АН СССР. Труды по химии углеводородов нефти и каталитическим превращениям в продукты высшей химической ценности.
- ⁴⁷ Лопатин Лев Михайлович (1855–1920) – философ-идеалист, психолог. Редактор журнала “Вопросы философии и психологии” (1894–1918); председатель Московского психологического общества (1899–1918). Труды по философии, психологии, этике.

- ⁴⁸ В 1894/95 академическом году на историко-филологическом факультете учились три студента по фамилии "Попов". Из них два студента 3-го семестра – Сергей Николаевич (1871–?) и Сергей Нилевич (1872–?), и один студент 9-го семестра – Тихон Иванович (1872–?) (см.: Алфавитные списки студентов имп. Московского университета за 1894–95 академический год. М., 1894. С. 302–303). Вероятно, речь идет о Т.И. Попове, представителе елецкого земледельства и члене судебной комиссии Союзного совета. В ночь со 2 на 3 декабря 1894 г. Т.И. Попов был задержан как активный участник студенческих беспорядков и выслан из Москвы (ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4571. Л. 30; Д. 4572. Л. 15 об.).
- ⁴⁹ Студенческие землячества – нелегальные организации, объединявшие студентов по месту их рождения и обучения.
- ⁵⁰ Союзный совет объединенных землячеств – руководящий орган землячеств Московского университета. Союзный суд (судебная комиссия) – судебный орган при Союзном совете.
- ⁵¹ Ректор – П.А. Некрасов. Предыдущий ректор, Н.П. Боголепов, 16 августа 1893 г. подал прошение об отставке. По рекомендации попечителя П.А. Капниста взамем была предложена кандидатура помощника ректора, исполняющего обязанности ректора П.А. Некрасова. Император 2 ноября уволил Боголепова от должности и утвердил Некрасова ректором на четырехлетний срок. О таком решении Александра III было сообщено на заседании Совета Московского университета 11 декабря 1893 г. Вероятно, Корелин имеет в виду речь Некрасова, произнесенную на Совете (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 62. Д. 483. Л. 1–2 об.; Ф. 459. Оп. 2. Д. 4460. Л. 1, 4 об., 13–13 об.).
- ⁵² В декабре 1893 г. появился слух о скором открытии двух вакансий в Новороссийском университете. Предполагалось, что Ф.И. Успенский в ближайшем времени возглавит Русский археологический институт в Константинополе, а болезнь другого профессора, В.К. Надлера, заставит его покинуть службу. Шестого января 1894 г. М.С. Корелин был приглашен на обед византинистов, где присутствовал и Успенский (ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. Д. 1. Ч. 2. Л. 26 об., 29 об.). Возможно, там Корелин и имел разговор о перспективах устройства Р.Ю. Виппера в Новороссийский университет. Однако назначение Успенского в Константинополь было заторможено, в результате чего хлопоты о трудоустройстве Виппера были возобновлены только в апреле 1894 г., после смерти Надлера. В письме от 4 апреля Успенский сообщил Корелину о желании "возобновить переговоры о замещении... кафедры всеобщей истории". В последовавших событиях поддержка Успенского имела решающее значение для Виппера. На вакантную должность также претендовал доктор всеобщей истории, приват-доцент Новороссийского университета Г.Е. Афанасьев. Однако декан историко-филологического факультета Успенский в отзыве от 30 мая 1894 г. из двух претендентов поддержал кандидатуру Виппера, который и был назначен экстраординарным профессором с 27 июня (РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 1057. Л. 64–65, 71, 73, 105–106 об., 119; ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 2. Д. 23. Л. 1–2).
- ⁵³ Рот Владимир Карлович (1848–1916) – невропатолог. Труды по клинической неврологии.
- ⁵⁴ Маклаков Василий Алексеевич (1870–1957) – адвокат, политический деятель. Депутат II–IV Государственных дум (1907–1917); посол во Франции (1917). Труды по истории русской общественной мысли и либерального движения. Эмигрант.
- ⁵⁵ Речь идет о работе В.А. Макакова, подготовленной в семинаре П.Г. Виноградова. На заседании историко-филологического факультета 28 апреля 1893 г. Виноградов прочел отзывы о кандидатском сочинении М.О. Гершензона "Об отношении между изложением Аристотеля в его Полити и Историей Эфора" и труде В.А. Макакова "Избрание жребием в Афинах". Профессор порекомендовал напечатать оба исследования (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 20. Л. 15 об.–16). Ходатайство факультета увенчалось успехом, и указанные произведения были опубликованы (Исследования по греческой истории: 1. Избрание жребием в Афинском государстве. В. Макалова. 2. Аристотель и Эфор. М. Гершензона. М., 1894. [2], IV, 94, 40 с.).
- ⁵⁶ Мищенко Федор Герасимович (1848–1906) – историк, филолог. Член-корреспондент (1895) Петербургской АН. Труды по истории Древней Греции, переводы с древнегреческого произведений Страбона, Геродота, Фукидида, Полибия.
- ⁵⁷ Сторожев Василий Николаевич (1866–1924) – историк, архивист, археограф. Труды по истории России XVI–XVII вв., источниковедению, историографии, архивоведению.
- ⁵⁸ Речь идет о статье М.С. Корелина "Итоги IX археологического съезда в Вильне" (Русская мысль. 1893. № 12. С. 140–158 отд. паг.). Написанная В.Н. Сторожевским статья об археологическом съезде также была опубликована (*Сторожев В.Н.* IX археологический съезд в г. Вильно // Ист. обозрение. 1894. Т. 7. С. 112–135. См. также отд. отт. (СПб., 1894. 24 с.)).
- ⁵⁹ IX археологический съезд в Вильно (1–14 августа 1893 г.). М.С. Корелин был избран делегатом съезда от Московского университета вместе с М.И. Соколовым и И.А. Линниченко. В.Н. Сторожев был делегатом съезда от Московского архива Министерства юстиции (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 20. Л. 12; Известия IX Археологического съезда в г. Вильне. Вильна, 1893. № 1. С. 3, 4). На заседании 14 августа Корелин выступил с докладом "Первые шаги классической археологии" (Там же. № 14. С. 3).
- ⁶⁰ Подтвердить или опровергнуть официальной документацией данное утверждение не представляется возможным. Издания съезда не упоминают выступлений по общественно-политическим вопросам. Сам М.С. Корелин в дневнике отметил, что благодаря графине П.С. Уваровой удалось избежать поднятия политических вопросов на археологическом съезде. В записях Корелина о съезде явствен-

но заметно неприятие националистических деятелей и их идей (ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. Д. 1. Ч. 2. Л. 17–18 об.).

- ⁶¹ Комиссия для обсуждения вопроса о вознаграждении приват-доцентов была создана на заседании историко-филологического факультета 10 ноября 1893 г. Поводом для ее создания послужило отношение Совета университета от 30 октября о недостаточности вознаграждения, получаемого приват-доцентами. В комиссию вошли М.М. Троицкий, Ф.Ф. Фортунатов, П.Г. Виноградов, А.Н. Шварц. На заседании факультета 9 февраля 1894 г. был заслушан доклад комиссии (текст не обнаружен, и в протоколах нет краткого пересказа доклада). Члены факультета согласились с комиссией и постановили ходатайствовать об увеличении ежегодно выделяемых министерством народного просвещения средств на выплаты приват-доцентам всех университетов до, как минимум, 12 000 рублей (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 20. Л. 35 об.; Д. 21. Л. 3).
- ⁶² Кареев Николай Иванович (1850–1931) – историк, общественный деятель. Член-корреспондент (1910) Петербургской АН, почетный член АН СССР (1929). Труды по истории Франции, Польши, философии истории.
- ⁶³ Н.И. Кареев был уверен в всех уверял (например, М.М. Ковалевского), что рецензию для “Русской мысли” на первую часть его курса напишет П.Г. Виноградов. По словам Н.И. Кареева (письмо М.С. Корелину от 5 февр. 1894 г.), П.Г. Виноградов был “должен некоторую сумму денег, и пока не расплатился со мною, говорил, что он сам напишет рецензию и отзывался лично мне о курсе очень хорошо, кроме одной части I тома, с [оторой] он несогласен”. Виноградов, по мнению Кареева, намеренно откладывал рецензию до возврата долга (Н.И. Кареев – М.М. Ковалевскому, 16 января 1893 г. // М.М. Kovalevskii papers. Box 1. BA; ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. Д. 3. Т. 2. Л. 69).
- ⁶⁴ Гершензон Михаил Осипович (Мейлих Иосифович) (1869–1925) – историк литературы и общественной мысли, публицист. Труды по истории России и русской литературе XIX в.

Речь идет о рецензии М.О. Гершензона на ряд сочинений Н.И. Кареева (см.: [Гершензон М.О.]. Рец. на кн.: Кареев Н.И. История Западной Европы: (Развитие культурных и социальных отношений). СПб., 1892–1893. Т. 1: Переход от средних веков к новому времени; Т. 2: Реформация и политическая жизнь в XVI и XVII вв.; Т. 3: XVIII век и революция; Кареев Н.И. Философия культурной и социальной истории Нового времени (1300–1800 гг.): Введение в историю XIX века. СПб., 1893 // Русская мысль. 1894. № 1. С. 9–13 отд. pag.).

Признав пользу общих сочинений, содержавших “подробный и в то же время философско-обобщенный обзор всех явлений культурно-социальной жизни Западной Европы”, Гершензон обрушился с жесткой критикой на основные обобщения работ Кареева, которые представлялись рецензенту источником “главных его ошибок”. Первой основной идеей Кареева было признание за наукой права рассматривать Западную Европу и в Средние века, и в Новое время не только как совокупность историй отдельных государств, но и как историю единого западноевропейского общества. Гершензон утверждал, что “автор злоупотребляет этим правом”, так как “сходство в развитии различных государств Западной Европы... ограничивается самыми общими чертами”. Упомянутое сходство могло дать материал лишь для самого общего очерка развития “культурно-социальных форм на Западе”, но не могло служить основанием для “цельной и стройной” картины всей культурной и социальной жизни народов Западной Европы». Кареев же, по заявлению рецензента, пытался провести идею единства не только в кратком историко-философском очерке, но и в многотомном труде, с большим числом деталей. Подобный подход грозил повлечь за собой “яли нарушение предпологаемого единства фактическим разнообразием частей, или насильственное ослабление разнообразия частей в угоду предпологаемому единству”. Так, разбирая положение крестьянства в Англии, Франции и Германии, Кареев, по мнению рецензента, приходил к “совершенно различным выводам”; характеристика особенностей английского феодализма выходила чрезвычайно общей и т.д. Игнорируя самые крупные различия в истории государств Западной Европы, Кареев, по утверждению Гершензона, оставлял открытым вопрос о причинах этих различий. В результате получались крупные пробелы в изображении тех или других сторон культурно-социальной жизни (например, особенности государственного устройства Англии, своеобразие положения католической церкви и реформации в Англии и др.). Гершензон отметил, что Кареев, вероятно, “сам создал насколько поверхностны черты сходства, которые можно открыть в истории различных государств Европы”, почему и указал, что общее представление о культурно-социальной эволюции Западной Европы не будет соответствовать ни одной стране. Оно лишь давало возможность понять “как вообще развивался западноевропейский тип общества”.

Вторая идея Кареева заключалась в том, что в основу “всего быта у всех народов Западной Европы легли одни и те же культурно-социальные формы католицизма и феодализма”. Эта мысль определяла содержание и план сочинения Кареева. Соответственно, последний смотрел на Средние века, как на время установления и господства католико-феодальной системы, и на Новое время, как на эпоху упадка и разложения этой системы. По мнению Гершензона, в понятиях католицизма и феодализма обобщались далеко не все культурные и социальные факты Средних веков. Более того, рецензент настаивал на том, что эти два крупных явления средневековой жизни, при общем сходстве, в разных государствах Западной Европы принимали глубоко-различные формы. Подобное “насильственное обобщение фактов, произведенное автором”, стало крупной методологической ошибкой, которая не замедлила сказаться на различных частях сочинения Кареева.

Как считал Гершензон, внешние обобщения Кареева оказались бессильными перед разнообразием исторических явлений.

Третья идея Кареева была обусловлена первыми двумя. Согласно ей вся история Западной Европы являла собой борьбу новых культурных и социальных сил со средневековыми традициями и интересами (последние олицетворялись католическим клиром и феодальной аристократией). Гершензон настаивал, что “односторонность этой отрицательной характеристики резко бросается в глаза”. В качестве примера он указывал на английскую революцию, где отсутствовали клир и аристократия.

Критику работ Кареева рецензент закончил указанием на бледность изложения и отсутствие колорита, что было обусловлено как широтой обобщений при детальности рассказа, так и преимущественным использованием материалов не из источников, а из литературы. Гершензон отметил некоторую произвольность в выборе источников и пропуски (зачастую серьезные) в литературе.

Появление “высокомерно-сносходительной рецензии” вызвало неодобрительную реакцию Кареева. В недатированном письме (ранее 29 января 1894 г.) он писал Корелину: “Удивительно, что не нашли более компетентного судью, чем студент-секретарь Виноградова, который прямо не понял, как построен мой курс”. Связав воедино возврат денежного долга П.Г. Виноградовым (см. выше) и появление рецензии Гершензона, Кареев убежденно написал Корелину (письмо от 5 февраля) о “мелкоте этой дрянной душонки” (Виноградове. – *А.М., П.Т.*). Помещение рецензии Гершензона стало причиной того, что Кареев, обещавший В.А. Гольцеву текст своей публичной лекции для “Русской мысли”, взял свое обещание назад. В полемику с рецензентом Кареев вступать не стал (ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 2. Д. 17. Л. 1; Оп. 3. Д. 3. Т. 2. Л. 165, 69–70).

⁶⁵ Празднование 35-летия учено-литературной деятельности Н.И. Стороженко прошло 2 февраля 1894 г. Первая часть торжества состоялась на квартире юбиляра, где друзья и знакомые приветствовали его речами и вручили альбом в малиновом бархатном переплете с серебряной чеканной доской “от друзей и почитателей” на ней и ряд адресов. Торжество продолжилось в “Серебряной зале” гостиницы “Континенталь”, где был организован обед в честь Стороженко, собравший до 100 человек. По свидетельству корреспондента “Русских ведомостей”, на обеде прозвучали речи А.Н. Веселовского, Н.В. Бугаева, И.И. Иванова, Ф.Д. Нефедова, А.С. Милоковой, М.Н. Черемухиной и др. Помимо речей был прочитан ряд стихотворений и поздравительных телеграмм юбиляру (Московские вести // Русские ведомости. 1894. 3 февр.).

⁶⁶ Ягич Ватрослав (Игнатий Викентьевич) (1838–1923) – филолог-славист. Иностраннный член-корреспондент (1868), экстраординарный (1880), ординарный (1881) академик Петербургской АН. Труды по славянскому языкознанию, текстологии, палеографии, фольклористике, истории, праву, литературоведению.

⁶⁷ Иванов Иван Иванович (1862–1929) – историк, историк литературы, критик. Труды по истории Франции XVIII–XIX вв.

⁶⁸ См.: Корелин М.С. Иллюстрированное чтение по культурной истории / Изд. “Русской мысли”. М., 1894. Вып. 1: Египетские боги, их храмы и изображения. 55 с.

В.Н. Сторожев раскритиковал брошюру Корелина, указав на то, что она “не отличается живостью изложения благодаря, главным образом, узко поставленной теме”. Корелин описал религиозный культ египтян без всякой связи с политическим и общественным строем страны, что “совсем ненаучно и едва ли педагогично”. Сухой текст напоминал скучные гимназические учебники, в результате чего брошюра Корелина представляла собой лишь “мало пригодный справочник по древнеегипетским религиозным древностям”. Спорными виделись рецензенту введение и заключение. Цена брошюры представлялась Сторожеву чрезвычайно высокой, и он советовал автору отнестись “с большим снисхождением и вниманием к читающей молодежи” и уменьшить “ни с чем несообразную цену за свои компиляции” (В.Н. [Сторожев В.Н.]. Рец. на: Корелин М.С. Иллюстрированное чтение по культурной истории / Изд. “Русской мысли”. М., 1894. Вып. 1: Египетские боги, их храмы и изображения // Книговедение. 1894. № 1. С. 33–34 отд. pag.).

На рецензию Сторожева обратил внимание Корелина Н.И. Кареев в недатированном письме (ранее 29 января 1894 г.). Она была написана, по словам Кареева, “с плохо скрытым к Вам нерасположением” (ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. Д. 3. Т. 2. Л. 164–165). Корелин ответил, что “тон Вы угадали верно, потому что она идет из той же Виноградовско-Милоковской клики, которая и Вас из-за угла травит” (НИОР РГБ. Ф. 119 (Н.И. Кареев). К. 16. Д. 35–44. Л. 1).

⁶⁹ На заседании историко-филологического факультета 23 марта 1894 г. было зачитано заявление профессоров классической филологии относительно чтения авторов на историческом и словесном отделениях. Кто, помимо упомянутого М.С. Корелиным А.Н. Шварца, подписал заявление – выяснить не удалось. Факультет обязал студентов исторического и словесного отделений слушать лекции по древним авторам вместе со студентами классического отделения, но в половинном размере (т.е. с сокращением на 1 час). Как показали дальнейшие события, Корелин ошибся в своих предположениях. На заседании факультета 6 апреля профессора всеобщей истории ходатайствовали об использовании высвободившегося часа на спецкурсы по всеобщей истории, что и было принято (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 21. Л. 9, 12 об.). В протоколах не отмечено, кто подписал указанное ходатайство. На факультете на тот момент было лишь три профессора: 2 ординарных (В.И. Герье и П.Г. Виноградов) и 1 экстраординарный (М.С. Корелин).

- ⁷⁰ Якушкин Вячеслав Евгеньевич (1856–1912) – историк. Член-корреспондент (1906) Петербургской АН. Труды по истории России XVIII–XIX вв.
- ⁷¹ По непонятным причинам М.С. Корелин не указал в числе избранных членов комитета Исторического общества Р.Ю. Виппера (ср.: Архив МГУ. Ф. 213 (П.Г. Виноградов). Оп. 1. Д. 71. Л. 69 об.).
- ⁷² Михайловский Виктор Михайлович (1846–1904) – историк, педагог. Труды по всеобщей истории.
- ⁷³ Попытка решить вопрос о том, что должно произойти в первую очередь – выбор новых членов Исторического общества или довыборы членов комитета – стала причиной последовавшего скандала. П.Г. Виноградов, настаивавший на первом варианте, представил в члены общества весь список исторического кружка, как и было решено на заседании кружка на квартире П.Н. Милокова в конце ноября 1893 г. Члены кружка требовали, чтобы они вошли в состав общества в одно заседание. В противном случае членом общества не стал бы никто. В.И. Герье предложил ввести всех лиц, подписавших ему юбилейный адрес (по сведениям “Русских ведомостей”, более 130 человек: сюда входили и преподаватели высших учебных заведений) (Архив МГУ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 71. Л. 74; НИОР РГБ. Ф. 119. К. 16. Д. 35–44. Л.7; ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3548. Л. 25; Д. 4035. Л. 15–15 об.; Д. 5692. Л. 29–30; Московские вести // Русские ведомости. 1892. 20 янв.) При столь многочисленном пополнении общества откладывание выборов недостающих членов комитета грозило выйти из-под контроля председателя, чего опасался Герье.
- ⁷⁴ Фраза В.И. Герье известна также в передаче П.Н. Милокова (“Вы забываете, с кем Вы говорите и к кому обращаетесь”) и П.Г. Виноградова (“Вы забываете, с кем Вы говорите и что Вы говорите”) (Архив МГУ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 71. Л. 74; ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3548. Л. 25 об.).
- ⁷⁵ Согласно уставу Исторического общества (§ 9, примечание) лица, подписавшие проект устава, становились членами-учредителями (в том числе П.Н. Милоков). В опубликованном “Списке лиц, внесенных в число членов Общества при его возникновении” фамилия Милокова отсутствовала, что и вызвало ироничное замечание В.А. Мякотина, рецензировавшего первый выпуск “Изданий Исторического общества при имп. Московском университете”. Комментируя три категории лиц, вошедших в члены общества (лица, подписавшие адрес В.И. Герье, профессора и приват-доценты Московского университета, ходатайствовавшие об утверждении устава общества, члены исторического кружка П.Г. Виноградова), он отметил: “Вряд ли удобен порядок, по которому участие в юбилейном приветствии, хотя бы и очень почетному деятелю, дает право сделаться членом ученого общества. Быть может, этим порядком следует объяснить и то обстоятельство, что в списке членов общества нет имен нескольких известных в литературе московских историков” (см.: ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4524. Л. 6 об.; Список лиц, внесенных в число членов Общества при его возникновении // Издания Исторического общества при имп. Московском университете: Рефераты, читанные в 1895 году. (Год I). М., 1896. С. 213–219; [Мякотин В.А.]. Рец. на: Издания Исторического общества при имп. Московском университете: Рефераты, читанные в 1895 году. (Год I). М., 1896 // Русское богатство. 1897. № 7. С. 72 отд. pag.).
- ⁷⁶ На заседании 8 апреля 1894 г. историко-филологический факультет Московского университета официально рассмотрел прошение Р.Ю. Виппера о принятии книги “Церковь и государство в Женеве XVI в. в эпоху кальвинизма” (М., 1894) в качестве магистерской диссертации и постановил поручить ее рассмотрение В.И. Герье и П.Г. Виноградову. На заседании 27 апреля был зачитан отзыв рецензентов, которые предложили присудить Випперу степень доктора всеобщей истории. Факультет решил присудить Випперу степень доктора в случае удовлетворительной защиты (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 21. Л. 13, 14 об.–15).
- ⁷⁷ Протокол заседания историко-филологического факультета Московского университета 6 апреля 1894 г. см.: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 21. Л. 11–13.
- ⁷⁸ Упомянутое заседание исторического кружка, на котором обсуждалась ситуация со скандалом в Историческом обществе и уходом П.Н. Милокова, состоялось, вероятно, 27 марта 1894 г. Постановление кружка было сообщено П.Г. Виноградову, который не довел его до сведения В.И. Герье. Виноградов заявил Герье 28 марта, что снимает с баллотировки список кружка (Архив МГУ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 71. Л. 79–79 об.; ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3548. Л. 26).
- ⁷⁹ ауспиции (от *lat.* *auspiciūm* – от *avis* (птица) и *aspicere* (смотреть)) – предзнаменования, виды на будущее (буквально: гадания по полету птиц).
- ⁸⁰ Диспут Р.Ю. Виппера прошел в субботу, 14 мая 1894 г. в актовом зале Московского университета. Официальными оппонентами были В.И. Герье и П.Г. Виноградов. По результатам защиты Виппер был признан доктором всеобщей истории (Московские вести // Русские ведомости. 1894. 15 мая).
- ⁸¹ Бремер Федор Викторович (?–?) – педагог, языковед.
- ⁸² Мякотин Венедикт Александрович (1867–1937) – историк, публицист, общественный и политический деятель. Член (1906–1917), председатель ЦК (1917) Трудовой народно-социалистической партии, председатель ЦК пражской группы народных социалистов. Труды по истории России, Украины и Польши XVII–XIX вв. Эмигрант.
- ⁸³ М.С. Корелин преподавал историю в частной женской классической гимназии З.Д. Перепелкиной с ноября 1887 г. по август 1894 г. (см.: РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 820. Л. 177 об.; ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. Д. 1. Ч. 2. Л. 82, 85).
- ⁸⁴ Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) – философ, поэт, публицист. Почетный академик (1900) Петербургской АН.

- ⁸⁵ Трубецкой Сергей Николаевич (1862–1905), князь – философ, публицист, общественный деятель. Ректор Московского университета (1905).
- ⁸⁶ Александр III (1845–1894) – император (1881–1894). Скончался 20 октября.
Упомянутый инцидент произошел 30 ноября 1894 г. на лекциях В.О. Ключевского. К началу лекции (11 часов) у аудитории собралось множество студентов, в том числе с других курсов. Когда лектор взшел на кафедру, то раздалось несколько свистков. В ответ другие студенты стали рукоплескать и кричать “браво”. Ключевский попросил тишины и прочел лекцию. По окончании ее Ключевский покинул аудиторию, вслед ему раздалось несколько свистков. Вторая лекция прошла спокойно (ГАРФ. Ф. 102. 7-е д-во. Оп. 192. Д. 30. Л. 65–65 об.; ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 84. Д. 86. Т. 6. Л. 2, 71–74 об.; Ф. 418. Оп. 225. Д. 51. Л. 19–19 об.).
- ⁸⁷ Установить дату прочтения В.О. Ключевским упомянутой лекции в Московском университете о скончавшемся императоре не удалось.
- ⁸⁸ Имп. Общество истории и древностей российских при имп. Московском университете – научное общество, занимавшееся изучением истории России и других стран (1804–1929).
Траурное заседание Общества истории и древностей российских состоялось 28 октября 1894 г. в 19-00. После панихиды по Александру III председатель общества В.О. Ключевский прочел памятную речь. Собравшиеся согласились с предложением имп. Московского археологического общества возложить общий венок от московских ученых обществ Александру III, и в 40-й день отслужить заупокойную литургию и панихиду в церкви Московского университета при участии хора студентов. После этого по предложению Ключевского общество “в знак глубокой скорби” прекратило заседание (НИОР РГБ. Ф. 203 (ОИДР, архив). Кн. 29. Л. 323, 330).
- ⁸⁹ Первоначально памятная речь В.О. Ключевского появилась в “Чтениях” Общества истории и древностей российских, а позже – выпущена отдельным оттиском (*Ключевский В.О. Памяти в бозе почившего государя императора Александра III: Речь, произнесенная в заседании имп. Общества истории и древностей российских при Московском университете 28 октября 1894 г. председателем общества В.О. Ключевским // ЧОИДР. 1894. Кн. 4. С. 1–7. См. также отд. отт. (М., 1894. 7 с.)*).
- ⁹⁰ “Московский листок” – ежедневная политико-литературная газета, выходившая в Москве в 1881–1918 гг.
- ⁹¹ Первоначально “Московский листок” лишь сообщил о произнесении речи В.О. Ключевским в заседании Общества истории и древностей российских, заметив, что в ней историк изобразил “в характерных и ярких очертаниях” “отношение почившего готского к историко-археологической науке и значение его царствования для взаимных отношений России и Европы как в переживаемые моменты, так особенно в грядущие времена” (Москва, 29 октября // Московский листок. 1894. 29 окт.). В номере газеты от 12 ноября была воспроизведена памятная речь Ключевского. Редакция охарактеризовала ее следующим образом: “Речь эта, по истине, есть слово пророческое, не по глубине только и широте исторического разума, но и по силе прозрения и предвидения грядущих судеб России среди европейского человечества” (Москва, 12 ноября // Там же. 12 нояб.).
- ⁹² Подобное мнение было достаточно широко распространено. Даже в мемуарах П.Н. Миллюкова, созданных через почти полвека после описанных событий, есть упоминание о втором дополнительном издании речи В.О. Ключевского, появление которого приписывалось ему (см.: *Миллюков П.Н. Воспоминания. В 2-х т. М., 1990. Т. 1. С. 183*).
- ⁹³ Фонвизин Денис Иванович (1744 или 1745–1792) – писатель-просветитель, драматург, переводчик, журналист. Создатель русской социальной комедии.
Басня Д.И. Фонвизина “Лисица-Кознодей” (между 1774 и 1787 гг.) о лысой лисице, хвалящей умершего льва-деспота.
- ⁹⁴ Второе издание речи В.О. Ключевского осуществили участники студенческого кружка И.И. Скворцова (Степанова). Они скупили несколько сот экземпляров отдельных оттисков речи Ключевского, от руки на обложке написали “2-ое издание исправленное и дополненное”, а перед третьей страницей вклеили листок с гектографированным вступлением и басней Д.И. Фонвизина “Лисица-Кознодей”. Один экземпляр второго издания брошюры был отправлен с депутатией на квартиру Ключевскому, а еще один – был положен ему на кафедру перед одной из лекций (ГАРФ. Ф. 102. 7-е д-во. Оп. 192. Д. 30. Л. 65–65 об.; *Степанов И. [Скворцов И.И.]. Из воспоминаний // На заре рабочего движения в Москве: Иллюстрированный сб. ст., заметок и воспоминаний / Под ред. Н. Овсянникова. М., 1919. С. 99; Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века: Листовки. М., 1977. Ч. 1. С. 125*).
- ⁹⁵ Александр II (1818–1881) – император (1855–1881).
- ⁹⁶ Башибузук (от *турк.* баш – голова, бузук, бозук – испорченный, бешеный) – грубый, необузданный человек, головорез, разбойник (переносное значение).
- ⁹⁷ Заседание правления Московского университета, посвященное разбору проступков 11 студентов, замеченных в беспорядках во время лекций В.О. Ключевского, прошло 1 декабря 1894 г. Трех студентов (графа А.Н. Мамуна, К.И. Зобнина и К.-В.К. Осиповича) было решено уволить без воспрепятствования поступать в другие университеты. Выговору и аресту были подвергнуты 2 человека, аресту на 3 дня – 1, выговору – 4. Как выяснило правление, вина уволенных студентов заключалась в следующем: Мамуна явился в большую словесную аудиторию на время беспорядков, с началом лекции ушел и вернулся к ее концу. Он присоединился к толпе, что устроила второй беспорядок, однако

сам не свистел. При расследовании правлением обстоятельств беспорядков не дал объяснения своему поведению. Осипович был замечен как шумевший в шинельной, а Зобнин – как свистевший там же (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 225. Д. 51. Л. 15–20).

Мамуна Андрей Николаевич (1869–?) – студент 3-го семестра медицинского факультета в 1894/95 г. После увольнения поступил в Казанский университет (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 305. Д. 430. Л. 29).

Зобнин (Забнин) Константин Иванович (1873–?) – студент 5-го семестра математического отделения физико-математического факультета в 1894/95 г. Дальнейшая судьба неизвестна.

Осипович Казимир-Витольд Казимирович (1874–?) – студент 1-го семестра естественного отделения физико-математического факультета в 1894/95 г. Был восстановлен в Московском университете, после того как 1 февраля 1895 г. дал расписку, что раскаялся в содеянном. Окончил университет в 1899 г. (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 308. Д. 736а. Л. 23, 28; Ф. 459. Оп. 2. Д. 4571. Л. 244–244 об.).

⁹⁸ Приговор университетского суда по делу об обструкции на лекции В.О. Ключевского вызвал волнения студентов. Сходка 2 декабря 1894 г. (около 500 человек) была разогнана, и дабы не дать собраться новой (по сведениям обер-полицейстера, до 2000), в ночь на 3 декабря полиция начала высылать студентов из Москвы (РГИА. Ф. 468 (Кабинет Е.И.В. Министерства императорского двора). Оп. 42. Д. 1906. Л. 7–7 об.; Ф. 733. Оп. 194. Д. 1523. Л. 34–34 об.; Ф. 1604 (И.Д. Делянов). Оп. 1. Д. 214. Л. 6–6 об.).

⁹⁹ Капнин Павел Алексеевич (1842–1904), граф – государственный деятель. Попечитель Московского учебного округа (1880–1895); сенатор (1895).

¹⁰⁰ В письме от 3 декабря 1894 г. В.О. Ключевский через правление ходатайствовал перед министром народного просвещения “о возможном смягчении последствий... приговора”. Ключевский просил разрешить трем уволенным студентам “по крайней мере немедленно же, не теряя учебного времени, воспользоваться предоставленным им по приговору правом вступить в какой-либо другой университет, если уже невозможно более значительное облегчение их участи”. Правление присоединилось к прошению Ключевского и 8 декабря переправило его попечителю, который, в свою очередь, согласился с правлением и 12 декабря отослал все материалы министру. И.Д. Делянов ответил отказом (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 84. Д. 86. Т. 6. Л. 1–1 об.; Ф. 418. Оп. 225. Д. 51. Л. 12–13 об.; Ф. 459. Оп. 2. Д. 4571. Л. 40–41, 57–57 об., 61–63 об.).

¹⁰¹ М.С. Корелин приводит не вполне верные сведения. Согласно данным московского обер-полицейстера А.А. Власовского, в ночь на 3 декабря 1894 г. полиция задержала для высылки из Москвы 41 студента университета. Обер-полицейстер также вошел в МВД с представлением о высылке еще 7 студентов, содержащихся в полицейских домах. После всех уточнений список высланных из Москвы увеличился до 51 человека (в том числе 1 учащийся Технического училища) (ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4571. Л. 28–28 об., 30–33 об.).

¹⁰² Черинов Михаил Петрович (1838–1905) – терапевт. Труды по терапии, патологии.

¹⁰³ Эрисман Федор Федорович (Гульдрейх Фридрих) (1842–1915) – врач-гигиенист, основоположник научной гигиены в России. Труды по основным разделам гигиены.

¹⁰⁴ Сергей Александрович (1857–1905), великий князь – государственный деятель. Московский генерал-губернатор (1891–1905).

¹⁰⁵ Либеральная профессура попыталась вступить за высланных студентов. В.И. Герье, Ф.Ф. Эрисман и П.Н. Милюков составили проект петиции на имя генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. (Стоит отметить, что в воспоминаниях Герье утверждал, что Милюков не принимал никакого участия в составлении петиции). На совещаниях 10 и 13 декабря была выработана окончательная редакция петиции, подписанная 15-го числа 42 профессорами. На следующий день она была подана Сергею Александровичу. Последний 19 декабря пригласил к себе Герье и пообещал, что сведения будут проверены, но огульно прощать оступившихся он не будет. Генерал-губернатор сообщил, что дальнейшего хода делу он не даст. Сергей Александрович сдержал слово, и ряду студентов мера пресечения проступков была облегчена. Однако все профессора, подписавшие петицию, получили от министра выговор (Архив МГУ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 71. Л. 205; ГАРФ. Ф. 102. 7-е д-во. Оп. 192. Д. 30. Л. 66 об.; Ф. 124 (Временная канцелярия по производству особых уголовных дел (1893–1905 гг.) и уголовные отделения I департамента Министерства юстиции (1905–1917 гг.)). Оп. 4. Д. 59. Л. 33 об.; НИОР РГБ. Ф. 70 (В.И. Герье). К. 32. Д. 14. Л. 15–16; К. 69. Д. 10. Л. 1–4 об., 6–10, 12–13; ОПИ ГИМ. Ф. 448 (Д.Н. Анучин). Оп. 1. Д. 6. Л. 21; РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 90. Л. 164–165; РГИА. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 212. Л. 12–13 об., 20–23 об.; Д. 214. Л. 7–7 об.; Д. 215. Л. 1; ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4571. Л. 144, 178–179, 208–208 об., 210).

¹⁰⁶ Безобразов Павел Владимирович (1859–1918) – историк-византист. Труды по истории Византии в Средние века.

Поводом к репрессиям против Безобразова стали его неосторожные высказывания во время лекции “О женщинах в истории” в Историческом музее (10 января 1895 г.) в пользу 1-го приюта Общества попечения о неимущих и нуждающихся в защите детях. Объяснения Безобразова не удовлетворили Министерство народного просвещения, и 31 января он был уволен из приват-доцентов Московского университета с запрещением заниматься любой педагогической деятельностью. 9 февраля МВД запретило Безобразову жительство в столице и столичных губерниях в течение двух лет (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 14. Д. 477. Л. 1, 2, 6, 7, 13, 20–20 об., 22; РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 1057. Л. 198–198 об.; ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 56. Д. 483. Л. 73).

- ¹⁰⁷ Проводы отъезжавшего в Рязань П.Н. Милокова прошли в воскресенье 26 февраля 1895 г. К полудню на Рязанском вокзале собралась толпа, насчитывавшая, по разным оценкам, от 200 до 300 человек. Милоков появился за 6 минут до отхода поезда. Ему был вручен адрес и какой-то футляр. Студенты, курсистки, учащиеся 4-й гимназии, где он преподавал историю, приветствовали Милокова аплодисментами и по возгласу “шапки долой!” обнажили головы. Из друзей на вокзале были В.А. Гольцев, профессор Московского университета Н.А. Умов и врач М.И. Киселев. Милоков был растроган, поблагодарил за оказанные знаки внимания и попрощался. После отхода поезда толпа мирно разошлась (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 15. Д. 90. Л. 58–58 об., 70–70 об.; Ф. 102. 3-е д-во. Оп. 93. Д. 251. Т. 1. Л. 6–7, 35–35 об.; ОО. Оп. 226. Д. 347. Л. 7; ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 84. Д. 86. Т. 5. Л. 124–125 об.; Милоков П.Н. Воспоминания. Т. 1. С. 181. Подробнее об обстоятельствах высылки П.Н. Милокова см.: Макушин А.В., Трибунский П.А. Указ. соч. С. 144–150; Трибунский П.А. Рязанская ссылка П.Н. Милокова (1895–1897 гг.) // ОИ. 1997. № 3. С. 181–183).
- ¹⁰⁸ Уварова (урожд. княжна Щербатова) Прасковья Сергеевна (1840–1924), графиня – общественная деятельница, археолог. Почетный академик (1894) Петербургской АН; председатель имп. Московского археологического общества (позже – Русского археологического общества в Королевстве Сербов, хорватов и словенцев) (1890–1924). Эмигрантка.
- ¹⁰⁹ Речь идет о запланированном на 1896 г. X археологическом съезде в Риге.
- ¹¹⁰ Косвенные данные позволяют утверждать, что графиня П.С. Уварова приняла какое-то участие в решении судьбы П.Н. Милокова уже в начале 20-х чисел февраля 1895 г. После его отъезда в Рязань она в марте – начале апреля попыталась через московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича направить Милокова от Московского археологического общества для исследования архивов Риги перед X археологическим съездом. В телеграмме от 10 апреля (?) генерал-губернатор ответил отказом. Сам Милоков лишь отчасти сожалел о несостоявшейся командировке. В письме Уваровой от 20 апреля 1895 г. он признавался, что если бы поездка состоялась, то он бы, без сомнения, улучшил свое официальное положение и даже бы принес некоторую услугу исторической науке. Но для его личных целей и планов исследование рижских архивов было бы огромным отвлечением в сторону, в совершенно новую и чужую область, где пришлось бы начинать все с начала (ОПИ ГИМ. Ф. 17 (Уваровы). Оп. 1. Д. 558. Л. 842, 847–847 об., 857).
- ¹¹¹ Возможно, вхождение М.С. Корелина в круг общения графини П.С. Уваровой было связано со знакомством во время совместной работы в предпринимательском комитете по устройству X археологического съезда в Риге, куда Корелин был избран от Московского университета 8 декабря 1893 г. В записях за декабрь 1893 г. Корелин помнит: “Сближаюсь с Уваровыми и встречаю там ласковый прием” (ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. Д. 1. Ч. 2. Л. 27 об., 84).
- ¹¹² Грот Николай Яковлевич (1852–1899) – философ-идеалист. Основатель и редактор журнала “Вопросы философии и психологии” (1889–1894). Председатель Московского психологического общества (1887–1899). Труды по философии, психологии чувствования, логике.
- ¹¹³ В.И. Герье был допрошен по делу Союзного совета объединенных земельных 23 сентября 1895 г. (ГАРФ. Ф. 102. 7-е д-во. Оп. 192. Д. 30. Л. 330 об.–331).
- ¹¹⁴ Вероятно, М.С. Корелину стало известно об обнаружении у учителя Арбатского городского училища И.И. Скворцова во время обыска 4 мая 1895 г. в числе разной нелегальной литературы литографированного издания “Введения в русскую историю” П.Н. Милокова с пометами. Заинтересовавшись найденным курсом, московское губернское жандармское управление в августе 1895 г. обратилось к ректору университета П.А. Некрасову за разъяснениями. Впоследствии литографированные лекции были предъявлены Милокову, обвинявшемуся в членстве в Союзном совете, во время допроса с тем, чтобы он объяснил ряд своих высказываний (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 15. Д. 153. Т. 1. Л. 3, 5, 6; Ф. 124. Оп. 4. Д. 59. Л. 109; ГАРО. Ф. 1292 (Рязанское губернское жандармское управление). Оп. 1. Д. 77. Л. 22–23 об.; ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 514. Д. 26. Л. 1–5).
- ¹¹⁵ Успенский Константин Николаевич (1874–1917) – историк-византист. Труды по истории Византии V–XI вв.
Упомянутый реферат был опубликован: Успенский К.Н. Афинские навклары и навкларии // Издания Исторического общества при имп. Московском университете: Рефераты, читанные в 1895 году. (Год I). М., 1896. С. 99–166.
- ¹¹⁶ Навклария – одно из 48 территориальных подразделений Аттики для военных целей (после реформ Клисфена – 50). Каждая навклария, составлявшая корпорацию, члены которой назывались навккларами, должна была выставлять по оснащенному военному кораблю с экипажем, и по 2 всадника. Во главе навкларии стоял ежегодно избиравшийся притан навккларов.
- ¹¹⁷ Муромцев Сергей Андреевич (1850–1910) – юрист, публицист, общественный и политический деятель. Председатель Государственной думы (1906). Труды по истории римского и гражданского права, общей теории права.
В.А. Гольцев и С.А. Муромцев пользовались репутацией оппозиционных общественных деятелей. В свое время оба были уволены из Московского университета (в 1882 и 1884 г. соответственно). Вероятно, именно этим объяснялся отказ В.И. Герье принять Гольцева и Муромцева в Историческое общество.
- ¹¹⁸ Ряд сообщений, касавшихся вопросов экономического материализма, был доложен в Историческом обществе при Санкт-Петербургском университете в декабре 1895 г. – феврале 1896 г.: В.Г. Яроцкий

- “Две стороны в процессе развития экономических явлений” (13 декабря 1895 г.); Н.И. Кареев “Экономический материализм как историко-философская теория” (7 февраля 1896 г.); М.И. Туган-Барановский “Посессионные фабричные крестьяне в России в начале XIX века” (14 февраля 1896 г.) (См.: Протоколы заседаний Исторического общества за 1894-1907 гг. // Ист. обозрение. 1909. Т. 15. С. 14–17, 24–28 отд. паг.). В это же время (январь 1896 г.) Кареев подписал в печать сборник статей “Старые и новые этюды об историческом материализме: Материалы для истории и критики экономического материализма” (СПб., 1896). Как вспоминал Кареев, он решил во время очередной поездки в Москву повторить свой доклад (“Экономический материализм как историко-философская теория”) в Историческом обществе при Московском университете. Председатель общества В.И. Герье сделал заседание 23 февраля 1896 г. публичным, в результате чего в актовом зале собралась большая масса людей, среди которых были как народники, так и социал-демократы. Кареев прочел реферат вполне спокойно, после чего начался шум, свистки, ему угрожали побоями. Докладчика пришлось увести через боковой выход (*Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 195–196).
- ¹¹⁹ Чупров Александр Иванович (1842–1908) – экономист, статистик, общественный деятель. Член-корреспондент (1887) Петербургской АН. Труды по экономике железнодорожного транспорта, статистике, истории экономических учений.
- ¹²⁰ Фиксируемый М.С. Корелиным слух не подтвердился. Осенью 1895 г. П.Н. Милюков был привлечен в качестве обвиняемого по делу о Союзном совете объединенных землячеств. В январе 1896 г. прокурор московской судебной палаты Н.П. Постников по делу Союзного совета предложил сослать Милюкова на 3 года в одну из восточных губерний Европейской России. Министерство юстиции в марте 1896 г. высказалось за ссылку в Уфимскую губернию на 3 года под гласный надзор полиции. Благодаря заступничеству влиятельных покровителей приговор был изменен, и в результате 6 ноября 1896 г. Милюков был приговорен к двум годам гласного надзора вне столиц и университетских городов. Он выбрал в качестве места жительства Рязань, а вскоре получил разрешение Николая II на выезд в Болгарию для занятия предложенной ему кафедры всеобщей истории в Софийском Высшем училище (ГАРО. Ф. 5 (Канцелярия рязанского губернатора). Оп. 4. Д. 2851. Л. 11–11 об., 14, 15; Ф. 1292. Оп. 1. Д. 77. Л. 55–56; ГАРФ. Ф. 102. 3-е д-во. Оп. 93. Д. 251. Т. 1. Л. 75 об.; Т. 2. Л. 2–2 об.; 7-е д-во. Оп. 192. Д. 30. Л. 395 об.–398, 480; Ф. 124. Оп. 4. Д. 59. Л. 152–152 об., 221–221 об., 223–224, 245, 247–248 об.; РГИА. Ф. 1405 (Министерство юстиции). Оп. 521. Д. 444. Л. 277–281; ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4800. Л. 2. Подробнее об обстоятельствах выезда П.Н. Милюкова в Болгарию см.: *Макушин А.В., Трибунский П.А.* Указ. соч. С. 160–174; *Трибунский П.А.* П.Н. Милюков в Болгарии (1897–1899 гг.) // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 151–155).
- ¹²¹ М.С. Корелин сообщает не вполне верные сведения. Заявление ректора П.А. Некрасова о необходимости составить историю Московского университета за третье пятидесятилетие его существования было подано в правление еще в начале сентября 1895 г. 15 сентября правление постановило возбудить этот вопрос в Совете университета. На заседании Совета 23 сентября было решено составить историю университета, а собрание материалов по истории кафедр и учебно-вспомогательных учреждений поручить факультетам, по административной части – правлению. 18 января 1896 г. Совет постановил издать Комиссию для составления программы собрания материалов по истории Московского университета, куда вошли П.А. Некрасов, Н.А. Зверев, Ф.А. Слудский, граф Л.А. Камаровский, А.С. Алексеев, М.С. Корелин, А.П. Павлов, Л.З. Мороховец, В.К. Рот, В.О. Ключевский (председатель). К осени 1896 г. комиссией была составлена программа собрания материалов (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 226. Д. 50. Л. 1–4; Оп. 65. Д. 244. Л. 2, 7–7 об., 8, 10–11 об., 18–18 об., 20–20 об.; Оп. 476. Д. 23. Л. 1 об., 2).
- ¹²² На заседании Совета университета 12 октября 1896 г. был решен вопрос о создании Комиссии для собрания материалов по истории Московского университета из 5 человек и для редактирования всех собранных материалов (включая подготовленные отдельно сведения о факультетах). Совет постановил ассигновать деньги членам комиссии за их труды и ежегодно выделять средства на текущие расходы комиссии. Совет попросил В.О. Ключевского “рекомендовать... членов комиссии” (НИОР РГБ. Ф. 131 (В.О. Ключевский). К. 29. Д. 8. Л. 1; ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 226. Д. 50. Л. 6).
- ¹²³ М.С. Корелин сообщает уникальные сведения о разногласиях среди профессоров историко-филологического факультета, возникших при выборе членов комиссии по написанию истории Московского университета за третье пятидесятилетие. Официальные источники лишь фиксируют получение правлением 19 декабря 1896 г. условий, на которых члены комиссии (В.О. Ключевский, В.И. Герье, П.Г. Виноградов, М.С. Корелин) брались подготовить историю университета. Четыре профессора распределяли между собой общие отделы по истории, обязывались собрать и издать все обнаруженные материалы. Комиссия планировала завершить свои работы в 5 лет. В качестве ежегодно ассигнуемых средств на все расходы по комиссии была указана сумма в 4000 рублей. Правление сочло такие расходы излишне дорогим удовольствием и попросило Совет отложить полное осуществление программы до более благоприятного времени, подготовив и издав материалы в сокращенном виде. На все мероприятия по празднованию 150-летия университета предполагалось потратить от 15 до 20 тысяч рублей. На заседании Совета 8 марта 1897 г. Ключевский выступил с докладом, где обвинил правление в том, что оно поставило комиссию “в тяжелое положение подрядчиков, торгующихся с правлением в присутствии Совета”. Ключевский заявил: мы “совершенно устранимся от этого дела” (НИОР РГБ. Ф. 131. К. 29. Д. 8. Л. 3, 7 об.; ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 226. Д. 50. Л. 9–9 об., 13–14). Как результат, собрание материалов по истории Московского университета за третье пятидесятилетие застопорилось, и вопрос не был решен.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА Г.Г. ШПЕТА ОБ ОРГАНИЗАЦИИ КАБИНЕТА ЭТНИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ В МГУ. 1920 г.

Наблюдаемое ныне “возрождение живого интереса”¹ к работам выдающегося философа, профессора Московского университета (1918–1921) Густава Густавовича Шпета (1879–1937) влечет за собой и проявление интереса к его биографии. С именем Г.Г. Шпета связана “первая и самая серьезная попытка создания этнической психологии в России”². Как следует из нижепубликуемой докладной записки Шпета в Научный отдел Наркомпроса РСФСР от 19 июля 1920 г., он вынашивал идею “особого учебно-научного института этнической психологии”, основой которого мог бы стать “Кабинет этнической и социальной психологии”. Его ученый предлагал создать при историко-филологическом факультете Московского университета. Предложение Шпета было принято, но сам он в 1923 г. вынужден был покинуть университет.

В деле, где найдена докладная записка Г.Г. Шпета, других его документов или документов, позволяющих проследить реализацию его замысла, не обнаружено.

В.Г. Бухерт

В Научный отдел Наркомпроса

профессора Г. Шпета

Докладная записка

Все расширяющееся в университетах преподавание психологии своей очередной задачей имеет учреждение особого вспомогательного института для ведения занятий по этнической и социальной психологии. Эта отрасль психологии, охватывающая изучение разнообразных социальных проявлений психической жизни человека, как язык, мифы, верования, поэтическое творчество, нравы, искусство и т.п., в настоящее время такой же необходимый предмет университетского преподавания для избравших своей специальностью психологию и философию, как и для изучающих предметы отделений лингвистического, исторического, историко-литературного и по истории искусств. В план преподавания по лингвистическому отделению этническая психология уже введена как предмет обязательный. Проект этнологического отделения также уделяет видное место преподаванию этой науки. Между тем отсутствие специального учреждения с соответственными вспомогательными научными средствами, учреждения, которое могло бы объединить работу в этой области, бросается в глаза и явно затрудняет осуществление указанных планов.

Россия с ее сложным этническим составом населения, с разнообразием культурных уровней и характеров населяющих ее национальностей и народов, представляет особенно благоприятные условия для разработки науки этнической и социальной психологии. Но мы до сих пор не имеем сколько-нибудь заметного ядра научных работников, развитие которого давало бы право надеяться на то, что из этих благоприятных условий наука извлечет нужные ей плоды. И развитие самой науки, и подготовка работников в ней также настоятельно требуют организации особого учреждения, которое ставило бы своей целью планомерное осуществление научных задач этнической и социальной психологии.

¹ *Марцинковская Т.Д.* Г.Г. Шпет: взгляд из будущего // Густав Густавович Шпет: Архивные материалы. Воспоминания. Статьи. М., 2000. С. 271.

² *Стефаненко Т.Г.* Г.Г. Шпет и этнопсихология конца XX века // Густав Густавович Шпет. С. 320.

Наконец, давно начатое и успешно выполняемое изучение состава русского населения в антропологическом и этнографическом отношении существенно нуждается в дополнении со стороны соответствующей организации исследования психологического. Мы для этого опять-таки не имеем ни подготовленных работников, ни предварительных планов работы, ни даже программ, выполнение которых могло быть доверено участникам соответствующих ученых экспедиций. Так, например, указанные обстоятельства вынуждают нас отказаться от участия в широко задуманной в настоящее время и богато обставленной экспедиции по антропологическому исследованию Туркестана. Культурные западные страны тратят громадные усилия на организацию научных экспедиций в Африку, Америку или Австралию, тогда как мы с меньшей затратой сил, времени и средств могли бы на собственной родине добиться не менее ценных и важных научных результатов. Но у нас нет подготовки, нет разработанных методов и даже отчетливо сформулированных задач по изучению психологических особенностей народов. И эти цели могли бы быть осуществлены при учреждении особого учебно-ученого института этнической психологии.

Нет надобности особенно подчеркивать, что соответствующая постановка и развитие изучения этой науки могли бы оказаться полезными не только для целей учебных и ученых, но и для целей государственных, поскольку последние соотносятся как с материальными условиями, так и с психологическими особенностями жизни народа, составляющих его классов и иных социальных группировок.

В силу приведенных мотивов нижеподписавшийся ходатайствует об учреждении при историко-филологическом факультете Московского университета *Кабинета этнической и социальной психологии*, целью которого было бы наладить и объединить научно-учебную работу в области этой науки: 1. созданием соответствующих вспомогательных средств, как то: библиотеки, собрания документов и материалов, коллекций фонограмм, карт, планов, программ, наглядных пособий, диаграмм и т.п.; 2. привлечением к научной работе в области этнической и социальной психологии способных и соответственно подготовленных студентов университета; 3. организацией семинарских и практических занятий для этой подготовки, и наконец; 4. организацией как ученой работы в этой области, так и разработки соответствующих практических планов и программ исследования в ней.

Профессор I Моск[овского] госуд[арственного] университета
Г. Шпет

ГАРФ. Ф. А-2306 (Народный комиссариат просвещения РСФСР). Оп. 19. Д. 167. Л. 202–203. Автограф.

ЗАПИСКА Е.В. ТАРЛЕ «О “ЗАВЕЩАНИИ” ПЕТРА I»

Публикуемая записка академика Е.В. Тарле «О “завещании” Петра I» была написана в ответ на запрос вице-президента Академии наук СССР О.Ю. Шмидта следующего содержания: «Немцы опубликовали “завещание Петра Великого” с программой международной политики России ярко наступательного характера¹.

Выяснить:

- 1) Подлинное ли это “завещание”?
- 2) Было ли раньше опубликовано – где и когда?
- 3) Имеется ли критическая литература о нем?»²

Записка Е.В. Тарле (автограф) не подписана и не датирована, как и запрос О.Ю. Шмидта, но очевидно была написана в начале декабря 1941 г. В записке упоминается постигшая немцев “ростовская катастрофа” (Ростов-

¹ “Завещание Петра Великого” было опубликовано в немецкой печати ко дню Берлинского конгресса 25 ноября 1941 г. (См.: Яковлев Н. О так называемом “завещании” Петра Великого // ИЖ. 1941. № 12. С. 128–133; Данилова Е.Н. “Завещание” Петра Великого // ТМГИАИ. М., 1946. Т. II. С. 205–270.)

² АРАН. Ф. 496 (О.Ю. Шмидт). Оп. 2. Д. 330. Л. 1. Автограф, на бланке вице-президента АН СССР.

на-Дону был освобожден Красной армией 29 ноября 1941 г.). Упоминается также о “заминке” немцев под Москвой и Ленинградом, из чего следует, что автор еще не имел сведений о контрнаступлении Красной армии, начавшемся, как известно, 5 декабря 1941 г. (Сообщение о нем поступило позже).

Записка Е.В. Тарле не вошла в двенадцатитомное собрание сочинений историка, не значится она и в библиографии его печатных трудов³.

В.Г. Бухерт

[Е.В. Тарле]

О “ЗАВЕЩАНИИ” ПЕТРА I

Фальшивка о мнимом “завещании Петра Великого” возникла в половине XVIII столетия. Ее автор – неизвестен, но абсурдность и внутренняя противоречивость документа так кричаще выдавали неумелую и наивнейшую фальсификацию, что *никогда* ни один сколько-нибудь серьезный историк не обращал на эту курьезную фальшивку никакого внимания. Иногда это таинственное “завещание” говорит о том, что Петр I умирая “завещал” России покорить весь европейский континент; иногда говорилось о Персии и Индии; иногда обе версии соединялись воедино и прибавлялось, что Петр “завещал” в виде начала дела – завоевать Турцию. Эта фальшивка пускалась в ход много раз: двором Людовика XV после страшно раздражившего Францию победоносного для России Кучук-Кайнарджийского мира России с Турцией в 1774 г.; Фридрихом II, когда ему не удалось обмануть Екатерину II и вступить с ней в союз; австрийским послом в Лондоне Эстергази, когда Эстергази получил от канцлера Меттерниха задание пугать англичан безмерным могуществом России после падения Наполеона I; шовинистической прессой Франции, когда эта пресса получила приказ (перед Крымской войной) пугать французское общественное мнение честолюбивыми стремлениями России на Востоке и т.д. Словом, решительно во всех тех случаях, когда Россия одерживала дипломатический успех или когда враги готовились на нее напасть, – для своих народных низов, мало смыслящих в политике, враждебные России правительства и их пресса вытаскивали из старого хлама исторических фальшивок вот это никогда не существовавшее “завещание Петра Великого”. В частности, если говорить только о германских историках, *то ни один из них* никогда не верил в подлинность этого завещания – ни Брикнер¹, ни Онкен², ни Гервинус³, ни Шлоссер⁴, ни Теодор Шиман⁵, словом, буквально *ни один*. И если теперь газетные лгуны, прикармливаемые Геббельсами⁶ и Дитрихами⁷, снова вытащили эту беззубую историческую клевету и думают, что в самом деле в нее могут поверить и признать, что Красная армия, бьющая немцев под Ростовом и под Москвой, имеет в виду таким путем исполнить волю Петра, выраженную в этом “завещании”, то это только показывает, до какой степени растленная гитлеровская банда уверена в отупении и скотоподобии, до которого она довела германский народ.

Есть и очень отрадный признак в новом появлении на свет этой фальшивки: пока было в ходу наглое хвастовство о быстрой победе над СССР, достаточно было лишь говорить о том, что высшая раса истребляет успешно низшую расу и “выкорчевывает из истории славянский сор”. А как только этих презренных мерзавцев постигла ростовская катастрофа, – сейчас же пошло в ход совсем иное: встревоженное увещание, – предостережение: помните вы все, т.е. прежде всего Англия, – что “большевики”, разгромив Германию, начнут исполнять “завещание” Петра Великого и завоюют и Европу, и Турцию, и Индию, и т.д. Эта глупенькая сказочка всегда выплывала (как только что я сказал) именно во времена *русских успехов*. В данном случае решающую роль сыграл, по-видимому, Ростов и “заминка” перед Москвой и Ленинградом (особенно отмечаю и подчеркиваю, что никогда ни один уважающий себя историк даже и не вел никакой полемики против этой вздорной

³ См.: Тарле Е.В. Соч. М., 1962. Т. 12. С. 486–521.

исторической брехни: подобная полемика казалась слишком унижительной. С другой стороны, никогда никто из публицистов, поминавших о “завещании” и делавших вид, что верят ему, не пробовал даже и начать предоставлять какие-либо аргументы в пользу этой нелепой сказки).

АРАН. Ф. 496. Оп. 2. Д. 330. Л. 2–3 об. Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Брикнер Александр Густавович (1834–1896) – историк, профессор Дерптского университета (1872–1892).
- ² Онкен Вильгельм (1838–1905) – немецкий историк, профессор Гессенского университета.
- ³ Гервиниус Георг Готфрид (1805–1871) – немецкий историк, литературовед, профессор Гёттингенского и Гейдельбергского университетов.
- ⁴ Шлоссер Фридрих Кристоф (1776–1861) – немецкий историк, профессор Гейдельбергского университета.
- ⁵ Шиман Теодор (1847–1921) – немецкий историк.
- ⁶ Геббельс Йозеф Пауль (1897–1945) – один из руководителей нацистской Германии, министр народного просвещения и пропаганды (с 1933 г.).
- ⁷ Дитрих Отто (1897–1952) – обергруппенфюрер СС (с 1941 г.), имперский шеф прессы (1931–1945).

СТАТЬЯ Е.К. БЕТГЕРА 1944 г. О ЗАМЕТКАХ ЕВГЕНИЯ БОЛХОВИТИНОВА НА КНИГЕ Н.И. НОВИКОВА “ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ О РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЯХ”

Публикуемый машинописный текст интересен в нескольких планах. Мы получаем ценные сведения о развитии научных знаний и культуры России рубежа XVIII и XIX столетий – о “библиографической технике” Н.И. Новикова и бытовании в научных кругах его сочинений, об использовании их выдающимся ученым более молодого поколения, о творческой биографии и приемах работы Е. Болховитинова, о судьбе его книжного собрания.

Публикуемый текст расширяет и наши представления об изучении наследия и Новикова, и Болховитинова и об уровне развития науки истории книги во второй четверти XX столетия и – главное – напоминает о сохраняющем значение и по сей день и остающемся еще полностью не освоенным богатом творческом наследии Евгения Карловича Бетгера (1887–1956), 50-летие со дня кончины которого исполнилось в 2006 г.

Е.К. Бетгер – исследователь редкой разносторонности и источниковедческой оснащенности своих трудов (библиотековед, библиограф, книговед, историк-источниковед, ориенталист широкого профиля – знаток источников по истории Средней Азии от древности и Средневековья до Новейшего времени на европейских и восточных языках), организатор библиотечного дела, неутомимый пропагандист научных знаний. Он из тех немногих ученых-гуманитариев, в которых со столь плодотворными для современников результатами совмещались высокого образца эрудит, вдохновенный педагог и убежденный просветитель, неустанно готовящий статьи для самой широкой прессы, выставки памятников книжности, любовно проводящий экскурсии, приобщающие к восприятию книжной культуры.

Уроженец Ташкента (сын главного фармацевта города), окончивший Киевский университет, учившийся в Гейдельбергском университете, а затем для совершенствования в языках заочно и на восточном факультете Среднеазиатского государственного университета (САГУ) в Ташкенте, Е.К. Бетгер стоял у истоков библиотечного строительства в Узбекистане. С 1917 г. он связал свою жизнь с Туркестанской публичной библиотекой в Ташкенте: с 1922 по 1929 г. возглавлял библиотеку (ныне Национальная библиотека Республики Узбекистан им. Алишера Навои) и оставался ее сотрудником до конца своих дней, организовал там отдел редких и старинных изданий. Е.К. Бетгер – первооткрыватель для науки книжных и рукописных богатств ташкентских хранилищ. Он сделал очень много для развития просвещения в Узбекистане и культурных взаимосвязей Средней Азии с другими республиками Советского Союза, с дальним зарубежьем. Неутомимый труженик работал как исследователь беспрестанно, изучая книжные раритеты, и, пожалуй, даже особенно интенсивно тогда, когда ему препятствовали в реализации организаторских возможностей (из-за немецкого происхождения, близости с видными репрессированными востоковедами, принадлежности к традиционной научной школе тех, кого клеймили как “буржуазных спецов”). И потому значительная часть из написанного им осталась ненапечатанной.

Но Е.К. Бетгер вызывал такое уважение и душевную признательность у преданных науке коллег и учеников, что они постарались увековечить его память, организуя научные заседания, подготовить к печати некоторые неопубликованные труды и составить перечень не только печатных трудов (включая газетные статьи), но и неизданных.

В 1960 г. в Ташкенте вышла в свет книжка М.П. Авшаровой и М.С. Виридарского “Евгений Карлович Бетгер (1887–1956): Очерк жизни и деятельности”. В первой части (С. 3–26) дается краткий очерк его жизни и деятельности, во второй (С. 27–43) – библиография печатных произведений и список неопубликованных трудов. Сочли полезным поддержать и тему диссертационной работы о научной деятельности Е.К. Бетгера – в 1990 г. в Ташкенте напечатан автореферат диссертации А.Х. Бабаджановой “Евгений Карлович Бетгер – историк, библиограф, библиотековед (1917–1956)” на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

В 1989 г. в Ташкенте Государственной библиотекой Узбекской ССР им А. Навои была издана книга “Библиотековедение Узбекистана: Сборник статей, посвященных 100-летию со дня рождения Е.К. Бетгера” (133 с.) со статьями, освещающими его разностороннюю деятельность (главный редактор Р.А. Алимов – директор Библиотеки, заместитель главного редактора И.З. Мамина – заместитель директора по научной работе). В Приложении: даты жизни и деятельности Е.К. Бетгера, библиография его трудов, включая неопубликованные работы, и статья 1945 г. “Старинные и редкие книги, принадлежащие Гос. публичной библиотеке УзССР” (С. 80–111).

Статья начинается рассуждением, важным не только для книговедения, но и памятниковедения и источниковедения: «Понятие “редкое” и “старинное” издание далеко не всегда совпадают, и между библиофилами, библиотекарями и библиографами не существует до сих пор единства взглядов на этот предмет. Пожалуй, ни в одной области книговедения не имеется столько пережитков старины и разнообразия мнений, как в определении термина “книжная редкость”. В самом деле, ценность книги складывается из очень многих моментов: насколько часто она встречается на букинистическом рынке, в какой степени сохранности она находится, какими индивидуальными

свойствами отличается данный ее экземпляр, какова социальная ее значимость, наконец, какова ее нужность в данный момент – вот те основные вопросы, которые возникают при рассмотрении той или иной книги. В каждом отдельном случае все эти качества вступают в самые разнообразные между собою соотношения, и уловить равнодействующую, которая должна определить истинную ценность книги, бывает в большинстве случаев чрезвычайно трудно» (С. 80). Е.К. Бетгер полагает нужным остановиться на тех из “старинных и редких изданий”, “которые в совокупности своих признаков имеют значение для нашей эпохи с научной, а не с библиофильской стороны. Рассмотрение подобных изданий всегда поучительно, одному давая материал для научного исследования, другому для ознакомления с культурным прошлым народов, а третьему – просто для размышления” (С. 81).

В этой научно-популярной работе характеризуется (на с. 101–102) и “Опыт” Н.И. Новикова, и значение помет Е. Болховитинова. Сравнительное ознакомление с этой статьей и публикуемой в АЕ показывает сознательное различие в стилистике сочинений Е.К. Бетгера, рассчитанных на широкого читателя, и таких, которых предназначение “дать материал для научного исследования”. Публикуемая статья – высокий образец исследовательского мастерства, добросовестнейшей скрупулезности и огромных познаний ученого преимущественно ориенталистских интересов в истории культуры (и особенно книжной культуры) России и Западной Европы.

В 1997 г. в Библиотеке имени А. Навои была организована научная конференция к 110-летию со дня рождения Е.К. Бетгера. Материалы ее стали основой сборника, изданного в Ташкенте в 2001 г., “Евгений Карлович Бетгер (по материалам конференции к 110-летию со дня рождения)” (90 с.) (Редколлегия: З. Исомиддинов, И. Мамина, И. Пугач; составители: О. Илюшкина, Н. Кнауэр, С. Маторина). В книге помещены краткий биографический очерк, статьи и воспоминания о жизни и деятельности Е.К. Бетгера (особенно как библиоковеда, исследователя рукописной и печатной книжности)¹. В Приложении: неопубликованные работы его о французском писателе аббате Прево, авторе “Манон Леско”, как о составителе многотомной “Всеобщей истории путешествий”, со сведениями и об описании Средней Азии.

Е.К. Бетгеру принадлежит честь изучения и издания дневника первооткрывателя Аральского моря А.И. Бутакова, написания исследований о А.И. Бутакове и его окружении (там оказались и ценные сведения о ссыльном в ту пору Тарасе Шевченко). Посмертно издали переведенные ученым с арабского языка извлечения о Средней Азии из сочинения Ибн-Хаукаля (X в.) и с французского языка – описаний Е.К. Мейендорфом путешествия в 1820 г. от Оренбурга до Бухары. Наша публикация продолжает добрую традицию ознакомления с научным наследием Е.К. Бетгера, а тем самым и с историей отечественной книжной культуры и историко-филологического источниковедения третьей четверти XX столетия.

Наконец, – что, пожалуй, важно отметить в томе Археографического ежегодника, где особенно много материалов о периоде Великой Отечественной войны и об участниках войны – публикация эта показательна как пример не прекращавшейся научной работы и в военное время и стремления обратить внимание современников на славные имена в истории отечественной культуры.

¹ О сделанном Е.К. Бетгером напоминании и в последующие годы. См.: *Кормилицын А.И.* Библиоковеды и библиографы Узбекистана: Очерки и воспоминания. Ташкент, 2005. С. 17–28.

Работа датирована “31 октября 1944 г.” (Видимо, это дата завершения ее или публичного выступления с докладом.) Автор подчеркивает в первом же абзаце своего сочинения, что это совпадает с годом 200-летия со дня рождения Н.И. Новикова и напоминает о высоко патриотической цели труда Новикова, видевшего “большую нравственную силу родной литературы”. А в заключении напоминает и о заслугах Е. Болховитинова, старавшегося “запечатлеть в новых для русской науки формах память о деятелях родной словесности”. Е.К. Бетгер понимал, что научное значение содеянного Болховитиновым, ставшим высокопоставленным священнослужителем, перед тем тенденциозно замалчивалось, и счел важным так оценить “опыты Болховитинова”: “необходимо признать, что они вошли в железный фонд нашей отечественной библиографии, и без знакомства с ними нельзя ясно представить ход ее развития в первой четверти прошлого века”.

Очевидно, к 1945 г. ученый еще недостаточно ознакомился с другим изданием XVIII в. с пометами Болховитинова, находившимся в библиотеке САГУ, так как оставшийся ненапечатанным труд “Хронологическое обозрение старинных и редких книг фундаментальной библиотеки САГУ” он завершил лишь в 1947 г. А там оказался представляющий “особую ценность и библиографическую редкость” экземпляр “Библиотеки российской исторической, содержащей древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии Российской древних и средних веков”, часть 1, издания 1767 г.² с многочисленными пометами Болховитинова, и, видимо, тоже из его личной библиотеки. Интересно было бы сопоставительно рассмотреть пометы на обеих книгах из книжного собрания классика специальных историко-филологических дисциплин конца XVIII – первых десятилетий XIX в., юбилей которого через 200 лет отмечали и в России, и на Украине (где он скончался митрополитом Киевским)³.

Работа подобной тематики отвечала и постоянному стремлению ученого обогатить понятия о научном значении книжных и рукописных памятников в хранилищах родного ему Ташкента.

Публикуемый текст издается благодаря усилиям Светланы Николаевны Маториной, историка и библиографа, для которой Е.К. Бетгер после “личного общения” с ним стал “идеалом” и ученого и человека. Дочь объявленного “врагом народа” видного ленинградского этнографа профессора Н.М. Маторина⁴ оказалась в Ташкенте еще девочкой и познакомилась с Е.К. Бетгером еще первокурсницей истфака САГУ накануне войны. Впечатления от встреч с Е.К. Бетгером, о его родных в написанных с душевной теплотой “Воспоминаниях о Евгении Карловиче Бетгере”, напечатанных на страницах 46–52 книги 2001 года с материалами конференции к его 110-летию, подготовленной при участии С.Н. Маториной. Эти страницы воспоминаний о Е.К. Бетге-

² См. об этом: *Труш О.Д.* Русские книги XVIII в. в фонде редких книг Фундаментальной библиотеки ТашГУ // Ташкентский гос. университет. Научные труды. Ташкент, 1964. Вып. 261: Библиография, вып. X. С. 20–21.

³ См.: Евфимий Алексеевич Болховитинов и его творческое наследие: Сб. тез. докл. и науч. сообщ. русско-украинских Болховитиновских чтений, посвящ. 225-летию со дня рождения Евфимия Алексеевича Болховитинова (1767–1837). 25 дек. 1992 г. – Россия, г. Воронеж. 8 янв. 1993 г. – Украина, г. Киев. Воронеж, 1992. Для нашей темы особенно важна статья: *Рукавица Е.В.* Маргинальные записки митрополита Евгения на книгах личной библиотеки // Там же. С. 51–56; см. также: *Шмидт С.О.* Е.А. Болховитинов и становление науки российской истории // Из истории воронежского края. Воронеж, 2001. Вып. 9. С. 4–15.

⁴ О нем см.: *Решетов А.М.* Трагедия личности: Николай Михайлович Маторин // Репрессированные этнографы. М., 2003. Вып. 2. С. 147–192.

ре кончаются знаменательным и обязывающим пожеланием: “Долг ученых и библиотечарей беречь и использовать его наследие, сделать его труды более доступными и сохранными, а для этого по мере сил и возможностей публиковать их, сделать компьютерные копии, пропагандировать их в печати!” С.Н. Маторина – инициатор организации научных конференций к 100 и 110-летию со дня рождения Е.К. Бетгера⁵.

Следует с особым уважением отметить заботу коллег, учеников, последователей Е.К. Бетгера о сохранении памяти о подвижнике культуры, старание разносторонне использовать его научное наследие, внедрить в практику наработанное Е.К. Бетгером в библиографии и книговедении. При сегодняшнем образе жизни в науке такое встречается не часто. И уже тем самым это историографическое явление заслуживает внимания и изучающих проблемы и современного общественного сознания.

С.О. Шмидт

Е.К. Бетгер

“ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ
О РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЯХ” Н.И. НОВИКОВА
С ЗАМЕТКАМИ ЕВГЕНИЯ БОЛХОВИТИНОВА
В ГОС[УДАРСТВЕННОЙ] ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ УзССР
В ТАШКЕНТЕ

Представлен свету здесь мужей разумных род,
Которы принесли России вечный плод.

(Из «Стихов к “Опыту исторического словаря о
российских писателях”» Ивана Рудакова, старшего
наборщика академической типографии.

Опыт, с. 193)

Одним из самых значительных трудов славного русского писателя, ученого и общественного деятеля второй половины XVIII столетия Н.И. Новикова (1744–1818) является без сомнения его “Опыт исторического словаря о российских писателях”¹ – первое сочинение подобного рода на русском языке, – послуживший прототипом для многих последующих наших библиографических работ и сыгравший в этом отношении весьма важную роль в истории отечественной библиографии. Побуждаемый примером европейских народов, “которые прилагали старание о сохранении памяти своих писателей”, без чего “погибли бы имена всех в писаниях прославившихся мужей”, Новиков руководствовался сознанием, что “одна Россия по сие время не имела такой книги, и может быть сие самое было погубелью многих наших писателей, о которых никакого ныне не имеем мы сведения”². Эта

⁵ См.: Гамбарова А. Исследователь по призванию: (К 80-летию С.Н. Маториной) // Вестник Библиотечной ассамблеи Евразии. 2002. № 4. С. 65–68. (Приложен список основных работ С.Н. Маториной.); Кормилицын А.И. Указ. соч. С. 67–74.

¹ Опыт исторического словаря о российских писателях: Из разных печатных и рукописных книг, общенных известий, и словесных преданий собрал Николай Новиков. В Санктпетербурге 1772 года. 10 сен., 264 стр. 18 × 11 см.

Принадлежит к числу очень редких русских книг. Редкой эта книга указана уже в 1816 г. [В.С.] Сопиковым (Сопиков В.С. Опыт российской библиографии / Ред., примеч., доп. и указ. В.Н. Рогожина. СПб., 1904–1906 Ч. 1–5; Указатель СПб., 1908. (Далее: Сопиков. – Ред.) (№ 7827).

² Опыт, предисловие.

высоко патриотическая цель труда Новикова, который видел большую нравственную силу родной литературы яснее, чем кто-либо из его современников³, делает для нас его знаменитый “Опыт” особенно интересным в годы великого напряжения народных сил, направленных на борьбу с лютым врагом культуры и человечества, и совпадающие с 200-летием со дня рождения писателя.

Влияние новиковского “Опыта” особенно заметно в аналогичных работах выдающегося русского историка и книговеда митрополита Евгения Болховитинова (1767–1837). Его перу, как известно, принадлежит “Новый опыт исторического словаря о российских писателях”, печатавшийся в московском журнале “Друг просвещения” графа Д.И. Хвостова за 1805 и 1806 годы, в 24 книжках которого помещены 298 статей о духовных и светских русских писателях от А до К (последний – Н. Кириллов)⁴. Впоследствии значительно дополненный беспрепятственным и тщательным собиранием материал “Нового опыта” вылился в два самостоятельных труда – “Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русских церкви” (СПб., 1818. 2-е издание – СПб., 1827) и “Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России” (Москва, 1845). В предисловии к “Новому опыту” Евгений указывает на то, что за 32 года до него “один патриот нашей литературы” (читай Н.И. Новиков) издал уже подобный труд, а в предисловии к “Словарю светских писателей” прямо говорит, что “Новый опыт” составлен по примеру новиковского словаря, и подчеркивает это самым заглавием.

История создания болховитиновских словарей после трудов Бычкова, Сперанского, Шмурло и Сухомлинова⁵ может считаться достаточно выясненной. Небольшое разногласие между Сперанским и Шмурло сводится лишь к установлению времени, когда у Болховитинова созрело окончательное решение составить словарь писателей. По мнению Сперанского, это относится к воронежскому периоду жизни ученого (1788–1800), тогда как Шмурло, возражая Сперанскому, утверждает, что мысль о словаре сложилась у Евгения в Петербурге, где он провел четыре последующих года (1800–1804).

Некоторый новый материал для освещения затронутого вопроса представляет хранящийся в Гос. публичной библиотеке УзССР экземпляр новиковского “Опыта”, в свое время принадлежавший Евгению и носящий на титульном листе его собственноручную подпись “Евфим Болховитинов” (имя Евгения до монашества, т.е. до 1800 г.). На форзацах, на полях и в тексте имеются многочисленные его пометки, исправления и дополнения, которые дают возможность подробнее ознакомиться с подготовительной работой Евгения над библиографическими материалами, неустанно накопившимися ученым монахом за много лет до окончательного оформления его знаменитых словарей.

Что касается до самого описываемого экземпляра, то проследить его судьбу и выяснить, каким образом он из библиотеки киевского митрополита попал в ташкентское книгохранилище, мне, к сожалению, не удалось. Известно, что по завещанию Болховитинова из числа принадлежавших ему книг были переданы в киевскую семинарию те, которые отсутствовали в ее библиотеке, а те, которые в ней имелись, попали в библиотеку киевского Софийского собора⁶. Таким образом, необходимо допустить, что наш экземпляр был либо в той, либо в другой из указанных двух библиотек. Судя по тому, что в специальной статье о пометках Евгения на его книгах в киевской семинарии, наряду с подробным описанием его замечаний на календарях, на Печерском патерике и на Истории Татищева, нет ни малейшего упоминания об “Опыте” Новикова⁷, мы имеем все основания допустить, что

³ Тихонравов Н.С. Сочинения. М., 1898. Т. III, ч. 1: Русская литература XVIII и XIX вв. С. 138 и сл. (статья о Новикове).

⁴ Сперанский Д. Ученая деятельность Евгения Болховитинова митрополита киевского // Русский вестник. 1885. Т. 176. С. 573.

⁵ Бычков А.Ф. О словарях русских писателей митрополита Евгения // Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. СПб., 1868. Т. V, вып. 1. С. 217–288; Сперанский Д. Указ. соч. С. 563; Шмурло Е.Ф. Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы жизни. 1767–1804. СПб., 1888. С. 361–363; Сухомлинов М.И. Н.И. Новиков, автор Исторического словаря о русских писателях // Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. II. С. 8.

⁶ Евгений (Болховитинов). Словарь русских светских писателей. М., 1845. Т. I. С. 19.

⁷ Собственноручные заметки пр. Евгения, митрополита Киевского на книгах, поступивших, по его завещанию, в киевскую семинарскую библиотеку // Маяк. 1843. [№] VII. Материалы. С. 95–108; [№] VIII. С. 1–21; 1844, [№] XIII. С. 1–18.

группе относятся сведения о 42 лицах: 26 духовных и 16 светских; ко второй – о 40: 20 духовных и 20 светских. Лица, данные о которых Болховитинов поместил в “Опыт” в качестве дополнений к имеющимся там биографиям, образуют следующий список: *духовные* – 1) Адриан, патриарх, 2) Алексеев Петр, 3) Амвросий Юшкевич, 4) Антоний, еп. астраханский, 5) Гавриил, митр. новгородский, 6) Голятовский Иоанникий, 7) Дмитрий Ростовский, 8) Иннокентий, архиеп. псковский, 9) Иоанн Козлович, 10) Истомин Карин, 11) Конисский Георгий, 12) Константин Борковский, 13) Лопатинский Феофилакт, 14) Лухутьев (!) Софроний, 15) Ляшевецкий Кирилл, 16) Максимович Иоанн, 17) Могила Петр, 18) Платон, митр. московский, 19) Прокопович Феофан, 20) Самуил Миславский, 21) Селлий Никодим, 22) Симон, еп. владимирский, 23) Симон, еп. костромской, 24) Смотрицкий Мелетий, 25) Яворский Стефан, 26) Феофилакт, еп. коломенский⁸. *Светские*: 1) Аничков, 2) Барсов, 3) Брюс, 4) Ильинский, 5) Каменский-Бантыш Н., 6) Кантемир Д., 7) Кантемир А., 8) Крекшин, 9) Копиевич, 10) Кулибин, 11) Ломоносов, 12) Петров В., 13) Рубан, 14) Рычков Н., 15) Тредьяковский, 16) Шафиров.

Заново вписаны рукою Болховитинова в текст “Опыта” следующие, не имеющиеся у Новикова авторы: *духовные* – 1) Андрей Байбаков, 2) Герасим Данилович, 3) Дамаскин Семенов, 4) Игнатий, архим. полоцкий, 5) Иннокентий Гизель, 6) Каллист, еп. полоцкий, 7) Лаврентий Зизаний, 8–9) Мефодий и Кирилл, 10) Павел, архим., 11) Суханов Арсений, 12) Тихон Соколов, 13) Тихон Малинин, 14) Тимофей Щербацкий, 15) Филофей, архиеп. тобольский, 16) Федор, 17) Стефан Товарищенко, 18) Иакинф Карпинский, 19) Амвросий, еп. екатеринославский, 20) Иерофей, митр. киевский. *Светские*: 1) Бецкий, 2) Боян, 3) Болтин, 4) Вяземский, 5) Глоговенский, 6) Екатерина II, 7) Зяловский, 8) Львов, 9) гр. Разумовский, 10) Решетов, 11) Селицкий А., 12) Смера, 13) Коробчевский, 14) Апраксин, 15) Ланской, ген., 16) Шаден, проф., 17) Бодуен, проф., 18) Штелин, 19) Лефорт, 20) Наумов, ген.-контролер.

Из числа лиц, о которых Евгений своей рукой сделал те или иные дополнения на страницах “Опыта”, имеется ряд таких, которых библиограф впоследствии не внес в свои словари, хотя они не только были писателями, но и печатались. Таковы Амвросий Юшкевич⁹, Антоний Борисов-Румовский¹⁰, Иоанн Козлович¹¹ и Константин Борковский¹². Из светских писателей, зарегистрированных у Новикова, в словарь Евгения не попал лишь один Иван Кулибин, известный самоучка. Новиков на стр. 111 “Опыта” упоминает лишь о его “довольно изрядных” одах и канте, напечатанных в 1769 г. О них нет ничего у Сопикова, который приводит лишь данные об описаниях моста и фонарей с зеркалами, изобретенных Кулибиным¹³. Вероятно, Болховитинов, который, конечно, мог хорошо знать историю создания этих произведений, не считал славного русского механика за их сочинителя, тем более что приведенные у Сопикова заглавия этих описаний прямо не указывают на авторство Кулибина. Что же касается до вышеприведенных четырех писателях-монахах, то умолчание о них ученого библиографа и знатока русской церковной истории является непонятным.

Некоторые примечания Евгения относятся к авторам, писавшим не по-русски и не в России. Это – Иоанн Глаговенский и гр. Григорий Разумовский. Поэтому именно этих двух лиц мы и не находим в его “Словаре светских писателей” 1845 г., хотя о Глаговенском Болховитинов писал еще в 1806 г.

Непонятно также, почему Евгений не внес в свой словарь Степана Решетова, данные о котором, как об авторе напечатанного труда, вписаны им в наш экземпляр “Опыта” на 198 стр.¹⁴ Наконец, семь лиц, отмеченных рукою ученого в книге Новикова, не являются

⁸ Между прочим из этого списка видно, насколько Новиков был еще неискушен в библиографической технике. Часть писателей-монахов у него занесена под именами, часть – под фамилиями. Это свидетельствует об отсутствии у автора твердых правил при составлении им его библиографического труда.

⁹ Сопиков. № 1149–1153.

¹⁰ Там же. № 10 489, 10 490, 10 496, 10 503.

¹¹ Там же. № 1186–1187. Между прочим у Новикова на С. 74 указан “Иоанн, архимандрит Донского монастыря и Московской Академии ректор”, а на С. 109 – “Кослович Иоанн, иеромонах и учитель философии в Московской Академии”. Евгений отождествляет этих двух лиц, приписав к первому фамилию Козлович, а к данным о Козловиче на С. 109 сделал ссылку: “смотри. стран. 74”.

¹² Сопиков. № 10 484, 10 485 (?).

¹³ Там же. № 7700, 7763.

¹⁴ См. ниже примеч. к записи № 51.

писателями. Это Никифор Вяземский, Стефан Товарищенко, Иван Коробчевский, Ф.М. Апраксин, Ланской, Лефорт и Наумов. Естественно, что и они в словарь 1845 г. не занесены.

Отсюда можно сделать вывод, что записи Болховитинова первоначально имели целью регистрацию не одних писателей, а вообще лиц чем-либо замечательных и достойных памяти. Эти данные наш книговед стал собирать, по-видимому, с самого начала своей ученой деятельности, и они свидетельствуют о том, что его научные интересы начали складываться довольно рано. К сожалению, никаких дат, точно фиксирующих время той или иной записи Евгения, в изучаемой книге не приводится, и только косвенным путем можно заключить, что заметки Болховитинова сделаны в последнее десятилетие XVIII и в самом начале XIX столетия, т.е. во время учительской деятельности будущего киевского митрополита в Воронеже и Петербурге. Об этом можно судить, например, по двум строкам, написанным Евгением на стр. 160 "Опыта", где к данным Новикова о Платоне Левшине наш библиограф прибавляет: "сочинения его в собрании изданы уже в 18 частях". Как известно, XVIII том "Поучительных слов" Платона Левшина вышел в 1798, а XIX в 1803 г. Этот факт, а равно приписка Болховитинова к биографии Гавриила Петрова на стр. 46, сообщающая о смерти этого писателя в 1801 году, и запись о Симоне (Лагове) на стр. 204, где он назван еще здравствующим архиепископом рязанским (назначение его на этот пост состоялось в 1792 году, а смерть последовала в 1804), так же как выписка из письма Н.Н. Бантыша-Каменского от 1796 г., подтверждающие высказанное выше предположение о времени составления заметок, т.е. между 1792 и 1803 годами.

Привожу текст записей Болховитинова в порядке их расположения в книге Новикова:

1. Стр. 3. К данным о патриархе Адриане приписано: "Скончался 1700 года Октября 15".

2. Там же. К перечислению произведений Петра Алексея добавлено: "Церковный словарь в 3 частях"¹⁵.

3. Стр. 12. К имени Амвросия, архиепископа новгородского, приписана фамилия "Юшкевич".

4. Стр. 13. К данным о трудах Аничкова добавлено: "Примечания на Баумейстерову филос. Курс чистой матем."¹⁶.

5. Там же на полях об архим. Антонии: "что после в Астрахане епископом скончался". Приписана в конце тех же данных: "Сконч. в Астрахане 1786 года".

6. Стр. 13 и 14: "Андрей Байбаков, в монашестве Аполлос, обучался в Академии и сам обучал, потом был в Сергиевой Лавре Семинарии ректором 8 лет, в 1784 переведен Ректором в Московскую Академию, в 1785 в Воскресенский монастырь, в 1789 хиротонисан во Епископа Орловского, в 1799 году переведен в Архангельск где в 1801 году и скончался. Был муж очень ученый. Сочинения и переводы многие, а именно, сочинил 1) Правила Пиитические¹⁷, 2) Богословский трактат вера, надежда и любовь¹⁸, 3) Евгеонит¹⁹, 4) Неразрывный союз двух братьев, аллегорическая повесть²⁰. 4) (!) Ураний²¹. 5) О чтении с юношеством классических писателей, письмо²². 6) Загадки стихами²³. 7) Изъяснения на послания Апостольские к коринфяном и к колоссаем²⁴. 7) (!) Речь при публичных состязаниях в Моск. А.²⁵ 8) Проповеди говоренные на

¹⁵ Первое издание – М., 1773–1779; Сопиков. № 10 450; Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. 3-е изд. СПб., 1884. Кн. II. 1720–1863. (Далее: Филарет, П. – Ред.) С. 383.

¹⁶ У Сопикова нет. Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. М., 1855. Т. 1. С. 6.

¹⁷ Сопиков. № 8835.

¹⁸ Там же. № 2726.

¹⁹ Там же. № 3672.

²⁰ Там же. № 11 176.

²¹ Там же. № 12 156.

²² У Сопикова, Смирдина (Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина. СПб., 1828), Геннади (Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 г. Составил Григорий Геннади. Берлин, 1876. Т. I. А–Е; Берлин, 1880. Т. II: Ж–М; М., 1908. Т. III. Н–Р) и самого Евгения (Словарь духовных писателей. 2-е изд. СПб., 1827) нет.

²³ Сопиков. № 4148.

²⁴ У Сопикова нет. У Евгения и Геннади: к Филипписием и к Колоссаем.

²⁵ Сопиков. № 10 018.

очереди²⁶. 9) Богословские рассуждения и несколько разговоров. – Переводные. 1) Песни духовные Геллерта²⁷. 2) Христианская философия²⁸. 3) Речь Велизария к Иустиниану²⁹. 4) Руководство к познанию политического и пр. (?) состояния Европейских государств. Перевод³⁰. Еще сочин. Славенскую и росс. грамматику³¹. Трагед. Иеффай³².

7. Стр. 16. Приписка к сведениям о Барсове: “Он сочинил также росс. грамматику”³³.

8. Стр. 18. Вписано: “Боян”.

9. Там же: “Бецкий Иван Иванович полную систему публичного и нравственного воспитания обоего пола и различных состояний, которая переведена Ле клерком на франц. язык и напечатана в Нейштателе”³⁴.

10. Стр. 22. Вписано: “Болтин, Иван Никитич” и со сноской внизу: “Генерал майор скончался 1792 года Октября 6. – Сочин. его 1) Примечания на книгу Ле клерка³⁵. 2) Ответ на письмо князя Щербатова³⁶. 3) Примеч. на истор. Щербатова”³⁷.

11. Стр. 28. В биографию Брюса Я.В. вписано между строками: “родом из Аглинской фамилии”, после слов “искусный в Физике и Мафиматике”: “Механике и астрономии”, и после сообщения о даре Брюса в Академию наук своего кабинета, состоящего между прочим из астрономических инструментов, перед последним словом вписано: “и механических”. В конце биографии на стр. 29 приписано: “По кончине Петра I он взял отставку и жил в подмосковной деревне. Искусен был также в минералогии”.

12. Стр. 44. В биографию Волкова Ф. исправлена опечатка в слове “жеребец” (вставлено “р”). Там же в конце: “Вяземский Никифор был учитель царевича Алексея Петровича”.

13. Стр. 45. К имени Гавриила, архиеп. СПб., приписано: “Петров”. В той же статье на стр. 46 в разъяснение слов – “наивеличайшая в свете Особа” приписано на полях: “Екатерина II”. В конце биографии на стр. 46 и 47 записано: “был с 1775 Архиепископом Новгородским, а с 1783 митрополитом и в Новгороде скончался 1801 года Генваря 26 и погребен 31-го того же. Сочинения его: 1) Последование в неделю православия напеч. 1767³⁸ в М. 2) Нравоучение краткое христианское напеч. 1770 М.³⁹ 3) Он вместе с Платоном митроп. собрал исправил и с прибавкою вновь сочиненных издал три части синодских церковных проповедей⁴⁰. 4) Собрал поучения краткие из св. отец на каждый день и расположил по системе богословия. Напеч. в Москве 1781 г.⁴¹ 5) Книгу о служении и чиноположениях Грекоросс. церкви сочинил по препоручению и указу св. Синода 1775 г. напеч. в С.П.Б. 1791 и в М. 1792⁴². 6) Сочинил толкование на все соборные послания кроме I Петрова⁴³. 7) Перевел на латинский язык Бевстужева книжку”⁴⁴.

14. Стр. 47. Галятковский (!) Иоанникий. К списку трудов добавлено: “Небо новое с новыми звездами в Львове 1605⁴⁵. Беседа Белоцерковская с кзэндзом Пекарским”⁴⁶.

²⁶ Там же. № 3077.

²⁷ Там же. № 9310.

²⁸ Там же. № 12 378.

²⁹ Там же. № 10 019.

³⁰ Там же. № 9909.

³¹ Там же. № 2988 и 237.

³² Там же. № 11 910.

³³ Там же. № 2977.

³⁴ *Геннади Г.* Указ. соч. Т. I. С. 87; Bibliothèque Imp. Publique de St.-Petersburg. Catalogue de la section des Russica. SPb., 1873. Т. I. А–М. Р. 131, № 1202.

³⁵ Сопиков. № 2290.

³⁶ Там же. № 2292.

³⁷ Там же. № 2289.

³⁸ *Смирдин* № 183 (1797 г.); *Геннади Г.* Указ. соч. I. С. 191 (1794 г.); *Филарет* (II. С. 381) дает 1761 и 1767 гг. У Сопикова нет.

³⁹ Сопиков. № 598.

⁴⁰ Там же. № 1409.

⁴¹ *Геннади Г.* Указ. соч. I. С. 190.

⁴² Сопиков. № 797.

⁴³ Там же. № 1435.

⁴⁴ Там же № 12 288. О Гаврииле Петрове – *Филарет*, II. С. 380–381.

⁴⁵ *Сопиков*. № 698.

⁴⁶ О Голятовском – *Филарет* (*Гумилевский*). Обзор русской духовной литературы. 3-е изд. СПб., 1884. Кн. I. (Далее: *Филарет*, I. – *Ред.*) С. 203–206.

15. Стр. 48: “Герасим Данилович сочинил к Острожскому изданию Славянской Библии предисловие о пользе, важности и святости книг св. Писания⁴⁷. Смотри. Острожск. Библию”.

16. Стр. 49: “Глоговенский Иоанн умер 1507 г. Старовольский в похвальных словах польским ученым пишет, что он бывши в России перевел многие библейские книги на славенский язык, кои де и напечатаны в Кракове иждивением Иоанна Галлера⁴⁸”.

17. Стр. 55. В начале буквы “Д” на полях и внизу вписано: “Дамаскин Семенов. Бывший Епископ сперва Севский, а потом Нижегородский. Учился в Московской Академии из коей послан был для усовершения в Геттинг, там он произведен в профессоры и возвратился в Москву, был в Академии сперва префектом, а потом постригшись в монахи и ректором, из коих посвящен в Севские Епископы в 1782. Он до отъезду еще своего в Геттинг перевел с немецкого книжку и напечатал О полезном с юношеством чтении классич. писателей⁴⁹. В Геттингге перевел он на латинский язык платонову Богословию⁵⁰, а после издал в Москве свои проповеди и посвятил их Синоду⁵¹. Скончался в отставке в Московском покровском монастыре 1796 г.”⁵².

18. Стр. 56. Исправлен год рождения Дмитрия Туптало, митр. ростовского с 1671 на 1651 и сделано внизу примечание: “о сей ошибке смотри. дневные записки св. Дмитрия Ростов. с начала”. На стр. 60 такое же исправление. На стр. 61 38 лет исправлено на 58 и на полях замечание: “Ошибка”.

19. Стр. 64. В начале буквы “Е” вписано: “Екатерина II. Словарь. Записки, Басни, Цар. Хлор – комедии”.

20. Стр. 68. Приписка: “Зяловский или Цяловский Евстрат в 1621 году написал книгу Исповедание Греческой Церкви, которая издана на латинском языке 1681. Norimberg. Vid. Acta eruditior. 1681. pag. 6”⁵³.

21. Стр. 69: “Игнатий Архимандрит Полотский. Его речи смотри. Древн. Росс. Вивлиофика Часть III. Изд. 2”.

22. Стр. 70. К данным об Ильинском Иване приписано: “Он перевел на русский язык Кантемирову книгу Систему магометанской религии, которая и напечатана⁵⁴. Teste Kohlio⁵⁵ он был дядькою при князе Антиох. Кантемире”.

23. Там же: “Иннокентий Гизель Архимандрит Киево-Печерского монастыря исправил и издал книгу Мир с Богом Напечат. 1669 в Киеве⁵⁶ и Синописис историч. Напеч. 1678.”⁵⁷

24. Стр. 71. К биографии Иннокентия, архиеп. псковского: “скончался в СП.Бурге 1799 Генвар. 26 и погребен 27-го того ж. Сочинения его: 1) Чин исповедания отроком: напеч. в М. 1769⁵⁸. 2) Наставление от Архипастыря священнику при отправлении к должности. С.П.Б. 1790 и 1791⁵⁹. 3) Приуготовление к смерти. Перевод. С.П.Б. 1793⁶⁰. Поелику никто не говорил на погребении сего пастыря надгробного слова, то Г. Державин сочинил в память сего ему следующую надпись:

Вития о тебе не возгласил похвал:
Глас красноречия для праведника мал!

⁴⁷ Сопиков. № 109.

⁴⁸ Это почти текстуально совпадает с началом биографии Глоговенского, напечатанной в “Друге просвещения” за 1806 г. (Ч. I. С. 100). Оригинал ее в рукописи “Словаря русских писателей” Евгения, хранящейся в Гос. публ. библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (*Бычков А.Ф.* Указ. соч. С. 281–282).

⁴⁹ Сопиков. № 12 588 (у Геннади опечатка в [т.] I. С. 278 – № 12 533).

⁵⁰ Геннади Г. Указ. соч. Т. I. С. 278.

⁵¹ Сопиков. № 9107.

⁵² Филарет, II. С. 365–66.

⁵³ В Russica нет.

⁵⁴ Сопиков. № 5225.

⁵⁵ По-видимому, Коль Иоанн Петр (*Евгений (Болховитинов)*). Словарь светских писателей. I. С. 298.

⁵⁶ Сопиков. № 661.

⁵⁷ Там же. № 1083. О Гизеле – Филарет, I. С. 203.

⁵⁸ Сопиков. № 1640.

⁵⁹ Смирдин. № 357 (1797 г.).

⁶⁰ Сопиков. № 9064.

25. Стр. 72. На полях к году издания Букваря Кариона Истомина – 1695⁶¹ приписано: “и 1717 г.”

26. Стр. 74. Иоан – приписана фамилия “Козлович”⁶².

27. Стр. 75. В начале буквы “К”: “Каллист Епископ Полотский. См. Древн. Росс. Вивлиоф. часть III изд. 2”.

28. Стр. 76. В конце биографии Каменского Бантыша Николая: “Историческое известие о возникшей в Польше унии 1794 год”⁶³. Настольная министерская книга 1800 года”⁶⁴.

29. Стр. 81. В конце биографии кн. Кантемира Дмитрия: “Есть еще в библиотеке Академии наук список его Панегирика Петру Первому поднесенного на греч. лат. и росс. в 1714 г.”

30. Стр. 89. В биографии кн. Кантемира Антиоха добавлено на полях по поводу Симфонии на псалмы: “с помощью Ильинского сочинены и посвящены Екатерине I”.

31. Стр. 108. К имени архим. Константина приписана фамилия: “Борковский”⁶⁵.

32. Там же. Добавление к биографии Конисского Георгия: “Родился 1717, 20 ноября; посвящен во Епископа 1755 Августа 20, архиепископом пожалован 1783 22 Сентября. Скончался 1795 февраля 13. Сей пастырь был весьма веселого нрава и пред смертью сочинил сам себе Епитафию следующую:

Град Нежин колыбель, Град Киев мой учитель
А в 38 лет соделался святитель;
Семнатцать лет потом боролся я с волками,
И 22 провел в покой со овцами.
За претерпенные труды и непогуду
Архиепископом и членом стал Синоду.
Георгий имя мне, я из Конисских дому
И в жизни был коню подобен почтовому.
Сея-то падали зарыл здесь грешны кости
Семь сот от рождества год в пятый девяностый.

В 1773 году при Польской конфедерации он едва мог спасти жизнь свою”⁶⁶.

33. Стр. 109. К списку трудов Копиевича добавлено: “еще трезязычный на слав. лат. и немецк. словарь”⁶⁷, а в конце биографии к словам “все сии книги напечатаны 1700 и 1701 годов в Амстердаме” приписано: “в заведенной им самим типографии как пишет он в предисловии к грамматике”⁶⁸.

34. Там же приписка к биографии Кословича: “см. стран. 74”.

35. Стр. 114: “Лаврентий Зизаний Протопоп Литовский сочинил на польском языке книгу Большой Катихизис, который по переводе и по исправлении напечатан при патриархе Филарете под названием Беседословие”⁶⁹. Он был грекороссийского исповедания”⁷⁰.

36. Стр. 129. Приписка к биографии Ломоносова: “Он сочинил для Шувалова 1) Сокращенное описание самозванцев и стрелецких бунтов. 2) Сокращение жития царей Михаила, Алексея и Феодора”⁷¹.

37. Стр. 130. Лопатинский Феофилакт. Приписка к его биографии: “Он сочинил противу трактата Феоф. Прокоповича. О иге неудобноносимом, книгу О иге благом. Еще он

⁶¹ Там же № 168–169 (1694 г.), Евгений в “Словаре духовных писателей” (I. С. 318–320) даты 1717 г. не приводит. *Филарет*, I. С. 267.

⁶² *Филарет*, II. С. 326.

⁶³ *Сопиков*, № 4406 (1805 г.).

⁶⁴ У Сопикова нет. Евгений в “Словаре светских писателей” 1845 г. (I. С. 16–19) этой книги также не приводит.

⁶⁵ *Филарет*, II. С. 351.

⁶⁶ Там же. С. 366–369.

⁶⁷ *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом: Исследование. СПб., 1862. Т. II: Описание славяно-русских книг и типографий 1698–1725. № 25.

⁶⁸ Там же. № 27.

⁶⁹ *Сопиков*, № 555.

⁷⁰ *Филарет*, I. С. 178.

⁷¹ Об этих работах Ломоносова Евгений не сообщает ничего в “Словаре светских писателей” 1845 г.

же сочинил обличение неправд раскольнических напеч. в Москве 1742 Году⁷², исправил Славенскую Библию. Смотр. пред. к Библии⁷³.

38. Стр. 132. В конце сообщения о Лухутьеве (рукой Евгения исправлено на Лихутьева) Софроний приписано: "Он был и при поправке Библии"⁷⁴.

39. Там же. Примечание к данным о Ляшевском: "Он был Епископом на Воронеже и скончался в Чернигове 1771 года".

40. Там же. Приписка: "Львов Николай. Действ. статск. Советник. Сочинил Пиротехнию⁷⁵ и (перевел) Анакреонта на росс. язык⁷⁶. Он писал также много росс. стихов. Издал Летописец"⁷⁷.

41. Стр. 137. Приписка к биографии Максимовича: "Рассуждение о Боге. В Чернигове 1710⁷⁸. Изъяснение молитвы Господней в Черниг. 1709"⁷⁹.

42. Стр. 139. Приписано: "Мефодий с Кириллом первые изобретатели букв российских и переводчики Библии на слав. язык. Смотр. о них в Четь минеях".

43. Стр. 142. На полях биографии Могилы приписка к сообщению о составленном им требнике: "Напечатан в Киеве 1646"⁸⁰. Место издания "Исповедания веры" 1696 г. переправлено из Могилева на Москву. В конце приписано: "Слово о кресте Христове и каждого человека в Киеве 1632"⁸¹.

44. Стр. 158. В начале буквы "П" записано: "Павел Архимандрит Чудовский смотр. Древн. Росс. Вивлиоф. Часть III изд. 2".

45. Стр. 159. В биографии Платона вписано: "а ныне митрополит Московский". На стр. 160 в конце той же статьи: "Сочинения его в Собрании изданы уже в 18 частях"⁸².

46. Стр. 163. Приписка в конце биографии Петрова: "скончался в 1800 году".

47. Стр. 180. К списку сочинений Прокоповича добавлено: "Панегирик свои Петру I, сказыванный на победу Полтавскую 1709 года Июля 10⁸³ сам же перевел на латинский язык и напечатав посвятил государю"⁸⁴.

48. Стр. 186. Внизу вписано: "Граф Разумовский Григорий живет в Швейцарии и издал несколько книг о натуральной истории на франц. языке как то Voyage mineralogique de Bruxelles à Lausanne⁸⁵. – Histoire naturelle de Jorat et de ses environs"⁸⁶.

49. Стр. 191. К биографии Рубана приписано: "Григорьевич". Коллежский секретарь исправлен на "советник". "Коллегии иностранных дел переводчик" зачеркнуто.

50. Стр. 198. Рычков Николай. Зачеркнуто "Капитан полевых полков" и надписано: "Ассесор".

51. Там же в конце буквы "Р": "Решетов Сочинил Историю о Тахмас-кульхане. Напеч. 1768 (?) года"⁸⁷.

⁷² Сопиков. № 733 (1745 г.).

⁷³ Филарет, II. С. 303–306.

⁷⁴ Филарет, I. С. 254–256.

⁷⁵ Сопиков. № 8134.

⁷⁶ Губерти Н.В. Материалы для русской библиографии: Хронологическое обозрение редких и замечательных русских книг XVIII столетия, напечатанных в России гражданским шрифтом 1725–1800. М., 1881. Вып. II. (Из ЧОИДР) № 178.

⁷⁷ Сопиков. № 6066.

⁷⁸ Там же. № 1035.

⁷⁹ Там же. № 666.

⁸⁰ Там же. № 13 237. Филарет, I. С. 192.

⁸¹ Сопиков. № 12 942. Филарет, I. С. 190.

⁸² Филарет, II. С. 403–411.

⁸³ Сопиков. № 1104. Пекарский П.П. Указ. соч. № 143.

⁸⁴ Russica, II. P. 412, № 397.

⁸⁵ Точное заглавие: "Voyage minéralogique et physique de Bruxelles à Lausanne etc." (Berne, 1784). (См.: Heinsius W. Allgemeines Bücher-Lexikon oder vollständiges alphabetisches Verzeichniss, der von 1700 bis zu Ende 1810 erschienenen Bücher etc. III. Band. N.S. Leipzig, 1812. S. 299).

⁸⁶ У Brunet (Manuel du libraire et de l'amateur de livres. Berlin, 1921. Т. I–VI) под № 4500: Histoire naturelle du Jorat et des trois lacs de Neuchatel etc. Lausanne, 1789. У Heinsius'a (I. c.) – Histoire naturelle du Jorat et de ses environs et celle des trois lacs de Neuchatel etc. 2 vol. Berne, 1789.

⁸⁷ См. ниже в комментариях к этой записи.

52. Стр. 200. К биографии Самуила Миславского приписано: “Он же приделал к сей (Феофана Прокоповича) Богословии третий том и тем кончил курс оной, который и напечатал Lipsiae 1782 и 1796”⁸⁸.

53. Стр. 201. Вписано между Станкевичем и Селецким Иваном: “Селицкий Александр канцелярист. Писал нечто о России в Штокгольме 1669, где в королевской Архиве сохраняется его манускрипт, как пишет Berg de stat. E.M. pag. 263”⁸⁹.

54. Стр. 202. Приписано к данным о Селлии: “de Rossica Ecclesiastica Hierarchia”⁹⁰.

55. Там же в конце вписано: “Смера Иоанн Половчанин. См. Cave H. S. E. Tom II. pag. 113”⁹¹.

56. Стр. 204. В данные о продолжении Летописи еп. Симоном приписано: “от 1203”.

57. Там же. После “Симон, Епископ Костромский” вписано: “что ныне Архиепископ Рязанский”.

58. Стр. 206. В биографию Смотрицкого добавлено: “живший в Вильне в свято-духове монастыре”. На стр. 207 после слов “сочинил славенскую грамматику” вставлено: “под названием Грамматики славянския Правильное Синтагма”⁹².

59. Стр. 208. Вписано внизу: “Суханов Арсений Иеромонах строитель Троицкого Сергиева Богоявленского монастыря. Написал книгу путешествия во Иерусалим под названием Проскинитарий, т.е. поклонник, сохраняемую до ныне в патриаршей библиотеке под № 451 рукописною. Сие путешествие предпринимал он по указу Государеву и по благословению патриарха в 1649 году. Раскольники на многие места сего путешествия ссылаются в поморских своих ответах. Главная цель посольства Арсениява во Иерусалим была та чтобы привезти план или модели Иерусалимского храма для того что Никон патриарх по оному хотел выстроить храм в своем Воскресенском монастыре. Смотри статью Воскресен. монаст. в календаре”⁹³.

60. Стр. 215. В конце вписано: “Тихон Соколов Епископ бывший Воронежский”⁹⁴.

61. Там же вписано: “Тихон Малинин бывший Епископ Воронежский, а наконец Архиепископ Астраханский”⁹⁵.

62. Стр. 223. В сообщении о Трех рассуждениях о трех главнейших древностях российских Тредьяковского, что они не напечатаны, зачеркнуто “не” и добавлено: “в С.П.Б. 1773”⁹⁶.

63. Стр. 226. Вписано: “Тимофей Щербацкий см. Щербацкий”.

64. Стр. 232. “Филофей Архиепископ Тобольский много с успехом старался о обращении Сибирских языческих народов”. См. Опис. всех обит. в Росс. госуд. народов часть II, стран. 25 и часть II стран. 147, стран. 161⁹⁷.

65. Стр. 244–246. Дополнение к биографии Шафировова: “был сын Посольского Приказа Переводчика, у коего он и выучился по немецки и по французски. Отец его отдал московскому купцу Евреинову в сидельцы, и он сидел в Москве в панском ряду.

Государь Петр I, ходя некогда по сему ряду остановился у его лавки и вступя с ним в разговор узнал что он умеет по французски, по немецки и по польски. Монарх полюбя его взял и определил в Посольский приказ и там он после был на месте отцов, а Государь в

⁸⁸ По Филарету (II. С. 250) – 1792. О Миславском – *Филарет*, II. С. 375–377.

⁸⁹ Имеется в виду *Bergius Nic. et Krook G. Exercitatio de statu ecclesiae et religionis Moscoviticae. Vol. 1–2. Holmiae, 1704–1705. Gresp. Lubecae, 1709; Lipsiae, 1722. (Russica, I. P. 109 № 818–820).*

⁹⁰ В *Russica* – нет.

⁹¹ Вероятно, имеется в виду *Historia liter. scriptorum ecclesiasticorum usque ad XIV saec. 2 vol. Basel, 1741–1745. (См.: Heinsius W. Bd. I. A–E. S. 521). Brunet (№ 31 700): Scriptorum ecclesiasticorum historia litteraria. Oхonii, 1740–1743.*

У Бычкова (Указ. соч. С. 286–287) приводится статья Евгения о Смере из рукописи Гос. публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, напечатанная в более полном виде в “Сыне отечества” (1821 г. Ч. 70).

⁹² *Филарет*, I. С. 184–186.

⁹³ Там же. С. 229–230.

⁹⁴ *Филарет*, II. С. 353.

⁹⁵ Там же. С. 362.

⁹⁶ *Губерти Н.В. Указ. соч. М., 1878. Вып. I. № 179; Бетгер Е.К. Хронологический обзор русских книг XVI–XVIII вв., принадлежащих Гос. публ. библиотеке УзССР (Рукопись).*

⁹⁷ Эти ссылки Евгения ошибочны: о миссионерской деятельности Филофея говорится во II части “Описания всех в Российском государстве обитающих народов” (СПб., 1776) только на С. 30, 149 и 166.

первое свое путешествие в чужие края взял его с собою и употреблял в важных делах. Он дослужился потом вице-канцлерства и пр. Но сей человек входит в законопреступления осужден был и лишен чинов, а после смерти Петра Великого возвращен из ссылки и был президентом в Коммерц-коллегии”.

На стр. 244 к сообщению о сочинении им “Рассуждения о причинах Шведской войны” на полях прибавлено: “напечат. в лист 1717”⁹⁸.

66. Стр. 252. В конце биографии кн. Щербатова приписано: “Скончался 1792 года”.

67. Стр. 253. В конце буквы “Ш” вставлено: “Щербацкий Тимофей”⁹⁹.

68. Стр. 262. В биографию Яворского вписано между строк и на полях в сообщении о посвящении его в сан митрополита “Апреля 7го 1700 года”, “по благословию (святейшего) патриарха (Адриана) находившегося тогда в болезни”. Внизу страницы после сноски: “Трифилем митрополитом Сарским и подонским соборне прямо в митрополиты”¹⁰⁰.

69. Стр. 264. К биографии Феофилакта на полях: “после был Епископом переславским, а скончался коломенским в Коломне”. В конце той же биографии: “Сочинил богословию *Orthodoxa Theologia de credendis et agendis*”¹⁰¹.

70. Там же в конце словаря: “Феодор, неизвестно кто, сочинил на беспоповщинскую секту в 1707 году книгу Церковное утверждение. Она не напечатана еще. Приметно, что он сам был поповщинской секты”.

71. “Стефан Товарищенко умер 1796 Июня 30 в слободе Белогорье”.

72. “Иван Коробчевский умер 1790 Июля 8 в Воронеже”.

Далее приводятся записи Болховитинова, сделанные на внутренних сторонах переплета, форзацах и обороте титульного листа:

73. Первая внутренняя сторона переплета: “*Versus retrogradus*, написанный на бунтовавшего в 1685 году в Шотландии Графа Аргильского”¹⁰²: *Sat se jam elutam tenet mature Majestas*”.

74. Лицевая сторона переднего форзаца: “Имя фельдмаршала Брюса было Яков Вилгельмович. Скончавшийся в 1736 году Генерал Ланской умер в 1785 и на смерть Его выбита медаль, сохраняемая в Кунсткамере”.

75. На обороте этого форзаца: “Матфей Богданович Шаден профессор Нравоуч. в Москов. Универ. Скончался 1797 Года. Был учитель мой”.

76. “Иакинф Карпинский Архимандрит Новоспасский и св. Синода Конторы Член скончался в Новоспасском монастыре 1798 ноябр. 29 от роду будучи около 80 лет”¹⁰³.

77. “Бодуен проф. Экстр. и лектор франц. краснор. скончался 1796 года. – Был учитель мой”.

78. “Преосв. Дамаскин Нижегородский скончался 1796, 17 Декабря от водяной болезни”. (См. выше № 17).

79. “Преосв. Амвросий Екатеринославский скончался 1792 года”¹⁰⁴.

80. “Яков Якович фон Штелин профессор Академии Наук. Умер на 77 году в С.П.Б. 1785 года”.

81. “Преосв. Митрополит Киевский Иерофей скончался 1799 Сентября 3”.

82. На обороте титульного листа: “Франциск Яков Лефорт. Родом женевец скончался в Москве 1699 года марта 1, 46 лет от роду”.

83. “Оперы на московском театре начали играть с 1771 (?) года и первая опера представлена Перерождение”¹⁰⁵. Смотр. драматич. Словарь”.

⁹⁸ Сопиков. № 9581.

⁹⁹ Не он ли московский митрополит Тимофей Щербацкий, умерший в апреле 1767 г., на погребении которого произнес слово Феофилакт Горский (№ 9110 у Сопикова).

¹⁰⁰ Филарет, I. С. 269.

¹⁰¹ По Филарету (II. С. 357) – Lipsiae, 1748.

¹⁰² Речь идет об Арчибальде Аргайле, лорде Лорн, представителе старинного шотландского рода Argyll который пытался свергнуть английского короля Якова II, и был казнен за это 30 июня 1685 года.

¹⁰³ Филарет, II. С. 378.

¹⁰⁴ Там же. С. 360–361.

¹⁰⁵ Об этой пьесе упоминает В. Морков на С. 34 своей книги “Исторический очерк русской оперы с самого начала, по 1802 год” (СПб., 1862) в списке оригинальных русских опер и указывает, что автором ее музыки был Фомин, куплет из нее – там же, на С. 37; Сопиков. № 7469.

84. “С 1783 года по проекту светлейшего князя заведен был в Петербурге военный клуб и план для учреждения его сочинил Генерал-контролер Наумов”¹⁰⁶.

85. На оборотной стороне заднего форзаца: “Из письма ко мне от Ник. Н. Бантыша-Каменск. 1796 11 Июля. Адам Селлий был Лютеранин после принял наш закон и постригся в невском монастыре. Он премного на латинском языке писал об Истории Российской, а паче церковной. Рукопись authentica de Ross. Hierarchia у меня (послед дяди покойного мне доставшаяся и я отдал в Архив Госуд. Иностр. Кол.) из нее то Г. Рубан почерпал. О сем Селлии помнится в Вивлиофике Новикова упоминается, при переводе исторических стихов о жизни всех Государей во 2 или 3 томе первого издания”.

86. “О курганах смотри Описание всех в России обит. народ. Часть 2 стр. 149”¹⁰⁷.

87. “Федор Матвеевич Апраксин Адмирал и генерал-губернатор при Петре I, в Воронеже”¹⁰⁸.

88. На лицевой стороне заднего форзаца: “Библиотека Киевской Академии сгорела 1780 года февраля 29”.

При изучении всех этих записей, я обнаружил расхождения между ними и теми данными, которые опубликованы в словарях и явились результатами более углубленного ознакомления составителя со своими материалами и значительного их обогащения с течением времени. Вот эти расхождения, которые я перечисляю с указанием №№ записей, где они встречаются:

3. Амросий Юшкевич, архиепископ новгородский не вошел в состав “Словаря духовных писателей” (1827 г.), несмотря на то, что он, по данным Сопикова, напечатал пять почетельных слов (№№ 1149–1153).

5. Антоний (Борисов-Румовский) также не значится в этом словаре, хотя у Сопикова упомянуты четыре его “Слова” (№№ 10 489, 10 490, 10 496 и 10 583).

6. Аполлос Байбаков, по “Словарю духовных писателей”, переведен ректором в Московскую духовную академию в 1783, а не в 1784, в Воскресенский монастырь в 1786, а не в 1785. Хиротонисан в 1788, а не в 1789. Переведен в Архангельск в 1798, а не в 1799 году.

17. Дамаскин Семенов-Руднев в “Словаре дух[овных] пис[ателей]” признан профессором в СПб., а не в Геттингене, где был принят лишь товарищем и корреспондентом исторического отделения. Скончался по словарю, 18 декабря 1795, а не 17 декабря 1796 года.

20. Зяловский Евстрат. В “Словаре светских писателей” (1845 г.) вариант его фамилии “Цяловский” отброшен. Сочиненная им в 1621 году книжка называется в словаре “Сокращенное описание восточной Греческой Церкви”, а не “Исповедание”. Далее в словаре путаница: в начале 238 стр. сказано, что она издана “в Ниремберге” пастором Гудлингом, после чего стоит непонятная фраза “Краткая, но обстоятельная рецензия”. Затем сообщается: “сия книжка напечатана в Лейпцигских ученых Актах”. Судя по тому, что в записи Евгения дана ссылка “Vide Acta eruditiorum”, и что едва ли “книжка” могла быть напечатана в журнале, все это место надо читать так: “Краткая, но обстоятельная рецензия напечатана в Лейпцигских ученых Актах”, а слова “Сия книжка” выбросить. При этом в словаре сделано указание на 1682, а не на 1681 год.

23. Иннокентий Гизель. По “Словарю дух[овных] пис[ателей]” “Синописис” напечатан впервые в 1674, а не 1678 году.

24. Иннокентий, архиепископ псковский. В “Словаре дух[овных] пис[ателей]” сказано, что скончался он генваря 24, а не 26.

25. Показанный в записи Евгения 1717 год, как год переиздания Букваря Кариона Истомина, в “Словаре дух[овных] пис[ателей]” выброшен. У Сопикова его также нет.

28. Историческое известие о возникшей в Польше уни Н.Н. Бантыша-Каменского собрано, по “Словарю светск[их] пис[ателей]”, не в 1794, а в 1795 году, а напечатано в 1805. Сообщение о “Настольной министерской книге” в словаре не подтверждено.

29. Сообщение о нахождении в библиотеке Академии наук списка Панегирика Петра I кн. Дм. Кантемира в “Словаре светск[их] пис[ателей]” не подтверждено.

¹⁰⁶ У Георги “Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оногo” (СПб., 1794) в § 976 С. 635 говорится, что “военный клуб” “учрежден в 1782 году, а в 1783 рушился”.

¹⁰⁷ Ссылка снова неверна: следует С. 152.

¹⁰⁸ Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей русской земли. М., 1836. Т. 1. С. 46–58.

30. Участие Ильинского в составлении Симфонии на псалтырь в “Словаре светск[их] пис[ателей]” не отмечается.

31. Константин Борковский не вошел в “Словарь дух[овных] пис[ателей]” хотя, по Сопикову, он является автором двух (?) слов (№№ 10 484–10 485).

32. В “Епитафии” Георгия Конисского в “Словаре дух[овных] пис[ателей]”, вместо “зарыл здесь грешны кости”, напечатано “закрыл”. Кроме того в словаре опущено упоминание о том, что он едва не погиб в 1773 году.

33. В “Словаре светск[их] пис[ателей]” о “треязычном словаре” Илии Копиевича указано, что он именуется самим автором “Номенклятор на Русском, Латинском и Немецком языке”.

36. Приведенные в записи Евгения данные о сочинении Ломоносовым для Шувалова двух исторических трудов в “Словаре светск[их] пис[ателей]” опущены.

39. Год смерти Кирилла Ляшевецкого в “Словаре дух[овных] пис[ателей]” показан 1770, а не 1771.

40. “Пиротехния” Львова в “Словаре светск[их] пис[ателей]” в соответствии с Сопиковым названа “Пиростатикой”.

41. В “Словаре дух[овных] пис[ателей]” не упомянуто про “Рассуждение о Боге” – Иоанна Максимовича.

47. В том же словаре не сказано, что “Панегирик” Петру I на латинский язык перевел сам Прокопович.

50. Рычков Николай в “Словаре светск[их] пис[ателей]” ассессором не назван.

51. Решетов в “Словарь св[етских] пис[ателей]” не включен, хотя его перевод, указанный в записи Евгения, достаточно известен. Первое издание указано у Сопикова под № 4826 и отнесено к 1762 году. Под № 4827 указано 2-е издание 1788 года, а 3-е, 1790 года, зарегистрировано под № 8123 с заглавием “Персидский Александр, страшный НаDIR” и т.д. В.Н. Рогожин, переиздавая Сопикова, снабдил №№ 4827 и 8123 примечаниями, из коих следует, что 2-е издание вышло не в 1788, а в 1790 году и что в том же году перевод Решетова опубликован в СПб. под другим заглавием: “Персидский Александр, или страшный НаDIR” и т.д., каковое издание Сопиков и считает третьим. Сам же Рогожин, в согласии со Смирдиным (№ 3347), сообщая об этом, не называет “Персидского Александра” – третьим изданием. В Гос. публ. библиотеке УзССР находятся два экземпляра этого издания (один из которых № 3347 из библиотеки Смирдина, а другой из книг гр. Бобринского). Оба они имеют на титульном листе: “Персидский Александр, или страшный НаDIR, потрясший самое богатейшее в свете Индейское Царство и нанесший трепет на весь Восток пер. Канцелярии Советником Степаном Решетовым. на ижд. П.Б. в Санктпетербурге 1790 года”. В экземпляре из смирдинской библиотеки впереди титульного листа есть еще 2-й титул, на коем напечатано: “История о персидском шахе Тахмас-кулы-хане. Переведено с Французского Канцелярии Советником Степаном Решетовым. Новое издание. В Санктпетербурге, 1790 года”. На обороте этого титульного листа напечатано в одну строку следующее: “п. с. С. е. и. ч. А. М. Р. на ижд. П. Б.” При сравнении обоих экземпляров видно, что они относятся без всяких сомнений к одному и тому же изданию, что заметно из разных мелких одинаковостей в печати. Наиболее же убедительным подтверждением этого является тот факт, что в обоих экземплярах на стр. 17 имеется помета 2-го листа в виде буквы “Б”, которая доказывает, что 2-й титульный лист, имеющийся в смирдинском экземпляре, входил в состав 1-го листа и в тех экземплярах, где он не сохранился. Таким образом можно считать доказанным, что описываемая книга вышла только в двух изданиях, 1762 и 1790 гг., и что никакого третьего издания, о коем говорит Сопиков, не существовало. Во втором издании 1790 года она имела два титульных листа, из коих первый в некотором количестве экземпляров по каким-то причинам отсутствует, что и дало повод Смирдину (т.е. Анастасевичу) и вслед за ним Рогожину утверждать, что то же издание вышло “под другим названием”.

Книга Решетова известна лишь как перевод с французского, но с какого именно сочинения, остается невыясненным: по крайней мере в доступных мне библиографиях я указаний на это не нашел. В Гос. публ. библиотеке УзССР хранится небольшая книжка в 12-ую долю листа под заглавием *Histoire de Thamas Koulikan nouveau roi de Perse ou Histoire de la dernière révolution de Perse, arrivée en 1732. Paris, 1742.* При сличении этого утража с переводом Решетова мне удалось установить, что перевод этот сделан именно с упомянутой книги, но только не с издания 1732 г. Так, начало французского оригинала в переводе Решетова приходится лишь на 10 странице, а все предшествующее в оригинале отсутствует. Равным образом заметны не-

которые различия и в конце. Во французском издании нет деления на четыре книги и не приводится содержания их в начале каждой. Судя по отдельным, взятым на выбор, местам, мелкие расхождения налицо и в других местах. Следует допустить поэтому, что Решетов переведил *Histoire de Thamas Koulikan* с издания, вышедшего после 1732 и до начала 60-х гг. XVIII столетия. Что такие издания были, видно, напр[имер], из Систематического каталога Библиотеки Главного Штаба, ч. II, СПб., 1880, где под №№ 24 133 и 24 134 указаны Лейпцигское и Парижское издания 1740 и 1743 гг. (У Heinsius'a и Brunet книга эта не описана).

Невнесение Решетова в "Словарь светск[их] пис[ателей]" следует объяснить, по-видимому, тем, что он, по мнению Евгения, не подходил под ту категорию русских переводчиков, которых он на стр. VI I тома своего словаря 1845 г. относит в п. "в", т.е. к тем, кто переводил "с похвальным успехом древних классических, а также и многих вообще одобренных и полезных писателей".

Остается добавить лишь, что фамилию Решетова Болховитинов пишет через "ять" (так же, как Сопиков), тогда как в издании 1790 года фамилия эта изображается через "е".

52. В "Словаре дух[овных] пис[ателей]" о вторичном издании Самуилом Миславским "Догматической Богословии" в Лейпциге в 1796 г. не говорится.

53. Селицкий Александр в "Словаре светск[их] пис[ателей]" назван Селецким.

54. *De Rossica Ecclesiastica Hierarchia* в "Словаре дух[овных] пис[ателей]" именуется *De Rossorum Hierarchia*.

55. Указанный в записи № 451 рукописи Арс. Суханова "Проскинитарий" в Патриаршей библиотеке в "Словаре дух[овных] пис[ателей]" опущен.

56. Щербатский Тимофей не занесен в "Словарь дух[овных] пис[ателей]" несмотря на то, что у Сопикова указаны его две речи, изданные в 1744 году (№№ 9990 и 10 4740).

57. Год смерти кн. Щербатова, по "Словарю светск[их] пис[ателей]", – 1790, а не 1792, как в записи.

69. Богословия Феофилакта Горского, по "Словарю дух[овных] пис[ателей]", называется *Orthodoxae Orientalis Ecclesiae Dogmata, seu Doctrina Christiana de credendis pars I. de agendis pars II. etc.* (Лейпциг, 1784).

74. Иакинф Карпинский, по "Словарю дух[овных] пис[ателей]", умер на 77-м году от роду.

75. См. выше под № 17.

* * *

Из сличения заметок, сделанных рукой Евгения, с текстом его словарей совершенно отчетливо видно, что именно они, эти заметки, были теми зернами, из которых впоследствии выросли и развились библиографические статьи ученого митрополита. Особенно ярким подтверждением этого является запись Болховитинова о Глоговенском, приведенная выше под № 16, которая целиком и почти без изменений вошла в первую редакцию "Нового опыта". Остальные записи во время длительной работы Евгения подверглись более или менее значительным дополнениям и исправлениям, и порой лишь в сильно измененном виде сделались достоянием науки в качестве словарных статей, хотя и служили их зародышами.

С этой точки зрения собственноручные заметки Евгения Болховитинова, которые мне удалось обнаружить в Ташкенте, представляют несомненный интерес для истории русской библиографии.

Оба его больших библиографических труда нашли в себе у русских ученых различное отношение. Так, издатель "Словаря светских писателей" 1845 года М.П. Погодин в своем предисловии считает, что Евгений своими работами "положил твердое основание Истории Русской и Славено-русской Словесности и вместе открыл пред очами ученого мира бесчисленное множество ее сокровищ, дотоле совершенно неизвестных". Другой историк нашей литературы Филарет Гумилевский держится противоположного взгляда и находит, что в трудах Евгения мы видим лишь "кучи исторических явлений, но не соединенных общею мыслию и не оживленных чувством. Факты собираются у него без различия важного от пустого"¹⁰⁹.

¹⁰⁹ Филарет, II. С. 444. Между прочим, на С. 441 у него допущена странная ошибка в сообщении светского имени Болховитинова до монашества. Он почему-то именует его Елифанием, вместо Евфимия, что для Филарета, как для историка русской церкви, вряд ли простительно.

Доля истины есть в этом последнем утверждении, но это не должно умалять большого историко-литературного значения библиографических трудов покойного ученого, которые сделаны – и этого нельзя забывать – в ту эпоху, когда молодая русская историография находилась в стадии “первоначального накопления” материалов, когда всякое новое сведение, всякий новый факт были нужны науке и принимались с энтузиазмом. Евгений с величайшим усердием и неутомимостью старался продолжать патриотические стремления Новикова и запечатлеть в новых для русской науки формах память о деятелях родной словесности.

Как ни относиться к этим опытам Болховитинова, необходимо признать, что они вошли в железный фонд нашей отечественной библиографии, и без знакомства с ними нельзя ясно представить себе ход ее развития в первой четверти прошлого века, так же как без изучения трудов Шторха и Аделунга, Сопикова, Кеппена и Анастасевича.

Исследуя все приведенные выше заметки Евгения, бывшие, как сказано, в какой-то мере эскизами его будущих словарных статей, трудно допустить, что занесенные рукою молодого, но уже зрелого ученого на страницы столь оригинального и значительного труда, каким был для своего времени “Опыт” Новикова, они не были продиктованы желанием и самому испытать силы на том же поприще. Самое число этих пометок говорит о систематической работе Болховитинова в этом направлении. Поэтому я склонен разделить приведенное выше мнение Д. Сперанского и признать, что идея составления нового словаря русских писателей зародилась у молодого Болховитинова еще во время его пребывания в Воронеже, где было положено начало его ученой деятельности и где были написаны его четыре первые научные работы¹¹⁰.

31 октября 1944 г.

Отдел редких и рукописных книг Национальной библиотеки Узбекистана им. А. Навои. Шифр: “Пс 495”. Авторизованная машинопись. Л. 1–33.

---

¹¹⁰ Срезневский И. И. Воспоминание о научной деятельности Евгения, митрополита киевского // Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. СПб. 1868. Т. V, вып. 1. С. 3–4.

УСТНЫЕ МЕМУАРЫ СВЕТЛАНЫ НИКОЛАЕВНЫ И НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА ПОКРОВСКИХ*

(К 75-летию академика Н.Н. Покровского)

С.Н. К сожалению, только когда я стала уже старая, прошла почти весь свой жизненный путь, потеряла много друзей и родственников, начала понимать, как дорого нам прошлое, как дороги корни, к которым хочется вернуться. И вот сейчас я вспоминаю старый альбом моей бабушки Анны Ивановны. Когда-то я его просматривала – так, с малым любопытством, можно сказать; кое-что запечатлелось у меня в памяти до сих пор. К сожалению, я была так легкомысленна, что когда можно было этот альбом сохранить и спасти (а у нас шел однажды большой ремонт, большая чистка квартиры – мама переезжала), я этого не сделала. Я помню там одну фотографию: женщина, хорошо сохранившаяся, но уже пожилая, строго выпрямив спину, сидит в окружении очаровательных девочек. Это были племянницы моей бабушки. Среди этих девочек, одетых в белые платья, одна выделялась каким-то особым очарованием: очень красивая и очень приятная. Я забыла обо всем этом, но как-то потом моя мама, когда я уже была замужем, а бабушка Анна к тому времени уже скончалась, сказала, приехав из командировки в Москву: “А ты знаешь, я там видела Марочку!”. Я спросила: “А кто такая эта Марочка?” – “Как, разве ты не знаешь? Ведь это племянница Анны Ивановны. Марочка, которая вышла замуж в Москве за знаменитого коньячного короля Шустова. Он очень ее любил. Историю их отношений мы не знаем. Но она вышла замуж вторично; она все еще очаровательна, хоть и уже, конечно, очень-очень немолода. Очарование она сохранила. Она меня звала в гости, но мне было некогда, я спешила домой, в Ростов”. Я очень заинтересовалась этим рассказом, но как-то продолжения все это не имело.

Н.Н. Марочка была дочерью одного из братьев Анны Ивановны. Сестра рассказала мне об эпизоде, происшедшем где-то с конца июня по середину августа 1947 г., когда она постаралась как-то помочь мне поступить в университет.

С.Н. В это время я была в Москве, училась там на очном отделении аспирантуры по специальности “Всеобщая литература”. И вот как-то я зашла к нашему ростовскому знакомому, который работал с моим отцом, они были друзьями – к Георгию Петровичу Сердюченко, профессору, который был, кажется, в это время заместителем директора Института языкознания Академии наук СССР. Зашла просто так зачем-то (он немножко меня в Москве опекал). И вот в то время, когда мы с ним беседовали, к нему вошел пожилой, но очень бодрый человек, среднего роста, с седыми волосами, с очень яркими, пронизательными, необыкновенно умными и дружелюбными глазами, с приветливой улыбкой. И Георгий Петрович меня ему представил. Это, гово-

---

* Расшифровка магнитофонной записи, сделанной в Ростове-на-Дону в сентябре 2004 г. Начало опубл.: Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 525–579.

рит, дочь моего друга, покойного профессора Покровского из Ростова-на-Дону, Светлана Николаевна Покровская. Мы пожали друг другу руки. И представил его мне: это, говорит, академик Игнатий Юлианович Крачковский. Я, конечно, знала о нем, потому что они давно с отцом переписывались, встречались.

Завязался разговор; он выразил мне соболезнования и очень тепло, хорошо отзывался об отце. Он спросил меня, не может ли он чем-то мне помочь, что я делаю в Москве? Я сказала, что у меня все в порядке, я здесь в аспирантуре, но если Вы сочтете это возможным, помогите моему брату: он закончил школу в Ростове-на-Дону с серебряной медалью, очень хорошо учился, и я бы хотела, чтобы он продолжил свое образование в Московском университете на истфаке. Игнатий Юлианович так порасспрашивал немножко, очень как-то тепло мы поговорили, и, действительно, он, видимо, как-то сдержал свое слово.

Н.Н. Действительно, к тому времени я уже окончил ростовскую среднюю школу, которой я очень и очень благодарен. В военное время она дала мне весьма неплохое образование. Последние месяцы перед выпускными экзаменами я с моими школьными друзьями очень интенсивно готовился к ним. И нужно сказать, что все ребята из этой моей компании смогли поступить в разные вузы. Гриша Фельдман и Габик Хасабов поступили в Ростовский медицинский институт, стали потом врачами, а Габик – известным ученым-физиологом, долго работавшим в Сухумском обезьяньем заповеднике; Валерий Лавлинский поступил на филфак РГУ. Другой член этой нашей ребячьей компании, Стасик Куприянов, сын офицера-чекиста, поступил на филологический (или исторический, не помню точно) факультет Тбилисского университета, но неизвестно почему через несколько месяцев покончил с собой. Но это уже другая история.

Ну, а я, как было у нас заранее уговорено и с мамой, и с сестрой, решил поступать на исторический факультет Московского университета. Как мне кажется, и папа мечтал об этом и делился этими мечтами с будущим моим первым учителем по МГУ профессором Николаем Леонидовичем Рубинштейном.

Выпускные экзамены в школе тогда были серьезнее, чем сейчас. Их было много. Я помню, мы сдавали устную и письменную литературу, русский язык, устную и письменную математику; были устные экзамены по физике, по химии, по географии, по истории, по иностранному языку. Сейчас школьники сдают гораздо меньше выпускных экзаменов. Эти испытания я прошел благополучно, у меня были все пятерки, трудности возникли лишь с арифметикой. Неожиданно для нас в выпускной экзамен по математике наряду с алгеброй, геометрией, тригонометрией, стереометрией (которую мы учили отчаянно весь 10-й класс) включили и элементарную арифметику. А ее мы сдавали где-то в четвертом классе, кончая начальную школу, и с тех довоенных пор не вспоминали. На экзамене был трудный пример по дробям, и я его в конце концов решил, а узнав после экзамена, что ответ правильный, успокоился. Но потом оказалось, что я его решил каким-то невероятным способом, потому что нормальный способ я забыл. Так у меня в аттестате появилась четверка по математике, и я получил серебряную медаль. Но, впрочем, по тогдашнему закону и этого было достаточно, чтобы попасть в Московский университет без вступительных экзаменов, с одним собеседованием. И вот возможно, что здесь как-то и сказались вероятные ходатайства академика Крачковского, а может быть, и Николая Леонидовича Рубинштейна. Сестра под-

сказала мне сейчас, что могло быть и ходатайство очень хорошо знавшего моего отца академика Николая Михайловича Дружинина (он тогда еще был членом-корреспондентом АН). Замечу, что будущая моя жена Зоя Бородина в это же время поступила на наш курс без всяких ходатайств, по итогам приемных экзаменов. О репетиторах будущие студенты нашего курса и не слышали.

Во всяком случае, собеседование для меня прошло весьма благополучно. И это несмотря на то, что, как позднее оказалось, проводил его один из самых грозных преподавателей истфака МГУ, потом прославившийся погромной деятельностью во время борьбы с космополитизмом и прочими “измами” конца 1940-х – начала 1950-х годов. Я не называю его фамилию – его потомки очень хорошо показали себя во время хрущевской “оттепели” и в нынешние непростые времена. Как считала моя сестра, в чем-то в этом собеседовании проявилась и некоторая нестандартность моего мышления. Как я сам помню, преподаватель задал мне вопрос о системе исторических концепций Василия Осиповича Ключевского, выяснив сначала, что я читал его “Курс русской истории”. В ответе я излагал какие-то “собственные взгляды”. Так меня приняли в Московский университет.

Я ненадолго вернулся в Ростов, и мама стала собирать меня к переезду в Москву. Помню, как мы с ней ходили по ростовской “толкучке” – вещевому рынку и искали мне теплые вещи для Москвы. Ведь еще была карточная система, всякие лимиты, и так просто в магазинах нельзя было ничего купить. Но на “толкучке” найти можно было все. Как-то мне тогда казалось само собой разумеющимся, что мама тратит на мою экипировку немало денег, заработанных ее тяжелым трудом. Сейчас я, несомненно, уже понимаю, что к чему, но поздно, поздно...

Но вот, наконец, мой переезд совершился. Прямо с Казанского вокзала пришлось сначала отправляться в санпропускник – без справки оттуда в студенческое общежитие на Стрёмбынке тогда не принимали (и не только первокурсников, но и всех, возвращавшихся с каникул). Я помылся в бане, а все мои вещи, включая новенький костюм, тщательно дезинфицировали паром; уже в общежитии мне стоило немалых трудов привести его в приличный вид. В общежитии помещали первокурсников по 8 человек в комнате. В одной комнате со мной оказались: скромный и трудолюбивый фронтовик Володя Быков; Вася Пономарев – тоже фронтовик, оказавшийся самым старшим студентом нашего курса; фронтовик Володя Тропин (впоследствии – проректор Московского университета); только что кончившие школу Коля Обушенков, Юра Борисов, Юра Верченко, Надир Бахрамов. Обушенкову будет суждено отправиться вместе со мной в Мордовский концлагерь, а выйдя из него, стать видным научным работником, доктором наук, специалистом по международной сельскохозяйственной конъюнктуре. Доктором исторических наук в Институте истории СССР АН станет Юра Борисов. Юра Верченко станет сначала комсомольским функционером, а потом – “прокуратором” советской литературы: его назначат партийным секретарем Союза советских писателей. Надир Бахрамов дослужится до высоких постов в родном Азербайджане.

Ну, да рассказ о нашем курсе – особая тема, уже не раз разрабатывавшаяся. В двух номерах журнала “Новая и новейшая история” помещены воспоминания моего соседа по общежитию Игоря Орлика-Гарлика, доктора исторических наук.

Первого сентября 1947 г., в разгар празднования 800-летия Москвы, мы слушали нашу первую университетскую лекцию. Ее прочитал будущий мой

научный руководитель, член-корреспондент АН, Михаил Николаевич Тихомиров, позднее – академик.

Недавно в одной из телепередач я услышал рассказ моего приятеля на первом курсе, Анатолия Каплана. Он вспоминал, как вместе со своим одноклассником Натаном Эйдельманом они сбежали со второй части этой лекции, чтобы торжественно отпраздновать свое поступление в Московский университет в той известной школе на Арбате (110-я школа им. Ф. Нансена), которую они оба кончили. Радостные, уверенные в себе москвичи. Мы, провинциалы из общежития на Стромынке, о таком кошунстве, конечно, не помышляли. Эта лекция была посвящена истории Москвы, и она мне помнится до сих пор. Кое-что из нее я много позднее рассказывал и своим студентам в Новосибирском университете.

Через несколько месяцев после начала нашей учебы произошла денежная реформа – не первое и далеко не последнее ограбление народа властью. Но вокруг этого печального события было немало комических эпизодов.

С.Н. Я расскажу об одном из них. В это время я, как уже говорила, была в Москве. И сама видела, чувствовала поднимающуюся волну паники. Я знала, что мама имела немного – ну, какой-то денежный запас; она помогала нам жить в Москве. Кое-что у нее сохранялось на книжке еще с довоенных времен: ведь во время войны сберкассы выдавали с вкладов ежемесячно лишь по крохотной сумме. И мне стало страшно, что она все свои сбережения опять потеряет, и что тогда будет вообще? И вот я решила те деньги, которые у меня оставались (из присланных мне ею), истратить как-то полезно, сделать себе какие-то запасы. Но когда пришли в магазин, оказалось, что уже поздно: как будто бы какой-то шторм налетел и все смело с прилавков. Все было сметено! И вот я думала-думала, куда же мне эти деньги всунуть. Всего я после долгих поисков купила такую большую железную пятилитровую банку совершенно ненужного мне какого-то апельсинового сока или что-то в этом роде (потом, конечно, пришлось большую часть его выбросить).

Н.Н. Нет, мы все-таки поели его почти весь, это был какой-то апельсиновый концентрат, поставившийся по ленд-лизу.

С.Н. Я позаботилась и о маме, послала ей телеграмму: “Купи срочно пишущую машинку большой кареткой”. Откуда у меня появилась эта идея, я сейчас смутно помню – кажется, какая-то машинистка печатала мой реферат, и она тоже была охвачена паникой, и говорила, что вот я купила на свои сбережения то ли одну машинку с большой кареткой, то ли две. Она и посоветовала купить машинку, потому что ее можно всегда выгодно продать. Когда я приехала в Ростов, кончилось все это уже, мать и говорит: “Слушай, я очень испугалась, получив твою телеграмму, я думала, что ты или с ума сошла, или заболела – что-то с головой у тебя не в порядке. Я взяла эту телеграмму и пошла на центральный ростовский телеграф, и говорю – слушайте, я очень волнуясь, поэтому скажите мне, тут ничего не перепутано, что я такую дикую телеграмму от дочери получила?” Там засмеялись и говорят: “Да что Вы, у нас сегодня полно таких телеграмм”.

В то время, когда я покупала этот сок, рядом буквально громили керосиновую лавку, которая стояла как-то почти впритык к полуразрушенной церкви, где венчался Пушкин. Керосин там раскупили до последней капли.

В Москве мне помогли снять, как тогда говорили, угол в комнате у одной почтенной старушки, которая еще работала каким-то инструктором по физкультуре. Ее звали Анна Владимировна Кебрен. У нее была масса интересных фотографий. Дело в том, что она была раньше балериной, жила в Петер-

бурге, танцевала на одной сцене вместе с Матильдой Кшесинской, которую хорошо знала. У нее были даже фотографии с дарственной надписью Кшесинской. Она рассказывала много интересного о тех далеких, каких-то скажочных временах. Это была квартира близ Никитских ворот, через дом или два от знаменитого дома Максима Горького, где были на фронтоне мозаики Врубеля – сиреневые и розоватые орхидеи. А с другой стороны, так наискосок, напротив, была эта полуразрушенная (из купола, помнится, росла березка) церковь, называемая москвичами церковью Большого Вознесения, в которой венчался Пушкин. Ее тогда превратили в огромный склад.

В 1948 году совершенно как-то случайно я познакомилась с аспирантом Михаила Николаевича Тихомирова, Александром Павловичем Пронштейном. Это было интересное знакомство. Странное. Забегая вперед, скажу, что много лет спустя Александр Павлович сказал мне: “Знаешь, я ведь несколько раз сидел напротив тебя в Ленинской библиотеке, в нашем знаменитом третьем зале – аспирантском, кандидатском, смотрел на тебя, а ты меня не замечала”. Знакомство это случилось так. Мы, аспиранты и кандидаты, обедали обычно через дорогу от ГБЛ, где в подвале была столовая. Мы называли это “ходить к Калинину”: там была приемная Калинина, и при ней во дворе, внизу была общедоступная столовая, где довольно хорошо кормили, и было очень дешево. Странно, но это так. Там были большие очереди в кассу, где нам выдавали чеки, а потом мы шли обедать в зал. Я стояла в очереди, и моя знакомая, занимавшаяся, по-моему, русской литературой, Сусанна Вайншток, разговаривала с каким-то молодым человеком, блондином, чуть-чуть рыжеватым, с миндалевидными, слегка удлинненными глазами. Почему я так говорю: он подрабатывал в Историческом музее, водил экскурсии, и его там называли “египетским богом”. И вот я посмотрела на этого “египетского бога”, а когда мы вышли, Сусанна меня с ним познакомила. Я не расслышала имени и потом спросила: “Вас зовут Саша или Леша?” Он странно на меня посмотрел, ответил: “Саша”; оказывается, все домашние звали его Шурой. Вот так в столовой состоялось это “знаковое”, судьбоносное знакомство с моим мужем, с которым я прожила все время от и до, и уже в старости я его потеряла.

И вот Саша вскоре познакомил меня со своим руководителем, которого он очень чтит, уважал – с Михаилом Николаевичем Тихомировым. Он меня заранее предупредил: “Имей в виду, женщин он не очень жалует, не любит – он суров, строг, может сказать что-то резкое; вот, имей это в виду”. Ну, я думаю, а что мне иметь в виду, ну, скажет и скажет, Бог с ним. Он меня с ним познакомил, и вскоре после этого знакомства Михаил Николаевич вдруг приглашает нас к себе домой, на обед. Это был еще старый дом Михаила Николаевича, на Беговой. Он нас очень хорошо накормил – существовала такая хлебосольная традиция в этом московском доме. Тогда в первый раз я увидела и Сашу Мальцева, его, можно сказать, адъютанта – он был всегда при нем, его любимый ученик. И Михаил Николаевич подвел нас сразу к своему новому приобретению. Это была огромная икона с ликом Иисуса Христа, какая-то старинная, но хорошо отреставрированная. Я проявила большое любопытство, и неожиданно взяла и перекрестилась. А, действительно, у меня бабушка (Ольга) была очень религиозная (а вторая – Анна была воинствующая атеистка). Я вышла середина наполовину: не очень верила, но и верила в то же самое время. И когда я увидела такую древнюю икону, то перекрестилась. Ну, тут кто улыбнулся, а Михаил Николаевич так как-то странно на меня посмотрел. Это было начало – начало наших доверительных и очень личных

разговоров. Я сама тогда не понимала, в чем дело, но Михаил Николаевич при наших следующих встречах иногда стал рассказывать мне о себе, о своей личной жизни – коротко, иногда обрывал; я его никогда не переспрашивала. Если он переходил на другую тему, я всегда поддерживала эту тему. Но, видимо, он мне говорил больше, чем своим ученикам и ученицам – видимо, сразу поверил, что мне сказать можно. Эти доверительные отношения мы сохранили до конца жизни Михаила Николаевича. Дело в том, что мы еще вместе отдыхали в 1957 году, в Нальчике. Я помню, как мы ходили тогда мимо нальчикской гостиницы в сосновый бор; нередко с нами был Саша Мальцев. Тут же часто гулял с фотоаппаратом и Коля Покровский, мой брат, со своей женой Зоей и сыном Колей (эти его фотографии хранятся сейчас в фонде М.Н. в Архиве АН, кое-что публиковалось). Михаил Николаевич шел со мной немножко впереди, и мы вели какие-то трогательные, доверительные неторопливые беседы – с паузами, с какими-то такими словами: вдруг одно слово скажет, я молчу. Я многое знала о его личной жизни, о которой он никогда никому не говорил, больше всех его любимых аспирантов.

Н.Н. Эти прогулки на берегу реки Нальчик, в парке и сосновом бору были наполнены весельем и шутками, обычно довольно суровый Михаил Николаевич с удовольствием поддерживал общее настроение беззаботного отдыха. Вступая на шаткий всякий мостик через речку, он громко запевал: “Вот крест святой, он нас спасет от ада” (из “Фауста”). Саша уморительно описывал запечатленную мною сценку на городском базаре: М.Н. подозрительно разглядывает, поднеся к самому лицу, куриную тушку, а бойкая продавщица явно недовольна этой подозрительностью и расхваливает товар. М.Н. горделиво отвечал Саше, что у него коммерческое образование и на любом базаре он всегда найдет лучшие продукты. И тут же он начинал декламировать стишки: “Вставай скорее Саша: нас ждет сосновый бор и гречневая каша, и милый разговор”. Быть может, эти “милые разговоры”, ленивый отдых так отчетливо запомнились мне потому, что уже через три недели я оказался в одиночной камере внутренней тюрьмы Лубянки.

Но вернемся в конец 1940-х годов. Сестра познакомила меня со своим избранником, Александром Павловичем, а тот спустя какое-то время представил меня Михаилу Николаевичу. Это случилось где-то ближе к концу моей учебы на втором курсе истфака МГУ, когда я неожиданно оказался без научного руководителя. Дело обстояло так. На первом курсе я поступил в просеминар Николая Леонидовича Рубинштейна. Как и в других просеминарах первого курса, мы занимались там чтением и комментированием Русской Правды, писали наши первые реферативные доклады, изучая обильную литературу об этом знаменитом памятнике. Помнится, я делал доклад о закупах Русской Правды, сравнивая их с прекаритами западноевропейского средневековья. Вскоре я стал посещать залы и отделы Государственного Исторического музея. Николай Леонидович, заместитель директора ГИМ, нередко давал консультации студентам в своем кабинете, пятым “капиталистическим” отделом ГИМ заведовала Анна Борисовна Закс, добрый друг нашей семьи. Рано я стал заглядывать и в Отдел рукописей к незабываемой Марфе Вячеславне Щепкиной, прямо в залах на экспозиции читал нам свой блестящий спецкурс по культуре Древней Руси Борис Александрович Рыбаков.

Но уже в конце первого семестра Николай Леонидович нескольким студентам из своего просеминара дал новую работу. Он тогда старался собрать воедино и обобщить многочисленнейшие сведения, которые давали исследователю колоссальные материалы предпринятого правительством Екатерины

Великой Генерального межевания российских уездов. Составленные в ходе этого межевания огромные тома “экономических примечаний” к описанию уездов требовали тщательной обработки по единому плану. Выработав этот план, Николай Леонидович часть этой кропотливой работы в архиве поручил своим студентам, в числе которых был и я. Так я уже в декабре 1947 года впервые попал в архив – в тот архив, который останется для меня главным на всю жизнь: в Центральный государственный архив древних актов.

В архиве все было любопытно: подъезды огромного архивного корпуса на Большой Пироговке, которые почему-то именовались казематами, сложная система пропусков, предъявляемых охране МВД, когда узоры на бумаге пропуска менялись каждый день и нужно было отстаивать очередь за новым пропуском. Но больше всего поразила, конечно, обстановка в самом читальном зале. Большие столы с громоздящимися на них рукописями и актами, древними манускриптами в кожаных переплетах, обильная справочная библиотека тут же, в читальном зале, готовые прийти на помощь компетентные и доброжелательные архивисты, великолепно знавшие свои колоссальные фонды. Позднее я понял, какое это было огромное везение – попасть в архив на первом же курсе.

Я работал с “экономическими примечаниями” Шацкого уезда. Четкий писарский почерк второй половины XVIII века особой трудности для меня не представлял, к тому же под руками был предусмотрительно захваченный из Ростова самоучитель по русской скорописи Беляева. Николай Леонидович время от времени проверял наши выписки, работа двигалась споро, но довести ее до конца мы не смогли. Именно мы, студенты – Николай Леонидович позднее сам довел ее до логического завершения, издав обширную монографию. Наша же работа в архиве по этой теме была прервана развернувшейся по негласному зову партии оголтелой травлей “космополитов”. Даже от нас, студентов, требовали подчас, чтобы мы разоблачали педагогов-“космополитов”. Я не стал этого делать и почти на пару месяцев уехал в Ростов, прикрывшись медицинской справкой о туберкулезе (кстати – реально бывшем, но затухавшем в Москве).

С.Н. Я знала об уходе Николая Леонидовича Рубинштейна из МГУ (я с ним была раньше знакома и связана, поскольку он знал моего отца; у них были какие-то общие работы) от самого Николая Леонидовича, которого я встретила в раздевалке МГУ, когда шла с мужем на защиту его кандидатской диссертации. Николай Леонидович сказал, что его вывели из состава совета по защите и заставили уйти из университета. Это известие, конечно, ошеломило нас, хоть и не было совсем неожиданным. Конечно, было очень жаль Николая Леонидовича Рубинштейна, но в ту минуту я как-то восхищалась им: спокойно сказал он нам об этом, спокойно оделся, попрощался. Потом мы к нему еще приходили домой в гости, он нас звал. Он показал нам тогдашнюю новинку – телевизор, включал его, а об этом печальном инциденте и вообще об этом погроме мы не говорили. И этот вечер, и та встреча остались в моей памяти; я очень его уважала.

Как мы и предположили уже после рассказа Николая Леонидовича, защита моего мужа Александра Павловича проходила непросто. Уже сказали нам, в кулуарах, что М.Т., один из членов ученого совета, готовится разгромить эту диссертацию. Мы понимали, конечно, что это он делать будет не от души, не потому, что так думает, а по спущенному сверху на истфак заданию громить “космополитов”. Так оно и случилось. Он вышел на трибуну, долго говорил и время от времени восклицал: “Разве можно так писать? Разве можно

так писать? Это космополитизм!” Ну, ясно было всем, откуда ветер дует; все притихли. Александр Павлович выступил спокойно, спокойно же ответил на все эти политические выпады, с какими-то конкретными замечаниями по материалу XVI в. согласился и так же спокойно прошел на свое место. Вообще, он был очень выдержанный, и трудно было узнать, что его что-то очень волнует, задевает, беспокоит. Это я уж научилась со временем потом узнавать. Но на защите выступали и почтенные, уже пожилые известные профессора (сейчас не помню точно, кто), доктора наук, и не отвечая ничего на замечания М.Т., дали свою оценку, оценку высокую. Один из них даже сказал, что по существу это докторская диссертация. Ну, потом удалились, как это всегда бывает, на голосование. Зал опустел. Мы, конечно, волновались. Когда объявили результаты тайного голосования, мы узнали, что против было только два-три человека, все остальные проголосовали “за”. Затем, конечно, Сашу торжественно поздравляли члены ученого совета, и так он стал кандидатом.

Но тут пришла новая беда. На работу в Москве его никто не хотел брать, несмотря на то, что Михаил Николаевич уже давно планировал оставить его на кафедре. И тут уже Михаил Николаевич не мог ничего сделать. Тогда мы приехали в Ростов, это было лето, и стали думать, что же делать дальше. Мне тут же дали работу в моем родном университете. Мы долго обсуждали наши проблемы и, по-моему, приняли неправильное решение: Александру Павловичу тоже переезжать в Ростов. В Ростове его приняли доцентом кафедры истории СССР на истфаке, но московский период нашей жизни, увы, завершился.

Н.Н. Нужно сказать, что и это устройство на должность преподавателя в Ростовском университете для Александра Павловича было делом весьма простым. Помогли два обстоятельства. Во-первых, по старой памяти о Николае Ильиче, по просьбе моей сестры ректор Ростовского университета Семен Ефимович Белозеров рискнул и подал на А.П. заявку в Москву. Но и там эту заявку сначала не хотели удовлетворять, удалось через каких-то знакомых найти подход к весьма влиятельному тогда в Академии наук человеку, академику А.В. Топчиеву, главному ученому секретарю Президиума АН. Он нашел пути в Министерство высшего образования, и так состоялся переезд моей сестры с мужем в Ростов.

С.Н. Моя научная карьера тоже пострадала от борьбы с “космополитизмом”. За эту борьбу взялись очень лихо и рьяно. Но люди, которые боролись, как-то не были уважаемы в научных кругах. Моим научным руководителем был известный и у нас, и за рубежом ученый, профессор Марк Давыдович Эйхенгольц. У него было много аспирантов. Мы любили его, уважали его за то, что он был действительно крупным, настоящим ученым (мы читали его труды, штудировали их), и за то, что он был очень душевным человеком. Он всегда спрашивал нас, особенно приезжих: “Как вы устроились в Москве, как вы живете – в общежитии или снимаете у хозяев? Хватает ли у вас денег?” Часто предлагал деньги даже в поддержку. Я-то этим никогда не пользовалась.

И вот, когда началась эта борьба против “космополитизма”, нагрязнула комиссия. Комиссии нужна была поддержка их “проработки” со стороны преподавателей и аспирантов. Нас, аспирантов, пригласили на один день, но к себе вызывали по одному. Боялась ли я? Нет! У меня было боевое настроение. Меня спросили: “Как Вы лично относитесь к Эйхенгольцу?” Я им все рассказала: какой он прекрасный наставник, какой известный ученый, как мы его уважаем и просто любим, потому что он всегда знал все о нас, о каждом, и если нужно, помогал, вплоть до того, что просто давал деньги. Среди нас оказался и предатель, но о нем я не хочу говорить, не хочу называть его фами-

лию – я уже давно вычеркнула это из своей памяти. Спрашивали меня и об отце, да как мне в Москве, да как я устроилась... А потом начался уже прямой обстрел. Меня спросили: “Почему среди многих аспирантов Эйхенгольца старостой вы выбрали Илью Наумовича Лермана?” Ну, тут мне, возможно, Бог подсказал или мой задор, злость, и я моментально ответила: “Ну, знаете, мы еще довольно зеленая молодежь, он старше нас, солиднее, но это не самое главное. Самое главное, что он единственный член партии в нашей группе”. Ну, они не ожидали этого, и сразу, если сказать грубо, заткнулись. Помолчали-помолчали и отпустили.

Но несмотря на защиту со стороны аспирантов и некоторых преподавателей, Эйхенгольца все-таки уволили. И на его место пришел какой-то незнакомый, довольно молодой, задорный такой парт-дядечка. До этого он прославил себя не научными работами, не блестящими лекциями, выступлениями, а борьбой с космополитизмом. Это был его конек. Ну, и собственно, мы ушли, рассеялись – не захотели работать под его началом. Вот поэтому я и диссертацию не защитила, и уехала в Ростов.

Н.Н. Вернусь к моей учебе на истфаке. Когда я приехал назад из моего ростовского убежища, оказалось, что профессорский состав факультета уже почистили. Израиля Менделевича Разгона, которого я немного знал лично через его племянника, работавшего в ГИМе, сослали в Томский университет – Сибири повезло, во второй половине 60-х годов я не раз имел удовольствие встречаться с Израилем Менделевичем на разных конференциях, работать вместе с ним над пятитомной “Историей Сибири”. Сменилось руководство и атмосфера на кафедре истории Средних веков, где был настоящий проработочный разгром. Не видно было академика Минца. Ходили слухи, что Минца от серьезных репрессий спасло вмешательство то ли Сталина, то ли Молотова. На истфаке висела многометровая стенгазета “Историк-марксист” с карикатурами на “космополитов” и вполне бандитскими статьями про них.

Но жизнь продолжалась, учебный процесс тоже; на факультете осталось немало прекрасных, первоклассных преподавателей. Хотя завершить начатую с Николаем Леонидовичем работу не удалось, к тому времени я уже твердо решил специализироваться по истории России феодального периода, изучать такие притягательные документы далеких веков. И тут судьба улыбнулась мне: Александр Павлович Пронштейн рекомендовал меня Михаилу Николаевичу Тихомирову как возможного ученика.

Это происходило в доме Тихомирова на Беговой (в дом на Котельнической набережной, где сейчас можно видеть мемориальную доску в его честь, он переехал позднее, когда его избрали действительным членом Академии наук). Наше знакомство началось с некоторого конфуза: видимо, желая приглядеться ко мне, Михаил Николаевич сказал, что он на днях будет показывать своим студентам-старшекурсникам исторические памятники села Коломенское. И я не нашел ничего лучше, как ответить на это, что я только что уже познакомился с Коломенским по интересной экскурсии Петра Андреевича Зайончковского. Я упустил редкую возможность послушать, как Михаил Николаевич рассказывает об этом великолепном комплексе древних памятников. Он не подал и вида, а позднее этот неловкий эпизод как-то сгладился.

Михаил Николаевич определил меня для углубленного изучения палеографии к Марфе Вячеславне Щепкиной и Татьяне Николаевне Протасевой в Отдел рукописей ГИМ, которым он недавно руководил. Это были весьма важные для меня занятия, положившие хорошую основу на всю жизнь. Мне потом было легко слушать большой курс Льва Владимировича Черепнина по

палеографии, и уже в аспирантуре вести со студентами практические занятия по той же дисциплине. Ну, а позднее, в Суздале и в Сибири вся моя научная и педагогическая работа была связана с древней письменностью.

С.Н. Итак, мы поселились в Ростове у мамы в ее старом доме. Это было в сорок девятом году. Моему молодому мужу в то время все казалось удивительным, странным, какой-то экзотикой. Он попал в совершенно другой мир. Он жил в Москве, как я уже говорила, в коммуналке, но в самом центре Москвы. Москва – это его родной, любимый город. Он очень по ней тосковал. Но и в Ростове как-то все ему было интересно.

Во-первых, он мне как-то сказал неожиданную вещь: “Я не пойму, здесь что, как в Лондоне – Тампль, где живут юристы, суд расположен?”. Я говорю: “А почему так?” – “Да вот тут со мной на Крепостном заговаривают, и я слышу – все о суде, знают все статьи законов, вроде юриспруденцию”. Я засмеялась: “Нет, это совсем другое – юриспруденцию и статьи они знают, потому что почти каждый из жителей этой округи или кто-то из семьи сидел. Это просто люди, которые по необходимости и по жизни, потому что им приходилось с этим сталкиваться, знают Уголовный кодекс. Не очень чтут его, но стараются, так сказать, не попадать под какие-то страшные статьи”. Муж был очень удивлен, тем более, что люди-то были приветливые.

Крепостной наш принял его: меня поздравляли с законным браком. Моя крестная, Матрена Павловна, спросила: “Ланочка, этот ваш брак законный?”. Я говорю: “Законный”. – “Ну, тогда я поздравляю вас с законным браком”. Там сохранялись, несмотря на то, что это была, в основном, криминальная среда, какие-то старые моральные ценности. Раз законный брак, значит, к нам стали относиться с уважением. Я чувствовала себя в этой атмосфере, как рыба в воде, потому что я давно там жила.

Иное дело муж мой, который вырос и учился в Москве. Отклоняясь от темы, скажу, что тогда блата не было; он просто сдал в университет документы, и ему сразу же сказали: “Вы зачислены в университет” (после чего он куда-то поехал отдыхать по путевке на две недели). И когда он поселился на Крепостном, сначала ему было интересно (“юристы живут”), а потом он стал испытывать определенный дискомфорт.

И он добился того, что нам дали комнату в одном из университетских домов в очень хорошем месте. Это был и центр, рядом с университетом, и все-таки в некотором отдалении – особенно тогда – от страшного шума самых центральных улиц. Сначала мы получили одну комнату в коммуналке на четвертом этаже; это был дом сталинской довоенной крепкой постройки, сколько он простоял, я и сейчас в нем живу, и дом не требует какого-то особенно-го ремонта (хотя балконы уже сыплются). Но дом не оседает, не разрушается. Муж был очень доволен, а я была как между молотом и наковальней. Мама моя, отважная женщина, которая безумно любила и отца, и детей, была несколько сурового характера, начались некоторые неприятные сцены – “делили” меня. И нужно было обязательно вырваться.

И я согласилась, хотя очень страдала, уходя от матери, из отчего дома. Мужу я этого не сказала, он думал, что я целиком разделяю его убеждения. Незадолго до своей смерти он говорил: “А помнишь, как мы с тобой ходили к университетскому дому, смотрели в окна и мечтали перебраться”. Итак, мы переехали. Я очень тосковала по матери. Мама приходила к нам, мы приходили к ней и как правило, у нее встречали Новый год. Но все больше и больше отдалялись; это был очень тяжелый процесс. Мы перебрались в университетский дом примерно году в 1956–1957. К этому времени у меня уже был

сын Николай и дочь Лена. Позднее, когда мой муж уже стал доктором, профессором, нам дали в этом же доме хорошую просторную квартиру, четырехкомнатную, на первом этаже. Там и сейчас живет мой сын со своей семьей. Я же перебралась к дочери Елене, зав. кафедрой РГУ – в этом же доме, в этом же подъезде, где она добыла себе квартиру на втором этаже над нашей старой квартирой.

Конечно, в начале я была не очень довольна таким поворотом в своей жизни. Я никогда не жила в коммуналке. Тут было несколько примусов на кухне, хозяйки в тесноте сталкивались, всякие взаимоотношения; я старалась, конечно, со всеми ладить. Скандалов коммунальных не было, мы жили неплохо, но испытывала все время какую-то тяжесть на душе – я несвободна, мне это было диковато. Но постепенно муж мой набирал силу, его уже хорошо знали в Москве, в Ленинграде, за рубежом, он стал доктором, профессором, и вот тогда для нас специально освободили эту четырехкомнатную квартиру на первом этаже.

Н.Н. Сам я помню, как еще во время жизни моей сестры с мужем на Крепостном как-то соседствовали и спорили между собой два способа снабжения. Саша привык все продукты покупать в магазинах, а мама привыкла покупать их на рынке и в магазинах докупала только кое-что. Это было вполне понятно: московские магазины снабжались совсем не так, как ростовские. Но Саша сначала не мог понять, зачем ездить на рынок, когда есть магазин.

С.Н. Но жизнь – это наш лучший учитель. Он скоро понял, что у нас в Ростове магазины полупустые, и тогда он с удовольствием стал познавать новое. Он всегда стремился к какому-то познанию. И он увидел и узнал, что такое ростовский рынок, который привел его в восторг. В магазинах пусто – и море разлитое на нашем центральном ростовском базаре, да и на других базарчиках. Там можно было купить все – и лучшего качества. Ростовский базар даже послевоенных лет – это длинные прилавки, полные зелени и фруктов со всего юга, свежайшие молочные продукты (был и свой особый деликатес: запеченный в русской печке каймак), копченая чехонь и прозрачный от жира рыбец, ряды с мешками муки из “арнаутки” и “гарновки” (только после выполнения областью всех плановых и сверхплановых хлебопоставок!). И вот он пристрастился сам ходить на этот рынок; правда, иногда я волновалась: поехал на трамвае (нужно было проехать несколько остановок), и вот его нет, и нет, и нет. Я начинаю думать всякое. Потом приезжает, и оказывается, он обследовал там и торговые прилавки, и живописную округу, а тут же – спуск к Дону, и он даже пошел на причал. Я говорю: “Ты же на базар поехал, какого же ты дьявола!” – “Так ведь тут же вроде все под рукой, чуть-чуть спуститься – и набережная, тут же и катера, пересекающие Дон”. (К сожалению, сейчас их уже нет, на другую сторону теперь можно только по мосту переехать на машине или пешком.) А тогда этот вот юг, донская, кубанская, украинская, армянская, а подчас и греческая речь, базар, обилие зелени, Дон как-то захватили его. Потом, правда, это чувство стало привычным, стало проходить, и он, конечно, все время тосковал по Москве.

Н.Н. Кандидатская диссертация Александра Павловича, которую он писал у Михаила Николаевича, была посвящена экономике Великого Новгорода в XVI веке, после его присоединения к Москве. Когда он переехал в Ростов, одним из первых своих дел он запланировал знакомство с местным ростовским архивом. И он увидел тут огромнейшую россыпь почти неиспользованных документов по истории Дона начиная с XVIII века. И Саша стал разрабатывать эти архивные материалы по Дону XVIII века, а в результате па-

раллельно с преподавательской деятельностью в Ростовском университете он весьма методично, четко главу за главой создавал свою обширную монографию “Земля Донская в XVIII веке”. Ее он и защитил в качестве своей докторской диссертации. Защищал он ее в Московском университете и издал большим томом. Книга впервые на солиднейшей базе проверенных источников, введенных им в научный оборот, дала реальную картину начавшегося расслоения казачества, роста земельных богатств казачьей “старшины”, довольно раннего (на излете петровских времен) появления на Дону настоящей частной собственности на землю, крупных поместий. Все это не очень-то согласуется со столь популярными ныне легендами о равенстве, всевластии самоуправления казачьего круга в Войске Донском того времени.

С.Н. Ну, теперь остается рассказать о детях, внуках, правнуках Николая Ильича Покровского. К сожалению, он не дожид до моего замужества, до женитьбы моего брата, он не мог побаловать, покачать на коленях своих внуков, и тем более уже правнуков. А семья наша разрослась. Сын Николая Ильича на четвертом курсе женился на москвичке Зое Васильевне Бородиной. Это была взаимная горячая любовь, понимание и уважение. Он женился рано, и тем не менее брак этот был очень счастливым. Не судьба была моему отцу увидеть моего мужа, он умер раньше. Александр Павлович был внимательным, любящим, но строгим отцом. И дети вышли хорошие, уважаемые теперь. Сын пошел по стопам отца, стал историком, защитил докторскую диссертацию, теперь он профессор, заведует кафедрой – той самой кафедрой источниковедения, которую создал его отец. Очень увлекается – и это отцовская черта, наукой, много пишет. То есть он пошел целиком в отца, не в меня – я была слишком эмоциональной для того, чтобы заниматься исследованиями и прочими сухими материями, я предпочитала читать, слушать музыку и т.д. Сын мой напоминает мне мужа и в то же время – моего отца. Он счастлив в браке, жена его Людмила тоже историк, у них прекрасная дочь Оксана, тоже уже замужем, филолог, как и моя дочь Елена. Оксана уже защитила кандидатскую диссертацию по русскому языку и успешно работает на кафедре русского языка в университете. Оксана тихая, очень спокойная. Ну, бывает всякое, и наш факультет сотрясают иногда склоки, дразги, но у Оксаны какой-то талант отрешенности, она ровная, всегда вежливая. Ее никто даже не думает втягивать, перетягивать на свою сторону, никто не считает противником. Я всегда ее называла фиалкой, какая-то немножко затаенная, есть у нее это в характере. У нее счастливый брак по любви, дочка Полина шести лет, очень живая, как ртуть, горячая девчонка, за словом в карман никогда не полезет, типичная казачка: Оксанин муж Андрей Шевцов, отец Полины – наполовину казак. Мать его чистокровная станичная казачка, а отец с Донбасса, так что казацкая кровь еще играет в моих потомках.

Моя дочь Елена – доктор филологических наук, лингвист. Она заведует кафедрой в Ростовском университете, где раньше, но на другой кафедре, работала и я. У нее есть своя очень удачная методика обучения молодежи языкам – как русскому, так и иностранным языкам. Она очень энергичный, живой и деятельный человек. Когда мне было уже за 70, она вытащила меня в увлекательный круиз по родному Черному морю, а сама она сейчас много путешествует по всему миру. Дети Лены, мои внуки Борис и Анна, ушли из дома, птенцы улетели. Боре 30 лет, Аня гораздо его моложе. Борис здесь женился, потом эмигрировал в Германию, живет он там неплохо, иногда приезжает сюда, часто звонит. Там у него родились два сына – Марк и Ноэль (Рождество – имена им давала я). Жена его тоже ростовчанка, кончила мединсти-

тут. Конечно, врачу-эмигранту с нашим дипломом очень трудно найти там работу, но у нее уже двое детей, и о работе она пока не мечтает.

Мои внуки родились и жили в более счастливое время, чем я, в одном отношении. Тогда очень трудно было уехать за границу, сейчас иначе. Когда Боря уже жил в Германии, моя дочь Лена с Аней отправились в турпоездку – в Германию, Францию, Италию. И, как оказалось, тут решилась дальнейшая судьба моей внучки Ани. Она влюбилась в Италию: в ее музеи, статуи, в ее природу. Аня – человек очень целеустремленный, энергичный, несколько даже жесткий. И она сказала: “Все, я уезжаю в Италию”, во всяком случае, сначала – на учебу. Здесь она поступила в Ростовский университет, проучилась первый курс и уехала поступать в Болонский университет. Анна вообще необыкновенно восприимчива к иностранным языкам. Это совершенно не похоже на меня: меня учили-учили и ничему не выучили, а она буквально все хватает на лету. Аня очень быстро выучила итальянский язык, совсем недолго проучившись с репетитором. Я иногда проверяла ее задания по языку и поражалась, как много новых слов она усваивала с первого раза.

Поступить в Болонский университет было очень непросто: итальянцы с некоторым недоверием относятся к “чужим”, к тому же тут не могло идти речи о таком знакомом всем нам явлении, как “блат” и знакомства. Но упорная воля Ани помогла все победить. После каждой сдачи она звонила мне сюда (мать была с ней: кормила ее, опекала и т.д.) и говорила: “Бабушка, я сдала экзамен на высшую оценку!” А Лена мне потом рассказывала, что был очень большой конкурс, и с таким результатом сдали только двое, как ни странно, не итальянцы: Аня – русская, и еще какой-то мальчик, кажется, чех, сдали все на отлично, даже приемная комиссия удивлялась. А потом Аня стала учиться – так же хорошо. Однажды, она, правда, получила тройку, но после этого собралась и получала уже только высшие оценки. Это отметили в огромном Болонском университете.

Н.Н. Я возвращаюсь к годам моей учебы в Московском университете. В общежитии на Стромынке я прожил с сентября 1947 г. до октября 1950 г., когда мы с Зоей Бородиной поженились, и я перебрался к ним. Ее семья, где кроме нее было еще 5 человек, жила в двухкомнатной квартире на Авиаторной улице. Название улицы происходило от имени важного военного учреждения, которое находилось на ней – Центрального института авиационного моторостроения. Отец Зои работал там главным технологом. Интересно отметить, что когда в 1957 г. меня арестовали, и в квартире Василия Архиповича произвели обыск, безвозвратно конфисковав с дюжину замечательных книг о событиях двух русских революций из библиотеки Ильи Федоровича, Василий Архипович пошел в свой партком, дабы узнать, может ли он работать дальше на режимном предприятии. Но время было уже после XX съезда, и ему ответили, что он может и далее продолжать работать в прежней должности.

Так вот, с осени 1947 г. до осени 1950 г. я жил в общежитии на Стромынке. Комната у нас была дружная. В первое же воскресенье сентября 1947 г. наш хозяйственный Вася Пономарев отправился вместе со мной на Преображенский рынок Москвы, и мы приобрели вещь важнейшую – электроплитку. Наша комната, как и многие другие комнаты Стромынки, жила коммуной. Обедали мы обычно в различных столовых, а вот завтраки и ужины чаще всего бывали общими. Наши фронтовики, произведя разведку, выяснили вещь удивительную: недалеко от истфака, в рыбном магазине на улице Герцена, продается невероятно дешевая красная икра. И вплоть до денежной ре-

формы у нас были довольно экзотические трапезы: вареная картошка с красной икрой и кисель (изрядные запасы сухого киселя мы сделали с первой же стипендии). А два-три раза на младших курсах у нас вообще случалось необыкновенное пиршество, на которое мы приглашали однокурсников из соседних комнат: Юра Верченко и я привозили с каникул литровые банки “ястычной” черной икры, задешево продававшейся тогда из-под полы на южных базарах.

Но обеды бывали довольно неважными, хотя мы и перепробовали несколько столовых. В университете, в консерватории, “у Калинина”. Последняя была лучше других, но там стояли огромные очереди. Уже к концу первого курса я изрядно похудел, хотя в те же месяцы в связи с изменением климата мне удалось довольно быстро начать залечивать подхваченный еще в Ростове, в голод 1944 г. туберкулез. Кстати говоря, отвратительное качество пищи в нашей столовке на Стромьнке привело даже в начале хрущевских времен к бойкоту ее студентами. Эпизод этот наделал шума в партийных инстанциях, но к существенному улучшению качества пищи отнюдь не привел.

Я уже упоминал о хорошей статье однокурсника моего, Игоря Орлика-Гарлика, о нашем курсе. Но в одном я не вполне согласен с ним, точнее – у меня была несколько иная точка, с которой я наблюдал наш курс. Игорь еще мальчишкой партизанил на юге Украины, затем воевал в Красной армии, имел награды, был кандидатом в члены партии. Понятно, что на курсе он сразу же стал “общественником”, хотя в большое начальство и не лез. Он совершенно справедливо написал о той огромной роли, которую на курсе играли бывшие фронтовики. Их было больше трети состава курса. Они дисциплинировали курс, в общежитии и студенческих группах не было той расхлябанности, пьянок, гулянок и прогулов, чего так много сегодня в университетских общежитиях. Фронтовикам было нелегко после нескольких лет тяжелых боев вспомнить то, чему их когда-то учили в школе, и оказаться на уровне требований МГУ. Недавние десятиклассники нередко охотно помогали им, а они учили нас своим примером усидчивости, собранности и настойчивости в работе. Рядом с ними неудобно было лениться. Они в немалой мере способствовали созданию той атмосферы тесной студенческой дружбы, которую мы сохранили на всю жизнь.

Но Игорь Орлик, как мне кажется, преувеличивает, когда пишет, что эта дружба во многом спасла нас от атмосферы проработок тех лет, от пристального внимания Лубянки. Конечно же, на нашем курсе было несколько стукачей; я знаю двоих: с одним из них, веселым спортсменом, я в конце 1957 г. столкнулся неожиданно нос к носу в коридоре Лубянки, когда меня вели из камеры на допрос, а он навещал эти места в совсем ином качестве.

Не будучи комсомольцем, я все же знал, как прорабатывали Юру Артамонова, будущего блестящего педагога, на курсовом комсомольском собрании за лирические стихи без всякой идейной нагрузки. Начало учебы на втором курсе встретило нас одним тяжелым эпизодом. На курсе училось несколько человек иностранцев: чехов, словаков, югославов, были и дети испанских коммунистов. На летние каникулы часть югославов уехала на родину, другая часть осталась в Москве. И тут как раз разразился громкий конфликт между Сталиным и Тито. Студенты, уехавшие в Югославию, так и не вернулись в Москву, а оставшиеся должны были публично проклинать Тито. Одна из советских студенток, Э.А. (впоследствии хороший специалист по средневековому оружию), в простоте душевной выразила сочувствие одной из оставшихся в Москве югославских студенток, И.Г., и сказала ей, что Тито

хорошо воевал с немцами. Ее собеседница, испугавшись, понятное дело, провокации, сообщила о разговоре, куда следует. Э.А. долго прорабатывали и у нас на курсе, и выше, вызывали в разные инстанции для внушений. Но все же – не исключили. Не знаю, помогла ли тут курсовая спайка или нет.

Не только комсомольцы и члены партии, но и все студенты обязаны были принимать активное участие в предвыборных кампаниях. Мы ходили по квартирам, агитировали за депутатов. Помню, в каком-то доме по улице Герцена я рассказывал об академике Опарине, нам на инструктажах рекомендовали особенно напирать на то, что его научная деятельность помогла создать хорошие сорта Советского Шампанского. А день выборов был для курса мучкой. Мы с раннего утра собирались на факультете, объявлялось соревнование, дома кого из агитаторов раньше всего дадут 100% явку избирателей. И мы принуждены были ходить по этим домам, уговаривая жильцов проголосовать ну уж никак не позднее 10 часов утра. Правда, самой тяжелой доли я не испытал: среди “наших” домов был и дом на ул. Грановского, где жили видные члены партии и правительства.

А вот дни советских праздников проходили на курсе весело и радостно. Мы тоже собирались ни свет ни заря к факультету на демонстрацию, и хотя до Красной площади было рукой подать, нас предварительно много часов не очень стройными колоннами со знаменами и транспарантами водили долгим кружным путем на Садовое кольцо, к площади Восстания, где стояли районные трибуны и районные вожди, кричали нам приветствия, а мы в ответ им горланили советские песни. К тому времени многие из нас были уже слегка “под градусом”. Когда, вскоре после проверки старостой курса Васей Пономаревым присутствующих на демонстрации, наша колонна начинала движение, уже на тротуарах по Арбату нас встречали многочисленные ларешницы с выпивкой и закуской. Колонны шли медленно, часто останавливаясь. И вот, наконец, Красная площадь. Разделенные строем солдат на отдельные колонны, организованные факультетскими ответственными в более или менее стройные ряды, мы шли мимо мавзолея и изо всех сил орали: “Ура!” И я горланил, хотя немало к тому времени уже знал и о Большом терроре, и о вполне бесстыдной фальсификации всей истории страны XX в. К моим прежним знаниям о репрессиях добавились в университете и осторожные рассказы верных друзей, в первую очередь – Натана Эйдельмана, у которого отец был в лагерях.

Правда, с Натаном мы сблизились уже на старших курсах. На младших же я входил в две “группы по интересам” или дружеские компании. В одной кроме меня и Зои был Коля Иванов (в будущем специалист по США, доктор исторических наук) и Оксана Индиченко с Украины, ученица П.А. Зайончковского. Летом 1948 г. мы с Колей Ивановым по турпутевке совершили замечательное путешествие по Военно-Сухумской дороге, по основному ее варианту, а не по тому, которым мы шли в войну. В Сухуми мы встретились с нашей же студенткой Элей Павлюченко, которая дружила с Натаном Эйдельманом и позднее стала его первой женой. Во вторую мою компанию входили Леня Фридман (в будущем – специалист по новой истории арабских стран, доктор исторических наук), Борис Михалевский (в будущем – видный экономист, доктор экономических наук, один из разработчиков экономической реформы Косыгина), а также друг Натана Толя Каплан и Леша Жданко (в будущем специалист по древней истории Египта).

Помню, как с первой из этих компаний я слушал оперу “Травиата” в филиале Большого театра. Запомнилось и радостное утро первомайской демон-

страции 1949 г., когда прямо с Васильевского спуска, где мы сложили в автомашину все наши флаги и транспаранты, мы отправились в Замоскворечье домой к Коле Иванову, где лакомились привезенными с юга ранними черешнями. А во второй моей компании очень рано начались всякие недозволительные разговоры – о грубых натяжках в “Кратком курсе”, который мы тогда истово зубрили; в частности, Борис Михалевский, дед которого проводил денежную реформу Сокольникова, знал кое-что неофициальное о времени нэпа.

Но несмотря на все тревожные разговоры и события, жилось весело. Помнится, как в первой из моих компаний с благоговейным вниманием, перемежаемым по ходу изложения запланированными рассказчиком оглушительными взрывами хохота, слушали мы в Большой Ленинской аудитории устные литературоведческие детективы Ираклия Андроникова. Помнится и блестящая лекция о Священном союзе государей в первой половине XIX в., которую прочитал нам в актовом зале истфака академик Тарле. Он приехал тогда из Ленинграда, но и в постоянном составе МГУ на истфаке было немало прекрасных профессоров.

Отправляя меня в 1947 г. в Москву, мама любила повторять строки из любимшегося нам романа Киплинга “Ким” о том, что образование только тогда хорошо, когда оно наивысшего качества. И тогда это, несмотря на все проработки, вполне можно было применить и к истфаку МГУ, и к Историко-архивному институту. С первого курса запомнились замечательные лекции Марка Осиповича Косвена по истории первобытного общества. Древнюю историю нашей страны нам читали К.В. Базилевич и С.В. Бахрушин, западноевропейское средневековье – А.И. Неусыхин.

На старших курсах я слушал спецкурсы Михаила Николаевича Тихомирова, а в аспирантуре даже немного ассистировал ему – подбирал по его указанию книги, снабжал закладками те места, которые он целиком зачитывал из источника. И было очень поучительно наблюдать, как из продуманной системы отобранных летописных текстов прямо на твоих глазах рождалось их осмысление, концепционный анализ. А потом вскоре все это можно было прочитать в очередной монографии Михаила Николаевича (например, в книге о городских и сельских восстаниях в Киевской Руси).

У Михаила Николаевича был добрый обычай: старшие его ученики помогали младшим, так сказать курировали их. За моими первыми шагами в науке “приглядывали” двое “тихомировцев” – Сигурд Оттович Шмидт и Дина Исааковна Тверская. И должен сказать, что я очень многим обязан им в науке и в жизни – не только квалифицированными профессиональными советами, но и примером поведения в разных жизненных ситуациях. Оба они не прервали знакомства со мною и моей женой Зоей в мои лагерные годы, хотя кое-кто из хороших, казалось бы, курсовых друзей перестал ее узнавать. Через Дину Зоя узнала и передала мне при очередном посещении мордовского концлагеря, что Михаил Николаевич просил сказать мне, что постарается мне помочь с работой после моего возвращения – обещание, которое он так блистательно выполнил в 1965 г. И в годы моей работы в Академгородке Новосибирска, куда Михаил Николаевич сумел отправить меня развертывать археографические полевые и камеральные исследования, и Дина Исааковна, и Сигурд Оттович продолжали ощущать себя моими научными кураторами, весьма умело и профессионально поддерживая в столице наши первые результаты. Наша дружба с Диной продолжалась до самой ее трагической кончины, а с Сигурдом Оттовичем мы и доныне добрые друзья.

На пятом курсе МГУ мы должны были прослушать спецкурс по истории какой-либо из республик Союза. Я выбрал Грузию, скорее всего – по черноморским своим корням. Выбор был удачным, спецкурс хорошо читал тбилисский профессор Хачапуридзе. И хотя мы между собою посмеивались над его сильным грузинским акцентом, материал он отбирал и подавал очень квалифицированно.

Конечно, были в моем университетском образовании и огрехи, которые позднее не преминули сказаться. Главный из них – неоправданно жесткое разделение программ исторического и филологического факультетов. Как раз за годы нашей учебы из программ истфака исключали курс истории русской литературы. Нашему курсу прочитали только “самую главную” часть этой истории – историю советской литературы. Лектрисса г-жа Белкина читала очень плохо, почти весь курс – по теме своей диссертации, т.е. по “Клим Самгину” М. Горького. Когда Натан Эйдельман осмелился задать на лекции вопрос, почему в курсе нет ни слова о советских писателях Ильфе и Петрове, она возмутилась и ответствовала, что такие нехорошие писатели недостойны входить в историю литературы. Кстати говоря, неудачными были и лекции ее однофамильца Белкина, который читал нам часть курса новой истории европейских стран. На курсе хорошо запомнили и передавали другим поколениям студентов его фразу о разделе Польши: “И они четвертовали Польшу на три неравные половины”. Мне всю дальнейшую жизнь не хватало изъятого из нашей учебной программы курса истории древнерусской литературы. А ведь в это время ее на филфаке читал сам Николай Калининлович Гудзий! Очень малое количество часов было отведено и на старославянский язык, и на латинский язык.

Новым языкам уделялось много учебных часов, но обучение было построено в соответствии с тогдашними догмами: нас учили читать, но мы не могли разговаривать на иностранном языке. Ни к чему это было в тогдашнем Советском Союзе, и так наш курс доставлял некоторые неприятности Лубянке. Увы, этот “книжный” метод изучения иностранных языков я воспринял и в дальнейшем: я читаю на многих иностранных языках, но толком не говорю ни на одном.

Тему дипломной работы Михаил Николаевич избрал мне из времен Смуты начала XVII века. Я написал большущую работу, которая пробила изрядную брешь в нашем семейном бюджете (мы с Зоей поженились в 1950 г.) – машинистки брали тогда за перепечатку несусветную цену: аж по 10 коп. за страницу, пришлось срочно изыскивать более 50 рублей. Но сам я сейчас не слишком высоко оцениваю этот свой труд: тема почти не требовала архивных источников, а выявление путей снабжения Первого ополчения Ляпунова, Трубецкого и Заруцкого, подсчет количества полученных ими шуб, на широкие обобщения меня не вывели.

После защиты диплома и сдачи госэкзаменов мы, узнав день вручения дипломов, уехали отдохнуть в подмосковную деревеньку Тургенево, что в 12 верстах по проселочной дороге от Домодедово, на милой речушке Рожайке. Неподалеку отдыхали две наших однокурсницы, Марина Дубинская и Ира Лобова. Неожиданно, вернувшись из Москвы, они рассказали мне, что вручение дипломов с отличием состоится раньше – вручать будет сам ректор И.Г. Петровский в актовом зале университета. Оказалось, что времени добраться до актового зала у меня совсем в обрез. К счастью, в тот момент я был одет во вполне приличный костюм из светлого полотна, в котором не стыдно было показаться ректору. Я бегом помчался в Домодедово, с ужасом подо-

зревая, что опаздываю. Но тут, к счастью, показался попутный самосвал. Свободных мест в кабине уже не было, и я забрался в кузов. И лишь когда мы поехали, я заметил, что днище и борта самосвала покрыты липкой гудроновой смолой: в тех краях тогда строили дальнюю объездную дорогу. Как я ни старался уберечь свой белый костюм, машину бросало на ухабах, и в электричку я сел с заметными темными полосами на пиджаке и брюках. В таком виде я и предстал перед добрым ректором Иваном Георгиевичем Петровским, когда он мне торжественно вручал диплом с собственноручной его подписью (другой раз я видел эту подпись через пять лет на Лубянке на ордере о моем аресте – в хрущевские времена ректор должен был расписаться, что он ознакомлен с таким документом).

Несмотря на “красный” диплом, несмотря на то, что с нашего курса в аспирантуру попало процентов 15 его состава, я оказался в их числе не без изрядных затруднений. Прежде всего, я не был комсомольцем. Кроме того, как потом я узнал, у партбюро были серьезные возражения против моего зачисления в аспирантуру; как показало будущее – возражения вполне основательные. Но тут изрядные усилия приложил Михаил Николаевич, о чем я узнал гораздо позднее. Его поручительство и настойчивое ходатайство в конце концов возымели силу, и меня допустили до приемных экзаменов в аспирантуру. Получается, что, ввязавшись вскоре в серьезное политическое дело, я изрядно подвел своего учителя, о чем тогда как-то и не задумывался.

В конце июня все студенты нашего курса получили новенькие дипломы, остался позади и курсовой выпускной вечер в столовой консерватории, и торжественная речь Петра Андреевича Зайончковского в начале этого застолья. Каждая группа устраивала и свои праздничные пирушки, наша группа день прощалась на пляжах Серебряного бора.

Но курсовой народ не терял друг друга из вида, а позднее стали торжественно отмечать уже в новом здании истфака каждое пятилетие этого выпуска. К сожалению, я не мог из Сибири приезжать на эти торжества, но регулярно получал обзорные доклады Натана Эйдельмана обо всем, происшедшем с однокурсниками за пятилетие.

IV. ХРОНИКА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 2005 ГОДУ

7 февраля на заседании АК Почетный председатель АК и Председатель Союза краеведов России *С.О. Шмидт* выступил с отчетным сообщением о двухдневной (31 января – 1 февраля) конференции в Воронеже и Москве “Любовь к малой Родине – основа патриотизма”, проведенной под патронажем Научного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Союза краеведов России, Центра исторического краеведения и москвоведения и кафедры региональной истории и краеведения РГГУ. По материалам конференции опубликован сборник статей¹.

19–20 мая на состоявшейся в РГБ международной научной конференции “Язык, текстология и история славянских памятников письменности”, посвященной 85-летию со дня рождения выдающегося филолога-слависта Л.П. Жуковской² выступили *С.О. Шмидт* с докладом “Л.П. Жуковская и Археографическая комиссия” и *Ю.В. Андрушайтите* (совм. с Е.А. Пережогойной) с докладом о коллекции водяных знаков С.Ф. Вындомского³.

31 мая состоялись традиционные ежегодные “Тихомировские чтения”, проведенные совместно с ИАИ РГГУ и посвященные 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Заслушаны и обсуждены шесть докладов и сообщений⁴.

13 июня состоялось заседание АК с докладом *А.Л. Лифшица* “К истории русско-германских культурных связей: Перевод-

ной роман Азиатская Баниза”. Роман, написанный в 1689 г. и оставшийся популярным в Германии на протяжении почти всего XVIII в., был переведен на русский язык в 1740-х годах почти одновременно с переводами произведения на голландский (1731) и шведский (1741) языки и задолго до появления французской версии (1771), и стал одним из первых художественных произведений, переведенных с немецкого языка на русский. Единственный полный список романа сохранился в составе знаменитой библиотеки князя Н.Б. Юсупова в Архангельском и представляет собой уникальный источник для историков русского языка и культуры. Влияние романа на литературные процессы в России XVIII в. еще предстоит исследовать⁵. Доклад *А.Л. Лифшица* вызвал живой интерес и многочисленные отклики присутствовавших.

21 июня на заседании АК *С.О. Шмидт* и *А.В. Мельников* доложили о работе состоявшейся в Санкт-Петербурге 14–16 июня 2005 г. при участии АК международной научной конференции “История в рукописях – рукописи в истории”, приуроченной к 200-летию ОР РНБ. На конференции рассматривался широкий спектр проблем археографии, кодикологии и источниковедения западно-европейской и отечественной книжности периода Средневековья и Нового времени, сохранения и научного использования рукописных фондов РНБ⁶.

18 октября на заседании АК *Б.Н. Морозов* рассказал об участии в VI Международ-

¹ Краеведение в России: История. Современное состояние. Перспективы развития: Материалы II Всероссийского семинара краеведов “Любовь к малой Родине – основа патриотизма” (Воронеж, 31 января – Москва, 1 февраля 2005 г.). М., 2006.

² См. наст. изд. С. 559–563.

³ См. наст. изд. С. 559, 561.

⁴ См. наст. изд. С. 3–55; ОА. 2005. № 5. С. 124–125; 50 лет Археографической комиссии РАН // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 274–276.

⁵ См. подробнее: *Лифшиц А.Л.* Азиатская Баниза: российская судьба немецкого романа // Век Просвещения. М., 2006. Вып. 1: Пространство европейской культуры в эпоху Екатерины II. С. 368–378.

⁶ См.: История в рукописях и рукописи в истории. СПб., 2006.

ном генеалогическом коллоквиуме Международной генеалогической Академии, проходившем в Париже с 10 по 14 октября. Коллоквиум имел заголовок: “Генеалогия Нового Света”, что определялось значительной ролью французов в освоении Америки – целый ряд докладов был сделан представителями франкоговорящей провинции Канады – Квебека. Несколько докладов российских ученых было посвящено потомкам русской аристократии в США. Б.Н. Морозов совместно с Р. Мартином (США) выступил с докладом “Muscovite Boyar Families in the 17th Century Duma and Their Descendants in America Today” – “Московские боярские фамилии в Думе в XVII в. и их потомки в Америке сегодня”⁷. В ходе поездки Б.Н. Морозову удалось провести “полевую” археографическую работу – приобрести у уличных парижских букинистов лист с иллюминированной иллюстрацией, изъятый из книги известного итальянского ботаника Пьетро Андреа Маттиоли (1501–1577) – “Комментарии на сочинения Диоскорида”, изданной в Венеции в

1565 г. Уже в Москве было точно установлено, что гравюры именно данного сочинения послужили протографами для иллюстраций роскошной рукописи Травника 1616 г., хранящегося в РГАДА (Ф. 188. Оп. 1. № 649) – важного источника по истории книжных собраний русских царей XVI – начала XVII в.⁸

Почетный председатель АК С.О. Шмидт, сотрудники АК выступали с докладами и сообщениями на международных, всероссийских, региональных, московских научных форумах, презентациях книг, вернисажах выставок и вечерах.

АК приняла участие в научных мероприятиях, связанных с 300-летием со дня рождения выдающегося российского ученого и просветителя Г.-Ф. Миллера; на состоявшейся в Москве 14–15 ноября научной конференции с докладами и сообщениями выступили председатель АК чл.-корр. РАН С.М. Каштанов, почетный председатель академик РАО С.О. Шмидт и с.н.с., к.и.н. М.П. Мироненко⁹.

В. Ч.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 2005 ГОДУ

Археографический ежегодник за 2004 год / Отв. ред. С.О. Шмидт. РАН; Отделение историко-филологических наук; АК; Федеральное архивное агентство. М.: Наука. 651 с.; ил.

Богословский М.М. Петр Великий: Материалы для биографии: В 6 т. М.: Наука. Т. 1: Детство. Юность. Азовские походы. 30 мая 1672 – 9 марта 1697 / Отв. ред. С.О. Шмидт; подгот. текста А.В. Мельникова. 535 с.; ил. (АК; АРАН).

В.О. Ключевский и проблемы россий-

ской провинциальной культуры и историографии: Материалы научной конференции. Пенза. 25–26 июня 2001 года: В 2 кн. / Отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука. Кн. I. 467 с.; Кн. II. 279 с.

Морозов В.В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века / Отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Индрик. 285 с.; ил.

Шмидт С.О. “Феномен Фоменко” в контексте изучения современного общественного исторического сознания. М.: Наука. 73 с.

⁷ Текст доклада на русском языке под заголовком: “Роды, входившие в состав Московской Боярской думы в XVII в., и их потомки в современной Америке” опубликован в “Интернет-журнале о культуре русской эмиграции” – “Согласие – Москва” <http://www.soglasie.ru/library/works/120/>

⁸ См.: *Морозов Б.Н.* Новое о Травнике 1616 г. (парижская находка) // Вспомогательные исторические дисциплины: Классическое наследие и новые направления: Материалы XVIII науч. конф., Москва, 26–28 января 2006 г. М., 2006. С. 314–316.

⁹ См. наст. изд. С. 555–556.

ЮБИЛЕЙ СИБИРСКИХ АРХЕОГРАФОВ

2–5 декабря 2005 г. в Новосибирске прошла международная научная конференция “Древнерусское духовное наследие в Сибири. Научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России”, посвященная 40-летию начала археографической работы в Сибири. Организаторами этой представительной конференции являлись Новосибирский государственный университет, ГПНТБ и Институт истории СО РАН. В работе конференции приняли участие как известные ученые из ведущих научных центров и университетов Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Томска и других городов России, где ведутся подобные исследования и работают специалисты, многие из которых прошли школу сибирской археографии, так и молодые ученые, аспиранты и студенты.

Среди выступивших с пленарными докладами на конференции – академик Н.Н. Покровский – заведующий Отделом археографии Института истории СО РАН, чл.-кор. РАН Е.К. Ромодановская – директор Института филологии СО РАН, Е.И. Дергачева-Скоп – зав. кафедрой древних литератур и литературного источниковедения НГУ, В.Н. Алексеев – зав. отделом редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН, проф. В.П. Гребенюк – заместитель председателя совета РГНФ, магистр богословия о. Борис Пивоваров – настоятель прихода Всех Святых в Земле Российской просиявших в Академгородке, проф. Н.В. Поньрко – зав. отделом древнерусской литературы Пушкинского дома РАН и др.

После пленарного заседания работа продолжилась в шести секциях: “Старообрядческая книжность. Сибирь. Традиции и современность”; “Древнерусские литера-

турные памятники. Сибирские аспекты их бытования”; “Археография книжных памятников. Проблемы полевой и камеральной археографии”; “Древнерусское певческое искусство в общерусском и сибирском бытовании”; “Источниковедение и текстология литературы нового времени. Книга и литература”; “Фольклор и литература”.

Археографическую комиссию РАН на конференции представлял Б.Н. Морозов, который на пленарном заседании зачитал приветствие новосибирским коллегам от почетного председателя комиссии академика РАО С.О. Шмидта, а также кратко изложил запланированный доклад ученого секретаря комиссии В.А. Черных о ее деятельности, подробнее остановившись на проблемах создания сводных каталогов славяно-русских рукописных книг. На секционном докладе “Новые находки московских археографов” Б.Н. Морозов рассказал об обнаружении ряда неизвестных памятников древнерусской письменности при создании “Каталога славяно-русских рукописных книг XVI в., хранящихся в РГАДА”, а также о своей последней находке – выявлении во время поездки в Париж западного протографа иллюстраций царского Травника 1616 г.

Во время работы конференции были открыты две выставки: “Древние книги Сибири. Раритеты из экспедиций 1965–2004 годов” и “Книжные находки 40-го экспедиционного сезона. 2005 год”. К открытию второй выставки был издан иллюстрированный каталог – предварительное описание всех 84 найденных новосибирскими археографами в 2005 г. рукописей и старопечатных книг.

Б.М.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “АКАДЕМИК Г.-Ф. МИЛЛЕР – УЧЕНЫЙ-ЭНЦИКЛОПЕДИСТ (К 300-летию со дня рождения)”

В 2005 г. исполнилось 300 лет со дня рождения выдающегося ученого, просветителя, путешественника, первого российского историографа, академика Санкт-Петербургской академии наук Герарда Фридриха Миллера (1705–1783)¹. Эта дата была отмечена научными конференциями, книжными, архивными и музейными выставками, мемориальными экспедициями и т.п., причем география мероприятий весьма широка – Березово, Галле (ФРГ), Москва, Новосибирск, Омск, Санкт-Петербург, Якутск. В юбилейных мероприятиях принимали участие зарубежные и отечественные специалисты, представляющие академические научные учреждения (АК РАН, БАН, ИИЕТ РАН, ИРИ РАН, ИИ СО РАН, ИРЛИ РАН), вузы (МГУ, РГГУ, УрГУ, Якутский институт гуманитарных исследований), архивы (АРАН, РГАДА, СПб ФА РАН, АВПРИ ИДД МИД РФ), музеи (ГИМ, ГМИИ им. А.С. Пушкина, ГТГ, Санкт-Петербургский музей Г.Р. Державина и русской словесности егр времени, Якутский государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера) и др.

Итоговым событием в чреде юбилейных мероприятий стала научная конференция “Академик Г.-Ф. Миллер – ученый-энциклопедист (к 300-летию со дня рождения)”. Она проходила 14–15 ноября 2005 г. под эгидой Отделения историко-филологических наук РАН, Федерального архивного агентства РФ и РГАДА.

На открытии конференции, проходившем в Главном здании РАН, выступили руководитель Федерального архивного агентства РФ чл.-кор. РАН *В.П. Козлов* (председатель оргкомитета) и директор Германского исторического института в

Москве профессор *Б. Бонвеч*. Во второй день работа конференции переместилась в конференц-зал Федеральных архивов.

Всего на конференции прозвучало свыше двадцати докладов и сообщений². В первый день были заслушаны доклады почетного председателя АК РАН академика РАО *С.О. Шмидта* “Г.-Ф. Миллер в культуре России XVIII столетия”, *С.С. Илизарова* (ИИЕТ РАН) “Академик Г.-Ф. Миллер – историк науки”, *А.Х. Элрта* (ИИ СО РАН) “Г.-Ф. Миллер и научное открытие Сибири”, *А.А. Чернобаева* (ИА) “Оценки деятельности Г.-Ф. Миллера в новейшей историографии”, *Н.И. Цымбаева* (МГУ) “Академик Г.-Ф. Миллер и университетская историческая наука”, а также сообщения – *А.Н. Шишигиной* (Ин-т гуманитарных исследований АН республики Саха) “Г.-Ф. Миллер и становление научного изучения Якутии”, *В.Ю. Афиани* (АРАН) “Г.-Ф. Миллер и Н.М. Карамзин”, *С.И. Вайнштейна* и *Е.П. Батяновой* (ИЭА РАН) «О первом трехтомном издании труда Г.-Ф. Миллера “История Сибири”»; *А.Ю. Самарина* (Научный центр исследований истории книжной культуры при НПО “Наука” РАН) “Исторические труды Г.-Ф. Миллера и русский читатель XVIII в.”, *В.А. Паутовой* (ИИ СО РАН) “Материалы Г.-Ф. Миллера и И.Г. Гмелина по народной медицине аборигенов Сибири”, *М.П. Мироненко* (АК РАН) «Архив Г.-Ф. Миллера в “Каталоге личных архивных фондов отечественных историков”», *И.В. Тункиной* (СПб ФА РАН) “Г.-Ф. Миллер и сокровища Литого кургана (1763)”, *Е.В. Злобина* (АРАН) “Интернет-ресурсы о Г.-Ф. Миллере”.

Во второй день работы конференции прозвучали доклады председателя АК РАН

¹ Юбилейный год инициировал серию публикаций, посвященных Г.-Ф. Миллеру. Из числа наиболее значимых можно назвать следующие: *Миллер Г.-Ф.* История Сибири. М., 2005. Т. III; *Hoffmann P.* Gerhard Friedrich Müller (1705–1783). Historiker, Geograph, Archivar im Dienste Russlands. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien, 2005; *Илизаров С.С.* Герард Фридрих Миллер (1705–1783). М., 2005 (Серия “Российские историки науки и техники”; Вып. 1) (Предварительный журнальный вариант см.: Вопросы истории естествознания и техники. 2005. № 3/4); От Рейна до Камчатки: Каталог выставки к 300-летию со дня рождения академика Г.-Ф. Миллера. М., 2005. В ближайшее время в Москве выходит объемный сборник избранных трудов Г.-Ф. Миллера, содержащий около тридцати произведений ученого, в том числе никогда ранее не издававшихся на русском языке (составитель С.С. Илизаров), а в Санкт-Петербурге завершено формирование юбилейного сборника статей и материалов.

² В АЕ за 2006 год будут опубликованы статьи С.С. Илизарова, С.М. Каштанова, С.О. Шмидта, в основе которых их доклады на конференции.

чл.-кор. РАН *С.М. Капитанова* “Г.-Ф. Миллер и становление научной дипломатики в России”, *А.Б. Каменского* (РГГУ) “Герард Фридрих Миллер – историк России”, *А.В. Семеновой* (ИРИ РАН) “Г.-Ф. Миллер и русская историческая наука XIX в.” и сообщения – *Е.Е. Рычаловского* (РГАДА) “Итоги Второй Камчатской экспедиции и политические интересы: столкновение государства и мира ученых в России XVIII в.”, *С.Л. Туриловой* (ИДД МИД РФ) “Документы АВПРИ МИД России о деятельности Миллера в Государственной коллегии иностранных дел”, *И.П. Кулаковой* (МГУ) “В.Е. Адогуров – корреспондент Г.-Ф. Миллера (к вопросу о типологии российских интеллектуалов XVIII в.)”, а также несколько выступлений историко-искусствоведческого характера, не имевших прямого отношения к юбилею Г.-Ф. Миллера.

По завершении работы конференции 15 декабря в Выставочном зале Федеральных архивов состоялось торжественное открытие выставки “От Рейна до Камчатки (к 300-летию со дня рождения Г.-Ф. Миллера)”. На церемонии открытия выступили руководитель Федерального архивного агентства РФ *В.П. Козлов*, Чрезвычайный и Полномочный посол Федеративной Республики Германии в Москве Вальтер Юрген Шмид, директор РГАДА *М.Р. Рыженков* и директор СПб ФА РАН *И.В. Тункина*.

В заключение следует отметить, что на юбилейных конференциях в Санкт-Петербурге и Москве *С.С. Илизаровым* были внесены два предложения, получившие одобрение и поддержку участников. Первое предложение касается необходимости добиться установки мемориальной доски в Москве на доме № 11/6, стоящем на пересечении Яузской улицы и Тетеринского переулка, где, как недавно установил *С.С. Илизаров*, жил Г.-Ф. Миллер с 1766 г. до конца своих дней. Второе предложение родилось из осмысления историографического опыта изучения наследия Г.-Ф. Миллера и невозможности одному исследователю поднять весь материал. Поэтому поставлен вопрос об образовании Комиссии по изучению творческого наследия Г.-Ф. Миллера под эгидой РАН, с участием Федерального архивного агентства, МИД, РАО, других ведомств, с привлечением к работе отечественных и зарубежных коллег.

Прошедшие юбилейные мероприятия явились беспрецедентными в миллероведении как по географии, так и широте тематики и безусловно окажут стимулирующее воздействие на дальнейшее изучение жизни и творческой деятельности великого ученого и просветителя академика Г.-Ф. Миллера, науки и культуры его времени.

М.В. Мокрова

“ПЕТЕРБУРГСКИЕ УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ЧТЕНИЯ” ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА И.М. ГРЕВСА

Изучение историографии справедливо считается важнейшей составляющей исторического научного исследования. И действительно, правильным будет признать, что наука сильна не только смелыми поисками нового, но так же и сохранением традиций, которые находят выражение, прежде всего в преемственности от учителя к ученику. А это означает необходимость самого бережного отношения к наследию исследователей прошлого. К сожалению, в прошедшем столетии имена многих ученых рубежа XIX–XX вв., если и не были забыты, то, во всяком случае, несправедливо замалчивались. Их творчество было объявлено принадлежащим к периоду “кризиса” в “буржуазной” исторической науке, а потому малоценным. Сейчас ситуация, конечно же, стала меняться, но как оказалось, для того, чтобы осознать истинную значи-

мость трудов историков начала XX в., необходимо тщательное изучение их наследия, ибо историографические исследования в этой области, в силу объективных обстоятельств, долгое время проводились явно не в достаточном объеме.

Ярким примером усилий ученого сообщества в этом направлении стала прошедшая 29 ноября 2005 г. в стенах Музея истории СПбГУ конференция, посвященная И.М. Гревсу (1860–1941), приуроченная к 145-летию со дня рождения ученого. В роли организаторов выступили кафедры исторического регионоведения, истории Древней Греции и Рима, Средних веков исторического факультета СПбГУ. В работе конференции приняли участие представители РГГУ, АК РАН, Международного благотворительного фонда имени Д.С. Лихачева, СПб ФА РАН и др. Такой достаточно широкий круг

организаторов и участников объясняется многообразием научных интересов самого И.М. Гревса. Как подчеркнул во вступительном слове профессор Ю.В. Кривошеев (СПбГУ), особенная уникальность фигуры этого ученого заключается в том, что он сумел проявить себя как специалист высочайшего уровня в рамках исследований по античной истории, по медиевистике, и, наконец, он реализовал свой творческий потенциал и как выдающийся отечественный краевед, а потому его творчество не может не вызывать внимания историков самых разных специализаций.

Открывая пленарное заседание, декан исторического факультета СПбГУ профессор А.Ю. Дворниченко обратил особое внимание на удачность посвящения конференции, которое имеет, по его мнению, знаковый, символический характер. Ведь И.М. Гревс – это представитель того “золотого, алмазного” поколения историков, время деятельности которых долгие годы парадоксальным образом объявлялось периодом кризиса в исторической науке, а потому и творчество их не находило достойного признания. И проведение такой конференции, разумеется, позволяет в чем-то компенсировать прежнюю несправедливость в обращении с наследием исследователей прошлого. А.Ю. Дворниченко подчеркнул, что объединение усилий нескольких кафедр в интересах конференции служит наглядным свидетельством того, что исторический факультет, несмотря на разнообразие специализаций его подразделений, является все же единым организмом, коллективом единомышленников.

Как бы в продолжение выступления А.Ю. Дворниченко, директор Музея истории СПбГУ И.Л. Тихонов, затронул вопрос о научных связях исторического факультета и университетского музея. И трудно не согласиться с высказанным им мнением о том, что связи эти должны крепнуть и развиваться. И.Л. Тихонов справедливо отметил удачность выбора места для проведения конференции. И дело не только в том, что музей хранит память о лучших традициях университета. В его помещении располагалась возрождающаяся ныне университетская церковь, в которой, конечно, не раз бывал и сам И.М. Гревс. Проведение же подобных конференций в стенах музея, по словам И.Л. Тихонова, свидетельствует, что музей живет, и живет полноценной научной жизнью.

Доклады, прочитанные в ходе работы конференции, можно разделить на четыре

группы. Первую составляют сообщения, посвященные собственно личности И.М. Гревса, университету его времени и исторической науке того периода вообще, а темы трех других групп определялись основными сферами научных интересов ученого: античность, медиевистика, отечественное краеведение.

Начало докладом конференции положил академик РАО, председатель Союза краеведов России и почетный председатель АК РАН С.О. Шмидт. Его доклад “Гревс и воспитание историей” посвящался проблемам преемственности в развитии исторической науки. На примере Гревса было показано, какую роль играет в становлении ученого-исследователя, с одной стороны, его учитель, а с другой, как это не кажется парадоксальным на первый взгляд, – его ученики. Докладчик рассказал о преподавателях Гревса, а также и о позднем периоде творчества историка, когда он от души радовался, наблюдая за успехами уже своих собственных учеников, из творчества которых он теперь мог и сам иногда почерпнуть что-то полезное для себя, для своей творческой деятельности. Главный вывод, который можно сделать из выступления С.О. Шмидта – это особая важность преемственности в становлении настоящего ученого, преемственности, которая, к счастью, сохраняется и до сего времени.

Несколько докладчиков подробно остановились на взаимоотношениях И.М. Гревса с другими учеными его времени. Этой тематике, в частности, было посвящено сообщение М.В. Мандрик (СПб ФА РАН) “Д.М. Петрушевский и И.М. Гревс”. А.В. Мельников (АК РАН) дополнил это сообщение информацией об отзыве Д.М. Петрушевского 1936 г. о научной деятельности И.М. Гревса, подготовленном в связи с вопросом о получении последней степени доктора наук. Совершенно обоснованной выглядела и тема доклада С.Г. Сердюковой (СПбГУ) о И.М. Гревсе как исследователе творчества И.С. Тургенева. Еще один доклад, посвященный личности И.М. Гревса (“Иван Михайлович Гревс (1860–1941): портрет университетского профессора”), был прочитан О.Б. Вахромеевой (СПбГУ). Выступление И.Л. Тихонова об историко-филологическом факультете на рубеже XIX–XX вв. сопровождалось соответствующим фотоматериалом из фондов Музея истории СПбГУ. А.А. Мещенина (СПбГУ) подробно рассказала об одном из представителей ученого сообщества того времени, старшем современнике И.М. Гревса, профессоре В.И. Сергеевиче.

Блок докладов, относящихся к проблематике средневековья, был представлен выступлением *Г.Е. Лебедевой* (СПбГУ) и *В.А. Якубского* (СПбГУ) “О.А. Добиаш-Рождественская и марксистская концепция крестовых походов: Из истории отечественной медиэвистики 1930-х годов”, и докладом *А.Ю. Прокотева* (СПбГУ) об освещении исторических вопросов раннего Нового времени в трудах университетских историков начала XX в.

О наследии И.М. Гревса в области истории античности говорили в своих выступлениях *Э.Д. Фролов* (СПбГУ) (“Труд И.М. Гревса по истории римского землевладения”) и *К.В. Вержбицкий* (СПбГУ) (“Тацит в трактовке И.М. Гревса”).

Не была обойдена вниманием и краеведческая тематика, в частности, проблемы организации экскурсионного дела и роли, которую сыграл в этом И.М. Гревс. Так, *А.Г. Смирнова* (РГГУ) рассказала о разработке ученых методики экскурсоведческой работы. В докладе *Ю.В. Кривошеева* (СПбГУ) и *Е.В. Логutowой* (СПбГУ) рассматривалась деятельность естественнонаучного отдела Петроградского экскурсионного института. Это – проблематика и доклада *Е.И. Лелиной* “Институт научной педагогики: экскурсионный отдел”. Исполнительный директор Международного благотворительного фонда имени Д.С. Лихачева *А.В. Кобак* рассказал о петербургских исследованиях 1980-х годов, посвященных изучению наследия ученика И.М. Гревса *Н.П. Анциферова*. *В.Ф. Козлов* (РГГУ) говорил об организации И. М. Гревсом публикаций краеведческой литературы (“И.М. Гревс и краеведческая литература первой трети XX в.”).

В завершении работы конференции, как непосредственное свидетельство со-

храняющейся до сего времени преемственности в исторической науке, были прочитаны краткие сообщения студентов кафедры исторического регионоведения СПбГУ.

Одним из пунктов программы конференции стала презентация первого сборника научных статей, изданных кафедрой исторического регионоведения СПбГУ “Проблемы исторического регионоведения” (СПб., 2005. 446 с.). Участники и гости конференции смогли ознакомиться с книгой, вобравшей в себя труды историков и специалистов других дисциплин, работающих на стыке с исторической наукой. Среди авторов представители Москвы, Ростова-на-Дону, Перми, Воронежа и, конечно, Санкт-Петербурга. По мнению *С.О. Шмидта*, выход в свет столь содержательного и интересного сборника стал еще одним свидетельством возрождения Санкт-Петербурга как одного из центров отечественных краеведческих исследований.

Закрывая работу конференции, *Э.Д. Фролов* справедливо отметил, что опыт совмещения усилий нескольких кафедр СПбГУ по организации мероприятия такого высокого научного уровня, при поддержке историков из других научных учреждений, оказался плодотворным, и необходимо учесть его в будущем при проведении новых конференций. Поддерживая такое пожелание, следует постараться воплотить идею в жизнь, т.е. сделать так, чтобы подобная консолидация усилий кафедр исторического факультета в этом направлении, как и привлечение ученых из других исследовательских организаций стали доброй традицией.

Материалы конференции стали основой подготовленного к печати сборника научных статей и публикаций.

Ю.В. Кривошеев, Р.А. Соколов

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л.П. ЖУКОВСКОЙ*

19–20 мая 2005 г. в Российской государственной библиотеке проходила международная научная конференция “Язык, текстология и история славянских памятников письменности”, посвященная 85-летию со дня рождения выдающегося филолога-слависта Лидии Петровны Жуковской. Орга-

низатором конференции выступил научно-исследовательский отдел рукописей РГБ, где Л.П. Жуковская работала в последние годы своей жизни. Финансовую поддержку оказала Российская государственная библиотека. В состав Оргкомитета вошли сотрудники НИОР РГБ: зав. отделом В.Ф. Молчанов –

* См. обзор. А.М. Камчатнова в сб.: Древняя Русь: Вопросы медиэвистики. М., 2005. № 4. С. 133–137.

председатель; зав. сектором рукописных книг И.В. Левочкин – зам. председателя; гл.н.с. М.С. Крутова – координатор; П.П. Петров, С.П. Петров, В.В. Дорохова, М.О. Кочетова, С.А. Черкасова; а также специалисты других научных учреждений: Г.С. Баранкова, И.В. Дергачева, А.М. Камчатнов, В.М. Кириллин, лично знавшие Л.П. Жуковскую и следующие заложенным ею традициям. В конференции участвовало более 60 специалистов из различных научно-исследовательских учреждений, архивов, библиотек, музеев, вузов России, Украины, Белоруссии. В их числе – 18 докторов и 20 кандидатов наук. Было заслушано и обсуждено 48 докладов. В адрес конференции поступили приветственные телеграммы от Сибирского отделения РАН за подписью академика Н.Н. Покровского и от Санкт-Петербургского университета – д-ра филол. наук, проф. Н.С. Демковой.

Открыла конференцию *Н.И. Хахалева*, директор по библиотечным ресурсам РГБ. Во вступительном слове *В.И. Молчанов* отметил огромный вклад Л.П. Жуковской в мировую науку. Затем был показан документальный видеofilm “*Лидия Петровна Жуковская – выдающийся филолог-славист XX в.*”, созданный творческими силами сотрудников НИОР: С.П. Петровым, И.В. Левочкиным, М.С. Крутовой, С.А. Черкасовой.

Пленарное заседание открыл почетный председатель Археографической комиссии, академик РАО *С.О. Шмидт*. Он рассказал об огромном вкладе Л.П. Жуковской в дело подготовки “Сводного каталога славяно-русских рукописей, хранящихся в СССР” (Далее: СК XI–XIII вв.) и отметил, что она была основной движущей силой при разработке инструкций по описанию рукописей, по редактированию описаний, поступавших из разных книгохранилищ, по работе с авторами. Именно поэтому она стала ответственным редактором этого авторитетнейшего издания. Докладчик подчеркнул высокие человеческие и профессиональные качества Л.П. Жуковской. Зам. председателя Императорского Православного Палестинского общества *Н.Н. Лисовой* выступил с докладом “*Лидия Петровна Жуковская и ее значение в российской науке и культуре*” и рассказал об активном участии выдающегося ученого в работе этого общества. Доклады учеников Л.П. Жуковской: Г.С. Баранковой, А.М. Камчатнова, Л.Г. Панина, М.С. Крутовой, защитивших под ее руководством

кандидатские и докторские диссертации, – яркое свидетельство того, что научные идеи Л.П. Жуковской продолжают развиваться в их трудах, а созданная ею лингвотекстологическая школа дала весомые результаты в исследовании рукописных памятников. Все они с глубочайшим почтением и любовью вспоминали своего Учителя, отмечали педагогический талант этого выдающегося ученого XX в.

В докладе “*Лингвотекстологический анализ памятников, сохранившихся в поздних списках: методика определения авторского текста*” *Г.С. Баранкова* (ИРЯ РАН) обратилась к исследованию творений митрополита Никифора. На основании изучения трех его произведений она пришла к выводу о сохранении лексического состава памятников без существенных изменений на протяжении веков. Она предположила, что отсутствие лексических разночтений в списках памятников свидетельствует не столько о бережном отношении переписчиков к этим произведениям, сколько о соответствии той норме, которая была выработана для памятников подобного жанра, а также о высоком уровне переводческой деятельности при митрополичьей кафедре. Проф. *А.М. Камчатнов* (МПГУ) выступил с докладом “*О понятии сакрального языка (по поводу концепции Б.А. Успенского)*”, в котором представил свое видение известной научной дискуссии между ним и Л.П. Жуковской по поводу диглоссии. Подробное рассмотрение указанного лингвистического явления дало докладчику основание говорить о формировании собственно церковнославянского языка, занимавшего более высокое положение в лингвистической иерархии. Аргументированно прозвучало и заявление о том, что он стоит на позициях своего Учителя, что наследие Л.П. Жуковской еще долго будет оплодотворять научную мысль.

М.С. Крутова обратилась к проблеме “*Типология названий русских рукописных книг XI–XVII вв.*” С проблемой идентификации рукописей по их названиям сталкиваются все археографы и сотрудники книгохранилищ. Она подчеркнула важность при ее изучении именно лингвотекстологического метода, предложенного и разработанного Л.П. Жуковской, и проанализировала типологические классификационные ряды именовании. *Л.Г. Панин* (Новосибирск) рассмотрел вопросы изучения и издания текста Дружского Евангелия. Доклад был ярким свидетельством продолжения традиций Л.П. Жуковской в изучении еван-

гельских текстов. При датировке этого памятника исследователь уделил особое внимание лингвистическому анализу писцовых записей. Он считает ошибочной датировку Друцкого Евангелия в СК XI–XIII вв. По его мнению, именно первая запись мотивирует то, что в научный обиход данный список, выполненный в Новгороде, вошел под названием Друцкого Евангелия. Им был сделан вывод о месте Друцкого Евангелия среди других гдисксов, высказан ряд соображений о справочных материалах в его издании.

Далее работа конференции была разделена на две секции: филологическую “Язык и текстология памятников славяно-русской письменности” и историческую “Вопросы палеографии и истории славяно-русских рукописных книг”.

На филологической секции под председательством проф. А.М. Камчатнова и проф. В.М. Кириллина (ИРЛИ) были представлены лингвистические и литературоведческие доклады. Выступление *И.В. Будько* (Институт языкознания им. Якуба Коласа НАН Беларуси) было посвящено изучению локального типа языка Друцкого Евангелия. Она высказалась за белорусское происхождение Друцкого Евангелия. Это вызвало интересную научную дискуссию. Еще одна представительница указанного института *Н.С. Шакун* в докладе “Кирилло-мефодиевская традиция в рукописных книгах исторической Туровщины” осветила проблемы специфики бытования и степени сохранения этой традиции древнеславянского литературного языка на Туровщине. Анализ языка рукописных памятников показал последовательное сохранение в них кирилло-мефодиевской традиции и незначительный процент локальных языковых черт, причем чаще всего – на лексическом уровне. Одной из причин такой “законсервированности” докладчица считает изолированное положение данного региона.

В докладах представителей ИРЯ РАН, где долгое время работала Л.П. Жуковская, был затронут ряд близких ей проблем, с особой теплотой вспомнили личные качества этого выдающегося ученого. Так, *Е.М. Верещагин*, обратившись к архаичной гимнографической записи о хождении апостола Андрея к “скифомь и сугдомь”, отметил особый интерес Л.П. Жуковской к рукописным источникам о пребывании этого апостола на Русской земле. *М.И. Чернышева* в докладе “Новые издания рукописных памятников в русской исторической лексикографии” изложила требования к изданию рукописного

памятника и отметила, что лексикографическая обработка новых изданных рукописных памятников, к сожалению, значительно отстает от темпов издательской деятельности. Убедительно прозвучал доклад *В.Б. Крысько* об открытых им источниках древнейшей службы Кирилла-философа.

К критическому рассмотрению текстов списков Моравского Номоканона (IX в.) в рукописных собраниях РГБ обратился *К.А. Максимович*. Именно этот перевод дошел до нашего времени в составе двух русских кормчих, которые хранятся в НИОР РГБ: Устюжской кормчей XIII–XIV вв. и Иоасафовой кормчей XVI в. О типологии цикла ранних чудес Николая Мирликийского в русской письменности доложила *И.И. Макеева*, которая обратила особое внимание на взаимоотношение списков раннего цикла чудес. *Е.Н. Новоселова* рассказала о значении Архива Оружейной палаты для русской лексикологии и лексикографии. *О. П. Шевчук* в докладе “Все тот же Тимофей пономарь” обратилась к древнейшим спискам Пролога – Лобковскому и Софийскому, переписанным, по ее мнению, одним человеком, пономарем Тимофеем, упомянутым в Синодальном списке Новгородской первой летописи, в записи 1230 г. *А.В. Григорьев* (МПГУ) на примере анализа фразеологизмов из Книги Исход рассказал о влиянии служебных и толковых славянских библейских текстов на формирование русской фразеологической системы. Профессор МПГУ *И.Г. Добродомов* обратился к рассмотрению истории слова “кметь” в церковнославянском языке. *Т.А. Исаченко* (отдел книговедения РГБ) доложила об изданной ею малоизвестной редакции Нового Завета иноков Чудова монастыря конца XVII в. в связи с текстологией Евангелия. *Е.В. Дорохова* (НИОР РГБ) проанализировала лингвотекстологические особенности жития св. блгв. кн. Андрея Переславского. *Н.А. Свердлова* (МПГУ) обратилась к структурно-семантическим составным наименованиям новопрославленных святых.

Отдельный блок в филологической секции составили доклады музыковедов, которые в своих изысканиях опирались на предварительный текстологический анализ рукописных источников. *А.В. Александрина* (НИОР РГБ) на материале XVII в. доложила об особенностях гласовой организации в песнопениях первых трех дней Страстной седмицы; *А.М. Горская* (Смоленская духовная семинария) – об устных напевах XVII в.: принципах музыкальной организа-

ции и их значимости для дальнейшего развития русского церковного пения. С.А. Черкасова (НИОР РГБ) рассказала о русских службах Рождеству святителя Николая на примере текстов праздника и службы Рождеству св. Николая (29 июля/11 августа). Все выступления были проиллюстрированы музыкальными примерами, вызвавшими живой интерес у присутствующих.

Выступление В.И. Легких (ИРЛИ) было посвящено характеристике некоторых особенностей формирования службы св. Николаю Мирликийскому на 9 мая. Доклад проф. И.В. Дергачевой (ПСТГУ) – житию святого Василия Нового и его роли в формировании эсхатологической концепции русского средневековья. Она показала, как в образной системе “Жития Василия Нового” отразились многочисленные религиозно-философские и литературные источники. По ее мнению, этот памятник задал иконографическую программу последующих композиций “Страшного суда”, отточил его живописные детали и сцены, обозначил смысловые акценты.

Проф. В.М. Кириллин в докладе «Час победы на поле Куликовом: К вопросу о таинственной поэтике “Сказания о Мамаевом побоище”» рассмотрел особенности варианта данного произведения. Он пришел к выводу: и нумерологическая зеркальность его сюжетно-композиционной организации, и последовательная повторяемость нумерологических повествовательных деталей свидетельствуют о том, что автор с их помощью стремился выразить какую-то свою определенную идею, связанную с символично-ассоциативной семантикой числа 8. Докладчик заметил, что книжник проявил свое пристрастие и к числу 4, которое, видимо, воспринимал как сокращенный вариант восьмерицы. Т.Б. Карбасова (ИРЛИ) рассказала о Житии прп. Александра Свирского как литературном образце для Жития прп. Кирилла Новоезерского. По ее наблюдениям, несмотря на многочисленные заимствования, содержание этого жития было вполне самостоятельным и само послужило образцом для “прописывания” некоторых типичных ситуаций и последовательности определенных событий. М.В. Мигунова (ПСТГУ) проанализировала художественные особенности проповедей митрополита Филарета (Дроздова). М.О. Кочетова (НИОР РГБ) представила обнаруженный ею в собрании рукописей Государственного музея-заповедника “Ростовский кремль” рукописный памятник XIX в. “Стихотворные Четии Минеи иеромонаха

Виктора Минервина”, включающие более 600 житий.

Заседания исторической секции проходили под председательством д-ра ист. наук И.В. Левочкина и д-ра ист. наук В.А. Кучкина (ИРИ РАН). И.В. Левочкин доложил о “Славяно-русской палеографии в трудах Л.П. Жуковской”. Анализируя ее работы, докладчик пришел к выводу: Лидию Петровну с полным основанием можно считать крупнейшим знатоком национального письменного наследия древнейшего периода. Вклад Л.П. Жуковской в разработку проблем славяно-русской палеографии значителен и плодотворен, а ее идеи и конкретные решения актуальных вопросов еще многие годы будут основой новых исследований в этой области. Среди русских палеографов XX в. Л.П. Жуковская занимает выдающееся место как талантливый и вдумчивый ученый широкого кругозора и ясной плодотворной мысли. В.А. Кучкин рассказал о договоре между московскими князьями Василием и Юрием Дмитриевичами, заключенном перед отправкой на Торжок Юрия Дмитриевича. По его мнению, договор был заключен, скорее всего, между 30 декабря 1392 г. и 23 февраля 1393 г. Ю.В. Андрияшйтите (АК РАН) представила результаты совместной с Е.А. Пережиной (ОР РНБ) работы по изучению коллекции водяных знаков С. Ф. Вындомского. Вначале она обратила особое внимание на вклад Л.П. Жуковской в развитие отечественного филиграноведения. Данью уважения к этим занятиям Л.П. Жуковской и явились изложенные докладчицей сведения о неизвестной ранее коллекции водяных знаков первой половины XIX в.

В.В. Викторов обратился к Житию преподобного Ефрема Новоторжского в фондах НИОР РГБ – памятнику, изученному недостаточно. Г.С. Гадалова (ТГУ) на материале статьи об обретении мощей Макария Калязинского редакции 20-х годов XVI в. рассказала о мастерстве древнерусских авторов. Текстологический анализ 60 списков показал, что в их основе лежит один текст. Возможным автором статьи докладчица считает одного из “списателей” круга митрополита Даниила. А.В. Кузьмин (НИОР РГБ) рассказал о вкладе синодика боярским сыном П.С. Бабиным в Никольскую Сретенскую церковь. Особое внимание докладчик уделил истории этого боярского рода и высказал предположение, что наиболее вероятным отцом П.С. Бабина мог быть только С.А. Бабин – представитель коломенской и медынской ветви рода Бабиных.

Г.М. Малинина (Научная музыкальная библиотека им. С.И. Танеева при Московской консерватории) обратилась к вопросу о каталогизации древнерусских церковных рукописей, находящихся, в частности, в собрании Национальной библиотеки Варшавы. Эта библиотека обладает крупнейшим в Польше собранием кириллических рукописей. Существующее описание церковно-певческих кириллических рукописей, хранящихся в ней, позволяет существенно дополнить информацию о древнерусских памятниках письменности, имеющих за пределами России.

Р.А. Симонов (Московский государственный университет печати), подчеркнул, что Л. П. Жуковской принадлежит важное исследование о письменных системах у славян, но до сих пор оно остается недостаточным оцененным в науке. Идеи Л.П. Жуковской получили ныне источниковое подтверждение, благодаря открытию в Новгороде счетной бирки второй половины X в. с эмблемой Ярополка Святославича и знаком типа “бантика”, являющимся соединением двух греческих “дель” (4+4), выражающим 8 десятков. Изучение этих источников показало, что использование греческих букв в числовом значении могло быть связано с традицией парного счета у славян, зафиксированного Константином Багрянородным не позже середины IX в., т.е. до создания славянской письменности Константином-Кириллом и Мефодием.

Два доклада сотрудников НИОР РГБ были посвящены Хронике Георгия Амартола в видении историка и филолога: Т.В. Анисимовой – “Фрагменты Хроники Георгия Амартола в Сборнике учительном конца XIV в. из собрания Чудова монастыря” и Л.И. Шеголеvoi «“Книги временныя и образныя Георгия мниха”: к интерпретации заглавия». Е.Л. Конявская (журнал “Древняя Русь: Вопросы медиевистики”) доложила о древнейших редакциях Киево-Печерского патерика: Основной и Арсеньевской. О.Л. Соломина рассказала об “Источниках по истории Отделения христианских древностей Румянцевского музея в фондах НИОР РГБ”. А.Е. Родионова обратилась к актуальному вопросу создания электронного каталога изобразительных материалов в фондах НИОР РГБ.

На исторической секции прозвучало несколько докладов историко-филологического характера – такой подход к исследованию источников был также свойственен для Л.П. Жуковской. Проф. В.Н. Захаров (РГНФ) интересно рассказал о проблемах

аутентичного текста Ф.М. Достоевского. С ним тематически перекликался доклад Е.А. Струковой (ПСТГУ) о христианских мотивах в романе Ф.М. Достоевского “Братья Карамазовы”. Еще три доклада сделали сотрудники НИОР РГБ. Е.А. Ефремов рассмотрел вопрос о месте Н.Я. Данилевского в русской литературе; С.М. Сергеев проанализировал письма П.П. Перцова-Брюсова как исторический источник; А.В. Ломоносов обратился к вопросу о духовной цензуре книги В.В. Розанова “Около церковных стен”.

На конференции были также представлены стендовые доклады, в основном иногородних участников. Особо отметим доклад проф. Одесского национального университета им. И.И. Мечникова Д.С. Ищенко о “Лексических особенностях трех редакций славянского перевода поучений Феодора Студита”. Д.С. Ищенко – один из первых учеников Л.П. Жуковской, продолжая заложенные ею традиции лингвотекстологического анализа, обратился к не публиковавшимся и не подвергавшимся специальному лингвистическому исследованию рукописям разных редакций: сербской и двум старорусским. Представитель того же университета Н.И. Зубов сделал анализ генетической связи текстов о 39-м Слове Григория Назианзина в славянском переводе по рукописи XI в. и Слове св. Григория изобретено в толцехъ. В докладе “Нил Сорский о разуме и о слове” проф. из СПбГУ В.В. Колесова, одного из наиболее близких Л.П. Жуковской по духу исследователей, было рассмотрено системное отношение глаголов речи, характерное для авторского стиля Нила. Так, глагол *рещи* отражает, по мнению докладчика, идеальную, *глаголати* – реальную сторону речевого общения, соответственно и имена выступают как согласованные со значением глагола актуальные средства выражения процесса речи. *Речь* и *глаголь* так же, как *рещи* и *глаголати*.

Были представлены стендовые доклады из Кемеровского государственного университета, с которым в свое время тесно сотрудничала Л.П. Жуковская: «Специфика метафоры “болезнь души” в древнерусских текстах» О.Н. Кондратьевой и совместный доклад В.П. Васильева и Е.В. Васильевой “Проект регионального сибирского словаря”. А также доклады молодых исследователей А.Т. Криворученко (НИОР РГБ) – “Письменные источники XVI–XVII вв. по изучению русского книжного законодательства”; из ПСТГУ – Н.Н. Воронцовой “О некоторых принципах словес-

ного портретирования русских святых (на примере Иконописных подлинников XV–XVII вв.)” и *А.В. Вальковой* – “Л.П. Жуковская как исследователь Изборника Святослава 1073 г.”.

В последний день конференции руководители секций подвели итог выступлениям и отметили высокий научный уровень докладов, а также их связь с идеями Л.П. Жуковской, методами и принципами ее исследования. Продолжением явился круглый стол – “*Личность и научное наследие Лидии Петровны Жуковской*”, заседание которого проходило под председательством зав. НИОР РГБ *В.Ф. Молчанова*. Теплыми воспоминаниями о ней поделились ее ученики и сотрудники РГБ, лично знавшие

Жуковскую как коллегу и ученого, а также замечательного человека. Был поднят вопрос и о чрезвычайно содержательном архиве Л.П. Жуковской (в РГБ). Очень проникновенно прозвучали слова д-ра филол. наук *Т.С. Коготковой* о Л.П. Жуковской как о диалектологе и своем большом друге. Все выступавшие отмечали высокие моральные и нравственные качества Л.П. Жуковской, высочайший уровень ее научных исследований. Они выразили единодушное желание регулярно участвовать в чтениях памяти Л.П. Жуковской и заявили о готовности представить свои доклады в виде статей для сборника по итогам конференции.

М.С. Крутова

75-ЛЕТИЕ АКАДЕМИКА Н.Н. ПОКРОВСКОГО

20 июня 2005 г. исполнилось 75 лет выдающемуся отечественному историку академику Н.Н. Покровскому. Его работы, посвященные широкому кругу проблем истории России XVI–XX вв., известны ученым как в нашей стране, так и за рубежом.

С 1965 г. жизнь и научная деятельность ученого связаны с Сибирью. Николай Николаевич, как и его любимые герои, русские старoverы, попал сюда в силу тяжелых политических и жизненных обстоятельств. Но, как и они, сумел внести в культуру Сибири огромный вклад. Более 30 лет он преподает в Новосибирском государственном университете (спецкурсы академика Покровского и в прошедшем году посещали многие студенты исторического и филологического отделений гуманитарного факультета). Н.Н. Покровский создал свою научную школу. Его ученики работают во многих городах страны, в том числе, в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске, Хабаровске и за рубежом. Особенность школы в том, что ее приоритетами всегда был поиск источников, их глубоко комментированное издание и исследование с применением новых методов для решения актуальных научных проблем. При этом подход к источнику там, где это требовалось, был комплексным, сочетал исторические, филологические и этнографические методы исследования при обязательном применении методов вспомогательных исторических дисциплин, выработанных русской медиевистикой. Междисциплинарный исследователь-

ский подход характерен для работ Н.Н. Покровского и созданной им школы.

Поиск новых источников представителями школы осуществлялся и осуществляется не только в архивах, но и в полевых экспедициях. Десятки археографических экспедиций под руководством Н.Н. Покровского обследовали обширные регионы Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии. В результате в отдаленных старообрядческих поселениях были найдены памятники книжной культуры XV–XX вв. Более двух тысяч из них приобретены для собрания старопечатных и рукописных книг СО РАН. Поиск, изучение и публикация найденного в экспедициях и архивах материала привели к открытию неизвестного ранее науке феномена – массовой урало-сибирской крестьянской старообрядческой литературы. Около ста таких сочинений XVIII–XX веков издано. Академик Д.С. Лихачев назвал результаты этой работы “археографическим открытием Сибири”.

Под руководством Н.Н. Покровского осуществляется издание трех серий научных трудов, связанных с его научными интересами. С 1975 г. издается серия “Археография и источниковедение Сибири”; с 1993 г. выходит серия “История Сибири: Первоисточники”; с 1997 г. началась публикация серии “рассекреченных” документов XX в. “Архивы Кремля”. Н.Н. Покровский продолжает работу по изданию очередных томов этих серий. Сейчас Николай Николаевич работает над большим международным проектом

нового (после П.Г. Васенко) научного издания текста этого систематического изложения российской истории – Степенной книги царского родословия по самым ранним спискам. В настоящее время в печать сдан первый том*, подготовлен второй том и в работе – третий.

20–21 июня 2005 г. в ИИ СО РАН прошла конференция “Сибирь: опыт освоения и путь в XXI век”, посвященная юбилею академика Н.Н. Покровского. В ее работе приняли участие около 100 человек. Поздравить юбиляра пришли заместитель председателя СО РАН академик В.И. Молодин, ректор НГУ чл.-кор. РАН Н.С. Диканский, председатель АК РАН чл.-кор. РАН С.М. Каштанов, директора гуманитарных институтов Сибирского отделения – чл.-кор. РАН В.А. Ламин (ИИ СО РАН), чл.-кор. РАН Е.К. Ромодановская (ИФЛ СО РАН), В.В. Целищев (ИФПР СО РАН), директор ГПНТБ Б.С. Елепов, директор АРАН В.Ю. Афиани, представители областной администрации, областного совета, мэрии Новосибирска. Поступили поздравительные телеграммы от губернатора Новосибирской области В.А. Толоконского, президента РАН Ю.С. Осипова, Отделения историко-филологических наук РАН, директоров академических институтов Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, Екатеринбурга, главы Федерального архивного агентства чл.-кор. РАН В.П. Козлова, академиков В.Л. Янина, Б.В. Ананьича, чл.-кор. РАН Н.А. Макарова, почетного председателя АК РАН С.О. Шмидта, гуманитарных факультетов МГУ (alma mater юбиляра), Санкт-Петербургского, Новосибирского, Уральского, Томского и других университетов, директоров издательств, учеников и коллег.

Многообразие научных интересов Н.Н. Покровского предопределило широту научной проблематики докладов, представленных на конференции. Хронологические рамки были чрезвычайно широкими: от XV века до современности. Естественно, тематически материал определялся кругом научных интересов самого Н.Н. Покровского: проблемами изучения общественного сознания населения России, взаимоотношений власти и общества, публикации памятников исторической мысли и литературы.

Научную сессию открыл С.М. Каштанов докладом “Сибирский компонент в ти-

тулатуре российских государей”, в котором было прослежено употребление в царских грамотах XVI–XVII вв. титула “вся сибирские земли и северные страны повелитель” (с 1556 г.) и сменившего его “царь Сибирский” (с 1600 г.), подробно рассмотрено происхождение этих титулов и их место в структуре интитуляции царских грамот. Особое внимание было обращено на сведения о переводе изучаемых титулов на иностранные языки в грамотах государей других стран, адресованных русским монархам.

Большой интерес слушателей вызвал доклад директора АРАН В.Ю. Афиани, сообщившего об опыте работы над проектом “Культура и власть от Сталина до Горбачева”. Основное внимание в докладе было уделено практическому использованию методик публикации партийных документов, впервые разработанных и примененных Н.Н. Покровским. На примере подготовки первой научной публикации доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС “О культе личности и его последствиях” В.Ю. Афиани показал всю сложность решения проблем выявления, отбора материалов, определения редакций и вариантов издаваемого текста, – если делать это по всем археографическим правилам.

В.И. Байдин (УрГУ) в докладе “Скоморохи в северной деревне XV–XVI вв.” поднял вопрос о судьбе скоморошества. Автор полемизирует с общепринятой точкой зрения на “преследования скоморохов” как причину их исчезновения. Он представил убедительные свидетельства их существования в рассматриваемое время и влияния на “низовую” культуру, несмотря на то, что упоминания о занятиях скоморошеством исчезают со страниц переписных книг. На материале прижизненных сочинений Максима Грека Л.И. Журова (ИИ СО РАН) проследила основные тенденции развития средневекового авторского текста, подчеркнув новаторские для Древней Руси особенности творческой манеры ученого афонца.

На конференции обсуждались также актуальные научные проблемы, относящиеся к XVII в. В докладе Е.К. Ромодановской была представлена проблема исторического повествования Древней Руси в связи с переводным памятником литературы, именуемым “Римские деяния”. Вопросы “книжной sprawy” в издании Московского Печатного двора на материале Евангелия от Иоанна были подробно рассмотрены В.А. Ромода-

* Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарий: В 3 т. / Отв. ред. Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф. М., 2007. Т. 1: Житие св. княгини Ольги. Степени I–X.

новской (ИРЛИ РАН). Доклад *Т.В. Панич* (ИИ СО РАН) был посвящен исследованию полемики двух представителей русской книжной культуры второй половины XVII в. – Евфимия Чудовского и Петра Артемьева. На материале рукописных текстов Евфимия Чудовского были рассмотрены особенности критического осмысления им сочинений Петра Артемьева в богословском и литературном аспектах. *Л.С. Соболева* (УрГУ) в докладе “Государев атаман Ермак Тимофеевич: векторы идеализации” рассмотрела эволюцию образа атамана Ермака в историко-литературных памятниках конца XVI – первой половины XVIII в. (Синодик Ермаковым казакам, Есиповская и Строгановская летописи, Румянцевский и Новый летописцы).

Доклад *М.Н. Климовой* (ТГУ) был посвящен “народной агиографии” – трансформациям житий православных святых в устном народном творчестве. Неоднозначность народного восприятия официальной святости показана на примере различных вариантов жития мученика Вонифатия. Простонародные пересказы сюжетов из этого агиографического произведения, запечатленные в произведениях И.А. Бунина и А.М. Горького, отразили различные тенденции в духовной жизни русской нации в предреволюционную эпоху.

В работе конференции нашла весомое отражение старообрядческая тема. *Л.В. Титова* (ИИ СО РАН) посвятила доклад раннему периоду процесса оформления идеологии старообрядчества, подчеркнув исповедальный характер старообрядческой литературы. *А.Т. Шапков* (УрГУ) представил анализ вновь открытого памятника уралосибирской старообрядческой литературы XVIII в. – “Послания правоверным” старца Авраамия Венгерского. Изучению старообрядческого беспоповского центра – Выговскому общежителю был посвящен доклад *О.Д. Журавель* (ИИ СО РАН). В нем анализировалась единственная известная в русской традиции переработка “Великой науки” Раймунда Люллия, созданная в Выговском старообрядческом центре Андреем Денисовым; поставлена проблема влияния логико-философского учения средневекового мыслителя Р. Люллия на формирование методологических основ Выговской литературной школы, прежде всего, творчество самого Андрея Денисова.

В докладе *Н.С. Гурьяновой* (ИИ СО РАН) на материале рукописного наследия Выга показано, как постепенно, на протяжении XVIII в., старообрядцы сумели отстоять свое право оставить в кругу авторитетных текстов сочинения конца XVI – начала XVII в., которые можно определить как творческое наследие Киевской митрополии.

Большой интерес вызвал доклад *Е.М. Юхименко* (ГИМ), в котором подробно рассмотрена история возникновения и формирования рукописно-книжного собрания Рогожского кладбища – старообрядческого центра поповщины. Доклад в значительной мере основан на ранее неизвестных материалах, хранящихся в старообрядческой среде и ранее недоступных исследователям. В докладе *А.П. Крахмальникова* (ИИ СО РАН) «“Духовномудрствующие” поповцы и раскол белокриницкого согласия в 1862 г.» подробно рассмотрены внутренние разделения, произошедшие в белокриницком согласии во второй половине XIX в. *Н.Д. Зольникова* (ИИ СО РАН) посвятила свой доклад проблеме симметрии в поздних нравоучительных старообрядческих сборниках непостоянного состава.

В докладе *Н.П. Матхановой* (ИИ СО РАН) анализировалось эпистолярное наследие участницы народнического движения С.С. Лавровой, позволяющее выявить ее отношение к религии. Проблему принятия нового календарного стиля Русской православной церковью в первой половине 1920-х годов рассмотрел в своем докладе *С.Г. Петров* (ИИ СО РАН). О необходимости обратить внимание на воспитание у современной молодежи интереса к историческому прошлому страны, собственной семье говорил *А.Г. Мосин* (УрГУ).

В ходе обсуждения результатов работы конференции на заключительном пленарном заседании было высказано единодушное мнение о ее высоком научном уровне, практической значимости для решения актуальных проблем, в особенности – в области изучения и публикации источников по отечественной истории и культуре.

Тексты докладов участников конференции опубликованы в 24-м выпуске серии “Археография и источниковедение Сибири”, посвященном 75-летию академика РАН Н.Н. Покровского¹.

Н.С. Гурьянова, Л.В. Титова

¹ Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2005.

В.Ф. КОЗЛОВ – ИСТОРИК-КРАЕВЕД, ПЕДАГОГ, ИЗДАТЕЛЬ **(К 50-летию со дня рождения)**

Юбилей известного ученого-москововеда отметила московская пресса: 14 января 2005 г. газета “Тверская, 13” опубликовала статью академика РАО С.О. Шмидта “Призвание – краевед”, а 15 января “Вечерняя Москва” поместила на своих страницах статью С.Ю. Шокарева “Сложно ли любить Москву?”. Три десятка лет Владимиру Фотиевичу Козлову все свои силы и энергию отдает просветительской деятельности. Его имя широко известно в научных кругах в связи с исследованием проблем краеведения, региональной истории, музееведения, охраны памятников истории и культуры. Огромен его педагогический опыт. Большое значение имеет тот вклад, который Владимир Фотиевич внес и продолжает вносить своей издательской деятельностью в развитие школьного москововедения, в изучение истории Москвы.

В.Ф. Козлов родился 16 января 1955 г. в Белоруссии, в г. Гродно. За месяц до этого от последствий ранений военных лет скончался его отец. Волею судьбы с детства жизнь Владимира Фотиевича оказалась связанной с Крымом, где в Симферополе в 1972 г. он окончил среднюю школу № 40 и до службы в армии работал подсобным рабочим и слесарем на Симферопольском электромашиностроительном заводе “Филелент”. На полуострове до сих пор живут его мама Надежда Максимовна и старший брат Александр Фотиевич – известный организатор и популяризатор спелеотуризма. С крымской землей, ее историей и памятниками Владимира Фотиевича связывает не только нежная любовь, но и глубокий научный интерес: сегодня он является одним из крупнейших крымоведов.

После службы в армии во Владимирской области, где, кстати, Владимир Фотиевич находил возможность собирать предметы старого быта (научное собирательство – еще одна грань интересов юбиляра), в 1976 г. он поступил в МГИАИ на факультет архивного дела. С тех пор В.Ф. Козлов неразрывно связан с этим уникальным московским вузом. По свидетельству его учителей, будучи студентом, Владимир Козлов отличался любознательностью, широтой интересов, склонностью к научно-исследовательской работе, а его открытость, доброжелательность, инициативность помогли завоевать авторитет у сокурсников. Был он

и комиссаром студенческого стройотряда, и заместителем секретаря комитета ВЛКСМ института, а затем и освобожденным секретарем комитета ВЛКСМ МГИАИ. Все это совмещалось с отличной учебой: уже с третьего курса и до окончания вуза В.Ф. Козлов был Ленинским стипендиатом. Как признается он сам: “Определяющим фактором в научно-педагогической работе стало участие в научном кружке источниковедения истории СССР, которым руководил проф. С.О. Шмидт. Именно Сигурд Оттович Шмидт стал главным учителем”. Студенческие годы и работа в кружке, где Владимир Фотиевич несколько лет творчески выполнял обязанности старосты, положили начало прочным взаимоотношениям учителя и ученика, со временем переросшим в научное и человеческое сотрудничество и дружество. Кружок стал отправной точкой в определении научных интересов, уже здесь наметились темы дальнейших исследований: памятниковедение, краеведение (особенно Москвы и Крыма), которым не изменяет Владимир Фотиевич и по сей день. Все это приобретает особое значение, если принять во внимание, что в конце 1970-х – начале 1980-х годов проблемы историко-культурного краеведения, фактически оказавшиеся под запретом с начала 1930-х годов, еще почти не поднимались на уровне вузовской и академической науки. Дипломная работа, посвященная деятельности известного историка проф. П.П. Смирнова в области охраны памятников, защищенная в 1981 г., стала первым серьезным научным итогом исследовательской деятельности В.Ф. Козлова, а закономерным ее продолжением были учеба в очной аспирантуре в 1981–1984 гг. и защита кандидатской диссертации по проблеме охраны и использования культурного наследия Крыма в 1917–1928 гг.

Научно-педагогическая деятельность В.Ф. Козлова с 1984 г. была связана с кафедрами МГИАИ – ИАИ РГГУ: источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, музейного дела. В январе 1997 г. в РГГУ была создана кафедра региональной истории и краеведения (одна из первых краеведческих кафедр в российских вузах), руководство которой Владимир Фотиевич успешно осуществляет и по сей день. В ИАИ РГГУ он пользуется боль-

шим авторитетом и среди профессорско-преподавательского состава, и в студенческой среде, его спецкурсы, спецсеминары и проводимые им экскурсии неизменно собирают большую аудиторию, под его руководством в общей сложности защищено около 100 дипломных работ. Владимир Фотиевич одним из первых начал разрабатывать и преподавать вузовские и школьные курсы москвоведения.

В 1980–1990-е годы с преподавательской деятельностью В.Ф. Козлов совмещал работу в научных учреждениях – Центральном музее древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева, Московском городском объединении архивов “Мосгорархив”. С 1991 г. он также преподает в Государственной академии славянской культуры, будучи профессором кафедры истории и теории культуры. (Благодаря его инициативе и под его руководством там в течение нескольких лет работала творческая мастерская по историческому краеведению.)

С 1997 г. Владимир Фотиевич занимается изданием литературы по истории Москвы для школьников сначала в качестве генерального директора, а затем, с 2004 г. – главного редактора Издательского центра “Москвоведение”. За эти годы увидели свет более 50 книг москвоведческой тематики, изданы учебные пособия по москвоведению для всех классов общеобразовательной школы, основаны книжные серии “Москва в защите Отечества”, “Патриоты Москвы и России”, “Московские музеи школьникам”, “Новый московский путеводитель” и др. Сам же он – автор более 250 научных и научно-популярных работ по истории культуры, историческому краеведению, источниковедению, охране памятников, церковному краеведению, историческому некрополю, истории Москвы. В.Ф. Козлов – соавтор продолжающегося многотомного издания “Москва православная”, для восьми книг которого он написал несколько сот статей об истории и судьбах московских храмов. Церковное краеведение – одна из приоритетных тем ученого-популяризатора. Владимиром Фотиевичем организовано Историко-краеведческое приходское общество при храме Знамения Божией Матери у Петровских ворот, в печати находится написанный им путеводитель “Москва старообрядческая”. Кроме того, В.Ф. Козлов является ответственным редактором или составителем еще около 30 изданий, среди которых два выпуска сборников “Московский некрополь” (1991, 1996 гг.), шесть выпусков историко-крае-

ведческого альманаха “Москва–Крым” (2000–2004 гг.), сборник “Москва многонациональная” (2006 г.).

Удивительная работоспособность Владимира Фотиевича и его увлеченность любимым делом позволяют ему не только совмещать научную, педагогическую и издательскую деятельность, но и выполнять обязанности председателя Московского краеведческого общества и первого заместителя председателя Союза краеведов России, участвовать в различных комиссиях по книгоизданию, входить в состав жюри крупных конкурсов, таких как Всероссийский конкурс исторических исследований работ старшеклассников “Человек в истории. Россия, XX век”, Всероссийский конкурс региональной и краеведческой литературы “Малая Родина”, Анциферовская премия, Макариевская премия.

Особо следует сказать о начавшейся еще со студенческой скамьи связи В.Ф. Козлова с Археографической комиссией. Он – активный участник конференций и чтений, организуемых Комиссией, его доклады неоднократно звучали на Тихомировских чтениях в стенах ИРИ РАН и ИАИ РГГУ, ряд его работ опубликован на страницах “Археографического ежегодника”, в том числе пленарный доклад “Краеведы о целях и задачах краеведения” на Тихомировских чтениях 2004 г. “Источники по историографии краеведения” (См.: АЕ за 2004 год. М., 2005). На организованной Археографической комиссией в 2001 г. в Пензе конференции “В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии” Владимир Фотиевич выступал с докладом о проблемах современного краеведческого движения (материалы конференции опубликованы в двух томах в 2005 г. в издательстве “Наука”).

Сегодня руководимая В.Ф. Козловым кафедра региональной истории и краеведения стала одним из крупнейших научных центров, координирующих историко-краеведческую и москвоведческую научную и практическую деятельность не только в рамках Московского региона, но и за его пределами. По инициативе Владимира Фотиевича силами сотрудников кафедры и Центра исторического краеведения и москвоведения, созданного в РГГУ в 1996 г. и возглавляемого С.О. Шмидтом, были организованы научно-практические конференции “Некрополь Москвы”, “Москва многонациональная”, “Преподавание краеведения и москвоведения в вузах России”, “Барановские чтения”. Большой известностью

в Москве и за ее пределами пользуются ставшие традиционными “Встречи на Никольской”, ежемесячно с 1997 г. собирающие в актовом зале ИАИ РГГУ самых разных людей: преподавателей, ученых, библиотечных, музейных и архивных работников, издателей и авторов краеведческих работ, – всех тех, кого объединяет любовь к родному краю, к своей малой Родине. Представление новой краеведческой литературы, обсуждение насущных проблем современного развития краеведческих исследований позволяют расширить информационное пространство отечественного краеведения, способствуют объединению краеведческого сообщества и сохранению ценности нашей культуры. Благодаря неисчерпаемой инициативе Владимира Фотиевича “Встречи на Никольской” за последние годы познакомили московских краеведов с интереснейшим опытом их коллег из Пензы, Калуги, Владимира, Новгорода, Санкт-Петербурга, Галича, Сибири.

Научные исследования В.Ф. Козлова получили известность не только в России, но и за рубежом. Владимир Фотиевич – участник международных конференций, в том числе прошедшей в 1999 г. конференции в Афинах, посвященной юбилею А.С. Пушкина, где прозвучал его доклад о крымских поселениях и монастырях, которые посещал А.С. Пушкин. Большой интерес у специалистов вызвало выступление В.Ф. Козлова на организованной университетом Сорбонна в Париже в 2000 г. конференции “Краеведение в России: истоки, проблемы, возрождение”, в котором он обобщил и проанализировал сведения о роли местных изданий в историческом и культурном развитии России. В 2002 г. на международной научно-практической конференции “Великий Волжский путь”, посвященной 1000-летию Казани, В.Ф. Козлов выступил с докладом по проблемам региональной истории и краеведения.

Многолетняя научная, педагогическая, творческая деятельность В.Ф. Козлова отмечена дипломами и наградами: Почетной грамотой Министерства образования “За многолетнюю плодотворную деятельность по подготовке высококвалифицированных специалистов” (1997 г.), Почетным дипломом Московской городской думы “За большие достижения в области изучения истории Москвы, пропаганды и сохранения ее историко-культурного наследия” (1997 г.),

Дипломом Лауреата премии Правительства Российской Федерации в области образования за разработку концепции развития и совершенствования курса москвоведения в средних учебных заведениях Москвы (1999 г.), Дипломом Лауреата Первого всероссийского конкурса региональной и краеведческой литературы “Малая Родина” в номинации “Увлекательное краеведение” за учебное пособие в соавторстве с А.В. Святославским “Москва в экскурсиях: Книга для учителей, учащихся и родителей” (2003 г.), орденом Русской Православной Церкви Святытеля Макария, митрополита Московского III степени (2003 г.).

Что же касается деятельности В.Ф. Козлова на кафедре в Историко-архивном институте, то сотрудничать здесь интересно и комфортно благодаря той уважительной, дружеской и творческой атмосфере, которая создана ее заведующим. А то, что за портретом крупного ученого и общественного деятеля В.Ф. Козлова скрывается отзывчивый, доброжелательный человек с исключительной жизненной энергией и творческим потенциалом, подтверждается огромным количеством друзей и знакомых кафедры и ее заведующего из самых разных уголков России, не упускающих возможности побывать на кафедральных научных мероприятиях и на капустниках, традиция которых существует со дня ее основания. Видимо, неслучайно и свой юбилей Владимир Фотиевич вместе со своими близкими отмечал именно на кафедре. Хотя торжества не носили официального характера, а среди приглашенных были только коллеги и друзья, это событие собрало в стенах ИАИ большое число людей, пожелавших сказать теплые слова в адрес юбиляра в непринужденной дружеской обстановке. И так уж получилось, что здесь не было стандартных поздравлений и официозных речей. Друзья и единомышленники стали участниками большого импровизированного капустника, где разыгрывались юмористические театральные сцены, звучали стихи и песни в честь юбиляра и пожелания дальнейших творческих, научных успехов, залогом которых являются талант ученого-исследователя и педагога, душевная энергия и удивительная работоспособность Владимира Фотиевича Козлова.

А.Г. Смирнова

ЗАСЕДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ЮБИЛЕЮ А.Н. АКИНЬШИНА

1 октября 2005 г. в актовом зале Воронежской областной универсальной научной библиотеки им. И.С. Никитина состоялось чествование известного в России историка-регионоведца Александра Николаевича Акиньшина, приуроченное к 50-летию со дня его рождения (родился 21 сентября 1955 г. в с. Козловка Бутурлиновского района Воронежской области). Устроителями заседания явились областное управление культуры и туризма, Воронежское историко-культурное общество, исторический факультет Воронежского государственного университета и дирекция библиотеки. На встрече присутствовали ученые вузов, сотрудники музеев, архивов, библиотек, представители различных творческих и общественных организаций. В адрес юбиляра поступили телеграммы от Археографической комиссии РАН (в лице ее председателя, члена-корреспондента РАН *С.М. Каштанова* и почетного председателя, руководителя Союза краеведов России, профессора *С.О. Шмидта*), известного музыканта *М.Л. Ростроповича* (в некоторых работах А.Н. Акиньшина изучаются генеалогические корни семейства Ростроповичей), пензенского регионоведа *А.В. Тюстина* и др.

В своем вступительном слове председатель Воронежского историко-культурного общества *О.Г. Ласунский* напомнил присутствующим основные этапы жизни и научно-педагогической деятельности юбиляра. Выпускник исторического факультета ВГУ (1977), А.Н. Акиньшин рано проявил незаурядные исследовательские способности, являлся научным сотрудником Государственного архива Воронежской области и специализированной реставрационной мастерской. После защиты (1987) кандидатской диссертации, посвященной проблемам истории города Воронежа XVIII–XIX вв., перешел на преподавательскую работу. Сейчас он – доцент кафедры истории России на родном факультете.

На заседании выступили: коллега А.Н. Акиньшина по факультету профессор *М.Д. Карпачев*, профессор Воронежской государственной академии искусств

Т.В. Юрова, профессор Воронежского государственного архитектурно-строительного университета *Г.А. Чесноков*, директор Музыкального училища им. Ростроповичей *И.Т. Пустовалов*, писатель *Ю.Д. Гончаров*, кандидат медицинских наук *Г.Л. Коротких*, председатель историко-просветительского общества “Мемориал” *В.И. Битюцкий*, издатель *В.Л. Елецких*, начальник городского управления культуры *И.П. Чухнов* и др. Выступавшие отмечали научную и общественную активность А.Н. Акиньшина, высокую результативность его исследовательской и просветительской деятельности.

Участник всероссийских и международных научных краеведческих конференций, автор многих книг, статей и различных публикаций (библиографы областной библиотеки готовят его персональный указатель литературы*), А.Н. Акиньшин является сейчас одним из наиболее авторитетных и плодотворно работающих специалистов в области исторической регионоведения. Труды А.Н. Акиньшина ограничены конкретными географическими рамками. Однако умение осмыслить жизнь той или иной местности в многообразии ее связей с соседними и иными территориями, со всей страной придает этим трудам общероссийскую значимость. Методологическая ценность работ А.Н. Акиньшина состоит в признании им первоочередной важности комплексного изучения провинциальной старины как неотъемлемой части общенациональной истории.

Участники юбилейного заседания подчеркивали источниковую основательность трудов А.Н. Акиньшина, его принципиальную приверженность к факту, обоснованному всей совокупностью имеющихся в наличии знаний. Используя материал, разысканный почти всегда им самим, А.Н. Акиньшин вводит в научный оборот массу не известных ранее исторических свидетельств, чему лучшее доказательство – его обстоятельные комментарии к впервые публикуемым документам, эпистолярным текстам, мемуарам и т.п.

* Александр Николаевич Акиньшин: Указатель литературы (1982–2005) / Сост. О.Г. Ласунский, О.Б. Калинин; вступ. ст. О.Г. Ласунского. Воронеж, 2006. 153 с. (Воронежские краеведы).

К заседанию сотрудниками областной библиотеки была подготовлена книжно-иллюстративная выставка, на которой экспонировались многие вышедшие преимущественно в Воронеже работы юбиляра – оба издания “Храмов Воронежа” (1994, 2003), сборник историко-генеалогических очерков о воронежском дворянстве (1994), два выпуска “Воронежского некрополя” (2001, 2002), сборники историко-биографических очерков о местных архипастырях (2003), а также о губернаторах и вице-губернаторах (2000), книга “Н.Ф. Федоров и его воронежское окружение” (1998) и др. Отдельная витрина была отведена под выпуски редактируемого А.Н. Акиньшиным ежегодника “Из истории воронежского края” (1998–2005).

В заключение выступил сам юбиляр. Он сообщил, что активно сотрудничает с редакциями ряда центральных изда-

тельств, занимающихся подготовкой фундаментальных научных справочников (“Большая Российская энциклопедия”, “Православная энциклопедия”, энциклопедия “Отечественная история” и др.). Кстати, в “Воронежской историко-культурной энциклопедии” будет представлено более пятисот написанных А.Н. Акиньшиным справок о замечательных людях, каким-либо образом причастных к судьбам нашей “малой родины”^{1*}. Как член редколлегии будущей универсальной краевой энциклопедии А.Н. Акиньшин курирует весь блок вопросов, связанных с местной стариной.

В работах А.Н. Акиньшина прошлое отдельно взятого среднерусского региона органично вписывается в единый поток российской истории.

О.Г. Ласунский

---

^{1*} Воронежская историко-культурная энциклопедия: персоналии. Воронеж, 2006 (А.Н. Акиньшин – зам. гл. ред.).

**ВЯЧЕСЛАВ
ВИКТОРОВИЧ
КРЫЛОВ
(1940–2005)**

Скончавшийся 28 февраля 2005 г. от неизлечимой болезни член Археографической комиссии, доцент РГГУ и главный библиограф Научно-практического центра “Эвристика” его научной библиотеки Вячеслав Викторович Крылов¹ в восприятии многих был неотделим от родного ему Историко-архивного института и более всего известен научными трудами в тех областях специальных исторических знаний, для преподавания которых составлял учебные пособия и программы по предметам “археография”, “библиография”, “информационная эвристика”.

Историк-архивист родился 11 ноября 1940 г., учился в школе подмосковного Люблино, после службы в армии был в 1962–1967 гг. студентом МГИАИ, где специализировался на кафедре археографии, участвовал в деятельности студенческого научного кружка источниковедения (и как многие другие кружковцы и по окончании вуза тоже). Показательны и заголовки (“Добросовестно относиться к архивным источникам”) и методически-наставническая направленность первого печатного труда студента (СА. 1966. № 3). Это – отклик на научно-популярную книгу о видном участнике Октябрьской революции

П.Е. Дыбенко. Там отмечается недопустимость отступления от “хорошо известных” правил археографии: “использование документа, ранее опубликованного, должно сопровождаться соответствующей ссылкой, и лишь в случае разночтения текст дается по архивному источнику”. И приводятся примеры ссылок на архивы, “хотя цитируемые документы... уже напечатаны в различных журналах и документальных сборниках”. Указываются и неточности в передаче текста, приводящие к искажению документов. К “серьезным погрешностям” справедливо отнесен “и метод переписывания из источников и литературы отдельных фраз и целых абзацев без соответствующих ссылок и без кавычек” (с. 118). По окончании с отличием МГИАИ В.В. Крылов не прерывал с ним связь, работал в аппарате Главархива СССР, а в 1971 г. вернулся в МГИАИ и стал преподавателем кафедры археографии, в 1972 г. заведовал кафедрой архивоведения и археографии.

Выросший в среде без традиций интеллигентской образованности (обычно гуманитарной в своей основе), В.В., по существу – самородок. Не выработалась и тяга к рассуждениям безбрежной историко-культурной или социопсихологической ассоциа-

¹ См. некрологи: Вячеслав Викторович Крылов (1940–2005) // Библиография. 2005. № 2 (подп.: «Редакционная коллегия журнала “Библиография”»); Памяти В.В. Крылова // ОА. 2005. № 2. С. 141 (подп.: “Коллеги”); Вячеслав Викторович Крылов // ВА. 2005. № 2. С. 314–315 (подп.: “Друзья, коллеги”).

тивности; ему вообще чуждо было наукообразное общесловие, особенно если уснащалось к тому же и новомодной иноязычной терминологией. Крылова изначально привлекало конкретноисторическое знание. В то же время он придерживался деловито выверенной практикой дисциплины в научной методике своей работы и в рекомендациях студентам и принципа простоты, доступности изложения. Это прослеживается с первых же печатных трудов его, список которых опубликован в АЕ за 2000 год.

Первая статья уже исследовательского масштаба, напечатанная еще в студенческие годы, в 1967 г., в сборнике тезисов докладов студенческой конференции, «Журнал “Пролетарская революция” и его роль в публикации исторических источников». Публикации произведений В.И. Ленина в том же журнале посвящена и статья в сборнике материалов, подготовленном к 20-летию кружка источниковедения в 1970 г. (Показательно, что именно В.В. писал об этом юбилее в журнале “Советские архивы”.) О журнале “Пролетарская революция” его статья 1974 г. и доклад на Тихомировских чтениях АК 1975 года. Однако диссертация такой тематики с названием «Журнал “Пролетарская революция” (1921–1941 гг.) и его роль в становлении и развитии советской археологии», почти схожим с заголовком первой статьи, была защищена в МГИАИ лишь в 1989 г. Вероятно, задержка оформления исследования в диссертационную работу объясняется несколькими обстоятельствами – и занятостью преподавательской и научно-методической деятельностью; и невозможностью при микроклимате тех лет в МГИАИ и на возглавляемой его научным руководителем М.С. Селезневым кафедре объективной характеристики выявленных им данных о журнале и его сотрудниках – но и свойствами натуры В.В. – он был ненавязчив в интересе к своей личности, скромнен в оценке своих научных трудов, непробивным в их публикации, не склонным ни к карьеризму, ни к интригам, а как исследователь прежде всего фактолог. При характеристике исторических явлений и методологических принципов довольствовался принятыми клише: клише же в 1970-е – 1980-е годы в подходе к изучаемой им исторической проблематике не отличались четкостью, а на его кафедре пытались консервативно придерживаться воззрений прежних лет. И не случайно время подго-

товки к защите диссертации совпало с началом последовательной и плодотворной работы В.В. по тематике “Библиографическая реабилитация” – под такой рубрикой стали в журнале “Советская библиография” публиковать серию составленных им биобиблиографий (предваренных очерками публицистического стиля) партийных деятелей, заклеянных в годы сталинизма как “враги”. Имело значение, видимо, и то, что в те годы В.В., отвлеченный многим, еще не в такой степени, как позднее, ощущал радость полнокровной научной работы и потребность ее реализации в печатном слове.

В Вячеславе Викторовиче, прошедшем первые десятилетия жизни в зеленом еще тогда ближнем Подмоскowie, счастливо совмещались черты поведения горожанина и столичной образованности с изначально развитым восприятием природы и потребностью сохранения такого ощущения – природное наследие было для него составной частью его культурного наследия. Он выискивал и пересаживал приглянувшиеся ему растения в поле и в лесу, внося индивидуальный творческий элемент в близнаходящийся доступный его воздействию дачный ландшафт. Мог наблюдать как Слава любовно наводил порядок и на моем дачном участке. Убежден, что соображения научного плана приходили ему в голову и тогда, когда он корчевал пни, босоногий косил или поливал свежесаженное, задумчиво предопределял степень активности разгораемого им костра. Он не только в душевном плане, но в научном, больше раскрывался на пленэре (если употреблять терминологию, обычную у пишущих об изобразительном искусстве). И уже остепененного В.В. не покидало желание показать мощь удалого молодца: мог поднять кафедру в актовом зале ИАИ. По ассоциации возникают в уме воспоминания М.Н. Тихомирова о виднейшем филологе-слависте профессоре и академике М.Н. Сперанском, который в 1920-е годы в возглавляемом им рукописном отделе ГИМ “преспokoйно передвигал шкафы, наполненные книгами”, делая это “не без некоторого кокетства своей силой и с удовольствием...”²

В.В. был, однако, отнюдь не прост, и не всегда открыт, хотя подчас и выдавал жесткие и нелюбимые характеристики и людям, и их деяниям. Еще в студенческие годы он в летние месяцы работал в пионерских лагерях и несомненно пленял ребят своей умелостью. Но в МГИАИ избегал обществен-

² Тихомиров М.Н. Исторический музей: Воспоминания // АЕ за 1997 год. М., 1997. С. 69.

ной активности. У него не было и близких постоянных друзей среди однокашников-студентов, а затем и коллег по преподаванию. По существу, он был – если воспользоваться определением Киплинга – кошкой, которая гуляет сама по себе. Но у нас рано определилась взаимная душевная симпатия, установились доверительные отношения, и я, усмотрев способность В.В. к научному творчеству, склонность к педагогическому стилю общения и доброжелательный интерес к студентам, старался укрепить его веру не только в свои физические силу и ловкость. Казалось бы, при таком мощном торе ему более всего подходят топор, молот, коса. Но В.В. умел и мастерски готовить пищу, сервировать стол, чистить посуду. Владение навыками ремесленного мастерства, вызывавшее не только восхищенное удивление других, но и удовлетворявшее самоуважение, в натуре В.В. – и методика его научной работы отличалась и добротностью, и изяществом, и столь важной при воздействии преподавателя на студента (и вообще всякого учащего на учащегося) ясностью приемов лабораторного исполнения.

Внешность красавца атлета, нарочитое ерничество в разговорах о своей научной деятельности, а подчас о подобной работе и коллег, не способствовали формированию представления о муже науки. Сначала думалось, что это не главное у любителя природы, мастеровитого умельца, знатока бытового хозяйственного обихода. Не включался В. В. и в дискуссии о предмете археографии и предназначении и ее, и других специальных исторических дисциплин, об изменении или сохранении их терминологии, внедрении новой методики. Но с годами все более ощущали и его большой ум, и тонкую приметливость, и высокую профессиональную эрудицию. И становилось все очевиднее и то, что он – едва ли не единственный из читавших общий курс археографии в ИАИ имеет вкус к практической работе публикатора документов и особенно внимательно присматривается к усвоению студентами навыков такой работы, может доверительно поделиться с ними накопившимся опытом. А его личные исследования – и о выявлении, и о публикации, и об истолковании документальных памятников – вызывают особое доверие источниковедческой основательностью.

Преобладающий исследовательский интерес В.В. – архивные и печатные матери-

лы по истории общественно-политической жизни и культуре России ХХ в. и прежде всего о “знаковых фигурах” первой трети столетия. И он годами не расставался с привлеченной конкретно-исторической тематикой. Это – и серия статей о журнале “Пролетарская революция” (и об организации работы в журнале, и о том, что опубликовано), и подготовленный к печати указатель напечатанного там за все годы. В.В. выявил важные сведения о самарском периоде жизни основателя нашей Археографической комиссии академика М.Н. Тихомирова, по договоренности с Самарским университетом готовил к печати и составленные М.Н. Тихомировым описания хранившихся в Самаре архивных фондов – семейного Аксаковых и Иргизских монастырей. В.В. ознакомил нас с эпистолярным наследием академика В.Н. Перетца времени его ссылки, информировал о графическом наследии историка Е.А. Косминского в статье с зазывным названием “Вторая пламенная страсть академика Е.А. Косминского”. И когда был обнаружен в архиве документ, важный для представления об О.Ю. Шмидте как руководителе учреждения, его отношения к людям в период массовых репрессий, попросил, чтобы именно он опубликовал его с комментариями (Соглядатай: Донос на академика О.Ю. Шмидта и его сотрудников // Вестник РАН. 1995. № 11).

В.В., опираясь на архивную документацию, убежденно придерживался мнения, что идеи декрета 1 июня 1918 г. “О реорганизации и централизации архивного дела” в РСФСР “родились в дискуссиях членов Союза РАД” еще в 1917 г., их “активно и творчески отстаивал Д.Б. Рязанов, а затем и воплощал их в жизнь” и “предшественником нынешней Федеральной архивной службы является Центральный комитет по управлению архивами, созданный в апреле 1918 г.”. Именно такой взгляд соответствует и моим представлениям об этом, впервые развитым еще в докладе 1968 г., а затем не раз в статьях и докладах. Следует указать, что В.В. первым приметил, высказав многозначное предположение, «что декрет был принят на заседании Комиссии при СНК (“Малого” СНК, где рассматривались и решались мелкие, так называемые “вермишельные” вопросы), и не отсюда ли последующее отношение советской власти к архивной службе?»³

³ Крылов В.В. Идеи декрета от 1 июня 1918 г. родились в дискуссиях членов Союза РАД // ОА. 1998. № 3. С. 12–14.

Плодотворную для развития и исторической науки деятельность Д.Б. Рязанова как руководителя архивного ведомства, пресеченную в 1920 г., В.В. изучал специально, выступая со статьями, докладами, рецензиями, первым исследовал совместную деятельность Д.Б. Рязанова с Б.И. Николаевским и возвратил российской науке имя этого выдающегося историка-архивиста и знатока истории революционного движения.

В.В. подготовил биобиблиографии видных партийных лидеров и общественных деятелей, труды которых (также как и литература об их жизни и деятельности) много десятилетий были запрятаны в спецхране – Ю.О. Мартова, Ф.П. Дана, Д.Б. Рязанова, Л.Д. Троцкого, Л.Б. Каменева, А.И. Рыкова, Н.И. Бухарина, Б.И. Николаевского, В.А. Тер-Ваганяна, Ф.Ф. Раскольниковца. Сочинения этих прижизненно весьма известных лиц отражали заметные явления жизни эпохи, а подчас во многом и формировали общественно-политическое сознание определенных прослоек соотечественников в России и за рубежом. Сделанное Крыловым устраняло зависимость от ранее тенденциозно подобранных и интерпретируемых исторических источников, обеспечивало возможность обращения к более многосторонней и объективной печатной источниковой базе по истории России первой трети XX столетия. В то же время, в период, когда модным стало утверждать, что руководящие революционные деятели как правило были малокультурными или даже чуждыми культуре, эти биобиблиографии убеждали в том, что и в такой среде были люди большой образованности, выделявшиеся литературным даром, ценившие (правда, под определенным углом зрения) многое в культуре прошлого, и потому-то некоторые из них, отодвинутые от активной политической роли, смогли затем творчески и результативно включиться в научную работу.

Инициатива создания в журнале “Советская библиография” в 1989 г. рубрики “Библиографическая реабилитация”, напечатание на страницах журнала более 30 материалов (статей, указателей литературы, обзоров, рецензий), работа в журнале “Библиография” в 1997–2001 гг. и членом редколлегий, способствовали утверждению авторитета В.В. в среде библиографов и книговедов.

Особенно много сделано В.В. для уяснения значения свершенного опальным

Л.Б. Каменевым в развитии издательской культуры и организации работы литературоведов в первой половине 1930-х годов как директором издательства “Academia” и директором академических институтов русской литературы (Пушкинского дома в Ленинграде) и мировой литературы. В.В. впервые познакомил и с неизданными трудами Каменева – оканчивается, именно он был инициатором факсимильного издания герценовского “Колокола” и написал Предисловие к изданию (опубликовано в АЕ за 1994 год), выработал программу издательских проектов, приуроченных к пушкинской годовщине 1937 г., и дальнейшей деятельности академических институтов, сам много писал и о Пушкине, и о других классиках отечественной и мировой литературы. Этой тематике посвящено несколько докладов и статей. Готовилась книга о работе Каменева тех лет, и В.В. делился со мною, общавшемся в детстве с Каменевым и знакомым с кругом его сотрудников, интереснейшими соображениями по поводу своих архивных изысканий.

Понятно, что в этой связи он занялся изучением архивных материалов об издательстве “Academia” и первым напечатал статью такой тематики еще в 1993 г. в № 4 Вестника РАН. Когда представилась возможность подготовить книгу об этом, ему предложили написать и о прежнем издательстве со времени его основания и о принявшем это же название издательстве, основанном в 1991 г. Об издательстве 1920-х годов в Петрограде-Ленинграде он сумел тоже собрать ценный архивный материал. Но уже давала о себе знать беспощадная болезнь, возможности для работы ограничивались – В.В. стал проводить немалое время в больнице, а достаточно глубоких познаний в области книжной культуры и графического (и вообще изобразительного) искусства он не имел, и вынужден был довольствоваться компилятивными данными, включать в текст книги и то, что относится к новому издательству, отнюдь не обладающему теми чертами книжной культуры, которые отличали так привлекшее его внимание каменевское – издательство “Academia” в Москве первой половины 1930-х годов.

Сознавая близость конца, В.В. очень хотел увидеть свой труд изданным в виде книги, горестно переживал то, что из издания исключили часть научного аппара-

та, вместо предполагаемого и абсолютно необходимого в таком издании именованного указателя поместили рекламу изданий новой "Academia". И в рецензии, которая уже не могла огорчить скончавшегося В.В. Крылова, обоснованно указаны дефекты издания. Но и в этой недоброго тона рецензии написано, что часть книги, посвященная истории издательства 1920-х – 1930-х годов опирается в значительной мере на архивные источники и представляет "по материалу несомненный историко-культурный интерес" и "в особенности интересны страницы, посвященные деятельности основателя издательства А.А. Кроленко" и Каменева. И верно замечено, что архивные источники "в книге перечислены со всеми подробностями" (С. 157) и "можно предполагать, что ссылки вычеркнуты из рукописи рукою редактора, озабоченного, вероятно, тем, чтобы книга не выглядела слишком сухой и лучше продавалась"⁴.

Большой опыт архивиста и археографа, особый вкус к архивным изысканиям по проблематике истории культуры побудили к приглашению В.В. на руководящую работу и в Архив РАН; его ввели в состав Ученого совета Архива, и В.В. казался перспективной такая возможность расширения сферы научной деятельности. Но болезнь резко усилилась, и ему пришлось отказаться от принятого было предложения. И действительно, когда после перерыва в два-три месяца увидел его осенью 2004 г. на заседании этого Ученого совета, ужаснулся разительной перемене в его внешнем облике. Жизнелюб, спортсмен с поразительным достоинством переносил тяжесть обрушившегося на него недуга – сохранял благожелательное отношение к людям, тактично не навязывал информацию о своем нездоровье. И к такому поведению проникаешься особым уважением – В. В. был и душевно красивый человек. Он старался и умел преодолевать физическую слабость.

Памятно его едва ли не последнее публичное выступление 24 декабря 2004 г. на ежемесячной "краеведческой встрече на Никольской", когда в здании Историко-архивного института происходит представление новейшей москвоведческой и краеведческой литературы. Решено было представить и книгу: «Изда-

тельство "Academia": люди и книги. 1921–1938–1991» (М., 2004), хотя она по профилю своему не относилась к обычно демонстрируемым новым изданиям. В.В. не раз присутствовал на этих заседаниях, собиравших, как правило, немало интеллигентской публики разных поколений. И В.В. явно хотелось ощутить реакцию этих книголюбов при ознакомлении с темой и результатами его работы и с содержанием обычных на подобных встречах выступлений председателящего заведующего кафедрой региональной истории и краеведения В.Ф. Козлова и руководителя Центра исторического москвоведения Шмидта об авторе и его трудах. Зал был полон. На таких "встречах" представляют всегда несколько изданий – начали с книги Крылова (хотя в программе было представление и моей книги 2004 года "История Москвы и проблемы москвоведения"). Когда выступал В. В. была совершенная тишина. Говорил он в приятной лекторской манере с присущим ему легким юмором и с вдохновением. И только о важнейшем для него – о славном своими деяниями издательстве 1920-х – 1930-х годов, и особенно о деятельности Л.Б. Каменева и ее культуроформирующем значении. С большим чувством похвастовал и о репрессиях, обрушившихся на Каменева и его сотрудников. Проникновенные слова вызвали единодушные аплодисменты и необычно много вопросов, на которые В.В. отвечал четко, эрудированно, с изяществом. Коллеги по ИАИ отмечали необычный подъем духа В.В. в тот вечер, но и быстро наступившую усталость, когда он, почти сразу, извинившись, покинул зал. Это была воистину лебединая песнь Вячеслава Викторовича. Постоянные посетители наших "встреч" были буквально потрясены тем, что следующая "встреча" – уже в 2005 году началась поминальным словом моим о В.В. Крылове, и мы вставляем почтили память того, впечатление об образе и деятельности которого оставалось еще таким свежим.

Когда последний раз ему звонил по телефону, в феврале 2005 г., Слава тихим и грустным голосом, отвечая на вопрос о самочувствии, сказал: "Помираю". Зная свойственную ему форму выражения и интонацию, не сообразил, что это – констатация реального положения вещей.

⁴ Рац М.В. "Academia": два издательства в одной книге // Новое литературное обозрение. 2005. № 72.

Для В.В. очень много значил Историко-архивный институт: с ним связаны и его работа с людьми, и научная работа. Это – его жизненный причал. В.В. болел душой, наблюдая упадок его, но и дорожил честью альма матер, и иногда даже слишком ретиво защищал ее, не сразу осознав, какие серьезные последствия могут быть от все более ощутимого пренебрежения к Историко-архивному институту со стороны руководства образованного на его именно основе РГГУ⁵. В.В. Крылов заслужил, чтобы в ИАИ и РГГУ предприняли действенные меры для использования во имя дальней-

шего развития знаний научного наследия этого незаурядного историка-архивиста, археографа и библиографа. Полагаю, что следует издать книгу трудов В.В. Крылова, включив в нее статьи и библиографические указатели и, конечно же, и в первоизданном виде подготовленные им части исследования об издательстве “Academia” 1921–1937 гг. со всем научным аппаратом. Так память о Вячеславе Викторовиче останется не только у тех, кто мог почувствовать его человеческое очарование.

С.О. Шмидт

---

⁵ См.: ОА. 1998. № 3.

**ПАМЯТИ
ЕЛЕНА
ВИКТОРОВНЫ
ЧИСТЯКОВОЙ
(1921–2005)**

Скончавшаяся 2 марта 2005 г.¹ Елена Викторовна Чистякова оставила в российской науке заметный след. О ней опубликовано несколько библиографических материалов и статей. Были публикации в Археографическом ежегоднике². Как о старшей коллеге случилось и мне писать в связи с ее юбилеями: 70-летним, 75-летним и 80-летним. Отмечая вместе с ней ее 80-летие, друзья, коллеги и ученики издали в 2001 г. юбилейный сборник «Россия XVII века и мир», куда вошли работы доктора исторических наук, профессора Е.В. Чистяковой, а также воспоминания о ней: В.И. Буганова, С.О. Шмидта, Л.А. Терентьевой, М.Н. Мосейкиной и др.³ И было это при ее жизни. А теперь, когда ее не стало, больно писать об этом. Постоянно чувствуешь утрату. Утешаешь себя мыслью о том, что сделала она и для науки, и для педагоги-

ки, и для окружающих ее людей – многое. Нашла продолжение в своих учениках, в их трудах и деяниях. Мне довелось работать рядом с Еленой Викторовной многие годы. Сначала в Московском государственном историко-архивном институте, в котором она служила с 1952 по 1971 г. А затем – в Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы, в 1971–1998 гг.

В Историко-архивном институте мы были избраны и работали вместе в партийном бюро, где Елена Викторовна была секретарем, а я – ее заместителем по организационным вопросам. Это было трудное для Института время. У нас учился сын реабилитированного посмертно И. Якира, принятого в Институт по личному распоряжению Н.С. Хрущева, а также Галансков и Гинзбург – участники диссидентского движения. Вину за их правоза-

¹ См.: *Шмидт С.О.* Памяти профессора Е.В. Чистяковой // ОА. 2005. № 3. С. 136–137; *Керов В.В.* Некролог: Елена Викторовна Чистякова – друг, коллега, учитель // Вестн. РУДН. Сер. История России. М., 2005. № 4. С. 172–174. С 16 марта по 12 апреля 2005 г. в Государственной публичной исторической библиотеке была развернута подготовленная сотрудниками справочно-библиографического отдела книжная выставка «Елена Викторовна Чистякова (1921–2005)», посвященная памяти историка; тиражом 50 экземпляров выпущен каталог выставки: Памяти Елены Викторовны Чистяковой (1921–2005): библиографическая памятка / Сост. М.А. Стручева, К.А. Шапошников. М., 2005. [6] с.

² *Чирков С.В.* Книга об учителе: [рец. на кн.: Чистякова Е.В. Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965). (М., 1987)] // АЕ за 1988 год. М., 1989. С. 275–277; *Буганов В.И.* Е.В. Чистякова как источниковед и историограф // АЕ за 1991 год. М., 1994. С. 182–188; Список печатных трудов Е.В. Чистяковой // Там же. С. 268–271; *Батаева Т.В., Савин В.М.* Заседание, посвященное 75-летию Е.В. Чистяковой // АЕ за 1996 год. М., 1998. С. 389–391; *Мининков Н.А.* Е.В. Чистякова – историк народных движений в России XVII века // АЕ за 2001 год. М., 2002. С. 240–247.

³ *Россия XVII века и мир: Юбилейный сб.: К 80-летию доктора исторических наук, профессора Е.В. Чистяковой.* М., 2001.

щитные действия возложили на Институт. Направленный на “усиление” работы Института ректор С.И. Мурашев видел свою главную задачу в ужесточении идеологического прессинга и выскивал политическую крамолу повсюду, изгоняя или выдавливая из Института и уважаемых преподавателей Л.М. Зак, И.А. Кудрявцева, С.О. Шмидта, М.А. Пережогина, В.И. Кострикина, К.И. Рудельсон, Н.Н. Яковлева и др. Выстоять, защититься от необоснованных нападков наших преподавателей, принять на себя изощренные порой удары институтского руководства, – такую линию поведения проводило наше партийное бюро, возглавляемое Еленой Викторовой. Мы с ней были единомышленниками. Наше коллективное обращение в высший партийный орган – Комиссию партийного контроля не увенчалось успехом: травля отдельных преподавателей продолжалась. Несколько человек, не выдержав давления, ушли из жизни, многие стали покидать Институт. Елена Викторовна к этому времени была уже доктором исторических наук – она защитила диссертацию в своем родном МГУ в 1966 г. За ее спиной был большой опыт педагогической и научной работы.

В это время, в 1971 г. в УДН создавалась кафедра истории СССР, меня, а затем и Елену Викторовну активно стал звать на работу энергичный заведующий кафедрой профессор В.Ф. Антонов (меня – на преподавание истории СССР советского периода, Елену Викторовну – на период феодализма). Рекомендовал нас принятый к этому времени на эту кафедру, только что уволенный из Историко-архивного института Иван Архипович Кудрявцев – замечательный человек, идейный вдохновитель нашего институтского сообщества. Трудно было решиться на расставание со своим любимым Институтом, но пришлось: уж очень напряженную обстановку создал в МГИАИ ее ректор с сотоварищами. Мы с Еленой Викторовой дали согласие. Процесс оформления в Университет был тогда очень серьезным – он приравнивался к оформлению выезда за рубеж, ведь половина студентов были иностранцами гражданами из стран Азии, Африки и Латинской Америки. После оформления необходимых документов и собеседования с проректорами, в том числе и с проректором по международным вопросам, зависла непонятная для нас пауза. Для завершения процедуры приема должна была состояться встреча с ректором Университета – профессором В.Ф. Станисом. А нам все не назначали эту

аудиенцию. Начальник отдела кадров, чтобы прояснить ситуацию, сказал, что появилась какая-то злостная бумага – анонимка. Наконец, ректор Владимир Францевич вызвал нас, побеседовал и прямо при нас созвонился с С.И. Мурашевым. Перелистывая наши папки с личными делами, В.Ф. Станис задал собеседнику вопрос: “Вот передо мною сидят бывшие Ваши преподаватели профессор Чистякова и доцент Батаева, что можете сказать о них?” А в личном деле каждой из нас была обязательная тогда характеристика (положительная), подписанная институтским “треугольником” и, в том числе, ректором Мурашевым. Опытным работником был Владимир Францевич, предполагал, что свою подпись Мурашев не будет дискредитировать. И действительно, тот ответил, что это – достойные преподаватели, и он жалеет об их уходе. Так была снята проблема анонимки. А мы влились в дружный и тогда многочисленный коллектив создаваемой кафедры истории СССР. И проработали вместе почти тридцать лет.

Елена Викторовна – красавица Леля, так звали ее друзья молодости, родилась в Подмоскowie. Как писала она в своей опубликованной автобиографии⁴, ее детство и юность проходили близ Подольска, в поселке Иванова Гора, что на берегу реки Нара. Подмоскowie было, по определению Елены Викторoвны, ее малой родиной. Много ее родственников проживало в Подмоскowie: Абрамцеве, Дмитрове, Серпухове, близ Домодедово, в Сандырях, на тихой окраине прекрасной Коломны. Школьное обучение прошло в Москве, где отец преподавал в школах литературу и русский язык, а мать заведовала отделом образования на фабрике “Трехгорная мануфактура”. После отличного окончания школы Елена Викторовна предполагала учиться в ИФЛИ, но потом решила на поступление в Московский государственный университет. Выбран был исторический факультет. В этом выборе Елена Викторовна никогда не раскаивалась. Преподавали на истфаке ведущие ученые страны. Ее Учителем с первого курса и на всю жизнь стал Михаил Николаевич Тихомиров, на семинар которого по истории России она пришла на первом курсе и которого потом выбрала в качестве научного руководителя дипломной работы. История средневековой России стала главным предметом изучения всей ее жизни. Елена Викторовна вместе с Вадимом Александровичем Александровым, Александром Николаевичем Мальцевым и Сигурдом Оттовичем

⁴ См.: Чистякова Е.В. Автобиография // Россия XVII века и мир.

Шмидтом стали первыми аспирантами профессора М.Н. Тихомирова. Они составили первую группу “тихомировцев” и были верны памяти своего руководителя всю жизнь. А Елену Викторовну вполне справедливо называли, как это отметил С.О. Шмидт, любимой ученицей Михаила Николаевича⁵. Учитель определил сферу ее научных интересов – классовая борьба в городе середины XVII в.

В годы аспирантуры проявились главные черты исследователя – собранность, четкость, стремление выявить и изучить как можно больше материала, не останавливаясь перед трудностями. А трудности были. И не только в овладении сложными рукописными текстами, но и житейские: Леля ждала своего первенца. Позади были война, студенческое участие в обороне Москвы, когда она строила вместе с другими оборонительные рубежи в Нахабино под Москвой, дежурила во дворах и на крышах домов, тушила зажигалки, сбрасываемые немцами самолетами на жилые дома и на университет. Затем трудилась в эвакуации в Свердловске, куда она попала вместе с МГУ. Учеба в университете совмещалась с работой на авиационном заводе. И все это время Леля ждала своего мужа – Владимира Ароновича Дунаевского, студента МГУ, с которым она расписалась в день начала войны. Она дождалась его, в феврале 1945 г. родила сына Леонида, а через три года – в феврале 1948 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему “Из истории классовой борьбы в русском городе XVII в.: Реформа А.Л. Ордина-Нащокина в Пскове (1665)”. После защиты диссертации Елена Викторовна вместе с сыном поехала в Воронеж, где ее ждал Владимир Аронович, защитивший диссертацию раньше и получивший работу в Воронежском университете. Там проработала до января 1952 г. и приобрела хорошую лекторскую школу, читая весь курс истории СССР, историографию, источниковедение, проводя практику в областном архиве. Эти годы были наполнены преодолением многих препятствий. Воронеж был разрушен в годы войны, шло восстановление народного хозяйства. Отсутствовала учебная литература. Елена Викторовна решала проблему учебников и научной литературы, привозя по возможности книги из Москвы или выписывая их из Исторической библиотеки. Здесь произошло становление педагогической личности, выявились ценные черты преподавателя, для которого неотделимы педагогические и исследовательские интересы. Было

продолжено изучение исторических сюжетов, состоялось начало научно-исследовательской деятельности Елены Викторовны⁶.

В 1950 г. в печати появляются ее первые статьи о России XVII столетия: Воронежском восстании 1648 г., псковском торге в середине XVII в., социально-экономических взглядах А.Л. Ордина-Нащокина. Эти статьи были помещены в “Трудах Воронежского университета” (Воронеж, 1950. Т. 20) и в “Исторических записках” (М., 1950. Т. 34). Свою связь с Воронежским университетом Елена Викторовна не прервет и после отъезда из Воронежа в 1952 году. И когда на основе докторской диссертации была подготовлена монография, то ее издателем стал Воронежский государственный университет. (“Городские восстания в России в первой половине XVII века”. Воронеж, 1975).

С января 1952 г. Елена Викторовна начинает работать в Московском государственном историко-архивном институте на кафедре истории СССР досоветского периода. В своей автобиографии Елена Викторовна справедливо называет Институт той поры прекрасным, с развитой структурой специализированных кафедр и великолепным составом преподавателей. Она органично вошла в коллектив, продолжила свои научные изыскания и получила в 1960-е годы направление в докторантуру. Докторская диссертация “Народные движения в России в середине XVII в. (1635–1649 гг.)” была успешно защищена в 1966 г. В ней впервые в историографии была комплексно освещена история городских восстаний на всей территории России, включая Сибирь. Верхним хронологическим рубежом был 1649 г. – время принятия “Уложения” Алексея Михайловича. Через два года Елена Викторовна получила звание профессора.

Елена Викторовна вместе с И.А. Кудрявцевым, В.Е. Иллерицким и другими коллегами написали учебник для вузов “Историография истории СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской революции”, который выдержал два издания – в 1961 и 1971 гг. Во втором издании перу Елены Викторовны принадлежат две главы: “Историография в XVII веке” и “Дворянская историография первой четверти XVIII века”.

Переход в другой вуз, имевший иную специфику в связи с задачей подготовки высококвалифицированных кадров для стран Азии, Африки и Латинской Америки, означал крутой поворот и в педагогике, и в научных ин-

⁵ Шмидт С.О. Любимая ученица Тихомирова // Там же. С. 5–17.

⁶ О ее работе в Воронеже см. также статью А.М. Дубровского в наст. изд. с. 380–386.

тересах. Елена Викторовна, читая основной курс истории СССР периода феодализма и спецкурсы “История русской культуры”, “Народные движения в России XVII–XVIII вв.”, включилась в разработку ведущей научной проблемы кафедры о контактах и связях России с народами трех континентов. Она взяла курс истории России дореволюционного периода. В автобиографии Елена Викторовна справедливо отмечает, что новый курс “Контакты и связи России с народами трех континентов (Азии, Африки, Латинской Америки)” разрабатывался вместе со студентами. Иностранцы студенты были носителями уникальных культур народов своих стран. Руководимые преподавателем они собирали, переводили, трактовали комплексы источников, отражающие давние связи России с их странами, создавали свои студенческие работы по ранее не разработанным темам: исследование русской периодической печати с целью выявления фактов, отражающих образы стран и народов Азии, Африки, Латинской Америки; выявление и анализ всего комплекса материалов русских научных экспедиций в эти страны; нахождение и анализ откликов в этих странах на сведения о России и русских. Елена Викторовна вышла на разработку проблемы имагологии (от латинского *imago* – образ или его обусловленность). Она дала теоретическую разработку проблемы и обоснование имагологии как направления в научном исследовании. Об этом хорошо написано М.Н. Мосейкиной, продолжившей чтение лекционного курса после Елены Викторовны⁷.

Результаты разработок проблемы связи и контактов стран Азии, Африки и Латинской Америки с Россией нашли отражение в нескольких учебных пособиях и статьях.

Постоянная преданность истории российского средневековья и своему научному руководителю оставалась неизменной. О творчестве Михаила Николаевича Тихомирова ею было опубликовано 17 статей и итоговая работа – “Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965)”. (М., 1987)⁸. И здесь появляется новый аспект. Елена Викторовна пишет о связях Руси с зарубежными славянами в работах академика М.Н. Тихомирова, в “Археологическом ежегоднике” помещает статью “М.Н. Тихомиров и Восток”⁹. В средневековой истории России поднимает темы, связан-

ные с ее научными интересами в имагологии: “Сказания иностранцев о Московском государстве” В.О. Ключевского, «“Вояжная” литература на Руси как исторический источник (по материалам трудов Арсения Суханова, сер. XVII в.)» и др.

Эти научные достижения пришли в результате того, что Елена Викторовна сумела в новых обстоятельствах и в новых условиях найти свое место в интернациональном вузе. Исследовательские труды Елены Викторовны позволяют видеть в ней опытного источниковеда и археографа. В своей главной теме – народные движения – Елена Викторовна дала анализ ценных комплексов исторических источников. Это и разрытые документы по городским восстаниям середины XVII в. в южных городах России, и следственные материалы, выявленные ею в фондах разных “столов” Разрядного приказа, включавшие в себя материалы лагеря противников восставших и распросы и пыточные речи повстанцев, и другие исходившие от них документы (челобитные листы, записи). Синтезируя информацию этих и других, порой отрывочных источников, автор раскрывала ценность всего комплекса, давшего возможность судить о ходе восстаний, идеологии восставших, методов розыска, применяемых царскими сыщиками, центральными и местными властями. Об этом писал один из самых компетентных источниковедов этого периода, В.И. Буганов¹⁰. Изучению источников, их обзору и анализу посвящены многие страницы работ Елены Викторовны.

Археологические аспекты также были присущи ее творчеству. Исследуя историю исторической мысли Средневековья, Елена Викторовна осветила проблему формирования новых принципов исторического повествования на рубеже XVII–XVIII вв. Серия ее работ посвящена была историку XVII в. Андрею Ивановичу Лызлову. В них раскрывались методы исследования историка, характеризовались источники, на которых была основана “Скифская история”. Глубокий анализ произведения, изучение различных сюжетов, связанных со “Скифской историей”, позволили ей осуществить научное редактирование и опубликование этого исторического памятника в 1990 г. В этом издании Еленой Викторовной было написано послесловие, археологическая справка и биография

⁷ Мосейкина М.Н. Научная школа Е.В. Чистяковой в Российском университете дружбы народов // Россия XVII века и мир.

⁸ См.: Чирков С.В. Указ. соч.

⁹ Чистякова Е.В. М.Н. Тихомиров и Восток // АЕ за 1990 год. М., 1992. С. 201–205.

¹⁰ Буганов В.И. Указ. соч.

А.И. Лызлова. Своим послесловием она сопро­водила и публикацию труда С.Ф. Плато­нова “Очерки по истории Смуты в Москов­ском государстве”. Большая работа была проведена Еленой Викторовной по научному редактированию ценного издания “Обзоры научных каталогов памятников материальной и духовной культуры”, к которому она написала введение. Весьма характерно, что Елена Викторовна многие годы (с 1968 г.) яв­лялась членом бюро Археографической ком­иссии.

Помню, как непросто пришло к Елене Ви­кторовне решение взять на себя руководство дипломной работой иностранного студента. Для этого ей нужно было отойти от темати­ки своего российского средневековья, дать актуальную научную тему, представляющую интерес для студента. Первым иностранным дипломником был Рамон Кастильянос из Мек­сики. Свою курсовую работу он писал у меня, взять его на написание диплома я не могла из-за большого наплыва желающих пи­сать по советскому периоду. А студент был хороший, перспективный, показал склон­ность к научной работе. Уговорила я Елену Викторовну. И получилось у них хорошее со­дружество: после окончания Университета, успешно поработав на родине, он приехал вновь в УДН для обучения в аспирантуре и защитил под руководством Елены Викторов­ны кандидатскую диссертацию. Были затем и другие иностранные студенты и аспиранты. Особенно ярким и талантливым запомнился Прабир Наг Чоудхури – художник, писатель. После защиты кандидатской диссертации он опубликовал на родине в Индии книги (на хинди), в одной из которых есть прочувство­ванные слова о нашей кафедре и о его науч­ном руководителе. Его картина “Джавахар­лал Неру”, написанная маслом и подаренная мне как заведующей кафедрой, была переда­на мною в музей РУДН.

Работа с иностранцами, конечно же, име­ла свои особенности и требовала двойных и тройных усилий преподавателя, чтобы обу­чить методике исследования, поиску и изуче­нию историографии вопроса, использованию источников. Работа над архивными материа­лами по ряду причин была для иностранцев затруднена, поэтому особую роль приобрели опубликованные источники. На одной из первых в УДН научно-практических конфе­ренций Елена Викторовна выступила по те­ме: работа студентов над публикациями ис­точников в курсе истории СССР (из опыта работы кафедры истории СССР). Для рабо­ты в иностранной аудитории требовалось лучшее владение иностранным языком. В Москве открылись экспериментальные

курсы иностранных языков по новой системе обучения, мы записались на них и, как сту­денты, стали ежедневно ездить на другой ко­нец Москвы, чтобы приобрести навыки ан­глийского (у нас обеих были прежде познания других языков). В первые годы работы ка­федры истории СССР мы с Еленой Ви­кторовой вдвоем проводили студенческую ис­точниковедческую практику. С утра приходи­ли в Историческую библиотеку и начинали индивидуальную работу с каждым студентом: определяли источники, слушали трактовку о них студента, выбирали сюжеты, которые студенты могли развить в своих итоговых ре­фератах. Здесь мы выясняли необходимость связать практику с темами курсовых работ, что позволяло усилить источниковую основу студенческих работ. А студентам – привить профессиональные навыки уважения к до­кументу.

Как ученый-историк Елена Викторовна активно участвовала в научной обществен­ной жизни. Она выступала с докладами и со­общениями на многих всесоюзных и всерос­сийских конференциях. Была делегатом Ме­ждународных конгрессов исторических наук. Начиная с XIII Московского в 1970 и кончая XVII в Мадриде в 1990 г.

В последние годы работы в РУДН Елена Викторовна захотела перейти на ставку профессора-консультанта. На на­шей кафедре такой ставки прежде не было. В своей беседе со мной она очень за­сомневалась в том, что нам ее дадут. Мое обращение к ректору В.Ф. Станису было успешным, и Елена Викторовна стала на­шим первым профессором-консультан­том. Однако после смены руководства на кафедре и в университете, изменения ву­зовского климата Елена Викторовна ушла в 1998 г. на пенсию. За годы работы в Университете Елена Викторовна подго­товила десятки специалистов для многих стран мира. В ее научной школе – 23 кан­дидата исторических наук, трое из них за­щитили докторские диссертации. За за­слуги в деле изучения и распространения знаний о связях России и православного Востока Палестинское православное об­щество избрало ее своим членом.

Ученики Елены Викторовны, друзья, колле­ги продолжали поддерживать с ней теплые отношения. Верность и любовь к ней нашли отражение в статьях изданного в связи с ее 80-летием сборника “Россия XVII века и мир”.

Мы навсегда сохраним память о ярком ученом и педагоге, близком сердцу милым че­ловеке.

Т.В. Батаева

**РАИЛЬ
ГУМЕРОВИЧ
КУЗЕЕВ
(1929–2005)**

Член-корреспондент РАН (с 1991 г.), академик АН Республики Башкортостан, почетный академик Чувашской Национальной АН, академик Международной Тюркской академии, член Общества востоковедов и Музейного совета РАН, советник РАН, заслуженный деятель науки РСФСР (1979), Башкирской АССР (1969), доктор исторических наук, профессор Р.Г. Кузеев родился 10 января 1929 г. в деревне Аминево Уфимского кантона Башкирской АССР (ныне Чишминский район Республики Башкортостан). Скончался 2 августа 2005 г. в Уфе*.

В 1950 г. он окончил исторический факультет Башкирского государственного пединститута им. К.А. Тимирязева и поступил работать младшим научным сотрудником в Институт языка, литературы и истории им. М. Гафури при Совете Министров БАССР (в 1951 г. Институт вошел в состав только что образованного Башкирского филиала АН СССР). Вскоре молодой, способный и увлеченный юноша Раиль Кузеев направляется в аспирантуру Института этнографии им. Н.М. Миклухо-Маклая АН СССР в Москве.

В ходе своих полевых этнографических исследований, проводившихся им в начале 1950-х годов в юго-восточных районах

Башкортостана, Р.Г. Кузеев собрал огромный материал, ставший основой его кандидатской диссертации (научный руководитель – выдающийся советский этнограф Н.Н. Чебоксаров), защищенной в 1954 г. вместе с досрочным окончанием аспирантуры. Во время учебы в Москве будущий ученый активно работал в архивах, изучал научную литературу, общался с ведущими специалистами страны, совершил экспедицию на Тянь-Шань для сбора этнографических материалов по киргизам, уйгурам и дунганам.

Вернувшись в Институт истории, языка и литературы (ИИЯЛ) Башкирского филиала АН СССР (так теперь стало называться ведущее историческое научное учреждение республики), Р.Г. Кузеев со свойственной ему энергией включился в его работу. В этот ранний период своей деятельности Р.Г. Кузеев интенсивно разрабатывает проблемы средневековой истории башкир. Материалы кандидатской диссертации легли в основу книги “Очерки исторической этнографии башкир” (1957). Шестидесятые–восьмидесятые годы – период активной научно-организационной деятельности Р.Г. Кузеева, руководство им рядом подразделений Института истории, языка и литературы. Одновременно Р.Г. Кузеев яв-

* Некролог см.: Раиль Гумерович Кузеев 1929–2005 // Этнографическое обозрение. 2006. № 1. С. 187–190.

лялся заместителем Председателя Президиума Башкирского филиала АН СССР, держал в поле своего зрения фактически все структуры и службы филиала, много сделал для развития не только гуманитарных, но и естественнонаучных исследований в республике. Долгие годы Р.Г. Кузеев принимал участие в работе органов государственной власти, был профессором Башкирского государственного педагогического института, председателем Башкирских отделений Обществ советско-индийской дружбы, “Знание”, Фонда культуры СССР, Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

В 1976 г. по инициативе Р.Г. Кузеева началось строительство при ИИЯЛ Музея археологии и этнографии – первого учреждения такого рода на Урале и в Поволжье. На базе Музея впоследствии был создан Отдел народов Урала, в 1993 г. ставший самостоятельной структурой Уфимского научного центра Российской академии наук, а в 1999 г. преобразованный в Центр этнологических исследований УНЦ РАН. До 2001 г. его бессменным руководителем был Р.Г. Кузеев. Сегодня в музее хранится свыше 230 тыс. археологических и этнографических экспонатов, отражающих древнюю, средневековую и новую историю и культуру народов северной периферии Евразии, этнические процессы и межкультурное взаимодействие на обширном пространстве Урало-Поволжья.

Фундаментальные труды Р.Г. Кузеева известны далеко за пределами России. Энциклопедические по охвату материала книги ученого “Происхождение башкирского народа” (1974) и “Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю” (1992) относятся к лучшим достижениям отечественной исторической науки по проблемам этногенеза. В последних работах, объединенных в книгу “Демократия. Гражданственность. Этничность” (1999), им затрагивались межнациональные отношения в постсоветской России, перспективы развития нашего общества, судьбы этнической культуры в XXI веке.

Богатейшая история башкирского народа отразилась во множестве исторических сказаний, преданий и легенд, в генеалогических записях (шежере) племен и родов, в эпиграфических памятниках, тамгах. Изучение этих источников было начато в конце XIX в. трудами М.В. Лоссиевского, Р.Г. Игнатъева, Д.Н. Соколова, А.И. Добросмыслова, В.Н. Витевского, Ф.М. Стари-

кова, В.М. Черемшанского и других исследователей истории Южного Урала.

В 1930-е годы силами главным образом ленинградских и московских ученых было начато осуществление большой программы по изданию “Материалов по истории Башкирской АССР” (т. I опубликован в 1936 г., т. III – в 1949 г., т. IV (ч. 1–2) – в 1956 г., т. V – в 1960 г., т. VI “Материалы по истории Башкортостана” – в 2002 г., т. II не опубликован до сих пор).

Еще в 1950-е годы Р.Г. Кузеевым была сформулирована задача введения в научный оборот новых типов источников по истории Башкортостана, в первую очередь по эпохе средневековья. В результате кропотливой работы в 1960 г. Р.Г. Кузеев осуществил выпуск новаторского с точки зрения источникового материала корпуса “Башкирских шежере”, где выступил как составитель, переводчик и автор комментариев. Публикация этой книги, имевшей первостепенное значение для изучения истории не только башкир, но и народов Средней Азии, Казахстана и Восточной Европы стало большим вкладом ученого в отечественную и мировую историографию. “Башкирские шежере” стали обязательной работой для всех исследователей, занимающихся средневековой историей этих регионов. Немало нового для себя почерпнули из этой книги археологи, литературоведы и лингвисты.

Башкирские шежере составлялись преимущественно как родоплеменные генеалогии. Имелись попытки создать кодифицированное общешкирское шежере типа “Родословной туркмен” Абу-л-Гази. Таких шежере найдено у башкир 5 списков. Шежере башкирского племени кыпчак известно в 9 вариантах, шежере табынцев – в 17, минское шежере – в 16, юрматынское – в 4, усерганское – в 8 и т. д. Известны шежере или фрагменты шежере всех западнобашкирских племен, расселившихся по долине р. Б. Ик. Почти не сохранились шежере у северных башкир.

Заслуга Р.Г. Кузеева еще и в том, что он подчеркнул универсальный для тюркско-алтайского мира характер этого источника. Шежере не есть сугубо башкирское явление, – писал он. В известных у башкир формах оно обнаружено почти у всех тюркских народов. Башкирские шежере по сюжетам содержащихся в них сообщений можно подразделить на несколько видов, аналогии которым легко найти в произведениях Рашид ад-Дина, Абу-л-Гази и др. Одни шежере отличаются смешением

исторических или древних хроникальных сведений с библейскими сюжетами, другие – привязкой реальных исторических лиц и событий к чингизидам и к их завоеваниям; третьи – переплетением исторических сведений и эпических сказаний; четвертые – включением в шежере текстов исторических документов, грамот; пятые содержат только генеалогические таблицы. По форме изложения известны шежере в прозе и в стихах.

Выпустив в 1960 г. книгу, Р.Г. Кузеев не прекращал своих занятий “шежерологией” и в последующие годы. Он широко применял результаты источниковедческого анализа этого типа источников в своей докторской диссертации, написанной на ее основе монографии “Происхождение башкирского народа” (1974), в многочисленных статьях. Это позволило Р.Г. Кузееву разработать стройную и научно обоснованную концепцию этногенеза и этнической истории башкир. Позже, в 1990-е годы, ученый выступил с инициативой подготовки нового, гораздо более полного корпуса этих текстов. Дело в том, что после 1960 г. было выявлено несколько новых рукописей, дальнейшее развитие получила методика публикации подобных работ, проявились отдельные “темные места” шежере. Если в 1960 г. для переводов и транслитерации текстов приходилось привлекать лиц, не имеющих соответствующего лингвистического образования, что в ряде случаев привело к неверному пониманию смысла, то теперь Р.Г. Кузеев пригласил к сотрудничеству профессиональных филологов-востоковедов Р.М. Булгакова и М.Х. Надергулова. Это позволило в 2002 г. выпустить новое, текстологически выверенное издание шежере – “Башкирские родословные” (Уфа, 2002. Вып. 1. 480 с.) под редакцией Р.Г. Кузеева.

Изучая шежере, Р.Г. Кузеев пришел к выводу о необходимости создания специальной научно-организационной структуры, которая бы объединила археографов региона и способствовала бы дальнейшему развитию этой отрасли знания. В феврале 1972 г. по инициативе Р.Г. Кузеева в г. Уфе состоялась конференция по археографии, источниковедению и архивоведению, в которой принял участие председатель АК АН СССР профессор С.О. Шмидт. По предложению Отделения истории и Бюро АК АН СССР было принято решение создать Южно-Уральское отделение АК АН СССР. Председателем ЮУО АК АН СССР был избран Р.Г. Кузеев, ученым секретарем

рем – кандидат исторических наук И.М. Гвоздиков. В задачи отделения входила научно-методическая и координирующая деятельность в области специальных и вспомогательных исторических дисциплин в регионе.

После создания ЮУО АК значительно усилилась работа по организации и координации исследований ученых, архивистов, краеведов Южного Урала в области археографии, источниковедения и архивоведения. Организационная и научно-координационная деятельность отделения развевалась на базе Института истории, языка и литературы БФАН СССР (ныне УНЦ РАН), который оказывал ему всемерную помощь и поддержку.

В 1972 г. в Уфе, а в 1975 г. в Оренбурге были проведены археографические конференции ученых Южного Урала, Москвы, Ленинграда, Казани и других городов страны по проблемам истории и филологии Урало-Поволжья. Эти встречи способствовали обмену опытом археографической работы, более четкому определению основных направлений деятельности ЮУО. В 1975 и 1976 гг. были организованы семинары, а в 1979 и 1981 гг. – рабочие совещания по методике проведения археографических экспедиций, полевой и стационарной фиксации находок и полученной во время экспедиций информации, а также организации хранения книг и рукописей. На заседаниях обсуждались итоги и задачи полевых археографических исследований в Урало-Поволжье. С целью повышения научно-методического уровня собрания, учета и хранения документов по истории и истории культуры нового и новейшего времени ЮУО совместно с Архивным управлением при Совете Министров БАССР было проведено специальное совещание, посвященное вопросам комплектования архивов документами личного происхождения. Активным участником и инициатором многих этих мероприятий был Р.Г. Кузеев, который выступил с серией статей теоретического и практического характера по проблемам изучения средневековых источников.

На заседаниях и семинарах Отделения рассматривались также проблемы эпиграфики, информатики, источниковедения, палеографии. Так, в связи с первыми находками памятников тюркской руники или памятников с руноподобными знаками в Башкирии, а также с целью привлечения внимания исследователей и студентов к эпиграфическим источникам в марте

1977 г. в Уфе был проведен семинар по методике изучения тюркской руники. Для участия в семинаре был приглашен профессор А.С. Аманжолов (Алма-Ата), который для научных работников ИИЯЛ, преподавателей вузов и студентов прочитал цикл лекций о генезисе тюркской руники и методике чтения рунических надписей.

ЮО совместно с ИИЯЛ БФАН СССР издало 9 сборников статей¹. Значительная часть их материалов посвящена основным направлениям и методике полевых археографических исследований в регионе, описанию и изучению памятников на урало-поволжском варианте языка “тюрки”.

Заметным событием в историографии Южного Урала стало издание по инициативе ЮО и Р.Г. Кузеева сборника документов “Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии” (Уфа, 1975). В 1982 г. вышла в свет под грифом ИИЯЛ и ЮО монография И.М. Гвоздиковой “Салават Юлаев: исследование документальных источников”. Впоследствии она неоднократно переиздавалась с незначительными дополнениями, была переведена на башкирский язык. Научным редактором книги выступил Р.Г. Кузеев. Башкирское книжное издательство выпустило два сборника, подготовленных сотрудниками ИИЯЛ БФАН СССР по плану ЮО: “Связи братские, интернациональные: документы и материалы об интернациональных связях трудящихся БАССР с трудящимися зарубежных стран” (Уфа, 1980) и “Акмулла. Стихотворения” (Уфа, 1981), в который вошли и неизвестные произведения выдающегося башкирского поэта-просветителя XIX в.

По инициативе и при поддержке ЮО в 1973 г. началась полевая археографическая работа, продолжающаяся до сих пор. Собранная археографами ИИЯЛ коллекция рукописных и старопечатных книг, исторических документов включает более трех тысяч единиц хранения. Самые ранние из них написаны четыре столетия назад. Большинство рукописных книг – это списки и оригиналы литературных сочинений на “тюрки”, фарси, арабском, башкир-

ском, татарском, казахском языках. К ним относятся списки поэмы “Кисса-и Йусуф” Кул Али (XIII в.), дастана “Кисекбаш” (XIII–XIV вв.), произведения поэтов Т. Ялысыгулова (1768–1838), А. Каргалы (1784–1824), Г. Салихова (1794–1867), Ш. Заки (1825–1865), Г. Сокрыя (1826–1889), М. Акмуллы (1831–1895). Отдельную группу составляют рукописи произведений среднеазиатской суфийской литературы: списки “Диване хикмет” поэта Хужаахмета Ясави (1105–1166), “Ахры заман китабы” (“Книга о конце света”) и “Бакырган китабы” (“Книга Бакыргана”) поэта Сулеймана Бакыргани, “Субат эл-гаджизин” (“Утверждение страдания”) поэта-мистика Аллаяра (XVIII в.) и др. Довольно широкое распространение в Башкирии имели произведения классической восточной поэзии, как на языке оригинала, так и в переводе на “тюрки”.

Экспедициями был обнаружен ряд новых башкирских шежере. Удалось также собрать рукописные книги и отдельные записи по истории сел и деревень Башкортостана, подготовленные краеведами на основе документов, преданий, личных наблюдений. Среди экспедиционных находок – записи фольклорных материалов, труды лингвистического (арабские, персидские, тюркские грамматики, словари), этнографического (завещания, народная медицина, обычаи), а также религиозно-философского характера.

Был выпущен ряд каталогов восточных рукописей и старопечатных книг, имеющих в архивах, хранилищах, библиотеках Башкирии.

Собирая документы на бумажной основе, археографы Южного Урала не оставляли без внимания и работу по выявлению, фиксации и изучению эпиграфических памятников. Это, прежде всего, экспедиции ИИЯЛ по собиранию надмогильных надписей и тамг. Самые старые письменные памятники, обнаруженные на территории Башкирии, относятся к XIV в. и представляют собой надгробные камни с высеченными арабскими письменами. Экспедициями накоплен материал,

¹ Южноуральский археографический сборник. Уфа, 1973–1976. Вып. 1–2; Археография и источниковедение истории литературы и языка: вторая Южноуральская археографическая конференция: тезисы докладов и сообщений. Уфа, 1975; Археография Южного Урала. Уфа, 1976; Археография и лингвистическая текстология Южного Урала. Уфа, 1977; Археография и источниковедение истории литературы на Южном Урале. Уфа, 1979; Источники и источниковедение истории и культуры Башкирии. Уфа, 1984; Письменные памятники Башкирии: историко-филологические исследования. Уфа, 1984; Вопросы описания и каталогизации восточных рукописей Южного Урала. Уфа, 1985; и др.

включающий более 3 тыс. тамг различного происхождения и руноподобных знаков. Р.Г. Кузеевым проводилась большая работа по выявлению, систематизации и анализу этого уникального типа исторических источников для изучения этнической и социально-экономической истории тюркских народов. Как всегда, ученый рассматривал эту проблему на широком фоне истории Евразии. Им была задумана масштабная академическая публикация корпуса башкирских тамг. К сожалению, тяжелая болезнь и кончина Р.Г. Кузеева не позволили осуществиться этим замыслам.

В 2001 г. в Уфе состоялась межрегиональная научно-практическая конферен-

ция, посвященная 80-летию архивной службы Башкортостана и 30-летию ЮУО АК РАН. Материалы этой и последующих пяти конференций, которые проводятся Башкирским республиканским отделением РОИА, включены в сборники "Археография Южного Урала" (Уфа, 2001–2006 гг.). Опыт, накопленный Южно-Уральским отделением АК РАН под руководством Р.Г. Кузеева, продолжает новое поколение исследователей, а научное наследие выдающегося ученого и организатора науки² – в фундаменте современных исторических знаний и музейного дела Башкортостана.

И.М. Гвоздикова, И.В. Кучумов

---

² См.: Кузеев Раиль Гумерович: Библиогр. указатель. Уфа, 2006.

**ВЛАДИМИР
КОНСТАНТИНОВИЧ
ВОЛКОВ
(1930–2005)**

Историческая наука понесла тяжелую утрату. 6 ноября 2005 г. трагически погиб (был сбит машиной) Владимир Константинович Волков, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, в 1987–2004 гг. – директор Института славяноведения РАН. Владимир Константинович родился 15 декабря 1930 г. в г. Воронеже в семье служащих. В 1954 г. он окончил исторический факультет МГУ. С 1956 г. и до конца жизни работал в Институте славяноведения АН СССР (РАН), где в 1963 г. защитил кандидатскую, а в 1979 г. докторскую диссертации. Главной темой его исследований были взаимоотношения балканских государств и Германии в XIX–XX вв., преимущественно в периоды до и после Второй мировой войны. В.К. внес крупный вклад в изучение узловых проблем новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Его заслуги в разработке этих вопросов были широко признаны как в нашей стране, так и за рубежом¹. В.К. выступал с докладами на многих международных форумах, с лек-

циями в зарубежных университетах, неустанно работал в архивах многих стран, всячески способствовал развитию международного сотрудничества ученых. В последние годы он являлся сопредседателем (с российской стороны) Российско-польской комиссии историков.

На посту директора Института славяноведения В.К. проявил замечательное понимание задач комплексного изучения различных сторон социально-экономического, политического и культурного развития славянских и других европейских государств, их взаимоотношений между собой. Он уделял большое внимание проблемам истории связей России со странами Восточной и Юго-Восточной Европы. Будучи специалистом по новейшей истории, В.К. отличался широким научным кругозором и создавал благоприятные условия для деятельности всех подразделений Института, занимающихся как новой и новейшей, так и средневековой историей Европы. Он высоко ценил и стремился сохранить уникальную специфику Института славянове-

¹ См. об этом в некрологах: Памяти Владимира Константиновича Волкова (1930–2005) // Славяноведение. 2005. № 6. С. 121–123 (подп.: Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редакция журнала “Славяноведение”); перепечатан в кн.: Славянский мир: Проблемы истории и современность: (Памяти Владимира Константиновича Волкова). М., 2006. С. 4–9. (см. также: От дирекции Института славяноведения РАН и редакции журнала “Славяноведение” // Славяноведение. 2006. № 1. С. 127); Памяти Владимира Константиновича Волкова // НиНИ. 2006. № 1. С. 253–255; Voráček E. Vladimír Konstantinovič Volkov (1930–2005) // Slovanský přehled. Praha. 2006. № 1. S. 130–133.

дения, в котором исторические исследования сочетаются с филологическими. Опиравшийся в своих научных трудах прежде всего на архивную документацию, В.К. содействовал развитию специальных историко-филологических дисциплин, совершенствованию методики археографии и архивоведения.

Археографическая комиссия потеряла в его лице друга и опору. В.К. отлично сознавал важность археографии – и не только энциклопедической, но и полевой, описательной, поддерживал наши издательские планы, помогал Комиссии сохранять опытных, преданных делу сотрудников, решать вопросы комплектования ее кадров. Он был членом Бюро Комиссии как научно-проблемного совета по археографии, архивоведению и смежным историко-филологических дисциплинам. На Тихомировских чтениях 1996 года, посвященных 40-летию Комиссии, В.К. отметил, что все 40 лет сотрудничества Института с Комиссией были

чрезвычайно плодотворны и что М.Н. Тихомиров не ошибся, доверив свое “детище” существовавшему тогда только 10 лет Институту.

В.К. обладал истинно мужским характером, смелостью и решительностью. Свое доброе отношение он воплощал в конкретных действиях. В.К. имел свой ясный взгляд на те проблемы научного и научно-организационного характера, которые вставали перед ним как директором академического института. Его исключительная добропорядочность, открытость и природная доброжелательность по отношению к людям снискали ему любовь и уважение сотрудников руководимого им учреждения. Благодарная память о Владимире Константиновиче Волкове, прекрасном человеке, выдающемся ученом и организаторе науки, навсегда сохранится в сердцах его друзей и коллег.

С.М. Каишанов, С.О. Шмидт

---

12 сентября 2006 г., в период подготовки Ежегодника к изданию, на 59-м году жизни скоропостижно скончалась ведущий редактор редакции “Наука–история” издательства “Наука” Людмила Максимовна Кузнецова. В течение пятнадцати лет она была бессменным редактором “Археографических ежегодников”. Это невосполнимая утрата не только для ее родных и близких, коллег по издательскому цеху, но и для Археографической комиссии РАН.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВН	– Академия военных наук
АВПРИ	– Архив внешней политики Российской империи
АЕ	– "Археографический ежегодник"
АК	– Археографическая комиссия
АРАН	– Архив РАН
БАН	– Библиотека АН СССР (РАН)
БСЭ	– "Большая советская энциклопедия"
ВА	– "Вестник архивиста"
ВАН	– "Вестник АН СССР"
ВВ	– "Византийский временник"
ВГБИЛ	– Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы
ВГУ	– Воронежский государственный университет
ВИ	– "Вопросы истории"
ВИД	– "Вспомогательные исторические дисциплины"
ВИ КПСС	– "Вопросы истории КПСС"
ВИЕТ	– "Вопросы истории естествознания и техники"
ВНИИДАД	– Всесоюзный научно-исследовательский институт документо-ведения и архивного дела
ВОКС	– Всесоюзное общество культурной связи с заграницей
ВООПИК	– Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВСНХ	– Высший совет народного хозяйства
ВФ	– "Вопросы философии"
ГАРО	– Государственный архив Рязанской области
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГИКМЗ	– Государственный историко-культурный музей-заповедник "Московский Кремль"
ГИМ	– Государственный Исторический музей
ГМИИ	– Государственный музей истории искусств им. А.С. Пушкина
ГПНТБ	– Государственная публичная научно-техническая библиотека
ГТГ	– Государственная Третьяковская галерея
ДВГУ	– Дальневосточный государственный университет
ЖМНП	– "Журнал Министерства народного просвещения"
ИА	– "Исторический архив"
ИАИ	– Историко-архивный институт
ИАИ РГУ	– Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета
ИГПИ	– Ивановский государственный педагогический институт
ИвГУ	– Ивановский государственный университет
ИЖ	– "Исторический журнал"
ИЗ	– "Исторические записки"
ИИ АН СССР	– Институт истории АН СССР
ИИ СО РАН	– Институт истории СО РАН
ИИЕТ РАН	– Институт истории естествознания и техники РАН
ИИФиФ СО АН	– Институт истории, филологии и философии СО АН
ИМЛ	– Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
ИМЛИ	– Институт мировой литературы РАН
ИМЭЛ	– Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК КПСС
ИНИОН	– Институт научной информации по общественным наукам РАН

ИОРЯС	–	"Известия Отделения русского языка и словесности АН"
ИПБ	–	Императорская Публичная библиотека
ИРИ РАН	–	Институт российской истории РАН
ИРЛИ	–	Институт русской литературы АН СССР
ИРЯ РАН	–	Институт русского языка РАН
ИСССР	–	"История СССР"
ИФЛ СО РАН	–	Институт филологии СО РАН
ИФЛИ	–	с.м. МИФЛИ
ИФПР СО РАН	–	Институт философии и права СО РАН
ИЭА	–	Институт этнологии и антропологии РАН
КП	–	"Комсомольская правда"
КСИИМК	–	"Краткие сообщения Института истории материальной культуры"
ЛГПИ	–	Ленинградский государственный педагогический институт
ЛГУ	–	Ленинградский государственный университет
ЛЗАК	–	"Летопись занятий Археографической комиссии"
ЛОИИ	–	Ленинградское отделение Института истории СССР
МАКИД	–	Московский архив Коллегии иностранных дел
МАМЮ	–	Московский архив Министерства юстиции
МГИАИ	–	Московский государственный историко-архивный институт
МГПИ	–	Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина
МГУ	–	Московский государственный университет
МИФЛИ	–	Московский институт философии, литературы и истории
МОИДР	–	с.м. ОИДР
МПУ	–	Московский педагогический государственный университет
МХАТ	–	Московский художественный академический театр
НГУ	–	Новосибирский государственный университет
НиНИ	–	"Новая и новейшая история"
НИОР РГБ	–	Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ
НСА	–	Научно-справочный аппарат
ОА	–	"Отечественные архивы"
ОГПУ	–	Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР
ОДиБ	–	"Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ"
ОИ	–	"Отечественная история"
ОИДР	–	Общество истории и древностей российских при Московском университете
ОПИ ГИМ	–	Отдел письменных источников ГИМ
ОР БАН	–	Отдел рукописной и редкой книги БАН
ОР ГБЛ	–	Отдел рукописей ГБЛ
ОР ГИМ	–	Отдел рукописей и старопечатных книг ГИМ
ОР РНБ	–	Отдел рукописей РНБ
ОРЯС	–	Отделение русского языка и словесности АН
ПА ИИП ЦК	–	Партийный архив Института истории партии ЦК КП Белоруссии
КП Белоруссии	–	
ПСЗ	–	"Полное собрание законов Российской империи"
ПСРЛ	–	"Полное собрание русских летописей"
ПСТГУ	–	Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
РАН	–	Российская академия наук
РАНИОН	–	Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РАО	–	Российская академия образования
РБС	–	Российский биографический словарь
РГАДА	–	Российский государственный архив древних актов
РГАКФД	–	Российский государственный архив кинофотодокументов
РГАЛИ	–	Российский государственный архив литературы и искусства
РГАНИ	–	Российский государственный архив новейшего времени

РГАНТД	–	Российский государственный архив научно-технической документации
РГАСПИ	–	Российский государственный архив социально-политической истории
РГАФД	–	Российский государственный архив фонодокументов
РГАЭ	–	Российский государственный архив экономики
РГБ	–	Российская государственная библиотека
РГВА	–	Российский государственный военный архив
РГГУ	–	Российский государственный гуманитарный университет
РГИА	–	Российский государственный исторический архив
РГНФ	–	Российский гуманитарный научный фонд
РГУ	–	Ростовский государственный университет
РНБ	–	Российская национальная библиотека
РОИА	–	Российское общество историков-архивистов
РУДН	–	Российский государственный университет дружбы народов
СА	–	"Советские архивы"
СГУ	–	Саратовский государственный университет
СО РАН	–	Сибирское отделение РАН
СПбГУ	–	Санкт-Петербургский государственный университет
СПб ИИ РАН	–	Санкт-Петербургский институт истории РАН
СПб ФА РАН	–	Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
ТМГИАИ	–	"Труды Московского государственного историко-архивного института"
УНЦ РАН	–	Уфимский научный центр РАН
УрГУ	–	Уральский государственный университет
ЦАМО	–	Центральный архив Министерства обороны РФ
ЦАОДМ	–	Центральный архив общественных движений г. Москвы
ЦАОПИМ	–	Центральный архив общественно-политической истории г. Москвы
ЦА ФСБ	–	Центральный архив Федеральной службы безопасности
ЦГА РСФСР	–	Центральный государственный архив РСФСР
ЦГАДА	–	Центральный государственный архив древних актов
ЦГАЛИ	–	Центральный государственный архив литературы и искусства СССР
ЦГАМ	–	Центральный государственный архив г. Москвы
ЦГА КФФД	–	Центральный государственный архив кинофотофонодокументов
ЦГАНХ СССР	–	Центральный государственный архив народного хозяйства СССР
ЦГАОР СССР	–	Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР
ЦГИА	–	Центральный государственный исторический архив
ЦЕКУБУ	–	Центральная комиссия по улучшению быта ученых при СНК РСФСР
ЦИАМ	–	Центральный исторический архив г. Москвы
ЦМАМ	–	Центральный муниципальный архив г. Москвы
ЦМ ВОВ	–	Центральный музей Великой Отечественной войны
ЦМР СССР	–	Центральный музей революции СССР
ЦСДФ	–	Центральная студия документальных фильмов
ЧОИДР	–	"Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете"
ЮУО АК	–	Южно-уральское отделение Археографической комиссии РАН
ВА	–	Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Rare Book and Manuscript Library. Butler Library. Columbia University in the City of New York (USA)

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и сообщения

К 60-летию Победы в Великой Отечественной войне

Тихомировские чтения 2005 года

<i>С.О. Шмидт.</i> Темы “История Великой Отечественной войны” и “Историки в Великой Отечественной войне” на страницах Археографических ежегодников	3
<i>М.М. Горинов.</i> Новые издания Главного архивного управления города Москвы по истории Великой Отечественной войны	9
<i>И.В. Поздеева</i> “...Завещано друзьям” (К двадцатилетию выставки “Книга сражается. 1941–1945 гг.”)	15
<i>В.П. Богданов.</i> Архив Комнаты боевой и трудовой славы исторического факультета Московского государственного университета	42
<i>В.Ч. Хроника</i> заседания	55
. * * *	
<i>М.Ф. Шумейко</i> (Беларусь, Минск). Публикация документов по истории Великой Отечественной войны в Белоруссии (1947–2004)	56
<i>В.Е. Туманов.</i> Школьное краеведение и пополнение источниковой базы по истории Великой Отечественной войны	72
<i>В.А. Муравьев.</i> Безымянные герои войны (О книгах С.И. Садовникова)	87
<i>И.П. Голямина.</i> О письмах с войны учеников одной московской школы	92
<i>Н.П. Копанева</i> (Санкт-Петербург). “Впечатления на моем малом радиусе: Дневники Г.А. Князева 1941–1945 гг.	106
<i>Александр Ильич Копанев:</i> Письма 1940–1945 гг. (подгот. <i>А.Н. Копанева</i> (Санкт-Петербург))	112
<i>С.С. Батурина</i> (Украина, Киев). Археографическая деятельность Ф.П. Шевченко в Комиссии по истории Отечественной войны при АН УССР	121
<i>Т.Ю. Красовицкая.</i> Историк советской культуры – гвардии капитан Людмила Зак	124
<i>Д.А. Ястржембский.</i> Л.А. Ястржембский как участник Великой Отечественной войны и историк Москвы (По материалам личного архива)	137
<i>Н.А. Ивницкий.</i> Студенты-фронтовики первых послевоенных наборов МГИАИ (1945–1946 гг.)	146
<i>Ю.Н. Амиантов.</i> В.Н. Степанов – архивист и археограф	156
<i>А.С. Покровский.</i> Судьба историка (Памяти Ю.У. Томашевича. 1925–1993)	160
К 80-летию В.П. Данилова: От редактора; <i>Севостьянов Г.Н.</i> Рекомендация присуждения медали имени С.М. Соловьева доктору исторических наук, профессору	

В.П. Данилову – главному научному сотруднику ИРИ РАН; Берелович А. (Франция, Париж). Последний из великой школы российских аграриев	171
Из архива К.Н. Тарновского (подгот. С.О. Шмидт)	179
Из писем историков А.И. Юхты (подгот. Е.В. Косырева)	183
Е.О. Ягодкина. Документы Ирины Михайловны и Михаила Тимофеевича Белявских в архиве Комнаты боевой и трудовой славы исторического факультета МГУ	205

* * *

С.О. Шмидт. Архив Российской академии наук и развитие архивоведения: прошлое, настоящее, будущее	222
М.Ю. Любимова (Санкт-Петербург). Отдел рукописей Российской национальной библиотеки: Век нынешний и век грядущий	230
В.М. Магидов. Технотронные документы в образовательном и научном пространстве (Факультету технотронных архивов и документов Историко-архивного института РГГУ 10 лет)	240
Л.В. Кошман. Многотомный проект исторического факультета МГУ “Очерки русской культуры”. Историографическая традиция. Концепция. Источники	260

* * *

М.Ю. Зенченко. Каталог писцовых книг Русского государства XVI–XVII веков: проблемы и решения	268
А.Н. Бачинин. Еще о раннем бытовании термина “источниковедение” в России	279
В.Г. Бухерт. Павловские курсы (1899–1907 гг.)	281
М.Г. Николаев. Источники по истории подготовки правительственного Постановления 15 марта 1948 г. о строительстве нового здания МГУ	291
Б.Н. Казанцев. Опальная хрестоматия латиниста С.И. Соболевского	310
А.М. Дубровский (Брянск). С.В. Бахрушин – преподаватель Московского университета	314
А.М. Пашков (Петрозаводск). Елена Ивановна Каменцева как человек и ученый	330
Е.Н. Швейковская. Наталья Александровна Горская: служение истории и людям	336
А.Л. Лифшиц. К 85-летию О.А. Князевской (Заметки ученика)	360

К 40-летию со дня кончины М.Н. Тихомирова

Статья М.Н. Тихомирова 1934 г. “Документы о Псково-Новгородском восстании 1650 года” (подгот. С.О. Шмидт)	365
“Честный спутник и сердечный друг” (М.Н. Тихомиров в Самаре) (подгот. В.В. Крылов, предисл. С.О. Шмидта)	374
А.М. Дубровский (Брянск). М.Н. Тихомиров и Е.В. Чистякова: письма Учителю	380

<i>А.М. Завальнюк</i> (Украина, Каменец-Подольский), <i>В.С. Прокопчук</i> (Украина, Каменец-Подольский). Академик М.Н. Тихомиров и дискуссия о времени основания Каменца-Подольского	387
<i>В.А. Печенкина</i> (Владивосток). Книги с автографами из библиотеки академика М.Н. Тихомирова, подаренной Дальневосточному государственному университету	391

II. Обзоры, описания, библиография

<i>А.И. Раздорский</i> (Санкт-Петербург). Таможенные книги Европейской России XVIII в. в фондах РГАДА (Количественная, хронологическая и географическая характеристика)	394
<i>Е.Р. Курапова</i> . Академик М.В. Нечкина и исторический факультет МГУ (Краткий обзор по материалам личного фонда в Архиве РАН)	463
<i>И.С. Бельшиев</i> (Иваново), <i>И.Я. Биск</i> (Иваново). Преследование и гибель историка Н.И. Разумовской. 1949 г.	473
Список печатных трудов Н.А. Горской (сост. <i>А.А. Горский</i>)	488

III. Публикации

Дневниковые записи М.С. Корелина о П.Н. Милюкове (подгот. <i>А.В. Макушин</i> (Воронеж), <i>П.А. Трибунский</i> (Рязань))	494
Докладная записка Г.Г. Шпета об организации Кабинета этнической и социальной психологии в МГУ. 1920 г. (подгот. <i>В.Г. Бухерт</i>)	512
Записка Е.В. Тарле «О “завещании” Петра I» (подгот. <i>В.Г. Бухерт</i>)	513
Статья Е.К. Бетгера 1944 г. о заметках Евгения Болховитинова на книге Н.И. Новикова “Опыт исторического словаря о российских писателях” (подгот. <i>С.Н. Маторина</i> ; предисл. <i>С.О. Шмидта</i>).....	515
Устные мемуары Светланы Николаевны и Николая Николаевича Покровских. (К 75-летию академика Н.Н. Покровского)	534

IV. Хроника

<i>В.Ч.</i> Деятельность Археографической комиссии в 2005 году	552
Новые издания Археографической комиссии в 2005 году	553
<i>Б.М.</i> Юбилей сибирских археографов	554
<i>М.В. Мокрова</i> . Научная конференция “Академик Г.-Ф. Миллер – ученый-энциклопедист (К 300-летию со дня рождения)”	555
<i>Ю.В. Кривошеев</i> (Санкт-Петербург), <i>Р.А. Соколов</i> (Санкт-Петербург). “Петербургские университетские чтения” памяти профессора И.М. Гревса	556
<i>М.С. Крутова</i> . Научная конференция, посвященная 85-летию со дня рождения Л.П. Жуковской	558
<i>Н.С. Гурьянова</i> (Новосибирск), <i>Л.В. Титова</i> (Новосибирск). 75-летие академика Н.Н. Покровского	563
	595

<i>А.Г. Смирнова. В.Ф. Козлов – историк-краевед, педагог, издатель (К 50-летию со дня рождения) .....</i>	<i>566</i>
<i>О.Г. Ласунский (Воронеж). Заседание, посвященное юбилею А.Н. Акиньшина .....</i>	<i>569</i>
<i>С.О. Шмидт. Вячеслав Викторович Крылов (1940–2005) .....</i>	<i>571</i>
Т.В. Батаева . Памяти Елены Викторовны Чистяковой (1921–2005)	<i>577</i>
<i>И.М. Гвоздикова (Уфа), И.В. Кучумов (Уфа). Раиль Гумерович Кузеев (1929–2005) .....</i>	<i>582</i>
<i>С.М. Каиштанов, С.О. Шмидт. Владимир Константинович Волков (1930–2005) .....</i>	<i>587</i>
<i>Список сокращений .....</i>	<i>590</i>

Научное издание

**АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК
за 2005 год**

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института славяноведения
Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *М.М. Леренман*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *Т.В. Жмелькова*
Корректоры *Р.В. Молоканова, Т.И. Шеповалова*

Подписано к печати 22.06.2007. Формат 70 × 100¹/₁₆
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 48,8. Усл.кр.-отг. 48,8. Уч.-изд.л. 53,0
Тип. зак. 4484

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

**АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА" РАН**

Магазины "Книга-почтой"

- 121099 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52 Сайт: www.LitRAS.ru E-mail:
info@litras.ru
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7 "Б"; (код 812) 235-40-64
ak@akbook.ru

**Магазины "Академкнига" с указанием букинистических отделов
и "Книга-почтой"**

- 690002 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга-почтой");
(код 4232) 45-27-91 antoli@mail.ru
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга-почтой");
(код 343) 350-10-03 kniga@sky.ru
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга-почтой"); (код 3952) 42-96-20
aknir@irlan.ru
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
akademkniga@krasmail.ru
220012 Минск, просп. Независимости, 72; (код 10375-17) 292-00-52, 292-46-52,
292-50-43 www.akademkniga.by
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00 akadkniga@nm.ru;
(Бук. отдел 125-30-38)
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; 932-74-79
127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 621-55-96 (Бук. отдел)
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90; 334-72-98 akademkniga@paukaran.ru
105062 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8 строение 4; 624-72-19 (Бук. отдел)
630091 Новосибирск, Красный проспект, 51; (код 383) 221-15-60
akademkniga@mail.ru
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга-почтой");
(код 383) 330-09-22 akdmn2@mail.nsk.ru
142290 Пушкино Московской обл., МКР "В", 1 ("Книга-почтой");
(код 49677) 3-38-80
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57; (код 812) 272-36-65
ak@akbook.ru (Бук. отдел)
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16;
(код 812) 323-34-62 (Бук. отдел)
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18;
(код 3822) 51-60-36 akademkniga@mail.tomsknet.ru
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга-почтой"); (код 3472) 23-47-62,
23-47-74 akademkniga@ufacom.ru
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 72-91-85 (Бук. отдел)

Коммерческий отдел, г. Москва

Телефон для оптовых покупателей: 241-03-09

Сайт: www.LitRAS.ru

E-mail: info@litras.ru

zakaz@litras.ru

Склад, телефон 291-58-87

Факс 241-02-77

---

*По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (495) 334-98-59
E-mail: [initsiat @ naukaran.ru](mailto:initsiat@naukaran.ru)
www.naukaran.ru*

ISBN 978-5-02-035033-5

9 785020 350335

АРХЕОГРА-
ФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

2005

- не смог участвовать Г.С. Петров, который за свою публицистическую деятельность в феврале 1907 г. был сослан в Черемненский Иоанно-Богословский монастырь (Лугский у. С.-Петербургской губ.)⁹¹, а в 1908 г. лишен сана, ему пришлось искать замену в лице К.М. Алтева⁹².
- 27 марта 1908 г. в Мраморном дворце под председательством Константина Константиновича состоялось заседание профессоров, на котором была выработана программа предстоящих курсов⁹³. С.Ф. Платонов намечевался прочесть лекции по истории Киевской Руси, Н.К. Кульман – о Л.Н. Толстом, Э.Л. Раглов – о философе В.С. Соловьеве, предполагалось участие Н.М. Каринского, А.Х. Гольмстена⁹⁴ (он должен был выступить на курсах 1907 г., но не смог по болезни), а также В.Г. Яроцкого⁹⁵, И.П. Павлова, А.А. Яковина, А.А. Иванова, В.М. Шимкевича и др. Курсы 1908 г. не состоялись, и о причине этого в журнале “Русский начальный учитель” ничего не сообщалось. Предполагалось, что курсы все же удастся организовать в будущшем году, однако в февральском номере “Русского начального учителя” за 1909 г. было помещено следующее объяснение: “Так как нельзя быть уверенным в беззапасности осенью 1909 г. Петербурга и его окрестностей относительного холеры, то курсы в наступающем году в г. Павловске не будут”⁹⁶.
- Едва ли не главной причиной прекращения Павловских курсов была утрата к ним прежнего интереса со стороны великого князя Константина Константиновича. Участием в курсах Г.С. Петрова великий князь особенно дорожил, а его связь, конфликт с церковными властями не могли не отражаться косвенным образом на репутации курсов и усиливали уже имевшиеся у великого князя опасения, что курсы в его дворце могут быть использованы для выражения политических настроений. К тому же у великого князя появились интерес к культурно-просветительской деятельности иного рода, что и выразилось в устройстве в Павловском дворце пяти литературно-музыкальных вечеров, в которых участвовали и С.Ф. Платонов. Первые вечера состоялись 18 октября 1908 г. Он открылся выступлением П.Л. Васенко⁹⁷, посвященном “Сюжетам Ирогеве”, перед детьми великого князя. “Всем очень понравилась теплая, искренняя полуэпическая лекция Васенки”⁹⁸, – писал Константин Константинович и отмечал, что среди гостей был и “недавно приехавший из Тврска милый спутник в поездке по Волге старичок Иван Александрович [сандр[ович] Иванов”⁹⁹. Далее великий князь писал: “В 9 все были в сборе, и мы пошли к гостям и заполнили с ними Трещескую залу, освещенную одними свечами. Чтения начал Кульман с послания Владимира Мономаха. Петров
- ⁹¹ Руманов А.В. Священник Г.С. Петров, член Государственной Думы. М., 1907. С. 17.
- ⁹² Алтев Константин Маркович (1868–1921) – священник, богослов, профессор Историко-филологических наук в Киевском университете (1896–1917), председатель Тверской ученой архивной комиссии (1899–1918).
- ⁹³ Там же. Л. 79. Иванова Иван Александрович (1850–1927) – историк, краевед, управляющий Тврской казенной палатой (1896–1917), председатель Тврской ученой архивной комиссии (1899–1918).
- ⁹⁴ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 60. Л. 79.
- ⁹⁵ Васенко Платон Григорьевич (1874–?) – историк, преподаватель женского Педагогического института (1910–1918), профессор Историко-филологического института (1915–1917).
- ⁹⁶ Русский начальный учитель. 1909. № 2. С. 73.
- ⁹⁷ (с 1863 г.).
- ⁹⁸ Яроцкий Василий Лаврилович (1855–1917) – экономист, профессор Александровского лицеябургского университета (с 1889 г.).
- ⁹⁹ Гольмстен Адольф Христианович (1848–1920) – юрист, профессор (в 1899–1903 гг. ректор) Петербургского университета (с 1899–1903 гг. директор) Петербургского университета (с 1889 г.).
- ⁹⁹ Там же. № 4. С. 123–124.
- ⁹³ О чтении для народных учителей и учительниц в Павловском дворце // Русский начальный учительских и юридических курсов Н.П. Раева (1906–1915).